ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ

РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ И КУЛЬТУРЫ
В ЕРЕВАНЕ

РУСИСТИКА В XXI ВЕКЕ: ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СБОРНИК СТАТЕЙ
24-25 ОКТЯБРЯ 2019 г.

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆԸ XXI ԴԱՐՈՒՄ. ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՄԻՏՈՒՄՆԵՐԸ ԵՎ ՈՒՂՂՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎ
ՀՈԴՎԱԾՆԵՐԻ ԺՈՂՈՎԱԾՈՒ
ՀՈԿՏԵՄԲԵՐԻ 24-25, 2019 թ.

Ереван
Издательство ЕГУ
2019

УДК 811.161.1:821.161.1.0:06
ББК 81.2Рус+83.3(2Рус)
Р 885

Рекомендовано к печати
Ученым советом
факультета русской филологии ЕГУ

Международная конференция
«Русистика в XXI веке:
тенденции и направления развития»

Редакционная коллегия:
Балаян П.Б.
Акопян Л.Г.
Брутян Л.Г.
Лалаян С.А.
Ходжумян Б.С.

Р 885 Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития. Международная научная конференция. Сборник статей. Изд.-во ЕГУ, 2019 г. – 712с.

В настоящем сборнике представлены статьи участников международной конференции «Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития», в которых освещаются проблемы русского языкознания, сопоставительно-типологического изучения языков, истории и теории русской литературы, поэтики, традиции и инновации в преподавании русского языка и многие другие. Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 811.161.1:821.161.1.0:06
ББК 81.2Рус+83.3(2Рус)

ISBN 978-5-8084-2392-3

© Изд.-во ЕГУ, 2019г.
© РЦНК, 2019г.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
100-ЛЕТИЮ
ЕРЕВАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА И
80-ЛЕТИЮ РУСИСТИКИ В АРМЕНИИ

ՆՎԻՐՎՈՒՄ Է
ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ
100-ԱՄՅԱԿԻՆ
ԵՎ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ
ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ 80-ԱՄՅԱԿԻՆ

ЭЛЕКТИВНОСТЬ ПРИСТАВОК В АСПЕКТЕ ДИСТРИБУТИВНО-ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ГРАММАТИКИ

Ф.И. АБДУРАХМАНОВ
Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан
Fahro@mail.ru

Ключевые слова: *семантика, приставка, дистрибуция, трансформация, схема, семантический класс, глаголы, значение, инвариант.*

В статье рассматривается семантика приставок, которая зависит от семантики глагола. Семантическое толкование состоит из последовательности семантических представлений для класса действий и класса предметов, фиксированных управлением глаголов. Можно предположить, что в составе семантического толкования дистрибутивно-трансформационной схемы и реляция между фреймамии минимального толкования определяет падежное значение каждого из актантов.

FAHRIDDIN ABDURAHMANOV – Electiveness of prefixes in th e aspect of distributive transformational grammar

Key words: *semantics, prefix, distribution, transformation, scheme, semantic class, verbs, meaning, invariant.*

The article deals with the semantics of prefixes, which depends on the semantics of the verb. Semantic interpretation consists of a sequence of semantic representations for a class of actions and a class of objects, fixed by the control of verbs. It can be assumed that, as part of the semantic interpretation of the distributional-transformational scheme and the relation between the minimal interpretation framemamias, determines the case value of each of the actants.

Семантика приставок при их возможном выборе зависит от семантики глаголов. Зависимость приставок от дистрибутивно-трансформационной схемы демонстрируется на примере приставки -под-. Она употребляется в следующих семантических классах глаголов, однозначно маркируемых дистрибутивно-трансформационной схемой:

а) глаголы со значением «лицо восстанавливает другое лицо или группу лиц против кого-либо»:

Рабочие подговорили товарищей против бригадира.

$C^1_{\text{од им}} + \Gamma + C^2_{\text{од в}} + \text{против } C^3_{\text{од р}}$

Опора на тематический класс глагола и его дистрибутивную схему выявляет семантический инвариант множества приставок у глаголов, относящихся к данной дистрибутивной схеме.

Так, глаголы типа восстановить содержат также приставки воз-/ возбудить/, на-/ направить/, о-/ополчить/, вос-/восстановить/.

б) глаголы со значением «удаления предмета с поверхности другого предмета»:

Мальчик поднял монету с полу.

$C^1_{\text{од им}} + \Gamma + C^2_{\text{в}} + \text{с } C^3_{\text{р}}$

Глаголы с этим значением включают также приставки: вы-/вытереть/, до-/долизать/, на-/набить/, об-/обмести/, обо-/оборвать/, о-/оскрести/, от-/отвинтить/, с-/сбить/, со-/сорвать/, у-/убрать/.

в) глаголы со значением отчуждения:

I подкласс со значением «присвоить чужое»:

Вор подтибрил деньги у пассажиров.

$C^1_{\text{од им}} + \Gamma + C^2_{\text{в}} + \text{у } C^3_{\text{од р}}$

II подкласс со значением «взять во временное пользование»:

Я подзанял деньги у соседа.

$C^1_{\text{од им}} + \Gamma + C^2_{\text{в}} + \text{у } C^3_{\text{од р}}$

Глаголы со значением «взять /присвоить/ у кого-либо /чужое/ во временное пользование» содержат такие приставки:

I подкласс: вы-/выкрасть/, за-/заграбить/, на-/наворовать/, от-/отбить/, ото-/отобрать/, пере-/перебить/, по-/поворовать/, рас-/раскрасить/, с-/свести/, у-/увести/;

II подкласс: вы-/выхватить/, до-/добрать/, на-/назанимать/, от-/отбить/, ис-/истребовать/, по-/позаимствовать/, при-/приарендовать/, при-/призанять/, рас-/растащить/, с-/сдать/, у-/увезти/;

г) глаголы со значением «лицо дает предмет другому лицу или предмету»:

Мальчик подрисовал усы знакомому на фотокарточке.

$С^1_{од\ им} + Г + С^2_{в} + С^3_{од\ р}$

Глаголы типа дать содержат также приставки в-/ввести/, воз-/возместить/, вы-/выговорить/, за-/завоевать/, на-/надарить/, недо-/недовесить/, о-/оплатить/, от-/отгрузить/, пере-/передать/, по-/подарить/, пред-/предначертать/, пре-/препоручить/, при-/приводить/, про-/прописать/, раз-/раздарить/, с-/сберечь/, со-/сохранить/, у-/уговорить/.

д) Глаголы со значением «лицо, перемещая объект, передает его лицу, обозначенному словоформой кому»:

Мама подвинула кресло гостю.

$С^1_{од\ им} + Г + С^2_{в} + С^3_{од\ д} \Leftrightarrow С^1_{од\ им} + Г + С^2_{в} +$ для $С^3_{од\ р}$

В семантическом классе глаголов типа доставить имеются также приставки вы-/вынести/, до-/донести/, за-/завести/, на-/направить/, от-/отвезти/, ото-/отослать/, пере-/переслать/, при-/привезти/, раз-/разнести/, с-/снести/, у-/увести/.

е) Глаголы со значением «предпринять какие-то действия с объектом в пользу адресата»:

Солдат подседлал коня командиру.

$С^1_{од\ им} + Г + С^2_{в} + С^3_{од\ д} \Leftrightarrow С^1_{од\ им} + Г + С^2_{в} +$ для $С^3_{од\ р}$

Глаголы с этим значением обнаруживают также приставки вы-/выпечь/, до-/достать/, ис-/исходатайствовать/, на-/наглядеть/, об-/облюбовать/, при-/приглядеть/, за-/закупить/, от-/откопать/, пере-/перелить/, с-/скопить/, у-/уготовить/;

х) Глаголы со значением физического воздействия на одушевлённый объект:

Врач подлечил сердце старику.

$С^1_{од\ им} + Г + С^2_{неод\ в} + С^3_{од\ д} \Leftrightarrow С^1_{од\ им} + Г + С^2_{неодв} +$ у $С^3_{од\ р}$

Глаголы этого класса обозначают ситуацию, в которой одушевлённый субъект подвергает воздействию часть одушевленного объекта /чаще всего ограниченную/.

Семантические классы глаголов с этим значением содержит также приставки в-/вправить/, вы-/выбить/, за-/закатать/, из-/измерить, на-/наколоть/, об-/обжечь, о-/опустить/, от-/отвернуть/, о-/оцарапать/, пере-/перебинтовать/, по-/побрить/, при-/прихватить/, про-/промыть/, раз-/раздавить/, рас-/расцарапать/, с-/сварить/, у-/утереть/.

з) Глаголы со значением уподобления, т. е. «сопоставление двух в некотором отношении равноправных /симметричных/ объектов»:

Я подчиняю чувство разуму.

Семантические классы глаголов с этим значением обнаруживает также приставки пред-/предпочесть/, противо-/противопоставить/, у-/уподобить/.

и) Глаголы со значением «лицо передает знания, умения и навыки другому лицу»:

К I подклассу относятся глаголы со значением «систематическая целенаправленная передача коллективно отработанной информации»:

Учитель подучил ребенка английскому языку.

$С^1_{од\ им} + Г + С^2_{в} + С^3_{од\ в} + С^3_{неод\ д}$

Глаголы типа «обучить» содержать также приставки вы-/выучить/, до-/доучить/, на-/научить/, об-/обучить/, по-/поучать/.

к) Глаголы со значением приближения и присоединения:

I подкласс со значением «приблизить»:

Начальник ЖЭКа подселил эвакуированных к жильцам.

$C^1_{од\ им} + Г + C^2_{в} + к\ C^3_{д}$

В пределах I подкласса можно выделить несколько семантических групп:

1) Глаголы со значением «приблизить, перемещая броском»:

Ребёнок подшвырнул мяч к стене.

2) Глаголы, имеющие значение «приблизить, перемещая толчками»:

Брат подтолкнул стол к окну.

3) Глаголы со значением «приблизить, перемещая волоком»:

Грузчик подтащил ящик к прилавку.

4) Глаголы, имеющие значение «приблизить, перемещая с помощью качения»:

Маляр подкатил бочку к двери.

Глаголы II подкласса со значением присоединить делятся на две группы. В пределах 2 группы можно выделить несколько семантических подгрупп:

1) Глаголы, имеющие значение «присоединить один предмет к другому с помощью ниток, верёвки, клейких веществ и т. п.»:

Портниха подшила оборки к платью.

2) Глаголы со значением «присоединить один предмет к другому с помощью термического процесса»:

Мастер подпаял деталь к детали.

3) Глаголы, имеющие значение «присоединить один предмет к другому с помощью удара или ударов»:

Сапожник подбил подошву к ботинкам.

4) Глаголы со значением «присоединить один предмет к другому в процессе созидания»:

Строители подстроили флигель к дому.

5) Глаголы за значением «присоединить один предмет к другому с помощью кругового движения»:

Тренер подвинтил коньки к ботинкам.

6) Глаголы, имеющие «значение присоединить один предмет к другому с помощью средства, названного производящей основой»:

Рыбаки подчалили лодку к берегу.

Несколько глаголов со значением конкретного физического действия допускают при себе факультативную позицию «$C^4_{тв}$ с орудийным значением»: подбить, подвинтить, подвязать, подгрести, пододвинуть.

Глаголы это значением «приблизить, присоединить» содержат также приставки воз-/вознести/, до-/дописать/, на-/нагнуть/, над-/надклеить/, при-/прибить/, за-/забить/, из-/избить/, ис-/исколоть/, об-/облить/, о-/оглушить/, от-/отвалять/, пере-/переклевать/, с-/сбить/, у-/убить/.

л) Глаголы со значением «лицо побуждает кого-либо к какому-либо действию или деятельности»:

I подкласс глаголов со значением «навязать объекту ту или иную линию поведения»:

Выступающий подвел слушателей к верному решению.

$C^1_{им} + Г + C^2_{од\ в} + к\ C^3_{неод\ д}$

II подкласс глаголов со значением «передавать кому-либо знания и умения для подготовки к той или иной деятельности»:

$C^1_{им} + Г + C^2_{од\ в} + к\ C^3_{неод\ д}$

Глаголы типа «побудить» содержат также приставки воз-/возбудить/, вос-/воскресить/, до-/допустить/, на-/натаскать/, ото-/отослать/, о-/охладить/, пред-

/предрасполагать/, при-/приготовить/, про-/пробудить/, у-/устремить/, которые имеют одинаковый семантический инвариант с приставкой под-.

Аналогичным образом рассматриваются другие дистрибутивно-трансформационные схемы глаголов с приставкой под-.

Условные обозначения: $C^1_{одш}$- подлежащее, выраженное одушевленным существительным в именительном падеже; Г – глагол; $C^2_в$- дополнение в винительном падеже без предлога; $C^2_{тв}$ - то же существительное в позиции дополнения с творительным падежом без предлога; $C^3_в$ - второе дополнение в позиции винительного падежа без предлога; в $C^3_в$- то же существительное в позиции дополнения в винительном падеже с предлогом «в».

Полное толкование фрейма падежа всегда оказывается перифразой толкования семантического класса глаголов.

Фреймы падежа могут иметь своим содержанием субстанции, качества-свойства, действия – состояния соответственно семантике существительного – актанта. Так, «цель», «средство», «время» имеют своим содержанием качество – свойства, а фрейм «орудие» - субстанцию. Основные и формальные принадлежности глаголов и актантов нормальных предикативных фраз актуализируют поверхностные структуры класса глаголов по признаку валентности. Сюда же относятся и трансформации формальных принадлежностей глаголов и его актантов.

Исследования доказывают типологическую уникальность реляции поверхностных и глубинных структур падежей русского языка. Каждая из конструкций «винительный падеж с предлогом» имеет реляцию с несколькими комбинациями фреймов, при этом каждая из реляций между конструкцией «винительный падеж с предлогом» и комбинация фреймов уникальна, присуща только русскому языку.

Семантические классы многоместных глаголов, имеющих в позиции прямого дополнения винительный падеж без предлога, а в позиции косвенного дополнения – винительный падеж с предлогом, ср.: Яркий электрический свет давала лампа, ввинченная в плафон у потолка (= ввинтить лампу в плафон). Семантический класс задается позицией косвенного дополнения «винительный падеж с предлогом в неодушевлённого существительного». Позицию, задаваемую косвенным падежом существительного в винительном падеже с каким-либо предлогом, имеют 32 класса глаголов с различным лексическим объемом.

Так, глаголы типа «одеть» имеют 25 лекс, а глаголы типа «колоть» – 9 лекс и т.д. Каждый из таких классов подлежит толкованию. Анализ толкования выявляет в русском языке следующие фреймы: «целое»-«часть». При этом фрейм «целое» имеет селекционные различители: «лицо»-«не лицо», «одушевленность»-«неодушевленность», «отдельность», «цельность», «материал», «продукт». Фрейм «часть» имеет селекционные различители: «форма» - «бесформенность», «поверхность» - «среда».

При этом «среда» имеет селекционный различитель «полая среда» - «отсутствие внутренней полости». Наконец, имеются фреймы качественных характеристик действия, относящиеся тем не менее как селекционные различители «внутрь» - «наружу», а также «цель» – «средство», «место» – «время». В различных комбинациях эти фреймы актуализируют валентность глагола, выступая как составляющие семантики падежей.

Выявлены следующие фреймы винительного падежа с предлогом в русском языке:

«среда» с селекционным различителем «полая среда» – «отсутствие внутренней полости», фрейму «среда» соответствует поверхностная структура в $C^3_в$, «среда» мо-

жет сочетаться с фреймом «орудие», что выражается трансформацией в $C_{в}^{3}$⇔$C_{тиск}^{3}$ ср.: Рабочий забивает сваю в грунт. Слесарь зажимает болт в тиски⇔Слесарь зажимает болт тисками.

«продукт» с поверхностной структурой в $C_{в}^{3}$, имеется трансформация в $C_{в}^{3}$⇔$C_{в}^{3}$ с нейтрализацией фрейма «продукт». Тогда в результате трансформации $C_{в}^{2}$⇔из $C_{в}^{2}$ отмеченным становится фрейм «материал», ср. Рабочий связал хлопок в тюки⇔Рабочий связал тюки из хлопка (тюки – «продукт», хлопок – «материал»)

«форма» с поверхностной структурой в $C_{в}^{3}$, комбинация с одушевленным объектом, обозначенным $C_{в}^{2}$, преобразует фрейм «форма» в «одежда», ср. Мать одела ребёнка в пальто.

Литература

1. *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., Наука, 1967, 251 с.
2. *Симонова Н.А. Семантика* и *употребление дательного падежа* имен существительных в русском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., *1977.* 19 с.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОВТОРЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ «АВАРИЙ» В СПОНТАННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

К.Ш. АБРАМЯН
К.А. ВЕЛЯН
Ереванский государственный университет
языков и социальных наук им. В.Я .Брюсова
abrahamyan1959@mail.ru
kvelyan@yahoo.com

Ключевые слова: *спонтанная речь, лексический повтор, синтаксическая компетентность, синтаксические «аварии», мини-аварии, дистрибутивные особенности.*

Одним из главных атрибутов спонтанной разговорной речи являются так называемые синтаксические «аварии». Последние могут принимать различные формы, что обусловлено прагматическими факторами, изменениями синтаксической направленности и дистрибутивными свойствами. В зависимости от формальных признаков мы выделяем макси-аварии, мини-аварии и микро-аварии. В настоящей статье представлен анализ лексических повторов как проявления синтаксических мини-аварий в спонтанной речи. В центре внимания прагматические причины и дистрибутивные проявления лексических повторов в высказываниях.

KARINE ABRAHAMYAN, KAREN VELYAN – Lexical Repetitions as a Form of Syntactic "Accidents" in Spontaneous Speech

Key words: *spontaneous speech, lexical repetition, syntactic competence, syntactic "accidents", mini-accidents, distributional properties.*

One of the main features of spontaneous spoken language is the so-called syntactic "accidents". The latter can take different forms depending on pragmatic reasons, change in syntactic planning and distributional properties. Based on the formal features, we single out maxi-accidents, mini-accidents, and micro-accidents. The present article presents an analysis of lexical repetitions as a form of syntactic mini-accidents in spontaneous speech. The main focus is on the pragmatic reasons and distributional properties of lexical accidents in utterances.

Известно, что повтор однокоренных слов используется для достижения точности и связности текста и позволяет сохранить единство темы. Как правило, лексические повторы употребляются в художественных текстах также для придания им большей экспрессивности. При этом различаются разные типы повторов, такие как анафора, эпифора, анадиплозис, симплока. Все эти типы имеют различные функциональные проявления и задачи. Помимо придания экспрессивности, вышеназванные повторы имеют четко выраженную коммуникативную интенцию, подчеркивают именно тот сегмент речи, который повторяется.

Однако, как свидетельствуют проведенные нами исследования, в спонтанной разговорной речи лексические повторы имеют иное функциональное проявление. В этом случае их можно рассматривать как своеобразные индикаторы синтаксической компетентности коммуникатора, так как они выполняют функцию показателя так называемых синтаксических «аварий». Последние могут быть результатом «…«некомпактного» синтаксиса, который является результатом синтаксических ошибок» [Miller, Weinert 2009 : 23]. Следует попутно отметить, что синтаксические ошибки обусловлены «…не только синтаксической компетентностью коммуникатора, но и самой организацией памяти и ограничением на память» [Chomsky 1970 : 10].

Лексические повторы появляются тогда, когда коммуникатор в момент речи затрудняется оформить и завершить свою мысль и продолжение мысли начинается с той же лексической единицы. Например:

Of course, since American literature is my field, I think ***I... I*** have a lot of deep sense of the things that shape our culture and…

В настоящей статье рассматриваются функциональные особенности синтаксических аварий в английской спонтанной речи в сопоставлении с армянской. В качестве фактического материала для анализа были использованы фрагменты из многочисленных интервью с носителями английского и армянского языков, которые являются жителями разных городов США, Англии и Армении. Интервью были проведены с представителями среднего класса, лицами как мужского, так и женского пола.

Следует отметить, что нами выделяются различные виды синтаксических аварий, которые в одном комплексе составляют целый парадигматический ряд. Так, мы выделяем *макси-аварии, мини-аварии и микро-аварии*. Каждый тип имеет свои формальные особенности. Лексические повторы, которые будут описаны в настоящей статье, и составляют суть одного из *подтипов* синтаксических аварий, а именно – мини-аварий.

Подтип синтаксических мини-аварий, который мы собираемся рассмотреть в данной статье, – лексические повторы – имеет свои функциональные особенности. Лексическим повторам свойственны определенные дистрибутивные особенности: они могут проявляться в *начальной* и *срединной* позициях предложения. Наши статистические данные свидетельствуют о том, что в английской спонтанной разговорной речи синтаксические аварии в виде лексических повторов чаще всего встречаются в центральной части предложения. Так, из общего количества синтаксических аварий (69), реализующихся в виде лексических повторов, 53 реализовались именно в центральной части предложения. Например:

1. So I think ***that's.. that's*** what led me to where I started out with a foreign anchor of language (interview with John Duke);
2. Of course, since American literature is my field, I think ***I.. I*** have a lot of a deep sense of

the things that shape our culture and... (interview with Susan Kerr);

3. And it's almost as if through complaining ***and.. and*** through the desire of equality they have ... (interview with Christian Tiplady).

Как уже отмечалось выше, подобные лексические повторы, как правило, бывают в тех случаях, когда коммуникатор затрудняется оформить и завершить свою мысль, в результате чего поток речи продолжается с того же прерванного слова. Затруднение в оформлении мысли явно проявляется в тех случаях, когда повтор слова, грамматической формы или сочетания слов проявляется дважды, как в следующих примерах:

1. So I think ***the.. the.. the*** church and, maybe, the high school athletics are the two main ways of socialization. (interview with Jane Greenwood)(interrupted three times);
2. As far as other ways, uh. I think that women are also going after higher education

more than men are, and I think ***it's.. it's.. uh. it's*** been uh. increasing in that regard over the past decade or two. (interview with Tom Lenman, interrupted two times);

3. **And** so.. except for a couple of little short jobs ***in the.. in the.. in the*** intermediary period

while I was moving around… (Pat Jott) (interrupted two times)

В типологическом отношении следует отметить, что мини-аварии в виде лексических повторов в армянском языке проявляют большую дивергенцию. Так, в армянском языке, исходя из наших статистических данных, мы находим минимальное количество мини-аварий данного типа – 6 случаев. Приведем несколько примеров:

1. Քաղաքի մեջ ***տենց. տենց*** տեսակի .. վայր

Կ.Վ. Տենց տեսակ վայր.. տեսարժան վայր ..շատրվան

Լ.Հ. Չե: Տենց տեսավայր չենք այցելում: (ինտերվյու Լ.Հ.-ից);

2. Թե կոնկրետ ի՞նչը, արդեն ես որպես մասնագետ ասում եմ. դա կամ ***պի-տի. պիտի*** որպես մասնագիտական հիմնավորումով հետազոտությունների արդյոք նշվի, սուբյեկտիվ դիտարկում ես կարող եմ ասել: (ինտերվյու Է.Կ.-ից);

1. Ընտանեկան ոլորտում նույնպես կանանց դերի զգալի .. փոփոխություն տեղի է ունեցել, նկատի ունեմ որոշումների կայացման առումով, բայց դա էլ տեղի է ունեցել, իմ մոտեցմամբ, ոչ այնքան ներդաշնակ, որքան ավելի շատ ծայրաղեղ բեվերայնացում է տեղի ունեցել, խիստ այսպես ասաց ավելացել է մի կողմից այն կանանց թիվը, ովքեր ընտանիքում. գրեթե միայնակ են, գերիշխող ***դեր. դեր*** են զբաղեցնում…: (ինտերվյու Վ.Գ.-ից).

Большое количество мини-аварий в английском языке обусловлено морфологическим фактором: большинство повторяемых единиц это служебные слова, как то: союзы, предлоги, а также личные местоимения, которые, как правило, являются мономорфемными единицами. Того же нельзя сказать относительно армянского языка, где повторяемые слова являются полиморфемными, что, в свою очередь, в определенной степени препятствует повторению слов в спонтанной речи.

Лексические повторы как проявление синтаксических мини-аварий встречаются во фразоначальной позиции предложения, т.е. когда коммуникатор затрудняется оформить свою мысль в самом начале высказывания. Согласно полученным данным, в английской спонтанной разговорной речи подобные лексические повторы встречаются реже, чем в срединной позиции предложения. Так, если в срединной позиции общее количество лексических повторов 53, то во фразоначальной позиции мы встретили всего 16 повторов, т.е. в 3 раза меньше. Приведем несколько примеров:

1. ***I.. I*** think our teachers have taken the time .. when asked by you to assist you

(interview with David Fox);

2. ***I.. I*** mean industry, education where it is dominated by women. Uh.

(interview with Caroline Preston);

3. Yes, ***it's.. it's*** uh. more those who can pay twenty dollars or more per ticket.

(interview with Tom Lanman)

4. I mean I lost it, ***I.. I*** went from newspapers to . a television station in Savannah, I was there. (interview with Aida Rogers)

Как видно из примеров, приостановка речи и затем повтор слова происходит, как правило, в тех случаях, когда прерываемое слово является односложной лексической единицей, в основном личным местоимением.

Лексический повтор во фразоначальной позиции может происходить дважды, как, например, в следующем примере:

Why.. Why.. Why does she… (interview with Caroline Preston)

Иногда коммуникатор, испытывая затруднение в оформлении мысли, что выливается в повтор лексем, меняет синтаксическое планирование и, соответственно, син-

таксическую перспективу, при этом опять испытывая затруднение в оформлении предложения, в результате чего происходит *смежное* повторение лексических единиц, как в следующем примере:

So ***it's.. it's.. I.. I*** found life . much more sociable in Spain, um. not being married … you do here in England. (interview with Caroline Preston).

Повтор словоформ в начальной позиции, с одной стороны, и изменение подлежащего, которое, в свою очередь, повторяется, – с другой, говорит о невысокой степени синтаксической компетенции коммуникатора, который в момент речи находится в поисках наилучшего синтаксического пути для оформления своей мысли.

Как и в предыдущем случае, здесь также в типологическом отношении наблюдается значительная дивергенция в плане частоты синтаксических мини-аварий анализируемого типа. Так, если в англійском языке общее количество подобных аварий составляет 16, то армянском языке нам встретилось всего два подобных случая:

1. ***Պատճառը.. Պատճառը*** ուզում էին ձևափոխ էին, վերանորոգ էին, թե հետո ը. փակեցին էտ խողովակները և այլն և այլն, հետո չիմացա, ինչի պատճառով, որ չշարունակվեց այդ աշխատանքը, որ դա կարգավորվեր: (ինտերվյու Ա.Ե.-ից);

2. Ը. ***Միակ.. միակը*** իր եկամուտը չէ, որ պահում է իր ընտանիքը, այլ եկամուտի աղբյուր էլ կա և պատասխանատվությունը ամբողջովին իր ուսերի վրա չէ: (ինտերվյու Ա.Ջ.-ից).

Такой типологический алломорфизм можно объяснить также тем фактором, что словам в армянском языке свойственна полиморфемность, что, на наш взгляд, косвенным образом препятствует повтору слов.

Повтор слов может иметь место также в тех случаях, когда предложение прерывается в самом начале, поскольку коммуникатор вводит *дополнительную информацию,* после которой непосредственно следует прерванное слово, как в следующих примерах:

1. ***We..*** Fortunately, ***we*** have a number of interesting cities. (interview with Susan Kerr);

2. ***Our..*** You know, ***our*** classes are not UT classes. (interview with Susan Kerr);

3. ***We..*** Because ***we*** work at the International Office, we are exposed to opportunities to work abroad, *which is .. wonderful*. (interview with Pat Jott);

4. ***There..*** In the past, ***there*** have been .. maternity leave for women, now we have paternity leave so that men are having more equal opportunity in terms of family issues, raising the family, being able to take a leave like a mother would have been able to. (interview with Jane Greenwood).

В армянском языке мы не встретили подобных примеров.

Таким образом, можно сделать вывод, что повтор является лингвистической универсалией и неотъемлемым атрибутом спонтанной разговорной речи. Типологическая дивергенция заключается в частоте данных повторов, а именно: в английской спонтанной речи подобные лексические повторы встречаются гораздо чаще, чем в армянской, что, на наш взгляд, в определенной степени обусловлено морфемно-структурными особенностями армянского языка.

Литература

1. *Chomsky N. Syntactic Structures*, Mouton, The Hague, Paris. 1971
2. *Miller, J., Weinert R. Spontaneous Spoken Language. Syntax and Discourse*, Oxford University Press. 2009

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЕЙ

А.В. АКОПЯН
Ереванский государственный университет, Армения
hakobyananoush@yahoo.com, anush.hakobyan@ysu.am

Ключевые слова: *кластер, функция, конъюнкция, дизъюнкция, строгая дизъюнкция, импликация, уровень.*

Разработана новая иерархическая система простых и сложных языковых объектов. Предложена пятиуровневая классификация: выделены тагматический, синтагматический, протасематический, симпротасематический и текстематический уровни. Впервые на этих уровнях определены функциональные конъюнктивные, дизъюнктивные, строго дизъюнктивные и импликативные кластеры с составляющими их ядерными, приядерными и свободными функциональными единицами. Между функциональными единицами выявлены как внутриуровневые, так и межуровневые связи, а также вопросы качественного и количественного пересечения полученных кластеров и их единиц.

ANOUSH HAKOBYAN – Functional Clusters ofLinguisticLevels

Key words: *cluster, function,conjunction, disjunction,strictdisjunction,implication, level*

The new hierarchical system of simple and complex linguistic objects have been created. A five-level classification is proposed: tagmatic, syntagmatic, protasematic, simprotasematic and textematic levels are revealed. For the first time the functional conjunctive, disjunctive, strict disjunctive and implicative clasters with their constituent nuclear, co-nuclear and free functional units were definedat these levels. We have identified both intra- and inter-level links between the functional units, as well as the issues of qualitative and quantitative intersection of the obtained clusters and their units.

Выявление внутрисистемных отношений в естественном языке является необходимым этапом в процессе описания, анализа и синтеза формально-содержательных свойств различных конструкций и единиц языка. Традиционные и актуальные вопросы языкознания углубляются, расширяются и обогащаются применяемыми в других научных дисциплинах идеями, возможностями и методами, которые становятся новыми инструментами самой лингвистики и делают ее более точной. Самостоятельность лингвистики как целостной науки является основанием для извлечения из достаточно широкого круга гуманитарных и естественных наук необходимых элементов и прагматических моделей. Новые определения и понятия, заимствованные из других наук, в рамках лингвистики с ее четкостью рассуждений и системной организацией мысли приобретают свои специфические черты. «Лингвистика весьма тесно связана с рядом других наук, которые то заимствуют у нее ее данные, то предоставляют ей свои. Границы, отделяющие ее от этих наук, не всегда выступают вполне отчетливо» [Соссюр 1999 : 14]. Языкознание и логика четко разграничены по своим объектам и возможностям, однако они сближаются и становятся сопредельными, поскольку исследование высказываний естественного языка является следствием логического мышления. «Данные естественных языков и их лингвистическая интерпретация раскрыли логикам многие, оставшиеся ранее незамеченными аспекты референции, и – в свою очередь – логики, обратившись к повседневной речи, ввели в обиход лингвистические способы ее логического анализа» [Арутюнова 1982 : 6].

Язык есть динамически развивающаяся и довольно сложная система знаков и отношений между ними, эффективное описание которых возможно, в частности, применением основных логических функций отрицания, конъюнкции, дизъюнкции, строгой дизъюнкции и импликации. Логические функции издавна привлекали внимание исследователей. О них знали еще древнегреческие стоики IV-III вв. до н.э., которым принадлежит приоритет в разработке первой теории импликации и которые предвосхитили основные правила логических функций конъюнкции и соединительно-разделительной и строгой разделительной дизъюнкции. «Логика должна, по их мнению, изучать не только суждения, понятия и умозаключения, но и слова и предложения, т.е. грамматику» [Кондаков 1975: 299]. Поскольку логические функции, являясь высказываниями, могут рассматриваться в лингвистике как формально-

содержательное средство представления и анализа языковых выражений, ими возможно описать структуру многих языковых высказываний.

Более детальное изучение структуры языковых объектов предполагает необходимость создания иерархической уровневой кластеризации. Кластеризация является одним из фундаментальных прикладных методов исследования и может применяться во многих различных теоретических и практических научных направлениях. Этот метод широко используется в задачах распознавания образов, и в частности, при изучении естественного языка, когда требуется необходимость системного изучения большого объема исходной языковой информации [Xu, Wunsch 2009].

Разработке языковых уровней и уровневых единиц посвящено большое количество структурно-семантических исследований [Lamb 1966; Солнцев 1972; Джаукян 1999; Бенвенист 2002;Ельмслев 2006 и др.].Полученные результаты показывают, что создание общего единого системного понятия уровня является чрезвычайно трудной или возможно даже неразрешимой задачей.

При исследовании и построении структуры универсальной теории языка Г.Б. Джаукяном была предложена четырехуровневая классификация языковых структур: лексический, таксематический, предикативный и текстовый уровни. В каждом из этих уровней выделяются два подуровня: в лексическом – корневой или лексематический, в таксематическом – тагматический и синтагматический, в предикативном – протасематический и симпротасематический, в текстовом – текстематический и синтекстематический [Джаукян 1999: 83]. Рассмотренные нами логико-функциональные особенности взаимосвязей в языковых конструкциях и отмеченная выше классификация стали основой для создания новой универсальной функциональной уровневой кластеризации [Акопян 2017, 2019]. В результате были выделены пять языковых иерархических уровней: тагматический, синтагматический, протасематический, симпротасематический и текстематический.Единицами низшего тагматического уровня являются тагмы, синтагматического уровня – синтагмы, протасематического уровня – простые сентенции, симпротасематического уровня – сложные сентенции, а единицами высшего текстематического уровня – текстемы – отрезки текста, объединенные общим смысловым содержанием.

	Языковые уровни	Единицы уровня
1	тагматический	тагма
2	синтагматический	синтагма
3	протасематический	простая сентенция
4	симпротасематический	сложная сентенция
5	текстематический	текстема

Если единицы всех уровней, кроме высшего, имеют в той или иной степени конкретное определение, то для единиц текстематического уровня границы определения и вопросы их выделения являются до настоящего времени недостаточно четко обозначенными. Нами проведены дополнительные подробные и детальные исследования по уточнению этих вопросов и в результате были даны новые определения, связанные с формальными и содержательными свойствами текстем и их взаимосвязей: выделение текстем, пересечения текстем, обрамляющие фразы, абзацные, простые, сложные, диалогические, поглощаемые текстемы и др. [Акопян 2015].

Как представленные уровни, так и их единицы вступают в определенные взаимоотношения, и для их формально-содержательного исследования нами предлагается метод структурного моделирования с использованием понятий графа и гиперграфа [Berge 1973]. При схематическом представлении единиц каждой тагме соответствует вершина графа, а синтагме – ребро или дуга графа. Каждой простой сентенции соот-

ветствует обход вершин и ребер простого графа, а сложной сентенции – обход сложного графа. Каждой текстеме соответствует гиперграф, вершинами которого являются простые сентенции, являющиеся составными частями как текстемы, так и сложных сентенций, а ребрами являются подмножества вершин, объединенных по общим формальным и структурно-семантическим признакам. Ребра гиперграфа, которые представляют внутренние смысловые связи предложений, входящих в текстему, мы предлагаем выделять методом парцелляции и присоединения. В частности, те простые сентенции, которые образуют сложную, объединяются в одном и том же ребре.

Заметим, что выделение ребер гиперграфа является задачей лингвистики, поскольку при этом требуется скрупулезное определение некоторых общих лексических, морфологических, синтаксических и стилистических характеристик предложений рассматриваемой текстемы. Предложенные схематические модели имеют довольно сложную конструкцию, что определяется многогранной иерархической структурой естественного языка. Отметим, что такие модели мы разрабатываем по принципу экономии, который требует минимума средств при описании максимума объектов.

Такое схематическое моделирование имеет наглядный прикладной характер, может быть использовано при формальном представлении и построении языковых конструкций разной сложности и стать основой для проведения сопоставительного структурно-семантического анализа двух или более целостных текстов, аналогичных по своей целевой направленности и установке.

На каждом из выделенных нами уровней даны новые определения функциональных конъюнктивных, дизъюнктивных, строго дизъюнктивных и импликативных кластеров относительно рассматриваемых логических функций. Фактически, было выделено 20 кластеров с составляющими их функциональными единицами, которые явно или неявно связаны с соответствующей логической функцией. Выбор стержневых единиц этих кластеров является важной и ключевой задачей при дальнейшем исследовании внутриуровневых и межуровневых структурных связей. Критерием такого выбора становится особенность и специфичность единиц, несущих основную функционально-семантическую нагрузку. Каждая единица кластера, которая в той или иной степени выражает определенное функциональное значение, с позиции рассматриваемой функции является ядерной, приядерной или свободной. Ядерная единица не зависит от других и имеет самостоятельный характер, приядерная единица в отличие от ядерной не имеет самостоятельного характера и зависит от ядерной, остальные же единицы являются свободными.

Выделение межуровневых связей среди единиц рассматриваемых уровней проведено по основным принципам субстанциональной лингвистики: межуровневые связи определяются отношением включения, при котором каждая единица определенного функционального кластера низшего уровня является составляющей единицей следующего соответствующего функционального кластера высшего уровня, и наоборот, каждая единица высшего уровня включает в себя единицу из предыдущего низшего. Заметим, что в отмеченных функциональных кластерах отношение включения для ядерных и приядерных единиц имеет свою специфику: каждая ядерная/приядерная единица низшего уровня является составляющей ядерной/приядерной единицей следующего высшего уровня, и каждая ядерная/приядерная единица высшего уровня включает в себя ядерную/приядерную единицу из предыдущего низшего. А связи внутри уровней мы определяем функциональными отношениями сочинения и подчинения между составляющими ядерными, приядерными и свободными единицами одного и того же функционального кластера определенного уровня.

Вопросы выделения основных единиц каждого из четырех рассмотренных функциональных кластеровнами подробно исследованы на всех пяти уровнях. Исследованы также шесть возможных взаимных пересечений функциональных кластеров одного и того же уровня, а также пересечения кластеров уровней, иерархически расположенных выше и ниже. В результате мы пришли к выводу, что в зависимости от высоты уровня наблюдается увеличение формального количества и содержательного качества попарных пересечений функциональных ядерных и приядерных единиц. Следует отметить, что на высшем текстематическом уровне почти все формально большие текстемы могут быть одновременно и конъюнктивными, и дизъюнктивными, и строго дизъюнктивными, и импликативными ядерными/приядерными единицами.

Ранее нами была проведена классификация двучленных сложных предложений по истинностным признакам с применением моделей обобщенных булевых функций и выделены 64 класса по 16 для конъюнктивных, дизъюнктивных, строго дизъюнктивных и импликативных высказываний, что позволило более адекватно и детально описывать и проводить анализ рассматриваемых языковых объектов [Акопян 2018]. Полученные классы описывают определенные взаимосвязи логически возможных в действительности истинных, ложных или неопределенных ситуаций. Фактически, эта разработанная классификация дает возможность расширить функциональную кластеризацию языковых уровней и в каждом из кластеров определить по 16 подкластеров. Становится ясно, что на каждом уровне будет получено 64 подкластера со своими ядерными/приядерными единицами, а общее количество подкластеров будет равняться 320, что является прямым свидетельством исключительной многофункциональной сложности языка как системы в целом. При этом очевидно, что параметры как количественных, так и качественных взаимных пересечений этих подкластеров будут еще более увеличиваться.

Таким образом, предлагаемая нами уровневая функциональная кластеризация языковых объектов и ее обобщение открывает возможность более глубокого и детального описания, представления и изучения рассматриваемых единиц, их сопоставительного анализа, выявления сходств и различий. Результаты, полученные на основе формально-содержательных логико-лингвистических кластеризаций и уровневых представлений языковых единиц, еще раз подтверждают, что они обладают характерным единством разнородных элементов в пределах целого и образуют определенную самостоятельную общность однородных взаимообусловленных элементов в структуре языка.

Литература

1. *Акопян А.В.* О структуре текстем и макротекстем и их моделировании // Филологические науки. М., 2015, № 6, с. 103-108.

2. *Акопян А.В.*Функциональная специфика союзов *и* и *или* // Альманах современной науки и образования. Тамбов, Изд. Грамота, 2017, № 7, с. 10-13.

3. *Акопян А.В.* Функциональная специфика союза *если* // European Journal of Literature and Linguistics. Scientific Jornal. Austria, Vienna, 2017, № 3, с. 3-6.

4. *Акопян А.В.* Кластеризация конъюнктивных, дизъюнктивных и импликативных высказываний // Научные тенденции: Филология, Культурология, Искусствоведение. Сборник научных трудов по материалам XIVнаучно-практической конференции. СПб., 2018, с. 4-8.

5. *Акопян А.В.* Функциональные кластеры протасематического и симпротасематического уровней // Вестник Ереванского Университета. Русская филология. Ереван, Изд. ЕУ, 2019, № 1 (13), с. 64-73.

6. *Арутюнова Н.Д.* Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика. М., Радуга, 1982. С. 5 – 40.

7. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. Серия: Лингвистическое наследие XX века. М.: Изд.группа URSS, 2002.

8. *Джаукян Г.Б.* Универсальная теория языка. Пролегомены к субстанциональной лингвистике. М., 1999.

9. *Ельмслев Л.* Пролегомены к теории языка. М., Изд. группа URSS, 2006.

10. *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. М., Наука, 1975.

11. *Солнцев В.М.* О понятии уровня языковой системы // ВЯ. М., Наука, 1972, № 3, с. 3–19.

12. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 1999.

13. *Berge C.* Graphs and Hypergraphs. North-Holland Publishing Company, Amsterdam, London, American Elservier Publishing Company, Inc. New York, Elsevier, 1973.
14. *Lamb S.M.* Outline of Stratificational Grammar. Georgetown, GUP, 1966.
15. *Xu R., Wunsch D.* Clustering. A John Wiley & Sons, Inc., Publication, 2009.

О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ НЕКОТОРЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ПОЭТИЧЕСКОГО СТИЛЯ С. ЕСЕНИНА

В.Н. АРУТЮНЯН
Ереванский государственный университет, Армения
veronika.harutyunyan@ysu.am

Ключевые слова: *поэтический стиль, словообразовательная простота, динамика, образность, окказионализмы, рифма.*

В работе рассматриваются некоторые важные для характеристики поэтического стиля С. Есенина словообразовательные модели. На примерах из лирических произведений этого автора доказывается, что все эти модели используются для того, чтобы сделать его образный мир ярче, интересней, динамичней.

VERONIKA HARUTYUNYAN – About the functional significance of certain derivational models for the poetic style of S.Esenin

Key words: *poetic style, derivational simplicity, dynamics, figurative, occasional words, rhyme.*

In work some word-forming models important for the characteristic of S.Esenin's poetic style are considered. By examples from the lyric works of this author it is proved that all of them are used to make his image world brighter, more interesting, more dynamic.

Словообразование – это тот уровень русского языка, который помогает его лучше понять, легче представить закономерности его организации и функционирования. Антропоцентризм современной лингвистики позволяет рассматривать все факты языка с точки зрения чековека – носителя данного языка. Такой подход позволяет и словообразование рассматривать, как заложенную в нем возможность выбора способов вербального воплощения ценностного мира говорящего. Совокупность словообразовательных моделей, которые использует человек-творец как носитель определенного языка, в диахроническом и синхроническом освещении показывает как, каким образом строится национальная картина мира, в чем ее особенности, каковы пути ее развития, каков характер изменений и т.д.

Если это верно для всего национального языка (в данном случае – русского), то это верно и для языка одного человека, особенно в том случае, когда этот человек – выдающаяся личность, творческая индивидуальность, яркий и всеми любимый поэт или писатель. Мы хотим показать и доказать значимость этого уровня языка на примере лирики С. Есенина.

Этот поэт занимает особое место в русском поэтическом наследии. Его стихотворения, характеризующиеся конкретной тематикой, яркостью образов, простотой языка, и в наше время представляются одними из самых популярных, самых читаемых. В чем же заключается сила поэтического стиля этого автора – такого любимого и такого понятного представителям разных поколений. Этим вопросом задавались многие исследователи, лингвисты и литературоведы, изучавшие тематические, изобразительно-образные, стилистические и другие особенности лирики поэта. Нам хочется высказать и свою точку зрения по этому вопросу.

Поэтический стиль автора – это многоаспектная, многогранная характеристика творческого своеобразия определенного поэта или писателя, выявление всего того, что отличает его произведения от всех остальных. Основной для поэтического языка является не коммуникативная функция, а эстетеческая, для реализации которой используются языковые средства всех уровней (фонетического, лексического, синтаксического и т.д.), в совокупности становящиеся индивидуализированным средством выражения, создающие неповторимый образный мир автора и воздействующие на

читателя. Поэтическое слово – это мотивированное данным текстом слово, призванное осуществить конкретную художественную (эстетическую) функцию, выполнить свою (определенную) задачу в создаваемом автором образном мире.

Если говорить о С. Есенине, то сразу следует отметить следующие достижения исследователей его творчества: много раз сказано, что его поэзию отличают эмоциональность, метафоричность, неожиданные и смелые сравнения; тематически она связана с биографией поэта; лексические и стилистические особенности ее языка хорошо изучены и подробно описаны.

Мы хотим представить некоторые значимые для поэтического стиля этого автора словообразовательные особенности.

Основным отличительным свойством его поэзии нам представляется динамичность, движение, действие. Он не просто рисует картины, пейзажи, образы, а показывает их в движении: его луна не светит, а «танцует»; полынь не пахнет, а «веет запахом»; клен «танцует», ветры «панихидную поют»; туман «гуляет», зори «пенились и таяли»; тучи «ржут, как сто кобыл»; ивы «трясут подолом»; улица «катится»; беседа «полилась»; седина «пролилась в бороде» и т.д.

В лирике С. Есенина очень много глаголов (в том числе и авторских: *заголить, отчалиться, праздниться, разгвоздить, взбрезжить, зоревать, излюбить, прокогтиться, измызгать, измокнуть, выпеснить, окапать, обкосить, умиряться, обпечалить, отскандалить, ошафранить, опростеть, накопытить, обсуживать* и т.д.), глагольных форм (*выржавленный гвоздь, незакатный край, оснеженные нивы, обкошенный луг, бессиянное поле, ожеребив, расщелкав, копытя, измокнув* и т.д.) и отглагольных существительных (*накрап, заморозь, выбель, проскок, осыпь* и т.д.), то есть названий осуществленных действий (прямых, опредмеченных, признаковых), но этого мало, и поэт использует все возможные языковые средства, способствующие ускорению движения, усилению действия и расширению области его осуществления.

Подсознательно поэт понимает, что тяжелые, сложные, многоморфемные словообразовательные структуры как бы замедляют действие, обозначенное глагольными формами, осложняют процесс построения динамичных образов, создания рифмованных строк, затрудняют цельность восприятия, и сокращает их разными способами. С точки зрения словообразования таких средств можно выделить много, а мы подробно представим только самые частотные. Сразу отметим, что ни один из описанных ниже словообразовательных типов специалистами не считается и не считался раньше продуктивным, то есть образцом, по которому активно создаются новые слова в русском языке [см., например, Земская 2008], что дает нам право говорить об авторском словообразовании.

Пожалуй, самым частотным словообразовательным средством реализации авторского намерения придать своим стихам ощутимую динамичность, а образам выразительность, подвижность и яркость является модель имен существительных, известная под названием нулевая суффиксация (бессуффиксные существительные). На наш взгляд, это явление можно объяснить следующим образом: при отсечении от существительных чисто словообразовательных формантов остаются только семантически значимые корни, что способствует достижению максимальной смысловой точности и словообразовательной простоты. Такая форма слова, безусловно, ускоряет повествование, облегчает восприятие, способствует тому, что внимание читателя сосредотачивается на нужной семантической составляющей и ничего формального его не отвлекает.

Таких слов в лирике С. Есенина очень много. Это и известные общеупотребительные слова *(даль, рань, ширь, синь, муть, явь, твердь, мощь, вязь, свист, храп, высь, гладь, накрап, муть* и т.д.), и окказионализмы *(выгибь, сыть, водь, темь, бредь, звень, безгладь, заморозь, тужиль, ржавь, стынь, сырь, выбель, морщь* и т.д.). Абсо-

лютное большинство слов такого типа – это образованные от прилагательных и глаголов существительные с мягким знаком на конце. Такие существительные женского склонения иногда имеют параллельные суффиксальные образования: *глубь – глубина; ширь – ширина; высь – высота; синь – синева; тишь – тишина, темь – темнота, заморозь – заморозки.* Специалисты отмечают, что этот тип существительных «... несёт за собой ощущение особой свежести, часто – сгущённой эмоциональности» [https//scicemter.omline].

Мы бы отметили также и особую семантическую составляющую слов этого типа, а именно: то значение безграничности, бескрайности, пространственной широты, несвязанности с конкретным предметом, которое они привносят в описание. Сравним, например, значения слов *синева*, которое С. Есенин использует достаточно редко, и *синь*, которое встречается в стихотворениях поэта очень часто:

«За горой нехоженой,
В *синеве* долин,
Снова мне, о боже мой,
Предстает твой сын»
и
«Были годы тяжелых бедствий,
Годы буйных, безумных сил.
Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь».

К тому же, подобные слова не только хорошо рифмуются друг с другом (*крепь – цепь, гать – рать, водь – плоть, рань – рвань, призор – укор, твердь – медь, жуть – муть, рань – дрянь, морщь – нощь, рвань – брань* и т.д.*)*, но и легко рифмуются с глаголами: с невозвратными глаголами в форме инфинитива и с теми возвратными глаголами, форма которых требует замены постфикса -*ся* вариантом -*сь*. Например:

«Превращается в пепел и воды.
Когда цедит осенняя *муть*.
Мне не жаль вас, прошедшие годы, -
Ничего не хочу *вернуть»* («Я усталым таким еще не был...», 1923);
«Ничего, родная! Успокойся.
Это только сладостная *бредь*.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, *умереть»* («Письмо матери», 1924);
И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипятковая *вязь*,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои *пролилась*. («Все живое особой метой...», 1922);
«Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую *цветь*.
В саду горит костер рябины красной.
Но никого не может он *согреть*» («Отговорила роща золотая...», 1924).

Ср. также: *гладь – прижать, муть – сомкнуть, высь – отелись, муть – стряхнуть, высь – прицепись, вязь – пролилась, безгладь – обрыдать, гать – пропадать, мразь – давясь, гладь – валять, гладь – зарыдать, рать – стоять, цветь – сгореть, плоть – заколоть, плоть – обмолоть, высь – слились, гладь – поцеловать, гладь – пожелать, гладь – вспоминать, гать – клевать и* т.д.

Второй по частоте использования формой усиления динамичности и семантической точности стиха является создание автором сложных комплексных лексических единиц, где эпитет в форме существительного, лишенный словообразовательных аффиксов прилагательного и тем самым облегченный по форме, воспринимается как

единое целое с определяемым существительным. Например: *туча-борода, дурак-батрак, бунтарь-дьяк, солнце-Ленин, дураки-цари, рыдальщик-кулик, стрекотуньи-сороки, сёстры-суки, братья-кобели, девушки-берёзки, сокол-ветер, душа-яблоня, девица-зима, девица-вьюга, свет-петушок, солома-риза, пламя-шлея, угли-очи, весна-царевна, огоньки-лучи, смерть-отрава, ласточка-звезда, березка-свечка, лес-кудесник, косы-ветви, душа-сума, солнце-барабан, отрок-ветер, душа-яблоня, колокольчик-звезда, солнце-куст, колосья-кони, нефть-фонтан, сволочь-вьюга* и т.д.

Подобные лексические единицы – это комплексы с ярко выраженным атрибутивным значением, где одно слово – определяемое, а второе – определяющее, причем опорным и характеризующим у С. Есенина могут быть и первое, и второе слова. Ср., например, *лес-кудесник*, где первый компонент является опорным, а второй – характеризующим, и *угли-очи*, где второй компонент является опорным, а первый – характеризующим. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [1998] такие лексические единицы называются биномами, то есть двойными наименованиями, стоящими на грани между сложными словами и словосочетаниями. «Такая характеристика, как неизменяемость первого компонента, является показателем его цельнооформленности как условия разграничения в лингвистике составного слова и словосочетания» [Курмаева 2016 : 27].

Можно обсуждать вопрос об уровневой (слово или словосочетание) организации лексических единиц этого типа, но нас в данном случае интересует другое: их словообразовательная структура с той точки зрения, которая представляется в данной работе. С этой точки зрения подобные комплексы характеризуют три обязательных для лирики
С. Есенина параметра: семантическая емкость, образная яркость и формальная простота.

«Рухнули гнезда
Облачных риз.
Ласточки-звезды
Канули вниз» («Пришествие», 1917);
«Шаманит *лес-кудесник*
Про черную судьбу.
Лежишь ты, мой ровесник,
В нетесаном гробу» («Пушистый звон и руга...», 1918);
«Что шепчет тебе ветер?
О чем шумит песок?
Иль хочешь в *косы-ветви*
Ты лунный гребешок?» («Зеленая прическа...», 1918) и т.д.

Следующим по частоте использования словообразовательным средством, способствующим решению исследуемых в данной работе проблем, являются сложные прилагательные определенного типа, которых тоже очень много в лирических произведениях поэта. Например: *златозубая высь, красносокие вина, легкодымная пелена, нежнопенная волна, златоколенный дождь, златонивый мрак, златоклыкий омеж, среброзлачный урожай, тайноводная река, власозвездная глава, тонкоклювый свист, рыжеволосый внучонок, солнцеголовый отрок, ложноклассическая Русь, златохвойный сад, мукомольный нюх, золототканое цветенье* и т.д.

Мы намеренно представили подобные прилагательные из лирики С. Есенина в словосочетаниях для того, чтобы показать, что само словосочетание – это уже образ. Это яркий, необычный, запоминающийся образ, и стихотворная форма – это только авторский способ зафиксировать, показать, увековечить этот образ, это поэтический талант С. Есенина, делающий его стихотворения такими красивыми и понятными. Приведем стихотворные примеры:

«Ходит девушка по бережку грустна,
Ткет ей саван *нежнопенная* волна» («Зашумели над затоном тростники...», 1914);
«Там синь и полымя воздушней
И *легкодымней* пелена.
Я буду ласковый послушник,
А ты – разгульная жена» («Опять раскинулся узорно...», 1914);
И шепчут про кусты
Непроходимых рощ,
Где пляшет, сняв порты,
Златоколенный дождь» («Октоих», 1917);
Облаки лают,
Ревет *златозубая* высь...
Пою и взываю:
Господи, отелись! («Преображение», 1917).

Таким образом, наш словообразовательный анализ лирики С. Есенина показывает, что для поэтического стиля этого автора характерны такие модели, которые делают его стихи более легкими по форме, придают созданным образам большую подвижность и динамичность, что значительно упрощает их восприятие, делает более доступной и понятной семантическую суть всего стихотворения.

Литература

1. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений в пяти томах. М., Художественная литература, 1981.
2. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. М., Флинта, 2008. 328 с.
3. *Курмаева Г.Ф.* Биноминанты в лирике С.А. Есенина // Молодой ученый. 2016. №6. С. 25-28. URL https://moluch.ru/archive/110/27264/.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1998.

ПРАГМАТИКА НЕВЕРБАЛЬНОГО В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

Н.В. БОГДАНОВА-БЕГЛАРЯН
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
n.bogdanova@spbu.ru

Ключевые слова: *устный дискурс, прагматика, невербальный элемент, звуковой артефакт, хезитация, паралингвистический элемент, рефлексив, звуковой корпус.*

Статья посвящена анализу невербальных составляющих русского устного дискурса, таким как паралингвистические элементы (смех, вздох, кашель), «неречевые» звуки (*э-э, м-м*) и прочие звуковые артефакты (цоканье языком, причмокивание, хлюпанье). Анализ произведен на материале двух речевых корпусов, представляющих монологическую и диалогическую речь носителей русского и других языков, и позволил выявить функции подобных элементов (хезитатив, рефлексив, дискурсив) и описать таким образом прагматику невербального.

NATALIA V. BOGDANOVA-BEGLARIAN – Pragmatics of Nonverbal Units in the Russian Oral Speech

Key words: *oral discourse, pragmatics, nonverbal element, sound artifact, hezitation, paralinguistic element, reflexive, speech corpus.*

The article is devoted to the analysis of nonverbal components of Russian oral discourse, such as paralinguistic elements (laughter, sigh, cough), “non-verbal” sounds (*e-e, m-m*) and other sound artifacts (clattering, smacking, squishing). The analysis was carried out on the material of two speech corps, representing monologue and dialogical speech of speakers of Russian and other languages, and allowed to reveal a functions of similar elements (hezitative, reflexive, discursive) and thus describe the pragmatics of nonverbal.

1. Введение

Устная спонтанная речь (и русская, и любая другая) представляет собой совершенно специфический объект для исследования практически на всех уровнях структуры языка и во всех аспектах: собственно лингвистическом, социо- и психолингвистическом, лингводидактическом.

Так, на *фонетическом* уровне в устной речи можно видеть особую дистрибуцию фонем и аллофонов фонем [Русский язык… 2016], редукцию высокочастотных единиц (*щас, ничё, грит, токо*) [Стойка 2017], заметную изохронность структурных единиц [Шерстинова 2010; Богданова-Бегларян и др. 2013] и особый набор реализаций базовых интонационных конструкций [Sagmanova 2018] (см. также многочисленные работы московских исследователей А. А. Кибрика, В. И. Подлесской, Т. Е. Янко и др.).

На *морфологическом* уровне в устной речи наблюдается несколько иная дистрибуция грамматических классов слов (частей речи), грамматических форм, аномальных и окказиональных форм, «редких» (второго родительного и второго предложного падежей), «сложных» (причастий и деепричастий) и «прагматически маркированных» (например, звательных) форм и т. п. [Звуковой корпус… 2014; Русский язык… 2016].

На *лексическом* уровне можно говорить о специфике использования в повседневной устной речи стилистически окрашенной лексики, профессионализмов, жаргонной лексики, неологизмов и др., о сравнительной (в разных социолектах) функциональной активности лексических единиц и богатстве словаря разных говорящих [Русский язык… 2016]. Здесь же обнаруживается специфика частотных списков – как общего для русскоговорящего социума, так и отдельных для разных групп носителей языка [Шерстинова 2016].

На *синтаксическом* уровне анализ устной речи позволяет выявить наиболее частотные синтаксические структуры (SV, V^2, S^2, Q?), определить их синтаксическую сложность и распространенность, получить данные о частотности типовых синтаксических явлений устной речи (парцелляция, эллипсис, обрыв, самокоррекция) и др. [Bogdanova-Beglarian et al. 2015; Русский язык… 2016; Bogdanova-Beglarian 2019].

Важным аспектом анализа устной речи является *прагматический*, позволяющий увидеть работу самоró механизма построения спонтанного текста. В рамках этого аспекта анализа уже имеются данные о специфике использования в речи прагматических единиц (прагматем) (*это самое, как его (её, их), так скажем, типа того что, или как это?* и под.), помогающих говорящему строить устный дискурс и выражающих его отношение и к этому тексту, и к своим способностям его породить [Богданова-Бегларян 2014; Звуковой корпус… 2015]. Именно данные о функционировании в устной речи прагматических маркеров (ПМ), а также редуцированных речевых форм – прежде всего в силу их высокой частотности и употребительности на уровне речевых автоматизмов, практически без контроля сознания, – представляются особенно важными в интересах лингводидактики и практики перевода.

В одном ряду с вербальными ПМ находятся и невербальные средства, выполняющие сходные с ПМ функции в устном тексте: неречевые звуки, цоканье языком, причмокивание, шумное втягивание воздуха (хлюпанье), смех, вздох, кашель и др. Особый интерес представляет описание таких элементов устного дискурса в различных прикладных аспектах языкознания. Обзор такого невербального и дается в настоящей статье.

2. Материал и методика

Материалом для исследования стали два устных корпуса, созданные в СПбГУ:

1) корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ), включающий монологи, построенные в рамках 4-х наиболее типичных для повседневной жизни коммуникативных сценариев (чтение, пересказ, описание изображения и рассказ) и записанные от носителей как русского, так и иных языков [Звуковой корпус… 2013; Богданова-Бегларян и др. 2017а];

2) корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), включающий записи (преимущественно диалоги и полилоги) речи 130 информантов и более

1000 их коммуникантов, состав которых достаточно адекватно отражает социальную стратификацию современного русскоговорящего социума [Русский язык… 2016; Богданова-Бегларян и др. 2017б; Bogdanova-Beglarian et al. 2017]).

Материал обоих корпусов был расшифрован и представлен в виде дискурсивной транскрипции, использующей специальные знаки для невербальных элементов звуковой цепи. Предметом анализа в настоящей статье стала прагматика этого невербального, то есть те функции, которые выполняют в устной русской речи подобные элементы.

3. Типы невербальных элементов устного дискурса и их функции

Необходимость изучения не только вербальной, но и невербальной составляющей языка давно не подлежит сомнению. По подсчетам А. Мерабяна, словесная сторона коммуникации занимает в среднем всего 7 %, звуки и интонация – 38 %, остальные 55 % – это невербальная коммуникация (жесты, мимика и проч.) [Mehrabian 1981]. Очевидно, что понимание речи, в особенности устной, невозможно без учета сопровождающих ее элементов. Это прежде всего разновидности речевых сбоев, которые нарушают плавное развертывание речевого потока, беглость речи [Verdonik et al. 2007], но при этом, как показал анализ корпусного материала, выполняют в устном дискурсе вполне определенные функции. Рассмотрим все эти невербальные элементы в речи разных говорящих, в диалоге и монологе, на родном и неродном языках.

3.1. «Неречевые» звуки

Наиболее распространенными из невербальных элементов звуковой цепи являются так называемые «неречевые» звуки (*э-э, а-а, м-м*). Их называют еще долексическими, или звуковыми заполнителями пауз хезитации, или *вокализациями.* Главной их функцией в устном дискурсе является именно хезитативная (от лат. *haesito* – ‘засесть, застревать, задерживаться’ и англ. *Hesitation* – ‘колебание’), ср.:

(1) *Кто не проклинал станционных смотрителей / кто с ними не бранивался?* ***э-э-э*** *кто в минуты гнева* (САТ, чтение);

(2) *затем распахнулась дверь //-// (**а-а**) ∫ засиял свет и-и ∫ (**м-м**) / да! сложновато так! значит (**а-а**) ∫ засиял свет и-и (**э-э**) ∫ пёс подумал о том что-о ∫ снова его сейчас будут резать* (САТ, пересказ);

(3) *рядом с де... ⌊ **н-н** ⌊ с дере-вом / это ⌊⌊ **м-м** ⌊ это ⌊⌊ ща-ас ⌊⌊ **м-м** / это что? // **м-м** ⌊⌊ а ⌊⌊ это с... <u>степь</u>* (САТ, описание, кит.);

(4) *а поездка (**э**) в эту самую(:) / (**э...э**) в <u>Новосибирск</u>$ / он говорит / отменилась* (ОРД);

(5) *(**э-э**) у нас работали в компании там / например грузчики на складе* (ОРД);

(6) *мне очень повезло(:) / *П (**а-ам**)* [1] */ <u>с семьей</u> // *П (**э-э**)* [2] */ с которой я живу / они очень / хорошие люди* (САТ, рассказ, амер.).

Видно, что вокализации встречаются во всех типах речи и текста и выполняют в первую очередь *функцию поиска* – конкретного слова (3), (4), (6-[1]) (найденные единицы в контекстах подчеркнуты) или просто продолжения речи (6-[2]), в случае пересказа – припоминания (2). В ходе чтения (1) вокализация может возникнуть как реакция на только что произнесенное слово (*бранивался*), которое информант (в данном случае – русский студент-филолог) воспроизвел – и тут же «затормозил», отреагировав на его нетривиальность (редкость). Это можно назвать *функцией рефлексива* (подробнее о таком понимании рефлексива см.: [Богданова-Бегларян 2015]). В контексте (5) вокализация, наряду с поиском, маркирует и начало реплики, выполняя функцию *стартового дискурсива*. «Неречевые» звуки в устной речи выполняют, таким образом, целый ряд функций (главная из них – хезитативная) и могут быть полифункциональными.

3.2. Паралингвистические элементы

Паралингвистические элементы (ПЭ) – смех (*С), вздох (*В), кашель (*К), – помимо выражения физиологического состояния говорящего, различения моделей его поведения (вздох, кашель; в эту же группу входят *зевота*, *плач*, *рыдания*, *свист*, *шмыганье носом* и др. [Крейдлин 2002: 29, 34-35]) или реакции на ситуацию или тему разговора (смех), также могут выполнять в устной речи различные дискурсивные функции, ср.:

(1) *ну в общем группа у нас ужасная какая-то попалась там / только пара нормальных паранормальных* ***С** // человек ***С** / пара приличных человек* (САТ, рассказ);

(2) *звенела зыбь ударяя в ворота старой лодки ***С** // нет // ударяясь / ударяя в борта старой лодки* (САТ, чтение);

(3) *так нет / так у нас было то / давно ещё / в Испании$ / ***В** (э-э) там девчонки были / одна / *П такая () русичка бл... блондинистая / а другая татарочка чёрненькая* (ОРД);

(4) *когда [человек с... ы смот... [[н-н [[смо-о-т... когда люди смотрЯт [на ём [н-н люди [могут со-чувствовать / н-н [[[* (пауза 5 с) *очень [не… неприятно // и-и [[и всё ***С *В*** (САТ, описание, кит.);

(5) *в последнем году я была (э) в Москве тоже / и в Ижевске //* [угу] *// (э-э) и это / думаю это (э-эм) ***В** (э-э) (эм) (э-э) ***С*** [1] *(э) (э-эм) большой… большая ***С*** [2] *разница* (САТ, рассказ, голл.);

(6) *потому что есть / м-м не...т/ есть много / мно-гих людех ***С** кото(:)... которые(:) знают э-э русский язык* (САТ, рассказ, фр.);

(7) *вот один из них спросил таким / ***К *П** так / это просто со странным немножко (...) отношением и взглядом* (ОРД).

Из примеров видно, что ПЭ способны выступать в хезитативной *функции поиска*: *В в контексте (3), *В и *С [1] – в (5), *К – в (7); в *функции рефлексива* – как реакция на сделанную ошибку (исправленную или только замеченную): *С – в (2) и (6), *С [2] – в (5) или на случайно возникшую языковую игру (1); возможно, даже в дискурсивной *функции финала* (4). Хотя чаще все-таки смех возникает в речи как реакция на смешную ситуацию или слово, а вздохи – как маркер отношения говорящего к коммуникативному заданию (усталость, отсутствие интереса и под.) (см. подробнее [Звуковой корпус… 2014]).

3.3. Звуковые артефакты

К невербальным элементам устной речи относятся также разного рода звуковые артефакты [Кипяткова и др. 2012], имеющие в первую очередь хезитационный характер: цоканье языком (*Ц), причмокивание (*Г), шумное втягивание воздуха, или хлюпанье (*Х), а также ряд др. (см. их перечень в [Русский язык… 2016: 243-244]; см. о них также [Bogdanova-Beglarian, Baeva 2018]), ср.:

(1) *я собираюсь [много [дь... делать / э конечно [нужно ***Ц** [за... [заниматься то есть [э [нужно-о [приготовить кы-ы [пс... [[при... ы готовиться кы-ы [[диссер... диссертации* (САТ, рассказ, кит.);

(2) *ы-н как я провожу [мои выходные [дни / н-н [[***Г** [[н-н [в субботу / я-я часто хожу [ву-у [музей / ву-у театр / и-и [часто играю в в баскетбол с друзьями* (САТ, рассказ, кит.);

(3) *ну мне тоже нравится (ам-м) это (ам-м) ***Ц** / как можно сказать / эта сторона (а) Питера потому что / теперь я тоже (ам-м) могу видеть (ам-м) как () жизнь для (ам-м) простых (э) жителей (а) Питера* (САТ, рассказ, голл.);

(4) *был полдень / ну-у вокруг [было прекрасный там [пейзаж / поскольку солнце михо катилось / ***Х** именно [по синему небу* (САТ, пересказ, кит.);

(5) *э-эм *П я(:) я хочу(:) эта(:) города / *П м-м потому что(:) эта(:) красивая(:) *П э-э *П* ****Ц*** *э-э *П здание *П и(:) *П э-эм люди(:) э-э *П э-э *П хэ... хоро-ши* (САТ, рассказ, фр.);

(6) *вот они () такое (...) ну () город Симферополь$ он () понимаешь (э-э) ну () это у тебя (...)* ****Ц*** *сюжеты идут из молодости / из юности / да ?* (ОРД);

(7) *значит / говорит // *П* ****Г*** *(э) система к... (э) какая-то там / за... за... зависла в Москве$* (ОРД).

Из приведенных примеров видно, что главная функция всех звуковых артефактов – хезитативная: они возникают в речи в моменты заминок, речевых колебаний говорящего, часто в окружении других хезитативных элементов, таких как физические паузы хезитации (*[, (...)* или *П), «неречевые» звуки (*н-н, э-эм, э-э* и под.), обрывы слов (*за…*) или даже метакоммуникативные вставки (*как можно сказать*), также свидетельствующие о затруднениях говорящего.

4. Выводы

Невербальные элементы звуковой цепи, рассмотренные в настоящей статье, выделяются на фоне вербальных: как полнозначных, передающих основное содержание текста (обычные лексемы), так и семантически опустошенных прагматических (ПМ), характеризующихся высокой употребительностью и повторяемостью в речи разных говорящих (*это, это самое, скажем так, типа того что* и под.), помогающих говорящему порождать и структурировать текст, но не связанных напрямую с его содержанием. К невербальному в устном дискурсе относятся паралингвистические элементы, такие как смех, вздох, кашель (их список довольно обширен и пока еще практически не описан с лингвистической точки зрения), «неречевые» звуки, или вокализации, а также различные звуковые артефакты. Как показал анализ корпусного материала, подобные невербальные элементы очень частотны в устной речи, они встречаются и в монологе (во всех его типах), и в диалоге (полилоге), в речи всех говорящих и в самых разных коммуникативных ситуациях. Их прагматика довольно прозрачна: прежде всего они выполняют хезитативную функцию (поиск, преодоление какой-то заминки), но возможны и другие варианты функций этих элементов: рефлексив как реакция на что-то сказанное, на собственную неспособность припомнить слово или правильно выполнить коммуникативное задание, маркирование чего-то не вполне тривиального (пословица, поговорка, прецедентный текст, идиома, жаргонное словечко и т. п.); или дискурсив, маркирующий начало или конец монолога, а также (редко) служащий навигатором по тексту. Думается, что этим прагматика невербального в устном дискурсе отнюдь не исчерпывается и продолжение корпусных исследований в данном направлении может принести еще много интересных результатов. В частности, было бы любопытно сравнить прагматику невербального в речи на родном и неродном языке говорящего. Материал САТ предоставляет для этого все возможности.

5. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 18-18-00242 «Система прагматических маркеров русской повседневной речи»).

Литература

1. *Богданова-Бегларян Н.В.* Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятие и общая типология // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014, № 3 (27). С. 7-20.

2. *Богданова-Бегларян Н.В.* Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. № 3, 2015. С. 11-17.

3. *Богданова-Бегларян Н.В., Кислощук А.И., Шерстинова Т.Ю.* О ритмообразующей функции дискурсивных единиц // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2 (22). С. 7-17.

4. *Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Зайдес К.Д.* Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговор-

ной русской речи (АР^3-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017а. С. 8-13.

5. *Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я.* Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР^3-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017б. С. 14-20.

6. Звуковой корпус *как* материал для анализа русской речи: коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

7. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. 396 с.

8. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. 364 с.

9. *Кипяткова И.С., Верходанова О.В., Ронжин А.Л.* Сегментация паралингвистических фонационных явлений в спонтанной русской речи // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. Вып. 2 (18), 2012. С. 17-23.

10. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

11. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

12. *Стойка Д.А.* Редуцированные формы русской речи: лингвистический и экстралингвистический аспекты. Дис. … канд филол. наук. СПб., 2017, 207 с. (машинопись).

13. *Шерстинова Т.Ю.* Об изохронности структурных единиц в спонтанной речи (к постановке проблемы) // Материалы XXXIX Международной филологической конференции. 15-19 марта 2010 г. Санкт-Петербург. Вып. 23. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков / Отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. СПб., 2010. С. 109-118.

14. *Шерстинова Т.Ю.* Наиболее употребительные слова повседневной русской речи (в гендерном аспекте и в зависимости от условий коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 15 (22). По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2016) / Гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2016. С. 616-631.

15. *Bogdanova-Beglarian N.V.* Phrase Breaks in Everyday Conversations From Sociolinguistic Perspective // Language, Music and Computing. Vol. 943. Communications in Computer and Information Science series. LMAC 2017, CCIS 943 / P. Eismont & O. Mitrenina (eds.). Springer Nature Switzerland AG, 2019. Pp. 1-9.

16. *Bogdanova-Beglarian N., Baeva E.* Nonverbal Elements in Everyday Russian Speech: an Attempt at Categorization // Computational Models in Language and Speech. Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018)**.** Vol-2303. Kazan, Russia, November 1, 2018 / Ed. by A. Elizarov, N. Loukachevitch. Kazan (Volga Region) Federal University, N. I. Lobachevsky, Institute of Mathematics and Mechanics, Kazan, Russia; Lomonosov Moscow State University, Research Computing Center, Moscow, Russia. 2018. Pp. 3-13.

17. *Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Martynenko G.* The «One Day of Speech» Corpus: Phonetic and Syntactic Studies of Everyday Spoken Russian // *SPECOM 2015,* Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9319. Springer International Publishing Switzerland, 2015. Pp. 429-437.

18. *Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G.* Linguistic Features and Sociolinguistic Variability in Everyday Spoken Russian // *SPECOM 2017.* Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 10458. Springer, Switzerland, 2017. Pp. 503-511.

19. *Mehrabian A.* Silent Messages: Implicit Communication of Emotions and Attitudes. Belmont, CA, Wadsworth, 1981. 196 p.

20. *Sagmanova G.M.* On One of the Approaches to Detection of Units of the Prosodic System of the Russian Language Based on Brief Interrogative Remarks of Spontaneous Russian Speech // Computational Models in Language and Speech. Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018)**.** Vol. 2303. Kazan, Russia, November 1, 2018 / Ed. by A. Elizarov, N. Loukachevitch. Kazan (Volga Region) Federal University, N. I. Lobachevsky, Institute of Mathematics and Mechanics, Kazan, Russia; Lomonosov Moscow State University, Research Computing Center, Moscow, Russia. 2018. Pp. 332-340.

21. *Verdonik, D., Rojc, M., Stabej, M.* Annotating Discourse Markers in Spontaneous Speech Corpora on an Example for the Slovenian Language. Language Resources and Evaluation. The Netherlands. Iss. 41 (2), 2007. Pp. 147-180.

ПРЕСУППОЗИЦИЯ И ФОНОВАЯ ЛЕКСИКА КАК КОМПОНЕНТЫ ЗАГЛАВИЙ СМИ

И.В. БУГАЕВА, К.М. СИДОРЧЕНКО
Московский государственный психолого-педагогический университет, Россия
kirill.sidorchenko@gmail.com

Ключевые слова: *прецедентное высказывание, заголовки СМИ, эвфемизм, устойчивые выражения, пресуппозиция, фоновая лексика.*

Статья посвящена вопросу семантического значения предиката в заглавиях СМИ и его лексической уместности. В связи с этим рассматриваются двусоставные новостные заголовки, включающие предикат и его семантически валентный актант. Предикат может выражаться словом, словосочетанием, устойчивым выражением в активной лексике, обладая при этом прецедентным феноменом. Ключевой функцией предиката является отсылка к нужной информации, источнику данных. Эта связь представлена в двух вариантах. Первый: отсылка к актанту – определяющей части предиката, а также к тексту статьи, пользовательским комментариям. Второй: отсылка к более общему и обширному источнику таких данных, как стереотип, массовое мышление, языковая картина мира, общественное сознание. В данной статье предлагается рассмотреть первый вариант с учетом теории о пресуппозиции и второй – с учетом теории о фоновой лексике.

IRINA BUGAYOVA, KIRILL SIDORCHENKO – Presupposition and lexical background as components of mass medias headlines

Key words: *precedent phrases, headlines of mass media, euphemism, active expressions, presupposition, lexical background.*

The article is devoted to the question of the semantic meaning of the predicate in headlines of mass media and its lexical relevance. This way, we considered two-part news headlines which include the predicate and its semantically valence actant. A predicate can be expressed by a word, a word combination, a stable expression in active speech, including precedent phenomenon. The key function of the predicate is to send the necessary information, the data source. This relationship represents two options. First: a reference to the actant - the definition of the predicate, also to the text of the article and user comments. Second: a reference to a more general and extensive source of such data as stereotype, mass thinking, language picture of the world, public consciousness. This article proposes to consider first option on the base of the theory of presupposition, and the second: lexical background.

Одна из главных функций заголовков – произвести впечатление на читателей. Использование прецедентного текста в новостных заголовках является одним из способов достижения аттрактивной функции в медиапространстве. При этом план содержания заглавия состоит из предиката в роли прецедентного высказывания (далее ПВ) и актанта в роли конструкции, заполняющей семантическую валентность предиката.

Например, ПВ «денег нет, но вы держитесь» стало преобладать в СМИ с 2016 года:

«Тезис "денег нет, но вы держитесь" будет актуален и в 2019 году»
(Regnum 25.12.2018);
«Деньги есть, но вы держитесь»
(ИА "Саратов Бизнес Консалтинг" 04.01.2019)

Данное выражение выполняет экспрессивную функцию, так как вызывает у читателей эмоции. Подобные заголовки считаются многокомпонентными. Во-первых, их структура состоит из предиката и актанта; во-вторых, семантически валентный актант подчеркивает настоящее значение ПВ и акцентирует внимание читателей. На первый взгляд, этим компонентом может быть контекст, встречающийся в актанте, в тексте статьи или в пользовательских комментариях. Но также возможен и еще один компонент: составляющие содержание слова, которые не участвуют в опосредованной языком деятельности человека. Данный компонент выражается в виде ассоциаций, возникающих в подсознании читателей при прочтении заглавия.

По масштабам первый компонент можно назвать частным относительно второго, ведь здесь наблюдаются связи-отсылки от предиката к актанту, тексту статьи (отдельно взятым словам, словосочетаниям, предложениям) и к пользовательским комментариям. Эти связи выглядят логическими, так как под первым объектом (предика-

том) подразумевается второй (актант, текст статьи…), то есть одно подчеркивает семантическое значение другого. Исходя из этого, первый компонент рассматривается с точки зрения теории о пресуппозиции.

Пресуппозиция – необходимый семантический компонент, обеспечивающий наличие смысла в утверждении [Падучева 1977: 22] – определяется как компонент смысла текста, являющийся предварительным знанием, без которого невозможно адекватно воспринять текст [Валгина 2004: 35]. Само понятие зародилось в XIX веке для проведения анализа высказываний на ложь и истину, поэтому использовалось преимущественно в логике. Более того, анализ высказываний при помощи выявления пресуппозиции помогает отличить утверждаемое от предполагаемого.

По мнению П. Стросона, пресуппозиция обозначает предпосылку, предположение высказывания, то есть то, что неявным образом скрыто в высказывании. Например, пословицу «Любишь кататься – люби и саночки возить» разделим на две части: «P» и «S». Как утверждает П. Стросон, часть «P» предполагает часть «S», то есть последняя является пресуппозицией для первой, если ее истинность является необходимым условием для того, чтобы «P» имело тоже истинное значение [Strawson 1963: 7]. Если «P» - «Любишь кататься», а «S» – «люби и саночки возить», то вышеприведенное логическое суждение доказывает истинность высказывания «Любишь кататься – люби и саночки возить».

В.А. Звегинцев под пресуппозицией понимает совокупность условий, которые необходимо удовлетворить, чтобы сделать уместным употребление высказывания и обеспечить эффектное воплощение в контексте и было понято адресату [Звегинцев 1976: 308]. Н.Д. Арутюнова рассматривает пресуппозиции как предпосылки и предварительные условия, которые создают почву для его употребления и позволяют достигнуть коммуникативной цели [Арутюнова 1973: 32].

Таким образом пресуппозиция выполняет следующие задачи:

1. определить смысловое значение выражения [Падучева 1977: 22];
2. отличить утверждаемое от предполагаемого [Fillmore 1969: 120];
3. определить уместность употребления высказывания [Звегинцев 1976: 308];
4. проверить высказывание на ложь и истину [Strawson 1963: 7].

В качестве примеров, где работает именно логическая связь пресуппозиции между предикатом и актантом, приведем такие заголовки СМИ:

«Наша сила – в единстве...»
(ferpravda.uz/?p=4065 14.03.2019);
«В семье сплоченной и единой!»
(ferpravda.uz/?p=1692 14.04.2018);
«Объединяющая сила духовности»
(ferpravda.uz/?p=1447 15.02.2018);
«Народ и армия – едины!»
(http://ferpravda.uz/?p=1149 13.01.2018);
«Единство и сплоченность – наше главное достояние»
(http://ferpravda.uz/?p=712 05.10.2017);
«Союз объединит молодежь»
(http://ferpravda.uz/?p=542 13.07.2017);
«В семье единой»
(http://ferpravda.uz/?p=287 04.05.2017)

В вышеприведенных примерах понятие «единства» отождествляется с *силой, армией, народом,* а внутри каждой новостной статьи рассказывается, почему.

Помимо пресуппозиции, в лингвистике есть такое понятие, как «фоновая лексика» (далее ФЛ), схожее по своим задачам. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров ввели понятие «фоновая лексика», под которой понимаются «составляющие содержание

слова, которые не участвуют в опосредованной языком деятельности человека. То есть – вся совокупность свойственных обыденному языковому сознанию информации, относящейся к слову» [Верещагин, Костомаров 1980: 7].

«Новый словарь методических терминов и понятий» определяет ФЛ как «социально или культурно-исторически обусловленные дополнительные представления, ассоциируемые с лексической единицей и связываемые с понятием» [Азимов 2009: 122]. ФЛ связана с таким понятием как «фоновые знания», т. е. «знания, присутствующие в сознании человека и той общности людей, к которой данный индивид принадлежит» [Верещагин, Костомаров 1980: 55].

Следует отметить учение Вильгельма фон Гумбольдта о гносеологической функции, где язык рассматривается как «средство познания мира» [Верещагин, Костомаров 1980: 7]. В данном исследовании интерес вызывает не мыслительная деятельность читателя, а ее конечный результат в виде ассоциаций. В связи с этим акцентируется внимание на кумулятивной функции языка, которая реализуется в сохранении в языковых единицах информации о постигнутой человеком действительности.

А.А. Потебня в своей работе «Мысль и язык» подчеркивает, что мысль, с которой когда-то было связано определенное слово, снова вызывается в сознании звуками этого слова. Ученый пишет, что имя известного лица способно вызвать в сознании более или менее ясно и полно образ того самого лица. «Эта мысль воспроизводится если не совсем в прежнем виде, то так, однако, что второе, третье воспроизведение могут быть для нас даже важнее первого. Обыкновенно человек вовсе не видит разницы между значением, какое он соединял с известным словом вчера и какое соединяет сегодня, и только воспоминание состояний, далеких от него по времени, может ему доказать, что смысл слова для него меняется» [Потебня 1999: 81].

Согласно вышеизложенному, основная задача ФЛ заключается в определении смыслового значения выражения и его уместного использования [Верещагин, Костомаров 1980: 7].

Для примера работы ФЛ приведем следующие заглавия СМИ:

«Город-герой Москва»
(radio_mohovaya9.tilda.ws/moskva);
«Москва не сразу строилась»
(kp.ru/daily/24565/738777/ 28.09.2010);
«Ташкент – город хлебный»
(fergana.agency/articles/106151/);
«Ташкент – столица дружбы и тепла»
(https://kulturologia.ru/blogs/260516/29691/)

Отождествление города с актантом находит свое отражение в фоновой лексике, включающей историю, культуру, стереотип, мышление. Москва не раз была подвергнута суровым испытаниям во времена многочисленных войн на протяжении всей истории, не раз была сожжена, но тем не менее – выстояла. Ташкент всегда отличался теплым климатом, гостеприимством, радушием и милосердием жителей.

Пресуппозиция и ФЛ являются компонентами, отвечающими за смысл. На наш взгляд можно провести аналогию пресуппозиции с обстоятельством. Если можно задать вопрос: «обстоятельство чего?» и получить ответ: «обстоятельство места, времени и т.д», то точно также можно спросить: «пресуппозиция чего?». Поэтому она рассматривается как компонент, как часть высказывания, а именно как компонент смысла заглавия СМИ. Такой же вопрос адресуется к ФЛ, которая может быть частью высказывания, предложения и всего текста. Кроме этого, пресуппозиция может быть только компонентом высказывания, которое должно быть истинным для того, чтобы предикат не воспринимался как некорректный в смысловом отношении.

Понятие «фоновые знания» относятся к пресуппозиции и ФЛ. Согласно Вильгельму фон Гумбольдту, фоновые знания возникают на основе кумулятивной функции языка: «знания, присутствующие в сознании человека и той общности людей, к которой данный индивид принадлежит» [Верещагин, Костомаров 1980: 9]. Отличие от пресуппозиции заключается в том, что в случае с ФЛ индивид выступает только носителем и источником национально-культурной информации.

Литература

1. *Азимов Э., Щукин А.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., ИКАР, 2009. С. 122.
2. *Арутюнова Н. Д.* Понятие пресуппозиции в лингвистике // ИАН ОЛЯ. Серия литературы и языка, 1973. № 1. С. 32.
3. *Верещагин Е., Костомаров В.* Лингвострановедческая теория слова. М., Русский язык, 1980. С. 7.
4. *Звегинцев В. А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М., МГУ, 1976. С. 308.
5. *Падучева Е. В.* Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. М., Русский язык, 1977. С. 22.
6. *Потебня А. А.* Полное собрание трудов: Мысль и язык. М., Лабиринт, 1999. С. 81.
7. *Fillmore C.* Types of lexical information. In studies in syntax and semantics. Dordrecht, 1969. P. 120.
8. *Strawson P.* On referring. In Caton E. (ed.) Philosophy and ordinary language. Urbana, 1963. P. 7.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ НЕМАРКИРОВАННЫХ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ИМЕН В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л.В. ВАЛЕЕВА, А.А. ДЕРЕЗА

Таврическая академия

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В. И. Вернадского», Россия

lv_valeeva@mail.ru; dereza_anna@mail.ru

Ключевые слова: *собирательность, имя существительное, немаркированный, метафора, метафорическая модель, семантика.*

В статье категория собирательности выделяется на основании первичности семантического критерия. Весь массив собирательных имен делится на группу маркированных и немаркированных языковых форм. К немаркированным именам относятся существительные, не имеющие специальных словообразовательных аффиксов со значением собирательности. Описаны метафорические модели анималистической (зооморфной) и антропоморфной групп (по классификации В.П. Москвина) немаркированных собирательных имен. Рассмотрены особенности каждой метафорической модели.

LYUDMILA VALEEVA, ANNA DEREZA – Metaphorical models of unmarked collective names in Russian

Key words: *collecting, noun, unmarked, metaphor, metaphorical model, semantics.*

In article the category of collecting is distinguished on the basis of primacy of semantic criterion. Array of collective names is divided into group of the marked and unmarked language forms. The nouns which do not have special word-formation affixes with value of collecting belong to unmarked names. Metaphorical models of animalistic (zoomorfny) and anthropomorphous groups (on V.P. Moskvin's classification) unmarked collective names are described. Features of each metaphorical model are considered.

Современный этап изучения категории собирательности характеризуется широким спектром подходов к рассматриваемому явлению. К классу собирательных существительных относят слова, в которых собирательность представлена семантически, грамматически, синтагматически, лексикографически и даже коннотативно.

История изучения категории собирательности включает рассмотрение собирательности как грамматической категории. При данном подходе для отнесения существительного к категории собирательности необходим словообразовательный показатель собирательности как альтернативная форма множественного числа у мотивирующих существительных. В данном подходе выделяется две вариации: собирательность как словообразовательный разряд и собирательность по правилу «треугольника» (*лист – листва – листья, матрос – матросня – матросы*). Вторым определением категории собирательности является представление ее как лексико-грамматического

разряда. При выделении разряда собирательных существительных используются морфологический (доминирующий) и семантический критерии. В этом случае ряд существительных дополняют слова *хлам, мебель, дробь, деньги, лом* (в значении ломаные предметы) и т.п. При третьем подходе категория собирательности рассматривается как лексико-семантический разряд. Группу собирательных существительных расширяют за счет включения в нее слов, удовлетворяющих семантическому критерию, способности передавать смысл «множественность, мыслимая как целое», но обладающих полной числовой парадигмой (*стадо, артель* и т.д.).

В конце XX века разрабатывается теория функционально-семантической категории собирательности в рамках функциональной грамматики А.В. Бондарко. Она опирается на утверждение французского лингвиста А. Мейе о том, что категория собирательности – понятийная категория, выражающая трактовку некоторого множества как целостной, нечленимой совокупности однородных предметов [Мейе 2001: 47], и на теорию понятийных языковых категорий И.И. Мещанинова [Мещанинов 1945]. Сторонниками этого подхода являются исследователи О.О. Лешкова [Лешкова 1984], Н.А. Ерошкина [Ерошкина 2000], И.Э. Еселевич [Еселевич 1979] и др. Согласно этой теории, существует ряд семантических признаков, которые являются «мотивирующей базой» грамматического и функционального своеобразия собирательных существительных и грамматических форм числа с обобщенно-собирательным значением. Семантика собирательности строится на указании на множество элементов, целостном характере этого множества, его количественной неопределенности, а также качественной однородности [Еселович 1979; Лешкова 1984]. И.Э. Еселевич утверждает, что грамматические признаки собирательных имен меняются с течением времени и поэтому в основу выделения группы собирательных слов определяются исключительно семантические критерии [Еселевич 1979: 13-20].

Представленное исследование выполнено в рамках семантического подхода, так как в русском языке существует большой корпус собирательных имен, не обладающих специальными словообразовательными маркерами, формирующими значение собирательности *(-j-, -няк-, -ник-, -ня-* и под.). Таким образом выделены группы маркированных и немаркированных собирательных имен. Немаркированные имена существительные со значением собирательности – это имена с семантикой собирательности, либо не обладающие формальным показателем (аффиксом) собирательности, либо образованные с помощью форманта, который не включен в список морфем со значением собирательности. Это такие слова, как *мебель, посуда, обувь, публика, богема, гнус, скот, серебро, транспорт, дебри, классика, контрабанда*, *импорт, галантерея, хрусталь, белье, писанина, финансы* и другие.

Цель исследования – выявить и системно представить способы метафоризации немаркированных собирательных имен в русском языке в соответствии с их тематической отнесенностью.

Метафоризация является одним из способов регулирования номинативной деятельности носителя языка. В рамках современной антропоцентрической парадигмы она считается одним из наиболее продуктивных способов смыслопроизводства. В основе процесса создания метафорических моделей особый характер связи с называемым объектом. Он достаточно разработан и обозначен как семантическая двуплановость [Балашова 2014: 20]. По мнению О.И. Глазуновой, метафорическая модель – уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления, в результате которого слова (словосочетания, предложения), предназначенные для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, употребляются для наименования других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков [Глазунова 2000: 177-178]. Для того чтобы взаимодействовали два смысла,

необходима их семантическая совместимость. В.П. Москвин семантически сгруппировал метафоры по тематической принадлежности вспомогательного субъекта (иначе говоря – в соответствии с тематической соотнесенностью сравнения, лежащего в их основе). В такие системы ученый включил метафоры, в основе которых лежит сравнение с рыбной ловлей, театром, также метафоры медицинские, военные, финансовые, политические и т.д. [Москвин 2006: 110].

В соответствии с классификацией В.П. Москвина была рассмотрена анималистическая (или зооморфная) метафора, которая основана на сравнении с животным миром.

Я их не знаю и знать не хочу, потому что ***они гнус*** *для нашего народа, нашей Родины* [Труд-7, 2013.04.02] – немаркированный собирательный субстантив *гнус* в метафорической модели является сопоставляемым объектом. В основе метафоризации лежит сравнение людей и насекомых на основании их общего контекстуально обозначенного признака – *кровососущие*. Существительное *гнус* имеет значение «совокупность мошкары» и переносное коннотативно окрашенное значение «кто-либо, причиняющий вред» [Словарь русского языка 1999: т. 1: 532]. Основа переноса закреплена в русской языковой картине мира и связана с фразеологизмом *пить кровь*, что означает «жестоко притеснять, мучить кого-либо» или «причинять вред». В русском языке встречается образная номинация *кровососущие* по отношению к группе людей, ср.: *И гордость – работать на заводе – счастье для любого туапсинца. И вот на этом гиганте завелись некие* ***кровососущие*** *существа. Да что уж там говорить, не завелись, а процветали. И не кровью питались, а миллиардами государственных рублей* [РГ, 2016.15.03].

В русском языке распространена метафорическая модель зооморфной группы, включающая немаркированное собирательное имя с ярко выраженным коннотативным элементом в функции замещающего объекта. Например, собирательный субстантив *скот: Многие рассматривают СМИ как силу, на которую трудно повлиять, в то время как большинство журналистов полагают, что их погоняют, что* ***они скот*** *– то есть также считают себя бессильными* [Известия, 2014.04.15]. Метафора *они* [*журналисты*] *скот* создана на общности контекстуально активизированной семы «куда поведут, туда и пойдут за большинством», характерной для имени существительного *стадо*, входящего в один парадигматический ряд со словом *скот*.

Выделены метафорические модели анималистической группы, в которых немаркированные собирательные существительные других тематических групп выступают в роли описываемого объекта, а сопоставительный элемент метафоры эксплицирует свойство, признак представителей животного мира. «***Породистая»*** *деревянная* ***мебель*** *и различные элементы интерьера из дерева всегда создавали ощущение теплоты и уюта. Эстетичность и изящество зависят уже от мастеров, которые изготавливают мебель по индивидуальному заказу, и от породы материала* [Комсомольская правда, 2013.11.06]. В состав метафоры входит элемент «породистая», который чаще всего характеризует одушевленные сущности (ср. *породистая кошка, породистая лошадь, породистый щенок*). Основой метафоризации является омонимия языкового элемента «порода», так как в контексте речь идет о мебели из разных пород деревьев. Перед нами случай формирования зооморфной метафоры как средства языковой игры.

Активно образуются метафорические модели антропоморфной группы, в которых немаркированные собирательные существительные выступают в функции описываемого объекта.

Каждый год в середине августа в наших озерных краях начинается канонада, от которой ***прыгает посуда*** *на летних кухнях* [Комсомольская правда, 2011.08.16]. Глагол *прыгать* в прямом своем значении характеризует действие, выполняемое чаще

всего человеком, однако в данной метафорической модели сочетается с собирательным немаркированным существительным *посуда*.

Подобная модель метафоры построена на включении в ее структуру имплицитного олицетворения собирательных субстантивов с помощью глагольной лексики: *Современная детская* ***литература живет*** *в информационном вакууме* [РБК Дейли, 2013.04.13]; *Колодец сломан, электричества нет,* ***транспорт не ходит*** [Новгородские ведомости, 2013.07.24]; ***Мусор ищет*** *себе дом, или Щитовая уличная реклама Воронежа не перестает удивлять горожан* [Комсомольская правда, 2013.02.18].

В процессе метафоризации могут участвовать омонимичные словоформы. Рассмотрим примеры следующего словоупотребления. *И вот понеслась одна* ***писанина*** *от моих подчиненных – мало игр, начали приходить с просьбой назначить на матчи определенной команде… – Почему?* [Советский спорт, 2013.04.22]; *В комнату, где шла* ***писанина*** *бумаг и опрос продавцов, ввели еще одного южанина, которого прищучили за расфасовкой черной икры* [Труд-7, 2013.03.11].

В первом примере контекст подтверждает семантику собирательности субстантива *писанина*, так как речь идет об однородном количестве бумаг. Метафора создана с помощью переноса действия одушевленного лица *понеслась* на совокупность предметов *писанина*. Во втором примере метафора образуется с помощью глагола *шла* и существительного *писанина* в значении «процесс письма», то есть с отвлеченной семантикой.

Особое место среди метафор антропоморфной группы занимают метафорические модели оценочно-экспрессивного типа. Такие метафоры могут включать более двух элементов, образовывать прецедентные тексты: *Когда* ***финансы поют романсы****, люди все чаще переходят с употребления соков, кофе и даже покупной воды на чай* [Комсомольская правда, 2014.08.28]; *Мировые* ***финансы запели женские романсы****?* [Комсомольская правда, 2013.10.17], *Надо, чтобы все было тихо, не выходило за пределы района, так как* ***деньги любят тишину*** [Известия, 2013.10.14].

Таким образом, существует несколько способов вербализации семантики собирательности в русском языке. Имена существительные, образованные с помощью специальных словообразовательных формантов со значением собирательности, представляют группу маркированных собирательных имен. Остальные имена существительные с семантикой собирательности образуют группу немаркированных собирательных имен (*посуда, обувь, деньги*). Немаркированные собирательные существительные активно образуют метафоры. В анималистической (зооморфной) группе в соответствии с семантической классификацией В.П. Москвина собирательные существительные выступают в функции сопоставляемого объекта, в антропоморфной метафоре играют роль описываемого объекта (*посуда прыгает, литература живет*). Немаркированные существительные со значением собирательности являются эффективным средством создания языковой игры, зависят от контекста, участвуют в образовании прецедентных текстов.

Литература

1. *Балашова Л.В.* Русская метафорическая система в развитии XI – XXI вв. М.: Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. 632 с.

2. *Глазунова О.И.* Логика метафорических преобразований: монография. СПб.: Буква, 2000. 316 с.

3. *Ерошкина Н.А.* Существительные со значением собирательности: На материале слов, обозначающих совокупности людей / автореф. дис. … канд. фил. наук: спец. 10.02.01, «Русский язык». М., 2000. 185 с.

4. *Еселевич И.Э.* Из истории категории собирательности в русском языке: очерки. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 160 с.

5. *Лешкова О.О.* К вопросу о функционально-семантической категории собирательности в русском и польском языках / автореф. дис. … канд. фил. наук: спец. 10.02.03, «Славянские языки». М., 1984. 246 с.

6. *Мейе А.* Общеславянский язык / общая редакция С. Б. Бернштейна. 2-е издание. Москва: Издательская группа «Прогресс», 2001. 491 с.

7. *Мещанинов И.И.* Понятийные категории в языке. М., Л: Труды военного института иностранных языков, 1945. № 1. С. 5-17.

8. *Москвин В.П.* Русская метафора. Очерк семиотической теории. М.: Ленанд, 2006. 184 с.
9. Словарь русского языка: В 4-х т. / [РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой]. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

ПАССИВНАЯ ЛОЖЬ VS АКТИВНОЕ МОЛЧАНИЕ В ПОВЕСТЯХ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

Д.Ю. ГАЗАРОВА
Ереванский государственный университет, Армения
dgazarova@ysu.am

Ключевые слова: *концепт «обман», русская лингвокультура, категория умолчания, активная и пассивная ложь, «художественный обман».*

Статья посвящена способам выражения концепта «обман» в повестях С. Довлатова, сравнению глаголов «обманывать», «лгать», «врать» и «молчать», их значений в русской лингвокультуре и особенностям их употребления в повестях Довлатова, где обман проявляется в двух формах: активной и пассивной.

DIANA GAZAROVA – Passive lie vs active silence in Sergei Dovlatov's works

Key words: *concept «deception», Russian linguoculture, category of default, active and passive lie, «artistic deception».*

The paper is devoted to the ways of expression of the concept «deception» in S. Dovlatov's works, to the comparison of the verbs «обманывать», «лгать», «врать» and «молчать» and their meanings in Russian linguoculture and the features of their using in Dovlatov's stories, where lie is manifested in two forms: active and passive.

В русской культуре вообще и в русской литературе в частности довольно значительное место занимает концепт «обман». «Ложь и обман являются диахронической константой человеческого бытия» [Панченко 2005 : 192]. Как отмечает Б.Ф. Егоров, «существует уже многовековая традиция считать литературу и искусство обманом, ибо они преподносят нам «невсамделишное», сочиненное, а не реальную действительность» [Егоров 2012 : 102]. В русской лингвокультуре сложилось два противоположных отношения к «говорению неправды». С одной стороны, иногда отмечается, что русская культура чрезвычайно высоко ценит правду и предписывает говорить правду (*резать правду-матку в глаза*), даже если это может быть неприятно собеседнику. С другой стороны, целый ряд авторов (как русских, так и зарубежных), напротив, считает, что русские во многих случаях более терпимо относятся к тому, чтобы говорить неправду, нежели представители многих других культур, в частности англосаксонской [Шмелев 2012 : 506].

Отношение к обману, лжи в русской культуре бывает разным, вплоть до прямо противоположного. Нас интересует, каким образом концепт «обман» вербализуется в творчестве Сергея Довлатова (на материале глаголов «обманывать», «лгать», «врать»).

Мы рассмотрели и проанализировали определения интересующих нас глаголов в различных словарях (**Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка; **Ожегов С.И.** Словарь русского языка; **Ушаков Д.Н.** Толковый словарь современного русского языка; **Ефремова Т.Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный; **Апресян Ю.Д.** Неправда, ложь, вранье // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка; Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под общей редакцией академика РАН Н.Ю. Шведовой.). Мы распределили отмеченные исследователями признаки данных слов в виде следующей таблицы:

ОБМАН	ЛОЖЬ	ВРАНЬЕ
не только слова, но и действия	слова	слова

вызывает осуждение	вызывает осуждение, за исключением лжи во спасение (но и в этом случае она часто воспринимается отрицательно)	не вызывает/не всегда вызывает осуждение
нет оправдания	нет оправдания (за исключением лжи во спасение)	может быть оправдано
обязательно наличие цели корыстные цели	обязательно наличие цели (в противном случае это кажется бессмысленным) личная выгода	не всегда имеется цель, врать можно просто так, для красного словца говорящий врет не ради личной выгоды, это может происходить просто так (так называемое «художественное вранье»): врет, потому что это делает жизнь интереснее
обязательно имеется адресат	обязательно имеется адресат	необязательно имеется адресат
планирование, некая продуманная совокупность взаимосвязанных действий или высказываний	тщательное планирование	спонтанность
сознательное введение собеседника в заблуждение	сознательное введение собеседника в заблуждение	чаще – несознательное введение собеседника в заблуждение, по неосторожности
обман опасен и вредоносен	ложь опасна и вредоносна	вранье может быть безобидным
обманувший теряет доверие людей	солгавший теряет доверие людей, дружба с лгуном не приветствуется	вранье ненаказуемо
не всегда тут же изобличаем и потому может быть долговечным	не всегда тут же изобличаема и потому может быть долговечной	недолговечно: из-за неподготовленности вранья его легче изобличить, чем ложь

Рассмотрим, как эти значения проявляются в произведениях Сергея Довлатова. Самое главное отличие лжи от вранья состоит в том, что ложь всегда вызывает осуждение, а не просто неодобрение, и потому у Довлатова так много сочетаний этой лексемы со словами с отрицательной оценкой:

Человек ***стыдился лгать****. Стыдился заискивать перед властями* («Марш одиноких»).

В силу ***гнусной*** *привычки ко лжи я изобразил уныние* («Компромисс»).

Наше ***себялюбие и фарисейство****.* ***Нетерпимость*** *и* ***ложь****.* ***Своекорыстие*** *и* ***продажность****…* («Ремесло»)

Все люди ***жестоки*** *по-разному. Мужчины, например,* ***грубят*** *и* ***лгут****. Изворачиваются, как только могут* («На улице и дома»).

Ложь заранее планируют, тщательно продумывают, и потому она требует определенных усилий, она не бывает спонтанной:

– Какое у тебя, паразита, дело? Трудно лгать Михал Иванычу, ослаб. («Заповедник»)

Нужно было выслуживаться, лгать, карабкаться по трупам. («Зона»)

Вранье же, в отличие от лжи, которая неизбежно наказуема и постыдна, не вызывает осуждения, оно не всегда одобряется, но ненаказуемо.

Даже интеллигентные люди врут, что у них приличная зарплата («Компромисс»).

Вранье не наносит вреда, и потому с этой лексемой возможны сочетания со словами положительной оценки:

Алла врала что-то ***трогательное*** *в своей неубедительности, якобы Одри Хепберн прислала ей красящий шампунь* («Компромисс»).

Как ***благородно*** *эволюционировало вранье за последние двести лет!* («Компромисс»)

Именно поэтому во вранье несложно сознаться, поскольку оно не входит в систему общепринятых осуждаемых действий:

Я сам всегда рублей двадцать прибавляю, хотя действительно неплохо зарабатываю… («Компромисс»)

Незабудки, розы, хризантемы всяческие… – Врешь, – сказал я. – Вру, – согласился Фидель, – только дело же не в этом («Зона»).

Одним из основных компонентов значения глагола «врать» является сема ошибки, неосторожности, ненамеренного, случайного искажения действительности:

Стала она заходить, типа выстирать, погладить… Сошлись мы на Пасху… Вру, на Покрова… («Компромисс»)

Такие случаи употребления глагола «врать» А.Д. Шмелев называет «легкомысленным враньем», свойственным «человеку, не особенно заботящемуся об истинности своих высказываний. При этом человек, который пытается никогда не *врать* и избегать даже «легкомысленного» *вранья*, может восприниматься как чрезмерный педант, и с этой точки зрения возможен подход, оправдывающий *вранье»* [Шмелев 2012: 514].

Вранье, в отличие от лжи, не преследует личной выгоды. Существует разновидность вранья – «художественное» вранье – игра воображения, вымысел, болтовня, не имеющая отношения к действительности. Такое вранье вполне невинно: в качестве цели оно преследует не личную корысть, а развлечение, потому что оно интереснее, забавнее, увлекательнее правды [Апресян 2003: 670]. Ср.:

Бескорыстное вранье – это не ложь, это поэзия («Компромисс»).

Где вы учитесь? Тут она начала врать. Какая-то драматическая студия, какая-то пантомима, югославский режиссер вызывает ее на съемки («Компромисс»).

Как отмечает А.Д. Шмелев, такое *вранье* представляет собою своего рода «приправу» к правде, делающую правду менее «пресной» [Шмелев 2012: 509]. Как нам кажется, довлатовские произведения характеризуются именно таким – «художественным» – враньем.

Однако, несмотря на то, что в произведениях Довлатова отражаются все основные значения глаголов «лгать» и «врать», принятые в русской лингвокультуре, тем не менее, наряду с этим мы находим и непрототипические употребления глагола «лгать». Так, у Довлатова часто встречается глагол «лгать», употребленный в значении, присущем глаголу «врать». Ср.:

– «Континент», где обо мне написано, читали?

– Нет, - солгал я. («Уроки чтения»)

– Вы заказывали четыре порции бренди? – Да, – солгал я почти без колебаний («Филиал»).

Во всех приведенных примерах перед нами случаи «бытового» и «легкомысленного» вранья, когда говорящий не стесняется признаться во лжи (= вранье), ведь это не осуждается: это всего лишь ошибка, свойственная людям. Ложь в довлатовских произведениях принимает будничные, обыкновенные черты. В русской лингвокультуре же это значение присуще только глаголу «врать».

Он лгал теперь без всякого повода. Он лгал даже в тех случаях, когда это было нелепо. («Иностранка»)

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что герои Довлатова и Довлатов-рассказчик тяготеют к использованию «художественного», «бытового» и «легкомысленного» вранья, в этих значениях употребляется и глагол «лгать».

Г. Доброзракова, давая классификацию обманов в творчестве Довлатова, выделяет следующие их типы: иллюзия (самообман, когда кажущееся принимается за действительное), мистификация (обманное создание текста, выдумка мифического автора), розыгрыш (операция с ложным сообщением), «художественная обманность» [Доброзракова 2016: 18]. Мы можем предположить, что глаголы «лгать» и «врать» в произведениях Довлатова употребляются именно для создания «художественной обманности». Герои Довлатова врут, привирают, недоговаривают, но не лгут. Все случаи «вранья» в произведениях Довлатова носят сиюминутный, в большинстве своем спонтанный характер, здесь врут для украшения действительности, а не из каких-либо корыстных целей, вводя людей в заблуждение. В связи с этим нам было интересно убедиться в том, что у Довлатова очень редко встречается употребление глагола «обманывать», который содержит в себе сему «мошенничество». Отметим, что данный глагол встречается лишь в контексте обмана каких-то государственных ведомств или, выражаясь терминологией из другой области, – казенных домов:

Налоговое ведомство обманываем. В конкурентов постреливаем… («Зона»)

Партнеров обманываем. Документы подделываем. Контрабандными сигаретами торгуем («Марш одиноких»).

Герои довлатовских произведений совершают, если можно так выразиться, преступления средней степени тяжести: привирают, врут для красного словца, лгут же редко и еще реже – обманывают. Как отмечает Ю.Д. Апресян, обман предполагает «некий план и, следовательно, некую продуманную **совокупность** взаимосвязанных действий или высказываний» [Апресян 2003: 669]. Герои же Довлатова характеризуются тем, что они врут, потому что ничто человеческое им не чуждо, потому что так получилось, часто врут, не подумав, а отнюдь не намеренно искажают правду. Если герой обманывает, то Довлатов находит этому оправдание (в отличие от этических норм русской лингвокультуры):

Ведь ему предоставляется шанс, счастливая возможность обмануть государство (а иногда и своего знакомого), урвать шальные деньги, бессознательно отомстить неведомым высоким инстанциям за свое нищенское существование («Трудное слово хамство»).

Довлатов оправдывает обман именно потому, что в его художественном мире не обманывают, не лгут в преступном, мошенническом смысле: герои лишь приукрашивают действительность, ошибаются, врут, часто даже не зная, зачем. А ведь, как отмечено во всех рассмотренных нами словарях, глаголы «обманывать» и «лгать» характеризуются именно наличием цели. Таким образом, главное назначение лжи в довлатовском творчестве, на наш взгляд, – это приукрашивание действительности. Из многочисленных видов вранья довлатовские герои предпочитают его пассивную версию – молчание.

Н. Панченко, рассматривая концепт «обман», выделяет пассивную и активную ложь. Под пассивной ложью понимается «замалчивание или сокрытие истинной информации» [Панченко 2005 : 186]. Пассивная ложь (факт молчания), будучи сознательно ненормативным действием человека, также подлежит этической оценке – стыдно/некрасиво/безнравственно молчать. Молчание в этом случае рассматривается как уклонение от обязанностей, отступление от нравственных предписаний, квалифицируется как ненормативное и приравнивается к отрицательной акции – лжи [Панченко http].

В произведениях Довлатова часто встречаются случаи именно пассивной лжи, в частности, этому способствует употребление глагола «молчать»:

Когда же я расспрашивал о войне, дядя упорно молчал («Наши»).

Ее родители о чем-то догадывались, но молчали. Пришлось Марусе с ними объясниться («Иностранка»).

Н.Д. Арутюнова отмечала, что «молчание – отрицательный феномен, и это затрудняет разговор о значении «слов молчания» [Арутюнова 1994: 106]. Довлатов никогда не недооценивал роль молчания:

Я выходил из себя – жена молчала. Молчание – огромная сила. Надо его запретить, как бактериологическое оружие («Наши»).

В его произведениях молчание (в значении умалчивания) играет очень важную, конструктивную роль. И оно не всегда осуждается:

Когда храбрый молчит, *трусливый помалкивает* («Компромисс).

Следует отметить, что глагол «молчать» в повестях С. Довлатова чаще всего используется именно в значении умолчания. В указанных нами словарях у глагола «молчать» отмечаются различные значения, однако все они в основном сводятся к одному: безмолвствовать, не произносить ни звука. В то время как у глагола «умалчивать» выделяется как раз значение предумышленного сокрытия правды. В связи с этим интересен следующий пример, где молчание, тишина приравнивается к обману:

Тишина продолжалась неделю. Затем обман был раскрыт («Наши»).

В отличие от лжи, у умолчания иная прагматическая задача. Лгущий намеренно искажает истину, умалчивающий же не высказывает ее, а намеренно умалчивает и избегает прямого выражения истины. На намеренность молчания указывает и Н. Арутюнова: «Признак контролируемости сопутствует молчанию. Можно молчать в нерешительности, но и нерешительность эквивалентна решению. В терминах молчания не говорят о ситуациях невладения речью. О младенце не скажут, что он молчит. Глагол *молчать* неприменим к немому. Его не относят также к случаям невладения тем или другим конкретным языком: можно *не говорить*, но не *молчать* по-итальянски» [Арутюнова 1994: 108]. И далее: «*Молчать* обычно предполагает сознательность действия, а отрицательная форма *не говорить* лишена жесткой связи с контролируемостью» [Арутюнова 1994: 108]. Продолжая мысль, высказанную Арутюновой, отметим, что у Довлатова молчание предполагает сознательность не действия, а бездействия, попыток избежать прямого называния правды:

Я в таких случаях больше молчал. Америка мне нравилась («Ремесло»).

Перелистайте русские газеты и журналы. Сколько ненависти и злобы! Сколько зависти, гонора, убожества и притворства!.. Молчим. Привыкли… (Марш одиноких»)

Я молчал, боясь огорчить Тасю, вызвать ее раздражение («Филиал»).

Главное, что объединяет глаголы «молчать» и «лгать», – это именно сознательное, намеренное скрытие правды. Если соврать человек может по неосторожности, не подумав, то солгать и промолчать он может только сознательно, это всегда обдуманное решение. И в этом смысле, как нам кажется, молчащие (= умалчивающие) довла-

товские персонажи порой ведут себя активнее, чем лгущие (= врущие). Еще раз подчеркнем, что молчание у Довлатова приравнивается к умолчанию.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что герои Довлатова, молча и умалчивая, продуцируют активную ложь, потому что в этих случаях они всегда преследуют какую-либо цель, личную выгоду и молчат они всегда сознательно и намеренно. И наоборот, лгущие герои Довлатова лгут пассивно, не преследуя корыстных целей, лгут по ошибке, их ложь не вызывает осуждения и часто оправдана как самим автором-рассказчиком, так и нами, читателями.

Литература

1. *Апресян Ю.Д.* Неправда, ложь, вранье // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Школа «ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ», 2003. С. 668-673.

2. *Арутюнова Н.Д.* Молчание и чувство // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 106-117.

3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1981.

4. *Доброзракова Г.А.* Мотив обмана в творчестве С. Довлатова // Вестник ЕГУ. Русская филология, 2016, вып. 3 (6). С. 18-35.

5. *Егоров Б.Ф.* Обман в русской культуре. СПб: Росток, 2012. 192 с.

6. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Электронный ресурс.] URL: http://www.efremova.info/word/obmanyvat.html#.WUJtkpKGPIU_Дата последнего обращения 20.05.2019.

7. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990.

8. *Панченко Н.Н.* Обман // Карасик В.И., Стернин И.А. Антология концептов. Т. 1. Волгоград, 2005. С. 176-194.

9. *Панченко Н.Н.* Ложь в коммуникации. [Электронный ресурс.] URL: http://www.communication.-vspu.ru/panch.html Дата последнего обращения 10.05.2019.

10. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. / Под общей ред. академика РАН *Н.Ю. Шведовой*. М.: РАН, Ин-т рус. яз., 2007.

11. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014.

12. *Шмелев А.Д.* Вранье в русской «наивной этике» // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 506-517.

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ УСТНОЙ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ КАК ОСНОВНОГО АСПЕКТА ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА

С.Н. ГАРАНИНА

Российский университет дружбы народов, Россия

swetlanagaranina@yandex.ru

В.М. ГАРАНИН

Российский университет дружбы народов,Россия

garaninvalery@yandex.ru

Ключевые слова: *жанры, лексические единицы, деловая разговорная речь, профессионализмы, синонимы.*

В деловом устном языке есть определенные отличительные признаки от письменного делового языка. Язык документов и переговоров – это особый мир, в котором необходимо достаточно хорошо ориентироваться. Здесь необходимо помнить не только об оформлении речи, например в ходе деловых переговоров, но также и о лексическом наполнении.

SVETLANA GARANINA, VALERY GARANIN – The modern features of the lexical stateregistration or albusiness communication as a major dimension of the business language

Key words:*Genres, lexicalitems, businessspeaking, excellences, synonyms.*

In the business or allanguage has certain distinctive features from the written business language. Language of documents and negotiationsis a special world in which you want well enough to navigate. Here it is necessary to remember not only about making a speech, for example in the course of business negotiations, but also on the lexical content.

В предыдущей статье мы рассматривали особенности письменного делового языка. Сейчас нам очень бы хотелось проанализировать различия между письменным и устным деловым языком. Такчем же отличаются две разновидности, казалось бы, одного аспекта делового языка: письменный и устный деловой язык? В письменном деловом языке остались жесткие требования, которые были выработаны очень много лет назад. Что же касается устного делового языка, то, как мы видим, в последнее время от этих требований все больше и больше отходят. Возьмем, например, речь политиков, они в данный момент на переговорах стараются использовать нормальный человеческий язык, понятный каждому человеку, а не заштампованный, клишированный, как это было раньше.

Речевое оформление устных жанров более свободно, чем у письменного делового языка, но и здесь важна однозначность и точность информации. Наряду с лексическими единицами языка особенно значимыми становятся функциональные высказывания, различные типы речевого взаимодействия собеседников, функциональные сверхфразовые единства, варианты речевой реализации коммуникативных намерений собеседников, вариативные способы коммуникативного реагирования, техника речевого общения и т.д. Это в первую очередь происходит в языке политики.

Деловая речь бизнесменов имеет свою лексическую специфику, которая проявляется в том, что её деловой язык на переговорах – это могут быть как переговоры на высшем уровне, так и заключение элементарных контрактов – несет на себе конкретный деловой характер и не дает проникать в устный деловой язык средствам художественной литературы. Для двухстороннего общения в деловой речи характерен определённый отход от обычного общелитературного языка.

В устном деловом языке существуют некоторые слова и обороты в устной деловой речи, которые имеют более широкие границы лексической сочетаемости, чем в литературном языке. Например, глаголы: «обеспечить», «выполнять», «осуществлять» имеют здесь практически неограниченную сочетаемость. Переговоры на высоком научно–техническом уровне предопределяют специальную лексику, обороты профессионального характера и речевые формы, связанные с наименованием различных товаров, сфер деятельности. Среди них, можно сказать, на первом месте производственные термины, то есть они являются официально закреплённым перечнем названий технических понятий.

Деловая устная речь при общении на переговорах бизнесменов, политиков имеет упрощённый характер, чем деловая письменная документация, поскольку в ней все четко фиксировано. Это вовсе не значит, что слова, обозначающие абстрактные понятия, здесь не могут употребляться. Однако, если посмотреть в количественном отношении, то мы увидим, что в устной деловой речи по сравнению с письменной речью их значительно меньше. В деловой речи часто можно встретить слова, не ставшие общеупотребительными, но активно используемые в деловой сфере. Это так называемые профессионализмы в речи бизнесменов, политиков, экономистов, которые служат для обозначения различных политических, экономических понятий, производственных процессов, реализации, сырья, получаемой продукции и т. д. В деловой устной речи профессионализмы воспринимаются как так называемые «полуофициальные» слова, которые не имеют научного характера. Например, если взять производство и эксплуатацию автомобильно-машинной техники,профессионализмы существуют в устной разговорной речи: «баранка» – «рулевое колесо», «корзинка» – «механизм сцепления». В устной речи полиграфистов можно услышать: «хвост» – «нижнее поле страницы», «забитый шрифт» – «шрифт, находящийся долгое время в набранных гранках».

Преимущество профессионализмов перед их общеупотребительными эквивалентами в том, что они служат для различения конкретных близких по значениям поня-

тий, которые не для специалистов в конкретной области имеют одно общее название. Благодаря этому специальная лексика для людей одной профессии является средством наиболее точных и логичных выражений ихмысли. Можно сказать, информационная ценность профессионализмов утрачивается, когда с ними сталкиваются неспециалисты, поэтому использование их в речи бизнесменов, политиков, экономистов ощутимо важно.

Явным недостатком у деловых людей на переговорах являются словоупотребления в деловой речи,относящиеся к наличию в ней слов-паразитов: «так», «так сказать», «понимаете», «значит», «вот». Такие слова не украшают деловую речь, а только вызывают раздражение. Как правило, эти слова доказывают, что деловые люди не уверены в том, что вы говорите. Хотя, что делать, если человек с детства привык их употреблять, они могут выскакивать непроизвольно, даже у высокопоставленных чиновников, которые должны следить за своей речью.

По правилам функционирования делового языка наличие канцеляризмов и штампов в деловой речи вполне закономерно, однако это совершенно не означает, что в деловом устном разговоре на переговорах ими можно злоупотреблять. Особенно мешает ясности и точности высказываний злоупотребление иностранными словами, которые незаконно вошли в такой богатый язык, как русский. Часто этому сопутствует и элементарное незнание заимствованного слова из английского языка. Нередко и исконно русские слова употребляются неточно, вопреки их значению, и тогда рождаются фразы типа: «Большая половина товара осталась нереализованной», «На нашем рынке эта компания работает уже ряд лет».

Очень часто в устной речи, не зная точного значения слова,происходит нарушение в результате синонимии терминов. Термины – синонимы на переговорах бизнесмены в одном высказывании не должны использовать. Не допускается, когдаделовые люди говорят, то «разряжение», то «вакуум», или, то «водяная турбина», то «гидротурбина». Существует другая ситуация на деловых переговорах по закупкам продукции, когда в деловом разговоре используют то «томаты», то «помидоры». Должно быть, одно конкретное слово или томаты, или помидоры.

В разговорной речи политиков, бизнесменов, чтобы использовать обозначения новых понятий, частомогут создаваться новые слова от иностранных по словоупотребительным моделям русского языка.В результате можно наблюдать такие неуклюжие слова, которые с точки зрения русского языка являются абсолютным безобразием, например: «шлюзовать» - от слова «шлюз», «штабелировать» - от слова «штабель», или «кабелировать» - от слова «кабель».

Нельзя также принимать за норму, когда образуют от двух русских слов новое русское слово на иностранный манер, сейчас почему-то это очень особенно модно, например, вместо русского слова «штабелеукладчик» возможнозачастую услышать «штаберёр» или даже «штабелятор». Ещё непонятнее, когда в устной деловой речи, появляются новые слова, являющиеся не совсем благозвучными, например, вместовсем понятного слова «сортировочная машина» - «сортиратор», от слова «блюдо» работники современной ресторанной службы используют на работе такие новые слова, как «блюдаж» и «разблюдовка».

Характерной отличительной чертой деловой устной речи, по нашему мнению, является также её краткость, точность, конкретность, но в этом аспекте в последнее время достаточно много произошло изменений.

Литература

1. *Баско Н.В., Михалкина И.В., Нестерская Л.А., Норейко Л.Н.* Системный и прагматический подходы при отборе и организации содержания учебного пособия «Лексика делового человека». Сборник статей из V международной конференции «Русский язык в сфере бизнеса». Ostrava, 1997.

2. *Валгина Н.С.* Функциональные стили русского языка. М.: Издательство МГАП «Мир книги», 1984.

3. *Голуб И.Б.* Стилистика современного русского языка. 2 – е изд., исп. – М.: Высшая школа, 1986
4. *Маерова К.В.* Практикум по русской устной и письменной речи. Учебное пособие по деловому языку. – М.: РУДН, 1977
5. *Маерова К.В.* Обучение студентов – иностранцев официально – деловой речи. Учебное пособие. – М., 1983
6. *Гаранина С.Н.*Сборник научных статей в рамках международной научной конференции «III Новиковские чтения: Функциональная семантика и семиотика знаковых систем», статья «Лексические особенности официально – делового стиля речи.» М., Изд-во РУДН, с. 163-168.,2011
7. *Гаранин В.М.,Гаранина С.Н.*Сборник научных статей в рамках международной научной конференции «III Новиковские чтения: Функциональная семантика и семиотика знаковых систем», статья «Семантические, грамматические и лексические принципы обучения иностранным языкам.»М., Изд-во РУДН, с. 158 -163., 2011
8. *Гаранина С.Н.,Гаранин В.М.*Сборник статей. Международная научная конференция к 85-летию профессора Геннадия Прокофьевича Мельникова. Языковая системотология, статья «Категории морфологии и синтаксиса в деловом общении.» М.: РУДН, с. 286-291., 2013

СМЫСЛОВЫЕ АССОЦИАЦИИ КАК МЕХАНИЗМ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ

Р.Р. ГРДЗЕЛЯН
Ереванский государственный университет, Армения
ruzan.grdzelyan@ysu.am

Ключевые слова: *сходно звучащие слова, смысловые ассоциации, смыслопорождение.*

Статья посвящена описанию механизмов порождения смысла у сходно звучащих слов. Подобный анализ основан на тезисе Р.О. Якобсона, согласно которому «сходно звучащие слова уподобляются смыслами». С этой точки зрения в статье дается описание семантики и употребления трех армянских сходно звучащих слов, являющихся обозначением абрикоса, радуги и одного концептуального для армянского языка цветообозначения.

ROUZAN GRDZELYAN – Semantic Association as a Mechanizm of Sense

Key words: *similar-sounding words, semantic associations, meaning creation*.

The article deals with one of the types of meaning creation characteristic of similar-sounding words. The description is based on R.O. Jacobson's thesis about the similarity of meanings between such words. From this point of view describes a similar-sounding Armenian word meaning ‘apricot’, ‘rainbow’ and their semantic association with the one Armenian conceptual word.

Словесный ряд ծիրան, ծիրանի, ծիածան (ծիր ածան, ծիրանի գոտի) объединяет слова со сходным звучанием. Являются ли они генетически родственными или нет? Вопрос, безусловно, интересный, но в то же время для нас в данном случае не суть важный, поскольку для сходно звучащих слов при их синхронном анализе «генетические вопросы опять-таки совершенно не существенны», так как «парономазия (паронимия), или смысловое сближение фонологически сходных слов, независимо от их этимологической связанности, играет значительную роль в жизни языка» [Якобсон https:].

Согласно Р.О. Якобсону, «сходно звучащие слова уподобляются смыслами» [Якобсон 1987 : 373]. Далее мы во многом будем основываться на данном тезисе Р.О. Якобсона, который позволяет говорить об образовании ассоциативных смысловых связей между сходно звучащими словами, а следовательно, о бытовании в дискурсе словесно-образного смыслового ряда. Безусловно, уже по факту своего звукового сходства в армянском языковом сознании цвет – ծիրանի, абрикос – ծիրան и радуга – ծիածան в той или иной степени «окутаны» неким общим «ореолом» смысла и ассоциируются друг с другом.

В целом игнорируя фактор генетического родства этих слов, мы тем не менее попытаемся описать существующие в армянской лексикографии этимологические интерпретации. Так, слово ծիածան 'радуга' имеет синонимы ծիրանի գոտի, ծիր ածան (որպես ծիրանազարդ) / ածեալ / ածող - 'яркий'/ 'разноцветно-яркий' /

'пурпурно-яркий пояс', 'приносящий, описывающий дугу'. Таким образом, в одном из своих названий (ծիրանի գոտի) армянское слово «радуга» восходит к слову ծիրան 'абрикос' и генетически родственному с ним цветообозначению ծիրանի. Согласно данным Корневого словаря армянского языка Гр. Ачаряна, слова ծիրան 'абрикос' и ծիրանի 'яркий, пурпурный' являются заимствованными и, по данным различных источников, могут восходить к персидскому zar 'золото', zard-alu 'абрикос' и турецкому sarə 'жёлтый', санскритскому hiranya и зендскому zaranya 'золото', к санскр. harina 'жёлтый', перс. zard 'жёлтый' [Աճառյան, h.2, 459]. Таким образом, согласно этимологическим данным, слова ծիրան и ծիրանի являются генетически сходными.

«Цвет – ծիրանի», «радуга – ծիածան» и «абрикос – ծիրան» – очевидно, что эти лексемы связывает общий элемент смысла, восходящий к наименованию цвета. Ясно также, что уже по факту своего генетического родства и звуковых сближений эти слова в армянском дискурсе должны образовывать словесно-образный смысловой ряд, и при употреблении одного из них у «говорящего по-армянски» неизбежно должна возникать ассоциация с соседними словами-понятиями. Но при этом в ВАНК (Восточноармянском национальном корпусе) зафиксировано мало подобных контекстов, ср.:

*(1) Լույս է դառնում / Լցնում աչքերն Երևանի / **Ծիածաններն** իր **ծիրանի** (Հ. Շիրազ); (2) Դեղին դեմքը պարզեց լուսաբացի հովին / Եվ ուզում է այրվող շիկնությունը մարել, / **Ծիրանի ծառն** ուսին **ծիրանի** է առել, Իսկ տանձենին գլուխն իր գանգրահեր / Թաթախել է որդան կարմրի մեջ (Վ. Դավթյան); (3) Արևհատի հետ կբարձրանան բլուրը, **ծիրանի ծառի** տակ, **արևի ծիրանին** կպարածածկի իրենց, ստոխը կերգի դաշտից, կերգի ամեն ինչ, կերգի մինչև անգամ **ծիրանի** փչացած կուտը, որ այժմ ընկած է հողի վրա (Վ. Թոթովենց):*

Очевидно, что в случае с рассматриваемыми словами мы не можем говорить о безоговорочной их концептуализации в армянском языке, но очевидно также и то, что они находятся на пути концептуализации. Во многом это относится к слову *абрикос* - ծիրան. Возможно, по причине того, что оно является заимствованием и, согласно некоторым источникам, сам абрикос, будучи «главным» армянским фруктом, не является при этом растением-эндемиком, этот плод (его изображение) в истории древней Армении не считался символом, таким, как, например, *гранат* или *виноград.* Однако в наши дни именно *абрикос* всё чаще воспринимается как один из главных символов Армении и соответственно концептуализируется в армянском дискурсе. Сама Армения в поэтических и публицистических текстах также уподобляется абрикосу или абрикосовой косточке, ср.: *(4) **Ծիրանի կորիզի** միջից, / զսպանակված տարերքի նման, / վեր է ձգվում հայոց ծառը (Ա. Ավագյան); (5) Եվ ինչպես բացում էինք **ծիրանների կորիզները**, այդպես էլ սկսում էինք լրջորեն մուտք գործել հայ մշակույթի մեջ, Հայաստանը **ծիրանի պես** բացվում էր մեզ համար (Հայկական ժամանակ):*

Таким образом, абрикос становится своего рода критерием и мерилом «армянства», фактом причастности к «армянству», показательны в связи с этим слова проживающего в Париже армянского скульптора Давида Ереванци: *(6) Նա արդեն 32 տարի ապրում և ստեղծագործում է Փարիզում, բայց ոչ մի վարկյան չի մոռացել Հայաստանը. « Ես **Հայաստանի ծիրան կերած** տղա եմ»:*

Ср. также строки Шираза, воспевающие трудолюбие армянина, который заставит даже бесплодный тополь плодоносить и «родить абрикос»: *(7) Քար ու ժայռի մեջ*

անգամ հայը բոստան կդներ ... / Այգեպան էր հայրիկս, և թե ամուլ բարդու տակ / Հորս ձեռքը հող դառնար՝ ***բարդին ծիրան կծներ:***

Абрикосу уподобляются также определённые личностные качества человека, а также его внешний вид, ср.: *(8) ...Աչքերը ծերությունից չորացել, ճաքճքել էին,* ***ձմեռը ճյուղին մնացած ծիրանի նման*** *(Ա. Բակունց); (9) Այս մտքից նա* ***շիկնում էր ծիրանի նման*** *(Խ. Գյուլնազարյան); (10) Ծեր Խեչումը այդ ամռանը չորացավ վերջնականապես* ***արևի տակ փռած ծիրանի նման****; (11) ...բերանը, տակավին ծամածուռ՝* ***ծիրանի պես աղվոր*** *(Ա. Անդրեասյան); (12)* ***Ծիրանը****, որ երկար է մնում ծառի վրա, կամ լիկում է, կամ որդ ընկնում, բա ես մարդ եմ, հո ծիրան չե՞մ (Վ. Արամյան); (13)* ***Ծիրա՛ն, ծիրա՛ն է յարս*** *(Ա. Բակունց); (14) Բա չէ, քեզ պես* ***լիկած ծիրան****... Խելքս չի հասնում, թե մարդ ո՞նց է քեզ հետ յոլա գնում (Խ. Հրաչյան); (15)* ***Խակ ծիրան*** *է քո սիրտը դեռ (Հ. Շիրազ); (16) Մեծ մարդը* ***հասած ծիրան*** *է,- ասում է նա,- էսօր չէ, էգուց կընկնի (Վ. Պետրոսյան); (17) Ասվողիկին հիշելիս սիրտը* ***հասած ծիրանի*** *պես /բուն հայկական միրգ արմենիկուս/ ճմլվեց (Էդ. Միլիտոսյան); (18)* ***Հասած ծիրան*** *– բաց բերան (հայ ժող. Ասածվացք):*

Абрикос – ծիրան в подавляющем большинстве случаев вызывает положительные эмоции и ассоциируется с чем-то приятным, ср.: *(19) Այստեղ ամեն ինչ վարունգի պես պարզ է,* ***ծիրանի պես հաճելի*** *(Հ. Խանդամուր):*

В армянских пословицах и поговорках абрикос – ծիրան выступает мерилом благосостояния и успешности, а также мерилом чего-либо положительного, ср.: *(20) Բաղումս* ***ծիրան կա՝*** *բարև տալ կա, բաղումս* ***ծիրան չկա՝*** *բարև տալ չկա; (21) Բաղումդ թե* ***ծիրան կա****, բարով-աստծու բարին էլ կա; (22)* ***Ծիրանն*** *ի՞նչ արավ, կորիզն ի՛նչ անի:*

Сравни также и другие тексты: *(23)* ***Ծիրանի մեծության*** *աչքի ուլունքը; (24) Ամառ երեկոները, երբ մեր կտուրի վրայով և փողոցների միջով անցնում էր զարմանալի քնքուշ քամին, մենք բաց էինք թողնում թռուցիկները ամենաբարձր կտուրներից, երբ դեռ* ***արևը****,* ***վիթխարի ծիրանի նման****, լողում էր դիմացի սարերի կապույտ անկյունում (Վ. Թոթովենց):*

Армяне, как и многие другие народы, поэтизировали, а порой и обожествляли радугу, которая в армянском языке имела различные обозначения – ծիածան, ծիր ածան, ծիրանի գոտի, Արամազդի գոտի, տիրական գոտի (Տիր աստծու անունով), Աստվածածնի գոտի, աստվածակամար, աղեղ Աստուծո. Данный синонимический ряд можно рассмотреть как систему взаимодополняющих смыслов, которые в переводе можно представить следующим образом: приносящий дугу, радужный (разноцветный) пояс, пояс Арамазда, пояс Тира, пояс Богородицы, Божья дуга (арка), Божья стрела. Как известно, в армянском пантеоне Арамазд был верховным божеством, «отцом богов», творцом неба и земли, дарующим благоденствие, благосостояние и мужество; верховным помощником и гонцом Арамазда был Тир – бог просвещения, красноречия и покровитель искусств, который считался также прорицателем человеческих судеб и летописцем их добрых и злых деяний. Таким образом, слово ծիրանի помещено в единый контекст с божествами, оно окутано ореолом божественности и таинственности и, возможно, воспринималось древними армянами как обозначение особого, «богоизбранного», цвета (или света?).

Какого же цвета для армян была радуга? На поверхности вопрос, в силу своей кажущейся однозначности, не имеющий смысла. Однако радугу древние не всегда «видели» семицветной. В работе Кристофера Роу «Концепция цвета и цветовой символизм в древнем мире» [Роу https:] отмечается, что «Гомер описал её просто как

porphureos, возможно, как пурпурно-фиолетовую или же фиолетовую. Ксенофан, поэт-философ шестого века, – как фиолетовую, желтовато-зелёную и малиновую…». Далее К. Роу отмечает, что «феномен радуги был одинаков во все периоды; и греки, и римляне всех периодов обладали одной и той же способностью различать цвета. Пробелы в более ранних перечнях обусловлены, главным образом, возможностями языка на тот или иной период» [там же]. Однако, вероятно, не столько ограниченные возможности языка, сколько стремление выделить цветовую доминанту стали причиной следующих наименований радуги в армянском языке – կանաչ-կարմիր, о появлении радуги: կանաչ կապել, կանաչ-կարմիր կապել. Сравни также определения к слову ծիածան: *(25) Ու յոթն անգամ դաշտի վրա ցող էր կաթում, / Ու յոթն անգամ դաշտի վրա շող էր կաթում, / Ու յոթն անգամ կապում* ***կապույտ մի ծիածան*** *(Վ. Դավթյան); (26) Մայրս՝ մի կին սիրագորով, /* ***Լուրթ ծիածան*** *երկնակամար (Օքրո Օքրոյան);*

Само же слово ծիրանի одновременно вбирает в себя целую цветовую гамму, ср.: красный, кроваво-красный, пурпурный, жёлтый, золотистый, зеленоватый, зелёный, небесный (голубой), синий и, наконец, разноцветный, радужный [ԺՀԼԲԲ h.2, 674]. Эти разные цвета объединены одной лексемой в силу наличия в структуре её лексического значения семантического компонента 'яркость, блеск, сияние'. Ծիրանի – это не просто красный, синий, жёлтый или зелёный, это яркий, блестящий, светящийся, переливающийся тот или иной цвет. Ср. контексты, в которых радуга помещена наряду с такими словами и выражениями, как *яркий, Божье сияние, сияние солнца, пламя, пожар*: *(27) Ծաղկածուփ դաշտեր,* ***պայծառ*** *ծիածան (Դև); (28) Չէ՞ որ քո սերը արևաշող* ***ծիրանի գոտի, Աստծո Լույսով*** *եմ հաղթահարել (Օքրո Օքրոյան); (29) Դու եկել ես զարնան պես ու զարկել ես ծիածան. / Սիրտդ իմ սիրտն է ուզում –* ***հուր ու հրդեհ է վառել*** *(Ե. Չարենց); (30) Արարատ լեռան տիրամած սրտից /* ***Ելավ ծիածան*** *Մասսի արցունքից, / Ամպեր սև ու հին* ***ալ պարատվեցին****, / Հայոց երկնքում* ***աստղեր փայլեցին*** *(Հոգևոր երգարանից); (31) Հիշում եմ* ***վառ աստղերով հյուսքերդ՝*** */ իրար մեջ ամբարված, /* ***Շողուն աչքերդ*** *եղյամի.. / բարբառումդ շուրթերիդ* ***շիկացած****, / Հիշում եմ, առագաստն անուրջներիդ... /* ***կարոտներդ անկրակ****... / Այսօր դարձած* ***ոսկի հրահալ՝ մեկ ծիածան*** *են,* ***մեկն ակն-արեգակ*** *(Օքրո Օքրոյան):*

Таким образом, как показывают многочисленные употребления трех рассматриваемых слов, между их смыслами, независимо от генетического родства, с неизбежностью возникает «смысловая перекличка». Представляется, что подобная языковая закономерность играет важную роль как в зарождении новых смыслов в дискурсе и концептов в лингвокультуре, так и в возникновении новых значений в языке.

Литература

1. *ВАНК*: Восточноармянский национальный корпус – http://eanc.net/EANC/search/?interface_language=ru

2. *Роу К.* Концепция цвета и цветовой символизм в древнем мире – https://psyfactor.org/lib/row2.htm

3. *Якобсон Р.О.* Работы по поэтике. М., Прогресс, 1987. 461 с.

4. *Якобсон Р.О.* В поисках сущности языка – https://cyberleninka.ru/article/n/v-poiskah-suschnosti-yazyka-1

5. *Աճառյան Հր.* Հայերեն արմատական բառարան։ Երևանի Համալսարանի Հրատարակչություն, Երևան, 1926.

6. Ժամանակակից հայոց լեզվի բացատրական բառարան։ Հրաչյա Աճառյանի Անվան Լեզվի Ինստիտուտ։ Հայկական ՍՍՀ Գիտությունների Ակադեմիայի Հրատարակչություն, Երևան, 1969-1980.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ В ПОИСКАХ «*МИРА*» И «*СОГЛАСИЯ*»

Е.И. ГУСЕВА
Мариупольский государственный университет
lenock85@gmail.com

Ключевые слова: *контент-анализ, мир, согласие, война.*

В статье рассматриваются возможности использования контент-анализа как метода изучения текстовых массивов для решения собственно лингвистических задач. Исследуются контексты употребления слов *мир* и *война*, делаются попытки проследить изменение семантических и стилистических характеристик слова *мир* под влиянием контекстного окружения и в связи с коммуникативной установкой автора.

GUSEVA YELENA - Content analysis in search of «peace» and «consent»

Key words: *content analysis, peace, consent, war.*

The article discusses the possibilities of using content analysis as a method for studying text arrays to solve linguistic problems. The contexts of the words *peace* and *war* are investigated. Attempts are made to trace the change in the semantic and stylistic characteristics of the word *peace* under the influence of the context and in connection with the communicative attitude of the author.

Контент-анализ – антипод эволюции, которой, как известно, не чужд переход количества в качество. Контент-анализ – это количественный подсчет, приводящий к постижению качества, «количественный анализ текстов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей». В контент-анализе как методе изучения содержания текстовых массивов количественный подсчет нацелен на решение задач, не напрямую связанных с лингвистикой, она здесь состоит на службе социологии, политологии и других гуманитарных наук. Однако результаты количественного анализа текстов, объясняющие языковые явления или обращающие внимание исследователей на определенные закономерности, могут быть значимы для самой лингвистики.

Отправные моменты данного исследования отражены в высказываниях американского лингвиста Дж. Лакоффа и русского когнитолога П. Б. Паршина. Дж. Лакофф определяет суть метафоры как «понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида». Он также поясняет: «мы живем метафорой СПОР – ЭТО ВОЙНА. …она структурирует наши действия в споре» [1, 2]. Павел Паршин в статье-персоналии «Лакофф Джордж» комментирует идею американского лингвиста так: «Осмысление менее наглядных сфер, в том числе уже заданное системой неосознаваемых конвенциональных («мертвых») метафор, несет на себе черты первоначальных представлений. Так, метафора СПОР – ЭТО ВОЙНА (Мы схлестнулись, Он разбил мои аргументы и т.п.) явно не способствует достижению взаимопонимания» [4]. Целевыми единицами контент-анализа в данном исследовании являются слова *мир* и *согласие, война* и *борьба*.

Обязанный своим появлением войне и политической борьбе, контент-анализ остается востребованным в эпоху балансирования на грани войны и мира. Достаточно сопоставить *мир* и *войну*, *борьбу* и *согласие*, сравнить их частотность, например, в заголовках и слоганах медийного пространства. В частности, легко убедиться, что в массмедийной сфере Интернета частотность слов *война* и *борьба*, в их прямых и метафорических значениях, заметно превосходит встречаемость слов *мир* и *согласие*. Увы, *согласие* кончается на десятой поисковой странице Google, *мир* как ‘согласие’ и того раньше, чуть ли не на третьей. *Война* же охватывает несопоставимо больше поисковых страниц. В сколько-нибудь репрезентативных выборках фразеологизмов, прецедентных высказываний, включающих слова *мир* или *война,* победитель оказывается тем же. Несложно также подсчитать, что в качестве заголовочного слова *мир* (как ‘отсутствие войны’, как ‘согласие’) уступает в частотности *миру* как ‘вселенной’, как ‘белу свету’. Но на это есть вполне объективные причины: *мир* как ‘белый свет’ всеобъемлющ.

«Борьба» и «война» – это и реалии жизни, и знаковые концепты современного социума. Ареал ассоциативных связей слова *война* ширится, и без того значительный ряд сочетаемости этих слов (*мировая война, локальная война*, *холодная война, рельсовая война, торговая война, ценовая война, война законов*) пополняется словосочетаниями, свидетельствующими о состоянии общественного сознания: *гибридная война, информационная война, психологическая война, война полов* и т.д. Метафора войны становится объектом пристального внимания лингвистов, психологов, политологов, предметом междисциплинарных исследований. Отмечается продуктивность метафоры войны, ее востребованность как элемента политической риторики, как средства манипулирования сознанием. Появляются специализированные термины – *военная метафора*, *элитарная метафора*.

Не удивительно, что в контекстах борьбы и противостояния слова *война*, *сражение*, *бои* столь частотны. Но, как ни парадоксально, их антиподы, слова-концепты «мир» и «согласие» не менее показательны для дискурса борьбы. Для слова-концепта «мир» (мир как согласие, состояние спокойствия, покоя, мир как отсутствие вражды, войны) в контекстах противостояния характерна парная встречаемость:

Мир хижинам, война дворцам.

Достаточно легко вычленить из заголовочных фраз устойчивое словосочетание «*война и мир*»:

Война и мир Джорджа Буша.

Информационная война и мир.

В мире – мир, в газетах – война?

И это не только в русском языке. Ср.:

Guerre et paix à Venise – *Война и мир в Венеции*

Словосочетание «*война и мир»* выносится в заголовки книг, входит в наименования институтов и веб-сайтов: «Мир и война между нациями» (Р. Арон), «Мир хижинам, война дворцам» (Ю. Смолин), Women, War and Peace Web Portal – Веб-портал «Женщины, война и мир», The Institute for War and Peace – Институт по освещению проблем войны и мира.

Еще более удивительно то, что мышление в терминах войны может нейтрализовать позитивный смысл слова *мир*, порою меняя до противоположного его значение, как, например, у Дж. Оруэлла: «Война – это мир, свобода – это рабство, незнание – сила». Оруэлловскую иронию подхватывают другие авторы: «Мир – это война. Война – это мир. Международное право – это право сильного». Сравните также, как слова, обычно функционирующие как контрарные антонимы, сближаются в заголовке:

«*Война – плохо, и мир – плохо»* (Время новостей, 20.01.2009; статья о падении фондового рынка).

Слово *война* так часто выносится в заголовки текстов СМИ, что его впору считать входящим в фиксированный минимум заголовочной лексики. Ну а *мир* и *согласие* разве не заслуживают быть причисленными к ключевым словам заголовков? Или, если уж не *мир*, а *борьба*, то, может быть, хотя бы *борьба за все хорошее*? Только вот само словосочетание «*борьба за все хорошее*», все чаще употребляется в иронических контекстах.

Метаморфозы, случившиеся со словосочетанием «*борьба за все хорошее*», показательны с точки зрения изменения его коннотативного содержания. Изначально это нейтрально-положительная оценка, когда устойчивое выражение носит характер обобщения. Как, например, в заголовке:

За все хорошее, против всего плохого

Или в высказывании: «*В Советском Союзе не меньше, чем на Западе, боролись за все хорошее против всего плохого*».

Затем иронический смысл фразы усиливается, вплоть до появления стилистического оксиморона. Например, в заголовке:

"Голая" революция как способ борьбы за все хорошее.

Сравните также следующее высказывание, изящно сочетающее алогизм и стилистический оксиморон: «*В целях борьбы за все хорошее против всего плохого в газировку стали класть вдвое меньше сахара*». Высказывание как бы распадается на две части, при этом возникает так называемый эффект обманутого ожидания.

Неутешительный итог эволюции фразы «*борьба за все хорошее*» подводит М. Веллер в своей книге «Кассандра»: «Борьба за все хорошее перешла в стадию самоуничтожения. Так борьба за мир всех зверей приводит к общему их вымиранию». Словосочетание «*борьба за все хорошее*», которое давно уже принадлежит экспрессивной политической лексике, становится маркером фейковых дел, ложных обещаний, бессмысленных поступков.

Превращению этой фразы в символ общественного скептицизма есть множество объяснений – здесь и условия существования социума, и причины психологического характера, выступающие комплексно. Возможно, противоречие заложено уже в нарушении сочетаемости, в несовместимости семантики слов *война*, *борьба* с понятием хорошего. Внутриязыковыми факторами обусловлено и изменение аксиологической составляющей слова. Как известно, связь слова и предмета является двунаправленной. С одной стороны, их связывает миф о предметности слова (мы доносим мысль, берем слово, играем словами), потому что, как утверждают лингвисты и психологи, знания о внутреннем мире человека, частью которого является язык, формируются на основе концептуальной метафоры. С другой стороны, на удивление устойчив миф о природности имени, живучи представления о том, что слово – это дело. Как следствие, регулярный перенос оценки с предмета на его имя. Здесь снова торжествует архаичный тип мышления. Метонимический перенос эмоционального отношения говорящего к предмету на слово, именующее предмет, можно найти и в лингвистических статьях, и в дефинициях терминов. В частности, это происходит тогда, когда лингвисты пишут о негативной или позитивной семантике слова, об оценочных словах негативной или позитивной семантики, имея в виду семантические особенности наименований негативных или позитивных чувств и эмоций.

«Борьба» и «война» – базовые концептуальные метафоры, гештальты, хранящиеся в глубинах подсознания. Дж. Лакофф и М. Джонсон объяснили внутренние, психологические причины устойчивости базовых метафор сознания, П. Паршин указал на их архаичность, очевидны также и социальные условия живучести образов войны и борьбы. В таком случае, возможно ли прекращение их доминирования на уровне сознания и языка, если в ареал ассоциативных связей слова *мир* включают глаголы *завоевать* и *покорить,* если с метафоры войны начинаются даже самые позитивные повестки:

Моя война будет за все хорошее против всего плохого.

Если на наших глазах происходит обесценивание самого понятия мир. Пол Крейг Робертс в статье для Foreign Policy Journal пишет: «it is no longer the peacemakers who are blessed... It is peace that is declared to be the threat... To have peace so devalued in a world of hypersonic thermo-nuclear weapons is evil's triumph. – «Миротворцы уже не почитаемы... Мир объявляется угрозой... Такое обесценивание мира в век гиперзвукового термоядерного оружия, это триумф зла» [6].

И, наконец, если языковое мышление уже структурировано, можно ли отказаться от метафоры войны, не разрушая сложившиеся структуры, а только изменяя традицию. На этот вопрос с известной долей иронии отвечают так: «Что делать? – Осмыслить метафоричность языка и по возможности его автоматически, по мере поступления, деметафоризировать» [3]. С другой стороны, так ли опасны устоявшиеся клише

и фигуры речи? Метафоры войны – это в большинстве своем стершиеся метафоры, и их негативный шлейф почти невидим. Более того, деметафоризация – активный семантический процесс, обусловленный эволюцией самого языка под воздействием внешних и внутренних факторов. Так, сочетаемость слов любого языка регулируется законом семантического согласования, относящимся к языковым универсалиям и предполагающим объединение слов в речи на основе общности или непротиворечивости сем. В то же время узуальная сочетаемость определяется нормами, выработанными в каждом отдельном языке, и в разных языках эти нормы могут быть различными. Кроме того, каждый язык предоставляет говорящим на нем возможность варьировать способ оформления мысли.

Вслед за Джорджем Лакоффом и Марком Джонсоном, авторами столь известной статьи «Метафоры, которыми мы живем», исследователи разных стран приводят многочисленные примеры воплощения концептуальной метафоры “Love is war” («Любовь это война») в языках мира [7].

Сравнивая английские фразы, в том числе из статьи Джонсона и Лакоффа, построенные на основе метафоры “Love is war.” («Любовь это война»), с их переводами на русский язык, можно сделать вывод об универсальном характере метафорического переноса:

I demolished his argument.

Я разбил его аргументацию.

You disagree? Okay, shoot!

Вы не согласны? Отлично, ваш выстрел!'

He won her hand in marriage.

Он добился её руки.

You have to help me win her heart.

Ты должен помочь мне завоевать её сердце.

She is besieged by suitors.

Ее осаждают поклонники.

Но можно также заметить, что у метафоры войны есть и вполне мирные межъязыковые эквиваленты.

She is besieged by suitors.

Ее окружают поклонники.

Your claims are indefensible.

Ваши утверждения не выдерживают критики.

Ср. также вариантные соответствия, не содержащие образа войны:

Your claims are indefensible.

Ваши доводы неубедительны. Ваши претензии неоправданны.

Кроме того, как например, в случае с глаголом *окружать*, необходим этимологический анализ для определения области-источника метафоры.

Контент-анализ разрабатывался в условиях, когда борьба и война были рельностью, а мир – желаемой целью и искомой возможностью. В этом значении концепт «мир» востребован достаточно часто, и представлен как прямо (*Борьба за мир!*), так и через отрицание (*Против войны!*). Он сохранился и в немногочисленных формулах речевого этикета, в виде приветствий *Мир вашему дому!* и *Мир входящему*! Список слов-определений к слову *мир* в «Словаре сочетаемости слов русского языка» под редакцией П. П. Денисова и В. В. Морковкина (*всеобщий, прочный, нерушимый, подлинный, справедливый, долгожданный*) также отсылает в область возможного и желаемого. Показательна и семантика глагольных словосочетаний, включающих слово *мир*: *укреплять, защищать, отстаивать, охранять, сохранять, обеспечивать, беречь, требовать, добиваться.* Добрая половина из них – результат метафорического переосмысления образа войны [5: 283].

Методика контент-анализа окончательно сложилась и нашла широкое применение в эпоху информационных войн, и вряд ли стоит предполагать в нем нацеленность на поиск знаков мира и согласия. Однако язык дает нам, его носителям, возможность выбора. Язык с его широкими возможностями варьирования обеспечивает и возможность постигать и оценивать смысл метафор мира и войны. Он предоставляет каждому из говорящих на нем решать, отказаться ли от метафоры «борьба с природой» или следовать ей буквально, пребывать ли в плену архаического мышления или, отдавая должное миру и согласию, считать борьбу за жизнь единственной фигурой речи, достойной быть нестершейся метафорой.

Литература

1. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
2. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Режим доступа: https://codenlp.ru/books/lakoff.pdf
3. *Лопатников С.* Глокая куздра, или о лингвистическом мышлении... Режим доступа: https://sl-lopatnikov.livejournal.com/966325.html
4. *Паршин П.Б.* Лакофф Джордж. Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/lingvistika/lakoff-dzhordzh
5. Словарь сочетаемости слов русского языка. Под ред. Денисова П.П. и Морковкина В.В. 2-е изд., испр, М.: Рус.яз., 1983г.
6. Paul Craig Roberts. Blessed Are the Warmongers. // Foreign Policy Journal. Access mode: https://www.foreignpolicyjournal.com/2018/12/28/blessed-are-the-warmongers/
7. Lakoff G., Johnson M. METAPHORS We Live By. Access mode: http://codenlp.ru/books/lakoff.pdf

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК СПОСОБ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЖИВОПИСНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ

Е.А. ЕЛИНА

Саратовская государственная юридическая академия, Россия

sarelina@mail.ru

Ключевые слова: *изобразительная семиотическая система, вербальная семиотическая система, поэтический текст, наследование живописного метода.*

В статье рассматриваются поэтические тексты, созданные на основе живописного изображения, доказывается зависимость поэтического текста как вторичной вербальной семиотической системы от живописного произведения как первичной изобразительной системы. При всей самостоятельности поэтического текста и его отчужденности от изображения, эта зависимость скрыта в «наследовании» поэтическим текстом особенностей живописного метода описанной картины (романтизм, реализм, импрессионизм, примитивизм, абстракционизм).

EVGENIYA YELINA – Poetic text as a method of verbalization of animated image

Key words: *visual semiotic system, verbal semiotic system, poetic text, inheritance of the art method.*

The article discusses poetic texts created on the basis of the visual image, and proves the dependence of a poetic text as a secondary verbal semiotic system on the art painting as the primary visual system. Though a poetic text is independent and cut off from the image the above-mentioned connection is represented in a poetical text's “inheritance” of the peculiarities of the art method of the painting described (romanticism, realism, impressionism, primitivism, abstractionism).

Эффективность междисциплинарного подхода к научным проблемам определяется актуальностью обращения к двум разнокодовым семиотическим системам – вербальной и изобразительной, находящимся в сложных отношениях взаимовлияния.

Живописное произведение (картина) в качестве знаковой системы с особым изобразительным (иконическим) кодом в процессе коммуникации со зрительской аудиторией может выходить за пределы своей изначально визуальной формы восприятия. Картина воспринимается, интерпретируется и продолжает свое существование, «перевоплощаясь» в словесную форму, т.е. получает статус вербальной интерпретации (текста) и обретает помимо своего традиционного адресата-зрителя нового адресата – читателя [Бел, Брайсен 1996: 522]. Таким образом возникают вторичные вербальные семиотические системы, построенные на основе первичных изобразительных. К вто-

ричным вербальным семиотическим системам – языковым текстам – можно отнести различные искусствоведческие, литературно-художественные, поэтические произведения, созданные на основе живописного изображения.

Один из отмеченных типов вторичной вербальной семиотической системы – *искусствоведческий текст* – непосредственно зависит от картины. Такой текст не самоценен, он существует постольку, поскольку существует изображение, которому он посвящен. Искусствоведческий текст важен не сам по себе (хотя это может быть блестящая искусствоведческая работа), а как в той или иной степени адекватный «перевод», «перекодирование» изображения в словесную форму. Автор искусствоведческого текста – некий посредник между картиной и зрителем, он профессиональный интерпретатор, «переводчик», он облегчает визуальное восприятие и организует вербальную форму как звено коммуникативной цепочки «картина – реципиент» [Елина 2016: 96-170].

В отличие от искусствоведческого, *литературно-художественный прозаический текст* – самостоятельное авторское произведение, в котором по замыслу автора тем или иным образом отображается живописное полотно (реальное или вымышленное), но не ради его интерпретации создается литературный текст, у этого текста свои задачи. Картина же и ее истолкование лишь помогают автору художественного текста воплотить свой замысел.

В этом смысле ***поэтический текст***, на котором мы остановимся подробнее, близок прозаическому художественному тексту – он тоже самостоятелен, хотя в основе его лежит живописное изображение. Но вербализация живописного изображения в рамках поэтического текста представляет собой совершенно особый феномен. Стихотворное произведение выполняет свои поэтические задачи, соотнося их с привлеченным живописным зрительным рядом, однако вовсе не ставит своей целью описание картины как таковое. Поэтическая сила стихотворного текста оставляет картину на периферии читательского восприятия, а на передний план выдвигается поэтический образ, метафора, новый поэтический взгляд и новая поэтическая реальность.

Однако при всей самостоятельности поэтического текста, посвященного произведению живописи, обращает на себя внимание поэтическая зависимость от живописных направлений, течений, от целых художественных эпох (эпоха романтизма, реализма, импрессионизма и т. д.). Эта зависимость дает о себе знать и на формальном, и на содержательном уровнях поэтического текста. Например, реалистический нарратив в живописи предполагает фабульность, открытый и понятный живописный язык, прозрачность замысла и воплощения, – и поэзия, вбирающая в себя образцы изобразительного реализма, наследует эту же условно-реалистичную манеру поэтического выражения. С появлением новой эпохи в живописи и бурного развития импрессионизма, сюрреализма, абстракционизма и других новых форм искусства поэзия усложняется вместе с этой новой живописью, старается осмыслить и передать то трудно выразимое, скрытое, ирреальное, что несет в себе неклассическая живопись, и выражает эти новые тенденции искусства в своих лучших образцах.

Рассмотрим несколько случаев таких поэтически-живописных заимствований и перекличек.

Романтическая (как и все творчество Карла Брюллова) картина «Гибель Помпеи» вдохновила А.С. Пушкина на короткое стихотворение, следующее тем же романтическим канонам:

Везувий зев открыл – дым хлынул клубом – пламя
Широко развилось, как боевое знамя.
Земля волнуется – с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,

Под каменным дождем, под воспаленным прахом,
Толпами, стар и млад, бежит из града вон [Пушкин 1959: 623].

Перед нами шесть монументальных строк, динамичных, экспрессивных и, в то же время, романтически-возвышенных, стилистически и лексически эмоциональных и архаичных уже для пушкинского времени (неполногласные *прах, млад, град; кумиры* в устаревшем значении; *широ́ко* с архаичным ударением, книжно-торжественные сочетания *гонимый страхом, воспаленный прах* и т. д.). Эта пафосная архаика прекрасно передает вселенский масштаб трагедии, ужас и неотвратимость катастрофы. Поэт следует за стилистикой картины и создает романтический текст, передающий живописный романтический метод.

Старая ***реалистическая*** европейская живопись с ее подробностью, прописанностью обыденных деталей, повседневной натуралистичностью стала основой для «реалистического» стихотворения Юрия Смирнова:

Художник Каналетто, писавший в старину,
Был суховат, но это не ставь ему в вину.
Когда охоты нету глядеть на белый свет,
Картину Каналетто повесь в свой кабинет.

Не выходя из дома, вдали от суеты,
Ты жизни незнакомой разглядывай черты.
Вот городская площадь и ратуши портал.
Крыш чешую топорщит купеческий квартал.

Вельможа едет цугом на черной шестерне,
Две женщины друг с другом судачат в стороне.
Старуха у фонтана, крестьянские возы,
Два бравых капитана и шельма из Ганзы.
А на переднем плане кибитка, и видна
В малиновом кафтане форейтора спина…

//…//А я гляжу на площадь, на каменный портал…
Как будто бы на ощупь когда-то здесь плутал.
Но болтовня всё это, забудь про мой совет:
Коль нету кабинета – и Каналетто нет [Смирнов 1980: 15].

Поэт в своем вербальном переложении сюжета картины итальянской академической школы 17 века намеренно следует за главным реалистическим принципом – взять в живописный «объектив» всё, что попадается на глаза, отметить фрагменты окружающей повседневности, как бы сфотографировать кусок городской жизни со всеми ее обитателями и подробностями. Поэт повторяет за художником реалистическую изобразительную фабулу, но поэтическая детализация венецианского городского пейзажа 17 века позволяет передать атмосферу с таким приближением к месту и погружением в «живую» среду, что у читателя, как и у самого поэта, возникает иллюзия реальности каналеттовской Венеции («Как будто бы на ощупь когда-то здесь плутал»). Действительно, принцип реализма с его фотографической точностью работает и на словесном уровне описания. И даже ироничные замечания автора в конце стихотворения об иллюзорности каналеттовской Венеции не мешают нашему «погруженному восприятию», художественный реализм уже позволил выстроить поэтический мостик между мирами и временами, и это самое главное. Действительно, при поэтическом описании этой картины обращение к романтической стилистике было бы неуместным, как неуместно бы выглядело подробное перечисление деталей гибнущих Помпей вместо обобщенно-экспрессивного зрелища Катастрофы.

Импрессионистическая живопись в словесной поэтической форме формулирует концептуальные особенности импрессионизма как «здесь и сейчас» возникшего случайного впечатления, нестрогости форм, субъективности ощущений. Очень точно передает импрессионистическое, чувственное восприятие фрагмента реальности известное стихотворение Осипа Мандельштама, которое так и называется – «Импрессионизм» (хотя в основе поэтического описания – реальная картина Петра Кончаловского «Сирень»).

Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст, как струпья, положил...
Он понял масла густоту, –
Его запекшееся лето
Лиловым мозгом разогрето,
Расширенное в духоту.

А тень-то, тень все лиловей,
Свисток иль хлыст, как спичка, тухнет,
Ты скажешь: повара на кухне
Готовят жирных голубей.
Угадывается качель,
Недомалеваны вуали,
И в этом сумрачном развале
Уже хозяйничает шмель [Мандельштам 1995: 217].

Текст стихотворения действительно «импрессионистичен»: автор подчеркивает «обморочность», зыбкость пейзажа, фактурные, крупные («как струпья»), ложащиеся друг на друга импрессионистические мазки, вязкие, пастозные краски, «растворенность» в воздухе предметов, людей, самой природы в ее знойном полудне. Перед нами – кажущаяся незавершенность образа, эскизность рисунка, и в целом – остановившийся момент бытия. Для глубокой интерпретации этого поэтического текста требуется знание сущности импрессионизма, его особенностей как метода – иначе текст остается неразгаданным (хотя, может быть, в этой текстовой «загадочности», импрессионистичной смысловой нечеткости и есть мандельштамовский почерк).

Своеобразно развивается в поэтическом тексте ***примитивистское*** живописное направление. Поэты обращаются к художественному примитиву как к своего рода «детскому творчеству», и стихи, посвященные художникам-примитивистам, тоже несут в себе черты непосредственности, радостной детской простоты и юмора. Приведем фрагмент стихотворения Ярослава Смелякова «Нико Пиросмани»:

//..// И меня пленили странно –
я певец других времен –
два грузина у духана,
кучер, дышло, фаэтон //...//
Та актерка Маргарита,
непутевая жена,
кистью щедрою открыта,
всенародно прощена.
И красавица другая,
полутомная на вид,
словно бы изнемогая,
на бочку своем лежит.
В черном лифе и рубашке,

столь прекрасная на взгляд,
а над ней порхают пташки,
розы в воздухе стоят //…// [Смеляков 1970: 51]

Стихотворение написано хореем с его «детским», легким ритмом, автор передает зрительный ряд нарочито упрощенным перечислением с юмористически окрашенной и «как бы неправильной» лексикой *(актерка, полутомная, на бочку, прекрасная на взгляд, порхают пташки, розы в воздухе стоят*) – тут и легкий юмор, и умение увидеть в этой по-детски «неправильно нарисованной» картине гений художника. Иначе говоря, текст передает особенности примитивисткого изображения, созданного «как бы» неумело, с нарушением всех художественных законов, но при этом живого, искреннего и гениального.

Беспредметное искусство тоже оставляет свой след в поэтическом творчестве. Арсений Тарковский, например, не только обращается к творчеству абстракциониста Пауля Клее, но и формулирует концепцию «беспредметности» искусства:

Жил да был художник Пауль Клее.
Где-то за горами, над лугами.
Он сидел себе один в аллее
С разноцветными карандашами,
Рисовал квадраты и крючочки,
Африку, ребенка на перроне,
Дьяволенка в голубой сорочке,
Звезды и зверей на небосклоне.
Не хотел он, чтоб его рисунки
Были честным паспортом природы,
Где послушно строятся по струнке
Люди, кони, города и воды,
Он хотел, чтоб линии и пятна,
Как кузнечики в июльском звоне,
Говорили слитно и понятно //…// [Тарковский 1982: 66]

Поэт обосновывает идею беспредметности («не хотел он, чтоб его рисунки были честным паспортом природы…»), утверждает, что «линии и пятна» тоже могут быть «прочитаны», что «квадраты и крючочки» – это не прихоть сумасшедшего, напротив, в них, в этих «крючочках» гениального Пауля Клее, – весь мир со звёздами и зверями, дьяволенком и ангелом, – надо только разглядеть это вместе с художником. И тогда беспредметность (вопреки утверждениям о невозможности найти ее «предмет» [Гадамер 1991: 236; Титаренко 2013: 154]), найдет все же свои «предметы», неочевидные, спрятанные за линиями и пятнами, но раскрывшиеся благодаря художнику, поэту и нашему внимательному взгляду.

Рассмотрев только несколько примеров использования живописи в поэтических текстах (такие стихотворения, безусловно, представляют собой целую поэтическую область), можно сделать некоторые выводы.

Необходимость переложения на поэтический язык языка живописи определяется идеей, содержащейся в живописном произведении и откликом этой идеи в поэтическом сознании автора стихотворения. Метафорические образы, созданные автором поэтического текста «по мотивам» картины, часто достаточно отчуждены от самой картины, становятся отдельными литературно-художественными фактами и могут существовать независимо от картины-основы.

Но «наследование» живописного метода формой и содержанием поэтического текста создает скрытую, однако неразрывную связь поэзии с живописью. Это то общее, что при всей самостоятельности поэтического текста как вторичной вербальной семиотической системы привязывает его к первичной иконической и позволяет рас-

сматривать их как единое семиотическое целое, как «текст культуры», по определению Ю.М. Лотмана [Лотман 1992: 333], созданный общей культурной традицией.

Поэзия определенно выигрывает от такого союза с живописью, приобретая новую глубину, разнообразие и интеллектуальность. Но и живопись, благодаря использующей ее поэзии, тоже поднимается на новую ступень восприятия и истолкования, всегда неожиданную и в каждом случае уникальную.

Литература

1. *Бел М., Брайсен Н.* Семиотика и искусствознание // Вопросы искусствознания, 1996. №2. С. 521-559.
2. *Гадамер Г. Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
3. *Елина Е.А.* Вербальные интерпретации живописи. Саратов: Наука, 2016. 290 с.
4. *Лотман Ю.М.* Текст как семиотическая проблема // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн: Александра, 1992. С. 129-247.
5. *Титаренко Е.В.* Экфрасис как тип автокомментария у В. Кандинского: На пути к «Композиции 6» // Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 148-162.

Литературные источники

1. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Худ.лит., 1959. Т. 2. С. 623.
2. *Мандельштам О.Э.* Избранное. Ростов н/Д: Феникс, 1995. С. 217.
3. *Тарковский А.А.* Избранное. М.: Худ. лит., 1982. С. 66.
4. *Смирнов Ю.В.* Знаки. М.: Советский писатель, 1980. С. 15.
5. *Смеляков Я.В.* Избранные произведения. М.: Худ. лит., 1970. С. 51.

АНГЛИЦИЗМЫ КАК ИСТОЧНИК СЛЕНГИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

О.Е. ЕРМАЧКОВА

Университет им. Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словакия

olga.iermachkova@ucm.sk

Ключевые слова: *сленг, англицизм, сленгизм, сленгизация, русский язык, словообразование, суффикс, словари сленга.*

В статье анализируются англицизмы как источник сленгизации современного русского языка. Рассматривается история появления данного термина, его определения, особенности, классификация. Уделяется внимание англицизмам-сленгизмам и их словообразовательным возможностям.

OLGA IERMACHKOVA – Anglicisms as a source of slangisation in the Russian language

Key words: *slang, anglicism, slangism, slangisation, Russian language, word formation, suffix, slang dictionaries.*

The article analyzes anglicisms as a source of slangisation in the modern Russian language. The paper is devoted to the studyof historical aspects, definition of slang, its features and classification. Particular attention is paid to anglicisms-slangisms and its word-formation possibilities.

Сленг является результатом естественного развития и творческого подхода к языку, вызывая серьезные сдвиги в его словарном запасе. Данный пласт лексики уже не одно десятилетие находится в поле зрения социолингвистики. Сленговые слова используются как вариантные, часто рассматриваются как нарушение норм стандартного языка. В языковой динамике сленг – это результат интернационализации и либерализации общества.

Слово *сленг* появилось в устной речи в Англии. В письменном виде оно впервые зафиксировано там же в XVIII веке со значением «оскорбление». По данным Большого Оксфордского словаря впервые понятие *сленг* со значением «язык низкого вульгарного типа» было использовано в 1756 году, а с 1802 года его определяют как «жаргон определенного класса или периода». В середине XIX века этот термин стал использоваться шире, обозначая «незаконную» просторечную лексику. В это же время появляются синонимы слова сленг – *lingo* и *argot*. Таким образом, первоначально сленг считался языком простонародья [Липатов 2010:45].

О сленге написано множество работ и их количество постоянно растет. В сленгологии достойным примером может служить книга В.Дж. Бурка «Литература о сленге», в которой иллюстрируется общий свод литературы по сленгу за последние сто лет [Бурк 1939]. В этой работе приводятся как отрицательные утверждения о сленге: «Невежество пользуется сленгом, так как невежество копирует праздность»; «Фамильярность оскорбительна, а сленг фамильярен. Давайте же не допускать его в наш язык», так и положительные: «Сленг – живая метафора. Это заранее отчеканенное остроумие»; «Сленг – это поистине сконцентрированная энергия жизни» [цит. по Липатов 2010: 50-51].

В русском языкознании изучение сленга берет начало в 30-х годах XX века (В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, А.М. Селищев Е.Д. Поливанов и др.). Проблематикой сленга занимались многие лингвисты: М.М. Маковский, Г.А. Судзиловский, И.Р. Гальперин, В.А. Хомяков, Т.А. Соловьева и др.

На данный момент существует ряд монографий («Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия» В.А. Хомякова (1971), «Сленг как проблема социолектики» А.Т. Липатова (2010)), словарей («Словарь молодежных сленгов» М.А. Грачева, А.И. Гурова (1989), «Словарь молодежного жаргона» И.А. Стернина (1992), «Словарь русского сленга» И. Юганова, Ф. Югановой (1997), «Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым» Т.Г. Никитиной (2003), «Толковый словарь русского сленга» В.С. Елистратова (2010) и др.).

Среди русских лингвистов преобладает негативная оценка феномена сленга. Вплоть до 90-х гг. заниматься данным явлением считалось зазорным.

Русские словари фиксируют термин *сленг* уже с начала 60-х годов XX века. Так в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой даны два значения данного термина:

1. Разговорный вариант профессиональной речи; 2. Элементы разговорного варианта той или другой профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих разновидностях языка особую эмоционально-экспрессивную окраску [Ахманова 1966: 419].

Классическим определением сленга в русской лингвистике считается дефиниция В.А. Хомякова: «Сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки); компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [Хомяков 1980: 43-44].

Необходимо отметить, что многие ученые относят к сленгу жаргонизмы, таким образом не выделяя их как самостоятельную группу, а сленг определяют как особую лексику, используемую для общения группы людей с общими интересами.

Термин *сленг* нередко понимается как синоним слова *жаргон*, хотя они и различаются по языковым источникам и традициям употребления. Сленг – сравнительно недавнее заимствование из английского языка. В последнее время сочетаемость термина значительно расширилась.

В русской лингвистике сленг понимается как язык, противопоставленный литературному языку. Он подразделяется на *общий* сленг, к которому относятся слова и словосочетания, узнаваемые и употребляемые внутри нескольких субкультур, и *специальный* сленг, который состоит из слов и словосочетаний, функционирующих в рамках отдельных субкультур [Хомяков, Липатов].

Основными причинами порождения сленга являются: гипертрофированная эмоциональность, ироничность, экономия речи (*комп, изи*), развитие технологий и социальных сетей (*юзер, фоловер, геймер, копипастить*), технический прогресс, мода на все иностранное, стёб, повальное увлечение молодежи компьютерными играми, влияние современной эстрады, клубной культуры, киноиндустрии, СМИ, подражание образу жизни американской и английской молодежи (*пати, лузер, бейби*). Отсутствие сленга – несомненный показатель серьезного отношения говорящего или пишущего к чему-либо. Сленг построен так (и для того), чтобы создать эффект «двойного отстранения» – не только описанная на сленге реальность кажется отстраненной, но и сами носители сленга отстраняют себя от окружающего мира [Радзиховский, Мазурова 1989: 136].

На данный момент сленг обогащается как за счет собственных ресурсов, так и за счет заимствований, большинство из которых приходят из английского языка. В современном русском сленге англицизмы намного превышают общее количество слов из других иностранных языков.

По причине доминантного положения английского языка в мире англицизмы – «слово или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения» [Ожегов 1983: 26] – сформировали целые пласты новой лексики, одним из которых является сленг – показатель своеобразия нашей эпохи, его «языковым вкусом». Как отмечает В.Г. Костомаров, «заимствования из американского варианта английского языка многие считают самой яркой чертой нашего сегодняшнего языкового развития, сравнивая их поток с французским наводнением, пережитым в XVIII веке» [Костомаров 1999: 11].

Зачастую сленг первоначально употребляется в отдельных социальных группах и отражает целостную ориентацию этих групп (напр.: *компьютерный, молодежный, военный* и т.п.). Став общеупотребительными, эти слова, в основном, сохраняют эмоционально-оценочный характер, хотя иногда «знак» их оценки изменяется.

Зарождение новых сленговых единиц происходит в столицах и крупных городах, а уже потом они перемещаются на периферию. Такой процесс в среднем занимает несколько месяцев. Нередко сленг попадает в городской фольклор: *Кабы я была кингица - спичит ферстая герлица...,* песни, анекдоты, построенные на каламбурах. Сленг эффективно используется в прозе, поэзии, СМИ.

Прослеживая историю развития отдельных языков, замечаем, что в жизни каждого общества случаются переломные моменты, служащие толчком для серьезных и быстро ощущаемых изменений в системе языка этого общества.

В статье о молодежном сленге 70-80 годов XX века Э.М. Береговская [1996: 33] говорит о трех волнах формирования русского сленга.

Первая волна датируется 20-ми годами, когда революция и гражданская война, разрушив до основания структуру общества, породили «армию» беспризорных слов.

Второй этап – 50-е годы, когда на улицы и танцплощадки городов вышли «стиляги».

В 1957 году состоялся VI Всемирный международный фестиваль молодежи и студентов, повлиявший на мировоззрение молодых людей.

Появление третьей волны связано не с эпохой бурных событий, а с периодом застоя, когда удушливая атмосфера общественной жизни 70-80-х гг. породила разные неформальные молодежные движения, а «хиппующая» молодежь создавала свой «системный» сленг как языковый жест противостояния официальной идеологии.

На сегодняшний день можно говорить о четвертой волне, связанной со снятием железного занавеса, лихими девяностыми, сложными нулевыми. Среди факторов, вызвавших изменения в языке русского общества после распада СССР, немаловаж-

ную роль играет и «новый языковой вкус эпохи». Первые десятилетия XXI века – пик сленгизации.

Среди особенностей современного сленга можно, в первую очередь, назвать то, что заимствованный сленгизм сразу активно словоизменяется: *герла – герлы; стрит – на стриту; пэренты – пэрентами, пэрентам; спич, спичить, спикать* и др. Отличительной чертой сленга является его метафоричность. Сленг способен выполнять парольную функцию для членов определенной группы. Следующая особенность, характеризующая сленг, – это его людническая направленность. Сленг не остается постоянным. Со сменой одного модного явления старые слова уходят в пассивный запас, им на смену приходят новые. Например, среди названий денег сейчас не встречаются «хруст», «квинта», «красненькая», используются «штука», «лям, лимон», «бабки», «мани» и т.п.

Часто сленговые слова заимствуются из английского компьютерного жаргона. Например, слово *апгрейдить* – обновлять программное обеспечение компьютера, придя в сленг, обрело «одомашненную» форму, а также расширило свое значение – теперь можно *апгрейдить дом, внешность, отношения* и др. Данное выражение находит отражение в СМИ: *А что если «апгрейдить» древнюю игру – внести элементы интриги и шоу?* [АиФ, 2006].

Кроме процессов сужения и расширения значений, наблюдаемых во многих англицизмах, можно обнаружить и случаи полного переосмысления их значений. Иначе говоря, некоторые англицизмы в русском сленге приобретают совершенно иное значение, не совпадающее с их значением в английском языке. Переосмысление значения осуществляется благодаря разным способам переноса значений: *аск* (ask) 1. попрошайничество, сбор милостыни. 2. вопрос, проблема; *сэконд-хэнд* (second hand) – женатый мужчина; *диск-жокей* (disk-jokey) – посудомойщик в армейской столовой; *бишур* (be sure) – тест на определение беременности и т.п.

Как и в случае заимствований из других языков, многие англицизмы, особенно прилагательные и глаголы, проникая в русский сленг подчиняются морфологическим правилам русского языка. Появившиеся таким образом глаголы начинают проявлять видовое значение: *мэйкаться* (to may) – удаваться, получаться; *лукать, полукать, лукнуть* (to look) – посмотреть; *лайкать* (to like) – любить кого-либо; *спичить, спикать, спикнуть, наспикаться* (to speak) – говорить; *камать* (to come) – идти; *аскать* (to ask) – выпрашивать; *слипать* (to sleep) – спать; *дринкать* (to drink) – пить*; хайраться* (hair – волосы) – стричься; *френдиться* – дружить; *лавить* (от love) – любить и др.

Многие англицизмы, проникнув в сленг, образуют новые формы грамматического рода и числа, отличающиеся от родовых и числовых форм, которые имеются у них в языке-источнике: *френда* (friend) – подруга, приятельница; любовница; *янгица* (young) – молодая девушка, девочка; *меньша* (man) – женщина; *бэйба* (baby) – девушка и др.

Некоторые заимствования, функционируя в сленге, проявляют словообразовательную продуктивность и, сочетаясь с аффиксами русского языка, создают гнездо однокорневых слов, куда входят слова, принадлежащие к разным частям речи: *герла* (girl) – герленок, герленыш, герловый, герлуха, герлушка, герлица, герлышка; *фэйс* (face) – фэйсануть; фэйсовать; фэйсушник, фэйсатый; *крези* (crazy) – крезанутый, крезаться, крезануться, крезовать, креза, крейза; крыза, крейзи, крезу ловить, крезаторий, крезовник, крезовый, крезогон, крезоид, крезовоз; *лав* (love) – лавер, лавить, лавнуться и т.п.

Префиксация глаголов делает их намного ярче, выразительнее, экспресивнее: *обхайраться* – остричься; *надринькаться* – напиться; *полукать* – посмотреть; *поспикать* – поговорить; *проаскнуть* – разузнать о чем-то.

Существительные от англицизмов образуются зачастую с помощью суффиксации. Набор суффиксов ограничен.Чаще всего такие суффиксы имеют сниженную стилистическую окраску: *-ач-* дринкач; *-ух-* крезуха, флэтуха, герлуха, олдуха, голдуха; *-а(льник)*, *-льн(я)* – хайральня (парикмахерская); *-ушник-* файфушник (5 рублей).

В образовании сленгизмов от англицизмов участвуют также уменьшительные суффиксы: *бебиенок, бебик, чилдренок*; *герленок, герлушлка, герленыш.*

Активность англицизмов проявляется и в том, что они образуют множество устойчивых выражений: *разуть айзы*– посмотреть внимательнее; *айзы горят* и т.п.

Относительно орфографических и орфоэпических особенностей отметим, что многие англицизмы-сленгизмы существуют в нескольких вариантах и, соответственно, произносятся или пишутся по-разному. Например, в словаре Т.Г. Никитиной английское слово *parent* существует в пяти вариантах, а форма мн. ч. в семи вариантах: пэрент, пэрэнт, парент, пэрэнс, парэнс (ед. ч.); пэрэнса, пэрэнсы, парэнсы, пэрэнта, парэнта, парэнты, пэрэнты (мн. ч.).

Англицизмы, проникшие в русский сленг в течение последних 30 лет, еще переживают процесс ассимиляции. Это проявляется как в размытости их значений и еще не устоявшихся грамматических, орфографических и орфоэпических вариантах, так и в их оценочной характеристике. Мнимое сходство значений англицизмов в языке-источнике и в русском сленге, а следовательно, и неуместное их употребление может вызвать недопонимание. Поэтому любители сленга должны проявлять большую осторожность при обращении с функционирующими сейчас в системе сленга англицизмами.

Главный лингвистический феномен сленга – служить источником обновления, переходом отдельных речевых единиц из частных подъязыков в литературное просторечие, а из просторечия – в разговорный литературный язык.

Литература

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.
2. *Береговская Э.М.* Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания, 1996. № 3. С. 32-41.
3. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. 3-е, исп. и доп. СПб., Златоуст, 1999. 320 с.
4. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М., Эксмо. 2006. 944 с.
5. *Липатов А.Т.*Сленг как проблема социолектики. М., ЭЛПИС. 2010. 319 с.
6. *Маринова Е.В.* «Вечный вопрос» о заимствованиях // Культура речи, 2014. №2. С. 59-65.
7. *Никитина Т.Г.* Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым. М., Астрель: АСТ, 2003. 736 с.
8. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., Русский язык. 1983. 816 с.
9. *Радзиховский Л.А., Мазурова А.И.* Сленг как инструмент отстранения // Язык и когнитивная деятельность. М., Наука. 1989. 318 с.
10. *Равиндер Натх Менон* Англицизмы в русском молодежном сленге [Электронный ресурс.] URL:https://journal.pushkin.institute/archive/archive/2012/4_(233)/6873 Дата последнего обращения 20.05.2019.
11. *Хомяков В.А.* Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия. Вологда, Областная типография. 1971. 104 с.
12. *Хомяков В.А.* Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. …канд. филол. наук. Л., 1980. 39 с.

СВЯЗЬ МЕТОНИМИИ И КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В СВЕТЕ РАЗНЫХ ПРИНЦИПОВ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЗНАНИЯ

Н.А. ИЛЮХИНА

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Россия

ilnadezhda@rambler.ru

Ключевые слова: *когнитивная семантика, метонимия, метафора, концепт, категоризация, когнитивно-дискурсивный подход.*

В статье взаимосвязь метонимии и метафоры рассматривается с точки зрения механизмов порождения и восприятия высказывания и связей с принципами категоризации знания. Показано, как при смене

роли участника коммуникации с говорящего на реципиента в определенных условиях происходит трансформация метонимии в когнитивную метафору. Прием переключения и возникающий экспрессивный эффект используется при создании рекламных слоганов. Обоснована мысль о том, что признание множественности принципов категоризации опыта позволяет объяснить с этой точки зрения феномен смежности, лежащий в основе метонимии.

NADEZHDA ILIUKHINA – Connection of metonymy and cognitive metaphor in the light of different principles of categorizing knowledge

Key words: *cognitive semantics, metonymy, metaphor, concept, categorization, cognitive and discursive approach.*

The article deals with the relationship between metonymy and metaphor from the point of view of the mechanisms of generation and perception of a statement and from the point of view of links with the principles of categorization of knowledge. It is shown how, when changing the role of a communication participant from a speaker to a recipient, under certain contextual conditions, the transformation of metonymy into a cognitive metaphor occurs. This switching technique and the resulting expressive effect is used to create advertising slogans. The idea is substantiated that the recognition of the fact of the multiplicity of principles of the categorization of experience makes it possible to explain from this point of view the adjacency phenomenon underlying metonymy.

В последние десятилетия для исследования и интерпретации языка все активнее используется когнитивно-дискурсивный подход, разрабатываются на его основе различные методики. Продуктивность этого подхода очевидна, в частности, в области интерпретации природы метафоры и метонимии. В свою очередь анализ метонимии и метафоры проливает свет и на важные для когнитивной науки принципы категоризации знания, открывающиеся при наблюдении за логикой действия этих двух ментальных механизмов.

В данном случае продуктивен динамический аспект дискурса как процесса порождения речи говорящим (пишущим) и процесса интерпретации слушающим (читающим), поскольку речевая деятельность – «один из модусов когниции», составляющий вершину айсберга, «в основании которого лежат когнитивные способности, не являющиеся чисто лингвистическими, но дающие предпосылки для последних» [Демьянков 1994: 22].

Рассмотрим когнитивный аспект дискурсивного взаимодействия участников коммуникации при порождении некоторых метонимических и метафорических высказываний.

Как известно, участники общения обращаются к разным механизмам речемыслительной деятельности и к разным связям единиц в системе языка. Говорящий исходит от значения к средствам его выражения и потому обращается к парадигматическим связям единиц, воплощенным в синонимических рядах, лексико-семантических группах, лексико-семантических полях и других семантических классах, с целью выбора единиц, передающих его замысел. Слушающий работает с готовым высказыванием и занимается его дешифровкой с опорой на синтагматические связи единиц в высказывании. При этом реципиент имеет дело с многозначностью, омонимией, для него не актуальны парадигматические отношения (синонимические ресурсы в широком понимании), тогда как говорящий не работает с многозначностью и омонимией, а имеет дело с синонимическими средствами в широком их понимании.

Различие в механизмах работы со связями между языковыми единицами в роли говорящего и в роли реципиента может приводить к интересному системному эффекту, который возникает в момент переключения с одной роли на другую. Этот эффект, когда порожденное говорящим метонимическое выражение прочитывается слушающим (с опорой на контекст) как метафорическое, можно было бы назвать своеобразной системной «ошибкой» дискурсивного характера. В дальнейшем эта «ошибка» (стихийное переключение метонимического механизма на метафорический при восприятии высказывания) нередко приводит к образованию метафоры когнитивного типа. В качестве примера приведем выражение режиссера В. Хотиненко: *у нас **молодое кино***. В его интервью обсуждается высказанное мнение о слабости новой кино-

версии «Золотого теленка», о том, хорош или плох режиссер этого фильма Ульяна Шилкина: *…Я не удивлен, почему именно Шилкиной доверили экранизацию. Ульяна еще во ВГИКе проявила себя как выдающийся режиссер. Ее дипломную работу показывали на Венецианском фестивале. Считаю, что* ***молодым*** *нужно доверять снимать любые вещи. Был рад за Ульяну, когда ей предложили снимать «Теленка», она мне звонила. Сейчас у нас* ***молодое кино*** (Комсом. правда).

Обратимся к составу ЛСВ слова *кино*, зафиксированному в словаре.

КИНО1. То же, что кинематография. *Звуковое к. Документальное к.* 2. То же, что фильм (прост.). *Видел интересное к.* 3. То же, что кинотеатр (разг.). *Построено новое к. Сходить в к.* 4. *перен.* Смешное событие, комическая ситуация, сценка (прост.). *С этим делом у нас целое к. получилось*. [Ожегов, Шведова : 268].

В приведенном выше фрагменте интервью лексема *кино* имеет еще один ЛСВ, не отмеченный в словаре, – «кинодеятели». Именно этот ЛСВ предопределен общим содержанием интервью. Однако читатель, воспринимая сочетание *молодое кино*, опираясь на предельно малый контекст, в праве дешифровать значение многозначной лексемы *кино* иначе – как «кинематография»(киноискусство), которое является основным, первичным в семантической структуре слова, и даже «продукция молодых кинодеятелей, определяющая своеобразный этап развития кинематографа». Заметим, что эти три ЛСВ в нашем случае не являются взаимоисключающими.

Обратим внимание на особенности семантики лексем *кино* и *молодое*: при прочтении слова *кино* в метонимически производном значении «кинодеятели» слово *молодой* несёт прямое значение («находящийся в возрасте от отрочества до зрелых лет»), при прочтении слова *кино* в прямом значении «кинематография»значение слова *молодое* неизбежно воспринимается как производное – «недавно возникшее, образовавшееся».

Приведем аналогичные примеры постепенного перехода в дискурсивном пространстве метонимии в когнитивную метафору.

Значение выражения *строить дом* в высказывании *Этот человек всю жизнь строит свой* ***дом*** производит впечатление буквального: человек в течение всей жизни улучшает свои жилищные условия, увеличивает жилье или делает его более удобным для проживания, меняет квартиру и т.п. Вместе с тем на основное значение (не отменяя его) в определенных коммуникативных условиях могут наслаиваться **смежные** значения, которые можно сформулировать так: формирует (увеличивает) семью, выстраивает семейные отношения, воспитывает детей, помогает им получить образование, найти свой путь в жизни, принимает в свою семью семьи своих детей и т.д. Таким образом, это высказывание при восприятии может приобретать разный смысл («улучшает жилищные условия», или «увеличивает семью», или «совершенствует быт», или «гармонизирует семейные отношения», или «организует свою частную жизнь», в том числесинкретичный смысл, включающий все эти составляющие) в зависимости от того, в каких контекстуальных и дискурсивных условиях реципиент воспринимает данное высказывание.

Так, в процессе дискурсивного употребления этого и подобных (например, ***Привел в дом*** *молодую жену*) высказываний на основе значений, связанных объективной смежностью, формируется регулярная метафорическая модель *семья, семейные отношения – строение*, компонентами которой являются реалии, на внешний взгляд, далёкие друг от друга (люди – отношения – строение). Например: *разрушить семью*, *разрушить брак* (ср. *разрушить дом*). Далее по закону функционирования когнитивной метафоры эта метафорическая модель в процессе функционирования подвергается лексическому варьированию, тем самым скрывая следы своего метонимического происхождения, ср.: *Не праздное любопытство влечет заглянуть в нее* [драму жизни]*, не желание насильственно* ***раскрывать двери частной жизни*** (А.Кони); *О чем*

я думал, сидя у гроба покойного почти до самых сумерек? Конечно же о нем прежде всего, о его жизни, ...да и о родичах его тоже, которые от горя и безалаберности еще не совсем понимали, ...какая потеря их постигла, что ***выпал стержень, державший всю постройку, и семья немедленно развалится,*** *расползется по разным углам* (В. Астафьев); *Солидарная работа семейной команды на* ***строительстве*** *своего* ***духовного дома*** *приведет ее к такой* ***обители****, где будут уважены лучшие склонности каждого, где угождение и понимание будут сопутствовать любой индивидуальности и где все вместе будут счастливы* (Ю. Андреев); *…говорят, первый* ***брак*** *– дело ненадежное и легко* ***разваливается*** (Комсом. правда).

Обратимся к рекламным слоганам, в которых факт переключения с метонимического механизма на метафорический легко прослеживается, так как используется как прием при создании текста. Интересны слоганы, которые по логике их создания выглядят как метонимические, а прочитываются (и даже интерпретируются исследователями) как метафорические. Например: *Купайся в роскоши* (реклама ванн), *Нефильтрованное удовольствие* (реклама пива). С точки зрения читателя, приведенные слоганы имеют метафорический характер: представляется, что в метафорическом значении выступают слова *купайся* и *нефильтрованный.* Такую дешифровку смысла задаёт ближайший к этим словам контекст – абстрактный характер значений существительных *роскошь* и *удовольствие*. Общий смысл выражений прочитывается соответственно как «живи в условиях роскоши» и «полное удовольствие, сохранившее все нюансы этого ощущения».

Однако на этапе порождения высказывания, т.е. при создании слоганов, использован прием замены названия рекламируемого продукта (ванны и пива соответственно) названием качества этого продукта (роскошная – о ванне) и названием эмоционального состояния, связанного с употреблением пива (ощущение удовольствия), – т.е. осуществлен сознательный перенос названия с одной реалии на другую на основе отношений смежности между ними. Приведем аналогичные примеры: *Познание* ***вкуса блаженства*** (реклама риса), ***Подарите*** *любимым* ***тепло*** (реклама дубленок), *Управляй мечтой* (реклама автомобилей).

Во всех подобных случаях слова типа *удовольствие, роскошь, мечта, блаженство, красота, радость, совершенство* используются вместо слов с конкретной предметной семантикой – имен товаров (*пиво, ванна*, *йогурт*, *рис*, *крем* и под.). Таким образом, технология создания этих слоганов состоит в метонимической замене имени предмета именем его же наиболее привлекательного для потребителя качества или именем того состояния, которое испытает клиент, приобретший товар.

Между тем прочитывается такой слоган как метафорический. Почему это происходит? Ключ к пониманию этой своеобразной «ошибки» дает дискурсивная методика анализа – в частности, сопоставление механизмов речевой деятельности, которые использует говорящий и воспринимающий. В сознании создателя рекламы (говорящего) образ предмета-товара связан с его качествами, его воздействием на настроение, самоощущение человека-потребителя, которое он хочет подчеркнуть, влияя на покупателя. Эти связи – связи по смежности – и ложатся в основу слогана.

Что касается потребителя рекламы, то он «работает» с текстом, опирается на речевую цепочку, дешифрует слова с опорой на контекст. Другими словами, говорящий соотносит представления о предмете с представлением о его же свойствах (соотносит в своем сознании слова *пиво* и *удовольствие*; *крем, кожа* и *красота*, а реципиент (слушающий/читающий) соотносит между собой слова в речевой цепочке: *нефильтрованное* и *удовольствие* – и соответственно прочитывает с опорой на контекст метафорический смысл слогана.

Укажу, что цепочка связываемых слоганом представлений одна и та же: *пиво – удовольствие – нефильтрованное*. Но связь между ними в сознании говорящего и

слушающего разная: в одном случае: нефильтрованное пиво – это удовольствие (смысл «от говорящего»), в другом: пиво – это нефильтрованное удовольствие (т.е. полное, истинное) – смысл «от слушающего».

Если называть такие явления ошибкой, то она имеет дискурсивный характер, к тому же – закономерный.

Что касается специально заданной каламбурности в рекламе, двузначности (возможности метафорического и в то же время метонимического прочтения слогана как способа создания экспрессии), то она рождается при взаимодействии механизмов порождения и механизмов прочтения таких выражений *на этапе создания слогана*, поскольку этот процесс не является одноактным. Слоган в процессе его создания может менять свой вид с учетом эффекта, который ощущает и сам создатель, воспринимая этот слоган в качестве реципиента. Однако, подчеркнем, при любом прочтении достигается один и тот же информативный эффект.

В контексте рассмотрения этой проблематики продуктивно обсуждение вопроса о принципах категоризации знания, которые, на наш взгляд, обнажаются в процессах метонимической и метафорической номинации, особенно с учетом момента переключения одного когнитивного механизма на другой.

Нередко метафору характеризуют как «постоянный рассадник алогичного в языке» [Арутюнова 1979 : 140], обращают внимание на «нарушение логического порядка» при метафорических переносах» (*орёл* – о птице и о человеке) [Телия 1981: 141-142]. Но этоутверждение справедливо и по отношению к метонимии (*рука* как часть тела и как почерк (*Это не моя* ***рука***)). В этих случаях при образовании производного значения нарушается естественная классификация реалий.

Однако в таких справедливых рассуждениях имеется в виду рационально-понятийный принцип категоризации знания. Именно такая логика «измерения» метафоры в логике традиционной категоризации знаний представлена, в частности, в работах Г.Н. Скляревской, посвященных метафоре. Лингвист противопоставляет шесть глобальных семантических сфер, охватывающих все объекты действительности: I. Материальные объекты: 1. Предмет. 2. Животное. 3. Человек. 4. Физический мир. II. Идеальные объекты: 5. Психический мир. 6. Абстракции [Скляревская 1993].

Эта классификация не противоречит и обыденным представлениям о систематизации знания. Однако очевидна ее ограниченность в качестве единственного принципа систематизации знания. Столь одномерная категоризация человеческого опыта, в частности, не дает ключа к пониманию того, как образуется метонимия, да и метафора. Как возникает ощущение смежности либо сходства между реалиями, если соответствующие знания «разнесены» по совершенно разным категориям?

Оставляя в стороне вопрос о способах категоризации знания, предопределяющих метафору как результат переноса названия на основе уловленного сходства между реалиями, выскажу мысль о **множественности принципов категоризации знания**. О наличии разных принципов структурирования и организации знания в сознании свидетельствует факт существования разных форматов концептуализации знания – концептов с разным типом организации знания: концепта-понятия, концепта-фрейма, концепта-пропозиции, концепта-сценария, концепта-гештальта. Представляется, что в разных типах концепта запечатлены принципы организации знания и, следовательно, принципы его категоризации, дополняющие общеизвестный принцип логической категоризации, упомянутый выше. Приведенные выше примеры метонимии, в том числе метонимии, порождающей когнитивную метафору *семья – строение*, представляют, в частности, принцип фреймовой категоризации (концепт «дом», концепт «кино» и др.), принцип сценарной категоризации (концепт «употребление пива», отраженный в слогане *Нефильтрованное удовольствие*).

Признание этих типов концептов разными принципами категоризации, организующими опыт, позволяет объяснить многообразие проявлений отношений смежности, напрямую отраженных в метонимических переносах (о типах метонимических переносов, предопределенных связью знания о реалии в формате разных типов концепта, см. нашу статью [Илюхина 2015]).

В этом случае получает логичное объяснение и удачное понятие *сдвиг фокуса внимания* применительно к метонимии, при этом сдвиг фокуса внимания и следующий за ним перенос названия по смежности может рассматриваться как происходящий в пределах **одного концепта**, что обеспечивает ближайшую смежность двух реалий, объединенных одним концептом.

Кроме того, осмысление знания об одной и той же реалии в логике структуры разных типов концепта позволяет утверждать, что метонимически производные значения в структуре многозначного слова можно рассматривать как отражение разных ракурсов восприятия одной реалии, отраженных в разных типах концепта (в концепте-фрейме, концепте-пропозиции, концепте-сценарии и др.). В этом случае можно утверждать, что структура значения многозначного слова, включающего в свой состав метонимически производные ЛСВ, называет один концепт.

Литература

1. *Арутюнова Н.Д.* Метафора // Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.

2. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 17-33.

3. *Илюхина Н.А.* О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2015. №7.С. 36-48.

4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 2-е изд. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.

5. *Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.

6. *Телия В.Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.

ПОЛИЛИНГВАЛЬНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА

А.Н. КАРТАШЁВА,
С.К. КЕНЖЕГАЛИЕВА
Атырауский государственный университет, Республика Казахстан
akartasheva@mail.ru

Ключевые слова: *социокультурная система Казахстана, факторы изучения международных языков, национально-русский билингвизм, полиязычная коммуникация.*

В статье рассматриваются социокультурная система Казахстана, особенности национально-русского билингвизма. Доказывается, что изучение русского и казахского языков является необходимым условием проживания в полиэтническом обществе Казахстана.

ANNA KARTASHYOVA, SANIYA KENZHEGALIEVA – Polylinguality in socio-cultural system of Kazakhstan

Key words*: social and cultural system of Kazakhstan, factors of learning international languages, national and Russian bilingualism, multilingual communication.*

In the article are under consideration social and cultural system of Kazakhstan, special features of the national-Russian bilingualism. Is proved by the fact that the learning of Russian and Kazakh languages is a necessary condition for living in a multi-ethnic society of Kazakhstan.

Более чем столетний опыт сосуществования на одной территории разных народов с непохожим культурно-историческим прошлым, отличающимися друг от друга культурными, языковыми, религиозными, ментальными особенностями, со сложившимися еще в глубокой древности предпочтениями в национальной кухне, в одежде, в традициях общественной коммуникации, представляет собой интересный феномен сохранения этносами своей национальной формы в рамках единой социокультурной системы Казахстана.

«Вопрос о месте того или иного языка в государстве, в официальном и неофициальном общении, в школе и вузе, в средствах массовой информации и т.д. остро встал в настоящее время в связи с распадом СССР и образованием отдельных государств на месте союзных республик» [Гречко 2003 : 315].

В Атырауской области русско-казахские языковые связи имеют давние корни. Русские казачье-крестьянские поселения на берегах Яика (впоследствии Урала) появились еще в XVII веке, позже, в военные годы, по сталинскому указу сюда прибыли эшелоны со ссыльными кавказцами, корейцами, немцами, греками и другими перемещенными народами. После приобретения Казахстаном суверенитета в 90-ые годы здесь обосновались многочисленные нефтедобывающие, строительные и торговые фирмы, обросшие ресторанно-гостиничными комплексами. Все эти факторы не дают уменьшиться интересу местного населения к изучению международных языков, а у приезжих вызывает желание ознакомиться с языковыми и культурными традициями коренного населения области

При всем том, что каждое национальное сообщество, проживающее на территории Атырауской земли, предпринимает все усилия для сохранения и развития своего собственного языка, для чего созданы все условия, наряду с объявлением казахского языка государственным, официальным языком межнационального общения в республике и традиционно, и на государственном уровне признан русский язык.

Несмотря на то, что исторически обусловленный национально-русский билингвизм, существовавший не только в Казахстане, но и во всех бывших республиках СССР, в 90-е годы нарушился, русский язык в нашей стране сохраняет устойчивые позиции, так как, во-первых, он поддерживается правительством государства, во-вторых, немалое количество взрослого населения, получившего образование на русском языке, работает у себя на Родине, в то время как жители такого же возраста из соседних стран выехали за границу для работы гастарбайтерами, в-третьих, подавляющая часть казахской молодежи изучает и русский, и английский языки без принуждения, понимая, что эти языки необходимы им для включения в глобальное информационное пространство. Более того, в последнее время наблюдается интересный феномен: выросло количество детей, в том числе и проживающих в аулах, получивших азы русского и частично английского языков благодаря компьютерным играм. Что уж говорить о наших студентах, для которых жизнь в Сети не менее естественна, чем в реальности. Влияние русскоязычного информационного пространства, необходимость интернет-ресурсов для самообразования и получения необходимой профессии, зависимость собственной значимости от получаемых лайков (следовательно, чем больше языков ты используешь, тем больше у тебя подписчиков и тем более ты известен) обеспечивают популярность русскому языку. Но в республике наблюдается и обратный процесс: растет количество людей, говорящих на казахском языке, хотя бы на начальном уровне, на многих казахскоязычных телеканалах можно увидеть дикторов и ведущих неказахской национальности.

В условиях многонационального общения в Казахстане происходит взаимовлияние культур. «Общность культуры способствует аккумуляции сходных коммуникативных стратегий, общих принципов речевой культуры, формирует диапазон смыслов, объединенных текстами – у языковой общности общие системы прецедентов и правил - определяет традиции» [Шайбакова 2007:15].

В последние годы в казахском языке резко выросло количество неологизмов, призванных заменить русскоязычные варианты лексем, встречающихся в разных сферах жизни общества. Но речевые привычки с трудом поддаются изменениям. Так, например, основная масса общественных функционеров всех национальностей пользуется в своих речах клишированной русской политической и официально-деловой лексикой, которая появилась в казахском словаре еще на заре Советской власти.

Образы первых партийцев, мужественных, громогласных, говорящих и ведущих себя не так, как принято было вести себя в традиционно-национальном обществе, достаточно хорошо изображены в казахской советской литературе: «Хозяин дома поднялся, намереваясь произнести тост. По тому, как он разволновался, даже взмок весь, было ясно,что старался сказать как можно лучше, изощренней всех. Но в ответственный момент, язык, как назло, не повиновался, мысли смешались, спутались, и он сам не заметил, как нечаянно выпалил: «...нынешнему небывалому расцвету Арала мы всецело обязаны вам...» И, не досказав, неожиданно запнулся, заозирался по сторонам, должно быть запоздало подумав: «Не слишком ли я загнул?..». И тут же торопливо поправился: «Главное, будьте здоровы. Давайте, товарищи, за ... за испытанного руководителя нашего района, за здоровье и успехи его выпьем... выпьем в едином порыве, стоя..!». Голос его преданно дрогнул, сорвался. Гости, грохоча стульями, как один вскочили.

– Маладес! Маладес! Благодарю! – сказал Ягнячье Брюшко» [Нурпеисов 1987 : 171].

И несмотря на то, что на дворе XXI век, на всех официальных мероприятиях в выступлениях и крупных, и мелких руководителей, на каком бы языке они не произносились, проскальзывают знакомые русскоязычные обороты: социально уязвимое население, социальный лифт, карьерный рост, инклюзивное обучение и т.д.

Но полиязычная коммуникация ведет к перекрестному заимствованию, поэтому популярными стали и на официальных, и на неофициальных мероприятиях вступительные приветствия на государственном языке. Хорошим тоном считается знание и использование на казахском языке общепринятых фреймов коммуникации.

Особенно заметно смешение языков в бытовой сфере. Русские просторечия популярны в речи взрослого населения, которое во многом употребляет эти слова в целях лексической экономии для того, чтобы избежать громоздких парафраз на казахском языке, описывающих какие-то понятия или действия: *банканы закатать еттім, огурцыды замалосолила, разведенка, брошенка* и т.д. Мужской лексикон не может обойтись без русской обсценной лексики и зоосемантических метафор. Поэтому достаточно рядовой является речь водителя маршрутного такси, с которой он обращается к девушке, сидящей за рулем встречного авто: «Э-э, *Коза,* Қайда барасың? (Куда едешь?) Коза воооще!». На казахском языке мужчина так разговаривать с девушкой, годящейся ему в дочери, не смог бы. В ответ от русскоязычных жителей города можно услышать специфические казахские междометия: *«Ища!» («Фу!»), «Қойшы!» («Брось-ка!»)* и др., а также трансформированные под русский язык слова, обозначающие предметы быта или блюда национальной кухни: *«Корпешка» (көрпе – тюфяк), «Баурсачки»* (*бауырсак – пончики*) и др.

Важное место в казахском языке занимает слово *давай* (не давайте!). Интересен диалог между турком-шефом и водителем-казахом: «Это русское слово или казахское?» – «Вообще-то русское, но сейчас еще и казахское тоже». Появился и казахский вариант этого слова *ал давай*, употребляемый в ритуалах прощания и застолья в смысле «Выпьем!».

Нестабильность и в русском, и в казахском языке этикетных форм обращения приводят к тому, что в обоих языках самым популярным обращением к лицам женского пола являются слова *Женщина и Девушка* (причем девушкой может быть особа совсем недевичьего возраста), а к лицам мужского пола: *Мужчина и Молодой человек* (опять же молодой человек иногда бывает предпенсионного возраста). В сфере просторечия и та, и другая формула обращения являются частью и казахской речи. Интересны в этом отношении высказывания работающих в нашем городе многочисленных турков, которые утверждают, что известные обращения турков к девушкам-славянкам – *Наташ*а, а к восточным девушкам – *Гуля* объясняются тем, что ни в рус-

ском, ни в казахском языке нет слов-обращений к женщинам, кроме как *девушка.* В тюркских же языках обращение (не само слово!) Қыз - *Девушка*, *Девочка* носит неуважительный оттенок. Словами *Госпожа, Сударыня, Ханым* можно называть женщин определенного возраста, профессии и социального статуса, а как же быть с остальными? Показательными являются обращения преподавателей к студентам национальных отделений *Балам, Кызым* (сынок, дочка), что вполне допустимо в рамках национальной культуры. Но те же самые преподаватели никогда не позволят себе называть словами *Сынок, Дочка* студентов русских отделений.

За последние годы выросло число интернациональных семей, молодые люди разных национальностей: казахи, русские, татары, корейцы, немцы, а сейчас еще и американцы, англичане, итальянцы, турки, арабы, китайцы и другие все чаще вступают в брак друг с другом, и какие-то традиционные речевые и поведенческие привычки приходится менять не только молодым супругам, но и их консервативно настроенным родителям.

Девушки, вышедшие замуж за представителей другой национальности, признают, что они неосознанно трансформируют и речевые, и поведенческие модели в зависимости от того, в какой семье они в данный момент находятся: в прежней или в новой. Даже если бытовые ситуации одинаковы (семейные события, праздники, разговор о детях, простое чаепитие и т.д.), им приходится отказываться от прежних стереотипов общения с окружающими. Восточные девушки, попавшие в европейские семьи, отмечают, что, хотя их внешняя покорность, плавность движений, умение прислушиваться к старшим и вызывают симпатии у новых родственников, все же их сдержанность иногда принимается за скованность. А славянские девушки, оказавшиеся в восточных семьях, признаются, что им приходится часто сдерживать свою открытость и эмоциональность, так как это воспринимается за невоспитанность и развязность. Но и те, и другие всего через пару лет вполне адаптируются к новым условиям, а так как в интернациональных семьях большей частью языком общения является русский язык, новая поведенческая модель проецируется именно через этот язык.

За соблюдением национальных стереотипов поведения, в том числе и речевых, обычно надзирала часть социума, пользующаяся определенным авторитетом в обществе, во многих населенных пунктах были созданы общественные организации, называемые «ақсакалдар алқасы» - «совет старейшин». Но в последнее время появились ревнители национальной морали и помоложе, чаще всего это мужчины и женщины среднего возраста, а иногда и молодые люди, прозванные интернет-пользователями «ұятменами» (слово образовано по аналогии со словами *бизнесмен, мажилисмен*: ұят - совесть,стыд + мен), которые настаивают на том, что молодежь должна соблюдать этнические моральные ценности, не поддаваясь западному влиянию. Отрицая заимствования из европейских языков, стараясь использовать в своей речи исконно казахские слова или неологизмы, рекомендуемые Национальной терминологической комиссией для обозначения новых реалий, создавая собственные новообразования, одеваясь, если уж не в национальные, то хотя бы стилизованные под них костюмы, тщательно соблюдая этнические и религиозные традиции, они своим примером пытаются сохранить в первозданной чистоте нацию и родной язык, но не все так просто.

Несмотря на то, что общечеловеческие моральные ценности признаются всеми народами, у каждого национального сообщества имеются свои предпочтения. Возможно поэтому в российских ток-шоу одним из самых одобрительных признаний являются высказывания типа: «Вы поступили, как настоящая русская женщина!», «Настоящий русский мужик!». Надо полагать, что представители других национальностей в данных ситуациях проявили бы себя несколько иначе.

В казахском же обществе больше принято говорить: «Настоящая казахская девушка так не должна вести себя!», «Восточным джигитам не пристало так одеваться!». То есть всем остальным дозволяется, а именно казахам это запрещено. В казахских семьях есть свои правила взаимоотношений между старшим и младшим поколением, между женщинами и мужчинами. Есть какие-то темы, которые не подлежат обсуждению в присутствии старших. Именно поэтому в список нежелательных неологизмов казахского языка одними из первых общественность внесла перевод слов, обозначающих женские гигиенические принадлежности и средства предохранения от нежелательной беременности. Реклама этих товаров, звучащая с телеэкранов на русском языке, кажется уже привычной, но, по общему мнению, не соответствует национальному менталитету. Поэтому для перекодирования поведения вне семьи молодежь часто переходит на русский язык или на русско-казахский вариант «койне», не заботясь о сохранении рафинированности родного языка.

В лексикон представителей всех национальностей вошли новые слова, обозначающие современные гаджеты, одежду, технические новшества, различные технологии и т.д., трансформировавшиеся в каждом языке по-своему.

Полиэтническиейсостав населения страны приводит к тому, что в билингвальный дискурс казахстанского общества достаточно заметно включаются языковые элементы и других народов Казахстана. Долгое совместное проживание на одной территории объясняет тот факт, что происходящее смешение культур, традиций, языков, а иногда и верований, терпимо принимается населением. Никого не удивляет, что в Атыраускую область четыре раза приходит Новый год: 1 января – европейский, 14 января – Старый Новый, или, как его здесь у нас называют, Русский Новый год, в феврале – Восточный Новый год который вместе с корейцами празднует весь народ, в марте все встречают Казахский Новый год –Наурыз. Со всеми праздниками народ поздравляет руководство области. Большинство семей, и не только интернациональных, с удовольствием на Масленицу едят блины, на Пасху – куличи и крашеные яйца, все любят корейские салаты, немецкий штрудель, греческие баклажаны, а названия блюд казахской национальной кухни знакомы всем. В последние годы интернациональный список пополнился экзотическими названиями из меню суши-баров, пиццерий и кафе быстрого питания.

Если присутствие всех этих кулинарных изысков на столе во время праздничных застолий можно объяснить, то смешение некоторых из них на поминальных обедах у служителей культа вызывает недовольство, но народ оправдывается тем, что выражать соболезнование приходят не только соплеменники, следовательно, надо учитывать вкусы всех.

Несмотря на то, что подавляющее большинство местных корейцев приняли христианство и являются прихожанами православной или баптистской церкви, носят европейские имена в сочетании с корейскими фамилиями, основные народные традиции, элементы которых особенно ярко проявляются во время самых важных в жизни человека событий, таких как свадьбы, юбилеи, похороны, они сохранили. И так как в русском языке нет аналогов слов, описывающих подобные обычаи, то, естественно, они обозначаются корейскими лексемами.

Такие лингвистические ситуации часто встречаются и в языках других народов.

Хотя в последние годы доля применения русского языка в общественно-политической и хозяйственной жизни, в сфере СМИ сократилась, важность его в жизни казахстанского общества осознается основной массой населения. И казахский, и русский языки являются обязательными предметами в общеобразовательных школах, колледжах и вузах Казахстана. Изучение обоих языков проводится не в угоду политике, а потому что это является необходимым условием проживания в полиэтническом обществе страны.

Литература

1. *Гречко В.А.* Теория языкознания: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2003. 375 с.
2. *Нурпеисов А.* Долг. Алма-Ата: Жазушы, 1987. 303 с.
3. *Шайбакова Д.Д.* Влияние казахской культуры на русскоязычное общение // Русское и сопоставительное языкознание: тенденции и перспективы развития. Алматы, 2007. С.14-18.

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЛЕКСИКОГРАФИИ ЛАТВИИ

И.С. КОШКИН

Латвийский университет, Латвия

igors.koskins@lu.lv

Ключевые слова*: русский язык, латышский язык, немецкий язык, языковые контакты, лексикография, заимствования.*

В статье рассматриваются заимствования в региональном варианте русского языка во второй половине XIX в.-начале XX в. и их отражение в различных лексикографических источниках. В этих источниках зафиксированы разнообразные заимствования из немецкого и из латышского языков, встречающиеся в речи местного русского населения. Многие из них являются лексическими регионализмами, которые отсутствуют в национальных двуязычных словарях, сыгравших также большую роль в кодификации лексических норм латышского языка.

IGORS KOŠKINS – Reflection of the Historical Language Contacts of the Russian Language in the Lexicography

Key words: *Russian, Latvian, German, language contacts, lexicography, loans*

In the article loans in regional variant of Russian in the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century and their reflection in various lexicographic sources are considered. In these sources various loans from German and from Latvian of languages, meeting in the speech of the local Russian population are recorded. Many of them are lexical regionalisms which are absent in the national bilingual dictionaries which played also big role in codifications of lexical standards of Latvian.

Контакты русского языка в Латвии имеют многовековую историю, кроме того, русский язык в Латвии функционировал и продолжает функционировать как язык крупнейшего меньшинства. В периодизации истории контактов русского языка Латвии можно выделить несколько периодов: контакты языка восточных славян в исторический период до начала немецко-католических крестовых походов в Балтию (IX-конец XII вв.); контакты древнерусского языка и русского языка, относящиеся к периоду существования древней Ливонии (XIII-XVI вв.) и к периоду «польских» и «шведских» времён в истории Латвии (последняя четверть XVI в.-начало XVIII в.); контакты русского языка в так называемое новое и новейшее время, которые, в свою очередь, включают в себя контакты на территории Латвии во время её пребывания (сначала частичного, а затем полностью) в составе Российской империи (XVIII в.-начало XX в., до 1918 г.), контакты русского языка как языка меньшинства во время независимости Латвийской Республики (1918-1940 гг.); контакты русского языка в рамках национальной республики в период инкорпорации в состав СССР, современные контакты русского языка как языка меньшинства, как языка русской диаспоры независимой Латвийской Республики [Кошкин 2012: 53-64].

Малоизученной является тема отражения контактов русского языка в исторической лексикографии Латвии, прежде всего в двуязычных словарях. Сама национальная латышская лексикография берёт свои истоки, как известно, в XVII веке; основными лексикографическими источниками являются латышско-немецкие и отчасти польско-латышские словари. Авторы немецко-латышских словарей были в большинстве своём нелатышами, деятельность которых была связана с религиозной сферой. Следует отметить, что более чем трёхвековая традиция немецко-латышских словарей, созданных на территории Латвии, хорошо изучена, в то время как лексикографическая традиция отражения русского языка совсем не получила в научной литературе никакого освещения.

Социальная база носителей русского языка в Латвии формировалась длительное время [Заварина 2003: 10-47]. Однако по отношению к периодам до нового времени нельзя говорить о том, что русское население представляло собой сформировавшуюся форму социально-политического меньшинства. Рост носителей русского языка постепенно увеличивается в течение XVIII-XX вв., когда территория Латвии была в составе Российской империи и затем (в XX в.) в составе Советского Союза. Для языковой ситуации, в условиях которой и формировались особенности местного варианта русского языка, особенно русского населения городов, был характерен трёхъязычный характер языковых контактов (русско-латышско-немецкое трёхъязычие). Результатами контактов русского и латышского языков выступают как многочисленные русизмы в лексике латышского языка, так и лексические особенности регионального варианта русского языка, обусловленные контактами с латышским и немецким языками. Вопросы лексикографического описания явлений местного варианта русского языка требуют тщательного изучения. В этой связи было бы интересно рассмотреть заимствования в региональном варианте русского языка (имеется в виду русский язык Риги и Лифляндской губернии) во второй половине XIX в.-начале XX в. и их лексикографическое отражение, тем более что вторая половина XIX в. – это время активной лексикографической разработки латышского языка, активных процессов в истории нормализации лексики латышского литературного языка.

Впервые в рамках большого словаря русский и латышский языки «встречаются» в вышедшем в 1872 году в Москве русско-латышско-немецком словаре [РЛНС 1872], созданном под руководством писателя и просветителя Кришьяниса Валдемарса (1825-1891). Словарь выдержал много изданий. Одним из тех, кто участвовал в переизданиях, вносил дополнения и так называемые улучшения был латышский книгоиздатель и лексикограф Екабс Дравниекс (1858-1927), автор двуязычных (русско-латышских и немецко-латышских) словарей последней четверти XIX-первой половины XX в. [например РЛС 1912]. Одним из распространённых русско-немецких словарей в конце XIX в.-начале XX в. был так называемый словарь И. Павловского [Pawlowsky 1900].

Следует отметить, что наблюдения над особенностями местной русской речи содержатся в разнообразных публикациях местных краеведов, в публикациях диалектологических отчётов по поездкам в губернии Остзейского края. Например, к таким источникам можно отнести материалы, опубликованные известным представителем местной интеллигенции, краеведом Иваном Мокеевичем Желтовым в статье «О русском говоре в Риге», помещённой в журнале «Филологические записки» за 1874 г. [Желтов 2011: 5-43], а также материалы отчёта диалектологической экспедиции в Лифляндскую губернию в 1893 г., собранные и опубликованные исследователем Владимиром Бобровым в одном из научных сборников [Бобров 1908: 389-395].

На смешанный характер городского населения Риги, Лифляндской губернии указывают как приведённые в указанных материалах лексикографического характера диалектные особенности русской речи [Кошкин 2012: 55-58], так и лексические номинации, имеющие этнонимическое значение. Так, например, согласно материалам В. Боброва [Бобров 1908: 395], женщину, прибывшую в Лифляндскую губернию из внутренних губерний Российской империи, называли *русманка*. В словарных материалах И. Желтова о русском языке города Риги упоминается слово *ягутка* ‘белорус, работающий на стругах’; по мнению исследователя, в основе слова-названия лежит белорусская форма личного местоимения – *яго* ‘его’ [Желтов 2011: 36]. То, что указанное слово в местном русском языке обозначало бурлаков, которые были людьми славянской национальности, подверждают и данные словаря И. Павловского: *ягутка* ‘der Burlak, Schlepper (der Lastkähne an einem Schlepptau längs dem Ufer hinzieht’ [Pawlowsky 1900: 1768]. В свою очередь, заимствованное в латышском языке слово

burlaks < русск. *бурлак* ‘тот, кто тянет баржи по реке, рабочий на речных судах’ упоминается в известном двуязычном немецко-латышском и латышско-немецком словаре Г. Ф. Стендера второй половины XVIII в. со значением ‘русский, являющийся наёмным рабочим на стругах, тот, кто тащит струги’ [Stender 1789: II, 32]. Слово *burlaks* ‘грабитель, убийца; кровожадный человек, насильник’ в современном латышском языке принадлежит к экспрессивной лексике разговорного употребления, при этом указанное историческое значение слова (‘тот, кто тащит баржи’) в словаре выступает как второе, неактуальное значение [LLVV: II, 144].

Региональные лексикографические источники фиксируют разнообразные заимствования из немецкого и из латышского языков, встречавшиеся в речи местного русского населения (речь идёт о периоде второй половины XIX в.-начала XX в.).

По данным словарных материалов И. Желтова и В. Боброва, в русской разговорной речи города Риги отмечены такие германизмы, как *кунда* ‘клиент, клиентка; славный парень’ < нем. *Kunde*, *фрыштык* ‘завтрак’ < нем. *Frühstück*, *махер* ‘посредник при сделках’ < нем. *Macher*, *стульник* ‘мастер по мебели’ < нем. *Stuhlmacher*, *тышлер* ‘столяр’ < нем. *Tischler*, *цытрон* ‘лимон’ < нем. *Zitrone*, *бунт* ‘связка’ < нем. *Bund*, *гумми* ‘резинка, каучук’ < нем. *Gummi*, *корфа* (вариант *корфик*) ‘корзина’ < нем. *Korb*, *бурш* ‘ученик ремесленника или купца’ < нем. *Bursch*, *трепка* ‘лестница’ < нем. *Treppe*, *кранкенауз* (вариант *кранкауз* ‘городская больница’) < нем. *Krankenhaus*, *шпиклер* ‘амбар, склад’ < нем. *Speicher* (в основе заимствования лежит средненижненемецкая форма слова – *spīker*), *езель* ‘подмастерье; член отряда городской гвардии’ < нем. *Geselle* и др.

Приведённые заимствования из немецкого языка отсутствуют в лексике современного русского литературного языка. Однако только часть этих слов можно отнести к лексическим особенностям регионального варианта русского языка; другая часть включает слова-архаизмы, которые имели более широкое употребление в русском языке. Именно отражение в современной тому периоду латышской и русской лексикографии помогает разграничить между собой регионализмы и архаизмы.

Регионализмами из приведённого списка можно назвать слова: *корфа* и *корфик*, *кранкенауз* и *кранкауз*, *кунда*, *трепка*, *цытрон*, *шпиклер*, *махер*, *тышлер*. В отличие от других слов этого списка, они отсутсвуют в словаре русского языка В. И. Даля, который вышел в свет в шестидесятые годах XIX в. и который наиболее широко отражает все слои лексики русского языка того времени. Напротив, в латышской национальной лексикографии, представленной двуязычными немецко-латышскими и латышско-немецкими словарями, зафиксированы параллельные германизмы, соответствующие большинству слов данного ряда. Ср. германизмы латышского языка, отмеченные в считающемся наиболее значимым для этого периода словаре “Lettisches Wörterbuch” Карла Улмана и Густава Браже: *kunde* – ‘(знакомый) покупатель’ [Ulmann 1872–1880: 469], *trepe*, *trepes* ‘лестница’ [310, 695], *citrone* ‘лимон’ [350], *spīķeris* ‘амбар, склад’ [273], *dišleris* ‘столяр’ [691]. Слово *krankūzis* ‘больница’ (см. выше *кранкенауз*, *кранкауз*) является сленгизмом латышского языка [Bušs, Ernstsone 2009: 246]. Некоторые из приведённых германизмов вышли из употребления в современном латышском языке; вместо них употребляются слова на базе исконных морфем, например: *galdnieks* ‘столяр’, *slimnīca* ‘больница’.

Следует отметить, что отмеченные в местной русской речи регионализмы могут встречаться на территории русского языка, граничащей с территорией бывшей Лифляндской губернии, в настоящее время с территориями Латвии и Эстонии. Так, слово *корфик* зафиксировано в псковских говорах в специализированных значениях, близких к значению, отмеченному для этого слова в материалах И. Желтова и В. Боброва, – ‘плетёная корзина для рыбы, а также для других надобностей’, ‘специальная кор-

зинка или ящик с гнёздами для бутылок' [ПОС: 287]. Ср. также в эстонском языке *korv* 'корзина' [VES: I, 595].

Архаизмами (с точки зрения современного русского языка), употреблявшимися и за пределами местного варианта русского языка, являются лексемы, отмеченные в словарных материалах И. Желтова и В. Боброва: *бунт* 'связка', *фрыштык*, *бурш*, *езель*, *стульник*, *гумми*. Эти слова отмечены также в словаре русского языка В. И. Даля (с пометой *нем.* – «из немецкого языка»): *бунт* 'связка, кипа, пачка, куча' [Даль 1958: I, 141], *фриштых* 'завтрак, закуска или перехватка', *фриштыкать* 'закусывать до обеда, завтракать' [IV, 539], *гезе́ль* 'помощник или ученик в аптеке' [I, 347], *стульник*, *стульщик* 'стульный мастер, столяр' [IV, 348], *гуми*, *гумми* 'растительный клей', *гумиластик* 'резинка, каучук' [I, 408].

Не только регионализмы, но и слова, отмеченные в русском языке метрополии, никак не представлены в упоминавшемся выше русско-латышско-немецком словаре, вышедшем в 1872 году в Москве под руководством Кр. Валдемарса [РЛНС 1872], который во второй половине XIX в.-начале XX в. был основным русско-латышским словарём и в этом качестве переиздавался несколько раз. Например, несмотря на то, что в 1912 г. на базе этого словаря вышло четвёртое, улучшенное и дополненное издание русско-латышского словаря, автором которого является Екабс Дравниекс, указанные лексемы в нём отсутствуют. Из приведённых выше слов в этих словарях отмечено только слово *гумми* в значении 'резина': *gumija*, *das Gummi* [РЛНС 1872: 109], *гумми* 'gumija' [РЛС 1912: 73]. Однако Е. Дравниекс составил новый русско-латышский словарь, вышедший в 1913 г., который с точки зрения состава лексики русского языка ориентировался, по-видимому, уже и на словарь В. Даля. В этом словаре зафиксированы многие приведённые выше заимствования из немецкого языка, которые отмечены как слова русского языка и в словаре В. Даля: *бунт* 'связка [sainis]', *гезе́ль* 'помощник аптекаря [aptiekāra palīgs]', *стульник, стульщик* 'столяр [krēslinieks]', *фри́штик* 'завтрак [brokastis]' [Dravnieks 1913: 47, 143, 883, 952]. Тем не менее лексические регионализмы, зафиксированные в материалах о русском языке Риги и Лифляндии, не были по-прежнему отражены в словаре.

Слова-германизмы из приведённого списка отражено в вышедшем в Риге в 1900 г. русско-немецком словаре И. Павловского: *бунт* 'das Bund [связка]', *бурш* 'der Bursche, Student [молодой человек, студент]', *гезе́ль* 'der Apothekergehülfe [помощник аптекаря]', *стульник, стульщик* 'der Stuhlmacher [столяр]' [Pawlowsky 1900: 88, 90, 236, 1571]. Нетрудно заметить, что все эти слова (за исключением слова *бурш*) – это архаичные германизмы, зафиксированные в словаре В. Даля. Германизмы, принадлежащие только местному русскому языку (см. выше), в словаре И. Павловского не отмечены. Если заимствования из немецкого языка в русском языке города Риги XIX в., являющиеся регионализмами, имеют соответствия среди аналогичных германизмов латышского языка того времени (см. выше), то среди германизмов второй группы есть только два (*бунт* 'связка', *бурш* 'ученик ремесленника или купца'), для которых можно найти эквиваленты в словаре "Lettisches Wörterbuch" Карла Улмана и Густава Браже: латыш. *bunte* 'узелок, пучок [ein Bündel]', *buršis* 'ученик ремесленника [Bursche, Lehrling beim Handwerker]', нем. *Der Bursche*, *Student*, *Lehrling* 'молодой человек, студент, ученик торговца, ремесленника'(Ulmann 1872-1880: 40, 166). Слово *bunte* 'связка, пучок' зафиксировано и в современном сленге латышского языка [Bušs, Ernstsone 2009: 82].

Упомянутые региональные лексикографические источники фиксируют также заимствования из латышского языка, встречавшиеся в речи местного русского населения: *лайва* 'большая лодка, каботажное судно' < латыш. *laiva* 'лодка', *майка* 'избушка, устроенная на стругах для хозяйского приказчика; флигель, надворное строение'

< латыш. *māja* ‘дом’, *цымба* ‘рукавица’ < латыш. *cimds* ‘перчатка, рукавица’, *вымба* ‘рыба вроде леща’ < latv. *vimba*.

Эти заимствования, за исключением слова-названия рыбы *вимба* – vimba, Wemgalle [РЛНС 1872: 78], также не отмечены в русско-латышско-немецком словаре, вышедшем в 1872 году. В четвёртом издании словаря, переработанном Е. Дравниексом и вышедшем в 1912 г., появляется также лексема *майка* ‘домик на стругах [namiņš uz strūgas]’ [РЛС 1912: 117]. В новом русско-латышском словаре Е. Дравниекса (1913 г.) зарегистрированы как лексемы *вымба*, *майка* в том же значении, так и лексема *лайба* ‘большая лодка’ [Dravnieks 1913: 116, 352, 369]. Все три слова отмечены также в русско-немецком словаре И. Павловского, при этом их значения совпадают со значениями этих слов в других местных лексикографичечких источниках [Pawlowsky 1900: 196, 615, 652]. В словаре русского языка В. Даля, который, как было отмечено, охватывает различные слои лексики русского языка, приведены только слово *лайба* и вариант этого слова *лойва* (с пометой *балт.* – «балтийская территория»), для которых указано значение ‘чухонская или финская большая, парусная лодка, иногда с палубою об одной и двух мачтах’ [Даль 1958: II, 235]. Нахождение данного слова в общерусском словаре В. Даля вполне закономерно. М. Фасмер упоминает в своём этимологичеком словаре русского языка все три варианта слова – *лайба*, *лайва*, *лойва*, рассматривая и слова русского языка, и слова балтийских языков как заимствования из финно-угорских языков [Фасмер 1986–1987: II, 450, 451, 513]; древнерусское слово *лоива* ‘корабль’ упоминается в тексте Новгородской Первой летописи [там же: 513].

Приведённый краткий обзор показывает, что, во-первых, местный русский язык формировался как городское просторечие в иноязычном окружении, во-вторых, национальные двуязычные словари ориентировались в большей степени на русский язык метрополии, так как в них лексические регионализмы, как правило, не отражены. Особенно это касается многочисленных заимствований из немецкого языка.

Сокращения

латыш. – латышский язык
нем. – немецкий язык
русск. – русский язык

Литература

1. *Бобров В.* Материалы к познанию русских говоров Лифляндской губернии // Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1908. С. 389-395.

2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Репринтное издание 1880-1882 гг. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.

3. *Желтов И.* О русском говоре в Риге // Рижский старообрядческий сборник. Материалы по истории староверия. Выпуск II / Составитель И. Иванов. Рига: Старообрядческое общество Латвии, 2011. С. 5-43.

4. *Заварина А.А.* Русское население Латвии (К истории поселения) // Русские в Латвии. Выпуск 3 / Под ред. *Б.Ф. Инфантьева*. Рига: ВЕДИ, 2003. С. 10–47.

5. *Кошкин И.* Языковые контакты и русский язык Риги второй половины XIX века // Acta Universitatis Latviensis, vol. 772, Linguistics: Problems of Russian and Slavic Linguistics. Актуальные проблемы русского и славянского языкознания / Под ред. *И. Кошкина, Т. Стойковой*. Rīga: University of Latvia, 2012. С. 53-64.

6. ПОС – *Псковский областной словарь с историческими данными*. Выпуск 15 / Под ред. И.С. Лутовиновой, М.А. Тарасовой. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.

7. РЛС 1912 – *Русско-латышский словарь. Krievu-latviešu vārdnīca* / 4. izdevums, pārlabojis un papildinājis J. Dravnieks. Jelgawa: drukājis un apgādājis H. Allunans, 1912.

8. РЛНС 1872 – *Русско-латышско-немецкий словарь,* изданный Министерством народного просвещения . *Krievu-latviešu-vācu vārdnīce*, izdota no Tautas Apgaismošanas Ministerijas. *Russisch- lettisch-deutsches Wörterbuch,* herausgegeben vom Ministerium der Volksaufklärung. Москва: В университетской типографии, 1872.

9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В. 4-х т. / Перевод с немецкого и дополнения чл.-кор. АН СССР О.Н. Трубачёва. Издание второе, стереотипное. Москва: Прогресс, 1986-1987.

10. *Bušs O., Ernstsone V.* Latviešu valodas slenga vārdnīca. 2. izdevums. Rīga: Zvaigzne ABC, 2009.

11. *Dravnieks J.* Krievu-latviešu vārdnīca. Русско-латышский словарь. Rīga: J. Brigadera apgādībā, 1913.

12. LLVV – *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. 1.–8. sējumi. Rīga: Zinātne, 1972–1996.

13. *Stender G.F.* Lettisches Lexikon. T. 1. [Lettisch-deutsch]. T 2. [Duetsch-lettisch]. Mitau, 1789.
14. *Pawlowsky I.* Russisch-Deutsch Wörterbuch. 3., vollständig neu bearbeitete, berichtigte und vermehrte Auflage. Русско-немецкий словарь. Третье, совершенно переработанное, исправленное и дополненное издание. Riga: Verlag von N. Kymmel, 1900.
15. *Ulmann C. Chr.* Lettisches Wörterbuch. Teil 1: Lettisch-deutsches Wörterbuch. Rīga: Verlag von H. Brutzer & Co., 1872. Teil 2: Deutsch-lettisches Wörterbuch / Bearb. von G. Brasche. Rīga, Leipzig: Verlag von H. Brutzer & Co., 1880.
16. VES – *Vene-eesti sõnaraamat*. Teine, parandatud trükk. 1–2. Tallinn: Eesti Keele Instituut, 2000.

ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ ПЕРСУАЗИВНОСТИ

С.П. ЛАМБАРДЖЯН
Ереванский государственный университет, Армения
ripa.arpi@gmail.com

Ключевые слова: *антропоцентризм, персуазивность, дискурс, концепт, сомнение.*
Исследование посвящено дискурсивному аспекту субъективной (модусной) категории персуазивности. Цель анализа: на основе рассмотрения одного из персуазивных концептов – *сомнения* – показать, что в разных дискурсах персуазивные концепты имеют разную семантическую структуру.

SRBUHI LAMBARJYAN – The Discoursive aspekt of persuasiveness
Key words: *antropocentrism, discours, persuasiveness, concept, clought.*
The research is devoted to the concept of *dought* in different discourses. It shows, that this subjective concept has different meaning structures in different discourses.

Антропоцентрическая научная парадигма, как известно, направила вектор внимания на языковые категории, обнаруживающие цели, задачи, намерения языковой личности в коммуникации. Приоритетными считаются исследования, направленные на анализ значений, формирующих позицию **говорящего**, – центральной фигуры антропоцентрической научной парадигмы. Это отражено и в программных документах центров изучения русского языка. «Современная лингвистика ставит в центр языковых исследований **фигуру человека** – как лица говорящего и главного действующего лица в мире, о котором он говорит» [Программы кафедры русского языка 1997: 57].

Прямыми проводниками коммуникативных намерений говорящего являются, в первую очередь, модусные (субъективные) категории, предназначение которых – претворять в коммуникации цели и намерения говорящего [См.: Балли 1955; Алисова 1977; Шмелева 1979; Белошапкова 1981 и др.].

Персуазивность – одна из центральных категорий субъективного блока значений. Она выражает степень уверенности говорящего в достоверности информации. В современной русистике господствует мнение, что персуазивность – это предложенческая категория. Многолетние наблюдения показывают, что это категория, статус которой необходимо искать в более широком контексте, чем предложение-высказывание. Предложение персуазивно многозначно.

Так, например: ***Может**, скажете, сколько их у вас запланировано?* (Хмелевская. Бесконечная шайка).

Здесь в отдельно взятом (вне контекста) предложении **может быть** выражает свойственное ему значение из области неуверенности. Но в контексте: «*Как ни придешь, у вас труп.* ***Может*** *скажете, сколько их у вас еще запланировано?!*» полисмен в форме едкого сарказма выражает возмущение повторяющейся ситуацией, и **может быть** здесь выражает не свойственное данному модальному слову **предположение**, а констатацию в эмоциональной форме.

Или: персуазив **конечно** в языковом сознании ассоциируется с уверенностью в достоверности информации. Но языковые факты свидетельствуют, что **конечно** может реализовать и значение из семантической области неуверенности. Так в коммуникативном акте: – *Угадай, что я делаю?/ –* ***Конечно****, слушаешь музыку.* – **конечно**

выражает предположение, по мнению адресата соответствующее реальному положению дел, так как он прекрасно знает пристрастия инициатора, его всепоглощающую любовь к музыке.

Как видим, рамки предложения-высказывания узки для точной семантизации реализованного персуазивного значения.

Персуазивность – это категория, которая может быть однозначно ««прочитана» в такой единице, как **коммуникативный акт**. И статус ее как надпредложенческой единицы необходимо искать именно в многочисленных особенностях формирования и проведения в жизнь **целей** и **намерений** участников коммуникации. Это тема особого (весьма объемного) исследования.

Цель предлагаемого вниманию исследования – освещение некоторых особенностей **дискурсивного аспекта персуазивности**. Данная тема является весьма обширной, поэтому остановимся на некоторых особенностях на основе одного из персуазивных концептов – **сомнения**. Подчеркнем, что под дискурсом, вслед за многими авторами, понимаем следующее: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, психолингвистическими и другими факторами, текст, взятый в событийном аспекте. <…> Дискурс – это речь, погруженная в жизнь [Арутюнова 1990: 137].

«Дискурс – <…> речь во взаимосвязи с живой жизнью, ее событийным контекстом, социальными и психологическими характеристиками говорящего [Матвеева 2003: 62].

«Дискурс является многоаспектной языково-когнитивно-коммуникативной системой-гештальтом, которая определяется совокупностью трех аспектов: передачей, использованием идей и убеждений (когнитивный аспект), социально-прагматическим аспектом – взаимодействием коммуникантов в определенных социокультурных контекстах/ ситуациях и аспектом языкового использования [Шевченко 2015: 156].

Все приведенные определения дискурса, как видим, не отвергают, а дополняют друг друга, и это позволяет видеть новые грани исследуемого явления в дискурсивном прочтении (в нашем случае – персуазивного концепта «сомнение»).

Почему выбран именно концепт «сомнение»? Существует ряд причин, главная из которых заключается в том, что сомнение – стержневой концепт семантического поля неуверенности, одна из основных составляющих психоментального мира человека [Подробнее см.: Ламбарджян 2017].

Анализ начнем, естественно, с **повседневного дискурса**, своеобразного начального члена «дискурсивной парадигмы»: все начинается именно с него и возвращается, видоизменяясь и обогащаясь, в него же. «Все достижения науки и философии с течением времени направляются в сторону **обыденного сознания**» [Философия 1999: 241].

Исключительное большинство языковых фактов свидетельствует о том, что в обыденном сознании удельный вес **сомнения** велик. Повседневный дискурс абсолютно антропоцентричен, во всех своих проявлениях сфокусирован на Я-эго. «В центре обыденной картины мира стоит человек. Повседневность – это мир, где он – главная фигура» [Философия 1999: 241].

В повседневном дискурсе отражено резко отрицательное отношение к **сомнению**. Нет языковых фактов, где представлена положительная оценка данного психоментального состояния. Чем это обусловлено? В семантической структуре концепта **сомнение** наличествуют (порой и потенциально) такие компоненты, как разбиение, нестабильность, неустойчивость, безопорность, шаткость, подозрительность, страх и т.п. Все это состояния нисходящего ряда. Язык зафиксировал фобии, обусловленные сомнением, в стилистических ресурсах. Рассмотрим некоторые из них: **сомнения** грызут (грызун, хищник)/ гложут (хищник кость)/ раздирают (хищник жертву)/ сосут

(вампир кровь)/ вкрадываются (соблазнитель и предатель)/ крадутся (вор, убийца)/ закрадываются в душу (обольститель, нечистая сила)/ мучат (палач, болезнь)/ душат (убийца, болезнь)/ точат (червь – смерть) и т.д.

Приведенный материал ярко подтверждает мысль о том, что сомнение строит ассоциативные ряды, связанные со **страхом, ужасом, омерзением**… И все они (ассоциации) связаны с идеей **смерти**.

То же «звучание» наблюдается в художественных текстах. Приведем примеры:

1) *Дело потихоньку двигалось, но* ***сердце грызли сомнения****, а того ли человека он ищет*

(А. Маринина. Незапертая дверь).

2) *Зов предков слыша сквозь затихший гул,*

Пошел на зов – ***сомненья крались с тылу*** (В. Высоцкий. Мой Гамлет).

3) *Я ненавижу сплетни* ***в виде версий,***

Червей сомненья*, почестей иглу* (В. Высоцкий. Я не люблю).

4) *О, если б мог выразить в звуке*

Всю силу ***страданий*** *моих!*

В душе твоей стихли бы ***муки****,*

И ***ропот сомненья*** *затих* (Слова Г. Лишина, музыка Л. Малашкина).

5) ***Тяжелые сомнения*** *охватили меня, не дали мне в ту ночь спокойно спать* (Г. Данилевский. Княжна Тараканова).

Как видно из приведенных примеров, **сомнение** сопровождается явлениями исключительно нисходящего ряда. В обыденном сознании, как уже было, указано, роль сомнения велика – это один из компонентов наивной картины мира. Ведь: «Человек – вместилище **сомнений, потрясений, страхов**» (Т/к. «Культура», передача о Л.Н. Толстом; 27 декабря, 2011).

Религиозный дискурс также отражает резко отрицательное отношение к феномену **сомнение**. На первый взгляд, здесь представлена та же картина мира, что и в повседневном дискурсе. Действительно, в этих двух дискурсах обнаруживается ряд общих черт. Они заключаются в следующем:

1. Сомнение – одна из сквозных идей рассматриваемых дискурсов;

2. И в повседневном, и в религиозном дискурсах представлено резко отрицательное отношение к феномену **сомнение**. Причина подобного отношения – понимание сомнения как разрушительной силы, направленной на гибель **души**.

Но тождества не наблюдается. Религиозный дискурс существенно отличается от повседневного. На первый взгляд, здесь семантический объем сомнения существенно сужается; все как бы однонаправлено: религиозный дискурс равнодушен ко всем психоментальным проявлениям **сомнения**, кроме одного – **сомнения в вере**. Основным императивом данного дискурса является '*Не сомневайся в Божественной организации мироздания'*. Главная задача истинно верующего – изгнание **сомнения** из религиозных чувств, мыслей, мировосприятия. Вся жизнь верующего человека должна быть направлена на борьбу с разрушительной силой **сомнения в Вере**, так как: «Сомнение – первый враг Веры». И поэтому: все священные книги основных религий в качестве лейтмотива рассматривают именно эту тему. «Не будь в числе сомневающихся!» – грозно предупреждает Коран. «Горе ходящему по двум стезям!» – пишет в «Книге скорбных песнопений» святой Григор Нарекаци.

Сомнение, **«двоемыслие»** неприемлемо для того, кто стремится попасть в Царствие Небесное. И **цель** Ветхого и Нового заветов и священных книг других религий – указать пути преодоления сомнения из религиозного сознания и чувства.

Тот, кто слышит голос Всевышнего, идет на его зов без оглядки, сомнений, смущений, отступлений, находит спасение и вечную жизнь души (Ной, Авраам, Иов, Моисей, пророки, святые, мученики, отшельники…). А кто сомневается, смущается,

колеблется, оступается, оглядывается, тот лишается милости Божьей. И последний вариант присущ всем представителям рода человеческого. Даже апостолы, ученики Христа, видевшие совершаемые им чудеса исцеления, чудо Преображения… неоднократно впадали в сомнение, смущение, предавали Его. Рассмотрим пример: «*И ученики, увидевшие Его, идущего по морю, встревожились и заговорили: это призрак, и от страха вскричали.* ***Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь.*** *Петр сказал Ему в ответ: Господи! Если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! Спаси меня. Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему:* ***маловерный, зачем ты усомнился****?*» (Евангелие от Матфея, глава 14, строфа 28-31).

Петр здесь – это воплощение всего, что называется человеческим началом: вечное смятение, сомнение, мольбы о спасении от потрясений. Можно утверждать, что вся Библия посвящена именно данной основополагающей теме.

Сомнение – это оружие в руках нечистой силы. «*Сатана вползает в души путем* ***сомнений***» (Т. Кочарян, т/к. «АР», т/п. «Духовные беседы»).

Сомнение впускает в душу человека **страх смерти** – «*<…> основное оружие в руках Сатаны <…>,* ***закрывает глаза души*** *и бросает человека в объятия грехов*» (Из проповеди отца Лазаря, 31 марта 2012 г.).

В чем путь спасения? Непрестанно молиться о спасении от соблазнов, сомнений, страхов.

Непременным условием обретения истинной Веры, избавления от сомнений является **духовное прозрение**, открытие глаз души и сердца.

Где искать путь к спасению? **В духовном прозрении**, открытии глаз души. Примеров этому в Евангелиях множество, самым ярким из которых является духовное озарение апостола Павла (Саула). Гонитель христиан, он **прозрел** и стал одним из столпов христианства. Прозрение Святого Павла интересно в плане семантического анализа тем, что здесь глагол **прозреть** реализует совсем иной смысл, чем в повседневном дискурсе. Для обыденного сознания **прозреть,** значит, **стать зрячим**, приобрести или вернуть физическое зрение, способность видеть. В религиозном дискурсе **прозреть** значит приобрести духовное зрение, открыть глаза души, получить возможность увидеть Божественный Свет и т.д. А эта возможность дается считанным единицам избранных из многих миллиардов людей. Интересно отметить и то, что часто открытие глаз души предполагает потерю физического зрения (Божественное озарение апостола Павла, его трансформация «из Савла в Павла»). Следовательно, многие лексические единицы реализуют разные смыслы в этих двух дискурсах.

При поверхностном рассмотрении может показаться, что в религиозном дискурсе смысловая структура концепта «сомнение» существенно обедняется, сужается из-за «узконаправленности», одномерности его осмысления. Но вышеизложенные факты свидетельствуют о противоположном: хотя **сомнение** рассматривается только в одном аспекте – в качестве первого врага Веры, ее разрушителя, но эта грань исключительно многомерна. **Сомневаться** значит отпасть от Божественного Света, закрыть глаза души, впустить в нее все страхи, навсегда лишиться возможности быть записанным в Книгу Бытия, попасть после мук ада в вечный Мрак…

Существенно обогащает представления о **сомнении** и, соответственно, увеличивает число компонентов, входящих в смысловой объем рассматриваемого концепта, Св. Григор Нарекаци. Основными темами его «Книги скорбных песнопений» являются, можем сказать, уверенность в Божественном Провидении и Сомнение в Вере. Нет главы, где не рассматривается данная сущностная оппозиция. Обозреть весь объем компонентов концепта «сомнение» в рассматриваемом произведении не представ-

ляется возможным. Приведем некоторые примеры из его «Книги скорбных песнопений». Трагедия человека состоит в том, что его природе «**сомнение сродни**» и поэтому он погряз в грехах.

1) Сомнение новым сомнением, страхом подкреплено,

Тиной грехов *соблазнено, смертью облеплено* (Г. Нарекаци. с. 105).

Сомнение – это **бездна**, **тьма, распад, казнь, мгла, пропасть, провал в пустоту, бредовое состояние души, мятеж против Господа, Богопокинутость**…

1) В ***бездне*** *затеряно все мое существо,*

Богом покинуто, в ***пламени казнено*** (с. 79).

2) *И не избежал я* ***пропасти****, где* ***распад*** (с.79).

3) *[Сомнение]…Опыт* ***смертельный****,*

Мгла *разреженная, <…>*

Провал в пустоту*…* (с. 189).

4) *С пути* ***сбившийся, переродившийся, осквернившийся, проваливший****ся* (с. 243).

5) *Я,* ***сорвавшийся в бездну*** *беглец…* (с. 203).

6) *Справа и слева разверзлись* ***бездны****,*

Между ***двух бездн*** *моя* ***погибшая стезя*** (с. 203).

7) ***Бредни бесноватого****,* ***мятеж***

Против Господа (с. 183).

8) *Сомнение мое безжалостнее* ***врагов****,*

Когда ***душе*** *предстоит* ***погибель*** *во веки веков* (с. 104).

9) *Свет и тьму смешав,* ***тьмою соблазнюсь*** (с. 263).

Для того чтобы дать полную картину компонентов концепта **сомнение** в «Книге скорбных песнопений», необходимо процитировать едва ли не каждую строчку гениального творения. Но и приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в том, насколько углублены религиозные осмысления концепта **сомнение** святого Гр. Нарекаци. Это **бездна**, **пропасть**, **распад**, **провал**, **бредни**, **казнь…**

Все эти компоненты указывают на последние ступени «космического нисхождения»: в человеческих осмыслениях трудно представить что-либо более погибельное для души. Все рассмотренные выше компоненты **сомнения**, как показывает св. Гр. Нарекаци, это убийцы души, ступени в ад.

Как видим, **сомнение** – это одна из центральных составляющих религиозного дискурса. Путь к Всевышнему, к вечной жизни в Царствии Небесном лежит через преодоление сомнений в Божественной организации мироздания. Иначе – отпадение, отвергнутость небесами.

Как явствует из анализа, «однонаправленность» в семантизации **сомнения** в религиозном дискурсе вступает в противоречие с необычайно богатым компонентным составом смысловой структуры. Так что сужение семантического объема концепта **сомнение** здесь кажущееся.

«Креативные» (творческие) дискурсы отражают свое, совсем иное понимание феномена «сомнение». Это понимание антонимично повседневному и религиозному дискурсам. Здесь отражено положительное отношение к сомнению.

В психоментальном мире творческой личности **сомнение** рассматривается в качестве основной движущей силы созидания. Так, в научном дискурсе устоялось мнение, что **сомнение** – это локомотив науки: за каждым научным открытием стоит **здоровое сомнение**; именно оно заставляет исследователя идти дальше в своих изысканиях, в результате чего одна система достоверных истин сменяет другую (как гелиоцентрическая геоцентрическую).

Те же идеи относительно **сомнения** проповедуют и другие области творческой деятельности. Так, режиссер Л. Додин утверждает, что в основе любой творческой

деятельности лежит сомнение (Т/к. «Культура», т/п. «Белая студия»). Я. Засурский считает, что тот, «<…> кто не сомневается, не узнает правду. Человек думающий – это **человек сомневающийся**» (Т/к. «Культура», 07.06.2012).

Сомнение – это дифференциальный признак гения: «Как и всякого гения, Пушкина **терзали сомнения**» (Т/к. «Культура», т/п. «Абсолютный слух» 24.09.2014).

Политический дискурс предлагает свое понимание **сомнения**. Если в религиозном дискурсе главный «краеугольный императив»: '*Не сомневайся в Вере*', то здесь непререкаемое требование – верить беззаветно тому, что предлагает тот или иной политический деятель. Можно сказать, что девиз данного дискурса: '*Не верь глазам своим, а верь речам моим*'. Хотя данная ситуация может показаться абсурдной с точки зрения обычной логики, но, тем не менее, именно она господствует в политическом дискурсе и активно претворяется в жизнь, везде, где человечество на пути к цивилизации дошло до политических игр. Или словами графа Монте-Кристо: «Запомни, Максимилиан, в политике все решает не то, что **на самом деле**, а то, что **кажется**» (Т/с. «Монте-Кристо»).

Философский дискурс отражает богатейшую палитру осмыслений **сомнения**. Это тема для особого исследования (и не одного).

Если же попытаться широчайший и разнообразнейший диапазон понимания сомнения представить примитивно, то можно получить следующую картину:

1. **Не сомневаюсь** – а) в существовании объективного (вне меня) мира; б) в адекватности моих (субъекта) представлений этому самому миру (материализм);

2. **Сомневаюсь** – а) не только в адекватности моих представлений о существующем вне меня мире (И. Кант); б) не только в существовании объективного, вне меня, мира (многие разновидности субъективного идеализма); в) но и в существовании себя самого (крайние проявления субъективного идеализма).

И все эти семантизации **сомнения** нашли выражение в литературе и искусстве:

1) А был ли мальчик? **Может**, мальчика-то и не было? (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

2) А я **не знаю,** знаю **я или не знаю** (В. Носов. Незнайка в Солнечном городе).

3) Сам порою **сомневаюсь**, / **То ли есть** я, **то ли нет** (Л. Филатов. Про Федота-стрельца).

Эти и подобные контексты отражают состояние философского смещения на основе всеобъемлющего сомнения во всем, в том числе – и в факте собственного существования. Это отражение существования в контексте «кажимости» в состоянии между **сном** и **явью**.

Как показывает приведенный выше анализ, персуазивный концепт «**сомнение**» имеет разные, порой – антонимичные прочтения в разных дискурсах, с одной стороны, и в пределах одного дискурса, с другой. Думается, что анализ указывает на перспективность подобных исследований, а также свидетельствует в пользу дискурса как самостоятельной единицы.

Литература

1. *Алисова Т.Б.* Дополнительные отношения модуса и диктума / Вопросы языкознания. 1971, № 1.

2. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс / Лингвистический энциклопедический словарь. М., Наука, 1990.

3. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955.

4. *Белошапкова В.А.* Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая Школа, 1977.

5. *Ламбарджян С.П.* Персуазивность в зеркале антропоцентризма. Ереван: Лимуш, 2017.

6. *Матвеева Т.В.* Учебный словарь. Русский язык. Культура речи. М.: Флинта, 2003.

7. Русский язык и его история: Программы общих курсов кафедры русского языка / Сборник под ред. Ремневой М.Л. М.: МГУ Пресс, 1997.

8. Философия. Учебник для высших учебных заведений / Под ред. В.П. Кохановского. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

9. *Шевченко И.С.* Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен: единицы и категории / Сборник «Лингвистические исследования», вып.5. Ереван, Лимуш, 2015.

10. *Шмелева Т.В.* Смысл и формальная организация двухкомпонентных инфинитивных предложений в русском языке. М.: АКД, МГУ, 1979.

РУССКИЙ ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН: СЛОВО *ГРАЖДАНИН* В РЯДУ СМЕЖНЫХ ПОНЯТИЙ

И.Б. ЛЕВОНТИНА
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва
irina.levontina@mail.ru
А.Д. ШМЕЛЕВ
Московский педагогический государственный университет, Москва;
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва
shmelev.alexei@gmail.com

Ключевые слова: *культурные концепты, политический дискурс, история понятий, ассоциативно-оценочный потенциал языковых выражений.*

В основу данной статьи положен один из разделов нашей книги «Либеральный лексикон». В статье рассматривается важное для либерального дискурса слово *гражданин* и ряд связанных с ним языковых выражений. Описываются их значение, бытование в языке, ассоциативный потенциал, эволюция отношения к ним носителей языка.

IRINA LEVONTINA, ALEXEI SHMELEV – Liberal Lexicon: the Russian Word *Grazhdanin* 'Citizen' and Related Concepts

Key words: *cultural concepts, political discourse, Begriffsgeschichte (conceptual history), connotations of linguistic expressions.*

The paper is based on a chapter of our book *Liberal Lexicon*. It discusses Russian linguistic expressions typical of liberal discourse, namely, *grazhdanin* and some related linguistic expressions. We discuss their meaning and usage, connotations, and the attitude of native speakers towards them.

Вступительные замечания

В основу данной статьи положен один из разделов нашей книги «Либеральный лексикон», которая должна выйти из печати в 2019. В этой книге рассматриваются несколько важных для либерального дискурса языковых выражений: *права человека*, *свобода*, *толерантность*, *плюрализм*, *частная собственность* и *приватизация*, *демократия*, *справедливость*, *гражданин*. Описываются их значение, бытование в языке, ассоциативный потенциал, эволюция отношения к ним носителей языка. Каждое из этих выражений имеет свою историю, они в разное время и разными путями входили в язык, их значение и отношение к ним менялось с течением времени, да и сейчас разные люди понимают эти слова по-разному. При этом взаимопонимание, возможность осмысленного конструктивного диалога в значительной степени определяется ясностью используемых языковых выражений, по крайней мере – ключевых для данного типа дискурса.

Слово *гражданин* не является специфически либеральным термином. Тем не менее это ключевой термин либерального дискурса, для которого в центре находится права человека, которые трудно отделить от гражданских свобод. Замечательно, что и в истории языка понятия *свобода* и *гражданин* связаны с одним и тем же представлением о городской жизни: слово *свобода* восходит к возвратному местоимению *свой*, и от него образовалось слово *слобода* – название городского поселения, а слово *гражданин* образовано от церковнославянского обозначения города – *град*.

Вообще идея города в разных языках дала многочисленные и очень интересные рефлексы. Когда зимой 2011-2012 в России начались массовые протестные митинги, было много разговоров о том, что протест людей, вышедших на Болотную площадь и на проспект Сахарова в Москве, по своей сути не *политический,* а *гражданский*. Эта фраза дает повод лишний раз задуматься о неисповедимых путях слов. Дело в том, что слово *политик* имеет происхождение, аналогичное слову *гражданин*. Оно связано с греческим *полис* – город (отсюда же и *космополит*, и *митрополит*, и *метрополитен*, и *полиция*, и *-поль* в названиях городов). Это не случайное сходство: русское слово и было в этом значении калькой с греческого. Более того, в русском языке есть еще слово *мещанин*, которое происходит от слова *место* в старом значении «город»

(по-польски город и сейчас *miasto* – да, кстати, вспомним и русские слова *местечко, местечковый*), а также и слово *бюргер* (понятное дело, от немецкого *бурга,* то есть города); оно же, собственно, только во французском варианте, – слово *буржуа*. Туда же относится слово *горожанин*. Не будем выходить за пределы русского языка, а лишь упомянем, что французское слово *citoyen* и английское *citizen* (оба означают ‘гражданин’) связаны соответственно с французским словами *cité* и английским *city*. К этому же корню восходит и слово *цитадель*.

Древнегреческие *полисы* были городами-государствами, и в производных этого слова идея города и идея государства разошлись задолго до попадания в русский язык. Но как поразительно непохожи совершенно уже аналогичные по устройству русские слова *горожанин, гражданин* и *мещанин*!

Горожанин в современном языке просто житель города, и не более того.

***История слова* гражданин**

Гражданин – слово с весьма бурной историей. Мы остановимся только на самых существенных моментах. Ключевую роль в утверждении слова *гражданин* в русском языке в более или менее современном значении сыграла Екатерина II. В Наказе Уложенной комиссии (1767) слово *гражданин*, даже если не учитывать такие выражения, как «гражданская служба», «гражданская свобода» и т.п., встречается более 100 раз, в то время как упоминаний слова *подданный* насчитывается лишь 10. Это отмечается в недавней книге [Марасинова 2017], посвященной бытованию понятий закон и гражданин в России в XVIII в.

К концу XVIII в. термин *гражданин* продолжал включать в себя идеи жизни в городе и жизни в обществе по закону. Заметим, что сейчас вторая идея вытеснила первую, и представление о жизни в городе сохранилось разве что в сочетании *почетный гражданин* такого-то города.

Если при Екатерине II слово *гражданин* энергично вводилось в язык, то во времена Павла I высочайше предписывалось слов *гражданин* и *граждане* не употреблять, они включались в реестры слов, возбраненных Павлом I к употреблению в донесениях к императору. Высочайшее повеление императора Павла от 13 февраля 1797 года (вскоре после смерти императрицы Екатерины) об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими включало запрет на употребление слова *граждане*, которое предписывалось заменять на слова *жители* или *обыватели*. А через три года вышло новое распоряжение императора Павла об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими, и в нем было велено вместо слова *гражданин* писать *купец* или *мещанин* (а вместо *именитый гражданин – именитый купец* или *именитый мещанин*).

На протяжении всего XIX века слово *гражданин* сохраняло революционно-демократическое звучание. При этом идея жизни по закону сменяется идеей борьбы за счастье отчизны или, по крайней мере, страданий по поводу ее несчастья, как в классическом стихотворении Николая Некрасова «Поэт и гражданин». Замечательно, что в нем прямо противопоставляются *мещане* и *граждане*. Очевидно, что во время написания стихотворения эти слова уже не воспринимались как синонимы.

У слов *гражданский*, *гражданин* и *гражданственность* было еще два стандартных типа употребления.

Во-первых, *гражданский* означал ‘невоенный, штатский’ (*гражданская служба*); соответственно, слово *гражданин* обозначало лиц, не находящихся на военной службе (подобным образом могло употребляться и слово *гражданственный*, которое в этом значении совсем устарело). Во-вторых, *гражданский* означал ‘нецерковный’ (*гражданский шрифт*, *гражданский брак*)

В этих противопоставлениях в современном языке фигурирует только прилагательное *гражданский* (и даже появилось слово *гражданка* в значении ‘жизнь вне

армейской службы'), а слова *гражданин* и *гражданственный/гражданственность* сейчас так не употребляются. Впрочем, и прилагательное *гражданский* испытывает конкуренцию со стороны прилагательных *штатский* и *светский*. Интересно, что сочетание *гражданский брак* многими современными людьми понимается не в противопоставлении браку церковному, а просто как незарегистрированный брак.

В XIX в. слово *гражданин* иногда употреблялось и в более широком смысле. Например в «Записных книжках» Достоевского это просто достойный член общества.

Сословная принадлежность к концу XIX в. перестала быть существенной для функционирования слова *гражданин*. Так, понятие *гражданин* было ключевым для концепции аграрной реформы Столыпина (долгое время крестьяне не включались в число *граждан*, и важно, что для Столыпина идея города совсем не присутствует в слове *гражданин*).

В советском языке слова *гражданин* и *гражданка* были очень важными и стали стандартным способом обозначения человека (*гражданин в шляпе*; *гражданин Иванов*) и обращения к нему (*уважаемые граждане*; *граждане пассажиры*; *Гражданин, пройдемте!*).

В примерах такого рода ясно видно, что мы можем ничего не знать о человеке и его гражданской позиции, чтобы назвать его *гражданином*. Достаточно, чтобы это был взрослый человек, не в церковном облачении и не одетый в форму. Употребление слова *гражданин* по отношению к детям рассчитано на комический эффект, как в стихотворении Александра Введенского «Кто?».

Однако в советское время это слово было сильно скомпрометировано тем, что оно стало, так сказать, обращением второго сорта: к человеку, попавшему в лапы правоохранительной системы, начинали обращаться «гражданин», и он должен был говорить «гражданин следователь», «гражданин судья» и терял право обращаться к другим людям «товарищ» (он сразу получал в ответ: «серый/брянский/тамбовский волк тебе товарищ» или просто «волк тебе товарищ»).

Сейчас слово *гражданин* невероятно активизировалось – это, может быть, ключевое слово нашего времени. Тут не только разговоры о пробуждении *гражданского общества*, но и проекты «*Гражданин* наблюдатель» и (уже закончившийся) «*Гражданин* поэт». С последним, кстати, интересно вот что. Если читать это название, то вспоминается, конечно, прежде всего уже упомянутое некрасовское «Поэт и гражданин» с максимой «Поэтом можешь ты не быть, / Но гражданином быть обязан». Собственно, это отсылка к известной формуле поэта-декабриста Рылеева из его посвящения к поэме «Войнаровский»: «Я не Поэт, а Гражданин» (здесь интересна перекличка со строкой Эриха Кестнера: *Er war ein Mann und kein Genie*). Однако, если послушать, как звучит анонс проекта, то там отчетлива интонация обращения, причем весьма панибратская, с ударением на слове *гражданин*. Известно, что именно такое ударение на первом слове двухсловных обращений («ДОКТОР Петров!», «ИВАН Иваныч!») при неформальном общении – специфическая черта русской интонации. Например: «ГРАЖДАНИН поэт, что это вы себе позволяете?»

Мещанин

У слова *мещанин* есть старое сословное значение, в котором оно указывает на городского обывателя, и есть значение, в котором оно указывает на человека, сосредоточенного на материальных благах, не способного к полету и духовным исканиям и при этом часто придающего большое значение внешним приличиям и тому, чтобы все было «как у людей» и «красиво». В современных словарях русского языка у слов *мещанин* и *мещанство* фиксируется два значения.

Первое относится к городскому сословию в дореволюционной России. В знаменитом пушкинском *Я, слава Богу, мещанин*, разумеется, имеется в виду именно это значение.

Второе значение кодирует некоторую совокупность психологических и поведенческих особенностей, а также ценностных представлений (этических и эстетических), присущих, по предположению, представителям мещанства как социальной категории. *Мещанство* в этом втором смысле является ругательным словом.

К «мещанским» ценностям относятся покой, уют, налаженный быт, уверенность в завтрашнем дне, благосостояние, благоразумие, здравый смысл, устойчивые нормы поведения и морали. Характеризуя приверженность этим ценностям как *мещанство*, человек обычно хочет продемонстрировать свое превосходство, основанное на наличии более высоких, духовных интересов. В мещанстве также не одобряется пристрастие к внешней, социальной стороне существования, желание казаться значительней, чем ты есть.

Комплекс норм поведения и морали, характерных для *мещанства*, иногда называют *мещанскими предрассудками*. Сюда относятся, прежде всего, представления, регулирующие отношения полов: о недопустимости добрачных связей, о необходимости свадьбы, о супружеской верности и т. п. В частности, «мещанством» объявлялась церемония свадьбы, а также иногда и сам институт брака.

Понятие *мещанства* включает представление о приверженности отжившим формам бытия. Отсюда метафора косности, застоя, затягивающего болота: *закоснеть в мещанстве*, *болото мещанства*.

Война с мещанством вдохновляется пафосом разрушения устоявшихся форм бытия. Соответственно, «главным врагом всех революций – Октябрьской, Кубинской и 60-х – было мещанство» [Вайль, Генис 1996: 59]. *Мещанству*, озабоченному материальным благосостоянием, противопоставлены *бескорыстие* и *духовность* романтического порыва.

Обличение *мещанского уюта*, особенно, в лице канареек и гераней (вариант – фикусов), отвлекающих человека от движения к светлому будущему, стало обычным в советской культуре. Неприятие «мещанских» ценностей занимало важное место в советской системе ценностей.

В целом ряде случаев система ценностей советской пропаганды и нонконформистского или просто несоветского дискурса оказывались тождественными, и такое же неприятие *мещанства* было характерно и для людей, как будто не разделявших советскую идеологию. Напомним многочисленные высказывания о *мещанах* и *мещанстве* Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, Владимира Набокова, акад. Сахарова и др. (восприятию борьбы с мещанством как моральной миссии интеллигенции посвящена книга [Вихавайнен 2004]). Отвергали такую борьбу с *мещанством* весьма немногие, и лишь к концу существования Советского Союза стала получать распространение апология *мещанства*. Тем не менее, при всем обаянии образа частного человека с томиком Пушкина «за кремовыми шторами» (выражение из романа Михаила Булгакова «Белая гвардия»), для которого *гражданская* позиция состоит в том, чтобы быть лично порядочным и защищать своих близких, само слово *мещанин* в русском языке в целом остается малопривлекательным и ассоциируется вовсе не с булгаковско-розановской традицией.

Бюргеры, буржуа и обыватели

Русскому слову *мещанин* по внутренней форме аналогично немецкое *der Bürger*. У обоих первое, старое значение (горожанин) нейтрально, во втором же они выражают романтическое презрение к пошлякам-обывателям. Вообще коллизия борьбы с *мещанством* в русской культуре, безусловно, восходит к немецкому романтизму. Сквозной сюжет не только романтизма, но и всей немецкой литературы нового времени – противостояние поэта и *бюргера* или, как формулировал Гофман, энтузиаста и филистера. У Томаса Манна герой новеллы «Тонио Крёгер» позиционирует себя как художника, который выше толпы, но втайне его влечет к незамысловатым, белоку-

рым и голубоглазым. Он борется с *бюргерством*, но сам получает обвинение в том, что он не более чем заплутавший *бюргер*. А в русской литературе тип немецкого *бюргера* с яростным отвращением описан в цветаевском «Крысолове» (и это слово – *бюргер* – она и использует).

Похожий, но несколько другой колорит приобрели слова *буржуа* и *буржуазный*. Во французской огласовке это слово вошло в терминологию марксизма и, соответственно, в советский политический язык. Слово *буржуазный* иногда использовалось как средство протащить в печать «чуждые» концепции под видом их критики. В то же время для многих это слово выражало идею ограниченности и недостаточной масштабности. В таких употреблениях слово *буржуазный* сближается со словом *бюргерский*, хотя и сохраняет несколько иную тональность. Просторечное *буржуй* выражает несколько иную идею: завистливое отношение к богатому человеку и желание восстановить «справедливость».

Близкий комплекс идей заключает в себе слово *обыватель*, которое в первом значении указывает на жителя, обитателя (правда, идея города в нем отсутствует), а во втором – на ограниченного человека, интересы которого не выходят за рамки собственного благополучия и благополучия своих близких. Кстати, в польском языке слово *obywatel* означает просто ‘гражданин’.

Первое значение было характерно для языка XIX в., однако полностью не вышло из употребления. Такое употребление очень естественно перетекает в употребление, акцентирующее отсутствие высоких чувств и гражданского пафоса. В советском употреблении такая «обывательщина» всячески клеймилась, а «обывательством» признавалось малейшее недовольство советской властью. Однако и в диссидентском дискурсе фигура *обывателя* выглядела не более симпатично.

Как и остальные слова этой группы, слово *обыватель* в современной речи иногда реабилитируется.

Разумеется, представления о том, что входит в круг *обывательских интересов*, а что не входит, могут быть разными. Так, Александр Блок в стихотворении 1908 «Поэты» с презрением обращается к читателю, живущему «в своей *обывательской* луже» и не понимающему поэта. Конституция и гражданские права могут входить в круг интересов *обывателя*, что тем не менее не свидетельствует о его высоких гражданских стремлениях: не случайно конституцию, которой доволен *обыватель*, Блок называет *куцей*.

Тем самым слова *горожанин, гражданин* и *мещанин*, имеющие одинаковую внутреннюю форму, разошлись в русском языке весьма радикально. Из *горожанина* получается не только *мещанин*, но и *гражданин*. При одном взгляде частный человек естественно понимается как человек, не склонный к участию в общественной жизни, т. е. как *обыватель*. При другом же взгляде частный человек противостоит попыткам государства вмещаться в его внутренний мир, и это сопротивление и есть его *гражданская* позиция.

Литература

1. *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека / Послесловие Л. Аннинского. Москва: Новое литературное обозрение, 1996. 368 с.

2. *Вихавайнен Т.* Внутренний враг. Борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции / Перевод с английского Е. Герасимовой и С. Чуйкиной. Санкт-Петербург: Коло, 2004. 416 с.

3. *Марасинова Е.* Закон и гражданин в России второй половины XVIII века: Очерки истории общественного сознания / Под ред. Н. Лельчука, А. Опарина. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 512 с.

ЯЗЫКОВОЙ ВКУС ИЛИ БЕЗВКУСИЦА?

Г.М. ЛИТВИНОВА
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия
bambuk25@mail.ru

Ключевые слова: *тенденции изменения языковых норм, диглоссия, речь радиоведущих*

Стремительные изменения различных языковых норм давно стали предметом обсуждения лингвистов, журналистов, преподавателей и всех тех, кому небезразлична судьба языка. Безусловно, изменение нормы - процесс неизменный, сопровождающий развитие любого языка. Однако консерватизм норм литературного языка - это условие сохранения преемственности и культурных связей между поколениями носителей русского языка. Что выберет язык в новых культурно-речевых условиях?

LITVINOVA GALINA - Good language taste or the lack of taste?

Key words*: trends in the development of language norms, diglossia, speech of radio hosts*

The rapid changes in various language norms have long been under linguists', journalists', teachers' and all those who care about the fate of the language discussion. Undoubtedly, a change in the norm is an unalterable process that accompanies the development of any language. However, the conservatism of the norms of the literary language is a condition for preserving the continuity and cultural ties between the generations of Russian speakers. What will the language choose in the new cultural and speech conditions?

О стремительных изменениях, происходящих в последние десятилетия в современном русском языке, говорили и говорят не только специалисты – лингвисты, журналисты, преподаватели русского языка и литературы, – но и рядовые носители языка. Споры о том, что несут эти изменения, что стоит за ними – обновление или деградация как самого языка, так и всей культуры в целом, – не затихают по нынешний день. Однако приходится согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что, сколько бы мы ни спорили об этих изменениях, как бы ни ругали тех, кто «портит» родную речь чрезмерными заимствованиями, неправильными ударениями, «олбанскими» вкраплениями, грубопросторечными и даже нецензурными словами, язык – это живая стихия и остановить его развитие невозможно, как невозможно системой запретов и табу заставить массового носителя языка заговорить правильно, согласно всем нормам языка. Ревнители чистоты языка приводят в пример языковую политику Франции, требуют законов, строгих мер, однако вряд ли кто всерьез думает, что если «сейчас депутаты примут закон, что говорить надо иначе, например исключительно языком Тургенева и Толстого, – и законопослушный российский народ именно так и заговорит» [Кронгауз, 2002, 91]. Сегодня язык развивается так быстро и так непредсказуемо, что никакая реформа, на наш взгляд, немыслима. Более того, даже у высокообразованной части населения подобная реформа может вызвать неприятие. Интересный пример того, как работают указания «сверху» на русских людей, приводит Максим Кронгауз. В статье «Язык мой – враг мой» он пишет о том, что в России всегда существовало две формы языка. И литературным, увы, не всегда считался русский язык. Вспомним, письмо пушкинской Татьяны, написанное на французском языке, потому что она «по-русски плохо знала». В постсоветскую эпоху «все как-то разом стали абсолютно безграмотны, никаких правил или норм» [Кронгауз, 2002, 91]. Однако, замечает исследователь, и в советское время существовала так называемая «диглоссия»: рядом с «обыденным русским языком» существовала форма «деревянного языка», или «канцелярита» (такое меткое название этой форме языка дал К. Чуковский). Советский «новояз» использовался в официальной обстановке, а в реальной жизни существовали иные формы языка, в том числе и просторечие, и сленг: «В речах, газетах и на партсобраниях царил новояз, на кухнях и во дворах – разговорная речь, литературная или просторечная в зависимости от речевой ситуации и ее участников. Советский человек отличался тем, что умел вовремя переключать регистры, "двоемыслие" (по Оруэллу) порождало "двуязычие", и наоборот» [Кронгауз, 2002, 92]. «Чтение по бумажке» стало непременным условием любого публичного выступления. Эпоха перестройки изменяет условия употребления языка: стираются

границы между разными формами языка и между сферами их употребления. И вот парадокс: несмотря на большое количество ошибок, появившихся в спонтанной речи политиков и публичных деятелей, их выступления стали ярче и интереснее. Речь каждого выдающегося деятеля эпохи стала узнаваемой, стали говорить об индивидуальном стиле того или иного человека. Исчезли социальные различия, однако появились индивидуальные: «“Языковые портреты” политиков стали обязательной частью их образа, инструментом в политических кампаниях и даже объектом пародирования» [Кронгауз, 2002, 92].

Таким образом, навязывание языковых норм сверху, определение языку строгих рамок в конечном итоге привело к тому, что языковая стихия вырвалась «на волю» и уже стало невозможным остановить ее стремительный бег никакими «гранитными» набережными. Когда сейчас слушаешь выступления многих деятелей, то создается ощущение, что им доставляет удовольствие вставить какое-либо просторечное слово или жаргонизм. Безусловно, сленг всегда эмоциональнее литературного языка, а главная задача выступающего – воздействовать на слушающих. «Сам по себе всплеск популярности жаргона, некой “жаргономании” – продукт “романного” времени, где “аномалия” стремится победить “аналогию”, экспрессия – логику, эффект – суть» [Елистратов, 2000, 231]. Другое дело, что далеко не все видят границы между литературным языком и другими формами существования языка. Сленг переступил порог официальной сферы и шагнул в СМИ, в политическую деятельность, в жизнь всех образованных людей в самых разных жизненных ситуациях. Знаковым в этом смысле становится выход в свет «Толкового словаря русского общего жаргона» под редакцией О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, Р.И. Розиной [см. О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / Под общим руководством Р.И. Розиной. — М.: Азбуковник, 1999. — 320 с.], который вызвал споры у лингвистов. Согласно определениям, существующим в научной литературе и в словарях, жаргон – это «речь какой-н. социальной или иной объединенной общими интересами группы, содержащая много слов и выражений, **отличных от общего языка**, в том числе искусственных, иногда условных. *Ж. торговцев. Воровской ж.»* [Ожегов, 1996, 193]. То есть жаргон не может быть общим, однако многие жаргонные слова стали обще-, можно даже сказать, *всеобще*употребительными и так прочно вошли в нашу жизнь, что есть вероятность их вхождения в литературный язык. «Появление книги О.П. Ермаковой, Е.А. Земской и Р.И. Розиной — это не только безусловное событие в науке, но еще и социально-культурный симптом. Выражаясь бахтинским языком, это симптом перехода от “малого” (“романного”) времени к времени “эпическому” (“большому”). Иначе говоря — от революционной нестабильности, в том числе и в научном мышлении, к эволюционной стабильности» [Елистратов, 2000, 232].

Так что же ждет в конечном итоге язык? Что формируется в современную эпоху – «языковой вкус» или «языковая безвкусица»? Можно ли строить прогнозы о будущем языка? «Основной вопрос всякого знания: откуда и, поскольку можно судить по этому, куда мы идем» [Потебня, 1968, 5].

Наметить пути развития языка, спрогнозировать его будущее достаточно сложно. Но определить основные направления изменений, происходящих в языке, разобраться в «модных» тенденциях можно и должно.

Каковы же основные тенденции изменений русского языка? Е.Кузнецова [Кузнецова Е., электронный ресурс], говоря о тенденциях нарушения норм, выделяет следующие типы:

1. Оскудение активного словарного запаса, семантическая ущербность словоупотребления.
2. Жаргонизация, вульгаризация речевого общения.

3. Наплыв англицизмов и часто неправильное их употребление.

4. Несоблюдение правил литературного языка, навязывание норм необразованных людей.

5. Разрушение социальной коммуникации.

6. Словотворчество

Все эти тенденции изменения норм в конечном счете могут привести и к существенным изменениям в языке.

Мы решили проанализировать речь радиоведущих новостных и развлекательных программ по записям, взятым из архивов официальных сайтов радиостанций (временной интервал январь – март 2018). Как известно, именно средства массовой коммуникации являются мощным инструментом воздействия на аудиторию, оказывающим решающее влияние не только на формирование взглядов и представлений общества, но и на речевое поведение его членов. Предметом нашего исследования стали нарушения установленных норм языка в речи радиоведущих новостных и информационных передач таких новостных радиостанций, как «Радио России», «Вести FM», «Радио Маяк», «Эхо Москвы», «Business FM». В качестве развлекательных: «Авторадио», «DFM», «Love Radio», «Maximum».

В речи ведущих были выявлены ошибки лексической несочетаемости, плеоназм, тавтология, неверное употребление слов, незнание точного звучания слова и замена его индивидуальным «парономазом», употребление слов-паразитов и т.д.

Радиостанция, программа	**Примеры**	**Ведущий**	**Дата**
«Радио Маяк», программа «Добрый вечер»	«...состояние ДЕБЬЮТОРСКОЙ задолжности».	Наталья Шорох	18 марта
«Радио Маяк», программа «Любовь и голуби»	«Они потеряли двух ЕДИНСТВЕННЫХ сыновей».	Мария Голубкина	20 марта
«Эхо Москвы», программа «Город от ума»	«Рижский вокзал надо переименовать НАЗАД».	Алексей Новиков	15 февраля
«Эхо Москвы», программа «Доехали»	«УХУДШАЕТСЯ уровень жизни народа».	Ольга Бычкова	20 марта
«Радио Россия», программа «Персона грата»	«Новые ИСТОЧНИКИ роста стали сейчас главным ИСТОЧНИКОМ экономической политики».	Виталий Ушканов	20 марта
«Эхо Москвы» «Без посредников»	«Это произошло НОЧЬЮ в три часа НОЧИ 5 марта».	Наргиз Асадова	6 марта
«Радио Россия», программа "Особое мнение"	«ПОНИМАЕТЕ, тут есть ещё одна вещь, которую нужно ПОНИМАТЬ».	Игорь Гмыза	28 января
«Love Radio», программа «Пижамная вечеринка»	«Правильно созданная школьная форма ОБРЕЧЕНА на успех...».	Максим Привалов	15 февраля

В последнее время в публицистическом дискурсе наметилась тенденция к семантической модификации терминов, это проявляется прежде всего в появлении у терминов оценочной коннотации: «Оценка, появляющаяся у терминов в публицистическом дискурсе <…> основана или на комплексе ассоциативно-образных представлений, или на семемах-индикаторах, содержащихся иногда в лексикографическом толковании слова-термина. <...> Функционируя в публицистическом контексте, термин, по нашему мнению, расширяет исходное значение за счет приобретения явного оце-

ночного значения, появляющегося на идеологической основе» [Беляева, 2014, электронный ресурс]. Беляева Ж.Д. в статье «Семантическая модификация терминологической лексики русского языка новейшего периода» приводит множество примеров, как однозначные, «интеллектуально чистые» термины в публицистическом тексте приобретают метафоричность, оценочность, что делает текст более экспрессивным. И эта оценочность настолько закрепляется за термином, что переходит в новые издания словарей: «Словари новых слов и значений, «Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения» достаточно оперативно фиксируют возникающую у терминов оценочность». Стремление к экспрессии приводит не только к активизации процесса семантической трансформации, но и зачастую к неуместной в том или ином контексте экспрессии.

Радиостанция, программа	**Примеры**	**Ведущий**	**Дата**
«Вести ФМ», обозреватель	«...ДРАМАТИЧЕСКИ начнет падать добыча»	Сергей Артёмов	18 февраля
«Эхо Москвы», программа «Особое мнение»	«...ЧУДОВИЩНОЕ наказание за распространение наркотиков»	Ольга Бычкова	20 февраля
«Business FM», программа «Новости - Санкт-Петербург»	«Министр каждое утро ШАГАЕТ на работу»	Андрей Соловьев	16 февраля

Частотным является также употребление просторечных и даже грубопросторечных слов, а также жаргонизмов.

Радиостанция, программа	**Примеры**	**Ведущий**	**Дата**
«Авторадио», программа «Дискотека 80-х»	«К сожалению, у нас НЕТУ возможности принять все звонки наших дорогих радиослушателей»	Юрий Кораблев	14 января
«DFM», программа «DOUBLE NEWS»	«ФИШКА очков заключается в том, что...» «Вы узнайте в чем ФИШКА легкоатлетического бега» «Это ФИШКА нового сезона»	Дмитрий Севостьянов	12 февраля
«Love Radio», программа «Пижамная вечеринка»	«Этот ролик ВЗОРВАЛ интернет»	Максим Привалов	15 февраля
«Love Radio», программа «Пижамная вечеринка»	«ЗАМКАДЫШ со стажем 15 лет»	Максим Привалов	20 марта
«Авторадио», программа «Дискотека 80-х»	«Нам надо над кем-то ПОРЖАТЬ»	Юрий Кораблев	20 марта
«Авторадио», программа «Дискотека 80-х»	«В нашей ГОЛОСОВАЛКЕ нет таких вариантов»	Юрий Кораблев	14 января
«Авторадио», программа «Золотой человек»	«Блат - это когда ТУПОЕ ничего нестоящее существо...»	Алексей Лысенков	05 марта

К сожалению, нередко встречаются в речи ведущих и грамматические ошибки. Хочется надеяться, что это вызвано не столько незнанием норм языка, сколько, видимо, быстрым темпом речи, который навязывают современные СМИ работникам радио и слушателям.

Радиостанция, программа	Примеры	Ведущий	Дата
«Радио Россия», программа «От первого лица»	«Именно прикладная экономическая наука необходима, ЧТОБЫ КОГДА нужно свести к минимуму проявления...»	Леонид Осипов	8 марта
«Эхо Москвы», программа «Вот так»	«Свои голоса за него отдали двести пятьдесят депутатов, среди них около СЕМЬДЕСЯТ ТРЕХ против»	Сергей Бунтман	19 марта
«Эхо Москвы», программа «Блог-аут»	«...обвинен ЗА кражу..»	Ирина Воробьева	19 марта
«Радио Маяк», программа «Шоу Тимофеева и Драпеко»	«В одной из НЕДАВНЕЙ публикаций вы пишете...»	Анастасия Драпеко	17 февраля
«Авторадио», программа «Золотой человек»	«О предстоящем концерте БОЛЕЕ ПОДРОБНЕЕ вы узнаете в вечернем выпуске программы «Золотой человек» (избыточность речи) – «более подробно»	Алексей Лысенков	05 марта
«DFM», программа «DOUBLE NEWS»	«Хотя бы размер НОСОК нам известен?»	Дмитрий Севостьянов	12 февраля

Часто встречаются и ошибки фонетического (акцентологического и орфоэпического) характера.

Радиостанция, программа	Примеры	Ведущий	Дата
«Эхо Москвы», программа «Кейс»	«Согласитесь, что может быть красивЕе его…»	Ирина Воробьева	17 января
«Эхо Москвы», программа «Кто куда?»	«да Путину просто зАвидно…»	Станислав Анисимов	05 марта
«Радио Маяк», программа «Добрый вечер»	«ТортЫ данной кондитерской фабрики завоевали…»	Максим Ковалевский	28 февраля
«Business FM», программа «Я выбираю»	«Такое ощущение, что правительство просто наДсмехается над…»	Алла Алаферовская	20 марта
«Вести FM», программа «Пятый аргумент»	«Сегодня нас будет консультировать по этому вопросу врач- неРВопатолог Ирина…»	Владимир Аверин	20 марта
«Maximum», программа «Утреннее шоу High Society»	«ЗДРАСТЕ»	Игорь Паньков	18 февраля
«Love Radio», программа «Пижамная вечеринка»	«Она будет рассчитана ТОКА на тех, кто...»	Максим Привалов	15 февраля
«Авторадио», программа «Золотой человек»	«Как ЩАС называется...»	Алексей Лысенков	20 марта

Жанр публичной речи очень динамичный, он быстро реагирует на общественно-политические процессы, поэтому его языковые средства непрерывно обновляются и изменяются. Анализ речи ведущих также показал, что более 50 % ведущих новостных и информационных радиостанций не всегда верно понимают семантику ино-

странных слов, однако при этом активно используют ее. Кроме того, они порой не могут подобрать русский аналог к заимствованиям, например, слово «нюанс» звучит в том же контексте, что и слово «исключение», при этом слово «нюанс» используется 36 раз, а слово «исключение» – 8; «оппонент» – 21 раз, а «собеседник» – 18. Приходится констатировать и чрезмерное употребление заимствованных слов, значение которых не всегда может быть понятно радиослушателю.

СМИ – это не только средство воздействия на людей, но и своеобразный индикатор уровня культуры общества, зеркало существующей речевой ситуации. Если «здрасте», «понты», «прикольно», «нету», «фишка», «здрасте», «замкадыш», «поржать», «голосовалке», «короче», «щас», «тока» звучит в формате широкого вещания и это мало кого шокирует уже, то приходится говорить о серьезных изменениях в речевом сознании говорящих на русском языке. Стихия «разговорности» проникла даже в речь специалистов. Этот процесс «демократизации» речи, или даже зачастую «вульгаризации», приводит нередко к речевой агрессии, которой говорящий на русском языке уже может даже не заметить. «…Общение человека из семидесятых годов с человеком третьего тысячелетия вполне могло бы закончиться коммуникативным провалом не только из-за простого непонимания слов, но и из-за несовместимости языкового поведения.

Непонятны им и банальные правила поведения современного культурного человека, сформулированные на современном языке:

Не наезжай! Не грузи! Не гони! Не тормози! Фильтруй базар!» [Кронгауз 2002: 91].

Ставшее привычным объявление на транспортных средствах «Я соблюдаю ПДД. Не согласен – звони!» мало кого удивляет, однако отсутствие уважительного обращения на «Вы», повелительное наклонение вместо более уместного в этом случае употребления изъявительного наклонения в конструкции сложноподчиненного предложения с условным придаточным, замена субъекта «водитель» на «я» («Водитель соблюдает ПДД. Если Вы не согласны с этим, позвоните!») приводит к тому, что это объявление звучит практически как вызов: «Я соблюдаю ПДД. Не согласен – звони, мы с тобой разберемся!»

Язык – явление развивающееся, динамичное. Изменения, происходящие в речи его носителей, нередко закрепляются в системе языка, формируя новые нормы. Безусловно, современный человек не может говорить языком А.С. Пушкина и И.С. Тургенева. Да и не нужно это. Однако вопрос: «Что формируется в условиях новой культурно-речевой ситуации – языковой вкус или безвкусица?» – остается открытым.

Литература

1. *Беляева Ж.Д.* Семантическая модификация терминологической лексики русского языка новейшего периода // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. №4. – [Электронный ресурс], URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-modifikatsiya-terminologicheskoy-leksiki-russkogo-yazyka-noveyshego-perioda (дата последнего обращения: 10.06.2019).

2. *Елистратов В.С.* Как лингвисты жаргон опять по зонам рассадили. // Знамя. – М., 2000, № 6, с. 231- 233.

3. *Кронгауз М.А.* Язык мой – враг мой. // Новый мир. - М., 2002, № 10, стр. 90 – 96.

4. *Кузнецова Е.* Тенденции изменений в современном русском языке. – [Электронный ресурс], URL: http://www.chekist.ru/article/3978 (дата последнего обращения: 10.06.2019).

5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М, 1996, 928 с.

6. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК МАРКЕР «ЧУЖОЙ» РЕЧИ В ПОВЕСТИ Б. АКУНИНА «ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ»

М.Н. ЛОШАНИНА
Иркутский государственный университет
masha_usole@mail.ru

Ключевые слова: *вставные конструкции, свободный косвенный дискурс, эгоцентрические элементы, нарратив.*

В статье рассматриваются вставные конструкции как маркер «чужой речи». Материалом для анализа послужила повесть Б. Акунина «Пиковый валет». В работе определяются типы вставных конструкций и их роль в общей структуре художественного текста.

MARIA LOSHANINA – Parenthetic constructions as the marcer of borrowed speech in B. Akunin's novel „Jack of spades"

Key words: *parenthetic constructions, free indirect discourse, egocentricals, narrative.*

The article considers the use of parenthetic constructions as the marker of borrowed speech. The material for the analyses is B. Akunin's novel "Jack of spades". The types of parenthetic constructions and their role in the overall structure of literary text are being described.

Механизмы устранения нарратора в художественном тексте не раз становились предметом исследования отечественных и зарубежных лингвистов. Одним из таких механизмов является введение в повествование «чужой» речи, среди которой выделяются *прямая речь*, *косвенная речь* и *несобственно-прямая речь*. Остановимся подробнее на последней, так как именно несобственно-прямая речь в больше степени представлена в повести Б. Акунина «Пиковый валет»

Из-за сложной природы *несобственно-прямой речи* (далее – НПР) в науке существует множество терминов для ее обозначения.

Так, В.В. Виноградов под НПР понимает художественный прием, благодаря которому в повествование автора «вкрапляются» восприятие, точка зрения и фрагменты речи персонажа. В другой своей работе «О языке Толстого» ученый определяет НПР как «сложную комбинацию повествовательного языка с формами внутреннего мышления самих персонажей» [2 : 186].

НПР В. Шмид, в свою очередь, определяет как «отрывок повествовательного текста, передающий слова, мысли, чувства, восприятия или только смысловую позицию одного из изображаемых персонажей» [5 : 224].

Мы в данной работе вслед за Е.В. Падучевой будем пользоваться термином *свободный косвенный дискурс* (далее – СКД), который обозначает «сложное согласование голосов разных персонажей друг с другом и с голосом повествователя» [3 : 207]. Принадлежность СКД напрямую зависит от того, кто в тот или иной момент является «хозяином» *эгоцентрических элементов* – маркирующих говорящего слов и конструкций (*дейктические слова* и *показатели субъективной модальности)* [3 : 200].

В ходе анализа повести Б. Акунина «Пиковый валет» был выявлен еще один маркер СКД – *вставная конструкция*.

Вставная конструкция – «синтаксическая конструкция, характеризующаяся специфической интонацией включения, не нарушающая интонационной целостности основного предложения и выражающая дополнительные замечания, пояснения, уточнения, поправки, направленные на конкретизацию содержания основного предложения» [4 : 79] Или «метатекстовые комментарии говорящего к собственному высказыванию» [6 : 110].

В рамках данной работы нами были проанализированы контексты со вставными конструкциями, для обозначения которых выбран особый пунктуационный знак – скобки. Всего в повести было обнаружено 47 таких контекстов, которые мы разбили на три группы.

I группа – контексты, в которых вставная конструкция маркирует речь того же субъекта, которому принадлежит и основное предложение: это может быть как повествователь, так и персонаж.

(1) В первую неделю внесло всего десять человек (из них девять подставных, самим же Момусом нанятых). [1; с. 31]

(2) Вернув помощника к жизни (чему способствовали вода из графина и энергичные шлепки по тощей Анисьевой спине), Фандорин кратко резюмировал… [1 : 46]

(3) И шеф снова замолчал, обдумывая следующее звено в логической цепи. Через семь с половиной минут (Анисий следил по огромным, видно, старинным часам в виде лондонской башни «Большой Бен») Эраст Петрович изрек…[1: 77]

В (1) – (3) контекстах, вставные конструкции маркируют речь повествователя, которому также принадлежит содержание основного предложения.

(4) Ох, красиво было в губернаторской резиденции! Почти как в храме Божьем: разноцветные (может, порфирные?) колонны, парчовые портьеры, статуи греческих богинь. [1 : 17]

(5) – Некая ловкая особа, всего-то выяснив имена нескольких корреспондентов (для чего достаточно полистать газетки), отбивает по редакциям телеграмму о прибытии германского фюрста, а далее все происходи само собой. [1 : 44]

(6) Если верить господину Гошкевичу (а почему бы и не верить уважаемому ученому?), для японца нет ничего хуже постыдной ситуации и публичного скандала. [1 : 64]

В (4) – (6) контекстах вставные конструкции маркируют СКД персонажей Анисия, Фандорина и Момуса соответственно, и содержание основного предложения также принадлежит данным персонажам. Особое внимание хотелось бы обратить на контексты (4) и (6), где вставные конструкции представляют собой риторический вопрос, который употребляются говорящим с целью не получить ответ, а привлечь внимание читателя, тем самым как бы приближаясь к нему и вовлекая в расследование преступления, что характерно для детектива.

Вставные конструкции данной группы могут быть представлены как в прямой печи персонажа (пример (5)), так и в СКД (примеры (1)–(3), (4) и (6)).

II группа – контексты, в которых вставная конструкция маркирует речь субъекта, которому не принадлежит основное предложение.

(7) Момус скушал сандвич с бужениной (ну его, Пост Великий), отпил из крышечки «шустовского», а там по аллее и еропкинские сани подкатили. [1 : 117]

(8) Еще очень часто звучало слово «бедняжечка», от которого Анисий густо краснел (слава богу под ореховой мазью было не видно). [1; с. 81-82]

(9) Необычный фитилек, длинный, и внизу через щель стола пройдет. Левой рукой незаметно под столом дернешь, свеча и гаснет (на перевязи у Момуса, понятное дело, «кукла» висела). [1 : 122]

(10) Волосы у Мимочки (так про себя звал ее Анисий) еще толком не отросли и были собраны на затылке в маленький немудрящий узел. [1 : 148]

Вставные конструкции в примерах (7) и (8) маркируют СКД персонажей (Момуса, Анисия), тогда как основное предложение принадлежит повествователю. В контекстах (9) и (10), в свою очередь, наоборот основное предложение – это СКД персонажей (Момус, Анасий), а вставная конструкция маркирует речь повествователя.

(11) Ну, к примеру, шато на берегу Женевского озера (видел он знаменитое озеро на картинке – ох, красиво). [1 : 53]

(12) – Не надо Ма-атушке твоих де-енег, – странным, с подвыванием голосом пропел Божий человек (это она из «Баядерки» модуляции подпускает, сообразил Момус). [1; с. 119]

Контексты (11) и (12) отличаются тем, что в них вставные конструкции маркируют и СКД персонажа и речь повествователя одновременно, тогда как основное предложение принадлежит либо повествователю (пример (11)), либо персонажу Момусу (пример (12)).

III группа – контексты, в которых трудно определить чью речь маркирует вставная конструкция. Е. В. Падучева считает, что такая «неоднозначность атрибуции голоса» является особой целью автора, и рассматривает ее как особый авторский прием.

(13) Анисий захлопал глазами, и шеф счел нужным добавить (только яснее от этого не стало) [1 : 78]

В (13) контексте вставная конструкция, с одной стороны, может маркировать речь повествователя, который с помощью вставки дополняет содержание основного предложения, но с другой стороны, – СКД персонажа Анисия, который тем самым передает свои ощущения от беседы с Фандориным.

(14) С трудом, кряхтя, вытянул из земли медный, зеленый от времени сосуд (это была старая, видно, еще допожарного времени кастрюля – куплена у старьевщика за полтинник). [1 : 117]

В (14) контексте вставная конструкция может маркировать как речь повествователя, так и СКД персонажа Момуса, который тем самым комментирует, как происходила подготовка к «гранд-операсьон». Это подтверждает другой контекст: А на стуле, склонившись над старинной книгой в толстом кожаном переплете («Trawels Into Several Remote Nations Of The World. In Four Parts. By Lemuel Gulliver, First A Surgeon, And Than A Captain Of Several Ships», бристольское издание 1726 года – куплено на книжном развале за толщину и солидный вид) сидел старец в белой хламиде с длинной седой бородой и белыми, шелковистыми волосами, по лбу перехваченными вервием. [1 : 122]

Анализ повести Б. Акунина «Пиковый валет» показал, что вставная конструкция может маркировать как СКД персонажа, так и речь повествователя, однако нередко появляются примеры контекстов, где довольно трудно однозначно сказать маркером чьей речи она является. Вместе с тем, как кажется, на основании данного анализа мы можем рассматривать вставные конструкции как еще один эгоцентрический элемент.

Литература

1. *Акунин Б.* Особые поручения: роман / Борис Акунин; [худож. И. Сакуров]. М.: «Захаров», 2016. 336 с. : ил.

2. *Виноградов В.В.* О языке Толстого / В.В. Виноградов // Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой / В.В. Виноградов; Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова; отв. ред. А.П. Чудаков. М. : Наука, 2003. 390 с.

3. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е.В. Падучева. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

4. *Сковородников А.П.* Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981.

5. *Шмид В.* Нарратология / В. Шмид. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

6. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. Т. 2. М., 2008.

АББРЕВИАТУРЫ В СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕНЗЕНСКИХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ)

М.Г. ЛУННОВА

Пензенский государственный университет, Россия

lunnovamg@mail.ru

Ключевые слова: *аббревиатура, СМИ, периодическая печать, публицистический стиль, печатный текст, структура, семантика, функционирование.*

Рассматриваются аббревиатуры как средство номинации в текстах публицистического стиля. Проводится анализ особенностей функционирования сложносокращенных слов в языке и речи периодической

печати, определяется их структура, семантика, функции, так как активизация употребления аббревиатур в языке масс медиа, и особенно на страницах газет, вызывает трудности понимания текстов читателями, в то же время слова такого рода, уместно употребленные в письменной речи, помогают сделать газетную статью более компактной и экономной с точки зрения формы выражения при сохранении ее информативной ценности.

MARINA LUNNOVA – Abbreviations in the media (on materials of the Penza publications)

Key words: *abbreviation, mass media, periodicals, journalistic style, printed text, structure, semantics, functioning.*

Abbreviations are considered as a means of nomination in the texts of journalistic style. The analysis of the peculiarities of functioning of compound words in the language and speech of the periodical press is carried out, their structure, semantics, functions are determined, as the activation of the use of abbreviations in the language of mass media, and especially in the pages of Newspapers, causes difficulties in understanding the texts by readers, at the same time words of this kind, appropriately used in writing, help to make the newspaper article more compact and economical in terms of the form of expression while maintaining its informative value.

К настоящему времени в центре внимания исследователей сокращенных единиц сформировался определенный круг проблем, изучение которых стало приоритетным. К ним относятся выяснение причин возникновения аббревиатур, их социолингвистическая обусловленность, структурно-семантические классификации, место в словообразовательной системе языка, тенденции развития сложносокращенных слов и т.д. В диссертациях, научных и научно-популярных статьях рассматриваются лексические, словообразовательные и грамматические особенности аббревиатур. Этому вопросу посвящены работы Д.И. Алексеева, Н.М. Шанского, А.В. Андронова, Е.А. Земской, В.А. Ицковича, М.А. Ярмашевича, Л.Ф. Каховской, Л.А. Шеляховской, В.В. Борисова и др.

Аббревиатура [ит. abbreviatura < лат.abbrevio – сокращаю, brevis – краткий] – это имена существительные, образованные способом аббревиации, под которым понимают «способ словообразования, объединяющий все типы сложносокращенных и сокращенных наименований» [Алексеев 2006 : 13].

Вместе с тем в публицистических текстах (особенно в последнее время) используется огромное количество аббревиатурных новообразований. Язык периодической печати интересен и своеобразен. Для него, с одной стороны, характерны логичность, стройность, официозность, присущие научному и деловому стилю, и, с другой стороны, яркая выразительность, свойственная языку художественной литературы и разговорной речи.

Появление новых сложносокращенных единиц можно объяснить также экстралингвистическими факторами, такими как «войны, революции, прогресс науки и техники, развитие телеграфа, возникновение капиталистических предприятий акционерного и трестированного типа, профсоюзное движение и т. п., вплоть до развития спортивных обществ и парламентских форм правления» [Борисов 1972: 25]. Изменения в жизни общества, во-первых, порождают потребность в массовой номинации, а во-вторых, стимулируют использование более кратких вариантов наименований.

Анализ аббревиатур, используемых на страницах газет, – достаточно новая область исследования, содержащая множество спорных фактов и явлений. Тем не менее, трудность вопроса вызывает к нему повышенный интерес.

Таким образом, актуальность исследования сложносокращенных слов определяется важностью изучения средств номинации, среди которых сокращение обладает высокой продуктивностью. Выбор аббревиатур в качестве предмета исследования был определен широким распространением этого средства номинации, особенно в текстах публицистического стиля; а также необходимостью исследования особенностей функционирования сложносокращенных слов в языке и речи периодической печати, расширения знаний об их структуре, семантике, функциях, так как активиза-

ция употребления аббревиатур в языке массмедиа, и особенно на страницах газет, вызывает трудности понимания текстов читателями.

Материалом для исследования послужили 500 аббревиатур, встретившихся на страницах газет «Молодой ленинец», «Пензенская правда», «Наша Пенза», «Репортер», «Улица Московская» (2016-2019 гг).

В результаты анализа структуры, семантики и особенностей употребления аббревиатур в публикациях современных пензенских газет мы пришли к следующим основным выводам. Мы распределили аббревиатуры на основе общности тех объектов и явлений действительности, которые ими обозначаются (28 тематических групп). Одни из рассмотренных нами слов, активно использующихся как в СМИ, так и в разговорной речи, уже зафиксированы в словарях, а другие представляют собой неустоявшийся класс единиц, постоянно пополняемый новыми элементами.

1. Технические средства, информатика, программирование: СМС (сервис коротких сообщений, служба мобильных сообщений, система коротких сообщений) и др.

2. Названия государственных учреждений, государственно-административных систем, государственных комитетов и других властных структур: Пензгордума (Пензенская городская Дума) и др.

3. Названия фабрик, компаний, заводов, банков, производственных объединений: РЖД (российская государственная компания «Российские железные дороги») и др.

4. Названия больниц, клиник: ЦРБ (Центральная районная больница) и др.

5. Названия международных и прочих организаций: МОК (Международный олимпийский комитет) и др.

6. Названия учебных заведений, вузов, научно-исследовательских учреждений: ПГУ (Пензенский государственный университет), ПензГТУ (Пензенский государственный технологический университет) и др.

7. Названия спортивных клубов, объединений, союзов, соревнований: МФК Лагуна-УОР (мини-футбольный клуб училища олимпийского резерва), ХК Дизель (хоккейный клуб) и др.

8. Названия партий, фондов, комиссий: Пензизбирком (Избирательная комиссия Пензенской области) и др.

9. Народное хозяйство, недвижимость: ЖКХ (жилищно-коммунальное хозяйство), ТСЖ (товарищество собственников жилья) и др.

10. Названия разных объединений, палат, обществ, комитетов: ПТПП (Пензенская торгово-промышленная палата), Пензкомархитектура (Комитет по архитектуре и градостроительству города Пензы) и др.

11. Названия государств: КНР (Китайская Народная Республика), РСФСР (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика), ИГИЛ (Исламское Государство Ирака и Леванта) и др.

12. Нормы и стандарты: ГОСТ (межгосударственный стандарт), ПДД (правила дорожного движения) и др.

13. Движения, мероприятия: господержка (государственная поддержка), спецмероприятие (специальное мероприятие) и др.

14. Названия помещений, мест: спорткомплекс (спортивный комплекс), ПКиО (Парк культуры и отдыха), ТЦ (торговый центр), ПДДЮТ (Дворец детского (юношеского) творчества г. Пензы) и др.

15. Благоустройство, дороги: капремонт (капитальный ремонт), Автодорога (автомобильная дорога).

16. Названия государственных проектов, мероприятий: госуслуги (государственные услуги), ОМС (обязательное медицинское страхование), законопроект (проект закона).

17. Театры, театральные школы, дома: драмтеатр (драматический театр), ТЮЗ (театр юного зрителя).

18. Термины в специальных областях: медицина – ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение), экономика – НДФЛ (налог на доходы физических лиц), юриспруденция – ФЗ (Федеральный закон); СМИ – «МЛ» («Молодой Ленинец»), космос – МКС (Международная космическая станция), политика – госпереворот (Государственный переворот) и др.

19. Названия лиц: автовладелец (владелец автомобиля), политработник (политический работник), ИП (Индивидуальный предприниматель).

20. Названия должностей: заммэра (заместитель мэра), замглавы (заместитель главы), замдиректора (заместитель директора), замдекана (заместитель декана) и др.

21. Отвлеченные имена: медпомощь (медицинская помощь), соцзащита (социальная защита) и др.

22. Названия телепередач, телесериалов, фильмов: ОТК (Откроем талант каждого), «Медсовет» (пензенская телепередача) и др.

23. Товары: спецтехника (специальная техника), автозапчасть (автомобильная запасная часть).

24. Воинские подразделения: ГУ МЧС России по Пензенской области (Главное управление министерства России по Пензенской области по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий) и др.

25. Помещения: спецприемник (специальный приемник), нефтехранилище (нефтяное хранилище), автосалон (автомобильный салон).

26. Документы, договоры, соглашения: госзадание (государственное здание), госбумаги (государственные бумаги), госбюджет (государственный бюджет).

27. События: автокатастрофа (автомобильная катастрофа), ЧС (чрезвычайная ситуация), ДТП (дорожно-транспортное происшествие).

28. Оружие: БМП (боевая машина пехоты), МБР (межконтинентальная баллистическая ракета), ПРО (противоракетная оборона), ПВО (противовоздушная оборона).

Система «тематических рубрик» – сфер, по которым могут быть распределены аббревиатуры, очень подвижна, границы её проницаемы, они определяются особенностями эпохи, политическими и идеологическими факторами. Однако несомненно, что в количественном плане наименования в этой системе распределяются «по степени общественной значимости». Мы заметили, что в последнее время заметно пополняются такие тематические группы, как «Технические средства, информатика, программирование» и «Спорт».

Следующим этапом работы был анализ структурных особенностей сложносокращенных слов. По нашим наблюдениям, в газетных текстах в настоящее время активны следующие типы сложносокращенных наименований:

– буквенные аббревиатуры, состоящие из названий начальных букв слов, входящих в исходное словосочетание (32%); например: *Стадион построен еще в 1948 году. Долгое время он находился на балансе пединститута (вошедшего теперь в состав **ПГУ**)* («Пензенская правда», 16.10.2018);

– звуковые аббревиатуры, состоящие из начальных звуков слов исходного словосочетания, т.е. читаемые как обычные слова (15%); например: *Помню, когда пришла на **УЗИ** и врачи сказали, что опять будет мальчик, я расстроилась и даже заплакала, — делится Галина. — Муж побледнел, когда меня увидел. А узнав, в чем дело, рассмеялся. Сказал: «Еще один помощник вырастет!»* («Молодой Ленинец», 05.01.2016);

– буквенно-звуковые аббревиатуры, состоящие как из названий начальных букв, так и из начальных звуков слов, входящих в исходное словосочетание (14%); например: *Все спортивные состязания прошли под аккомпанемент выступления художественных коллективов Культурного центра* ***ГУВД*** *Пензы («PROгород», 13.10.2016);*

– аббревиатуры, состоящие из сочетания начальных частей слов (19%); например: *По данным* ***Пензастата****, за последнюю неделю подросла в цене овощная группа: капуста — на 6,8%, картофель — на 2%, лук — на 2,5%, морковь — на 2%, огурцы — на 23%, помидоры — на 8,5%* («Молодой Ленинец», 19.01.2016);

– аббревиатуры, состоящие из сочетания начальной части слова с целым словом (20%); например: *Такую оценку поставила первый* ***замминистра*** *здравоохранения и* ***соцразвития*** *Татьяна Яковлева, побывавшая в регионе с рабочим визитом* («Наша Пенза», 26.09.2018).

Все выше приведенные сложносокращенные структуры чрезвычайно частотны в текстах на экономические и политические темы и отражают высокую востребованность наименований подобного типа – экономичных и в то же время всем понятных, не требующих специального пояснения. Они, как правило, синонимичны составным наименованиям субстантивно-адъективного типа: «спортивный комплекс» (спорткомплекс); «социальная карта» (соцкарта); «медицинская помощь» (медпомощь); «европейская комиссия» (еврокомиссия) и т.п. Е.А. Земская отмечает, что «буквенная и звуковая аббревиация» наиболее частотна в газетно-публицистической и деловой сферах языка, «не чужда она и научной речи», но в «живом разговорном языке» как способ словообразования буквенная и звуковая аббревиация «почти бездейственна» [Земская 1992: 14].

В пензенских газетных текстах встречаются все известные в лингвистической науке способы аббревиации. Самую многочисленную группу образуют инициальные сокращения (СМС, ОВД, МФЦ, ЖКХ и проч.), позволяющие дать сокращенные наименования многокомпонентным словосочетаниям. Мы заметили также высокую частотность сокращений, состоящих из сочетания начальной части слова с полной второй частью (Гордума, Росприроднадзор, госзакупка). Состав таких аббревиатур с «несклоняемыми определителями», как правило, очевиден, они не требуют специального пояснения, с чем и связана высокая продуктивность данной модели и ее востребованность в текстах, адресованных массовому читателю.

Также выяснилось, что в текстах пензенских газет представлены лексические единицы, образованные в результате «компрессивной деривации». Компрессивы – это высокопродуктивные в современных языках дериваты, служащие для регулярной замены лексической единицы. Такие дериваты-универбаты уже на протяжении полувека высокочастотны как в современной художественной прозе, так и в публицистике, например: *Пензенская сваха переженила целую* ***многоэтажку*** («Молодой Ленинец», 12.01.2016); *В данном случае дом обслуживает* ***управляйка****, и недостаток информации – ее недоработка* («Пензенская правда», 02.10.2018); *Получается, что проезд в автобусах и* ***маршрутках*** *может подорожать на три рубля, а в троллейбусах – почти на четыре* («Пензенская правда», 07.08.2018) и т. д.

Еще к одной особенности образования аббревиатур, использующихся в текстах пензенских печатных СМИ, можно отнести различные виды сокращений одного и того же наименования. Например, Законодательное собрание – Заксобрание (аббревиатура, состоящая из сочетания начальной части слова с целым словом), например: *Тройное убийство в центре Пензы, раскрытое по горячим следам буквально за час. Арест депутата областного* ***Заксобрания****, организовавшего банду* («Молодой ленинец», 05.01.2016); Заксобр (аббревиатура, состоящая из сочетания начальных частей слов), например: *«МЛ» уже рассказывал, что ежемесячную денежную компенсацию (ЕДК) за ЖКУ региональным льготникам ... будут рассчитывать по новым прави-*

лам. Срок для этого порядка установлен на последней сессии ***Заксобра*** («Молодой ленинец», 05.03.2019), ЗС (буквенная аббревиатура), например: *И если избрание депутатом* ***ЗС*** *было для Пашкова признанием первого уровня, то поддержка губернатора и депутатов для прохождения в Совет Федерации – это уже признание второго уровня. Признание не рядовых избирателей, а бомонда или элиты* («Улица Московская», 27.10.2017).

В настоящее время отаббревиатурные слова также получили широкое распространение на страницах пензенских газет: *Потерпевшей оказалась пьяная* ***бомжиха****. Но биография пациента для врачей не имеет значения* («Наша Пенза», 03.06.2016); *Седенький* ***бомжик*** *сидит у забора, щурясь на солнышке и прихлебывая из бутылки шампанское.* («Пензенская правда», 04.07.2017); *Это отнюдь не* ***бомжатник****, как думают некоторые снобы: хорошая домашняя кухня, хоть сейчас на страницы «Книги о вкусной и здоровой пище».* («Любимая газета», 02.04.2016); *Утром ко мне подошли местные* ***бомжи****, стали расспрашивать, откуда я взялся, почему на улице сплю* («Молодой Ленинец», 07.02.2017); *Многие стали* ***бомжевать*** *не по своей воле* («Молодой Ленинец», 07.02.2017). Отаббревиаты распространяются прежде всего в сфере существительных и прилагательных. В настоящее время наиболее продуктивный способ реализации словообразовательных возможностей аббревиатур – суффиксация. Среди способов словообразования отаббревиатурных дериватов как наиболее продуктивные выделяются суффиксация (на первом месте), сложение (на втором месте) и префиксально-суффиксальный способ словообразования (на третьем месте).

Широкое использование сложносокращенных слов в газетном тексте неразрывно связано с его функциями (информирующей, аналитической, воздействующей) и с его характерными свойствами (социальной значимостью, принципом чередования экспрессии и стандарта, оперативностью, клишированностью, стремлением к документальной точности, тенденцией к языковой игре).

Нами отмечен рост числа аббревиатур и сложносоставных слов с первым неизменяемым компонентом иноязычного происхождения *теле-, видео-, поп-, рок-, арт-, бизнес* и т.п., который связан и со словообразовательными тенденциями в самом русском языке, и с экстралингвистическими причинами. В качестве факторов, определяющих широкое распространение сложносокращенных и сложносоставных наименований, отмечаются: развитие в России (и в частности, в Пензенской области) предпринимательской, экономической деятельности, развитие сферы информационных технологий и вовлечение говорящих в процессы их освоения, распространение интернета как нового средства массовой коммуникации. Можно говорить о большом словообразовательном потенциале этих слов, их экспрессивных возможностях.

В результате анализа нашего языкового материала мы пришли к выводу, что в газетной публицистике в основном встречаются общеупотребительные аббревиатуры (87%). Это связано с тем, что газетный текст рассчитан на восприятие и понимание массового читателя. В результате статистического анализа мы выявили ряд самых употребительных аббревиатур, в числе которых слова ЖКХ, ТСЖ, ДТП, МФЦ, ПФР, РФ и др. Нами рассмотрены также «специальные» сокращения (13%), образованные в основном с помощью звуковой и буквенной аббревиацией. Такие лексемы связаны большей частью с экономической, медицинской, спортивной сферами.

Итак, аббревиатуры занимают важное место в языке пензенских печатных СМИ. Они помогают сделать газетную статью более компактной и экономной с точки зрения формы выражения при сохранении ее информативной ценности. Эта основная функция аббревиатур особенно востребована в публицистических текстах, требующих оперативной реакции на события и явления действительности. Наряду с экономией формы выражения в газетном тексте востребованы следующие частные функции аббревиации: привнесение в текст компонентов официально-делового и научно-

го стилей; повышение фактологической ценности текста, а в некоторых случаях – усиление экспрессивности, установление близкого контакта с читателем, оценочные коннотации.

Литература

1. *Алексеев Д.И.* Аббревиатуры как новый тип слов // Развитие словообразования современного русского языка. М.: Наука, 2006. С.13-38.

2. *Борисов В.В* Аббревиация и акронимия: военные и научно–технические сокращения в иностранных языках. М.: Воениздат, 1972. 320 с

3. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.

КЛАСС РУССКИХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ЕГО СЛОВАРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

М.В. ЛЯПОН, А.С. БЕЛОУСОВА

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Россия

gramilex@inbox.ru

Ключевые слова: *русский язык прилагательные семантика словарь*

В публикации на материале прилагательных рассматриваются некоторые аспекты создания словаря русского литературного языка, совмещающего в себе жанры толкового и системного словарей и описывающего комплексно лексико-грамматические классы прилагательных и наречий, каждый – как целостные исторически сложившиеся сложные иерархически организованные естественные системы, находящиеся в тесном взаимодействии. Словарь включает две части: (1) систематизированное описание лексико-семантических классов, подклассов, множеств и подмножеств, формируемых соответственно значениями прилагательных и наречий, (2) алфавитную часть, представляющую многозначное слово в совокупности всех его значений.

MAYA LYAPON, ALLA BELOUSOVA - Class of russian adjectives and its dictionary representation

Key words: *Russian adjectives semantics dictionary*

The paper deals with a project, aimed at compiling a Russian dictionary of new generation, a combination of an explanatory and system dictionary. The dictionary shall comprise two parts, namely (i) the systematised description of lexico-semantic classes, subclasses, sets, and subsets formed by the meanings of adjectives and adverbs, and (ii) the alphabetical part representing words from part (i) in the entirety of its meanings.

1. В русской лексикографии не так много словарей (по преимуществу аспектных или тематических), посвященных только именам прилагательным или наречиям, включая online-словари (см., напр.: [Колбенова, Александров 2010]; [Левашов 1986]; [Левашов 2003]; [Словарь-тезаурус прилагательных русского языка 2012]; [Кустова 2008], где по преимуществу описаны имена прилагательные и наречия; [Орфографический словарь имён прилагательных русского языка 2015]; [Имена прилагательные 2019; [Все наречия русского языка 2019] — два последних online-словаря содержат только алфавитные списки соответствующих единиц). Вместе с тем существует большой массив теоретических работ, в которых семантика русского имени прилагательного исследуется в том числе с точки зрения выделения тех или иных семантических разрядов, а также в связи с их контекстным окружением, семантико-синтаксическими свойствами, функциональным потенциалом, ролью в реконструкции языковой картины мира и под. В.В. Виноградов писал, что «в современном русском языке имена прилагательные – это самая многочисленная после имен существительных армия слов» [Виноградов 2001: 158], тем не менее в специальной литературе, посвященной изучению имен прилагательных, отсутствуют работы, в которых была бы представлена внутренняя семантическая организация этого класса как единого целого, опирающаяся только на собственно языковые основания. Так, в большой работе [Шрамм 1979] исследуются лишь качественные прилагательные, а в основу их первичной классификации положены внешние по отношению к языку основания: типологические различия называемых прилагательными признаков. В названном выше «Словаре-тезаурусе прилагательных русского языка», в основу систематизации положены не семантические категории, а денотативные классы (хоть авторы и назы-

вают их в предисловии «семантическими»): «Неживая природа», «Вещества и материалы», «Живая природа» «Человек как живое существо», «Населенный пункт», «Нации», «Человек и его внутренний мир» и т.д. А вместе с тем специалисты склоняются к тому мнению, что «прилагательное само по себе не имеет денотации и соотносится с денотатами только через посредство определяемого ими существительного [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 397]. Таким образом, остается насущной задача выявления лексико-семантической организации этого обширного класса слов и построения на собственно языковых основаниях его семантической классификации, что и реализуется в проекте «Большой толковый словарь русских прилагательных и наречий», работа над которым ведется в настоящее время коллективом авторов под руководством М.В. Ляпон в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

2. Проект нацелен на создание словаря русского языка, совмещающего в себе жанры толкового и системного словарей и описывающего комплексно обширный пласт русской литературной лексики. Задача проекта – представить в максимально полном объёме лексико-грамматические классы русских имен прилагательных и наречий как целостные исторически сложившиеся сложные иерархически организованные естественные системы, находящиеся в постоянном развитии и тесном взаимодействии. В Словаре имена прилагательные и наречия будут представлены не только как элементы лексико-семантических классов, множеств и подмножеств, но также получат и традиционное для толкового словаря комплексное описание. Соответственно, задача словаря – показать, с одной стороны, имя прилагательное (наречие) как существующее в макромире своего лексико-грамматического класса, его место в нем, с другой стороны, — микромир самого этого слова и все принадлежащие ему характеристики (семантические, частеречные, парадигматические, синтаксические, деривационные, фразеологические, функциональные). Словарь будет состоять из двух частей: (1) систематизированного описания лексико-семантических классов, подклассов, множеств и подмножеств, формируемых значениями имен прилагательных и наречий, (2) алфавитной части, где описанное в первой части многозначное слово будет представлено в совокупности всех его значений. В итоге словарь явится заключающим дополнением к вышедшим ранее томам [Русского семантического словаря 1998—2010], где представлено строение лексических систем имен существительных (тт.1—3) и глаголов (тт.4—5), к словообразовательным гнёздам которых во всех возможных случаях будут даны отсылки в новом словаре. Т.о., здесь найдут свое описание не только так называемые качественные прилагательные, но и собственно относительные. Вместе с тем, в отличие от указанных томов, многозначное слово будет лексикографировано как в «разъятом» на отдельные словозначения виде (каждое в своем лексико-семантическом ряду), так и как целостное семантическое единство. Ниже на материале прилагательных будут рассмотрены некоторые аспекты выполнения этого проекта.

3. Работа над систематизированной частью словаря связана с созданием *семантической классификации имен прилагательных,* ведущимся в опоре на теоретическую концепцию (разработанную академиком Н. Ю. Шведовой для [Русского семантического словаря 1998—2010] и реализованную, в том числе при участии членов данного коллектива), согласно которой лексическая система современного русского языка представляет собой исторически сложившуюся самодостаточную естественную целостность, самоорганизующуюся и саморегулирующуюся, живущую по своим собственным законам, созданным языком, регулирующим ее существование и ее развитие. Фронтальное изучение методом компонентно-семантического анализа имен прилагательных как лексико-грамматического класса (на обширном материале, полученном путем сплошной выборки из однотомных словарей современного русского

языка под ред. Н.Ю.Шведовой, Словаря русского языка в 4-х томах под. ред. А.П.Евгеньевой, а также уже изданных в Санкт-Петербурге томов нового Большого академического словаря русского языка) позволило сделать вывод о том, что строение данного класса, как и классов имен существительных и глаголов, имеет вид лексико-семантического древа, ветвящегося от вершины к основанию. Авторы проекта также опираются на теорию языковых смыслов Н.Ю. Шведовой [Шведова 2006: 445-604]. Языковой смысл, согласно концепции Наталии Юльевны, — это языковая категория, стоящая на высшей ступени абстракции, всегда являющаяся понятийным инвариантом по отношению к языковому значению, к семантике языкового знака. Причем такие смыслы манифестируются специально выработанной языком для этой функции системой дейктических единиц. Применительно к прилагательным — это смысл, манифестируемый местоименными словами *какой, чей* (для кратких прилагательных также *каков*), который выступает как семантическая доминанта всего класса прилагательных, а применительно к каждому вычленяемому подклассу соответственно проясняется, обрастая более конкретными дифференцирующими семами, формирующими содержательную часть значения. Причем характер этих дополнительных сем определяется соотношением в значениях составляющих соответствующие классы слов сигнификативного и денотативного компонентов: для слов с преобладанием денотативного компонента набор дифференцирующих сем оказывается более широким, в отличие от слов с так наз. сигнификативным значением, что соответственно определяет и глубину членения соответствующего лексико-семантического класса. К последнему относятся оценочные прилагательные, для которых оценка является смысловой доминантой, определяющей функциональный профиль данных единиц. Это значение здесь не подключается и не накладывается в виде дополнительного семантического элемента, а вытесняет и заменяет собственно номинативную функцию, т. е. исчерпывает коммуникативное назначение слова: выразить отношение, а не назвать.

Таким образом, избранный подход при построении семантической классификации прилагательных опирается на следующие положения. 1) Категориальное значение каждого лексико-грамматического класса выступает как исходный языковой смысл. 2) Подавляющее большинство имен прилагательных являются производными от единиц других лексико-грамматических классов, и такие прилагательные всегда в большей или меньшей степени сохраняют в своей внутренней форме связь с исходным смыслом, заключенным в значении мотивирующей единицы. 3) Развитие семантики производного слова всегда движется в направлении постепенного «стирания» его внутренней формы утраты связи с мотивирующим.

В целом лексико-семантическая организация класса имен прилагательных отражает специфичность лексического значения составляющих его единиц: как известно, центральной семантической категорией имени прилагательного выступает категория качества; эта категория может присутствовать в значении имени в разных своих вариантах. Она может быть представлена в самом абстрактном виде как лексико-грамматическое значение непроцессуального признака (неградуируемого), отвечающего смыслам «какой» и «чей»; такие прилагательные всегда производны и конкретизация семантики имени прилагательного осуществляется через соотнесение с мотивирующим прилагательное существительным или глаголом (представляющим соответственно названные выше смыслы), либо конкретизироваться далее как обозначение градуируемого признака, отыскиваемого в самом предмете или ему приписываемого (в значениях таких прилагательных семантика мотивирующего имени — и соответственно представляемых им смыслов — приглушена или нивелирована). Тот известный факт, что в целом развитие семантики имени прилагательного движется в

направлении усиления качественности, определяет и строение данного класса в целом.

В значении имени прилагательного соответствующий исходный смысл сложно взаимодействует с категориальным значением и с конкретной семантикой слова, формируя наиболее абстрактный семантический компонент его структуры. Проведенное исследование всего массива имен прилагательных позволило выявить систему таких абстрактных семантических компонентов в семантической структуре отдельного значения, которые определяют исходное членение всего класса имен прилагательных.

Эта система имеет следующий вид: Признак предметности в широком смысле слова («кто» «что»: лицо, одушевлённый предмет, неодушевлённый предмет, явление, событие, состояние, свойство и т.д.). Признак процессуальный и его варианты («делать», «действовать», «поступать», «совершать», «испытывать состояние», «находиться в состоянии», «воспринимать от кого, извне, со стороны», «принимать себе, для себя», «иметь отношение к кому-чему-нибудь», «чувствовать», «вопринимать»). Признак непроцессуальный и его варианты («какой» -- признак градуируемый, «каков» -- неградуируемый, «чей» -- признак принадлежности). Признак бытия именуемого в разных фазах его существования вплоть до несуществования. Признак отнесенности, связанности, обусловленности; это цель, назначение, причина (или собственно причина, повод, основание, или причина препятствующая, но устраняемая, либо причина последующего, вытекающего из неё следствия, или же причина стимулирующая, выступающая как условие). Признак модального состояния (это состояния необходимости, возможности/ или невозможности, следования, или долженствования, вынужденности, целесообразности/ нецелесообразности, допустимости /недопустимости, желаемости/ нежелаемости, согласия /несогласия и другие состояний, дифференцирующие, дополняющие и уточняющие названные). Признак количества (количественного состояния или количественного состава или его отсутствия: «сколько», «как много», «в каком количестве», «нисколько» или количественной последовательности: «который»). Признак меры (собственно меры, сопоставления по мере или сравнения в качестве мерила чего-н.: «насколько», «в какой мере, степени», «каков, какой или как в сопоставлении с кем-чем-нибудь»). Признак локализации (отнесённости к пространству, к месту, положению , направлению в пространстве) («где», «в каком месте», «куда», «откуда») Признак темпоральный (отношения ко времени — к собственно времени, его течению, протяжённости либо к моменту или периоду, отрезку времени, пределу во времени: «когда», «в какое время», «как давно», «как долго», «с каких пор, до каких пор»).

Соответственно на первом шаге семантического членения всего класса имен прилагательных выделяются следующие ветви: (1) Прилагательные называющие признак по отношению, связанности с неодушевленным предметом, свойством состоянием (взаимодействие со смыслом «что»). (2) Прилагательные называющие признак по отношению, связанности с лицом или живым существом, принадлежности ему (взаимодействие со смыслом «кто»). (3) Прилагательные, называющие признак по действию, процессуальному состоянию (взаимодействие со смыслом «делать, делаться»)\ (4) Прилагательные называющие признак по отношению к бытию: существованию или несуществованию (взаимодействие со смыслом «быть»). (6) Прилагательные, называющие признак по отношению к пространству (взаимодействие со смыслом темпоральности: «где, куда, откуда»). (7) Прилагательные, называющие признак по отношению к времени (взаимодействие со смыслом темпоральности). (8) Прилагательные, именующие признак связанности, зависимости, отношения (взаимодействие со смыслом причинности, взаимосвязанности, обусловленности). (9)

Прилагательные, именующие признак интенсивности, меры проявления (взаимодействие со смыслом степени: «насколько». (10) Прилагательные, именующие модальный признак. (11) Прилагательные именующие собственно качественный признак (физический, интелелктуально-эмоциональный, социальный). (12) Прилагательные, именующие признак как оценку

Как видим, уже на подвершинном уровне наблюдается движение от признака самой общей релятивности → к постепенному нарастанию качественности вплоть до признака-оценки. То же наблюдаем и внутри каждого из выделенных подкласов.

4. Разработка алфавитной части словаря позволяет впервые в жанре толковой лексикографии дать достаточно полно в качестве самостоятельных объектов описания как качественные, так и относительные прилагательные, в объеме, охватывающем современную общеупотребительную лексику. Словарные статьи, посвященные многозначным именам, демонстрируют те внутренние связи между отдельными значениями, которые, с одной стороны, влияют на строение системы имен прилагательных в отдельных ее частях, а с другой — определяются этой системой.. На данном этапе выполнения проекта полную семантическую разработку получают не только качественные, но и относительные прилагательные, содержательная часть значения к-рых опирается на мотивированное слово. Как отмечают исследователи, назначение таких прилагательных – «передавать атрибутивно разные виды отношения к предмету» [Земская 1965: 28]. Следует отметить, что этот пласт прилагательных в создаваемом словаре составляет более половины от всего объема словника. Вместе с тем неоднократно указывалось на недостаточность описания в толковых словарях русского языка этого массива слов (из последних работ, см., напр. [Михалев 2016: 123-126]. Авторы данного проекта, приняв за основу структуру словарной статьи, разработанную для «Русского семантического словаря» (см.: [Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений 1998:.XVIII–XXI], в толкование тех мотивированных единиц, которые сохраняют близкую связь с мотивирующим, вводят после отсылочной части, по возможности максимально конкретизированной (напр. «Относящийся к…», «Связанный с…», «Принадлежащий к…», «Произведённый из…»), компонент, подтолковывающий значение мотивирующего слова. Один простейший пример: БАБУШКИН**, -**а, -о. **1.** Относящийся к бабушке (к матери отца или матери), принадлежащий ей, связанный с ней. *Бабушкины очки. Б. любимец.* …. **2.** Относящийся к бабушке (к старой женщине), связанный с ней, такой, как у неё. *Бабушкины посиделки. Бабушкины сказки* (о недостоверных сведениях, выдумках и под.).

В словаре по каждой такой единице принимается индивидуальное решение, учитывающее семантическую структуру описываемого слова, его моно- или полисемичность, степень связанности с мотивирующим словом, структуру мотивирующего слова, функционирование в тексте и т.д. Избранный метод описания позволяет вплотную подойти к решению таких сложных теоретических задач, как, например, установление типов взаимодействия мотивированного и мотивирующего слова в структурно-семантическом аспекте; выявление способности относительных прилагательных к семантической производности, в том числе с позиции речетворчества.

Актуальность реализации охарактеризованного проекта для общего и русского языкознания состоит в представлении классов имен прилагательных и наречий как целостных участков единой лексической системы и в описании этого участка как такого, все части которого (множества, подмножества, лексические ряды) сочленены друг с другом сложными семантическими отношениями. Разрешение этой проблемы актуально как для общей теории языка, так и для познания законов развития и обогащения одного из важнейших участков лексического строя русского языка как живой естественной системы. Словарь также даст в руки специалистов материалы для

составления учебных словарей, в том числе двуязычных, подготовки различных учебных пособий по русскому языку.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 1729-09131 (офи_м).

Литература

1. *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Наука, 2001. С. 158.

2. [Все наречия русского языка [Электронный ресурс] URL://http://ruslo.net/index.php/list/7-vse-narechiya-russkogo-yazyka/,%D0%90.xhtml // 2019

3. *Земская Е. А.* История словообразования прилагательных в русском литературном языке нового времени: автореф. дисс. … д. филол. н. М., 1965. С.28.

4. Имена прилагательные [Электронный ресурс] URL://http://ruslo.net/index.php/list/16-imena-prilagatel-nye/1.xhtml// 2019

5. *Колбенова М.Г., Александров Ю.И.* Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка: Лингво-психологический словарь. М.: Языки славянских культур, 2010. 369 с.

6. *Кустова Г.И.*. Словарь русской идиоматики: Сочетания слов со значением высокой оценки [Электронный ресурс] URL://http://dict.ruslang.ru/magn.php / 30. 12. 2008.

7. *Левашов Е.А.*Словарь прилагательных от географических названий. М.: Русский язык, 1986. 550 с.

8. *Левашов Е.А*. Мировая топонимика. Прилагательные от географических названий. Словарь-справочник. М.: изд-во Дмитрий Буланин, 2003. 532 с.

9. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В. Н. Ярцева*, — М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 397.

10. *Михалев Г. И.* Системные отношения в лексике и лексикографические традиции описания семантики относительных прилагательных //Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 123-126

11. Орфографический словарь имён прилагательных русского языка. [Электронный ресурс] URL:// http://www.twirpx.com/file/1773389/ 02.10.15

12. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. / Под общей редакцией академика *Н.Ю. Шведовой*. М.: Азбуковник, 1998. Т. I . С.XVIII–XXI.

13. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. / Под общей редакцией академика *Н.Ю. Шведовой*. М.: Азбуковник. Т. I , 1998, 800 с. Т. II, 2000, 771 с. Т. III, 2003, 693 с. Т. IV, 2007, 922 с. Т. V, 2010, 513 с.

14. Словарь-тезаурус прилагательных русского языка. /Под ред. *Л.Г.Бабенко*. Екатеринбург: издательство Уральского университета, 2012. 836 с.

15. Толковый словарь современного русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. *Н.Ю. Шведовой*. М., Азбуковник, 2007. 1165 с.

16. *Шведова Н.Ю.* Русский язык: Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 445-604.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ПИСЬМЕ

И.В. НЕЧАЕВА

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Россия

inechaeva@mail.ru

Ключевые слова: *иноязычное заимствование, орфография, ортология, правописание, понятие орфографической правильности, вариативность.*

В статье речь идет о проблемах освоения иноязычных заимствований в русском письме. Их письменное освоение осложняется многофакторностью процесса перехода лексики в русский язык и отсутствием адекватных ему орфографических правил. Это имеет следствием развитие графической вариативности как на этапе транскрипционной передачи, так и при записи слова в соответствии с закономерностями русского письма. Затрагивается вопрос о понятии правильного в правописании и о статусе орфографической нормы в области иноязычной лексики.

IIA NECHAEVA – Foreign loanwords in Russian writing

Key words: *foreign borrowing, orthography, orthology, orthography, the notion of orthographic correctness, variativity.*

The paper deals with the problem of adoption of foreign loanwords in the Russian writing. Their adoption in writing is complicated by the multifactor character of the transition of foreign words to the Russian language and the absence of orthographic rules adequate to this transition. The consequence is the development of graphic variativity both at the stage of transcription transfer and in the word writing in accordance with the patterns of Russian writing. Also discussed briefly is the notion of correctness in writing and the status of orthographic norm in the area of foreign borrowings.

1. Период интенсивного лексического заимствования в русском языке, начавшийся в конце 1980-х – начале 1990-х годов, еще продолжается, однако, по всей видимости, пик этого периода пройден. Как мы знаем, изменения в лексической системе языка за счет иноязычного влияния, произошедшие в этот период, весьма значительны. Помимо прямого лексического заимствования, активизировалось скрытое заимствование, т.е. калькирование, а также заимствование словообразовательных моделей (напр., аналит-конструкций типа *дизайн-студия, фешн-директор, комфорт-класс*) и словопроизводство по традиционным моделям, но с использованием иноязычных словообразовательных элементов, корней и аффиксов (*аудиогид, блогосфера*); происходит смещение стилистических границ, возникают новые явления и на орфографическом поле, и в орфоэпии (напр., англицизмы с исходом на *-tion* типа *экшн (action)*; явление хиатуса (зияния) типа *пауэрлифтинг*; аномальные раздельные написания композитов типа *премиум класс*, расширение сферы употребления буквы «э» и др.).

Опыт последних десятилетий выявил серьезную проблему, касающуюся лингвистического освоения новых слов, в том числе в письменной речи. И дело здесь не только в повышении темпов языковой динамики, насыщении языка иноязычными элементами, порой не имеющими аналогов в лексической системе (причина внешняя), но и в самих принципах орфографической нормализаторской деятельности – в том виде, как они сложились в языке с течением времени (причина внутренняя).

Признаком письменной адаптации можно считать стабилизацию графического оформления неологизма, установление единого написания. Как пишет Е.В. Маринова, «для подавляющего большинства иноязычных слов, проникающих в наш язык, русское письмо, с его исконным кириллическим алфавитом, оказывается чужеродной средой, и потому графическая адаптация, изменение буквенного состава лексической единицы в русском языке представляет собой значительный этап в ее освоении» [Маринова 2008: 94]. Между тем в течение трех последних десятилетий мы наблюдаем повышенную нестабильность написаний.

Обилие вариантов в орфографии, которая обычно является наиболее устойчивой к вариативности сферой языка, – фактор симптоматичный. Как видно, мы имеем дело с ортологической проблемой – проблемой определения правильности написаний для иноязычных слов. Орфография как система языковых письменных норм ортологична по своей сути; сам термин этот происходит, как известно, от греческого ὀρθός — «правильный» и γράφω — «пишу». Однако в случае с иноязычными словами, проникающими в русский из других языков, определение правильности написания представляет проблему, и проистекает она из неясности лингвистических оснований для такого определения и из отсутствия орфографических правил.

Правила – это выявленные закономерности правописания. Когда эти закономерности работают избирательно, в правиле возникают исключения. В отношении иноязычных слов правил пока нет. Но закономерности есть, и наша задача – выявить эти закономерности.

2. Переход иноязычных заимствований в русский язык происходит в два этапа: на первом происходит передача иноязычного произношения слова, т.е. транскрипция (иногда вмешивается и написание), на втором – запись полученного слова с помощью кириллицы; это означает, что сначала находятся соответствия между звуками двух взаимодействующих языков и затем полученное звуковое слово конвертируется в графическое, т.е. делается буквенная запись. На каждом этапе могут быть разночтения, разногласия и ошибки.

2.1. На первом этапе возникают варианты, связанные с определением звукового состава слова. Здесь есть различные нюансы. Например, существует вариативность произношения в самом языке-источнике, т.е. в английском: *андеграунд / андерграунд*

[брит. ʌndəˈgraʊnd, амер. ˌʌndərˈgraʊnd], *экситпол / экзитпол* [ˈeksɪt pəʊl / egzɪt pəʊl]; или слово может прийти из разных языков-источников: *мондиаль / мундиаль* (соответственно из французского и испанского языков); либо звук находится в слабой позиции и при переходе в русский язык неясен в произношении: *ритейл / ретейл* (англ. retail [ˈriːteɪl]), *дивайс / девайс* (англ. device [dɪˈvaɪs]), *аккаунт / экаунт* (англ. account [əˈkaʊnt]) – в таких случаях часто вмешивается фактор написания в языке-источнике, т.е. транслитерация; иногда имеет место своеобразие иноязычного сочетания звуков и отсутствие аналогов в русском: *ресепшен / ресепшн, экшен / экшн* и т.д.

2.2. Второй этап – передача иноязычного произношения с помощью кириллицы – требует решения типовых орфографических проблем. У заимствований это чаще всего удвоенные согласные, буква *«э»*, слитно-дефисные написания. При этом в рамках каждой из упомянутых проблем имеет место многообразие случаев, поэтому свести все к простому правилу невозможно. Существующие правила, в силу нечеткости формулировок и неисчерпанности по содержанию, по сути, отсылают пишущего к словарю.

Например, в правиле об употреблении э/е после твердого согласного говорится, что в данной позиции пишется, как правило, буква *«е»* и приводятся всего 7 исключений: *мэр, пэр, сэр, мэтр, пленэр, рэп* и *рэкет* (и 3 их производных). Но языковая практика этому не следует. Даже в «Русском орфографическом словаре» зафиксировано более 100 слов с буквой *«э»* после согласного. Какие тут могут быть закономерности? Так, можно заметить, что у слов-экзотизмов, особенно из восточных языков, буква *«э»* встречается чаще, чем у остальных (напр., *сэнсэй, фэн-шуй*), и это можно учесть при поступлении в язык новых заимствований такого рода.

Кроме того, в односложных словах типа *рэп, кэш* также часто пишется *«э»*, а не *«е»*. Тут действует закон аналогии, ведь первыми словами-исключениями в этом правиле были именно односложные слова *мэр, пэр, сэр* (объяснялось это стремлением избежать нежелательной омонимии). И кроме того, после букв «*к», «г», «х»* также часто пишут «э», чтобы избежать смягчения этих согласных (к которому они склонны), поскольку не все согласные по своим фонетическим свойствам в равной степени способны к твердому произношению перед /э/: менее всего задненебные и /л/, затем губные [Гловинская 1971: 76–77] (хотя по данным современных исследований позиция различения твердых/мягких задненебных и /л/ в последнее время усилилась; см. [Касаткина 2004: 67–68]). В этих случаях, при желании сохранить твердое произношение, его можно подчеркнуть графически с помощью буквы «э». В дальнейшем такое слово, например, *кэш*, вступает в словообразовательные отношения и заимствуется нами в составе сложного слова (ср. *кэшбек*), что создает проблемы с написанием и этих слов. Все это – лишь некоторые частные случаи написаний с *«э»*, они отнюдь не исчерпывают проблему (подробнее см. [Нечаева 2011: 68-83]).

2.3. Для удвоенных согласных правило орфографии по факту отсутствует. И причиной, и следствием этого является вариативность написаний. Если этимон иноязычного слова имеет две одинаковых согласных, то сколько их должно быть при передаче этого слова по-русски? Когда происходит их упрощение, а когда не происходит? Мы видим, что у одних слов двойные согласные этимона сохраняются, у других – нет, а у третьих сосуществуют варианты. Чтобы создать хоть какое-то правило, даже ограниченного действия, нужно нащупать закономерности этого процесса. С удвоенными согласными это особенно трудно. Тут также имеет место многообразие конкретных случаев. Но можно сказать, что сохранение двойных согласных оправдано чаще в позиции между гласными и после ударения (*моцарелла, саммит, спагетти*) – чаще, но не стопроцентно. Такая позиция считается сильной для двойных со-

гласных[1]. Имеет значение также и то, какой именно согласный удваивается. Например, слово *паз(з)л* [puzzle] редко можно встретить с удвоенной *«з»*, такое сочетание согласных внутри корня нехарактерно для русского языка. Особый случай – слова *блог(г)инг* [blogging], *рэп(п)ер* [rapper], *шоп(п)инг* [shopping]: с одной стороны, этимология подсказывает удвоенную согласную, а с другой – они заимствуются параллельно со словами *блог* [blog], *рэп* [rap], *шоп* [shop], у которых согласная одиночная. Это дает в руки аргумент сторонникам одиночной согласной. Но в этимологии у них есть удвоение, да и фонетическая позиция сильная, и это осложняет дело. Вообще мы нередко видим, что узус стремится сохранять удвоенное написание этимона независимо от фонетики. Намечается орфографическая тенденция, состоящая в том, что в целом употребление двойных согласных у новых иноязычий часто соответствует этимологическому написанию, а не произношению в русском языке.

2.4. Всем известна также проблема сложных слов, они могут быть написаны слитно или через дефис. Это одна из самых трудных областей в орфографии заимствований. Лингвистическая мотивация здесь действует слабее, чем в предыдущих случаях, написание больше опирается на узус, в котором заметна тенденция вытеснения дефисом слитных написаний (хотя и не всегда). Правила здесь носят характер описания статус-кво языка и не обладают прогнозирующими возможностями. То, что мы подчас называем правилами, по сути дела, в большинстве случаев – созданный кодификацией прецедент для одного или нескольких слов. Поэтому речь здесь может идти в основном об аналогиях. Что такое орфографические аналогии и как их следует понимать, что можно расценивать как аналогию, а что нет – отнюдь не праздный вопрос в орфографии заимствований.

Так, слово *шоу(-)рум* [англ. showroom] по своей структуре пополняет многочисленный ряд новообразований с начальной частью *шоу-...* (*шоу-бизнес, шоу-программа* и др); почти все они пишутся через дефис. Однако при этом конечная часть данных сложений, как правило, представляет собой самостоятельное слово (*бизнес, программа*), тогда как *рум* в русском языке отдельно не употребляется. О том, что данное обстоятельство имеет определенное значение для правописания сложных слов, говорят примеры *бизнесмен* и *бизнесвумен* (ср. *бизнес-план, бизнес-класс, бизнес-проект, бизнес-центр* и др.), а также слово *шоумен*, пишущиеся слитно.

Слово *блиц-интервью* орфографически встроено в ряд, изначально открытый словом *блицкриг*. См. другие слова на *блиц...* из «Русского орфографического словаря»: *блиц(-)анализ, блиц(-)анкета, блиц(-)визит, блиц(-)викторина, блиц(-)операция, блиц(-)турнир* и др. Должны ли они быть оформлены в слитную орфограмму, как *блицкриг*, только на основании орфографического прецедента, или аналогии? Узус отвечает отрицательно на этот вопрос.

Исходя из сказанного, существующее предубеждение, что одиночная согласная всегда предпочтительнее удвоенной, буква «*е*» всегда лучше, чем «*э*», а слитное написание лучше дефисного, по факту не оправдывает себя. Существуют различные случаи, и язык этому сопротивляется, как любой догме.

3. Проблема орфографии заимствований не является новой для русского правописания. Не новы в целом противоречия, которые приводят к появлению колебаний в написании слов. Но в условиях интенсификации межъязыкового взаимодействия и увеличения количества заимствованных слов проблемы передачи и освоения иноязычий усугубляются. С этим связан и вопрос об орфографической норме.

Надо сказать, что вопрос об орфографической норме до сих пор является дискуссионным. Традиционный взгляд основан на убеждении, что орфография – система условная и авторитарная, и любые кодификаторские решения должны исполняться.

---

[1] Т.е. такой, при которой долгота согласного хорошо слышна в произношении.

Норма в орфографии отличается от прочих языковых норм большей долей сознательного, в определенной степени навязанного извне, а не сформированного стихийно, под влиянием внутриязыковых процессов. Такая норма имеет безусловный императивный статус; варианты должны быть волевым образом сведены к минимуму, если не вовсе уничтожены. Отсюда и требование единства написаний и жесткая антиномия нормы – ошибки.

Другая точка зрения заключается в том, что кодификация, опережающая формирование нормы в узусе, в силу своей недостаточной убедительности расшатывает норму как таковую. Кодификатор сам не уверен в том, «как правильно», и его вынужденное решение может оказаться на поверку ошибочным. В таких случаях по прошествии времени кодификацию приходится менять, что также негативно сказывается на стабильности письма. Орфографические колебания необходимо не уничтожать, а изучать, поскольку они выявляют тенденции, действующие в письменном языке. Норма в орфографии принципиально ничем не отличается от прочих языковых норм, которые формируются естественным образом в языке через вариативность, а деятельность лингвистов должна быть направлена на выявление сложившихся написаний и закрепление их в кодифицирующем источнике.

Представляется, что живой и изменчивой природе языка более соответствует второй взгляд на упорядоченность в орфографии, при котором спорные явления честно признаются спорными, устойчивое колебание написаний не считается ошибкой, а является показателем стихийных процессов в языке. Таким образом, норма становится более толерантной (см. об этом [Крысин 2006: 175-183]). За исключением очевидно некорректных вариантов, толерантная норма в сомнительных случаях должна вбирать в свой диапазон ряд лингвистически обоснованных написаний.

В области иноязычной неологии неустойчивость орфографических представлений о том, что такое правильно, проявляется наиболее наглядно, поскольку для данной области характерно параллельное применение нескольких принципов написания, нечетко ограничивающих сферу действия друг друга. Это можно проиллюстрировать известными примерами. Варианты *имейл – е-мейл* [e-mail] демонстрируют противоречие между акцентами на произношение либо на структуру этимона, и второе, дефисное, написание не менее популярно, чем первое; многолетнее наблюдение за употреблением графических вариантов *риелтор / риэлтор* позволяет установить, что хотя по правилу (формально-графическому) следует его писать с буквой «е», при отсутствии йотированного произношения данный вариант так и не закрепился на письме; см. [Нечаева 2012: 332–333]; слова типа *фото-арт* имеют противоречивые орфографические аналогии – *фотография, фотокамера* (слитно) и *поп-арт, тату-арт* (через дефис). Собственно, возможность применения разных подходов, два способа рассуждений при определении орфограммы – это вообще одна из особенностей русской орфографии.

Литература

1. *Гловинская М.Я.* Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы. Москва: «Наука», 1971. С. 54-96.

2. *Касаткина Р.Ф.* Новые лексические заимствования и русская орфоэпия // Культура русской звучащей речи: традиции и современность. Тезисы докл. межд. науч. конф. 26–28 апреля 2004 г. Москва: 2004. С. 67-70.

3. *Крысин Л.П.* Толерантность языковой нормы // Язык и мы. Мы и язык. Сб. статей памяти Бориса Самойловича Шварцкопфа. Москва: РГГУ, 2006. С. 175-183.

4. *Маринова Е.В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. Москва: ООО «Издательство Элпис», 2008. 495 с.

5. *Нечаева И.В.* Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. Москва: «Азбуковник», 2011. 168 с.

6. *Нечаева И.В.* Языковые изменения и принципы орфографического нормирования (на материале иноязычных неологизмов) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Том VIII, часть 3. Санкт-Петербург: «Наука», 2012. С. 325-336.

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ СЛУЖЕБНОГО СЛОВА (НА ПРИМЕРЕ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ)

Т.Н. ПЕРМЯКОВА
Новосибирский государственный технический университет, Россия
uchi70@mail.ru

Ключевые слова: *союз, отношения обусловленности, сложное предложение.*

В статье представлен анализ высказываний с союзом ***коль скоро***, описываются высказываниях с семантикой обусловленности и определяются функции, которые выполняет внутренний контекст при интерпретации ***коль скоро***.

TATIANA PERMIAKOVA – The internal factors affecting the interpretation of function word (on example of subordinative conjuctions)

Key words: *union, conditionality relations, complex sentence.*

The article presents the analysis of statements with the union as long as statements with semantics of conditionality are described and functions which are carried out by an internal context at interpretation as soon as are defined.

Во второй половине XX века представление о том, что сложноподчиненные предложения с придаточными причины, условия, уступки, следствия и цели образуют единый комплекс, нашло широкое распространение в русистике [РГ-80; Евтюхин 1997 и др.].

Под обусловленностью подразумевается такой тип синтаксических отношений, при котором ситуации, описываемые в предложении, находятся в зависимости одна от другой, т.е. обусловливаемое (обусловленное) не существует без обусловливающего.

В связи с этим, многие исследователи не раз отмечали семантическую близость высказываний с условными и причинными отношениям и (например, Белошапкова, Евтюхин и др.): образуя единый комплекс отношений обусловленности, семантические поля условия и причины имеют точки пересечения.

Обычно семантика обусловленности эксплицируется союзами, которые отражают логическую позицию говорящего [Бабалова 1974; Теремова 1985].

В причинных предложениях выражается прямая реальная стимулирующая обусловленность широкого плана; при таком типе отношений в высказывании одно явление (А) служит основанием для другого (Б), зависимость направлена от явления обусловленного к обусловливающему, например***:*** *Сложившаяся ситуация представляет реальную угрозу федеральной железной дороге* (А)*,* ***так как*** *увеличивается дополнительная нагрузка на грунт* (Б) *(НКРЯ).*

При этих отношениях семантическую характеристику, выражаемую союзом, получает та часть предложения, которая обозначает обусловливающее явление (стимул).

Л.Л. Бабалова говорит о том, что основанием для выделения разновидностей причинных предложений является позиция говорящего. Именно говорящий делает определенные умозаключения, на которых базируются отношения причинного обоснования [Бабалова 1974: 5]. Порядок частей в предложении с отношениями причины служит не только для выражения актуального членения, но и для различия в характере выражаемых отношений. Если в предложениях с препозитивной придаточной частью выражаются причинно-следственные отношения (придаточная часть называет причину, главная – следствие, например: ***Так как / оттого что / коль скоро*** *увеличивается дополнительная нагрузка на грунт, то сложившаяся ситуация представляет реальную угрозу федеральной железной дороге,* то в предложениях с постпозитивной придаточной частью выражаются отношения мотивации (главная часть называет явление, а придаточная сообщает о его причине, например: *По его мнению, Белых не*

заинтересован в регистрации Мамаева, ***так как*** *может проиграть ему выборы* (НКРЯ).

Что касается условных предложений, то они «подобно причинным, выражают прямую стимулирующую обусловленность» [РГ-70:715]. Они отличаются от причинных, во-первых, значением гипотетической обусловленности, которая предполагает ту или иную форму нереальности обусловливающего явления (потенциальность, нереализованную возможность или желательность), например: ***Если*** *проштрафившиеся институты устранят нарушения, то первокурсники смогут начать учебу.* ***Если*** *нет, то все зависит от последующих решений учредителя* (НКРЯ); во-вторых, значением непосредственной обусловленности, когда одно явление (А) вызывает другое (Б), например: ***Если*** *же у вас отказываются принимать экзамен в автошколе или ГИБДД, остается одно – идти в суд* (НКРЯ).

При сопоставлении предложений с одинаковым лексическим составом, но с разными союзами – условным ***если*** и причинным ***так как,*** Л.Л. Бабалова справедливо отмечает, что разница между условными и причинными отношениями заключена в характере семантической связи двух явлений – обусловливаемого и обусловливающего, а тем самым и в семантике союзной скрепы, связывающей предикативные единицы.

Если *он сдаст все экзамены, то он приедет домой на каникулы.*	***Так как*** *он сдаст все экзамены, он приедет домой на каникулы.*

Условный союз ***если*** привносит в высказывание значение гипотетичности, основанное на возможности выбора из двух явлений, или альтернативы: ***если*** *он сдаст = он сдаст* или *он не сдаст*. (Соответственно: *он приедет* или *он не приедет*). Этот компонент семантики условных союзов вносит существенные дополнения в семантику всего высказывания. Предложение с этим союзом трансформируется в высказывание с модальными словами, смысл которых целиком состоит в выражении предположения (***может быть, возможно).***

В высказывании с союзом ***так как*** названо одно реальное действие: ***так как*** *он сдаст = он сдаст*. (Соответственно: *он приедет*).

Таким образом, можно сделать вывод, что оппозиция «условие - причина» сводится к наличию альтернативности обусловливающего и обусловленного явлений в условных конструкциях, и отсутствию ее в высказываниях, в которых говорящий интерпретирует отношения как причинные.

Выявить эти смысловые отношения, маркировать их помогают союзы, которые, в свою очередь, использует говорящий, чтобы решить ту или иную коммуникативную задачу. Иными словами, используя данные служебные слова, говорящий, с одной стороны, маркирует отношения обусловленности, с другой стороны, акцентирует внимание именно на том, что это его интерпретация, его видение ситуации.

Мы обратили внимание на союз ***коль скоро,*** который редко включают в союзные списки. Данную единицу в научной и лексикографической литературе интерпретируют по-разному: в научной литературе ее включают в состав условных союзов [РГ-80, Служебные части речи 1997], а в современной лексикографии она представлена как многозначная единица. Так, например, МАС, дает этому сочетанию описание с помощью синонимичных союзов: 1. *если, раз уж,* 2. *как только* [МАС 1999: 73]. Р.П. Рогожникова в «Словаре эквивалентов слова» описывает ***коль скоро*** с грамматической точки зрения, называя его условно-причинным союзом, присоединяющим «придаточную часть предложения, действие которой обусловливает действие главной части». Она приводит также синонимы - эквиваленты *коль скоро: «*1. *если, поскольку…;* 2. *как только, когда»* [Рогожникова1991: 123]. Это позволяет предположить, что исследуемый союз еще недостаточно изучен и описан в лингвистической литературе и, видимо, маркирует разные отношения обусловленности.

С одной стороны, с помощью союза в сложном предложении обычно реализуется только одно значение, соответствующее определенной коммуникативной задаче, хотя, с другой стороны, нередки многозначные союзы (***когда, как)***.

Определить семантику ***коль скоро*** вне контекста иногда бывает очень сложно, поэтому наша задача – выяснить, однозначна или многозначна данная единица.

Трудности интерпретации семантики союза могут быть вызваны следующими причинами: во-первых, данная единица может быть мало изучена (отсюда неточная ее интерпретация в литературе); а во-вторых, она может быть использована в синкретичных конструкциях. В данной статье мы попытаемся определить, какова роль внутреннего контекста при интерпретации союзной скрепы ***коль скоро*** как условного или причинного союза.

Итак, традиционно ***коль скоро*** относят к условным союзам, например: *Я готов это с исходниками интервью в руках доказать в суде**, коль скоро** он случится* (НКРЯ).

Действительно, в данном высказывании предполагается два возможных события (явления): *я готов* или *не готов доказывать в суде*; соответственно: *случится или не случится суд,* то есть этот контекст можно рассмотреть как конструкцию со значением гипотетической обусловленности.

Как показывает исследуемый материал, говорящий чаще (более 60% случаев) использует данный союз для обозначения причинной семантики, например:

Коль скоро/так как/поскольку *киевские власти на встрече в Женеве, как верно указывает г-н Илларионов, подписались под «внешним управлением», диалог с США по украинскому вопросу приобретает решающее значение* (НКРЯ). В данном контексте союз ***коль скоро*** синонимичен причинным союзам, что позволяет их свободно взаимозаменять, без заметных сдвигов в семантике обусловленности.

Следовательно, можно предположить, что ***коль скоро*** по своей природе полисемичная единица. Далее перед нами стоит задача – решить, какие могут быть заданы ограничения для интерпретации ***коль скоро*** как условной или причинной союзной скрепы. На наш взгляд, чтобы снять неоднозначность интерпретации отношений между явлениями, говорящий вводит в высказывание корреляты ***значит, следовательно.*** Вообще считается, что использование данных коррелятов помогает актуализации смысловых отношений в высказываниях. Они участвуют в оформлении того или иного вида синтаксической связи между частями сложного предложения и, по мнению некоторых ученых, являются модификаторами и конкретизаторами базовых союзов, образуя с ними союзные соединения, т.е. «являются интенсификаторами – усилителями степени признака» [Чернышева 1997: 31-35].

Рассмотрим высказывания, оформленные при участии собственно условного союза *если* и коррелятов ***значит, следовательно*** и сравним их с высказываниями с союзной скрепой ***коль скоро*** и теми же коррелятами.

Если *Филипп Петрович так поступил,* ***значит*** *иного выхода не было (А. Фадеев).* ***Если*** *сразу не приехал,* ***значит****, не так уж стремился к сыну (К. Симонов.).*

Такие предложения, по мнению авторов РГ-80, сообщают об основании (придаточная часть), достаточном для вывода, умозаключения (главная часть), что, конечно же, выводит их за пределы собственно условных предложений и сближает с причинными.

*…**Коль скоро** вы решили тронуться в путь, все ваши помыслы наверняка занимает предстоящая поездка*…(НКРЯ) (***коль скоро*** *вы решили= вы решили* или *вы не решили*; соответственно: *помыслы занимает* или *не занимает*…) Совершенно очевидно, что союз ***коль скоро*** организует условную конструкцию.

При введении коррелята ***значит*** условная семантика нейтрализуется: ***Коль скоро*** *вы решили тронуться в путь,* ***значит****, все ваши помыслы наверняка занимает предстоящая поездка…*

В контексте с коррелятом мы не наблюдаем возможности выбора из двух предполагаемых явлений, в таком высказывании мыслится лишь одно реальное событие: ***коль скоро*** *вы решили = вы решили;* соответственно: ***значит****, помыслы занимает поездка*. Таким образом, отношения в высказывании приобретают характер причинности.

Ещё пример: ***Коль скоро*** *он принял такое решение****, значит****, имел для него веские основания* (НКРЯ).

Как отмечалось раньше, в семантике причинных высказываний обязательно отражена позиция говорящего. Именно учет позиции говорящего, «тип его участия в конструировании содержательной стороны причинных конструкций, отражение мыслительной деятельности в семантике высказывания приводит к появлению каузальных ситуаций *предметной причины и логической причины (обоснования)*» [Теремова 1985: 36]. Вслед за Р.М. Теремовой в анализируемых контекстах мы, помимо обусловливающего и обусловленного компонентов, можем выделить еще один – модусный компонент (правда, сама Р.М. Теремова называет его модальным). Он является маркером присутствия говорящего в высказывании и не только эксплицирован, но и актуализирован лексическими показателями: ***следовательно, значит***.

Темпы прироста иммигрантов продолжают возрастать. Но ***коль скоро/так как*** *люди туда едут –* ***значит*** *(я делаю вывод, что), незаполненные ниши все-таки существуют, даже если местные власти не хотят этого признавать* (НКРЯ).

А ***коль скоро /так как*** *Южакова убивать было не за что, то,* ***следовательно*** *(я делаю вывод, что), его смерть была для заказчиков не целью, а средством для решения некоей политической задачи* (НКРЯ).

Как видно из контекстов, эти корреляты «несут двойную нагрузку». С одной стороны, иногда ***коль скоро*** может быть не узнан адресатом высказывания, потому что данный союз не часто используется в речи, интерпретировать его бывает сложно. Тогда на помощь приходят корреляты ***значит, следовательно****,* которые часто используются в сочетании с разными средствами связи. Иными словами, по коррелятам адресат «узнает» союз как маркер конструкции обусловленности. С другой стороны, говорящий (автор высказывания) актуализирует для себя и адресата именно причинные отношения (а не условные), маркируя их союзом ***коль скоро*** и коррелятами ***значит, следовательно***.

Итак, мы пришли к выводу, что ***коль скоро*** является многозначным союзом, так как может организовывать и условные, и причинные конструкции. Поскольку условные и причинные отношения семантически близки, то при интерпретации ***коль скоро*** важное значение имеют внутренние факторы, или контекст. Более точно интерпретировать и ограничить семантику данного союза помогают корреляты ***значит, следовательно***. Они, сопровождая базовую единицу ***коль скоро***, конкретизируют семантику высказывания, интенсифицируют, актуализируют значение причинности.

Корреляты ***следовательно, значит*** (как внутренний контекст) выполняют две функции: а) с их помощью говорящий актуализирует для себя и адресата отношения причинной обусловленности в высказываниях с ***коль скоро***, б) для адресата, который не знаком с этой скрепой, корреляты служат экспликаторами отношений обусловленности.

Литература

1. *Бабалова Л.Л.* Условные отношения и условные союзы // Спорные вопросы синтаксиса. М., 1974. С. 166-183.

2. *Белошапкова В.А.* Сложное предложение в современном русском языке (некоторые вопросы теории). М., 1967. 160с.

3. *Белошапкова В.А.* Предложения обусловленности // Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. С. 710-719.
4. *Евтюхин В.Б.* Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий. СПб., 1997. 198 с.
5. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 2. С. 562-577.
6. *Теремова Р.М.* Опыт функционального описания причинных конструкций: Учебное пособие к спецкурсу. Ленинград, 1985. 68с.
7. *Чернышева А.Ю.* Частицы в сложном предложении. Казань,1997. С. 31-35.

ВЫРАВНИВАНИЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ НА УРОВНЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

С.Б. ПОТЕМКИН
Московский государственный университет им. Ломоносова, Россия
prolexprim@gmail.com

Ключевые слова: *машинный перевод, динамическое программирование, армянский язык, рассказы Чехова.*

В данной статье предложена процедура выравнивания параллельных текстов с использованием онлайн переводчика предложений исходного текста. Результат перевода сопоставляется с переводом, выполненным профессиональным переводчиком и эти два перевода выравниваются средствами динамического программирования. Метод был проверен на параллельных корпусах рассказов Чехова в переводах на английский, немецкий, французский, итальянский, португальский и армянский языки. Продолжение работы предполагает фрагментацию предложений на словосочетания и слова.

SERGE POTEMKIN – Alignment of parallel texts at the level of sentences

Key words*: machine translation, dynamic programming, Armenian, Chekhov's stories.*

In the article we propose a procedure for aligning parallel texts using an on-line translator of the source text sentences. The result of the MT is compared with the translation made by a professional translator and these two translations are aligned using dynamic programming procedure. The method was tested on parallel corpora of Chekhov's stories translated into English, German, French, Italian, Portuguese and Armenian. The future work involves the fragmentation of sentences into phrases and words.

ВВЕДЕНИЕ

Параллельные лингвистически значимые тексты имеют важное значение в ряде направлений обработки естественного языка и в лексикографических приложениях, в частности в методе машинного перевода на основе примеров (EBMT) и в системах Памяти переводов (TM). TM ищет наилучшее совпадение между предложениями исходного и целевого текстов и сохраняет пару предложений в памяти машины. При попытке перевести новый текст система TM ищет ближайшее предложение исходного языка (ИЯ) в памяти устройства и выдает параллельное предложение на целевом языке (ЦЯ). Проблема, решение которой имеет существенное значение в этом подходе, заключается в установлении соответствия между единицами текстов на разных языках на уровне предложений, словосочетаний и даже на уровне слов. Было предложено несколько подходов к решению проблемы сопоставления единиц текста на различных уровнях.

П. Браун описал метод, основанный на количестве слов, содержащихся в предложениях, кроме того, рассматриваются некоторые опорные точки и маркеры абзацев. Этот метод был применен к Hansard Corpus с точностью до 96%-97% [Brown 93]. У. Гейл предложил метод, основанный на простой статистической модели длин предложений [Gale 93]. Модель основана на наблюдении, что более длинные предложения на одном языке, как правило, переводятся более длинными последовательностями на другом языке, и обратно. Вероятностная величина присваивается каждой паре предложений, исходя из отношения длин двух предложений и дисперсии этого отношения. Хотя очевидная эффективность алгоритма GaleChurch проверена на разных языках, он сталкивается с проблемами при обработке сложных выравниваний, то есть когда одно предложение исходного текста соответствует нескольким предложе-

ниям целевого текста или наоборот, либо когда несколько предложений переводятся несколькими, но их границы не совпадают.

Следует отметить, что предложенные методы предполагают широкое использование двуязычных словарей для пословно-пооборотного сопоставления предложений ИЯ и ЦЯ [Кедрова 2007]. В то же время для большинства пар языков отсутствуют двуязычные машиночитаемые словари, и даже словари на бумажных носителях. В случае наличия последних перевод словаря в машиночитаемую форму требует значительных трудозатрат и не всегда дает точный результат вследствие ошибок распознавания, редактирования, выверки. Предлагаемый подход основан на использовании многоязычного онлайн переводчика. Такие переводчики выпущены многими ведущими интернет-компаниями, Майкрософт, Яндекс и др. Мы пользуемся переводчиком Гугл, в настоящее время обрабатывающим 79 языков и, соответственно, около 6000 языковых пар. Список языков постоянно расширяется, улучшается также качество перевода. Для нас важно, что слова ИЯ переводятся наиболее частотными эквивалентами ЦЯ. Далее средствами динамического программирования выполняется сопоставление предложений уже одного и того же ЦЯ, а именно предложений перевода, выполненного профессиональным переводчиком и Гугл-перевода, таким образом исключается необходимость использования двуязычных словарей.

АЛГОРИТМ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Соответствие между предложениями исходного и целевого текстов очень часто не является взаимно-однозначным, т.е. одному предложению исходного текста могут соответствовать несколько предложений перевода и наоборот; какие-то предложения и целые абзацы исходного текста могут выпадать в переводе, границы предложений могут не совпадать, т.е. группа слов в переводе переходит в следующее предложение и т.п. Особенно часто отсутствие однозначного соответствия между предложениями и фразами в парах текстов характерно для перевода художественных произведений. При выравнивании на уровне предложений применяются чисто структурные (по длине, числу слов, предложений) и статистические методы (по частотности составляющих слов), которые могут использоваться для языков с небольшой ресурсной базой. Методы выравнивания по длине очень чувствительны к пропускам или вставкам предложений в том смысле, что отдельный пропуск или вставка может приводить к неправильному последующему выравниванию от точки пропуска или вставки до конца текста. Статистические методы также часто дают ошибочные результаты выравнивания, требуя в последующем дорогостоящей ручной проверки и исправления. Для научных текстов часто применяют метод транскрибирования, поскольку многие научные термины происходят из одного источника – греческого, латинского, позднее из английского, немецкого, французского. Сопоставленные таким образом термины служат опорными точками для дальнейшего выравнивания. Использование двуязычных словарей для выравнивания текстов менее распространено, и применялось в основном для специализированных текстов, (англо-французские протоколы канадского парламента, юридические тексты ЕС, спецификации программ и т.п.). Предлагаемый нами метод выравнивания содержит определенные ограничения, а именно (a) порядок предложений в русском и английском текстах совпадает; (b) в ЦЯ нет значительных (более 200 слов) пропусков; (c) длина параллельных текстов не слишком большая – порядка 40 тыс. словоупотреблений.

Прежде всего, необходимо провести разделение текста ИЯ (русский язык) на семантические значимые части, предложения или части предложения, чаще всего разделенные знаками препинания. В качестве разделителей выбраны точка, вопросительный и восклицательный знаки, точка с запятой, двоеточие, многоточие. Из набора разделителей следует исключить точку после сокращений, инициалов и т.п. Разделение на семантически значимые части выполняется также и для текста ЦЯ с некото-

рыми модификациями. В частности, в текстах на армянском языке конец предложения оформляется двоеточием (:)

Затем текст на ЦЯ подается на вход онлайн транслятора в виде отдельных предложений, снабженных порядковыми номерами. В качестве примера взяты предложения из рассказа Чехова «Человек в футляре», переводчик Серго Пайотц.

3 Միրոնոսիցկոյե գյուղի ծայրին, տանուտեր Պրոկոֆիի մարագում կանգ առան գիշերելու ուշացած որսորդները:

В результате Гугл-перевода на ИЯ получено предложение:

В конце <u>села</u> Мироносицкое ближе к вечеру <u>охотники</u> остановились у дома Прокофи.

Соответствующее предложение, текста оригинала выглядит следующим образом:

На самом краю <u>села</u> Мироносицкого, в сарае старосты расположились на ночлег запоздавшие <u>охотники</u>.

Подчеркнуты слова, совпавшие в двух переводах. В небольшом предложении, состоящем из 14 слов обнаружено всего 2 полностью совпадающих слова, однако есть возможность сопоставит лексемы географических названий *Мироносицкое – Мироносицкого* и имен собственных *Прокофи – Прокофия*, вычислив меру Левенштейна близости между ними. Последовательность совпавших слов в двух переводах одинакова. Число совпавших слов в двух вариантах перевода может служить мерой сходства между предложениями и использоваться в алгоритме динамического программирования (ДП).

В результате выравнивания рассказа А.П. Чехова «Человек в футляре» и его перевода на армянский язык в русском тексте были выделены 305 предложений, в армянском тексте –284 предложения, однако в армянском тексте отсутствуют такие знаки конца предложения, как восклицательный и вопросительный знак и точка с запятой, которые приняты как разделители предложений в русском тексте. После выравнивания всех сопоставленных предложений методом динамического программирования остались «пробелы», содержащие пары предложений, объединенных при переводе, напр.:

171. – Ներողություն, սա ի՞նչ բան էր, – հարցրեց նա:

– Позвольте, что же это такое? – спросил он.

Либо, наоборот, одно предложение переводится двумя. Такие ошибки легко исправляются путем анализа лексики. Другой, более трудный для обработки случай – когда несколько предложений (2-3) переводятся 2-3 предложениями, однако их границы не совпадают: «*Эк ведь спит! – вскричала она с негодованием, – и все-то он спит!" <> "My goodness; how he sleeps! - she cried indignantly: And he is always asleep*» *(Русс-Англ).* Во всех подобных случаях приходилось проводить слияние фрагментов.

Фрагмент таблицы, используемой для сопоставления ЦЯ и ИЯ с промежуточным машинным переводом.

ЦЯ	Google - перевод	ИЯ
114. Իսկ Բե՞լիկովը:	114. А Беликов?	А Беликов?
115. Նա Կովալենկոյի մոտ էլ նույն կերպ էր գնում, ինչպես մեզ մոտ:	115. Он пошел к Коваленко так же, как и мы.	Он и к Коваленку ходил так же, как к нам.
116. Գնում նստում էր ու լռում:	116. Он сидел и молчал.	Придет к нему, сядет и молчит.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложена процедура выравнивания параллельных текстов на уровне предложений. В процедуре использована система машинного перевода (Google translation),

позволяющая в отсутствие двуязычного машиночитаемого словаря выполнить перевод исходного / целевого текста по предложениям и затем сопоставлять этот перевод с предложениями целевого / исходного текста. В качестве меры близости между предложениями можно использовать число совпадающих или близких по написанию слов, не прибегая к морфологическому анализу словоформ. Процедура динамического программирования находит оптимальный путь (в смысле наибольшего числа совпавших слов) от начала текстов до их конца. При этом сопоставленными оказываются 85% всех предложений. Оставшиеся пробелы вызваны, как правило, переводом одного предложения – двумя или более, либо обратно – два или более предложения ИЯ переведены одним предложением ЦЯ. В этих случаях производится слияние указанных сегментов.

Литература

1. *Кедрова Г.Е., Потемкин С.Б.* Использование корпуса параллельных текстов для пополнения специализированного двуязычного словаря // Труды и материалы III Международного Конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 20-23 марта 2007):. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 27-628. http://www.isi.edu/naturallanguage/download/hansard/ (дата обращения: 22.04.2012).

2. *P.F. Brown, V.J. Della Pietra, S.A. Della Pietra, R.L. Mercer.* The mathematics of statistical machine translation: parameter estimation // Computational Linguistics. 1993. Vol. 19(2).

3. *Gale W.A., Kenneth W.C.* A Program for Aligning Sentences in Bilingual Corpora // Computational Linguistics. 1993. Vol. 9(1).

ОБ ОДНОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ СПОСОБЕ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ (ЧАСТИЦА *ТАК И* + ГЛАГОЛ)

И.Г. РОДИОНОВА

Пензенский государственный университет, Россия

Inessa96@bk.ru

Ключевые слова: *аналитизм, частица, глагол, аналитическая синтаксическая конструкция, значение уверенного и вызывающего отрицания.*

Рассматривается аналитическая синтаксическая конструкция, представленная сочетанием частицы *таки* с глаголом, выражающая уверенное и вызывающее отрицание. Отмечаются контекстные средства усиления значения конструкции. Обращается внимание на грамматические и семантические свойства глаголов в составе конструкции. Функционирование конструкции рассматривается как проявление аналитических тенденций в грамматическом строе современного русского языка.

INESSA RODIONOVA – About one analytical method of expressing negation (particle *taki* + verb)

Key words: *analyticism, particle, verb, analytical syntactic construction, meaning of sure and defiant negation.*

The analytic syntactic construction, represented by a combination of a particle *taki* with a verb, expressing a sure and defiant negation, is considered. The contextual means of strengthening the value of the structure are noted. Attention is paid to the grammatical and semantic properties of the verbs in the structure. The functioning of the structure is considered as a manifestation of analytical tendencies in the grammatical structure of the modern Russian language.

Русский язык традиционно относится к языкам синтетического строя. Однако ученые говорят об усилении в его грамматической системе аналитических тенденций: «В современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому, и как в лексике слова перерастают в идиомы и фразы, так и в грамматике слово может обрастать сложными, аналитическими формами, своего рода грамматическими идиоматизмами» [Виноградов 1972: 36]. Эти «грамматические идиоматизмы» представлены аналитическими формами и аналитическими конструкциями. По убеждению П.А. Леканта, «следует выделять, определять и исследовать аналитические синтаксические конструкции, аналитические предикативные формы. Эти аналитические структуры обязательно включают формальные (служебные) компоненты и реализуются только в предложении» [Лекант 2013: 4].

Причина образования и функционирования аналитических конструкций состоит в стремлении говорящего передать тончайшие оттенки значения – такие, которые не могут быть выражены синтетическими средствами языка. Из всех служебных частей речи наиболее активно участвуют в образовании аналитических конструкций частицы. Сочетаясь с глаголами, они «оттеняют» (по А.А. Шахматову) значения последних. «Предикативные средства предложения при активном участии частиц расширяют и дифференцируют модальные оттенки и значения», – считает П.А. Лекант [Лекант 2011: 24]. По словам Н.Ю. Шведовой, «…многие частицы в своем употреблении связаны с конструкциями разных типов. Функционируя в составе того или иного построения, частица выполняет в нем роль синтаксического форманта, участвующего в образовании предложения или сказуемого с данным, конкретным модальным значением» [Шведова 2003: 18].

Одной из частиц, активно участвующих в образовании аналитических конструкций, является частица *так и*. Н.Ю. Шведова отмечает: «Сложная частица *та́к и* в современном русском языке функционирует в глагольных построениях с тремя совершенно различными значениями: 1) интенсивно и полно выявляющегося предикативного признака (*Дождь так и хлещет*), 2) признака завершения или выявления предшествующего состояния (*Постель так и стояла неубранной*; *Уеду, так и не узнаю ничего*) и 3) уверенного и вызывающего отрицания (*Так и испугались тебя!*)» [Там же: 124].

Настоящая работа посвящена рассмотрению аналитической синтаксической конструкции «*так и* + глагол» со значением «уверенного и вызывающего отрицания» (по Н.Ю. Шведовой).

Уверенное и вызывающее отрицание проявляется в отказе говорящего подчиниться воздействию собеседника и выполнить действия, предложенные или ожидаемые собеседником: – *Оля, открывай! Это я, Ира! – сообщили из-за двери. Я от такой наглости чуть не села. Ага, нашли дурочку,* ***так*** *я* ***и открыла****!* (А. Жвалевский, Е. Пастернак) – говорящий отказывается выполнить действие, предложенное собеседником, – открыть дверь;– *Я и так сообщу вам фамилию, место работы, адрес. –* ***Так*** *я вам* ***и поверил****!* (С. Довлатов) – собеседник ожидает, что говорящий поверит сказанному, однако говорящий отказывается это делать.«Говорящий, занимающий противоположную позицию по отношению к позиции собеседника, не заинтересован в выполнении действия, о котором говорит собеседник», – отмечает Я.В. Боргер, характеризуя концепцию говорящего в речевом акте отказа [Боргер 2004: 13].

Значение уверенного и вызывающего отрицания в рассматриваемой конструкции передается без участия специальных лексем: в высказываниях отсутствуют отрицательные местоимения и наречия, нет отрицательной частицы *не*, не представлено слово*нет*, то есть формально частица *так и* с глаголом называет не отрицание, а утверждение, по форме высказывание является утвердительным. Однако смысл таких предложений оказывается противоположным, обратным тому, который передается глаголом. По словам А.Н. Гвоздева, это «выражения бытового языка, произносимые с иронической интонацией и обозначающие отказ, противодействие, несмотря на то, что внешне они выражают утвердительные заявления» [Гвоздев 1952: 198]: *Ладно!* ***Так*** *я тебе* ***и поверил****! Меня, брат,не надуешь!* (Л. Чарская) – аналитическая синтаксическая конструкция *так и поверил* имеет противоположное значение – ‘неповерил’; – ***Так*** *он тебе* ***и покажется****, – говорит старик, – он под ольхой в ямине прячется* (Ф. Искандер)– аналитическая синтаксическая конструкция *так и покажется* имеет значение ‘непокажется’.

Использование в составе аналитической конструкции глагола в значении, противоположном тому, которое передается самим глаголом, повышает эмоционально-экспрессивный потенциал высказывания, вносит в него элемент насмешки, иронии,

вызывающей уверенности, что в контексте может подкрепляться лексико-фразеологическими средствами:

1) экспрессивно окрашенными глаголами, сопровождающими прямую речь суверенным и вызывающим отрицанием: – *И даже не намекнул, каким компроматом располагает?* – ***Так*** *я вам* ***и скажу***, – ***ощетинилась*** *вдовица* (Т. Полякова);

2) оценочными наречиями, определяющими глаголы в словах автора:– ***Так*** *я тебе* ***и поверил***, – ***нахально*** *ответил парень* (Т. Полякова);

3) междометиями в составе высказывания с уверенным и вызывающим отрицанием: *Я перевожу вопросы и ответы, а Петр записывает, кивает головой, мол,* ***ну-ну***, ***так*** *я вам* ***и поверил*** (М. Шишкин);

4) фразеологизмами в составе высказывания с уверенным и вызывающим отрицанием (*держи карман шире!* (*держи карман!*); *нашел дурака* (*простака* и под.) и др.: [Крутицкий] *Подай, подай! Все ли тут?* [Елеся] ***Так и отдал***, ***держи карман шире***! (А. Островский);***Так*** *я за тебя* ***и пошла замуж***, ***держи карман шире***! (М. Шолохов);***Так тебе и позволили*** *печатать* – ***держи карман***! (М. Салтыков-Щедрин); ***Нашли дурака***! ***Так*** *он вам* ***и покажет***, *где сидит!* (П. Бажов); ***Нашли простачка***, ***так*** *я вам* ***и доложил***! (Е. Топорков).

Максимальная степень эмоциональности и экспрессивности достигается при одновременном использовании в высказывании нескольких средств усиления значения уверенного и вызывающего отрицания: – *Ври больше,* ***так*** *я тебе* ***и поверил***, – ***во все горло расхохотался*** *Андрей,* – ***держи карман шире***, ***нашла дурака*** (Л. Чарская).

Рассматриваемая аналитическая синтаксическая конструкция в силу своего эмоционально-экспрессивного характера употребляется в разговорной речи.

В устной речи семантика уверенного и вызывающего отрицания в высказывании поддерживается соответствующей интонацией, которая на письме обычно оформляется с помощью восклицательного знака: *Дюже вам снилась наша скотинка,* ***так*** *я тебе* ***и поверил***! (М. Шолохов); – *Хотят взять нашу «Динору» баркасом!* – ***Так*** *я им* ***и дал***!.. ***Так*** *я их* ***иподпущу***! (К. Станюкович); ***Так*** *я ему* ***и поверил***, *что облако – это туман!* (Н. Носов).

Предложения с анализируемой аналитической конструкцией могут быть вопросительными по цели высказывания. «При вопросе такое построение обозначает не уверенное отрицание, а ироническое сомнение, подчеркнутое недоверие», – отмечает Н.Ю. Шведова [Шведова 2003: 128]: *Что ты вскочил,* ***так*** *я тебе* ***и поверю***, *что это ты подсказал, а не я сам вспомнил?* (Ф. Достоевский); *Что же ты думаешь, я* ***так*** *тебе* ***и поверил***? (Н. Островский); *Ты думаешь, я* ***так*** *тебе* ***и прощу***? (В. Крестовский).

В составе аналитической конструкции, называющей уверенное и вызывающее отрицание, используются только глаголы совершенного вида, обозначающие действия, имеющие предел. Таким образом, отрицается не протекание действия, а его результат: – ***Так*** *тебе* ***и поверят***, *что ты в Африке на лыжах разъезжал, – засмеялась Настенька* (В. Постников).

Материал показал, что в составе аналитической конструкции употребляются глаголы в форме прошедшего и будущего времени: – *Да что вы! – воскликнул я. – Я о ней давно забыл!* – ***Так*** *я* ***и поверил***, – *заметил он скептически* (Ф. Искандер); – *Точно, – обрадовался он, но я его радости не разделила.* – ***Так*** *я вам* ***и поверю*** (Т. Полякова). На наш взгляд, в большей степени экспрессивность проявляется в формах прошедшего времени, поскольку в них не только лексическое значение противоположно тому, которое представлено в глаголе, но и грамматическое значение времени является относительным, не прямым: глагол в форме прошедшего времени называет действие, относящееся к плану настоящего или будущего. П.А. Лекант говорит о вы-

падении «данной формы сказуемого из модально-временной парадигмы» [Лекант 2004: 65].

Глаголы в форме настоящего времени в составе аналитической конструкции не употребляются в силу совершенного вида глаголов.

Высоким эмоционально-экспрессивным потенциалом обладает аналитическая конструкция с глаголом в форме повелительного наклонения: – *Что еще за тайна?! –* ***Так тебе и скажи****! – высокомерно ответил Цаплин* (Г. Галахова).

Частица *так и*в рассматриваемой аналитической конструкции всегда находится в препозиции по отношению к глаголу, ее компоненты обычно отделены друг от друга другими словами: *Мало ли войсков наших идет.* ***Так*** *его* ***ипустили****! На то начальство* (Л. Толстой). Реже частица с глаголом представляет собой единое, нерасчлененное образование: – *Фью! – засвистел Генка. –* ***Так и пустит*** *их графиня в усадьбу!* (А. Рыбаков).

Отметим, что с помощью аналитической синтаксической конструкции с частицей *так и*обычно отрицается действие говорящего, грамматическим подтверждением чего является местоимение *я* в роли подлежащего: – *В какой больнице? – уже раздраженно спросил Костлявый. –* ***Так я*** *вам* ***и сказал****, – отозвался Рэдрик* (А. и Б. Стругацкие). Реже отрицаемое действие касается 3-го лица; рассказчик уверен в том, что 3-е лицо выразит несогласие с чем-либо, и эмоционально сообщает об этом: *Попробуйте, скажите Игорю, что это все мелочи жизни, чепуха, что жизнь длинная и еще много всякого будет в ней, –* ***такон*** *вам* ***и поверит****, как же* (С. Соловейчик).

Аналитические конструкции, называющие действия собеседника, не зафиксированы.

Рассматриваемая аналитическая конструкция активно употребляется в неопределенно-личных предложениях, в которых акцентируется внимание не на субъекте действия-отказа, а на самом действии: ***Так*** *тебе* ***и разрешат*** *держать в камере примус!* (И. Ильф, Е. Петров); – *А если ты не выкопаешь от сих пор до сих пор, я твой обед вылью в помои. –* ***Так тебе и дадут*** *вылить!* (А. Макаренко).

Обращает внимание частое употребление в составе аналитической конструкции глаголов *сказать* (*сказал*, *скажу*) и *поверить* (*поверил*, *поверю*). Данный факт можно объяснить тем, что в коммуникативных ситуациях, включающих аналитическую синтаксическую конструкцию с частицей *так и* со значением уверенного и вызывающего отрицания, собеседник либо ожидает вербальную реакцию говорящего на побуждение или вопрос (чем обусловлена частота глагола *сказать*), либо сообщает о фактах, в реальность которых говорящий должен поверить или воспринять их как должное, само собой разумеющееся (чем обусловлено использование глагола *поверить*): – *О чем это вы там могли беседовать? «****Так*** *я тебе* ***и сказала****!» – подумала Тося* (И. Пивоварова); *Туда же, золота захотел!.. Ха-ха…* ***Так*** *я ему* ***и сказал****, где оно спрятано* (Д. Мамин-Сибиряк); – *Я совершенно не хочу замуж. –* ***Так*** *я тебе* ***и поверю****, замуж все хотят* (Т. Полякова).– *Вы зря старались. Кинжал в прокуратуре. – Да бросьте вы!* ***Так*** *я* ***и поверю****, что вы отдали его, зная, сколько он стоит* (Т. Полякова); – *Я полгода его не видел и никаких сведений не имел – до вашего появления. –* ***Так*** *я вам* ***и поверил****! Ведь это вы внесли за него залог!* (Б. Акунин).

Предложение с уверенным и вызывающим отрицанием может не произноситься говорящим вслух, а составлять его внутреннюю речь в том случае, если говорящий не ставит целью сообщить собеседнику свой отказ подчиниться его воздействию. В подобных высказываниях используются глаголы *думать*, *подумать* и под. в составе слов автора: *Матрешка усомнилась… «****Так и поверила*** *тебе, –* ***думала*** *она, делая глупое лицо: – нашла дуру»* (Д. Мамин-Сибиряк); *Я ничего не ответил и* ***подумал*** *только: «Как же, жди!* ***Так*** *я тебе* ***и скажу****, когда буду стрелять»* (В. Беляев); ***Так*** *я тебе* ***и сказал****,* ***подума****л Роберт* (Б. Акунин).

Таким образом, с помощью аналитической синтаксической конструкции, представленной сочетанием частицы *так и* с глаголом, говорящий выражает уверенное и вызывающее отрицание – отказ подчиниться воле другого лица. Семантика уверенного и вызывающего отрицания в контексте усиливается лексико-фразеологическими средствами, в устной речи она поддерживается соответствующей интонацией. В составе аналитической конструкции используются только глаголы совершенного вида в форме прошедшего и будущего времени, которые чаще выражают действие говорящего. Названная аналитическая синтаксическая конструкция позволяет говорящему выразить такие оттенки высказывания, которые невозможно передать синтетическими средствами. Все это отражает усиливающиеся в грамматическом строе современного русского языка тенденции к аналитизму.

Литература

1. *Боргер Я.В.* Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений): автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 21 с.

2. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.

3. *Гвоздев А.Н.* Очерки по стилистике русского языка. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1952. 336 с.

4. *Лекант П.А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке :Учеб.пособие. 3-е изд., испр. и дополн. М.: Высш. шк., 2004. 247 с.

5. *Лекант П.А.* Аналитизм в категории русских частиц // Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.evestnik-mgou.ru, 2013. №1. С. 1-8.

6. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Азбуковник, 2003. 378 с.

О СОПОСТАВЛЕНИИ ТЕКСТА И ДИСКУРСА В СТРУКТУРЕ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.А. РУДЕНКО
Международный университет Евразия
г. Ереван, Республика Армения
aden58@mail.ru

Ключевые слова: *дискурсивная компетенция, речевая деятельность, дискурс, текст, лингвистическая единица, коммуникативная единица.*

В статье говорится о роли текста и дискурса в развитии дискурсивной компетенции. Представлены различные подходы к понятиям “текст” и “дискурс”, сопоставлены эти два понятия, определена позиция автора к данным понятиям.

ALLA RUDENKO – To Comparison Of The Text And The Discourse In Structure Speech Activity

Key words: *discussional, competence, text, lingustic unit.*

In the article it is spoken about the role of the text and discourse in the discoursonal competence development. Scientific approuch to the notions “text” and “discourse” is represented in the article, these two notions are matched, the author’s positions to these notions is indicated.

В современном обществе заметно повысилась социальная роль образования, утвердились новые цели, изменились ценностные ориентиры, приоритет отдается развитию творческих способностей личности.

Все это определило важность овладения практическими навыками, важным стало преодоление языкового барьера, расширились границы и возможности для межличностного взаимодействия и интеграции в европейское образовательное пространство.

Основой же для межличностного взаимодействия является речевая деятельность. Язык является главным звеном в построении общения, средством формирования отношений в обществе.

Успешная деятельность и взаимопонимание между людьми связаны с речемыслительной (дискурсивной) деятельностью и непосредственно зависят от уровня сформированности межкультурной компетенции.

Решение данной проблемы видится в развитии навыков и умений дискурсивной компетенции. По нашему убеждению, учебный процесс должен строиться с учетом

того, что главной составляющей обучения сегодня является формирование дискурсивной компетенции, включающей в себя познавательную и информационно-коммуникативную деятельность.

Ориентация на овладение коммуникативными навыками способствовала определенным изменениям в области лингвистики, языкознания и методики преподавания иностранных языков.

В связи с этим в современном языкознании возникла новая лингвистическая единица – дискурс. Новые направления в лингвистике рассматривают язык с позиции формирования профессиональных компетенций, развития коммуникативных навыков.

Ученых последнее время интересует не столько структура языка, сколько его прагматическая направленность. В центре внимания многих специалистов сегодня находится исследование языкового общения и в связи с этим – соотношение текста и дискурса. Ученые сопоставляют эти два понятия, определяют их значения, стараются разграничить их роль и функции.

Изучая эти подходы, мы заметили неоднозначное отношение к пониманию статуса текста и дискурса. Часто можно встретить определение дискурса через понятие «текст».

Понятие «текст» рассматривалось разными учеными, представителями разных школ. Рассматривая и изучая различные направления и подходы ученых к определению понятия «текста», мы согласны с тем выводом, что текст является продуктом речевой деятельности, а главным качеством текста является его смысловое значение. Текст – это уже оформленная, логически строго построенная структура с учетом всех грамматических, синтаксических, стилистических особенностей, которым он должен соответствовать. Текст отличается строгой завершенностью, ему присуща смысловая законченность изложения. Нам ближе позиция, которая рассматривает текст как результат коммуникативной деятельности, который выполняет несколько функций, имеет определенную структуру и признаки. Являясь результатом деятельности, текст содержит в себе определенную информацию, в нем находят отражение сведения о действительности, отношение к ней, он рассчитан на коммуниканта, способен сформировать отношение к изложенному. Мы придерживаемся той же точки зрения, что тексту свойственны определенные признаки. Он отличается завершенностью изложения, цельностью, имеет определенную целевую направленность. Текст строится по определенной модели и представляет собой сложный знак, продукт речевой деятельности, единую коммуникативную структуру.

Во трудах многих ученых текст представлен как отдельная лингвистическая единица, передающая и хранящая информацию, содержащая свидетельства человеческой мысли и культуры, полет фантазий и творческих возможностей. Это копилка и хранение традиций и жизненного опыта и, самое важное, текст является средством коммуникации.

Обращаясь к позиции ученых относительно места текста в коммуникативной деятельности человека, можно сказать, что понятие «текст» часто определяется как единица общения, коммуникативная единица, представляющая следующую цепочку: слово-высказывание-текст. При таком рассмотрении текст выступает как целостная система, представляющая замкнутую коммуникативную структуру.

Известный лингвист И.Р. Гальперин считает, что «текст – это произведение речетворческого процесса», представляющее собой законченный и обработанный вид письменного документа, в котором соблюдены все грамматические, синтаксические и лексические связи и который имеет прагматические цели. Это определенное законченное сообщение, вид речетворчества, имеющий свои отличительные особенности» [Гальперин 2007: 18].

Текст представляет собой речемыслительную деятельность субъектов, что составляет цепочку: автор-текст-читатель. В этом отражается двунаправленность текста. Отметим здесь, что еще не определен единый критерий типологизации текста. Позиции ученых в отношении классификации текста разные. Последний рассматривается и как информационное пространство, и как речевое произведение, и последовательность вербальных знаков, и как коммуникативная единица. Являясь произведением речи, текст состоит из высказываний, межфразовых единств.

Что касается термина и понятия «дискурс», то отметим здесь, что в ранних трудах ученых он трактовался как речь, так как в английском и французских языках выступал в значении «речь», «беседа», но при этом учитывалась и устная форма.

Сегодня дискурс находится в центре внимания многих наук, таких как лингвистика, психология, философия, социология, семиотика, этнология. Каждая из наук посвоему объясняет и понимает термин «дискурс».

Определение данного понятия допускает много трактовок и интерпретаций. При рассмотрении текста и дискурса с позиции ситуации, эти два понятия противопоставляют друг другу. Дискурс предлагается рассматривать как «текст плюс ситуация». Он также определяется как единство текста и ситуации, а текст как дискурс без ситуации, как «формальная, функциональная, ситуативная интерпретация» [Макаров 2003: 85-86].

Дискурс не является примитивной структурой, это единая организованная система единиц языка. Дискурс отличается функциональностью, процессуальностью, динамичностью, актуальностью, его структура выше уровня предложения. Текст же определяется как продукт, его отличает статичность и виртуальность.

В научной литературе ставится вопрос о возможностях дискурса, о его связи с текстом, о взаимовлиянии их друг на друга, о возможности выхода в «межтекстовое пространство».

В исследованиях ученых роль дискурса видится в его способности от одного законченного текста перейти к другим текстам. Дискурс представляет собой интерактивное единство высказываний, где раскрывается его содержание. В.Е. Чернявская в своей работе «Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы» говорит о том, что благодаря этой своей способности текст воспринимается по-иному, он «открыт в межтекстовое пространство», где дискурс объединяет собой несколько высказываний в единое целое [Чернявская 2014: 57].

Дискурс рассматривается как необходимое звено коммуникативной ситуации, в создании которой важную роль играют ситуационные модели, которые являются базой текста и определяют жанр дискурса. Эти ситуационные модели способствуют определению прагматической направленности дискурса и являются основой для лучшего понимания дискурса.

Ван Дейк считает, что текст осмысливается, когда понятна ситуация, и в качестве основного типа знаний выделяет «модель ситуации» [ван Дейк 2000: 95, 121, 123].

Дискурс рассматривают как когнитивный процесс, речевую деятельность, и он противопоставлен тексту как законченному произведению.

В научной литературе дискурс характеризуется как новая сущность, обладающая определенными знаниями о языке, это вид речевой деятельности, в которой может принимать участие разное количество лиц и которая строится с помощью определенных средств языка как новая реальность, влияющая на участников и формирующая свой особый мир.

Главными чертами дискурса считают целостность и связность. Целостность выражается в смысловой связанности его компонетов. А связность выражается в дискурсивной континуальности.

Отличие дискурса и текста определяется тем, что они противопоставляются друг другу как деятельность, процесс и результат. Дискурсу присуща устная форма речевой деятельности, а текст как результат больше тяготеет к письменной форме изложения информации.

Понятие же «дискурс» в научной литературе тоже неоднозначно. С появлением многих публикаций и новых исследований в этой области определение дискура менялось, уточнялось, дополнялось новыми подходами. В современной лингвистике термин «дискурс» близок понятию «текст». Это и тип высказываний, объедененных одним смыслом, и произведение устного и письменного характера, определенная структура, которой свойствена своя грамматическая категория.

Нам близок подход, который определяет текст как статический объект, а дискурс как подвижную и переменчивую, интерактивную структуру. Дискурс представляет собой процесс, он проявляется во всей своей динамике. Это процесс, отраженный в социальном контексте.

Рассматривая различные точки зрения на термины и понятия «текст» и «дискурс», мы приходим к выводу, что данный вопрос пока находится на стадии исследования. Доказательством служит то, что в гуманитарных науках еще нет четкого и однозначного определения этим понятиям. Существование такого разнообразия определений объясняется как сложностью проблемы, так и вопросами, связанными с историей развития данной отрасли науки.

Мы придерживаемся такой точки зрения, что, действительно, сложно классифицировать эти понятия. В некоторых аспектах их можно разграничить. Оба имеют схожую структуру. Их объединяет логичность построения высказывания, цельность, связность частей.

Нам близка та позиция, которая считает, что дискурс отличается спонтанностью, что он рассчитан на аудиторию и воздействует на нее, ограничен во времени, в нем используются и вербальные, и невербальные средства. Дискурс, как нам представляется, правильнее соотносить с процессом и результатом, он связан с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения. Дискурсом мы вслед за рядом исследователей считаем все то, что создается в момент говорения.

Для определения дискурса мы опираемся на дефиницию Н.Д.Арутюновой и считаем, что дискурс есть социальное действие, которое связано с коммуникативным процессом индивидов. Это «текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова 1990: 136-137].

Рассматривая в статье понятия «дискурс» и «текст», мы приходим к выводу, что дискурс и текст есть взаимосвязанные структуры, которые дополняют друг друга, взаимовлияют друг на друга, связаны едиными целями, выполняют одинаковые функции и способствуют развитию и формированию дискурсивной компетенции.

Литература

1. *Арутюнова* Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.

2. *Валгина* Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.

3. *Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

4. *Гальперин* И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 144 с.

5. *Кобякова* Н.Л. О коммуникативной сущности текста и стандартных формах реферирования во французском языке // Язык и коммуникация в контексте образования и культуры: Сб. науч. трудов. М.: Московский гуманитарный педагогический институт, 2010. 94-103 с.

6. *Кубрякова* Е.С. В поисках сущности языка. М.: Яск Знак, 2012. 124-125 с.

7. *Макаров* М.Л**.** Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

8. *Чернявская* В.Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (038) 2014. 57 с.

ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ ОЦЕНКА ПОЛИТИКА В МАССОВЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Н.Б. РУЖЕНЦЕВА
Уральский Государственный педагогический университет, Россия
verbalis@mail.ru
Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-012-00465\19

Ключевые слова: *лингвоперсонология, политический портрет, коммуникативная тональность, оценка, печатные СМИ.*

Целью статьи является исследование оценки в текстах политических портретов, созданных журналистами и опубликованных в массовых российских печатных СМИ. Используя в качестве материала заголовочные комплексы публикаций, автор статьи делает попытку выявления оценочной составляющей журналистских текстов с опорой на категорию коммуникативной тональности (В.И. Карасик). Текстовый материал свидетельствует о том, что информативная и идеологическая тональность соотносятся с прямой оценкой политика, выражаемой, как правило, лексическими и тропеическими средствами, а шутливая – с косвенной оценкой, репрезентируемой нетропеическими приемами журналистского письма.

NATALYA RUZHENTSEVA – Direct and indirect evaluation of a politician in printed mass-media
Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project № 19-012-00465\19

Key words: *lingvopersonology, political portrait, communicative key, evaluation, printed mass-media*

The purpose of the article is to study the evaluation in the texts of political portraits created by the journalists and published in printed Russian mass-media. The author of the article makes an attempt to reveal the evaluative component of the journalist texts with the basis on the category of communicative key. The title complexes of the articles are used as the material for analysis. Speech data indicates that informative and ideological keys correlate with the direct evaluation of a politician, and this evaluation is mainly expressed by lexical and trope means. Humorous key correlates with the indirect evaluation of a politician, and it is represented by the non-trope means of journalism.

Прагматическая функция оценки в СМИ касается прежде всего сферы субъектно-адресатного взаимодействия, ср.: «Субъект, выражая свое отношение к какому-либо явлению, осознанно или неосознанно пытается вызвать адекватное отношение у адресата» [Платонова. Виноградов 1998: 257]. Сказанное в полной мере относится и к такому жанру медиаполитического дискурса, как политический портрет, изучением которого занимается политическая лингвоперсонология. Традиционно под последней понимается научное направление, которое ориентировано на исследование проявлений языковой личности политика. Материалом разноаспектного исследования языковой личности, в том числе ее оценочной составляющей, чаще всего служат высказывания федеральных и региональных политиков, размещенные в СМИ (преимущественно в форме политического интервью). Подчеркнем, что в этом случае дается научная интерпретация именно языковой личности политика (речевого автопортрета), чьи высказывания, в большей или меньшей степени приближенные к его устной речи, зафиксированы журналистами для печатных или электронных СМИ.

Так, В.Н. Суздальцевой разработана методика лексикологического исследования положительного и отрицательного типа личности политика [Суздальцева 2012]. Л.В. Матвеева и М.Д. Замская для построения профилей «идеального» и «плохого» политиков предлагают метод профилирования: «Образ «плохого» политика формируют с позиций «плохой-хороший» человек. Образ же «хорошего» политика строится именно с позиций лидерства (качеств, присущих лидеру)» [Матвеева, Замская 2012: 333]. Достаточно продуктивными методами исследования оценки политика являются анализ ключевых слов и метафорических моделей [Соломатов 2005, Башкатова 2010].

В связи с набирающими популярность в настоящее время аксиологическими исследованиями хотелось бы привести схему аксиологического портрета политика, разработанную Э.В. Будаевым и А.В. Грощевой. Указанная схема предполагает множественное исследование оценки политика. Это «оценка рейтинга и шансов на победу; этическая оценка; интеллектуальная оценка; эстетическая оценка; утилитарная

оценка; нормативная оценка; телеологическая оценка; оценка профессионализма; оценка политического статуса» [Грошева, Будаев 2017: 49].

В свою очередь, целью данной статьи является исследование оценки в текстах политических портретов, созданных журналистами и размещенных в российских печатных массовых СМИ (АИФ, МК, «Экспресс-газета», «Комсомольская правда» и др.). С нашей точки зрения, именно в портретах наиболее полно реализуются все основные функции СМИ: фактуальная, концептуальная, комментарийная, оценочная и развлекательная. Исследователь же анализирует не столько языковую личность политика, сколько интерпретацию СМИ его полиинформативного образа. К корпусу информации о политике относятся биографическая информация, сведения о достижениях/ неудачах в области политики и экономики, о позитивном/негативном вкладе в развитие государства, о личной жизни и др. Все это получает текстовую организацию в рамках частичного (одностороннего) или полного политического портрета. Примером анализа журналистских текстов может служить исследование этической оценки в языке, связанное с продвижением региональных политиков и сделанное рядом ученых на материале красноярских СМИ [Ермаков, Ким, Михайлова, Осетрова, Суховольский 2004]. Эти ученые выделяют 3 основные группы приемов введения прямой и косвенной оценки высказывания с целью языковой манипуляции. К ним относятся: «1. Использование прагматических и стилистических аспектов высказывания и текста. 2. Прямая оценочная номинация. 3. Использование высказываний с событийной семантикой» [Там же: 378].

Со своей стороны мы попытаемся выявить оценочную составляющую журналистских текстов с опорой на категорию тональности. В литературоведении категория тональности соотносима с видами пафоса (героикой, трагизмом, иронией, сентиментальностью и рядом смежных проявлений авторской эмоциональности). С лингвистической точки зрения оптимальной, как мы считаем, является опора на введенное В.И. Карасиком понятие «коммуникативная тональность»: «Стилистика дискурса соответствует его основной тональности, т.е. эмоционально-стилевому модусу общения. Соответственно, в каждом из этих типов общения проявляется личность, ведущая себя определенным образом» [Карасик 2016: 64]. В.И. Карасик выделяет следующие типы коммуникативной тональности: информативную, фатическую, статусную, шутливую, торжественную, идеологическую, фасцинативную, гипотетическую, агрессивную, эзотерическую, менторскую и ряд других [Карасик, 2009]. Попытаемся охарактеризовать коммуникативную тональность политических портретов, используя в качестве материала заголовочные комплексы текстов о российских и западных политиках.

Под заголовочным комплексом (ЗК) традиционно понимается «многокомпонентная система, включающая тематическое название полосы, рубрику, собственно заголовок, подзаголовок, внутренние заголовки (главки), шапку, лид, предтексты, вставки, подписи к фотографиям, а иногда и подпись» [Прохорова 2005: 14-15]. Анализ заголовочных комплексов указанных выше газет позволяет, с нашей точки зрения, говорить о том, что тональность политических портретов, опубликованных в массовых российских СМИ, является комплексной – это либо сочетание информативной и идеологической тональностей, либо сочетание данных тональностей с тональностью шутливой. Вслед за В.И. Карасиком под идеологической тональностью мы понимаем «серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим или чужим», под информативной тональностью – «серьезное, нейтрально-эмоциональное общение, целью которого является взаимное или одностороннее информирование или реакция на него», а под шутливой тональностью – «несерьезное сниженное эмоциональное общение, целью которого является сокращение дистанции между коммуникантами» [Карасик 2016: 64-

65]. В свою очередь, указанные тональности соотносятся с авторской оценкой того или иного политического деятеля.

Заметим также, что «несерьезное сниженное эмоциональное общение» автора-журналиста с читателем может расцениваться и как юмор (сводимый в самом общем виде к шутке), и как ирония (сводимая к насмешке). Для репрезентации иронии и юмора в политическом портрете авторы используют как традиционные лексические, синтаксические и тропеические приемы организации текста, так и нетропеические приемы журналистского письма. Приведем в сокращении ряд заголовочных комплексов с небольшими комментариями (иронические и юмористические части ЗК выделены заглавными буквами).

1. Позитивная оценка (информативная и идеологическая тональность)

Рубрика: *История*

Заголовок: *Косыгин. Спасение СССР*

Подзаголовок: *Сын токаря, занимавшийся ширпотребом, провел главную операцию войны*

Внутренние заголовки: *Глас народа / Король ширпотреба/ Блокадный хлеб/ Переиграть рейх* (АИФ № 8, 2019).

Эффект позитивной оценки достигается в данном заголовочном комплексе преимущественно на лексическом уровне – по отношению к политическому деятелю автор использует позитивно окрашенную лексику (*спасение СССР, главная операция войны, глас народа, переиграть рейх*).

2. Негативная оценка (информативная и идеологическая тональность)

Рубрика: *Владыки без масок*

Предтекст: *Передача Крыма – лишь малая часть глупостей и преступлений Никиты Сергеевича. Николай Стариков*

Заголовок: *В развале СССР виноват Хрущев*

Внутренние заголовки: *Золотой рубль/Бумажный доллар*

Вставка-1: *Указ Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из состава СССР в состав УССР*

Вставка-2: *Имей в виду/Передача Крыма Украине в 1954 году была незаконной, так как нарушала Конституцию СССР, - говорится в официальном ответе Генпрокуратуры РФ от 27 июня 2015 года на запрос лидера партии «Справедливая Россия» Сергея Миронова*.

Подпись под фотографией Н.С. Хрущева-1: *Вот что они там пили в Политбюро, когда передавали русский полуостров Украине?!*

Подпись под фотографией Н.С. Хрущева-2: *Сразу ясно, кто самый непопулярный политик в Крыму* (Экспресс-газета № 7 (1252), 2019).

Эффект негативной оценки достигается в данном заголовочном комплексе посредством использования негативно-оценочной лексики и негативно-оценочных суждений (*В развале СССР виноват Хрущев; глупости и преступления Никиты Сергеевича; самый непопулярный политик в Крыму и др.*).

3. Позитивная оценка (смешанная информативная, идеологическая и шутливая тональность – юмор).

Рубрика: *Персона*

Заголовок: *ГЕТМАН ВОВА*

Подзаголовок: *Владимир Винокур: «Зеленскому – дай Бог, он взвалил на себя непосильную ношу»*

Внутренние заголовки: *«БЫВАЮТ ЖЕ УМНЫЕ КЛОУНЫ»/ «Еврею говорить об убийце положительно – это преступление» / «Я на такую Украину не поеду»/ «ВОВА НЕ ПРОСТОЙ, КАК И ВСЕ ВОВЫ»* (МК. РРЕ 1-8 мая 2019)

В данном заголовочном комплексе реализуется, скорее, юмористический, нежели иронический эффект. Он достигается тропеическим приемом – оксюмороном *умные клоуны* и нетропеическими приемами. К последним относятся, с одной стороны, ассоциативные связи слова *гетман* (отсылки к таким крупным историческим и политическим фигурам, как гетман Мазепа, гетман Богдан Хмельницкий). С другой стороны, это намек на известную серию анекдотов про Вовочку, который постоянно оказывается умнее и практичнее окружающих его взрослых людей.

4. Негативная оценка (смешанная информативная, идеологическая и шутливая тональность – ирония):

Рубрика: *На злобу дня*

Заголовок: *ТРАМП С БАРАБАНОМ И БЕЗ*

Подзаголовок: *Удастся ли миру разгадать нового президента США?*

Внутренние заголовки: *Спрятанная Америка / ГДЕ У НЕГО ГОНДУРАС?*

Подпись к фотографиям обложек западных журналов: *На Западе обсуждают отношения США и РФ: известный нью-йоркский журнал вышел с названием, набранным кириллицей, а немецкий – с подписью: «ДВОЙНОЙ ПРАВИТЕЛЬ. СКОЛЬКО ПУТИНА В ТРАМПЕ?»* (АИФ № 10, 2017).

Эффект негативной оценки достигается в этом заголовочном комплексе посредством иронии. Ирония реализуется путем текстового противопоставления (*Трамп с барабаном и без*) и отсылки к известному высказыванию В. Черномырдина, ср.: *«В своей программной речи перед конгрессом Трамп о России не сказал ни слова. Есть несколько версий такой забывчивости: то ли он испугался новых нападок со стороны ненавистников РФ, то ли российский «гондурас» (если перефразировать Черномырдина) у него и в самом деле не чешется. А чешется исключительно американский».* Иронический эффект достигается также креолизацией текста – фотографией, представляющей собой коллаж, совмещающий черты В. Путина и Д. Трампа, и сопровождаемой иронической подписью: «Двойной правитель. Сколько Путина в Трампе?».

Таким образом, категории коммуникативной тональности и оценки представляются нам неразрывно связанными, по крайней мере, в жанре политического портрета. Информативная и идеологическая тональность представляют собой инвариантную составляющую любого портрета политика (как речевого автопортрета, так и журналистского портрета). Шутливая тональность (юмор и ирония) является вариативной составляющей текстов этого жанра. Текстовый материал свидетельствует также о том, что информативная и идеологическая тональности соотносимы с прямой оценкой политика, а шутливая – с косвенной оценкой. Однако прямая и косвенная оценка часто присутствует в тексте политического портрета одновременно. Можно говорить лишь о соотношении речевых способов представления оценки и о превалировании того или другого оценочного отношения автора к политику. В заключение приведем еще один заголовочный комплекс, в котором косвенная оценка политического деятеля (Марин Ле Пен) дается на основе авторских представлений о плохом и хорошем, о добре и зле:

Рубрика: *Выборы*

Заголовок: *Марин против всех*

Лид: *Как складывалась жизнь и карьера одного из главных претендентов на кресло французского президента*

Внутренние заголовки: *Отцы и дети / УЖЕ НЕ ПАПИНА ДОЧКА / МАРИН-МАРИАННА/ О лучших друзьях* (МК. РРЕ. 22-27 марта 2017).

Косвенная позитивная оценка Марин Ле Пен дается посредством отрицания атрибуции *папина дочка* (дистанцирование Марин как самостоятельного политика от отца – известного политика, основателя «Национального фронта» Франции Жана-

Мари Ле Пена), и через контаминат – *Марин-Марианна*. Таким способом автор текста апеллирует к пресуппозициям адресата, для которого имя МАРИАННА является символом Франции, наряду с Жанной д'Арк.

Жанр журналистского политического портрета находится в настоящее время в стадии активного становления. Однако исследован он далеко не достаточно и нуждается в идентификации и типологизации жанровых разновидностей, а также в системном описании каждой из них, включающем оценку политика. Оценочная ориентация адресата любого текста издавна является важнейшим приемом аргументации. Что же касается политического портрета, оценка способствует формированию политических предпочтений и осознанному отношению каждого из нас к кардинальным политическим переменам в обществе.

Литература

1. *Башкатова Ю.А.* Внешний облик политика в российских СМИ // Политика в зеркале языка и культуры/ Под ред. В.А. Виноградова, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика и др. М.:ИЯ РАН, 2010. С. 229-235.
2. *Грошева А.В., Будаев Э.В.* Аксиологический портрет В.В. Путина в немецкой прессе // Один пояс – один путь: Лингвистика взаимодействия /Под ред. А.П. Чудинова, Сунь Юйхуа. Ек-г: УрГПУ, 2017. С. 49-51.
3. *Ермаков С.В., Ким И.Е., Михайлова Т.В., Осетрова Е.В., Суховольский С.В.* Власть в русской языковой и этнической картине мира / Под ред. И.Е. Ким, Е.В. Осетровой. М.: Знак, 2004. 408с.
4. *Карасик В.Е.* Дискурсивное проявление личности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. М.: РУДН, 2016. С. 56-77.
5. *Карасик В.Е.* Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406с.
6. *Матвеева Л.В., Замская М.Д.* Роль журналистики в трансформации образа политика в современном мире //Язык СМИ и политика / Под ред. Г.Я. Солганика. М.: МГУ, 2012. С. 220-255.
7. *Платонова О.В., Виноградов С.И.* Прагматика и риторика дискурса в периодической печати. Сфера субъекта и выражение оценки // Культура русской речи/ Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М.: Норма-Инфра, 1998. С. 253-264.
8. *Прохорова К.В.* Газетный заголовок: проблемы и функциональные возможности. СПб: СПбГУ, 2005. 80 с.
9. *Соломатов С.И.* Ключевые слова в журналистском портрете политика и предпринимателя: автореф. дис. канд. … филол. наук. Ек-г: УрГУ, 2005. 22с.
10. *Суздальцева В.Н.* Образ власти в современных российских СМИ // Язык СМИ и политика / Под ред. Г.Я. Солганика. М.: МГУ, 2012. С. 284-327.

МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ: *ПО-РУССКИ ГОВОРЯ*

Т.С. САДОВА

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

tatsad_90@mail.ru

Ключевые слова: *метаязыковая рефлексия, метаоператор, культурная оппозиция, эвфемизация и дисфемизация, русский контекст.*

На материале современных СМИ рассматриваются текстовые функции метаязыковых операторов, тематически связанных с этнокультурной оппозицией «свой – чужой». Исследуется семантическое поле речевой рефлексии, оформленное различными устойчивыми конструкциями с компонентом «русский» - «говоря по-русски», «говоря русским языком / русскими словами» и под. Отмечаются роль адресата в текстах с указанным метаязыковым оператором.

TATYANA SADOVA – Metalinguistic reflection of Modern Russian media: *po-russki govoria*

Key words: *metalanguage reflection, metaoperator, cultural opposition, euphemization and dysphemization, Russian context.*

On the material of modern mass media the text functions of metalanguage operators, thematically connected with ethno – cultural opposition «svoy – chuzhoy» («my – alien») are considered. The semantic field of speech reflection decorated with various stable constructions with the component "Russian" - "speaking in Russian", "speaking in Russian / Russian words" and under is investigated. The role of the addressee in texts with the specified metalanguage operator is noted.

Принимая за исходный тезис утверждение А.А. Потебни о том, что слово «участвует в образовании последовательного ряда систем, обнимающих отношения лично-

сти к природе» [Потебня 1989: 156], всякую вдруг (или совсем не вдруг) возникшую рефлексию на слово можно воспринимать как сознательную корректировку этого «отношения», иначе говоря – корректировку образа окружающего мира, заключенного в языковой единице (и не только слове). Метаязыковая рефлексия зачастую это попытка «навести на резкость» собственную мысль, собственное чувствование жизни, собственную её (жизни) оценку:

Как только мы беремся за либерализацию, ***говоря по-русски****, у нас сразу начинается бардак*. [Дарья АСЛАМОВА. В душе каждого китайца – Великая Китайская стена. Часть 2 // Комсомольская правда, 2012.11.07];

А я не был алмазом, я принадлежал к несчастному и нечистому поколению, родившемуся после революции: порядочный в меру сил, стойкий в меру сил, добрый в меру сил, ***иными словами****, на самом краю способный к выбору между гибелью и предательством.* [Андрей Дударев. Юрий Нагибин: компромисс или терпимость? // «Сибирские огни», 2012].

В современной русистике явление метаязыковой рефлексии как осмысление фактов естественного языка средствами того же естественного языка исследуется весьма активно [Б.С. Шваркопф, Р.Е. Левина, М.Р. Шумарина, И.Т. Вепрева, А.П. Ростова и др.]. Обширная (на сегодня) теория вопроса здесь будет представлена в самых общих и абсолютных положениях, наиболее актуальных для темы сообщения.

Первое. «Сигналами» метаязыковой рефлексиимогут выступать различные языковые единицы – слова, словосочетания, целые предложения, в самом широком смысле выражающие либо наивное, непосредственное, либо творческое осмысление различных фактов языка:

*Прошлое дается нам в реставрационном усилии****, иными словами****, в настоящем воспоминательном*. [Геннадий Барабтарло. Разрешенный диссонанс // «Звезда», 2003]

Очень я опасаюсь, как бы Царь-батюшка в вашем желании навести порядок в его столице не усмотрел вместо порядка самый настоящий беспорядок, или, ***говоря иначе,*** *бунт и мятеж против властей предержащих и его царевой самодержавной власти.* [В.В. Шульгин. Последний очевидец (1971)].

Второе. Выделяя формальные показатели метаязыкового контекста, исследователи подчеркивают, что все они содержательно тяготеют к семантическому полю говорения, речевого действия, и в самом широком смысле – к полю «слово». И.Т. Вепрева называет эти формальные показатели дискурсивными маркерами или метаоператорами [Вепрева 2005: 80].

Автор выступает в роли бога-создателя – ***в самом буквальном смысле****. <….> Просто я перестаю быть человеком.* ***Иными словами*** *– начинаю превращаться в бога. – Вечность – царство ребёнка, – говорю я вслух*. [Сергей Ястребов. Лунная соната (2007)].

*С каждой лекции он уносил по единственной фразе (по сути), или****, говоря другими словами,*** *он не слушал лектора вовсе, а пытался думать своей головяшкой*. [Ильдар Абузяров. Ненормативная лексика (2002)].

Третье. Выбрав в качестве материала тексты современных СМИ, мы сужаем поле рассмотрения общей природы метаязыковой рефлексии до уровня рефлексии на слово (речь) в пространстве особой сферы коммуникации, где царят задачи – в самом широком смысле – суггестивного воздействия на адресата: слушателя, зрителя, интернет-пользователя. В этих условиях известную остроту приобретают так называемые социальные метаязыковые рефлексивы, в нашем случае имеющие отношение к общекультурной оппозиции «свой – чужой». Более того, в центре внимания окажутся контексты, вводимые метаоператорами «по-русски говоря», «говоря по-русски», «говоря русским языком» и под., т.е. имеющие отношение к теме «что значит, говорить

по-русски», если это рефлексия на уже произнесенное? – Следовательно, в структуре таких контекстов окажутся (условно) «нерусские» речевые отрезки, на которые в качестве речевой рефлексии будут предложены «русские эквиваленты»:

Наш сайт обвинялся в том, что содержит «страницы, потворствующие коррупции». То есть, ***по-русски говоря****, мы вроде как учили читателей грамотно брать на лапу.* [Светлана Пересветова (КП-Ульяновск). В Ульяновске заблокировали сайт "Комсомолки" «за потворство коррупции» // Комсомольская правда, 2013.06.22].

Может быть, у него были свои болевые точки, связанные с этой профессией. Может, не надо говорить высоким слогом, а сказать ***простыми русскими словами****: банальная мужская ревность.* [Томчук Людмила. Сати Спивакова: «Я четыре года вела программу-невидимку» // Труд-7, 2010.05.18].

Из приведенных примеров вполне ожидаемы два вида своеобразного «перевода на русский язык» того, о чем сказано иначе: во-первых, это «перевод» на прецедентный язык русского фразеологизма (в данном случае «брать на лапу»), во-вторых, снижение стилистического регистра ранее сказанного (о «банальной ревности»).

Таких контекстов в современных СМИ множество: образный фразеологический язык и стилистически сниженные речевые единицы чаще других оказываются в семантической позиции «говорить по-русски»:

В этом возрасте – а мне было 10 лет – страх часто рождает интерес, ***по-русски говоря****, лихость.* [Л.А. Китаев-Смык. «В лесу, откуда обратного пути нет, мы готовили космические полеты» (2015)];

Хрен теперь разберешь, ***говоря по-русски****, кому именно из коммерсантов хотели пустить жир неизвестные нам с тобой личности.* [Вадим Громов. Компромат для олигарха (2000)].

Предельное развитие темы «сказать / говорить [истинно] по-русски» достигается в ситуации, когда русский читательлегко домысливает, какие именно слова выступают в роли «самых русских слов» – в таких случаях следует говорить об эвфемистической функции сочетания, выступающего в качестве метаоператора:

Когда в Страсбурге наш правозащитник Ковалев грязными словами поносил Путина, я подошел и ***простыми русскими словами*** *попросил его заткнуться.* [Фото PHOTOXPRESS. Как русские канадцы за честь Путина стояли // Комсомольская правда, 2007.04.14].

Совершенно понятно, что «по-русски говоря» используется и в контекстах, имеющих функции чистого перевода ряда иноязычных (чаще – английских) слов и выражений на русский язык:

В ноябре на странице, посвященной ***толерантности, или, по-русски говоря, терпимости*** *людей друг к другу, была опубликована небольшая статья «Национальность — люди»* (16.11.2002). [Невольник добрых дел (2003) // «Известия», 2003.01.31].

Заманчивое иностранное слово «шоу» с разными прилагательными прижилось на нашем ТВ и цветет буйным цветом. Когда-то в эфире доминировали ток-шоу, то есть, говоря по-русски, разговорные представления. [ЧЕМ ВАС ОБРАДОВАЛ И ЧЕМ ОГОРЧИЛ ТЕЛЕЭКРАН НА МИНУВШЕЙ НЕДЕЛЕ? // Труд-7, 2005.08.11].

Но даже в этих контекстах «говоря по-русски» добавляет культурной семантики, остро ощущаемой читателем, – это либо легкая снисходительность к безóбразному иноязычному слову – *шоу*, либо едва уловимая ирония к самому явлению – толерантность – *по-русски говоря, терпимость людей друг к другу*. Если методом подстановки применить в этих контекстах синонимичную фразу «в переводе на русский», отчетливо заметно исчезновение некоей эмоции. Следует предположить, что авторы сознательно предпочитают устойчивое «говоря по-русски», которое и более лаконично,

и потом, наречие *по-русски*, по типу *по-свойски, по-нашенски, по-купечески, по-дворянски* и т.д. сохраняет признаки исконно русского словообразования.

Противопоставление иностранного слова русскому в контекстах с метаоператором «говоря по-русски» часто имеет своеобразную функцию дисфемизации: «разоблачается» неприглядное значение всего того, что названо красивым иностранным словом:

У так называемых интернет-изданий вообще нет корреспондентской сети. Как правило, это компиляторы, или, ***по-русски говоря,*** *воры информации из различных действительно достоверных источников.* [Главное – не надорваться – Михаил Гусман // РБК Daily, 2005.05.18].

Фишинг – это, ***по-русски говоря****, рыбная ловля, относительно новый вид мошенничества*. [Нина КУЗЬМИНА. Воровство с пластиковых карт: Не останься с пустым кошельком // Комсомольская правда, 2012.10.25].

Важно заметить, что средства массовой информации довольно активно эксплуатируют идею о том, что «лихость» и незамысловатость устной народной речи обеспечивают подлинную ясность общения, давая простор природной мысли, поэтому метаоператор «по-русски говоря» чрезвычайно частотен в выражении именно этого значения. По этой же причине в язык публицистики проникает большое количество слов и выражений, с точки зрения нормы литературного языка, малодопустимых:

Говоря по-русски*, все это туфта и рекламные трюки*. [Ольга САПРЫКИНА. Кто из «на-найцев» полетит в космос? // Комсомольская правда, 2001.08.30].

Говоря русским языком*: «Реклама достала!» Невозможно уже смотреть ни кино, ни выпуски новостей, ни передачи интересные!* [Сергей Подосенов. Депутаты могут запретить прерывать рекламой фильмы и телепередачи // Известия, 2013.10.17].

Всякий раз вводимый этими и другими подобными метаоператорами текст словно противопоставлен исходному [Садова 2015]. Содержательно отталкиваясь от него, через мостик «по-русски говоря» он остается связан с ним различными содержательными нитями. Формально это может быть перевод, стилистическая синонимия, гиперо-гипонимическое соотношение, стилистическое усиление и др.

В любом случае важно, что в результате создается своеобразный речевой палимпсест, когда вторичный текст как бы пишется поверх исходного, не уничтожая его, а напротив, обогащая дополнительным содержанием, и содержание это имеетподчеркнуто этнокультурную или историко-культурную семантику:

Я изображаю туриста, который приехал в сибирский город и прогуливается по маленькой пешеходной улице, – объяснил свой перфоманс, или, ***по-русски говоря****, живую скульптуру, художник.* [Рак Любовь соб. корр. 'Труда'. СВОБОДНОЕ ПАРЕНИЕ // Труд-7, 2006.06.20].

Важно, что каждый раз электорату, а ***по-русски говоря****, местному народу предлагают разобраться в хитросплетениях предвыборных обещаний ходоков во власть. [*Калиновская Ирина. ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ // Труд-7, 2001.09.15].

Любопытны случаи, при которых *по-русски говоря* вводит не русское, а иностранное слово, при этом ироничный оттенок повествования усиливается многократно:

В субботу в Орле прошла церемония вступления в должность губернатора Орловской области Егора Строева, ***по-русски говоря – инаугурация.***[Загальский Владимир. ЭТАЛОН ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ // Труд-7, 2001.11.06].

В любом случае мы имеем двойственную интерпретацию пропозиции, что имеет важное значение с точки зрения исходного тезиса о влиянии слова на «отношение личности к природе». Рефлексируя на слово с точки зрения принадлежности его и

обозначаемого им предмета к русской или нерусской жизни, автор, а вместе с ним и его адресат вправе выбрать «свое отношение» к миру, коль скоро весь он явлен человеку – прежде всего – в образах родного языка.

Литература

1. *Вепрева И.Т.* Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении: автореферат дис. … д. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 45 с.
2. *Вепрева И.Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2005. 384 с.
3. *Левина Р.Е.* Неосознаваемые процессы формирования «чувства языка» // Бессознательное: Природа. Функционирование. Методы исследования. Т. III. Тбилиси, 1978. С. 249-254.
4. *Потебня А.А.* Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 17-200.
5. *Ростова А.П.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 193 с.
6. *Садова Т.С. В хорошем смысле слова:* конструкция обыденной метаязыковой рефлексии // Деловой и публицистический стили в истории русского языка и культуры / Отв. ред. З.К. Тарланов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 37-44.
7. *Шварцкопф Б.С.* Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С.277-304.
8. *Шумарина М.Р.* Язык в зеркале художественного текста. Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы. М.: Флинта; Наука, 2011. 22 с.

О ВАРИАНТНОСТИ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ БИБЛЕЙСКИХ КРЫЛАТЫХ СЛОВ)

А.Г. САРКИСЯН

ГОУ ВПО Российско-Армянский (Славянский) университет, Армения

gevrobsar@yandex.ru

Ключевые слова: *русистика, эптология, фразеологические варианты: фонетические, словообразовательные, лексические.*

Статья посвящена одному из сложных вопросов теории русской фразеологии, а именно: вопросу вариантности фразеологических единиц. Крылатые слова (их около 4000), resp. библейские крылатые слова (их чуть более 230), согласно «широкому» пониманию фразеологии, входят в фонд русской фразеологии. Они так же проницаемы, как и их «старшие товарищи», т.е. фразеологизмы. В работе сделана попытка рассмотреть вариантность библейских крылатых слов и классифицировать их.

SARGSYAN ARSHAK – On the Variability in the Russian Phraseology (based on the Biblical winged words)

Key words: *Russian Studies, eptology, phraseological variants: phonetic, word-formative, lexical.*

The so called winged words (about 4 000), resp. The Biblical winged words (more than 230), according to the «wide» insight of phraseology refer to the «common stock» of Russian phraseology. The mentioned Biblical winged words are as penetrable as their «older colleagues», i.e. idioms. We made an attempt to analyze the variability of the Biblical winged words and classify them.

Традиция и преемственность удержали в современном русском языке свыше 200 библейских крылатых слов (далее – БКС). Очень мало изменившись в смысловом и стилистическом отношениях, они и в настоящее время имеют относительную частотность. Согласно известному фразеологу Л.И. Ройзензону, воспроизводимость – «основной признак устойчивых словесных комплексов; слова и словосочетания могут создаваться в речи, а устойчивые словесные комплексы только воспроизводиться» [Ройзензон 1973: 103]. Использование БКС в коммуникативном акте или его понимание при чтении облегчается их нейтральностью с точки зрения культурной ориентации (они принадлежат в равной степени всему человечеству). Но вот наличием «готового эквивалента» при переводе на второй язык они не характеризуются, да и не могут характеризоваться, ибо «крылатость» библейские выражения приобретают в языках в силу разного рода этнопсихолингвистических, лингвокультурологических и прочих причин.

Начиная со второй половины XX в. к проблемам русской фразеологии обращались многие лингвисты (см. Указатель названий источников по истории и этимоло-

гии русской фразеологии /296 названий – А.С./ [Мелерович, Мокиенко 2001: 846-854]. Большим вкладом в русскую фразеологию в 70-ые годы XX в. стали работы М.М. Копыленко и З.Д. Поповой (Очерки по общей фразеологии: Учебное пособие к спецкурсу. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1972.; Очерки по общей фразеологии: фразеосочетание в системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989 и [9, Копыленко, Попова]). Авторы подчеркивают: «Объектом фразеологии мы считаем сочетаемость лексем всех типов» [Копыленко, Попова 1978: 21]. Мы, солидаризуясь с ними, *крылатые слова*, и *библейские крылатые слова* в частности, также рассматриваем как часть фразеологической системы русского языка и под ними понимаем различные в структурном отношении устойчивые сочетания слов, источник возникновения которых (Библия) общеизвестен и которые получили широкое распространение в речи. Именно эту «общеизвестность» акцентирует Ю.Е. Прохоров, говоря: «Устойчивые выражения только в том случае относятся к разряду К. с., если они известны практически каждому, т.е. являются «общим знанием» для носителей языка» [Прохоров 1979: 118].

Выражение «крылатые слова» (epos pteroentos) считается заимствованным у Гомера. Как *термин* употребляется, по-видимому, с 1864 года, после выхода в свет одноименной книги Георга Бюхмана «Крылатые слова» (G. Buchmann. Geflugelte Worte). В русской действительности *крылатые слова* получили путевку в жизнь после издания С.В. Максимовым в 1899 г. книги «Крылатыя слова. Не спроста и не спуста слово молвится и до веку не сломится» [Максимов 2000: 6]. Но до сих пор в русской лингвистической литературе нет принятого всеми языковедами определения *крылатые слова*. Это подчеркивает и А.И. Молотков в предисловии к «Фразеологическому словарю русского языка»: «У одних ученых во фразеологию языка попадают **пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова, афоризмы** (разрядка автора – А.С.), у других – не попадают» [Молотков 1986: 7]. В.П. Фелицына и Ю.Е. Прохоров вводят *крылатые слова* в число языковых афоризмов, подразделяя их «на две большие группы: 1) пословицы и поговорки; 2) крылатые выражения» [Фелицына, Прохоров 1979: 7]. По В.П. Беркову, «фактически все имеющиеся определения крылатых слов отличаются друг от друга» [Берков 1973: 153]. Б.В. Томашевский под «крылатым словом» понимал термин, включающий и пословицы, и поговорки [Томашевский 1959: 244]. Крупнейший специалист в этой области, Л.П. Дядечко в своей монографии «Крылатый слова звук», или Русская эптология» также говорит об отсутствии единства во взглядах ученых в этом вопросе [Дядечко 2006: 18].

Большинство исследователей основными свойствами *крылатых слов* считают: связь с источником (в нашем случае – с Библией), устойчивость и распространенность (которая, собственно говоря, и превращает цитату в крылатое слово). Состав *крылатых слов* исторически подвижен, но проф. Ю.С. Прохоров считает, что «в русском языке существует определенный устойчивый массив крылатых слов, связанных с русским фольклором, античной литературой, памятниками христианской литературы…» [Прохоров 1979: 118]. По определению Ю.Н. Афонькина, «крылатые слова являются фразеологизмами, прежде всего по своему оформлению… крылатым словам свойственны оба главных признака фразеологических единиц: устойчивость компонентов и семантическое преобразование целого» [Афонькин 1985: 5–6]. Однако И.Н. Шмелева в работе «Фразеологизация крылатых слов» ряду категорий крылатых слов отказывает в статусе фразеологизма [Шмелева 1964: 182-185].

Для употребления БКС характерны все признаки «цитатной модальности»: говорящий вводит в дискурс библейский текст, что позволяет произвести имплицитные параллели между обсуждаемой ситуацией и соответствующим фрагментом Библии. Само БКС воспринимается как «чужая речь», часто его использование сопровожда-

ется метакоммуникативными «заставками» типа *как говорил Евангелист Лука*…, явным образом маркирующими цитату.

Наличие, по нашим подсчетам, 234 БКС [Саркисян 2001: 17] в составе фразеологического фонда современного русского литературного языка указывают на тесную связь языка и культуры русского этноса с его религиозным мировосприятием, а также на способность русского языка отражать такое мировосприятие и посредством библейских крылатых слов также.

Большинство русских БКС употребляются в *неизменном* составе, то есть имеют устойчивую структуру. Однако части русских библейских крылатых слов присуща *вариантность*. В ходе формирования фразеологических единиц в русском языке употреблялись параллельные словосочетания, которые постепенно приобретали крылатость уже в той или иной форме. Под *лексическими вариантами фразеологизмов*, вслед за В.П. Жуковым, нами понимаются «словесные видоизменения, происходящие в рамках одной и той же синтаксической конструкции и не вносящие каких-либо смысловых оттенков в содержание фразеологизма» [Жуков 1978: 103]. В идеале значение библейского крылатого слова, отработанное и закрепленное языковой традицией, должно иметь одну форму выражения. Важной причиной лексической вариантности библейских крылатых слов служит их раздельнооформленное строение. Каждый компонент БКС в отдельности, наподобие слова внутри свободного словосочетания, потенциально может вступать в ассоциативные отношения без ущерба для смысла библейского крылатого слова и без нарушения его структуры (синонимичным или принадлежащим к одной семантической сфере).

Теоретические аспекты фразеологической вариантности были рассмотрены В.М. Мокиенко в статье сорокалетней давности, где он указывает, что вариантность – одна из характерных особенностей фразеологии и важное условие для создания фразеосочетаний. Мена компонентов, по Мокиенко, бывает вызвана звуковым сходством и не объясняется ни логикой, ни этнографией. Объяснить варьирование фразеосочетаний часто возможно только условиями его бытования в целом, а не особенностями его отдельных компонентов [Мокіенко 1972: 39-50]. Но мы должны подчеркнуть и другой подход к этой проблеме. В кандидатской диссертации Ф.М. Бершадской «Формы употребления фразеологических единиц в речи» высказана мысль о том, что «сам факт варьирования компонентов противоречит сущности идиомы как единицы постоянного контекста» [Бершадская 1971: 174]. Вместе с тем утверждается, что замена компонентов идиомы допустима, если сохраняется тождество мотивировки и целостность значения (там же: 33). Попутно отметим, что новым аспектом в изучении системных отношений фразеологизмов является выявление фразеопарадигм. Л.И. Ройзензон различает три типа парадигматичности: полную, неполную и нулевую. Изменение фразеосочетаний по их парадигматическим формам Л.И. Ройзензон справедливо, на наш взгляд, не считает новыми единицами (например: **толочь воду в ступе, толчение воды в ступе**) [Ройзензон 1973: 198–205].

Отражение вариантности фразеоформы – важный принцип раскрытия фразеологической системности языка. Как считают В.Т. Бондаренко и В.М. Колодезнов, «по сравнению с другими единицами языка в ФЕ вариантность выражена ярче, что объясняется уровневым положением этих единиц в системе языка, где действует закон: чем выше уровень, чем сложнее структурная организация единиц, тем выше степень их вариантности» [Бондаренко, Колодезнев 1996: 112].

Раздельнооформленное строение БКС, вобравших в себя черты единиц разных уровней, их большая линейность (лексическая протяженность) и сложное грамматическое устройство открывают широкие возможности для варьирования. В.Т. Бондаренко и В.М. Колодезнов определяют шесть типов фразеологических вариантов, вы-

деляемых с учетом уровня затрагиваемого в структуре библейских крылатых слов варьирования, то есть мены конкретных элементов (фонетические, словообразовательные, морфологические, лексические, синтаксические и квантитативные) [там же, 113]. В русистике существуют и несколько других пониманий фразеологических вариантов, фразеологических единиц с одной образной основой.

• 1) Варьирование по форме: фонетические и орфографические варианты: а) **калиф/халиф на час** и др. б) морфологические и словообразовательные варианты: **чистой/чистейшей воды** и др.; 2) варьирование по составу (лексические варианты): **душа/сердце болит** и др.; 3) смешанные варианты: **вертеться на глазах/крутиться перед глазами** и др.; 4) полные/сокращенные варианты: **пьяному море по колено, <а лужа - по уши>** и др. **[**23: URL**].**

• 1) По форме компонентов, например: **в <во> цвете лет** и др.; 2) по составу компонентов: **в цвете [расцвете] лет [сил]** и др.; 3) с изменением морфологических форм без воздействия контекста: **валить с ног – свалить с ног** и др.; 4) на основе общности их значения и утраты ими дифференциальных семантических признаков: **едва держаться [стоять]на ногах** и др.; 5) количественное варьирование, которое связано с сокращением числа компонентов ФЕ: **не жилец <на белом свете>** и др. **[**24: URL**].**

Придерживаясь концепции варьирования ФЕ профессоров В.Т. Бондаренко и В.М. Колодезнова, среди зарегистрированных БКС с ***фонетическими*** компонентами-вариантами /отличающихся друг от друга звуковыми элементами или ударением/, мы выделили: **НИЧТОЖЕ СУМНЯСЯ (СУМНЯШЕСЯ),** где **сумняшеся** из **сумняся** – форма имперфекта 2–3-го лица единственного числа в древнерусском языке вместо «сомневался» в современном русском языке. «Во 2–3-м л. ед. ч. …звук |ch| суффикса, попадая в положение перед |е|, изменялся в |ш|» [Иванов 1983: 340]. **ВОСКРЕШЕНИЕ (ВОСКРЕСЕНИЕ) ЛАЗАРЯ –** в старославянских текстах зарегистрированы обе формы и **въскрьсение** (с индексом частотности 40)**,** и **въскрѣшение** (с индексом частотности 57 по СС) [СС 1999: 843].

К библейским крылатым словам со ***словообразовательными*** вариантами (с различными словообразовательными аффиксами) относятся: **ВО МНОГОГЛАГОЛАНИИ НЕСТЬ (НЕТ) СПАСЕНИЯ, НЕ ИМЕТЬ ГДЕ (НЕГДЕ) ГЛАВУ ПРЕКЛОНИТЬ, УНИЖЕНИЕ (УНИЧИЖЕНИЕ) ПАЧЕ ГОРДОСТИ, ФОМА НЕВЕРНЫЙ (НЕВЕРУЮЩИЙ)**. Компонент-вариант **несть** образован из **не + есть**. Компонент-вариант **негде** – результат префиксального образования обстоятельственного наречия. Компонент-вариант **унижение** не представлен в «Старославянском словаре», а компонент-вариант **оуничьжение** в указанном словаре имеет индекс частотности 8 [СС 1999: 740–741]. В «Старославянском словаре» после прилагательного **невѣрьнъ** с частотой 35 в значении «1.неверующий» приведены иллюстративные примеры из Зографского четвероевангелия, Мариинского четвероевангелия и Охридских глаголических листков: «принеси руку твою. и не буди неверьнъ но буди верьнъ» [там же: 361]. В Словаре Даля в словарной статье **невѣріе** пятым (последним) значением полного прилагательного **неверный** зафиксировано значение: «нетвердый в вере, шаткій, сомневающійся, маловерный» [Даль 1978: 508]. Но в изданном в советское время МАСе этого значения («нетвердый в вере») уже нет, хотя после знака «ромбик» дан всего один устойчивый оборот – **Фома неверный** [МАС 1985: Т. II, 425].

Среди зафиксированных БКС не представлены ***морфологические*** варианты, отличающиеся грамматическим оформлением своих компонентов, и ***синтаксические*** варианты, образуемые в результате модификаций синтаксической структуры.

Лексические варианты имеют различие в лексическом составе. Лексическая вариантность отличается наибольшей распространенностью. Заменяемость компонен-

тов происходит обычно на основе лексико-семантических связей между ними. Среди русских библейских крылатых слов зарегистрирована лексическая вариантность на основе:

синонимических связей: **КОМУ МНОГО ДАНО, С ТОГО МНОГО И ВЗЫЩЕТСЯ (СПРОСИТСЯ); МЕДЬ ЗВЕНЯЩАЯ. КИМВАЛ ЗВЕНЯЩИЙ (БРЯЦАЮЩИЙ, ЗВУЧАЩИЙ); НИЧТО НЕ НОВО (НЕ ВЕЧНО) ПОД ЛУНОЙ; ПОЧИТЬ ОТ ДЕЛ (ТРУДОВ); ХРАНИТЬ (БЕРЕЧЬ), КАК ЗЕНИЦУ ОКА**;

тематических связей: **МАСЛИЧНАЯ (ОЛИВКОВАЯ) ВЕТВЬ; НЕДОСТОИН РАЗВЯЗАТЬ РЕМЕНЬ У САПОГ (ОБУВИ) ЕГО;**

метонимических связей: **ВЕТХИЙ АДАМ (ЧЕЛОВЕК); ЦЕЛОМУДРЕННЫЙ (ПРЕКРАСНЫЙ) ИОСИФ**.

3 ***квантитативных*** варианта БКС различаются количеством (числом) компонентов: **ВОЗВРАЩАТЬСЯ (ВЕТЕР) НА КРУГИ СВОЯ; ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ (ХРИСТОВО); СМЕРТНЫЙ ГРЕХ (СЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ)**.

После заголовочных слов с варьированными компонентами помещаются сопоставленные однословные или неоднословные лексические единицы, которые являются вариантами компонента БКС, например, **ВОЗВРАЩАТЬСЯ (ВЕТЕР) НА КРУГИ СВОЯ** (такие лексемы в **Алфавитном перечне всех слов, входящих в БКС** «Русско-армянского словаря библейских крылатых слов» взяты в скобки [Саркисян 2001: 197–229]), либо являются вариантами всего выражения, например, **ВАЛТАСАРОВ ПИР. ЖИТЬ ВАЛТАСАРОМ**. Наличие подобных вариантов объясняется тем, что на протяжении многовековой истории русского языка некоторые его носители (плохо знавшие Библию) довольно свободно обращались с БКС, переиначивали их, варьировали, трансформировали. Кроме этого, существует и так называемый библейский текстологический ***вариант большинства***, которого мы старались придерживаться и солидаризировались с К.И. Логачевым, ответственным секретарем Патриаршей Синодальной Библейской комиссии, понимающим под «вариантом большинства» «…такой вариант, который повторяется без изменения в большинстве дошедших до нас греческих новозаветных рукописей» [Православный библейский словарь 1997: 10].

Рассмотренные варианты БКС относятся к числу языковых, то есть общепринятых и известных многим носителям русского языка. В художественной и публицистической литературе часто встречается и авторское преобразование библейского крылатого слова, не соответствующее общепринятому варьированию. Такие варианты, создаваемые намеренно, с особой (изобразительно-стилистической) целью, принято называть индивидуально-авторскими (окказиональными, речевыми). Ср.: **Под овечьей шкурой спрятаны волчья шерсть и волчьи зубы** в «Победе» А.Чаковского. 10 подобного типа окказиональных ФЕ представлено в Словаре «Фразеологизмы в русской речи» после заголовочной единицы **ВОЛК В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ** [Мелерович, Мокиенко 2001: 119-120].

Литература

1. *Афонькин Ю.Н.* Русско-немецкий словарь крылатых слов. М.: Рус. яз., 1985.
2. *Берков В.П.* Вопросы двуязычной лексикографии. Словник. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1973.
3. *Бершадская Ф.М.* Формы употребления фразеологических единиц в речи. АКД. Ташкент, 1971.
4. *Бондаренко В.Т., Колодезнев В.М.* Русский язык: Лексикология. Фразеология: Учебное пособие для филологических специальностей вузов. Тула: Изд-во ТГПУ, 1996.
5. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М.: Рус. яз., 1978–1980.
6. *Дядечко Л.П.* «Крылатый слова звук», или Русская эптология: Учебное пособие. Киев, 2006.
7. *Жуков В.П.* Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978.
8. *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1983.
9. *Копыленко М.М., Попова З.Д.* Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978.

10. *Максимов С.В.* Крылатыя слова. Не спроста и не спуста слово молвится и до веку не сломится. С.-Петербургъ: Изд. А. Суворина, 2-е изд. 1899. Факсимильное издание. М.: «Издательство Астрель», 2000.

11. *МАС* – Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. испр. и доп. М.: Рус. яз., 1985–1988.

12. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. 2-е изд., стереотип. М.: Русские словари, Астрель, 2001.

13. *Молотков А.И.* Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания. – В кн.: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986.

14. *Православный библейский словарь* / Сост. К.К. Логачев и Р.С. Степановский. СПб.: Северо-Западная Библейская Комиссия, 1997.

15. *Прохоров Ю.Е.* Крылатые слова. – В кн.: Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Сов. энциклоп., 1979.

16. *Ройзензон Л.И.* Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973.

17. *Саркисян А.Г.* Русско-армянский словарь библейских крылатых слов. Тула: Изд-во «Гриф и К», 2001. 236 с.

18. *СС* – Старославянский словарь (по рукописям (X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1999. 843 с.

19. *Томашевский Б.В.* Стилистика и стихосложение. Курс лекций. Л., 1959.

20. *Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. М.: Рус. яз., 1979. 240 с.

21. *Шмелева И.Н.* Фразеологизация крылатых слов. – В кн.: Проблемы фразеологии. М.-Л.: Наука, 1964.

22. *Мокіенко В.М.* Вариантність як одне з джерел утворення фразеологизмів (на матеріалі ческоі мови). – В кн.: «Мовознавство». Киев. 1972, № 5.

23. *URL*: https://vuzlit.ru/840461/variativnost_frazeologii (дата последнего обращения 31 мая 2019).

24. *URL*: https://megapredmet.ru/1-78936.html (дата обращения 31 мая 2019).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДЕЛОВОЙ СТИЛЬ

О.И. СЕВЕРСКАЯ

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Россия

oseverskaya@yandex.ru

Ключевые слова: *деловая речь, цифровая коммуникация, виртуализация общения, дисплейный текст, устная и письменная речь, функциональная стилистика, официально-деловой стиль.*

Статья посвящена девиациям цифровой эпохи, затрагивающим деловую речь. Особое внимание уделяется тексту и текстингу, устно-письменным гибридным формам речи, смешению канцелярских и разговорных выражений, эллиптичности в деловой переписке и деловых разговорах. Особое внимание уделяется шаблонам, через которые письменные формы транслируются в устную речь. Автор констатирует изменение норм делового стиля, как языковых, так и норм вежливости.

SEVERSKAYA OLGA – The digitalization of business communication and its impact on official manner

Key words: *business speech, digital communication, virtual communication, display text, oral and written speech, functional style, official manner.*

The article is devoted to the deviations of the digital age, affecting business speech. Special attention is paid to text and testing, oral and written hybrid forms of speech, mixing of bureaucratic clichés and colloquial expressions, ellipticity in business correspondence and business conversations. Particular attention is paid to the templates through which written forms are translated into oral speech. The author notes the change in the norms of business style, both language and politeness norms.

Бизнес-коммуникация, как и коммуникативные процессы в целом, происходит сегодня в цифровом поле: переговоры и переписка ведутся во многих случаях по скайпу, в мессенджерах и чатах, что делает их «устно-письменными» [Кронгауз 2013: 356] и «дисплейными» [Костомаров 2010: 142]. По данным руководителя компании «Програмота» Ю. Андреевой, устная форма остается в звонках и встречах на старте проекта, после чего коммуникация переходит в «текст», на письме решается не менее 70% деловых вопросов. Меняются и нормы вежливости: деловому звонку в 90% случаев предшествует СМС с вопросом, когда удобнее установить контакт. В этих условиях рождаются тексты-гибриды, ярко демонстрирующие черты как текстинга [Се-

верская 2017], так и устной и письменной форм речи в несвойственных им контекстах.

Покажем это на конкретных примерах из собственной коллекции деловых писем и полученных методом включенного наблюдения в разных сегментах деловой сферы.

В образцах деловой переписки в мессенджерах воплощается форма устного диалога: *Настя,* как можно узнать об обновлениях информации? – *Мария,* на обновления можно подписаться; *Таня, привет! Подскажи, как по документам? – Привет, коллеги! По документам вот что* [текст], – в обоих примерах последовательно выдержан разговорный стиль, приемлемый сегодня для коммуникации и «по вертикали» (в первом случае на подчиненного указывает краткая форма имени, на начальника – полная), и «по горизонтали» (как во втором случае). Иногда принятая уже в электронной внутренней переписке разговорная неформальность диссонирует с (псевдо)официальностью: [Ответ на запрос определенных действий] *Сделать можем, для это понадобится* ***временной процесс****, сколько он будет идти, сказать сложно.* Неуместен здесь канцеляризм ***временной процесс*** как обозначение *некоторого времени* (разг.) или *длительного процесса* (книжн.). При соблюдении параметров стиля письмо могло бы выглядеть так: *Сделать можем, для этого понадобится* ***какое-то время****, сколько именно, сказать сложно*, или: *Сделать можем, но это –* ***длительный процесс****, сколько он будет идти, сказать сложно*, или совсем неформально: *Сделать сможем, но* ***тут уж как пойдет****...* В нашем же примере официально-разговорная и канцелярски-письменная форма объединяются по принципу «2 в 1».

На смешение устной и письменной форм речи указывают и фрагменты текстов, для которых характерна разговорная эллиптичность, восполняемая контекстом и конситуацией: *По списку согласовано* (список согласован? согласовано все, что указано в этом списке?); *В., подключила плз временно мне* (при отсутствии знаков препинания после выделенного обращения не ясно: *подключила* – это утвердительный ответ на просьбу о подключении услуги? *подключила плз* – просьба (впрочем, выраженная в грубой форме, ср.: *встал и вышел!*) о временном предоставлении услуги? *плз временно мне* – просьба о временной адресации отчетов пишущему? или же это просьба о временном подключении самого автора письма к услуге?). В рассматриваемом случае практически все эти вопросы были заданы автору в ответном письме, что доказывает неэффективность подобного общения.

В устном формате цифровизация сказывается, напротив, в проникновении письменных форм в устную речь. И проводником этих форм становятся, прежде всего, скрипты и шаблоны деловых разговоров.

Начало любого из них (будь то звонок по телефону или так называемая «речь у лифта») удивительно напоминает типичное для современной деловой переписки начало письма – используем в данном случае собирательный образ: «*Здравствуйте, Иван Иванович! Меня зовут Петр Петров, я представляю фирму "Сидоров и Ко", где курирую учебные проекты*. Хотел бы предложить Вам провести у нас вебинар…». Вот пример недавно записанного диалога (в скобках приводятся мысли адресата, порожденные репликами адресанта):

- Ольга Игоревна?

- Да.

- Это Вячеслав Вам набирает (*И кто это? Какой Вячеслав? Откуда??? –* наверняка у каждого есть хоть один знакомый Вячеслав*)*.

- Я из компании «Планета инвестиций» (*Хочет мастер-класс? Вебинар? –* звонит адресно, видимо, знает и о профессиональных интересах и опыте).

- Вам интересен вопрос вложений? *(Откуда этот вопрос? Есть доступ к данным о моей зарплате? Или банк поделился клиентской базой?)*

- Нет, спасибо, совсем не интересен.

- Понял Вас (и Вячеслав отключается).

Несмотря на разговорность, шаблон тот же, что и у письма: «*Здравствуйте, Ольга Игоревна! Меня зовут Вячеслав. Я представляю компанию "Планета инвестиций". Хочу познакомить Вас с возможностями выгодных вложений*».

Кроме того, черты письменной речи (причем ее худших, многословных канцелярских образцов) наследуют и реплики менеджеров в разговорах с клиентами: – *Продукт в наличии? – Да, продукт есть* ***в наличии нашего магазина*** (вместо: *Да / Да, есть / Да, продукт в наличии*); *Скажите, пожалуйста,* ***для вас важно, чтобы доставка была бесплатной****?* (вместо: *Вы хотели бы бесплатную доставку?*); *Скажите, для Вас сейчас* ***актуален вопрос инвестирования личных средств с целью получения дохода от вложений****?* (вместо: *Скажите, Вы хотели бы получать доход от инвестирования личных средств?*) и т. п. Подобные тексты-гибриды звучат и в городском транспорте. Например, одна транспортная компания объявляет: *Оплата проезда производится путем поднесения средства оплаты к прибору контроля оплаты и погашения,* тогда как другая следует нормам разговорного стиля: *Оплатите проезд, поднеся вашу карту к валидатору*; соответственно и водитель принимает оплату *на остановочных пунктах* или *на остановках*.

Во всех рассмотренных случаях коммуникацию вряд ли можно назвать эффективной.

Отметим еще три следствия цифровизации бизнес-коммуникации.

Во-первых, она становится все более и более шаблонной, превращаясь, как это определяет М.А. Кронгауз, в «коммуникативный копипейст» [Кронгауз 2013: 357]. И речь не только о шаблонах деловых писем (кстати, далеких от принятых норм деловой переписки), своеобразном «бизнес-фольклоре», но и о шаблонном устном общении «по скрипту» в живом диалоге с клиентом. Стремясь реализовать шаблон, «продавец» перестает слушать «покупателя», что часто случается в сетевых кафе: – *Мне* ***только американо****, пожалуйста. – Могу я Вам предложить десерт? – Нет, спасибо.* ***Только кофе****. – Тогда может быть салатик? – Девушка, «****только» по-русски значит «ничего, кроме»****!*; *– Будьте добры: борщ, котлетки, чай зеленый, и* ***не предлагайте ничего больше****, я очень спешу. –* ***Может, еще тортик****? «Москва»? «Медовик»? «Прага»?* По словам самих официантов, вступает в шаблонный диалог в лучшем случае 1 из 10 клиентов. Бывает, что клиент предпочитает сам реализовать раздражающий шаблон, дав превентивно ответы на все «обязательные» вопросы: *Посчитаем? И* ***без кофе с собой и эклеров по специальной цене****, пожалуйста.* ***Оплата картой****,* тем самым сэкономив время. Но и «покупатель», ориентируясь на шаблон, может выпасть из реального диалога, также перестав слушать и слышать деловые предложения.

Во-вторых, меняются нормы вежливости.

Непосредственно обращенная к собеседнику, т. е. устная речь зачастую воспринимается как вторжение в личное пространство [Северская 2018: 251], нарушение privacy. Так, этикетные вопрос: *Вы выходите на следующей?* или просьба: *Разрешите пройти!* сегодня воспринимаются как хамские (в отличие от безмолвного прохода к двери в нужный момент).

Вместе с тем, приживаются эллиптичные формы: *Добрый день! – Добрый!* в наши дни уже не «кургузое хамство», а норма; письменные сокращения типа *Ксения, ДУ!* (вместо: *Ксения, доброе утро!*) вначале считались вопиюще невежливыми, а сегодня уже 50% бизнес-сообщества использует их и дает маркерам *ДУ/ДД/ДВ* нейтральную оценку.

Упрощаются нормативные обращения: на письме практически не встречается форма *Вы*. Между тем, обращение на *Вы/вы* может быть смыслоразличительным: *Вера, я вас записала на курс «Деловой грамотности»* может быть прочитано двояко –

если *вы=Вы*, то имеется в виду только руководитель подразделения, если *вы=вы*, то речь обо всем подразделении в целом.

Средства выражения вежливости также становятся шаблонными – по сети гуляет «пятисмайловый» джентльменский набор «волшебных» вежливых слов: *здравствуйте, до свидания, извините, спасибо, пожалуйста*, с комментарием: «Ежедневное употребление в своем лексиконе этих слов говорит о хороших манерах и высокой нравственности».

Особо стоит отметить, что при взаимодействии приверженцев так называемых «младших» и «старших» норм могут возникать если не ярко выраженные конфликты, то по крайней мере точки напряжения. Воспользуемся примерами М. Ильяхова, который, кстати, пропагандирует неформальный стиль общения. В одном из них коммуникация выстраивается по линии «свой» – «свой», и эта «свойскость» оправдывает использование сугубо разговорных форм как в инициативном письме: ***Оля, привет! Довольно*** *срочный вопрос.* ***Я*** *вчера,* ***как баклан, забыл*** *прислать запрос на выгрузку, а мне сегодня нужно составлять отчёт.* ***Можешь помочь?*** [Ильяхов 2018: 19], так и в ответном: ***Привет! Вань, это плохо****. У нас* ***же*** *выгрузка* ***в полночь*** *четверга. Теперь следующий транспорт через неделю* [Там же]. В другом примере инициатор переписки опять же настроен на коммуникацию между «своими»: *Коллеги,* ***доброго времени суток****!* ***Как ваши дела? Куда пропали?*** *Ожидал от вас данные за 1–8 августа* ***ещё вчера, но ничего не получил. Можете проверить?*** *Заранее спасибо за скорейший ответ!* ***Хороших выходных!*** [Там же: 15]. Однако тот, кто отвечает ему, инициативу не поддерживает и придерживается не неформально-разговорного, а довольно строгого официально-делового стиля: ***Уважаемый*** *Иван!* ***К сожалению, Ваш запрос на получение данных*** *не поступил.* ***Не могли бы Вы*** *его продублировать? К сожалению,* ***по регламенту*** *выгрузки данных у нас происходят в четверг в* ***23:59****. По нашему соглашению для получения выгрузки* ***за текущий период необходимо*** *отправить заявку* ***до 19:30*** *четверга* ***в целях соблюдения технических и регламентных требований договора****. В копии мой* ***руководитель*** *Олег Самойлов, если* ***потребуется уточнить*** *подробности нашего соглашения.* ***Хороших выходных****!* [Там же: 16]. В переписке возникает явное напряжение, коммуникация переходит в формат «свой» - «чужой». Чаще всего это случается при взаимодействии поколений «беби-бумеров» и X, с одной стороны, и поколений Y и Z, с другой.

В-третьих, от цифровизации страдает грамотность. Полагаясь на спелл-чекер, средний клерк не учитывает, что средству проверки доступны не все орфограммы (например, почтовые сервисы подсказывают неправильное написание *пол-мандарина* вм. *полмандарина,* по аналогии с *пол-лимона, пол-апельсина*) и пунктограммы (спелл-чекер Word'а не различает случаев *дал заключение как эксперт* и *действовал, как настоящий эксперт* и не делает разницы между вводными словами и частицами, союзами и членами предложения вроде *он, однако, пришел* и *однако он пришел*). Кроме того, T9 автоматически превращает слова типа *навстречу, вроде, наподобие* и др. в сочетания предлога с существительным *на встречу, в роде, на подобие*, вне зависимости от контекста употребления. Сервис T9 может сыграть плохую шутку и с автором делового письма, в результате адресат получает сообщения типа: ***Олень*** (вместо *Олег*)*, Вы сможете подъехать на собеседование к 13 часам?* и, обидевшись, отказывается от коммуникации.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать изменение норм деловой речи и дрейф официально-письменного стиля в сторону официально-разговорного, а в некоторых случаях и неформально-разговорного [Северская, Селезнева 2019], что соответствует установке современного бизнес-сообщества на «человечность» деловых контактов и одновременно обусловливается размытостью каналов коммуникации в цифровую эпоху. «Цифра», облегчая коммуникацию технически, порой создает

в ней информационный «шум», снижая ее эффективность. Задача лингвистов – стилистов и прагматиков – помочь деловому сообществу выработать новый стиль общения, а одновременно – внести коррективы в определение делового функционального стиля.

Литература

1. *Ильяхов М., Сарычева Л.* Новые правила деловой переписки / Максим Ильяхов, Людмила Сарычева. М.: Альпина Паблишер, 2018. 256 с.

2. *Костомаров В.Г.* Дисплейный текст как форма сетевого общения // Russian Language Journal. 2010. Vol. 60. P. 141–147.

3. *Кронгауз М.А.* Самоучитель олбанского / М. Кронгауз [текст]. М.: АСТ-Corpus, 2013. 416 с.

4. *Северская О.И.* Текст или текстинг? Культурно-языковые девиации цифровой эпохи // Текст культуры и культура текста: Материалы IV Международного педагогического форума (Сочи, 16–17 октября 2017 года) [Электронный ресурс] / Ред. Л.А. Вербицкая, С.И. Богданов, О.Е. Дроздова и др. — СПб.: РОПРЯЛ, 2017. С. 97-101.

5. *Северская О.И.* От «диких извинений» до «можнопожалуйста»: о границах между вежливостью и антивежливостью // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы международной научной конференции / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. М.: РОССПЭН, 2018. С. 246–253.

6. *Северская О.И., Селезнева Л.В.* Тотальная деловая грамотность. «Волшебные таблетки» для деловых людей: принимать устно и письменно / О.И. Северская, Л.В. Селезнева [текст]. М.: Эксмо, 2019.

СУБСТАНТИВИРОВАННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ «МАСТЕРСКАЯ» VS СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ НА *-Н(Я)* / *-ЛЬН(Я)*

Е.А. СМИРНОВА

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Россия

katarzina@yandex.ru

Ключевые слова: *субстантивация, субстантивированные прилагательные, словообразование, лексическая семантика.*

Одним из характерных свойств прилагательных как лексико-грамматического класса является способность к субстантивации. В настоящее время коллективом авторов готовится к изданию Большой толковый словарь русских прилагательных и наречий, и это свойство непременно должно найти в нем отражение. Наиболее интересными для анализа представляются субстантивы, имеющие дублеты в классе существительных. В данном исследовании рассматривается семантическая группа, именующая мастерские и помещения для определенного вида работ.

EKATERINA SMIRNOVA – Substantive Adjectives with a Semantic Meaning ‘workplace’ vs Nouns Ending on ‘*-н(я) / -льн(я)*’

Key words: *substantivation, substantive adjectives, word-formation, lexical semantics.*

The article deals with russian adjectives and their ability to substantivation. It is one of the characteristic properties of this part of speech. Currently a team of researchers in Russian Language Institute of RAS is working on The Comprehensive Explanatory Dictionary of Russian Adjectives and Adverbs, so the substantivation of adjectives should be reflected in the dictionary. In my opinion, substantive adjectives that have doublets (analogues) in the class of nouns are the most interesting for the analysis. In this paper we consider the semantic group, which refers to workplace for a certain type of activity.

В ходе работы над Большим толковым словарем русских прилагательных и наречий перед коллективом авторов встают не только лексикографические, но и исследовательские задачи. Лексико-грамматический класс прилагательных характеризуется способностью многих из входящих в него единиц к субстантивации, и это свойство должно непременно найти отражение в Словаре. Особый интерес представляют субстантивированные прилагательные, имеющие семантические дублеты в классе существительных.

I. В современном русском языке слова, именующие помещения для определенного вида работ или приспособленные для какого-нибудь специального производства, делятся, за редким исключением (например, *кузница*), на два больших словообразовательных класса, покрывающих одно семантическое поле. Речь идет о существительных с суффиксами *-н(я)* и *-льн(я)* (типа *пильня*, *караульня*, *печатня*; *валяльня*, *красильня*) и субстантивированных прилагательных (типа *столярная*, *слесарная*). Тип

с суффиксом *-н(я)* описан в Академической грамматике как непродуктивный, а с суффиксом *-льн(я)* как проявляющий некоторую продуктивность в специальной терминологии и в разговорной речи [АГ-80 : 153]. Однако Л.Б. Перльмуттер отмечает, что к субстантивированным прилагательным женского рода относятся, главным образом, слова «со значением *комната*, *мастерская*, *лавка*, т. е. все это может быть сведено к одному понятию *помещения*, *комнаты*», и они продуктивны в русском языке [Перльмуттер 1948: 17]. В.В. Лопатин также считает данный тип субстантиватов со значением помещения наиболее продуктивным и стилистически нейтральным [Лопатин 1966: 222].

В современных толковых словарях этот семантический класс слов приводится очень выборочно и иногда со стилистическими пометами, указанными нередко хаотично. В Толковом словаре Н.Ю. Шведовой [Шведова 2007] слова *пекарня* и *пивоварня* приводятся без помет, *гончарня*, *прядильня* и *швальня* – с пометой *устар*., остальные слова этой семантической группы не приводятся совсем. В Толково-словообразовательном словаре Т.Ф. Ефремовой [НСРЯ 2000] список слов шире, в него даже попадает несколько субстантивированных прилагательных: слова с пометой *устар. – кожевня, квасоварня, поварня, швальня* и *швальная*; с пометой *разг. – мотальня, слесарня, столярная, токарная*; без помет – *пивоварня, солодильня, гончарня, прядильня, валяльня, бондарня, литейная, слесарная, токарня*.

Грамматический словарь А.А. Зализняка [Зализняк 2003] предлагает более полный список слов, однако наиболее репрезентативным будет список из лексем Словаря В.И. Даля (см. табл. ниже). Слова, выделенные полужирным, встречаются только в Словаре В.И. Даля, невыделенные примеры приводятся в обоих словарях (искл. – *солодильня*). Как видно из таблицы, столбец с субстантивированными прилагательными заполнен в основном примерами из Словаря В.И. Даля.

Субстантивированные прил.	*Существительные*
бондарная	бондарня или **бондырня** [Даль 1978: 114]
гвоздяная	**гвоздильня**, гвоздарня (‘кузня, кузница, мастерская, где делают гвозди’) [Даль 1978: 347]
квасная	квасоварня (‘устройство для варки квасу’) [Даль 1979: 103]
литейная	**литейня** (‘заведение для отливки вещей’) [Даль 1979: 256]
поваренная	поварня (‘кухня’) [Даль 1980: 141]
слесарная	слесарня (‘слесарская мастерская’) [Даль 1980: 219]
столярная	столярня (‘мастерская столяра, рабочая изба, заведенье’) [Даль 1980: 329]
токарная	токарня (‘заведение, где точат’) [Даль 1980: 423]
швальная	швальня (‘портняжная, комната, заведение, где шьют’) [Даль 1980: 635]
—	пивоварня (‘пивоварный завод’) [Даль 1980: 116]
—	бочарня (‘мастерская, где делают бочки, обручную посуду’) [Даль 1978: 121]
—	печатня (‘типография’) [Даль 1980: 108]
—	кожевня (‘заведение кожевника’) [Даль 1979: 131]
—	**солодовня** (‘заведение, где растят и сушат солод’) [Даль 1980: 267]; солодильня [Зализняк 2003: 679]
—	кузня;

	ковальня (‘кузница’) [Даль 1979: 128]
—	портомойня (‘прачечная’) [Даль 1980: 323]
—	гончарня
—	мотальня
—	прядильня (‘заведенье для пряжи’) [Даль 1980: 533]
—	валяльня или **вальня** (‘заведение для валянья сукон или шерсти’) [Даль 1978: 163]

Толкования в таблице приводятся по Словарю В.И. Даля: толкуемые лексемы приводятся, как правило, в гнезде и в случае синонимии даются через запятую / союз *или*.

II. Посмотрим на морфологическую природу субстантивированных прилагательных. Этот класс слов характеризуется особым изменением парадигмы мотивирующего слова: она преобразуется не качественно, а количественно — сохраняется часть парадигмы прилагательного (система флексий одного рода) с одновременным приобретением морфологических и синтаксических свойств существительного [Лопатин 1966: 79]. Таким образом, эти слова «выполняют в предложении все синтаксические функции существительного» и «приобретают способность сами определяться прилагательными» [Виноградов 1953: 312].

В данной семантической группе субстантиваты образуются исключительно на базе относительных прилагательных (в отличие, например, от церковнославянских акафистов, где «качественные обладают более высоким потенциалом к субстантивному переосмыслению», так как «эллиптируется существительное с самым общим значением *человек*, в то время как при относительных прилагательных – определенное существительное» [Шапорева 2010: 53–54]).

В описях домашнего быта русских царей и цариц в XVI–XVII ст. встречаются устар. субстантиваты для именования комнат: *крестовая, четвертая, пятая, шестая, седьмая, задняя* (при употребительных сейчас: *передняя* и *столовая*). Ср. описание государевых передних хором: «*Передняя* 6 саженъ безъ чети, поперегъ 4 саженъ безъ 6 вершковъ, 6 окошекъ красныхъ двойныхъ столярного дѣла, двѣ трубы ценинныхъ проводныхъ. *Крестовая* 6 саженъ безъ 3 четей, поперегъ 4 саженъ безъ полуаршина, а въ ней 8 оконъ красныхъ большихъ столярнаго дѣла, труба проводная ценинная. *Третья* полтретьи сажени» [Забелин 2003: 511]. Далее указывается, что «хоромы г. царицы *четверня*» [Забелин 2003: 527] — так указывалось количество срубов-клетей (по аналогии: *шестерня*, *семерня*); «по указу в. г. велѣно на Преснѣ въ государевыхъ хоромѣхъ въ столовой да въ дву *четверняхъ* да въ *тройнѣ* намостить мосты дубовымъ кирпичемъ» [Забелин 2003: 627]. Для служебных помещений были тоже свои названия, сейчас не употребительные: «Среди двора полата камена, подъ нею погребъ; да хлѣбня, противъ еѣ два ледника древеные, да погребъ выходной, а на нем сушило; 2 поварни, поварня ѣстовая, другая сытная; да изба поваренная, да житница <…> да сарай на столбахъ, да сѣнникъ на хлѣвахъ, да мыльня» [Забелин 2003: 461]. Таким образом, для помещений в XVI-XVII вв. существовало больше названий с той же морфологической структурой: существительные с суффиксами *-н(я)* / *-льн(я)* и субстантиваты.

III. Субстантивированные прилагательные могут быть употребительными, т. е. закрепленными в языке, и окказиональными, или контекстуальными. Легкость образования окказиональных субстантиватов заложена в самом языке, так как в подобном словообразовании отсутствуют какие-либо структурные ограничения и дополнительные формальные (морфонологические) средства, как в случае суффиксального словообразования [Лопатин 1967: 216]. В признаке прилагательного заключено неявное

указание на сам предмет, в который заложен признак: «Можно сказать, что в прилагательном есть намек на предмет, и если предмет настолько известен, что одного намека достаточно, или если, напротив, он неизвестен, но говорящий и не хочет сделать его известным, а хочет только намекнуть на него, — существительное опускается. В древнем прилагательном намек этот был еще сильнее, так как оно ближе стояло к существительному. Таким образом, искони всякое прилагательное могло употребляться и в смысле прилагательного, и в смысле существительного» [Пешковский 1956: 134-135].

Примером контекстуального употребления субстантиватов, именующих служебные помещения, может служить, например, реестр построек, перечисленных на иконе из Собрания Соловецкого монастыря (первая половина или середина XIX века). На иконе изображены преподобные Зосима и Савватий с обителью; в нижней части композиции изображен Соловецкий монастырь с пронумерованными в соответствии с реестрами постройками:

Слева: РЕЭСТРЪ КОЛИКО ИМАТЬ С(ВЯ)ТАЯ СІЯ ОБИТЕ*Л* ВNУТРЬ СЕБЕ ЗДАNІИ <…> 22. ПОЛАТА ІКОNNАЯ ПОД NЕИ МИРСКАЯ БО // ЛNИЦА. 23. БРАЦКІЕ КЕЛЬИ. 24. БОЛNИЧNЫЕ КЕЛЬИ. 25. ПОВАРЕNNЫЯ КЕЛЬИ // А ПОД ІМИ І ПОВАРNЯ ГДѢ ПИЩУ ГОТОВЯТЪ. 26. КВАСОВАРЕNNАЯ ПОЛАТА // ГДѢ КВАСЪ ВАРЯТЪ. 27. КОТЕЛЕNNАЯ ПОЛАТА В NЕИ ЖИВУТЪ МѢДNИКИ // 28. СУШИЛЕNNЫЯ ПОЛАТЫ В КОТОРЫ*Х* ЛЕЖИ*Т* ВСЯКОИ МN*С*ТРСКОИ ПРИПАСЪ. 29. // ЖИТЕNNОЙ ДВОРЪ И ЖИТNИЦЫ С ХЛЕБО*М*. 30. СОЛОДОВЕNNАЯ ПОЛАТА. 31. // МЕЛNИЦА С ТОЛЧЕЕЮ. 32. ПОЛАТА ГДЕ NА БРАТІЮ СВИТКИ МОЮТЪ. 33. СУ // ШИЛЕNNАЯ ПОЛАТА ГДѢ РОШЪ СУША*Т*. 34. БАШNЯ ГОСТИNАЯ. 35. РЫБNЫЯ ВРАТА. // 36. БАШНЯ УСПЕ*N*СКАЯ. 37. БАШNѣ КОРОЖNА. 38. БАШNЯ NИКОЛСКАЯ ПО*Д* NЕЮ ВРАТА. // 39. ПРИСТЕNО*К* **ПОВАРЕN*N*ОИ** И **КВАСОВАРЕN*N*ОИ** ПРИ NЕ*М* 2 БАШNИ.

Справа: <…> 9. АNБАРЪ С NЕ // ВОДАМИ И СЕТМИ. 10. ПЛОТNИКИ ЖИВУТЪ. 11. **СТОЛЯРNАЯ** І **ТОКАРNАЯ** // 12. ОГОРОДNИКИ ЖИВУТЪ. <…> 20. КОNЮШЕNNОИ ДВОРЪ. 21. ЗАВОДЪ ГДѢ САNИ ДРО // ВNИ И ТЕЛЕГИ СТРОЯТЪ. 22. ШЛЮПКИ И МАЛЫЯ СУДА СТРОЯТЪ. 23. ЗА // ВОДЪ ГДѢ КОNАТЫ И ПРОТЧИЕ СNАСТИ СПУСКАЮТЪ. 24. УГОЛNОИ // ЗАВОДЪ. 25. ЕЗЕРО С(ВЯ)ТОЕ. 26. ПРИСТАNЬ ГДѢ СЕNО ИДРО[ВА] И БРЕВNА ВЫ // ГРУЖАЮТЪ. 27. **ПРЯДИЛЕNNАЯ** И **СЕТNАЯ**.

Из контекста очевидно, что *поваренная, квасоваренная, столярная* и *токарная* — это обычные субстантиваты (именующие *палаты*, т. е. помещения), а *прядиленная* и *сетная* — окказиональные, возникшие по аналогии. Интересно, что писец предпочтительнее называет постройки существительным с прилагательным (*сушиленные полаты, солодовенная полата, котеленная палата* и т. д.) или субстантиватами (*столярная, токарная, поваренная*), нежели существительными с суфф. *-н(я)* и *-льн(я)* (*поварня*), при наличии в русском языке слов *сушильня* и *солодовня*. Потому ли, что осознанно избегает последние из-за стилистической дифференциации? Думается, что нет.

Подводя итоги всему вышесказанному, хочется высказать сомнение по поводу словарной стилистической трактовки слов, именующих мастерские и служебные помещения в русском языке. В некоторых случаях, когда утрачивается профессия, можно предполагать помету *устар*., но не *разг*. Однако современные тенденции к возрождению традиций и старых профессий, надо полагать, в скором времени снова найдут отражение в языке в виде названий мастерских и магазинов: *хлебня*, *прачечная*, *гладильня*, *валяльня*, *кузня*, *столярная* и т. д. Тогда станет понятно, какой из двух словообразовательных типов действительно окажется более продуктивным.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 1729-09131 (офи_м).

Литература

1. АГ-80 – *Русская грамматика*. М.: Наука, 1980. Т. I.
2. *Виноградов В.В.* Грамматика русского языка. М.: Акад. Наук СССР, 1953. Т. 1.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978-1980. Т. I-IV.
4. *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. III. Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII ст.: Материалы. М.: Языки славянской культуры, 2003.
5. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М.: Русские словари, 2003.
6. *Лопатин В.В.* Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // Вопросы языкознания, 1966. № 1. С. 76-87.
7. *Лопатин В.В.* Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.
8. НСРЯ 2000 – *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный* / Под ред. Т.Ф. Ефремовой. М.: Русский язык, 2000. Т. I-II.
9. *Перльмуттер Л.Б.* Переход прилагательных в существительные // Русский язык в школе, 1948. № 1. С. 12-20.
10. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
11. *Шапорева О.А.* Субстантиваты со значением лица в церковнославянских акафистах // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2010. Вып. 2 (20). С. 42-59.
12. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. акад. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007.

МОДЕЛИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ В КАТЕГОРИЗАЦИИ ЭТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ДОБРО» НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

ТЯНЬЦЗЯО ВАН

Национальный исследовательский нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия

931515224@qq.com

Ключевые слова: *когнитивные модели, концептуальные метафоры, этический концепт «добро», категоризация, паремиология, языковая картина мира этноса.*

В работе осуществляется анализ концептуально-метафорических моделей в категоризации концепта «добро» в русской паремиологии. Показано, что категоризация не может осуществляться без учета когнитивных стратегий типа концептуальной метафоризации, что в русской паремиологии «добро» представлено как субстантивное вещество, драгоценные вещества и питательная еда. Делается вывод, что в категоризации «добра» подобные модели метафорического представления «добра» во многом обусловливают национально-культурную специфику русской языковой картины мира.

TIANJIAO WANG – Conceptual metaphorical models in categorization of the ethical concept ‘goodness’ based on the Russian paremiology

Key words: *cognitive models, conceptual metaphors, ethical concept ‘goodness’, categorization, paremiology, ethnical linguistic picture of the world.*

This paper analyzes conceptual metaphorical models in categorization of the concept ‘goodness’ based on Russian paremiology. It is shown that categorization cannot be carried out without taking into account cognitive strategies such as conceptual metaphorization, that in Russian paremiology goodness is represented as a substance, precious substances and nutritious food. It is concluded, in categorization of goodness such models of metaphorical representing goodness largely determine the national and cultural specificity of the Russian language picture of the world.

Данная работа посвящена изучению когнитивных моделей концептуальной метафоризации в категоризации этического концепта «добро» в русской паремиологии на примере русских пословиц и поговорок с компонентом ‘добро’.

Цель исследования – выявление национальной и культурной специфики представления о добре и когнитивных моделей в его категоризации, воплощенных в русской языковой модели мира, имплицитно отображенной в русской паремиологии.

В качестве метода исследования использованы метод традиционного лингвистического описания и метод концептуального анализа.

В научной парадигме когнитивной лингвистики фокус лингвистических исследований переходит от изучения языковой структуры к анализу познания человека, воплощенного и закрепленного в языках. При этом объектами лингвокогнитивных исследований являются когнитивные стратегии, концептуальные структуры, форматы знания, культурные конвенции, стоящие за категориями и моделями естественного языка. Базовым видом когнитивной активности человека, фундаментальным способом когниции выступает категоризация. Не случайно многие когнитивисты считают, что когнитивная лингвистика есть теория языковой категоризации мира [Geeraerts et al. 1994 : 13].

Предполагается, что категоризация как атрибут человеческого опыта и воображения [Lakoff 1987: 25], по сути, представляет собой не столько когнитивную способность классифицировать [Jackendoff 1999: 77], сколько ментальный результат данной классификации [Ungerer, Schmid 2001: 2], полученный в процессе взаимодействия с окружающей человека средой, и, в частности, с его внутренним миром. Короче говоря, категоризация есть процесс понимания какой-либо абстрактной сущности через восприятие конкретной сущности или субстанции, какого-либо фрагмента человеческого опыта, распространяемый на другие схожие объекты, свойства, процессы и ситуации [Croft, Cruse 2004: 74]. В любом случае она способна выразить национально-специфичные культурные характеристики, отображенные и закрепленные в языковых единицах, представлениях, идеях, и, в частности, этических концептах.

В ряду этических концептов, являющихся аксиологически маркированными ментальными единицами, ориентированными на нравственно-ценностную составляющую совокупного духовного мира личности и этноса, концепт «добро» представляет собой категорию базового уровня, соответствующую всем критериям определения категорий базового уровня: 1) целостность в чувственном опыте; 2) легкая выделимость на психологическом уровне; 3) приоритетность; 4) типичная реакция на стимулы; 5) частая употребляемость в речевом общении; 6) ключевая значимость (cue validity) [Бочкарев 2015: 249-254]; 7) ведущая роль в организации знаний и опыта [Wang Yin 2005: 129-130]. При этом категоризация этического концепта «добро» становится предметом нашего исследования.

Можно утверждать, что категория базового уровня «добро», по сути, является культурным концептом, который, по мнению Т.Б. Радбиля, представляет собой единицы, отвечающие за концептуализацию «конкретной предметики» в когнитивной системе человека, т.е. выступает как результат выделения сходных классов видовых объектов, которым есть соответствие в опыте и в деятельности [Радбиль 2018: 126]. Соответственно, категоризация этического концепта «добро» есть его концептуализация, определенным образом организованная «конфигурация смыслов». Категоризация как фундаментальная когнитивная стратегия реализуется посредством особых когнитивных механизмов, главным из которых является *концептуальная метафоризация*. В настоящем исследовании рассматриваются когнитивные модели концептуальной метафоризации этического концепта «добро».

Со времен Аристотеля метафора изучается либо в лексико-семантическом плане [Петров 1990: 135], либо в стилистическом плане [Ungerer, Schmid 2001: 153]. Новое понимание метафоры как формата знания о мире [Попова, Стернин 2007: 7-8] и элемента понятийной системы человека [Арутюнова 1999: 346] связано с возникновением когнитивного подхода к метафоре [Lakoff, Johnson 2003]. Это новое понимание метафоры прежде всего отражается в теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 2003: 190], в которой метафора понимается как элемент мышления человека, воплощающий базовые когнитивные процессы, которые связаны с получением новой информации о мире [Кубрякова и др. 1996: 55] и со способами представления этого нового знания в сознании [Скребцова 2011: 34], суть которых заключается в осмыс-

лении одного концепта в терминах другого концепта, более сложного явления — в терминах более простого, уже известного в опыте [Kovecses 2010: 7]. Тем самым концептуальная метафора как когнитивная стратегия познания окружающей среды и деятельности человека воплощает в себе базовые способы мышления, понимания действительности и поведения.

Мы в данной работе исходим из того, что в процессах концептуальной метафоризации большую роль играют ключевые концепты национальной культуры как этнически обусловленные единицы ментальной репрезентации. Поскольку познание и понимание абстрактных концептов в среде действия языка происходит в терминах конкретных концептов, это вполне соответствует механизмам действия концептуальной метафоры. Иными словами, в языковой картине мира этноса, рассматриваемой как наивная модель мира, в которой отражается определенный способ восприятие мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка [Апресян 1986: 5], и фиксирующей в себе уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей [Маслова 2001: 47], формирующейся системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 10; Радбиль 2016: 174], обязательному овеществлению по моделям концептуальной метафоризации подлежит любой абстрактный концепт, в том числе абстрактные этические концепты.

Именно в языке воплощаются базовые свойства человека, в том числе особенности его ментальности [Evans, Green 2006: 6]. В числе разных уровней языка и участков языковой системы совершенно особое место занимает не только фразеология как носитель культурных смыслов нации, единицы которой содержат информацию о культурно-национальной рефлексии субъекта, соотносящего образно содержание фразеологизма с эталонами и стереотипами культурно-национального мировидения и миропонимания [Телия 1996: 9], но и паремиология как хранилище стереотипов народного сознания, поскольку происхождение и функционирование пословиц и поговорок неразрывно связано с историей конкретного народа или этноса, его культурой, бытом, моралью и т.д. [Маслова 2001: 27] Таким образом, посредством анализа русских пословиц и поговорок через призму концептуальной метафоризации мы можем выявить базовые когнитивные модели представления в языковой картине мира этноса тех или иных абстрактных концептов нравственного характера, в том числе – концепта «добро».

Первая модель концептуальной метафоризации, попавшая в сферу нашего исследования, – это концептуально-метафорическая модель овеществления реификации (абстракции) этического концепта «добро», т.е. модель представления добра как настоящего субстантивного вещества (вещи, сущности, объекта, предмета), проявляющаяся эксплицитно в русских паримеологических единицах (т.е. пословицах и поговорках) с компонентом ‘добро’. Здесь не лишне будет указать на тот факт, что данная концептуально-метафорическая модель относится к категориям концептуальных метафор, которые в теории когнитивной метафоры называются онтологическими метафорами, потому что настоящие субстантивные вещества по сущности представляют собой онтологическое существование.

Несмотря на характерный для этического концепта «добро» концепт базового уровня, обладающий прототипичностью в концепте вышестоящего уровня «этики» в моральных рамках, с необходимостью указать на его абстрактную природу. Другими словами, этические концепты базового уровня типа добра, являясь абстрактными, сами по себе не могут быть тронуты сенсомоторными органами человека. Это объясняется тем, что подобные абстрактные концепты в ментальном плане человека образованы не так, как конкретные концепты, основывающиеся на непосредственном эм-

пирическом опыте телесного взаимодействия с окружающей человека средой, возникающем в динамическом процессе познания внешнего мира.

Как уже было упомянуто выше, что в когнитивной деятельности любой абстрактный концепт должен познаваться и запечатлеваться в концептуальных системах этноса в терминах конкретного концепта, что по сущности соответствует рабочему механизму онтологической метафоры, именно по которому когнитивная модель представления добра как настоящего субстантивного вещества (сущности, вещи, объекта, предмета) отражает бессознательное познавательное проецирование эмпирического знания о реальных веществах, полученного из повседневной жизни, на конструирование когнитивных признаков и атрибутов абстрактного концепта «добро», чтобы в этнической языковой картине мира было успешное образование и закрепление данного понятия.

Мы знаем, что в реальной действительности люди способны выполнять разного рода детальные действия с предметами (объектами, вещами, сущностями). Тем более, данная когнитивная особенность безусловно проявляется и представляется на разных уровнях языковой репрезентации, в том числе, и синтаксической структуре. Согласно вышеуказанной когнитивной модели концептуальной метафоры, такой признак синтаксической структуры конкретного концепта «субстантивное существо» применяется к этическому концепту «добро», т.е. посредством нашей первой модели когнитивной метафоризации, отраженной в русских пословицах и поговорках: *сей добро, посыпай добром, жни добро, оделяй добром*; *добро добро покрывает*; *за добро добром и платят*; *добра желаешь, добро и делай*; *свое добро теряет, а чужого желает*; *кинь добро назади, очутиться впереди*; *наше добро на огне не горит, на воде не тонет и в земле не гниет*; *где свое добро ни нашел, там его и взял*; *добро творить – себя веселить*; *мое добро – хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю*; *добро за готовым хлебом на печи лежать* и т.д., концепт «добро» входит в языковую картину мира этноса как конкретно-чувственное представление в эмпирическом опыте человека. Еще достаточно очевидно, что такое проецирование синтаксической структуры конкретного концепта «субстантивное существо» в качестве исходного домена (source domain) на синтаксическую структуру абстрактного этического концепта «добро» в качестве целевого домена (target domain), по сути, вполне соответствует метафорическому механизму структурных метафор. Подразумевается, что онтологические и структурные метафоры в рамках теории концептуальной метафоры чаще всего совместно друг с другом возникают и закрепляются в ментальности человека, в результате чего они подсознательно активируются и бессознательно используются в человеческой повседневной жизни. При этом на основе данной когнитивной модели носители русского языка могут не только понимать этический концепт «добро», репрезентированный в выше перечисляемых паремиологических единицах, но и руководствоваться этим пониманием в своей повседневной жизни, в практическом поведении.

Вторая когнитивная модель, проявляющаяся в нашей работе, – это субмодель первой когнитивной модели, т.е. модель представления добра как субстантивного предмета со специфическими функциями, характеристиками, атрибутами. В отличие от первой когнитивной модели, в которой конструкция концепта «добро» совершенствуется в целом со всеобщей точки зрения, вторая когнитивная модель конкретизирует денотат, обозначенный языковой единицей ‘добро’, которая в данном случае представляется как драгоценные вещества. Иными словами, вторая когнитивная модель представления добра как драгоценные вещества, прототипичные члены которых составляет алмаз, бриллиант, золото и т.д., указывает на тот факт, что в процессе познания некоторых признаков этического концепта «добро» люди чаще всего используют энциклопедические знания о конкретном концепте «драгоценные вещества»,

которому приписана способность принести людям материальное довольство и духовное удовольствие. В соответствии с этим все люди желают, ищут, экономят, и используют добро в бытовой жизни. Тем не менее, не только в древнерусском языке, но и в современном русском языке слово ‘добро’ означает имущество, которое сохранилось в разговорной речи в выражениях типа *он накопил много добра*, *добра не нажил*, *у него много всякого добра*.

Таким образом, в русской паремиологии существуют следующие пословицы и поговорки с компонентом ‘добро’ как существительным, в которых отображаются присущие концепту «драгоценные вещества» признаки, проецированные на этический концепт «добро» посредством концептуально-метафорической модели «добро есть драгоценные вещества»: *добро добро покрывает*; *свое добро теряет, а чужого желает*; *за добро добром и платят*; *за добро бог плательщик*; *наше добро на огне не горит, на воде не тонет и в земле не гниет*. Здесь не лишним будет указать, что последняя паремиологическая единица оказывается, на первый взгляд, не связанным данным языковой репрезентации второй когнитивной модели с концептом «драгоценные вещества», лишь показывая его абсолютную жесткую природу. На самом деле, данная пословица теснейшим образом связана с драгоценными веществами потому, что в нашем обществе лишь вещества, обладающие жесткостью, твердостью, стабильностью, и, в частности, редкостью в ценном смысле, могут быть определяемыми как драгоценные, к которым люди стремятся. Чаще всего такие драгоценные вещества можно считать материальным воплощением финансового средства. Это еще и доказывает, что данный элементарный признак концепта «драгоценные вещества», употребляемый в человеческой повседневной жизни и рассматриваемый как конкретный эмпирический опыт, используется подсознательно и также бессознательно в процессе понимания абстрактных и незнакомых концептов типа добра.

Третья когнитивная модель, изучаемая в нашем исследовании, – это концептуально-метафорическая модель, опирающаяся тоже на первую когнитивную модель, представления добра как необходимой питательной еды для физиологического и психологического развития человека, которая реализована в русских пословицах и поговорках с компонентом ‘добро’. Добру в этом случае могут быть приписаны свойства, атрибуты и функции, в норме присущие питательной еде. Так, например, все виды питательной еды попадают в живой организм, где усваиваются клетками с целью выработки и накопления энергии, поддержания жизнедеятельности, а также обеспечения ростовых процессов и созревания. Согласно нашей третьей когнитивной модели, данное знание о питательной еде проецируется именно на интерпретацию этического концепта «добро», что эксплицитно отображено в таких паримеологических единицах, как *добро за готовым хлебом на печи лежать, мое добро: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю*. Несмотря на факт невозможного постижения пословиц и поговорок непосредственно через соединение значений их составляющих, но оно в синтаксическом плане подразумевает этимологический фактор образования этих паримеологических единиц. Тем самым, не только в английском языке, но и в китайском языке есть пословица *ты есть то, что ты ешь* (you are what you eat). Так в этом смысле можно полагать, что добро как важный вид питательной еды дает нам возможность стать добрым и добро относиться к другим, и в том числе, руководствоваться этим пониманием в своей повседневной жизни, в практическом поведении.

В заключение отметим, что в ходе описания когнитивных моделей категоризации этического концепта «добро» мы получаем возможность говорить о национальной специфике некоторых представлений о добре, выраженных в русской паремиологии. Это прежде всего модели овеществленного представления добра как настоящего субстантивного вещества, вещи, сущности, в том числе, и специфицированного предмета с конкретными функциями, атрибутами, характеристиками, т.е. как драгоценных

веществ и питательной еды. Таким образом, в русских пословицах и поговорках, воплощенных категоризацию и/или концептуализацию разного рода концептов, и в том числе, этических, отражаются не только приметы национальной духовной и материальной культуры, реалии среды обитания этноса [Маслова 2001: 1], но и прежде всего – определенные форматы знания о мире, модели языковой ментальности, способы видения абстрактных понятий через конкретно-чувственный опыт их переосмысления.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и Информатика. 1986. № 28. С. 5-33.

2. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. Москва: Язык русской культуры, 1999. 896 с.

3. *Бочкарев А.Е.* К проблеме категоризации в теории прототипов: pro et contra. // Вестник Нижегородского Университета им. Н.И. Лобачевского, 2015, № 1, С. 249-254.

4. *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира сб. ст. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

5. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. Москва: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.

6. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. Москва: Академия, 2001. 183 с.

7. *Петров В.В.* Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 135-146.

8. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ «ВОСТОК-ЗАПАД», 2007. 314 с.

9. *Радбиль Т.Б.* Когнитивистика: Учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета. 2018. 250 с.

10. *Радбиль Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета: Учебное пособие. Москва: Флинта·Наука, 2013. 328 с.

11. *Скребцова Т.Г.* Когнитивная лингвистика: Курсы лекций. СПб: филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.

12. *Телия В.Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект. Москва: Школа «языки русской культуры», 1996. 288 с.

13. *Croft W.*, *Cruse D*. Cognitive linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.

14. *Evans V., Green M.* Cognitive linguistic: an introduction. Edinburgh: Edinburgh university press, 2006. 864 p.

15. *Geeraerts et al*. Structure of Lexical Variation: meaning, naming and context. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. 228 p.

16. *Kovecses Z.* Metaphor: a practical introduction. Oxford: Oxford university press, 2010. 375 p.

17. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. 242 p.

18. *Lakoff G*. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1987. 614 p.

19. *Jackendoff R*. Semantics and Cognition. Cambridge: The MIT Press, 1999. 283 p.

20. *Ungerer F., Schmid H.J.* An Introduction to Cognitive Linguistics. Beijing: Foreign language teaching and research press, 2001. 384 p.

21. *Wang Yin* (*王寅*). An Introduction to Cognitive Linguistics (认知语言学探索). Chongqing: Chongqing Press, 2005. 404 p.

«СЛОВАРЬ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА»: ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА И СТРУКТУРЫ

Л.Л. ШЕСТАКОВА

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Россия

lara.shestakova@mail.ru

Ключевые слова: *авторская лексикография, словарь поэтического языка, конкорданс, словник, словарная статья.*

Статья посвящена многотомному «Словарю языка русской поэзии XX века», составляемому в рамках авторской (писательской) лексикографии. На фоне истории создания Словаря дается его жанровая характеристика как полного сводного конкорданса комментирующего типа, рассматриваются особенности формирования словника и структуры словарной статьи. Иллюстрациями служат примеры словарных статей из разных томов издания.

LARISA SHESTAKOVA – "Dictionary of the Language of XXth Century Russian Poetry": features of genre and structure

Key words: *author lexicography, dictionary of poetic language, concordance, word-list, entry*.

The article is devoted to the multivolume “Dictionary of the Language of XXth Century Russian Poetry,” which is compiling within the author (writer) lexicography. Against the historical background of the creation of the Dictionary, its genre description is given as a full consolidated concordance of the commenting type the features of the word-list formation and the structure of the entry are considered. The illustrations are examples of entries from different volumes of the Dictionary.

«Словарь языка русской поэзии XX века» [СЯРП] составляется в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН в рамках авторской (писательской) лексикографии. Идея этого Словаря принадлежит В.П. Григорьеву, который назвал в свое время «создание словарей языка поэзии» важнейшей задачей лингвистической поэтики.

Работа над СЯРП, начавшаяся в середине 1990-х гг., прошла несколько этапов. Точкой отсчета стал рубеж 1993–1994 гг. – именно тогда был определен состав источников Словаря, после чего источники были переведены в компьютерную форму и началось создание словарной базы данных. На протяжении 1995–1997 гг. база данных была сформирована. Ее составили более полумиллиона стихотворных контекстов из произведений 10 выдающихся русских поэтов, принадлежавших разным литературным направлениям, отмеченных, каждый по-своему, печатью новаторства. Это И. Анненский (в Словаре – сокращенно *Анн*), А. Ахматова (*Ахм*), А. Блок (*АБ*), С. Есенин (*Ес*), М. Кузмин (*Куз*), О. Мандельштам (*ОМ*), В. Маяковский (*М*), Б. Пастернак (*П*), В. Хлебников (*Хл*), М. Цветаева (*Цв*). К концу 1997 г. была в целом разработана общая концепция Словаря. Он виделся как сводный (по произведениям ряда авторов) словарь-тезаурус языка поэзии конкретной эпохи. Соединение в этом Словаре элементов регистрирующего и объяснительного справочников, а конкретно – конкорданса и толкового словаря, позволило позднее жанрово определить его как «конкорданс комментирующего типа» [Шестакова 2011: 93], который может быть отнесен к авторским словарям нового поколения. Были выработаны основные принципы формирования словника и структуры словарной статьи. Важнейшей характеристикой словника стала его исчерпывающая полнота, а структуры словарной статьи – наличие в ней обязательных и факультативных зон: это, с одной стороны, – зоны заголовочного слова, хронологически выстроенных контекстов, шифров цитируемых произведений, с другой – зоны значения и комментариев (подробнее см. [СЯРП 2001: 12–15]). В 1998 г. в приложении к журналу «Русистика сегодня» был опубликован Пробный выпуск Словаря со статьями на букву А, а с 2001 г. стали выходить полновесные тома СЯРП.

В настоящее время опубликовано семь томов Словаря (А – Смоковница), готовится к печати восьмой, одновременно ведется работа над последующими томами. В опубликованных томах содержится в общей сложности более 40 000 словарных статей. Многолетняя работа над проектом делает всё более ясным общий замысел – дать в Словаре своего рода очерк поэтического мира XX века, показать в развитии систему поэтического языка данной эпохи (прежде всего, конечно, лексическую часть системы). Этому замыслу, при описании языка ряда поэтов, соответствует лексикографическая модель с полным, без изъятия каких-либо единиц (в том числе имен собственных), словником, с четко продуманным соотношением текстового (цитатного) и комментирующего материала в словарных статьях.

Что касается текстового материала, то упор предполагалось делать (и делается) именно на него, на поэтические строки. Об этом В.П. Григорьев говорил так: «…эстетика слова должна здесь все-таки говорить сама за себя без громоздкого набора “возмущающих” ткань стиха разъяснений лингвопоэтического механизма словопреобразования» [Григорьев 2006: 289]. В результате центральной частью каждой словарной статьи стали, в отличие от общеязыковых словарей, контексты – семантически полноценные, завершенные, выстроенные по хронологии и по авторам, сопро-

вождаемые шифрами. Ранжирование контекстов по хронологии особенно важно в организации словарных статей, так как оно позволяет выстраивать историю употребления поэтического слова, писать его своеобразную биографию, рассматривать каждый контекст его употребления «на фоне общей эволюции лексики стихотворного языка и динамики преобразований отдельного слова в отдельно взятом идиостиле» [СЯРП 2001: 10].

Это хорошо видно по многим статьям, в особенности среднего и большого объема, входящим как в первые, так и в последующие тома. См., например, статьи: БЕЛЫЙ из первого тома, ГОРОД из второго, ЗАКАТ из третьего, ЛЕТЕТЬ из четвертого, НЕБО из пятого, ПЕРВЫЙ из шестого, РЕКА из седьмого. Материал этих статей – по сути, готовая основа для лингвопоэтического исследования. Причем алгоритм первичного анализа материала заложен в самой форме его подачи. Она позволяет сразу получить ответы на вопросы, в каком году слово впервые употреблено и кем из представленных в Словаре поэтов, в какое 10-летие оно было наиболее употребительным, у кого из поэтов прослеживается на протяжении всего творчества, у кого носит единичный характер, встречается ли слово в сильных текстовых позициях и т. д. Для примера приведем в сокращении статью СИЗЫЙ, которая в полном виде содержит 40 контекстов (в этой и других словарных статьях использованы следующие основные сокращения: *вар.* – вариант, в сочет. – в сочетании, возм. – возможно, *Загл.* – заглавие, к-рый – который, *мифол.* – мифологический, *НАР* – несобственно авторская речь, *нар.-поэт.* – народно-поэтическое, *нов.* – новое, *обл.* – областное, обращ. – обращено, посв. – посвящено, *прил.* – прилагательное, *прост.* – просторечное, *разг.* – разговорное, *РП* – речь персонажа, *рфм.* – рифма, *ср.* – сравните, стих. – стихотворение, *субст.* – субстантивированный, *тж* – также, *устар.* – устаревшее, *Шутл.* – шутливо, *ib.* – ibidem (там же)):

СИЗЫЙ [*тж* в сочет.: с. голубь (голубочек)] Перестал холодный дождь, С. пар по небу вьется, Но на пятна нив и рощ Точно блеск молочный льется. *Анн900-е (64.1)*; СИЗЫЙ ЗАКАТ *Загл. Анн900-е (98.2)*; Близился с. закат. Воздух был нежен и хмелен, И отуманенный сад Как-то особенно зелен. *ib.*; <…> Поспешно оделась. Уходит. Ушла. Оглянулась пугливо На сизые окна мои. // И нет ее. В сизые окна Вливается вечер ненастный, <…> *АБ910 (III,58)*; Приподняться бы над подушками, Снова видеть широкий пруд, Снова видеть, как над верхушками Сизых елей тучи плывут. *Ахм911 (308.1)*; В руках плетеные корзинки, Служанки спорят с продавцами, Воркуют голуби на рынке И плещут сизыми крылами. *ОМ912 (286.3)*; <…> Плакучий Харьковский уезд, Русалочьи начесы лени, И ветел, и плетней, и звезд, Как сизых свечек шевеленье. *П915,28 (I,98)*; <…> С. дым, клубясь, летел. <…> *Хл[915] (94.1)*; <…> Нежный призрак, Рыцарь без укоризны, Кем ты призван В мою молодую жизнь? // Во мгле сизой Стоишь, ризой Снеговой одет. [обращ. к А.А. Блоку] *Цв916 (I,288.2)*; Громадой рубцов напружась, От жару грязен и наг, Был одинок, как ужас, Ее восклицательный знак. // Проставленный жизнью по сизой Безводной Сахаре небес, Он плыл, оттянутый книзу, И пел про удельный вес. *П917 (I,481)*; <…> Что, голубчик, дрожат поджилки? Все как надо: канат – носилки. // Разлетается в ладан с. Материнская антреприза. [обращ. к дочери Але (А.С. Эфрон)] *Цв919 (I,485)*; <…> Как кровь сочится под целебной ватой, Яснеет отрок на гранитной глыбе, И мглой истомною в медвяном лете Пророчески подернут с. взор. *Куз922 (239.3)*; Эй, хорошие! Не довелося! Разворочена, Простоволоса, // – Лжемариною В сизые гряды! – Я княгиня твоя Безоглядна... [посв. И.Г. Эренбургу] *Цв922 (II,112)*; Пела рана в груди у князя. Или в ране его – стрела // Пела? – к милому не поспеть мол, Пела, милого не отпеть – Пела. Та, что летела степью Сизою. – <…> *Цв924 (II,252.1)*; <…> В результате / вещь / ясней помидора / обволакивается / туманом сизым, / и эти / горы / нехитрого вздора / некоторые / называют марксизмом. *М926 (243)*; <…> В необъятность неба, ввысь Вихрем сизых пятен Стаей голуби неслись, Снявшись с голубятен. <…> Жизнь ведь тоже только миг <…> Только свадьба, в глубь окон

Рвущаяся снизу, Только песня, только сон, Только голубь с.. *П953 (III,519)*

Беглый просмотр этой статьи демонстрирует, прежде всего, широкий временной диапазон употребления прилагательного: первый контекст относится к 1900-м гг. (автор Анненский), последний – к 1953 (Пастернак). Слово отмечается у всех выбранных авторов, при этом чаще других к нему обращаются Анненский и Цветаева, реже – Есенин, Мандельштам и Маяковский. У Анненского слово использовано в составе заглавия стихотворения: *«Сизый закат»*, а у Маяковского оно нетривиально рифмуется: *сизым – марксизмом*. Обратим внимание и на широкую сочетаемость прилагательного *сизый*: в материалах статьи встречаются не только повторяющиеся у разных поэтов *сизый голубь, сизый дым, туман*, но и единичные *сизый взор* (Кузмин), *сизая Сахара небес* (Пастернак), *сизые окна* (Блок), *сизые воды* (Цветаева) и др.

Общему стремлению дать читателю в первую очередь сам язык поэзии соответствует и тактика дозированной подачи в СЯРП комментирующего материала – лингвистического и энциклопедического. Для него предназначаются зона значения, относящаяся к самому слову, и зона комментариев, относящаяся к конкретному контексту. Так, зона значения носит факультативный характер, в ней, как правило, не отражаются общеизвестные сведения, очевидная для пользователя информация. Ее роль в Словаре иная – зафиксировать особенности в употреблении слова, указать на его связи с другими вокабулами Словаря, тем самым не просто обратить на них внимание читателя, но направить это внимание в определенное русло. Само название «зона значения» условно, ибо эта зона носит комплексный, многофункциональный характер – в ней собирается много разных «значений»: здесь дается, при необходимости, не только семантическая информация (при словах устаревших, областных, терминологических и т. п., при многозначных лексемах и омонимах), но и графическая, орфографическая, акцентологическая, грамматическая, стилистическая; здесь же приводятся отсылки к вариантам слов, энциклопедические сведения об именах собственных. В этом, как представляется, проявился творческий подход к выбору самих форм ословаривания единиц поэтического языка. Объем информации в зоне значения варьируется, поэтому в одних статьях она минимальна, проста, содержит сведения одного-двух порядков, в других – достаточно сложна, многоаспектна. Приведем примеры словарных статей с разным объемом и характером информации в зоне значения:

АЗРЫ [*мифол.*; арабское племя, юноши к-рого, полюбив, умирали] На языке невозвратных рас / Аз означает: раз. / (Азры...) / В городе Гаммельне лишь азы... / Впрочем, язык прикусим. / Страшное слово! Страшней грозы *Цв925 (III,92)*

АПОЙНТМАН [англ. *apointman* – свидание] «Я вам, / сэр, назначаю апойнтман. Вы знаете, / кажется, / мой апартман? <...>» [*рфм. к* пойман] *РП Шутл. М925 (226)*

ДЕКАЛЬКОМАНИ [*вар. к* декалькомания (способ изготовления переводных изображений и переноса их на бумагу, дерево и т. п.)] Сегодня можно снять д., Мизинец окунув в Москву-реку, С разбойника-Кремля. *ОМ931 (182)*

ЛЮБОВЬ [л. и Л.; *тж* в назв.; *род., дат., предл. ед.* любови АБ899, АБ905, Куз906, АБ909, ОМ909, АБ912, Ес914, Ахм916, Цв920, Ахм921, Цв921, Цв922, Ахм940-60; *тв. ед*. любовию АБ898, Ахм913; *род. мн*. любовей М914-15, М927; *тж* в сочет.: тайная л., совет да л.] Гений первой любви надо мной, Встал он тихий, дождями омытый, *АБ897-909 (III,183.2)*; Воздух весь ароматом любви напоен, *АБ897 (I,370.1)*; В моей душе любви весна Не сменит бурного ненастья. *АБ898 (I,3)*; <…>

МРА [*вар. к* мря; *обл.*; густой снег с туманом] В тучах облако и мра Белым баловнем плывут. Моря катится охава, А на небе виснет зга – *Хл920-21 (129)*

НАБОЖНЫЙ [*субст. прил.*] Душу умел я вдохнуть искусными пальцами в краски, Набожных души умел – голосом бога смутить. *НАР АБ909 (III,121)*; Жаров-

ней-шляпой богомолка Старушка набожных смешит. *Хл919,21 (263)*

ОХУЛКА [*устар*. и *прост*.; хула, осуждение; *тж* в сочет.: охулки на руку не класть (не упускать своей выгоды)] Ценители не смыслят ни бельмеса, Враги уйдут, не взявши ни шиша. Ежеминутно можно глупость ляпнуть, Тогда прощай о. и хвала! *П929 (I,551)*; Опять к обеду на прогулке Наступит темень, просто страсть. Опять научит переулки Охулки на руки не класть. *П931 (I,375)*

ПАДКИЙ [*нов.*] Ни завтра, ни здравствуй. Короткая схватка На лестнице шаткой, На лестнице падкой. *Цв926 (III,120)*

РАЗИН [Степан Тимофеевич (1630–1671) – предводитель Крестьянской войны 1670–71 гг.; *см. тж* ПРОТИВО-РАЗИН, СТЕНЬКА, СТЕПАН] [Ломоносов:] Я с простертою рукой Пролетел в умов покой. [Разин:] Я полчищем вытравил память о смехе, И черное море я сделал червонным, Ибо мир сделан был не для потехи, *Хл911-13 (449)*; Ой, удал и многосказен Лад веселый на пыжну. Запевай, как Стенька Р. Утопил свою княжну. *Ес915 (I,177)*; *<...>*

СЛЁЗНЫЙ [*нар.-поэт*. и *разг*.; *тж* слезный] Вкруг каждого лика – круг из света. Нам дóлжно точить такие косы, Такие плуги, Чтоб уронить все слезные росы, Чтоб с кровью вскрыть земляные глуби. *АБ905 (II,320.2)*; Отмыкала ларец железный, Вынимала подарок с., – С крупным жемчугом перстенек, С крупным жемчугом. *Цв916 (I,250.2)*; *<...>*

Иногда составителям приходится иметь дело со словами, сведения о которых практически отсутствуют в словарях (в том числе имеющихся авторских), энциклопедиях, комментариях к собраниям сочинений, в исследовательской литературе. В других случаях существующие комментарии вызывают сомнения, требуют дополнительной проверки. Проводимые составителями, редакторами разыскания, подчас очень трудоемкие, как правило, дают результат, но не всегда стопроцентно точный, поэтому в зоне значения словарных статей могут использоваться знак вопроса, слова с предположительной модальностью, помета *ср*. и под. Например:

ЛЕГОТ [в заговорах употр. в знач.: безветрие; возм., здесь: легкий ветер] Ленивец, лодырь или лодка, кто я? И здесь и там пролита лень. Когда в ладонь сливались пальцы, Когда не движет л. листья, Мы говорили – слабый ветер. *Хл920 (120)*

НЕЗАБУДКИН [персонаж стих.; возм., намек на летчика С.И. Уточкина] К нему слетались мертвецы из кладбищ И плотью одевали остов железный. «Ванюша Цветочкин, то Н., бишь, – Старушка уверяла – он летит, болезный». *РП Хл909 (189)*

РАЗЛАПИЦА [*нов*.?; *ср*. разлапистый, разлапый (с широкими, похожими на лапы, расходящимися частями (обычно о деревьях, корнях, ветвях))] Бывало, я, как помоложе, выйду В проклеенном резиновом пальто В широкую разлапицу бульваров, *ОМ931 (177)*

Назовем и некоторые из большого числа словарных статей, в которых зона значения, по указанным выше основаниям и по результатам анализа контекстов, не представлена. Это тоже статьи из разных томов СЯРП: АЛЛЕЯ, БАРАБАН, ВЗРЫХЛЯТЬ, ГОСПИТАЛЬ, ДОЛГО, ЕВРОПЕЙСКИЙ, ЖЕЛТОВАТЫЙ, ЗОНТ, ИЗВНЕ, КАНАРЕЙКА, ЛИСИЙ, МЫЧАТЬ, НИМАЛО, ОЩУТИМО, ПАЛУБА, РАВНИНА, СЕЛЬСКИЙ и т. п.

Характеризуя зону комментариев к контекстам, надо сказать, что и она содержит разную информацию – кому посвящено стихотворение, о чем идет речь в приводимых строках, с каким словом рифмуется заголовочное слово, что в переводе на русский язык означает использованное автором иноязычное вкрапление и т. д. Так, в статье СЛЕЗА неоднократно даются сведения о том, к кому обращено стихотворение. Например, строки Блока: *И вспомнил я тебя пред аналоем, И звал тебя, как молодость свою... // Я звал тебя, но ты не оглянулась, Я слезы лил, но ты не снизошла. Ты в синий плащ печально завернулась, В сырую ночь ты из дому ушла* – сопровождаются комментарием: [обращ. к Л.Д. Блок]; строки Мандельштама: – *Я потеряла нежную*

камею, Не знаю где, на берегу Невы. Я римлянку прелестную жалею, – Чуть не в слезах мне говорили вы – комментарием: [обращ. к Т.И. Танеевой]; строки Цветаевой: *Где сподручники твои, Те сподвижнички? Белорученька моя, Чернокнижница! // Не загладить тех могил Слезой, славою. Один заживо ходил – Как удавленный. // Другой к стеночке пошел Искать прибыли* – комментарием: [обращ. К А.А. Ахматовой; о смерти А.А. Блока и Н.С. Гумилева].

К зоне комментариев примыкают так называемые «послепометы» (пометы к контекстам, а не к словам). Они маркируют сильные текстовые позиции (заглавия, подзаголовки, посвящения, эпиграфы), указывают на эмоционально-экспрессивную окраску контекстов (например, шутливую или ироническую), на цитатный, аллюзийный характер поэтических строк и т. д. Например, в статье СЛОВО содержатся такие примеры с пометой *Загл.*: *«Три слова», «Сумрачные слова»* (Анненский); *«Последнее слово», «Ее слова», «Слова и смыслы»* (заглавие стихотворного цикла) (Цветаева); *«Слово о Эль»* (Хлебников). Есть здесь и контексты, которые сопровождаются пометами *Эпгрф.*, *Цит.*, *Ирон.* и др. Примеры использования послепомет см. также в приведенных выше словарных статьях.

Многотомный словарь и его база данных располагают к созданию других лексикографических продуктов. Так, на основе СЯРП было подготовлено несколько малых, или производных, словарей. Это, в частности, книга «Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен» [Григорьев, Колодяжная, Шестакова 2005]. В процессе составления СЯРП ведется и исследовательская работа, показывающая, что дают и что могут дать специалисту словарные материалы. Осмысление с разных точек зрения множества языковых фактов приводит к результатам разного свойства. Они изложены в публикациях авторов и редакторов Словаря и касаются: уточнения представлений о составе и структуре поэтического словаря выбранной эпохи, о характере его соотнесенности с общеязыковым словарем; эволюционных изменений в стилистических коннотациях слов; черт, свойственных отдельным авторским стилям, выявленных путем сопоставления идиостилей, и т. д. См., например, [Шестакова 2012; Шестакова, Кулева 2012, 2013, 2015].

Сводный «Словарь языка русской поэзии XX века» – это своего рода закрытая система, ограниченная определенным набором лексических единиц и иллюстрирующих их употребление примеров. Однако она, безусловно, широко открыта для разного рода интерпретаций, наблюдений и выводов.

Литература

1. *Григорьев В.П.* Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка: Избранные работы. 1958–2000-е годы. М.: Языки славянских культур, 2006. 816 с.

2. *Григорьев В.П., Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л.* Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2005. 448 с.

3. СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–VII– / Сост.: Григорьев В.П. (отв. ред.), Шестакова Л.Л. (отв. ред.), Колодяжная Л.И., Кулева А.С., Бакеркина В.В., Гик А.В., Реутт Т.Е., Фатеева Н.А. М.: Языки славянской культуры, 2001–2017–.

4. СЯРП 2001 – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I: А – В / Сост.: Григорьев В.П. (отв. ред.), Шестакова Л.Л., Бакеркина В.В., Гик А.В., Колодяжная Л.И., Реутт Т.Е., Фатеева Н.А. М.: Языки славянской культуры, 2001. 896 с.

5. *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

6. *Шестакова Л.Л.* «Словарь языка русской поэзии XX века» как источник сопоставительного изучения авторских лексиконов и стилей // Велимир Хлебников в новом тысячелетии / Под общ. ред. В.Н. Терехиной. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 132–139.

7. *Шестакова Л.Л., Кулева А.С.* Слово как единица поэтического языка эпохи (по материалам «Словаря языка русской поэзии XX века») // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2012. Т. 71. № 4. С. 60-65.

8. *Шестакова Л.Л., Кулева А.С.* Редкие слова в поэзии Маяковского // Русский язык в школе, 2013. № 6. С. 63-68.

9. *Шестакова Л.Л., Кулева А.С.* Иноязычные вкрапления в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2015. Т. 74. № 1. С. 68-76.

РУССКИЙ АНЕКДОТ К КОНЦУ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI В.: ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА

Е.Я. ШМЕЛЕВА
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва
eshkind@mail.ru
А.Д. ШМЕЛЕВ
Московский педагогический государственный университет, Москва,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва
shmelev.alexei@gmail.com

Ключевые слова: *речевой жанр, анекдот, устная речь, письменный язык, Интернет, аллюзия, интертекст.*

В статье рассматривается эволюция речевого жанра анекдота, начиная со времени его возникновения и его трансформации вплоть до нынешнего столетия (особое внимание уделяется второй половине 2010-х). В основу исследования была положена база данных русских анекдотов, собранных авторами. Анекдоты остаются популярными в России. В статье обсуждаются способы использования анекдотов в современной речи (в частности, непрямые аллюзии к анекдотам). Кроме того, в статье обращается внимание на анекдоты в Интернете и трансформацию анекдота, превращающегося из устного жанра в письменный.

ELENA SHMELEVA, ALEXEI SHMELEV – Russian Canned Jokes in the Late 2010s: Transformation of the Speech Genre

Key words: *Speech genre, canned jokes, oral speech, written language, Internet, allusion, intertext.*

The paper deals with the evolution of the Russian “anekdoty” (canned jokes) as a specific speech genre from its origin to its transformation in this century with special reference to the late 2010s. The research has been based on the database of the Russian canned jokes collected by the authors. Canned jokes have remained popular in Russia. The paper discusses ways of using jokes in the present-day discourse (indirect allusions to jokes). In addition, it draws attention to the jokes on the Internet and their transformation from an oral speech genre to a written genre.

Вступительные замечания

В целом ряде предыдущих публикаций (в том числе в нашей книге [Шмелева, Шмелев 2002а] и в ряде последующих статей, в частности [Шмелева 2003аб, 2005, 2006аб, 2008, 2009, 2011, 2012, 2015; Шмелева, Шмелев 2002б, 2004, 2005аб, 2006, 2007аб, 2009, 2010, 2011, 2012аб, Shmeleva, Shmelev 2009ab], а также в множестве других) мы обращали внимание на специфику рассказывания анекдота как исключительно устного жанра и связывали многие характерные черты реализации этого жанра именно с его «устностью». Сюда относятся: необходимость «метатекстового» ввода, особенности построения текста «от лица рассказчика» (порядок слов, вид и время глаголов, отсутствие интродуктивных предложений), узнаваемые «речевые маски» персонажей анекдотов, используемые невербальные элементы.

В частности, мы отмечали, что по своим языковым особенностям анекдот относится не к повествовательным, а, скорее, к «изобразительным» жанрам. Рассказывание анекдота – это не повествование, а своего рода представление, производимое единственным актером. Хорошо рассказать анекдот – значит не просто осуществить повествование о некотором забавном эпизоде, но представить этот эпизод «в лицах». Для многих анекдотов решающую конструктивную роль играет интонация рассказчика, а также его мимика и жестикуляция; в ряде случаев именно они создают то, что называется «солью» анекдота [Шмелева, Шмелев 2002: 24-25] (жестовой составляющей анекдотов и ее взаимодействию со словесным оформлением была специально посвящена статья [Крейдлин, Шмелева 2007]).

Письменное функционирование русского анекдота

«Протоанекдоты»

Мы упоминали и о возможности письменного функционирования русского анекдота и о том, что в последние десятилетия чрезвычайно широкое распространение получило функционирование анекдотов в качестве записанных текстов. Более того, большинство исследований анекдота как жанра городского фольклора ориентирова-

но не столько на полевые исследования, сколько на работу с письменными источниками. При этом, однако, возникают определенные методологические проблемы.

Прежде всего, от анекдотов в собственном смысле слова следует отличать то, что мы назвали «протоанекдотами» [Шмелева, Шмелев 2010]. Распространенный тип «протоанекдота» – рисунок, сопровождаемый текстом (такие рисунки можно условно разделить на «бытовые» сценки и политические карикатуры). Текст чаще всего представляет собою речь лиц, изображенных на рисунке. Некоторые из таких «протоанекдотов» могли бы быть трансформированы в анекдоты и рассказаны в качестве таковых. Необходимая адаптация включала бы трансформацию изображения в текст «от повествователя». При этом рисунок с подписью обычно был устроен так, что без рисунка подпись была бы непонятна; в этом отношении рисунок заменял необходимые комментарии «от повествователя» (можно сказать, что рисунок и подпись составляли некое единое семиотическое целое).

Если отвлечься от «протоанекдотов» и вернуться к анекдотам в собственном смысле слова, то необходимо будет различать: фиксацию на письме анекдота, который был рассказан или должен быть рассказан устно, и тексты, которые не могут быть рассказаны как анекдоты без более или менее значительной трансформации (их можно назвать «квазианекдотами»).

Письменная фиксация анекдота

Как и любые произведения устных речевых жанров, анекдоты допускают письменную фиксацию. Она может осуществляться как с научными, так и с развлекательными целями.

Есть два типа письменной фиксации анекдота: с одной стороны, может фиксироваться конкретный акт рассказывания анекдота, а с другой – может записываться инвариантный текст анекдота, реализующийся в конкретных актах рассказывания. При фиксации конкретного акта рассказывания могут указываться его разнообразные параметры (время и место рассказывания, ситуация, анкетные данные рассказчика, использованный «метатекстовый ввод», жесты, которыми рассказчик сопровождал анекдот, слова-паразиты, вставляемые им в речь, интонация, паузы хезитации, автокоррекция, если рассказчик в какой-то момент сбился, реакция слушателей). В зависимости от целей такой фиксации те или иные параметры могут опускаться (для социолога могут быть безразличны слова-паразиты, интонация или паузы хезитации, представляющие интерес для лингвиста). Для большинства целей оказывается возможным отвлечься от особенностей конкретного акта рассказывания и ограничиться фиксацией инвариантного текста анекдота (в этом случае не описывается ситуация рассказывания анекдота, не указываются время и место рассказывания и анкетные данные рассказчика). «Метатекстовый ввод», жесты, интонация приводятся (при помощи специальных помет-ремарок) лишь в тех случаях, когда они оказываются ингерентной составляющей инвариантного текста анекдота.

Фиксация конкретного акта рассказывания чаще всего осуществляется с научными целями; вне таких целей она используется редко (напр., в рамках репортажа или дневниковой записи) и, как правило, далека от точности. Обычно «наивная» фиксация анекдота ограничивается текстом анекдота, отвлеченным от конкретных актов рассказывания, т. е. приближается к инвариантному тексту анекдота. Ремарки в таком случае обычно встраиваются в собственный текст анекдота и внешне не отделяются от текста повествователя.

Особый тип письменной фиксации анекдота составляют записи «для памяти», когда записывающий стремится зафиксировать анекдот, чтобы впоследствии, обратившись к записи, вспомнить его и при случае рассказать другим. В них чаще всего не фиксируется полный текст анекдота, а приводится лишь ключевая фраза или даже всего лишь несколько слов.

«Квазианекдоты»

От письменной фиксации анекдотов следует отличать тексты, которые не являются записью устного рассказа, а изначально рассчитаны на читателя письменного текста. Любопытно, что сборники анекдотов часто включают то, что с точки зрения языкового оформления оказывается весьма близко к таким текстам (напр., включает заголовки).

В некоторых сборниках анекдоты сопровождаются иллюстрациями. Функция таких иллюстраций отлична от функции рисунков с подписями, которые печатались и печатаются в юмористических журналах: рисунок с подписью обычно устроен таким образом, что без рисунка подпись непонятна, и в этом отношении рисунок и подпись составляют единое семиотическое целое; иллюстрации к анекдотам обычно используются исключительно для оживления восприятия.

Бытование анекдотов в Интернете

Мы отмечали также, что в последние годы целый ряд устных жанров городского общения – дружеская беседа, спор, флирт, телефонный разговор получили новую среду бытования – Интернет. При этом, хотя интернет-коммуникация является письменной формой коммуникации, разговор или спор в социальной сети во многом сохраняет черты свойственные устным речевым жанрам. И, хотя рассказывание анекдота также представляет собою исключительно устный речевой жанр, Интернет создал новую среду бытования анекдотов. В этой среде анекдоты долгое время были представлены в письменной форме, но таким образом, что их представление максимально приближено к его оформлению при устном рассказывании: используются показатели спонтанности, изобретаются способы передачи на письме интонации и жестов, текст анекдота нередко существенно варьируется в конкретных актах реализации.

В самое последнее время уже можно говорить, что анекдот из устного речевого жанра превратился в жанр интернет-коммуникации. Стал употребительным новый «метатекстовый» ввод: *Ты читал новый анекдот о Путине? Ты читал анекдот на сайте anekdot.ru?* (ср. [Шмелев, Шмелева 2010]). Появляются новые типы анекдотов: длинные анекдоты, которые невозможно запомнить; анекдоты, требующие визуального восприятия (графика, неправильные написания и пр.). Анекдоты часто иллюстрируются фотографиями или картинками. Возникли анекдоты, существующие преимущественно или исключительно в Интернете и не имеющие устного бытования. Сюда относятся: анекдоты, требующие большой оперативной памяти (*10 признаков того, что вы родились в России…*), а также анекдоты, обыгрывающие зрительно воспринимаемый текст (*Му сор* ‘мой коп’ – *Мусор*); ср. межъязыковые каламбуры в устных анекдотах (о них см. [Шмелева, Шмелев 2011]).

Анекдоты в Интернете обнаруживают сходство с «протоанекдотами» в отношении внешнего оформления. Об этом свидетельствуют часто сопровождающие их заголовки и картинки-иллюстрации, а также появление нового жанра – «открыток». «Открытки», или, как их часто обозначают на письме, «аткрытки», представляют собою афоризмы, короткие диалоги, объявления, как будто написанные на открытке – белом или цветном прямоугольнике или на вырванном из тетрадки или блокнота листке бумаги. Они могут быть посвящены самым разным темам: политике, экономике, семейной жизни. Очень популярная тема – русский язык (орфография, орфоэпия, культура речи).

Впрочем, и новые анекдоты часто строятся по традиционной схеме. Например, когда ВЦИОМ сообщил, что существуют разные варианты опроса и рейтинг доверия Путину внезапно вырос с 31 до 72 процентов, появился анекдот про расшифровку аббревиатуры ВЦИОМ – Всероссийский Центр Исправления Общественного мнения (ср. многочисленные советские и постсоветские анекдоты про расшифровку аббре-

виатур – *ВОР – Вождь Октябрьской Революции*; *ЗАГС – Запомни Адрес Гибели Своей*; *ГИБДД – Гони Инспектору Бабки, Двигай Дальше*). Активизировались также старые анекдоты про подтасовку результатов опросов и выборов и про «анонимность» опросов, например:

• *Мобильник зазвонил. «Да». – «Это ВЦИОМ, вы Путину доверяете?» – «Да. И, пожалуйста, сразу умножьте на 2, чтобы лишний раз не звонить».*

• *Алле, это Петров Иван Васильевич? Город Саратов, ул. Ленина, 44 года, разведен, паспорт серии XXXX, имеет собаку, любит водку, живет с Кузнецовой Марией Ивановной, 40 лет, паспорт серии XXXX? ВЦИОМ проводит анонимный социологический опрос населения о доверии президенту.*

Заметим в скобках, что вообще в последние годы все чаще новые анекдоты – это на самом деле старые анекдоты, в которых произведена замена персонажей, изменены реалии и т. п. Например, анекдот *Вчера арестовали мобильник. За функцию «сменить режим»* создан по той же схеме, что и анекдот о сантехнике Петрове, которого арестовали за то, что он сказал: «Систему надо менять».

Ряд анекдотов отсылает к другим текстам, известным, по мнению рассказчика, слушателям, напр.:

• *У России есть только два союзника: ВЦИОМ и Росстат.* (Ср. приписываемую императору Александру III фразу: «У России есть только два союзника: её армия и флот»)

• *Я сегодня видел рейтинг. Большой. Но по пять рублей. А вчера был маленький, но по три. Но вчера.* (Ср. рассказ М. Жванецкого, посвященный Роману Карцеву «Про раков».)

• *Средний размер мужского полового органа жителей деревни Ложки составил 25 сантиметров, а средний размер мужского полового органа жителей соседней деревни Пешки – 15. Такая разница объясняется тем, что в деревне Ложки означенный размер был выяснен опросом, а в деревне Пешки – замером.* (Ср. рекламу про жителей деревень Вилляриба и Виллабаджо.)

Поскольку большая часть шуток сейчас распространяется через Интернет, в социальных сетях появились также пародийные схемы, демонстрирующие результаты опросов.

Интересно, что анекдоты в Интернете часто появляются как реакция не только на внутренние, но и на внешнеполитические события. Это и понятно: Интернет в принципе не зависит от государственных границ. Так, когда во время выборов в Украине один из кандидатов, лидер партии «Наши» Евгений Мураев, сдал анализы на наркотическую и алкогольную зависимость и призвал остальных претендентов на пост главы государства последовать его примеру, в сети появился анекдот:

• *Я вам как россиянин советую: выбирайте того, у кого анализы хуже. На всякий случай.*

А после выборов в США в российском сегменте Интернета стал популярен анекдот:

• *Разговаривают россиянин и белорус: «Интересно, каково это – когда президент сменяется?»*

Таким образом, подтверждается вывод, сделанный нами в [Шмелев, Шмелева 2010] (ср. также [Дементьев 2017]): самой существенной трансформацией речевого жанра анекдота в XXI в. можно считать перемещение его из устной сферы коммуникации в письменную. Во втором десятилетии XXI в. это представляется еще более очевидным.

Литература

1. *Крейдлин Г.Е., Шмелева Е.Я.* Вербальные и невербальные элементы анекдота // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Под ред. Н.Д. Арутюновой.. М., Индрик, 2007. С. 509-519.

2. *Шмелева Е.Я.* «Новый русский» как фольклорный персонаж // Русский язык сегодня 2. Активные языковые процессы конца XX века / Под ред. Л.П. Крысина. М.: Азбуковник, 2003а. С. 565-575

3. *Шмелева Е.Я.* Семейный миропорядок сквозь призму русского анекдота - В кн.: Логический анализ языка. Космос и хаос / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., Индрик. 2003б. С. 191-200.

4. *Шмелева Е.Я.* Квантификация как основа русского анекдота // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., Индрик, 2005. С. 560-568.

5. *Шмелева Е.Я.* Игра в русском анекдоте // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры 2006а. С. 347-357.

6. *Шмелева Е.Я.* Русский анекдот как источник крылатых слов // Язык и мы. Мы и язык. Сборник статей памяти Б. С. Шварцкопфа. М., РГГУ, 2006б.

7. *Шмелева Е.Я.* Анекдот и обман – точки соприкосновения // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2008. С. 575-582

8. *Шмелева Е.Я.* Ассерция и негация в русском анекдоте // Логический анализ языка. Ассерция и негация / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2009. С. 221-229

9. *Шмелева Е.Я.* Русский анекдот: диалог «парных» персонажей // Жанры речи. Вып. 7. Жанр и языковая личность. Саратов, 2011. С. 218-224.

10. *Шмелева Е.Я.* Речевой этикет в русском анекдоте // Ритуал в языке и коммуникации. М., 2012. С. 319-326.

11. *Шмелева Е.Я.* Юмор в интернете: новые речевые жанры // Речевые жанры современного общения. М., 2015. С. 164-168.

12. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Русский анекдот: текст и речевой жанр. М., Языки славянской культуры, 2002а. 144 с.

13. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Анекдоты об армянском радио: структура и языковые особенности // Труды Международного семинара Диалог'2002 по компьютерной лингвистике и ее приложениям / Под ред. А.С. Нариньяни. Т. 1. М., 2002б. С. 611-618.

14. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Пересказ анекдота в инокультурной среде: проблемы адаптации // Slavica Quinqueecclesiensia VIII. Linguistica. Literatura. Translatologia. Материалы I Международного симпозиума «Русский язык и перевод» (Печ, 9-11 октября 2003 г.). Научные сообщения по русистике / Под ред. Э. Лендваи. Pécs: Kronika, 2004. С. 109-118.

15. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Русский анекдот в двадцать первом веке (трансформации речевого жанра) // Жанры речи. Вып. 4: Жанр и концепт. Саратов, ГосУНЦ «Колледж», 2005а. С. 292-298.

16. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Русский анекдот в двадцать первом веке: трансформации речевого жанра // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2005» (Звенигород, 1 – 6 июня 2005 г.) / Под ред. И.М. Кобозевой, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М., Наука, 2005б. С. 520-524.

17. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Интертекстуальные фрагменты в современном русском анекдоте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.) / Под ред. Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М., РГГУ, 2006. С. 573-577.

18. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Анекдот в современной русской речи: интертекстуальные связи // Вопросы культуры речи / Под ред. А.Д. Шмелева. Вып. IX. М., Наука, 2007а. С. 226-242.

19. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Постсоветские русские анекдоты: новые персонажи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2007» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.) / Под ред. Л.Л. Иомдина, Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М., РГГУ, 2007б. С. 595-599.

20. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Вариативность, продолжение и серийность анекдотов: проблемы построения базы данных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Вып.8 (15). По материалам международной конференции Диалог'2009 (Бекасово, 27-31 мая 2009 г.). М., 2009, с. 548-553

21. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Письменное бытование русского анекдота // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Вып. 9 (16). По материалам международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26-30 мая 2010 г.). М., РГГУ, 2010. С. 596-603.

22. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Межъязыковые каламбуры в русских анекдотах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 10 (17). По материалам международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25-29 мая 2011 г.). М., РГГУ, 2011. С. 782-790.

23. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Можно ли рассказать анекдот на другом языке? // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи. М., 2012а. С. 55-69.

24. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Способы адресации героев русских анекдотов // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М., 2012б. С. 449-461.

25. *Shmeleva E., Shmelev A.* Contemporary Russian Jokes: New Cast of Characters // Permitted Laughter: Socialist, Post-Socialist and Never-Socialist Humour / Ed. By A. Krikmann & Liisi Laineste. Tartu: ELM Scholarly Press, 2009a. P. 225-236.

26. *Shmeleva E., Shmelev A.* Evolution of a Speech Genre: The Case of Russian Canned Jokes (*Anekdoty*) // Russian Journal of Communication, 2009b, Vol. 2, No. 3/4. P. 171-184.

ПОЛЬСКИЙ ПОПУЛЯРИЗАТОР РУССКОГО ЯЗЫКА

А.Б. АБГАРЯН
ЕГЛУ им. В. Брюсова, Армения
abgar.artur@mail.ru

Ключевые слова: *источниковедение, Матвей Меховский, романо-германская группа языков, русизмы.*

В статье обосновывается положение, что заимствования русских слов *царь*, *верста, казак, морж, баба*, а также *росомаха* проникли в романо-германские языки благодаря «Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis» Matthias de Miechow (1517), латиноязычное сочинение которого было хорошо известно читателям в Западной Европе.

ARTHUR ABGARYAN – The Polish Popularizer Of Russian Language

Key words: *source study, Maciej of Miechów (Maciej z Miechowa), Romance and Germanic language group, Russisms.*

The article provides substantitation that the borrowing of Russian words *царь*, *верста, казак, морж, баба* and *росомаха* penetrated into the Romance-Germanic languages thanks to M.Mekhovsky, whose work "Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis" (1517) written in Latin was well known to readers in Western Europe.

В историко-этимологических словарях романо-германских языков можно обнаружить небольшую группу русизмов, заимствование которой лингвистами уверенно привязывается исключительно к середине XVI века, ко времени, характеризовавшимся ростом величия загадочно богатой Московской Руси, благодаря ее зарождавшимся торгово-политическим связям с некоторыми странами Западной Европы. И на фоне выявляемого устойчивого графического подобия ранних регистраций этих слов по западноевропейским языкам поражает разнобой в их паспортизации.

Приводимые словарями примеры подтверждают мнение, что первые проникновения русизмов в преобладающей своей части происходили благодаря свидетельствам, авторы которых волею судеб побывали в Московии и свое историко-гео-этнографическое повествование об этом государстве в колористических целях «сдабривали», на первый взгляд, случайными и комично искаженными (русскими, но в иноязычной графической оправе) вкраплениями-варваризмами. Несомненно, к свидетельствам можно отнести и те «кабинетные» сведения европейцев, информация которых о Московском государстве опиралась в большей степени на рассказы русских купцов, дипломатов, беглых и пр.

Одновременно эти словари раскрывают необоснованную практику предпочтения оригинальных для данного языка регистраций в ущерб более ранним латинским. Но при таком определении старшей датировки лексикографы упускают из виду факт, что в эпоху Возрождения наряду с родным латинский язык продолжал выполнять роль международного в культурной, деловой, дипломатической и других сферах, что он был непременным предметом обучения в Западной Европе и едва ли не вторым родным языком грамотного западноевропейца.

В XVI веке среди западноевропейских свидетельств о Московии едва ли не самым популярным можно назвать написанный на латинском языке «Трактат о двух Сарматиях» видного польского ученого Матвея Меховского /1457-1523/. Результатом его научной деятельности были, по большей мере, труды по медицине и два сочинения по истории: «Хроника Польши» /1519/ и «Трактат о двух Сарматиях», изданный в 1517 г. на латыни и в 1518 г. на немецком языке [Меховский 1936]. Явившись первым по времени и первым печатным изданием о Московии и на долгое время став одним из главных западноевропейских источников по ее изучению, «Трактат» в том же столетии претерпел более двух десятков переизданий на латыни и переводов на немецкий, польский, чешский, итальянский и другие языки, включая многочислен-

ные перепечатки в сборнике «Novus orbis regionum ac insularum veteribus incognitarum» Симона Гринея (1532 и др.). Такому признанию сочинения в немалой степени способствовала и правдивость трактата, опиравшаяся, как отмечалось уже современниками, также на устные свидетельства плененных поляками служивых русских и татар, купцов и миссионеров.

Состоящее структурно из двух книг или пяти трактатов сочинение М.Меховского несколько сбивчиво, с нередкими повторами в своей превалирующей части (95 из 120 страниц текста) повествует об истории Азиатской Сарматии со времен готов, вандалов и гуннов до современных татар, их местожительстве и обычаях. Последние два трактата объединены во вторую книгу и представляют собой историческое, географическое и этнографическое описание Европейской Сарматии, а именно: Руси, Литвы и Жемайтии (в большей части тоже по повествованию Я.Длугоша), а также Московии и ее северно-восточных владений, содержат информацию о разнообразии их обитателей, об истории и нравах, политическом и религиозном обустройстве, данные о фауне и флоре, о полезных ископаемых и природном богатстве, экономике, о внушительной армии московитов.

Краковский историк решительно порвал со старыми авторитетами античных писателей и о живом и современном высказался современным и живым языком, приведя много слов на татарском, литовском, польском и русском языках. Он называет народы, места и реалии новейшими именами, просто и незаметно вводит более правильную транскрипцию географических и личных имен, стараясь приблизить ее к произношению. Эти транскрипции, благодаря многочисленным перепечаткам и компиляциям, закрепились в западноевропейских языках, что ускользнуло от внимания русистов. Наше внимание будет сосредоточено на особенностях лишь некоторых русизмов, языковое происхождение которых была оговорено самим М.Меховским.

Ранняя датировка и истоки признанного в западноевропейских языках заимствования: русск. *казак* (англ. cossack, голланд. kozak, итальян. cosacco, испан. cosaco, немец. kosak, румын. casac, франц. cosaque и др.) - разнятся по словарям: если французские этимологи лексему cosaque возводят к русскому языку и по сугубо франкоязычным данным датируют 1606 г. [Bloch Oscar 1994: 160] или 1578 г. [Dauzat Albert 1971: 202], то авторы толковых словарей с опорой на тот же ранний источник утверждают якобы украинское посредство заимствования из тюркского 1578 г. [Le Grand Robert 1985: 2, 958; ср.: Dictionnaire de l'Academie François 1802: I, 368]. Также на базе оригинальных источников заимствованием XVI в. из русского пытаются объяснить и англ. cossack [The Oxford Dictionary 1985: 218]. Аналогично с опорой на исключительно немецкие данные многократное проникновение в немецкий язык в виде Kusaken /1563/, Cosacken /1603/, совр. Kosak /1580/ и производные признаются заимствованием якобы из различных славянских языков [Опельбаум Е.В. 1971: 108-111], а написание через ***o*** признается будто бы преобразованием под влиянием народного этимологизирования из древнееврейского [ka:'zav~ ko:'zav]. На самом деле первоначальное надуманное толкование такой огласовки восходит к перу М.Меховского и принадлежит его русскому информанту, вероятно попытавшемуся реабилитировать набеги запорожских казаков на Польшу: «Поля Алании - это пустыня, в которой нет владельцев – ни аланов, ни пришлых. Иногда только проходят там Kazaci ища, по их обычаю, кого пограбить. Казак (kazak) - слово татарское (Thartaricum), а козак (kozack) – русское (Rutenikum), означает «холопа, подданного, бродягу пешего или конного» [Меховский 1936: 63]. Данная дефиниция стала традиционной орфографической нормой в современных языках Европы. А на становление современной французско-английской орфографии возможно оказал влияние не сам оригинал, а написания Cozac~Cazac в парижской перепечатке С.Гринея [Novus orbis regionum 1532: 439].

В русской лексикографии старшее оригинальное упоминание животного *морж* датируется по известному «Домострою» (XVI в., где названы *вожжи моржовые*) или соотносится лишь с 1581 годом и выводится непосредственно из саам. *morsa, morssa* [Словарь русского языка XI-XVII 1982: 9, 264; 18]. Сравнительно старше письменные упоминания животного *morse* во французском языке, датируемые и этимологизируемые по-разному: или 1540 годом из русского языка в этимологическом словаре А.Доза, или 1550 годом из саамского без указания на язык-посредник в многотомном французском толковом словаре «Большой Робер» [Dauzat Albert 1971: 477; Le Grand Robert: 6, 582]. Эти предположения даже в ущерб фактам (моржовые клыки под названием *рыбий зуб* испокон были исключительной русской торговой монополией) позволили некоторым зарубежным лингвистам считать французское *morse* источником русского слова. Недостаточно обоснованно первенство в регистрации русского *морж* приписывать и С.Герберштейну. При этом, составители «Словаря русского языка XI-XVII вв.», видимо подразумевая названное несоответствие с французскими данными, вслед за А.В.Исаченко слово сомнительно датируют 1526 годом (по дате первого посещения дипломатом Московского государства), а не 1549 годом, то есть по времени первой публикации его сочинения на латыни [Isacenko 1957].

В действительности же, впервые название этого животного вывел М.Меховский, обратив внимание и на русскую языковую принадлежность лексемы. Не случайно морское животное названо рыбой, обнаруживая контаминацию с торговым именованием *рыбий зуб*: в Югре есть пологие и легко доступные небольшие горы. «Отметим также, что из Северного океана на вершины принадлежащих к морю гор выходят некие рыбы, называемые на языке московитов *морж* (morss); цепляясь зубом, они облегчают себе подъем, а с вершины горы скользят и падают на другую сторону. Югры и другие жители севера ловят этих рыб, и их зубы, отличающиеся большой тяжестью, посылают в Московию, а затем к туркам и татарам. Из них делают рукоятки мечей, сабель и ножей, чтобы их тяжесть придавала большую силу ударам» [Меховский 1936:162-163,194].

Именно из сочинения польского каноника сведения о *моржах* стали известны в Западной Европе и, в частности, С.Герберштейну до приезда в Россию, где имперский посол ее, видимо, выверил, в своем свидетельстве о России не преминув дважды завуалированно упрекнуть польского предшественника в неточностях. По словам барона Герберштейна, из товаров в Германию вывозят «длинные белые зубы животных, называемых у них *моржами* (mors),.. а наши земляки считают эти зубы за рыбьи и так их называют»; «Говорят, что близ устья реки Печеры в океане водятся различные большие животные, а между ними некое животное, величиной с быка, называемое тамошними жителями морж (mors). Ноги у него короткие как у бобров, грудь по сравнению с размерами остального туловища несколько выше и шире, а два верхних зуба выдаются в длину… Охотники добывают этих животных только из-за клыков, из которых московиты, татары, а главным образом, турки искусно изготовляют рукоятки мечей и кинжалов, пользуясь ими скорее как украшением, а не для нанесения особенно тяжелого удара, как баснословил некто. У турок, московитов и татар эти клыки продаются на вес и называются *рыбьим зубом*» [Герберштейн 1988: 126, 204, 324, прим. 372].

Французский русизм очевидно послужил основой для испанск. *morsa*, для персидск. и турецк. слова *mors*. Своим происхождением обязаны русскому языку соответствующие названия в казахск., киргизск., татарск. *морж,* белорусск. *морж*, украинск. *морж*, польск. *mors* или *koń morski*, чешск. *mrož* и некоторых других славянских языках; ср. однако с.-хорватск. *коњ морски*. В английском языке наряду с историзмом *morse* и описательными *sea cow* «морская корова» и *sea horse* «морской конь» более известно название *walrus*; в немецком языке животное именуется исключи-

тельно Walroß, в итал. tricheco. К числу необычных можно отнести и армянский язык, где название животного *ծովափիղ* «морской слон» несколько разнится, имеет определенные параллели в арабском и китайском языках и требует дополнительных исторических разысканий, ибо в русско-армянском словаре Г.Ирицпухова /1876/ животное именовалось словами *ծովացուլ* «морской бык», *ծովակով* «морская корова», *ծովաձի* «морской конь» [Ирицпухов 1876:360]. Кстати, возможно с середины XX столетия англ.-франц. русизм *morse* нарастил заимствованное из русского языка и значение «человек, занимающийся плаванием зимой в открытых водоёмах», которое, можно полагать, получит распространение и в других упомянутых языках.

Русизмом многих языков, который с несколько «омоложенной» датировкой также недостаточно обосновано возводится к упомянутому сочинению австрийского дипломата, можно назвать и слово *верста* «мера длины в 1067 м» в своей более частотной форме *верст* (Gen., pl.): англ. *werst* /1555/, немец. *werst* /1557/, испан., итал. *versta* / гг. неизв./ и др. Становление современной орфографии французского русизма verste /1759/ связано с именем Вольтера, хотя ранняя франц. форма *virst* /1607/ принадлежит французскому капитану Ж.Маржерету. Между тем, первоначально об этой русской мере длины европейскому читателю поведал М.Меховский: «Московиты считают не милями по нашему, а *верстами*, и верста составляет пятую часть германской мили» [Меховский 1936:189]). На фоне многочисленных воспроизведений иностранцами заслуживают упоминания формы с огласовкой, отразившей результат перехода е >о: vorste у Г. фон Штадена /1572/, voerst в словаре-дневнике Р.Джемса /1619/. Это перечисление можно пополнить и необычными воспроизведениями, где результат перехода претерпел комбинаторную аккомодацию под воздействием губного согласного- wurste в ряде немецких свидетельств о России [Опельбаум 1971: 197-198], feurst, feurst *вёрст* из Парижского словаря московитов /1586-1587/ [Парижский словарь московитов 1948: 495], vuerste в немецком оригинале и переводе на французский свидетельства о Московии А.Олеария /1649;1655/ и пр. В этой связи, принимая во внимание многочисленные проявления этого перехода в записях русских слов иностранными авторами, можно утверждать, что русизм в западноевропейские языки был заимствован не на слух. Лексема возможно была транслитерирована или надиктована польскому автору, и, следовательно, орфография русизма *werst* через *е* в иностранных словарях также выявляет дань восходящей к сочинению М.Меховского традиции.

Среди русизмов эпохи Реформации можно назвать и слово baba, упомянутое М.Меховским в повествовании о Золотой бабе. Восходящее к какому-то новгородскому сказу оно из-за своей необычности и ранее было известно среди европейцев, но популярность приобрело благодаря перу польского автора: «Один старейший историк, описавший приход венгров, сообщает, что по рассказам югров или венгров, они идя из Югры к Меотидским болотам, в пределах Белой Руссии видели ледяного идола. Этот автор утверждает, что в день Рождения Христова пошел ледяной град и образовал фигуру девы, держащей младенца в венце, а затем изображение младенца стало постепенно таять и уменьшаться, пока наконец ко дню Обрезания Иисуса Христа все не растаяло. Образ девы, сделанной изо льда, местные жители пытались растопить, зажегши костры, но огонь ничего не растопил. Этот образ можно видеть в пределах области, именуемой Вятка, за Московией. Зовут его до сего дня золотая старуха или иначе Zlota baba». Ср. чуть ранее: «За областью, называемой Вятка, по дороге в Скифию, стоит большой идол, золотая баба (Zlota baba), что в переводе значит «золотая старуха». Соседние племена весьма чтут его и поклоняются ему, и никто, проходя поблизости или гоня и преследуя зверя на охоте, не минует идола с пустыми руками без приношения. Даже если у него нет ценного дара, то он бросает в жертву идолу хотя бы шкурку или вырванную из одежды шерстину и, благоговейно склонившись, проходит мимо» [Меховский 1936:120, 116].

Этот дивный этно-географический рассказ был отражен и в многочисленных публикациях и разноязычных переводах С.Герберштейна, который свои сведения о Зауралье и Сибири пополнил из какого-то русского дорожника и расспросов московитов. По исправлению и уточнению этого автора, «Золотая баба (Slata baba), Золотая старуха [или праматерь],- это идол, стоящий при устье Оби в области Obdora Обдора, на том (ulterior, jenig) берегу... Рассказывают, а выражаясь вернее, баснословят, будто идол Золотой старухи – это статуя в виде старухи, держащей на коленях (in gremio) сына, и там уже снова виден еще ребенок, про которого говорят, что это ее внук. Более того, будто бы она поставила там некие инструменты, издающие постоянный звук вроде труб» [Герберштейн 1988: 160].

С этого момента повествование о Золотой бабе в западноевропейской литературе и топографии приобрело большую известность [подробнее см.: Абгарян 2011].

Признанным русизмом XVI века в романо-германской языковой группе, первенство популяризации которого также принадлежит краковскому автору, можно назвать русский монархический титул *czar* [Абгарян 2009], именование *росомахи,* латинск. *rosomacus*, *Gulo gulo* [подробнее см.: Абгарян 2006]. Таким образом, в эпоху Ренессанса благодаря вкладу М.Меховского западноевропейскими авторами была пересмотрена традиция именований народов, проживавших на территории современной России: ряд прежних этнонимов, которые в античности этимологизировались или уподоблялись по созвучию родным словам, были заменены русскими названиями и представляют собой ранний пласт заимствований в западноевропейские языки из русского: baskird, polowczi, piecihorscii czyrkaczi, czeremissa и др. Краковскому канонику принадлежит и первенство в популяризации среди западноевропейцев некоторых русских социальных терминов, единиц счета, реалий животного мира и т.д., что осталось за пределами внимания лингвистических словарей. Некоторые из упомянутых им русских терминов своей традицией восходят к более ранним авторам, другие (например, религиозные: biesiednik *беседник*, bogoslow *богослов*, wladicas *владыка*) в Западной Европе имели недолгую историю и в дальнейшем были утрачены. Наконец, сведения М.Меховского позволяют значительно удревнить и русскую паспортизацию слова *морж*, а также русское посредничество в заимствовании русизма романо-германскими языками. В этом плане наше рассмотрение русизмов польского автора носит предварительный характер и упомянутая нелатинская лексика еще нуждается в дальнейшем освещении во всех связях.

Литература

1. Абгарян А.Б. Жил-был царь// Русский язык в Армении.- Ереван, 2009. No 3. С.23-34.

2. Абгарян А.Б. О русских прародителях двух западноевропейских слов //Исследование современных научных проблем в вузах. Материалы межвузовской научной конференции. Общественные науки.- Гюмри, 2006. Т.8, ч.1. С.104-115.

3. Абгарян А.Б. Русская *баба* из французской поговорки// Русский язык в Армении.- Ереван, 2011. No 2. С.33-42.

4. Герберштейн С. Записки о Московии/ Под ред. В.Л. Янина.- М.: МГУ, 1988.-430 с.

Ирицпухов Г. Русско-армянский словарь.- II-е издание, дополненное и исправленное. Тифлис: А. Шах-Азизов, 1876, 921 с.

5. Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса/ под. ред. И.Круопаса Л.: изд-во ЛГУ, 1959. 423 с.

6. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях/ под ред. С.А. Аннинского.- М. -Л.: Издательство АН СССР, 1936. 301 с.

Опельбаум Е.В. Восточнославянские лексические элементы в немецком языке/ Отв. ред. И.К. Белодед. Киев: АН Укр.ССР., 1971. 268с.

7. Словарь русского языка XI-XVII вв./ под ред. Ф.П.Филина/. М.: «Наука», 1982. Вып. 9. 371 с.

8. Bloch Oscar et W. von Wartburg. Dictionnaire etiymologique de la langue français. Preface de Meillet. 8-e éd., refondue par W. von Wartburg.- Paris: Presses Univ. de France. 1994, XXX, 651 p.

9. Dauzat Albert et al. Nouveau dictionnaire etymologique et historique/ Par Albert Dauzat, Jean Dubois, Henri Mitterand.- 5-e éd., rev. et corr.- Paris: Libr. Larousse, 1971. XLIX, 805 p.

10. Dictionnaire de l'Academie François. Nouvelle éd., augm. de plus de vingt mille Articles.- Paris: Moutardier, 1802.- T.1: A-K, vii, 856 p.; T.2: L-Z, 856 p.
11. Isacenko A.V. Herbersteiniana II. Herbersteins Moskowiterbuch und seine Bedeutung fur die russische historische Lexikographie// Zeitschrift fur Slavistik.- Berlin, 1957. Bd. II. Hf. 4.
12. Le Grand Robert de la langue française. Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue française de Paul Robert. 2 éd. entièrement rev. et enrichie par Alain Rey. Paris: Le Robert, 1985-1989. V.1-9.
13. Novus orbis regionum ac insularum veteribus incognitarum...Basieae, 1532. 584 c.
14. The Oxford Dictionary of English etimology/ Ed. by C.T.Onions. Oxford: Clarendon Press, 1985. 1024 p.

УНИВЕРБАТЫ XXI ВЕКА КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

И.И. БАКЛАНОВА
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Россия
ibaklanova@yandex.ru

Ключевые слова: *универбаты, неологизмы, коммуникативное равенство отправителя и адресата, осведомленный адресат.*

Цель статьи – определение причин характерной для современной русской речи активизации образования неологизмов-универбатов типа *личка* (‘личное сообщение’), *побочка* (‘побочный эффект’), а также определение круга адресатов, на которых универбаты ориентированы. Статья основана на наблюдениях над современной разговорной речью и текстами интернета. Показано, что причинами повышения продуктивности модели универбации можно считать стремление участников общения к речевой экономии, а также их установку на высокую осведомленность своих адресатов.

IRINA BAKLANOVA – Univerbats of the XXI century as an object of Modern Russian

Key words: *neologisms, one-word names, communicative equality of the sender and the addressee, the informed addressee.*

Abstract. The purpose of the article is to determine the causes for high productivity of one-word neologisms, such as *lichka* (= *lichnoe soobshchenie* ‘personal message’), *pobochka* (= *pobochnyj effect* ‘side effect’) as well as the determination of the group of addressees on which one-word names are oriented. The article is based on observations of modern conversational speech and Internet texts. The study showed that the reasons for the productivity of one-word neologisms can be explained, on the one hand, by the communicants’ intention of speech economy, and on the other – by the orientation of message senders on the high awareness of their recipients.

Представим такую ситуацию: свободно говорящий по-русски приезжий берет такси около одного из московских аэропортов. Таксист спрашивает его: «Я сейчас по *Минке*, потом по *Кутузке* и – на *Манежку*. Поедете?» Приезжий, не очень хорошо понимая названный маршрут, соглашается. В такси водитель огорошивает его следующим вопросом: «*Минка* стоит, по *выделенке* и по *встречке* не поедешь. Вы согласны ехать по *платке*?»

Думается, что, несмотря на доброжелательность таксиста, его вопросы создали трудность для приезжего. Эта трудность вызвана активизацией в современной русской речи неологизмов-универбатов, с которыми столкнулся приезжий: *Минка* (‘Минское шоссе’), *Кутузка* (‘Кутузовский проспект’), *Манежка* (‘Манежная площадь’), *выделенка* (‘выделенная полоса для пассажирского транспорта’), *встречка* (‘встречная полоса’), *платка* (‘платная дорога’) и т.п.

Цель данной статьи – выявление причин активизации в современной русской речи неологизмов-универбатов, а также определение круга адресатов, на которых универбаты ориентированы.

Универбаты – это продуктивный в русской речи «тип имен существительных женского рода с суффиксом *-к(а)*, образуемых от основ прилагательных на базе словосочетаний “прилагательное + существительное”, и являющийся семантической конденсацией последних» [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981]. Например: *канатная дорога → канатка*.

В.В. Лопатин относит процесс универбации к компрессивному словообразованию, т. е. к образованию слова на базе словосочетания, которому оно синонимично. Универбация, – отмечает исследователь, – «одна из основных функций словообразовательных средств языка. В отличие от собственно номинации <…>, универбация

используется не для обозначения словом нового понятия, а для однословного обозначения понятия, уже имеющего в языке устойчивое наименование, но составное, неоднословное» [Лопатин 1997: 577]. В.В. Лопатин подчеркивает, что, во-первых, в явлении универбации обнаруживается общеязыковая тенденция к экономии средств выражения; во-вторых, универбация характерна для разговорной речи; в-третьих, универбация в русском языке осуществляется с помощью различных с суффиксов, в частности, с помощью суффикса *-к(а)*, наиболее характерного для разговорной речи, например, *Третьяковская галерея – Третьяковка*; в-четвертых, основным объектом суффиксальной универбации являются определительные словосочетания, в которых определяемое слово опускается, а к основе определяющего слова присоединяется тот или иной суффикс [Лопатин 1997].

Слова В.В. Лопатина можно соотнести с наблюдениями Ш. Балли: речь «не может обходиться без слишком трудных слов, обозначающих вещи, ставшие повседневной необходимостью, она переделывает такие слова по своей мерке, усекая их или обрубая им голову; слишком длинное слово не годится для повседневного использования, а потому эти искалеченные образования сразу кажутся вполне естественными» [Балли 2003: 55].

Наблюдения показывают, что универбаты появляются в языке волнообразно.

Первой волной возникновения универбатов явился рубеж XIX–XX вв., когда в языке отражались революционные настроения. Послереволюционные универбаты были присущи речи пришедших к власти революционеров. Эти универбаты были непонятны большинству населения: *агитка* – агитационное произведение; *Учредилка* – ироническое название Учредительного Собрания; *чрезвычайка* – чрезвычайная комиссия, «чека» – такие примеры универбатов приводит А.М. Селищев [Селищев 2013: 175–176].

С.И. Карцевский обращает внимание на сниженную стилистическую окраску неологизмов: «Как будто новыми являются *учредилка* (или *учредиловка*), *потребилка* (или *потребиловка*), *танцулька*… Но действительно нового в них это только их “разгильдяйский” характер. В еще недавнее время суффикс *-ка* в неодушевленных именах означал либо просто уменьшительность, напр., *головка, иголка, рамка*, либо фамильярное, но отнюдь не вульгарное отношение к предмету: *столовка, читалка, раздевалка, сберегалка*. Оттенок вульгарности появлялся в тех редких случаях, когда вещи, так сказать, “серьезные” назывались фамильярно, как, напр., *Охранка* вместо Охранное отделение; *Предварилка* вместо Дом предварительного заключения; пожалуй, *Монополька* вместо Казенная винная монополия и т. п. В настоящее же время эти различия, связанные с социальным положением говорящих, с их воспитанием, литературной начитанностью и образованностью, – все они стерлись. Чрезвычайно живой и продуктивный в народном говоре суффикс *-ка* применяется в настоящее время для образования слов самых разнообразных значений: *чрезвычайка, интернационалка, керенка, изобразилка* (изобразительный отдел при Комиссариате Просвещения), *экономичка* (газета “Экономическая Жизнь”), *агитка* (агитационная театральная пьеса), *буржуйка* или *моргалка* (а также *пчелка* – железная переносная печка); *провизионка* (экспедиция в деревню за хлебом), *умывалка* и т. д. – Отсюда для многих из нас ощущение разгильдяйства, а в некоторых случаях и безусловно вульгарно-уничижительного характера» [Карцевский 2000: 224].

Вторая волна универбатов, по наблюдениям Е.А. Земской, пришлась на послевоенные годы и годы оттепели. Е.А. Земская отмечает, что для словообразования второй половины XX века были характерны демократизация, интернационализация, рост аналитизма и черт агглютинативности в структуре производного слова, рост личностного начала и экспрессивности. В частности, процесс демократизации в словообразовании существительных проявился в образовании производных слов с суф-

фиксом –к(а), образованных способом универбации. Эти универбаты соответствовали потребностям населения и поэтому были понятны большинству носителей языка. В последнее десятилетие XX в. универбаты активно проникали в язык СМИ, в частности, в газетные заголовки, где они, называя явления самых разных сфер жизни: *междугородка* ‘междугородная телефонная станция’, *малогабаритка* ‘малогабаритная квартира’, *Рублевка* ‘Рублевское шоссе’, – придавали заголовкам особую весомость и экспрессивность: *Восьмая «высотка» Москвы; «Оборонка» ищет выход; Гнесинка в ожидании закрытия.* Помимо этого, в тот же период века, по наблюдениям Е.А. Земской, изменилась схема образования универбатов: они стали образовываться не только от сочетаний *прил. + сущ.*, но и от сочетаний *страдательное прич. + сущ.*: *Со снегом* ***напряженка****. Выпадает раз в год и тут же тает* <…>; *В кассе была обнаружена* ***неучтенка*** <…> [Земская 2003].

Третья волна активизации универбатов возникла в последние годы XXI в. Сначала универбаты появлялись как жаргонизмы в среде «относительно открытых социальных и профессиональных групп людей, объединенных общностью интересов, привычек, занятий, социального положения и т. п.» [Скворцов 1997: 129], например, в жаргоне спортсменов, музыкантов, учащихся, актеров. Затем, выходя за рамки жаргонов, становились понятны большому количеству носителей русского языка и входили в сленг. Напомним, что сленг представляет собой «совокупность жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи. Употребляется преимущественно в условиях непринужденного общения» [Арапов 1990: 461]. Таким образом, универбаты выполняют функцию установления коммуникации со «своим», осведомленным, адресатом [Бакланова 2014]. Рассмотрим примеры.

1. Универбаты, называющие предметы и явления из сферы автомобилизма. «*Вижу, вы на* ***пешеходке***» (пешеходный переход) (Из наблюдений автора. 2018. – И.Б.); «*Но мы то с вами настоящие джиперы и знаем, что без* ***понижайки*** *это совсем не джип и без нее живется плохо, и именно поэтому при выборе машины предпочитаем пусть и из прошлого века и гнилой как прошлогодний помидор, но все-таки настоящий джип., включающаяся в труднопроходимых местах и позволяющая держать высокое число оборотов двигателя при низкой скорости»* (пониженная передача) [DRIVE2.RU].

2. Универбаты-топонимы. *«****“Манежка”*** *уже давно является известной площадкой для проведения концертов, культурных мероприятий и политических митингов»* (Манежная площадь в Москве) [KudaGo 2018]; *«“Фильтр” работает круглосуточно. Приезжайте! В Сокольники или на* ***Можайку****»* (Можайское шоссе) [Эхо Москвы 2019].

3. Универбаты, называющие предметы из сферы торговли. *«Вот согласитесь – производители* ***аромок*** *научились очень хорошо имитировать вкусы чего угодно – яблок, бананов, клубники, лимона, дыни, мяты, арбуза, чаёв, кофе, коктейлей и прочих весьма интересных вкусов»* (ароматическая добавка) [BelVaping 2018]; «*В России намерены запретить белорусскую* ***молочку*** *“с учетом административных территорий”»* (молочная продукция) [Onliner 2018].

4. Универбаты, называющие предметы и явления в сфере интернет-коммуникации. *«Девочки, объясните мне как написать в* ***личку*** *и что это вообще такое?»* [U-mama.ru 2019]; «*Понадобилось очень срочно скинуть установочные файлы по* ***электронке****»* (электронная почта) [Детки! 2018].

5. Универбаты, называющие предметы и явления в сфере СМИ. «“*Самолет прыгал по* ***взлетке****, как кузнечик, в него попала молния”: пассажиры загоревшегося борта Москва–Мурманск рассказали о ЧП*» (взлетная полоса) [Комсомольская правда 2019]; *«Да, да, в Венецию. Там можно будет имплантировать жабры либо на*

постоянку, *либо временно; можно любой хвост...»* (постоянное проживание) [Эхо Москвы 2018].

Перейдем к рассмотрению особенностей универбатов.

1) *Омонимия*, вызванная высокой продуктивностью модели их образования. Например, современные *ленинградская система отопления* и *Ленинградский проспект* в Москве в соответствии с моделью универбации могут быть названы *ленинградкой*: «*Но если дом небольшой, то, наверное, самым экономичным решением будет система отопления* ***ленинградка***» [StroyDay 2018] и «*Ленинградский проспект (в просторечии –* ***Ленинградка***» [Википедия 2018].

2) *Омонимия* современных универбатов и историзмов: *посудомойка* – '**посудомóйка,** -и, *род. мн.* -óек, *ж.* **1.** мойщица посуды *п. в закусочной, в столовой*' [Slovari.ru 2019] и *посудомойка – посудомоечная машина*: *«Кроме того, мыть в* ***посудомойке*** *можно не только посуду, но и расчески, пластмассовые детские игрушки, бейсболки, резиновые тапки, инструменты, фильтр от вытяжки, лотки холодильника и многое другое»* [Kitchendecorium 2018].

3) Способность попадать в литературные тексты, например, рекламные: *«Деловой центр класса А* ***Poklonka Place*** *на проспекте возле Парка Победы предлагает арендные каникулы, снижающие вашу финансовую нагрузку в период открытия»* [Poklonka Place 2018].

В этой связи Н. С. Валгина отмечает, что «степень вхождения подобных слов в литературный язык различная: многие, давно вошедшие в язык, нейтрализовались и стали единственными наименованиями предмета, как, например, *открытка* (открытое письмо), еще с 20-х годов ставшая официальным обозначением одного из видов почтовых отправлений. Другие слова, также ранее употреблявшиеся, прочно осели в просторечии, не претендуя на литературный статус (типа *раздевалка*; видимо, конкурирующее наименование *гардероб* удерживает это слово в рамках сниженного употребления). Другая причина задержки на пути следования в литературный язык – внутренняя, связанная с характером самого наименования, например, несоответствие формы и высокого интеллектуального содержания в слове *читалка*, в то время как повседневные бытовые названия круп (*пшенка, овсянка*) вполне нейтрализовались стилистически, изначально не претендуя на высокое именование. Большая же часть наименований предметов с суффиксом *–к–а*, образованных из словосочетаний, используются в рамках бытового разговорного стиля, например: *Старая Можайка идет параллельно Минке*» [Валгина 2003: 145].

4) Сленговые характеристики универбатов: краткость, экспрессивность и понятность «своим»: *побочку* 'побочный эффект' поймет только осведомленный адресат.

5) Прояснение в контексте и ситуации не всегда понятного значения универбата: смысл слова *безлимитка*, вероятно, поймет не каждый; но, увидев, как пассажирка в автобусе прикладывает проездной билет к валидатору, и услышав ее возглас: «*Чего он пищит? У меня же* ***безлимитка!***», скорее всего, догадается, что речь идет о *безлимитном билете* на городской транспорт (Из наблюдений автора. 2018. – И. Б.).

6) Схожесть формы универбатов с разговорными отадъективными и отсубстантивными существительными на *-к(а)*: «*На* ***Пражке*** *купила*» (станция метро «Пражская»); *«У Вас только* ***кошачка****?»* (товары для кошек) (Из наблюдений автора. 2018. – И. Б.).

Каковы причины высокой продуктивности современных универбатов?

Как показывают исследования, основной причиной активизации универбатов является продолжение развития «презумпции коммуникативного равенства отправителя и адресата» [Федосюк 1998: 181]. На рубеже XIX и XX вв. волна процесса универбации, помимо революционного влияния, была вызвана ускоренным развитием техники, бурным распространением средств массовой информации и, кроме того, демо-

кратизацией общественных отношений. «Перечисленные факторы явились причиной повышения уровня образованности подавляющего большинства носителей русского языка, и в результате – формирования у каждого из них достаточно сходных фондов общих знаний. Сходство данных фондов плюс тенденция к демократизации, по-видимому, и представляют собой те причины, которые в одних случаях непосредственно, а в других опосредованно обусловили развитие презумпции коммуникативного равенства адресанта и адресата» [Федосюк 1998: 181].

Аналогичная ситуация сложилась на рубеже XX и XXI вв.: стремление к речевой экономии, демократизация общественных отношений, развитие внутренней миграции, формирование научно-технического пространства, развитие компьютерных технологий, расширение сферы влияния средств массовой информации – все эти процессы привели к образованию у носителей языка сходных фондов общих знаний, что создало почву для их освоения большим количеством адресатов.

Эти причины подтверждаются наблюдениями М.В. Панова над языковыми антиномиями, определяющими «саморазвитие языка» [Панов 2007: 17]. М.В. Панов отмечает, что «в интересах говорящего упростить высказывание мысли, в интересах слушателя упростить процесс восприятия высказанного <…>; **у**зус ограничивает использование языковых единиц и их сочетаний <…>; если говорящий и слушатель понимают друг друга, то это означает, что у них в памяти существует общий код (набор знаков) и они по общим для них законам сочетают их, создавая текст» [Панов 2007: 17-18].

Проиллюстрировать это можно следующим. О месте расположения Болотной площади в Москве, которая находится между Москвой-рекой и Водоотводным каналом – Канавой, до недавнего времени знали даже не все коренные москвичи. Однако после массовых политических выступлений рубежа 2011-2012 гг., которые широко освещались в СМИ, о месте Болотной площади узнала вся Россия и сразу сформировала универбат – *Болотка*: *«За нападение на полицейских на акции 26 марта в Москве задержали уже четырех человек. Это новая* ***“болотка”****?»* [TheQuestion.ru 2018].

В заключение можно сказать, что современная продуктивность процесса универбации объясняется стремлением к речевой экономии, демократизацией общественных отношений, формированием научно-технического пространства, расширением сферы влияния средств массовой информации, что обусловливает представления отправителей речи о высокой осведомленности их адресатов в отношении значений любых современных неологизмов.

Литература

1. *Арапов М.В.* Сленг // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., Советская энциклопедия, 1990. С. 461.

2. *Бакланова И.И.* Образ автора и образ адресата нехудожественного текста: Монография. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2014. 272 с.

3. *Балли Ш.* Язык и жизнь. М., Едиториал УРСС, 2003. 232 с.

4. *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М., Логос, 2003. 304 с.

5. Википедия. Ленинградский проспект. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ленинградский_проспект (Дата обращения: 23.11.2018).

6. Детки! [Электронный ресурс] URL: http://www.detkityumen.ru/forum/thread/233976/ (Дата обращения: 05.12.2018).

7. *Земская Е.А.* Активные процессы в современном русском языке. Изменения в словообразовании // Современный русский литературный язык / Под ред. В. Г. Костомарова и В.И. Максимова. М., Гардарики, 2003. С. 695-710.

8. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование, Синтаксис / Отв. ред. Е. А. Земская. М., Наука, 1981. 276 с.

9. *Карцевский С.И.* Из лингвистического наследия. М., Языки русской культуры. 2000. 344 с.

10. Комсомольская правда. [Электронный ресурс] URL https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2-Fwww.murmansk.kp.ru%2Fdaily%2F26974.3%2F4031091%2F&d=1 (Дата обращения: 06.05.2019).

11. *Лопатин В.В.* Универбация // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 577.

12. *Панов М.В.* Языковые антиномии как внутренние стимулы развития языка // М. В. Панов. Труды по общему языкознанию. Т. 2. / Под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. М., Языки славянской культуры, 2007. С. 17-22.

13. *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917–1926). М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 248 с.

14. *Скворцов Л.И.* Жаргон // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 129.

15. *Федосюк М.Ю.* Развитие презумпции коммуникативного равенства адресанта и адресата как ведущая тенденция эволюции стилей русской речи XX века // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка: Материалы научно-методической конференции. Варшава, 1998. Вып. 5. С. 175-182.

16. Эхо Москвы. [Электронный ресурс] URL: https://echo.msk.ru/programs/nevsredy/2125834-echo/ (Дата обращения: 18.01.2018).

17. Эхо Москвы. [Электронный ресурс] URL: https://echo.msk.ru/programs/auto/2144868-echo/ (Дата обращения: 30.05.2019).

18. BelVaping. [Электронный ресурс] URL: https://www.belvaping.com/viewtopic.php?t=1402 (Дата обращения: 12.02.2018).

19. DRIVE2.RU. [Электронный ресурс] URL: https://www.drive2.ru/b/464026618466140954/ (Дата обращения: 09.02.2018).

20. Kitchendecorium. [Электронный ресурс] URL: https://kitchendecorium.ru/tehnika/vstraivaemaja/vse-nyuansy-vybora-posudomoechnoj-mashiny.html Дата обращения: 12.02.2018

21. KudaGo. [Электронный ресурс] URL: https://kudago.com/msk/place/manezhnaya-ploshad/ (Дата обращения: 11.02.2018).

22. Onliner. [Электронный ресурс] URL: https://people.onliner.by/2018/02/21/molochk (Дата обращения: 12.02.2018).

23. Poklonka Place. [Электронный ресурс] URL: http://poklonkaplace.ru/ (Дата обращения: 11.02.2018).

24. Slovari.ru. [Электронный ресурс] URL: http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068 Дата обращения: 23.05.2019

25. StroyDay. [Электронный ресурс] URL: https://stroyday.ru/stroitelstvo-doma/pechi-i-sistemy-otopleniya/sistema-otopleniya-html (Дата обращения: 09.02.2018).

26. TheQuestion.ru. [Электронный ресурс] URL: https://thequestion.ru/questions/251035/za-napadenie-na-policeiskikh-na-akcii-26-marta-v-moskve-zaderzhali-uzhe-chetyrekh-chelovek-eto-novaya-bolotka (Дата обращения: 16.02.2018).

27. U-mama.ru. [Электронный ресурс] URL: https://www.u-mama.ru/forum/gossip/everything/114648/-index.html#mid_2631224 (Дата обращения: 23.05.2019).

РУССКИЙ ЯЗЫК СЕГОДНЯ: ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Е.Г. БОРИСОВА

Московский городской педагогический университет, Россия

egbor@mail.ru

Ключевые слова: *территориальный вариант, регионалект, микродиахрония, дискурно обусловленная лексика, информационное пространство*.

Рассматриваются микродиахронические изменения, происходящие в современном русском языке в связи с изменением условий его функционирования. Показывается возможность существования вариантов литературного языка на различных территориях, что отличается от регионалекта, не сводимого к литературной норме. Вариативность связывается с местной лексикой (иногда диалектного происхождения), предпочтениями в использовании служебных слов, допускаемыми нормой в нескольких вариантах, а в какой-то степени и особенностями синтаксических правил. Изменения, происшедшие после ликвидации Советского Союза и единого информационного пространства, связаны с появлением новых слов, каковыми оказываются заимствования в русский язык через местные языки и дискурсно обусловленная лексика, отражающая медийный дискурс (скрытые и не очень цитаты).

ELENA BORISOVA – The Russian: changing in space and time

Key words: *district variant of language, regiolect, microdiachrony, lexis of discourse origine, information space.*

The article concerns microdiachronic changings (changings that have taken place nowadays) of the modern Russian because of the political transformations. There can be some variants of the standard language on some territories that is not was is called regiolect, as the latest is the language of communication that is not standard. The variability of the standard language are caused by some local lexis (sometimes – taken from dialects), preference in usage of functional words (particles, conjunctions), that do not contradict the common rules. Some times there can be syntactic specifics. The dissolution of the common information space that took place after the end of the

USSR caused separate development of lexis on territories where the Russian is an aboriginal language, that are caused by new loan-words, lexis of discourse origin (citing in media).

При изучении и описании языка обычно исходят из обобщенного и идеализированного представления о том, что язык существует как некоторая неизменная в данный момент времени константа. О таких реалиях существования языка, как возможный билингвизм ряда носителей, местные особенности, одновременное существование языков разных поколений, вспоминают обычно только в социолингвистических исследованиях. Однако для ряда языков различия, связанные с местными особенностями, могут оказаться столь велики, что и стандартное системное описание начинает ориентироваться на какой-то из вариантов. Именно так обстоит дело с английским языком, где вполне кодифицированными признаются несколько вариантов: британский, североамериканский, индийский, австралийский. Для некоторых языков территориальные варианты связываются с диалектами (немецкий, итальянский).

Русский язык до недавнего времени рассматривался как литературный, с практически одной нормой (московской радиотелевизионной). Возможности отклонений, связанные с местом функционирования, признавались территориальными вариантами (термин В.В. Виноградова), но им уделялось крайне мало места [Рудяков 2009]. В основном признание варианта со своими особенностями в лексике (вспомним знаменитый *поребрик*), относилось только к языку ленинградцев, т.к. их речь негласно тоже считалась нормативной. В других регионах отклонения относили к диалектизмам, даже когда речь шла о речи городских образованных жителей. Тем не менее, ряд случаев, например, употребление усилительных частиц на разных территориях, демонстрировал явление литературного языка: предпочтение частицы *-то* в ряде городов Урала и частицы *же* в южнорусских городах не нарушало общих правил употребления этих частиц в русском литературном языке [Борисова 2011]. Язык такой территории принято называть территориальным вариантом, причем именно литературного языка, а не диалекта, хотя в число особенностей попадают и диалектизмы. Когда речь заходит о значительной и обычно административно обособленной территории, говорят о региональных вариантах.

Понятие регионалекта отражает более глубокие отклонения от литературной нормы [Теркулов 2018]. Оно базируется на реальном языке, на котором говорят жители определенной территории в ситуации, когда они стремятся к самовыражению и взаимопониманию, не ограничивая себя привязкой к литературной норме. Поэтому в регионалектах часто встречаются диалектизмы, просторечия и местные варианты инвективов, т.е. бранных слов. При этом говорящие знают, что «при чужих» и «в приличном обществе» они не должны так говорить (та же логика и у людей, использующих сохранившиеся диалекты). Тем не менее, нередко и в их правильной (в целом) литературной речи проскальзывают местные особенности, которые говорящие не замечали, или уже не были в состоянии убрать из своих высказываний. Это относится, в первую очередь, к произношению, лексике:

(1) *Скоро Тимощуку придется привыкать, что трампель – это вешалка…* [НКРЯ. Артем Маслаков. Тимощук увез из Донецка орден и... подушку. Вчера новобранец «Зенита», купленный за 20 миллионов]. (Трампель – специфическое слово, распространенное в Харькове и Донецке. Герой сообщения Тимошук – донецкий футболист, перешедший в команду «Зенит» и переехавший в Санкт-Петербург).

Имеются и примеры, относящиеся к грамматике. Здесь можно вспомнить частицу-союз *дак* с причинным значением, размещаемую не перед, а после предложения, содержащего изложение причины: «*А я не пошел – устал дак…*);

(2) *Я́ по́мню/ росла́ уже́ пото́м зде́сь дак* (т.е. помню, потому что росла здесь) [НКРЯ].

В русском языке практически всегда средство, присоединяющее придаточное, стоит перед ним. Тем не менее, многие носители считают, что здесь разговорный союз должен присоединять продолжение. Поэтому они считают, что здесь не грамматическая ошибка, а незаконченное, оборванное предложение, которое должно вводиться этим союзом.

Посмотрим, как отмеченная вариативность проявляет себя в наши дни. Условия существования русского языка в последнем десятилетии двадцатого века и в начале двадцать первого радикально изменились, что связано с ликвидацией СССР и союзнического блока, изменением экономических условий в России и других странах исконного распространения русского языка. Это повлияло и на особенности русского языка в этих и других регионах, где этот язык традиционно широко используется.

В русский литературный язык попадают слова и словосочетания, которые распространены на ограниченной территории. Обычно отмечают проникновение в язык обозначений местных реалий: *Рада* для обозначения высшего законодательного органа Украины, *аким* – глава административной единицы в Казахстане и Средней Азии и т.п. Это явление наблюдалось и в советское время: в речи русских жителей Ташкента и других городов Средней Азии использовалось обозначение квартала *махалля.* Сюда же примыкают и другие экзотизмы: *арык, дувал*, *духан*. Это тот же процесс, который способствует использованию русскими жителями Европы и США обозначений местных реалий [Земская 2001].

Как правило, местные жители, говоря по-русски, сознают, что они используют нерусское слово и что их собеседники из других мест могут их не понять:

(3) *В то время их семьи жили на туркменской стороне Талимарджана, в махалле Авезова. Махалля – по-нашему микрорайон* [НКРЯ].

Иногда перевод или объяснение даются в косвенной форме:

(4) *Сегодня утром в рамках проводящихся в нашем городе Дней культуры казахстанской столицы Астаны два градоначальника – московский мэр Юрий Лужков и аким Астаны Аскельдин Джаксыбеков – торжественно заложили камень в основание будущего «Монумента Астаны»* [НКРЯ].

Слово *аким* понятно потому, что в предыдущем тексте говорится о двух градоначальниках.

Однако в наши дни, в условиях разорванного информационного единства русскоязычных носителей языка и билингвов, на некоторых территориях появляются инновации, которые не всегда переходят на весь язык, используемый и на других территориях. Это касается русского языка как в России, так и на других, теперь уже иностранных, территориях. Их особенностью является то, что носители не сознают возможности непонимания этих единиц другими русскоязычными – жителями иных мест.

Рассмотрим основные типы таких «территориально ограниченных» инноваций.

Во-первых, отметим заимствования, которые попали в национальный язык, а оттуда взяты русскими с соответствующей территории. В принципе, заимствований в русский из английского и других западноевропейских языков с момента распада Союза было очень много, особенно в политической и экономической сфере: *электорат, спикер, активы* и т.п. Поэтому появление новых слов уже не вызывает удивления, и то, что они не были заимствованиями во весь русский литературный язык, проходит незамечено. Для Украины такими словами являются слова *политикум* (а теперь уже приходилось слышать и *экономикум*) и *каденция*. Первое означает сообщество участников политической жизни, возможно, политическая элита. А второе – это срок, на который избирается представитель власти.

Большинство примеров со словом *политикум* относится к речам и текстам представителей Украины, которые, видимо, не сознают, что этого слова нет в русском:

(5) *Теперь политикум в Киеве разделился на тех, кто встал на сторону Порошенко, и тех, кто встал на сторону Тимошенко, рейтинг которой в три раз меньше, чем у «шоколадного короля», и составляет 8%.* [Александр Чаленко. Порошенко: путь к президентству // Известия, 2014.03.30], [НКРЯ].

Однако иногда его используют и российские авторы по отношению к Украине, и тогда слово обретает черты экзотизма:

(6) *Вообще же украинский политикум — и здесь речь идет не только об инциденте у русского посольства в Киеве, а о политических нравах в целом — всё более может быть сравнен с «вэньхуа да гэмин» на ридной мове*.

Каденция существует в русском как музыкальный термин. В политическом дискурсе оно используется редко, не отражается в словарях, однако встречается и в русскоязычной прессе:

(7) *Петр Порошенко рассказал, что он будет делать во время второй каденции https://clip-share.net/video/ (112 канал Украина)*

(8) *Нетаниягу ушел от ответа на вопрос «Хадашот 12», будет ли эта каденция последней в его карьере. https://news.israelinfo.co.il/news/67208*.

В последнем случае слово используется в русскоязычной прессе Израиля.

Очевидно, что ситуация здесь складывается примерно такая же, как и с лексикой территориальных вариантов, когда носители употребляют «свое словечко» в твердой уверенности, что это правильно по-русски.

Имеются явления и в русском языке России, которые не всегда воспринимаются и даже не всегда замечаются жителями, в том числе русскоязычными, других мест, при том, что большинство изменений, заимствований распространяется по всей территории распространения русского языка. Мы имеем в виду так называемую дискурсно обусловленную лексику («обусловы») [Языковой анализ 2018], которые представляют собой употребленные без ссылки цитаты (часто переделанные), недавно прозвучавшие в масс-медиа, например, «*денег нет, но вы держитесь*», «*подхрюкивающие*» (поддерживающей противника) и т.п. В принципе это схоже с вербальной версией мема. Понимание и тем более активное употребление возможно только теми, кто постоянно знакомится с информационной средой, поскольку далеко не всегда используемое выражение комментируется. Нередко оно вообще слабо выделяется из контекста. И если при виде выражений *Коля с Уренгоя* или *замминистра «никто не просил вас рожать»,* читатель догадывается о наличии чего-то прецедентного, то, например, заключение в кавычки слова *партнеры: Как говорят наши «партнеры»* – вообще проходит незамечено, и читатели вне России и не догадываются, что имеется в виду ссылка на употребление слова *партнеры* В.В. Путиным (*наши западные партнеры, наши заокеанские партнеры*), который все меньше вкладывал в содержание положительной оценки, однако не отказывался от этого обозначения в целом.

Аналогичные «обусловы» могут существовать и на других территориях исконного распространения русского языка. Так российские читатели обычно бывают поставлены в тупик, когда встречают выражение «*распятый мальчик*» или «*запоребрики»*, распространенные в русскоязычном пространстве Украины. В основе этих обусловов лежат события в Донецкой и Луганской областях в 2014 году. В одном из репортажей российского ТВ в ходе прямого эфира в кадр ворвалась какая-то немолодая женщина, которая утверждала, что украинские военные распяли мальчика. При повторе этого сюжета данный фрагмент был убран, т.к. достоверность информации не была подтверждена. Тем не менее, украинские СМИ многократно вспоминали этот сюжет, и выражение стало использоваться как символ лживости российского ТВ. В российских СМИ сюжет не повторялся, виновный в этом телеведущий вскоре погиб, ведя репортаж с места боевых действий. Поэтому данный обуслов ставит в тупик россиян. «Запоребрики» используются для обозначения россиян, которые, по мнению украинских СМИ, осуществляют агрессию на Донбассе. В каком-то фрагменте,

снятом в начале этих событий, перед толпой, собравшейся у какого-то учреждения, один из руководителей этого протеста кричал людям, чтобы они отошли «за поребрик». Поскольку слово *поребрик* известно как специфически ленинградское (петербуржское), был сделан вывод, что этот человек – российский военный из Санкт-Петербурга. И слово стали использовать в официальной прессе. (Благодарю И. Левонтину за предоставленную информацию, поскольку я лично ни слова, ни события ранее не знала. – Е.Б.).

Различия в языке территорий определяются природой коммуникации, и появление в языке какого-то сообщества нового слова объясняется его распространением в том виде коммуникации, которое простирается на данное сообщество. «Местные словечки» в территориальных вариантах появляются и закрепляются в сообществах, объединенных устной межличностной коммуникацией (это относится и к явлениям, ведущим начало от местных диалектов). Примерно так же (а в наши дни с использованием суррогата межличностной коммуникации – Интернет) распространяются и многочисленные жаргонные слова из разных сфер. Заимствования из иностранных языков чаще всего распространяются через СМИ. Так же распространяется и дискурсно обусловленная лексика. Поэтому в советское время в условиях единой информационной среды все новации, затрагивающие общественно-политическую сферу, становились достоянием всего русского литературного языка.

В наши дни русскоязычные медиа, особенно радио и ТВ, доступны практически во всех регионах распространения русского языка. Однако реально обращение к ним чаще всего осуществляется в соответствии с регионом проживания: жители Украины смотрят украинское русскоязычное ТВ, жители Израиля читают свою русскоязычную прессу и т.п. В результате формируются некоторые особенности языка, которые со временем позволят говорить о территориальных вариантах типа американского английского. Такая перспектива несколько противоречит общим тенденциям развития русского языка, в целом ориентированным на унификацию, борьбу с диалектизмами в литературной речи. В этом случае следует упрочивать единство информационного пространства за счет усилий российской стороны. В крайнем случае, имеет смысл создавать и распространять словарики (скорее всего, онлайн), отражающие изменения в российском варианте русского языка, что позволит адекватно воспринимать российские медиа, а возможно, и художественную литературу, куда часто попадают языковые новшества.

Литература

1. *Борисова Е.Г.* Усилительные частицы как конфликтогенный фактор // Конфликт в языке и коммуникации. Сб ст. М., РГГУ, 2011. С.156-162.

2. *Борисова Е.Г.* Языковой анализ медиатекста: монография /авторы: Е.Г. Борисова, М.Г. Мартыненкова. С.А. Василенко и др.; под общ.ред. Е.Г. Борисовой. М.: МГПУ, 2018.

3. *Земская Е.А.* Язык русского зарубежья // Русский язык в научном освещении. – № 1. М., 2001. С. 114-131.

4. *Рудяков А.Н.* Георусистика и национальные варианты русского языка/ Рудяков А.Н. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2009. № 168, Т.1. С.7-10.

5. *Теркулов В.И.* (ред.) Донецкий регионолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.В. Першина, И.А. Кудрейко и др.; под ред.В.И. Теркулова. Донецк, ООО «НПП «Фолиант», 2018. 265с.

СВОЙСТВА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.И. ВАСИЛЬЕВ
Лингвистический центр, Россия
alex.vas2010@mail.ru

Ключевые слова: *фразеологическая единица, фразеологизм, фразеологические сращения, единства, сочетания, фразисы, фразистические выражения, древнерусский язык, идиома.*

Фразеологическая система древнерусского языка обладала широко развитой системой устойчивых словосочетаний, обладающих только им свойственными категориальными свойствами, присущими абсо-

лютно всем древнерусским фразеологизмам и некатегориальными свойствами, которые встречались не у всех идиоматических сочетаний.

ALEXANDER VASILYEV – The Main Haracteristics Of Phraseological Units In Old Russian Language

Key words: *phraseological unit, phraseological unions, phraseological unities, phraseological combinations, phrasises, phrasistic expressions, old Russian language, idiom, zero stability.*

The phraseological system of the Old Russian language possessed the widely developed system of set expressions, possessing such category properties which absolutely peculiar to all of an Old Russian phraseological units and possessing uncategory properties that met not at all idiomatic combinations.

Возникновение фразеологии как лингвистической науки, изучающей устойчивые сочетания слов различного характера, связано с именем акад. В.В. Виноградова, который в 40-60 гг. прошлого столетия определил задачи изучения фразеологических единиц, установил основные их типы и тем самым заложил основы фразеологии.

Для названия устойчивой организации слов во фразеологии употребляются несколько синонимичных терминов: 1) фразеологическая единица (ФЕ); 2) фразеологизм; 3) фразеологический оборот; 4) идиома, 5) фразема; 6) устойчивый словесный комплекс (УСК).

В основу нашей фразеологической теории положена семантическая таксономия фразеологизмов, которая одинаково подходит как для древнерусского, так и для современного русского языка. Мы полагаем, во фразеологической системе древнерусского языка существуют только три типа фразеологических единиц, обладающих различной степенью идиоматичности и мотивированности общего значения ФЕ: 1) фразеологические сращения с высшей степенью идиоматичности и полным отсутствием мотивированности в современном плане; 2) фразеологические единства со средней степенью идиоматичности и с опосредованной мотивированностью общего значения ФЕ из суммы значений слов-компонентов; 3) фразеологические сочетания со слабой идиоматичностью и с высокой степенью мотивированности общего значения ФЕ. Последние включают в свой состав только одно слово с фразеологически связанным значением.

Фразеологические сочетания в научной литературе имеют и другие названия: коллокации [Баранов, Добровольский 2008: 67] и коллоквиализмы [Калинина 2007: 15]. Коллокации – это слабоидиоматичные фразеологизмы со структурой словосочетания, в которых семантически главный компонент употреблен в прямом значении [Баранов, Добровольский 2008: 67].

Что касается «фразеологических выражений», которые «целиком состоят из слов со свободными значениями, имеют общее значение, вытекающее из значений слов-компонентов, и которые воспроизводятся как готовые единицы с постоянным значением и составом» [Шанский 1985: 62], то эти выражения, как мы считаем, должны быть выведены за пределы фразеологии и рассматриваться в отдельной науке, которую мы предлагаем назвать словом **фразистика**, в основе которой, также как и в слове фразеология, лежит греческое слово phrasis – *выражение.* Мы считаем, что обороты типа *на данном этапе, письменные принадлежности, высшее учебное заведение* и многие другие, которые целиком состоят из слов со свободным значением и общее значение которых выводится из значений слов-компонентов, следует называть термином **фразис,** синонимичными которому будут названия**: фразистический оборот** и **фразистическая единица**. Термин «фразеологическое выражение» по отношению к устойчивым оборотам с «нулевой» идиоматичностью нежелательно употреблять из-за наличия в его составе слова «фразеологическое», которое будет вводить в заблуждение читателей, поэтому целесообразнее заменить термин «фразеологическое выражение» на слова и выражения: фразис, фразистический оборот или фразистическая единица.

Класс фразисов образуют тысячи в основном терминологических языковых единиц, употребляющихся в современное время во всех сферах науки, образования, финансов, производства, торговли, сельского хозяйства, строительства, спорта и т.д., например: бытовая химия, свадебный салон, недвижимое имущество, благотворительный фонд, газовая плита, горюче-смазочные материалы, транспортное средство, пластиковые окна, натяжные потолки, ученая степень и т.д. Включение в состав фразеологии фразистических единиц непомерно расширяет состав фразеологии, делает ее качественно разнородным и становится препятствием для дальнейшего развития отечественной фразеологии.

В древнерусском языке фразисы имеют такое же частое употребление, как и в современном русском языке. Высокая частотность употребления таких словосочетаний соответствует нулевой идиоматичности: **битися крѣпько** – *сражаться храбро, самоотверженно; не жалея своей жизни* (ИЛ, 1136, 110 об.); **коневаꙗ рать** – *конное войско* (НIVЛ, 1471, 305об.); **соудоваꙗ рать** (НIVЛ, 1471, 305об.); **сѣдѣти аки нѣмъ** – *сидеть, не говоря ни слова* (ИЛ, 1097, 89); **храборъ моужь** – *храбрый, мужественный воин* (ЛЛ, 1128, 99об.); **въ мале дроужине** *'с небольшим количеством войска'* (Н1ЛСИ, 1069, 90).

К фразисам могут быть отнесены также паремиологические выражения: **воина безъ падшихъ мьртвыихъ не бываеть** – *на войне всегда бывают потери* (ИЛ, 1254, 275 об.); **лѣность бо всемоу мати** (ЛЛ, 1096, 80 об.) – *Лень – это мать всех пороков*; **миръ стоить до рати а рать до мира** – *война и мирные отношения постоянно сменяют друг друга* (ИЛ, 1148, 133).

С нашей точки зрения, фразеологическая единица – это воспроизводимое идиоматическое сочетание двух и более знаменательных или служебных слов номинативного или коммуникативного характера, обладающее семантико-структурной устойчивостью.

Основными или категориальными свойствами фразеологического оборота, с нашей точки зрения, являются воспроизводимость, устойчивость, сверхсловность и идиоматичность, которая может быть сильной или высшей (фразеологические сращения), средней (фразеологические единства) и слабой (фразеологические сочетание).

Фразеологизмы – это готовые языковые единицы, извлекаемые из памяти целиком. ФЕ могут иметь и другие отличительные признаки: мотивированность/немотивированность, номинативность значения ФЕ, коннотативность, целостность значения, метафоричность/метонимичность, раздельнооформленность, экспрессивно-стилистическая окраска, целостность значения, эквивалентность слову и т.д. Но в целом они не всегда присутствуют, налицо лишь некоторые из них. Только фразеологическая воспроизводимость, сверхсловность, идиоматичность и устойчивость являются обязательными для всех ФЕ.

Понятие сущности и дифференциальных признаков фразеологических единиц всегда было в лингвистике одним из актуальных и дискуссионных.

Понятие воспроизводимости как основного, существенного свойства фразеологизма признается большинством лингвистов (Н.М. Шанский, Ю.Ю. Авалиани, Л.И. Ройзензон, А.Г. Ломов). Все ФЕ воспроизводимы. Однако не все лингвисты считают воспроизводимость дифференциальным свойством фразеологизмов. По мнению М.М. Копыленко воспроизводимость «распространяется не только на индивидуальную сочетаемость типа «лексема + лексема»…, но и на сочетаемость типа «лексема + категория лексем», т.е. на свободные сочетания слов [Копыленко 1965: 112]. Ю.Я. Бурмистрович полагает, что кроме ФЕ, воспроизводимыми могут быть и слова, и обычные словосочетания, и некоторые предложения [Бурмистрович 2004: 33]. Одна-

ко мы полагаем, что фразеологизмы обладают фразеологической воспроизводимостью, поскольку они «не создаются в речи, а воссоздаются потому, что они не могут быть там созданы, тогда как другие единицы (например, слова и словосочетания) могут быть сконструированы уже в процессе речи. Вот почему возможны новые слова, окказионализмы, понятные всем носителям языка (ибо эти слова «подстраиваются» под уже существующие в языке словообразовательные ряды), тогда как новые ФЕ, созданные в процессе речи и понимаемые носителями языка именно как новые единицы фразеологического фонда, невозможны» [Ройзензон 1973: 103-104]. Нам представляется, что фразеологическая воспроизводимость – это воспроизводимость особого типа, неизвестная другим значимым языковым единицам. Считается также, что для фразеологической воспроизводимости характерен признак дихотомии, при котором любому фразеологизму «в сознании говорящего противопоставлено (прямо или косвенно, реально или ирреально) аналогичное сочетание лексем свободного синтаксического построения» [Ройзензон 1977: 9]. Этот вопрос требует дальнейшего рассмотрения.

Сверхсловность – это признак, определяющий фразеологизм, поскольку ФЕ – это не одно слово, а два и более слов. В древнерусских памятниках употребляются: ФЕ типа сочетаний слов: **животъ ли смерть ли** '*всегда, что бы ни случилось, при любых обстоятельствах'* (Н1ЛМИ, 1284, 187об.); **любо животъ любо смерть** '*или жизнь, или смерть'* (НІЛМИ, 1255, 174 об.-175); **ни сѣмо ни онамо** '*ни туда ни сюда'* (ИЛ, 1128, 109) и ФЕ-словосочетания: **хлıаби небеснъıа** '*небеса'* (ИЛ, 1068, 63), **христовъ слоуга** *'священнослужитель'* (Усп. сб., 32г.). Синонимичным термину сверхсловность является слово раздельнооформленность.

Проблема устойчивости является одной из самых острых во фразеологии. Определение фразеологизма «как устойчивого сочетания слов долгое время способствовало тому, что ее считали статичной как в формальном, так и в смысловом плане» [Мокиенко 1980: 7]. Под устойчивостью нами понимается неизменность лексического состава, структуры и значения ФЕ. Устойчивость для ряда фразеологизмов имеет относительный характер. Стабильность употребления фразеологизмов при функционировании в речи может нарушаться, поскольку ФЕ вступают в семантико-грамматические связи с различными словами своего окружения. Многие ФЕ допускают варьирование (фонетическое, морфологическое, словообразовательное, структурное, семантическое, синтаксическое, стилистическое, компонентное (лексическое), количественное и комплексное) своих компонентов. Варьирование фразеологизмов в речи имеет определенные границы и санкционировано языковой нормой. Без понятия устойчивости ФЕ не могут считаться определенными языковыми единицами, составляющими фразеологический ярус системы языка. Поэтому понятие устойчивости может считаться одним из существенных признаков ФЕ.

Идиоматичность наблюдается только у идиом (фразеологических сращений, фразеологических единств и фразеологических сочетаний) и представляет собой полную смысловую неразложимость ФЕ на значения составляющих ее слов-компонентов у фразеологических сращений, опосредованную выводимость общего значения у фразеологических единств и наличие одного слова с переносным значением у фразеологических сочетаний: **бъıсть гибель лоунѣ** – *произошло лунное затмение*. НIVЛ, 1471, 308: **тои же осени ноıабрıа 27 бъıсть гибель лоунѣ полоунощи н ıаснѣ бъıвъ и аки кровь в лоунѣ и тма бъıсть не мало времıа и паки по малоу п росвѣтисıа**; 2) **вıноути очи** – *ослепить*. ИЛ, 1172, 197 об.: **и повелѣ его вести в песии Ѿстровъ и тамо его Ѿсѣкоша и ıазъıкъ оурѣзаша ıако злодѣю еретикоу роукоу п равоу Ѿсѣкоша и очи емоу вıнаша зане хоулоу измолви на свıатоую богородицю и др.**

Другим важнейшим свойством идиом является их эквивалентность слову и – соответственно – синонимическая заменимость словом: **ꙗко мати родила** *‘голый’* (Н1ЛМИ, 1141, 105 об.) и др.

Коннотативность имеет яркое проявление у идиом. В значении фразеологизма содержатся стилистические коннотации (дополнительные созначения), формирующие его семантику: экспрессивность (выразительность), эмоциональность, выражающая различные чувства субъекта (ласкательность, одобрительность, неодобрительность, почтительность и др.), оценочность, связанная с эмоциональностью и выражающая положительное или отрицательное отношение к кому- или чему-либо. Коннотативность ФЕ помогает создавать наглядно-чувственные и ассоциативно-образные представления о предметах или явлениях действительности, содержать их субъективную оценку.

ФЕ, возникающие в языке, отражают как его познавательную (гносеологическую) функцию вследствие обозначения новых понятий, явлений и фрагментов действительности, так и, удовлетворяя прагматическую функцию языка, служат «для пополнения и расширения стилистических средств, для выражения в языке экспрессивного и эмоционального воздействия» [Бондарко 1979: 105].

Метафоричность/метонимичность – это наличие переносного значения во фразеологических единицах, образованного на основе сходства общего впечатления, производимого воздействием предмета на говорящего или основанных на ассоциациях по смежности: **възꙗти землю копытомъ** – *не добиться успеха в военных делах.* Псков. 2-я лет., 1169, 169: **се же видевше новгородци изъидоша на поле въ избиша а дроугъꙗ роуками ꙗша а прочии побѣгоша ничтоже вземше ни полонивше толко взꙗша землю копытомъ; в мегновениѥ ѡка** ‘*очень быстро*’ЛЛ, 1096, 83об.; **възꙗти (поꙗти) головъ** *‘захватить в плен противника’* (НlЛМИ, 1148, 25об.) и др.

ФЕ, значение которых возникло в результате метафорического или метонимического переноса, обладают целостным значением. Такие исследователи, как Б.А. Ларин, А.М. Бабкин, Р.Н. Попов и др. считают метафоричность одним из самых важных признаков ФЕ.

Общеизвестность. Как правило, фразеологизмы характеризуются общеизвестностью. Если фразеологизм известен какому-либо коллективу в таком виде и в таком значении, то он обладает известностью. Общеизвестность может иметь относительный характер, поскольку в языке всегда имеются ФЕ, известные не всем носителям языка.

Раздельнооформленность. Все фразеологические единицы состоят из слов, которых называют компонентами или словоэлементами фразеологизма. Они пишутся раздельно друг от друга. Синонимичным к термину раздельнооформленность является слово сверхсловность.

Немотивированность значения ФЕ не зависит от значений компонентов, составляющих ФЕ, она присуща фразеологическим идиомам: **показати поуть** *кому ‘прогнать’* (Н1ЛСИ, 1170, 37).

Номинативность – способ обозначения предметов, признаков, свойств, процессов, при котором фразеологизмы осознаются как предметные: **раба христова** ‘*монахиня’* (Усп. сб.,118 г.); **ѡроужье ѡбоюдоуѡстро** ‘*образное название меча, символа княжеской власти, основного оружия древнерусского воина*‘; процессуальные: **пролити (проливати) кровь** *чью ‘убить (убивать) кого-либо’* (ЛЛ, 1136, 101); **приꙗти страсть** ‘*погибнуть*’ (ИЛ, 1015, 50 об.); качественно-обстоятельственные: **в мегновеньи ѡка** *‘очень быстро’* (ЛЛ, 1096, 83об.) и т.д.

Экспрессивно-стилистическая окраска – это стилистическое значение ФЕ, принадлежность фразеологизма к тому или иному стилю: книжному: **содомъ и гомора** '*города древней Палестины, которые были по библейской легенде разрушены землетрясением и огненным дождем за грехи их жителей'* (Н1ЛМИ, 986, 48 об.); разговорному: **богъ вѣсть** 'Бог знает' (Н1ЛМИ, 1394, 233); нейтральному: **рабъ божии** '*любой верующий по отношению к Богу'* (НІЛСИ, 1179, 42 об.).

Исследование фразеологических единиц древнерусского языка показывает, что фразеологизмы имели широкое употребление в древнерусских памятниках, имели те же самые свойства и характеристики, которые присущи им в современном русском языке.

Литература

1. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М., 2008.

2. *Калинина А.В.* Внутренняя форма идиом русского и французского языков: опыт сопоставительного анализа: Монография. М., Инфомедиа Паблишерз, 2007.

3. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. М., Высшая школа, 1985.

4. *Копыленко М.М.* О фразеологии «Повести временных лет» // Вопросы языкознания и методики преподавания иностранных языков. Алма-Ата, 1965.

5. *Бурмистрович Ю.Я.* Из основного о фразеологизме // Фразеологические чтения памяти проф. В. А. Лебединской: Вып. 3. Курган, Изд-во Курганского ун-та, 2006.

6. *Ройзензон Л.И.* Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973.

7. *Ройзензон Л.И.* Русская фразеология. Самарканд, 1977.

8. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М., «Высшая школа», 1980.

9. *Бондарко В.Т.* О номинативном аспекте устойчивых фраз (к постановке вопроса) // Проблемы русской фразеологии. Тула, 1979.

Список древнерусских памятников

(полные и сокращенные названия)

Лаврентьевская летопись. (ПСРЛ. Том первый). – М.: Языки русской культуры, 1997. – ЛЛ; Ипатьевская летопись, (ПСРЛ. Том второй). – М.: Языки русской культуры, 1998.–ИЛ; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. (ПСРЛ. Том III).– М.: Языки русской культуры, 2000: НІЛСИ – Новгородская первая летопись старшего извода и НІЛМИ – Новгородская первая летопись младшего извода;

Новгородская четвертая летопись. (ПСРЛ. Том IV Часть1). – М.: Языки русской культуры, 2000. – НІYЛ; Псковские летописи, вып. II. М., изд.-во АН СССР, 1955. – Псков. лет.; Рогожский летописец. Тверской сборник. (ПСРЛ. Том XV). – М.: Языки русской культуры, 2000 – Рог. лет. и Твер. лет.;

Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. (ПСРЛ. Том XYI). – М.: Языки русской культуры, 2000. – Лет. Авр.; Успенский сборник XII-XIII вв.: под ред. С. И. Коткова. – М., изд. «Наука», 1971. – Усп. сб.

ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ НОВЫХ СЛОВ И ЗНАЧЕНИЙ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

О.В. ВАСИЛЬЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

barcarola@list.ru

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00224-а, Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков (восьмой, девятый и десятый выпуски).

Ключевые слова: *историческая лексикология, историческая лексикография, история русского языка, Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков.*

В статье рассматриваются отдельные лексические и семантические приращения Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков, выявляемые при сравнении его с данными Словаря русского языка XI-XVII веков, Словаря русского языка XVIII века и ряда этимологических словарей. В некоторых случаях новые материалы Словаря Московской Руси позволяют уточнить (перенести с петровской на допетровскую эпоху) время появления тех или иных лексем в русском языке.

OLGA VASILJEVA – Historical dictionary as a source of information about the time of the emergence of new words and meanings in the lexical system of the language

Key words: *historical lexicology, historical lexicography, history of the Russian language, Vocabulary of everyday Russian language of Moscow Russia XVI-XVII centuries.*

The article deals with individual lexical and semantic increments of the Dictionary of everyday Russian language of Moscow Russia of the XVI-XVII centuries, revealed when comparing it with the data of the Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries, the Dictionary of the Russian language of the XVIII century and a number of etymological dictionaries. In some cases, the new materials of the Dictionary of Moscow Rus allow to specify (transfer from Petrovskaya to the pre-Peter the Great) the time of appearance of certain lexemes in the Russian language.

Лексика – самый динамичный ярус любого языка. При этом обновление лексического состава языков на современном этапе их развития отслеживается достаточно легко, в то время как установление времени появления новых слов и значений в предшествующие периоды является результатом специальных изысканий. Научная объективность при описании лексики в диахронии напрямую зависит от объема материальной базы исследования, а также от его инструментария. В данной статье заявленная проблематика разрабатывается на материале Словаря Обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков (далее СОРЯ), работа над которым ведется в Межкафедральном словарном кабинете имени проф. Б.А. Ларина на филологическом факультете СПбГУ. Основой СОРЯ, как и всех других словарей, работа над которыми начиналась в XX веке (и в предшествующие века также), являлась бумажная картотека. Картотеки толковых словарей формируются на протяжении десятилетий трудами многих людей. Проект СОРЯ был предложен Б.А. Лариным в 1959 году, картотека формировалась в 1960-1990-е годы, а с 1998 года началась работа над составлением СОРЯ. Однако в новом тысячелетии к бумажной картотеке постепенно стали добавляться электронные источники, доля которых в настоящее время превышает количество текстов, имеющихся только в печатном виде. Благодаря работе казанских коллег под руководством проф. К.Р. Галиуллина появился Казанский лингвографический фонд, где в виде удобной для работы базы представлены многие тексты XVI-XVII веков. Пополняется фонд распознанных оцифрованных текстов-источников СОРЯ, допускающих поиск цитатного материала по всему корпусу. Вместе с тем СОРЯ описывает лексику того периода, который уже представлен в русской исторической лексикографии целым рядом словарей, крупнейшим из которых является Словарь русского языка XI-XVII веков (далее СлРЯ XI-XVII вв.). При этом СлРЯ XI-XVII вв. намного шире и по охвату текстов (поскольку включает памятники церковно-книжные) и по временным рамкам, чем СОРЯ. Казалось бы, на таком фоне трудно сказать что-то новое. Вместе с тем современные методы сбора цитат в совокупности с концепцией СОРЯ, который, будучи дифференциальным по охвату памятников, в то же время является полным по принципу описания материала, все же дают возможность достаточно регулярно вносить уточнения в историю появления в русском языке тех или иных слов и значений. Эти уточнения выявлялись путем сопоставления данных, представленных в СОРЯ, СлРЯ XI-XVII вв., ряде этимологических словарей русского языка и в Словаре русского языка XVIII века (далее СлРЯ XVIII в.). Алгоритм работы был следующим: для выявления лексических «приращений» сначала сопоставлялись словники СОРЯ и СлРЯ XI-XVII вв. При том, что СлРЯ XI-XVII вв. существенно превосходит СОРЯ по количеству разработанных единиц (что объясняется его более широкими рамками – временными и жанровыми), периодически в СОРЯ встречаются лексемы, не вошедшие в СлРЯ XI-XVII вв. Далее из этих лексем исключались те, которые относятся к группам слов, не рассматриваемым в СлРЯ XI-XVII вв. (как и в большинстве других словарей), однако описываются в СОРЯ. «В отличие от ряда исторических словарей и словарей современного литературного языка, СОРЯ включает в свой корпус такие лексические группы, как названия народов и племен (*армяне, башкирцы*), названия лиц по месту их жительства и службы (*астраханцы, балахонцы*), а также прилагательные, образованные от этнонимов, названий жителей и топонимов (*аглинский, азовский, арабский, башкирский, бежецкий*)» [СО-

РЯ 1-8]. Остальные лексемы, вошедшие в СОРЯ и не отмеченные в СлРЯ XI-XVII вв., проверялись по этимологическим словарям и СлРЯ XVIII в. для поиска информации о времени вхождения этих слов в русский язык. Для выявления семантических «приращений» сопоставлялась семантическая структура отдельных слов в СОРЯ и СлРЯ XI-XVII вв. При этом расхождение между данными словарями в методике описания значений (а именно некоторый лаконизм «большого» словаря и на его фоне обычная для СОРЯ полнота описания, вплоть до употреблений, фиксирующих мелкие семантические и грамматические особенности бытования слов), не рассматривалось, сопоставление проводилось исключительно по крупным семантическим блокам – значениям.

Итак, какие лексемы, отраженные в источниках СОРЯ, не вошли в свое время в СлРЯ XI-XVII вв.? Это такие слова, как *завершить, золотничок, икономаз, икорка*, *казанок* «ум. к *казан*», производные *капканный* и *капканщик,* отсутствующие также и в СлРЯ XVIII в., и в этимологических словарях. Имя сущ. *доха* «шуба с мехом изнутри и снаружи», отмеченное в СОРЯ, отсутствует как в СлРЯ XI-XVII вв., так и в СлРЯ XVIII в., представлено в этимологических словарях, однако без указания на время его заимствования. Аналогичным образом, вошедшая в СОРЯ лексема *кант* «цветной шнурок или узкая полоска цветной материи по краю одежды (оторочка) или по шву», вошедшая через польский язык из немецкого, с иллюстрацией 1646 года, отсутствует в СлРЯ XI-XVII вв. и в СлРЯ XVIII в., зафиксирована в Этимологическом словаре М. Фасмера, но без указания на время заимствования.

Некоторые лексемы СОРЯ, которые не зафиксированы в СлРЯ XI-XVII вв., входят в словник СлРЯ XVIII в., однако при этом не маркированы как новые: *архар, архипелаг, балагурить, варяги* (этимологические словари указывают IX век как время вхождения этих заимствований в русский язык), *вбок, вовремя*, *выжимки, дочерний, дымно, дымовой, желобок, забота, заботиться, завитой, загадать, загнуть, задумать, земелька, злобно, именинница, именьишко, кадочник, кадочный, календарик, катиться, квасок, кларет*. (На этом разработанные материалы СОРЯ пока заканчиваются.)

При этом, например, имя прилагательное *дочерний* [СОРЯ 6-26] представлено в СОРЯ в 6 источниках XVII века, в сочетаниях с такими существительными, как *дети, бесчестье, поместье.* А новые возможности электронного поиска цитат, которые появились уже после выхода данного выпуска, дают нам еще 4 источника, причем не попавшее в словарь сочетание *дочерне имя* представлено в тексте начала XVI века. К сожалению, проверяя уже вышедшие выпуски по недавно освоенным нами поисковым системам, сталкиваемся не только с неучтенными цитатами, но и с целыми пропущенными словами. Так, в СОРЯ не вошло имя прилагательное *дочернин*, которого нет и ни в одном из цитируемых словарей. А слово в это время уже существовало (представлено в словосочетаниях *дочернино приданое*, 1503 г., *дочернины речи*, 1629 г.).

Интересен глагол *дотянуть* (в СлРЯ XI-XVII вв. есть только *дотягнути* и *дотящи* с цитатой 1249 года), употребленный в обиходном значении «с трудом дожить, прожить до какого-л. срока»: *Которая хлебенка ни была – все им [крестьянам] роздал и сам не знаю [В. Челищев], как до нови дотянуть: такой в наших краях голод* [СОРЯ 5-340].

Однако наибольший интерес представляют слова, вошедшие в СОРЯ (но не в СлРЯ XI-XVII вв.) и при этом отмеченные в СлРЯ XVIII в. и в этимологических словарях как неологизмы XVIII века. По СлРЯ XVIII в. это такие лексемы, как *вывих* (в СОРЯ с цитатой 1599 года)*, выворотить* (с цитатами, начиная с XVI века), *землетрясение* (с цитатой 1669 года)*, изобразительный* (с цитатой 1666 года)*, изорваться* (с цитатой 1546 года), *изразцовый* (с цитатами, начиная с 1655 года), наречие *аккуратно* (с цитатой 1694 года), появление которого в СлРЯ XVIII в. датируется 1711

годом, сущ. *валериана* (в СОРЯ зафиксировано в источнике 1599 года), в СлРЯ XVIII в. датируется 1705 годом, прил. *графский* (в СОРЯ 1643 г., в СлРЯ XVIII в. – 1713), *дождевик* «гриб» (1619 год), *душистый* (*масло, свечи душистые,* 1663 год), предикатив *завидно* (в СОРЯ 1607 год), наречие *исподлобья* (XVII в.), имя сущ. *календула* (1603 год), с фиксацией в СлРЯ XVIII в. под 1778 годом.

Лексемы, которые отмечаются как вхождения Петровской эпохи и в этимологических словарях, и в СлРЯ XVIII в.: *вексель* (цитата в СОРЯ 1655 года), *гвардия* (цитата 1669 года), *генералитет* (цитата 1648 года), *графиня* (цитата 1650 года), *дискант* (цитата первой половины XVII века), *информация* (цитаты в СОРЯ, начиная с 1659 года), *камергер* (1618 год), *камин* (цитаты в СОРЯ, начиная с 1657 года).

Любопытно, что имя сущ. *графа* «столбец расчерченной таблицы», с иллюстрацией в СОРЯ 1701 года, в СлРЯ XVIII в. дается как вхождение 1763 года, а глагол *забросить* (в СОРЯ с цитатой 1686 год), в СлРЯ XVIII в. маркируется как новое слово с указанием на первую фиксацию в САР-1, т.е. 1789-1794 годы. В СОРЯ представлена лексема *кастрюлька* (XVII в.), тогда как даже о его производящем *кастрюля* (которого нет в СлРЯ XI-XVII вв.) в этимологических словарях пишут как о заимствовании петровской эпохи. В СлРЯ XVIII в. лексема *кастрюля* дается как новое слово с первой фиксацией в таком виде в 1743 году (форма *кастрол* появилась раньше, в 1720 году).

Отметим, что в рассмотренные группы лексических расхождений включались только такие слова, которые остаются в активной части современного русского литературного языка. (Например, не учитывались такие единицы СОРЯ, не вошедшие в свое время в СлРЯ XI-XVII вв., как имена сущ. *иноходчик, имярекович, каблучник,* наречия *именисто, именованно, имоверно, ингод,* субстантив *казанная,* имена прил. *имяреков, индейцов, казаков* и т. п.)

Все приведенные списки, очевидно, будут пополняться по мере составления следующих выпусков СОРЯ и заполнять некоторые лакуны исторической лексикографии.

СОРЯ пополняет сведения о появлении в русском языке и некоторых фразеологизмов. Так, например, имя сущ. *карман* представлено в СлРЯ XI-XVII вв., однако выражение *класть себе в карман* «присваивать чужие деньги» в нем не отражено, а зафиксировано в СОРЯ: *Фома поп глуп… на пропой деньги с прихожан берет, в карман себе кладет, а о церковном строении не радеет. XVII в.* [СОРЯ 9].

Вторая разновидность «неологии», представленной в СОРЯ, – это новые значения лексем, уже отмеченных ранее в СлРЯ XI-XVII вв. Имя сущ. *винт* в СлРЯ XI-XVII вв. представлено основным значением и его оттенком «ввинчивающаяся пробка, затычка» [СлРЯ XI-XVII вв., 2-187], а в СОРЯ появляется новое: «винтовая нарезка в стволе» [СОРЯ 2-313]. Имя сущ. *дегтярня* имеет в СлРЯ XI-XVII вв. одно значение – «сосуд для хранения дегтя» [СлРЯ XI-XVII вв., 4-200], тогда как в СОРЯ к нему добавляется еще два: «помещение, где изготавливают деготь» (цитата 1567 года) и «яма для выпаривания дегтя» (цитата 1648 года) [СОРЯ 5-108]. Лексема *елочка* в СлРЯ XI-XVII вв. представлена значением «уменьш. к елка» [СлРЯ XI-XVII вв., 5-48], а в СОРЯ это «узор в форме расходящихся под углом повторяющихся линий, черточек»: Кубок серебрян с кровлею, позолочен, на кровле елочка. 1652 г. [СОРЯ 6-139]. У многозначного слова *загон* [СлРЯ XI-XVII вв., 5-170] появляется значение «отгороженный участок для летнего выпаса скота в лугах, в поле» [СОРЯ 6-336], а у имени сущ. *головня* [СлРЯ XI-XVII вв., 4-66] – значение «болезнь злаковых растений» [СОРЯ 4-149]. Имя прил. *знакомый* вошло в СлРЯ XI-XVII вв. с одним значением (о человеке) [СлРЯ XI-XVII вв., 6-40], тогда как в СОРЯ отмечено и второе – о предмете, с цитатой 1607 года [СОРЯ 8-88]. Имя прил. *зрелый* включено в СлРЯ XI-XVII вв. с одним значением (о саде и о плодах) [СлРЯ XI-XVII вв., 6-63], тогда как в

СОРЯ отражено и переносное «тщательно взвешенный, обдуманный» (*зрелая дума*, цитата 1643 года) [СОРЯ 8-117]. Глагол *говорить* представлен в СлРЯ XI-XVII вв. 6 значениями [СлРЯ XI-XVII вв., 4-53], а в СОРЯ – 13 [СОРЯ 4-123], у глагола *имать* в СОРЯ отмечается 27 значений [СОРЯ 9, ркп.], а в СлРЯ XI-XVII вв. – 9 [СлРЯ XI-XVII вв., 6-225], прилагательные *индейский* и *индийский* в СлРЯ XI-XVII вв. представлены одним общим значением «изготовленный, произрастающий, водящийся в Индии» и иллюстрируются исключительно устойчивыми словосочетаниями *индейская камка* «сорт шелковой ткани, производящейся в Индии», *индейские куры (курята)* «индейки», *индейские гуси* «павлины (?)», *индейское дерево* «сандал» и *индейский орех* «кокосовый орех (?)» [СлРЯ XI-XVII вв., 6-235]. Тогда как в СОРЯ выделено 15 значений, 9 из которых представляет блок «относящийся к Индии» («прил. к Индия», «находящийся в Индии», «правящий народом Индии», «изготовленный в Индии», «проживающий в Индии» и т. д.), а остальные 6 – блок «относящийся к Вест-Индии». У сущ. *голубчик* появляется значение «ласковое обращение к мужчине» [СОРЯ 4-156], а у сущ. *гора* – переносное значение «нагромождение чего-л.» [СОРЯ 4-167]. Слово *календарь* в СлРЯ XI-XVII вв. – это только «способ счисления дней в году» [СлРЯ XI-XVII вв., 7-34], тогда как в СОРЯ отмечено также и производное значение: «книга, в которой последовательно перечислены все дни года с делением на месяцы» [СОРЯ 9, ркп.]. У лексемы *кампания* появляется не отмеченное в СлРЯ XI-XVII вв. значение «военный поход» с иллюстрацией 1684 года, у сущ. *касса* – «ящик, сундук для хранения денег и ценностей». Глагол *катать* в СлРЯ XI-XVII вв. семантизируется только как «перемещать с места на место в разных направлениях округлый предмет» [СлРЯ XI-XVII вв., 7-89], тогда как материалы СОРЯ дают возможность выделить еще 3 значения: «валять, перекатывать с боку на бок по какой-л. поверхности кого-л.», «делать, изготавливать что-л. из шерсти, пуха и т.п. путем катания, валяния», а также «делать гладким с помощью пресса» [СОРЯ 9, ркп.].

Еще раз подчеркнем, что в целом СлРЯ XI-XVII вв. существенно превосходит СОРЯ по описываемому материалу (по жанрам и эпохам), и подобных количественных расхождений (как по лексемам, так и по значениям) в пользу СОРЯ в той части словника, где эти словари пересекаются, относительно немного, однако они регулярно встречаются, что позволяет вносить некоторые корректировки в научное представление о времени появления тех или иных элементов в лексической системе русского языка на прошлых этапах ее развития.

Литература

1. *Казанский лингвографический фонд* – Интернет-словари русского языка. Электронный ресурс // Казанский федеральный университет. http://www.klf.kpfu.ru/rs.php.

2. *СлРЯ XI-XVII вв.* – Словарь русского языка XI-XVII веков. Вып. 1. М., 1975. – Вып. 30. М., 2015. Издание продолжается.

3. *СлРЯ XVIII в.* – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. Л., 1984. – Вып. 21. СПб., 2015. Издание продолжается.

4. *СОРЯ* – Словарь Обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков. Вып. 1. СПб., 2004. – Вып. 8. СПб., 2019. Издание продолжается.

5. Лексикографический интернет-портал. Онлайн-словари русского языка https://lexicography.online/etymology/ – *Этимологические словари русского языка* – Этимологические онлайн-словари русского языка: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М. 1964-1973; Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. Этимологический словарь русского языка. М. 1994; Г. А. Крылов. Этимологический словарь русского языка. СПб 2005; Л.В. Успенский. Почему не иначе?: этимологический словарь. М. 2009

СЕМАНТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ РУССКИМ ЯЗЫКОМ XVI-XVII ВВ.

Е.В. ГЕНЕРАЛОВА
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
elena-generalova@yandex.ru

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-012-00224А «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.» (восьмой, девятый и десятый выпуски).

Ключевые слова: *заимствование, семантика, историческая лексикология, русский язык XVI-XVII вв., лексико-семантическая система.*

Активизация процесса заимствования из западноевропейских языков – одна из характерных черт развития лексики языка Московской Руси XVI-XVII вв. Статья посвящена рассмотрению одной из специфических черт заимствования в старорусском языке, а именно, особенностям семантической ассимиляции лексики западноевропейского происхождения в оригинальных (непереводных) памятниках. Описываются такие особенности как тематическая и семантическая замкнутость заимствованной лексики, отсутствие экстраполяции значений на русскую действительность.

ELENA GENERALOVA – Semantic adaptation of west-european loanwords in Russian of 16-17th centuries

Key words: *borrowing, loanwords, semantics, historical lexicology, Russian language of 16-17th centuries, lexico-semantic system.*

The intensification of borrowing from Western European languages is one of the characteristics of the development of the vocabulary of the Old-Russian language in the XVI-XVII centuries. Article deals with the one of the specific features of borrowing in the old Russian language, namely, the peculiarities of semantic assimilation of loanwords of Western European origin in the non-translated Russian texts. Such features as thematic and semantic isolation of borrowed vocabulary, absence of extrapolation of meanings to Russian reality are described.

В языке Московской Руси XVI-XVII вв. закладываются основы лексико-семантической системы будущего национального языка и берут начало многие типичные для современного русского языка процессы. Активизация процесса заимствования в это время – одна из характерных черт развития лексики старорусского языка. С одной стороны, до XVI-XVII вв. процесс проникновения заимствований из европейских языков не был таким продуктивным и последовательным, в этом смысле необходимо признать, что лексическое обогащение в этой сфере началось вовсе не с момента открытия Петром I окна в Европу [Huttl-Worth 1963: 23]. С другой стороны, количество заимствований, усваиваемых старорусским языков из западноевропейских языков, существенно меньше, чем в последующий (национальный) период истории языка, кроме того, сам процесс заимствования в эпоху Московской Руси во многом носит иной, чем впоследствии, характер. Основным видом заимствования этого периода является лексическое заимствование, поскольку основная причина проникновения иноязычной лексики в русский язык этого периода – активизировавшиеся военные, политические, торговые, культурные связи с Западной Европой и необходимость обозначить новые реалии, привозимые из-за рубежа или характерные для жизни за рубежом.

Настоящая статья посвящена рассмотрению одной из специфических черт процесса заимствования в старорусском языке, а именно, особенностям семантической ассимиляции лексики западноевропейского происхождения в оригинальных (непереводных) памятниках старорусского языка. Под лексикой западноевропейского происхождения в русском языке XVI-XVII вв. имеем в виду как прямые, так и опосредованные заимствования из распространенных на территории Западной Европы языков германской и романской групп (в том числе, заимствования из латинского языка), из западнославянских (польского и чешского) языков, а также из венгерского языка, т.е. лингвистическая база выделяется по языковому, территориальному и историко-политическому критерию (наличие политических, культурных и экономических кон-

тактов с Россией XVI-XVII вв.). Материалом исследования послужили данные исторических словарей и картотек, прежде всего «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.» [Словарь обиходного русского языка 2004-2019] и его картотеки, хранящейся в Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А. Ларина в СПбГУ, и «Словаря русского языка XI-XVII вв.» [Словарь русского языка XI-XVII 1975-2018] и Картотеки словаря древнерусского языка, хранящейся в ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова.

Лексика западноевропейского происхождения в языке периода Московской Руси закономерно подвергается адаптации на различных языковых уровнях.

Отличительной особенностью фонетической ассимиляции заимствований этого периода является их близость к языку-источнику и широкое фонетическое варьирование (например, *губернаторъ* (через польское gubernator из латинского gubernator) и *гуверноръ* (возможно, из английского Governor); *желнеръ (желнерь), желныръ (желнырь), жолнеръ (жолнерь*, *жолнырь), жалнеръ* (через польское żolnierz из немецкого Söldner (средневерхненемецкое soldenaere) и т.п.), однако вариантность заимствований не является бесспорным доказательством неассимилированности слова, т.к. вариантность – в целом характерная черта лексико-семантической системы русского языка этого периода Достаточно последовательно проходит в этот период грамматическое освоение заимствованной лексики: все заимствования включаются в морфологическую систему старорусского языка, в исследуемом материале не наблюдается несклоняемых существительных и прилагательных; наиболее часто варьируемым морфологическим признаком является род заимствованных существительных (см. *дюк* и *дюка* (итальянское duca, греческое δούκας, французское duc, испанское и португальское duque ‘герцог‘ из латинского dux, ducis), *галер* и *галера* (из немецкого Galeere или итальянского galera), *персонъ* и *персона* (через польского persona из латинского persona), *табак* и *табака* (возможно, первое из немецкого Tabak, второе – через польское tabaka) и др.). Активно идет словообразовательное освоение европеизмов: от заимствованных основ активно образуются производные, прежде всего относительные прилагательные от соответствующих существительных (*инструментальный, карабинный*, *лимонный* и *лимоновый, нотный, оливный, соймовый, спиртовый (-ой*) и др.), а также уменьшительные дериваты (*доломынецъ, канатикъ, коронка, пансыришко, персонка, пулька* и др.), обозначения действующих лиц (как правило, мастеров, изготавливающих соответствующие предметы или работающих с ними) (*протазанщкъ, алебардьщикъ, гранатчикъ, металщикъ, муштучникъ, стульник* и др.).

Семантическое освоение заимствований предполагает их включение в лексико-семантическую систему языка, развитие их семантической структуры, образование лексико-семантических связей с другими единицами словарного состава.

В этом отношении прежде всего отметим тематическую ограниченность западноевропейских заимствований в языке XVI-XVII вв., т.е. заимствуется достаточно ограниченный круг лексики. В основном заимствуется конкретная лексика (номенклатурные названия различных предметов: тканей, специй, вин, предметов одежды, посуды и др.), в первую очередь это названия импортируемых на Русь товаров (*брюкишъ, анисъ, романея, латунь*), а также новых предметов обихода (*рюмка, кастрюля, лямка, муштукъ).* Активно заимствуется лексика, связанная с торговлей и денежными расчетами (*безменъ, гыря*), в том числе обозначения мер различных товаров и денежных единиц (*литръ* и *литра, штюка, тюкъ*, *кипа*). Значительное количество европейских заимствований – это военная лексика: названия новых видов оружия *(бердышъ, граната, фузея)*, военных чинов (*майоръ, генералъ, капралъ, гетманъ*), а также лексика, называющая зарубежные реалии (номинации различных чинов, званий, должностей: *герцогъ, графъ, канцлеръ, секретариусъ*; представителей разных кон-

фессий: *иезуитъ, люторъ, кальвинъ,* лексика, связанная с обозначением государственного устройства: *сойма* и т.п.). Достаточно мало абстрактной лексики; преимущественно это культурная лексика (*академия, библиотека*).

Заимствуемая конкретная лексика в подавляющем большинстве сохраняет семантику языка-источника: например, слово *информация* в языке Московской Руси используется прежде всего с семантикой ‘документ, содержащий какие-либо сведения’ *(А въ информацыи, за гетмановою рукою и за войсковою печатью, какову посланцы объявили, написано: 1) Извѣстить царскому величеству посланцомъ ихъ велѣно гетманово и всего войска Запорожского вѣрное подданство (АЮЗР V, 1659 г.))* Лишь в некоторых случаях происходило уточнение и частичное изменение значений: например, лексема *ганка* развивает значение ‘столбик’ (в языке-источнике известно со значением ‘коридор, ход’), лексема *факторъ* (из лат. factor ‘делающий, создающий’) была заимствована в старорусский язык со значением ‘поверенный в делах, руководитель торговли’ (*Котошихин, ДАИ, РШЭО*).

Основной результат семантического освоения заимствований – развитие полисемии. Более частотны метонимические переносы значения: например, у лексемы *противень*, заимствованной из немецкого с семантикой ‘сковорода для выварки соли’ закономерно образуется метонимическое значение ‘емкость соответствующего размера’, откуда далее ‘пошлина с соляных варниц’; у лексемы *рецептъ* образуется метонимическое значение ‘лекарства’ (*Досифей дал лекарю Данилы на рецепта рубль шесть алтын 4 де(нги)от своей немощи (Кн. Ивер. м., 1669 г.)).* У лексемы *аптека* метонимическое значение образуется от невещественного к вещественному: от значения `заведение, где изготавливают и продают лекарства, оказывают врачебную помощь’ (заимствовано через немецкий из латыни) образуется семантика ‘коробка с набором лекарств’, а в семантической эволюции лексемы *буда* (через польское buda, чешское bouda из средневерхненемецкого buode, нововерхненемецкого bude ‘шалаш, палатка’) наблюдается обратное направление развития значений: ‘легкая постройка, плетеный шалаш’ *(Буда — хижина из ветвей (Джемс, 1619 г.))*, откуда далее значение ‘поселение’ (*Тот Володимер… без твоево гсдрва указу литовския дрвни и буды грабил и жог (Южн. челобитные, 1622 г.*)) и специализированное ‘смолокуренное, поташное или селитренное производство’ (*буды учинены въ тѣхъ же в-ыныхъ царскихъ лѣсахъ, на откупу (Котошихин, 1667 г.*)) (ср. *будникъ, будное дело, будный станъ).*

Характерная семантическая операция при заимствовании – расширение или сужение значения: см. заимствованная, очевидно, из польского лексема *сбруя (сброя)* (изначально: ‘доспехи, вооружение’), осваиваясь русским языком, получает новые значения: с одной стороны, суживая значение – ‘предметы для седлания лошади, упряжка’, с другой, расширяя – ‘предметы, необходимые для чего-либо, снаряжение’ (*мелничная збруя).* Лексема *зипун*, заимствованная в XVI в. из новогреческого ζιπούνι или прямо из итальянского. giubbone ‘куртка, кофта’, быстро ассимилируется и активно функционирует в русском языке, обозначая не только верхнюю длинную мужскую одежду в виде кафтана (без воротника) (в том числе и в устойчивых сочетаниях *зипун теплый, зипун холодный*), но и приобретает переносное значение ‘добыча, военные трофеи’ (*На море путь заперт, и зипуна достать стало негде* (*РД I, 1668 г.)),* фиксируется даже устойчивое выражение *ходить для зипуна (за зипуном)* со значением ‘добывать богатство набегами, разбоем’ (*И нынѣ, государь, мы [атаман Наум Васильев и все Войско Донское], бѣдные, то твое государево жаловонья (!) поѣли, а на моря, государь, мы нынѣшнимъ лѣтомъ нигдѣ за зипуномъ не ходили: хотѣли было мы тебѣ, государю, службы своей прибавить и промыслъ учинить надъ Азовымъ, и Господь Богъ за грЪхи наши такъ, государь, не изволилъ (ДД V, 1656 г.), Для мирного договору, съ Турскимъ салтаномъ и съ Крымскимъ ханомъ задору не чинимъ*

[войско Донское], на морѣ подъ турские городы и подъ крымские селы и подъ нагайские улусы для зипуна и добычи никуды не ходимъ, и съ азовскими людми и по се число въ миру (ДАИ XI, 1684 г.)).

Один из признаков семантического освоения заимствования – использование его в качестве прозвища: см., *Генеральной есаул Матвей Гвинтовка (РД II-2, 1670 г.), во дворе Гришка Ондреев сын прозвище Драгун (Сл. Каз. 2-2, 1646 г.).* Освоенные иноязычные лексемы и производные от них включаются в состав устойчивых оборотов: *Аптекарский приказ* ‘управление, ведающее лечебными делами’, *на миндальное дело* ‘способ огранки пуговиц в виде удлиненных овальных выпуклостей, похожих по форме на орехи миндаля’, *нотное знамя* ‘нотная (линейная) система записи музыкальных произведений’, *пара платья* ‘костюм’, *реестровые казаки* ‘казаки, числящиеся в списке казачьего войска и получающие жалование’, *солдатские кормы* ‘сбор с населения на содержание солдат’.

Интересной отличительной чертой лексико-семантической системы старорусского языка является практически полное отсутствие экстраполяции понятий, обозначаемых такими словами, на русскую действительность (в отличие, например, от ситуации языка Петровской эпохи). Так, например, лексема *адмиралъ* (с фонетическими вариантами *аммаралъ и амаралъ*) обозначала высший военно-морской чин (и человека, его носящего) только в европейских государствах, слово *губернаторъ* обозначало правителя города исключительно в европейских странах (*И грамоты де отъ королевы во всѣ свѣйские городы розосланы, чтобы изо всѣхъ городовъ генералы и губернаторы и иные начальные люди ѣхали к еѣ, королевину, корунованью в Стеколну (Россия и Швеция, 1650 г.)),* слово *секретарь* (также *секретариусъ*) – должностное лицо только в дипломатическом ведомстве Речи Посполитой, лексема *инженеръ* (с вариантами *ингениоръ, инжениеръ, ингенеръ*) в XVII в. обозначала только иностранного специалиста, прежде всего по военной технике и укреплению населенных пунктов и крепостей, реже – и в других областях *(184 г. генваря въ 2 день по указу в[еликого] г[осударя], бояринъ Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ приказалъ 20 человѣкомъ мещанскимъ дѣтемъ, каторыхъ учитъ тонцованьямъ инженѣръ Миколай Лима, здѣлать платье киндячное, и то платье написать золотомъ и серебромъ мѣстами (Док. Моск. театра, 1676 г.))* и т.п.

Для языка Московской Руси, напротив, характерна ситуация, когда русские названия используются для обозначения западноевропейских реалий: например, *грамота* ‘об официальном документе иностранных государств’ (*Пришел к Федору и к Неудаче пристав алдраман Барн и сказал: Пришла де ко мне от королевны грамота; а велено вам сказати, что вам быти у королевны на Егорьев день вешней* (*Ст. сп. Писемского, 1583 г.)), голова* ‘о гражданском или военном должностном лице в других странах’ (*Июня въ 11 день были у государя, въ Золотой полатѣ, нѣмцы, рейтарские головы (Выходы ц. в. к., 1633 г.)), бояринъ* ‘о сановнике при дворе европейских государей и восточных правителей’ *(И того ж часу в столовой полате пришол к послом к Ивану к Михайловичю с товарищи королевской боярин большой Петр Брагде (Ст. сп. Воронцова, 1586 г.))* и т. п. Это характерно даже для языка статейных списков послов: чаще всего при обозначении титулов и должностей, существующих в странах Западной Европы, русские дипломаты стараются использовать соответствия, принятые в русской общественно-политической терминологии того времени: например, должностное лицо, управляющее городом или областью, обозначается словом *воевода* (*Ст. сп. Кондырева*) или *державец* (*Ст. сп. Потемкина*), по отношению к министрам и советникам европейских монархов употребляются термины *боярин* или *большой боярин* (*Ст. сп. Воронцова, Ст. сп. Микулина*), *ближний человек* (*Ст. сп. Кондырева*), *думный дьяк* (*Ст. сп. Писемского*), представители феодальной аристократии повсеместно именуются *удельными князьями* [Щекин 2016: 386]. Незнакомые

конкретные предметы часто характеризуются описательно, заимствования не происходит. Так, Е.М. Иссерлин приводит пример с описанием русскими путешественниками той поры фонтанов (при отсутствии соответствующего явления в Московской Руси): «Ф.А. Котов, говоря в 1624 г. о персидском городе Испогане, славившемся своими фонтанами, пишет об этом так: *промежь тех же садов зделана большая ердань каменнач, стоит полна воды, а середь ердани поставлена труба медная стоячая, и ис тои трубы бьет вверх ис под земли выше человека (Хожд. Кот., 99)*. П.И. Потемкин, возглавлявший в 1667 г. русское посольство во Францию, видел в королевском саду «*воды взводные розными образцы (Ст. сп. Потемкина, 295)*» [Иссерлин 1961: 60]. Ср. в переводах с польского книги С. Старовольского «Двор турецкого султана» слово *фонтанъ* используется только в двух из шести переводов и с пояснениями *фонтан сиречь колодезь*, в других переводах даются русские соответствия, причем очень приблизительные, условные (*источникъ, колодезь, вода*) [Иссерлин 1961: 60].

Расширение значения заимствованных лексем очень редко распространяется на явления, известные в русской действительности или не связанные с территориальной приуроченностью: например, хорошо освоенное заимствование из польского *панъ*, изначально имевшее значение ‘вельможа, дворянин, человек, принадлежащий к привилегированному сословию в Польско-Литовском государстве’, используется также с расширительной семантикой ‘о поляках и выходцах из Польши или западнорусских земель’, а в пословице получает значение ‘барин, помещик, хозяин’ с утратой связи с исконным, польским происхождением: *Хрестьянинъ пьянъ то сам себѣ панъ* (*Сим. Послов., XVII-н. XVIII вв*.).

Характерной чертой лексико-семантической системы языка этого периода являлась вариантность, полиномия и избыточность. За счет пополнения языка заимствованной лексикой создаются новые синонимические пары и ряды: например, *врач – лекарь – доктор* (через немецкое Doktor или польское doktor из латинского doctor), *грамота – лист* 'документ' (семантическая калька с польского). Однако для русского языка XVI-XVII вв. едва ли можно говорить о развитой синонимии, тем более о конкуренции исконных и заимствованных слов (ср. обратная ситуация в языке петровского времени), такая синонимия во многом только складывается именно в этот период. Синонимические параллели исконных и зависимых слов чаще встречаются в источниках, созданных со специальными целями, а именно в разговорниках по изучению русского языка, записках иностранцев (например, в Русско-английском дневнике Ричарда Джемса приведены пары *бочерник – купор, икра – кавьяр* (см. подробнее [Мжельская 2003: 62]. Условия использования новых заимствованных лексем, синонимичных исконным, как правило, еще не определены. Неполнотой заимствования и необходимостью использовать русское слово в качестве пояснения часто объясняется их совместное синонимичное использование в текстах и приведение русских переводных эквивалентов: *А приданого за обеими королевнами по 500 кронов золотых да по чепи, даров посылали – французской послал к невесте своей чепь, а называют ее каркант (Ст. сп. Кондырева, 1616 г.), Охмистеръ а по-московски бояринъ (Польск д. 3, 1560 г.), Капитанъ сарнасъ, а по руски приказной человѣкъ который ружье принимаетъ (СГГД 3, 1631).*

Развивая новую семантику и вступая в синонимические связи, заимствования обогащали семантическую систему старорусского языка. Существенную роль в этом отношении сыграли полонизмы, их появление семантически обогащало язык (см. подробнее [Гарбуль 2009]). Г. Милейковская выдвигает тезис о том, что очень важным в этот период было заимствование из близкородственных языков, за счет появления полисемии и омонимии углублявшее смысловую структуру русского слова

[Милейковская 1984: 148]: (см. развитие значений слов *довольный, невзгода, розуметь, жадати, лист*, *тратити* и др.).

Таким образом, в XVI-XVII вв. достаточно резко возрастает интенсивность западноевропейских заимствований в русский язык, и процесс этот носит своеобразный характер. Лексика западноевропейского происхождения развивает и обогащает словарный состав и семантическую структуру русского слова в языке Московской Руси. Специфика семантической адаптации заимствований в старорусском языке заключается в том, что процесс охватывает далеко не все тематические группы лексики, лексика как правило сохраняет свое значение в языке-источнике. Характерна определенная семантическая замкнутость заимствованной лексики и практически полное отсутствие экстраполяции понятий, обозначаемых такими словами, на русскую действительность.

Список источников

АЮЗР I-XV – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собр. И изд. Археограф. Комис. Т. 1-15. СПб, 1863-1895.

Выходы ц. в. к. – Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Русии самодержцев (1632–1682 гг). / Сообщ. П. М. Строев. М., 1844.

ДАИ II-XII – Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. 2–12. СПб., 1846-1875.

ДД V – Донские дела. Кн. 5. СПб, 1917 (РИБ. Т. 34).

Джемс – Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). / Перев., исслед. и коммент. Б. А. Ларина. // Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002.

Док. Моск. театра – Московский театр при царях Алексее и Петре. Материалы, собр. С.К. Богоявленским (Чт. ОИДР. 1914, кн. 2, отл. 1, с. 1-192). 1672-1709 гг.

Кн. расх. Ивер. м. – Книга расходная Иверского Валдайского монастыря Новгородского подворья стряпчего Петра Маркова 1668 г. Рукоп. ЛОИИ, ф. 181, оп. 2, л. 43.

Котошихин – Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича: 2-е изд. СПб., 1859.

Польск д. 3 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III. СПб., 1892 (Сб. РИО. Т. 71).

Россия и Швеция – Якубов К. Россия и Швеция в 1-й половине XVII в. // Чтения ОИДР. 1898. Кн. 1. Отд. 1.

РШЭО – Русско-шведские экономические отношения в XVII в. / Отв. ред. М. П. Вяткин, И. Н. Фирсов. М.; Л., 1960.

РД I, II-2 – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 1. М., 1954. Т 2, ч.2. М., 1959.

СГГД 3 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Гос. Коллегии иностранных дел. М., 1813-1894.

Сим. Послов. – Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII-XIX ст. / Собрал П. Симони. // Сб. ОРЯС. Т. 66. № 7. СПб., 1899.

Сл. Каз. 2-2 – Галиуллин К.Р., Гизатуллина А.Р. Казанский край: Словарь языка памятников 2-й четверти XVII в. Изд-во Казан. ун-та, 2010.

Ст. сп. Воронцова – Статейный список И.М. Воронцова //Путешествия русских послов XVI-XVII вв. М.;Л., 1954. С. 7-62.

Ст. сп. Кондырева – Статейный список И.Г. Кондырева и М. Неверова 1615-1616 гг. (Публ. Т.А. Лаптевой) // Исторический архив. 1996, № 1. С. 172-203.

Ст. сп. Микулина – Статейный список Г. И. Микулина. // Путешествия русских послов XVI-XVII вв. М.;Л., 1954. С. 156-205.

Ст. сп. Писемского – Статейный список Ф. А. Писемского. // Путешествия русских послов XVI-XVII вв. М.;Л., 1954. С. 100-155.

Ст. сп. Потемкина – Статейный список П. И. Потемкина. // Путешествия русских послов XVI-XVII вв. М.;Л., 1954. С. 227-315.

Хожд. Кот. – Хожение купца Федота Котова в Персию в 1624 г./ Публ. Н. А. Кузнецовой. М. 1958.

Южн. Челоб. – Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи. / Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянова. М., 1993.

Литература

1. *Гарбуль Л.* Семантические полонизмы в русском приказном языке. Вильнюс, Изд-во Вильнюсского ун-та, 2009. 484 с.

2. *Иссерлин Е.М.* Лексика русского литературного языка XVII века. Материалы к курсу «История русского литературного языка». М., Московский полиграф. ин-т, 1961. 80 с.

3. *Милейковская Г.* Польские заимствования в русском литературном языке XV-XVII веков // Studia z filologii rosyjskiej i slowianskiej; T. 7. Warszawa; Wyd-va Uniw. Warszawskiego, 1984. 178 с.

4. *Мжельская О.С.* Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI-XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб: Изд-во СПб ун-та, 2003. 220 с.

4. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Т. 1–8. СПб.: Наука. 2004–2019, изд. продолжается.

5. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–30. М.: Наука. 1975– 2015, изд. продолжается.

6. *Щекин А.С.* Обозначения западноевропейских титулов и должностей в статейных списках русских посольств в Европу XVI-XVII веков // XLV Международная филологическая научная конференция. Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г. Тезисы докладов. СПб., 2016. С. 385-387.

7. *Huttl-Worth G.* Foreign words in Russian. A historical sketch, 1550-1800. Berkeley. Vol. XXVIII. Berkeley and LosAngeles Los Angeles: Univ. of California press, 1963. 132 pp.

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ XVIII-XIX ВЕКОВ

Г.Н. КАРИМУЛЛИНА

Казанский федеральный университет, Россия

guzel_karimullina@list.ru

Ключевые слова*: лексикографический параметр, заимствование, толковый словарь, тюркизм, русский язык.*

В статье представлен анализ тюркских заимствований, отраженных в лексикографических источниках XVIII-XIX вв. Для анализа привлечены первые академические толковые словари русского языка («Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847 г.), «Словарь Академии Российской» (1789-1794 гг.) и «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» (1806-1822 гг.). В работе фиксируются различного рода особенности, связанные с функционированием пласта тюркской лексики в рассматриваемый период, анализируются способы словарного описания заимствований в данный период.

GUZEL KARIMULLINA – Borrowed vocabulary of the russian language in lexicographic sources of the 18th-19th cc.

Key words: *lexicographic parameter, borrowing, thesaurus, Turkism, Russian language.*

The paper presents an analysis of Turkic borrowings reflected in lexicographic sources of the 18th – 19th cc. We analyze the first academic thesauri of the Russian language ("Dictionary of the Church Slavonic and Russia languages" (1847), "Dictionary of the Russian Academy" (1789-1794), and "Dictionary of the Russian Academy, arranged alphabetically" (1806-1822). Various peculiarities are registered, which are related to the functioning of the Turkic vocabulary in the studied period; the means of registering borrowings in dictionaries are analyzed.

Одной из важнейших задач лингвистики является всестороннее изучение взаимодействия языков. В центре этой проблемы – исследование эволюции словарного состава языка в ходе исторического развития под влиянием других языков.

Естественным и закономерным процессом, сопровождающим контакты народов и их языков, является заимствование. Одним из заметных в составе русской лексики является пласт тюркских заимствований. По словам лингвистов-контактологов: ″Тесные многовековые отношения с тюркоязычными народами, общность исторических судеб многих тюркоязычных народов с русским народом обусловили наличие значительного количества тюркизмов в русском литературном языке, исчисляемое несколькими тысячами слов″ [Взаимовлияние 1987: 229].

Проблема изучения тюркско-русских языковых контактов, а именно тюркских элементов в русском словарном составе, имеет давнюю традицию. Исследования по Turco-Rossica проводились на различном материале (памятники письменности, художественная литература, диалекты, регионы, фольклор, язык СМИ и др.), в различных аспектах (этимологический, хронологический, фонетический, орфографический, семантический, грамматический, функциональный, сравнительно-сопоставительный и др.). Объектами научных исследований становились тюркские заимствования определенных тематических групп (названия растений, животных, одежды, построек и строительного дела, предметов домашнего обихода, наименования лиц, военная лексика, лексика пищи и др.).

По мнению лингвистов, ″<…> для русской лексикологии далеко не безразличными являются вопросы, связанные с выяснением того, каков удельный вес генетически различных иноязычных слов того или иного пласта русской лексики, какова история функционирования и современной статус их, какова специфика заимствований из различных языков в плане взаимодействия с исконной лексикой″ [Юналеева 2000 : 67]. Для Turco-Rossica большой интерес представляет полиаспектный анализ тюркского пласта в составе русской лексики.

Многообразие состава языка на определенном этапе своего развития находит отражение в лексикографических источниках. Наиболее полно эти сведения содержатся в толковых академических словарях, поскольку именно толковые словари имеют своей целью охватить с возможной широтой общеупотребительную лексику литературного языка.

В конце XVIII-XIX вв. были изданы первые академические толковые словари русского языка: «Словарь Академии Российской» (1789-1794, далее САР-1), который содержит 43 257 (55 000) слов; «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» (1806-1822, далее САР-2), включающий 51388 единиц, и «Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847, далее СЦРЯ), в котором зафиксировано 114 749 единиц.

Значительный пласт в этих словарях составляют тюркские заимствования (в САР-1, САР-2 до 500 единиц, в СЦРЯ более 600 единиц). Как известно, основной лингвографической базой для СЦРЯ послужили САР-1 и САР-2, поэтому все тюркизмы, зафиксированные в них, были отмечены в Словаре 1847 (кроме *око*). Из единиц, имеющихся только в СЦРЯ, более 20 отнесены к устаревшей лексике (с помет *стар.*): *ичеготы, каптана, тафья*; около 10 даны с пометой *простон.*: *безалаберный, балбесъ, Мамонъ, притоманный* и т.д.; слова *турсукъ, чирки, шанга* отмечены как областные. Более 10-ти единиц были зафиксированы только в САР-2: *изъянъ, лафа, магарычъ* и др., т.е. в САР-1 они отсутствуют. Не включенными в САР-2 остались только три слова: *око, тарпанъ, шатеръ.*

Структура словарных статей анализируемых словарей в целом схожа. Она включает заголовочное слово с ударением (если есть – фонетико-графические варианты), грамматический комментарий, функционально-стилистическую характеристику, толкование; иллюстративный и фразеографический компоненты. Зона этимологии слова представлена только в САР-1, САР-2. В этих словарях ссылку с указанием на тюркское происхождение имеют около 60 анализируемых единиц, в качестве языка-источника приводятся татарский (чаще всего, более 40 слов) и турецкий (около 20 слов). В ряде случаев (в русской графике) приводятся слова-прототипы:

А’лый ‘Отъ Тур. *Алъ*, происходящее название светло-красного, или ярко-красного цвета’; **Бара’нъ** ‘Отъ Татар.: *беренъ*’ [САР-1]

Следует отметить, что этимологический комментарий в САР-1 и САР-2 не всегда подается единообразно. Так, например, указание на язык-источник может содержаться как в отдельной зоне словарной статьи, так и внутри толкования:

Каумба’къ, ка, с. м. 3 скл. Название Татарское, в Сибири употребляемое <…> [САР-2]; **Карма’къ**, ка’, с. м. 2 скл. Татарск. Род уды самоловной <…> [САР-2]; **Арбу’зъ**, за, <…> с. м. 2 скл. Плодъ, такъ отъ Турецкого слова карбузъ названный <…> [САР-2]; **Арте’ль**, ли, с. ж. 4 скл. отъ Тур. *Орта*; <…> [САР-2].

По-разному (в полной или в сокращенной форме) приводится в этимологической справке язык-источник:

Арба’, бы’. с. ж. 1 скл. Тур. Телега. В Астрахани называют арбою <…> [САР-2]; **Кафта’нъ**, на <…> с. м. 2 скл. Турецкое. Верхнее мужеское платье, делаемое из разных тканей и разного покроя [САР-2].

Немаловажно отметить, что некоторые слова, имеющиеся в словопроизводном словаре (САР-1) тюркскую этимологию, в алфавитном (САР-2) даны с другой этимологией или вовсе без нее, и наоборот. Ср.:

Балда', ды, с. ж. Татар. Шишка у дубины [САР-1] и **Балда'**, ды, с. ж. 1 скл. 1) Шишка у дубины. 2) Большой молот у кузнецов [САР-2]; **Барсу'къ**, ка, с. м. <…>. Название Турец. <…> [САР-1] и **Барсу'къ**, ка, с. м. 2 скл. <…> Зверь величиною с собаку <…> [САР-2]; **Ара'къ**, ка, с. м. Арабск. Водка <…> [САР-1] и **Ара'къ**, ка, с. м. 2 скл. Водка, выгнанная из Сарацинского пшена. Татары и Турки всякое горячее вино называют *аракы* или *ракы* [САР-2]; **Беке'шъ**, ша, с. м. 2 ск. Татар. Род мужеской, крытой, длинноватой <…> одежды или шубы [САР-2] и **Беке'шъ**, ша, с. м. Род мужеской, крытой, длинноватой <…> одежды или шубы [САР-1]; **Зипу'нъ**, на' <…> с. м. 2 скл. Тат. простонародн. Крестьянский кафтан <…> [САР-2] и **Зипу'нъ**, пуна', с. м. <…> простон. Крестьянский кафтан <…> [САР-1]; **Бадиджа'нъ**, на. с. м. 2 скл. Армянское. Плод <…> [САР-2] и **Бадиджа'нъ**, на. с. м. Татар. <…> Плод <…> [САР-1].

В СЦРЯ зоны этимологической справки нет, однако в ряде случаев подобный комментарий содержится в тексте толкования слова. Например, **Бешме'тъ**, а, м. Татарское стеганое полукафтанье [СЦРЯ].

Часть анализируемых тюркизмов имеет фонетико-графические варианты: в САР-1,2 – около 30 единиц; в СЦРЯ – около 60 единиц, из которых больше половины (более 30 единиц) в САР-1 и САР-2 не зафиксировано. Наиболее распространенными являются орфографические варианты слов, типа *каблукъ – коблукъ* (см. также *карачунъ – корочунъ, козакъ – казакъ, коурый – каурый, сокма - сакма*).

Варианты слов в рассматриваемых словарях подаются по-разному: часть приводится через запятую, часть – путем отсылочных статей. См.:

Анба'ръ, а, м. Зри *Амбаръ*. [САР-1]; **Колоно'къ**, или **Кулонокъ**, нка <…> Хищный зверок <…> [САР-2]; **Мизги'ть**, тя, с. м. 2 скл. старин. Значит тоже, что *Мечеть*. [САР-2]; **Баргамо'тъ**, а, м. Тоже, что бергамо'тъ [СЦРЯ].

Следует отметить, что варианты, приведенные через запятую, в качестве заголовочных слов в САР-1 и САР-2 отсутствуют (исключениями являются *ботогъ*, *колчанъ*, *ерлыкъ* в САР-2). Кроме того, в словарной статье, к которой отсылают, вариант также не приводится, что несколько снижает информативность данных лексикографических источников. В СЦРЯ также используется система отсылок. В ряде случаев вариант приводится в толковании, однако он, как правило, не бывает маркирован. Например:

Бусурма'нъ, а, м. Магометанин, бесермен *и*

Бесерме'нъ, а, м. Магометанин, басурман;

Сакма', ы, ж. Стар. Конный, или пеший след в степи *и*

Сокма', ы, ж. Стар. Тоже, что сакма'.

По-разному оформляются в анализируемых словарях заглавные слова, принадлежащие одной тематической группе. Название какой-либо обуви в словарях представлено, как правило, в форме единственного числа, но в ряде случаев этот принцип нарушается. См. в САР-1 *сапогъ*, но *бахилы*; в СЦРЯ *сапогъ*, *башмакъ*, но *ичеготы*.

Кроме того, в САР-1 для ряда тюркизмов не приведено ударение, см., к примеру, единицы *арца*, *бечева*, *дуванъ* и др.

Варианты одного и того же слова приводятся в некоторых случаях в качестве заголовочных слов в САР-1 и САР-2: *баламутъ* [САР-1] и *баломутъ* [САР-2], *тесьма* [САР-1] и *тесма* [САР-2], *юфть* [САР-1] и *юхть* [САР-2].

Зоны, связанные с лексическим значением, в рассматриваемых источниках отличаются. В САР-1 и САР-2 толкование слова дается очень подробно, нередко оно но-

сит энциклопедический характер. В СЦРЯ значение слова подается в максимально сжатой, краткой форме, нередко с помощью использования синонимов; ср.:

БЕ´РКУТЪ, та, с. м. 2 скл. Falco chrysaetos. Татар. Название величайшего орла, который бывает длиною около 3-х футов; перья на нем темные и рыжеватые, но на голове и на верхней части шеи более черноваты; крылья черные, хвост округлистый черный же, подхвостница ржавого цвета, коей ноги соцветны, покрытая перьями даже до пальцев; клюв короткий, покляпый, черный. Водится в горных хребтах и к ловитве птиц и зверей удобно приучается [САР-2];

БЕ´РКУТЪ, а, с. м. Aquila fulva. Большой орел [СЦРЯ].

Для части тюркских заимствований в словарях приводятся устойчивые сочетания слов, фразеологизмы, пословицы и поговорки. В САР-1 фразеографический компонент имеют словарные статьи 10 тюркизмов (4 пословицы, 1 поговорка и 8 устойчивых словосочетаний): *артель атаманом крепка, дуван дуванить, бобыль бобылем* и др.; в САР-2 – 16 тюркизмов (5 пословиц, 1 поговорка и 13 устойчивых словосочетаний); в СЦРЯ – 16 тюркизмов (1 поговорка и 25 устойчивых словосочетаний).

Фразеологические выражения в ранних словарях (САР-1 и САР-2) приводятся с толкованием:

БРА´ГА, и, *с.* ж. <…> *Послов.* **Браги частыя, а руки одинакия**, означает частые пирования и гулянье таких людей, которые дела свои для того упускают <…> [САР-1].

В СЦРЯ в основном раскрывается семантика поговорок. Значения остальных устойчивых выражений приводятся непоследовательно.

Анализ тюркских заимствований, зафиксированных в толковых словарях XVIII-XIX века, позволяет выявить особенности функционирования данного пласта в русском языке. В целом же можно отметить, что лексикографическое описание тюркизмов не претерпело больших изменений: параметры, представленные в словарях XX-XXI века имели место и в словарях XVIII-XIX вв. [Каримуллина 2017: 54]. Неизменным осталось также, к сожалению, отсутствие единообразия в подаче сходных элементов, которое, на наш взгляд, вполне допустимо для ранних толковых словарей, но возможно избежать при системном подходе к описанию словарных единиц.

Литература

1. Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР / отв. ред. Ю.Д. Дешериев. М., Наука, 1987. 319 с.

2. *Каримуллина Г.* Вариативность тюркизмов в русском языке (на материале академических словарей) / Г. Каримуллина // Филология и культура. Philology and Culture. 2017. Т.3 (49). С.50-54.

3. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 т. – СПб., В Императ. Акад. наук, 1806-1822.

4. Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб., 1789-1794.

5. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук: в 4 т. – СПб., Типография Императ. Акад. наук, 1847.

6. *Юналеева Р.А.* Тюркизмы в русском языке: (Проблемы полиаспектного исследования) / Р.А.Юналеева. Казань, Таглимат, 2000. 172 с.

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

И.К. МАНУЧАРЯН

Ереванский государственный университет, Армения

ivetta.manoucharyan@ysu.am

Ключевые слова: *славянские языки, определенность, указательные местоимения, артикль.*

В настоящей статье рассматривается категория определенности в языка славянского мира. Определенность выражается сегодня во всех славянских языках посредством указательных местоимений, только в болгарском и македонском языках (южнославянских) с помощью артиклей. Артикли восходят к указательным местоимениям, которыми были богаты славянские языки в древности. Они имеют грамматические показатели рода, числа и графически несамостоятельны.

IVETTA MANOUCHARYAN – The category of definitness in slavic languages in synchrony and diachrony.

Key words: *Slavic Languages, Definitness, Demonstrative Pronouns, Article.*

The paper presents the Category of Definitness in Slavic Languages, which reflects by Demonstrative Pronouns. Only Bulgarian and Macedonian Languages (both are the South-Slavic Languages) have articles which are originate from Demonstrative Pronouns. Articles are not graphically separate and have grammatical gender and number.

Категория определенности в славянских языках, способы ее выражения всегда находились в поле зрения многих исследователей. С развитием современной грамматической теории и разработкой новых материалов по истории славянских языков и диалектных материалов, типологии языковых картин славянского мира проблема категории определенности получает новый импульс в своем развитии.

Данная категория зиждется на указательных местоимениях, которые и призваны вносить значение определенности в предложение и текст.

В грамматиках ряда языков существует специальный показатель определенности/неопределенности – это артикль. Вот какое определение дается артиклю в Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой: «Частица (родовой член), прилагаемая в некоторых языках к существительным для различения его рода, числа, определенности и неопределенности» (I том, с. 46).

Во многих индоевропейских языках в синтаксической структуре предложения активную роль в этом вопросе выполняет артикль, эксплицирующий указанное выше значение. Так, в английском языке, как всем хорошо известно, функционируют два артикля – **a** (неопределенный) и **the** (определенный) артикли, которые занимают препозитивное местоположение перед определяемым именем и графически самостоятельны. Отметим, что в английском языке определенный артикль **the** восходит именно к указательному местоимению, что лишний раз подчеркивает логику оформления категории определенности посредством указательных местоимений. В армянском языке существует только определенный артикль -**ը** (в некоторых случаях по чисто фонетическим причинам в виде -**ն**), который располагается в конце слова, графически являясь его морфемой, а неопределенность выражается самим отсутствием артикля.

В синтаксических структурах славянских языков по-разному выражается такая категория, как определенность, морфологическим средством которой, как известно, являются указательные местоимения, а также артикль. В славянских языках исторически артикля не было, однако существовала развитая система указательных местоимений. В ходе раздельного существования славянских языков после распада праславянского языка в отдельных славянских языках, в частности, в южнославянском ареале на основе форм указательных местоимений развился постпозитивный артиклевый член, который графически сливается со словом.

В русском языке подобного появления артикля не произошло. Однако уже в старорусских текстах XVII века и позже указательное местоимение *тъ – та – то* употребляется в постпозиции к определяемому слову, выполняя функцию определенного артикля. В текстах старорусских памятников указательное местоимение в таком употреблении согласуется с определяемым именем в роде, числе, падеже и это сигнализирует о том, что указательное местоимение *тъ – та – то* не перешло полностью в артиклевую частицу.

В современном русском языке в артиклевой функции выступает только постпозитивная, графически несамостоятельная частица *-то* для выражения определенности, для выделения в речи отдельных слов и выражений. Отметим, что в большинстве случаев русская постпозитивная частица *-то* используется в разговорном и диалектном языке и характеризуется особой распространенностью.

Указательное местоимение *тъ – та – то* как в древнерусский, так и в старорусский период выполняло функцию, как было отмечено выше, близкую к артиклевой. Это подтверждают многочисленные примеры из памятников даже позднейшего старорусского периода XVII века. Показательны в этом отношении сочинения протопопа Аввакума, в которых фиксируется частое употребление постпозитивного *-т* в разных падежных формах именно в функции определенного артикля (*Она рожу-ту закрыла рукавом. Бес-от ведь не мужик*...). Как отмечает С.П. Иорданиди, «в языке сочинений протопопа Аввакума функционирует артикль, который для северных русских говоров XVII века был реальным артиклем…» [2 : 183-184]. Обратим внимание на происхождение протопопа Аввакума, человека из народа, владеющего народным языком, с чем и связано употребление в его сочинениях указательных местоимений в артиклевой функции. Такое употребление указательных местоимений в функции артикля в старорусских текстах показывает этапы их трансформации в неизменяемую постпозитивную частицу *-то*, употребляемую, в основном, в разговорном и диалектном русском языке.

В истории русского языка значение определенности выражали также указательные местоимения *и, ", ~* с родовыми различиями, присоединяемые к именным (кратким) формам прилагательных и причастий, в результате чего образовывались их т.н. местоименные (полные) формы., соотносительные с именными (краткими) формами, но выражающими также значение определенности: *велика – велика"*. Со временем соотносительность именных и местоименных атрибутивных форм по признаку неопределенность/определенность видоизменялась или упразднялась. «В русском языке с утверждением атрибутивной и предикативной функций прилагательных закончился артиклевый цикл, связанный с указательными местоимениями *и, ", ~».»* «Использование в «почти» артиклевом качестве постпозитивного *-т* является фактом развития нового артиклевого цикла». Эта мысль Иорданиди находит подтверждение в соответствующих явлениях болгарского, македонского языков, а также в «…родопских, сербских и словенских говорах (все – южнославянские диалекты – И.М.), в которых *-т* выполняет функцию артикля» [2 : 147].

В русской разговорной и диалектной речи сегодня функционирует частица *-то*, вносящая значение определенности при указании предмета (лица): *Книга-то лежит на письменном столе*. *Он-то так и не приехал*. Ясно, что речь идет о вполне определенной книге и о вполне определенном лице, известном говорящему.

Проследим, как выражается определенность в других славянских языках. Славянские языки с глубокой древности отличались широким набором указательных местоимений: *тъ – та – то, и – я – ~, овъ – ова – ово, онъ – она – оно*.

Во всех славянских языках указательные местоимения выражали три степени удаленности: 1) близость к говорящему, 2) близость к собеседнику (т.е. бóльшая степень удаленности), 3) наибольшая удаленность. В славянских языках первая степень удаленности выражалась указательным местоимением *сь – ся – се*, вторая степень вербализовывалась посредством указательных местоимений *тъ – та – то*, *овъ – ова – ово*, а третья степень выражалась с помощью указательного местоимения *онъ – она – оно*. Все эти древние формы четко отмечаются в старославянских текстах, которые, как известно, являются самой древней фиксацией на письме славянской речи. Эти местоимения, как можно заметить, выражают значение непосредственной близости к предмету, лицу или удаленности от него. Кроме того, им присущи также родовые различия. Указательные местоимения сигнализировали и о предупомянутости имени, т.е. создавали значение четко выраженной определенности. В таком употреблении они по своей функции приближались к определенному артиклю [3 : 3-5].

В ходе исторического развития славянских языков сохранились не все из них. Отметим их наличие и широкое употребление большей частью в южнославянском

ареале. В частности, в болгарском языке в артиклевой постпозитивной функции широко употребляется определительный полный член *-ът, -ят* (*шофьорът - шофер, известный говорящему, лекарят - вполне известный врач*) и определительный краткий член *-а, -я* мужского рода (*урока, лекаря*), определительный член *-та* женского рода (*книгата*), определительный член *-то* среднего рода (*упражнението*). Эти частицы стоят после основной формы имени и пишутся с ней слитно. Употребляясь в членной форме, имя существительное обозначает в целом определенный, знакомый предмет: *Музиката е забавна (болг.). – Эта музыка приятна*. Членная форма переходит к прилагательным, если они находятся перед существительным, обозначающим определенный предмет, сравним два предложения болгарского языка: *Стаята е светла. – Детската стая е светла (Эта комната светлая – Эта детская комната светлая).* В первом предложении подчеркивается признак определенной, известной говорящему комнаты и определительный член относится к данной комнате; а во втором предложении акцент делается именно на детской комнате. При этом прилагательное принимает полный определительный член, если оно относится к подлежащему, как в приведенных выше предложениях. А в случае, если прилагательное определяет не подлежащее, а другой член предложения, то есть определяемое слово занимает не главное, а периферийное место в семантико-синтаксической структуре предложения, то в этом случае прилагательное принимает краткий определительный член: ср. *Те са доволни от новия апартамент. (Они довольны новой квартирой).*

Эти членные формы считаются в специальной литературе формами артикля, которые указывают на определенный, известный предмет для уточнения расположения предмета в пространстве. Они присоединяются к общей форме существительного при отсутствии у него определения; если же при существительном есть определяющее его слово (прилагательное, притяжательное местоимение, числительное), то членная форма (артикль) ставится при этом определяющем слове.

Артикли существуют и в македонском языке и находят в нем особое выражение в членных формах (формах артикля), присоединяемых к общей форме существительного или прилагательного: например, *жена – жената – младата жена* [1 : 557].

В отличие от болгарского языка, в македонском языке, отметим, очень близком болгарскому языку, спектр указательных местоимений, выступающих в функции артикля, значительно шире. В македонском языке категория определенности содержит следующие членные формы: *-от* (*двор – двор от*), *-иот* (*голем иот двор*), *-то* (*поле – поле то*), *-та* (*жена - жена та*), *-те* (*големи дворови – големи те дворови, десет села - десет те села*). Членные формы в македонской грамматической системе используются следующим образом. Так, при назывании лица (предмета), находящегося в непосредственной близости к говорящему, а также при обозначении событий, наиболее близких по времени, используются такие артиклевые единицы, как *-ов, -иов, -ва, -во, -ве*. При назывании же лица (предмета), отдаленного от говорящего, используются членные формы *он, -ион, -на, -но, -не* (так, *дворон* в значении *тот двор* и др.) [1 : 557]. Различие артиклевых единиц в выражаемом значении обусловлено соответствующими значениями указательных местоимений, к которым они восходят.

Отметим, что образования артиклей или артиклевых слов в западнославянских языках не произошло, в отличие от болгарского и македонского языков. Очевидно, у последних это связано с утратой именного склонения: ведь во всем славянском языковом мире только болгарский и македонский языки утратили падежную систему.

В западнославянских языках, в частности, в чешском языке определенность выражается посредством указательного местоимения *ten – ta – to* (русск. *тот – та – то),* которое располагается перед именем, выполняя функцию, близкую к артиклевой функции.

В чешском языке местоимение *sen* для указания на ближайший предмет утратилось рано (в XV веке его уже не было), но на его былое присутствие указывают такие слова, как *dnes* в значении *сегодня*, *letos – в этом году* и др., в которых можно обнаружить в постпозиции в конце слова элемент **s** утраченного указательного местоимения, употреблявшегося для ближайшего указания..

В процессе исторического развития славянских языков исчезло из употребления указательное местоимение *сь – ся – се*. В современном русском языке указательные местоимения способны выражать лишь две степени удаленности по отношению к субъекту речи – близость к нему (*этот - эта – это – эти*) и удаленность от него (*тот - та - то - те*).

Интересные данные предоставляет русский диалектный материал, в котором указательное местоимение *-т, -та, -то* имеет, с одной стороны, артиклевую функцию, а с другой стороны – не утратило окончательно связи с местоимением и употребляется в разных падежных формах, согласуясь с именем и сохраняя остатки былого согласования с ним (*отец-от, изба-та, воду-ту*). По сути, в этих формах отражаются незавершенные этапы перехода указательного местоимения в постпозитивную артиклевую частицу.

В русском литературном языке развития артикля из указательного местоимения не произошло, но в разговорной речи функционирует частица *-то*, вносящая значение определенности при указании предмета (лица): *Книга-**то** лежит на письменном столе*. Ясно, что речь идет о вполне определенной книге, известной говорящему

Отметим также роль указательного местоимения *и – я – е* в образовании и функционировании специфических морфологических форм – полных форм прилагательных и причастий. Благодаря указательным местоимениям в ряде славянских языков возникали и возникли полные (членные, местоименные) формы прилагательных и склоняемых причастий, которые вносили в именные формы дополнительное значение определенности, что вытекало из семантики указательных местоимений [4 : 220-221]. Такая картина наблюдается в русском языке, в котором полные формы склоняемых прилагательных и причастий образовывались в древности с помощью указательного местоимения *и, ", ~* (*красива – красивая*), в болгарском языке посредством указательного местоимения *ят – та – то* (*нов – новият*), в македонском языке благодаря указательному местоимению *от – та – то* (*селски – селскиот*). И если в прошлом полные формы прилагательных в славянских языках сигнализировали об определенности, то у этих слов в настоящее время оформилась четкая синтаксическая роль в предложении: так, краткие формы прилагательных в современном русском языке служат предикатом или знаменательной частью предиката, а полные формы выполняют, в первую очередь, атрибутивную роль.

Отметим, что краткие формы причастий, в частности, в старорусском языке перестроились в деепричастие – неизменяемую глагольную форму. Полные формы прилагательных и причастий, образованные от указательных местоимений и выражавшие в прошлом значение определенности, сегодня этого значения не выражают.

Полные формы прилагательных появились в древности и в чешском языке от того же указательного местоимения, что и в русском языке, но в нем результат этого процесса не выступает так же явно, как в русском языке: выпадение интервокального **j** в окончании прилагательного привело к образованию двух смежных гласных в окончании и их слияние в один долгий гласный: *krásnaja* > *krásnaa* > *krásná* [5: 26-27]. Вот почему в чешских прилагательных конечный гласный является всегда долгим. Отметим, что прилагательные в чешском языке значения определенности сегодня уже не выражают.

В определенной степени выражение определенности в разных славянских языках было однотипным, но его реализация была неоднородна.

Подведем итоги нашего рассмотрения, которое позволяет проследить интересную и богатую историю средств выражения определенности в славянских языках, этапы и логику этого развития в соответствии с востребованностью тех или иных форм указательного местоимения в отдельных славянских языках. Бросаются в глаза не только типологические сходства, являющиеся результатом их генетического родства, но и различия, возникшие в результате неодинакового исторического развития форм определенности в разных славянских языках, которые помогает понять их историческое комментирование. Таким образом, категория определенности получила неоднородное выражение в разных славянских языках.

Литература

1. *Иллич-Свитыч В.М.* Краткий грамматический справочник. // Македонско-русский речник. Москва. 1963.
2. *Иорданиди С.И.* Исследования над употреблением постпозитивного -т в русском языке XVII в. (на материале сочинений Аввакума) // Исследования по морфологии русского языка. М., Наука, 1978.
3. *Касаткина Р.Ф.* Русский язык ищет артикль. Вопросы языкознания, № 2, 2012.
4. *Колесов В.В.* Историческая грамматика русского языка. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2009.
5. *Манучарян И.К.* Очерки по типологии русского и чешского языков. Изд-во Ереванского университета, Ереван. 2006.
6. *Ремнева М.Л.* Старославянский язык. Москва, Академический проект, 2004.

КАТЕГОРИЯ СОВМЕСТНОСТИ В ДРЕВНЕРУССКОМ И СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А.Г. ОГАНИСЯН

Ширакский государственный университет
им. М. Налбандяна, Армения
k.a.anahit@mail.ru

Ключевые слова: *категория совместности; современный русский язык, древнерусский язык, структурная модель.*

В статье анализируются семантическая категория совместности, специфика ее языковой репрезентации в древнерусском и современном русском языках. Новизна работы обусловлена малоизученностью данной категории в современной лингвистике. В статье также сделан вывод о том, что названная категория объединяет категории социативности и комитативности, которые, в свою очередь, являются ее составляющими. Выделено функционально-семантическое поле совместности, определены основные средства выражения отношений совместности обоих языков.

ANGELA OGANISYAN – Category Of Compatibility In Old And Modern Russian Languages

Key words: *category of compatibility; modern Russian, Old Russian, structural model.*

The article analyzes the semantic category of compatibility, the specificity of its language representation in Old Russian and modern Russian languages. The novelty of the work is due to the lack of knowledge of this category in modern linguistics. It is concluded that the category named combines the categories of sociability and comitationality, which, in turn, are its components. As a result of the research, a functional-semantic (or conceptual) field of consistency is highlighted, the main means of expressing relations of compatibility at different levels of both languages are determined.

Цель настоящей статьи – описать структурную модель категории совместности и выделить функционально-семантическое поле данной категории на примере древнерусского и современного русского языков. Для достижения поставленной цели предлагается решить следующие задачи: выявить семантические признаки совместности; создать структурную модель совместности; установить основные средства выражения данной категории; выделить поля и микрополя категории совместности, объединенные интегральным признаком совместности.

Актуальность работы обусловлена малоизученностью данной категории. В последнее время появились работы, в которых категория совместности рассматривается на материале различных языков. Совместность – понятие, предполагающее «совпа-

дение и/или взаимосвязь двух или более субстанций и форм их движения в пространстве и/или во времени» [Бондарко 1987: 256]. При этом не учитывается основная, ведущая роль одной из субстанций. На основании этого определения совместность можно разделить на относительно равноправную и неравноправную. На семантико-синтаксическом уровне понятию равноправной совместности соответствует категория социативности, а понятию неравноправной совместности – категория комитативности. Социативность – разновидность совместности, предполагающая относительное равноправие двух или более субстанций и форм их движения. Комитативность – тип совместности, предполагающий неравноправие совместных субстанций и форм их движения и признание ведущей роли одной из субстанций.

Возниконовение категории совместности. Категория совместности находит выражение в языке на разных его уровнях: лексическом, словообразовательном, грамматическом (морфологическом и синтаксическом). Летописи фиксируют литературную разновидность категории совместности древнерусского языка, что позволяет выбрать их в качестве лингвистического источника для сопоставительного анализа с избранными литературными произведениями современного русского языка. Совместность как в древнерусском, так и в современном русском литературном языке для выражения совместного действия используется чаще. Это обусловлено спецификой средств выражения совместности и, возможно, тем, что реципрокное (взаимное) значение выделилось на определённом этапе развития человеческого общества из представлений о совместном существовании в пространстве в связи с появленим новых социальных ситуаций.

Под субстанцией понимается любой вид и любое проявление материи. На логическом уровне субстанция может быть представлена как субъектом, так и объектом. То есть между субстанциями можно выявить три основных типа отношений:

1) субъект – субъект;
2) субъект – объект;
3) объект – объект.

Если рассматривать социативность как равноправное отношение между совместными субстанциями, то отношения субъект-объект для данной категории исключены, в то время как комитативность включает в себя все три типа указанных отношений.

Трудность проведения границ между комитативом и социативом обусловлена тем, что, по нашему мнению, в языке невозможно (или почти невозможно) выражение полного равноправия актантов. Несмотря на то, что в физической реальности можно допустить наличие такого равноправного отношения, человек, в силу избирательности своего мышления, все же обычно выделяет главный субъект, или объект, и вторичный.

В лингвистике уже проводились попытки разграничить комитативность и социативность в рамках более крупной категории совместности. Проводя анализ смыслового содержания категории социативности, Д.С. Станишева отмечает, что помимо синтаксем, обладающих признаком социативности (здесь – совместности), данная категория включает в себя комитативные (сопроводительные) синтаксемы. Согласно мнению автора, собственно комитативную синтаксему можно выделить в предложениях*: Яков вышел с лопатой. Люди идут с серпами* (примеры Д. С. Станишевой). Д.С. Станишева считает, что в данных предложениях обозначается сопровождающий предмет. При этом «действие совершается только одним членом совместности, другой же не принимает в нем никакого участия. Он лишь находится при субъекте в момент совершаемого им действия. Грамматически это выражается обозначением второго члена совместности неодушевленным конкретным, вещественным существительным» [Станишева 1958: 52].

Д.С. Станишева выделяет в категории социативности подгруппу – творительный социативный взаимного действия (на материале русского языка). Автор отмечает, что данная подгруппа может находить отражение в следующих лексических группах глаголов:

1) глаголах, обозначающих взаимный разговор, беседу, спор;

2) глаголах со значением отношения: *ссориться, мириться, судиться*;

3) глаголах, обозначающих борьбу, игру;

4) глаголах, обозначающих торговлю, обмен, дележ.

Отметим, что в целом ряде языков также присутствует явление, сходное с выделяемым автором творительным социативным взаимного действия. В нефлективных языках это явление получило название «реципрок». Реципрок (или взаимный залог) представляет симметричное отношение между членами сложного процесса. В этом случае члены по очереди становятся объектами и субъектами какого-либо действия.

Некоторые лингвисты предлагают выделять категорию реципрока в качестве грамматической категории, «поскольку данная категория обладает специализированными средствами для маркировки».

В. П. Недялков, З. Генчева, Э. Генюшене [Рыбникова 1999] выделяют в данной категории лексические и грамматические реципроки. Основной особенностью грамматических реципроков является то, что базовый глагол в таких конструкциях не имеет изначально в своей семантике реципрокального значения. Данное значение выражается при помощи дополнительных лексем, так называемых «лексем-маркеров».

Работы Д.С. Станишевой, В.П. Недялкова позволяют нам провести дальнейшее разграничение в пределах категории совместности. Категория реципрока является частным случаем более широкой категории социативности, а значит и совместности в целом. Отличительной особенностью реципроков является то, что они обозначают ситуации, в которых действуют два и более актанта, каждый из которых оказывается одновременно и действующим предметом (субъектом), и предметом, подвергающимся действию (объектом). В более общем виде реципрок можно представить как ситуацию с двумя участниками, А и Б, в которых А находится в том же отношении к Б, что и Б к А. Например, при споре двух человек каждый из них является одновременно и тем, кто спорит (субъектом), и тем, с кем спорят (объектом). Поскольку один и тот же участник ситуации выступает в роли как субъекта, так и объекта, можно сказать, что субъект и объект в этом случае связаны «симметричными отношениями», в терминологии некоторых лингвистов [Апресян 1995: 104].

Если принимать во внимание приведенные выше соображения по поводу комитативности и социативности, становится очевидным достаточно сложный, комплексный характер исследуемой нами категории.

Нам представляется, что категория совместности является неоднородным явлением, поэтому предлагается рассматривать ее как семантическое поле, включающее социативность (относительно равноправную совместность) и комитативность (неравноправную совместность).

Категория совместности находит выражение в языке на разных его уровнях: лексическом, словообразовательном, грамматическом (морфологическом и синтаксическом). Семантическое поле совместности включает:

1. существительные, участвующие в выражении значения совместности:

• существительные, обозначающие совместных участников действий, событий, состояний: *помощник, соратник, сотрудник, коллега, партнер* и т.д.

Данное поле можно в дальнейшем разбить на более мелкие микрополя по семантическому признаку «равноправный/неравноправный участник совместного дейст-

вия, состояния, события». Микрополе равноправных совместных участников представлено следующими лексемами: *сотрудник, коллега, партнер* и др.;

• существительные, обозначающие участие в совместных действиях, событиях, состояниях: *помощь, объединение, сотрудничество*;

• имена существительные, обозначающие общественные организации, собрания, группы:

комитет, коллегия, колония, комиссия, община, консорциум, симпозиум, союз.

2. глаголы, участвующие в выражении значения совместности:

• глаголы со значением «объединение, обеспечение совместного состояния субстанций»: *объединиться, скоординироваться, совпасть, соединяться, вмещать, сцеплять, слиться, объединить, подключиться, созывать, составлять, консолидировать, сходиться, собирать, смешивать, скопляться, собраться, сливаться, созывать, присоединиться, совокупляться, сцепляться, смыкаться, породниться, смешаться, вступить, жениться, слиться, завязаться, спариваться, работать сообща*;

• глаголы со значением «разговор, беседа, спор, замечание»: *спорить, комментировать, осуждать, судить, признаться, отрицать, оспаривать, рассматривать, конфликтовать, общаться, беседовать, обличать, беседовать наедине, убеждать, торговаться, пререкаться*;

• глаголы со значением «сравнение, сопоставление, подобие, соответствие/несоответствие, гармония»: *сравнивать, гармонировать, противопоставлять, соответствовать, разниться, сопоставлять, согласоваться, сообразовать, соизмерять, сопоставлять, сличать, сверять*;

• глаголы со значением «сгущение, концентрация»: *свернуться, уплотнять, сжимать, сгущаться, застыть, сжаться, сконцентрироваться*;

• глаголы со значением «борьба, вражда»: *бороться, противостоять, состязаться, сталкиваться, конфликтовать, соперничать, конкурировать, воевать*;

• глаголы со значением «ментальная деятельность»: *вычислить, замышлять, затевать, познать, сделать вывод*;

• глаголы со значением «совместное переживание, эмоциональное состояние»: *соболезновать, выражать восторг вместе, заботиться, поздравить, примирять, утешать*;

• глаголы со значением «соглашаться, мириться, сговариваться»: *потворствовать, подтверждать, разрешать, подтверждать, соглашаться, потакать, идти на компромисс, уступать, тайно сговариваться, устраивать заговор*;

3. имена прилагательные, выражающие качество субъектной совместности: *общее, совместное, объединенное, всеобщее*;

4. наречия и адвербиальные обороты: *вместе, совместно, в компании, в унисон*. Отметим, что наречия и адвербиальные обороты используются в основном для выражения значения равноправной совместности.

Рассмотрим категорию совместности на примере древнерусского языка. Лексемы *мысль - смыслъ - помыслъ* в семантическом плане сближаются в следующих выделенных нами контекстах: *Стополкъ же исполнися беззакония Каиновъ смыслъ приимъ* (Ипатьев. лет., Радз. лет, Новгород. 4-ая лет., Лаврентьев. лет.); *Приимъ помыслъ Каиновъ, с лестию посла ко Гльбу* (Радз. лет., Новгород. 4-ая лет., Лаврентьев. лет.); *По истине въторaго Каина улови мысль его, яко да избиеть вся наследникы отьца своего* (Сказание о Борисе и Глебе, Сильв. сб-к) – в летописных списках жития Бориса и Глеба этот контекст отсутствует.

Данные лексемы – *мысль, смыслъ, помыслъ* – рассматриваются как словообразовательные синонимы, так как их значения реализуются в однотипных смысловых контекстах.

Таким образом, лексема *мысль* имела следующие значения:

1) мышление, помышление;
2) размышление, суждение;
3) намерение, умысел;
4) воображение.

Лексема *помыслъ* обладала большей полисемичностью:
1) мысль;
2) про-мыслъ, провидение;
3) понятие;
4) разсудокъ;
5) замыслъ, злой умыселъ;
6) стремление, намерение;
7) вожделение;
8) предмет желаний;
9) основание, предлог;
10) смысл, значение.

Данные лексические единицы сходятся благодаря наличию в их лексической структуре семы «злой умысел». Но если в лексеме *мысль* как таковой, взятой вне контекста, эта сема не актуализируется, то в лексеме *помыслъ* она присутствует изначально.

Выводы. Таким образом, исходя из полученного материала, можно сделать вывод, что логический анализ категории совместности на примере современного русского и древнерусского языков показал неоднородность и комплексность исследуемой категории. Категория совместности представляет собой поле разноуровневых средств, определенным образом взаимодействующих между собой языковых элементов. Определение статуса категории совместности как семантического поля позволяет разделить ее на равноправную и неравноправную совместности, которым соответствуют категории социативности и комитативности, с дальнейшей дифференциацией названных категорий на семантическом уровне (собственно социативность и социативность взаимного действия). Отношение совместности находит свое отражение на разных уровнях древнерусского и современного русского языков. На лексическом уровне значение совместности может передаваться как с помощью словообразовательных средств, так и собственно лексически (значение совместности в этом случае заключается в самой семантике слова). Применение полевого подхода при исследовании категории совместности позволяет выделить значительное количество лексических микрополей, объединенных интегральным признаком совместности в современном русском языке, в соответствии с отнесенностью к той или иной части речи.

Литература

1. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика (синонимические средства языка): в 2-х т. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Языки русской культуры; Восточная литература, 1995. Т. 1. 472 с.

2. *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. Л., Наука, 1987. 348 с.

3. *Долинина И.Б.* Синтаксически значимые категории английского глагола / отв. ред. Т. В. Булыгина; Академия наук СССР, Институт языкознания, Ленинградское отделение. Л., Наука, 1989. 215 с.

4. *Рыбникова Е. Е.* Способы выражения категории совместности в древнерусском и современном русском языке: автореф. дисс. … к. филол. н. Кемерово, 1999. 20 с.

5. *Станишева Д. С.* Творительный социативный // Творительный падеж в славянских языках / ред. С. Б. Бернштейн. М., АН СССР, 1958. С. 41-75.

РЕДКАЯ ЛЕКСИКА ЛЕГЕНДЫ ОБ АВГАРЕ В ТОЛСТОВСКОМ СБОРНИКЕ XIII В.[2]

Я.А. ПЕНЬКОВА
ИРЯ РАН, Россия
amoena@inbox.ru

Ключевые слова: *Легенда об Авгаре, Толстовский сборник XIII в., лексика, древнерусские переводы.*

Работа посвящена редкой лексике в Легенде об Авгаре, переводном апокрифе в Толстовском сборнике XIII в. Близость в употреблении редкой лексики между Легендой об Авгаре, Хроникой Георгия Амартола, Историей иудейской войны, Повестью временных лет, Киевской летописью и текстовая перекличка со Сказанием о Борисе и Глебе позволяют предположить, что перевод Легенды об Авгаре был сделан в Киеве в XI-начале XII вв.

YANA PENKOVA – Lexis of the Legend of Abgar in Tolstovskij sbornik of the 13th century

Key words: *Legend of Abgar, Tolstovskij sbornik of the 13th century, lexis, Old Russian translations.*

The paper discusses infrequent vocabulary in the Legend of Abgar, translated Apocrypha in the Tolstovskii Sbornik of the 13th century. Proximity in the use of rare vocabulary between the Legend of Abgar, George Hamartolos Chronicle, History of the Jewish War, Russian Primary Chronicle, Kiev Chronicle and text roll with the Tale of Boris and Glebe suggest that the Legend of Abgar was translated in Kiev in the 11th – beginning of the 12th centuries.

Легенда об Авгаре (далее – *ЛА*) – небольшое апокрифическое сказание о переписке царя Авгара с Христом и чудесном исцелении первого от нерукотворного образа Спасителя. Эта легенда возникла в Сирии, а затем на византийской почве была переработана и в X в. дополнена сюжетом о нерукотворном образе и его перенесении из Эдессы в Константинополь. В византийской традиции *ЛА* существует в большом количестве редакций, многие из которых были переведены славянами. Предположительно, одна из таких редакций, составленная на основе «Повести» псевдо-Константина, послужила источником для древнерусского перевода *ЛА* [Мещерская 1984: 106], который содержится в Толстовском сборнике XIII в. (РНБ F.п.I.39) на лл. 62 об. – 68 (далее – *Толст*.).

Изучение *ЛА* ведется в рамках проекта по комплексному описанию Толстовского сборника и подготовке его интернет-издания на портале «Манускрипт» (www.manuscripts.ru). Язык древнерусского перевода *ЛА* до сих пор не становился предметом специального исследования. Так, И.Я. Порфирьев [Порфирьев 1890] изучал редакции *ЛА* только на материале Соловецких рукописей, М.И. Соколов – в составе компиляции апокрифов, составленной болгарским книжником Иеремией [Соколов 1888]. О древнерусском переводе *ЛА* вовсе не упоминается в масштабном труде А.А. Пичхадзе о древнерусских домонгольских переводах [Пичхадзе 2011]. Однако ряд важных наблюдений над языком *ЛА* содержатся в монографии Е.Н. Мещерской [Мещерская 1984: 106–110]. В частности, показано, что *ЛА* в составе *Толст*. представляет древнерусский перевод-переделку с не сохранившегося греческого оригинала, выполненный в Киевской Руси в домонгольский период. О древности перевода свидетельствует ряд лексических, морфологических и синтаксических особенностей этого текста [там же]. Однако исследовательница предложила очень беглое описание языка легенды, не снабдив свои выводы какой бы то ни было надежной аргументацией, очевидно, не ставив перед собой задачу всестороннего описания *ЛА* в составе *Толст*. Настоящая работа призвана восполнить эту лакуну. Важность и необходимость такого описания очевидны, поскольку, как показано Е.Н. Мещерской, в *Толст*. содержится древнейший список особой редакции *ЛА*.

Наше внимание будет сосредоточено прежде всего на наиболее ярких лексико-словообразовательных особенностях данного текста, позволяющих выявить его спе-

[2] Исследование выполняется при поддержке РФФИ (проект «Подготовка интернет-издания и комплексное исследование языка и письма Толстовского сборника XIII в. (РНБ, F.п.I.39)», № 18-012-00428 А).

цифику и определить место среди других произведений древнерусских книжников. Грамматическим и синтаксическим особенностям языка *ЛА* должно быть посвящено отдельное исследование.

Текст *ЛА* изобилует восточнославянскими элементами в лексике. Е.Н. Мещерская приводит следующий список русизмов: *верста, въсхопитися, гараздо, гораздъ, извисть, нарочитый, синий* в значении ‘черный’, а также грецизмы *керемида* и *комара* [там же]. О.Ф. Жолобов добавляет к этому списку числительное *сорокъ* и глагол с полногласием *полозити ‘ползать’* [Жолобов 2018: 75].

Судя по всему, в *ЛА* отражаются и другие лексико-словообразовательные особенности, которые также можно связывать преимущественно с восточнославянскими письменными традициями. Кроме того, в исследуемом памятнике встретилось и некоторое количество hapax legomena, не зафиксированных в исторических словарях. Рассмотрим все эти случаи подробнее. Данные о функционировании рассматриваемой лексики в древнерусской письменности берем из Словаря русского языка XI–XVII вв. (далее – СЛРЯ) и Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. (далее – СДРЯ). Эти данные сопоставляются с материалами словарей старославянского языка (SJS и CP), а также Словаря церковнославянского языка хорватского извода (далее – СХЦСЯ) и Этимологического словаря славянских языков (ЭССЯ). В том случае, если в исторических словарях слово не зафиксировано, указываем также источники, в которых употребляются слова из того же словообразовательного гнезда.

Вапъ ‘краска’ («писати вещными вапы» л. 63): имя существительное встречается в ранних древнерусских переводах (в Пчеле, Истории Иудейской войны Иосифа Флавия, Житии Андрея Юродивого). Согласно [СДРЯ 1: 371], оно употребляется также в Житии Феодора Студита, переведенном на Руси, в Прологе 1383 г., древнерусском переводе Толкований Никиты Ираклийского на слова Григория Богослова, Ефремовской Кормчей и Хронике Георгия Амартола. Напротив, в южнославянских памятниках, согласно SJS и CP, не встречается (отмечено только **вапа** ‘стоячая вода’).

Гъбежь ‘складка’ («гбежа и съставы имуща на плащаници» л. 63 об.): имя существительное отмечено впервые П.А. Лавровским [Лавровский 1859: 41]. Согласно [СЛРЯ 4: 13), слово употребляется также в значениях ‘поворот, наклон’ и ‘сустав’, однако эти значения, видимо, развиваются позднее, поскольку отмечены в текстах не ранее XV в. В [СДРЯ 2: 406] приводится только одно – последнее значение, в котором это существительное употреблено в Толковой Палее 1406 г. Напротив, в SJS, CP и СХЦСЯ не фиксируется, в [ЭССЯ 7: 188] отмечено как древнерусское и русское церковнославянское, однако оно все же встретилось в русском списке южнославянского перевода Диалогов Псевдо-Кесария (л. 103).

Зазьдание ‘то, что закрыто, замуровано в стене’ («отятъ заграженое то заздание» л. 66 об.): судя по всему, гапакс, на сегодняшний день известно только в тексте *ЛА*. В исторических словарях это слово не зафиксировано. СДРЯ указывает существительное с другой ступенью чередования **зазидание** и глагол **зазидати,** употребляющиеся исключительно в Рязанской Кормчей 1284 г. Глагол **зазьдати**, от которого образовано существительное **зазьдание**, согласно [СЛРЯ 5: 197], довольно широко употребляется в древнерусских переводах и оригинальных сочинениях (в Истории Иудейской войны, Хронике Георгия Амартола, Киево-Печерском Патерике, Хождении Игнатия Смольнянина). В [СДРЯ 3: 304] указаны также примеры из Прологов XIV в. Напротив, ни в SJS, ни в CP ни имя существительное **зазьдание**, ни глагол **зазьдати** не зафиксированы. Отсутствует **зазьдание** и в [СХЦСЯ 2: 609], хотя в этом лексикографическом источнике отмечен глагол с другой ступенью чередования **зазидати**.

Посъльникъ ‘посланник’ («Лука, Лука, Авгаревъ посолниче» л. 63 об.): такое суффиксальное образование от глагола **посълати**, отмеченное впервые П.А. Лавров-

ским [Лавровский 1859: 41], согласно [СЛРЯ 17: 205–206], широко представлено в древнерусских переводных и оригинальных сочинениях (Ефремовской Кормчей, Истории Иудейской войны, Александрии, Козьме Индикоплове, Киевской летописи). По [СДРЯ 7: 325] фиксируется также в Кормчих книгах, в частности, в Рязанской Кормчей, Мериле Праведном, а также в Толкованиях Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова и в Пандектах Никона Черногорца. Для южнославянских текстов, по-видимому, такое образование нехарактерно.

Разумѣтель ‘знаток’ (таинамъ размоумѣтель л. 63 об.): такое образование от глагола **разумѣти** – по-видимому, hapax legomenon. В исторических словарях оно не зафиксировано. В СЛРЯ и СДРЯ представлены только словарные статьи под заголовком **разумитель** – очевидно, производное от редкого глагола **разумити** ‘вразумить, дать знание’. При этом [СЛРЯ 21: 256] и [СДРЯ 10: 290] толкуют это существительное по-разному. В СДРЯ цитируется Юрьевский Пролог, в котором **разумитель** встретился в значении ‘тот, кто вразумляет (?)’. В СЛРЯ приводится цитата из Паренесиса Ефрема Сирина XIII в. с толкованием ‘заботливый попечитель’, тогда как в значении ‘знаток’, близком ЛА, **разумитель** фиксируется только в позднем источнике – Космографии 1670 г.

Рискати ‘бегать’ («хромии быстрѣе серны рискахоу» л. 68): в исторических словарях зафиксировано несколько похожих глагольных образований **ристати**, **рыстати** и **рыскати,** между которыми, по-видимому, существовали стилистические и даже диалектные различия. Первый глагол был книжным, тогда как последний, представленный в современном русском языке, очевидно, был характерен для живого древнерусского языка (признается диалектной формой [Фасмер 3: 530]). Формы от глагола **ристати** распространены в письменности гораздо шире [СДРЯ 10: 389–390; СЛРЯ 22: 166], чем формы от глагола **рыстати**, который в СДРЯ вовсе не отмечен, а в [СЛРЯ 22: 166] представлен единственной цитатой из довольно позднего источника – Казанской летописи XVII в. Образование **рыстати**, по-видимому, представляет собой «окнижненный» вариант глагола **рыскати**, но с восточнославянской диалектной огласовкой корня. Кроме того, последний, как и его производные, согласно [СЛРЯ 22: 276–277], появляется существенно позднее – не ранее XV в. В *Толст*. представлен еще один вариант – **рискати**, вовсе не отмеченный в исторических словарях, но известный также в сербском изводе церковнославянского языка [Фасмер 3: 530]. При этом существительное **рискание**, образованное от глагола **рискати**, в словарях зафиксировано: оно употребляется в Паренесисе Ефрема Сирина и Толковой Палее 1406 г.

Скоросъльникъ ‘гонец, посыльный’ («Лука скоросолникъ» л. 63 об.): согласно [СДРЯ 11: 219–220], слово известно некоторым древнерусским переводным сочинениям: Хронике Георгия Амартола и Прологу 1383 г. Согласно [СЛРЯ 24, 250], оно также встречается в более поздних памятниках XV–XVII вв. Пример из *ЛА* следует признать самой ранней фиксацией этого композита в восточнославянских текстах.

Усрѣтати ‘встречать’ («яко оусрѣтающе, въпияху» л. 67 об.): такое приставочное образование тоже, по-видимому, следует связывать прежде всего с восточнославянской письменной традицией, поскольку с словарях SJS и СР оно не отмечено (фиксируется только **усрѣсти** и только в восточнославянских списках Жития Вячеслава и Сорока гомилий Григория Великого), зато известно древнерусским переводным сочинениям – Пчеле (Пч., 38) и Мерилу Праведному (МП, 184), а глагол **усрѣтывать** – и современным архангельским говорам. Кроме того, образованное от данного глагола имя существительное **усрѣтание** (ὑπάντησις) употребляется в Хронике Георгия Амартола (ХГА, 456), а возвратный глагол **усрѣтатисѧ** – в Пчеле (Пч., 9).

Некоторые другие редкие лексемы, используемые в ЛА и упоминаемые в работах Е.Н. Мещерской и О.Ф. Жолобова, также необходимо рассмотреть, описав круг памятников, в которых они встречаются.

Въсхопитисѧ («и абие хотѣ отъ радости яко въсхопитисѧ от одра» л. 65): помимо *ЛА*, встречается, согласно [СЛРЯ 3: 65], в Сказании о Борисе и Глебе и в Киевской летописи, а также в некоторых более поздних житиях XVII в. Этот глагол употребляется также в других древнерусских переводах и оригинальных сочинениях: в Истории Иудейской войны и в Житии Бориса и Глеба в составе Повести временных лет. В SJS и CP не отмечен, в [ЭССЯ 8, 70] лексика, восходящая к *xopiti, отмечена только в западно- и восточнославянских языках.

Полозити («не се ли есть сн҃ъ оноя вдовица полозѧ на колену» л. 64 об.): помимо *ЛА*, этот полногласный вариант, согласно [СДРЯ 7: 90] и [СЛРЯ 16: 240], встречается также в Палее 1406 г., Хлудовском сборнике XIV в., Суздальской летописи, Житии Феодосия Печерского в составе Повести временных лет, а также в сочинениях самого Феодосия Печерского [Феод.Печ.: 198].

Закончив обзор редкой лексики в *ЛА*, сам по себе обладающий лексикографической ценностью, попробуем использовать эту информацию также для того, чтобы вписать *ЛА* в круг других древнерусских произведений. Об архаичности языка этого памятника писала еще Е.Н. Мещерская [Мещерская 1984], и данный факт не вызывает сомнения. В монографии А.А. Пичхадзе [Пичхадзе 2011], посвященной домонгольским переводам в Древней Руси, показано, что ранние древнерусские переводы по характеру используемой в них лексики делятся на две большие группы: группу Хроники Георгия Амартола и группу Студийского устава. Можно было бы применить те же критерии к *ЛА* и вписать этот текст в ту или иную группу переводов, однако те лексические единицы, которые использованы А.А. Пичхадзе как диагностические, в тексте ЛА в большинстве своем отсутствуют. Единственным исключением служат союз **яко** и глагол **томити**, которые, согласно А.А. Пичхадзе, в большей степени характерны для переводов первой группы.

Очевидно, что по двум словам никаких надежных выводов делать нельзя, поэтому обратимся к совпадениям в использовании описанной выше редкой лексики между *ЛА* и древнерусскими памятниками (ср. такой же подход в описании лексических особенностей Сказания Афродитиана в *Толст*., предложенный в [Пенькова 2018]). В таблице ниже показано количество совпадений в редкой лексике между *ЛА* и другими упоминаемыми выше переводными и оригинальными сочинениями, если таких совпадений больше одного:

Таблица 1

Хроника Георгия Амартола	4	Ефремовская кормчая	2
История Иудейской войны	4	Рязанская кормчая	2
Толковая Палея 1406 г.	3	Мерило Праведное	2
Пролог 1383 г.	2	Повесть временных лет	2
Толкования Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова	2	Киевская летопись	2

Таким образом, наибольшее число пересечений редкая лексика *ЛА* имеет с ранними древнерусскими переводами XI в. – Хроникой Георгия Амартола и Историей иудейской войны, а также с Толковой Палеей 1406 г., текст которой содержит ряд других апокрифических сочинений. Из оригинальных текстов ближе всего оказываются Повесть временных лет и Киевская летопись. Показательно также, что и другой апокриф в составе *Толст*. – Сказание Афродитиана – имеет сходства в употреблении редкой лексики с Толковой Палеей и Повестью временных лет [там же].

Следует также обратить внимание не на лексическую, а на текстовую перекличку между *ЛА* и Сказанием о Борисе и Глебе, перефразирующую евангельский текст. Эта

текстовая близость чрезвычайно показательна, поскольку в каноническом евангельском тексте упоминание *рищущих серн*, общее для *ЛА* и Сказания о Борисе и Глебе (СкБГ), отсутствует, ср.:

***ЛА*:** Слѣпии прозрѣша, глусии слышаша, хромии **быстрѣе серны рискаху** (л. 68);

СкБГ: слѣпии прозирають, хромии **быстрѣе сьрны рищуть**.

Остромирово евангелие (Мф. 11, 5)**:** слѣпии прозираѭть, хромии ходѧть (266 об.).

Таким образом, к перечисленным выше памятникам, наиболее близким к *ЛА*, следует добавить Сказание о Борисе и Глебе, в котором, как указывалось выше, как и в *ЛА*, употребляется редкий глагол **въсхопитисѧ**. В связи с данным фактом обращает на себя внимание близость и к другим произведениям, атрибутируемым Нестору: глагол **полозити** встречается в *ЛА* и Житии Феодосия Печерского, а также в другом произведении, принадлежащем перу Нестора, которое носит название «Слово писано святым Феодосием мнихом» [Феод.Печ.: 198}.

Укажем также на одну синтаксическую конструкцию, роднящую *ЛА* с текстом Повести временных лет и Киевской летописью, – употребление союза **яко** в конструкциях приблизительного количества, ср.:

Пришедшема близъ града Едесьскаго **яко за версту едину**, обрѣтесѧ нѣкто хромець ползаѧ (64 об.)

Такие конструкции с **яко** при обозначении приблизительного количества редки в письменности и очень архаичны. Они отмечены в старославянских памятниках [Жолобов 2006] и в древнерусских [Птенцова 2018]. В исследовании А.В. Птенцовой приведен только один пример из Киевской летописи. Всего в древнерусском подкорпусе НКРЯ нам удалось обнаружить еще два таких примера, причем оба из Повести временных лет (пример из Киевской летописи, цитируемый в указанной работе, мы здесь не приводим):

И собрашасѧ братья к нему **яко числомъ вї** (Повесть временных лет) [НКРЯ];

Ведоша и Звенигороду, иже есть городъ малъ оу Киева **яко десѧти веръстъ** [там же].

Таким образом, вполне оправданным кажется вывод о том, что текст *ЛА* в том варианте, который содержится в *Толст*., была переведен или переработан в Киеве в XI в. или первой четверти XII в. – в эпоху игумена Киево-Печерского монастыря Никона, при котором был составлен Начальный свод, Нестора, автора Жития Феодосия Печерского, и Сильвестра, составителя Повести временных лет и Киевской летописи, игумена Выдубицкого монастыря, в котором имелся и полный перевод Хроники Георгия Амартола (о составителе Повести временных лет см. [Михеев 2011: 156]).

Литература

1. Диалоги Псевдо-Кесария // Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция. / Милтенов Я. София: Авалон, 2006. 590 с.

2. Жолобов 2006 – О. Ф. Жолобов. Числительные. // Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV / Под ред. В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2006. 360 с.

3. Жолобов О.Ф. Толстовский сборник XIII в. как мегатекст. // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. Труды и материалы. Т. 2 / Под ред. Е.А. Горобец, О.Ф. Жолобова, М.О. Новак. Казань: Издательство Казанского университета, 2018. С. 73–77.

4. Лавровский П.А. Описание сами рукописей императорской С.-Петербургской публичной библиотеки. М.: университетская типография, 1859. 90 с.

5. Мещерская Е.Н. Легенда об Авгаре – раннесирийский литературный памятник (исторические корни в эволюции апокрифической легенды). М.: Наука, 1984. 254 с.

6. Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? (Славяно-германские исследования. Т. 6). М.: Индрик, 2011. 280 с.

7. МП – Мерило праведное по рукописи XIV в. / Изд. под наблюдением и со вступительной статьей М.Н. Тихомирова. М.: АН СССР, 1961. 670 С.

8. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс.] URL: http://www.ruscorpora.ru Дата: 26.05.2019 г.

9. Остромирово евангелие 1056–1057 года по изданию А.Х. Востокова. М: Языки славянских культур, 2007. 968 с.

10. Пенькова Я.А. Сказание Афродитиана в Толстовском сборнике XIII в.: лексическое своеобразие и проблема локализации перевода. // Ученые записки КФУ. Серия Гуманитарные науки, 2018. Т. 160. Кн. 5. В печати.

11. Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М.: НП «Рукописные памятники Древней Руси», 2011. 408 с.

12. Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. // Сборник отделения русского языка и словесности, 1890. Т. 52. № 4. СПб.: Типография Императорской академии наук. 239-270.

13. Птенцова А.В. Эволюция конструкций со значением приблизительного количества в древнерусском и старорусском языке. // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 2018. Доклады российской делегации. / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 402–414.

14. Пч. – «Пчела». Древнерусский перевод. Т. 1–2 / Изд. подгот. А.А. Пичхадзе и И.И. Макеева. / Ред. А.М. Молдован. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 888 С.

15. СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–3. / Ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988–. 526 с. Т.2. 1989. 494 с. Т. 3. 1990. 511 с. / Ред. В.Б. Крысько. Т. 7. М.: Русский язык, 2004. 505 с. Т. 10. М.: Азбуковник, 2013. 656 с. Т. 11. М.: Азбуковник, 2016. 744 с.

16. Сказание о Борисе и Глебе // Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1971. с. 71–135.

17. СЛРЯ – Словарь русского языка XI – XVII вв. М.: Наука. Вып. 3. 1976. 288 с. Вып. 4. 1977. 403 с.; Вып. 5. 1978. 392 с. Вып. 16. 1990. 295 с. Вып. 17. 1991. 296 с. Вып. 21. 1995. 280 с. Вып. 22. 1997. 298 с. Вып. 24. 2000. 254 с.

18. Соколов М.И. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. Вып.1 (I–V). М.: Университетская типография, 1888.

19. СР – Старобългарски речник. В 2-х т. / Ред. Д. Иванова-Мирчева. Т. 1. София: Валентин Траянов, 1999. 1028 с. Т.2. 2009. 1327 с.

20. СХЦСЯ – Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije/ Red. A. Nazor. V. 1. Zagreb: Staroslavenski institut, 2000. V. 2. Zagreb: Staroslavenski institut, 2015.

21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. / Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. / Под редакцией и с предисловием проф. Б. А. Ларина. Издание второе, стереотипное. В 4 т. М.: Прогресс, 1964-1973.

22. Феод.Печ. – Сочинения препод. Феодосия Печерского, в подлинном тексте /Пригот. к изд. еп. Макарием // Ученые записки II Отделения Императорской академии наук, 1856. Кн. 2. Вып. 2. С. 193–224.

23. ХГА – Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. / Истрин В.М. Т. 1. Пг.:Изд. ОРЯС Рос. АН, 1920.

24. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. / Ред. О.Н. Трубачев. Вып. 7. М.: Наука, 1980. Вып. 8. М.: Наука, 1981.

25. SJS – Slovnik jazyka staroslověnského = Lexicon linguae palaeoslovenicae. / Josef Kurz. Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1958–. V. I–IV.

ТОЛКОВЫЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА XX-НАЧАЛА XXI ВВ. И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ

Е.В. ПУРИЦКАЯ

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

purichi@list.ru

Ключевые слова: *академическая лексикография, интегральное описание лексики, семантическая схема, словарная база данных.*

В статье рассматриваются возможности и принципы интегрального описания материала академических толковых словарей русского языка в словарной базе данных, прежде всего словарей, созданных в XX-начале XXI вв. На примере многозначного слова показано интегральное описание лексической единицы, объединяющее материалы словарей почти за 100 лет, учитывающее актуальные и устаревшие значения слова, а также изменение его стилистической характеристики.

ELIZABETH PURITSKAYA – Russian Academic Dictionaries of the 20th and Early 21st Centuries and the Problem of the Integral Description of Vocabulary

Key words: *academic lexicography, integral description , semantic scheme, dictionary database*

The article discusses the possibilities and principles of the integral description of the material of academic explanatory dictionaries of the Russian language in the dictionary database, especially dictionaries created in the XX-early XXI centuries. The example of a polysemantic word shows an integral description of a lexical unit, uniting materials of dictionaries of almost 100 years, taking into account current and outdated meanings of a word, as well as a change in its stylistic characteristics.

Лексическая система русского языка постоянно изменяется. Особенно значительными изменениями характеризуется период конца XX-начала XXI вв. Следствием глобальных социальных, экономических, политических перемен, открытости современного общества являются многочисленные заимствования; происходит стремительное устаревание слов; демократизация языка приводит к «вертикальной мобильности» стилистически сниженной лексики, некоторые слова и выражения теряют употребительность. Все эти процессы сегодня происходят столь быстро, что отразить их способны уже не традиционные печатные словари, а электронные лексикографические ресурсы. В информационную эпоху изменяется и роль словарей в обществе, равно как и сценарии их использования: словари переселяются с книжных полок в Интернет и мобильные устройства. Цифровые технологии открывают новые возможности и в создании словарей: отход от фиксированной структуры словаря и словарной статьи, различные виды лексикографического контента, быстрое и оперативное пополнение и изменение лексикографической информации, открытость проекта для общественности. Однако имеющиеся на сегодняшний день российские цифровые лексикографические проекты представляют собой электронную копию одного или нескольких словарей, в то время как гораздо более удобным для пользователя является ресурс, представляющий интегральное описание лексики, где вся информация о слове была бы собрана на одной странице. Интегральный подход дает возможности формирования максимально полного словника, детализированного описания слова и включения широкого иллюстративного материала.

Интегральная словарная база данных разрабатывается в Институте лингвистических исследований РАН на основе «Большого академического словаря русского языка» (выходит с 2001 г., вышли тома с 1 по 24) и по его принципам. В такой базе могут быть оперативно отражены не только новые и актуальные явления русского языка, важным представляется и ретроспективное описание слов. В российской академической лексикографии принято определение границ современного русского литературного языка «от Пушкина до наших дней». Поэтому в базе прежде всего требуют отражения те словари, которые созданы в рамках этого подхода, то есть словари XX в. Интегральное описание лексической единицы объединяет материалы этих словарей таким образом, чтобы у пользователя базы была возможность сравнения толкований слов, нормативно-стилистических помет и различных форм, в которых слово употребляется в речи.

Начало работы по объединению сведений о слове из разных источников на одной странице в базе, помимо технических сложностей, оказалось связано с рядом содержательных проблем. Так, объединить сведения о семантической характеристике слов в разных словарях сложно прежде всего из-за разницы между имеющимися словарями. В российской академической традиции словари делятся на три типа: большие (более 10 томов), средние (4 тома) и малые – однотомники. При этом в идеале предполагалось, что словари меньшего охвата будут целиком «вкладываться» в большой тип, что, однако, происходило не всегда, и в четырехтомном или даже однотомном словаре часто могли фиксироваться значения или стилистическая характеристика слова, которые отсутствовали в издании большого типа. Объемом словаря определяется и различная глубина семантической разработки слова: слово может быть разработано как многозначное, значения могут объединяться, какое-то из значений может быть опущено, разработано как оттенок и т. д. Различия в толкованиях и нормативно-

стилистической характеристике слов в разных словарях определяются также разными подходами авторов к нормативности, а также изменением статуса самого слова в системе литературного языка. Кроме того, различия в трактовке слов словарями определяются и неизбежной субъективностью лексикографической работы. Электронная база позволяет преодолеть ограничения, налагаемые на бумажные словари, поскольку в ней представить материал большого объема возможно не линейно, как в печатном источнике, а с помощью системы вкладок и отсылок.

Сравнение семантической характеристики слова и постановки нормативно-стилистических помет в разных словарях позволяет проследить изменения его семантики и стилистического статуса, а кроме того, увидеть, как толкуемое слово воспринималось лексикографами в разные эпохи. Так, например, сопоставление лексикографических описаний слова **ба́ба** в академических словарях конца XIX-начала XXI вв. показывает:

1) изменения в лексической системе языка: устаревание одних значений, появление и стилистическое изменение других;

2) изменение принципов составления словарей;

3) социальные изменения, отраженные в языке.

В «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской академии наук» [Грот 1891] семантическая схема слова выглядит следующим образом:

Ба́ба, ы, *ж.* **1**. Народное название замужней женщины вообще.

2. Замужняя женщина низшего сословия.

3. Мать отца или матери.

4. Повивальная бабка.

5. Вообще женщина в несколько презрительном смысле. * Мужчина со слабым, нерешительным характером. **Бой-ба́ба**, смелая, бойкая женщина. **Ка́менная ба́ба**, каменный грубый истукан, который ставился каким-то древним народом в Сибири и южной России на курганах или вообще в степях.

6. Мифическая облачная жена, приносящая живую, целебную воду, т. е. дождь.

7. Устарелая, бесплодная пчелиная матка.

8. Синяя или зеленая стрекоза, коромысло.

9. Род водяной птицы, собств. ба́ба-птица, Pelecanus.

10. Тяжелая чугунная гиря для вбивания свай; чурбан с рукоятями для убойки щебня или уколачивания земли; колотушка; трамбовка.

11. У колодца столб, на котором поднимается и опускается длинный шест или толстая жердь с бадьей или ведром.

12. *Мех*. Падающая масса кричного молота. Деревянная стойка с проушиною, в которой утверждается брус, служащий для удержания подъема и к отражению молота при кричном действии.

13. Сдобное печенье в форме усеченного цилиндра, род кулича.

Ба́бы, бабъ, *мн. Народн.* Плеяды.

Приведенная семантическая схема представляет собой наиболее полное описание слова, которое затем изменяется в словарях на протяжении XX в. Так, ни один словарь больше не приводит значения ‘у колодца столб, на котором поднимается и опускается длинный шест или толстая жердь с бадьей или ведром’, поскольку слово в данном значении характерно для диалектной речи. Точно так же после [БАС-1 1950] более не отмечаются значения ‘устарелая, бесплодная пчелиная матка’ и ‘синяя или зеленая стрекоза, коромысло’ как не подтвержденные литературными источниками, а в значении ‘пеликан’ слово выведено в качестве омонима и сопровождается пометой *Обл*. [БАС-2 1991; БАС-3 2001]. Значение ‘мифическая облачная жена, приносящая живую, целебную воду, т. е. дождь’ также более словарями не отмечается, вместо

него разрабатывается другое мифологическое значение: *ба́ба-яга.* Лексикографическое описание этого слова также эволюционирует от словаря к словарю: сначала «в сочетании *ба́ба-яга* – мифическое существо в русских народных сказках, изображаемое в виде злой и безобразной старухи-колдуньи, едущей в ступе и заметающей след помелом» [Ушаков 1935], затем «В сложении: баба-яга – злая волшебница и людоедка» [БАС-1 1950], наконец, в качестве самостоятельной словарной статьи: **БА́БА-ЯГА́,** бабы-яги́, *ж.* Старуха-колдунья русских сказок [Ожегов 1949 и далее].

В то же время в словарях появляются новые, не отмеченные ранее значения. Так, значение ‘фигура из снега, камня’ впервые описано в форме сочетаний: «*Каменная баба* (археол.) – каменное изваяние в виде человеческой фигуры, *Снежная, снеговая баба* — кукла из снега» [Ушаков 1935], далее уже в качестве значения:

Человеческая фигура, слепленная из снега. *Снежная баба.* [БАС-1 1950];

Фигура из снега, камня и т. д., напоминающая человеческую. ◊ Ка́менная баба. См. Ка́менный [БАС-2 1991];

Фигура из снега, камня и т. п., напоминающая человеческую. *Снежная баба*. ◊ Ка́ менная баба. См. Ка́менный. [БАС-3 2001].

Начиная с БАС-1 слово разработано как ряд омонимов. В качестве омонимичных описаны значения, не связанные с семантическим комплексом ‘женщина’:

2. **БА́БА,** ы, *ж. Техн.* Тяжелый молот, болванка, гиря разного устройства (ручная, пневматическая и т. п.), употребляемые для вбивания свай и для других трамбовочных работ.

3. **БА́БА**, ы, *ж.* Род высокого кулича, из очень сдобного теста, выпекаемого в цилиндрических формах. ◊ Род пирожного. *Ромовая баба.*

При этом [МАС 1981] во втором омониме выделяет 2 значения: **1**. Болванка с рукоятками для трамбовочных работ. и **2.** *Спец.* Ударная часть (поднимающаяся и опускающаяся) механических молотов, копров. Другие словари эти значения объединяют.

Итак, к лексикографическим изменениям в описании слова относятся усложнение и дифференциация словарного описания, описание сочетаний в одной статье и в разных, разработка слова как полисеманта и как омонимов, объединение и разделение значений и оттенков.

Кроме того, словари отражают стилистические изменения в употреблении данного слова. Некоторые значения слова **ба́ба** не являются стилистически нейтральными. Прежде всего это значение, которое отражает социальный статус женщины в дореволюционном сословном российском обществе. Для маркирования этого значения словари используют указания «народное», «прежде», а также пометы *областное*, *разговорное*, *просторечное*, *устарелое*, *традиционно-народное*:

Народное название замужней женщины вообще; Замужняя женщина низшего сословия [Грот 1891];

В устах «господ» (прежде) и в крестьянском быту замужняя крестьянка; противоп. девка» [Ушаков 1935];

Замужняя крестьянка, жена, а также вообще женщина (обл. и разг.) [Ожегов 1949];

В просторечии. Замужняя женщина (обычно о крестьянке) *(устар.)* [БАС-1 1950];

Устар. Замужняя крестьянка [МАС 1981];

Прост. Замужняя крестьянка [БАС-2 1991];

Замужняя крестьянка, а также вообще женщина из простонародья (прост.) [Ожегов-Шведова 1992];

Трад.-нар. Деревенская (обычно замужняя) женщина, крестьянка [БТС 1998];

Прост. Замужняя крестьянка (незамужняя — девка) [БАС-3 2001].

Кроме того, слово **ба́ба**, употребляется по отношении к женщине вообще. Словари маркируют это значение как вульгарное, грубое, фамильярное, пренебрежительное (хотя иногда – как шутливое или с оттенком одобрения), свойственное сниженной разговорной речи или просторечию:

Вообще женщина (*разг. вульг.*) [Ушаков 1935];

Вообще женщина (обл. и разг.) [Ожегов 1949];

О женщине вообще. С оттенком пренебрежения [БАС-1 1950];

Прост., обычно пренебр. Женщина вообще [МАС 1981];

Прост. Женщина (обычно с оттенком пренебрежительности или фамильярного •одобрения) [БАС-2 1991];

Вообще о женщине (иногда с пренебр. или шутл. оттенком) (прост.) [Ожегов-Шведова 1992];

2. *Разг.-сниж.* О любой женщине. || О неопрятной женщине.

3. *Разг.-сниж.* Женщина, находящаяся в интимных отношениях с кем-л.; жена [БТС 1998];

Прост. Женщина (обычно с оттенком пренебрежительности или фамильярного одобрения) [БАС-3 2001].

Заметно, что один из словарей конца XX века [БТС 1998] регистрирует новое значение: *Разг.-сниж.* ‘Женщина, находящаяся в интимных отношениях с кем-л.; жена’ (*пришел со своей бабой*). До этого словари указывали значения либо ‘женщина вообще’, либо ‘жена’.

Итак, семантическая схема многозначного слова, взятого в его современном состоянии и исторической перспективе, имеет центр и периферию. В интегральной словарной базе необходимо отразить прежде всего актуальные для современного языка, центральные значения слова. В базе схема слова может выглядеть так:

1. **БА́БА**, ы, *ж*. **1**. *Устар*. и *Прост*. Замужняя крестьянка (незамужняя — девка). // Жена.

2. *Разг-сниж*. Женщина (обычно с оттенком пренебрежительности или фамильярного одобрения, иногда шутливо). // Простая, необразованная женщина. // Женщина, находящаяся в интимных отношениях с кем-л.; жена. ~ ***База́рная баба***. См. База́рный.

3. *Перен. Прост. Пренебр*. О робком, нерешительном мужчине, юноше (обычно в функции сказуемого).

4. *Разг*. То же, что ба́бушка (в 1 и 2 знач.).

5. Фигура из снега, камня и т. п., напоминающая человеческую. *Снежная баба*. ◊ Ка́менная б а́ б а . См. Каменный.

2. **БА́БА**, ы, *ж*. Поднимающаяся и опускающаяся ударная часть механического молота, копра, штамповочного устройства и т. п. *Пневматическая баба*. *Чугунная баба*.

3. **БА́БА**, ы, *ж*. Кулич, выпекаемый в высокой цилиндрической форме. ◊ Ро́мовая б а́ б а . См. Ро́мовый.

Для справки при каждом значении будут «всплывать» сведения из других словарей. Например, при значении ‘пеликан’ можно дать информацию о том, что это слово ранее употреблялось в других «зоологических» значениях (с указанием словаря-источника):

1. Бесплодная пчелиная матка [Грот 1891; БАС-1 1950].
2. Синяя или зеленая стрекоза, коромысло [Грот 1891; БАС-1 1950].

4. **БА́БА**, ы, *ж*. Пеликан.

Технически для электронного представления материалов словарей предполагается использовать систему теговой разметки в соответствии с рекомендациями TEI, адаптированными для работы с лексикографическими источниками. Такая база данных могла бы представить все богатство русского языка в его изменениях и будет полезна не только носителям языка как родного, но и иностранцам.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Параметрическое моделирование лексической системы современного русского литературного языка», проект № 17-04-00552-ОГН.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка. Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1. М.: Наука, 2001. [БАС-3 2001]

2. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. [БТС 1998]

3. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Под ред. Я.К. Грота. Т. 1. М., 1891. [Грот 1891]

4. Словарь русского языка: В 4–х т. АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М.: Русский язык, 1981. [МАС 1981]

5. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. АН СССР, Ин–т рус. яз. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1950. [БАС-1 1950]

6. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. АН СССР, Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К.С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М.: Русский язык, 1991. [БАС-2 1991]

7. Толковый словарь русского языка. Сост. С.И. Ожегов; под ред. С.П. Обнорского. М., 1949. [Ожегов 1949]

8. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. Т. 1. М., 1935. [Ушаков 1935]

9. Толковый словарь русского языка. Сост. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. М.: Русский язык, 1992. [Ожегов-Шведова 1992]

РУССКАЯ АГИОГРАФИЯ XVIII-НАЧАЛА XXI ВЕКОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Е.В. СУРОВЦЕВА

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

surovceva-ekaterina@yandex.ru

Ключевые слова: *русская литература, житие, жанр, типология.*

В статье ставится вопрос о необходимости комплексного изучения жанра жития XVIII – начала XXI веков. Анализируется типология жанра в рассматриваемый период, ставится проблема специфики жанра (документальность и пр.). Формулируется вопрос о соотношении жанров жития и биографии, намечаются перспективы дальнейших исследований агиографического жанра.

EKATERINA SUROVTSEVA – Russian hagiography of the XVIII-beginning of XXI centuries: problems and prospects of studying

Key words: *Russian literature, Life of Saints, genre, typology.*

The article raises question of need for comprehensive study of genre of Life of Saints of XVIII – early XXI centuries. We analyzes typology of genre in period under review, raises problem of nature of genre (documentary, etc.). Question of correlation between genres of Life of Saints and Biography is formulated, prospects for further research of hagiographic genre are outlined.

В современном литературоведении бытует представление, что жанр жития является особенностью русской литературы древнего периода, в современной же литературе этого жанра не существует (см., напр., Володина 2008). Иные учёные полагают, что «в церковной практике житие как жизнеописание подвижника – местночтимого или канонизированного церковью – сохраняется до нового времени …» [Гладкова 2003 : стлбц. 269], однако пишут свои статьи исключительно на древнерусском материале и не ставят вопроса о необходимости изучения житий нового времени (XVIII-начала XXI веков). На наш взгляд, обе эти точки зрения нуждаются в корректировке. Жанр жития существует и успешно развивается и в современной русской словесно-

сти, и при этом надо учесть, что церковная литература является не менее значимой – и художественно, и идеологически – нежели литература светская, по праву занявшая одно из ведущих мест в литературе мировой.

На настоящий момент нам известны только три обстоятельных работы по русским житиям – это диссертации по житиям XX века [Иванова 2004; Лоевская 2005; Полетаев 2007], однако это только начало исследования этого богатейшего материала. В настоящей статье мы предпримем попытку на основании уже проведённых нами исследований выявить узловые моменты и первоочередные вопросы, возникающие перед исследователем этого жанра.

При анализе агиографических памятников следует обратить внимание на ***три принципиальных момента***:

1) В XVIII-начале XXI века создавались жития ранее (ещё в эпоху Древней Руси) канонизированных святых. Например, наряду с известным житием, написанным Епифанием, существует целый ряд новейших житий Сергия Радонежского;

2) В рассматриваемый нами период канонизировались и, соответственно, писались жития не только современных эпохе святых (так, Серафим Саровский жил в 1754/1759 – 1833 годах, канонизирован в 1903 году), но и давно жившие и скончавшиеся (так, Дмитрий Донской жил в 1350 – 1389 годах, канонизирован в 1988 году).

3) Жития бывают канонические и неканонические. Одним из признаков канонического жития является строгое соответствие не только святоотеческому наследию, но и фактическим данным (см. об этом, напр., Зайцев 2008). Например, в литературе о житиях приводится пример неканонического (или народного) жития Матроны Московской, составленного З. Ждановой, и разъясняется, почему это житие не признано церковными иерархами – потому, что содержит в себе ряд фактических «ляпов»: «Святая Матрона никогда не встречалась со Сталиным. <…> Святой Иоанн Кронштадтский никогда не грозил солдатам “утопить в крови и уморить голодом” Петербург за то, что они попытались вскрыть гробницу святого» [Зайцев 2012].

Созданные в XVIII – начале XXI веков жития подразделяются на ***следующие типы в зависимости от чина святости*** (о типологии житий см. [Православная энциклопедия : т. 19, с. 283-345]; см. также [Федотов 1990]):

1. Жития мучеников (мучеников и исповедников). «Мученичество – сознательная и добровольная смерть во имя утверждения христианской веры» [Православная энциклопедия: т. 19, с. 285]. Священномученик – это мученик из числа священнослужителей [Христианство. Энциклопедический словарь : т. 2, с. 529], преподобномученик – мученик из числа монашествующих [Христианство. Энциклопедический словарь : т. 2, с. 387]. Применительно к пострадавшим за веру в годы советской власти в нашей стране употребляется понятие «новомученики и исповедники» – в связи с этим следует объяснить понятие исповедничества. «… к числу исповедников причислялись те христиане, которые, претерпев мучения, остались в отличие от мучеников в живых и умерли позже естественной смертью. В православии исповедников из числа священнослужителей называют священноисповедниками, из числа монахов – преподобноисповедниками» [Православная энциклопедия : т. 27, с. 605]. Этот тип житий представляет собой обширный пласт материала – в них речь идёт о новомучениках и исповедниках, пострадавших в годы советской власти (на май 2019 года канонизировано около 1800 святых; существует целый ряд сводных изданий житий новомучеников, напр. [Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии 2002; Нестор (Кумыш), игумен. Новомученики Санкт-Петербургской епархии 2003]). К мученикам и исповедникам относятся также страстотерпцы – «наименование христианских мучеников. … Преимущественно же это наименование относится к тем святым, которые приняли мученическую кончину не от гонителей христианства, но от своих единоверцев…» [Живов 1994 : 82]. Из наиболее

известных страстотерпцев в качестве примера назовём Николая II, Царственных Страстотерпцев, Евгения Боткина, одного из самых известных исповедников – Луку Крымского.

2. Жития просветителей (миссионерские жития). В качестве примера приведём житие Николая Японского.

3. Жития святителей. Особенность святительского подвига объясняется так: «Основное содержание подвига святых иерархов – церковное и общественное служение» [Православная энциклопедия : т. 19, с. 285]. Это жития таких святых, как Алексий, митрополит Киевский и всея Руси (существует не только древнерусское житие Алексия – в пяти редакциях, первоначальная из них датируется XIV веком, – но и современное, составленное Патриархом Московским и Всея Руси Алексием I (Симанским) в конце 1940-х годов), Гермоген, Митрофан Воронежский, Иннокентий Иркутский, Тихон Задонский, Филарет Московский, Тихон Белавин, Иоанн Шанхайский.

4. Жития благоверных правителей. «Блгв. правители (императоры и князья – в восточной традиции, короли – в зап. традиции) составляют особую группу в чине св. мирян; основной чертой их подвига является общественное служение, воплощающееся в первую очередь в защите Отечества, а кроме того – в покровительстве неимущим и страждущим, нищелюбии и милостыне, и в этом они близки к святителям и праведным» [Православная энциклопедия : т. 19, с. 285]. Оговорим, что в русской культуре этот тип житий существовал в виде княжеского жития [Федотов 1990]. Здесь надо назвать Дмитрия Донского – святого князя, канонизированного в перестройку, спустя почти 500 лет с момента кончины. Таким образом, мы можем говорить об интереснейшем явлении нашей истории – о княжеском житии советского времени.

5. Жития преподобных. «Художественной доминантой монашеских житий является мотив подражания (и/или уподобления) ангелам» [Православная энциклопедия : т. 19, с. 285]. Прежде всего назовём житие Сергия Радонежского – на протяжении всей истории русской литературы появлялись всё новые жития этого святого. Перечислим их: Древнерусское Епифаниево житие, переработанное Пахомием; Азарьин Симон. Книга о чудесах Преподобного Сергия (XVII); Платон (Левшин). Житие Сергия Радонежского (XVII); Митрополит Филарет (Московский). Житие преподобного Сергия Радонежского, составленное московским митрополитом Филаретом (1835); Иеромонах Никон (Рождественский), впоследствии архиепископ Вологодский и Тотемский. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия игумена Радонежского и всея России чудотворца (1885); Протоиерей Сергий Покровский. Житие Преподобною и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, чудотворца (1911); Патриарх Московский и Всея Руси Алексий I (Симанский). Житие Сергия Радонежского (1940-е гг.); Маркова А.А. Житие Преподобного Сергия Радонежского (2010); Клюкина О.П. Преподобный Сергий Радонежский (2015). Кроме того, были созданы жития преподобных, живших уже в XIX – XX веках, – Серафим Саровский, Алексий Мечёв, Серафим Вырицкий, Амвросий Оптинский. Утверждение авторов «Православной энциклопедии» о том, что жития преподобных «представляют собой самый распространенный тип агиографических текстов» [Православная энциклопедия : т. 19, с. 285] применительно к анализируемому нами периоду русской литературе неверно – самым распространённым типом являются жития новомучеников и исповедников.

6. Жития Христа ради юродивых. Здесь прежде всего надо назвать жития Ксении Петербургской и Матроны Московской.

7. Жития праведников. ««Праведники – особый чин святости, объединяющий подвижников благочестия, угодивших Богу в миру» [Православная энциклопедия : т.

19, с. 286]. В данном контексте следует назвать жития Иоанна Кронштадтского, Фёдора Фёдоровича Ушакова.

8. Жития святых жён. Один из ярчайших примеров – житие Иулиании Лазаревской.

Необходимо отметить неравномерность распределения типов житий в рамках рассматриваемого нами времени. Так, жития святителей создавались на протяжении XIX – XX веков, княжеские жития «возродились» только на излёте советского времени, жития мучеников начали активно создаваться после развала СССР и в настоящее время являются наиболее обширной и представительной частью современного агиографического жанра.

При анализе житий Нового времени следует проанализировать ***проблему современного житийного канона***. Несмотря на то, что жития создавались в XVIII – начале и середине XX века, именно в конце XX века стала актуальной постановка такой проблемы, как поиск и выбор жанрового канона. «Сейчас, после разрыва в церковном предании, вызванного гонениями XX века, перед нами стоит вопрос: к каким традициям в агиографии мы должны вернуться» [Митров 2004 : 26], поскольку жанр жития никогда не был статичным. «… в большинстве своем канонические жития XX века (и начала XXI века – Е.С.) отличаются преобладанием интереса к фактологической стороне жития, а не к литературной ее обработке, преобладанием документально-исторического начала над художественным» [Макаренко 2011 : 100]. Действительно, степень документальности этих житий – не только проложных – весьма высока. Согласно нашим исследованиям, количество лексем оригинального текста и цитат, например, в двух вариантах – кратком (2003 г.) и полном (2006 г.) – священномученика Романа Медведя (оба жития составлены игуменом Дамаскиным Орловским) представляет собой следующую картину. Краткое житие насчитывает примерно 3400 лемм, считая цитаты, и 1300 лемм без цитат, полное – примерно 4300 лемм, считая цитаты, и 1600 без цитат. (Данные получены с помощью Автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум», разработанной в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова). Таким образом, мы получаем объективные данные о доле цитат в текстах. В кратком житии количество лексем оригинального текста составляет 38 процентов от общего словарного запаса текста, то есть, меньше половины; в полном житии количество лексем оригинального текста немного ниже (хотя и весьма незначительно) – примерно 37 процентов от общего словарного запаса текста [17].

Следует отметить, что в современной русской литературе развивается житие не только каноническое, но и «художественное житие» (думается, мы можем говорить о «художественном житии» так же, как мы говорим о «художественной биографии»). Оно также основано на документах, но процент документальности в таких текстах несколько иной. Это легко продемонстрировать на примере трёх вариантов жития новомученицы Татианы Гримблит – одно из житий проложное, составленное игуменом Дамаскиным Орловским (2005 г.), два других – художественные, составленные Н.В. Иртениной (2016 г.) и О.П. Клюкиной (2016 г.). Обработав тексты при помощи упомянутой системы «Диктум», мы получаем примерное количество (лемматизация нами пока не проводилась) лексем, считая цитаты, и примерное количество лексем, исключая цитаты, на основании этих данных мы получаем возможность подсчитать процент оригинального текста. В житии Дамаскина Орловского примерно 47,5 процентов оригинального текста, в житии Н.В. Иртениной – примерно 88,4 процента, в житии О.П. Клюкиной примерно 60,7 процентов. Самый большой процент оригинального текста в житии Н.В. Иртениной объясняется тем, что автор, опираясь на те же самые документы, что и Дамаскин Орловский, не цитирует, а пересказывает [18].

Аналогичная работа проводилась нами также и на материале житий святителей, а именно – на материале разных вариантов жития Тихона Белавина [16]. Тексты принадлежат М. Вострышеву (1990), В. Марченко (2011) и О. Клюкиной (2016). В житии М. Вострышева примерно 67,6 процента оригинального текста, в житии В. Марченко – примерно 82,4 процента, в житии О. Клюкиной – примерно 79,6 процентов.

Таким образом, при помощи содержательного и статистического анализа текстов можно сделать вывод о «степени цитатности» в произведениях – в житии, тяготеющем к строгому каноническому житию, самое малое количество цитат, а в житии, созданном на закате советской власти, когда этот жанр только начал на новом витке своё активное функционирование, самое большое количество лексем относится к «чужому слову», но по разнообразию цитируемых источников этот текст уступает «художественному житию».

Отметим, однако, что говорить о документальности житий можно лишь на материале текстов, созданных после 1990-х годов и посвящённых святым, жившим в XIX – XX веках, так как именно эти тексты созданы на основе разного рода документов – писем, воспоминаний, дневников, следственных дел и др. Документы, используемые при составлении житий святых, живших в эпоху Древней Руси, подвергаются значительной переработке и адаптации; к тому же налицо противоречивость и, зачастую, недостаточность дошедших до нас средневековых материалов. Отдельный вопрос – специфика житий древнерусских святых, уже «имеющих» своё житие (например, упомянутые нами Сергий Радонежский и митрополит Алексий). Степень документальности таких житий крайне низка, они представляют собой переработки древнерусских текстов с дополнениями – о посмертных чудесах святого, о его учениках и др.

Последний вопрос, который мы хотели бы поставить в данной статье, – это ***вопрос о соотношении жанров жития и биографии***. Краткую историю функционирования этих жанров можно сопоставить с историей жанров иконы и портрета. В Древней Руси не существовало жанров портрета и биографии, существовали только икона и житие. В XVII веке стали появляться светские жанры – портрет и биография. Причём в XVII веке существует такое явление, как парсуна, своего рода переходная ступень от иконы к портрету, а в литературе бытуют специфические формы биографии, представляющие собой переходную ступень от жития к биографии. В Новое время существуют одновременно икона и портрет, житие и биография. На современном этапе икона подвергается влиянию портрета. В современной литературе же житие и биография влияют друг на друга.

На наш взгляд, необходимо отличать биографии, созданные до канонизации святого
(в том числе, прижизненные. Например, существуют две прижизненные биографии Иоанна Кронштадтского – Н.Животова, 1890, и иеромонаха Михаила Семёнова, 1903) и биографии, созданные после канонизации. Биографии, созданные до канонизации, могу быть использованы в качестве источников для составления житий (например, составитель жития Иннокентия Пензенского А. Дворжанский, 2000, опирался на две биографии святителя – Д.Троицкого, 1882, и В. Жмакина, 1885). Биографии, созданные после канонизации, могут испытывать влияние житийного жанра (например, в биографию святителя Афанасия Сахарова, составленной инокиней Сергией, 2003, включены свидетельства о посмертных чудесах святого); кроме того, эти тексты созданы с учётом того, что речь в них идёт не просто о выдающемся человеке, а именно о святом (например, современная биография Иоанна Кронштадтского, написанная Н. Киценко, 2006, носит название «Святой нашего времени»).

Таким образом, нам хотелось бы показать, что современные жития являются неотъемлемой частью текущего литературного процесса, хотя и частью очень специфи-

ческой. Поэтому этот материал можно и нужно анализировать с точки зрения культурологии, богословия, лингвистики, литературоведения. На материале русской литературы XVIII-начала XXI веков можно выделить все те восемь жанровых подразновидностей жития, которые сформировались и активно функционировали в эпоху Древней Руси. Дальнейший сбор материала, его систематизация и изучение, более подробный анализ всех перечисленных нами типов житий, определение жанровой специфики этого жанра по сравнению с житиями Древней Руси (документальность большого корпуса текстов – лишь одна из особенностей; в рассмотрении этой проблемы нам отчасти поможет сопоставление житий, написанных в Древней Руси и созданных в новое время, посвящённых одному и тому же святому) с учётом того, что он видоизменялся с течением времени, – задача для дальнейших исследований.

Литература

1. *Володина Н.В.* Метафоризация жанра как явление литературного процесса (на материале жанра жития) // Литературные жанры: теоретические и исторические аспекты изучения / Под ред. М.Л.Ремнёвой и А.Я.Эсалнек. М., МАКС Пресс, 2008. – С. 76-83.

2. *Гладкова О.В.* Жития // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н.Николюкин. М., Интелвак, 2003. – Стлб. 267-270.

3. *Живов В.М.* «Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., Гнозис, 1994. – 112 с.

4. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии. – В 8 томах. Тверь, Булат, 2002. 2000.

5. *Зайцев А.* Жития святых. Путеводитель. М., Эксмо, 2008. 240 с.

6. *Зайцев А.* Канонизация снизу: два жития Матроны Московской // Нескучный сад. – 2012. № 1.

7. *Иванова Т.А.* Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной Церкви. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.01. – М., 2004. 201 с.

8. *Лоевская М.М.* Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох. Диссертация и автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора культурологических наук. М., 2005. 366 с.

9. *Макаренко Е.К.* Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Святоотеческие традиции в русской литературе / Отв. ред. В.В.Соломонова, С.А.Демченков. – Омск, Вариант-Омск, 2010. С. 155-164.

10. *Макаренко Е.К.* Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 95-102.

11. *Митров О.* Опыт написания житий новомучеников и исповедников Российских // РОФ «Память мучеников и исповедников РПЦ» – «Труды. Выпуск 1. Новомученики XX века». – М., ООО «Издательство “Булат”», 2004. С. 24-30.

12. Нестор (Кумыш), игумен. Новомученики Санкт-Петербургской епархии. СПб., Сатисъ, 2003. 256 с.

13. *Полетаев Л.*, священник. Современная агиография и русская житийная традиция. Диссертация и автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата богословия. СПб., 2007.

14. Православная энциклопедия / Под редакцией Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. М., Православная энциклопедия.

15. *Санько А.Э.* Жития святых: особенности редакционно-издательской подготовки // Кирилло-Мефодиевская традиция в культуре России. Шестнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура» / Сост. О.В.Терехова. Челябинск, ЧГИК, 2018. С. 231 – 235.

16. *Суровцева Е.В.* Житие Тихона (Белавина) в русской литературе конца XX – начале XXI века // Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: консервативные и инновационные ценности в эпоху цифровой культуры / Под. ред. проф. Р.М.Абакаровой и Т.И.Магомедовой. Махачкала, ДГУ, 2018. С. 127-131.

17. *Суровцева Е.В.* К вопросу о функционировании жанра жития новомучеников и исповедников в современной русской литературе: на материале двух вариантов жития священномученика Романа Медведя // Инновационное развитие современной науки: проблемы, закономерности, перспективы. – Пенза, Наука и Просвещение, 2018. С. 72-80.

18. *Суровцева Е.В.* К вопросу о функционировании жанра жития новомучеников в современной русской литературе: на материале трёх вариантов жития и одного варианта биографии Татьяны Гримблит // Человекознание. – Кемерово, ИД «Плутон», 2018. С. 7 – 16.

19. *Суровцева Е.В.* Функционирование жанра жития в русской литературе в XVIII-начале XXI века // Язык и личность в поликультурном пространстве: Сборник статей / Под ред. Л.В.Адониной, О.С.Фисенко. – Севастополь, Рибэст, 2014. С. 156-175.

20. *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. – М., Московский Рабочий, 1990. 272 с.

21. Христианство. Энциклопедический словарь / Гл. ред. С.С.Аверинцев. – В 3 томах. М., Большая Российская энциклопедия, 1993-1995.

ПОВТОР ПРЕДЛОГОВ ПРИ ОДНОРОДНЫХ ЧЛЕНАХ В КНИЖНЫХ И НЕКНИЖНЫХ ТЕКСТАХ XVII В.

А.С. УЛИТОВА
независимый исследователь, Россия
ulitovanastya@gmail.com

Ключевые слова: *порядок слов, однородные члены, повтор предлога, исторический синтаксис.*

Повтор предлога при однородных членах очень часто встречается в древнерусских некнижных текстах. Как и повтор предлога в атрибутивном словосочетании, он являлся особенностью некнижных регистров древнерусского языка. Однако в XVII в. дублирующийся предлог при однородных членах встречается почти одинаково часто и в книжных, и в некнижных текстах, поэтому он не был стилистически маркирован в позднейшую эпоху древнерусского языка.

ANASTASIYA ULITOVA - Preposition repetition with homogenous parts of speech in bookish and non-bookish texts of the XVIIth century

Key words: *Word order, Homogenous parts of speech, preposition repetition.*

Preposition repetition with homogenous parts of speech is very widespread in non-bookish Old-Russian texts. As the preposition repetition in an attributive phrase, it supposed to be a marker of non-bookish registers. But in the XVIIth century preposition repetition with homogenous parts of speech appears in the bookish texts as often as in the business letters. It might prove, that it wasn't stylistically marked in the latest epoch of the Old-Russian language.

Повторение предлогов в группе «определение-определяемое» было отличительной чертой синтаксиса древнерусского языка (***на*** *рубеж* ***на*** *литовский* № 14*, (кад)* ***с*** *платем* ***с*** *крестьянским* № 76 [Пам. Обороны Смоленска 1912]). Данной теме посвящено много работ ([Санников 1968: 90-92], [Минлос 2007] и др.). Было обнаружено, что дублирование предлога встречалось преимущественно при постпозиции атрибута. В.И. Борковский полагал, что повтор предлога и постпозиция определения подчёркивали значимость в высказывании этого определения [Борковский 1949: 30]. Позднее О.А. Лаптева предположила, что дублирующийся предлог показывал коммуникативную расчленённость существительного и атрибута [Лаптева 1959: 107-108].

Однако впоследствии было доказано, что «повторение предлога в древнерусском языке представляло собой автоматический синтаксический механизм…, не связанный с каким-либо подчёркиванием и эмфазой» [Зализняк 2004: 164-165]. Примечательно, что повтор предлога при определении практически отсутствует в текстах высокого регистра, но он был широко распространён в текстах некнижных [Климовская 1965: 80].

Исследователей также интересует близкая, но всё же принципиально иная тема – повтор предлогов при однородных членах [Минлос 2007: 54-55] (***съ*** *смоляны и* ***с*** *полочаны*). Отмечалось, что «в тех же некнижных регистрах (например, в новгородских берестяных грамотах), в которых регулярно встречался повтор предлога в сложных именных группах, повтор предлога при сочинении был почти обязательным» [Там же: 54]. Однако упомянем работу Э. Хоргоши, где доказывается, что повтор предлога при однородных членах нередко встречается и в книжных текстах XI-XII вв. [Хоргоши 1978: 117-125].

О повторе предлога в текстах более позднего времени пока известно мало [Филин 2006: 510-512]. Данной проблеме и посвящено исследование. В книжных и некнижных текстах I половины XVII в. рассмотрены все примеры, включающие в себя однородные члены с предлогом. Изучено 75 челобитных, происходящих из Пскова (РГАДА, фонд 1209, опись № 1253, ст. № 23349 1626 г., № 23350 1627 г., № 23351 1628 г., 23351а 1632 г., № 23352 1636 г.), и 56 деловых документов (челобитные, судебные дела, отписки и т.д.) из Смоленска [Пам. обороны Смоленска 1912] (№№ 7-12, 14, 15, 17-24, 26-29, 31-34, 36, 39, 48, 50, 51, 54, 61-64, 67-72, 74-80, 101, 144, 151, 155, 166, 168, 169, 172, 189, 206). Чтобы проследить, насколько регулярно предлог

при однородных членах повторяется в книжных текстах, были проанализированы «Сказание» Авраамия Палицына и «Летописная книга» И.М. Катырёва-Ростовского (произведение так называется по традиции; вероятно, данная воинская повесть была написана С. Шаховским [Кукушкина 1975: 75-78]). Примеры приводятся по изданию [РИБ 1891].

При подсчёте примеров выяснилось, что предлог при однородных членах повторяется в деловых текстах в 100% случаев, в «Сказании» Авраамия Палицына – в 88% примеров, в «Летописной книге» И.М. Катырёва-Ростовского – в 89%:

Псковские челобитные: ***в*** *засадех и* ***в*** *пригородех* л. 64, 66, 137 ст. № 23349 и т.д.; ***за*** *Петром Нѣгинымъ да* ***за*** *Иваномъ Банковымъ* л. 25 ст. № 23349 (2 раза) – и т.д., всего 15 примеров.

Смоленские документы: ***к*** *Велижскому* ***к*** *пану Олександру да* ***к*** *Шиману Госевским* № 29; ***с*** *посадники и* ***с*** *сошники и* ***с*** *людми* № 48 ***с*** *вязмичи с детми боярскими* ***с*** *Ываном Осорьиным* ***с*** *Ываном* ***с*** *Челюсткиным* № 48 – и т. д. Всего 17 примеров.

«Сказание» Авраамия Палицына:

С повтором предлога: отъ *сосцу и* ***отъ*** *пазуху матерню* с. 514; ***о*** *землю и* ***о*** *пороги и* ***о*** *каменіе и* ***о*** *углы* с. 514, ***в*** *Колугѣ и* ***в*** *Тулѣ* с. 484, ***на*** *Озовъ (ити) и* ***на*** *прочая жилища Татарская* с. 497, ***со*** *архимаритомъ и игумены и* ***съ*** *прочимъ народомъ* с. 500, ***ко*** *градомъ и* ***къ*** *весемъ (прибѣгаху)* с. 500 – и т. д. Всего 57 примеров.

Без повтора предлогов: съ *Херувимы и Серафимы (предстоящаго)* с. 479, ***отъ*** *осиновыхъ и березовыхъ сосудъ* с 489, ***въ*** *хожениі и исхожденіи (дома царскаго)* с. 494, ***на*** *востоцѣ и югѣ и сѣверѣ* с. 499, (*разуменъ)* ***въ*** *дѣлѣхъ и словесѣхъ* с. 513, (*плачющихъ)* ***отъ*** *глада и жажди* с. 514, ***въ*** *блудѣ и піянствѣ (пребываюше)* с. 516, ***во*** *градѣхъ и селѣхъ* с. 523. Всего 8 примеров.

Летописная книга

С повтором предлога: въ *тузѣ и* ***въ*** *печали* с. 577; ***къ*** *таковому злому начинанію и* ***ко*** *лживому ухищренію и богомерскому дѣлу* с. 576, – и т. д. Всего 32 примера.

Без повтора предлогов: предъ *Богомъ и всеми людми* с. 563, ***отъ*** *худаго и убогово своего раба* с. 580, ***со*** *оружіемъ и дреколми* с. 582, ***на*** *сего изрядного властителя и воеводу* с. 611. Всего 4 примера.

Нужно обратить внимание на то, что повторяющийся предлог не встречается при денотативном тождестве членов сочетания (***на*** *сего изрядного властителя и воеводу* с. 611), как и в современном русском языке [Санников 2009: 140-141]. Повтор предлога в данных примерах привёл бы к нежелательной для автора двусмысленности.

Примечательно, что если в высказывании встречается три и больше однородных члена, предлог, как правило, повторяется перед каждым членом словосочетания, что не было характерно для древнерусского языка [Klenin 1989: 188].

Словосочетания с тремя и более однородными членами

Авраамий Палицын

Предлог повторяется два раза: *(царіе и Пророцы)* ***со*** *Апостолы и* ***со*** *Архангелы и Ангелы (припадаютъ)* с. 476, ***со*** *архимаритомъ и игумены и* ***съ*** *прочимъ народомъ* с. 500 – Всего 2 примера

Предлог повторяется 3 и более раз: ***отъ*** *воздуха и* ***отъ*** *земли и* ***отъ*** *водъ* с. 485, ***со*** *блудницами и* ***с*** *тимпанницами, паче же* ***со*** *афедронопочителями* с. 489, *не токмо и* ***у*** *простыхъ чади, но и* ***у*** *велможъ, и* ***у*** *властей, и* ***у*** *нарицаемыхъ ложныхъ родителей* ***у*** *царей* с. 494, *(текуще)* ***с*** *протазаны и* ***с*** *алебарды и* ***со*** *инѣми многими оружіи* с. 494, ***(****рещи…)* ***о*** *вразѣхъ Божшихъ и* ***о*** *томъ Ростригѣ и* ***о*** *дѣлѣхъ ихъ* с. 495, ***отъ*** *меча и* ***отъ*** *всякого оружія и* ***отъ*** *смертного пояденія (защищахуся)* с. 502, (*въ лѣсѣхъ)* *и* ***на*** *рѣкахъ и* ***на*** *болотѣхъ и* ***на*** *ржавцѣхъ и* ***на*** *топѣхъ* с. 503, ***у*** *мелива и* ***у*** *возовъ и* ***у*** *дровосѣчества* с. 511, ***въ*** *главахъ и* ***въ*** *чреслахъ и* ***въ*** *трупѣхъ человѣческихъ* с. 511, ***въ*** *дебри непроходимыя, и* ***въ*** *чащи темныхъ лесовъ, и* ***въ*** *пеще-*

ры невѣдомыя, и ***въ*** *водѣ межу кустовъ* с. 511, ***о*** *землю и* ***о*** *пороги и* ***о*** *каменіе и* ***о*** *углы (разбиваху)* с. 514, ***отъ*** *лихоимства и* ***отъ*** *посуловъ и* ***отъ*** *гордости* с. 516, ***во*** *юзы и* ***в*** *темница, и* ***въ*** *смыки и* ***въ*** *хомуты* с. 517 – Всего 13 примеров.

Предлог не повторяется: ***на*** *востоцѣ и югѣ и сѣверѣ* с. 499 – 1 пример.

«Летописная книга»

Предлог повторяется два раза: ***къ*** *таковому злому начинанію и* ***ко*** *лживому ухищренію* ***и*** *богомерскому дѣлу* с. 576 – 1 пример.

Предлог повторяется 3 и более раз: ***со*** *князи и* ***зъ*** *боляры и* ***съ*** *воеводы и* ***с*** *начальники* с. 566, ***во*** *градъ въ Черниговъ и* ***во*** *градъ в Путивль,* ***во*** *все грады Сѣверскыя страны* с. 571, ***на*** *царя Бориса и* ***на*** *царицу и* ***на*** *чадъ* с. 575, ***на*** *такое злое начинаніе и* ***на*** *крестопреступленіе и* ***на*** *начало кровопролитія* с. 576, ***зъ*** *братомъ и* ***съ*** *товарищи своими и* ***съ*** *воинствомъ* с. 576, ***до*** *града Суздаля,* ***до*** *пана Сапѣги и* ***до*** *иныхъ градовъ Москвоскихъ* с. 612, *(написание вкратцѣ)* ***о*** *царѣхъ Московскихъ,* ***о*** *образехъ ихъ, и* ***о*** *возрастѣ, и* ***о*** *нравахъ* с. 619 – Всего 7 примеров.

Примеры, где предлог не повторяется, отсутствуют.

Смоленские тексты

Предлог повторяется 3 и более раз: ***з*** *дворяны и* ***з*** *детми и* ***с*** *архиепископли и с монастырьскими служками…* № 48, ***с*** *посадники и* ***с*** *сошники и* ***с*** *людми* № 48, ***на*** *твоих государевых изменников… на Ивана… да* ***на*** *Ивашку да* ***на*** *Исачку …* № 52 – 3 примера.

Псковские тексты

Предлог повторяется 3 и более раз: ***за*** *Петром Нѣгинымъ да* ***за*** *Иваномъ Банковымъ да* ***за*** *Степаном Тимошовымъ* л. 25 ст. № 23349; ***ко*** *князю Ондрѣю Василевичу Сицкому да* ***къ*** *Ермолу Михаиловичу Бобарыкину да* ***ко*** *дьяком к Третяку Корсакову да к Венедикту Махову* 137 ст. № 23349 – 2 примера.

Итак, если мы говорим о повторяющихся предлогах при однородных членах, то разница между деловыми документами и книжными повестями невелика. Но при этом отметим, что и Авраамий Палицын, и автор «Летописной книги» сознательно избавлялись от повторяющегося предлога в группе **определяемое-определение**, в то время как в деловых текстах того же периода дублирование предлога в атрибутивном словосочетании было ещё весьма распространённым явлением.

Так, в **псковских** челобитных были рассмотрены все примеры с предлогом и постпозицией определения, а также аппозитивные словосочетания. В данных сочетаниях предлоги встретились в 7 из 15 возможных случаев (почти 50%): ***к*** *пропастищамъ* ***к*** *Бо*^{л}*щимъ* № 23349 л. 131; ***с*** *мате*^{р}*ю* ***с*** *моею* № 23350, л. 56; ***за*** *отцом* ***за*** *моим* № 23350, л. 129; **но** ***за*** *о*^{т}*ца моево* № 23350, л. 56 (2 раза) – и т.д.

В **смоленских** текстах было обнаружено 55 предложных двухкомпонентных словосочетаний с одиночным атрибутом, стоящим после определяемого, или с одиночным приложением (напомним, что повтор предлога в древнерусском языке был возможен только при постпозитивном расположении определения и при аппозитиве [Worth 1982: 495-497]). В 28 примерах предлог повторяется (51%): ***на*** *рубеж* ***на*** *литовский (итить не с ким)* № 14*, (кад)* ***с*** *платем* ***с*** *крестьянским* № 76*,* **но** ***с*** *крупами гречневыми* № 76*,* ***в*** *земли пахоноиж* № 33 – и т. д.

В **«Летописной книге»** повтор предлога встречается лишь 9 раз в 188 предложных словосочетаниях с одиночным постпозитивным атрибутом (4,7% случаев): ***исъ*** *пушекъ* ***изъ*** *великихъ (и изъ огненныхъ непрестанно стреляху)* с. 573, *(да будетъ)* ***надъ*** *ними* ***надо*** *всѣми* с. 582, *(грамоты)* ***во*** *градъ* ***въ*** *Черниговъ* с. 571, ***во*** *градъ* ***въ*** *Путимль (связаныхъ поведоша)* с. 575, *(вбѣгоша)* ***во*** *градъ* ***въ*** *Болховъ* с. 589, *(пришедшу ему)* ***на*** *рѣку* ***на*** *Угру* с. 590, ***во*** *градъ* ***въ*** *Торжокъ (входятъ)* с. 595, *(и сошедшимся има)* ***въ*** *селѣ* ***въ*** *Клущинѣ* с. 600, *(положися обозами…)* ***въ*** *селѣ* ***въ*** *Коломенскомъ* с. 601.

В **«Сказании»** Авраамия Палицына дублирование предлога при одиночном определении не встречается. Повтор предлога обнаружен лишь три раза в многокомпонентных атрибутивных словосочетаниях: ***со*** *всею* ***зъ*** *братиею его* с. 478; ***зъ*** *дядею роднымъ,* ***съ*** *Смирнымъ Отрепьевымъ* с. 492, *у нарицаемыхъ ложныхъ родителей у Нагихъ* с. 494.

Учитывая это, можно предположить, что, в отличие от дублирующегося предлога в атрибутивном словосочетании, повтор предлогов при однородных членах, по-видимому, не воспринимался как некнижный, так как он встретился в подавляющем большинстве примеров и в книжных, и в деловых текстах, и разница между текстами различных регистров невелика. Это доказывает, что механизм постановки предлога при определении и при однородных членах был принципиально различным.

Таким образом, и в книжных, и в деловых текстах первой половины XVII в. при однородных членах предлог чаще всего повторяется, что объясняется либо изменениями в языковой ситуации по сравнению с древнерусской эпохой, либо косвенно подтверждает точку зрения Э. Хоргоши о том, что разница в количестве повторяющихся предлогов при однородных членах в древнейших текстах разных регистров была не столь существенна [Хоргоши 1978: 123].

Литература

1. *Борковский В.И.* Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, ЛГУ, 1949. 255 с.
2. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е издание, дополненное и переработанное. М., Языки славянской культуры, 2004. 880 с.
3. Климовская И.И. О некоторых последствиях инверсии исконно постпозитивного определения в истории русского языка // Учёные записки Томского государственного университета. Т. 54. Томск, 1965. С. 78-93.
4. *Кукушкина М.В.* Семен Шаховской – автор повести о Смуте // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1974. М., 1975. С. 75-78.
5. *Лаптева О.А.* Расположение древнерусского одиночного прилагательного // Славянское языкознание. М.: Академия наук СССР, 1959. С. 98-112.
6. *Минлос Ф.Р.* Повтор предлогов в Новгородской первой летописи // Русский язык в научном освещении. № 1. 2007. С. 52-72.
7. Памятники обороны Смоленска 1609-11 гг. / Под редакцией и предисловием *Ю.В. Готье*. М., 1912. 282 с.
8. Русская историческая библиотека. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени / Т. 13. Спб., 1891. 864 с.
9. *Санников В.З.* Согласованное определение // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М., 1968. С. 47 – 95.
10. *Санников В.З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2009. 624 с.
11. *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Изд. 2-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 655 с.
12. *Хоргоши Э.* Некоторые особенности предлогов древнерусского языка (на материале памятников XI-XII вв.) [Электронный ресурс.] URL: http://acta.bibl.u-szeged.hu/1201/1/dissert_slav_ling_015_117-125.pdf (Дата обращения: 12.04.2019).
13. *Klenin E.* On preposition repetition: A study in the history of syntactic government in Old Russian // Russian linguistics. 1989, V. 13. P. 185-296.
14. *Worth D.* Preposition repetition in old Russian // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Essays in Honor of E. Stankiewicz. 1982. № 25/26. P. 495-507.

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ РУССКИХ МЕСТОИМЕНИЙ

Р.Д. УРУНОВА

Казанский федеральный университет, Россия

patova_k@rambler.ru

Ключевые слова: *личные местоимения, указательные местоимения, категория лица, дейксис, дистантность.*

В статье дается описание этапов динамики личных и лично-указательных местоимений в грамматической системе русского языка. Характер изменений местоименного класса рассматривается на основе

дейктической категории, которая отвечает за пространственную координацию коммуникативного акта. Особое внимание уделяется функциональной характеристике местоимений древнерусского и старорусского периодов. На материале письменных памятников восточных славян рассматриваются особенности употребления местоимений для выражения родоплеменных отношений.

RAISA URUNOVA – On the question of the dynamics of the functional semantics of Russian pronouns

Key words: *personal pronouns, demonstrative pronouns, category of person, deixis, distant*.

The article describes the stages of the dynamics of personal and personal indicative pronouns in the grammatical system of the Russian language. The nature of changes in the pronominal class is considered on the basis of the deictic category, which is responsible for the spatial coordination of the communicative act. Particular attention is paid to the functional characteristics of pronouns of the Old Russian and Old Russian periods. On the material of written monuments of the Eastern Slavs, the features of the use of pronouns for the expression of tribal relations are considered.

Языковеды разных стран, изучавшие историю системы языка и местоимения, пришли к выводу, что эти слова являются самыми древними в языке [Гумбольдт 1984, Колесов 2005, Семереньи 1980, Шведова 1998]. Несмотря на это, статус и качество этих слов видятся ученым по-разному. И более того, в некоторых трудах динамика этого класса рассматривается с кардинально противоположными по значимости в системе языка результатами. Одни считают, что местоимения в процессе эволюции утратили свою важность в грамматической системе и превратились в «грамматические пережитки…части речи» [Виноградов 1972: 255], другие, напротив, утверждают, что со временем местоимения «получили самостоятельное значение и сформировались в особую часть речи» [Колесов 2005: 358].

Противоположность оценок свидетельствует о том, что местоимения по своим грамматическим свойствам отличаются от всех остальных слов в языке и не укладываются в привычные схемы. Часто хорошо разработанные в языкознании классификации годятся для описания лишь отдельной части местоимений, качество которых адекватно критериям схемы, остальные же описываются приблизительно, поскольку обладают какими-то особыми с точки зрения классификационных критериев свойствами. Между тем знакомство с научными трудами по истории местоимений не проливает свет на эту проблему, поскольку освещение истории местоименного класса осуществляется через призму критериев его современного состояния. В результате местоимениям, например, древнерусского периода, приписываются свойства и функции, характерные для современного состояния. Нельзя сказать, что это совершенно искажает факты, но все же явно не достаточно для полного представления об этом классе слов.

На наш взгляд, для адекватного описания местоименного класса необходимо выявить, начиная с индоевропейского периода, общие для всех его единиц функциональные признаки, и попытаться обобщить их как свойства местоименной системы по отношению к другим грамматическим классам.

Хотя местоимения являются объектом описания фактически всех известных индоевропеистов, и эти описания занимают значительное место в компаративистике, все-таки обращает на себя внимание факт, что эти слова рассматриваются отдельно друг от друга, несмотря на то, что их называют грамматическим классом [Мейе 1938, Мейе 1951, Семереньи 1980]. Из признаков класса в трудах чаще всего репрезентируется объединение однотипных местоимений в группы-разряды – личные, указательные, возвратные и пр. При этом разряд практически никогда не описывается как таковой, а представляется в виде механически объединенной совокупности отдельных слов, обладающих особыми по отношению друг к другу свойствами и функциями. Такой подход имеет достаточно серьезное основание. Он обусловлен тем, что местоимения обладают релятивными значениями, и каждое из них не просто связано с остальными как часть с целым, а имеет грамматический потенциал, определяющийся

взаимоотношениями внутри класса. Местоимение первого лица единственного числа среди остальных – самое независимое в семантическом плане. Все остальные варианты рассредоточены вокруг него, занимая по отношению к нему строго определенную позицию. Местоимение второго лица определяется относительно первого лица как адресат по отношению к адресанту. Местоимение третьего лица определяется отношениями с вариантами первого и второго лица одновременно как объект речи по отношению к участникам речи. И так далее – все остальные местоименные варианты занимают свою строго определенную позицию в классе: во-первых, относительно первого лица, во-вторых, относительно других местоимений. Это характерно и для так называемых указательных местоимений, которые, хотя и не называют прямо лицо, все-таки осуществляют указание относительно какого-либо из лиц: *этот* – ближе к говорящему, актуализируемому 1-м лицом; *тот* – дальше от говорящего. Таким образом, лицо у указательных местоимений, хотя и косвенно, все-таки репрезентируется, и поэтому все местоимения со значением лица образуют хорошо организованную систему, в которой каждый элемент занимает свое особое место, обладая уникальными по отношению ко всем остальным элементам качествами.

Попытка описать характер динамики местоименной системы приводит к необходимости уделить самое пристальное внимание сравнительно недавно введенной в языкознание категории, получившей название дейксис. Дейксис – это комплекс языковых средств разных уровней, которые актуализируют «“ориентационные” свойства языка, связанные с местом и временем произнесения высказывания» [Лайонз 1987: 291].

Местоимения составляют один из классов элементов языка, которые предназначены для определения «дейктических координат» типичной ситуации высказывания, и это дает основание считать их первичным дейктическим средством по отношению к элементам остальных грамматических классов.

В контексте дейктической категории семантика местоименного лица является синкретичной, поскольку складывается из двух систем:

- системы персональных («ролевых») значений, отражающих функции участников и объектов коммуникации;
- системы пространственного расположения участников и объектов коммуникации.

В современном языке система пространственной координации в семантике личных местоимений заслоняется персональными значениями, в древних же состояниях сравнительно легко отслеживается сложность и четкость местоименной дейктической системы. При осуществлении пространственной координации в коммуникативном акте каждое местоимение выполняло свою дейктическую функцию:

1 лицо - субъект речи, эпицентр речи и ориентир для пространственной координации;

2 лицо – адресат речи, находящийся рядом с говорящим в границах коммуникативного акта.

Местоимения 3-го лица, обозначающие объект коммуникации, представлены в древнем состоянии языка целым комплектом вариантов, семантика которых дифференцировалась разной степенью отдаленности (дистантности) от говорящего, который служил ориентиром для координации [Семереньи 1980: 216-217].

В контексте нашего рассуждения необходимо уточнить название местоимений, которые в традиционной исторической русистике называются указательными (в древнерусском языке *сь, тъ, онъ*). Несмотря на доминирование пространственной семы в их семантике, значение лица не просто входит в состав их признаков, но и выполняет функцию ориентира для выражения степени дистантности от эпицентра речи для обозначаемого объекта. Без значения лица эти варианты утрачивают свою

актуальность как местоименный разряд, поскольку оно является средством их дифференциации. Таким образом, категория лица, хотя и косвенно, но все-таки определяет функциональную семантику этой группы. Учитывая эту особенность, вместо термина «указательные местоимения», на наш взгляд, точнее использовать название «лично-указательные местоимения». И собственно личные и лично-указательные местоимения являются дейктическими по своей функциональной природе.

В индоевропеистике (по Освальду Семереньи) местоимения 3-го лица различаются по четырем степеням дистантности:

I степень – в границах коммуникативного акта рядом с эпицентром речи: у О. Семереньи – «дейксис первого лица (*здесь у меня, этот у меня*)»;

II степень – в границах коммуникативного акта рядом с адресатом речи: у О. Семереньи – «дейксис второго лица (*там у тебя*)»;

III степень – далеко за границами коммуникативного акта, но в пределах видимости коммуникантов: у О. Семереньи – «дейксис близкого предмета (*вот*)»;

IV степень – очень далеко за границами коммуникативного акта и за пределами видимости: у О. Семереньи – «дейксис удаленного предмета (*там*, в отличие от *здесь* и *вот*)» [Семереньи 1980: 216-217].

Исследуя самые ранние письменные памятники восточных славян, ученые в системе лично-указательных местоимений обычно выделяют лишь три вида пространственной дистантности в отличие от четырехчленной индоевропейской системы (П.С. Кузнецов, В.И. Барковский, В.В. Иванов, Г.А. Хабургаев):

По П.С. Кузнецову и В.И. Борковскому [Борковский, Кузнецов 1965]:

1) ближнее указание на «близкое к говорящему» (*сь, си, се, сии*);

2) среднее указание на «близкое к собеседнику (большая степень удаления)» (*тъ, та, то, ти*);

3) дальнее указание на «вообще далекое» за пределами коммуникации (*онъ, она, оно, они*) [Кузнецов 1953: 134].

Функциональный анализ отношений в дейктической системе древнерусского периода показывает, что в качестве средства выражения III-й степени дистантности в текстах восточных славян использовалось местоимение *инъ*.

Исследование особенностей функционирования всей дейктической местоименной системы в памятниках русского языка XI-XV веков позволило выявить семантическую динамику, отражающую адаптацию этой системы к коммуникационным условиям. Лично-указательные местоимения в текстах, продолжая обозначать четыре степени отдаленности от эпицентра коммуникации, в условиях этнической неопределенности приобретают новые смысловые оттенки и используются как средство выражения идентичности лиц по родоплеменным или социальным отношениям через автора текста (либо говорящего). Пространственная близость к говорящему в контексте трансформируется в близость социальных или родственных отношений. Исследование этой коннотативной семантики в масштабах системы дейктических местоимений как раз и позволило установить, что III-ю степень дейксиса в древнерусском языке выражало местоимение *инъ*.

В ранних письменных памятниках русского языка используются следующие местоимения:

1-я степень отдаленности (*сь, си, се, сии*) + сородич, свой, русский, «наш»;

2-я степень отдаленности (*тъ, та, то, ти*) + а) часть, отделившаяся от «наших», от русских; как правило, сородич; б) объекты, находящиеся на каком-то отдалении от «наших»;

3-я степень отдаленности (*инъ, ина, ино, ини*) + а) тоже русский, но не «наш», не сородич, но соплеменник; б) объекты, находящиеся в отдалении часто за пределами видимости участников коммуникации, но дополняющие перечень каких-либо реалий;

4-я степень отдаленности (*онъ, она, оно, они*) + другой, чужой, враг.

Дополнительная коннотация также имеет системный характер, но не является самостоятельной и всегда органично связана с пространственным значением, что хорошо наблюдается в следующем примере: **И ста Володимеръ на сей стороне** (близкой к говорящему), **а печенези на оной** (на другой, противоположной говорящему), **и не смяху си** (наши) **на ону** (печенежскую) **страну, ни они** (печенеги) **на сю** (нашу) **страну** (Летописная повесть о Куликовской битве).

Конечно, в целом система лично-указательных местоимений не всегда хорошо проявляется в памятниках, что и объясняет трудности ее адекватного описания. Отчасти это связано с тем, что тексты неоднократно переписывались и при этом, как правило, «освежались» переписчиками для облегчения чтения. Устаревшие формы заменялись новыми, современными и следовательно более удобными для успешного общения. Вследствие этого старые дейктические средства вытеснялись новыми функциональными вариантами, поэтому в письменных памятниках система родовых отношений часто затмевает старую пространственную систему, теряющую свою важность для грамматического строя языка. В определенной степени это связано с тем, что синтаксические конструкции приобретают четкость выражения, постепенно ослабевает «паратактичность» [Потебня 1941: 237], и функциональная необходимость регулярного выражения пространственных координат в коммуникативном акте постепенно утрачивается. Несмотря на это, некоторые закономерности сохраняются в текстах довольно продолжительное время, что позволяет сделать вывод о характере связи между местоимениями. Так, местоимение *си* всегда обозначает «русские, наши», очевидно, главным образом лиц близких автору текста, даже в тех случаях, когда о них говорят враги, например половцы: **а се нонh на на**^{с} (половцев) **иду**^{т} **послаша с# по всеи земли своеи . а сами поидоша <u>к симъ</u>** (русским) (Суздальская летопись). Врагов никогда этим местоименным вариантом не обозначали, для этого использовалось местоимение *онъ – они*, которое имело заметно выраженный негативный оттенок (интересно отметить, что негативная коннотация до сих пор проявляется в некоторых вариантах современного местоимения *он)*: **Река вы есте поъвели на м# стослава . промышл#ите чимъ выкупити кн#гиню и дhт# . <u>онhм</u>** (провинившимся киевлянам) **же не оумhющи**^{м} **что отвеhщати** (Суздальская летопись).

Таким образом, в восточнославянских текстах XI-XIV веков встречаются следующие функциональные варианты лично-указательных местоимений с двумя видами семантики:

Сь – си: первичная семантика – расположенный близко к говорящему;

вторичная семантика – вместе с говорящим в каком-либо действии, сородич.

Тъ – ти: первичная семантика – расположенный близко к адресату речи;

вторичная семантика – расположенный в пространстве относительно какого-либо объекта, часто сородич.

Инъ – ини: первичная семантика – находящийся с кем-то в отдалении от говорящего;

вторичная семантика – соплеменник, находящийся за пределами коммуникативного акта.

Онъ – они: первичная семантика – находящийся очень далеко за пределами коммуникативного акта и видимости участников коммуникативного акта;

вторичная семантика – противостоящий говорящему, чужой, часто враг.

Описанная выше система местоимений характерна для языков, отражающих родовое сознание. В таких языках для выражения предметов речи используется либо прямая номинация, либо метонимия [Колесов 2005: 636-637]. С течением времени на смену таким средствам выражения приходит более сложная система, отражающая уже так называемое «общественное сознание», для которого характерны метафоры,

идиоматизация и вследствие этого изменение семантического плана категорий [Колесов 2005: 637]. Это характерно и для дейксиса. В самом деле, если в древности объектом коммуникации для человека были только реалии, располагающиеся непосредственно вокруг него, то современный человек, напротив, чаще говорит об объектах, которые находятся за пределами видимости. Это оказывает довольно сильное влияние на языковые средства отображения пространства и времени. Из русского языка постепенно утрачиваются местоимения, являющиеся маркерами степени дистантности объектов вокруг говорящего. Они контаминируются в парадигме одного слова (в именительном падеже – *он*, в остальных *его, ему* и т.д.). В современном состоянии языка этот вариант обслуживает все случаи, когда обозначается объект речи, и не имеет значения, на каком расстоянии от коммуникантов он находится.

Таким образом, из древней целостной системы личных и лично-указательных местоимений образовалось два новых разряда: личные местоимения с доминирующей семантикой участника / неучастника коммуникации и указательные местоимения с пространственной семантикой.

Литература

1. *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка / Под ред. Р.И. Аванесова. М.: КомКнига, 2006. 512 с.
2. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Н.Н. Прокопович, В.А. Белошапкова. 2-е изд. М.: «Высшая школа», 1972. 613 с.
3. *Гумбольдт фон В.* Избранные труды по языкознанию / Под ред. Г.В. Рамишвили. М: Прогресс, 1984. 396 с.
4. *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка / Под ред. А.Т. Хроленко. М.: «Просвещение», 1990. 400 с.
5. *Колесов В.В.* История русского языка / М.: «Академия», 2005. 669 с.
6. *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка: Морфология. Под ред. Р.И. Аванесова. М.: изд-во Московского университета, 1953. 306 с.
7. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику / Под ред. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1987. 542 с.
8. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / Под ред. Р. Шор. М., -Л.: Соц.-экономическое изд-во, 1938. 510 с.
9. *Мейе А.* Общеславянский язык / Под ред. С.Б. Бернштейна. М.: Изд. иностранной литературы, 1951. 491 с.
10. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Глагол, местоимение, числительное, предлог / Под ред. И.И. Мещанинова. М.Л.: Академия наук СССР, 1941. Т.5. 318 с.
11. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание / Под ред. Н.С. Чемоданова. М.: Прогресс, 1980. 460 с.
12. *Сухорукова Н.Г.* Основы теории коммуникации / Под ред. Н.А. Лобанова, В.Н. Скворцова. Новосибирск: НГУЭУ, 2006. 195 с.
13. *Хабургаев Г.А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Изд-во МГУ, 1990. 296 с.
14. *Шведова Н.Ю.* Местоимение и смысл. М.: «Азбуковник», 1998. 176 с.

К ВОПРОСУ О ДОЛГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ В ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВА И ИХ ОТРАЖЕНИИ В ИСТОЧНИКАХ X-XIV ВВ.

Е. А. ЧАЩИНА

Познаньский университет им. Адама Мицкевича, Польша

jelena.c@amu.edu.pl

Ключевые слова: *лексика, лексическое значение, долговые обязательства, Древняя Русь.*

Статья посвящена лексике, связанной с долговыми обязательствами и зафиксированной в русских письменных источниках периода X – XIV вв. Особое внимание уделяется наименованиям должников и кредиторов, долговых расписок. Автором также рассматривается реализация семантики ‘долг’, ‘взыскание долга’ в указанный период. Материалом для исследования послужили законодательные акты, документы договорного характера, а также берестяные грамоты.

ELENA CHASHCHINA -Vocabulary Related To Debt Obligations In The History Of Russian Law And Their Reflection In Written Sources Of The 10th - 14th Centuries

Key words: ***vocabulary, lexical meaning, debt obligations, Ancient Russia.***

The article is devoted to the vocabulary associated with debt obligations and reflected in Russian written sources of the period X - XIV centuries. Particular attention is paid to the names of debtors and creditors, debt receipts. The author also considers the implementation of the semantics of 'debt'. The material for the study served as legislation, treaties, birch bark.

Сведения о должниках содержатся в самых ранних древнерусских текстах, в частности, в договорах Руси с Византией, определявших финансовые обязательства и условия торговли обеих сторон. Договор князя Олега с византийскими императорами Львом и Александром, заключенный в 911 году, содержит статью, предусматривающую выдачу обеими сторонами беглых должников: *О различных ходящих во греки и удолжающих… и ят будеть таковый и възвращен будеть не хотя в Русь* [ПРП 1952: 9].

Лексика сферы долговых обязательств представлена также в таких уникальных источниках, как берестяные грамоты, некоторые из которых представляют собой список лиц, задолжавших своим кредиторам. Так, в грамоте № 789, относящейся к последней четверти XI века, читаем: *Шидовицихъ на Негосеме на Рьжькове зяти гривна. Шидовицихъ у Домана у Тоудорова изгоя 10 кунъ. Городьцьске Вълъцине на Рокыши 6 кун въ Ламе* [Зализняк 1995: 245]. В этом списке указана сумма долга Негосема, Режкова зятя, размером в гривну, Домана, Тудорова изгоя, задолжавшего 10 кун, а также Рокиша из деревни Лама, задолжавшего 6 кун.

В грамотах находят отражение спорные вопросы займа. Например, в грамоте № 238 конца XI – начала XII в. речь идет о несогласии адресанта с суммой долга, ему предъявленной: *...Несъдицеви полъ пяте резане, а мне еси въдале дъве коуне цьто же за мъною твориши [за] мъною осмь коунъ и гривьна.* Приведем перевод текста: «[Ты дал] Несдичу четыре с половиной резаны, а [мне] ты дал две куны. Что же ты утверждаешь, будто за мной восемь кун и гривна». Далее адресант для подтверждения своей правоты выражает готовность *идти на воду*: *Поиди же въ городъ могоу ся съ тобою яти на воду*. Данное заявление означало пройти испытание водою, которое «в одних случаях состояло в том, что испытуемый должен был достать голой рукой кольцо со дна сосуда с кипящей водой, в других – в том, что испытуемого, связанного веревкой, бросали в воду (в последнем случае он признавался невиновным, если шел ко дну, и виновным, если оставался на поверхности)» (Зализняк 1995: 259). Примечательно, что вода назначалась по искам, цена которых была выше двух гривен. По искам меньшей цены достаточно было принести присягу (клятву) [Исаев 2001: 27]. Таким образом, письмо носит эмоциональный характер, автор считает себя невиновным и выражает готовность подтвердить это способами, превышающими необходимость.

Несвоевременный возврат долга приводил к увеличению суммы за счет начисляемых процентов, о чем свидетельствует грамота № 915: *От Рожнета къ Кънятиноу. Вьзялъ еси оу отрока моего Кыеве гривьноу серебра. Присъли коуны. Оже ли не присълеши, то ти въ полы.* Как видим, Рожнет предупреждает Коснятина, что в случае невыплаты долга незамедлительно, ему придется возвратить сумму в полтора раза больше [Зализняк 1995: 243].

Грамота № 241 содержит требование отдать долг в определенный срок: *Отъ Кънятина къ Жьдану. Заплати Стьпаньцю къ Рожеству*. В случае неуплаты долга кредитор намерен обратиться к судебному исполнителю – *отроку*, при участии которого должник потеряет сумму вдвое больше: *Не заплатиши, а на отроке о дъвое того буди* [Зализняк 1995: 260].

Интересным является письмо некой Нежаты, в котором она заявляет, что если она что-либо должна, то пусть адресат присылает судебного исполнителя: *От Нежеке ко Завиду. Чемоу не восолеши чето ти есемо водала ковати. Я дала тобе, а Нежате не дала. Али чимо есемо виновата, а восоли отроко* [Зализняк 1995: 267]. Се-

мантика ‘должен’ нередко реализуется в лексеме *виноват*: *а не виновате есъмь ни векъшею* [Зализняк 1995: 265]. В *Словаре русского языка XI – XVII вв.* фиксируется словосочетание *быти виновату* (кому-либо чем-либо) со значением ‘быть в долгу у кого-либо’: *Аже латининъ дасть русину товаръ свои у дълго у Смольнске, заплатити немчину пьрвее, хотя бы инъму кому виноватъ былъ русину* [СлРЯ 1975: 184]. Словосочетание *не должен ничем* зафиксировано в грамоте № 725, в которой некий Ремши обращается с просьбой о защите, так как он был бит и закован в кандалы, но как он утверждает: *А я емоу не дълъжьне ничимъ* [РПД].

Существительное *долг* используется автором грамоты № 235 Судишей, который пострадал за *братний долг,* так как кредитор его брата направил к нему двух судебных исполнителей – ябетников, *ограбивших* его [РПД]. Данная лексема встречается в составе словосочетания *раздать в долг*: *Ажь ... твориши пришь Соужьдалоу роздаявъ въ дълъгъ* (Грамота № 675) [РПД]. Также фиксируется в составе словосочетания *выкупить из долга*: *А Домажирь побегль нь откоупивъ оу Вяцьслава из долгу.* В данной грамоте под № 510 речь идет о бегстве некоего Домажира, не выкупившего своего имущества [РПД].

Интересным является словосочетание *клочити на себя долгъ* со значением ‘брать на себя, накапливать долги’ [Словарь XI – XVII вв, 7: 180]. Контекст использование глагола *въклъчити* в грамоте № 742, по мнению А.А. Зализняка, позволяют предположить для этого глагола значение ‘закупить в долг’ [Зализняк 1995: 269-270].

Долговая расписка в берестяных грамотах именуется лексемой *должница.* В грамоте № 449 читаем: *От ... ко Тоудъроу изяла еста мою дъложьницоу оу Ярышевъ: възяла еста оу неи 6 гривьнъ. И есть въ дъложениць.* Приведем перевод текста: «От … Тудору. Вы (двое) взяли деньги по моей долговой записи у Ярышевых. Вы взяли по ней 6 гривен. А еще [остается] в долговой записи [РПД].

Вопросы займа и дальнейшей судьбы несостоятельных должников оговаривались в основном законодательном акте Древней Руси – *Русской Правде*. В статье 54 купцам, потерявшим товар, взятым в долг, предоставлялись некоторые льготы в том случае, если это происходило не по их вине: *Аже которыи купец шед кде любо с чюжими кунами, истопиться, любо рать возметь, ли огнь, то не насилити ему, ни продати его* [ПРП 1952: 11]. В данной статье семантика ‘взятыми в долг’ здесь реализуется в словосочетании *с чюжими кунами.* Глагол *истопиться* имел значение ‘потерпеть кораблекрушение’. Как видим, здесь речь идет о кораблекрушении, пожаре, нападении чужого войска, то есть о событиях, не зависящих от воли купца. Следует заметить, что такого рода предоставляемые льготы имели большое значение, так как должник отвечал перед кредитором не только своим имуществом, но и самим собой: «Когда должник окажется несостоятельным, то продается на торгу, а вырученные за него деньги делятся между кредиторами» [Самоквасов 1908: 413]. Историк А.А. Зимин отмечает: «Обанкротившийся купец отвечал личностью за сделанные долги. Однако, очевидно, при передаче его кредитору он сохранял за собою права выкупа, то есть отработки или выплаты сделанных долгов» [ПРП 1952: 163]. Однако, несмотря на некоторые существовавшие возможности выйти из состояния должника, неоплаченный долг, наряду с военным пленом, покупкой рабов, являлся в рассматриваемый период одним из главных источников рабства. В статье 55 *Русской Правды* под названием *О долге* говорится: *Аже кто многим должен будеть… а опять начнет не не дати гости кун, а первые должебити начнуть ему запинати, не дадуче ему кун, то вести и на торг, продати же* [ПРП 1952: 114]. Глагол *запинати* имел значение ‘препятствовать’. В данном фрагменте устанавливается порядок выплаты долгов различным кредиторам, с этой целью предусматривается продажа на торгу имущества должника и его самого, а также возврат вырученных денег кредиторам. В этой статье встречаем интересное существительное *должебит* со значением ‘кредитор’.

Однако данная лексема имела также значение ‘должник’: *Аже кто изотьметь дължьбита у смолнянина въ Ризе, или на Гътьскомь березе, то тому за нь платити, кто и изетялъ* [СлРЯ 1977: 301]. Глагол *должебити* означал ‘взыскивать долг, проценты по нему’ [Исаев 2001: 39]. Таким образом, существительное *должник* хорошо известное нам со значением ‘должник’ имело также второе значение – ‘кредитор’ [СлРЯ 1977: 302]. Наличие двух значений у данного существительного подтверждает также И.И. Срезневский: *дължьникъ* – ‘должник’, ‘заимодавец’ [Срезневский 1893: 758].

Купец, оказавшийся должником, становился изгоем. Изгои причислялись к группе зависимых людей и находились под патронатом церкви. В *Уставе князя Всеволода Мстиславича* фиксируется: *А се церковные люди; изгои трои: попов сын грамоте не умееть, холоп из холопьства выкупится, купець одолжает* [ПРП 1953: 168]. Традиционно к изгоям относят группы людей, выпавших по какой-либо причине из своей социальной группы. М.А. Дьяконов обращает внимание на происхождение этого слова, образованного от глагола *гоить* – ‘жить’. В современных говорах *гоить* – ‘заботиться о ком-либо, вскармливать кого-либо’: *А хлеба нет, чем детишек гоить* [СГРС 2005: 64]. Приставка *из-*, означает исключение, изъятие. Исследователь отмечает: «По понятиям древности *жить* значит иметь средства к существованию. Поэтому *жизнь* и *живот* обозначают имущество» [Дьяконов 1908: 113]. Таким образом, *изгой* - человек, лишенный средств к существованию и нуждающийся в помощи и покровительстве.

Долговые обязательства возникали, как правило, на основе займа. Заем осуществляли не только купцы, но и свободные земледельцы. Историк Д.Я. Самоквасов отмечает: «Свободный человек при желании занять и начать возделывать дикую землю своим личным трудом сталкивался с определенными трудностями: занятую землю нужно было расчистить от леса и кустарника, вспахать и засеять, а для этого нужны были орудия труда, рабочий скот, семена, сооружения для хранения урожая и жилище для его самого и его семьи. Так как для этого средствами он не обладал, то вынужден был обращаться к состоятельным землевладельцам за всем этим как к кредиторам» [Самоквасов 1908: 291]. Таким образом, наемные земледельцы становились должниками своих хозяев-кредиторов, так как необходимый им инвентарь, скот, семена для посева они брали в долг. Заметим, что здесь сочетались два процесса - найма и займа, и особенность такого договора состояла в том, что крестьянин получал от своего хозяина или господина ссуду в виде займа и обязывался выплатить ее своей работой.

Именно займ приводил крестьян в состояние должников, так как, как правило, он осуществлялся под проценты. В *Русской Правде* говорится о *рядовиче*, *закупе* и *наймите* как о категориях наемных работников. Слово *рядович* является более ранним и связано с существительным *ряд* – ‘договор’. Скорее всего, они и были наемными работниками, но при этом являлись зависимыми людьми. В случае расторжении договора они становились должниками и именовались лексемой *вырядок*. Глагол *вырядити* –‘ расторгнуть договор, соглашение’. В Ипатьевской летописи говорится: *И посажа посадникы свои Глебъ Гюргевичь по Посемью за полемъ и ту выряди половчи мнози* [СлРЯ 1976: 245].

Во второй половине *Русской Правды* уже используется лексема *закуп*, которая связана со словом *купа* – ‘долг, выкупная сумма закупа (от слова *купить*)’, которую он выплачивал или деньгами или погашал своей работой на кредитора. С течением времени закуп терял право выхода на свободу путем выплаты *купы* и платил хозяину оброк [ПРП 1952: 165].

Та сумма, которую получал крестьянин при найме от своего хозяина, именовалось лексемами *дача*, *милость, отарица и покрута.* В статье 111 *Русской Правды*

Пространной редакции говорится: *А въ даче не холоп, ни по хлебе роботять, ни по придатъце, но оже не доходять года, то ворочати ему милость* [ПРП 1952: 119]. Существительное с предлогом *въ даче,* позднее преобразовавшееся в существительное с приставкой *в- вдача,* имело значение ‘заем, которым кредитор обеспечивал себе работника’ [Исаев 2001: 20]. В этой статье *Русской Правды* законодательно закрепляется право закупа уйти от своего хозяина при условии выплаты взятой суммы. В более позднем документе - *Митрополичьем правосудии* подтверждается право ухода такого крестьянина, который именуется уже *наймитом,* однако сумма выплаты удваивается: *А се ... челядинъ наимитъ не похощет быти, ...несть ему вины, но дати ему въдвое задаток* [Митрополичье правосудие]. Существительное *наймит* в древнерусский период означало не только наемного работника, но и должника - человека, отрабатывающего *нам (найм)* – ‘проценты по займу’. Историк права В.В. Момотов указывает на то обстоятельство, что значение ‘проценты по займу’ появилось раньше, а значение найма как аренды фиксируется только в XIV. Исследователь в этой связи пишет: « Значение словоформы «намъ» не изменялось на протяжении второй половины XI в. – XIII вв. В XIV – XV вв. значение термина «намъ» изменяется. Оно начинает употребляться уже не в качестве процентов в договоре займа, а в качестве «найма» в договоре имущественного и личного найма» [Момотов 2003: 291].

Существительное *отарица* употреблялось со значением ‘имущество закупа, которое могло быть ему дано его господином в долг’. В правовом отношении это имущество защищалось как личная собственность: *Оже господинъ переобидить закупа, а увередитъ вражду его или отарицю, то ему воротити* [Исаев 2001: 68]. *Покрута* – ‘ссуда в виде денег, хлеба или орудий труда, который получал крестьянин от феодала’: *покрута имать на изорники, ино гсдрю у князя и у посадника взять пристав* [СлРЯ 1990: 181].

Как видим, в соответствии с постановлениями *Русской Правды* свободный человек, ставший закупом, мог уйти от своего господина, мог также иметь свою собственность, охранявшуюся судом, мог свидетельствовать в судах, в отличие от раба, чьи показания в судах, как правило, за редкими исключениями, не принимались. Но при этом он находился в значительной зависимости от своего господина: тот имел право бить закупа, если по его мнению тот провинился, кроме того, нес ответственность за преступления, им совершенные и мог превратить его в полного раба за правонарушения или бегство [Самоквасов 1908: 305].

В *Митрополичьем праве* говорится: *а побежитъ от сподаря выдати его осподарю в полницу* [Митроличье правосудье].

Особое место в правовых документах занимают условия взыскания долгов. Глагол *должебити* означал ‘взыскивать долг, проценты по нему’ [Исаев 2001: 39]. В *Договоре Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами 1189 – 1199 гг.* в статье 10 говорится: *Оже емати скот варягу на русине или русину на варязе, а ся заприть, то 12 мужь послухы идеть роте, възметь свое* [ПРП 1953: 126]. Словосочетание *емати скот* – означало ‘взимать деньги с должника’. Глагол *ся заприть* имел значение ‘запираться, отказываться платить долг’. Как видим, в случае отказа уплаты должник должен был предстать перед 12 лицами, выступавшими в качестве свидетелей, и дать клятву.

Словосочетание *имать своего истца в своем серебре* означало ‘взыскивать с ответчика деньги, данные им в ссуду, заем’. В статье 74 читаем: *А кто почнет имать своего истца в своем сребре до зарока, ино ему гостинца не взять. А на коем сребро имати, и тот человек до зароку учнет сребро отдавать, кому виноват, - ино гостинца дать, по счету ему взяти* [ПРП 1953: 296]. Приведем перевод фрагмента: «Если кто-либо будет взыскивать с ответчика деньги до истечения срока (погашения ссуды), то он теряет при этом право на получение процентов. Если должник захочет

возвратить кредитору деньги, взятые им в ссуду, до истечения срока (ее погашения), то он обязан заплатить и проценты, которые кредитору следует получить по рассчету» [ПРП 1953: 316]. Глагол *сочить* – ‘искать наком-либо, взыскивать по суду’: *Сочита у Коромана сукьно сорокъ лисичь сорок шесть бебороков* [СлРЯ 2002: 268]. В *Псковской судной грамоте* в статье 28 говорится: *А кто на ком имет сочить съсунаго серебра по доскам..* [ПРП 1953: 289]. Перевод: «Если кто-либо станет взыскивать денежную ссуду в соответствии с договором». Словосочетание *съсудное серебро* – ‘деньги, отданные в ссуду, заем’. Частный акт, расписка, обычно содержавшие долговые обязательства, однако формально не утвержденные, именовались лексемой *доска.* М.Н. Тихомиров считает, что данное название связано с тем, что долговые расписки записывались в книгу, снабженную переплетом из досок [ПРП 1953: 339].

Со значением ‘взыскание (денег, налогов, долгов)’ использовалось слово *правеж*: *А будеть правежь на монастырскомъ человеце, ино править архимандричь приставъ* [СлРЯ 1992: 105]. Глагол *правити* – ‘взыскивать долг по обязательству, по приговору суда’: *Аже будеть смолнянину немьчичь дължьнъ въ Ризе или на Гъть-скомь березе, правити ему, поемъши детьскыи у судье* [СлРЯ 1992: 112].

Таким образом, договорные обязательства займа приводили к появлению должников, которые именовались лексемами *должник*, *должебит*, *рядович*, *вырядок*, *закуп*, *наймит*. Слова *должник* и *должебит* обозначали также и кредитора. Сумма, дававшаяся в заем, в деньгах, хлебе, инвентаре, обозначалась существительными *купа*, *дача*, *милость*, *отарица, покрута*. Долговые документы именовались лексемами *доска* и *должница.* Семантика ‘взыскивать долг’ реализовывалась в глаголах *должебити*, *сочить*, *править*. Также использовались словосочетания с глаголом *имати: имати скот*, *имати серебро* на своем должнике, *имати в своем серебре*, обозначавшие требования возврата долга. Судебные исполнители, участвовавшие в процессе взыскания долга, именовались лексемами *отрок, ябетник* и *пристав.* В данной статье мы коснулись только части лексического состава, относящегося к заявленной теме. На наш взгляд, она представляется чрезвычайно интересной и заслуживает дальнейшего изучения.

Литература

1. *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя. СПб, 1908
2. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 1995
3. *Исаев М.А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов. От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М.: Спарк, 2001 Митрополичье правосудие [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/mp.htm. Дата последнего обращения 28.05.2019
4. *Момотов В.В.* Формирование русского средневекового права в IX – XIV вв. М.: Зерцало – М, 2003
5. Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова. Вып 1. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952 (ПРП)
6. Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова. Вып 2. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953
7. Рукописные памятники Древней Руси. Древнерусские берестяные грамоты [Электронный ресурс]. URL: http://gramoty.ru/birchbark/. Дата последнего обращения 30.05.2019 (РПД)
8. *Самоквасов Д.Я.* Курс истории русского права. М.: 1908
9. Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Т. III. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005 (СГРС)
10. Словарь русского языка XI – XVII вв. / Под ред. С.Г. Бархударова. Вып. 2. М.: Наука, 1975 (СлРЯ)
11. Словарь русского языка XI – XVII вв. / Под ред. С.Г. Бархударова. Вып. 3. М.: Наука, 1976
12. Словарь русского языка XI – XVII вв. / Под ред. С.Г. Бархударова. Вып. 4. М.: Наука, 1977
13. Словарь русского языка XI – XVII вв. / Под ред. Г.А. Богатовой. Вып. 16. М.: Наука, 1990
14. Словарь русского языка XI – XVII вв. / Под ред. Г.А. Богатовой. Вып. 18. М.: Наука, 1992
15. Словарь русского языка XI – XVII вв. / Под ред. Г.А. Богатовой. Вып. 26. М.: Наука, 2002
16. *Срезневский И.И.* Материалы для древнерусского словаря по письменным памятникам. Т. I. СПб, 1893

ՌՈՒՍԵՐԵՆԻՑ ԱՆՑԱԾ ՓՈԽԱՌՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԲԱՌԱԻՄԱՍՏԱՅԻՆ ԶԱՐԳԱՑՈՒՄՆԵՐԸ ՍՅՈՒՆԻՔ-ԱՐՑԱԽ ԲԱՐԲԱՌԱԽՄԲԻ ԲԱՌԱՊԱՇԱՐՈՒՄ

Մ.Ս. ՔՈՒՄՈՒՆՑ

Գորիսի պետական համալսարան, Հայաստան

prof1972@mail.ru

МГЕР КУМУНЦ – Речевое развитие заимствований из русского языка в лексике диалектов Сюник-Арцах

Ключевые слова: *диалект Сюник-Арцах, русское заимствование, сложный глагол, идиома, аффикс, словообразование, лексика.*

В лексике диалектов Сюник-Арцах есть много заимствований из русского языка. В диалектах заимствования из русского отличаются от заимствованных слов и терминов литературного армянского языка. Большинство этих заимствований в диалектах превратилось в обычные слова, и с их помощью образовались сложные глаголы, идиомы и т.д. Из всех диалектов армянского языка лексика диалекта Сюник-Арцах больше всех заимствовала слова из русского. Причина в том, что еще в XIX-XX вв. Сюник и Арцах находились в составе Российской империи. Впоследствии, в годы советской власти, число этих заимствований увеличилось. В диалектах Сюник-Арцах до нынешнего времени довольно много заимствований из русского языка, которые используются в разных областях социальной жизни.

MHER KUMUNTS – Vocabulary-Meaningful Developments Of Borrowings Passed From Russian Language In Syunik-Artsakh Dialectical Vocabulary

Key words: *Syunik-Artsakh dialect, russian borrowing, compound verbs, idiom, affix, word formation, vocabulary.*

There are many russian borrowings in Syunik-Artsakh dialectical vocabulary. In dialect russian borrowings are different from borrowings of literary Armenian language. Most of this borrowings have become usual words from which were formed compound verbs, idioms, etc.

Syunik-Artsakh dialectical group of Armenian dialects has the most russian borrowings. The reason is that in the 19-20th centuries Syunik and Artsakh were under the domination of the Russian Empire. Later, in the years of the Soviet Union, the number of these borrowings increased.

Till now there are many borrowings in Syunik-Artsakh dialectical group and they are used in different spheres of social life.

Սյունիք-Արցախ բարբառային բառապաշարի՝ ռուսական և ռուսերենի միջնորդությամբ անցած փոխառությունները լեզվական բազմաթիվ հատկանիշներով տարբերվում են մյուս փոխառություններից, որ կատարվել են արևելյան լեզուներից՝ պարսկերենից, արաբերենից, թյուրքերենից, այլև գրական և այլ տարբերակներից: Ռուսական փոխառությունների մուտքը բարբառային բառապաշար պայմանավորված է նաև արտալեզվական և լեզվական բազմաթիվ պատճառներով: Դրանցից բացի՝ հատկանշական են բարբառային միջավայրում արձանագրվող սոցիալական կյանքի փոփոխությունները:

Ռուսական փոխառություններին վերաբերող ուսումնասիրությունները հիմնականում ընդգրկում են գրական հայերենը: Բարբառագիտական բնույթի աշխատանքներում ռուսական փոխառությունների հարցը հիմնականում սահմանափակվում է բառարանային ցանկով:

Բարբառին անցած ռուսական փոխառությունների ուսումնասիրությունը բառակազմության և իմաստաբանության մակարդակներում կարող է պատկերացում ձևավորել այն մասին, թե որքանով են դրանք ամրակայված բարբառային բառապաշարում, ինչ նոր հասկացություններ են առաջ բերել, որոնք են բարբառին բնորոշ լեզվաբանական այն գործոնները, որոնցով տարբերակվում են Սյունիք-Արցախ բարբառախմբի ռուսական փոխառությունները:

Գրական լեզուն ռուսերենից փոխառել է գիտության, քաղաքականության, տնտեսության, մշակութի և այլ բնագավառներում գործածվող բազմաթիվ բառեր, որոնք տեղակայվել են հայերենի բառապաշարում նախ՝ որպես պատճենված

տերմիններ, ապա՝ բառային, իմաստային, մասամբ նաև ձևաբանական ամբողջությունը պահպանած փոխառություններ[3]: Հայերենին և Սյունիք-Արցախ բարբառախմբին անցած ռուսական և ռուսերեն ձև ու համապատասխան բովանդակություն ունեցող փոխառությունները մեծ մասամբ անցել են գրավոր ճանապարհով: Բարբառային բառապաշարի՝ ռուսական փոխառությունների կազմի ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ քիչ չեն նաև բանավոր ճանապարհով անցած փոխառությունները. որոշները տեղ են գտել միայն Սյունիք-Արցախ բարբառային բառապաշարում՝ *обруч* «տակառագոտի»՝ **օբռուժ**, вообще «ընդհանրապես»՝ **վափշէ** և այլն: Շատ բառեր էլ բարբառախմբում այնպիսի ձևեր են ստացել, ինչպիսիք չեն հանդիպում հայերենի մյուս տարբերակներում, օրինակ՝ кран «ծորակ»՝ **կըռանդ**, крючок «կեռիկ, ճարմանդ»՝ **կըռըճօկ** || **կուռուճօկ**, градус «ջերմաչափ, աստիճան»՝ **կըռանդուզ,** тарелка «ափսե»՝ **տալէրք** և այլն:

Բարբառը գրավոր ճանապարհով այլ բառեր սովորաբար չի փոխառում, բայց ռուսերենի պարագայում չենք կարող այդ երևույթը բացառել: Գրական հայերենի միջնորդությամբ և մասամբ անմիջականորեն բարբառախմբին անցած ռուսերեն բառերի որոշակի խումբ կրել է բարբառային բառակազմական և ձևաբանական հատկանիշներ, որոնք չեն հանդիպում գրական լեզվում: Այդպիսիք լեզվաբանական գրականության մեջ հիմնականում չեն ընդգրկում փոխառությունների շարքում, բայց բառակազմական և իմաստաբանական վերլուծությամբ զատվող բաղադրիչներ կան, որ ընդգրկվում են բառապաշարի փոխառությունների կազմում:

Կարծում ենք, որ բառակազմական, իմաստաբանական, ձևաբանական փոփոխություններ կրած ռուսական փոխառությունները առավելապես անցել են խոսակցական շփման ճանապարհով՝ ռուսերեն > գրական հայերեն > ժողովրդախոսակցական լեզու > բարբառ, ռուսերեն > ժողովրդախոսակցական լեզու > բարբառ, ռուսերեն > բարբառ, քանի որ, ինչպես քննություն է ցույց տալիս, դրանք որոշակի մակարդակի վրա կատարված փոխառությունների համեմատ ինչ-որ չափով յուրացվել են բարբառախմբում և որոշակի տարածում ունեն արևելահայ լեզվի տարբերակներում:

Սյունիք-Արցախ բարբառախմբին անցած ռուսական փոխառությունները, ըստ գործառական և կառուցվածքային[4] հատկանիշների, հիմնականում բաժանվում են երկու խմբի՝

1. փոխառություններ, որ ունեն և՛ ինքնուրույն գործածություն, և՛ հանդես են գալիս կապակցությամբ;

---

[3] Այս ամենի մասին կարելի է տեսնել՝ *Ղազարյան Ս.Ղ.* Ժամանակակից հայոց լեզուն և ռուսերենի դերը նրա հարստացման ու զարգացման մեջ, ԳԱ հրատ., Եր., 1955:

[4] Բարբառախմբին անցած ռուսական փոխառություններին վերաբերող այս բաժանումը հատկանշական է: Ըստ Է. Հաուգենի՝ փոխառությունները՝ որպես բառային միավոր-կառուցվածքներ, բաժանվում են երեք խմբի՝ փոխառություններ (loanwords), որ կրում են փոխատու լեզվի ձևն ու բովանդակությունը, խառը փոխառություններ (loanblends), որ մասամբ ունեն փոխառու լեզվի բառակազմական և քերականական հատկանիշները, և հասկացության փոխառություններ (loanshifts), այսինքն՝ փոխառվել են հասկացությունները (այս մասին կարելի է տեսնել՝ *Haugen E.* The analysis of linguistic borrowing, “Language”, vol. 26, N. 2, Apr. - Jun., 1950, p. 214-215, *Ասլանյան Ս.Ա.* Ժամանակակից հայոց լեզվի տերմինաբանության հարցեր, Ակնարկներ ժամանակակից հայոց լեզվի բառագիտության և տերմինաբանության, ԳԱ հրատ., Եր., 1982, էջ 201-202):

2. փոխառություններ, որ զուրկ են ինքնուրույն գործածությունից և դրսևորվում են միայն բարբառախմբի բառակազմական միջոցներով, հիմնականում՝ գործողություն՝ եղելություն, շարժում արտահայտող բայերով:

Առաջին խմբի բառերը, որ կրում են բարբառիս հնչյունական, բառակազմական, քերականական հատկանիշներ, համեմատաբար քիչ են՝ ***фук*** «առնելը, վերցնելը (շաշկի խաղում)», այստեղից՝ **փուկ > փուկ անել** «դուրս թողնել, վերցնել, մասնակից չդառնալ», **печать** «կնիք»՝ **փի/էչատ > փի/էչատէ, փիչատը թըխել** «1. կնքել, 2. հաստատել» և այլն: Այս խմբի բառերը չեն կարող դիտարկվել որպես բուն փոխառություններ, որովհետև մասամբ կրում են այսպես ասած «խառը փոխառություններին» բնորոշ վարք. դրսևորում են փոխառու լեզվին մերձենալու հատկանիշներ. նրանցով նոր բառեր են կազմվում: Տեսականորեն պետք է տարբերակել նման փոխառությունների գործածության ոլորտը:

Երկրորդ խմբի բառերը բարբառախմբում մասնակցում են նոր հասկացությունների ձևավորմանը, բայց նրանք ամբողջապես փոխառված չեն, այսինքն՝ գործածվում են կապակցություններում: Ռուսերենից անցած փոխառությունները բառ-հասկացության ձևավորմանը մասնակցում են տարբեր միջոցներով. ***Փոխառություն+բայական հարադիր***՝ **տօշկա փըռնէլ** «1. դիրքավորվել, 2. թիրախավորել», ***փոխառություն+ածանց***՝ **ղարավուլչօթուն** «1. պահակություն, 2. հսկում», ***փոխառություն+ածանց+բայական հարադիր՝ բայակօթուն անէլ*** *«ցոփ ու շվայտ կյանք վարել»*, ***նոր իմաստ ստացած փոխառություն***՝ **ասմօշկա** «կտոր, պատառ, փշուր» *(осьмушка «մի ութերորդ ֆունտ») և այլն:* Սրանցից առավելապես տարածված է **փոխառություն+բայական հարադիր** կաղապարը:

Բառակազմության հարադրական միջոցը մեծապես բնորոշ է բարբառներին: Այս հիմունքով՝ Սյունիք-Արցախ բարբառախմբում ռուսական փոխառություններից **անէլ** բայի հարադրությամբ նոր հասկացություններ են առաջ եկել, ինչպես՝ ***բաստուրմա***[5] ***անէլ*** *«1. միսը ապախտել, 2. միսը կտրտել, համեմել աղով և սոխով՝ խորովելու համար»*, ***ուժին անէլ*** *«ընթրել»*, *ցէպ անէլ «1. շրջապատել, 2. արգելել»*, ***աբօրտ անէլ*** *«արհեստական վիժում կատարել»*, **ագիտացա անէլ** «1. տեղեկություն տարածել, 2. համոզել» և այլն:

Բառային փոխառությունները հարադրական կազմության մեջ այլաբանական իմաստների հենքով դարձել են դարձվածքների բաղադրիչներ՝ **աղրէսը կուրցընէլ** «1. մոլորվել, 2. ինչ անելը չիմանալ», **ազարտը ինգէլ, ազարտի մէջ ինգէլ** «ինքնամոռացության մեջ ընկնել», ***ախ/կտը կապէլ*** *«1. մահվան շեմին լինել, 2. վերջը գալ, 3. պաշտոնանկ արվելուն մոտ լինել»*, ***բաստուրմա կէրած կատու*** *«ինքնագոհ, բարձր տրամադրությամբ անձ»*, ***բաստուրմա օտէլ*** *«միսը, աղով, սոխով, պղպեղով համեմված լինելով, փափկել, պատրաստ լինել խորոված՝ համար»*, ***նօս տրէռնալ*** *«1. տեղի տալ, պարտվել, 2. ստորանալ»*, ***մուզեյում տինիլի*** *«հազվագյուտ, չտեսնված իր»*, ***չաշկա-լօշկա լինել/անէլ*** *«սիրախաղ ունենալ, սիրաբանել, մտերմանալ»*, ***պուբլիկացի շինիլ*** *« խայտառակել»*, ***պուբլիկացի տրէռնալ*** *«հրապարակավ խայտառակվել»*, ***տուդի-սուդի անել*** *«1. մտա-*

---

[5] Бастурма «копчёное, вяленое мясо» ռուսերենին հավանաբար անցել է թուրքերենից՝ pastırma (bas>basmak) «ապխտած միս»: Բարբառախմբին անցել է ռուսերենի միջնորդությամբ: Առավելապես տարածված է **բաստուրմա տինէլ**:

մոլոր գնալ գալ, 2. այսկողմ-այնկողմ ընկնել, 3. կամուկացի մեջ լինել, 4. տարբեր միջոցներ ձեռնարկել»:

Ռուսական փոխառություններին բարբառախմբի ածանցներից կցվում են՝ **-օթուն՝ աբէշ/չ/իգ/կօթուն** «անտառապահություն», ***ափէրիստօթուն*** *«խարդախություն, խորամանկություն»,* ***բասյակօթուն*** *«ցոփ ու շվայտ կյանք վարելը», խամօթուն,* ***-ավօր || ավէր՝ պագօնավէր*** *«1. ուսադիրներ կրող, 2. պաշտոնյա, 3. զինվորական»,* գալստուկավէր «1. փողկապավոր, 2. պաշտոնյա» *և այլն: Ռուսերենի* **-ик** ածանցը, որին համանիշ է հայերենի և բարբառախմբի **-իկ**-ը, հիմնականում մթագնել է փոխառության կազմում՝ ***բանթիկ***[6] *«ժապավեն», այլն՝* ***կոռժիկ, ժուլիկ, լիփչիկ, կար/ռտօժնիկ*** *և այլն:*

Ռուսական փոխառությունների մեծ մասը ինչպես գրականում, այնպես էլ բարբառախմբում մենիմաստ է, տերմինի արժեք ունի, որն էլ սահմանափակում է բառի կամ հասկացության բառակազմորեն և իմաստաբանորեն ծավալվելու հնարավորությունները: Այդպիսիք Սյունիք-Արցախ բարբառախմբում սովորաբար հանդես են գալիս կապակցության մեջ, կրում բարբառախմբին բնորոշ բառակազմական ու քերականական կանոնները հարադրության կազմում: Այդ միջոցով դրանք դառնում են սովորական բառեր՝ ենթարկվելով բառաբարդման, ածանցման, նոր իմաստ են ստանում կամ փոխառության իմաստից ածանցված նրբիմաստ են ստանում, որ հիմնականում բացակայում է փոխատու լեզվում կամ հայերենի գրական տարբերակում[7]: Այսպես՝ ***азиатский*** *«ասիական» ածականից է* ***ազյաթսկի դօք/խթուր*** *«հեքիմ», որ ասվում է* ***բժշկից*** *տարբերելու համար,* ***болгарский*** *«բուլղարական» ածականից կազմված է* ***բալգարբսկի տախտէխ*** *«փոքր ու շատ կծու տաքդեղ» և այլն:*

Առանձին խումբ են կազմում ռուսերենից անցած բազմաթիվ բայեր՝ բայական լծորդիչներով, որ բարբառախմբում բայական **անէլ, ինէլ, տաՙռնալ** *և այլ բայերի հարադրությամբ արտահայտում են այն իմաստները, որ առկա են փոխատու լեզվում, ինչպես՝* ***отравить*** *«թունավորել» բայով կազմվել են* ***ատրավից/տ անէլ*** *«թունավորել»,* ***ատրավից/տ ինէլ*** *«թունավորվել»,* ***тянать> тянуть*** *«1. խթել, 2. բռնել, 3. կոպտել, 4. խմել, 5. գողանալ» բազմիմաստ բառից է* ***ծապնուտ անէլ*** *«կոնծել, գլխին քաշել» և այլն: Ինչպես նկատում ենք, բայական հարադրության մեջ փոխառության քերականական իմաստը մթագնած է, և այդպիսիք բարբառախմբում հանդես են գալիս որպես հարադիր բայի անվանական բաղադրիչ՝* ***оформить*** *«ձևակերպել»՝* ***ափօրմիտ անէլ*** *«որևէ ձևակերպում անել»,* ***бомбить*** *«ռմբակոծել»՝* ***բամբիտ անէլ*** *«ռմբակոծել»,* ***блестеть*** *«փայլել»՝* ***բլլէստիտ անէլ*** *«1. փայլել, պսպղալ, 2. երևալ, աչքի զարնել»,* ***буянить*** *«աղմկել»՝* ***բույանիտ անէլ*** *«ընդվզել», այդպես և՝* ***դաբավիտ անէլ*** *«ավելացնել, լրացնել»,* ***դակազատ անէլ*** *«ապացուցել»,* ***զբվանիտ անէլ*** *«զանգահարել»,* ***զուբրիտ***[8] ***անէլ*** *«1. անգիր սովորել, 2. հիշել»,* ***կատաց/ա/ անէլ/ինէլ*** *«զբոսեցնել մեքենայով, սլանալ տարբեր ուղղություններով»,* ***կօրմիտ անէլ*** *«սնել, բտել»,* ***կօրմիտ բրած*** *«պարարտ»,*

---

[6] *Բարբառախմբի* ***բանդ*** *«կապ» պարսկերենից անցած բառը չունի -իկ-ով ձև:*

[7] Չնայած դրանք դարձել են կայուն կապակցություններ, բայց դժվար է ոճական որևէ խմբի մեջ տեղավորել: Նման կազմությունները հարադիր բայերի, դարձվածքների, շրջասույթների միջակայքում են:

[8] Ռուսերենի խոսակցական տարբերակից է, որի պատճենմամբ բարբառախումբն ունի գրականից անցած հնացած ձևերը՝ **բերանացի ասել, բերան անել** «սերտել, անգիր սովորել»:

կրլէյիտ անել *«1. սոսնձել, 2. մեկին համոզել՝ իր կողմը գրավել»,* ***կրլէյիտ ինիլ/տրէռնալ*** *«1. սոսնձվել, 2. մեկին համոզել»,* ***մէշատ անել*** *«խանգարել»,* ***մինավատ անել*** *«ականապատել»,* ***նակազատ անել*** *«պատժել, հախից գալ»,* ***յավից ինիլ*** *«ներկայանալ, ներկայանալ ըստ կանչի»,* ***նէրվէ/իչիտ անել*** *«ջղայնացնել»,* ***պադավատ անել*** *«մատուցել, հյուրասիրել»,* ***պանիկավատ անել*** *«խուճապ ստեղծել»,* ***պապըրավիտ անել*** *«մազերը կտրել»,* ***ժարիտ անել/ ինել*** *«տապակել, տապակվել»,* ***սուդիտ անել*** *« դատել» և այլն:*

Տարբեր խոսքի մասերից նույնպես ստեղծվել են բայական հարադրություններ, ինչպես՝ ռուսերենի խոսակցականում տարածված ***աբշոհ*** *«առաջ անցնելը» բառից է* ***ավգօն անել՝*** *«վազանց կատարել», այլն՝* ***бунт>(бунт/овать)*** *«ապստամբություն»՝* ***բունտ պիցրրցընել, բունտ անել*** *«ապստամբել» (նաև՝* ***բունտավատ անել*** *«ընդվզել, ապստամբել, խռովություն բարձրացնել»), այդպես և՝* ***թելրղրամ || տէլէգրամ անել/տալ*** *« հեռագրել»,* ***լոպէ/ին տալ*** *«խփել, հարվածել»,* ***պրրավէրկա անել*** *«ստուգել»,* ***պրրոբ անել*** *«փորձել, համտեսել», «հրապարակել»,* ***չէստ տալ*** *«1. պատվի կեցվածք ընդունել, 2. ներկայանալ, մեկին իր հնազանդությունը հայտնել»,* ***պաբէկա անել*** *«կրով սպիտակեցնել»,* ***պաչինկա անել*** *« ճաքած տեղը նորոգել»,* ***буксир*** *«1. բուքսիր, 2. նավաքարշ շեգենավ, քարշակառք» բառի՝ռուսերենում ունեցած իմաստի պատճենմամբ է (тянуть на буксире)* ***բօքսիր անել || բուքսիր քաշել*** *«բուքսիր անել» և այլն:*

Հաշվապահական բնագավառում գործածվող մի քանի բառեր՝ ***счисать, расчет, расход,*** *անցել են բարբառախմբին՝ հարադրության միջոցով պահպանելով իմաստները՝* ***ըսպիսատ անել*** *«1. դուրս գրել, ծախս գրել, 2. փոխ.՝ անպիտան համարել»,* ***ըրաշօտ անել*** *« հաշիվները վերջացնել»,* ***ըրասիսօդ || ըռասիսօդ անել*** *«սպառել, հաշիվները մաքրել»: Սրանք գործածվում են նաև* ***ինել, տաւռնալ*** *հարադրությունների հետ:*

Այսքանով չի սահմանափակվում ռուսերենից անցած փոխառությունների բառակազմական նկարագիրը Սյունիք-Արցախ բարբառախմբում: Հայերենի գրական տարբերակի միջոցով բարբառախմբին անցած այլ կազմություններ, փոխառություններով ձևավորված նոր հասկացություններ դրականորեն են ազդել բարբառային բառապաշարի զարգացմանը: Կարծում ենք՝ հայերենի ոչ մի բարբառ այս աննախադեպ տեղաշարժը չի կրել բարբառային բառապաշարում, ինչպես Սյունիք-Արցախ բարբառախումբը: Ռուսական փոխառությունները նպաստել են ոչ միայն բարբառախմբի բառային կազմի՝ նոր հասկացություններով ու բառերով համալրմանը, այլև հարստացրել են հոմանիշների, հականիշների և բառաիմաստաբանական այլ խմբերի շարքերը:

Գրական լեզվի ազդեցությունը մի կողմից, ռուսերենից անցած բազմաքանակ փոխառությունները մյուս կողմից, իսկապես, տեղաշարժեր են առաջացրել բարբառային բառապաշարի համակարգում: Ռուսերենի ազդեցությունը առավելապես մեծ է Արցախում: Ցանկացած լեզու, այդ թվում և բարբառներ, անհարկի փոխառություններից պետք է զերծ պահել: Իհարկե, ինչպես նշվեց, փոխառությունները հարստացնում են լեզվի բառապաշարը, շատ բառեր թոթափվում են անհարկի բազմիմաստությունից, նպաստում են բազմաթիվ հասկացությունների ճշտմանը՝ համապատասխան ձևերի ընտրությանը և անվանումների մասնավորմանը, բայց և կարող են ազդել բարբառի բնական զարգացմանը, ազգային բարբառ-խոսվածքի հիմնաշերտին, որտեղ պաշարված են դարերի խորքից եկող

և տարածաշրջանի լեզվամտածողությունը բովանդակող բառ-հասկացություններ, գաղափարներ: Օրինակ՝ խիստ ավելորդ է տոտա, դեղո, շկոլ, և նման այլ բառեր բարբառախմբում պահելը, բայց և շատ փոխառություններ, որ գրավել են բարբառային բառերի տեղը, կարծում ենք, դեռ երկար կմնան բառապաշարի կազմում հարադրությունների և բարբառային ածանց-մասնիկների շնորհիվ, ինչպես՝ ***բագած տալ*** *«մատնել» և այլն:*

Շատ փոխառություններ էլ, որոնց փոխարկիչները առկա են եղել բարբառախմբի բառապաշարում, դուրս են մնում գործածությունից կամ մնում են բառապաշարի ոչ գործուն բառերի շարքում: Այդպիսիք դուրս են մնում նաև բաղադրություններից՝ ***ստաքան պիրցիցնել- բաժակ պիրցրցնել, ստոլ պացել – սեղան պանայ, կարուտը (****как будто бы «կարծես թե») –* ***կարծես*** *և այլն: Նոր հասկացություններ բովանդակող շատ կապակցություններ գործածության մեջ են գրականում ունեցած տարբերակին զուգահեռ՝* **ազոտը պիցրրանալ** «օրգանիզմում ազոտի պարունակությունն ավելանալ» և այլն: Իրերի, երևույթների փոփոխության կամ գործածությունից դուրս մնալու հետ մեկտեղ բարբառային բառապաշարի շատ բառեր-բաղադրություններ նույնպես մեկուսանում են, փոխարինվում նոր բառերով: Այս է բարբառի զարգացման ընթացքը, որ, ցավոք, քիչ հսկելի է և որպես լեզվական համակարգ՝ բացարձակապես բաց է:

Այսպիսով նկատում ենք, որ՝ 1. Սյունիք-Արցախ բարբառային տարածքի ռուսական փոխառությունները բարբառախմբի բառապաշար հիմնականում մուտք են գործել գրական և ժողովրդախոսակցական տարբերակների միջոցով: Այդ փոխառություններից շատերը առկա են նաև հայերենի խոսակցական մյուս տարբերակներում: 2. Ռուսական փոխառություններում այնքանով են պահպանվել փոխատու լեզվի հնչյունական և իմաստային հատկանիշները, որ դրանք տարբերակվում են խոսքում: 3. Բարբառային բառապաշարին այդ փոխառությունները ամբողջությամբ չեն մերձեցել,[9] և տակավին նկատվում է նրանց օտալ լինելը, իսկ գրականում առկա հայերեն համարժեքները՝ որպես գրական երևույթներ, չեն անցնում կամ դանդաղ են անցնում բարբառային բառապաշար: 4. Ընդհանուր փոխառությունների շարքում ռուսական կամ ռուսերենի միջնորդությամբ անցած բառերը շատ են (մենք հավաքել ենք մոտ 1000-1500 բառ և հասկացություն), իսկ եթե այդ թվին էլ գումարենք այլ կազմություններ, ժարգոնային ձևեր, ապա թիվը կհասնի մոտ 2000-ի[10]: 5. որպես բառային փոխառություններ, իհարկե, լրացրել են գոյություն ունեցող իրի, երևույթի, գաղափարի, ապա նրանց անվան բացակայությունը, բայց ժամանակի ընթացքում քիչ գործուն են դարձել: Համեմատած հայերենին անցած տերմինների, փոխառությունների ընդհանուր քանակին՝ Սյունիք-Արցախ բարբառախմբում քիչ են այն բառերը, որոնք կապակցությամբ են հանդես գալիս: Ռուսական փոխառությունները նաև քիչ են մասնակցել

---

[9] Հենց այս վերջին հատկանիշով է նաև պայմանավորված, որ այդ փոխառությունների մեծ մասը ժամանակի հետ դուրս է մնում բառապաշարից:

[10] Ա. Մարգարյանը Գորիսի բարբառում նշում է «ավելի քան 500» (Մարգարյան Ա., Գորիսի բարբառում, ԵՊՀ հրատ., Եր., 1975), Ա. Սրագսյանի «Ղարաբաղի բարբառի բառարանում» կա շուրջ 1000 բառ (Սրագսյանի Ա., Ղարաբաղի բարբառի բառարանում, Եր., 2013), Ա. Ղուլյանի բառարանում, որտեղ ընդգրկված են նաև տերմիններ, գրական փոխառություններ, կան 3300 բառ և կազմություն (Ղուլյան Ա., Առօրյա խոսակցական լեզվում հաճախակի գործածվող բառերի բառարան, «Դիզակ պլյուս հրատ.», Ստեփանակերտ, 2014):

բառակազմական, բառակապակցական և դարձվածաբանական կաղապարավորումներին:

Այս ամենով հանդերձ, այնուամենայնիվ, Սյունիք-Արցախ բարբառային բառապաշարում ռուսական փոխառություններն ունեն իրենց որաքական և քանակական կայուն դերը, որով անցել են նաև գեղարվեստական գրականություն:

Գրականություն

1. Ակնարկներ ժամանակակից հայոց լեզվի բառագիտության և տերմինաբանության, ԳԱ հրատ., Եր., 1982:

2. *Ղազարյան Ս.Ղ.* Ժամանակակից հայոց լեզուն և ռուսերենի դերը նրա հարստացման ու զարգացման մեջ, ԳԱ հրատ., Եր., 1955:

3. *Ղույյան Ա.* Առօրյա խոսակցական լեզվում հաճախակի գործածվող բառերի բառարան, «Դիզակ պլյուս հրատ.», Ստեփանակերտ, 2014:

4. *Մարգարյան Ա.* Գորիսի բարբառում, ԵՊՀ հրատ., Եր., 1975:

5. *Մարգսյանի Ա.* Ղարաբաղի բարբառի բառարանում, Եր., 2013:

6. *Haugen E.* The analysis of linguistic borrowing, “Language”, vol. 26, N. 2, Apr. - Jun., 1950.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ МЕТАФОРИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА *ЛЮБОВЬ* В РОМАНЕ «ПЛАХА» Ч. АЙТМАТОВА

А.Ф. АВЕТИСЯН
Ширакский государственный университет, Армения
aniavetisyan9102@rambler.ru

Ключевые слова: *концепт, концептуальная метафора, гетерогенная модель, фрейм, слот.*

В статье рассматривается когнитивно-семантический подход к изучению концепта *любовь*. Вербализация данного концепта происходит через лексико-семантическое поле. Актуализатором данного поля является лексема «великий». По грамматическому составу лексемы, входящие в поле гетерогенны. В статье приводятся модели дистрибуции лексических единиц лексико-семантического поля и фреймовая модель концептуальной метафоры.

ANI AVETISYAN – The lexico-semantic field of the metaphoric concept love in CH. Aitamov's novel «The scaffold»

Key words: *concept, conceptual metaphor, heterogeneous model, frame, slot.*

The present article is devoted to the considerationof the cognitive-semantic approach to the study of the concept of *love.* The verbalization of this very concept occurs through the lexico-semantic field. In this case, the lexeme *great* acts as an agent of the actualization of the field. Additionally, the grammatical composition of the lexeme included in very field is heterogeneous. The article presents the distribution models of the conceptual metaphorbased on lexical-semantic field and frame model.

Американские ученые Дж. Лакофф и М. Джонсон в повседневной деятельности человека значительное место отводят концептам. По мнению ученых, концепты «управляют нашим мышлением», «структурируют наши ощущения, поведение, наше отношение к другим людям» [Дж. Лакофф и М. Джонсон 2004: 26]. Центральная роль в человеческой деятельности отводится концептуальной системе, которая, в свою очередь, метафорична.

Широко и всестороннее разработан концепт и русскими лингвистами. Одним из первых определений концепта в русской лингвистике было предложено С.А. Аскольдовым, для которого концепты − это «познавательные средства», «схематическое представление ума» [Аскольдов 1997: 268]. В понимании ученого, концепт – «заместитель» некоторого множества однородных предметов, сторон предметов или реальных действий. Заместительная особенность концептов может проявляться и в случае мысленных функций (математические концепты). Исследователь предлагает отграничить «художественный» и «познавательный» концепты. Он приводит несколько отличий этих концептов, считая существенным наличие в первом «ассоциативности». Это свойство делает художественный концепт индивидуальным. Художественный концепт «тяготеет к потенциальным образам» и «направлен на них». Главной задачей художественного концепта ученый считает его способность, не расширяясь, «найти по части целое».

Развивая идеи С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачев считает, что концепт необходим для облегчения общения, для дифференциации и расширения значения слова. Он воспринимается исследователем как результат взаимодействия значения слова «с личным и народным опытом человека», существует в человеческой «идеосфере» [Лихачев 2015: 150]. Потенции концепта находятся в прямо пропорциональной зависимости от культурного опыта человека.

Прочно утвердившийся в когнитивной лингвистике и изучаемый уже несколько десятков лет концепт до сих пор не получил однозначного определения. В современнойлингвоконцептологии есть несколько подходов к изучению концепта. Так, В.А. Маслова предлагает три подхода к рассмотрению концепта, выделяя: культурологическую, семантическую и посредническую роль концепта между значением и народ-

ным опытом человека. Е.В. Дзюба выделяет 6 направлений в изучении концепта: психологический, логический, философский, интегративный, лингвокультурологический, лингвоантропологический, когнитивный. В.И. Карасик предлагает выделение двух подходов к пониманию концепта: лингвокультурный и лингвокогнитивный. Терхступенчатый анализ концептов, по мнению Н.Д. Арутюновой, является наиболее полным в описании концептов, специфика которого определяется несколькими факторами: для каждого концепта имеется своя модель мира, набор норм и оценка в значении действия.

Концепт не всегда может быть представлен одним словом. Очень часто приходится прибегать к разным сложным языковым и культурным структурам для выявления и описания сложных концептов. Концепт *любовь* является универсальным, однако в каждой культуре он имеет свое особое значение и понимание, обусловленное особенностями национального мышления. Многомерным и сложным этот концепт является и в творчестве Ч. Айтматова. Писатель неоднократно в разных интервью повторял: «Все, что дано природой, звездами, Космосом, − любовь в себя все включает. Любовь − это симфония, мировая симфония. Любовь сотворила Вселенную…Вселенная вечна…».

Значительное количество концептов может быть исследовано на лексико-семАнтическом материале. Исследование семантики лексических единиц, образующих концепт, может осуществляться как с помощью отдельных единиц, так и с помощью семантических полей.

Основоположником теории семантического поля в лингвистике является немецкий филолог И. Трир. Его теория формировалась под влиянием идей В. Гумбольдта и Ф. Соссюра. В своей концепции И. Трир рассматривает семантическое поле не как замкнутый ряд, а как систему, в которой каждая лексема получает смысл только в связи с другими, смежными с ним.Идеи Трира развил и углубил немецкий лингвистЙ.Л. Вайсгербер.

Лингвистическая концепция «поля»Г. Ипсена развивалась в русле сравнительно-исторического изучения. Ученый заметил системность лексики во время изучения названия металлов. Слова, входящие в «смысловое поле» соединяются друг с другом как в мозаике.В. Порциг разработал синтаксический подход, положив в основу критерия выделения семантического поля смысловые связи слов словосочетания.

В отечественной лингвистике проблеме лексико-семантических полей посвящены работы:А.А. Уфимцевой, С.Д. Кацнельсона,Л.М. Васильева, Г.С. Щура, В.Г. Адмони, Л.А.Новикова, В.П. Абрамова и др. В конце 80-х гг. теория «поля» была разработана группой лингвистов под руководством А.В. Бондарко, которые рассматривали функционально-семантические поля. По мнению Л.А. Новикова, для изучения языка художественной литературы целесообразнее применять особый тип поля ─ «текстовое семантическое поле» [Новиков 2001: 555].

Таким образом, при всем многообразии характеристик и описаний лексико-семантического поля следует отметить некоторые обобщенные признаки поля: взаимодействие элементов поля между собой и между элементами смежных полей, семантическая связность единиц, наличие отношений, построенных по принципу«центр ─периферия.

В настоящее время интерес к исследованию лексико-семантических полей не только не угасает, но продолжает расти и развиваться в русле когнитивной лингвистики. Актуальным становится концептуальный анализ лексических единиц, приводящий к выделению новых понятийных категорий-концептов.

Концепт является центральным в современной когнитивной лингвистике. В формате данной статьи целесообразно рассматривать концепт как «семантический эмбрион», служащий «строительным материалом» для всех познавательных струк-

тур»[Алефиренко 2004: 63]. З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают рассмотрение концепта с семантико-когнитивной точки зрения. В рамках этого подхода концепт рассматривается как «…глобальная единица мыслительной деятельности, квант структурированного знания» [Антология концептов 2005: 7]. Авторы развивают мысль о полевой структуре самого концепта. Они считают, что каждый концепт содержит «… чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле»[Антология концептов 2005: 9].

Человеческое мышление невербально, и мыслительная деятельность отражается с помощью концептов. В процессе коммуникативной деятельности человеку нужно передать больший объем информации, чем просто языковой знак, вследствие чего возникает необходимость вербализации этой информации – так появляется концепт. С этим явлением мы сталкиваемся в романе «Плаха» Ч. Айтматова, когда из простого языкового знака слово *великий* вырастает в общечеловеческое базовое понятие *любовь*.

Мы считаем, что концепт *любовь* в романе «Плаха» можно раскрыть, изучив метафорические эпитеты с лексемой *великий,* образующие лексико-семантическое поле. Разнородные по частеречной принадлежности элементы поля являются выражением идейно-эстетического смысла концепта. Автор использует разнообразные языковые средства для репрезентации концепта *любовь* в романе: **словосочетания с субстантивным, адъективным** и **вербальным стержневым компонентом**. За каждым этим элементом скрывается чувственно-образное отражение любви, вербализованное в метафорических эпитетах.

Живущий далеко от своей родины писатель находит любовь в *«великих заносах»,* в*«великой зиме»,* в *«великих стадах»,* в *«великой жаре»,* в *«великой охоте»,* в *«великой азиатской степи»,* в *«великих пространствах Моюнкумской саванны»,* в*«великой полупустыне»,* в *«великой пустыне»,* в *«великой божьей милости»,* в *«великом искусстве»,* в *«великом безмолвии»,* в *«величии степных ночей»,* в *«великой земле»,* в *«великих стихах»,* в *«великомхраме»,* в *«великой борьбе человеческого духа с самим собой»* и др.

Актуализатором концепта *любовь* в романе выступает лексема *великий* .И это подтверждается всем текстом романа: Ч. Айтматов с помощью этого слова передает свою любовь к родному краю: «*Потом все стихло, и погода прояснилась. С тех пор, с умиротворением снежного шторма, скованные* ***великими*** *заносами горы стояли в цепенеющей и отстранившейся ото всего на свете стылой тишине*». «*И, в общем-то, до сих пор пока ничто всерьез не нарушало сложившегося образа жизни этой* ***великой*** *азиатской степи, раскинувшейся на жарких полупустынных равнинах и всхолмлениях…».«Солнце и степь −* ***величины*** *вечные: по солнцу измеряется степь, насколько оно* ***велико,*** *освещаемое солнцем пространство. А небо над степью измеряется высотой взлетевшего коршуна». «А Акбара представила себе вдруг зимы начало,* ***великую*** *полупустыню, в один прекрасный день сплошь белую на рассвете от новоявленного снега, которому срок на земле день или полдня, но тот снег сигнал волкам к большой охоте».*

*«****Великая*** *саванна пробуждалась, насколько хватало глаз, в тумане легком виднелись стада сайгаков −то были крупные скопления поголовья с молодняком-годовиком, который отделялся в ту пору в новые стада».*

Именно с помощью этой лексемы автор называет все, что ему дорого, что приобретает для него особое значения, что он любит больше всего и в первую очередь – это его Великая Акбара:*«Волчица прозывалась среди здешних чабанов Акдалы, иначе говоря, Белохолкой, но вскоре по законам трансформации языка она превратилась в Акбары, а потом в* ***АКБАРУ - ВЕЛИКУЮ****, и между тем никому невдомек было, что в этом был знак провидения».«Все говорило за то, что этой паре предстояло****вели-***

***кое**охотничье будущее и жизнь их будет полна тяготами повседневного пропитания и красотой своего звериного предназначения». «Сердце волчицы учащенно заколотилось −его наполнили отвага, решимость непременно защитить, оградить от опасности тех, кого она вынашивала в себе. Сейчас бы она, не задумываясь, схватилась с кем угодно. В ней заговорил **великий** природный инстинкт сохранения потомства».*

Словесный инвентарь лексико-семантического поля *великий* активно пополняется с каждой последующей страницей романа: *«И думалось ему: как могли люди жить здесь и не умереть от тоски и безводья в этих **великих** пространствах? А может быть, наоборот, **величие** степных ночей рождает в душах **великие** стихи, ведь что такое поэзия как не самоутверждение человеческого духа в мировом пространстве...».«И в этом была сила их искусства, сильного лишь страстью, упоением, могуществом исторгаемых звуков и чувств, когда заученные божественные тексты лишь предлог, лишь формальное обращение к Нему, а на первом месте здесь дух человеческий, устремленный к вершинам собственного **величия**».«И только сознание, что это необходимо для встречи с главным, **величаемым** Самим, для того чтобы, накопив материал, вскрыть потаенные пружины поведения гонцов и через слово, через газету огласить криком боли всю страну, — только это заставляло Авдия бегать и бегать **взад-вперед под жарким солнцем**». «Понтий Пилат встал с места и пошел в покои, поправляя на плечах просторную тогу. Костистый, большеголовый, лысый, **величественный,** уверенный в достоинстве своем и всесилии».«И все же подумалось ему, что эта птица словно император в небе. Не случайно, видимо, императорское **величие** символизирует орел − голова с мощным клювом, хищный глаз, прочные, как железо, крылья. Таким и должен быть император!»*

Таким образом, из вышеприведенных примеров вырисовывается следующее лексико-семантическое поле: ***великий – великодушие – величие– величина −величать (величаемый) − величественный.***

Модель дистрибуции данной лексемы в большинстве случаев гетерогенна и имеет следующий вид:

1. $AdjN_5$: *«С тех пор, с умиротворением снежного шторма, скованные **великими заносами** горы стояли в цепенеющей и отстранившейся ото всего на свете стылой тишине», «В ней заговорил **великий** природный **инстинкт** сохранения потомства»;*

2. N_4N_2:*«Во мне все пело, я слился с хором воедино, испытывая необыкновенное, доходящее до слез **чувство** братства, **величия**, общности, точно мы встретились после долгой разлуки - возмужалые, сильные и торжествующие голоса наши возносятся к небесам, и земля под нами прочна и незыблема»;*

3. N_1N_2:*«А может быть, наоборот, **величие** степных **ночей** рождает в душах ВЕЛИКИЕ СТИХИ, ведь что такое поэзия как не самоутверждение человеческого духа в мировом пространстве...»;*

4. N_1N_2:*«Тишина безмерная, исходящая **от величия земли**и неба, теплынь, напоенная дыханием многих трав, и самое волнующее зрелище - мерцающая луна…». «И чем больше думал, тем больше убеждался, что раскаяние — понятие, возрастающее по мере жизненного опыта, **величина совести** —величина благоприобретенная, воспитывающаяся, культивирующаяся человеческим разумом».*

5. VN_4: *«"Спаси, Гришан!" — и не исключено, что тот снизошел бы, **проявил великодушие** и остановил бы смертоубийство…»,*

где N обозначает имя существительное в одном из падежей (1 — именительный, 2 — родительный, 3 — дательный, 4 — винительный, 5 —творительный и 6 — предложный), а V — глагол.

Концепт *любовь* представлен в романе писателя, прожившего большую часть своей жизни за пределами своей Родины, двумя семантическими сферами —*Отечество* и *Бог*. Существование второй семантической сферы в романе подтверждается библейским сюжетом Распятия Иисуса и повторившейся спустя 1965 лет, как говорит автор, историей Авдия Калистратова. Любовь понимается Айтматовым как путь к духовному совершенству, как нравственный смысл, как великая Вселенная. Устами Авдия Айтматов утверждает, что:*«…Бог, являя себя через* ***любовь****, дарует тем самым человеку наивысшее счастье бытия, и щедрость бога тут бесконечна…»* (32).

Затем Иисус Назарянин объясняет Суть истины, которая заключается в том, что через страдания и смерть Сын Человеческий, воскреснув, вернется к людям: *«Чтоб люди уповали на мое имя и шли ко мне через страдания, через борьбу со злом в себе изо дня в день, через отвращение к порокам, к насилию и кровожадности, столь пагубно поражающим души, не заполненные любовью к богу, а стало быть, к подобным себе, к людям!»* (126).

Изучив словарные дефиниции Библейской энциклопедии и проанализировав фрагменты романа, мы пришли к выводу, что ядро концепта образовано номинантом *любовь* в трех значениях: ‘любовь к ближнему’, ‘любовь к Богу’ и ‘любовь к Отечеству’. Периферийная зона концепта включает единицы вторичной номинации − метафоры: *любовь дарует, любовь вселяется, любовь противопоставляется смерти, любовь являет жизнь, любовь заполняет душу, любовь – революция духа.*

На основе анализа романа нами была выявлена следующая концептуальная метафора:**величие любви–смерть**. Только великая любовь Иисуса, прошедшего через страдания и смерть способна спасти мир. Рассмотрим фреймы этой метафорической модели.

1. Фрейм*великое чувство*. Слот 1.1. Любовь – это божья милость. *«… Как велика божья милость, когда он вселяет в сердце любовь...»* (33).Слот 1.2. Любовь – это жизнь: *«…любовь антитеза смерти, она потому и являет собой ключевой момент жизни вслед за таинством рождения»* (35). Слот 1.3. Любовь живет в искусстве.

Айтматов считает, что базовые общечеловеческие концепты будут донесены до человечества с помощью искусства: *«Жизнь, смерть, любовь, сострадание и вдохновение − все будет сказано в музыке, ибо в ней, в музыке, мы смогли достичь наивысшей свободы, за которую боролись на протяжении всей истории, начиная с первых проблесков сознания в человеке, но достичь которой нам удалось лишь в ней»* (58).

Слот 1.4.Любовь – это изменение: «*Я бы сказал, что в пределах одной личности любовь − это настоящая революция духа!»* (156).

2. Фрейм*смерть – это возмездие*. Красной нитью в романе проходит мысль о том, что за нравственную смерть одних на «плаху» идут другие. Слот 2.1. Смерть – живое существо: *« −То твоя смерть кружит! − Она над всеми нами кружит, − тихо отозвался Иисус…»* (111). *«И знал я, что час предназначенный наступает, что смерть грядет неотвратимая»* (129).Слот 2.2. Смерть– это путь к спасению мира: *«Но прежде умрешь ты, царь Иудейский! Итак, ты идешь на смерть, какой бы ни был путь к спасению? − К спасению мне только этот путь оставлен. − К какому спасению? − не понял прокуратор.− К спасению мира»* (117).*«Прости. А у меня иного пути к истине в человеках, которые самое тяжкое бремя Творца, нет, кроме как утвердить ее через собственную смерть»* (122).

Таким образом, с помощью теории лексико-семантического поля нам удалось сконструировать концепт *любовь*, представленный двумя сферами, и фреймовую модель концептуальной метафоры.

Литература

1. *Абрамова В.П.* Семантические поля русского языка. М.-Краснодар: Акад. пед. наук РФ, Кубан. гос. ун-т, 2003. 338 с.

2. *Адмони В.Г.* Основы теории грамматики. М.-Л:Наука, 1964. 105 с.

3. *Айтматов Ч.* Плаха. Таллинн: ЭЭСТИ РААМАТ, 1990.254 с.

4. *Алефиренко Н.Ф.* Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта. [Электронный ресурс.] http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/hyman/2004/02/alefirenko.pdf. Дата последнего обращения 30.05.2019.

5. Антология концептов/Под ред. *В.И. Карасика, И.А. Стернина.* Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 347 с.

6. *Аскольдов С.А.* Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ.ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267-279.

7. *Васильев Л.М.* О структуре семантического поля бытийности // Тезисы докладов научно-теоретического семинара (ноябрь 1993). Часть III. —1994. С. 14-18.

8. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. - 256 с.

9. *Лихачев Д.С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 240-251.

10. *Новиков Л.А.*Эскиз семантического поля. [Электронный ресурс]. http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/article/viewFile/7154/6607Дата последнего обращения 30.05.2019.

11. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Под ред. *А.В. Бондарко* и др.Санкт-Петербург: Наука, 2005.478 с.

12. *Уфимцева А.А.* Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка).М.:Изд. Академии наук СССР, 1962. 287 с.

13. *Щур Г.С.* Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 255 с.

НОМИНАЦИЯ *ИНТЕЛЛИГЕНТКА* КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ОБРАЗ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

Л.А. БОБРОВНИК

Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины, Беларусь

bobrovnik.mila@gmail.com

Ключевые слова: *интеллигент, интеллигентка, социальные номинации, оценочная лексика, СМИ.*

Статья посвящена рассмотрению особенностей репрезентации и функционирования номинации интеллигентка в современных российских газетных текстах. Автор анализирует данный лингвокультурный феминный образ, выделяя его отличительные черты и смысловые компоненты, из которых он состоит.

LUDMILA BOBROVNIK – The nomination “intelligentka” (“female intellectual”) as a female social image in the modern Russian-language newspaper texts

Key words: *intellectual, intelligentka (female intellectual), social nominations, evaluative lexical units, mass-media.*

The article is devoted to the consideration of the representation and functioning of the nomination “intelligentka” (female intellectual) in the modern Russian newspaper texts. The author analyzes the linguacultural female image, draws out its distinctive features and semantic component parts.

На современном этапе развития лингвистики значительный интерес представляет исследование репрезентации образа женщин в средствах массовой информации, в том числе – феминных номинаций в соответствии с их социальным статусом. Для анализа его функционирования в современном обществе и выделения семантических и прагматических характеристик в качестве материала исследования нами были использованы газетные тексты русскоязычных СМИ за период с 2000 по 2018 год.

Согласно словарям современного русского языка, номинация *интеллигент* имеет свою гендерную оппозицию, представленной производной от неё номинацией женского рода *интеллигентка* [Егорова 2014: 262; Кузнецов 2000: 395]. Следует отметить, что в изучаемых нами газетных текстовых материалах номинация *интеллигентка* представлена намного меньше, чем исходная маскулинная форма: по данным Национального корпуса русского языка [2], соотношение словоупотреблений номинаций *интеллигент* и *интеллигентка* представляет приблизительно 1:50.

Однако функционирование маскулинной формы *интеллигент* для номинации объекта женского рода встречается ещё реже (меньше 1% всех случаев употребления в исследованных газетных текстах) и носит окказиционный характер: *«Взор» – исключительный дар артистической личности Нины Дорлиак—великой камерной пе-*

вицы,музыканта-художника, русского ***интеллигента****, русской женщины исключительной судьбы. И воплощения «вечно женственного»…* [Андрей Золотов. Нина Дорлиак. Голос-взор // РИА Новости, 2008.07.07] (Здесь и далее выделено и подчеркнуто нами. – Л.Б.) Случаев же использования в исследованном языковом материале данной номинации с гендерным идентификатором (*женщина-интеллигент* или *интеллигент-женщина*), где одно из них выступало бы приложением, не выявлено вообще, что подчеркивает, что *интеллигент* – прежде всего маскулинная номинация, отождествляемая субъектами лингвокультуры именно с «сильным полом».

В рамках функционирования исследуемой номинации в современных газетных текстах в препозиции к номинации «интеллигентка» широко представлены языковые единицы-интенсификаторы. Среди них наиболее частотными являются *настоящий* (*Она нас защищала – вот что главное. Она ни разу с нами на эту тему не говорила, но мы подросли, и все поняли. Это и есть настоящая учительница. Настоящая* ***интеллигентка*** [Лиханов Альберт писатель, председатель Российского детского фонда. УРОКИ ЛИХАЧЕВА // Труд-7, 2006.06.02]) и *истинный* (*Жизнь его тети (в исполнении прекрасной актрисы Татьяны Ткач) благодаря ему наполняется смыслом: она так трепетно следит за перипетиями его любовных романов, что нельзя не признать: эта истинная* ***интеллигентка*** *переживает вторую молодость взамен той первой, что пришлась на пору войны*[АНАСТАСИЯ КИМ, Санкт-Петербург. Блажен, кто смолоду был молод // РБК Daily, 2008.12.16]).Приведенные прилагательные сочетают в себе признаки, указывающие как на качественную характеристику, так и на степень её выраженности.

Интенсификаторы, относящиеся к слову *интеллигентка*, представлены также и сложными постпозитивными атрибутивными сочетаниями, которые применяются как для индивидуализации и персонализации (*Тут и выяснилось, что Светлана,* ***интеллигентка****в пятом колене, недолго думая заказала Витьке-Гарпуну убийство Наташи.*[Прибутковская Нелла.«Слышь, а мне тебя заказали» // Труд-7, 2009.12.17]), так и идеализации образа (*Ее назвали еще Великой молчуньей Большого театра. Она никогда не участвовала в интригах и склоках главной сцены страны. Была* ***интеллигенткой****, каких мало*[Оксана ФОМИНА, Максим ЧИЖИКОВ, Анастасия ПЛЕШАКОВА.От нас ушла великая балерина и «Великая молчунья Большого» // Комсомольская правда, 2009.04.28]).

Большинство газетным материалов, в которых представлена номинация *интеллигентка*, посвящены выдающимся людям прошлого, в частности советского периода, а также произведениям искусства (литературного и театрального), где исследуемая номинация использована для характеристики как создателей данных произведений, так и героев этих произведений.

Иногда всё объединяется: и персонаж, и сыгравший его актер (или даже команда профессионалов, участвовавшая в создании фильма / театральной постановки) воплощаются в одном объекте характеризации. Сравн.:*Но вот чего никак нельзя было ожидать, это что создатели телеверсии вложат малограмотную реплику в уста интеллигентной булгаковской героине.* [Безграмотная интеллигентка // Известия, 27.12.2005]. В последующей статье в том же издании, посвященной тому же вопросу, Маргарита (персонаж романа «Мастер и Маргарита») отождествляется с актрисой, которая воплотила её в более ранней экранизации: *Несколько замечаний к письму доктора филологии, профессора Д. Ермоловича «Безграмотная* интеллигентка*». Г-н Ермолович утверждает, что в телесериале «Мастер и Маргарита» Маргарита Николаевна в разговоре с Мастером допускает «безграмотное просторечие»«уедь». Но разве просторечие тождественно безграмотности?<…>А вообще, очень захотелось посмотреть «Мастера и Маргариту» Юрия Кары. Просто уверен, что Анастасия Вертинская ни за что бы не сказала «уедь».* ***Интеллигентке*** *не пристало*

подобным образом изъясняться, тем более в романе великого М.А. Булгакова. [Маргарита не заканчивала Смольный // Известия, 2005.12.29]. Маргарита как персонаж известного романа Булгакова «Мастер и Маргарита» является прецедентным именем, а значит в сознании субъектов русской лингвокультуры она представляет конкретный образ, частью которого является такая характеристика, как «интеллигентность» данной героини, что наделяет её дополнительными качествами, умениями, даже в том случае, если они и не «прописаны» в самой книге. На примере функционирования номинации отчетливо проявляется взаимосвязь массовой культуры и СМИ в современном мире, а также культурные коды прошлого, которые в таком случае активно эксплуатируются. Так, лексема *интеллигентка* может быть представлена в одном ряду и с логически соотносящейся номинацией (*вдова*), и с совершенно неестественной для феминной сферы конструкцией (*главарь банды*): *Она и вдова, непрестанно вспоминающая и оплакивающая нежного мужа (Лиам Нисон), и* ***интеллигентка****, для которой сидение в библиотеке давно стало самым естественным времяпрепровождением, и главарь маленькой банды, способный на всё, чтобы спасти свою жизнь* [Сергей Сычев. Подруги Оушена: «Вдовы» наносят ответный удар // Известия, 2018.11.23].

Наибольшая частотность исследуемой единицы представлена в газетных материалах, посвященных кинофильму «Кококо» режиссёра Авдотьи Смирновой, вышедшему на экраны в 2012 году. В этот же период в русскоязычных СМИ отмечается наибольшее количество статей с оценкой этого продукта российского кинематографа, в которых фигурирует описание одной из главных героинь, характеризующаяся как «интеллигентка». В выявленных нами контекстах исследуемая номинация часто предстает в сложных оппозициях, где полюса выражены как единичными языковыми единицами, так и сложными сочетаниями. Взаимоисключающие характеристики позволяют выделить признаки, которыми в сознании субъектов русской лингвокультуры обладает «интеллигентка», её типичное положение в обществе, образ жизни и т.д. Так, через противопоставление «простому народу» подчёркивается, что интеллигентки – это представительницы отдельной прослойки общества, характеризующейся определенной степенью элитарности: *Даже «Кококо» Авдотьи Смирновой – очень русская комедия про отношения* ***интеллигентки*** *и разбитной бабы «из простых», или «Шапито-шоу» Сергея Лобана были бы лучшим выбором* [Денис Корсаков. «Белый «Тигр» уже промахнулся мимо «Оскара»? // Комсомольская правда, 2012.09.21]; *Наконец-то она,* ***беспомощная петербургская интеллигентка****, повстречала в лице Вики Настоящий Русский Народ, простой, витальный, веселый, житейски мудрый и несчастный, - тот самый Народ, перед которым Лизе стыдно уже в силу того, что ей повезло родиться в более культурной семье* [Денис Корсаков. Аня, Яна, автозак и рококо // Комсомольская правда, 2012.06.14]

Посредством отдельных языковых единиц репрезентируются различия персонажей по целому ряду характеристик: *Трагикомическая история про дружбу очень непохожих женщин – питерской* ***интеллигентки****-этнографа Лизы (Михалкова) и «хабалки» Вики из Екатеринбурга – зрителям понравилась, судя по овациям зрителей* [Анатолий Чубайс побывал на премьере фильма супруги на «Кинотавре» // РИА Новости, 2012.06.09]. Расхождения представлены в личностных качествах (прилагательные *наивная, добрая*vs. *феерична*я) и психоэмоциональных характеристиках (однокоренные слова *переживать* и *переживания* используются для выражения контрастных явлений: *переживать развод*vs. *не страдать от переживаний*), образа жизни и места работы (*музей* vs. *клуб*) и происхождения (Петербург vs.Екатеринбург, провинция): *Это история о дружбе между наивной, доброй петербургской* ***интеллигенткой*** *Лизой (Анна Михалкова) и феерична провинциалкой Викой (Яна Троянова). Первая работает в музее, переживает развод с мужем и иногда ходит на митинги в*

защиту Ходорковского. Вторая – работает в екатеринбургском ночном клубе и не страдает от сложных внутренних переживаний [«Неделя российского кино» откроется в Тель-Авиве в четверг // РИА Новости, 2012.11.14]; *Фильмом закрытия российских программ ММКФ стала картина Авдотьи Смирновой «Кококо» – история дружбы между питерской* ***интеллигенткой****-этнографом Лизой и провинциалкой из Екатеринбурга Викой.*[«Кококо» Авдотьи Смирновой закрыл российскую программу ММКФ // РИА Новости, 2012.06.29].

Бинарная оппозиция и выбор соответствующих лексических единиц прослеживается и в статьях, посвящённых другим темам. Однако и в этом случае образ интеллигентки идеализируется, поскольку противопоставляется негативным качествам:*На деле у них другие прототипы – грубиянка Авдотья Никитична и* ***интеллигентка*** *Вероника Маврикиевна*. [Юрий Богомолов. Ведущие вместе // Известия, 2002.08.09]

От интеллигентки ожидается наличие определенных качеств, которые, в частности, должны проявляться при взаимодействии с окружающим миром, что стереотипизирует данный феминный образ в социуме: *Самое страшное испытание настигает страдалицу, ежели она вдруг влюбится. Тогда печальная* ***интеллигентка*** *всячески старается не выдать себя, а при встречах с избранником начисто теряет способность говорить, думая при этом: «Ах, он решит, что я дура! Ах, что бы мне умное сказать!» Барышня может раз пятнадцать пройти мимо с выражением лица «мне в Париж по делу срочно»*[Девушки бывают разные: желтые, белые, красные... // Комсомольская правда, 2001.06.14]; *Постепенно, по мере накопления выпитого, Людмиле надоедает изображать из себя недотрогу и* ***интеллигентку*** [Лебедина Любовь. ЧЕРНЫЙ ЮМОР ПРО СВЕТЛУЮ ДАЛЬ // Труд-7, 2000.11.11]; *Вот учительница –****интеллигентка*** *и отличница.Но она посмела совершить поступки, совершенно не приемлемые для отличницы* [Елена Коваленко. В Мурманске поставили спектакль «Одноклассники» по произведению Юрия Полякова // Комсомольская правда, 2010.06.14].

Данный идеализированный социальный образ встречается в проанализированном материале и с негативной характеристикой, которая может выражаться достаточно развернуто: *Ну а напоследок была* ***интеллигентка*** *Нина Ивановна, которую мне особенно хотелось расспросить, как же дошла до жизни такой? <…> прописана в трехкомнатной квартире одна, а проживают еще пять незарегистрированных квартирантов, но даже за одну душу здесь платы не дождались. К таким сдатчикам жилплощади были безжалостны, а разоблачение к тому же грозило хозяйке неприятностями с налоговиками* [ЖЭК – жильцам: А за долги отрежем батареи! // Комсомольская правда, 2001.11.01]. Более высокая степень пейоративной оценки проявляется при использовании соответствующих имен прилагательных: *Но я все-таки решила заполнить протокол и пока я это делала, гражданка все-таки сжалилась надо мной и просветила гнилую****интеллигентку***[Ольга Бакушинская. Как я получила пятилетний срок // Известия, 2006.10.31]; *Лидия Петровна только пожала плечами и равнодушно сообщила, что всегда подозревала таких вот «гнилых* ***интеллигенток****» в умственном нездоровье* [Смирнова Ирина. АЛЛО, ЛОХОТРОН? // Труд-7, 2003.03.25]. Объектом негативной характеристики может быть не только отдельный субъект, но и целая социальная группа: *Шикарная виньетка, которую будут хвалить как профессионалы, так и московские пустейшие* ***интеллигентки***[Игорь Мальцев.Мнение неуказанных персонажей // Известия, 2012.02.29].

В исследованных газетных текстах номинация *интеллигентка* активно используется с препозитивными атрибутами, выраженными прилагательными, образованными от названия стран, которые могут индефицировать как национальность, так и лишь место проживания. Наиболее частотным является прилагательное *русский*: *Рукописные и кем-то оцифрованные дневники русской* ***интеллигентки*** *Лидии Осиповой, ко-*

*торая сознательно осталась на оккупированной немцами территории, в городе-музее Павловск, в десятках километрах от блокадного Ленинграда <…> Дальнейшая судьба «**русской интеллигентки**» неизвестна, да и малоинтересна. Любопытно лишь развитие жизненной драмы под названием: «Любовь к Родине без патриотизма». <…> «**Русская интеллигентка**» Лидия Осипова свои больные мысли записывала позолоченным карандашиком в молескин, который прятала от лишних глаз в распоротый матрас.*[Дмитрий СТЕШИН. Патриотизм и любовь без обязательств // Комсомольская правда, 2014.02.04]. Данное прилагательное используется и в сочетании с препозитивными интенсификаторами: *В фильме НТВ были хорошие куски: монологи самого Горбачева, свидетельства его дочери – **настоящей русской интеллигентки**, умной, честной и обаятельной* [Чем вас обрадовал и чем огорчил телеэкран на минувшей неделе? // Труд-7, 2005.03.24].

Через этнохоронимы (этниконы) и прилагательные, являющиеся производными от названия городов, эксплицируется факт проживания в конкретном городе. История города Санкт-Петербурга проявляется не только в вариациях номинации его жителей (этнохороним *петербурженка*и прилагательное*петербургская*, а также прилагательное *питерская*), ночерез упоминание трагических событий, которые останутся в памяти многих поколений: *Иногда добрая Кира готовила что-то особенное – пекла пирожки с капустой или блинчики с творогом, и тогда они все садились за стол, включали старые пластинки и устраивали для мамы праздник. Леша очень любил свою маму – **интеллигентку**, уроженку Ленинграда,* пережившую блокаду. [Прибутковская Нелла.Верну мужа навсегда // Труд-7, 2009.07.15]; *Автор высмеивает **питерскую интеллигентку**, переживщую блокаду, но не принявшую переименования «Царского Села» в «Пушкин», и в то же время боготворит ее грубоватый снобизм.*[Лиза Новикова.Мегеры в аметистах // Известия, 2012.02.03]; *Рукописные и кем-то оцифрованные дневники **русской интеллигентки** Лидии Осиповой, которая сознательно осталась на оккупированной немцами территории, в городе-музее Павловск, в десятках километрах от блокадногоЛенинграда* [Дмитрий СТЕШИН. Патриотизм и любовь без обязательств // Комсомольская правда, 2014.02.04].

Как «интеллигентка» не обязательно должна проживать в большом городе и может быть уроженкой провинциальных населенных пунктов, так и ее финансовое положение может быть разным. В частности, исследуемая номинация функционирует в одном контексте как приложение по отношению к лексеме *нищенка*: *Этот ее талант проявился и в трагикомедии Рязанова «Небеса обетованные» (1991), где она сыграла нищенку-**интеллигентку** Фиму. За эту роль Ахеджакова получила «Нику 91» в номинации за лучшую женскую роль второго плана* [Секретарша, которая научила женщин походке «от бедра» // РИА Новости, 2008.07.09].

Выявленный газетный материал свидетельствует о том, что даже в XXI веке авторы публикаций нередко фокусируют свое внимание на образах советских женщин-интеллигенток: *Это, наверное, потому, что мой бывший муж-«шестидесятник» **интеллигенткой** меня категорически не считал* [Ольга БАКУШИНСКАЯ. Памятник Юрского периода // Комсомольская правда, 2004.07.05]. В то же время, судьба «интеллигентки» может быть отмечена сразу несколькими важными историческими событиями, а различные периоды ее жизни могут принадлежать к различным сменяющим друг друга эпохам: *История **интеллигентки**, запутавшейся в дебрях гражданской войны, положена на музыку композитором Александром Колкером. Героиня Ольга Зотова (в замечательной трактовке певицы Елизаветы Дорофеевой) волей судьбы становится воином Красной армии, теряет в классовых битвах бравого возлюбленного, а в мирное время не может выжить в фатальной пошлости советской коммуналки* [Майя Крылова. Императрица поет блюз // РБК Daily, 2009.04.07]; *Рассказ **интеллигентки** о детстве во Франции, Палестине и Германии,*

возвращении в СССР, о русских эмигрантах «первой волны», столкновении с зарождающимся немецким фашизмом, трагедии 1937 года, быте и нравах предвоенной Москвы, об арестах, студенчестве, движении Сопротивления и распаде советской империи – всё это на современном телевидении считается «неформатом» [Наталья Кочеткова. Генеральный продюсер телеканала «Россия» Сергей Шумаков: «Лилианна Лунгина – человек, равный веку» // Известия, 2009.07.05]. Выделены единичные случаи употребления по отношению к молодому современному поколению: *Скромные петербургские* ***интеллигентки*** *привлекают заморских женихов: девять из десяти интернациональных браков приходились на мужа-иностранца и нашу местную красавицу*. [Анна Послянова.В Петербурге каждый второй брак заканчивается разводом // Комсомольская правда, 2014.03.12]

Частым при описании конкретного периода жизни женщины-интеллигентки является экспликация её социальной реализации на данном этапе, в частности, профессиональной деятельности, представленной двумя группами: работницы сферы умственного труда и деятели искусства. К первой категории относятся следующие профессии: этнограф (работник музея), аспирантка, литературовед, учительница, переводчица. Вторая группа – балерины и актрисы – не только ассоциируются обществом как интеллигентки, но часто реализуют образы интеллектуалок в ходе своей профессиональной деятельности, воплощая таких персонажей на театральной сцене и в кинематографе.

Выделенные номинации характеризуют интеллигенток как женщин, чья профессиональная деятельность связывает их с обществом через культуру (образность и духовность) и взаимообмен знаниями. Несмотря на то, что в достаточно большом количестве отобранных нами статей идентифицировать профессиональную деятельность характеризуемого объекта невозможно даже из гиперконтекста, воспитанность и образованность являются теми качествами, которые лежат в основе стереотипного представления об интеллигентке: *Ты б еще томик Мандельштама извлекла! Ходила б тут и глаза закатывала: а помните, на странице 243 сонет… У-у-у!* ***Интеллигенткой****выглядеть хочешь?*[Лариса ВАСИЛЬЕВА и Александр МЕШКОВ. Охота за телефончиком // Комсомольская правда, 2002.07.08]

Интеллигентка – феминный образ, которому свойственна противоречивость и особая аксиологическая система. В проанализированных текстах современных газетных СМИ «интеллигентка» предстает как социальный образ женщины, который складывается из сочетания и презентации комплекса характеристик: полученного образования, профессиональной деятельности, психоэмоциональных характеристик, внешнего вида, поведения, происхождения, места проживания и даже принадлежностью к определённому поколению, где отождествляемый субъект может репрезентировать идеальное совпадение по всем из вышеперечисленных элементам, так и совмещать в себе только некоторые из них. При этом константой остаётся только половая/ гендерная принадлежность.

Проблемной стороной изучения данной номинации является её относительно малая представленность в русскоязычных газетных текстах в сравнение с частотой употребления в тех же источниках производящей маскулинной номинации, что говорит о недостаточном для всестороннего изучения объёме фактического материала и гендерном дисбалансе в данном вопросе.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., «Норинт», 2000. 1536 с.

2. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс.] URL: https://www.ruscorpora.ru/ Дата последнего обращения 20.04.2019.

3. Словарь иностранных слов современного русского языка / Сост. Т.В. Егорова. М., «Аделант», 2014. 800 с.

ВРЕМЯ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Л.Г. БРУТЯН
Ереванский государственный университет, Армения
lilit.brutian@ysu.am

Ключевые слова: *время, русская лингвокультура, межкультурный, монохронный, полихронный, пунктуальность, опоздание.*

В статье анализируется восприятие времени и отношение к нему в русской лингвокультуре в сопоставлении с другими культурами. Такой анализ, проведенный в аспекте лингвокультурологического и когнитивного подходов, позволяет выявить специфические особенности менталитета, характера и поведенческих особенностей русского человека. Это, в частности, избежание определенности, предпочтение процесса целям, созерцательность в противовес деятельности, фатализм, целостность и т.д.

LILIT BRUTIAN – Time in Russian Linguoculture: a Comparative Analysis

Key words: *time, Russian linguoculture, intercultural, monochronic, polychronic, punctuality, lateness.*

In the paper, the perception of time and the attitude towards it in the Russian linguoculture are analysed in comparison with some other cultures. Such an analysis conducted in the light of linguoculturological and cognitive approaches makes it possible to reveal the specific features of the mentality, character, as well as behavior of the Russians. Among them are avoiding of certainty, the preference of process to the aims, contemplation vs activity, fatalism.

Время – один из важнейших концептов культуры, «ибо сквозь его призму воспринимается нами все сущее в мире, все доступное нашему уму и нашему истолкованию» [Маслова 2007: 77]. Понятие **времени** всегда находилось в фокусе внимания как писателей, так и ученых: математиков, астрономов, физиков, лингвистов, философов, культурологов. Как справедливо отмечают Л.И. Гришаева и Л.В. Цурикова, «в отличие от философов, для которых время – это формальная категория, характеристики которой в равной мере представлены у всех людей, культурологи различают восприятие времени в разных культурах в зависимости от того, как осмысливают время в соответствующей культуре и как с ним обходятся» [Гришаева, Цурикова 2006: 81]. Ведь разные народы «по-разному воспринимают, членят, категоризируют, оценивают совершенно объективные явления и понятия, не зависящие от человека, его национальности, языка и культуры – например, такие, как **время**» [Тер-Минасова 2008: 187].

Наша цель – проанализировать восприятие времени в русской лингвокультуре в сопоставлении с другими культурами. Начнем анализ с самого термина “*время*”. В русском языке слово произошло от “*веремя*”, которое родственно словам “вертеть”, “*веретено*”. В русской языковой картине мира, следовательно, идея времени связана с идеей повторяемости, регулярности, цикличности. Эта же идея регулярности отражена в некоторых германских языках, где время – это “*прилив*”, в немецком же “*Zeit”* указывает на иную идею времени, линейный образ: глагол “*ziehen*” (‘тянуть’) [Маслова 2007: 81].

В России в течение определенного отрезка времени принято делать несколько дел одновременно. Там время воспринимается как некая точка или как круг, а не как прямая линия, и поэтому менее ощутимо; оно не является важнейшей ценностью, как в культурах монохронного типа. Представители России более гибко обращаются со временем, о нем часто даже не задумываются, время там более “тягучее”. Они могут назначить встречу “*во второй половине дня*”, “*через некоторое время*”, пригласить в гости “*после шести*” и т.д. Своеобразные отношения со временем и его заполнением у русских отражены и в коммуникативных особенностях. В отличие от американцев, к примеру, которые говорят то, что нужно именно в данный момент и для данного дела и заканчивают разговор, «русский подступает обиняками к главному зерну, а если с него начнет, то продолжит: “ну как вообще?.. У тебя. И что слышно?..” – и тянется нескончаемый разговор обо всем, о целом. Разговор-континуум. А у тех –

дискретность. Ты только разговоришься, а те молчат, им уже не нужно длить беседу» [Гачев 2003: 388, 414-415].

Различное отношение ко времени в англосаксонской (монохронной) культуре в сравнении с русской и армянской (в целом полихронными) культурами можно проиллюстрировать и наличием выражения “*Thank you for your time” (*в буквальном переводе:“*Спасибо за ваше время”, “Спасибо, что уделили мне время”*), которое является обязательной формой благодарности в деловом общении у американцев, при отсутствии коррелята в аналогичной ситуации в двух последних вышеназванных культурах. Еще пример: английское слово “*deadline”*(‘крайний срок’), как замечает Т.С. Самохина, «и по своему происхождению, и по своей семантике имеет прямо-таки устрашающую коннотацию: кто нарушит, тому не жить. В российской деловой культуре мы употребляем выражение “крайний срок”, которое никакого летального исхода для нарушившего не влечет» [Самохина 2005: 34]. Ср. в этом контексте армянское слово “*վերջնաժամկետ”*.Отношение ко времени проявляется у русских и в больших полотнах- фресках Толстого, Достоевского (широта охвата, размах). Не случайно в этом смысле у американцев больше принят жанр коротких рассказов, а среди русских авторов большей популярностью пользуется Чехов с его короткими рассказами.

Справедливо отмечая, что русские, «как и многие другие народы, относятся к понятию “**время**” вольно, не утруждая себя чрезмерной пунктуальностью», С.Г. Тер-Минасова так пишет о “пунктуальности” русских в сопоставлении с абсолютной пунктуальностью англичан: « ...если вы скажете в международной компании *Встретимся через час*, то вполне обычным может быть вопрос: *Русский час или английский час*? При этом все понимают, что час в любом языке это ровно 60 минут, но речь идет о различии культурного отношения ко времени. В отличие от русских, в культуре которых нет подчеркнутой пунктуальности и опоздания не только возможны, но и часто культурно обязательны (в гости, на приемы и т.п.), англичане знамениты своей точностью и бережным отношением ко времени» [Тер-Минасова 2008:197-198].

Русские вообще не любят определенности: *“Во сколько ты придешь?” – “Ну часов в семь”*. Они никогда не указывают время точно, как индусы, например. Если индусу сказать точно: *“Приходи в семь”*, это будет выглядеть нарушением прав человека. Ему надо дать люфт: туда-сюда полчаса. Немец, наоборот, оскорбится, если ему не сказать точно [Манукян 2010: 18-19]. Действительно, русские любят говорить “*часов в девять”* (а не *“в девять часов”), “около, в районе девяти”, “часа через три”*. Ср. выражение “*встретимся как-нибудь*”. В этом – крайнее избежание определенности. Отношение русских ко времени отражено в таких пословицах, как: “*Поспешишь – людей насмешишь”, “Тише едешь – дальше будешь”, “Поспешай, не торопясь”* и др. Вольное отношение, неопределенность указания точного времени зафиксирована и в русских народных сказках: “*в незапамятные времена”, “скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается”, “давным-давно”, “долго ли, коротко ли”* и т.д. “Панибратское” (термин Ю.С. Степанова) отношение русских ко времени отражено и в лозунгах советского и перестроечного времен: “*Время, вперед!”, “Пятилетку в четыре года”, “Перестройка, ускорение, гласность”* и др. Блестящей иллюстрацией отношения русских ко времени является шутка (а в каждой шутке, как известно, есть доля истины), прозвучавшая в одном из выпусков телевизионной передачи “Городок”: “*Бывают такие минуты, когда все решают секунды, и это длится часами”*.

Понять особенности отношения русских ко времени помогают некоторые базовые метафоры русской культуры. Так, характерными особенностями менталитета русских, имеющими истоки в метафоре *“пахать день и ночь”*, являются, в частности, а) неравномерность в графике исполнения работ – русские могут работать и во вне-

урочное время, во время аврала; b)способность в сжатые сроки выполнять неимоверный объем работы. В популярной метафоре *пути (“путь к коммунизму”, “путь в светлое будущее”* и т.д.) – высокий уровень ориентации на сам процесс, а не на результаты. В ней имплицирована увлеченность процессом в ущерб конечной цели и срокам (ср. горбачевское “*Процесс пошел*”) [Жданова www.elitarium.ru].

По параметру временной ориентированности, как и американцы, русские ориентированы на будущее. Однако эта ориентированность на будущее имеет разный характер и разные мотивы. В Америке, где главный девиз “*Время – деньги*”, а потерянное время – это потерянные деньги, все торопятся скорее достичь благополучия, и результат, конечный продукт гораздо важнее процесса его получения. Устремление американцев в будущее делает их нацией оптимистов, нацией, которая верит в то, что они могут это будущее контролировать. Нацеленность русских на будущее объясняется следующими мотивами и имеет несколько иной характер: «В Советском Союзе построение Светлого Будущего Коммунизма требовало непрерывных жертв в настоящем. Утешала мысль: мы мучаемся, но у наших потомков будет счастливая благополучная жизнь. По-видимому, устремление в будущее связано с христианской идеей о жизни в раю, о вознаграждении после смерти» [Тер-Минасова 2008: 209]. А вот как объясняет временную ориентированность русского человека В.А. Маслова: «Для менталитета русских характерна низкая оценка обозримого прошлого (исторического времени). “Начнем с чистой страницы”, – говорим мы, и это есть зачеркивание прошлого опыта. Однако наше настоящее – “результат уникальной последовательности событий в прошлом, над которыми мы не властны” (ср. часто встречаемое выражение “*начну с понедельника”* – Л.Б.). Опыт “до” теряет смысл, как только наступает “после”. И это типично для русского представления о времени: ср.: *Россия постперестроечная, послевоенная, послереволюционная.* В этих выражениях акцентируется внимание на событиях, обозначенных словами с приставкой “после-”» [Маслова 2007: 83]. Обращение в будущее объясняется также отсутствием силы воли. Н.В. Гоголь писал в “Мертвых душах”: «Иной раз, право, мне кажется, что будто русский человек – какой-то пропащий человек. Нет силы воли, ни отваги на постоянство. Хочешь все сделать – и ничего не можешь. Все думаешь – с завтрашнего дня начнешь новую жизнь…». В поговорке “*Утро вечера мудренее*” – фатализм русского человека: вера в судьбу, упование на высшие силы. Или ср.: “*А там* (т.е. в будущем*) посмотрим*” – надежда на “авось”.

«Интересно отношение языка к настоящему времени, которое русскими философами рассматривается как условность, ибо оно моментально: начало события уже отошло в прошлое, а его конец – в будущем; настоящее время – столь краткий миг, что его как бы нет вовсе, но, оказывается, что, кроме него, ничего нет», – отмечает В.А. Маслова [2007:83]. Н. Бердяев об этом говорит так: «Время распадается на прошлое, настоящее, будущее. Но прошлого уже нет, будущего еще нет, а настоящее распадается на прошлое и будущее и неуловимо… Человеческая Судьба осуществляется в этой распавшейся вечности, в этой страшной реальности времени и вместе с тем призрачности прошлого, настоящего и будущего» [цитируется по Маслова 2007: 83]. «Это типично русское отношение к настоящему, у других же народов оно иное, – пишет В.А. Маслова. – … Русские люди больше думают о прошлом или о будущем. Поэтому из двух главных “русских вопросов” – *Кто виноват?* и *Что делать?* – один относится к прошлому, другой – к будущему. Даже язык среагировал на эту особенность психики: глаголы совершенного вида не имеют формы для настоящего времени, оно заменяется будущим. Постепенно вырабатывается привычка избегать настоящего времени даже там, где это необходимо: *Два и три будет четыре*» [Маслова 2007: 83-84].

Ориентированность русских на будущее, а не на прошлое отражена в таких пословицах и поговорках, как “*Прошлого не воротишь”,* “*Прожитое, что пролитое – не воротишь”,* “*Прошлого не вернешь”,* “*Что было – то сплыло”,* “*Что было – то прошло”* и т.д. Притом, что, как и американцы, русские ориентированы на будущее, они часто смотрят в него с недоверием, избегают долгосрочных планов на будущее, так как не вполне в нем уверены, и им свойственно скептическое и даже суеверное отношение к нему. Американцы же, наоборот, верят в то, что будущее означает прогресс, и у них отсутствуют сомнения в том, что все запланированное осуществится, что проявляется и в коммуникативном поведении. Например, они рано объявляют о помолвке, о беременности, демонстрируют оптимизм и уверенность в завтрашнем дне. Для русских характерно суеверное отношение к будущему, они боятся сглазить запланированное (“*Хочешь рассмешить Бога – расскажи о своих планах”).* Русские обычно думают так: “Ну, как я могу договориться о встрече за неделю или месяц! Кто знает, что может случиться за это время. Чего только в жизни не бывает”. За всеми этими сомнениями стоит, скорее всего, фаталистическая боязнь планировать будущее и неуверенность в завтрашнем дне [Леонтович 2003: 145].

Сопоставляя разную ориентированность во времени русских и англичан, Т.В. Ларина справедливо указывает, что англичан «удивляет, когда русские, объясняя, как, например, пройти к банку, говорят: “*Пройдете прямо, потом повернете направо, увидите церковь, напротив нее и будет банк”* и т.п., употребляя глаголы в будущем времени». В английском языке в подобном объяснении будущее время вообще отсутствует. Иллюстрацией разной ориентированности является также обозначение времени. Например, для англичан 10.20 – это еще двадцать минут после десяти (*twenty past ten),* а для русских это уже двадцать минут одиннадцатого. Говоря о возрасте, русский скажет: *Ей под пятьдесят* или *Ей пошел шестой десяток.* Англичанин и здесь опережать время не будет и скажет, например, *She’s in her late forties, She’s in her early fifties* [Ларина 2003: 25].

Категория времени в русском языке представлена большой группой устойчивых сочетаний, пословиц и поговорок. О кратковременных событиях русские говорят: “*без году неделя”*(с неодобрением), “*в два счета”, “в один присест”; “во мгновение ока”;* о долго длящихся событиях говорят: “*битый час”*, *“в час по чайной ложке”,* “*в долгий ящик откладывать”, “долгая песня”* (все с неодобрением); о событиях, которые наступят скоро: “*на носу”,* о неожиданных событиях: “*точно снег на голову”;* о событиях, которые никогда не наступят:*“не видать как своих ушей”,“когда рак на горе свистнет”,“после дождичка в четверг”.* Для русского менталитета характерно неодобрительное отношение к событиям, которые долго длятся во времени [Маслова 2007: 86].

Известно, что один и тот же временной отрезок в разных лингвокультурах воспринимается, членится по-разному и, соответственно, имеет не эквивалентное, а разное языковое выражение. Так, если временной отрезок в 24 часа делится в русской лингвокультуре на *утро,полдень, вечер* и *полночь,* то в английском языке имеется более дробное членение: *morning, forenoon, noon, afternoon, evening, night*. В отличие от английского, в русском языке деление суток на части не имеет четких границ, так как это зависит от света- тьмы: световой день в огромной по протяженности России зависит от географического положения региона страны, от времени года, и поэтому имеет большие колебания. В Англии же, гораздо более компактной географически, части суток строго фиксированы по часам. Среди них «царицей и отправной точкой является *morning.* Отправной точкой потому, что это начало суток, начало дня, а “царицей” (или вернее “королевой” в английском контексте) потому, что ему принадлежит половина суток» [Тер-Минасова 2008: 192]. Утро (а с ним и день) в англоязычном мире четко зафиксировано и начинается в полночь. Поэтому русское *утро (*ко-

торое длится примерно от 4 часов до 10-11 часов) гораздо короче английского *morning*. Соответственно, «загулявший сын приходит в час ночи, если он русскоязычный, и в час утра (one o'clock in the morning), если он англоязычный» [там же]. Слово "*ночь",* напротив, указывает на более длинный отрезок времени, чем "*night".* Английское "*night"* больше соответствует русскому слову "*вечер",* потому что временной отрезок "*night"* – примерно от 8 вечера до полуночи, поэтому "*last night"*означает вполне невинное "*вчера вечером",* а не "*прошлой ночью".* Исходя из вышеуказанного, главным критерием определения границ частей суток являются традиции речевого употребления. Носители русского языка говорят без колебания: *час ночи, два часа ночи, три часа ночи*, однако с 4-х часов могут сказать и *ночи* и – чаще – *утра,* в зависимости от контекста ситуации. Например, мать может сказать молодой незамужней дочери с возмущением: "*Явилась в 4 часа ночи!"* В другой же ситуации она может сказать: "*Я встала в 4 часа утра, приготовила обед, убрала дом".* И формы приветствия со словами "*день", "вечер"* зависят от светового дня. Поскольку в России световой день гораздо длиннее летом, чем зимой, то летом говорят "*Добрый день"* и в 6, и в 7, и в 8 вечера и даже позже. Наоборот, зимой, в 4 часа, когда уже стемнело, можно сказать или услышать "*Добрый вечер".* Русскому слову "*день"* соответствуют два английских слова: "*day"* и "*afternoon"* –деление более дискретно. В контексте сказанного показательно выражение "*в 4 вечера",* несколько раз произнесенное известным российским телеведущим Дмитрием Дибровым (передача "Мой герой"). Языковое обозначение времени суток в русской лингвокультуре может быть связано также с началом и концом деятельности человека. Так, например, для русского человека абсолютно нормальным является пожелать другому доброго утра даже в час дня, если он в это время только проснулся. Или, наоборот, сказать, как в примере выше: "*Я встала в 4 часа утра, приготовила обед".* На этом именно аспекте утра как начала рабочего дня основано юмористическое определение: "*Утро – это такая часть суток, когда завидуешь безработным"* [см. Тер-Минасова 2008: 193-194]. Таким образом, членение на части суток в русской лингвокультуре является приблизительным, меняющимся в зависимости от солнечного времени. Части суток не имеют четких границ, и их восприятие довольно субъективно: у одного уже день, а у другого – еще утро. Пример из "Записных книжек" С. Довлатова: *"Моя жена говорила нашей взрослой дочери*:

– Мой день кончается вечером. А твой– утром".

Обратимся и к слову "*сутки".* Используемое в русском языке для обозначения временного отрезка в 24 часа слово "*сутки"* не имеет аналогов во многих индоевропейских языках. Так, в английском и армянском языках этот отрезок времени выражается посредством его деления на две части: на "*день" ("day", "օր")* и "*ночь" ("night","qիշեր")*. Сказанное говорит о более целостном, не дискретном восприятии времени в русском языковом сознании.

Если русские отсчитывают время месяцами, более целостно, то англичане – неделями. Русские говорят: *"ребенку 1,5 года*", англичане –*"18 месяцев".* Это может стать и переводческой проблемой, на которую указывают С. Влахов и С. Флорин: «Разбирая сделанный В.М. Топер перевод "Тяжелых времен" Диккенса, М. Лорие останавливается на характерном обозначении англичанами времени – в неделях, а не месяцах: "The marriage was appointed to be solemnized in eight weeks time"; в переводе – "через два месяца", потому что "по-русски говорят не "8 недель", а "два месяца"» [Влахов, Флорин 1980: 340].

Характерным для русских является и использование слов, обозначающих временные отрезки, в уменьшительно- ласкательной форме: "*неделька"*("*На недельку до второго я уеду в Комарово"* – слова из популярной песни, "*неделькой"* называется и комплект из семи колец), "*на минутку", "на минуточку", "на секундочку", "часок"*

(“*Встретимся через часок”), “времечко”* (словом даже назвали популярную телепередачу). Важно отметить, что аналогичных форм нет ни в армянском, ни в английском языках. Использование в разговорном дискурсе этих форм говорит не только о выражении неопределенности, но и о каких-то “интимно-трогательных”, эмоционально-теплых, душевных взаимоотношениях со временем у русских.

Анализ восприятия времени и отношения к нему в русской лингвокультуре, проведенный в сопоставлении с другими культурами, позволяет говорить о следующих особенностях менталитета русских. Это избежание определенности, неорганизованность, повышенная эмоциональность, сердечность, душевность, теплота, предпочтение процесса побудительным мотивам и целям, нарушение временных договоренностей, отсутствие силы воли, созерцательность в противовес деятельности, неумение концентрироваться на необходимом, фатализм, вера в судьбу, упование на высшие силы, надежда на “авось”, сомнения, скепсис, суеверие, соборность, целостность.

Литература

1. *Влахов С., Флорин С.*Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
2. *Гачев Г.* Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003.
3. *Гришаева Л.И., Цурикова Л.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Academia, 2006.
4. *Жданова Е.А.* Три особенности российского менталитета// www.elitarium.ru.
5. *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во РУДН, 2003.
6. *Леонтович О.А.* Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград: Перемена, 2003.
7. *Манукян А.И.* Вербальные вирусы в межкультурной коммуникации// Русский язык в Армении, 2010, N 4.
8. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, Наука, 2007.
9. *Самохина Т.С.* Эффективное деловое общение в контекстах разных культур и обстоятельств. М.: Р.Валент, 2005.
10. *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур. М.: Слово/ Slovo, 2008.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ «ПОЛИТИКА – ЭТО КУХНЯ» В РОССИЙСКИХ СМИ

И.Т. ВЕПРЕВА

Уральский федеральный университет, Россия

irina_vepreva@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 19–012–00399А

Ключевые слова: *метафора, кухня, политика, аксиологический потенциал, структура фрейма.*

С опорой на публицистический материал российской прессы рассматриваются особенности метафорического использования языковых средств, вербализирующих элементы кулинарно-гастрономической сферы в политическом дискурсе. Переносное употребление лексемы *кухня*, закрепленное в толковых словарях, дает основу для доказательства универсальности бытовой артефактной метафоры в языке. Анализируемая модель обладает мощным аксиологическим потенциалом. Кухня как компонент мира повседневности часто формирует негативную характеристику политической деятельности.

IRINA VEPREVA –Imlementation of Conceptual Metaphor «Politics is Cooking» in Russian Media

Key words: *metaphor, kitchen, politics, axiological potential, the structure of the frame.*

Based on the journalistic material of the Russian press, the features of the metaphorical use of language means that verbalize the elements of the culinary and gastronomic sphere in political discourse are considered. The figurative use of the lexemes*kitchen* fixed in explanatory dictionaries, provides the basis for proving the universality of the household artifact metaphor in language. The analyzed model has a powerful axiological potential. Kitchen as a component of the world of everyday life often forms a negative characteristic of political activities.

Настоящая работа посвящена рассмотрению концептуальной политической метафоры в публицистическом дискурсе. Основоположники теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон в качестве главного методологического посыла

выдвинули положение о природной метафоричности концептуальных систем [Lakoff, Johnson 1980]. Параллелизм высказанных идей Дж. Лакоффа и М. Джонсона прослеживается и в работах российских исследователей. Так, в работе В. А. Успенского 1979 года «О вещных коннотациях абстрактных существительных» рассматривается семантика абстрактных существительных *авторитет, страх, горе, радость*. Автор обнаруживает, что «отвлеченное существительное может иметь такую лексическую сочетаемость, как если бы оно обозначало некоторый материальный предмет, образующий материальную, или вещную, коннотацию рассматриваемого существительного» [Успенский 1979: 147]. Так, авторитет можно представить «в виде сплошного шара, в хорошем случае большого и тяжелого, в плохом – маленького и легкого. Ложный авторитет – полый внутри, с настолько тонкими стенками, что может *лопнуть*» [там же: 144]. Механизм опредмечивания непредметных сущностей в когнитивной метафоре реализует «принцип наглядности» в языке [Рябцева 2005: 125– 145], выступая как форма «ментальной экономии» [Shimko 1994: 660].

Таким образом, сопоставление вещного физического мира повседневности и воображаемого невидимым миром абстрактных понятий является главным средством познания. Понимание носителями языка сложной сущности абстрактных объектов осуществляется посредством концептуальных метафор.

В современной лингвистике теория концептуальной метафоры получила широкое распространение в исследованиях политического дискурса. Политическая метафорология раскрыла сущность метафоры как инструмента для моделирования и оценки политических процессов. Выбранная нами для исследования когнитивная метафора относится к сфере бытовой артефактной метафоры – это субсфера *кухня,*которая продуктивно метафоризируется в политической коммуникации разных стран. Источники сбора материала – корпус базы данных «Интегрум», включающей 3523 источника российских СМИ. Задача работы – проанализировать фреймовую структуру метафоры «политика – это кухня».

В русском языке лексема *кухня* имеет переносное значение: «Скрытая сторона какой-н. деятельности, чьих-н. действий» (разг.) [Толковый словарь 2008: 393]. Элемент скрытости послужил возникновению концептуальной метафоры «политика – это кухня», поскольку политика – это сфера жизнедеятельности, где принятие решений государственной важности, формирование политических программ и новых политических идей часто происходит «за закрытыми дверями», и обществу предъявляется уже некое готовое «блюдо». Поскольку тайное в языковой картине мира оценивается, скорее, отрицательно, то и действия на политической кухне, обусловленные скрытыми мотивами, аксиологически интерпретируются неоднозначно. Кухня, являясь частью мира повседневности, часто выступает как непривлекательная для посторонних глаз изнанка бытия. Поэтому концептуальная метафора часто формирует негативную характеристику политической деятельности, например:

Не секрет, что те же законы в Госдуме пишут американцы, – раскрывает ***секреты политической кухни*** *представитель парламентского большинства* (Профиль; 28.01.2013); *Сама власть вряд ли откроет секреты* ***политического варева*** (Уральский рабочий; 25.11.2008);*Теперь полностью убеждена, что партии – это ширма, за которой спрятана* ***грязная политическая кухня*** (Арсеньевские вести (Владивосток); 17.09.2016); ***Политическая похлебка****, приготовленная* ***давно немытыми руками*** (Журналист; 16.04.2002);*В результате рядовой читатель оказывается в положении потребителя этой информационной стряпни с* ***грязной политической кухни*** (Новая Сибирь; 12.09.1999).

Концептуальная сфера кухня упорядочена при помощи фреймо-слотовой структуры, включающей два фрейма: «Пища в целом» и «Приготовление и приём пищи»,

каждый из которых формируется слотовыми конкретизаторами [Керимов 2005: 73]. Цель работы – выявить метафорический облик политической кухни.

Фрейм «Пища в целом» состоит из двух слотов: «Продукты питания, блюда и ингредиенты» и «Характеристика пищи». Рассмотрим последовательно заполнение слотов.

Продукты питания в публицистическом дискурсе могут называться обобщённо, без указания конкретных видов:

*В «**политическом блюде**» Никите Белых «не хватает неких ингредиентов» в виде либеральной партии, но сам он ей заниматься не хочет* (КоммерсантЪ; 12.09.2014); *Люди не хотят пробовать предлагаемые им «**политические блюда**»* (Трибуна; 24.12.2003); *Вот такая **политическая кухня**, где **у каждого блюда** есть свой срок приготовления, поедания, хранения и выбрасывания* (Деловой Петербург; 04.07.2014); *И простой житель планеты зачастую не знает той кухни, в которой готовится **политическое варево*** (Своими именами; 09.07.2013).

Развернутый контекст может конкретизировать название блюд:

***Политические блюда**, которые сейчас предлагает депутатам кремлевская кухня, безвкусны и приготовлены по стандартному рецепту – легкоусвояемая **кашица** безоговорочной поддержки и веры, ничем не отягощающая бюрократический организм* (Новая газета; 12.01.2004);

*Так что **политическое блюдо**, которое в субботу-воскресенье изготовят в Голицыне, пока больше всего напоминает то ли **окрошку**, то ли **винегрет*** (Новая газета; 20.05.2004).

*Наши правители так увлеклись делением **политического пирога**, что о стране забыли, и это ощущается очень остро* (Аргументы и Факты; 26.11.2008);

*Новый роман Александра Проханова под названием «Крым» – это горячий **пирожок** с пылу с жару **политической кухни*** (Независимая газета; 15.10.2014);

*Этот сюжет с «**политическим омлетом**» (как назвали его в одном из Красноярских СМИ) обсуждается как главная новость дня* (Педагогический вестник; 01.03.2005);

***Политическая котлета** по-киевски* (Камчатское время; 29.03.2006);

*Реакция Кремля была хоть и грубоватой – не допустим «появления **политической запеканки** в виде каких-то слипшихся регионов с оппозиционными настроениями» – но все же вполне адекватной* (Известия; 21.10.2000);

*Каким бы ни был послевоенный **политический салат**, Чечне придется снова кормиться из федерального бюджета* (Век; 15.09.1995);

*В меню – **политическая лапша*** (Ставропольская правда; 29.11.2001);

***Политический «холодец»** не должен дрожать от прикосновения к нему общественно-политических сил!* (Советская Россия; 25.02.2010);

***Политический полуфабрикат** безопаснее, да и приготовить его, когда возникнет потребность, можно гораздо быстрее* (Новая газета; 29.11.2004);

*Для любителей «**политического жаркого**» сразу оговоримся, что в сложившейся ситуации «политическая составляющая» отсутствует* (Российский следователь; 31.01.2005);

*Дескать, показания А. Пукача способны вымазать «**политическим повидлом**» многих соперников нынешнего президента в борьбе за заветное кресло* (Родное Подмосковье; 17.06.2009);

*Полагаю, дегустаторов украинского **политического сала** в Москве немало* (Независимая газета; 07.12.2004).

Для политического дискурса характерна не простая констатация политического блюда или продукта, а обязательно присутствует характеристика пищи, которая обычно носит негативный характер:

В итоге к моменту выборов была съедена критическая масса этого ***суррогатно-политического варева*** (Московские новости; 23.01.2004);

Так вот, продукты, из которых сейчас готовят ***политические блюда****, давно* ***протухли****!* (АиФ; 03.06.2015);

*Читателям-зрителям ясно, что состряпанные на такой «****политической кухне****»* ***блюда малосъедобны*** (Родина; 10.12.2013);

И если, зная все это, две партии все же решаются заваривать всю эту ***безвкусную политическую кашу*** *– тем самым они проявляют политическую безответственность классических аутсайдеров* (Известия; 17.06.2003);

Политическая «солянка» солживой приправой (Калининградская правда; 15.03.2001);

Немецкая ***яичница, состряпанная*** *неудавшейся кухаркой Меркель, остаётся образцом* ***несъедобности*** (Завтра; 20.03.2019).

Случаи номинации «вкусных» блюд в публицистическом дискурсе не зафиксированы.

Фрейм «Приготовление и приём пищи» состоит из трёх слотов.

1) «Приготовление пищи»:

Средиземное море объединяет столько континентов, там сходятся Африка, Азия, Ближний Восток, можно сравнить его с ***политической кухней****, и результат этого мы уже видим:* ***кто-то с поварёшкой варит этот плов*** *и раздаёт в виде «арабской весны», – отметил российский парламентарий* (Красная звезда; 26.06.2013);

Ради победы Ходорсковского на выборах антагонисты – левые и правые – сошлись около одной ***политической плиты*** *и пытаются* ***сварить****нечто кисло-сладкое* (Молот (Ростов-на-Дону); 26.08.2005);

Министры толкают людей на протест. Ну а пока в балтийском «котле» ***кипит политическое варево****, мамы готовятся к маршу* (Новые Колеса Игоря Рудникова (Калининград); 14.11.2013);

До революции 17-го года был только один В. Розанов, который хвастался тем, что готов ***разбить*** *все политические, идеологические* ***яйца****, чтобы* ***изжарить*** *из них разноцветную* ***политическую яичницу*** (Знамя; 15.01.1999);

ЛДПР мешала тем, кто хотел бы сам ***варить*** *тот* ***политический борщ****, который они намеревались сделать* (ЛДПР; 24.01.2002);

Улов, прямо скажем, небогатый. Хорошей ***политической ухи*** *из него не* ***сварить***(Советская Россия; 08.02.1996);

Но знают ли господа, занятые ***политической стряпнёй****, спрашивает писатель, насколько опасно постоянно пичкать людей национальным унижением?* (Парламентская газета; 30.03.2005);

Политические кашевары *современной жизни на самом деле* ***кладут в горшок вместе с крупой топоры*** *и другие колюще-режущие изделия для своего* ***корыстного навара***(Мамоновские вести; 10.12.2008);

Экономические расчеты, ***замешанные*** *на* ***политических дрожжах****, дали совершенно противоположный результат* (Вечерняя Москва; 30.03.1999).

На процесс приготовления пищи указывают специальные глаголы из кулинарной сферы: *варить, стряпать, жарить, замесить*, которые охватывают разные способы приготовления пищи. Глаголы метафорически передают типичную ситуацию политической деятельности – это активная и бурная политическая работа в определенных социальных условиях. Часто в политических кругах происходит выяснение напряженных отношений, сталкиваются противоположные интересы и взгляды.

Особое место в меню политической кухни занимают приправы и специи, добавка которых в пищу, с одной стороны, улучшает вкус блюд и таким образом часто при-

крывает недоброкачественность продукта. С другой стороны, чрезмерное использование приправ (соли, перца) портит блюдо, делая его подчас непригодным для еды. Компонент «острота», присущий для специй, подчеркивает интенсивность политической жизни, ассоциируется с политическими явлениями, вызывающими эмоциональный отклик со стороны общества.политические приправы и специи метафорически подчеркивают остроту политических проблем. Обе функциональных нагрузки приправ часто работают в метафоре на ухудшение блюд политической кухни:

То, что ему предлагается под разными ура-патриотическими соусами, представляет собой по большей части плохо перевариваемое блюдо, ***слишком густо сдобренное пахучей политической приправой***(Журналист; 21.06.2004);

Все эти вопросы сегодня бурно обсуждаются, причем в дискуссионный котел всяк, кому не лень, подсыпает ***политического перцу*** (Вятский край; 19.12.2002).

В процессе приготовления пищи политические повара чаще всего варят суп и кашу:

Именно сейчас смоленская политическая кухня заложила в свои кастрюли то, из чего в дальнейшем будет сварен наш областной ***политический суп*** (Рабочий путь (Смоленск); 01.11.2001);*Но те, кто стремится дискредитировать Всемирные игры, варят скверную* ***политическую кашу*** (Правда; 18.04.2008).

Дополняет данный слот компонент «рецепты»:

Спрос на ***политических поваров, готовящих блюда по рецепту «****за вкус не ручаюсь, а горячо будет», прошел*(Коммерсантъ-Daily; 19.10.1996);

Его не устраивает ***политическая каша*** *ни* ***по одному из рецептов****, предлагающих самобытно сочетать интернационализм, национализм, социализм, капитализм, коммунизм, фашизм (****добавить по вкусу*** *почвенничества и православной соборности и — чем больше, тем лучше — державности)*(Неприкосновенный запас; 16.03.1999).

2) «Прием пищи»:

*История с поправкой показала «Единую Россию» сложным политическим организмом, способным «****переварить****» самые острые* ***политические блюда*** (МК; 30.06.2008);

Как, по-вашему, избиратели смогли ***усвоить*** *это наваристое* ***политическое блюдо****?*

Или результатом такого широкого ассортимента ***политических блюд*** *станет* ***хроническое несварение желудка****?* (Тульские известия; 09.02.1999);

Не то сейчас: его с головой окунули в сиюминутную ***политическую кашу****, которую он на пару с собеседником* ***должен расхлебывать*** (Московский комсомолец; 03.05.2001);

Неужели есть еще люди, которые думают, что россиянам можно подавать любой ***политический винегрет – проглотят****?* (Ветеран; 11.07.2006).

Общество как потребитель политических блюд испытывает физиологический дискомфорт. Употребление глагола *расхлебать*в переносном значении «Разобраться в чем-н., с трудом распутав что-н. сложное, неприятное» [Толковый словарь 2008: 818] подчеркивает негативное отношение общества к результатам политической деятельности.

3) «Используемая посуда и инструменты»:

Власть не могла определиться, что делать в этой ситуации на выборах, то ли снять крышку с закипающей ***политической кастрюли****, то ли прижать ее покрепче с риском ошпариться* (Советская Россия; 31.10.2009);

Таким нехитрым способом партийцы пытались охладить местную раскаленную ***политическую «сковороду»*** (Северный Кавказ; 09.08.2006);

Температура страстей вокруг 1000-летия Казани достигала весьма высоких отметок, ***политический казан*** *бурлил вовсю, но до кипения дело не дошло, и боль-*

шая часть участников нашего топ-50 сохранила свои позиции в рейтинге Новости-online (Регион-Информ-Москва); 08.09.2005);

В огромном множестве перемолотых кровавой ***политической мясорубкой*** *судеб* (Книжное обозрение; 08.03.2010);

День Полтавской битвы был днем общей победы двух братских народов, и разрезать ***политическим ножом*** *течение истории невозможно* (Новая камчатская правда; 01.08.2002);

Одно только высокое внутреннее давление не в состоянии сделать наши выборные органы эффективными ***политическими скороварками****, какими они вроде бы задуманы* (Знамя; 15.01.2001);

И вдруг такой поворот: и «мухи», и «котлеты» очутились у президента в одной ***политической «тарелке»*** (Искра; 16.09.2004);

Так что поиск ответа на вопрос: Для чего нужно было так громко объявлять о краже ***серебряных ложечек*** *с* ***политической кухни****?* (Новая газета; 28.07.2014).

Подведем итоги. Группа рассмотренных метафор, относящаяся к кулинарно-гастрономической сфере, организована тематически и тяготеет к объединению в развернутые многочленные конструкции, которые включают как название продуктов и блюд, так и способы их приготовления. Процесс приготовления пищи, характеристика приготовленных блюд проецируемые на сферу политики, означает различные политические действия и идеи, чаще всего в негативном смысле. Множественность отрицательных коннотаций, присущих данному типу метафор, позволяет говорить об аксиологическом потенциале концептуальной метафоры, создающей пейоративный образ сегодняшней политики.

Литература

1. *Керимов Р. Д.* Гастрономическая метафора в сфере немецкой политики // Политическая лингвистика, 2005. № 15. С. 71-79.
2. *Рябцева Н. К.* Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с.
3. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Изд. Центр «Азбуковник». 1175 с.
4. *Успенский В.А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 11. М.:ВИНИТИ. 1979. С.142-148.
5. *Lakoff G. & Johnson, M. Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press. 1980. 256 p.
6. *Shimko K.L.* Metaphor and Foreign Policy Decision Making // Political Psychology, 1994. Vol. 15, 4, pp. 655-671.

ОТ БОГЕМЫ К ТУСОВКЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ «ЧЕЛОВЕКА БОГЕМЫ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Е.М. ДУБРОВСКАЯ

Новосибирский государственный технический университет, Россия

schitat.do.sta@gmail.com

Ключевые слова: *богема, человек богемы, лингвокультура, трансформация, менталитет, национальная картина мира.*

В данной статье на материале Национального корпуса русского языка проводится анализ функционирования лексемы «богема» в художественных и публицистических текстах разных периодов (от XIX века до наших дней). Полученные результаты свидетельствуют о том, что с течением времени взгляды на богему и отношение к ней претерпевали существенные изменения, однако в той или иной мере понятие это существовало всегда. Таким образом, мы доказываем, что «человеку богемы», несомненно, должно быть место в русской картине мира.

ELENA DUBROVSKAYA – From bohemia to hang out: transformation “man of bohemia” in Russian linguoculture

Key words*: bohemia, linguocultural consciousness, transformation, mentality, national worldview.*

In this article on the material of the National Corps of the Russian language the analysis of functioning of the lexeme "boheme" in art and journalistic texts of different periods (from the XIX century to the present day) is carried out. The results show that, over time, views of bohemia and attitudes towards it have changed significantly, but to a greater or lesser extent the concept of bohemia has always existed. Thus, we prove that "the man of bohemia" should undoubtedly have a place in the Russian worldview.

Для определения понятия **богема** обратимся к Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона: «**Богема** (франц. Bohême, т.е. ‘цыганщина’) – так французский писатель А. Мюрже (Henri Murger) назвал студентов Латинского квартала, и с тех пор богемой называют всякую интеллигентную бедноту, которая артистически весело и беззаботно переносит лишения и даже с некоторым презрением относится к благам земным» [2: 165].

Обратимся к образным характеристикам лексемы «богема». Для изучения этих характеристик нами были проанализированы контексты (на материале Русского национального корпуса [www.ruscorpora.ru]), в которых встречается данная лексема. Целью одного из этапов исследования было обнаружить соответствия в описании богемы, представленном в словарях, и «бытованием» этой лексемы в художественных текстах.

Богема, несомненно, всегда ассоциируется с артистической, творческой средой:

*Принято считать, что актеры, особенно московские, – это настоящая **богема**: до полудня нежатся в постели, потом – спектакли, съемки, далее – презентации, казино etc*. [Спектакли – это живые существа (2003) // «Театральная жизнь», 2003.08.25].

Богемную жизнь всегда окружает некий ореол загадочности, это некая особая атмосфера, непохожая на привычную и ординарную:

*Тиран сидит в ложе, поэт – в партере. Он представляет себя карбонарием, в воображении своем он вытаскивает револьвер. А вообще-то он бормочет нечто сквозь зубы и бросает гневный взгляд. Вот и вся идея **богемы**.*[Соломон Волков, Иосиф Бродский.Соучастие воображения // «Огонек». № 7, 1991, 1991].

Визуальные признаки богемы тоже имеют определенные особенности, позволяющие распознать, что перед нами представители именно богемной среды:

***Богема** начинает выходить в свет в туниках «а-ля грек» – раньше в такого рода одеяниях дамы позволяли себе входить только в спальню.*[Анна Карабаш.Если задыхаться, то только от нежности (2002) // «Домовой», 2002.08.04];

*Это она ввела в моду рубашку-платье, черную с белым, синюю с рыжим. Но это еще ничто. Она нарисовала себе цветы на лице. И вскоре знать и **богема** выехали на санях – с лошадьми, домами, слонами – на щеках, на шее, на лбу. Когда я спросил у этой художницы, почему она предварительно покрыла себе лицо слоем ультрамарина, – Смягчить черты, – был ответ. – Дягилев, Вы первый шутник на свете!* [М. И. Цветаева.Наталья Гончарова (Жизнь и творчество) (1929)];

*Вокруг шеи всегда газовая косынка, по этому поводу говорили: «не то **богема**, не то ангина».*[Василий Катанян.Прикосновение к идолам (1998)].

Также в художественных текстах неоднократно упоминаются своеобразные способы общения и взаимодействия внутри богемной среды:

*Если бы здесь гуляла **богема**, то кто-нибудь уж, наверное, если не спал бы в салате, то точно – сидел бы на чужом месте, облокотясь на соседа и громко нашептывая малознакомому собрату грязную сплетню.*[Кира Сурикова.Ира – дура (2003)];

Зачастую люди богемы сами ничего не творят и не создают, однако вращаются в кругах актёров, поэтов, художников и музыкантов - творческой элиты общества, представляя собой некую изнанку артистической жизни:

*Околохудожественная **богема** частью была развязно-глупа, нередко страдала снобизмом или играла в интеллектуальные игры.*[Рубен Ангаладян.Параджанов: коллаж тени и цвета в диапазоне одного человеческого сердца // «Звезда», 2001];

*– Так то, наверное, была интеллигенция, – сказал Роберт. – Скорее, **богема**. – Страшно далеки они от народа… а на заводах, ребята, скверно*. [Андрей Лазарчук. Все, способные держать оружие... (1995)].

Одной из наиболее частотных и непременно упоминающихся в разговоре о богеме черт является пагубное пристрастие к алкоголю или наркотическим веществам, в общественном сознании богема не может быть без определенных зависимостей:

*Есенина просто забавляла эта игра в **богему**. Ему нравилось наблюдать ералаш, который поднимали подвыпившие гости. Он смеялся, острил, притворялся пьяным, умышленно поддакивал чепухе, которую несли потерявшие душевное равновесие собутыльники. Он мало пил и много веселился, тогда как другие много пили и под конец впадали в уныние и засыпали.* [Рюрик Ивнев.О Сергее Есенине (1926-1964)];

Представители богемного общества, так называемые люди богемы, нередко эксцентричны, отличаются стремлением эпатировать и удивлять публику – независимо от того, зрители это или простые обыватели:

*Еще Ханна Арендт отмечала, что питательным бульоном для тоталитарных учений XX века служили вовсе не сообщества мелких лавочников, а богемные круги fin de sicle, которым от пресыщенности все хотелось чего-нибудь эдакого, с возбуждающим запахом гнильцы. Желание **богемы** было исполнено. Изящные салонные забавы обернулись десятками миллионов человеческих трупов, которые отнюдь не розами пахнут, так что с возбуждающим запахом все получилось как надо.* [Максим Соколов. 25.V -- 31.V (2002) // «Известия», 2002.05.31].

В общественном сознании богема нередко ассоциируется с некой развратностью и распущенностью, отсутствием моральных устоев:

*Будущий автор – тогда ещё просто студентка медицинского института – водила дружбу с одним представителем «творческой интеллигенции», именуемой иными по сей день **«богемой»**, – достаточно «ярко окрашенным», всегда одетым в штаны «мэйд ин что положено», всегда готовым расстегнуть их, дабы обогатить тогда ещё не автора своим сорокалетним жизненным опытом. В застегнутых же штанах он всегда охотно приобщал юное создание к чужому самовыражению.* [Татьяна Соломатина.Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом» (2009)];

*Одних официальных спутниц жизни у него было около десятка, а неустанно менять жен – непременная привычка **богемы** нашего поколения, да и не только нашего.*[Николай Климонтович.Далее – везде (2001)].

Практически каждый человек богемы позиционирует себя как артистическую натуру и художника, поэтому каждый его поступок – творческий акт, и всё поведение его определённым образом театрализовано, направлено в первую очередь на зрителя и его реакцию:

*Тем временем, как пишу тебе, всё продолжается своим чередом в другом конце стола. Они геньяльничают, декламируют, бросаются друг в дружку фразами, театрально швыряют салфетки об стол, утерев бритые рты. Я не сказал, кто это. Худший вид **богемы**. (Тщательно зачеркнуто.) Кинематографическая труппа из Москвы. Ставили «Смутное время» в Кремле и где были валы.* [Б. Л. Пастернак.Письма из Тулы (1918)].

Проанализировав контекстное употребление лексемы «богема», можно сделать вывод о том, что данная лексема используется авторами текстов в основном для того, чтобы уточнить, углубить описание и сделать особый акцент на образе жизни и позиционировании в обществе описываемых героев, подчеркнуть их индивидуальность и в то же время типичность, типизированность.

Классическая российская богема – явление по-своему уникальное, в первую очередь, потому, что в классическом определении основой богемного существования является буржуазное общество, чего нельзя сказать ни о революционной России XIX века, ни о «советской» богеме XX. Поставив перед собой вопрос, кто же он – «человек богемы», мы обратились к рассмотрению образов людей богемы в художествен-

ной литературе, начиная с появления и развития богемы в России – с «Серебряного века» и до наших дней.

Культура Серебряного века позволила образу человека богемы закрепиться в российской литературе – посредством дневников, писем, мемуаров, автобиографий, воспоминаний, а также художественных произведений. Самым ярким из таких произведений можно считать, пожалуй, «Циников» Анатолия Мариенгофа – роман о богемном сознании. Герои не являются людьми богемы в классическом понимании этого словосочетания, но при этом обладают богемным восприятием действительности. На фоне всепоглощающей революции и смуты в душах и сердцах людей, герои романа выглядят какой-то совершенно автономной средой, интеллектуальными аристократами: Ольга и вовсе воплощает ярчайший образец женщины Серебряного века, вокруг которой, кажется, вращается весь мир. Для представителей классической богемы характерен был «добровольный уход из жизни», когда они осознавали, что в жизни этой они разочарованы и происходящее их больше нисколько не занимает и не интересует, – именно так покончила с собой Ольга.

О. В. Аронсон отмечает, что «богема эфемерна, следы её отыскать крайне трудно, поскольку она существует в те редкие моменты общения внутри своей среды и только там она фиксирует правила этого общения. Она демонстрирует самим способом своего существования, как некоторые позы и жесты, бессмысленные и не имеющие никакой экономической ценности, могут вдруг стать, пусть даже для небольшой группы людей, предметом первой необходимости, стать воспроизводимым коммуникативным клише, использование которых требует новой сцены» [Аронсон 2002: 49].Ещё одной такой чертой стало и пренебрежение к жизни – как к чужой (которая не представляет никакого интереса для богемной личности), так и к своей (которая легко может наскучить и быть бесцеремонно прервана самой этой личностью).

Классическая богема в России сменилась богемой 60-х годов, «советской богемой», само название которой уже заключает в себе внутреннее противоречие. После 1937 года, когда многие деятели Серебряного века, не поддавшиеся партийному контролю, были репрессированы, убиты, отправлены в лагеря, – писатель официально стал государственной профессией, свобода творчества была ограничена, – в таких условиях богема существовать не может органически.

Не существовало богемы и в военное время – молодые писатели и художники не могли демонстрировать результаты своего творчества, их не публиковали и не выставляли, кроме того им необходимо было работать, чтобы не попасть под статью о тунеядстве. Власть интересовали не результаты деятельности творца, а то, в какой организации он трудится. Все это противоречило самому духу богемы и богемности и естественным образом привело к её «затуханию».

В шестидесятых на смену богеме приходят стиляги. Эти молодые люди аполитичны, циничны в вопросах морали, по крайней мере, на словах, ярко одеваются, следуют западным образцам, увлекаются западной музыкой и танцами и разговаривают на собственном языке (сленге). Однако субкультура «стиляг» – это, скорее, протест, отрицание существующих стандартов жизни современной им молодежи и стремление жить иначе. Эта субкультура связана, скорее, с неприятием и открытым противостоянием существующему укладу, в то время как богема в первую очередь – это внутреннее состояние души, не направленное ни на кого конкретно.

В восьмидесятых годах появляется музыкальная контркультура, богемное поведение входит в моду и утрачивает весь нонкомформизм. Протестовать, быть не таким как все, отличаться – то, к чему стремится практически каждый молодой человек того времени.

Все эти социально-культурные движения, внешне напоминающие некоторые богемные черты, в результате приводят к тому, что к концу двадцатого века богема

превращается в то, во что – по определению – она превратиться не должна была, а именно – в массовую культуру. Западные исследователи отмечают, что для представителей так называемого креативного класса богемная форма проведения досуга превратилась в стиль жизни, следовательно, – в повседневность. Эту социокультурную группу, к которой можно отнести, например, хипстеров, называют «бобо», буржуазной богемой, что само по себе парадоксально – богема существует рядом с буржуазией, но при этом сама она не может являться ею. В то же время возникает понятие «псевдобогема» – это люди, для которых внешние проявления богемного поведения – эпатаж и разгульный образ жизни – становятся игрой, маской, образом, а вовсе не естественными проявлениями.

В настоящее время говорить о богеме ещё сложнее, потому что и сейчас богемность трактуется довольно широко. Вероятно, уместнее говорить о «тусовке» как о некой социальной группе, внутри которой встречаются личности, наделённые теми или иными богемными качествами. Обратимся к определению тусовки, данном В. А. Мизиано: «Тусовка – это и есть форма самоорганизации художественной среды в ситуации отсутствия какого-либо внешнего репрессивного давления, когда исчерпаны все возможные консолидации по принципу идеологического единомыслия, этики, противостояния или «общего дела» [Мизиано 2002:360], однако там же автор замечает: «Не узнает себя тусовка и в богеме – феномене, возникшем в XIX столетии и доживавшем свой век на Западе в умонастроениях шестидесятников, а в России – у неортодоксального крыла официальной культуры. Ведь богема возникла как ответ художественной среды на давление рынка и социального заказа, когда элита организует свой внутренний, оппозиционный коммерческому «символический рынок», где циркулируют некие подлинные и абсолютные ценности. Тусовка же, наоборот, гипотетически открыта рынку и социальному заказу и пребывает в перманентном ожидании покупателя и покровителя» [Там же].

Анализ художественного материала, составивший не менее 500 контекстов 300 авторов, показывает, что говорить о человеке богемы, который в образе героев произведений «дошёл до наших дней», лишь сменив фрак на джинсы, а мундштук на кальян, не приходится, поскольку мы имеем дело с трансформацией самого представления о богеме. Однако существует ряд черт, которые непременно будут сопровождать человека богемы как бы он ни назывался – человек богемы, стиляга или тусовщик (см. Таблицу 1):

Таблица 1. Совпадение ядерных признаков трёх типажей – человек богемы, стиляга, тусовщик

признаки	**человек богемы**	**стиляга**	**тусовщик**
стремление к творчеству	В разные времена в доме жили художники, архитекторы, скульптуры, поэты. Одним словом – **богема**. Это всегда связано с ожиданием чего-то яркого, впечатляющего и ностальгического. [Виктория Кручинина. Интересная штучка (2003) // «Мир & Дом. City», 2003.08.15]	В истории постаревших **стиляг** джаз и танец занимают огромное место. [Музыкальные паузы режиссера Васильева (2003) // «Театральная жизнь», 2003.05.26]	**Тусовка** молодых и отвязных драматургов (которые вообще-то не склонны сбиваться в стаю) собралась вокруг Театра.doc, неформального и неформатного театрального подвальчика в Москве, на Патриарших. [Лейла Гучмазова. Драматические поиски реальности // «Русский репортер», № 18 (18), 4-11 октября 2007, 2007]

урбанистичность	- Я хочу сказать, что есть Москва и есть Россия, друг с другом они не соотносятся. Есть бутики и живущая премьерами **богема**. Находящуюся в границах Садового кольца Москву волнует, хорошо ли станцевал Цискаридзе в балете Ролана Пети. [Ефим Шифрин: «...у меня и свидетельства есть».Еврейская драма Ефима Шифрина (2003) // «Известия», 2003.02.21]	Эта музыка да обрывки информации создавали золотое свечение ауры, поднимавшейся над недоступным и таким желанным Западом. По Невскому проспекту ходила толпа **стиляг**. Невский они называли «Бродом» — от нью-йоркского Бродвея. [Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века ... (1999-2003)]	В их особняке собиралась тогдашняя столичная **тусовка**. [Артем Тарасов. Миллионер (2004)] Хотя **тусовка** была очень интересная, все приезжали из самых разных городов, и хотя и в тот момент было разделение – города-миллионники и все остальные, – мы общались, обсуждали многие вопросы. [Юлия Торгашева. «Народ стал теплее» (2002) // «Дело» (Самара), 2002.05.03]
аморальность	А просто я **богема**, аморальная личность!" Вот и всё. [Ю.О. Домбровский.Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)] В моем понимании **богема** – это выпивка, романы, вечеринки до утра. [Владимир Емельяненко. Борис Жутовский: «Тусовки выхолащивают суть» (2002) // «Известия», 2002.02.25]	Так вот, одноразовая посуда, которой завален мир, пивные жестянки, продаваемые в пластиковой расфасовке пищевые куски — все это создано как бы прямо по заказу этих самых **стиляг**, «моральных уродов» из «Крокодила». [Евгений Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997)]	«Прикольная, крутая **тусовка**» – для моего языка вещь невозможная, хотя бы потому, что слово «**тусовка**» почерпнуто культурным слоем нашего общества из лексикона проституток. [Марк Захаров. Суперпрофессия (1988-2000)]
максимализм	Рисуя советские 60-е, они превозносят элементы богемной жизни, возникшие в эти годы: «Признавая существенными только художественные абстракции, будучи принципиально аморфной, **богема** оказалась наименее уязвимым идеологическим образованием». [Игорь Ефимов.Сергей Довлатов как зеркало Александра Гениса // «Звезда», 2000]	Невский тогда был Бродвеем, дорогой **стиляг**, людей отважных – их выкрутасы вряд ли повторимы в другой стране. [Валерий Попов. Литературный Невский // «Звезда», 2001]	В недолгие периоды их оседлой жизни в малогабаритке на «Речном вокзале» постоянно собиралась богемная **тусовка**, где за стаканом сухенького или рюмкой чая велись страстные дискуссии о судьбах советского искусства и великой России. [Мария Торгова.Камера на одного (2004) // «Парадокс», 2004.05.01]
молодость	«**Богема**», – объяснил Мотрич, заметив почти испуганное выражение бывшего сталевара, когда бледный с зеленью юноша в солдатской шинели без хлястика и погон, вчерных, разва-	Поэтому сразу же после школы я попала в компанию **стиляг** и тунеядцев. [Евгений Попов.Запоздалое раскаяние (1970-2000)]. Позднее, во второй	Подросток ищет выражения собственной свободы, и формой ее выражения могут быть молодежная компания, «**тусовка**», современная музыка, эпатирующий внеш-

	ливающихся ботинках, оставляя после себя мокрые следы (вне сомнения, ботинки его протекали), отошел от них, перебросившись несколькими словами с мэтром Мотричем. [Эдуард Лимонов.Молодой негодяй (1985)]	половине 50-х, на волне начавшихся разоблачений культа личности страсти вокруг **стиляг** поутихли, «стилягами» стали обзывать вообще всех нехороших молодых людей. [Алексей Козлов.Козел на саксе (1998)].	ний вид. [Алексий Уминский.Православное воспитание и современный мир // «Альфа и Омега», 2000].

Наблюдая за трансформацией человека богемы, мы видим, что самым главным признаком такого человека является стремление выделиться и обособиться (обособиться функционально – люди искусства), ментально (их мысли занимают размышления о высоком, им чуждо насущное и материальное), визуально (своеобразие одежды и аксессуаров)).

Очевидно, что люди, желающие презентовать себя подобным образом, всегда будут существовать, это словно заложено в нашей ментальности – показать и доказать свою непохожесть, оригинальность, уникальность, желание иметь альтернативу или самому быть этой альтернативой. Таким образом, мы доказываем, что «человеку богемы», несомненно, должно быть место в русской картине мира.

Богема наиболее сильно проявляла себя во времена исторических переломов: во Франции – после революции, в России – незадолго до революционных событий. Таким образом, нельзя утверждать, что богема в классическом понимании прекратила своё существование, ибо перемены в XXI веке, несомненно, тоже будут происходить.

Литература

1. *Аронсон О.* Богема: Опыт сообщества (Наброски к философии асоциальности). М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. 96с.
2. Брокгауза и Ефрона энциклопедический словарь // БСЭ. 2-е изд. 1951. Т. IV.
3. *Долгенко, А.Н.* Русский декадентский роман. А.Н. Долгенко. Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград : Перемена, 2005. 253 с
4. *Дмитриева О.А.* Лингвокультурный типаж “французский буржуа». Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 74-88.
5. *Дмитриева О.А.* Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: Монография. Волгоград: Перемена, 2007. 307 с.
6. *Дубровская Е.М.* Эволюция лингвокультурного типажа «человек богемы». Социальные коммуникации и эволюция обществ. – Новосибирск, 2013 С.405-414
7. *Карасик В.И.* Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
8. *Карасик В.И.*, Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006. – 240 с.
9. *Мизиано В.А.* «Тусовка» как социокультурный феномен // Художественная культура XX века: Сб. статей. М.: ТИД «Русское слово. 2002. С.352-363.

КОМИЧЕСКОЕ В РЕЧЕВОЙ АРХИТЕКТУРЕ НОВОСТНОГО ГИПЕРМЕДИАТЕКСТА

Л.Р. ДУСКАЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

l.duskaeva@spbu.ru

Е.А. ЩЕГЛОВА

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

e.scheglova@spbu.ru

Исследование проведено при поддержке гранта «Комическое как коммуникативный ресурс в цифровой новостной среде» (Соглашение с РНФ № 19-18-00530 от 07.05.2019)

Ключевые слова: *комическое, речевая архитектура, новостной гипермедиатекст, новостная волна, референт, цифровая реальность.*

В статье рассматривается коммуникативная роль комического в создании гипермедиатекста новости. Было установлено, что в своем развитии информационная волна переживает три периода: сообщающий, оценочный и побудительный. В каждом из периодов комическое выступает как полифункциональное явление: осмысление сообщения, снятие напряженности, эскалация эмоционального состояния адресата и т. п. В гипермедиатексте новости комическое принимает различные формы: шутка, розыгрыш, ирония, сарказм, троллинг, глумление.

LILIYA DUSKAEVA, EKATERINA SHCHEGLOVA – Comic in speech architecture of news hyper media text

Key words: *comic, speech architecture, news hyper media text, news wave, reviewer, digital reality.*

The article is devoted a communicative role of the comic in the creation of the news hyper media text. It was established that in the information wave endures the three periods: reporting, estimated and incentive. In each of these periods the comic acts as the multifunctional phenomenon: the judgment of the message, the tension removal, the escalation of the addressee emotional condition, etc. In the news hyper media text the comic takes the various forms: a joke, a draw, irony, sarcasm, trolling and mockery.

Гипермедиатекст новости понимается как совокупность связанных общим информационным поводом сообщений из разных медиа, различающихся по источнику и по времени поступления, но вследствие общности предмета речи референциально «перекликающихся» (подробнее см.: [Дускаева 2018: 363-368]). Русскоязычный гипертекст развертывается ступенчато из сообщений собственно сетевых изданий и цифровых аналогов традиционных, размещенных на ресурсах новостных агрегаторов: Яндекс.Новости, Новости@Mail.ru и Рамблер/Новости. В создании такого гипермедиатекста участвуют как профессионалы, так и большое число непрофессионалов, но речь первых цементирует гипермедиатекст, поскольку обеспечивает логику его развертывания, внося в хаос порядок.

Исследование показывает, что гипермедиатекст одной особенно значимой новости развертывается постепенно: от сообщающих текстовв оценочные, затем оценочные сменяются побудительными. Однако в ряде сфер, например в арт-медиадискурсе, новостной повод проходит только два периода. В некоторых случаях повод «живет» в медиа только какой-нибудь один период – сообщающий или оценочный – и«подпитывает» создание только сообщающих текстов. Цель исследования – выявить закономерности использования комических ресурсов в таком гипермедиатексте.

Подъем волны (термин А. В. Болотнова – см., например, [Болотнов 2017]) первого, сообщающего, периода отражает усиление информационной напряженности из-за большого объема неизвестного. По мере узнавания деталей события в сообщениях меняется эпистемическая модальность (от модальности «может быть» до полной уверенности) и эмоциональный тон в сообщениях (например, усиливается тональность тревожности). К «гребню» волну гонят не только продуктивные сообщения, но и информационный шум – флуд (словоблудие), хайп (шумиха) и т. п. Спад волны происходит в результате снижения информационной активности пользователей. На этапеспада превалируют фатические публикации [Дускаева, Корнилова 2011], среди которых комические нарративы, шутливые эмоциональные отклики, могут встречаться и розыгрыши в форме пранков (в русскоязычной сетевой среде – пранки Вована и Лексуса).

Комические эффекты, появляющиеся в сообщающих текстах, нередко подготавливают следующий (оценочный) период развития новостной волны. Так, в первых информационных сообщениях об интервью, данном подозреваемыми в деле Скрипалей А. Петровым и Р. Бошировым, расставленные журналистами смысловые акценты создали почву для дальнейшего комического переосмысления события. Это можно увидеть по заголовочным комплексам: заголовок – «“Отравители Скрипалей”: Мы не работаем на ГРУ, а торгуем спортивным питанием», подзаголовки: «Просто туристы», «Духи у нормальных мужиков?», «Работа не в разведке, а в фитнес-

индустрии», «Англичане должны извиниться» («Комсомольская правда». 14.09.2018). Факты, нашедшие отражение в материалах профессионалов, переосмысляются многочисленными участниками медиакоммуникации, превращаются в шутку, розыгрыш и пр., что мы можем видеть на примере комментариев в соцсетях (*Каким прекрасным туристическим городом стал Солсбери при Сергее Семеновиче Собянине*; *У нас была коробочка от духов «Нина Риччи» и флакон «Новичка», пара пуховиков, сумки и все такое.Не то, чтобы это все было нужно в поездке, но раз поехал смотреть на шпиль в Солсбери, то иди в своем увлечении до конца* и т. д. – здесь и далее сохранена авторская орфография и пунктуация) и разнообразных мемов, связанных с событием:*Поехали в Солсбери, собор посмотрим* (визуальный компонент представляет из себя фотографию Ф. Киркорова и Н. Баскова – намек на гомосексуальную подоплеку истории); *Что вы делали в Польше? – Друзья нам давно советовали посетить знаменитую соляную шахту в Величке. Там соль добывали с XIII века* (совмещены фотографии М. Симоньян, А. Петрова и Р. Боширова, лица последних заменены на изображения А. Гитлера и И. В. Сталина); *Леди, синьора, фрау, мисс, какие Скрипали?!!? Руссо туристо, смотримо соборо* (кадр из кинофильма «Бриллиантовая рука») и т. д. Происходит дополнительная семантизация лексических доминант или фразеосхем дискурса новости (ср. «коммуникативные фрагменты» – [Гаспаров 1996: 67]): слово *шпиль* и глагольные сочетания с ним (*смотреть на шпиль, посмотреть шпиль*) внутри сети воспринимаются синонимами лжи и бессовестного вранья.

В том случае, если запаса «жизненной силы» новости хватает только на первый период, новостные тексты создаются в фатическом ключе. Комическое в отдельных случаях выходит за рамки допустимого, и мы наблюдаем такие явления, как троллинг, дискредитация, глумление: «Неубедительного налетчика задержали в Красносельском районе» («Фонтанка». 29.09.2016); «Петербуржец потребовал руки любимой с букетом и топором» («Фонтанка». 16.04.2016), «Мертвую женщину нашли на крыше машины в Кудрово. Она была одета странно для желающей падать из окна» («Фонтанка». 2.01.2019) и подобные.Содержание текстов соответствует заголовкам: *На припаркованном автомобиле «КИА» лежала на спине женщина лет тридцати, с раскинутыми руками и разведенными в стороны ногами. Он заметил на погибшей разноцветные носки и фиолетовый халат, а поверх него – зимнюю спортивную куртку*(«Фонтанка». 2.01.2019) – сексуальный подтекст в данном случае не требует комментария, а описание тела с нарочито бытовыми деталями (чему способствует лексика с предметным значением, соответствующим образом атрибутированная) намеренно снижает значение таинства смерти, дискредитируя общепринятые ценности – комическое принимает недопустимую форму глумления.

В случае, когда повод – значимое событие, сообщающий период новостной волны переходит в оценочный, в котором в большей мере активны не новости-события, а новости-отклики. Движение волны вверх обеспечивается динамикой модусов, например, от оценочных комментариев к разоблачению виновных. В этот период в сетевых СМИ могут появиться фельетоны. Подобные материалы могут создаваться не только профессионалами. В качестве примера можно привести текст, опубликованный в «LiveJournal» и озаглавленный «Самый длинный шпиль, або Шел туман и снег». Он представляет собой воображаемую беседу называемого отравителем Скрипалей Р. Боширова с инструктором, в ходе которой разрабатывается сценарий будущего интервью:

–Нет, не победить нас. Просто обнять хочется, или руку пожать.

Диверсант с готовностью сделал шаг вперед и протянул руку.

Инструктор тут же сделал шаг назад и опасливо спрятал руки за спину.

– Хочется, Руслан, но не могу. Легенда теперь у тебя такая, пидорская. Ты уж пойми. Я же все-таки сотрудник разведки. Пацаны не поймут. Высмеиваются как

смысловые узлы самого дискурса новости, определившиеся в первом периоде (о когезии и когерентности см. [Алефиренко 2016]), так и общенациональные ценности (*Нет, не победить нас*). Абсурдность, которую увидели участники медиакоммуникации в самом событии, гиперболизируется и тем самым еще в большей степени обнажается.

На гребне оценочной волны зарождается, чтобы еще больше «разогреть» аудиторию, так сказать, новостная пена в виде, например, того, что в сети называют «хайп-угрозы», построенные с использованием гиперболы. В это же время появляется агрессивный троллинг, сопровождающий моменты острого полемического накала. Напряжение снимают шутливые сообщения, юмористические нарративы, ироничные комментарии, карикатуры (ср., например, публикации *Charlie Hebdo*). Симптоматичен в этом отношении следующий комментарий по поводу интервью А. Петрова и Р. Боширова: *Тот феерический бред, та редкостная галиматья, по которой разве что только ленивый не проехался в последние дни, стала главным поводом для саркастических шуток и множества мемов и в СМИ, и в сети. Все происходящее действительно выглядит каким-то маразматическим бредом вселенского масштаба, но бредом настолько смешным и настолько абсурдным, что произведения искусства, ему посвященные, стали вырастать вокруг, как грибы после дождя. Некоторые из них ну просто дьявольски хороши! Их я и хочу для себя сохранить как отличное средство от депрессии и плохого настроения* («LiveJournal». 12.11.2018). В данном случае мы наблюдаем саркастическую авторскую оценку как самого события (*феерический бред, редкостная галиматья, маразматический бред вселенского масштаба*), так и положительную – дискурса о нем (*дьявольски хороши, отличное средство от депрессии и плохого настроения*). Можно сделать вывод, что в ряде случаев на исходе второго периода комическое перестает быть средством осмысления события, его оценки или эскалации эмоций аудитории: шутка становится просто шуткой, выполняя присущую ей функцию гармонизации общения.

Если напряжение на гребне поддерживается в сети обвинениями и разоблачениями, то оценочный период быстро сменяется побудительным. В третьем, «побудительном», периоде информационной волны напряжение сообщений обычно очень высокое: от многочисленных предупреждений об опасности, призывов к активности по устранению проблемы до требования немедленно предпринять крайние меры воздействия. Излагая побудительную информацию, автор учитывает, в какой степени выполнение действий, к которым побуждает автор, зависит от адресата: степень императивности посыла волеизъявления тем выше, чем шире возможности выполнить его у адресата. Стремясь предупредить возможное несогласие с предлагаемой читателю моделью действий, отвержение, невыполнение этих действий, автор обосновывает свою позицию, убеждает адресата в ее правильности иногда в жесткой, логизированной форме, иногда в остро полемичной, памфлетной, хлесткой манере с использованием сатирических приемов. Иногда можно наблюдать обратную картину: составляющие события, ставшие объектом комического осмысления в предыдущие периоды, перестают интерпретироваться как забавное или смешное. Поскольку комический эффект всегда основан на несоответствии обычному, привычному, правильному, в ходе комического осмысления события обнаруживаются противоречия, которые становятся основой для доказательства авторской позиции. Так, в рассматриваемой нами новостной волне, связанной с интервью подозреваемых по делу Скрипалей, в «побудительный период» можно найти призывы к честному разговору между российской и британской стороной, между государством и гражданами. Аргументом в необходимости такого разговора служит ряд вопросов, назревших после появления интервью, а вопросы эти строятся на противоречиях, вскрытых на предыдущих этапах в мемах, шутках, шутливых комментариях и пр.: *Зачем людям, кото-*

рые поехали в романтическую поездку, комплект обратных билетов на разные даты? Почему людям, которые целенаправленно ехали в Солсбери, чтобы посмотреть «солсберецкий собор», нужно было снимать гостиницу в Лондоне? Каким бизнесом, какими именно компаниями владеют Петров и Боширов, что могли себе позволить слетать на два дня в Лондон, декларируя вполне приличную сумму на счетах? («Новая газета». 17.09.2018). Происходит своеобразное «очищение» обнаруженных противоречий от всевозможных комических эффектов для достижения логизированной формы изложения.

На самом гребне волны этого периода могут появиться «хайповые» призывы о немедленной расправе без суда и следствия над теми, кого народная волна объявила виновниками. На спаде волны побудительность может принять относительно «мирные» формы, а содержание призыва оказаться весьма далеким от первоначального. Например, на спаде волны, связанной с интервью А. Петрова и Р. Боширова, появились трэвел- или подобные им тексты, рассказывающие о Солсбери как туристическом центре. Симптоматичен на этом фоне материал, посвященный строениям со шпилями в России, которые нужно посмотреть, опубликованный научно-популярным изданием «Родина» 17.09.2018. Комическое в нем проявляется лишь в иронии в заголовке («Подпустить шпиль») и в начале текста, служащем подводкой к основному материалу: *Очевидно, теперь туристов там будет еще больше, ведь после этого интервью город, где есть "собор с высоким шпилем и старинными часами", стал почти так же знаменит в России, как и Собор Парижской Богоматери*. Это пример того, как может быть снято напряжение третьего периода развития волны.

Развертывание волны обусловлено не только «горизонтальными» связями, которые подкрепляются общностью референта, но и «вертикальными», которые закрепляются с помощью кликбейт-заголовков, вырабатываемыми сетевыми агрегаторами. Кликбейтные заголовки, «атакующие» пользователей, для захвата их внимания широко используют комические ресурсы языка. Для того чтобы попасть в топы по кликабельности, участники медиакоммуникации иногда прибегают к аномальным комическим средствам. В этих случаях может наблюдаться несовпадение заголовка и содержания статьи, а комический эффект, достигаемый в заголовке, звучит уже как глумление. Например, заголовок к новости о сгоревшем в Шереметьево самолете «Это им не задавали. Почему пилоты сгоревшего в Шереметьево "Суперджета" могли не справиться с управлением» («Комсомольская правда». 21.05.2019) или к новости о вручении награды В. Матвиенко «Путин повесил на шею Матвиенко орден Андрея Первозванного. За предельную ответственность» («Комсомольская правда». 23.05.2019).

Таким образом, понимание речевых практик в цифровой реальности возможно при условии изучения в новостном информационном потоке речевого поведения не только каждого из его участников по отдельности (в таком потоке роль отдельного автора нивелируется), но и взаимодействия речевых действий разных субъектов. Введение в лингвистические исследования такой дискурсной единицы, как новостная волна, позволяет обнаружить динамику взаимодействия в новостной среде речевого поведения множества участников.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность // Медиалингвистика. 2016. № 1 (11) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://medialing.ru/mediadiskurs-i-ego-kommunikativno-pragmaticheskaya-sushchnost/ (Дата обращения 27.05.2019 г.).

2. *Болотнов А.В.* Информационные волны как отражение текстовой деятельности информационно-медийных языковых личностей // Языковая личность и медиасреда: коммуникативно-когнитивные аспекты взаимодействия: коллективная монография / Под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2017. С. 131-138.

3. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: НЛО, 1996.
4. *Дускаева Л.Р.* Гипермедиатекст новости // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 363-368.
5. *Дускаева Л.Р., Корнилова Н. А.* Фатика как речевая форма реализации развлекательной функции в медиатексте // Гуманитарный вектор. 2011. № 4. С. 67-71.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА ТИМУРА ПУЛАТОВА «СТРАСТИ БУХАРСКОГО ДОМА»

Д. Ю. ЕЛЬКИН
Узбекский государственный университет мировых языков,
Республика Узбекистан
dionisi1@yandex.ru

Ключевые слова: *языковые проблемы, фразеологизмы, имена собственные, иноязычные вкрапления, лингвокультурология, онтропонимы.*

Роман Тимура Пулатова «Страсти бухарского дома» посвящен относительно замкнутым во времени и пространстве событиям, это, прежде всего, Бухара 50-80-х гг. прошлого века, хотя экскурсы в историю Бухары в романе довольно многочисленны.Поскольку роман написан на русском языке, позицию вкраплений в нем занимают таджикские и узбекские лексемы. Это имена собственные (личные имена, топонимы, которые оказываются наиболее частотными), обращения, титулы и др. Иноязычные вкрапления, абсолютно необходимые в романе полилингвального типа, в данном романе относительно редки, учитывая его большой объем. Частично они объясняются в подстрочных сносках, частично остаются без объяснения.Имена собственные и их употребление в романе своеобразны. Можно утверждать, что многие имена собственные являются в романе семантически насыщенными.

D. Y. EL'KIN – Stylistic and linguo-culturological features of the novel of Timur Pulatov "The Passion of the Bukhara House"

Key words: *language problems, idioms, proper nouns, foreign language impregnations, linguoculturology, ontoponyms.*

Timur Pulatov's novel "The Passion of the Bukhara House" is dedicated to relatively closed events in time and space, this is, first of all, Bukhara of the 50s – 80s. last century, although excursions into the history of Bukhara in the novel are quite numerous. Since the novel is written in Russian, Tajik and Uzbek lexemes occupy a position of inclusions in it. These are proper names (personal names, toponyms that turn out to be the most frequent), references, titles, etc. Foreign-speaking inclusions, absolutely necessary in a novel of the multilingual type, are relatively rare in this novel, given its large volume. Partially they are explained in footnotes, partially left without explanation. Proper names and their use in the novel are peculiar. It can be argued that many proper names are semantically saturated in the novel.

«Тимур Пулатов родился в Бухаре в 1939 году в семье школьного преподавателя. Обстоятельства сложились так, что он учился в интернате, где в ходу был преимущественно русский язык» [Бочаров 1990:3].

Языковые проблемы, недостаточное владение языками всегда волновало Т. Пулатова, и это многократно отражено в романе «Страсти бухарского дома», например: «… он углубился, стал читать внимательнее… череда названий… старых таджикских… узбекских, русских… И, должно быть, это многоязычие в бумагах так совпало с его собственной языковой неопределенностью – два родных, таджикский и узбекский, и русский, язык обучения в интернате… и одинаково пока непрочное владение всеми тремя языками».

«В 14 лет Тимур начал работать на обувной фабрике. Окончив Бухарский педагогический институт, начал учительствовать в сельской школе.

В 1964 году вышла первая повесть Пулатова «Не ходи по обочине», которую сам писатель считает еще ученической и не включал в последующие издания. В 1966 году появилась повесть «Окликни меня в лесу», которая принесла ему всесоюзную известность…

В 1965 году был принят на высшие курсы киносценаристов в Москве. Его сокурсниками были многие восходившие тогда писательские «звезды» – А. Битов, В. Маканин, Г. Матевосян, Р. Ибрагимбеков » [Бочаров 1990:3].

Роману Т. Пулатова «Страсти бухарского дома» предшествует повесть «Жизнеописание строптивого бухарца» в издании 1982 г. В издании 1990 г. (1-й том избранных произведений) данный роман – это произведение объемом около 500 страниц, посвященное в основном описанию внутренней жизни, состояний души, этики и морали главного героя – Душана Темурий. Роман, безусловно, имеет автобиографическую основу.

Роман написан правильным литературным русским языком, стилистически однороден: разговорная, просторечная, жаргонная, тем более обсцессная лексика практически не используется. Новообразования в этом романе встречаются очень редко (один из таких примеров: *драконята* от дракон). В особом значении используется имя лица *соглядатай* – как «сочувствующий семье посетитель».

В аспекте синтаксического построения текста у автора явно наблюдается стремление к использованию усложненных предложений разных типов. Приведем примеры:

«Он уже знал, что его так и зовут – Душан, и всякий раз, когда произносилось его имя, понимал, что за этим последует ласка, одобрение или даже порицание, ибо имя было дано ему скорее как отношение к нему других, как нечто чуждое, пришедшее извне, как шторы, прикрывающие его от солнца, как люлька, в которой он спал и которая столь часто тяготила его.

Сегодня же по контрасту – он снова хотел казаться взрослым и спокойным, ироничным от ощущения внутренней силы, обаятельным и внимательным к матери, любящим ее нежно, чтобы мать, страдающая оттого, что все так нелепо сложилось в их семье и в их роду, хоть на миг успокоилась, глядя на сына, решив, что вот бывают же дни, даже целые недели, когда Душану хорошо здесь».

На наш взгляд, автор проявляет явное стремление к языку классической русской прозы, однако в целом без тенденции к архаизации лексики, синтаксических конструкций и т.д.

Фразеологизмы в романе используются очень экономно и не представляют особой, своеобразной сферы исследования. Можно упомянуть лишь о нескольких идиоматичных для русских устойчивых выражениях, например: *Семь удовольствий и сорок печалей*; о трусливом мальчике говорят: Наверное, он *съел мозг овцы*.

Роман посвящен относительно замкнутым во времени и пространстве событиям, это, прежде всего, Бухара 50-80-х гг. прошлого века, хотя экскурсы в историю Бухары в романе относительно многочисленны, например:

Полистайте, и вы увидите, что первое управление сейчас на территории бывшего *джариба «Шайх Рангрез»* /Старец красильщик/, и гузары там, в прошлом веке назывались «*Поччо ходжа*» /Зять ходжи/, «*Кокилайн калон*» /Большой Кокило/, «*Алвондж*» /Люлька/, «*Махаллайн кухна*» /Старая еврейская слобода/, а тот, где находится наше управление – «*Куйн мургкушон*» /Улица убивающих птиц/.

«Лингвострановедчески ориентированные имена противопоставляются остальному ономастическому континууму. Изучая этнокультурную информацию, заложенную в имени собственном на примере русской топонимии, лингвисты приходят к выводу, что духовная культура формирует основы картины мира. Фоново-коннотативное значение имени как совокупность социально-значимых ассоциаций, обусловленных национальной культурой и представляющих собой сумму прошлых речевых и контекстных определений в пределах языкового коллектива, при этом выделяется четыре компонента их фоново-коннотативного значения: формальный (отражение системного в содержании слова), ситуативный (субъективно-оценочные и функционально-стилистические коннотации), социально-исторический (культурно-исторические ассоциации) и индивидуально-ассоциативный (наличие ассоциаций в сознании носителей языка, соотносящих имя с известными историческими деятелями, литера-

турными героями и т.п.)» [Доспанова 2005:16].

К сожалению, ко времени повествования все эти интереснейшие народные исторические названия были заменены стандартными современными названиями: Рабочая, Широкая, Первомайская, Урицкого, Верхне-Оренбургская, Восьмого Марта, Асфальтная, ничего существенного для улиц не отражающего и, безусловно, чуждому духу Бухары.

История Бухары нередко переплетается с историей семьи главного персонажа романа, Душана Темурий, например:

«Душан, кстати, вспомнил давно услышанный рассказ о том, что еще в довоенные годы в медресе *Кукалтош*, что высится над глиняными крышами недалеко от их дома, было переименовано в исправдом *Кукалтош,* и здесь, в одной из келий, во время «золотой лихорадки», содержалась недолго под стражей и бабушка.

Сполна и не колеблясь сдавшая какой-то комиссии свои драгоценности, она все же оказалась в числе подозреваемых и, как писалось в доносе соседей, припрятала бриллиантовый браслет в три пальца ширины, которым блистала на свадьбах».

Региональная или зональная лексика, не вошедшая в словарь русского литературного языка, используемая в основном в языке художественных произведений местных авторов, связана с теми пластами заимствований, которые в теории заимствований имеют множество терминологических обозначений: «иноязычные вкрапления», «экзотизмы», «варваризмы», «реалемы», а по отношению к конкретным языкам-донорам – «ориентализмы», «тюркизмы», «узбекизмы», «каракалпакизмы» и т.д.

Кроме имен собственных (наиболее частотными здесь оказываются топонимы), **иноязычные вкрапления**, абсолютно необходимые в романе полилингвального типы (таджикские и узбекские), относительно редки, учитывая большой объем романа. Частично они объясняются в подстрочных сносках, частично остаются без объяснения.

Приведем примеры:

- *тутамулло* – обращение к старой почтенной образованной женщине,
- *тути* – попугай;
- *Пулат* (имя собств.) – сталь; *«Хазори як шаб»* (тадж.) – «Тысяча и одна ночь»;
- *имам* (употребляется в переносном смысле, так называют Душана в детстве) – духовный наставник;
- *девона* – одержимый;
- *тутамулло-иш-чаш-микаббут* (тадж.) – зеленоглазая наставница;
- *атчои* (тадж.) – странствующие дровосеки;
- *аппак* (узб.) – белый-пребелый;
- *артык* (узб.) – лишний;
- *олуфта* (тадж.) – франт;
- *Дониш* (тадж.) – знающий, мудрый (в «Узбекско-русском словаре» отмечена лексема *дониш* как имя нарицательное: *(книжн.)* – знание, а также сочетание *ахли дониш* – образованные, просвещенные люди); [Пулатов 1990:125]
- *фаррош* (тадж.) – подметальщик (в узбекском языке круг значений этого слова шире: 1 слуга, прислужник, 2 сторож при мечети, 3 дворник, подметальщик, поливальщик дворов, улиц – РУС.); [Пулатов 1990:503]
- *ахтам* – конюх,

джадиды – новые люди, прогрессисты,

кадими – традиционалисты,

В то же время такие лексемы, как *гузар, джариб, мазар, тут (тутовник)* даются в тексте романа без пояснений.

Одним из важнейших, ключевых вкраплений в тексте романа является лексема *дукбози* – кулачный бой, выступающая как один из символов благородной Бухары и коренных бухарцев.

Вкрапления в романе приводятся как в виде лексем и словосочетаний, так и (изредка) в виде целых предложений, например:

- «*Гуфт-ки, дукбози мекунем*» (тадж.) – Сказал: будем сражаться в кулачном бою [с. 370];

- *Укем ба хаккаш рассид, кози, мухр паш кунед, охир*! (тадж.) – Брат мой уже получил сполна, так поставьте наконец свою печать!

- *Ичкан сан, юкол!* (узб.) – Ты пьян, с глаз долой!

Относительно небольшое количество вкраплений в романе «Страсти бухарского дома», объясняется, на наш взгляд, тем, что основное внимание автора (при учете его пристального внимания к «предметной картине мира») обращено на освещение духовного становления, развития, сложных эмоциональных отношений героя с членами своей семьи, друзьями, учителями, сослуживцами.

Подлинным лингвокультурологическим украшением анализируемого романа являются переводы или пересказы народных песен, в том числе и детских, например «колядки» во время поста:

Мы пришли к воротам вашим, наша песенка проста.
В ней мы вам о том расскажем, что пришла пора поста.
Тридцать дней теперь мы будем к вам ходить по вечерам.
Вы свою похлебку ешьте. Ну а мы расскажем вам…

Очень интересна трогательная и в то же время ироничная песня *матчои* – странствующих дровосеков, трудолюбивых, неимущих (но отнюдь не безгрешных, в частности, нечистых на руку):

Все есть у меня, ах все есть у меня,
Руки и сила в руках есть у меня,
Есть три дня работа у меня,
А свободен я четыре дня.
Я четыре дня живу свободным,
Но три дня хожу голодным…
Ах, все есть у меня…

Иногда такие песни приводятся на языке оригинала и в переводе, что, по нашему мнению, повышает их лингвокультурологическую ценность:

Келина бинам – хараки,
Шуяша бинам – пираки,
Як куртаю, як изор,
Онеш мурат ба рузош (*тадж.*)

Я вижу, на осле везут отдать невесту,
Я вижу, как старик готов принять невесту.
Приданое ее одни штаны с рубахой,
Чтоб смерть тебя взяла, скупая мать невесты.

Есть и переводы и любовных песен, и песен о природе.

На этом фоне несколько неожиданно выглядят стихи из русской сказки:

Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок…

Но это тоже входит в картину мира автора.

Имена собственные и их употребление в романе своеобразны. Как известно, один из крупнейших исследователей антропонимиконов, в том числе и узбекского, В.А. Никонов [Никонов 1974], рассматривал имя лица как социальный знак. Это положе-

ние развивает М.И. Расулова: «Наименование предметов и людей не является произвольным и случайным явлением, несмотря на существование принципа условности лингвистического знака. Нет ничего более личного и более тесно с нами связанного, чем имя. Имя человека – это существеннейшая часть его идентичности. Оно как бы приписывает нас к определенной группе и одновременно создает реальность, в которой нам предстоит функционировать» [Расулова 1999:81].

Как отмечает Г.Р. Галиуллина, «современных лингвистов-ономатологов всё больше привлекают вопросы взаимосвязи ономастической, в частности антропонимической, лексики и культуры народа. В связи с этим в конце XX века появилось большое количество работ, в которых антропонимы исследуются в контексте культуры. Теоретические основы новых исследований отражены в работах В.А. Никонова, А.В. Суперанской, Н.В. Подольской, Л.А. Введенской, В.И. Супруна, Э.М. Мурзаева, М.Э. Рут, С.Н. Смольникова, М.В. Голомидовой и других» [Галиуллина 2007:6].

Г.Р.Галиуллина подчеркивает, что «в последние десятилетия наблюдается повышенный интерес к проблемам взаимосвязи собственных имён и культуры. Это связано с антропоцентрической парадигмой современной лингвистики, предполагающей анализ языковых единиц с целью познания его носителя <…> Антропонимическая система любого языка является фундаментальным материалом для познания, раскрытия самосознания народа, для понимания психологии и характеров людей, относящихся к определенной национальности или региону <…> Имя, прежде всего, – хранитель культурной информации народа, которая формируется под воздействием различных, в том числе экстралингвистических, факторов. Более того, оно связано с восприятием мира и определённым образом отражает его познание. В этом плане представляет особый интерес изучение антропонимиконов тюркоязычных народов, система личных имён которых в процессе исторического прогресса не подвергалась фронтальному изменению под влиянием историко-культурных, социальных факторов, а сохранила древние традиции имя наречения» [Галиуллина 2007:4-5].

Слово (особенно имя собственное), его соотношение с предметом или носителем имени имеет особую значимость в романе. «Он уже знал, что его так и зовут – Душан, и всякий раз, когда произносилось его имя, понимал, что за этим последует ласка, одобрение или даже порицание, ибо имя было дано ему скорее как отношение к нему других, как нечто чуждое, пришедшее извне» [Пулатов 1990:19].

Отсюда возникает, не без влияния бабушки, образ тайного, подлинного имени, которое мальчик пытается установить то чтением своего имени с конца (Нашуд – несостоятельный), то присвоением себе имени Юсуфа в мечтах об отношениях с братом. «Выходит, что и все другие вокруг, на улице, называют не свои подлинные имена, а ложные, и между всеми людьми идет некий негласный обман, сговор, как между взрослыми и двором, кустом олеандра, что прикрыл своими цветами дедушкину кровать» [Пулатов1990:19]. Как следствие, как более существенная жизненная проблема, у взрослеющего Душана возникает стремление разграничить истинное и ложное, поверхностное и глубинное.

Само имя *Душан* необычно и для Бухары, и для мусульманского Востока в целом (возникает ассоциация с сербским именем *Душан*, которое этимологически, безусловно, связано с семантикой лексемы *душа*); однако носитель этого имени объясняет его происхождение тем, что он родился в понедельник, тогда *Душан* – это усеченная форма лексемы *Душанбе*.

Имя брата Душана, *Амона*, наверняка намекает на библейского Амона-гордеца, так как многие черты характера, связанные с зазнайством, самоуверенностью, верхоглядством для брата Душана присущи, особенно в начале романа.

Имен своих родителей Душан в первые годы жизни не знает, так как, по восточному обычаю, они зовут друг друга «мать Амона» и «отец Амона».

Несмотря на определенную русификацию Бухары описываемого периода, русская официальная форма обращения по имени-отчеству используется в романе крайне редко, причем иногда в ироничном смысле, как чуждая национальной культуре общения. Старших младшие называют Бобо Мумин, Наби-заде, Ага-Сафо …

Форме обращения или просто именования лица придается большое значение:

«- Пай-Хамбаров здесь? Хотела с ним поговорить.

- Я его видел … с утра, - ответил Душан, удивившись тому, как фамильярно, без тени учтивости, назвала его воспитателя мать – не «дядя Пай-Хамбаров», не «Амин Турдыевич» – на европейский лад…» [Пулатов 1990:157].

Обращение на «вы», даже по отношению к младшим, а также жены по отношению к мужу – еще одна черта этикета, общего для узбеков и таджиков. В романе это выдерживается довольно строго (за исключением интерната). В интернате же среди детей господствуют усеченные формы имен Душан – Шан, Аппак – Пак, Ямин – Ям и т.д., что, очевидно, является одним из последствий влияния русского языка.

Библейское имя Иосиф по мусульманской традиции передается как *Юсуф.* Это имя и библейский сюжет об Иосифе и его братьях (как и другие библейские легенды) играют особую роль в становлении характера и менталитета Душана Темурий. Именно о Юсуфе рассказывается в детской народной песне – «колядке», образ Юсуфа буквально преследует Душана в интернате, очевидно, из-за неосознанной обиды вследствие того, что в интернат отдали его, а не старшего брата.

Имя Александр Македонский по мусульманской традиции передается как Искандер Двурогий, причем этот герой и полководец представлен как явно легендарное лицо – защитник мусульман и мусульманской религии.

Таким образом,РоманТимура Пулатова «Страсти бухарского дома» посвящен относительно замкнутым во времени и пространстве событиям, это, прежде всего, Бухара 50-80-х гг. прошлого века, хотя экскурсы в историю Бухары в романе довольно многочисленны.

Поскольку роман написан на русском языке, позицию вкраплений в нем занимают таджикские и узбекские лексемы. Это имена собственные (личные имена, топонимы, которые оказываются наиболее частотными), обращения, титулы и др. Иноязычные вкрапления, абсолютно необходимые в романе полилингвального типы, в данном романе относительно редки, учитывая его большой объем. Частично они объясняются в подстрочных сносках, частично остаются без объяснения.

Имена собственные и их употребление в романе своеобразны. Можно утверждать, что многие имена личные являются в романе семантически насыщенными. Слово (особенно имя собственное), его соотношение с предметом или носителем имени имеет особую значимость в романе. Подлинным лингвокультурологическим украшением анализируемого романа являются переводы или пересказы народных песен, в том числе и детских, например «колядки» во время поста.

Литература

1. *Бочаров А.* Превращение жизни. Страсти бухарского дома/Т.Пулатов, Предисловие к избранным произведениям в двух томах, Т.:Гафур Гуляма, 1990. 17 с.

2. *Галиуллина Г.Р.* Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте.: Автореф. дисс… докт.филол.наук. – Казань, 2007. – 55 с.

3. *Доспанова Д.У.* Иноязычная орнаментика текста (на материале каракалпакизмов русскоязычной прозы): Автореф. дисс… канд. филол. наук. – Ташкент, 2004. – 25 с.

4. *Никонов В.А.* Имя и общество. - М.: Наука, 1974. - 280 с.

5. *Пулатов Т.* Страсти бухарского дома,Т.:Гафур Гуляма, 1990.

6. *Расулова М.И.* Проблемы лексической категоризации в лингвистике: Автореф. дисс… докт. филол. наук. – Ташкент, 1999. – 40 с.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ В ИСКУССТВЕ. ЛИТЕРАТУРА. КИНО. ТЕЛЕВИДЕНИЕ

А.Ю. ЕРЗИНКЯН
Ереванский государственный институт театра и кино, Армения
annaerznkyan@yandex.ru

Ключевые слова*: литература, кино, телевидение,синкретизм, подлинник, переводимость, произведение, мысль.*

Работа посвящена переводимости в искусстве. Литература, кино, телевидение. Как взаимодействуют различные виды искусства в процессе визуализации литературных образов. Литературный подлинник на экране получает вторую жизнь. При этом, важно сохранить стилистику оригинала,найти верный экранный эквивалент равноценный литературному произведению. Важно перевести дух подлинника, а не букву.

ANNA ERZINKYAN – The problem of translation: Literature, Television

Key words: *literature, film, television,script, translation, composition, idea.*

The work is dedicated to the interpretation in art. Literature, film, television. How different types of art interact in the process of visualization of literary images. The literary script gets a second life on the screen. At the same time, it is important to preserve the style of the original, to find the correct interpretation of the literary work. It is important to interpret the main idea of the script and not just letters.

Телевизионный фильм, синкретизируя в себе изобразительные возможности кинофильма, дифференцирует свои выразительные средства, вырабатывая и строя свою изобразительную структуру на основе специфики и своеобразия изображения исконно телевизионных – прямых передач.

Являясь неотъемлемой частью телевизионного кино, телевизионные экранизации, снятые в 60-70-е годы, испытали на себя весь спектр противоречий и сосуществований кино и телевидения. И здесь уместно перейти к предмету, собственно нас интересующему – телеэкранизациям, которые занимают особое место в телевизионной культуре, во многом определяя тенденции развития художественного телевидения.

Проблема телеэкранизаций тесно связана с проблемой переводимости в искусстве, волновавшей теоретическую мысль еще с незапамятных времен. Лессинг в «Лаокооне», сравнив изображение мифологических сюжетов в произведениях античной литературы со скульптурой и живописью античных художников, проницательно отметил органические отличия, которые приобретает сюжет («анекдот»), по-разному рассказанный языком поэзии и живописи.

В поэзии событие отражается как меняющееся во времени, изобразительное искусство способно запечатлеть лишь один из моментов, но зато развернутым в пространстве, в конкретно чувственной форме.

И пластический, и литературный образы воссоздают явления объективного мира, опосредуя их своими художественными возможностями. Разница же заключается в том, что писатель, создавая «модель мира», пользуется словом – условным знаком предметов и явлений, а художник – зримыми образами. Художественное слово действует на читателя так, что в сознании возникают живые картины. В лирической поэзии эти образы, картины при всей своей духовной конкретности бывают далеки от зрительной конкретности.

Читая диалог героев в романе или в пьесе, где нет прямых описаний внешности героев, места происходящего, мы сперва воспринимаем его звучание, может даже интонацию. Мы мысленно слушаем речь героев и мысленно видим тех, кто произносит слова, действует в литературном произведении, Однако оказывается, что изобразительность слова отлична от изобразительности графики и скульптуры, но по остроте вызываемых зрительных эмоций не уступает ни той, ни другой. В литературе выразительность косвенная.

Можно сказать, что конкретность поэзии специфична для поэзии, конкретность живописи специфична для живописи. У поэзии и живописи противоположные конкретности. Абсолютизация специфики поэзии и живописи, с одной стороны, и недооценка, недопонимание этой специфики, с другой стороны, привела в теоретической литературе, рассматривающей эту проблему, к двум полюсным, противоположным точкам зрения.

Одна из них отстаивает идею «непереводимости» в искусстве, другая – провозглашает идею «всепереводимости».

Юрий Тынянов, являясь одним из основоположников теории «непереводимости» в статье «Иллюстрация», исходя из противоположности поэтического и живописного образа, отмечает совершенную бессмысленность всякой «иллюстрации» в искусстве («иллюстрация» по Тынянову – это всякого рода «перевод» в искусстве) [Тынянов 1929: 510].

Переведенное произведение, по Тынянову, всего лишь повторение, причем карикатурное повторение подлинника. Переводчик, «иллюстратор», берущийся за интерпретацию подлинника в новой системе, в иной форме искусства, по мнению Тынянова, терпит неудачу, потому что всякое произведение, претендующее на иллюстрацию другого, будет искажением, сужением его [Тынянов 1929: 510].

Тынянов в своих рассуждениях приходит к выводу, что каждый вид искусства обладает особыми содержательными возможностями, недоступными другим видам искусства. Именно поэтому «танцевальное иллюстрирование Шопена и графическое иллюстрирование Фета не помогает, а даже мешает Фету и Шопену, не дает ничего ни танцу, ни графике – ни искусству вообще» [там же: 511].

По Тынянову, художник, иллюстрирующий какое-либо произведение, делается жертвой неправильного впечатления, при котором непроходимые границы изобразительности одного искусства из-за иллюзии целостности воспроизведения действительности кажутся способными создать в других видах искусства художественный эквивалент первообраза (отсюда, по Тынянову, такое количество экранизаций, иллюстраций, инсценировок, не представляющих никакой эстетической ценности).

В 20-е годы Виктор Шкловский занимает ту же позицию, что и Юрий Тынянов. В статье «О законах кино», напечатанной в 1924 году, он пишет: «В литературе мы имеем дело не с предметами, а со словами, причем отношение слова к предмету не установлено» [Шкловский 1924: 10]. Слово по Шкловскому, оторвано от предмета, от конкретного предмета, это и основное качество его. Именно поэтому литературное произведение, скажем, созданное из слов, «никаким другим способом передано быть не может». Литературный пейзаж и литературное описание человека не может быть заменено ни фотографией, ни картиной, ни портретом», - пишет Виктор Шкловский в статье «Их настоящее» [Шкловский 1965: 229].

В 60-е годы появилась книга В. Кожинова «Виды искусства».В этой работе, касающейся системы видов искусства, места искусства в деятельности людей, есть небольшое замечание по проблеме перевода. Взгляд Кожинова на перевод в чем-то совпадает, повторяет взгляды Тынянова и Шкловского. Рассматривая специфику различных видов искусства, уясняя основные их различия,Кожинов приходит к выводу о невозможности перевода художественного образа. «Легче всего показать и понять, что виды искусства отличаются по форме», - пишет Кожинов. По Кожинову, труднее всего выяснить их основное различие, состоящее в содержании, ибо содержание художественного произведения не выступает обнаженно, «наружу».«Мы часто говорим, что у каждого искусства есть свой язык,- пишет он, - у живописи «язык красок», у танца - «язык жестов», у музыки - «язык звуков» и т. д.. Но употребляя данные выражения, люди нередко впадают в ошибку: им начинает казаться, что можно в той

или иной степени точно перевести содержание какого-либо художественного произведения на язык другого или даже всякого другого искусства» [Кожинов 1960: 71].

В «Основах теории литературы» Л. Тимофеева высказана та же мысль, но в несколько иной форме. Рассматривая соотношение формы и содержания в драме, эпосе и пр., Тимофеев, основываясь на чисто количественных характеристиках этих категорий, приходит к выводу, что «…драматургическое произведение по своему типу является средней эпической формой. Поэтому-то инсценировка и киноэкранизация большой эпической формы – романа, не может привести к успеху» [Тимофеев 1959: 355].

Конечно, каждый вид искусства имеет свою форму и содержание, только ему присущую сферу изобразительности. Нельзя, однако, не признать, что границы этой сферы изобразительности не абсолютны, иначе невозможно было бы взаимодействие искусств, переводимость в том числе, как одна из форм подобного взаимодействия. Все дело во взаимоотношениях переводчика и переводимого произведения, в механизме этих взаимоотношений. И здесь, конечно, идет речь не о переводчике – иллюстраторе, а о самостоятельном художнике с иным объектом творчества: не на жизнь ориентирующегося и не идущего путем, параллельным пути автора оригинала, а ориентирующегося на «сумму идей», на «эстетическое содержание» имеющегося объекта, стремящегося воплотить все это в другом материале.

Таким образом, говоря о переводимости в искусстве, вслед за искусствоведом А. Вартановым мы имеем в виду не попытки «воссоздания творческого акта автора», а попытки воспроизведения творческого вдохновения, «эстетического содержания» первоисточника [см.: Вартанов 1958: 65].

«Эстетическое содержание» первоисточника, трансформированное творчески, по-новому в структуре другого вида искусства, выступает не как повторение, а как самостоятельное, представляющее художественную ценность произведение искусства. Теряя определенные качества, связанные со спецификой своего содержания, художественное произведение обогащается рядом новых сторон. Весь эмоциональный план подлинника, получая новое развитие и новую акцентировку, дополняет его, расширяя при этом возможности того вида искусства, которое подвергалось трансформации, переводу.

Типы произведений, верно передающих «эстетическое содержание» подлинника, впечатление, продиктованное этим «эстетическим содержанием» средствами нового искусства, представляются вполне самостоятельными произведениями искусства. Основная роль в решении этой проблемы, как справедливо заметил А. Вартанов в вышеназванной работе, принадлежит соотношению специфики различных видов искусства. Только исходя из этого можно решать проблему переводимости в искусстве.

Всякое расширение возможностей того или другого искусства, «вторжение» его в другие искусства дает хорошие результаты тогда, когда оно диктуется внутренней необходимостью роста самого этого искусства, раскрытия его неиспользованных возможностей. Такое явление должно быть обусловлено исторически назревшей потребностью более широкого и разнообразного освоения действительности. В этом случае расширение границ как естественный процесс складывается не путем копирования, а на основе своего собственного своеобразия, специфики.

Известна аналогия между переводом литературного произведения с одного языка на другой и экранизацией, как частной формой перевода художественного произведения с языка одного вида искусства на язык другого, в данном случае на язык телевидения. Хороший экранизатор, как и хороший переводчик – не ремесленник, фотограф-копиист – он художник, творец. Он не фотографирует подлинник, а воспроизводит его творчески, передает эстетическое содержание подлинника, дух его. Для того, чтобы успешно экранизировать Туманяна, ему хотя бы отчасти надо перевопло-

титься в Туманяна, усвоить его темперамент, заразиться его поэтическим ощущением жизни, иначе – ему нужно сотворить.

Телевизионный образ литературного первоисточника рождается и крепнет, опираясь на мысль экранизатора, на его духовную способность к сотворчеству. Заявление переводчика или экранизатора: «У меня все как у автора, нет ни одного слова, которое не было бы взято у автора», - как правило, свидетельствует о неудаче. Вспомним удивительно точное замечание В. Шкловского в связи с киноэкранизацией «Княжны Мери» Лермонтова режиссером Анненским: «…конечно в произведении режиссера Анненского есть отпечаток лермонтовских событий, но все это похоже на отрывок промокательной бумаги, на которой в перевернутом виде отпечатался текст, написанный чернилами» [Шкловский 1956: 130].

То же самое произошло бы и с телеэкранизатором таким образом, таким манером восприми он прочтение литературного подлинника. Наконец, будущие поколения, знакомясь с телефильмами-экранизациями, станут судить не столько о сходстве их с литературным первоисточником, сколько о художниках, их создавших, о том, что они сказали в нем, что открыли своему поколению.

Адекватное произведение на телевизионном экране создается не точным, буквальным следованием оригиналу, а «остранением» литературного подлинника на новом материале, в новой образной системе. Слово «остранение» мы употребляем в значении, предложенном В. Шкловским. «Остранение» – выведение из автоматизма восприятия. В чем же все-таки различие телеэкранизации и киноэкранизации? Есть ли в телеэкранизации своя специфика или это та же киноэкранизация? Несомненно разница между теле-и кинопрочтением есть, но она не столько в методе, сколько в средствах, которыми пользуется каждый из них во время экранизации. Специфика телеэкранизации диктуется спецификой телевидения и ею обуславливается.

В статье «О характере многосерийного повествования» А. Вартанов говорит о трех фазах, стадиях взаимоотношений кино и телевидения, определяя их следующим образом: «первая стадия – кинофильм по телевидению, вторая – кинофильм для телевидения, третья – телевизионный фильм» [Вартанов 1976: 97]. Как справедливо замечает А. Вартанов в той же статье, «… то, что в теории четко разделено на определенные категории, в живой практике нередко существует в расчлененном виде».

«Обращение телевидения к классике необычайно важно тем, что делает сам характер этой общности более глубоким, духовно насыщенным. Мы чувствуем свое единство не только с теми, кто сейчас по всей стране смотрит тот же фильм, но и с теми , кто жил до нас, кто оставил нам замечательные произведения литературы, со всей национальной и мировой культурой, с историей. Больше того, классика, таково уж ее свойство, перекидывает мост не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее. Именно классика, фильмы, созданные по произведениям литературы, более всего способны раздвинуть пределы вселенной для телевизионного зрителя, приобщить его к чувству связи времен и связи людей», - замечает искусствовед А. Липков в статье «Классическая литература в многосерийной интерпретации», напечатанной в уже цитируемой книге «Многосерийный телефильм. Истоки. Практика. Перспектива» [Липков 1976: 86-87].

Действительно, классическое произведение в телевизионном прочтении более всего приближает зрителя к культуре своего народа, к событиям минувших лет. Об этом свидетельствует зрительский интерес к телеэкранизациям классических произведений литературы.

Литература

1. *Вартанов А.С.* К проблеме воссоздания образов литературы в книжной иллюстрации // Вопросы эстетики. М., 1958.

2. *Вартанов А.С.* О характере многосерийного повествования //Многосерийный телефильм. Истоки. Практика. Перспектива. М., 1976.

3. *КожиновВ.*Види искусства. М., 1960.
4. *Липков А.* Классическая литература в многосерийной интерпретации // Многосерийный телефильм. Истоки. Практика. Перспектива. М., 1976.
5. *Тимофеев Л.* Основы теории литературы. М., 1959.
6. *Тынянов Ю. Н.*Иллюстрация // Архаисты и новаторы. М., 1929.
7. *Шкловский В.* О законах кино // Русский современник. М., 1924.
8. *Шкловский В.* Заметки о сюжете в прозе и кинодраматургии // Вопросы кинодраматургии. М., 1956. Вып. 2.
9. *Шкловский В.* Их настоящее // За сорок лет. М., 1965.

РУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ БАРЕНЦ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА)

О.Н. ИВАНИЩЕВА
Мурманский арктический государственный университет, Россия
oivanishcheva@gmail.com

Ключевые слова: *русский язык, социолингвистическая ситуация, историческая межкультурная коммуникация.*

В работе предлагается описание социолингвистической ситуации на Кольском Севере как части Баренц региона: анализ многоязычного пространства трансграничного региона в историческом аспекте, исследование ситуации языкового доминирования в контексте русского и саамского языков и ситуации миноритарного языка / языка диаспоры в условиях русскоязычной диаспоры в Северной Норвегии

OLGA IVANISHCHEVA – Russian language in the context of historicalintercultural communication (on the example of the Barents Arctic region)

Key words: *Russian language, sociolinguistic situation, historicalintercultural communication.*

A description of the sociolinguistic situation in the Kola North as a part of the Barents region is proposed: a analysis of the multilingual space of the cross-border region in historical aspect, study of the situation of linguistic dominance in the context of Russian and Saami languages and the situation of the minority / diaspora language in the conditions of the Russian-speaking diaspora in Northern Norway

Актуальность проблемы настоящей статьи обусловлена важностью обращения к вопросу межкультурной коммуникации в современном мире в условиях глобализации. Уникальность такого региона, как Арктический регион, состоит во многовековом сосуществовании северных народов, в том числе саамского и норвежского. В данной ситуации трансграничного Арктического региона актуально описать многовековые языковые связи между русским, саамским и норвежским языками, которые до настоящего времени не были предметом отдельного научного исследования. Анализ литературы по теме позволил выделить несколько ключевых моментов изучения функционирования русского языка в Норвегии вообще и в Северной Норвегии в частности: вклад славистов Норвегии в изучение и преподавание русского языка для норвежцев и роль родного (русского) языка в развитии детей иммигрантов. Исследование Е. В. Багреевой, описывающее русскоязычное сообщество в Норвегии, показывает, что возможность передачи русского языка в семье во многом связана с единодушием супругов по этому вопросу, потому что встречаются случаи, когда норвежские мужья не считают необходимым разговаривать со своими детьми на языке русской матери, хотя отмечается наличие достаточного количества центров по изучению русского языка [Багреева 2014: 112–113]. Академический интерес к русскому языку в Норвегии также достаточно высок. Начиная с конца XIX в., ученые Ханс Влом, Улаф Брок, Кристиан С. Станг, Арне Галлис занимались разработкой курсов по русской грамматике, по истории русского языка, по фонетике русского языка. Интерес к изучению русского языка, как отмечается, был связан с политическими и экономическими событиями (развитие поморской торговли в конце XIX в., освобождение Северной Норвегии от фашистских оккупантов в 1944 году, с началом перестройки в 1985 году). Хотя в статье А. М. Половинкиной особое внимание обращается на интерес норвежцев к русской культуре и русской литературе, нам кажется, что в основе

этого интереса все–таки лежат причины экономического и политического характера [Половинкина 2015]. Коммодификация русского языка на территории Северной Норвегии описана в статье М. Ольновой, которая признает коммодификацию новым социолингвистическим феноменом и отмечает ее специфику по отношению к русскому языку в г. Киркенес, регионе отнюдь не курортном. Автор статьи анализирует конкретные примеры лингвистического ландшафта Северной Норвегии: вывески, реклама, объявления, надписи в городе. М. Ольнова утверждает, что ведение бизнеса не может быть основано на знании только английского языка: необходимо знание родных языков партнеров, чтобы исключить случаи непонимания [Ольнова 2017: 589]. Наши собственные наблюдения над функционированием русского языка в г. Киркенес подтвердили эту мысль: таможенные службы обеих стран на совещаниях используют русский и норвежский языки (с помощью переводчиков), чтобы все положения не получали двойственного толкования. Кроме того, знание родного языка покупателя привлекает клиентов магазинов и ресторанов. Хотя в случае с г. Киркенес это знание обеспечивается не изучением русского языка норвежцами, а привлечением к бизнесу русскоговорящих сотрудников, как это делается по всему миру. Отличие от подобной практики, например, в г. Париж от г. Киркенес состоит в том, что в европейской столице количество русскоговорящих продавцов зависит от востребованности товаров русскими туристами. При изменении ситуации русских продавцов заменяют китайскими. В г. Киркенес русские сотрудники чаще всего являются владельцами бизнеса, а поскольку с развитием экономических связей поток русских туристов не уменьшается, то и заменять русскоязычных сотрудников китайцами не имеет смысла. При изучении роли родного (русского) языка в развитии детей иммигрантов особенно важно обсуждение методики преподавания русского как родного, что является основным моментом семинаров и конференций в Норвегии. Языковое поведение русских иммигрантов, живущих в Северной Норвегии в непосредственной близости к границе с Россией, исследовано в статье А. С. Роговой [Рогова 2010], которая называет языковые контактные явления норвежским русским языком. Исследователь утверждает, однако, что специфики употребления русского языка в г. Киркенес нет, говорить на русском языке в этом городе считается естественным, не вызывает негативного отношения в обществе [Рогова 2010: 34]. Нам эта ситуация представляется еще более категоричной: население норвежского г. Киркенес четко делится на две непересекающиеся группы: русские и норвежцы. Русские жители в основном знают норвежский язык, норвежцы русский язык не знают или знают несколько фраз. Общение сразу ориентировано на собеседников: русские разговаривают с русскими на русском языке, с норвежцами на норвежском; норвежцы разговаривают с русскими иммигрантами на норвежском, с русскими туристами на английском. В. В. Тевлиной проведено исследование степени сохранности «русскости» в ходе интеграции русских (особенно русских детей) в норвежское общество. Ее исследование показало те же тенденции: русские дети общаются с русскими по-русски, а с норвежцами – по-норвежски или по-английски [Тевлина 2014; Tevlina 2015].

В историческом аспекте, который является основным в настоящей статье, важным фактором, способствующим распространению русской культуры и русского языка в Северной Норвегии, являлась поморская торговля. Как утверждает Э. Ниеми, эта торговля была «истинным благословлением» для Северной Норвегии и ее обитателей [Ниеми 1992: 15–19].

В «кильватере» (И. Брок) поморской торговли возник контактный язык руссенорск. Описание этого русского пиджина достаточно подробно представлено в научной литературе в России и за рубежом. В руссенорск вошло приблизительно одинаковое количество русских и норвежских слов. О равноправии языков в руссенорск пишут многие исследователи. Возможно, поэтому в определении сути русско-

норвежского пиджина среди исследователей нет единого мнения. Руссенорск рассматривается учеными не просто как модификация русского и норвежского языка, но и как автономная структура. С другой стороны есть мнения о том, что руссенорск – это искаженный вариант норвежского языка, поскольку в нем нет русских грамматических элементов. По мнению Е. В. Перехвальской, руссенорск представляет собой отдельный язык [Перехвальская 2006: 27]. Что касается грамматики, И. Брок не согласна с мнением Е. В. Перехвальской о том, что в руссенорск полностью отсутствует словообразовательная и словоизменительная морфология (см.: [Перехвальская 2006: 35, 43]). И. Брок считает, что морфология в руссенорск есть. Она выявляется в том, как маркируются части речи [Брок 1992: 76].

Еще одно обстоятельство заставляет нас более критично подойти к критериям пиджина в языке руссенорск. Пиджин, по определению, – это вид контактного языка, возникающий в ситуации *отсутствия иных способов межэтнического общения*, который характеризуется ограниченным набором слов, не устоявшейся грамматикой, минимум выполняемых ими функций, отсутствием этнической базы носителей. Признак «*отсутствия иных способов межэтнического общения»* в ситуации поморской торговли русских и норвежцев может быть оспорен. К. Чудинов отмечает, что осознание необходимости изучения языка партнера у поморов и норвежцев проявилось, по-видимому, уже во второй половине XIX в. [Чудинов 1992: 29], т. е. тогда, когда руссенорск, по мнению других ученых, находился еще в стадии формирования. К. Чудинов приводит факты «погружения» в язык среди русских и норвежцев: поморы отправляли сыновей «в Норвегу» на одну-две зимы, где, живя в норвежских семьях, они изучали норвежский язык. Примерно также поступали и норвежцы, отправляя своих сыновей в Архангельск, Колу, Онегу или Кемь. В то же время поморы начинают задумываться над организацией обучения норвежскому языку дома в Поморье. В 1838 году Архангельский губернатор поднимает вопрос о введении преподавания норвежского языка в некоторых учебных заведениях Поморья. С января 1859 года было решено открыть «дополнительный класс норвежского языка» в Кемском уездном училище [Чудинов 1992: 29].

Кольский Север (Мурманская область) – территория проживания коренного малочисленного народа саами осваивалась русскими начиная с первой половины XI в. [Ушаков 1997: 31]. Национальный состав Мурманской области формировался постепенно. В конце XIX в. на Кольском Севере проживали представители примерно 10 национальностей. Так, национальный состав постоянного населения Мурмана в 1895–1899 гг. был представлен в основном 5 народностями: русскими, финнами, карелами, норвежцами, а также 16 саамами и фильманами (норвежскими, шведскими и финскими саамами). В 1899 году удельный вес этих народностей в населении составлял: финнов 41,8 %, русских — 27,1 %, карелов — 17,4 %, норвежцев — 7,4 %, саамов и фильманов — 5 %, прочих народностей — 1,3 % [Добров 1967: 47]. Разнообразие национальностей в г. Мурманске с декабря 1914 года по январь 1926 года согласно данным I Всесоюзной переписи населения 1926–1927 гг. изменилось в сторону уменьшения: в 1914 году их было 20, в 1926 году — 17. Результаты II Всесоюзной переписи 1937 года, как известно, были объявлены неудовлетворительными, а по результатам III Всесоюзной переписи 1939 года, результаты которой также оспариваются историками, в Мурманской области проживали русские (127205 — 83 %), украинцы (9966 — 6 %), татары (2512 — 1,6 %), финны (2108 — 1,3 %), белорусы (2670 — 1,7 %), карелы (1791 — 1,1 %), прочие (7325 — 4 %)[Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.:105]. По результатам переписи населения 1979 года количество русского и украинского населения увеличилось (соответственно с 84,5 % до 85 % и с 7 % до 8 %), белорусов, татар, коми и мордвы не изменилось, а карелов, евреев и саами уменьшилось на 0,1 % [Мурманская область 50 лет 1988: 44].

В первые годы Советской власти на Кольском полуострове в начальной школе были русские и татарские классы [Воспоминания Антроповой Лидии Филипповны: 8]. В 1924/1925 учебном году в губернии (на Кольском полуострове) были школы, преподавание в которых велось на родном языке. Разнообразие национального состава требовало от учителей школ напряженной работы [Доклад Геллиса: 10–11]. При отдельных школах с 1930/1931 учебного года по 1934/1935 учебный год существовали начальные классы на татарском и украинском языках. В октябре 1932 года Президиум окрисполкома и Мурманского горсовета принял решение об организации в клубе моряков Северного тралового флота школы для детей немецких специалистов. Но была ли такая школа организована, не установлено [Зак: 6].

Преподавание русского языка особенно актуализировалось после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, а на территории Кольского полуострова – в 1920-е гг. после освобождения региона от интервентов – в связи с работой по ликвидации неграмотности и малограмотности. Существовала даже саамская школа с преподаванием на русском языке в старинном саамском погосте Кильдинском [Смирнов: 3].

Саамы населяли Кольский полуостров и север Скандинавии с конца I тысячелетия нашей эры, хотя предки современных саамов обитали здесь с I тысячелетия до нашей эры. Судя по материалам былинного эпоса, русское население приходило с «Поморского» (Карельского) берега. Первые русские поселенцы Терского берега были потомками выходцев из Новгородской земли. Примерно с XV в. торговые связи саамов с русскими стали устойчивыми, систематическими. Самые ранние сведения о численности саамов на Кольском полуострове относятся к началу XVII в., когда был проведен довольно тщательный учет всего тяглого населения края.

Находясь в тесном общении с русским населением, многие саамы, особенно мужчины, хорошо владели русским языком. Большинство остальных саамов понимало обиходную русскую речь. Когда встречались саамы разных племенных групп, они нередко объяснялись между собою на русском языке, так как, говоря на родном наречии, не всегда могли понять друг друга [Ушаков 1997:29–45, 58, 63, 103, 105, 107]. Как отмечал И. Ф. Ушаков, уже по опросу 1785 года все лопари-мужчины и 70 % женщин владели русским языком (разговорной речью). Лопари знали многие русские песни, сказки, поговорки. Многое перенимая у русских, лопари сохраняли родной язык и самобытную культуру [Ушаков 1998:272–273].

В 1895 году священником Пазрецкого прихода Архангельской губернии Константином Щеколдиным была создана «Азбука для лопарей» [Азбука для лопарей 1895]. На территории этого прихода, находящегося вблизи русско-норвежской границы, жили коллта-саами, одна из групп кольских саами. К. Щеколдин занимался просветительской деятельностью, знал лопарский язык, записывал саамские сказки. В 1884 (по другим источникам – 1894. – *О.И.*) году Щеколдин издал перевод Евангелия от Матфея на саамский язык тиражом, превышавшим число грамотных саамов (см.: [Ушаков 1997: 457]).

В разных источниках «Азбуку для лопарей» К. Щеколдина называют букварем или первым саамским учебником. Изучение источников показывает, что ученые не определились с мнением, какому языку обучает «Азбука»: русскому или коллта-саамскому. Так, в издании «Кольский Север» указано, что К. Щеколдин «учил детей коренных жителей тундры на русском и на их родном языке. Составил и издал «Азбуку для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии» (Архангельск, 1895)» [Кольский Север 2013]. Из этого заявления неясно, русскому или лопарскому языку учил лопарей священник.

Известный мурманский ученый-краевед И. Ф. Ушаков описывает «Азбуку» в связи с представлением обучения русскому языку лопарей Кольского Севера. Он от-

мечает, что большинство детей, поступая в школу, совсем не знало русского языка. Об уровне преподавания русского языка лопарям И. Ф. Ушаков судит по «Азбуке для лопарей». Он описывает содержание «Азбуки» следующим образом: «Первый раздел ее знакомил учащихся со звуками, слогами и словами русского языка, затем следовали отдельные фразы для выработки навыков чтения. Завершали раздел два коротеньких нравоучительных рассказа, каждый из которых был напечатан на саамском (слева) и на русском (справа) языках. Главная мысль первого рассказа заключалась в словах: «человек… должен работать, чтобы… жить счастливо»; во втором рассказе говорилось о необходимости дружбы и согласия между людьми. Второй раздел «Азбуки» был посвящен счету: давались зрительные представления о числе (от 1 до 10), упражнения по счислению в пределах до 1000 и таблица умножения. Последний, третий, раздел состоял из текстов для объяснительного чтения. Сначала шли фразы, вроде «Люби Господа Бога всем сердцем и душою твоею»; затем – церковные понятия (рай, алтарь), названия церковной утвари; термины богослужения и священного писания; далее учащиеся знакомились со знаками препинания, изучали гимн («Боже, царя храни»), «пословицы» («Кто работает, тому Бог помогает», «За Богом молитва, а за царем служба не пропадают»);потом следовали «Совет матери сыну» («Живи по Закону Божию», иначе «будущая жизнь твоя будет бедственна и мучительна»), молитва «Отче наш» на двух языках и, наконец, «Десять заповедей Закона Божия» – тоже на двух языках» [Ушаков 1997:449–450]. Далее И. Ф. Ушаков констатирует, что для большинства учащихся саамов и коми обучение грамоте на этом и завершалось [Ушаков 1997: 450].

Наше исследование показало, что русский язык – государственный язык Российской Федерации, обладает функционально-языковой доминацией на территории Русский Арктики и имеет устойчивые исторические контакты с другими языками Баренц региона (саамский, норвежский), что обуславливает особенности межкультурной коммуникации на Кольском Севере.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Мурманской области в рамках научного проекта № 18-412-510001

Литература

1. *Азбука для лопарей*, живущихъ въ Кольскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи. Архангельск: Типолитография С. М. Павлова, 1895. 22 с.

2. *БагреевеЕ.В.* Русскоязычное сообщество в Норвегии: история формирования и специфика адаптационных процессов // Гуманитарий Юга России, 2014. № 3. С. 107–120.

3. *Брок И.* Моя–по–твоя: Русско–норвежский язык–пиджин// Оттар: Норвегия и Россия на севере (Научно-популярный журнал музея г. Трумсе), 1992. № 192. С. 24–28.

4. *Воспоминания Антроповой Лидии Филипповны*. Осень 1926 г. // МОМ НВ 3811/3. 32 с.

5. *Добров В.В.* Население Кольского Севера. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1967. 71 с.

6. *Доклад Геллиса* «Народное образование в Мурманской области за 30 лет» на 1947 г. // МОМ НВ 4084. 21 с.

7. *Зак Б.Д.* Развитие народного образования в г. Мурманске в 1930–1941 гг. // МОМ НВ 3811/1. 77 с.

8. *Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.*М.: Статистика, 1973. T.IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. 648 с.

9. *Кольский Север*: Энциклопедический лексикон. [Электронный ресурс]: URL: http://lexicon.dobrohot.org/, 2013 Дата последнего обращения 07.01.2019.

10. *Мурманской области 50 лет*. Мурманск: Книжное издательство, 1988. 158 с.

11. *Ниеми Э.* Поморская торговля глазами норвежцев// Оттар. Научно-популярный журнал Музея г. Трумсе, 1992. № 192. С.15-23.

12. *Ольнова М.* Русский язык в Северной Норвегии// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. RussianJournalofLinguistics, 2017. Vol. 3. № 3. С. 587–604.

13. *Перехвальская Е.В.* Сибирский пиджин (дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура: автореферат дис. … докт. фил.наук. СПб., 2006. 50 с.

14. *Половинкина А.М.* История изучения русского языка в Норвегии // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук, 2015. Т. 17. № 3(2). С. 219–230.

15. *Рогова А.С.* Особенности языкового поведения русскоязычных иммигрантов в русско-норвежском приграничье // Вопросы языкознания, 2010. № 4. С. 27–35.

16. *Смирнов М.А.* Мурманская школа // МОМ НВ 3811/3. 2 с.
17. *Тевлина В.В.* Взаимодействие между россиянами-иммигрантами и норвежцами в Арктической Норвегии// Языковое и культурное взаимодействие в условиях Арктического региона: материалы международной конференции, 23–25 сентября 2014 г. / ред.: Н.И. Курганова (отв. ред), С.А. Виноградова, Е.А. Тюркан. Мурманск: МГГУ, 2014. С. 50-56.
18. *Ушаков И.В.* Избранные произведения в 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. Мурманск: Книжное издательство, 1997. Т.1: Кольская земля. 648 с.
19. *Ушаков И.В.* Избранные произведения: В 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. Мурманск: Книжное издательство, 1998. Т.2: Кольская земля. 376 с.
20. *Чудинов К.* Для языка – две культуры// Оттар: Норвегия и Россия на севере (Научно-популярный журнал музея г. Трумсе), 1992. № 192. С. 29-32.
21. *Tevlina V.V.*FromRussiatoNorwayandtoitsNorth. RealandPotentialmigration: Children, adults, families. Arkhangelsk, 2015. 184 p.

Список сокращений

МОМ – Мурманский областной музей
НВ – научно-вспомогательный фонд

ГАЗЕТНЫЙ ДИСКУРС: ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ ОППОЗИЦИОННОЙ ПРЕССЫ)

С.С. ИЗЮМСКАЯ
Южный федеральный университета, Россия
SVETLANA.DRIGA@yandex.ru

Ключевые слова: *иноязычные вкрапления, газетный дискурс, стратегия дистанцирования, функция, оппозиционный текст, языковая игра.*

Данная статья посвящена исследованию функционального статуса иноязычных вкраплений в пространстве российского оппозиционного газетного дискурса. В центре внимания - соотношение таких понятий, как «иноязычные вкрапления», «манипулятивные стратегии», «языковая личность автора». Автор убедительно доказывает, что анализ различных стратегий и тактик манипулятивного характера может помочь «увидеть» ядро трехчленной организации текста статьи (оппонент - автор текста - читатель) - личность автора, раскрыть авторские интенции.

SVETLANA IZYUMSKAYA – Newspaper discourse: foreign fragments as a communicative phenomenon (on the material of the opposition press)

Key words: *foreign language inclusions, newspaper discourse, strategy of distancing, function, opposition text, language game.*

This article is devoted to the study of the functional status of foreign language inclusions in the space of the Russian opposition newspaper discourse. The focus is on the correlation of such concepts as "foreign language inclusions", "manipulative strategies", "language personality of the author". The author convincingly proves that the analysis of various strategies and tactics of manipulative nature can help to "see" the core of the three-membered organization of the text of the article (the opponent - the author of the text - the reader) - the personality of the author, to reveal the author's intentions.text, language game.

Сегодня в период становления антропоцентрической парадигмы перспективную линию исследования представляет изучение языковых средств выражения личности автора, высокочастотных манипулятивных стратегий в оппозиционном дискурсе, специфика которого в коммуникативном аспекте проявляется в том, что «содержание сообщений обусловливает конфликтный характер текстов, имеющих целью опровержение аргументов оппонентов и восстановление истины» [Рябцева 2009: 6].

Стремительное распространение помимо собственно заимствований (транслитерированных, освоенных на уровнях семантики и грамматики) макаронических вкраплений связано с целым комплексом собственно лингвистических, экстралингвистических и психологических причин и «желанием сформировать имидж европейского человека» [Беляева 2008: 91]. Активное проникновение в современный русский язык иноязычных слов нашло отражение в оппозиционной прессе. Пуристическая стратегия в отношении данных слов, ассоциирующихся с концептом «чужое», направленная на искоренение заимствований из русского языка, отразилась на функциональном статусе иноязычных вкраплений (или макаронизмы).

Ключевые концепты «истина-ложь», моделирующие картину мира в оппозиционном дискурсе, определяют отличительные особенности, среди которых Рябцева выделяет «повышенную агональность, критичность, разоблачительность, конфликтность моделей мира адресанта и оппонента» [Рябцева 2009: 9], а также характер коммуникативных стратегий, раскрывающих языковую личность автора. Именно автор находится в центре (в ядре) трехчленной субъектной организации текста аналитической статьи «оппонент - автор текста - читатель», определяя информационное поле оппозиционного дискурса, тактики, стратегии и языковой «арсенал» их реализации. Иноязычные вкрапления появляются в этом языковом «арсенале» не случайно, их участие в языковом синтезе манипулятивно продуманно, отвечает определенным стратегическим задачам, тактикам. Диапазон коммуникативных стратегий, в которых участвует иноязычный вербальный знак, за последние годы существенно расширился.

Как показал материал исследования, на страницах данной прессы иноязычные вкрапления преимущественно участвуют в реализации стратегии изобличения политического оппонента во лжи. Высокочастотность этой стратегии связана с тем, что «в качестве основных концептов, маркирующих оппозиционный дискурс, и участвующих в моделировании им картины мира, выступают концепты «истина-ложь» [Рябцева 2009: 10].

Стратегия изобличения человека или явления (в политике, культуре и др. сферах) может быть реализована с помощью языковой игры, которая реализуется включением иноязычных вкраплений (преимущественно контаминированных) в восклицательную конструкцию в роли обращения. Например: «Учитывая структуру ядра этого самого либерального кремлевского штаба, заподозрить оный в том же самом, казалось бы, трудно. Но неисповедимы пути твои, *perestroika*!» («Завтра», №21, 2009).

Контаминированное вкрапление (представляют собой русские слова, употреблённые по законам другого языка) нередко функционирует на страницах оппозиционной прессы, реализуя стратегию дистанцирования. Особая форма, основанная на контрасте графического оформления вкраплений и элементов родной речи, помещение в кавычки, привлекая внимания читателя, могут участвовать в реализации иллокутивных составляющих «ирония» и «сарказм». Например: «Но в ответ, видимо, было сказано: чтобы мы могли начать «*peregryzka*», вы должны продемонстрировать свою добрую волю» («Завтра», №17, 2009).

Стратегия изобличения наиболее ярко проявляется с помощью включения контаминированных вкраплений в ряд однородных компонентов. Языковая игра, в которой имеет место «нанизывание» англицизмов, может способствовать реализации иллокутивных составляющих «ирония», «сарказм» и «юмор». Например: «Российский фильм «Край» кинорежиссера Алексея Учителя пролетел мимо «малого Оскара», «Золотого глобуса». Я считаю этот факт чрезвычайно отрадным. Отрадным, прежде всего, потому, что изначально это киноубожество снималось и создавалось в расчете именно на американского (западного) зрителя, с его предельно утрированным восприятием России: «*medved, vodka, GULAG, deffka, balalayka*…», - о чем проговорился в ходе премьерного показа продюсер картины Константин Эрнст. Мол, там хотят видеть Россию такой - мы её такой и покажем…» («Завтра», №3, 2011).

Стратегия дистанцирования может быть реализована с помощью языковой игры, основанной на приеме контраста. Проявляется данный прием в конструкции, включающей столкновение в ряду однородных компонентов вербальных знаков, противоположных по семантике и этимологии. При этом ключевая роль (препозиция в тексте) принадлежит англицизму в силу экспрессивности формы иноязычной лексемы. Например: «Полагаю, что у каждой молодой россиянки должен быть диск - как противоядие от *бойфренда,* работы и Ксении Собчак» («Завтра», №21, 2009); «У мест-

ных «солнцевских» из самого криминального района «Цзен» есть две отличительные черты: униформа *«Zanboys»* и до холода пустые глаза» («Завтра», №2, 2010) и др.

Стратегия дистанцирования проявляется с помощью следующих языковых приёмов:

1) параллелизм структурных частей. Например: «И знаете, зауважала интеллектуалов. Ковровой бомбардировкой стелют они по головам российского «*пипла*», вбивают торжество пересмотра постулатов балетной классики» («Завтра», №23, 2009);.

2) помещение частичного иноязычного вкрапления в разделительную конструкцию оценочного характера. Например: «Что ни Форсайт, дерзновенный в ранних работах о Сильви Гиллем и nocomment в «Форсайт в Маринке» - то «*мессидж*» хореографа-интеллектуала в XX1 век» («Завтра», №21, 2009);

3) помещение иноязычного вкрапления в название каких-либо музыкальных произведений: Например: «Однако последним номером неожиданно возникает умиротворяющий «И мир на земле». Так в финале «Азбуки страха» звучала неожиданная версия «Осеннего *драйва*» про «милый берег родного дома», а последний альбом группы «Огонь» - «Заживо», местами совершенно остервенелый, завершался: «Я вернулся к тебе, милая, злое сердце обогрей» («Завтра», №50, 2010) и др.

Включение иноязычного вкрапления в устойчивый оборот, широко известный читателю, может участвовать в реализации стратегий обличения и дистанцирования. Языковая игра, в которой имеет место замена лексем иноязычного происхождения(«*Sapiens'a*» на «*Video*»), наиболее ярко способствует выражению авторских интенций. Например: «Производство превращало человека в машину, а телевидение превратило в скотину. *HomoSapiens'a* сменил *HomoVideo*, с телевизором вместо головы» («Завтра», №50 2010) и др.

На страницах оппозиционного текста иноязычные вкрапления спортивной сферы нередко участвуют в раскрытии языковой личности автора. Активизация иноязычных вкраплений спортивной сферы объясняется экстралингвистическими факторами, свидетельствует о повышении интереса в социуме к развитию спорта, мода на здоровый образ жизни. В пространстве оппозиционной прессы авторы публикаций прибегают к данным спортивным частичным вкраплениям с целью реализовать иллокутивные составляющие «ирония» и «сарказм» к конкретным изменениям в социуме. Достигается это довольно часто включением частичного иноязычного вкрапления в обособленный оборот. Например: «Власти сознательно отпустили вожжи в отношении футбола, давая части активного населения возможность выплескивать энергию через стадион. Болельщик мог выломать телефонную будку, потанцевав «*брейк дэнс*» на аппарате, - и все это на глазах у полиции, которая в ответ лишь посмеивалась» («Завтра», №2, 2010);

Поводом для появления спортивного частичного иноязычного вкрапления в пространстве оппозиционного дискурса может быть стремление автора внести в разъяснительный оценочный информационный комментарий, выражающий оценочный компонент, стратегию дистанцирования.

Например: «По этим же причинам счет нечасто оказывается в пользу соседей - в здешних матчах все закрывают глаза на чрезмерную склонность *лайнсменов* сигнализировать «вне игры» у ворот хозяев» («Завтра», №2, 2010) и др. «Причем самостийную мыслительницу нисколько не смутило то, что в оригинале сочинение Дебре называется *Introductionalamediologie*» («Завтра»,№7, 2010); «Таковые технологии уже существуют - это КПК (карманные персональные компьютеры, на Западе известные как *PersonalDigitalAssistant*), в быту называемые «наладонниками» (англ.*handheld*)» (Завтра, №39,2009).

Довольно часто на страницах оппозиционных текстов авторы публикаций прибегают к дистантному лексическому повтору иноязычных вкраплений (преимущест-

венно частичных вкраплений). Создавая сложную ткань структуры текста, дистантные повторы актуализируют внимание читателя, способствуют выделению важной детали, служат средством связи различными частями текста, средством соединения макротекста. «Но они же не хотят подчинить Нью-Йорк и Париж своим «ворам в законе»! Видно же, что не хотят! Что нет у них для этого ни сил, ни идеологического *драйва.* А без такого *драйва* другие страны не завоюешь» (Завтра, №17, 2009); «Ссылки на мировой кризис звучат в высшей степени неубедительно. Ситуация «*маржин колл»*, в которой оказывается множество корпораций и банков, ставит Россию перед унизительной альтернативой… Присмотритесь к Аргентине. Она без всякого мирового кризиса оказалась в том же капкане «*маржин колл*»… Чем бы ни обернулся «*маржин колл*» - это крупная операция по размениванию ВИРТУАЛЬНОГО на РЕАЛЬНОЕ. Вся спецоперация, именуемая «кризис», она же мировая рукотворная катастрофа, как раз и была организована (равно как и «*маржин колл*», и многое другое) В ТОЧНОСТИ РАДИ СПАСЕНИЯ ДОЛЛАРА! Спасения, а не погибели! С одной стороны, доллар подперли «*маржин колл*», очередным вывозом новыми «колумбами» нового колониального «золота» в новую метрополию…Вы наезжаете на доллар…А вас спрашивают: «А при чём здесь доллар? Одни бойкие лохи нарвались на «*маржин* ***колл*»*.*** Но доллар-то наш при чем?» («Завтра», №17, 2009);

По мнению исследователей,при дистантном повторе ключевые слова образуют смысловое ядро всего текста [Глазкова 2010: 14]. Англицизм в дистантном повторе - ключевой компонент, образующий смысловое ядро всего текста.

Например: «Светлана Захарова, в блеске минималистического костюма, заявила о танце в стиле *hi-tech*…Год назад мой немецкий друг вменял моей взрослой дочери потребность в *hi-teche.* Ехали они из Баден-Бадена в Страсбург, *hi-tech* навигатор через каждые пять минут корректировал маршрут. Прямо ехать некуда, тупик. Дочь моя - в гомерический смех, немецкий друг, забыв о дороге, взять в толк не может, почему врёт *hi-tech*, если он *hi-tech*? Непостижимым образом музыка, стенография, пластичность Захаровой так захватили меня *hi-tech* клещами, что я лишь к финальной части балета вспомнила об отсутствии в оркестровой яме оркестра… Вполне себе *hi-tech* стиль, поглощающий признание Светланы Захаровой: «это мой балет - от первой ноты до последнего па». И я не знаю, чья в том заслуга: балерины или балетмейстера? Композитора или автора видеопроекции? Как бы то ни было, я немало порадовалась за нашу Светлану Захарову, и ещё более - за наш *hi-tech,*тем более, что живьём ГЛОНАСС так ещё и не видала» («Завтра», №21, 2009).

В данном примере имеет место и стратегия диалогизации. Лексический повтор иноязычного вкрапления в вопросительном предложении (Дочь моя - в гомерический смех, немецкий друг, забыв о дороге, взять в толк не может, почему врёт *hi-tech*, если он *hi-tech*?), участвуя в реализации стратегии диалогизации и изобличения во лжи, стимулирует мысль читателя, способен привлечь внимание к публикации. Помещение местоимения «наш» в препозицию к иноязычному вербальному знаку «наш *hi-tech*» **(**Как бы то ни было, я немало порадовалась за нашу Светлану Захарову, и ещё более - за наш *hi-tech*,тем более, что живьём ГЛОНАСС так ещё и не видала) обладает манипулятивной направленностью, так как способствует сокращению социальной дистанции между представителями группы, превращению их в единомышленников, а также вводит в высказывание важное для создания социальных значений противопоставление «свой/чужой» [1: 131].

Дистантный лексический повтор англицизма в предложениях с авторским комментированием может участвовать в реализации авторских стратегий, в которых наиболее ярко может раскрыться «портрет» языковой личности автора текста. Например: «*GegenAcht*» - неистовое и элегантное действо, отчаянный и живой авангардистский жест… «*GegenAcht*» - это появление «здесь и сейчас» неподконтрольного

пространства. Одновременно, очень личное высказывание и дешифровка «общественно значимых смыслов», вложенная во внутреннюю структуру произведения» («Завтра», №26, 2010) и др.

Следует отметить, что вставная конструкция, находящаяся в постпозиции к иноязычному вкраплению, может реализовать стратегию дистанцирования, раскрывающую языковую личность автора. При этом может иметь место языковая игра: включение в препозицию к иноязычному вкраплению дистанцирующего оборота «пишет по-русопятски», лексический повтор, замена английского предлога «to» на «in». Например: «С тех пор всё, что бы ни танцевала « в этой стране» Светлана Захарова, всё - отбрасывание «*backtoUSSR*» (независимая пресса пишет по-русопятски: «*backinUSSR*» («Завтра», №21, 2009) и др.

Включение частичных вкраплений в различные по структуре вопросы, акцентируя внимание читателя, участвует в реализации стратегии изобличения представителей какой-либо сферы (культуры, политики и др.). Например: «Предъявляя к Светлане Захаровой свой гамбургский счет, я тоже - в недоумении. Зачем штурмует она крепость *contemporarydance*? С её-то идеальными данными классической балерины, с её редким по красоте балетным телом, с её-то положением, наконец!» («Завтра», №21, 2009); «В какой мере социальная культура должна отчуждать от себя («репрессировать») политическое искусство? Можно ли считать, что разрушение культуры (воплощение которого горящий клуб «Хромая Лошадь») является актом искусства, а владелец увеселительного заведения - главный деятель *contemporaryart'a*?» («Завтра», №50, 2010) и др.

Языковая игра, в которой имеет место: параллелизм структурных частей, лексический повтор, направлена на реализацию авторских стратегий пейоративного характера, затрагивая иллокутивные составляющие «ирония» и «сарказм». Следует отметить, что интенсифицирующим компонентом выступают частичные иноязычные вкрапления, особая форма которых влияет на реализацию ключевых функций оппозиционного дискурса: ориентирования и взаимодействия. Как отмечает М.Ю.Глазкова, «экспрессивные синтаксические конструкции в текстах аналитической общественно-политической статьи при их общей полифункциональности активно взаимодействуют с интенсифицирующими компонентами, используемыми автором статьи для оценки предмета высказывания и подчеркивающими экспрессивность и оценочность экспрессивных синтаксических конструкций» [Глазкова 2010: 13]

Довольно часто в пространстве оппозиционной прессы авторы прибегают к включению частичных вкраплений в предложение с разъяснительным комментированием (перевод на русский язык или какая-либо поясняющая информация). Разъяснительное комментирование довольно часто находиться в постпозиции к иноязычному вербальному знаку. Например: «Ну, и «*lastbutnotlost*» - последнее по месту, но не последнее по значению» («Завтра», №21, 2009); «Человек уже сложившихся представлений об окружающем мире, он сумел организовать себя таким образом, что его пониманию стал подвластен мир художественный. Умел выбирать друзей. Которые во многом повлияли на него, много читал, ходил в театры, на концерты, выставки… В общем, англичане подобных называют *self-made-man* - человек, сделавший себя. В России такие люди не редкость» (Завтра, №7,2010); «Использование формата 3-D и анимационной технологии *motioncapture* (с помощью которой в своё время был создан Горлум из «Властелина колец») гарантировали зрелище, какого ещё не знал кинематограф» («Завтра», №2,2010) и др.

Таким образом, иноязычные вкрапления (полные, частичные, контаминированные) на страницах оппозиционной прессы обладают высоким функциональным статусом. Появление иноязычного элемента в языковом «арсенале» не случайно и связано с ассоциативным восприятием данного элемента с концептом «чужое». Пуристи-

ческие позиции авторов данной прессы в их отношении, направленные на искоренение заимствований из русского языка иноязычных слов, определяют диапазон коммуникативных стратегий и тактик, в которых может участвовать иноязычный вербальный знак.

Языковая игра, в которой ключевая роль принадлежит иноязычному вкраплению, направлена на реализацию различных авторских стратегий: дистанцирования, изобличения человека или явления и др. При этом, как показал материал исследования, в начале XXI века высокочастотностью пользуются дистантный лексический повтор иноязычного вкрапления, помещение его в вопросительные конструкции, в восклицательные в роли обращения и др. Исследование данных стратегий и тактик манипулятивного характера может помочь «увидеть» ядро трехчленной организации текста статьи (оппонент - автор текста - читатель) - личность автора, раскрыть авторские интенции.

Литература

1. *Беляева И.В.*Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты. Монография. - Ростов-н/Д., Издательство СКАГС, 2008.- С. 46 -131.

2. *Глазкова М.Ю.* Экспрессивный синтаксис в современной публицистике. АКД. - Ростов-на-Дону, 2010.

3. *Рябцева И.Г.*Оппозиционный политический дискурс в американских СМИ: коммуникативный и прагматический аспекты. АКД. - Ростов-на-Дону, 2009. - С.5 -10.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ТЕКСТАХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАЧНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ

Т.В. ИЦКОВИЧ

Уральский федеральный университет, Россия

tatiana.itckovich@urfu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 А «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

Ключевые слова: *аксиология, аксиолингвистика, аксиологическая реальность, аксиологический идеал, ценности, семья, брачные объявления.*

Тексты православных брачных объявлений эксплицируют интериоризированные личностью ценностные установки, демонстрирующие актуальное состояние аксиологической реальности. Ценности, отраженные в мужских и женских православных брачных объявлениях, обусловлены религиозным мировоззрением авторов. В то же время в объявлениях вербализуются ценности советского периода и практически отсутствуют современные гедонистические ценностные установки.

TATIANA ITSKOVICH – Family values in texts orthodox marriage announcements

Key words: axiology*, axiolinguistics, axiological reality, axiological ideal, value, family, marriage announcements.*

The texts of Orthodox marriage announcements demonstrate the values that the person has learned. Texts of Orthodox personals demonstrate the relevance of the axiological status of reality. The values reflected in the male and female Orthodox marriage announcements are conditioned by the religious worldview of the authors. At the same time, the announcements verbalize the values of the Soviet period and practically lack modern hedonistic values.

Изучение способов вербализации ценностей в языке является сегодня одним из актуальных направлений лингвистических исследований [Вепрева, Ицкович, Купина, Шалина 2016; Вепрева, Ицкович, Купина 2018]. Ценностные установки человека особенно активно проявляются в личной, семейной сфере [Вепрева 2018].

Семейные ценности, декларируемые как духовная константа, скрепляющая современное российское общество, с 90-х гг.XX-го века, в частности, опираются на религиозные принципы. В православии, позиционирующем себя хранителем традиций, семья понимается как малая церковь, где муж служит посредником между Богом и остальными домочадцами, проводником божественной благодати, жена в духовной

иерархии занимает подчиненное положение, что закреплено в чине венчания: да убоится жена мужа своего. Дети должны расти в послушании родителям, которые отвечают не только за их физическое развитие, но, прежде всего, за духовное становление личности ребенка[Рождественский 1902; Троицкий 2001]. Религиозные установки, касающиеся семьи, закреплены как в прототексте Евангелия: недаром первое чудо, сотворенное Иисусом Христом, произошло во время брачного пира, так и в текстах Св. Предания, учении св. отцов церкви, житиях святых, проповедях священнослужителей. Такие религиозные установки можно считать аксиологическим идеалом. Аксиологический идеал находится в дихотомических отношениях с понятием аксиологической реальности. Тексты брачных объявлений, размещенные на православно ориентированных сайтах знакомств, отражают аксиологическую реальность, под которой понимается усвоенная, интериоризированная система ценностных ориентаций человека, на которую он ориентируется в актуальной сфере жизнедеятельности – создании семьи. Пространство сети интернет, отличающееся свободой высказываний, в совокупности с реализацией базовой потребности человека, заключающейся в создании семьи, приводит к экспликации в текстах объявлений о знакомстве реальных ценностных представлений о семье.

Материалом исследования являются тексты брачных объявлений, размещенные на православных сайтах знакомств.

Православное христианство.ru – каталог православных ресурсов сети интернет http://www.hristianstvo.ru/life/family/marriage/2/ - дата доступа 01.05.2019 – представляет полную картину православных сайтов, посвященных созданию семьи и размещающих объявления о знакомстве. В каталог включены 15 сайтов, посвященных созданию семьи и включающих раздел знакомств: Надежда. Украинский православный сайт знакомств; Светелка. Клуб знакомств для православных; Азбука верности. Служба знакомств; Рушник. Православные знакомства;Чайка. Православная служба знакомств; Православные знакомства. Православная социальная сеть; Прихожане. Сайт знакомств и общения; Суждено. Сеть для общения и знакомств православных; Алые паруса. Православный сайт знакомств; Православные знакомства; Настоящая любовь; Чайка. Православный молодежный клуб, Санкт-Петербург; Христианка.Ru. Православный женский форум; Знакомства для православных, Калуга; Знакомство под церковным куполом. Православная социальная сеть.

Основной корпус анализируемых текстов взят с сайта «Светелка».

Целью настоящего исследования является выявление семейных ценностей в текстах брачных объявлений.Фактически, полагаем, тексты брачных объявлений отражают аксиологическую реальность: указывая желаемые черты партнера и/или самоидентифицируясь, авторы текстов эксплицируют сформированные ценностные установки, отражающие их представление об идеальном спутнике жизни.

Обратимся к текстам брачных объявлений, размещенных на сайте «Светелка», и проанализируем их на предмет выявления ценностных установок, касающихся будущей избранницы и ожиданий, связанных с семейной жизнью. Отметим, что современная лингвистика активно изучает жанр брачных объявлений [Акулова 2010; Вепрева, Сюй 2016, 2018; Вепрева, Пазио-Влазловская 2018; Ольшанский 2002; Рысева 2014; Сюй 2016].

В объявлениях представлены как духовные, так и прагматические ценности. Мужчины заявляют о серьезности своих намерений: авторы объявлений указывают желание *создать семью*, *вступить в серьезные отношения*, что напрямую отвечает задачам православного сайта знакомств. Сегодня в России распространены т.н. гражданские браки, то есть неофициальные, незарегистрированные сожительства. На этом фоне 37% желающих создать семью отражает традиционные семейные ценности.

Указывается такая ценность, как вера в Бога (25%):*нужна верующая и православная женщина; девушка, соблюдающая посты и ведущая христианский образ жизни; воцерковленная; православная половинка; регулярно посещающая храм*. Термин *воцерковленная* детализируется: *участвующая в Таинствах; регулярно посещающая храм*. Мужчина также готов видеть невесту, только *готовую духовно, интеллектуально и физически развиваться*; *в меру верующую*. Единичны объявления, в которых мужчина открыто предъявляет равнодушие к вере избранницы: *неважно, православная или атеистка*. Можно предположить, что размещение объявления о знакомстве именно на православном сайте знакомств имплицитно предполагает религиозно ориентированную аудиторию, чем обусловлено умолчание о вере в большей части объявлений.

Также в объявлениях (25%) эксплицируется такая ценностная характеристика избранницы, как *доброта и верность*: *добрую; доброжелательную; способную построить чистые, добрые отношения; ценность доброты* (прямая вербализация); *основа верности – целомудрие, честность, доверие*.

Только в нескольких объявлениях встречается безусловная для идеального представления о семье ценность, как *любовь*, особенно любовь до конца жизни: *с кем можно встретить старость в любви и покое*.

Женихи не хотят видеть будущую жену меркантильной: *меркантильных прошу не беспокоить*!, для них важно отсутствие греха сребролюбия: *не сребролюбивую как мытарь Закхей*.

Статистический анализ показывает, что первое место (37% авторов)делят уже упоминавшееся выше *желание создать семью* и географический фактор, большую роль играет место жительства будущей избранницы: *познакомлюсь с девушкой только из Москвы, это обязательно; из Москвы, Петербурга или области; желательно из одного региона.* Прагматические соображения выходят у авторов на первый план. Женихи не готовы переезжать сами, причем требуют переезда от невесты: *должна быть согласна на переезд*. Встреченная единичная формулировка *познакомлюсь с девушкой не из Москвы*, предположительно, отражает распространенный стереотип об избалованности, требовательности столичных жительниц.

Мужчинам важен возраст будущей жены (16% авторов), точкой отсчета при этом служит возраст мужчины: *+/- 5 лет, младше себя*; указывается предельный возрастной рубеж: *до 35 лет, до 45 лет*. Мужчины прямо указывают возрастные параметры: *не старше 42 и не младше 20 лет.*

Примерно столько же авторов назвали *красоту* и *порядочность*. Красота внешняя: *симпатичная, милая, красивая, внешние данные имеют значение*. Отмечается и *душевнаякрасота*.Девушка также *не должна иметь вредных привычек, вести адекватный образ жизни*.

Показательно отношение мужчин к уму невесты, отражающее патриархальные взгляды: встречаются формулировки *неглупую (очень умная тоже не нужна), неглупую (но и не очень умную)*.

В большинстве объявлений женихи хотят видеть невесту без сексуального опыта и без детей: *не состоявшей в браке, без детей*; *без интимного опыта*.

Формулируется идеальное представление: *хотелось бы встретить одинокую, скромную и застенчивую девушку, которая ждет своего любимого и мечтает иметь крепкую семью и детей*; *В человеке в первую очередь, очень ценю внутреннюю, душевную красоту. Очень важно ценить время, кто ценит время, тот наследует вечность. Цель знакомства –семья, рождение и воспитание детей*!

Показателен также образ автора объявлений. Идентифицируя себя, мужчины формулируют ценностные предпочтения. Мужчины позиционируют себя как верующие: *периодически езжу трудиться в мужские монастыри; православный, но редко*

бываю в храме; *стараюсь ходить в Храм и участвовать в Таинствах Церкви, участвую ежегодно в паломнических поездках, имею начальное Духовное образование; невоцерковлен, но предпочитаю жить в соответствии с Заповедями Господними, причем стараюсь это делать не формально*.

Большую роль играет полученное образование, специальность, занимаемая должность: *высшее образование, по профессии инженер;начальник бригады, работаю по специальности в крупной отечественной компании; военный пенсионер; стабильная работа в сфере информационных технологий*; *работал по различным профессиям, в различных сферах деятельности, все не буду перечислять*.

Требуя от жены чистоты и целомудрия, мужчины указывают о себе: *женат не был, гражданским браком не жил, детей нет; женат не был, детей тоже нет.*

Авторы объявлений полагают, что привлекательными их делает широкий кругозор, разносторонние увлечения: *Люблю русскую классику и духовную литературу; интересуюсь наукой, техникой, историей; люблю оперу, инструментальную, классическую и советскую музыку, научно-популярные журналы, старые цветные фильмы (1940 – 1960 гг.), исторические фильмы, кинохронику. Увлекаюсь фотографией, путешествиями по России, очень люблю прогулки в живописных местах, природу, красивую архитектуру; стараюсь вести здоровый образ жизни, чему-то учиться. В свободное время занимаюсь велопрогулками, сбором грибов, растений, реставрацией и др.; люблю уединенный образ жизни и природу. Не люблю, соответственно, суету и тусовку*.

Мужские объявления отражают аксиологическую реальность, для которой характерны в большей степени общечеловеческие ценности: *Хотел бы встретить человека, который согласен на переезд ко мне, для которого семья – это ценность. А порядочность, честность, доверие, поддержка не просто слова, а норма жизни. Для меня очень важно взаимопонимание и прежде всего именно хорошие дружеские отношения в паре.Быть вместе не потому,что так положено или общество/родные требуют, а потому что 1+1 это не 2,а гораздо больше. Вместе идти по жизни, расти, развиваться, проходить через разные ситуации, быть одним целым, делать друг друга счастливее день за днем.*

Обобщенный автор предстает как *очень ответственный, надёжный, серьёзный, спокойный; больше домашний,добрый,заботливый и внимательный;* предпочитающий строить отношения *без пустых ссор, в доверии и понимании, совместными усилиями и уступками.*

Своеобразным итогом может служить единичное встреченное объявление: *Молодой человек, с ученой степенью, православный и воцерковленный, познакомится с целомудренной москвичкой, в возрасте до от 19 до 28 лет, для создания православной благочестивой семьи.*

Сопоставляя проанализированные тексты мужских объявлений с текстами женских, отметим, что последние также обращают внимание на религиозность избранника: *необходим православныйверующий*; *познакомлюсь с православным христианином; познакомлюсь с православным молодым человеком; хотелось бы видеть в будущем муже более глубокую воцерковленность, нежели у меня, чтобы было с кого брать пример, у кого учиться; хочется ездить вместе по Святым местам, иногда и потрудиться в монастырях во Славу Божью; познакомлюсь с православным, церковным молодым человеком из Москвы, регулярно причащающимся; Буду рада знакомству с человеком, стремящимся жить по Заповедям Божиим*; ПОЗНАКОМЛЮСЬ ДЛЯ СОЗДАНИЯ МАЛОЙ ЦЕРКВИ. Женщины отмечают собственное отношение к вере: *я окончила Православный Институт, но сама из атеистической семьи, поэтому воцерковляюсь постепенно, можно сказать, планомерно-сосредоточенно; православная, искренняя, со специфическим чувством юмора.*

Женщины, авторы объявлений, подчеркивают свою невинность, отсутствие детей: *замужем не была, детей нет; детей нет, в браке не была*; того же требуют от избранника: *который не был женат и без детей!; свободного,без детей от прошлых отношений*. Негативноотносятся к сожительству: *На предложения пожить в сожительстве, или вступить в близкие отношения без регистрации брака реагирую отрицательно*;

Если мужчины обращают внимание на место жительства избранницы, то женщины делают акцент на национальности вкупе с территориальной принадлежностью: *Хочу найти русского парня из Москвы или Подмосковья; познакомлюсь с РУССКИМ!; Мой идеал русский парень из Москвы; только русского.*

Так же, как и мужчины, женщины отмечают собственные разносторонние интересы: *люблю природу, возиться на даче, ходить в музеи, гулять по центру Москвы, паломнические поездки; люблю природу, романтику, закаты и рассветы. Катаюсь на велосипеде, люблю ходьбу, плавание. Когда грустно пою)). Раньше много классики читала. А сейчас детскую литературу, там все что надо есть)) Люблю русский рок, народные песни, классические произведения. Искусство, в любых проявлениях вдохновляет. Кино, музеи, выставки и т.д. Люблю мюзиклы и кукольные спектакли*.

Женщины прагматичны, для них важна ценность реального общения: *Познакомлюсь с добродушным человеком. Готовым к реальному общению, а не стучанию по кнопкам клавиатуры*.

Идеалом семейной жизни для женщины является следующая романтическая картина: *Хочется чуда в Рождество, вместе ходить на воскресные службы, печь шарлотку тихим семейным вечером, летом ходить в лес по грибы и ягоды, и осенними вечерами варить варенье...и многое другое*;

Таким образом, в текстах православных брачных объявлений представлено отражение аксиологической реальности семейных отношений, которая основывается на аксиологическом идеале: вера в Бога, порядочность, целомудрие, невинность, доброта, отсутствие меркантильных интересов остаются приоритетами авторов. Сохраняются сформированные в советском обществе представления о ценности разностороннего развития человека. Прагматически обусловленные требования к месту жительства и национальности свидетельствуют, скорее, о необходимости учитывать культурно-экономические особенности России: большие территории и многообразие национальностей.

Литература

1. *Акулова Е.В*. Жанр «Объявления о знакомстве»: гендерная и этнокультурная специфика: автореферат диссертации … кандидата филологических наук. Саратов, 2010. 19 с.

2. *Вепрева И.Т.* Инновационные методы исследования аксиологического содержания речевого быта семьи // Cross - CulturalStudies: EducationandScience. 2018. № 3. С. 107-113.

3. *Вепрева И.Т., Ицкович М.М., Купина Н.А., Шалина И.В*. Ценностные предпочтения современной студенческой молодежи в лингвокогнитивном и социопсихологическом освещении // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2. С. 62-73.

4. *Вепрева И.Т., Купина Н.А., Ицкович Т.В*. Базовые ценности и их отражение в речевом пространстве уральского города // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3 (92). С. 97-106.

5. *Вепрева И.Т., Пазио-Влазловская Д.* Что могут сообщить брачные объявления о современной женщине (на материале польского и русского языков) // Русин. 2018. Т. 52, вып. 2. С. 177-192. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000632932

6. *Вепрева И.Т., Сюй Шаньшань*. Женская языковая личность XXI века в поисках новых гендерных норм (на материале брачных объявлений) // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2016. V. l. 14. С. 47-57.

7. *Вепрева И.Т., Сюй Ш.* Роль СМИ в конструировании гендерных стереотипов: ум и красота по-женски и по-мужски // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 105-112.

8. *Ольшанский И.Г.* Тексты брачных объявлений как источник гендерной самоидентификации // Гендер: язык, культура, коммуникация: докл. второй междунар. конф., М., 22-23 нояб. 2001 г. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2002. 243-247 с.

9. *Рождественский А.В*. Семья православного христианина. СПб.: Паровая типография Н.В. Гаевского, Васильевский остров, 5 лин., №54, 1902. 594 с. Репринтное издание. М.: Международный издательский центр православной литературы, 1994.

10. *Рысева У.А.* Брачные объявления начала XXI в. и их лингвостилистические особенности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 11. С. 55-59.

11. *Сюй Шаньшань*. Вербальные знаки ценностных предпочтений современнойженщины (на материале брачных объявлений) // Научный диалог. 2016. Выпуск № 11 (59). С. 110-120 с.

12. *Троицкий С.В.* Христианская философия брака. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2001. 224 с.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЮМОРА (НА ПРИМЕРЕ АНЕКДОТОВ О СИБИРИ)

О.Н. КОНДРАТЬЕВА

Кемеровский государственный университет, Россия

Olnik25@mail.ru

Ключевые слова: *стереотип, региональный стереотип, анекдот, образ, регион, Сибирь.*

Этнические стереотипы в анекдотах регулярно становятся объектами изучения, однакона территории крупных государств (например, России) представители одного этноса, в зависимости от места проживания, могут обладать дополнительными типизированными характеристиками, т.е. существуют не только этнические, но и региональные стереотипы, которые также находят отражение в анекдотах, однако еще не становились объектом изучения. В статье анализируются региональные стереотипы о Сибири, представленные в анекдотах.

OLGA KONDRATYEVA – Regional stereotypes through a prism of humour (on an example of jokes about about Siberia)

Key words: *stereotype, regional stereotype, joke, image, region, Siberia.*

Ethnic stereotypes in jokes on a regular basis become objects of studying, however in territory of the large states (for example, Russia) representatives of one ethnos, depending on seat of residing, can possess the additional typified characteristics, i.e. exist not only ethnic, but also regional stereotypes which also find reflection in jokes, however yet did not become object of studying. In article regional stereotypes about Siberia, presented in jokes are analyzed.

Среди представлений о мире, характерных для той или иной культуры, «важное место занимают представления о своем и о других народах – так называемые этнические стереотипы [Шмелева, Шмелев 2014: 167]. Современной лингвисткой разработаны различные методы выявления и исследования подобных этнических стереотипов, например, опрос информантов или анализ существующих в культуре явных представлений об особенностях той или иной территории и населяющих ее жителях. Однако постепенно формируется убеждение, что для выявления территориальных стереотипов должны использоваться методы, нацеленные на экспликацию имплицитных стереотипов, стоящих за высказываниями представителей соответствующей лингвокультуры. Одним из наиболее эффективных методов выявления подобных стереотипов может служить изучение анекдотов, посвященных отдельным территориям [Абильдинова 2011; Жерновая 2011; Собянина 2018; Тер-Минасова 2000; Шмелева, Шмелев 2014 и др.].

Следует отметить, что этнические стереотипы характеризуют этнос в целом [см.: Крысько 2008: 138], в то время как на территории ряда государств (особенно столь крупных, как Россия), представители одного этноса, в зависимости от места проживания, могут обладать дополнительными специфическими типизированными характеристиками. Соответственно, уместно говорить о существовании региональных стереотипов (например, связанных с Сибирью, Уралом, Дальним Востоком и их жителями) и городских стереотипов (например, связанных с Москвой, Санкт-Петербургом и их жителями).

Поскольку стереотипные особенности регионов и особенности поведения жителей разных областей далеко не всегда совпадают, специфические черты (как правило, представленные в преувеличенном виде) зачастую интерпретируются как отклонение от стандарта и поэтому трактуются как смешные, глупые, не соответствующие нор-

ме. Соответственно, именно наиболее характерные черты территорий становятся объектами юмористического осмысления, что и позволяет в процессе анализа анекдотов эксплицировать стереотипный образ региона.

В данный момент проблема изучения стереотипных образов регионов, репрезентированных в юмористическом дискурсе, остается открытой, и исследования подобного типа являются одним из наиболее актуальных направлений лингвистики и имиджелогии. Для демонстрации значимой роли анекдотов в изучении образа территории в предлагаемом исследовании выполняется анализ стереотипных представлений о Сибири, содержащихся в российских анекдотах, и реконструируется стереотипный образ данного региона.

Материалом исследования являются анекдоты о Сибири (78 анекдотов), размещенные на сайте *Анекдоты из России.* Основными *методами исследования* являются контент-анализ и фреймовый анализ, заключающийся в представлении зафиксированной в анекдотах стереотипной информации о Сибири в виде фреймов (структур знаний) и их составляющих.

Исследование российских анекдотов показало, что в юмористическом дискурсе структуру стереотипного медиаобраза Сибири формируют фреймы «Природа и география», «История», «Экономика», «Социальная сфера», «Население».

Фрейм 1. «Природа и география». Чаще всего характеристика Сибири в анекдотах осуществляется за счет акцентирования внимания на географических, природных и климатических особенностях региона, предстающих в комическом дискурсе в гипертрофированном виде.

Слот 1.1. «Характеристики территории».В рамках данного фрейма в российских анекдотах объектом юмористической рефлексии становится географическое положение региона, удаленность от столицы России, от других стран, большая площадь Сибири. Если в медиадискурсе подобные стереотипные представления репрезентируются лексемами *большой, огромный, бескрайний* и др., то в анекдотах для этой цели используется сопоставление с размерами европейских стран или гиперболизированное указание на количество китайцев, способных затеряться на столь большой территории:

–Да ***одна наша Сибирь – это пять Франций****! – Весь мир настораживает, что вы меряете свою территорию другими странами.*

После совместных учений России, Китая и Индии на ***территории Сибири потерялась рота китайцев – два миллиона человек.***

Слот 1.2. «Климат». Сибирь традиционно считается одним из самых холодных мест в мире, своеобразным царством мороза, холода, льда и снега, что и определяет высокую частотность данного фрейма в юмористическом дискурсе.

Репрезентанты названных стереотипных представлений в анекдотах *–холод, холодно, мороз, крещенский мороз,морозная свежесть, замерзать, оттаять, вечная мерзлота, снег, лед:*

Лучшая охранная система для машины в России – ***«Крещенский мороз-2006», доказано в Сибири.***

В Америке престижно иметь во дворе большой бассейн. ***В Сибири состоятельные люди тоже строят возле своего дома бассейны. Только там прижилось название не бассейн, а каток.***

Одной их характерных особенностей анекдотов является регулярное подчеркивание аномальных температур, характерных для Сибири:

На улице погода –30. Посмотрю, думаю, ***какая погода у друга в Сибири****,* ***смотрю - а там – 60****. Звоню к нему:*

– Привет, какая там у вас температура?

– Да ничего, нормально, – 30.

– Тю, а а я вот на сайте смотрю, – 60.

– Так то на улице!

Соответственно, температура ниже 20 градусов воспринимается жителями Сибири как теплая:

– Привет! У нас –7, снег валит вовсю, сугробы и настоящая зима.

*– **У нас в Сибири – 19,** снег валит два дня, сугробы с ноября лежат **– все радуются теплу и весне.***

В анекдотах регулярно акцентируется внимание на повышенной продолжительности сибирской зимы, весна и осень в стереотипном образе Сибири совершенно не представлены:

***В Сибири 9 месяцев зима, а остальное – лето, лето**.*

Слот 1.3. «Фауна». Территория Сибири предстает в анекдотах плотно заселенной разнообразными животными, наиболее распространенными среди которых являются медведи и волки, которые ходят непосредственно по улицам городов и деревень и нападают на людей:

*– Так ты **с Сибири**? **Говорят, у вас медведи по дорогам ходят**? – Врут, нет у нас дорог.*

*«**Волки** у нас **цивилизованные**», – говорят сибиряки, – «**Почтальона сожрут,** а **почту не тронут**».*

Фрейм 2. «История». В анекдотах о Сибири регулярно встречаются отсылки к историческим событиям, оказавшим существенное влияние на формирование образа региона, и историческим персонажам, связанным в сознании россиян с Сибирью.

Слот 2.1. «*Место ссылки*». Несмотря на то, что Сибирь давно не является местом ссылки, подобные стереотипы активно эксплуатируются в анекдотах, репрезентантами являются лексемы *сослать,ссылка, каторга, сидеть* и др.:

*Жена – мужу: Если тебя **сошлют в Сибирь**, я, конечно, пойду вместе с тобой, но шубу надо бы купить заранее.*

*Она **поехала за ним в Сибирь и испортила ему всю каторгу.***

Слот 2.2. «Исторические личности». В юмористическом дискурсе, посвященном Сибири, встречаются упоминания об исторических личностях, биография которых связана с Сибирью. Это, прежде всего, декабристы, Ленин, Хабаров и др.:

А знаете ли вы, что декабристы писали из Сибири царю прошения с текстом: «Зацени мою ссылку!», а Николай I отмечал ссылку как понравившуюся.

Фрейм 3. «Экономика». Экономика Сибирипредстает в юмористическом дискурсе как исключительно экспортно-сырьевая.

Слот 3.1. «Природные ресурсы». Сибирь традиционно считается крупнейшим в России сырьевым центром, в котором сконцентрированы богатые природные ресурсы и полезные ископаемые. Подобные стереотипные представления репрезентированы сочетаниями *сырьевой придаток, сырьевая колония*, а также номинаций ресурсов, как родовых (*природные богатства, минеральные ресурсы, полезные ископаемые, месторождения* и др.), так и видовых (*уголь, газ, нефть, золото, самоцветы* и др.):

*Чтобы компенсировать потери от закрытия Черкизовского рынка в Москве, премьер-министр России Владимир Путин распорядился отдать Китаю **минеральные ресурсы Сибири и Дальнего Востока.***

Слот 3.2. «Сельское хозяйство». Благодаря суровым климатическим условиям Сибирь стереотипно воспринимается как зона рискованного земледелия:

*В **Сибири никогда не бывает сюрпризов** с урожаем картошки. **Результат всегда предсказуем**: сколько закопал – столько и выкопал.*

4. Фрейм «Социальная сфера». В юмористическом дискурсе Сибирь предстает как депрессивный регион, в котором нет практически никаких условий для жизни.

Слот 4.1. «Социальные проблемы». Удаленность региона от столицы, суровые климатические условия и ряд иных факторов предопределяют формирование стереотипов о сложной и неустроенной жизни населения в Сибири.

В Сибири у людей культ мяса. У сибиряков все, что не бегает и не издает звуки – это гарнир.

– Я живу в Африке. У нас жарко. Пьем кофе, едим бананы, ходим голые.

– Я ***живу в Сибири. У нас холодно***. ***Пьем водку***. *Если будем пить кофе и есть бананы, будем ходить голые.*

Слот 4.2. ***«Неразвитая инфраструктура».*** Один из наиболее распространенных стереотипов, отраженных в юмористическом дискурсе, – это абсолютное отсутствие в Сибири дорог и нормального транспорта:

– Так ты с Сибири? ***Говорят, у вас медведи по дорогам ходят****? –* ***Врут,нет у нас дорог.***

– А надо было бы ВВП ***на танке Т-90****, как в прошлый раз на желтой Калине,* ***по Сибири проехаться****! – Не годится. Там было три Калины: одна основная и две запасные.* ***А Т-90 – всего в одном экземпляре****;*

5. Фрейм «Население».Достаточно противоречивыми в юмористическом дискурсе являются стереотипы, связанные с населением Сибири.

Слот 5.1. ***«Малонаселенность».*** Обширное пространство, которое занимает Сибирь, сложно представить плотно заселенным людьми, что и рождает стереотипы об огромных безлюдных территориях, по которым можно идти месяцами и не встретить ни одной живой души:

-Капрал, ***мы уже месяц шагаем по Сибири и при этом никого не встретили****, так?».*

- Да.

- Тогда, может, мы хоть снимем рекламу кока-колы с касок?

Слот 5.2. «Жители Сибири».Согласно анекдотам, основными жителями Сибири являются преимущественно ссыльные и мигранты, полностью вытеснившие коренное население:

– Сидоров, скажите, где находится Сибирь?

– В Азии.

– А каким путем туда проще всего попасть?

– Проще всего через суд.

Новые стереотипы связаны с активной миграцией китайцев в Сибирь и обсуждением вопросов, связанных с возможной передачей территории Китаю. Юмористический дискурс активно эксплуатирует данные темы и создает стереотипный образ Сибири, в которой китайцы постепенно вытесняют местное население:

После совместных учений России, Китая и Индии на ***территории Сибири потерялась рота китайцев – два миллиона человек.***

Проведенный анализ позволил установить, что в российских анекдотах отражены региональные стереотипы, т.е. стереотипы об отдельных территориях, представляющие собой набор характеристик, типичных для региона и отличающих его как от других регионов страны, так и от обобщенного образа страны в целом. В частности, стереотипный образ Сибири, представленный в российских анекдотах, включает фреймы «Природа и география», «История», «Экономика», «Социальная сфера» и «Население», тесно взаимосвязанных между собой.При этом в юмористическом дискурсе отсутствуют стереотипы о Сибири, связанные с фреймами «Культура», «Образование», «Наука» и «Спорт», что свидетельствует о том, что Сибирь воспринимается в первую очередь как регион, статус которого определяется объективно сложившимися обстоятельствами – географическим положением, размером, климатом и

природными ресурсами, именно эти факторы повлияли на его историю и во многом определили современное состояние экономики и социальной среды. Обстоятельства, формируемые целенаправленно (достижения в культуре, науке и спорте), пока не стали характеристиками, формирующими узнаваемый образ региона, соответственно, для формирования положительного образа и имиджа Сибири требуется планомерная работа.

Исследование продемонстрировало, что стереотипный образ Сибири, представленный в анекдотах, достаточно статичен (в медиадискурсе образ Сибири является более динамичным.Анекдоты отражают *традиционно существующие* в сознании значительного количества людей (жителей других регионов России и иностранцев) стереотипные представления о Сибири как о далеком, огромном регионе с суровыми климатическими условиями, богатом природными ресурсами сырьевом придатке России, являющемся к тому же местом ссылки и тяжелого труда. К относительно новым стереотипным признакам можно отнести лишь восприятие Сибири как это объекта массовой миграции китайцев.

Проведенное исследование продемонстрировало эффективность использования анекдотов для реконструкции региональных стереотипов, позволило выявить представления о сибирском регионе, прочно укрепившиеся в сознании россиян, что даст возможность начать работу по корректировке негативных моментов и эффективно выстраивать работу при создании позитивного имиджа Сибири.

Литература

1. *Абильдинова Ж.Б.* Языковые средства экспликации этнических стереотипов русских, казахов и немцев (на материале русскоязычных анекдотов): автореф. … дис. канд. филол.наук. Тобольск, 2011. 32 с.

2. *Крысько В.Г.* Стереотип национальный (этнический) // Этнопсихологический словарь. М.: Академия, 2008. 320 с.

3. *Жерновая О.Р.* Этнокультурные стереотипы ирландцев в современных «антиирландских» шутках и анекдотах // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2011. № 15. С. 40-49.

4. *Собянина В.А.* Языковая репрезентация этностереотипов в немецких анекдотах и шутках (на примере интерне-сайтов) // Известия Волгоградского педагогического университета. № 1 (24) 2018. С. 125-130.

5. *Тер-Минасова С.Г. Язык* и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2012. 624 с.

6. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Этнические стереотипы в русских анекдотах //Отечественные записки. 2014 № 4 (61). С. 167-177.

КОНЦЕПТ «РОДИНА» В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ПИСАТЕЛЕЙ ДОНБАССА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ю.А. КОНОНЧЕНКО

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко», Украина
savonarola05061988@mail.ru

Ключевые слова: *языковая картина мира, поэтическая картина мира, концепт,ассоциативно-образное поле,билингвизм.*

В статье рассматривается формирование языковой картины мира жителей Донбасса, находящееся под влиянием региональной языковой ситуации в условиях билингвизма. Проанализированный материал дает возможность сделать вывод о том, как выбор языка при формировании ассоциативно-образных полей концепта «родина» влияет на образы, создаваемые в поэтических текстах, и выбор образных средств, создающих эти образы.

YULIA KONONCHENKO – The Concept ‘Motherland’ in Poetic World-image of Writers of the Donbass Region: regional aspect

Key words: *linguistic world-image, poetic world-image, concept, associative and imaginative field, bilingualism.*

The article deals with the formation of linguistic world-image in Donbass Region people that is influenced by local linguistic situation in the context of bilingualism. The analyzed material shows the impact of language

choice while forming associative and imaginative fields of the concept 'Motherland' on image, created in poetry, as well as a choice of figures of speech that form these images.

Современная лингвистика характеризуется исследованием языка в тесной связи с сознанием человека, его познанием окружающей действительности и практической деятельностью. В связи с этимпроблема соотношения языка и мышления нашла свое решение в развитии когнитивного концептологического направления, которое предполагает выявление основных закономерностей образования концептов – абстрактных ментальных структур, отражающих различные сферы деятельности человека. Человек мыслит концептами, комбинируя их, формируя новые концепты в ходе мышления. Поэтому концепт понимается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания [Сурина 2010].

Специфической реалией языковой ситуации в Донбассе является наличие украинско-русского двуязычия. Одним из факторов, определяющих эту специфику,можно считать русско-украинский и украинско-русский билингвизм (первымв каждом случае является родной язык). Ситуативный билингвизм накладывает отпечаток на формирование ассоциативного-образных полей концептов. В условиях билингвизма и тесного взаимодействия русского и украинского языков анализу подвергаются многочисленные лингвокультурные концепты, которые отражают менталитет народа и свидетельствуют об уникальности связей между языком, культурой, этносом и мировидением отдельных языковых личностей[Крутий 2015].

Феномен билингвизма представляет значительный интерес и для науки. Отражение билингвистических идей, концепций и теорий можно увидеть в различных аспектах. Лингвистический подход (В.А. Виноградов, Ю.А. Жлуктенко, Ю.В. Розенцвейг, М.М. Михайлов и др.) рассматривает билингвизм с точки зрения взаимодействия языков, изучает механизм переключения с одного языка на другой, слияние языков в одну систему [2]. Исходя из этого, нас интересуют вопросы о том, как человек отражает окружающий его мир, как преломляет его в своем сознании и как репрезентирует эту познавательную деятельность и познанную действительность в условиях билингвизма.

В настоящее время изучение концептов в языке является одним из самых перспективных направлений в лингвистике. Введение термина «концепт» в категориальный аппарат лингвистической науки было обусловлено сменой научной парадигмы гуманитарного знания на антропоцентрическую, возвратившую человеку статус «меры всех вещей» и вернувшую его в центр мироздания [Воркачев 2001: 64].

Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека из непосредственного чувственного опыта (органы чувств); из непосредственных операций человека с предметами (предметная деятельность); из взаимодействия при помощи мыслительной деятельности с другими уже сформированными концептами; из языкового общения [Попова 2001: 4].

Поэтическая картина мира является составляющей языковой картины, она менее разработана в науке, ее своеобразие обусловлено тем, что поэтический текст – это особая форма существования языка. Как отмечает М.Н. Маслова, «в поэтической картине мира концептуализация действительности достигает высокой степени обобщения. Следовательно, репрезентируются прежде всего слабо структурированные, но значимые для индивидуального и национального сознания концепты, связанные с осмыслением бытийного опыта человека, эмоций, которые четко не определены опытом прямого взаимодействия с объектами, но которые человек знает имплицитно и стремится экстериоризировать [Маслова 2001: 150].

Н.С. Болотнова под термином «поэтическая картина мира» понимает «созданный творческим воображением автора художественный мир, воплощенный в образной форме, в соответствии с определенными интенциями, являющийся объектом позна-

вательной активности читателя. Поэтическая картина мира таким образом отражает *художественное* видение мира, выраженное в словесном искусстве <...> Поэтическую картину мира отличает антропоцентризм, субъективный творческий характер эстетического миромоделирования, вторичное отражение знаний о мире в художественных образах в процессе «языкомыслительной» деятельности автора, целостность, системность, опосредованная связь с реальной действительностью и изменчивость» [Болотнова 2004: 20].

Каждый концепт как сложный ментальный комплекс включает в себя, помимо смыслового содержания, еще и оценку, отношение человека к отражаемому объекту и другие компоненты. В.И. Карасик, выделяя понятийный, образный и ценностный компоненты, подчеркивает принципиальную значимость ценностного компонента в структуре концепта, так как этот компонент является культурно значимым. Ценностными, культурно значимыми являются идеалы сообщества, то есть идеалы, которые выходят за рамки индивидуального. Поэтому-то ценности, а следовательно, и включающие их в себя концепты, являются посути отражением отдельных аспектов таких идеалов [Карасаик 2002: 91].

Концепт **«родина»** является одним из наиболее интересных ключевых концептов культуры, он присутствует в любой этнической культуре и является универсальным. Общечеловеческая ценность этого концепта подробно исследуется в работах А. Вежбицкой, И. Сандомирской, В.Н. Телии, С.Г. Тер-Минасовой, С.Г. Воркачёва, Я.А. Гимаева, Л.Т. Гродь, Н.Н. Занегиной, В.И. Карасика, В.А. Масловой, М.В. Пименовой, Ю.С. Степанова, Д.С. Лихачёва и др. [Церцвадзе 2014: 218]. Эти исследования показывают, что «…общечеловеческая ценность РОДИНА является реляционным понятием: в его структуре обязательно должно быть наличие параметра отношения, это всегда „персональное", „свое" („мое") личностное место (места), архетипически противопоставленное „чужому" месту, чужбине. <...>в языках имеется несколько лексических единиц для выражения понятия родина, наблюдается противопоставление „малой родины", „личностно-своего пространства" и „большой родины"» [Телия 1997: 78].

По мнению И. Сандомирской, говорить о родине легко, но чрезвычайно трудно при этом быть оригинальным. Родина фразеологична, клишированно-образна, идиоматична по своему когнитивному характеру. В этой способности дискурса Родины порождать цитаты и цитаты цитат проявляется интертекстуальный характер, свойственный любому концепту [Есмурзаева 2008: 53].

Выделенная Ю.С. Степановым константа «родная земля», безусловно, является ментально базовой для русского этнического самосознания. Кроме того, «родная земля» полностью сохраняет свою культурномотивирующую «вершинность» в концептуальном содержании наименований, соотносимых со «своими» родными людьми и персонально «своим» местом на земле. Кроме того, понятие «родина» является отображением пространства как исторически и культурно сложившейся «коллективно-своей» геополитической ниши [Телия 2001: 411].

В условиях билингвизма микрополе концепта «родина» в поэтической картине писателей Донбасса в русскоязычных и украиноязычных текстах формируется под влиянием региональной языковой ситуации. В данном случае речь идет о преобладании русского языка в повседневном общении, поэтому ситуативный билингвизм накладывает отпечаток на формирование индивидуально-авторского стиля.

В микрополе «родина» в русскоязычных текстах доминируют ассоциации, связанные с местом, городом, где родился и вырос поэт (в основном, это шахтерские города Донбасса). Поэтому родной край в поэтической картине мира писателей Донбасса представлен топонимами и лексикой, отображающей особенности шахтерского труда, угольной промышленности: *На недельку* ***Лисичанск****покину, А душа болит,*

зовет назад, В ***отчий край****, где выгибая спины,* ***Терриконы*** *в мой Донец глядят. Где стоят* ***копры****, расставив ноги, Держат небо на* ***осях колес****. Здесь печали, радости, тревоги, Заводь здесь моя и мой откос. Там друзей выносит на поверхность* ***Клеть****, уставших, в* ***угольной пыли****. Там познал любовь, утраты, верность, Там* ***мой край – начало всей земли*** [Лисья балка 2004: 27]; *Там* ***терриконов горы*** *Значимей Ай-Петри, В них* ***труд шахтеров****, горе Запрятаны внутри. Теплом души шахтеров Они в ночи горят И не глядят на море, А в* ***мой Донец*** *глядят* [Лисья балка 2004: 26 – 27].

В текстах писателей Донбасса все, что касается личного, родного, регионального, реализуется с помощью русскоязычных лексических единиц и образных средств. Теме родины, отчего края, шахтерского труда посвящены большинство именно русскоязычных текстов. Это говорит о том, что родным для поэтов является именно русский язык: ***Мой город отчий****, ты красивый стал,* ***Шахтер, строитель, химик*** *и* ***спасатель****. Здесь на века взошли на пьедестал Солдат, поэт и* ***углеоткрыватель****. Домов кварталы вышли на откос, Их окна ночью освещают плесы. А по весне, под воркованье гроз, Мой город украшают абрикосы* [Алексеенко 2000: 27]; *Здесь* ***мой Донец****,* ***прах отца****,* ***террикон****, Радость, любовь и бессилия стон. Все, что меня воскрешало и злило, корни души на века заземлило. Здесь я живу и пою, и стенаю,* ***Пристань*** *извечную не выбираю»* [Алексеенко 2000: 7]; *Меня* ***мой Лисичанск*** *будил Гудком охрипшим,* ***шахтным, громким****. Здесь на века я полюбил* ***Копры и горки «Черноморки»*** [Алексеенко 2000: 27].

В украиноязычных текстах донбасские поэты ориентируются на этнонациональную символику и народный фольклор. Поэтические образы концепта «родина» связаны со степной природой Донбасса как части аграрной Украины – Слобожанщины, Дикого поля:*Я з Олексіївки отої, Із* ***Слобожанської землі****, Де гарцювали дикі коні, Жили тут пращури мої* [Коваль 1999: 7]; *Розцвів наш край, немов* ***калина****, Постав із сліз гірких й води. Вже й* ***Дике поле*** *не руїна, Співають славу* ***кобзарі***[Коваль 1999: 23]; *Заграй, заграй / же ти в* ***степах донбаських****, / золотава* ***пшениця*** *на ланах* [Меженін2005:7].

При формировании ассоциативно-образного поля концепта «родина» вукраиноязычном творчестве поэтов Донбасса тема шахтерского труда тоже занимает важное место. Шахта ассоциируется с родным домом, дружной и сплочённой семьей, счастьем, трудом: *«Чорна* ***шахто****, гуркітлива* ***шахто****, / У важкому білому снігу, / Як я поспішав колись на шлях той, / Мріючи про щастя на бігу!»* [Малахута 1998: 42]; *«Скорботно й інші матері / Синів та батька проводжали / Самі на* ***шахтах*** *чи ланах / В ті роки важко працювали»* [Меженін2005: 21].

Также в поэзии присутствует лексика, отображающая особенности жизни и труда жителей данного региона. Среди основных художественных средств присутствует шахтерская лексика (шлак, шпалы, металобрухт), настроение безысходности, сочувствие к тяжкой доле малой родины и ее тружеников: *Дон – за кордоном… / А могутній бас – / У спогадах, / У шлакових відвалах, / В металобрухті, / В перетлілих шпалах… /* ***Донбасе мій****, де сил твоїх запас? / Куди снаги подівся дужий спалах?* [Низовий 2003: 8]; *Розбіглись* ***терикони*** *– хто куди, – / Хіба що за птахами в теплий вирій? / Трудяга, / Сам собі могилу вирив, / Покарою себе ж нагородив!* [Низовий 2003: 8]; *Я з тобою вітаюся вранці / І бажаю звитяжної праці: / Щоби м'язи були тужаві / В будівельника й гірника, / А вугілля м'яке / У лаві, / А цеглина, як пух, / Легка* [Низовий 1977: 24].

Искренняя любовь писателей к Донбассу усиливается с помощью авторских патриотических новообразований и эпитетов (*джигунисто-вогнистий, басисто-голосистий, титан),* усиливающиеся образными конструкциями с негативной коннотацией *(зловмисно-зненависний, лицем спохмурнів, серцем вистиг, свою надійну втратив колію):***Донбасе** *мій, / Джигунисто-вогнистий / В минулому, / Тебе не*

впізнаю: / Лицем ти спохмурнів / І серцем вистиг, / Свою надійну втратив / Колію… [Низовий 2003: 7]; *О хто ж тебе, / Зловмисно-зненависний, / Поставив біля прірви, / На краю, / **Донбасе** мій, басисто-голосистий?!* [Низовий 2003: 7]; ***Донбасе**, де твій бас? / Захрип і згас – / Відлуння рознесли вітри по світу… / Питай чи не питай – нема одвіту: / Мовчить в недобрий час **титан-Донбас***[Низовий 2003: 8].

Очень часто образ родного шахтерского края и в русскоязычных, и в украиноязычных текстахсопровождается украинскими национальными символами природы (*полынь, верба,ковыль, тополь, журавль, перекати-поле*), которые в украинской культуре исторически приобрели семантику грусти и печали, в том числе и за родным домом: *А **Донбасс** – на слове и на деле – / это сам интернационал: / в стоязыкой братской колыбели / он меня под **шахтный гул** качал. / Он мне ноздри щекотал **полынью**. / Первые слова из первых слов / помню: «мамо», «тато»… / И доныне / согреваюсь добрым их теплом*[Романенко 1978: 5]; *Несет меня железная дорога / от материнских плачущих **ракит** / к отцовским **вербам**… Чтоб я вновь потрогал / их листья – бархат маминой щеки; / погладил их кору – как шрамы батьки, / когда вернулся он с дорог войны… / Границы нет Россия – Украина / ни на земле, ни в сердце у меня, / едва Валуйки тихие покинул – / уже гудит **донбасская земля**, / а лица те же, те же ведра, кринки, / улыбки, **вишни**, даже **воробьи**, / на языке одном – одной любви, / и руки сроднены в одной работе – да будет светлой грешная земля!* [Романенко 1978: 65]; *Затуманились **терикони**, / Геть відхлинула **ковила**, / І розлука ота / Гіркою, / Як ніколи, / Мені була. / Повернуся – не повернуся?.. / А думками лечу туди, / Де мигтять у невтомнім русі / Антрацитові поїзди. / За **тополями**, / За полями, / За Дінцем, / Що сягнув і згас, – / **Закурличений журавлями**, / Даленіє мій край – **Донбас**. / Мимо котиться **котиполе**… / Тепловоза журний гудок…*[Низовий 1977: 28].

Таким образом, в условиях ситуативного билингвизма концепт «родина» в поэтической картине мира поэтов Донбасса формируется под влиянием социального опыта и эмоционального состояния автора. На выбор образов влияет язык поэтического произведения, который автор считает для себя родным. Проанализированный материал дает возможность сделать вывод о том, что выбор языка при формировании ассоциативно-образных полей концепта «родина»образы, создаваемые в поэтических текстах, а также выбор образных средств, создающих эти образы, особо не отличаются. Так, в текстах превалируют концепты, которые отображают понятия, близкие поэту с детства, такие как родина, шахта, уголь, то есть региональные. В то же время образы шахты и шахтерского труда дополнены этнонациональной символикой.

Литература

1. *Алексеенко А.* Пристань / глав. ред. Н. Д. Малахута. Луганск : Книжковий світ, 2000. 76 с.
2. *Болотнова Н.С.* Ассоциативное поле художественной картины мира как отражение поэтической картины мира автором // Коммуникативная стилистика художественного текста: Вестник ТГПУ. 2004. Вып. 1 (38). С. 20-24.
3. *Боченкова М.Ю.* Билингвизм и билингвальная среда как социокультурный и психолого-педагогический феномен [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 2. С. 586–590. URL : http://e-koncept.ru/2016/46136.htm. Дата последнего доступа : 13.02.2018.
4. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // НДВШ. Филологические науки. 2001. №1. 64 с.
5. *Есмурзаева Ж.Б.* Концепт «родина» (в русском и английском языках) в системе ценностных концептов языковой картины мира [Электронный ресурс] // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 53-55. URL : http://gramota.net/materials/1/2008/8-2/21.html. Дата последнего доступа : 13.02.2018.
6. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.
7. *Коваль М.А.* Вклонімося любові. Луганськ : Книжковий світ, 1999. 36 с.
8. *Коновалова Е.А.* Проблема определения билингвизма // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63). №1. Часть 1. 2011 г. С. 263-271.

9. *Крутий К.* Украинско-русский суржик или языковой феномен в детской речи? // «Сучасне дошкілля: реалії та перспективи»: матеріали V Міжнародної науково-практичної конференції. URL http://www.ird.npu.edu.ua/files/krytiy.pdf. Дата последнего обращения: 26.05.2019)

10. *Лисья балка* : лит.-худ. альманах / сост. А. Алексеенко, Н. Малахута. Луганск : Книжковий світ, 2004. 300 с.

11. *Малахута М.Д.* Пізньої осені радість моя… / Микола Малахута. – Луганськ : Книжковий світ, 1998. – 92 с.

12. *Маслова Ж.Н.*Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке[Электронный ресурс] // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 149-151. URL: http://gramota.net/materials/1/2007/3-1/62.html. Дата последнего доступа 13.02.18.

13. *Меженін М.* У праці і в борні: вірші. Луганськ : Глобус, 2005. 44 с.

14. *Низовий І.Д.* Жура за журавлями. Луганськ : ПП Котова О. В., 2003. 100 с.

15. *Низовий І.Д.* Стебло: вірші. К.: Вид-во ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1977. 64 с.

16. *Попова З.Д.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 190с.

17. *Романенко А.С.* Переулок Трех Сестер :стихи, поэма. Донецк : Донбас, 1978. 91 с.

18. *Телия В.Н.* Концептообразующая флуктуация константы «родная земля» в наименовании родина // Язык и культуры: факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М., 2001. С. 409-418.

19. *Телия В.Н.* Наименование РОДИНА как часть социального концепта «Patria» в русском языке // Языковая категоризация : материалы круглого стола, посвящ. юбилею Е. С. Кубряковой по тематике ее исследования. М., 1997.

20. *Сурина В.Н.* Понятие концепта и концептосферы // Молодой ученый. 2010. № 5. Т.2. С. 43-46. URL https://moluch.ru/archive/16/1517/ Дата последнего обращения: 26.05.2019.

21. *Церцвадзе М.Г.* Коцепт «родина» в разносистемных языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 217-220.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕВ «ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУРЫ»

И.С. ЛЬВОВА, А.А. АГАРАНЯН

Ташкентский государственный педагогический университет им.Низами,
РеспубликаУзбекистан
irlis@inbox.ru

Ключевые слова*: ономастика, антропонимика,топонимика, апеллятив, омонимия, полисемия, социолингвистика, лингвокультурология.*

В статье анализируются лингвистические и лингвокультурологические особенности образования и функционирования имен собственных в корейском языке, т. к. возможность взаимного корректирования лингвистических и культурно-исторических данных создает чрезвычайно благоприятные условия для комплексного изучения языка и культуры. Для выявления особенностей семантики собственного имени авторы предпринимают попытку определения системныхотношений: омонимии, полисемии, синонимии, антонимии, на том основании, что они связаны с понятийной стороной слов.

IRINA LVOVA, ANNA AGARANYAN – Names of own in the «mirror of culture»

Key words: *onomastics, anthroponymics, toponymy, appeal, omonymy, polysemy, sociolinguistics, linguoculturology.*

The article analyzes the linguistic and linguistic-cultural features of the formation and functioning of proper names in the Korean language, since the possibility of mutual correction of linguistic and cultural-historical data creates extremely favorable conditions for the complex study of language and culture. To identify the peculiarities of the semantics of the proper name, the authors attempt to define system relations: homonymy, polysemy, synonymy, antonymy, on the grounds that they are connected with the conceptual side of words.

Имена собственные представляют периферийную, промежуточную сферу языка, в которой тесно переплетаются лингвистические и экстралингвистические факторы.

Изучение имён собственных позволяет глубже проникнуть в языковую систему, познакомиться с мифологией, бытом, системой жизненных ценностей народа.

В настоящее время этимология имён собственных привлекает всё более пристальное внимание учёных, отчасти благодаря развитию таких лингвистических дисциплин, как социолингвистика и лингвокультурология, тесно связанных с изучением проблемы «наречения» в различных культурах и на разных этапах становления человеческого сознания.

Лингвистический аспект изучения имён собственных актуален по двум обстоятельствам. Имена собственные составляют один из наиболее стабильных и архаич-

ных лексических пластов, что позволяет со значительной долей вероятности восстанавливать древнейшие лексические единицы. С другой стороны, личные имена являются уникальным материалом, на основании которого возможно восстановить особенности устной речи, так как практически все письменные памятники подвергались позднейшей обработке и корректировке.

Изучение имен в историко-культурном контексте подтверждает, что они являются своеобразными индикаторами. Солмсен охарактеризовал nominaprropria как «зеркало культуры», [Solmsen 1922:28] отражающее наиболее престижные понятия, особый статус имён собственных в мифопоэтической модели мира, реконструкцию этнографических и культурных реалий на материале имён. Возможность взаимного корректирования лингвистических и культурно-исторических данных создает чрезвычайно благоприятные условия для комплексного изучения языка и культуры.

Термин «имя собственное» появился впервые в греческом языке, где ονομα κυριον, что впоследствии было переведено на латынь как nomenproprium, означало «более реальное (подлинное) имя» (а «genuinename»), «являющееся именем в большей степени, чем другие слова». Термину ονομα κυριον противополагался другой – προσιγοπια, или «апеллятив», «название», призванное обозначать то, что в современной лингвистике именуется «имя нарицательное». Существуют разнообразные определения и толкования, с разных сторон освещающие явление, известное нам как «имя собственное», или личное имя. К примеру, Д.Милл настаивал на том, что именами (propernames) следует считать только те слова, которые являются «ничего не значащими метками, призванными отличать одну вещь от другой»[Mill 1884:31].

Гардинер представляет своё определение имён собственных. В первую очередь, замечает он, непременным условием для того, чтобы считать то или иное слово (сочетание слов) именем собственным, необходимо, чтобы данная единица была языковым фактом, а не речевым, т.е. существовала в языке как лексическое единство и не использовалась говорящим как оформленный сегмент речи, не творилась в каждом речевом акте заново [Gardiner1910:2].

С этим утверждением соглашается и О.Есперсен, добавляя, что имена не только не являются «бессмысленными», но, напротив, из всех существующих слов несут самую большую смысловую нагрузку [Espersen1924:187].

Причём имена собственные как особая подсистема языка осознавалась в глубокой древности (греческий стоик Хрисипп, живший в 3 в. до н.э. трактовал nomenproprium, как автономную часть речи.Такого же мнения придерживался и Дионисий Тракс (Thrax), ученик Аристарха, 2 в. до н.э.).

В зависимости от того, насколько ономастика взаимодействует с общеязыковой системой, исследователи выделяют три варианта: Nominaprropria тождественны апеллятивам (их грамматические и словообразовательные категории полностью совпадают); ономастика является особой областью языковой системы, получившей гипертрофированное развитие (например, имена собственные используют ограниченный набор грамматических средств, непродуктивных для апеллятивов и монополизированных для производства nom.pr.);имена собственные порывают с общеязыковой системой, вступают с ней в противоречие.

В современном обществе имя собственное как член классификационной системы номинации выполняет основную назывную функцию, реализующуюся в двух аспектах: дистинктивном и интеграционном (причём, как замечает Гардинер, для имён нарицательных первичной является способность к объединению предметов или явлений в класс, в то время как для имён собственных, несомненно, ведущую роль играет различительная функция [Mill 1884:41].

В то же время, множество одноимённых объектов не обладают никакими совместными свойствами, кроме общего nom.pr. Иными словами, имена собственные на-

глядно демонстрируют ситуацию, при которой код направлен сам на себя [codereferringtocode в терминологии Якобсона].

Собственные имена по отношению к предмету носят чаще всего случайный характер. Они называют предмет, не описывая его: Бич — нефрит, Бао — защита, Виен — завершение, Дуонг- мужественная, Джунг- любовь, целеустремленная, 승희,창동,동아. «Корейское имя собственное состоит обычно из трех слогов: первый слог – фамилия, два последующих – собственно имя. В редких случаях фамилия может состоять из двух слогов, а имя из одного. Может показаться необычным, что компоненты определяются как слоги, а не слова... корейское имя действительно состоит из слогов – чтений китайских иероглифов…первая письменность, появившаяся на корейском полуострове, была китайского происхождения. Отсюда и имена – с корейским прочтением китайских иероглифов» [Багинская 2009:15].

Условность собственных имён подтверждается тем, что их звуковая оболочка не имеет принципиального значения и для носителя данного имени. При помощи имени собственного нельзя построить логическое определение какого-либо слова.

Вопрос о том, какое слово способно быть собственным именем, тесно связан с проблемой, какой объект (человек, местность, вещь, идея и т.п.) может зваться именем собственным, т.е. с вопросом о границах ономастического именования.

Как правило, имя получает каждый человек. Что касается остальных живых существ или предметов, то в принципе ничто не мешает тому, чтобы имя собственное имело каждое животное, птица, рыба, каждое дерево, каждый предмет домашней утвари. Но в действительности получают имена лишь те предметы, которые представляют особый интерес для человека и нуждаются в персональном подходе.

Имена собственные создаются на базе нарицательных существительных. Однако не каждое нарицательное имя в равной степени может стать собственным. Свободнее используются как собственные такие нарицательные имена, у которых мотивированность наименования не осознаётся носителями языка: Лин — весна, Лан — мирный, НунгНгуен — начало.

Имя нарицательное становится собственным, когда связь между его значением и тем, что оно называет, нарушена.

Собственные имена не могут быть отнесены ни к языку, как системе, ни к речи как отдельным проявлениям этой системы. Решение этой проблемы связано с выяснением объёма реального и потенциального словаря не только отдельного человека, но и языкового коллектива, определением реальности существования ИС в языке, а также с уточнением вопросов, связанных с «жизнью» имён в языковых коллективах, где они воспринимаются, прежде всего, как принадлежность речевых ситуаций и где они могут подвергаться языковому нормированию и выступать в функции стилистических средств.

Понятия «язык» и «речь» разграничил швейцарский лингвист, которого часто называют «отцом» лингвистики XX века, заложивший основы семиологии и структурной лингвистики, стоявший у истоков Женевской лингвистической школы, Ф. де Соссюр.По определению Соссюра: «Язык есть система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причём оба эти элемента в равной степени психичны» [Соссюр Ф. де. 1977]. Соссюр считал, что «язык является и орудием, и продуктом речи. Речь – это сумма всего, что говорят люди» [Соссюр Ф. де. 1977].

Частность и специфика употребления имён – область исследования речи. Звуковые и морфологические изменения, которые претерпевает имя, – область языкового исследования. Ономастика возникла как прикладная наука, необходимая историкам, географам, этнографам. В ономастическом пространстве могут быть выделены:

- антропонимы (греч. anthropos – человек, onyma – имя) – имена собственные,

относящиеся к людям: Ким Чоль (김철), КангЧоль (강철),

Антропонимы могут быть индивидуальными, выделяющими личность из коллектива: и групповыми, которые включают в себя родовые, семейные и династические имена.

Изучение частных особенностей антропонимической системы каждого народа вскрывает интересные факты, связанные с его историей и этнографией, и даёт большой материал для дальнейшего исследования.

В теории имён собственных одним из самых сложных является вопрос о наличии или отсутствии у них значения.

Традиционный взгляд на природу ИС можно сформулировать так: «Собственное имя – единственный разряд самостоятельных … слов, не связанных с семантическим содержанием. Значение ИС – только функциональное, только различительное: имя должно указать на некий объект (и этим словесно выделить его, отличить от других) как на явление единичное, – мыслимое, во всяком случае, как единичность, – в то же время индивидуально неповторимое. Каков обозначаемый объект, что он такое – безразлично»[Магазаник1971]

В поддержку приведённого традиционного взгляда на ИС нередко вспоминают выражение, что если знают о человеке только то, что его зовут, например, 김철수мы ничего о нём не знаем.

Достаточно долго эта точка зрения была господствующей: «Собственное имя перестаёт иметь значение с момента, когда оно становится таковым, – и становится обозначением предмета»[Аксаков 1960]. Однако, в наше время, всё чаще «раздаются голоса учёных», подтверждающие своеобразную вещественную содержательность имени собственного. Эти соображения опираются на наличие промежуточных, переходных явлений на границе между собственными и нарицательными именами. Слово не утратило нарицательного значения, но всё-таки это уже настоящее индивидуальное обозначение – имя собственное; значит, есть собственные имена, которые не в силу отдалённого своего происхождения от нарицательных слов, а непосредственно связаны с тем или иным семантическим содержанием. Обозначаемый именем (в данном случае) объект, если он известен, мыслится как окказиональное значение собственного имени, например, при имени ***Ким Бусик*** формируется представление не только о вполне определённом человеке, занимавшем должность «наблюдателя по составлению истории государства» (камсу кукса), но и о широком обобщенном понимании термина историк, в российской историографии с таким же значением употребляется имя собственное **Нестор.**

При имени **Ли Гюбо** возникает представление о мифическом основателе государства **Когурё** «Сказание о Тонмёнване» («Тонмёнванпхён»). Эта концепция отнюдь не отрицает, что в большинстве случаев имена собственные далеки от того, чтобы иметь словарное значение, но вместе с тем подтверждает наличие окказиональных значений у собственного имени в значительном числе употреблений.

Следовательно, нельзя не согласиться с тем, что имена собственные часто ассоциируются в нашем сознании с известными явлениями.

«Итак, собственное имя – абстрактно-конкретная категория языка, как ни кажется странным такое определение с позиций формальной логики» [Чернейко 1997].

Для выявления особенностей семантики собственного имени важно выяснить его отношение к таким явлениям, как омонимия, полисемия, синонимия, антонимия. Эти свойства связаны с понятийной стороной слов. Специфика **омонимии и** собственного имени определяется их тесной связью с денотатом, а также закономерностями, вытекающими из распределения слов по лексическим полям. Омонимия – факт разных полей. Омонимичные имена соотносятся с денотатами, принадлежащими к разным категориям объектов. Например, слава о мастерстве **корейского художника Ли**

Нёна (начало XIIв.) достигла Китая. **Ли Нён** не только жил в Китае династии Сун, но и учил своему искусству китайских художников, художественная **галерея Ли Нён** – омонимы, т.к. имена собственные принадлежат к разным полям. Исторически перечисленные слова сводятся к одному – *художнику*, но в результате многочисленных актов переосмысления, имевших место во время повторных ономастических использований слова, они разошлись настолько, что образуют самостоятельные лексические единицы.

В отличие от нарицательного, которое в любом своём значении связано с понятием и предметом, у имени собственного преобладает предметная соотнесённость, при этом у ИС подразумевается наличие ещё одного нарицательного обозначения (художник, галерея).

В отличие от омонимии, где омонимичные слова принадлежат к разным полям, полисемия – факт одного поля. Если два или несколько значений многозначного слова соотносятся с двумя или несколькими частными полями, то их общность всё же может быть выявлена внутри более общего , нерасчленённого поля (слово *фамилия* в значениях: 1)семья; 2)семейное имя). Разные значения, присущие данному слову, проявляются в разных контекстах. В самом слове значения, как правило, не существуют независимо друг от друга. Каждое из них не замкнуто в самом себе, а взаимосвязано с другими значениями.

Омонимия и полисемия в общей лексике тесно связаны друг с другом. У собственных имён представлена лишь омонимия. Полисемия им принципиально не свойственна. Даже в том случае, если сын получает имя своего отца, у нас нет оснований говорить о полисемии. Это либо два применения одного и того же имени (личного), либо одна и та же фамилия в своём едином применении.

Синонимия– частичное совпадение двух языковых знаков. Как и омонимы, синонимы – факты разных полей.

Синонимия собственных имён – это принципиально иное явление, не опирающееся на связь с понятием и базирующееся лишь на тождественности объектов, которые служат своеобразными центрами, вокруг которых концентрируются имена, например, поэма Ли Инно о Долине журавлей в горах Чирисан как корейский аналог «Персикового источника» ТаоЮаньмина или прозаический сборник «Новые истории, написанные на горе Кымо» *Кымосинхва* и его связь с произведением Цюй Ю «Новые рассказы у горящего светильника», отражающий буддийские идеи о ненадёжности и скоротечности земных радостей, бессмысленности усилий человека обрести счастье.

Подобная синонимия условна. Это случайное сближение имён, связанных друг с другом лишь тем, что они относятся к одному и тому же денотату. Для этого явления больше подходит термин полионимия. Полионимы обычно относятся к разным полям (социальным, стилистическим, собственно-ономастическим).

Употребление одного имени – вместо другого продиктовано средой, эпохой, характером людей, вступающих в речевую ситуацию и т.п., например, в 1011-1090 гг. для полного издания текста «Большого свода священных буддийских писаний» («Тэчжангён»), насчитывающего 6 тысяч томов, было вырезано 80 тыс. деревянных досок, получивших особое корейское название – «Пхальмантэчжангён». Несколько собственных имён одного объекта (полионимия). На уровне апеллятивовполионимия трансформируется в синонимию.

Антонимия – факт одного поля, занимающий в нём по определённым параметрам полярно- противоположное положение. Связь слов в антонимии устанавливается только через связь понятий.

Этот барьер оказывается непреодолимым для собственных имён, которым антонимия принципиально не свойственна.

О своеобразной условной антонимии не столько имён, сколько образов, связанных с этими именами, можно говорить лишь в исключительных случаях, когда имя собственное находится на грани превращения в нарицательное. Такими своеобразными «антонимами» становятся, например, литературные образы и сюжеты, возникшие на фольклорной основе и получившие широкое распространение: Хон Гиль Дон, красавица ЧхунХян, верная и преданная дочь Сим Чхон, мифы об основателях первых корейских «государств», которые обладали сверхъестественной силой и были наполовину божественного происхождения. Так, например, мать мифического основателя Когурё — Ко Чумона — была дочерью речного бога, а его отец — сыном небесного владыки. Чумон обладал огромной силой, был искусным стрелком и ловким всадником. О его меткости говорили так: «Сто стрел выпустит, сто стрел попадут в цель».

Но это антонимия не ономастическая и не лингвистическая, а литературная.

Таким образом, отмечая специфику имён собственных и, в частности, их номинативный характер при ослаблении связи с понятием, мы считаем возможным наличие у них ономастической омонимии и синонимии (полионимии), но «частичное» отсутствие полисемии и антонимии.

Таким образом, изучение имени собственного как важнейшего стилеобразующего элемента в ономастической системе текста включает исследование структурной организации ономастического пространства, принципов и способов номинации, ассоциативных связей.

Существуют две самостоятельные, однако достаточно тесно связанные между собой группы собственных имён: имена, сложившиеся естественным путём и имена, искусственно созданные.

Имена, искусственно созданные делятся на употребляющиеся в реальной действительности, наряду с естественно сложившимися именами (придуманные новые личные имена, искусственные фамилии, переименования географических объектов), и на имена книжные (имена и фамилии героев литературных произведений, названия мест действия). Книжные имена составляют особую сферу так называемой поэтической ономастики, источники которой своеобычны.

В каждую эпоху у каждого народа был свой подход к выбору именных основ. В результате практически каждое имя содержит в себе информацию о времени, месте своего возникновения, отражает историю и особенности культуры народа.

Литература

1. *Аксаков К.* Опыт русской грамматики.ч.II, т. III. - М., 1960.
2. *Багинская М.В.* Интенция в выборе имени собственного: Из опыта наблюдения над межкультурной коммуникацией. Вестник ИГЛУ, 2009, с 15.
3. *Введенская Л. А., Колесников Н.П.* От собственных имён к нарицательным. - М., 1981.
4. *Ермолович Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур.-М.: Р.Валент, 2001.с.200.
5. *Курбанов С.О.* История Кореи: с древности до начала XXIв. - СПб.: С.-Петерб. ун-т, 2009. - 680 с.
6. *Магазаник Э.Б.* Вопросы ономастики, часть 1, вып. 214. - Самарканд, 1971.
7. *Магазаник Э.Б.* Ономапоэтика или «говорящие имена» в литературе. - Т.: Фан, 1978.
8. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию - М.: Прогресс, 1977.
9. *Суперанская А.В.* Имя через века и страны. - М.: Наука, 1990.
10. *Тихонов В.М, Кан Маигиль*. История Кореи. -М.:РГГУ,2011.
11. *Топорова Т.В.* Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. - М., 1996.
12. *Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени.-М.: МГУ,1997
13. *Gardiner A.H.* The theory of proper names.- London, 1910.
14. *Espersen O.* The philosophy of grammar.- London, 1924.
15. *Malinowski B.K.* A scientific theory of culture and other essays.- Chapel Hill, 1944.
16. *Mill J.S.* A system of logic.- London, 1884.
17. *Solmsen F.* Indogermanische Eigennamen als spiegel der Kulturgeschichte. Heidelberg, 1922.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ С МИКРОКОНЦЕПТАМИ *ОТЕЦ, МАТЬ*

Ж.В. МАРФИНА
Луганский национальный аграрный университет, Украина
lib_lnpu@ukr.net

Ключевые слова: *языковая картина мира, паремийная картина мира, паремия, микроконцепт, социокультурная сема, языковое сознание, концептуальная цепочка, концептуальная пара.*

В статье рассмотрена семантика паремий с вербализированными микроконцептами *отец, мать*. Подчеркнуто, что соответствующие паремии являются носителями социокультурной семантики: в них представлен социальный статус человека, сценарии общения в семье, стереотипы отношений представителей рода в русской этнокультуре. В основу методики анализа положено моделирование семантической структуры в концептуальных цепочках / парах. Исследование показало взаимопроникновение элементов концептосфер «Закон», «Природа», «Вера», «Воспитание», «Труд» и «Семья».

ZHANNA MARFINA – Verbalization of sociocultural semantics in the Russian paroemias with microconcepts the *father, mother*

Key words: *language picture of the world, paremiyny picture of the world, paremia, microconcept, sociocultural sema, language consciousness, conceptual chain, conceptual pair.*

The article highlights semantics of paremias with the verbalized microconcepts *father*, *mother*. It is emphasized that the corresponding paremias are carriers of sociocultural semantics: the social status of the person, certain scenarios of daily communication in the family are presented to them, stereotypes of the interpersonal relations of representatives of a genus and the relations between families-genera are reflected in the Russian ethnoculture. Modeling of semantic structure in conceptual chains/pairs is the basis for a technique of the analysis. The research showed the interpenetration of elements of spheres of concepts «Law», «Nature», «Belief», «Education», «Work»and «Family».

На сегодня остается актуальной проблема структуры, содержания, механизмов создания национальной языковой картины мира, в которой представлено многоуровневое отражение быта и обычаев, стереотипов поведения и мышления представителей определенного этноса, поскольку языковой материал познания как таковой не исчерпан, к тому же, меняются, модифицируются методологические подходы изучения заявленной темы.

Наше исследование в данной области языкознания опирается на паремии как одну из разновидностей стереотипизированныхустно-разговорных текстов. Ученые неоднократно отмечали, что именно пословицы и поговорки являются одним из «способов создания языковой картины мира…Благодаря этому в них запечатлеваются национально-культурное богатство, опыт, накопленный языковым коллективом, и национально-культурный менталитет, отражающий специфичную для того или иного народа систему миропонимания и мировоззрения» [Чович 2015: 36].

Один из ключевых макроконцептов русской паремийной картины мира – макроконцепт «семья».Он имеет«сложную структуру, представляющую собой интегральную совокупность ряда более конкретных, по отношению к нему, паремийных микроконцептов» [Ани 2013: 16]. К последним относятся микроконцепты *отец, мать*, которые наиболее актуализированы в повседневно-бытовой культуре и являются номинативным центром большинства паремий, охваченных макроконцептом «семья».

Необходимо отметить, что паремии в целом вербализируют социокультурную семантику: в них проступает онтология наименований, обусловленная социальным статусом человека, определенные сценарии повседневного общения и ритуалов семьи, отражаются стереотипы межличностных отношений представителей рода (нескольких поколений) и отношений между семьями-родами в определенной этнокуль-

туре. Таким образом, познание вербализации микроконцептов *отец, мать* в паремийной картине мира определит и семантическое взаимодействие с микроконцептами других концептосфер – «Закон», «Природа», «Вера», «Воспитание», «Труд».

В основу методики анализа вербализации микроконцептов*отец, мать* в русской паремийной картине мира положено моделирование семантической структуры в концептуальных цепочках / парах ({}), которые отражают определенные сценарии – конфигурации моделей семантизации указанных единиц. Выделенные в квадратных скобках семы ([]) очерчивают семантический сектор, позволяющий сопоставить (←; →; =; ≠) семантику микроконцептов*отец, мать* с другими элементами концептуальной (языковой) картины мира; выделены в предложенных моделях и так называемые операторы отождествления (между //). Такой подход, по нашему мнению,позволяет установить типы семантического сопоставления названий родства с другими понятиями, а также фреймы, обусловленные ходом познавательно-отождествительного процесса представления знания о роде и семье – матери, отце – в русской народной культуре.

Микроконцепт «Отец». Социальное значение *отца* определяется не только статусом главы семьи [Жайворонок2007: 16–17; Кононенко 2008: 58], но и возведением в ранг идеала поведения, хранителя семейных традиций (концептуальная пара {[дети]← [**отец] = [Бог**] → [люди]}): ***Бог** до людей, а **отец** – до детей*; источника жизни и жизненного опыта (концептуальная пара {[**отец] = [поле**]}) (***Отца** похоронил, будто **с поля убрался***).

Социокультурная мотивированность черт характера и поведения отца отмечена в русской паремийной картине мира как неотождествление его роли с ролью матери (концептуальная пара {[**отец]≠ [мать**]}): ***Отец** про походы, **а мать** про расходы*.

Среди пословиц с микроконцептом *отец* преобладают паремийные тексты с обобщенной социокультурной семантикой. Один из таких компонентов — ‘генетическая наследственность’. В большинстве случаев его семантическим воплощением является концептуальная пара {/*какой*/ [**отец (батька)]** → /*такой*/ [**сын,дети, детки**]}: *Каков **отец**, таков и **сын***; *Каков **отец**, такие и **дети***;*За что **отец,** за то и **детки***. Ряд таких паремийных текстов можно разделить на те, где семантическим средством отождествления являются: а) названия черт характера (*Где **хороший отец**, там и **сын – молодец***; *У **доброго батюшки добры** и **детки***); б) названия вида деятельности (***Отец** рыбак – и **дети** в воду смотрят*); в) названия растительного мира, что целиком можно трактовать как проявления архетипичного представления о роде и родоначальнике в концепции Древа Жизни, Мирового Дерева (*Каково **дерево**, таков и **клин**, каков **батька**, таков и **сын***; *Каков**ясень,**таков и **клин**, каков **батька**, таков и **сын***); г) макроконцепт «Дом» и его вербализаторы *хата*, *тын* {[**хата – тын]** ← /*такой*/ → [**отец – сын**]}: *Какова **хата**, таков и **тын**, какой **отец**, такой и **сын***.

Следует отметить такой компонент семантики микроконцепта отец – ‘учитель, воспитатель’: {[**отец]** ← /*до ума (разума) довел, научил, воспитал, выкормил*/ → [**учитель**]}, {[**отец]** ← /*выкормил*/ → [**кормилец**]}. Наиболее распространенная модель концептуализации семы ‘воспитание’ «не тот отец, что родил (вином скропил), а тот, что…»: *Не тот **отец**, что вспоил, вскормил, а тот, что уму-розуму**научил***. Последствия непослушания со стороны детей также нашли свое отражение в русской паремийной картине мира: *Кто **не слушает отца**, тот **послушает кнута***; ***Отец** сына не на худо **учит***. Социокультурная сема ‘уважение к отцу' воплощена в таких текстах: *Стар батька – убил бы его, а умер батька – купил бы его*; *Хорошо как при старости отец*.

Как одну из форм воспитания паремийная картина мира отражает концепцию бития и похвалы детей (концептуальная цепочка {[**отец**] → /*наказал, похвалил*/ → [**учи-**

тель, воспитатель] → [**сын**]}): *Отец наказывает, отец и хвалит*; *Ненаказанный сын – бесчестье отцу*.

Наиболее метафоричной является русская паремия «*Оттого **парень** с лошади **свалился**, что **отец** криво **посадил***», поскольку она в непрямой форме обобщает социокультурную сему ‘воспитания’ как опыта *езды на коне*. В русской паремике отмечаем утверждение роли *шапки* (‘ум’, ‘опыт’) как артефактной метафоры учения: ***Не дал шапки отец,*** *так пусть уши мерзнут*. Хотя относительно этой половицы встречаем комментарий несколько другого рода: «употребляется в ситуации, когда хотят подчеркнуть: кто-либо преднамеренно совершает или поощряет бессмысленные, неразумные поступки, умышленно проявляет упрямство, которое ему же и создает дополнительные жизненные проблемы» [Російсько-український 2016: 182].

Отношения отца и детей сакрализированы в паремийных текстах, хотя таких и немного. В частности нашел отражение архетип ответа на Страшном Суде (концептуальная цепочка {[**отец**] → /*ответ*/ ← [**дети**]}): *Валяй, **дети**: **отец** в ответе*; *За что **отец**, за то и **дети***.

Кроме пословиц с позитивной коннотацией, зафиксированы паремии, в которых отец ассоциируется с такими негативными социальными явлениями, как: пьянство (*Где отец **пьет**, там дитя мрет; Сам **пьян**, а дети голодны*); расточительство (*Благословил отец деток – **до чужих клеток***); эгоизм (*Не плачь дитя, не плачь!Принесет отец калач, медом намажет, тебе покажет, а **сам съест***); равнодушие к собственным детям (*Родной отец, да **не своим детям***); дурная слава (*Про нашего батьку много молвы, да **мало доброго***).По нашему мнению, все их может объединить семантическая модель концептуальной цепочки: {[**отец**] → /*пьет, объедает, гуляет, равнодушен*/ → [**дети**] → [смерть, голод; чужие]}.

С восточнославянской культурой связаны пословицы, употребляемые для оценки обыденных действий со значением-рекомендацией ‘не спеши’. При этом, как известно, используется микроконцепт «отец-батько»: *Не лезь* [не беги; не сунься; не спеши] *поперед батьки в пекло*. Таким образом, в обыденном сознании, как подчеркивают русские вариативные паремии, закреплен образ последовательности жизни поколений. Подобным образом семантика отцовства нивелирована в пословицах на тему товарищества (*Артелью (артелем, **хором**) хорошо (легче) и недруга (батьку) бить // **Хором** и батька бить легче*), поддержки в дороге, т. е. вне дома:*В дороге и ворога назовешь родным отцом*; *В дороге и родной отец товарищ*; *В дороге и отец сыну товарищ*.

Компаративная социокультурная семантика паремий, проявляющаяся и в характерной структуре с компонентом «как отец», связана с концептуализацией интенсифицированной семы ‘родной – близкий’, которая переформатируется в коннотативную сему ‘очень; сильно; крепко, щедро’:*Держись, как за родного отца*.

Свои особенности в русской паремийной картине мира имеет реализация **микроконцепта «мать»**.Паремии с номинативным центром **мать, мама, матушка, матка** также отражают парадигму социокультурной семантики, т. е. подчеркивается семантическая глубина и разноплановость, сопряженные во внутренней форме номинации родства *мать*.

Как и в семантике микроконцепта «отец», анализируемый микроконцепт является носителем сакральности: *Кто мать забывает, того Бог карает.* На это указывает и концептуальное сближение составляющих концептуальной цепочки {[**мать]** → **[правда / закон / истина, святыня**]}, в основе которой сема ‘истинная’: *Пускай будет по-старому, как **мать поставила***; *Мать – **святыня**, с ней **не спорят***.

В качестве центральных рассматриваем следующие семантические составляющие в структуре микроконцепта «мать». Первая – это ‘естественная родственность’ (*Нет лучшего дружка, чем родная матушка; Лучше матери друга не сыщешь*), т. е.

реалия «мать» – это данность, та, что родила, поэтому носителем этой семантики является концептуальная пара {[**мать] = [родительница**]}. Это стержневая сема, поскольку, как известно, именно такая биосоциальная роль характерна только для женщины. Мать ответственна за человека от рождения и до смерти, но если кто-либо ведет аморальный образ жизни, отрекается от родных, то указывают*: Родила мама, что не принимает и яма*.

Вторую (центростремительную) семантическую составляющую описывает концептуальная цепочка {[**мать ↔ питательница, кормилица**]}: *Не та мать, что родила,а та, что взрастила* [*а та, что вспоила-вскормила*; *а та, что выходила*]. *Мать кормит детей, как земля людей; Мать – кормилица, а кормилица не мать; Мать кормит детей, так сохнет, а он по ней нет; Мать кормит дитя, так сохнет, а он об ней и не охнет.*

К выделенному семантическому сегменту близок третий семантический компонент, который конкретизирует концептуальная пара {[**мать] → [учитель, воспитатель, советчик**]}: *Не та мать, что родила, а та, что до ума довела* [*а та, что ходит; а та, что напутит*].

Четвертая семантическая составляющая проанализированного микроконцепта представлена в модели концептуальной пары {[**мать] ↔ [голова**]}. Выделенное общее понятие ‘зависимость’ вербализируется в паремийной картине мира через наглядные тексты с констатационной семантикой паремий-максимумов (***Мать*** *всякому делу* ***голова***), с акциональной семантикой (*Без отца – полсироты, а без матери – и вся сирота*; *Одна мать родила, одну и смерть давала*),с семантикойотождествления-сопоставления матери по отношению к детям и взрослых животных по отношению к их потомству (*При солнышке тепло, при матери добро*; *Птица радуется весне, а младенецматери*; *Пчелки без матки – пропащие детки*; *Мать дитя любит, а (и) волк овцу любит*; *Мать любит дитя, а кошка – котя*). Таким образом, паремийные тексты и с акциональной, и с оценочной натуроцентричной этносемантикой воплощают архетипное содержание микроконцепта «мать» как Дерева Жизни, Центра Вселенной, Эдемского Сада. Кроме того, взаимопритяжение матери и детей (потомства) воплощает паремия *Слепой щенок и тот к матери ползет,* в которой обобщен опыт биологического и социального взаимодействия живых существ.

Пятый семантический компонент {[**мать] → [молитва**]}: *Всяка мать за своё дитя молится.*

Кроме паремий с обобщающей семантикой, в русском повседневно-бытовом общении сформировались устно-разговорные стереотипы с оценочными эпитетами, каквот: **мать** – *родная*, *праведная* (т. е. истинная), *любящая*. В связи с этим отделяем ряд высказываний, где эпитеты усиливают глубину этнокультурной семантики. Ср. активные концептуальные цепочки {[**мать] →** /*каменная, праведная*/ **→ [защита, опора, ограда**]} (*Мать праведна – ограда камена*) и концептуальные пары {[**мать] → [забота**]} (*Хорошо тому гулять, у кого родная мать: она встренет, да проводит, и в окошко поглядит*), {[**мать] → [друг**]} (*Нет такого дружка, как родная матушка*), {[**мать] → [любовь**]} (*Любящая* ***мать*** – ***душа*** *семьи и* ***украшение*** *жизни*).

Как видно из уже приведенных паремийных текстов с эпитетизированной номинацией мать, в них наиболее частотным является определение *родная*. *На свете все найдешь, кроме родной матери*; *Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери*; *Для матери ребенок до ста лет детенок*.

Сема ‘защита, опора’ в русской паремийной картине мира модифицирована в телесную метафору, а вернее, в метонимический образ «гладкой головы» (‘ухоженной, здоровой’, ‘счастливой’):*У кого есть матка, у того голова гладка*.

Немногочисленны паремии, в которых закреплена исключительность образа матери. В одной из них проводится ассоциативная параллель с Родиной: *Одна у человека мать, одна и Родина*.

На противопоставлении жизненных ситуаций, обобщенных в русской паремийной картине мира, более объемно представлены характеристики матери в противовес характеристикам мачехи. Концептуальная антитеза {[**мать]** ≠ [**мачеха**]} воплощена в таких семантических цепочках: {[**мать** /*милая*/] ≠ [**мачеха**]} (*Сыр калача белее, а мать мачехи милее*), {[**мать** /*тепло, доброта, забота*/] ≠ [**мачеха**]} (*Мать гладит по шерсти, а мачеха – насупротив*]), {[безобидно] ← [**мать**] ← /*битье-воспитание*/ → [**мачеха**] → [оскорбление]} (*Своя мать бьёт на крыше, да никто не слышит, а мачеха ударит – все соседи гуторят*).

Сила оппозиции мать :: мачеха и стереотипность супротивного сравнения лиц как носителей определенных социокультурных признаков воплотилась и в метафоре «свой :: чужой»: *Достаток – мать, убожество – мачеха*. Эта же семантика воплощена в паремийных контекстах с семой ‘родственность’, ‘близость’, ‘родная’ (*Пахарю земля – мать, а лентяю – мачеха*; *Родная сторона – мать, чужая – мачеха*). В таких случаях принято употреблять названия родства в их вторичной функции. Таковой является и номинация «мать», «матушка» в русской паремийной картине мире, когда она закреплена в роли оценочного приложения в собственным именам: ***Матушка Москва*** *белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая*, ***Волга-матушка*** *– глубокая, раздольная, разгульная*.

В паремийных текстах наблюдаем **корреляцию микроконцептов «отец – мать»**. В таких случаях подчеркивается исключительность родителей, их особое значение в жизни каждого человека, что сконцентрировано в семантике обобщающих высказываний с семой ‘незаменимость’, ‘преданность’, ‘исключительность’, ‘верность’: *Отец и мать – священны*; *Все купишь, а отца и матери не купишь*.

Поскольку паремии – это своего рода логические конструкции, то такие тексты с несколькими названиями родства отражают стереотипные модели родственных отношений в этнокультурах. В частности, это акциональные субкоды повседневно-бытовой культуры взаимоотношений детей и отца / матери, закрепленные в концептуальных цепочках:

{[**отец / мать]** → /*единоначалие* в *обучении, воспитании*/ → [**дети**]} (*Что мать в голову вобьет, того и отец не выбьет*; *Не тот отец-мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил*; *Возле батька-матки учатся детятки*),

{[**отец / мать]** → /*отношение к воровству*/ → [**дети**]} (*Дети крадут, отец прячет*; *Дети воруют, мать горюет*).

Паремийные тексты отмечают, что наибольшую поддержку дети получают от матери, ср.: *Без отца – полсироты, а без матери и вся сирота; Отцов много, а мать – одна*.

Ряд паремий отражают такую ценностно-духовную доминанту, как необходимость уважительного отношения к отцу-матери. В русских паремиях концептуальная цепочка {[**отец / мать]** ← /*уважение*/ ← [**дети**]} связана с констатацией такой поведенческой нормы (*Живы родители –* ***почитай****, померли –* ***поминай****; Кто родителей* ***почитает****, тот (вовеки) не погибает* [*тот век счастливым живет*; *тому Бог помогает*]; *Отца с матерью не* ***почитаешь****, никого не уважаешь*; ***Жалей*** *отца с матерью – других не найдешь*).

Паремийные тексты анализируемых микроконцептов сохраняют сакрализированные оценки отношения детей к родителям (концептуальная цепочка {[**отец / мать]** → /*защита*/ → [**дети**]}): *Не оставляйте отца и матери на старости лет,* ***и Бог тебя не оставит***; *Родителей чти – не собьешься* ***с истинного пути***; *Не проживут дней своих,* ***иже прогневят отца да мать***; *Детям не жить, коли не умом да* ***благословением*** *родителей*. В подобном направлении утверждается данность родителей: *Птичьего молока хоть в сказке найдешь, а другого отца-матери и в сказке не найдешь*; *На свете все найдешь, кроме отца и матери*.

В сакрализированном направлении русские паремии обобщают роль родителей и их дома как защиты от всех невзгод: *У отца-матери* ***за пазушкой***; *У отца с матерью и на морозе* ***за пазухой*** *тепло*; *Коли есть отец и мать, так ребенку* ***благодать***. Сема 'защита' преобладает и в утверждениях, что роль отца-матери выполняет Ангел-хранитель: *Отца с матерью Господь прибирает, а к детям* ***пристателя*** *приставляет*.

Как правило, в образах отца и матери как основоположников семьи воплощены наивысшие моральные ценности, которые они вкладывают в детей. Вполне естественно и то, что родителями гордятся. Однако, как свидетельствуют паремии, в языковом сознании концептуализируется и хорошая репутация в общественном и личном поведении — честь (концептуальная цепочка {[**отец / мать]** → /*честь*/ ← [**дети**]}, пор:*Не по отцу-матери почет, а по уму*.

Часто встречаются паремийные тексты, подчеркивающие схожесть отца-матери с детьми. В то же время, гендерные особенности определяют особенные взаимоотношения отца и сына, матери и дочери (хотя и не всегда): *У кого девка хороша! – У матки. У кого сын хорош? – У батьки*; *Кто девку хвалит – отец да мать; Мальчик – утеха отцу, а девочка - матери*.

Анализ русского паремийного фонда с вербализированными микроконцептами *отец*, *мать* показал стереотипность концептуальных моделей воплощения социокультурного опыта близкородственных отношений.Характерная особенность обобщающих сценариев повседневного общения паремий в том, что они включают выделенные микроконцепты во взаимосвязи с элементами концептосфер «Закон», «Природа», «Вера», «Воспитание», «Труд». В редких случаях микроконцепты *отец*, *мать* являются обособленными репрезентантами названий родства в пословицах и поговорках: как правило, таких единиц две, три, что свидетельствует о комплексности оценки социальной роли человека в бытовой культуре.

Литература

1. *Ани Р.* Концепт семья в русской паремике: лингвокультурологический аспект. Автореферат дисс… на соискание уч. степени канд.филол. наук. СПб, 2013. 18 с.

2. *Жайворонок В.*Українська етнолінгвістика: Нариси. Київ, Довіра, 2007. 262 с.

3.*Кононенко В.І.* Українська лінгвокультурологія. Київ, Вища школа, 2008. 328 с.

4. *Російсько-український* тлумачний словник паремій / Ж.В.Колоїз та ін. Кривий Ріг, ФОП Маринченко С.В., 2016. 454 с.

5. *Чович Л.И.* Паремии о женщине в русском и сербском языках (культурологический аспект изучения) // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики, 2015. № 3.С. 36-43.

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОБРАЗА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Н.В. МЕЛЬНИК
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Россия
saikova@mail.ru
Е. Е. ЯЗЕВА
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Россия
e-maksakova@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ и Кемеровской области, проект № 18-412-420003 р_а «Кузбасс: Комплексное когнитивно-дискурсивное исследование образа региона»

Ключевые слова: *образ региона, регион, элементы образа региона, конструирование имиджа региона.*

В статье представлены результаты экспериментов, цель которых состояла в описании образа региона. Сбор материала проходил в два этапа: анализ сочинений школьников и опрос старшего поколения. В основу данного исследования положено изучение образа региона сквозь призму национального сознания.

NATALYA MELNIK, EKATERINA YAZEVA – Linguopersonological description of Kemerovo regionimage: an experimental approach

Key words: *image region, region, elements of image region, designing of image region.*

In article are presented results of experiments which purpose consisted in description of region image. Collecting material took place in two stages: analysis of compositions of school students and poll of senior generation. Studying of an image of region through a prism of national consciousness is the basis given a research.

Исследование образа Кузбасса сквозь призму национального сознания телеутов, малочисленного народа Сибири, представляется значимым для создания целостного образа региона.

Телеуты – коренной народ Кемеровской области. Для них, с одной стороны, характерно национальное самоопределение, стремление к сохранению национальной специфики. С другой стороны, постепенная утрата языка, религии (шаманизма), национальной духовной и культурной жизни приводят к утрате национального самосознания и к постепенной ассимиляции с русским населением.

История сосуществования русского и телеутского народов прошла долгий путь развития и знает немало как позитивных, так и негативных примеров влияния друг на друга. Настоящее исследование предполагает воссоздание и изучение представлений телеутов о Кемеровской области. В качестве материалов исследования использовались работы учащихся средней школы с. Беково, посвященные Родине, Кузбассу, родному селу.

Телеуты еще живут родовой системой. Эту систему они не изменили по отношению к своим предкам и будущим поколениям; поэтому каждый род чтит своих кровных праотцов.Представления о родовой системе, об особом отношении к истории своего народа нашли отражение в оппозиции "свой – чужой", характерной как для тюркских народов, так и для народа, на чьи религиозные взгляды повлиял шаманизм. Данная оппозиция является ключевой и при исследовании образа Кемеровской области в представлении телеутов. В сознании телеутов – школьников образ Кузбасса и родного села неразрывно связаны. Анализ материала показывает, что большинство учеников не разделяют понятия "край", "Кузбасс", "Беково". Возможно, подобный взгляд на мир объясняется историей телеутского народа: *"Наша область многонациональна. В селе, где я живу, коренными жителями являются телеуты. Когда-то это был кочевой народ, а потому перемещаясь с места на место, они оставляли после себя «следы» - названия тех мест, где они когда-то обитали. Например, Кемерово, Бускускан, Карагайла, Менчереп, Бабанаково и др."*

В полученных работах преобладающими оказываются положительные оценки образа Кемеровской области. Наиболее часто встречающаяся ассоциация – "Кузбасс — мой край, место моего рождения". "Кузбасс" и "Кемеровская область" неразрывно связаны в сознании учеников-телеутов с их родным с. Беково:*"Я живу в одном из сел Кемеровской области под названием Беково. Казалось бы, обычная местность, но она находится в Кузбассе", "Я живу в Кузбассе, в селе Беково Беловского района. Здесь, в Беково живет малочисленный народ, телеуты", " Край, в котором я теперь живу, очень богат углем. Но, несмотря на это, деревня Беково — это тихое, спокойное место".*

В сознании учеников Кузбасс, Кемеровская область, с. Беково характеризуются преимущественно положительными чертами (в 95 % работа, родное село, родной край описываются лексемами с положительной коннотацией): *"И нам **стоит гордиться** своим родным краем", "Край, в котором я живу, **прекрасен**. Я **горжусь**, что родился именно здесь. Некоторые хотят уехать из родных мест, например, многие рвутся за границу. А я не собираюсь никогда уезжать из родных мест", "Мой край **знаменит** своей природой, народами, его населяющими, переплетением разнообразных культур", "Я **горжусь** своими земляками, они **прославили** нашу землю. Она у нас*

*одна, **родина**. И мы ее любим", "Мой **родной крайславится** добычей угля, шахтёрами и красивой природой: у нас много лесов, просторных полей, прозрачных рек и журчащих родников".*

В ходе анализа собранного материала выделился ряд ядерных тематических групп, связанных в сознании телеутов с Кузбассом: "люди", "природа", "культура", "ресурсы", "малая родина".

Люди: *"главное **богатство** моего края — это **люди**", "самое **замечательное** — это **люди**", "мне хотелось бы вспомнить **удивительного человека и певца, шахтера** - Корбина Алексея...", "после Великой Отечественной войны **имя еще одного телеута стало очень значимым** для всего телеутского народа. Это Алексей Семенович Четонов – **единственный телеут**, удостоенный высокого звания Героя Советского Союза".*

Природа: *"наш **край богат лесом**, далеко-далеко простирается **тайга** из хвойных, лиственных деревьев, эти **леса полны зверей и птиц**, порой даже не обеспокоенных людским присутствием", "все знают, что в Кузбассе расположены плодородные степи, большие **таёжные массивы**, горные **кряжи**, реки и озёра".*

Культура:*"**музей** под открытым небом «Чолкой», **старинный храм** святого Пантелеймона, построенный ещё в 18 веке", "для меня главной достопримечательностью является **святой источник «Аржан-суу»**, "лучшей достопримечательностью села является **новый детский сад**", "одно из красивейших мест нашего села — это **острая гора. Это святая гора**".*

Ресурсы: *"наш **Кузбасс богат углем**, **рудой,** другими полезными ископаемыми", "недра Кузбасса богаты **полезными ископаемыми**, такими как железные **руды**, **сырьё** для металлургии, **мрамор**, источники минеральных вод и многое другое. Но главным богатством является **каменный и древесный уголь**. Ведь край наш **особенный**, он **шахтёрский**!"*

Малая родина: *"казалось бы, **обычная местность**, но она находится **в Кузбассе**", "ни за что **не променяюродной** мне с детства **край**, где я сейчас живу", "я **люблю свой край**, ведь я здесь **живу и буду жить**", "я **горжусь** своими **земляками**, они **прославилинашу землю**. Она у нас одна, **родина**. И мы ее любим", "**семья и родина неразделимы**. А значит, **моя родина – это мой дом**, и я здесь расту", "мой родной край славится добычей угля, шахтёрами и красивой природой: у нас много лесов, просторных полей, прозрачных рек и журчащих родников", "для меня **Родина началась с моего родного села Беково**", "я **люблю своё село**, потому что оно самое лучшее на свете!".*

Выделенные лексические единицы являются ядерными в представленных тематических группах, наиболее частотными при ответе на вопрос "Что для вас Кузбасс?" для школьников телеутской школы в селе Беково. Следует отметить, что ядерным для учеников является положительная оценка Кузбасса, малой родины; негативные или нейтральные реакции оказались на периферии, они не частотны и связаны, например, с оценкой качества дорог в селе, отсутствием полной средней школы и выражены как пожелания: *"хотим, чтобы оно* (село Беково),***не отставая от жизни**, обновлялось новыми постройками: различных маркетов, аптек, больниц. Чтоб **заасфальтировали дороги** села, разбили большой парк для отдыха молодёжи. Наше село – это наша жизнь, а мы будущее нашего села".*

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о положительном образе Кузбасса в сознании молодого поколения телеутов. Для них нет оппозиции "свой - чужой", они считают своей родиной как село Беково, так и весь Кузбасс.

Выделенные лексические единицы являются ядерными в представленных тематических группах, наиболее частотными при ответе на вопрос "Что для вас Кузбасс?". Следует отметить, что ядерным является положительная оценка Кузбасса,

малой родины; негативные или нейтральные реакции оказались на периферии, они не частотны.

Для сравнения представлений о Кузбассе телеутов разного возраста приведем обобщенные результаты опроса старшего поколения.

Современные телеуты – билингвы. Особенно это справедливо для представителей старшего и в определенной степени среднего поколения. Данные получены в результате опроса жителей села Беково в возрасте от 60 до 80 лет (всего 37 человек). Информантам было предложено продолжить фразы «Кемеровская область – это…», «Кузбасс – это…» и «Для меня Кемеровская область – это…».

Изучение самоопределения телеутов и их представлений о Кемеровской области формируют фрагмент внутреннего образа региона. Внутренний образ региона – это образ региона в представлении населения, проживающего на данной территории. Образ, сложившийся у жителей региона, всегда более объективен, чем образ, сложившийся среди жителей других территорий. Так, анализируя результаты опроса жителей села Беково, мы получили следующие реакции.

1. Кемеровская область – это…

• родное место, где родилась, жила и выросла

• богатство нашей страны, правда, богатство не у рабочих людей

• историческая родина

• наша исконная земля

• моя родина, историческое прошлое и настоящее

2. Кузбасс – это…

• для меня всё: в Кузбассе я родила 5 детей, 9 раз стала бабушкой, в 28 лет овдовела. Как говорится, «Аштағанда – аш полду, су суғанда – су полду» \ «Есть хотела – ела, пить хотела – пила

• историческая родина, наша исконная земля

• историческое прошлое и настоящее

• как Амангельди

• промышленный регион

• звучащее название на весь мир. Короткий, но емкий термин

• что-то величественное, выкачивают богатства, а это обидно

3. Для меня Кемеровская область – это…

• исторически родные места

• родина тюрков

• моя радость, счастье моё, мне другой страны не надо

• богатство наше

• горжусь своей областью

• люблю свою область

В процентном соотношении негативных оценок не более 10 %. Ядерными для разных поколений остаются лексемы «родина», «любовь», «гордость», «природное богатство», «уголь». Объединяет обе возрастные группы и практически полное отсутствие негативного представления о регионе.

Как отмечают О. Н. Кондратьева и Т. И. Фролова, «В настоящий момент вполне очевидно, что образ региона должен целенаправленно конструироваться, поддерживаться и развиваться, создаваемый образ должен быть реалистичным, подчеркивающим специфичность и уникальность территории, вызывающим положительный эмоциональный отклик. Результатом целенаправленно и грамотно созданного образа региона станет его общественно-политическая, культурно-историческая и инвестиционная привлекательность, т.е. его позитивный имидж» [1]. Коренные малочисленные народа Кемеровской области – особая группа жителей Кемеровской области. Они как сохраняют особенности своего народа, так и вынужденно ассимилируются с

русским населением. Образ Кемеровской области глазами телеутов показал значимость представлений коренного народа для формирования целостного образа региона, создания внутри региона положительной, благоприятной атмосферы, уникальности и привлекательности территории.

Литература

1.*КондратьеваО. Н., Фролова Т. И.* Образ региона в обыденном языковом сознании его жителей (на примере образа Кузбасса) / Psycholinguistics. Психолінгвістика. Психолингвистика: сб. науч. трудов. Серия: Филология. – Переяслав-Хмельницкий: ФОПДомбровскаяЯ.М. – 2018. – Вып. 24(2). 380 с.

2. Языковая картина мира телеутов: монография / *Л. А. Араева* [и др.] / Кемеровский государственный университет. – 2-е изд., исп. и доп. – Кемерово, 2018. – 280 с.

РУССКИЕ ПАРЕМИИ О НОРМАХ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

О.А. МИХАЙЛОВА, ЛИ ВЭНЬЛУ

Уральский федеральный университет, Россия

oamih@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-012-00382 /18

Ключевые слова: *коммуникативное поведение, ценности,норма, фразеология, пословицы, лингвокультурология, адресат, адресант.*

В статье исследуется специфика русской коммуникативной культуры, обусловленная национальными традициями. Описаны нормы вербального и невербального общения, закрепленные в пословичном фонде русского языка. В системе норм, регулирующих коммуникативное поведение в русской лингвокультуре,выявлены три аспекта: культурно-речевой (требования к самому процессу общения и качествам хорошей речи), нравственно-прагматический (универсальные этические нормы для обоих коммуникантов), речедеятельностный (специализированныеповеденческие максимы для говорящего и слушающего).

MIKHAILOVA OLGA,LI WENLU– Russian paremia about the norms of communicative behavior

Key words: *phraseology, communicative behavior, value, norm, cultural linguistics,phraseology, proverbs, addressee, addresser.*

The article investigates the specifics of Russian communicative culture, conditioned by national traditions. The norms of verbal and non-verbal communication enshrined in phraseological units of the Russian language are described. In the system of norms governing communicative behavior in Russian linguistic culture, three aspects are revealed:culturally-speech (requirements to the process of communication and the qualities of good speech), moral and pragmatic (universal ethical standards for both communicants), speech activity (specialized maxims for the speaker and listener).

Коммуникативное поведение личности обусловлено целым комплексом факторов: психологическими качествами личности, местом рождения и обучения, особенностями воспитания, окружающей социальной средой и, безусловно,его национальной культурой. Правила общения в каждой этнокультурной среде складывались исторически и как неписаный закон закреплялись и сохранялись в языковой традиции. Особое место среди языковых единиц, выступающих носителями национально-культурной информации, занимают пословицы, поговорки и фразеологические единицы. Паремия«закрепляет в образе устойчивые окультуренные представления и превращается в символ происходящего, становится стереотипом ситуаций, является эталоном тех или иных качеств реалий» [Ковшова 2014: 115]. В паремиологическом фонде любого языка хранятся традиции и обычаи,нормы и верования этноса.

Русское наивное сознание фокусировало внимание на разных сторонах общения – на речевой стороне коммуникации, на деятельности говорящего и слушающего, на моральных принципах, обусловливающих гармоничное общение. Вследствие этого в русских паремиях, во-первых, особую значимость получает характеризация коммуникативных свойств речи. Во-вторых, установка на кооперацию в общении приравнивается к этическому императиву. В-третьих, доминирующей является значимость коммуникативного партнера.

Внутренняя дифференциация нормативной составляющей коммуникативного поведения стала основой аспектного анализа материала, в результате которого были реконструированы культурно-речевые, нравственно-прагматические и речедеятельностные правила русского коммуникативного поведения.

В процессе речевой деятельности коммуниканты обращают внимание на саму речь, оценивают ее как правильную или неправильную, выразительную или невыразительную. «О речи можно говорить – вот это хорошо, а вот это плохо» [Головин 1988: 28]. Учитывая коммуникативный компонент культуры речи, носители языка должны ориентироваться на прагматические условия коммуникации, которые предопределяют оптимальный выбор и организацию речевых средств.Культурно-речевые нормы в русском наивном сознании совпадают с риторическими классическими требованиями правильности, точности и ясности, логичности, выразительности, уместности, чистоты, содержательности, краткости.

Правильность речи в паремиях представлена как артикуляционнаяи/или акустическая характеристика речи.Искажение внешней стороны речи, неправильное произношение или непривычные, трудно выговариваемые звуки затрудняют коммуникацию, поэтому все единицы этой группы обладают отрицательной коннотацией.

Языковая традиция требует, чтобы речь говорящегобыла логичной (*Начал с кувшина, кончил о бочке*), неотклонялась от темы разговора (*Один про пироги, другой – про сапоги; Я говорю про попа, ты про попадью, а он про попову дочку*).

Коммуникативная ситуация предполагает соотнесение содержания высказывания сместоми временемобщения – в этом проявляется требование уместности:*Умей вовремя сказать, умей и смолчать; Лучше плакать кстати, чем смеяться не вовремя*. Для результативного общения данное коммуникативное качество играет важную роль, поэтому пословицы характеризуют это свойство речи однозначно позитивно.

Высоко ценятся в наивном сознании коммуникативные качества точности и ясности речи (*Слово толковое стоит целкового*), а такжериторические способности человека, в частности коммуникативное качество выразительности(*Красную речь хорошо и слушать*). Однако самоценность внешней красоты речи без ее содержания ставится под сомнение: *Красен словами, рассудком беден;Поет что соловушка, да пуста головушка.*

Коммуникативное качество чистоты речи в паремиях сязано сзапретом на употребление грубых, нецензурных слов.Грубость как «система коммуникативных стратегий и тактик, используемых в реальном общении и нацеленных на создание конфликтной коммуникации» [Жельвис 2011: 258]связывается с сознательным стремлением коммуниканта к конфликту в общении:*Бранное слово на гнев наводит;На что с тем дружиться, кто охоч браниться.*

Пословицы прямо утверждают, что грубыми словами не добьешься цели, и брань не приносит пользы людям: *Бранью праву не быть; Много бранился, а добра не добился.* Брань противоречит нравственности, понимается как грех, зло и потому получает отрицательную этическую оценку:*Спорить –спорь, а браниться –грех.* Однако в отношении брани русское сознание противоречиво, и чистота речи в пословицах получает амбивалентную оценку: *Брань на вороту не виснет; Бранят – не в мешок валят.*

В паремиологическом фонде зафиксированы представления о ценностях, которые передаются от поколения к поколению. Нравственные ценности реализуются в максимах правдивости, искренности, скромности, доброжелательности, уважительности как универсальных правилах для обоих коммуникантов (адресанта и адресата).

Пословицы, характеризующие этическую норму правдивости, чаще выражают оценку, и отношение русского народа к правде амбивалентное. С одной стороны,

правда и ложь несовместимы (*Правда с ложью не дружат; Правда лжи не любит*), с другой стороны, они диалектически связаны (*Не солгать, так и правды не сказать*).

С максимой правды тесно связана максима искренности [Зализняк 2005], но искренность шире правды: она концептуально связана с открытостью, откровенностью, душевностью, а коммуникативно – с доброжелательностью, взаимностью. Максима искренности в пословицах обычно утверждается косвенно и чаще подается через противоположные качества, которые не приветствуются в русском обыденном общении, – это лицемерие и лесть.Например, в паремии *Речи что мед, и дела что полынь* через образы “мёд” и “полынь” с их контрастными вкусами сопоставлены сладкие речи и горькое лицемерное поведение.

Максима скромности предполагает сдержанность в обнаружении своих достоинств, заслуг, умение не выдвигать себя в центр; неприятие похвал в собственный адрес. В обыденном сознании скромность отражена как культурная ценность и имплицитная норма русского коммуникативного поведения. По данным пословиц, скромность в коммуникативном поведении может проявляться по-разному. Максима скромности в языковом сознании русских выступает как категория ограничения коммуникативных проявлений личности. Так, в общении скромный человек должен говорить немного: *Знай больше, а говори меньше.*Скромный человек не должен быть высокомерным в общении: *Не смотри высоко, глаза запорошишь*. Нескромным и потому осуждаемым считается похвальба:*Не хвали сам себя, есть много лучше тебя; Хвались, да не поперхнись!*

В систему нравственных установок, или «ментальных образцов, играющих роль прескрипций для социальных и духовных жизненных практик» [Телия 1999: 18], входит и доброжелательность,выступающая как важнейшая добродетель. В традиционном русском общении проявление взаимно доброжелательного отношения партнеров коммуникации мыслится как коммуникативно-этическая норма, реализация которой обеспечивает не только положительный эмоциональный фон общения, но и является условием качества общения.Русская паремика утверждает максиму доброжелательности к собеседнику с помощью оценочной лексики. Паремии прямо характеризуют важность доброго слова, сравнивая его с эталонными объектами: *Добрые-слова лучше мягкого пирога; Доброе слово человеку что дождь в засуху; Ласковое слово что весенний день.* Доброжелательность в коммуникации обладает большей воздействующей силой, чем агрессия: *Ласковое слово пуще дубины; Приветливое слово гнев побеждает.* Для утверждения максимы доброжелательности в паремиях используется прием контраста: *Доброе слово в жемчугах ходит, а злое слово пуще стрелы разит; Доброе слово лечит, злое убивает.*

Любая коммуникативная ситуация манифестирует интерперсональные отношения коммуникантов. В традициях русского коммуникативного поведения ведущим принципом является сближение – ориентация Я на Другого [Прохоров, Стернин 2006], и проявлением этого принципа является максима уважительности. Уважение устанавливает норму человеческих отношений и предписывает не причинять другому человеку вреда, ни физического, ни морального. Максима уважительности утверждает ценностный статус Другого и выражается в вежливых словах, внешней демонстрации почтения: *От учтивых (вежливых) слов язык не отсохнет; Поклоном поясницы не переломишь; С поклону голова не заболит.*

Коммуникативное поведение участников общения – это совместная деятельность партнеров, без взаимной координации которой невозможно эффективное взаимодействие и взаимопонимание. Т.Г. Винокур, анализируя варианты речевого поведения говорящего и слушающего в процессе общения, квалифицирует отношения между ними как «коммуникативное соавторство» [Винокур 2005: 84].

Речедеятельностный аспект коммуникативного поведения проявляется в стремлении к гармоничному протеканию акта общения, в удовлетворенности коммуникативных партнеров перлокутивным эффектом (практическим, информационным, психологическим). Впаремиях зафиксированы конкретные речедеятельностные максимы, предписывающие необходимое коммуникативное поведение каждому участнику – говорящему и слушающему. Народная культура предписывает говорящему ориентироваться в поведении на слушающего, что проявляется в максимах количества, ответственности, гармонизации общения.

Максима количества требует от говорящего контролировать объём своей речи, который следует соотносить с чувством меры. Превышение меры расценивается как болтливость и не одобряется народным сознанием, поскольку излишняя речевая активность воспринимается слушателями «как желание возвыситься над окружающими (*как станет городить – себя не помнит, людей забывает*)» [Балашова 2003: 98].С другой стороны, максима количества связана с недостаточностью информации, т. е. нельзя молчать, когда нужно говорить. Н.Д. Арутюнова определяет молчание как отрицательный феномен, поскольку значение глагола *молчать* трактуется как противоположность наиболее общего и неспецифицированного по коммуникативной цели предиката речи – глагола *говорить* [Арутюнова 1994]. Неуместное молчание препятствует успешному коммуникативному взаимодействию: *Молчанием город не возьмешь; Молчать, так и дела не скончать.*

Русская языковая традиция накладывает наговорящего ответственность за воздействующий результат его речи на слушателя. В этом проявляется важный принцип русской коммуникации – ценность собеседника. А.Н. Сперанская предполагает, что «в основании этого требования лежит забота о самом Говорящем – чтобы он не остался в социальном одиночестве» [Сперанская 1999:141]. Максима ответственности говорящего включает требование быть осторожным в словах (*Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами;*); тщательно отбирать информацию и обдумывать слова*(Говорить не спеши и людей не смеши;Выпустил словечко, не догонишь и на крылечке)*; не разглашать сведений, касающихся другого лица*(Скажешь курице, а она – всей улице;Скажешь тайком, а услышишь явком)*; выполнять обещания и взятые обязательства(*Не молвя слова крепись, а молвя слово держись*).

Максима гармонизации общения регулирует правила коммуникативного поведения говорящего в конфликтных ситуациях и направлена на уменьшение разногласий. В русском общении распространен «крайне эмоциональный спор с взаимным предъявлением эмоциональных претензий друг другу» [Прохоров, Стернин 2006: 116]. Паремии призывают избегать спора(*Говори, да не спорь, а хошь спорь, да не вздорь; Красен разговор, да не спор*) и предлагают способы предотвращения конфликта: выражение согласия, умение шутить, извинение, временноеуклонение от разговора.

Слушающий, как и говорящий, должен принимать на себя ответственность за эффективное общение. Народная традиция определяет его коммуникативное поведение максимами слушания(*Не торопись отвечать, торопись слушать*), очередности(*Петь хорошо вместе, а говорить порознь*), адекватной оценки собеседника и его высказывания (*На ласковое слово не поддайся, а на грубое не гневайся*).

Таким образом, коммуникативное поведение человека в социуме регулируется закрепленными в паремиологическом фонде правилами, основанными на нормах морали и национально-культурных традициях, а также коммуникативными качествами речи. Нормативные составляющие коммуникативного поведения выступают в качестве эталона, на который ориентируется коммуникант при вступлении в контакт. Они способствуют стабилизации взаимоотношений между коммуникантами и эффективному достижению цели общения.

Литература

1. *Арутюнова Н.Д.*Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий / Под ред. Н.Д. Арутюновой.Москва: Наука, 1994. С. 106–117.

2. *Балашова Л.В.* Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка // Прямая и непрямая коммуникация / Под ред. В.В. Дементьева. Саратов: Колледж, 2003. С. 93–108.

3. *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения.Москва: КомКнига, 2005. 176 с.

4. *Головин Б.Н.* Как говорить правильно: заметки о культуре русской речи.Москва: Высш. шк., 1988. 160 с.

5. *Жельвис В.И.* Грубость как регулятор коммуникативного поведения // Бытие в языке : сб. науч. тр. к 80-летию ВИ. Жельвиса / Под ред. Т.Г. Кучиной. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т, 2011. С. 258–289.

6. *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.*Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

7. *Ковшова М.Л.* Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход // Филология и культура, 2014. № 4 (38). С. 115–120.

8. *Прохоров Ю.Е. Стернин И.А.* Русское коммуникативное поведение.Москва: Флинта: Наука, 2006. 193 с.

9. *Сперанская А.Н.* Правила речевого поведения в русских паремиях. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1999. 211 с.

10. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Под ред. В.Н. Телия.Москва: Языки русской культуры, 1999. С. 13-24.

ВНУТРИКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В ВИДЕ ОТНОШЕНИЯ К ЯЗЫКОВЫМ ВАРИАНТАМ РУССКОГО ЯЗЫКА

Э.И. МЯЧИНСКАЯ

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

e.myachinskaya@spbu.ru , elvirivan2009@mail.ru

Ключевые слова: *внутрикультурная коммуникация, русские диалекты, отношение, носители нормативного языка.*

Поскольку русский язык представляет собой иерархическую систему подсистем (диалектов и социолектов), то языковые группы, пользующиеся этими подсистемами, вступают в коммуникацию разных видов. Коммуникация отражается, в частности, в отношениях к тем или иным вариантам. Исследуются результаты опроса носителей нормативного русского языка об их отношении к носителям диалектов и к диалектной речи. Наиболее распространено представление о них как о людях с низким уровнем культуры и образованности, а речи как неприятной, неграмотной и режущей слух. Рассматриваютсяпричиныэтого.

ELVIRA MYACHINSKAYA – Intracultural communication manifested in the form of attitudes to Russian language variation

Key words: *Intracultural. communication, Russian dialects, attitude, Russian Standard speakers.*

Russian, as any other European language consists of varieties characteristic of different social groups and conditioned by social and cultural factors. The communication between the groups of speakers within the Russian language follows the socio-linguistic hierarchical system. The survey conducted among B.A. and M.A university students displays an attitude mostly negative to Russian regional dialects and their speakers, who are thought to be of low educational and cultural level.

Одним из самых распространенных терминов современного филологического и, шире, гуманитарного, пространства является межкультурная коммуникация. В этом, несомненно, проявляется не только актуальность скрывающегося за термином понятия, но также и его размытость, неопределенность и многоаспектность. Прежде всего, поскольку включается три плохо определяемых понятия: культура, межкультурное пространство и коммуникация. Мы ни в коем случае не будем пытаться дать обзор уже существующих интерпретаций этих терминов, но определим собственную-субмодель.

В настоящее время принято в широкое понятие культуры включать язык, его функционирование и преломление в литературном и народном творчестве. Фраза Гумбольдта: «Язык есть дух нации» - также очень широкая, поскольку понятие «дух» еще более неопределенно, чем вышеперечисленные. И все же именно в этом направ-

лении представляется плодотворным рассмотрение вопроса. Очевидно, что если у народов различные языки, то и воплощение «духа» у них различно. Сравнение языкового функционирования разных языков позволило (и позволяет) лингвистам выявлять и семантические универсалии (Вержбицкая), и лингво-культурологические типы (Карасик), и системы ценностей.

Для осуществления межкультурной коммуникации необходимы внешние условия соположения коммуникантов, условия, в которых признаки чужой культуры становятся важны, интересны или вынуждены для носителя каждой культуры. Коммуникация в этом отношении может быть и взаимной, и односторонней, в том смысле, что одна из сторон не заинтересована в контакте, тогда как другая к нему стремится или оказывается в ситуации контакта в силу самых разных обстоятельств. Степень проникновения при контакте также может быть самой различной: от простого знакомства с особенностями до инкорпорации чужой культуры в свою и изменения своего культурного кода.Для возникновения ситуации межкультурного взаимодействия очевидна необходимость разных лингвокультур, разных языков. Вместе с тем в границах одного языка возможен и практически обязателен тип внутреннего взаимодействия. Вариативность систем современных языков – общепринятый факт [Trudgill 1999:1-19]. Русский, как один из великих языков, демонстрирует сосуществование подсистем как по территориальному, так и по социальному признакам. Чисто лингвистические характеристики не могут быть «чистыми», они отражают самые разнообразные стороны организации социума, коллектива говорящих. Понятно, что речь профессорско-преподавательского состава университета и обслуживающего персонала местной столовой существенно различается, даже, возможно, имеет мало общего. Различие это лежит не только в плане вариативности лингвистических уровней, но и в коммуникативном и когнитивном аспектах в силуразличного жизненного положения групп носителей.Вместе с тем непрямой контакт между ними существует, поскольку они члены единого этнического коллектива, и каждая группа занимает свое место в этом социуме и соотносит себя – сознательно или бессознательно – с различными частями его, с различными социолектами.

Другую сторону внутриязыковой, и соответственно лингво-этнической вариативности, являют территориальные диалекты.Все европейские языки на определенной стадии развития представляли собой конгломерат диалектов, находящихся друг с другом в различных иерархических отношениях. И русский, конечно, не исключение; так что историческое наличие региональных типов и их продолжение в современной жизни это объективная реальность.[Русская диалектология 1972: 8-17].Являясь исторически ингерентными, диалекты глубоко укоренились в лингвистическом сознании носителей русского языка и потому являются неотъемлемой частью коммуникативного комплекса. Коммуникативная комплексность включает взаимосвязанные (и не очень) элементы: языковые варианты, ареал проживания/распространения, манеры и традиции и пр. В разных языках комплексность имеет общие черты, но и серьезные различия [Мячинская 2011; 2012].

Другой вопрос, каково представление носителей русского языка о региональной вариативности и ее социолингвистическом характере. Важнейшим компонентомвариативности как таковой, и ее коммуникативного аспекта представляется фактор отношения: отношение носителей к наличию вариативности, отношение к вариантам – своим и чужим, к иерархической структуре, к высоким и сниженным вариантам. Очевидно также, что отношение к вариантам практически неразрывно связано с отношением к носителям этих вариантов. Этот последний подход омонимичен коммуникации, поскольку мы знаем о диалектах и их носителях, ибо мы их слышим в повседневной жизни или непосредственно с ними разговариваем, т.е. либо в системе языка, либо в личном контакте. Отношение к диалектам проявляется также в теоре-

тических размышлениях современных русистов-диалектологов, которые выражают современное и актуальное осмысление места диалектов в рамках национального языка и в отношении с нормативным русским. Ср. «В исследованиях функционального направления изучается динамика диалектных систем, характер их стилистической дифференциации, взаимодействие диалектов с литературным языком, место русских народных говоров в языковой ситуации(см., например, доклад О.Ю. Крючковой и В.Е. Гольдина «Русские народные говоры как национальное богатство и необходимость новой культурно-языковой политики в России» - http://sarteorlingv.narod.ru//projects.htm)» [Гольдин, Крючкова 2011: 8-9].

В настоящем исследовании мы предлагаем некоторым образом перевернуть традиционный подход, при котором исследуется контакт диалектов с нормой, и проанализировать контакт нормы с диалектами.Преподавая вопросы языковой вариативности на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета и имея дело со студентами бакалавриата и магистратуры кафедры английской филологии, в основном прожившими формирующие годы в Петербурге, я могу считать, что они являются образцовыми носителями литературного русского языка, можно сказать элитой этой группы этнического языкового коллектива. На протяжении нескольких лет я проводила среди них опрос в виде небольшой анкеты, нацеленной на выяснение: а) представления студентов о региональной вариативности в рамках русского языка и б) отношения студентов к русским диалектам и их носителям [Мячинская 2016]. Первая группа вопросов, лежащая в сфере перцептивной, или наивной, диалектологии не имеет отношения к настоящей статье, а вторая - составляет предмет ее изучения. Приводимые примеры обозначены по году опроса, месту длительного проживания, важного для формирования языкового восприятия респондента (formativeyears),и полу респондента (ж, м).

Отношение негативное. На первом месте негативных характеристик – низкая степень образованности людей, вплоть до безграмотности и некультурности, напр.:

№ 1 *«Диалектная речь звучит необычно. Слушая ее, концентрируешься больше на фонетических особенностях, чем на смысле сказанного, такая речь может звучать смешно. Возникают сомнения в грамотности говорящего, хотя может быть это и неверно. Диалектная речь воспринимается как отклонение от нормы, возникает желание исправить человека, часто сложно относиться к сказанному всерьез»* (2017 СПб,ж).

№2 *«Иное произношение вызывает поначалу легкое раздражение; затем, при постоянном контакте с людьми, говорящем на другом диалекте, раздражение становится все больше. С точки зрения образования и грамотности может показаться, что человек безграмотен»*(2017 СПб,ж).

Во многом такое отношение сформировано и продиктовано социолингвистическим типом русского языка, а именно очень сильным положением нормативного литературного языка. Авторитет и даже авторитарность нормы поддерживается и школьным образованием, высоким уровнем художественной и публицистической литературы и различными формами государственного воздействия, что приводит к тому, что носители нормы воспринимают диалектную вариативность как отклонение от нормы и ее искажение. Вместе с тем, можно рассматривать такое отношение в ценностном плане, а именно как демонстрацию высокой ценности образованности и уровня образования для российского менталитета.

Но наряду с типологически обоснованным негативизмом, пусть и бессознательным, в отзывах студентов присутствуют **сопутствующие характеристики.**

№ 3 *«Иногда диалект может показаться провинциальным, существует мнение, что так говорят малограмотные люди»*(2017 ж СПб).

Провинциальность… Для слова «провинциальный» словарь русского языка дает значение «*отсталый, наивный, простоватый*» [Ожегов 1975:567]. Среди прочих толкований этого понятия в интернете находим: «*Провинциальность как качество личности – по мнению столичных жителей, склонность проявлять некоторую наивность, отсталость, темноту, некультурность и простоватость»*. [podskazki.info/provincialnost]. Такова структура нашего общества, выраженная в российском менталитете: иерархическая оппозиция «столица - провинция» как высшего и низшего. Информант также осознает истереотипность негативного отношения.

№4 *«Раньше возникала некоторая надменность по отношению к людям, допускающим грамматические ошибки…»*(2015СПб, ж).

В этом высказывании включается эмотивная составляющая, что обычно проявляется в ситуации прямого контакта и выраженной коммуникативности (в подтверждение нашего тезиса).

№5 *«Информация на диалекте не воспринимается всерьез»* (2015 Череповец,ж.).

В двух примерах № 1 и№ 5выражена коммуникативная черта, не связанная, напрямую с личностью говорящего – высказывание не вызывает доверия. Интересно, что сходный психологический эффект наблюдается и в английском языке: говорящий на нормативном языке вызывает большее доверие, чем носитель диалекта.

Еще один достаточно распространенный эффект, хотя и не очень отраженный в нашем корпусе, – эффект смешного (№1). Этот эффект часто используется актерами-комиками в рамках различных языков. При всей разработанности темы «природа смешного», механизм порождения реакции смеха точно не определен: почему имитация глухих согласных эстонского акцента в русском вызывает смех, а звонкий заднеязычный спирант украинского или южного произношения – нет. Во всяком случае, эта реакция слушающего не выражает отношения, а имеет рефлекторную природу непонятного происхождения.

Как ни странно, московское произношение может вызывать негативное отношение, т.е., очевидно,восприниматься как сниженный диалект:

№ 6 «*Московское аканье звучит неприятно*» (2009 СПб, ж.).

№ 7 «*Неприятен московский говор. К остальным – нейтральна»* (2018 Архангельск, ж.). Эти две реплики между собой никак не связаны: ни временем высказывания, ни территориальной принадлежностью респондента. Затруднительно найти обоснование такому восприятию.

Двойственное отношение чаще всего разделяет отношение к носителю и восприятие собственно диалектной речи (№. 8), причем отношение к языковому варьированию – позитивное (№ 9).

№ 8 «*Чаще всего говорящий на диалекте привлекает к себе внимание. Возможно я могу подумать о его не очень высоком уровне образования. С другой стороны, диалект показывает принадлежность к месту, где человек родился, рос, жил долгое время. Это интересно и на мой взгляд, удивительно»* (2017 Алтайский край, Барнаул, ж.).

Положительное отношение. Оно касается, как правило, реакции слушающего на речь, а не определенных характеристик речи или носителей.

№ 9 *«Отношение к диалектной речи положительное. Очень весело иногда бывает, когда ее слышу.Я ко всем отношусь положительно. В каждом говоре есть своя изюминка*» (2009 Норильск, м.).

№ 10«*Мне даже чем-то нравится, что язык везде разный»* (2015 СПб,ж.).

По сравнению с первой, негативной группой, положительные реплики немногословны и не дают такого материала для анализа и интерпретации. Редко упоминается ценность для научного изучения.

Выводы

Внутрикультурная коммуникация, представляет собой сходный с межкультурной коммуникацией механизм, в котором участвует прежде всего компонент отношения, а также целый комплекс ценностных показателей. Отношения между социокультурными группами внутри одного языка в рамках языковой вариативности могут быть как однонаправленными, так и амбивалентными. Рассмотренный в статье тип коммуникации, актуализованный в форме вербального выражения отношении к русским диалектам, подтверждает этот тезис. Ответы респондентов отражают как их жизненный опыт, так и влияние ценностных стереотипов на их восприятие. Преобладание негативного отношения к носителям диалектов отражает традиционную социальную иерархию русскоязычного коллектива с сильной позицией нормы и сниженным периферийным положением локальных языковых вариантов.

Литература

1.*Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю.* Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Саратов; ИЦ «Наука», 2011, 121 с.

2.*Мячинская Э.И.* Двойные лингвистические стандарты молодой английской буржуазии // Проблемы современногопереводоведения. Сборник статей в честь 60-летия профессора В.И.Шадрина. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2011. сс. 194-200.

3.*Мячинская Э.И.* Комплексность социолингвистических характеристик носителей английского языка в Англии.// Англистика XXI века: Материалы VI Всероссийской научной конференции, 24-26 января 2012 г. – СПб: Университетские образовательные округа, 2012, сс.212-214.

4. *Мячинская Э.И.* Диалектные стереотипы в представлении носителей русского нормативного языка. //Русская устная речь. Вып. 2. Саратов 2016, с.186-191.

5. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1975.

6. Русская диалектология / Под общ.ред. *Н.А. Мещерского*. Москва: Изд-во «Высшая школа» 1972, 302 с.

7. *Trudgill P*. The Dialects of England. 2nd ed. Oxford: Blackwell Publishers, 1999, 154 p.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РЕГУЛЯТИВ И МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ: ОЦЕНКА РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Т.В. РОМАНОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия

tvromanova@mail.ru

Ключевые слова: *социальный регулятив, толерантность, политкорректность, манипуляция*.

В данной публикации представлены результаты исследования толерантности как социального и лингвокультурного феномена. Аргументируетсяманипулятивный характер категории толерантность на примере текстов федеральных и региональных СМИ. Манипулятивный характер данного социального регулятива выявляется посредством анализа языковых средств и способов оценочной интерпретации авторами газетных статей парадоксального проявления толерантности.

TATIANA ROMANOVA –Tolerance in The Function of Social Regulation and Mind Control as Estimated by Russian Sosiety

Key words: *regulation,tolerance, political correctness, manipulation*.

The article deals with tolerance as a linguocultural phenomenon and social regulation. It establishes the manipulative nature of the category of tolerance as exemplified in the texts of federal and regional editions. The manipulative nature of the social regulation is revealed through the linguistic analysis of the means and methods of the evaluative interpretation of paradoxical manifestations of tolerance by the authors of publications.

Понятия *толерантность* и *политкорректность*, вошедшие в русский язык относительно недавно, используются в тезаурусе разных наук и сфер жизни. Считается, что цель этого социального регулятива– способствовать комфортному существованию людей разных национальностей, верований, статусов и убеждений в мультикультурном обществе, в российском в частности. Однако толерантность так и не стала для российского общества социальной и культурной ценностью. В первую очередь, как нам кажется, по причине манипулятивной природы данного регулятива.

С другой стороны, в условиях решения задач этноконфессиональной безопасности, противодействия ксенофобии толерантность становится необходимым социальным регулятивом. Её роль возрастает по мере развития новых коммуникативных технологий и новых регулятивов, одним из которых является возникшая в конце 40 гг. XX века тенденция политкорректности.Намеренное создание особого толерантного и политкорректного языка уже даёт основание предполагать присутствие в нём манипуляции. О манипулятивном характере категории *толерантность* свидетельствует сам процесс «освоения содержания» понятия. Термин *толерантность* первоначально появился как естественно-технический. Дефиниция толерантности в естественных, математических, технических науках актуализирует сему ‘устойчивость’, а в гуманитарных науках дефиниция толерантности актуализирует сему ‘терпимость’. Например, в медицине толерантность – «это способность организма переносить воздействие определённого лекарственного вещества или яда без развития соответствующего терапевтического или токсического эффекта» [Энциклопедический словарь медицинских терминов 1983:1214]; в информатике – «способность системы выдерживать изменения входных данных в определённом диапазоне без отказов и без нарушения правильности обработки» [Заморин, Марков 1987: 176], тогда как, например, в философии толерантность – «качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равнодостойной личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное» [Новая философская энциклопедия 2001:363]; в социологии толерантность – «терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям» [http:// dic.academic.ru/dic.nsf/socio/4240/толерантность].

Актуализация другой семы, изменение фокуса, позволяет говорить о смещении содержания понятия.

Для констатации современного состояния проблемы А.Ю. Малафеевым (участник описываемого нами исследовательского проекта) был собран специальный мини-корпус текстов о толерантности [Малафеев 2016:23-29; Романова, Малафеев 2016: 226-243]. В него вошли тексты на русском языке, опубликованные в сети Интернет и затрагивающие проблему толерантности [https://sites.google.com/site/toleranceresearchproject/#corpus]. В результате выявлены наиболее часто критикуемые аспекты толерантности: противопоставление русским ценностям, агрессивное навязывание, двойные стандарты, размытость понятия, внутренняя противоречивость понятия.

Нами было проведено также анкетирование студентов НИУ ВШЭ - Нижний Новгород и других вузов Нижнего Новгорода с целью выявления толерантного/нетолерантного отношения к социально-политическим реалиям. Анализ уровня толерантности студентов нижегородских вузов был проведён с использованием экспресс-опросника «Индекс толерантности» Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А. Шайгерова. В результате проведенного исследования было установлено, что студенты нижегородских вузов в среднем демонстрируют средний уровень толерантности. При этом респонденты женского пола демонстрируют более высокий уровень толерантности. Наиболее значимая связь наблюдается между толерантностью как чертой личности и этнической толерантностью, в особенности тогда, когда толерантность признается в качестве важной цели личностного развития. Так, высказывания «*я хотел бы стать более толерантным человеком по отношению к другим*» и «*я могу представить чернокожего человека своим близким другом*» связывает коэффициент корреляции 0.405, а высказывания «*я хотел бы стать более толерантным человеком по отношению к другим*» и «*я хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей*» связывает коэффициент 0.503.

С лингвистической точки зрения под манипуляцией понимают совокупность языковых средств и приёмов для навязывания адресату определённых смыслов. С.Г. Кара-Мурза среди основных речевых приёмов манипуляции выделяет манипуля-

тивнную семантику (изменение смысла слов и понятий), упрощение и стереотипизацию, утверждение и повторение, дробление и срочность, сенсационность [Кара-Мурза 2005]. Как показывает речевой анализ, манипуляция реализуется с помощью различных приёмов на всех уровнях языка, на уровне стилистического оформления и структурной организации текста. Для обоснования данной точки зрения рассмотрены материалы газеты «Коммерсантъ», тексты сетевого издания «Свободная пресса – Поволжье» и интернет-портала «Российская газета» по Приволжскому Федеральному округу за 2014-2017 годы.Проанализированы языковые средства и способы оценочной интерпретации авторами газетных статей парадоксального проявлениятолерантности. Выявлены языковые средства и речевые приёмы, выполняющие манипулятивную функцию. Установлено, что способы создания «политкорректного языка» и языковые средства, используемые для выражения идей толерантности, зачастую совпадают с манипулятивными приемами.

Так, к примеру, вопросу межнациональной интолерантности посвящена статья «Мигрантам продлевают срок годности» [Коммерсантъ 2015,№39: 4].

Характеристика мигрантов как неодушевленных объектов (*срок годности*) показывает отношение политиков к иностранным гражданам. Зависимость одних от других подчеркивается неопределённо-личной формой синтаксической структуры: *продлевают*. Пренебрежительное отношение властей к мигрантам в тексте фиксируется с помощью таких лексических единиц, как *рабсила из безвизовых стран, легализовать гастарбайтеров*. Употребление глагола *легализовать* даёт основание выделить сему ‘законное/незаконное’ местонахождение и ‘законный/незаконный’ труд.

Кроме перечисленных средств и способов оценочной интерпретации манипулятивного характера категорий толерантность и политкорректность,отметим следующие: перифразы*(Кино – самое мобильное из видов искусства, и важно максимально использовать его* ***в целях просвещения****);* эпитеты(***самопровозглашенные****ЛНР и ДНР)*; приём несоответствия (*нашли* ***избыток исламизма****)*; ярлыки (*расисты, учителя – исламисты)*; контекст (*<…> президента США, которого российский президент <…> поощрительно похлопал, проходя мимо, по плечу, и рубль, судя по всему, сразу еще больше укрепился, хотя бы минут на десять*).

Как уже было сказано, в целях манипуляции могут быть задействованы средства любого языкового уровня.Однако, по нашим наблюдениям, большую роль в манипуляции играет синтаксис, содержательно-композиционная организация текста в целом. Из синтаксических средств в текстах «Свободной Прессы» отмечается частое использование неопределённо-личных (*грозят, требуют, не выгоняют, рекомендовали*) и безличных (*оказалось, стоит упомянуть, принято проводить*) конструкций; используются вводно-авторские конструкции со значением ‘исключения автора‘ из категории ’говорящий субъект‘: *как пишут СМИ, по оценкам специалистов, по данным исследователей, по мнению некоторых…* .Многие из таких средств, указывающих на автора высказывания, дополнены лексикой, маркирующей эмоционально-оценочную модальность, например глаголы речевого действия: *пафосно заверил, потребовал, пригрозил*.

Из лексико-стилистических средств наиболее часто используются метафоры(*щупальца террора, вакханалия падения нравов, заложники сформированного пропагандой общественного мнения, пожар противоречий и споров, борец за нравственность*) и эвфемизмы (*чиновничьи прелести*), оценочные определения: «*мигрантофобной риторикой, сквозящей в репортажах отечественного телевидения из стран Евросоюза» бурные скандалы, уникальный, прогремевший на всю страну*; *дурная слава, бурная реакция*; *размытыми репликами*, *раздуваемые страшилки, скандальное, странные вещи, настоящих скандалов*;развёрнутыесогласованные определения, выраженные прилагательным с отрицательной частицей/приставкой *не*: *недружественного нам государства, нелицеприятные, и без того не радужные от-*

ношения; *нечистоплотных СМИ; дало нездоровые плоды; пропаганда отнюдь не светских ценностей.* Манипулятивным потенциалом обладают языковые средства с семантикой неопределённости количества (*немалое количество споров*), меры, качества, времени, степени регулярности и др. (например, наречия меры и степени: ***довольно*** *крупное****, достаточно*** *мирно,* ***слегка*** *осадила,****значительно*** *более скудный*, ***часто****,* ***зачастую***).

Оценочная манипуляция проявляется в оппозиции*свой – чужой*. В качестве маркеров этой оппозиции выступают контекстная антонимия и синонимия: *Россия – Запад, народ – чиновники, администрация – население, приезжие – беженцы – мигранты*. «Мир чужих» характеризуется с помощью использования жаргонных слов и выражений (*бабло, кипиш, движуха, пересидеть зачистку*); официальных аббревиатур (*минобраз*, *госдеп*).

Хотя открытая критика и оценки не могут считаться манипуляцией, так как манипуляция – воздействие незаметное, скрытое, однако не стоит игнорировать упомянутые обобщения, преувеличения и абсолютизацию.

Результаты проведённого многоаспектного анализа феномена толерантности представлены в коллективной монографии [Романова, Малафеев, Морозова, Климова 2017: 304]. Исследование, результаты которого представлены в монографии, было посвящено, главным образом, лингвистическому аспекту толерантности: посредством анализа регионального и федерального политического дискурса, материалов федеральных и региональных СМИ и др. источников выявлены коммуникативные технологии толерантности/интолерантности; в качестве противопоставления толерантности проанализированы экстремистские, конфликтные речевые стратегии и тактики; определено и описано содержание понятия языковая толерантность; измерена и проанализирована лингвокультурная ситуация на территории Российской Федерации и Нижегородской области как субъекта Российской Федерации.

Новизна решенной исследовательской задачи связана с рассмотрением политкоммуникации и толерантности как отражения современных социальных реалий. В исследовании ускорившаяся динамика языковой ситуации описана с учетом факторов, ранее на язык не воздействовавших, среди них: трансформация и даже упадок традиционных и возникновение новых ценностей и регулятивов, включая институт семьи, школы, армии, государственной власти, церкви и межконфессионального взаимодействия и др.; расстановка политических сил в мире и связанное с ней изменение системы ценностей и новых идеологий; крупномасштабные миграционные процессы. Факты, обнаруженные эмпирическим путем, получили методологическое обоснование: осмыслены трансформации этнического самосознания и социальной идентичности под воздействием мультикультурализма и глобализационной экономики с иными ценностными ориентирами. Все это конкретизировано на примере полиэтничной территории Нижегородской области с использованием современных подходов к анализу речевой коммуникации: корпусных и компьютерных технологий для обработки и хранения данных на естественном языке.

Литература

1. *Заморин А.П., Марков А.С.* Толковый словарь по вычислительной технике и программированию. Основные термины: ок. 3000 терминов. М.: Русский язык, 1987. 250 с.

2. *Кара-Мурза С. Г.*Манипуляция сознанием. М: Эксмо, 2005. 430 с.

3. *Романова Т.В., Малафеев А.Ю., Морозова Н.Н., Климова М.А.* Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (анализ материалов СМИ и политического дискурса). Монография/ Под ред. Т.В. Романовой. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2017.304 с.

4. *Малафеев А.Ю.* Оценочная интерпретация толерантности в Интернет-коммуникации// Вопросы когнитивной лингвистики, 2016. №2. С.23-29.

5. *Романова Т.В., Малафеев А.Ю.* Толерантность с точки зрения национальной ментальности// Вопросы психолингвистики, 2016. №2. С. 226- 243.

6. *Малафеев А.Ю.*Корпус текстов – мнений о толерантности на русском языке. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://sites.google.com/site/toleranceresearchproject/#corpus (дата обращения 10.03.2017).
7. URL: http:// dic.academic.ru/dic.nsf/socio/4240/толерантность (дата обращения: 01.02.2015).
8. Коммерсантъ, 2015, №39.
9. Новая философская энциклопедия: в 4 т./ Под ред. *В.С. Стёпина*. М.: Мысль, 2001.Т.4. С.363.
10. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т./ Гл.ред. *В.И. Покровский*. М.: Советская энциклопедия, 1982-1984. Т.2. С.1214.

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МОДЕЛЕЙ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ И КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКАХ

С. Н. АБДУЛЛАЕВ, Н. КАДЫРОВА
Иссык-Кульский государственный университет, Киргизия
Abdullaev.sayfullah@gmail.com

Ключевые слова: *модель, структурная схема, пропозиция, предикат, облигаторный компонент.*

В статье обсуждаются линии сопоставления между собой моделей простых предложений в русском и киргизском языках. Авторы рассматривают, в частности, модели с одноместным предикатом. Будучи сущностными единицами самого коммуникативного уровня языковой системы, подобные модели являются малоисследованными как в русистике, так и в тюркологии. Работа представляет интерес для специалистов по русскому языку и преподавателей русского языка как неродного.

SAIFULLA ABDULLAYEV, NARGIZA KADYROVA – Comparative-typological description of simple sentence models in Russian and Kyrgyz languages.

Key words: *model, structural diagram, a sentence, a predicate, an obligatory component.*

The article discusses the lines of comparison between the models of simple sentences in the Russian and Kyrgyz languages. The authors consider, in particular, models with a single predicate. Such models are little studied both in Russian and in Turkology. The work is intended for Russian language specialists and teachers of Russian as a non-native language.

Синтаксис – самый коммуникативный уровень системы языка. Именно здесь язык переходит в речь, тем самым происходит когнитивное освоение окружающего мира. Для того, чтобы четче представить себе эти сложные процессы, исследователи естественных языков вынуждены прибегать к методу моделирования коммуникативных единиц языка. Одними из таких единиц являются простые элементарные предложения с одноместными, двухместными, трехместными и четырехместными предикатами. В настоящей статье мы обращаемся к вопросу о сопоставлении моделей таких предложений в русском и в одном из тюркских – киргизском языках.

Модель простого предложения – это тот теоретический конструкт, который помогает исследователю изучать не поддающиеся непосредственному наблюдению стороны и признаки предложений как единиц языка. Приступая к описанию моделей, мы должны четко отдавать себе отчет, что это прежде всего лингвистические знаки, т. е. двусторонние семиотические сущности.

Формальную сторону моделей мы передаем через структурную схему. Структурная схема предложения – отвлеченный образец, по которому в реальной речи строится неограниченное количество фраз-предложений [Абдуллаев 1989 : 352]. Например, в русском языке предложение *Молодые девушки весело убирают двор* построено по структурной схеме N1 – Vf – N4. Киргизское предложение *Майда балдар чоң иттен коркушту*.-Маленькие *дети испугались большой собаки* восходит к структурной схеме N1 – N6 – Vf.

Частеречные символы на основе латинского алфавита показывают синтаксически релевантные позиции структурных схем, которые должны быть заполнены облигаторными компонентами простого предложения. Конструктивно ведущим среди них мы считаем сказуемое или предикат, поскольку именно данный компонент задает конкретную конфигурацию облигаторных компонентов. По их количеству или местам (позициям) мы различаем одноместные, двухместные, трехместные предикаты. Наше внимание в данном случае привлекают модели предложений с одноместным предикатом. Например:

Русск. Дом большой N1 – Adj Cop
Студент спит N1 – Vf
Кирг. Бала акылдуу N1 – Adj Cop

Кыз күлүп жатат N1 – Vf

При именных предикатах-сказуемых, например, *Adj* в структурной схеме указывается позиция связки, т. к. именно она выражает категории, синтезирующие грамматическое значение предикативности *Cop*.

Обращаясь к содержательной стороне модели предложений с одноместным предикатом, мы стараемся зафиксировать элементы той пропозиции, которая лежит в основе отображаемой в предложении целостной ситуации или события.

Формальная и содержательная стороны составляют план выражения и план содержания модели предложения. Модель предложения является эмической единицей системы того или иного языка.

Моделированию простого предложения разных языков посвящены работы, которые начали выходить в свет в 70-80 годы прошлого века [Москальская 1981; Золотова 1973 и др.]. Модель в этих исследованиях понимается как отвлеченный образец построения минимальных самостоятельных предложений. Но в методике их выделения и описания, конечно, имеются расхождения. В силу универсальности человеческого мышления в разных языках в семантическом отношении могут быть одинаковые типы моделей предложений, но в силу специфики их выражения, грамматического строя в каждом языке набор моделей уникален [Почепцов 1971:53]. Это свидетельствует о важности, актуальности и к тому же трудности выявления и описания моделей простого предложения языка. В лингвистике наличествует значительное количество теорий моделирования. Это объясняется тем, что критерии определения обязательного структурного минимума, количество моделеобразующих компонентов модели, способы описания модели и к тому же количество моделей у одной конструкции весьма разнообразны. В своих работах Г.А. Золотова оперирует понятием “модель предложения”. У нее модель определяется как “минимально достаточное сочетание взаимообусловленных синтаксических форм, образующее коммуникативную единицу с определенным типовым значением” [Золотова 1973:124].

Простое предложение считается центральной единицей системы синтаксиса. Начиная с 80-х годов прошлого столетия эта единица привлекает внимание исследователей в качестве объекта модельно-синтаксических исследований. Главным мотивом при этом считается необходимость преодолеть размытость в существующих синтаксических описаниях в терминах «типов предложений» и противопоставить им четкое представление о системе моделей предложений как языковых единицах, манифестирующих в процессе образования речи.

Например:

Караколдо зоопарк бар. – There is a zoo in Karakol. – В Караколе есть зоопарк.

Биздин мектепте музей бар. – There is a museum in our school. – В нашей школе есть музей.

Гилемде кооз жазуу бар. – There is a beautiful inscription on the carpet. –На ковре есть красивая надпись.

В этих примерах из современного кыргызского языка передается общая грамматическая семантика местонахождения предмета в определенном месте в пространстве. Структурной схемой этих предложений служит следующая формула:

N5 – N1 - Бар/Жок Cop

Здесь мы видим указание на локализатор, то есть обстоятельство места (**N5),** подлежащее (**N1**) и именные предикаты наличия и отсутствия (**Бар/Жок**). Поскольку сказуемое является именным, то в формулу модели вводится и указание на связку (**Cop**).

Грамматическая семантика местонахождения в этих предложениях в кыргызском языке тоже может быть представлена формальной записью:

Lместонах. – Sместонах. – Рместонах

Здесь присутствует указание на пространственный локализатор, субъект местонахождения и предикат местонахождения. Грамматическую семантику можно совместить со структурной схемой для того, чтобы передать двусторонний характер природы предложения как единицы языка. Чтобы структурная схема не сливалась с семантикой предложения, семантическую формулу возьмем в скобки:

N5 – N1 - Бар/Жок Сор (Lместонах. – Sместонах. – Рместонах.)

Перед нами структурно-семантическая модель простого двусоставного предложения с именным сказуемым, передающая грамматическое значение местонахождения определенного субъекта в конкретном пространстве.

Одной из конкретных задач при достижении указанной исследовательской цели явилось создание конечного списка моделей, уникального в каждом конкретном тюркском языке.

В лингвистической науке известно несколько наиболее распространенных теоретических моделей предложения. Для построения модели предложения, например, в английском языке представляется целесообразным дать краткую характеристику основных существующих в языкознании моделей предложения.

Подобно другим единицам языка, модель предложения обладает своей системой форм. Формы моделей предложения – это «совокупность видоизменений структурной схемы предложения, выражающих различные модальные и временные значения. Вся совокупность таких видоизменений называется парадигмой» [Абдуллаев 1989 : 353]. Парадигма предложения – малоисследованная область сопоставления между русским и тюркскими языками.

Теоретические вопросы описания структурно-семантических моделей простого предложения были разработаны на значительном материале представителями Новосибирской синтаксической школы [Черемисина 1989 : 3-19]. В билингвальных сопоставительных исследованиях, на наш взгляд, основную значимость приобретают типологически значимые расхождения и моменты сходства. Тюркские языки имеют значительные типологические отличия от русского языка в своем синтаксическом строе. Это обусловлено агглютинативной природой строя этих языков [Баскаков 1975 : 69].

На первом этапе сопоставительно-типологического исследования моделей простого предложения с одноместным предикатом, по нашему мнению, следует сосредоточиться на сопоставлении закрытых списков таких моделей. Дальнейшим этапом является изучение вопросов варьирования моделей и строения парадигм моделей.

В работе использован основный набор методов и приемов, свойственный современному системному синтаксису. Основным методом исследования является структурно-семантический, который предполагает изучение предложения в неразрывной связи его семантической и формальной организации и позволяет выявить сущностные характеристики предложений с локативным детерминантом, определяющие языковой статус данной разновидности локативных конструкций в синтаксической системе современного русского языка. В соответствии с многоаспектностью предложения как синтаксической единицы описание предложений с локативным детерминантом осуществлялось с привлечением приемов семного и функционального анализа компонентов исследуемой синтаксической конструкции В ходе работы использовались также элементы дистрибутивного и трансформационного анализа.

Локативные конструкции русского языка имеют более подвижный порядок слов по сравнению с тюркскими аналогами. В формальном плане прежде всего привлекает внимание проблема структурного варьирования модели, т.е. различные возможности выражения одного и того же компонента пропозиции. Наряду с относительно простыми случаями типа варьирования падежных форм прямого объекта выявляются и более сложные отношения – например: между формами локализаторов местонахож-

дения (где) и ориентации движения или перемещения объекта (куда, откуда). Заслуживают внимания отношения между местным и дательным падежом, выбор между которыми в тувинском языке связан с грамматическим временем, в котором строится фраза. При глаголах перемещения (помещения) объекта выбор между этими падежами, как нам представляется, связан с интерпретацией самого действия в сознании говорящего (а соответственно, и в речи). Например: спрятать, положить – куда/кому или где/у кого, но отнести – только куда/кому. Но нередко мотивировать выбор оказывается гораздо труднее. В центре системы локативных конструкций находятся базовые модели.

N5 - N1 - Vf (Llokat. - Slokat - Plokat.)

Это базовая формула моделей простого предложения с локативным значением в тюркских языках [Abdullayev 2018].

3. Рассматриваемые модели в русском и киргизском языках имеет свои особенности при употреблении в речи.

4. Парадигма модели простых предложений со значением местонахождения в киргизском языке состоит из следующих форм:

- утвердительность / отрицательность:

Мен сени көрүп жатам – Мен сени көрбөй жатам; Бул жерде телефон барбы - Бул жерде телефон жок;

- темпоральность: *Мен ырды укканмын /угуп жатам / угам*;

- персональность (определенное / неопределенное / обобщенное лицо): *Мен / Сен /Ал /*

бардыгы / ырды угуп жатышат;

- модальность: *Мен ырды угушум керек; Мен угалам*;

- фазисность: *Мен мектепте окуй баштадым -окуп бүттүм*

- вопросительность: *Тоодо кар барбы? Тоодо эмне бар? Тоодо эмне бар экенин көрдүм?*

Таким образом, моделирование простого предложения в русском языке является актуальной задачей. Решению этой задачи во многом способствует сопоставительный подход, который выявляет типологические особенности структурно-семантической организации и парадигматики данной синтаксической единицы.

Литература

1. *Абдуллаев С.Н.* Синтаксис//Строй уйгурского языка.-Алматы, Наука, 1989. С. 344-465.
2. *Абдуллаев С.Н.* Исследования по тюркологии. Простое предложение в уйгурском языке: структурно-семантические модели и парадигма описания. Бишкек, 2004.
3. *Баскаков Н.А.* Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словосочетание и предложение. М., Наука, 1975.
4. *Золотова Г.* Очерк функционального синтаксиса. М., 1973.
5. *Москальская О.И.* Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1981.
6. *Почепцов Г.Г.* Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, Вища школа, 1971.
7. *Черемисина М.И.* О теоретических вопросах модельного описания предложений//Предложение в языках Сибири. Новосибирск, Наука, 1989. С. 3-19.
8. *Abdullayev S.* Models of simple sentences in Uyghur and English languages. Karakol, 2018.

СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ СВОЙСТВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

О.И. БОБКОВА

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия

olgabobkova8@gmail.com

Ключевые слова: *синтаксис русского языка; синтаксис английского языка; сопоставительный синтаксис; категория свойства.*

В статье предпринимается попытка объяснить, почему русский и английский языки выбирают те или иные синтаксические способы выражения отношений характеризации по свойству. По мнению автора,

эффективным инструментом для раскрытия функционального механизма реализации наблюдаемого своеобразия русского синтаксиса может стать представление о внутренней форме языковых единиц как о цепочке внутренних предикаций.

OLGA BOBKOVA – Ways of expressing the qualitative meaning in the Russian and English languages

Key words: *Russian syntax; English syntax; comparative syntax; qualitative meaning.*

The article aims to consider some reasons for choosing particular grammar structures, which can be used to convey the meaning of quality in the Russian and English languages. The author assumes that understanding of the language units' inner form as a chain of implicit predications can provide us with the information about the inner factors, which underlie the Russian syntax peculiarity.

Известно, что каждый язык имеет свои специфические способы синтаксического оформления мыслительного содержания. Так, например, известно, что для выражения отношений характеризации по свойству русский язык чаще всего прибегает к составным именным сказуемым, позицию именной части в которых занимает имя прилагательные: *Он* ***был лыс*** *и* ***красноречив*** *до ужаса; И статья, между нами говоря,* ***дурацкая****! И* ***никчемная****, и деньги-то* ***маленькие****…* Однако для приписывания постоянного признака русский язык использует и другие типы сказуемых: составные субстантивные сказуемые: *Стравинский* ***умница*** *и* ***знаменитость****; Человек этот* ***был маленького роста***; составные наречные сказуемые: *Правду говорить* ***легко*** *и* ***приятно***; простые глагольные сказуемые: *Клетчатый, действительно,* ***понимал*** *свое дело*; и др.

Указанные синтаксические конструкции выступают своего рода «моделями» внешней формы для оформления тех или иных отношений, в рассматриваемом случае отношений характеризации по свойству. Очевидно, что данные «модели» и определяют своеобразие синтаксиса того или иного языка. Особенно наглядным это своеобразие становится при попытке сопоставления способов выражения одного и того же содержания в языках, принадлежащих к одному морфологическому типу (например, принадлежащих к флективному типу русского и английского языков).

Представляется, что такие языки должны если не во всех, то во многих случаях выбирать одинаковые синтаксические конструкции. Действительно, известно, что для приписывания постоянного признака и русский язык и английский чаще всего используют составные именные сказуемые, позицию именной части в которых занимает имя прилагательное. И во многих случаях способы синтаксического оформления одного и того же мыслительного содержания в этих языках совпадают:

Он ***был лыс*** *и* ***красноречив*** *до ужаса.* (М. Булгаков) – *He* ***was bald*** *and horribly* ***talkative****.* (пер. M. Glenny)

Однако это далеко не всегда так. Очень часто русский и английский языки прибегают к очень разным синтаксическим способам при описании одной и той же внеязыковой ситуации:

Он — молодец! А главное: он ***не*** *внезапный* ***исцелитель*** *общественных ран.* (И. С. Тургенев) – *His strength lies in the fact that he* ***doesn't attempt to cure*** *all the social ills with one blow.* (пер. R.S. Townsend).

В данном примере семантическим эквивалентом русского составного именного сказуемого с существительным в именной чести выступает английское составное глагольное сказуемое.

Кажется бесспорным, что выбор того или иного синтаксического способа оформления в каждом конкретном случае может определяться: «во-первых, коммуникативными намерениями говорящего, во-вторых, особенностями лексических систем разных языков и, в-третьих, спецификой их узусов» [Федосюк 2005 : 17]. Однако представляется, что простая констатация факта существования вышеперечисленных факторов, влияющих на выбор говорящим той или иной грамматической конструк-

ции и определяющих языковое своеобразие, не отвечает на вопрос о механизмах реализации этого своеобразия на синтаксическом уровне.

Таким образом, целью настоящей статьи является попытка выявить и проанализировать некоторые причины наблюдаемых расхождений в способах синтаксического оформления одного и того мыслительного содержания в русском и английском языках.

На наш взгляд, вскрыть глубинные причины наблюдаемого своеобразия позволяет концепция Г.П. Мельникова [Мельников 2000], предоставляющая эффективный инструментарий для выявления и описания механизмов реализации этого своеобразия.

Г.П. Мельников в своей лингвистической концепции, основанной на трудах В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Бодуэна де Куртене и названной им системной лингвистикой, показывает, как наблюдаемое языковое своеобразие функционально реализуется на синтаксическом уровне.

Опираясь на введенное В. фон Гумбольдтом понятие внутренней формы языка [Гумбольдт 1984 : 100-107], он предлагает уточненное понятие цепочной предикации.

Г.П. Мельников под цепочной предикацией предлагает понимать не использование темы предыдущего высказывания в качестве ремы последующего (их он называет элементами внешней формы), но последовательное преобразование компонентов мыслительного содержания (т.е. смыслов). При этом он предлагает называть компонент мыслительного содержания, подвергающийся преобразованию *предикандом*, а преобразующий элемент – *предикатором*. *Предикацией* он называет сам процесс преобразования, а результат предикации – новое уточненное знание или производный смысл – собственно *предикатом* [Мельников 2000 : 53-54].

В данной концепции минимальной модифицирующей единицей смысла признается значение словообразовательной морфемы. Грамматические же морфемы выступают показателями реляции, их функциональное назначение – указывать, какой из смысловых компонентов высказывания является предикатором, т.е. преобразует смысл, а какой предикандом, т.е. подвергается модификации. Следовательно, цепочная предикация осуществляется на всех языковых уровнях, начиная с морфемного.

Для иллюстрации функционирования механизма цепочной предикации на морфемном уровне рассмотрим сначала словоформу *исцелитель* из приведенного выше примера (*Он – молодец! А главное: он не внезапный исцелитель общественных ран)*. Оговоримся здесь, что в ходе дальнейшего изложения термин *значение* употребляется применительно к единицам языка, а термин *смысл* – применительно к единицам речи, в соответствии с закрепившимся в современной лингвистике пониманием этих терминов: «Значением слова называется то содержание, которое закреплено за данным словом в системе языка. Смысл слова – это то содержание, которое слово передает при его употреблении в конкретной ситуации общения» [Федосюк 2012 : 28].

Вообще, слово *исцелитель* – это слово третьей степени мотивированности. Здесь мы можем выстроить следующую словообразовательную цепочку: *целый* → *целить* → *исцелить* → *исцелитель*. Соответственно слово *исцелитель* содержит четыре компонента мыслительного содержания: носитель номинативного смысла *-цел-* и три модифицированных или производных смысла: *-цели-* → *исцели-* → *исцелитель*.

Эти последовательные модификации, являясь элементами внутренней формы, и выступают звеньями цепочной предикации. Так морф *-и-* выступает предикатором по отношению к корневому морфу *-цел-*. Согласно Русской грамматике под. ред. Н.Ю. Шведовой, «глаголы с суффиксом *-и-*, мотивированные прилагательным…» несут значение «…совершать действия, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим прилагательным» [Русская грамматика 1980: 336]. Результатом данной

предикации выступает производный смысл (в терминологии Г.П. Мельникова, собственно предикат) *-цели-*. Данный производный смысл далее выступает предикандом в следующем звене цепочной предикации и подвергается преобразованию со стороны предикатора *ис-*, узуально закрепленное значение которого: «совершить (довести до результата действие), названное мотивирующим глаголом» [Русская грамматика, 1980: 360]. И наконец производный смысл *исцелить-* тоже подвергается модификации. Предикатором выступает морф *-тель*, который привносит значение: «лица, производящего действие (названия по профессии или по временному занятию)» [Русская грамматика 1980: 141].

Очевидно, что производный смысл *исцелитель* (как и любой другой производный смысл в любом актуальном высказывании) может фигурировать на более высоком синтаксическом уровне в качестве предиканда или предикатора. Так, в рассматриваемом нами примере, этот производный смысл подвергается преобразованию со стороны производного смысла *общественных ран*, а результат данной предикации – производный смысл *исцелитель общественных ран*, в свою очередь, модифицирует номинативный смысл *он*.

Таким образом, посредством построения таких внутренних цепочных предикаций можно воспроизвести весь процесс построения высказывания носителем языка, извлечь все смысловые компоненты плана содержания и проанализировать, как эти элементарные компоненты плана содержания обретают свою внешнюю форму в строгом соответствии с теми предписаниями и ограничениями, которые накладывает система конкретного языка. Любая цепочная предикация, по сути, является манифестацией алгоритма построения высказывания – алгоритма, которому любой носитель языка (при условии соблюдения им языковых норм) неосознанно, но неизбежно следует.

Особенно наглядно то, как элементы внутренней формы находят свое формальное выражение в соответствии с этим предписанным системой языка алгоритмом, видно при сопоставлении планов выражения одного и того же плана содержания в разных языках. Материалом для такого сопоставления могут служить высказывания и их переводы на иностранный язык. Так, например, можно проанализировать, как отдельные компоненты мыслительного содержания находят свои формальные реализации на примере рассматриваемой в данной статье паре предложений: *Он – молодец! А главное: он не внезапный исцелитель общественных ран. – His strength lies in the fact that he doesn't attempt to cure all the social ills with one blow.*

Анализ подробно рассмотренной выше словоформы *исцелитель* уже позволяет проследить, как обусловленный коммуникативными потребностями отправителя сообщения набор семантических компонентов данной словоформы предопределил выбор синтаксической структуры в русском и английском языках. Оба предложения выражают отношения характеризации по свойству. Русский язык использует для этого вполне типичную грамматическую конструкцию с субстантивным сказуемым квалифицирующего типа, тогда как английский язык прибегает к использованию составного глагольного сказуемого, что обусловлено необходимостью выразить все элементарные компоненты смысла для обеспечения переводческой эквивалентности.

Действительно, лексическая система английского языка не располагает точным эквивалентом русского слова *исцелитель*. Для перевода слова *целитель*, переводчик, вероятно, воспользовался бы словом *healer* (ˈцелитель, врачеватель'), которое, так же как и русское *целитель*, мотивировано глаголом. Однако и русское *целитель*, и английское *healer* чаще всего прочитываются как сообщающие о роде деятельности объекта характеризации, а глагольный префикс *ис-* диктует высказыванию событийный ракурс. Переводчик совершенно правильно, на наш взгляд, прочитывает эту внутреннюю предикацию, как ˈ*он не пытается излечить*' (*he doesn't attempt to cure*). Рас-

сматриваемая пара предложений, как уже было сказано выше, выражает отношения характеризации или приписывания свойства, в данном случае свойства процессуального. Иного способа выражения значения процессуальности, кроме использования глагольного предиката, у переводчика не было.

Если продолжить анализ, можно обнаружить следующую предикацию: производный смысл *внезапный*, выступающий предикатором по отношению к производному смыслу *исцелитель общественных ран*. Слово *внезапный*, толкуемое словарями как ˈпроисшедший, наступивший неожиданно, непредвиденноˈ [Ефремова 2000; Ожегов, Шведова 2006: 87], также диктует высказыванию событийный ракурс. Кроме того, слово *внезапный* в словаре В.И. Даля толкуется как ˈмгновенный, скорый, быстрый; порывистыйˈ [Даль 2006: 280]. Это значение одномоментности дублируется также рассмотренным выше глагольным префиксом *ис-*, который модифицирует вид глагола *исцелить*, мотивирующего лексему *исцелитель*. Глагол *исцелить* является глаголом совершенного вида, а глаголы совершенного вида «реализуют два семантических различия. Первый – это однократность, когда действие представлено как точка, т.е. такое, начало и конец которого совпадают (поцеловать, посетить, толкнуть и т.п.). <…> Второй – это результативность, когда действие представлено как отрезок, ограниченный конечной точкой, т.е. такой точкой, после которой действие не может продолжаться в силу своей внутренней исчерпанности (построить, написать, выучить и т.п.)» [Милославский 2015: 12]. Безусловно, этот дважды выраженный в исходном тексте компонент мыслительного содержания должен был быть передан при переводе, и переводчик модифицирует производный смысл, выраженный придаточным предложением *he doesn't attempt to cure all the social ills*, при помощи фразеологизма *with one blow*.

Здесь представляется целесообразным сделать небольшое отступление и заметить, что подобный анализ позволяет не только проследить, как одно и тоже мыслительное содержание находит свое актуальное выражение в разных языках, но также до некоторой степени ответить на вопросы и о более глубинных причинах наблюдаемых расхождений – причинах, заложенных в самой системе того или иного языка. В нашем примере мы видим, что английский язык, в отличие от русского, оказался бессилен выразить процессуальный, событийный ракурс высказывания средствами однословной номинации и вынужден был выносить на синтаксический уровень тот компонент смысла, который русский язык выразил на морфемном.

Первым и наиболее очевидным объяснением данного факта является несовпадение систем лексических значений в разных языках. Г.П. Мельников предлагает следующий ответ на вопрос о глубинных причинах, побудивших русский язык выработать чрезвычайно широкие словообразовательные возможности, которые позволяют русскому языку выразить, например, событийный ракурс высказывания с помощью составного именного сказуемого с именем существительным в именной части. Исследователь утверждает, что русский язык является языком высоко номинативного строя, т.е. стремится описать любой фрагмент внеязыковой действительности как развивающееся событие, что обусловлено коммуникативными потребностями языкового коллектива, а именно: значительным количеством носителей, значительной территорией распространения языка, оседлостью и, как следствие, цепочным характером контактов. Перечисленные факторы диктуют необходимость при описании любого события или явления отразить все стадии существования этого события или явления, поскольку адресат обычно не знает, как событие возникло, как оно развивалось и к какому результирующему состоянию пришло.

Понимание внутренней формы высказывания как последовательности, цепи предикаций может предоставить эффективный инструментарий, позволяющий вскрыть механизм построения высказывания носителем языка и выявить, как именно лекси-

ческая и синтаксические системы языка детерминируют своеобразие синтаксиса русского языка. Анализ внутренней цепочной предикации позволяет отследить, как конкретный коммуникативный замысел во многом предопределяет выбор синтаксической конструкции еще на этапе номинации (при поиске средств номинации среди узуально закрепленных значений корневых и словообразовательных морфем), и как затем осуществляется окончательное развертывание высказывания в соответствии с предписаниями синтаксической системы рассматриваемого языка.

Такое детализированное описание процесса развертывания высказывания, в свою очередь, позволяет выявить и описать причины наблюдаемого своеобразия, а также до некоторой степени объяснить наблюдаемые расхождения в способах синтаксического оформления одного и того же мыслительного содержания в разных языках, будь то расхождения в лексических системах разных языков, их типологическая принадлежность, и даже вскрыть некоторые глубинные причины этих расхождений, например, стремление русского языка описать любую внеязыковую ситуацию как развивающееся событие.

Литература

1. *Гумбольдт В. фон* Избранные труды по языкознанию. М., Прогресс, 1984. 400 с.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., РИПОЛ классик, 2006. 785с.
3. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. М., Русский язык, 2000. Т. 1. 1213 с.
4. *Мельников Г. П.* Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной. М., Издательство РУДН, 2000. 90 с.
5. *Милославский И.Г.* Видовая принадлежность русского глагола в обеспечении рецептивной и продуктивной речевой деятельности // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка, 2015. Том 74. № 1. С. 11-18.
6. *Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
7. Русская грамматика / Под ред. *Н. Ю. Шведовой.* М., Наука, 1980. 784 с.
8. *Федосюк М.Ю.* Он умер или He is dead? Сопоставительный синтаксис русского простого предложения в аспекте активной грамматики, Вестник МГУ. Серия 19, 2005. № 4. С. 9-18.
9. *Федосюк М.Ю.* Синтаксис современного русского языка. М., ИНФРА-М, 2012. 245 с.

ВОЗМОЖНЫ ЛИ ВАРИАНТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ?

Л.П. ИВАНОВА

НПУ имени М.П. Драгоманова, Украина

lupiv1303@gmail.com

Ключевые слова*: вариант языка, интерференция, диалект, койне, пиджин, креолизация, суржик.*

В статье предпринимается попытка на базе анализа различных форм контактирующих языков (диалекты, койне, пиджины, креольские языки, суржик, трасянка) выделить отличия их от варианта языка на фоне общепризнанных вариантов английского языка в США, Австралии, Канаде, сформулировать его признаки (литературная форма, развитая система функциональных стилей, высокохудожественные произведения), сделать прогноз по поводу возможностей формирования вариантов русского языка на постсоветском пространстве.

LIUDMILA IVANOVA – Are the Variants of Russian Language Possible in the Post-Soviet Space?

Key words: *language variant, interference, dialect, koine, pidgin, creolization, surzhik.*

The article attempts to analyze the different forms of contacting languages (dialects, koine, pidgin, Creole languages, surzhik, transyanka) to distinguish them from the language version against the background of generally accepted variants of English in the USA, Australia, Canada, to formulate its signs (literary form , a developed system of functional styles, highly artistic works), to make a prediction about the possibilities of forming variants of the Russian language in the post-soviet space.

К размышлениям над данным вопросом (или уже проблемой?) меня побудил ряд фактов.

В связи с этим Е.А. Хелемский пишет: «Большую роль в развитии литературного языка сыграли прямые и косвенные языковые контакты английского языка с языками, связанные с распространением английского языка за пределы Англии. Последнее

привело к формированию вариантов английского языка в США, Канаде и Австралии, отличающихся от литературного английского языка главным образом в произношении и лексике.

Сходные типы специфических признаков обнаруживает и австралийский вариант, различные элементы которого менее многочисленны. На английский язык в Канаде заметное влияние оказывают как американский, так и британский варианты английского языка» [Хелемский, ЛЭС 1990 : 33].

Таким образом, вариантность касается фонетики (произношение отдельных звуков и интонация) и лексики. Варианты формируются на базе литературных языков. Причина формирования указанных вариантов английского языка – контакты с другими языками за пределами Англии. От себя подчеркнем, что все указанные страны находятся на большом расстоянии от ареала материнского языка, а 200 лет назад вообще можно было говорить об оторванности от родных языковых корней и культуры, что и позволило сформировать специфические этносы.

Еще один важный фактор – ментальный. К сожалению, нам не удалось найти исчерпывающего этнопсихолингвистического описания австралийцев и канадцев, поэтому в своих предположениях опираемся на косвенные данные. Среди них утвердившееся со времен В. фон Гумбольдта положение о том, чтов языке отражается мировидение народа – его носителя. Исторически сложилось так, что формирование этноса в Великобритании резко отличается от аналогичных процессов в Австралии и Канаде. Думается, что указанный факт наложил отпечаток на соответствующие национальные характеры, а через них – на языки.

Авторы других не менее авторитетных лингвистических словарей сводят вариантность к отдельным языковым единицам. Так, Т.В. Матвеева отмечает: «Варианты – разные проявления одной и той же языковой единицы, обусловленные разнообразием позиции в речевом ряду, стилистического задания, цели и говорящего. Вариант имеет частичные различия, что не разрушает целостного характера варьирующей языковой единицы» [Матвеева 2010 : 50].

Аналогичное мнение высказывает Е.А. Селиванова [Селиванова 2006: 57] и авторский коллектив Л.П. Столярова, Т.С. Пристайко, Л.П. Попко [Столярова, Пристайко, Попко 2003: 23].

Попытаемся реконструировать ход формирования варианта. На начальных этапах – это языковые контакты.

Вяч. Вс. Иванов характеризует их следующим образом: «Контакты языковые (от лат. contactus – прикосновение) – взаимодействие двух или более языков, оказывающее влияние на структуру и словарь одного или многих из них…

…возможно либо активное владение двумя языками (двуязычие в строгом смысле слова, когда каждый из говорящих может говорить на том и другом языке), либо пассивное понимание чужого языка. По новейшим данным нейролингвистики, контакты языковые осуществляются внутри каждого из двуязычных говорящих таким образом, что одно полушарие коры головного мозга владеет одним языком (обычно левое, или доминантное, владеет главным языком общения в данном ареале, например, американским вариантом английского языка в США), тогда как другое полушарие (чаще всего правое) понимает или знает в ограниченной степени второй язык (например, один из американских индейских в США); по каналам межполушарной связи формы одного из языков, находящихся в языковом контакте, передаются в другое полушарие, где они могут включаться в текст, произносимый на другом языке, или оказывать косвенное влияние на строение этого текста…

К наиболее распространенным результатам языковых контактов относится возможность изменения системы фонем одного (или обоих) контактирующих языков» [Иванов, ЛЭС 1990: 237].

Результаты контактов языков: 1) креолизация – упрощение языка до уровня детской речи; 2) победа одного языка (английский в США и Канаде), репрезентирующего основную систему; 3) видоизменение основного языка общения под влиянием языка более престижного, ноне становящегося основным – диглоссия (разные изводы церковнославянского языка у южных и восточных славян).

Все указанные явления начинаются в индивидуальном сознании, на что указывает нейролингвистика.

Аналогично характеризуются языковые контакты в словаре Ф.С. Бацевича и Г.Ю. Богданович [Бацевич, Богданович 2011: 117]. Н.П. Тропина к указанному добавляет перечень контактных языков (пиджины, креольские языки, лингва франка) [Тропина 2013: 43].

Перечисленные языковые явления, к характеристике которых обратимся ниже, противопоставлены стабильному диалекту.

Наиболее полное из всех рассматриваемых источников определение интерференции дает В.А. Виноградов: «Интерференция (от лат. inter – между собой, взаимно и ferio – касаюсь, ударяю) – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия….., складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного.

Интерференция проявляется как иноязычный акцент в речи человека, владеющего двумя языками; он может быть стабильным (как характеристика речи коллектива) и преходящим (как особенность чьего-либо идиолекта). Интерференция способна охватывать все уровни языка, но особенно заметна в фонетике (акцент в узком смысле слова). Главный источник интерференции – расхождения в системах взаимодействующих языков: различный фонемный состав, различные правила позиционной реализации фонем, их сочетаемости, различная интонация, различное соотношение дифференциальных и интегральных признаков… различный состав грамматических категорий и/или различные способы их выражения и т.п.

Термин «интерференция» используется также для обозначения ее результата» [Виноградов, ЛЭС 1990 : 197].

Аналогично характеризуют интерференцию Ф.С. Бацевич, Г.Ю. Богданович [Бацевич, Богданович 2011: 90], Л.П. Столярова, Т.С. Пристайко, Л.П. Попко [Столярова, Пристайко, Попко 2003: 47], Н.П. Тропина [Тропина 2013: 36-37].

В аспекте формирования варианта языка в данном определении важно следующее: 1) интерференция возникает в индивидуальной речи; 2) проявляется сначала в виде акцента, захватывает фонетику, а затем все остальные ярусы языковой структуры; 3) закрепляется в речи коллектива.

Подчеркнем, что все рассмотренные определения интерференции делают акцент на ее аномальности, т.е. отклонении от нормы.

Таким образом, интерференция – важнейший этап в процессе формирования смешанных языков, среди них наиболее изученными являются креольские языки пиджины, койне.

Начнем с койне как самой древней формы смешения языков.

В.А. Виноградов пишет: «Койне (от греч. koinedialektos – общий язык) – функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков.

Первоначально термин «койне» применялся в лингвистике лишь к общегреческого языка, сложившемуся в эллинистический период (IV-III вв. до н.э.)…» [Виноградов, ЛЭС 1990: 230]. От себя напомним про киевское койне XI-XIVвв.

Однако толкование койне расширилось: «В современной социолингвистике койне понимается… как любое средство общения (главным образом, устного), обеспечивающее постоянную коммуникативную связанность некоторого региона; различаются городские койне и койне ареала (страны). В роли койне может выступать наддиалектная форма определенного языка, развившаяся на базе одного или нескольких диалектов, а также один из языков, представленных в данном ареале…

Койне служит важной предпосылкой формирования литературного языка (особенно городское койне)» [Виноградов, ЛЭС 1990 : 230].

Закономерно соотнесение койне с пиджином: «Иногда койне рассматривается в одном ряду с пиджинами, однако процесс формирования койне существенно отличен от пиджинизации, предпологающей ощутимую структурную модификацию языка-источника, тогда как койне развивается, как правило, по линии сохранения и обогащения языка или диалекта, становящегося койне; пиджин формируется в условиях контактирования и взаимовлияния разных языков, тогда как койне чаще всего (хотя и не всегда) складывается на базе диалектов одного языка или на базе близкородственных языков, в отдельных случаях пиджин может приобрести функции койне, ...развиваясь затем в сторону креольского языка…» [Виноградов, ЛЭС 1990 : 230].

В качестве примера письменного койне автор приводит латынь как научно-письменную форму в средневековой Европе.

Аналогичную характеристику койне дает Л.П. Столярова, Т.С. Пристайко, Л.П. Попко [Столярова, Пристайко, Попко 2003: 53] и Н.П. Тропина [Тропина 2013: 37-38].

Таким образом, для койне характерны: 1) устная форма (хотя возможна и письменная латынь); 2) сохранение и обогащение языка или диалекта, становящегося койне; 3) формируется на базе одного языка или близкородственных языков; 4) в отличие от пиджина не претерпевает модификации.

Койне призван обеспечивать коммуникативную связанность региона, он является предпосылкой формирования литературного языка. Подчеркнем, что вариант языка литературной формой обладает.

Еще одной категорией, соотносимой с пиджином, являются креольские языки.

М.В. Дьячков пишет: «Креольские языки – языки, сформировавшиеся на основе пиджинов и ставшие родными (первыми) для определенного коллектива их носителей» [Дьячков, ЛЭС 1990: 245].

Н.П. Тропина продолжает сопоставление: «В отличие от пиджина имеет более широкий набор коммуникативных функций: обслуживает общение не только в деловой сфере, но используется и как язык семейного общения, усваивается детьми естественным путем и становится родным уже для второго поколения людей, пользующихся пиджином» [Тропина 2013 : 44].

Ф.С. Бацевич и Г.Ю. Богданович отмечают, что пиджин – искаженная форма англ.business – дело, это упрощенный язык-посредник в полиэтническом обществе [Бацевич, Богданович 2011: 183].

По утверждению Н.П. Тропиной, креольский язык, как и пиджин, является максимально простым: «… для иностранного креольского языка характерно отсутствие словоизменения; фиксированный порядок слов, служебные слова и паузы служат основным средством передачи грамматических значений. Вместе с тем, при креолизации происходит структурное усложнение пиджина – появляются постпозитивные частицы – грамматические показатели вида, времени и модальности глагола, редупликация как показатель множественности, стандартизируется синтаксис. Фонетическая система креольского языка формируется на основе языка-источника, иногда с добавлением 2-3 фонем. Лексика характеризуется отсутствием синонимии и полисемии» [Тропина 2013: 44-45].

Аналогично характеризует креольские языки М.В. Дьячков [Дьячков, ЛЭС 1990: 230].

Вырисовываются следующие основные признаки креольских языков:

1) используются при ситуативно ограниченных контактах народов и языков;

2) имеют упрощенную грамматику и словарь;

3) отсутствует письменная форма или она только формируется (младописьменность);

4) может быть переходным этапом от пиджина к этническому языку.

В языкознании Украины и Белоруссиирассматривается еще один вид смешения языков– суржик и трасянка.

Н.П. Тропина о суржике пишет: «суржик (переносное от «смесь зерна разных злаков: ржи и пшеницы, ржи и ячменя и т.д., мука и хлеб из такой смеси»).

1. Неофициальное название ненормативной речи, особенностью которой является смешение элементов украинского и русского языков. Характерным лингвистическим признаком суржика являются вкрапления лексических элементов русского языка в речь, в целом, сохраняющую фонетический и грамматический строй украинского либо элементов украинского языка в русскую речь. Носителями суржика являются люди с низкой общеязыковой культурой, в достаточной мере не владеющие ни стандартным украинским, ни стандартным русским языком» [Тропина 2013: 116]. Причиной возникновения суржика является длительное контактное двуязычие диглоссного типа [Тропина 2013: 116].

Таким образом, главные признаки суржика:

1. Использование в ненормативной речи недостаточно грамотных людей. 2. Как правило, суржик проявляется во вкраплениях лексических элементов. 3. Касается взаимодействия систем русского и украинского языков: хотя Н.П. Тропина приводит и расширенное понимание суржика как всякой смеси языков: французский и английский в Квебеке (Канада) – «жуаль», смесь испанского и английского, на котором говорят в США некоторые выходцы из Латинской Америки, – «спанглиш» [Тропина 2013: 118].

По нашим наблюдениям, суржик проявляется не только в лексике, но и в фонетике (отсутствие аканья, фрикативные согласные и др.), морфологии («клична» форма в украинском языке и утраченный в русском языке звательный падеж), синтаксисе (в Украину / на Украину) и др.

Суржик во многом совпадает с трасянкой – явлениями русско-белорусской интерференции. Н.П. Тропина указывает: «Трасянка (белорусское перен. от «смесь свежей травы и сена, сена и соломы» «трясуць-трясут) – неофициальное название ненормативной речи белорусов, особенностью которой является смешение элементов белорусского и русского языков» [Тропина 2013: 119].

Приведенные характеристики вызывают много вопросов. Прежде всего, их наложение: и койне, и креольские языки, и пиджины, и суржик с трасянкой функционируют только в устной форме на определенной территории. Трудно выделить признаки, присущие только одной из указанных форм контактирующих языков и не повторяющиеся в других. Предшествуют ли они возникновению варианта языка? Соотносятся как-то сним?

Рассмотрев различные формы контактов языков и результаты этих контактов, приходим к выводу об отсутствии четких однозначных критериев их разграничения, а потому и отсутствие критериев определения варианта языка, в частности – русского на постсоветском пространстве.

Вне всякого сомнения, в индивидуальном сознании носителей национальных языков часто происходят процессы интерференции, но в речи носителей норм литературного языка они практически нивелируются. Истинные билингвы безукоризнен-

но говорят на обоих языках. Уровень владения русским языком обусловлен рядом факторов. Основные среди них:

1) обучение на должном уровне в школе; 2) общение в семье; 3) использование русского языка в СМИ; 4) наличие образцов хорошей русской речи (радио, телевидение, театр). Отметим, что и в России в этом плане далеко не все обстоит благополучно, что вызывает законную тревогу ученых и общественности.

По нашему глубокому убеждению, вариант языка должен иметь литературную форму – обладать четкими закономерными нормами, использоваться во всех сферах общения, т.е. обладать развитой системой функциональных стилей, на нем должны создаваться художественные тексты, представляющие ценность.

На постсоветском пространстве роль русского языка ослабла, он либо перестал преподаваться, либо преподается в значительно сокращенном объеме. В силу политических причин утрачиваются образцы русской речи. Все эти факторы заметно снижают культуру русской речи, интерференционные процессы становятся ярче и очевиднее. Тем не менее, о вариантности пока говорить рано. ВСША, Австралии, Канаде, где безоговорочно признаются варианты английского языка, последние используются во всех сферах, они стали нормой, приобрели статус литературного языка. На этих языках создается художественная литература мирового уровня (М. Твен, Э. Хемингуэй и мн. др.). В силу географических обстоятельств контакты языков метрополии и новых стран были слабыми, что также способствовало формированию варианта языка.

Подытоживая, отметим, что политические условия в некоторых странах на постсоветском пространстве создают почву для формирования вариантов русского языка, но этот процесс, даже если он будет в дальнейшем интенсивно развиваться, находится в зачаточном состоянии.

Литература

1. *Бацевич Ф.С.*, *Богданович Г.Ю.* Українсько-російський словник термінів міжкультурної комунікації / Под ред. *Ф.С. Бацевич, Г.Ю. Богданович*. Саки: Фенікс, 2011. 284 с.

2. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / г. ред. *В.Н. Ярцева*. М: Сов.Энциклопедия. 1990. 685 с.

3. *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. Ростов-н-Д.: Феникс, 2010. 562 с.

4. *Селіванова Олена*. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава: Довкілля – К. 2006. 716 с.

5. *Столярова П., Пристайко Т.С., Попко Л.П.* Базовый словарь лингвистических терминов. К.: Изд-во Гос. Академия руководящих кадров культуры и искусств, 2003. 192с.

6. *Тропина Н.П.* Учебный социолингвистический словарь-справочник / Н.П. Тропина. Херсон: Из-ль Д.С. Гринь, 2013. 150 с.

РУССКО-НАЦИОНАЛЬНЫЕ СЛОВАРИ: СТРУКТУРА И СОСТАВ СЛОВНИКА

Р.Н. КАРИМУЛЛИНА

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Татарстан, Россия

re_ka@mail.ru

Ключевые слова: лингвография (лексикография), макроструктура, словник, двуязычный словарь.

Статья посвящена анализу макроструктуры двуязычных (русско-татарских) языковых справочников второй половины XX-начала XXI века, а также проблемам формирования словника. Проведенный анализ русско-национальных словарей выявляет характер недочетов в структуре справочника, в словнике (малооправданное включение / отсутствие единиц, нарушение алфавита и т.п.), что свидетельствует о важности и необходимости проведения большей системности в лингвоописании.

REZEDA KARIMULLINA – Russian-national dictionaries: structure and composition of the vocabulary

Key words: *linguography (lexicography), macrostructure, vocabulary, a two-language dictionary.*

The paper is devoted to the analysis of two-language (Russian-Tatar) language reference books of the second half of the 20th-beginning of the 21st cc and to the issues of vocabulary formation. The analysis of Russian-national dictionaries reveals the nature of drawbacks in the reference book structure and in the vocabulary (unsubstantiated inclusion/absence of units, breaches of alphabetical order, etc.), which testifies to the necessity of greater system in linguography.

Бурное развитие лингвографии[11] (лексикографии), в том числе двуязычной, предполагает не только создание новых языковых справочников различных типов, но и обобщение информации, систематизацию, представляемой словарями.

Объектом нашего исследования являются более 200 изданий автономных двуязычных (русско-татарских) справочников второй половины XX – начала XXI века, включая переиздания, не считая отдельные тома многотомных словарей.

К макроструктуре относятся разделы лингвографического издания (предисловие, введение, список сокращений, приложения и т.д.), отбор и характер словника, принцип расположения словарных статей.

Анализ макроструктуры словарей позволяет более полно представить лингвистическую информативность языковых справочников.

Основным компонентом из несловарных частей языкового справочника является ***введение*** *(или* ***предисловие****). В нем объясняются основные принципы составления словаря, содержится информация о назначении словаря, о структуре словарной статьи и т.д. Важно, чтобы в предисловии содержались сведения обо всех материалах, представленных в языковом справочнике. Показательными в этом отношении являются такие словари, как «Татарско-русский словарь» (2007), «Толковый словарь татарского языка» (2005, 2015), Орфографический словарь (2010), авторские словари и др.*

Одной из особенностей метаязыка словаря является широкое использование **условных сокращений и обозначений**. Нередко в анализируемых словарях встречаются справочники, в которых сокращения используются, но сам список не представлен или в нем отражены не все условные сокращения и обозначения. Так, в «Тематическом словаре французских заимствований в татарском языке» (2001) можно встретить сокращения *гр., кельт.* – на русском и *f, pl, m, sg, v* и др. на французском языках, однако перечень сокращений в словаре не представлен.

Важной характеристикой словаря являются также количественные данные о представленных единицах, необходимые для полного описания справочника, целесообразно эти сведения выносить на титульный лист и включать в аннотацию. Среди анализируемых словарей только у 47% приводится информация о количестве описываемых единиц.

При включении ***алфавита*** *«нужно принимать во внимание пользователя, <…>, очень полезно указать обычный алфавитный порядок букв языка-источника, если он отличается от алфавита языка-реципиента» [Zgusta 1988: 344]. По нашему мнению, оправданным является включение алфавита только входного языка. Подача двух алфавитов целесообразна для бископальных языковых справочников. В некоторых случаях включен алфавит языка, который в словаре представлен как язык-источник для отдельных единиц, например, в «Медицинском русско-татарском толковом словаре» (2003), «Русско-татарском музыкальном словаре» (2007) помимо русского и татарского алфавита, есть латинский алфавит.*

---

[11] Под *лингвографией* понимается ″междисциплинарная область языкознания, занимающаяся теорией и практикой составления языковых справочников (словарей) <…>″ [Компьютерная 1995: 8], а также совокупность языковых справочников.

Для двуязычных словарей важным является вопрос о том, на каком языке представлены их составные части. Нередко это зависит от того, кому адресован справочник – монодирекциональный (имеющий одного адресата) или бидирекциональный (имеющий двух адресатов). Последний тип больше распространен, что обусловлено практическими соображениями (меньше затрат на создание справочника).

Для рассматриваемых словарей целесообразной в настоящее время является подача макроструктурных компонентов на двух государственных языках республики Татарстан (русском и татарском). Это способствовало бы расширению круга пользователей, облегчило бы в современных условиях доступ к словарным данным для лиц, не владеющих или недостаточно владеющих татарским языком, но интересующихся его особенностями и материалами.

Одна из аксиом лингвографии гласит: «качество словника в значительной мере предопределяет качество словаря» [Берков 2004 : 16]. Формирование словника и определение принципов подачи заголовочных единиц – важнейший компонент лингвографирования; характер этой деятельности во многом определяется типом словаря, его назначением.

В словарной деятельности четко определенного объективного критерия отбора слов для языкового справочника нет. Как правило, составители словарей руководствуются принципом нормативности, предполагающий включение единиц современного литературного языка без помет (например, устар., диал. и т.п.). При этом ряд вопросов - насколько двуязычный словарь должен быть нормативным и какое место отвести разговорной лексике и т.д. - остается открытым. При составлении словника немаловажное значение имеют субъективные факторы. Трудно предписать лексикографу, какие слова должны входить в состав словника.

По мнению многих исследователей, важно руководствоваться критерием частотности, включением замкнутых лексических групп и т.п. (см. [Берков 2004; Галиуллин 2000; Юлдашев 1972]).

В языковых справочниках, в особенности дидактического характера, должна включаться информация о том, каких принципов придерживаются авторы при составлении словаря (отбор материала, особенности его размещения, подачи и описания), однако зачастую эти сведения незначительны или вовсе отсутствуют (см., например, «Русско-татарский словарь: приложение к хрестоматии по литературному чтению» (1957, 1960), «Детский русско-татарский иллюстрированный словарь» (1998) и др.).

Выявленные в результате анализа языковых справочников ошибки, касающиеся словника, можно распределить по группам.

1. Малооправданное или неоправданное включение единиц в состав словника.

2. Неоправданное отсутствие слов в составе словника.

Подобного рода недочеты нередко встречаются в терминологических словарях; в частности, сомнительно включение в состав словника печень, психиатр, похмелье *(«Русско-татарский словарь технических терминов», 2000);* ветер мартеновский, газобетон *(«Русско-татарский словарь гигиенических терминов», 1999).*

При отборе словника языкового справочника не всегда учитываются материалы соответствующих лингвографических классов, иногда минимальных, двухкомпонентных (например, антонимического характера): дни недели, месяцы, числительные от одного до девяти (с учетом словообразования), времена года, палитра цветов и т.п.

Например, в «Школьном русско-татарском словаре» (1989) отсутствует отчим*, хотя приведено слово* мачеха*, есть термины* морфология, синтаксис, грамматика, орфография, омоним, синоним*, отсутствуют* фонетика, антоним*, в «Русско-татарском карманном словаре» (1997) есть* минус*, отсутствует* плюс*, есть* же-

них, *но нет слова* невеста, *приводятся слова* курятина, телятина, свинина, *но почему-то не включены* говядина, баранина, *есть* библия, *но нет* корана; *в «Татарско-русском, русско-татарском словаре» (1999) есть* вторник, четверг, пятница, воскресенье, *но отсутствуют* понедельник, среда, суббота, *приводятся* именительный, винительный и дательный *падежи, отсутствуют* родительный, творительный и предложный. *Антонимы в словаре также отражены неполно: представлены слова* древний, щедрый, передний, сильный, голодный, *но нет антонимов:* современный, жадный, задний, слабый, сытый.

Вызывает сомнение включение названий предметов, явлений (например, слова маис, нарта, тутовник *в «Школьном русско-татарском словаре», 1989), не актуальных для нашего региона.*

Нередко в словарях наличествуют производные слова при отсутствии употребительных производящих лексем; в частности, в «Базовом татарско-русском, русско-татарском словаре для школьников» есть слово зайчик, *но нет* заяц, *дается слово* западный, *при этом не включено в словарь слово* запад *и т.п.*

В «Русско-татарском словаре исторических терминов» есть архаизм, антагонизм, либерализм, *но нет* анархист, антагонист, либералист; *однако есть* монархисты, *но нет* монархизм; *есть* ханство, княжество, *но нет* хан, князь; *однако есть* царь, *но нет* царство.

В некоторых словарях встречается нарушение алфавитного порядка слов. Недочет, на первый взгляд, незначительный, но если слово стоит не на своем алфавитном месте, то оно не может быть найдено пользователем, а это снижает информационный потенциал справочника (см., например, «Краткий школьный татарско-русский словарь и русско-татарский словарь»: репа, **рис**[12], решить <…>; **родной**, рождение, **родился**, рожь <…> *и т.п.*

Недопустимо, чтобы в словаре, к какому бы типу он не относился, были бы орфографические ошибки. Так, в «Тематическом словаре французских заимствований в татарском языке» были замечены следующие единицы с ошибочным написанием: компромис (вместо компромисс), беф-Строганофф (вместо бефстроганов), афёра (в орфоэпических словарях данная форма отмечается пометой разг., литературная норма -афера).

Проведенный анализ двуязычных словарей позволил выявить характер недочетов в словнике языковых справочников, а также в компонентах макроструктуры, что свидетельствует о важности и необходимости проведения большей системности в лингвоописании, чему в немалой степени будет способствовать компьютерно-информационная поддержка лингвографии.

Литература

1. *Берков В.П.* Двуязычная лексикография: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. М., АСТ: Астрель, 2004. 236 с.

2. *Галиуллин К.Р.* Русская и татарская лингвография: научно-информационное обеспечение: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2000. 343 с.

3. Компьютерная лингвография / К.Р.Галиуллин, Д.Р.Валиахметова, Н.А.Обносова, В.Н. Виноградова, С.Л. Наумова, Н.А. Чишковская; науч. ред. Н.К. Замов, К.Р. Галиуллин. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1995. 119 с.

4. *Юлдашев А.А.* Принципы составления тюркско-русских словарей. М.: Наука, 1972. 416 с.

5. *Zgusta L.* Lexicography today; an annotated bibliography of the theory of lexicography. Tubingen; Niemeyer, 1988. 348 p.

[12] Единицы, которые находятся не на алфавитном месте выделены курсивом.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

М.Д. КЕСАЯН
Ереванский государственный университет, Армения
kesayan. marina@ysu.am

Ключевые слова: *фразеология, фразеологизм, языковые единицы, омонимия, омоним, гнезда омонимов.*

Данная статья посвящена явлению фразеологической омонимии как одной из актуальных проблем фразеологии. Вопросы омонимии давно привлекают внимание фразеологов, однако спорными остаются вопросы о том, как соотносятся между собой фразеологизм и его прототип, а также вопрос о характере отношений омонимии внутри фразеологической системы. В статье также проводится сравнение с аналогичной проблемой в армянской фразеологии.

MARINA KESAYAN – On some aspects of phraseological homonymy in russian and armenian languages

Key words: *russian phraseology, phraseological homonymy, armenian phraseology, phraseologism and its prototype, phraseological system.*

The article is devoted to the phenomenon of phraseological homonymy as one of the topical problems of phraseology. The issues of homonymy have for a long time attracted the attention of phraseologists, however the issues on how the phraseologism and its prototype correlate with each other as well as the issue of the character of relations of homonymy within the phraseological system are still disputable. The comparison with an analogous problem in the Armenian phraseology is presented in the article as well.

Интерес к проблеме омонимии возник в русском языкознании еще в 20-е годы прошлого столетия. Данной проблеме посвящены работы Л.А. Булаховского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова. Позже вопросы омонимии исследовались О.С.Ахмановой и А.И. Смирницким.

Несмотря на то, что все исследователи, говоря об омонимии, понимают под этим явлением, казалось бы, одно и то же, единого, общепринятого определения омонимов до сих пор нет. В лингвистической литературе приводятся десятки различных определений, общим элементом которых является лишь признание тождества языковых единиц в плане выражения (ПВ) и различие их в плане содержания (ПС). Под тождеством чаще всего понимают тождество звучания омонимичных пар, внешней звуковой формы слов, их звукового строя, внешнее совпадение по звуковой оболочке.

Существенной особенностью омонимов (как внутриязыковых, так и межъязыковых) является их соотносительный характер. По общему признанию, слово попадает в категорию омонимов лишь в том случае, когда оно соотносится с каким-либо другим словом (омонимичная пара) или словами (омонимичный ряд), имеющими такую же форму, но другое значение.

В ряде работ отечественных и западноевропейских лингвистов термин «омонимия» употребляется в широком значении, как синоним слова омофония. Омонимией в широком смысле слова называют «одинаковое произношение нетождественных одноименных значимых языковых единиц любого характера (одинаковых или разных по происхождению и написанию, совпадающих в произношении во всех или не во всех формах): минимум двух приставок, корней, суффиксов, окончаний, слов или словоформ, фразеологических оборотов, свободных или синтаксически несвободных словосочетаний, предложений. Омонимия, как и паронимия – лишь часть омофонии, то есть всегда одинаково произносимое в языке» [Данилов 1972: 37-46].

Существует традиционный взгляд на омонимию, позволяющий выявить общие черты в классификациях: омонимия как явление понимается достаточно широко. Большинство ученых придерживаются уже ставшей традиционной классификации, в которой все омонимы делятся на четыре типа: лексические омонимы, фонетические омонимы (омофоны), графические (омографы), лексико-грамматические (омоформы).

По аналогии с выделением в рамках одного языка лексических омонимов, омофонов, омографов, можно говорить о подобных разновидностях межъязыковых соответствий омонимичного характера.

Многочисленные толкования омонимов, разнообразие их классификаций красноречиво свидетельствует о том, что довольно трудно дать строгое определение соответствующему лингвистическому понятию.

Широкое истолкование понятия омонимии как звукового совпадения разных языковых единиц, которые семантически не связаны друг с другом, предполагает ряд уточнений, которые будут раскрыты в дальнейшем изложении.

Вопросы омонимии во фразеологии давно привлекают внимание фразеологов, однако спорными остаются вопросы о том, как соотносятся между собой фразеологизм и его прототип, а также вопрос о характере отношений омонимии внутри фразеологической системы.

Факт омонимичности ФЕ и свободного словосочетания признается многими учеными (В.В. Виноградов, Л.И. Ройзензон, М.И. Сидоренко и др.). Исследуя парадигматические отношения во фразеологии, М.И. Сидоренко пишет: «Омонимичность фразеологизма и переменного сочетания слов очевидна: означающие одни и те же, означаемые абсолютно разные: заткнуть за пояс «превзойти кого-либо в чем-либо» и заткнуть за пояс (рукавицу)» [Сидоренко 1982: 57]. Однако исследователи рассматривают такие факты как особое явление, и терминологически обозначают его поразному. В.В. Виноградов выделил подобные случаи и назвал их «омонимическими соответствиями ФЕ и переменного сочетания» [Виноградов 1947: 13-32]. Л.И. Ройзензон использует термины «совмещенная омонимия», «омонимия межуровневая, синтаксически-фразеологическая» [Ройзензон, Абрамец 1969 : 54]. При существующей разнице в терминологии эти исследователи фактически выводят данные языковые явления за пределы собственно фразеологической омонимии, так как в парадигматическом ряду семантически объединяются языковые единицы однородного порядка (т.е. фразеологизмы). Выведение межуровневой омонимии за рамки собственно фразеологической омонимии нам представляется обоснованной, так как соотношение качественно различных единиц противоречит сущности омонимии. Однако как методический прием рассмотрение ФЕ и свободного словосочетания в рамках омонимии может быть оправданным для выделения различий между этими единицами и выявления качественного своеобразия ФЕ.

В случае вынесения межуровневой омонимии за пределы собственно фразеологической омонимии фразеологическими омонимами признаются однотипные единицы, т.е. фразеологизмы. Однако при общности понимания собственно омонимии во фразеологии исследователи выдвигают разные критерии выделения и разграничения фразеологических омонимов.

Впервые попытка рассмотрения и описания омонимических отношений внутри фразеологической системы была предпринята авторами «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А.И.Молоткова. Фразеологическими омонимами они называют ФЕ, «тождественные по своему компонентному составу и по своей структуре», но различающиеся своим лексическим значением настолько, что не могут быть рассмотрены как один фразеологизм с двумя значениями, а только как два самостоятельных, отдельных фразеологизма» [ФСРЯ 1986 : 14]. В 60-е гг., когда создавался словарь, проблема фразеологической омонимии теоретически не была разработана, поэтому составители словаря отметили в качестве омонимических только те единицы, которые бесспорно являются таковыми, т.е. ФЕ структурно однотипные, неизменяемые, не имеющие вариантов и использующиеся в языке только в одной форме употребления, например:

за глаза –1) заочно, в отсутствие кого-либо
(говорить о нем что-либо, смеяться над ним и т.п.);
2) не видя (купить, нанять и т.п.)

за глаза – вполне, с избытком (хватит, достаточно, довольно и т.п.)

на память – наизусть, не смотря в текст, учить, читать и т.п.

на память – для того, чтобы помнить, не забывать кого-либо

(давать, дарить, вручать и т.п.).

Именно поэтому омонимия представляется как явление исключительное – во «Фразеологическом словаре русского языка» всего четыре случая.

Между тем в языке часто встречаются ФЕ, у которых совпадают отдельные формы употребления:

с голоса (с голосу) – на слух (учить, запоминать и т.п.);

с голоса чьего – в соответствии с чьим-либо мнением, следуя чьему-либо мнению

(говорить, судить и т.п.).

На факт омонимичности отдельных форм употребления ФЕ обратил внимание М.И.Сидоренко. Он предложил включить в сферу фразеологической омонимии единицы, у которых одни формы употребления совпадают, а другие нет. При этом критерием является омонимичность ФЕ в исходной форме: «Омонимичными называются фразеологизмы, которые в исходной форме полностью совпадают в структурно – фонетическом (структурно – графическом) отношении и ничего общего не имеют в своем значении» [Сидоренко 1982: 45]. Эта трактовка лежит в основе понимания омонимии в «Школьном фразеологическом словаре русского языка» под ред. В.П. Жукова [Жуков и др. 1987 : 440]. Хотя в предисловии к словарю авторы не раскрывают своего понимания омонимии, материалы показывают, что омонимичные ФЕ могут быть изменяемыми, иметь совпадающие вариантные формы, отличаться синтаксической функцией, словесным окружением.

В соответствии с подобным пониманием не включаются в состав омонимичных ФЕ примеры типа:

до конца (кончиков) ногтей – 1) обст., совершенно, до последней степени;

2) опред., самый настоящий, убежденный.

Эти единицы не включаются в состав фразеологических омонимов, так как относятся к разным лексико-грамматическим разрядам и выполняют разные синтаксические функции. Такого рода соотношения в языке довольно частотны:

по (самое) горло (глотку) – очень сильно, чрезвычайно; адверб.

по (самое) горло (глотку) – много; неопред.-колич.

язык проглотить – замолчать, перестать говорить; глаг.

язык проглотить – очень вкусный; адьект.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что омонимия как лексико-семантическая категория представлена во фразеологии весьма узко.

В армянском языке фразеологизмы-омонимы образуются в следующих случаях.

1. Омонимы образуются на основе действия правила разграничения полисемии и омонимии.

2. Омонимы образуются на основе этимологии. Фразеологизмы, которые имеют те же самые компоненты, выражают разные, этимологически обусловленные, понятия.

3. Омонимы образуются по причине смешения падежных форм (напр. именительного и винительного), так как в словосочетаниях слова подчиняются синтаксическим законам и выражаются внешне схожими, но разными падежными формами.

4. Иногда, омонимы образуются, когда в ФЕ с одинаковым компонентным составом, один из компонентов является многозначным словом, употребленным в разных своих значениях, а другие компоненты идентичны.

В армянском языке, так же как и в русском, фразеологизмов-омонимов несравненно меньше, чем синонимов. Гнезда омонимов немногочисленны, в подавляющем

большинстве состоят из двух, в некоторых случаях из трех фразеологизмов [Գևորգյան 1969: 156].

Литература

1. *Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии // А.А. Шахматов. Сборник статей и материалов (под ред.С.П. Обнорского). М.-Л., 1947.
2. *Данилов А.А.* О некоторых проблемах омонимии // Слово в лексико-семантической системе языка Л., 1972, 98с.
3. *Ройзензон Л.И., Абрамец И.В.* Совмещенная омонимия в сфере фразеологии. Вопросы языкознания. 1969, №2.
4. *Сидоренко М.И.* Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке: Учебн. пособие к спецкурсу. Л., 1982, 103 с.
5. *Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: Рус. яз., 1987. 440 с.
6. *Фразеологический словарь русского языка* / Л.А.Войнова, В.П.Жуков, А.И.Молотков, А.И.Федоров; Под ред. А.И.Молоткова. 4-е изд., стереотип. М., Рус. яз., 1986. – 543 с.
7. *Գևորգյան Ե.Հ.* Հայերենի դարձվածքները. Երևան, 1969, 156 էջ:

КОМПЛИМЕНТЫ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

О.Г. ЛАПШИНА, А. ШАХНАЗАРЯН,
Р. МИКАЕЛЯН, С. ДАВТЯН
Омский автобронетанковый инженерный институт, Россия
ja.zi2015@yandex.ru

Ключевые слова: *комплимент, армянский язык, русский язык.*

В статье описываются комплименты, которые используются в армянском языке. Примеры комплиментов указаны с переводом на русский язык. Сравниваются особенности использования комплиментов в армянском языке и русском языке. В статье группируюся комплименты. Отмечается, что комплименты могут предназначаться как женщинам, так и мужчинам.

OLESYA LAPSHINA, ARTAK SHAHNAZARYAN, RAFAEL MIKAELYAN, SEYRAN DAVTYAN
– Compliments in the Armenian language

Key words: *compliment, Armenian, Russian.*

The article describes the compliments used in the Armenian language. Examples of compliments are given with translation into Russian. The features of the use of compliments in the Armenian and Russian languages are compared. The author groups compliments. Notes that compliments may be intended for both women and men.

Все люди любят комплименты. Их говорят, когда человек нравится. Ими выражают хорошее отношение, похвалу, чувство симпатии, одобрения, восхищения, любви.

Цель нашего доклада – рассказать об особенностях комплиментов в армянском языке, а также сравнить армянские комплименты с комплиментами в русском языке.

Комплимент – это особая форма похвалы, выражение одобрения, уважения, признания или восхищения любезные, приятные слова, лестный отзыв [Нгуен Тху Хыонг 2014].

Ученые относят комплименты к особым речевым актам, выражающим реакцию на поведение, поступки человека [Остин 1986]. Дж. Серль относит комплимент к группе экспрессивных речевых актов, состоящих в выражении психологического отношения говорящего к положению дел [Серль 1986]. Н.Д. Арутюнова относит речевой акт комплимента к группе фатических речевых актов, имеющих целью общение, а не сообщение информации [Арутюнова 1998]. Основным семантическим признаком комплимента является выражаемое им одобрение. Комплимент также является высказыванием, при помощи которого говорящий рассчитывает вызвать положительную эмоциональную реакцию адресата. Отличительной чертой комплимента является повышенная эмоциональность. Комплимент связан с областью межличностных, субъективно эмоциональных отношений и является небольшим «заслуженным» преувеличением достоинств собеседника.

Таким образом, можно дать следующее определение комплимента: это одобрительный фатический речевой акт, направленный на то, чтобы вызвать положительную эмоциональную реакцию адресата, отличающийся субъективностью оценки, небольшим преувеличением достоинств собеседника, повышенной эмоциональностью.

Комплимент – простое, но мощное средство, которое помогает устанавливать хорошие отношения с другими людьми. Их говорят по разным причинам, но все они доставляют удовольствие и поднимают самооценку. Однако сам по себе комплимент не имеет никакой силы. Важна интонация, с который он произносится: она может быть проникновенной, игривой. Но никогда не должна быть ироничной. Иначе комплимент перестаёт быть комплиментом. Комплимент сработает, только если есть искреннее расположение к человеку. Говоря комплимент, человек должен быть честным и откровенным, комплимент не должен содержать в себе ярко выраженной лести.

Однако в разных странах существуют разные способы высказывания комплимента, несмотря на правила, упомянутые выше. Самое главное в общении с иностранцами –помнить, что культура и традиции разных стран могут сильно отличаться. Нужно задумываться над каждым словом, в том числе и над комплиментами. Реакция на комплименты в разных странах может очень удивить. Например, в Британии не следует целовать дамам руки и хвалить их внешний вид. Это считается верхом неприличия. В Норвегии комплименты приравниваются к лести, а лесть считается страшным грехом: даже детей в норвежской школе не хвалят за успехи. В Финляндии комплименты –нечто очень личное, даже интимное, поэтому хвалить кого-либо в обществе непозволительно. Если же иностранец сделает комплимент прилюдно, финны сделают вид, будто его не расслышали. В Египте существует легенда о том, что сын фараона умер после того, как его похвалили, поэтому в Египте комплименты могут быть восприняты крайне агрессивно. В Италии нельзя хвалить детей, итальянцы очень боятся сглаза. Не нужно делать комплиментов в мусульманских странах, таких, как Турция, есть риск наткнуться на враждебность местных мужчин.

Также иностранца могут удивить и нестандартные комплименты. Так, в Японии, если хотят выразить восхищение внешностью женщины, говорят, что она похожа на змею. Самые нестандартные комплименты предпочитают в Южной Корее: здесь полагают, что женщина должна быть хрупкой, слабой, боязливой и со всех сторон проблемной, а настоящий мужчина, в свою очередь, должен стараться защитить и всячески ободрять ее [Воробьёв 1997].

В России, конечно, комплименты тоже любят, но, разумеется, в рамках приличий. Работая с материалом по теме статьи, мы увидели в исследованиях русских лингвистов следующую точку зрения: «высокая частотность оценки в русской коммуникативной культуре связана с тем, что для коммуникативного поведения русских характерно стремление к высказыванию личных оценок, касающихся людей и событий» [Стернин, 2003 Уфимцева, 1998, Воробьёв, 1197, Аршинова, 2007]. Таким образом, специфика оценки (в том числе комплимента) напрямую зависит от духовной культуры народа. В качестве комплиментов в русском языке используются прилагательные (*красивая, удивительная, роскошная, очаровательная, милая, нежная* и др.), существительные (*красавица, умница, пупсик, малыш*), в том числе названия животных, которые используются по отношению как к женщине, так и к мужчине (*зайка, рыбка, котенок* и др.); отметим, что существительные используются обычно в качестве обращений, добавляются притяжательные местоимения (*мой, моя*); наречия (*круто! восхитительно! бесподобно!*) словосочетания (*прекрасно выглядишь, сводишь с ума, как актриса* и др.). Повторяем, что в России компли-

менты также нежелательно говорить незнакомке на улице. Реакция может быть обратной.

В армянском языке, конечно, тоже есть комплименты. Армянские мужчины славятся своими виртуозными похвалами в адрес девушки. Приведем некоторые из них:

съем твою печень – Ջիգյարդ ուտեմ;

мордашка моя – մռութս;

ты сон моей жизни – դու իմ կյանքի երազն ես;

карапуза моя – իմ թմբլիկ;

сокровище мое – Գանձս;

ты для меня весь мир – դու իմ համարամբողջ աշխարհն ես;

ты моя радость – դու իմ ուրախություն ես;

кусочек жизни – կյանքի կտոր и многие другие.

Просмотрев материалы по нашей теме касаемо армянского языка, мы сделали вывод, что комплименты можно классифицировать по нескольким направлениям. Так, комплименты можно поделить на группы, в зависимости от ситуации, в которой они говорятся. Например, *в гостях* принято хвалить жилище, еду, то есть неодушевленные объекты. Далее можно похвалить хозяйку и ее умение встретить гостей. Можно похвалить детей. Можно похвалить мастерство человека, выполняющего какую-нибудь работу. Можно похвалить народ и целую страну.

Следующая классификация комплиментов – частеречная, такая же, как в русском языке: прилагательные (Զքնաղ – *восхитительная*), существительные (Գեղեցկուհի – *красавица*), наречия (Թույն! – круто!).

Также комплименты можно классифицировать на отдельные слова, словосочетания (*Ты выглядишь убийственно!* – Դու նայվում ես մահացուցիչ) и предложения (*Я вижу тебя и понимаю, что ребро Адама не было потрачено впустую!* – Տեսնելով քեզ հասկանում եմ, որ Ադամի կողոսկրը անիմաստ չի վատնվել).

Отметим, что в армянском языке не принято называть друг друга словами, обозначающими животных. Исключение составляет слово *мой медведь, мой медвежонок* (իմ արջուկ). Оно используется по отношению к мужчине. Причем никаких *мишек* и *мишуток*! И слово *куропатка* по отношению к девушке (*моя куропатка* –իմ կաքավ). Есть еще одно исключение, однако оно интересно тем, что само слово уже приравнялось слову *красавица*: Ձեյրանս/ Մարալս –дословный перевод –«антилопа, олененок», переносное значение –«моя красавица». А вместо таких слов, как *котик, кошечка* в качестве обращений используются фразы *душа моя, жизнь моя, сердце мое* (Իմ հոգի, Իմ կյանք, Իմ սիրտ).

Наконец, классификация семантическая, на наш взгляд самая интересная. Выделяются группы со значением:

1) «девушка» (Թելի աղջիկ – дословный перевод – «девушка-нитка», переносный –«веселая девушка»),

2) «мужчина» (*силач* – առնական),

3) «ребенок» (*карапуза моя* – բալես),

4) «животные» (как отмечалось выше, немногочисленная группа),

5) «еда» (*съем тебя* – ուտեմ քեզ, *съем твою щечку* – թուշտ ուտեմ, *ты вкусна как шашлык* – խորովածի նման համով ես, *сладкая моя* – Իմ քաղցր). Отметим, что эти комплименты очень точно характеризуют армян как любителей хорошей кухни.

6) «эмоциональные состояния» (Խենթացա քո սիրուց – я сошел с ума от любви к тебе, Կյանքիտ մատաղ – дословный перевод – «жертвовать жизнью», переносное

значение –«пожертвую собой ради тебя», սիրում եմ ամպի չափ – дословный перевод – «любовь, сравнимая с облаком», переносное значение – «любить до бесконечности, бесконечно, необъятно», Բոյիտ մերնեմ – дословный перевод – «умру за твой рост», переносное значение – «восхищаюсь тобой», Ցավտ տանեմ – дословный перевод – «отведу и возьму твою боль» и др.).

При употреблении данных комплиментов нами отмечена основная сема в значениях этих комплиментов – «жертвенность».

Что касается комплиментов для мужчин, то в Армении даже был проведен опрос. По поводу предпочитаемых мужчинами комплиментов они выражали различные мнения, например: «Ты самый мужественный на свете» или «Никаких комплиментов, лучше пусть они (женщины) себя хорошо ведут».

Итак, тема «Комплименты» живая и интересная, поскольку касается внешности и личности человека. Каждый человек желает слышать в свой адрес только приятные слова. И оказывается, даже похвала, в частности комплимент, имеет свою систему построения и правила использования, которые необходимо соблюдать. Армянский язык характеризуется высокой оценочностью при характеристике человека и его действий, это связано с менталитетом армян.

Литература

1. *Арутюнова Н.Д.* Речевой акт// Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 412-413.
2. *Аршинова О.С.* Обучение русскому речевому акту «Комплимент» в иностранной аудитории: Автореф. … дис. кан. пед. наук. СПб., 2007. 23 с.
3. *Воробьёв В.В.* Лингвокультурология. Теория и методы. М., Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
4. *Нгуен Тху Хыонг* Комплимент и способы его приема в современной русской и вьетнамской коммуникативной культуре: Автореф. … дис. кан. филол. наук. М., 2014. 23 с.
5. *Остин Джон Лангшо* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22-130.
6. *Серль Джон Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 151-169.
7. *Стернин И.А.* Национальное коммуникативное сознание как предмет исследования// Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Выпуск VI. СПб., 2003. С. 150-170.
8. *Уфимцева Н.В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. С. 135-170.
9. [Электронный ресурс] http://www.experto24.ru/kommunikazia/komplimenty-v-raznykh-stranakh-kak-pravilno-delat.html (Дата обращения 07.04.2019)

ЕЩЕ РАЗ О ЛЕКСИКЕ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ИСТОРИИ ЯЗЫКА РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОТ РЕГИОНАЛИЗМА К КАВКАЗИЗМУ

А.Л. МУГУМОВА

Дагестанский государственный педагогический университет, Россия

garun48@mail.ru

Ключевые слова: *лексика, языки народов Северного Кавказа, регионализм, кавказизм, русский язык.*

Статья посвящена теоретическому осмыслению статуса лексики языков народов Северного Кавказа в истории языка русской художественной литературы – проблеме, которая до сих пор не теряет своей актуальности. При этом признается более адекватным использование термина, содержащего адъективный компонент «северокавказский» в сочетании с компонентами *экзотизм* и *вкрапление*, вместо традиционного *регионализм* и новейшего *кавказизм*.

ANNA MUGUMOVA – Once again about lexicon of North Caucasian people's in the history of Russian fiction's language: from regionalism to kavkazizm

Key words: *lexicon, languages of the North Caucasus peoples, regionalism, kavkazizm, Russian*.

Summary: Article is devoted to theoretical judgment the status of lexicon of North Caucasian people's languages in the history of Russian fiction's language – to a problem which still does not lose the relevance. At the same time use of the term containing an adjektiv component "North Caucasian" in combination with components

"an ekzotizm" and "an impregnation" instead of traditional "regionalism" and the latest "a kavkazizm" is recognized as more adequate.

Основными средствами обогащения словарного состава любого языка являются словообразование и заимствование слов. Если словообразование по большей своей части представляет собой один из способов мобилизации внутренних ресурсов языка и носит непрерывный характер, то заимствование отличается «импульсивностью» и обусловлено причинами внешнего порядка, а именно: интенсификацией межъязыковых контактов в те или иные периоды развития языка.

Словарный состав является наиболее подвижным уровнем языка, который непосредственно отражает исторические изменения в жизни общества. По мере развития общественных отношений, хозяйственного и культурного прогресса происходит поступательное пополнение словаря.

При этом для обозначения заимствованных лексических форм используется также термин «иностранные слова», посредством которых иногда обозначают свойственные чужим народам или странам понятия. Они именуются также *этнографизмами*, *регионализмами* и *экзотизмами* и обычно толкуются в специальных словарях иностранных слов. Кроме того, часть из них включается и в общие словари. На первых порах подобные слова могут употребляться в текстах заимствующего языка в качестве *иноязычных вкраплений*, если они «получают более или менее регулярное употребление, то их называют *варваризмами*» [Добродомов 1998 : 158].

Взаимодействие русского и родного языков в условиях полиэтничных регионов России относится к числу наиболее актуальных проблем изучения как русского, так и взаимодействующих с ним языков народов того или иного региона Российской Федерации. Начиная с эпохи СССР, эта проблема традиционно рассматривалась в аспекте влияния русского языка на языки нерусских народов страны. В дальнейшем, преимущественно с 80-гг. XX в., внимание исследователей привлекла другая сторона этой проблемы – обратное влияние языков нерусских народов Российской Федерации на русский язык.

Исследование этого аспекта названной проблемы на материале языков народов Северного Кавказа было впервые осуществлено И.Е. Гальченко [1980]. Практический материал его исследования получил отражение в его собственно лексикографической работе – «Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке». Соответствующие формы, по его мнению, стали неотделимой частью общего словарного фонда русского языка и языков народов Северного Кавказа. Их употребление, как отмечал автор, «в письменных источниках отмечено большой семантической и семантико-стилистической мотивированностью...» [Гальченко 1975 : 78].

Кроме того, известна принадлежащая И.Е. Гальченко [Гальченко 1980 : 4] попытка отказаться от термина *экзотизм* и заменить его словом *регионализм,* используемым как в его исследованиях, так и в данной работе. Он считает, что слова, незнакомые жителям одной местности, могут быть хорошо известны жителям другой местности. В силу этого они могли не восприниматься ими как экзотические.

Концепция И.Е. Гальченко сложилась во второй половине 70-х годов XX века, когда появляются его обобщающие работы, посвященные не языку отдельных русских писателей, использовавших в своих произведениях рассматриваемые словесные формы, но в целом – лексике народов Северного Кавказа в русскоязычной художественной литературе. Их объектом являются оригинальные произведения на русском языке о народах Северного Кавказа, а также переводы с северокавказских языков на русский.

Как отмечал И.Е. Гальченко в своей работе «Лексика языков народов Северного Кавказа в русском языке», объектом анализа которой является «апеллятивная лексика языков народов Северного Кавказа в системе русского языка художественных произ-

ведений (переводных и оригинальных)», «слова из языков народов Северного Кавказа в системе русского языка ничем не отличаются от иноязычных слов из других языков (например, западноевропейских), но их смысловой объем и реальный «вес» в жизни всего русского народа является иным. При этом «лексические элементы из языков северокавказского региона имеют в русском языке как бы двойственный характер: с одной стороны, они миллионами русских жителей Северного Кавказа осознаются обычными и актуальными наименованиями реальных предметов и явлений, с другой стороны, большей части русских людей всей страны они могут быть известны мало и осознаются ею как нечто локальное, принадлежащее периферийному составу языка, хотя и среди последних есть немалое число русских и других носителей русского языка, побывавших на Северном Кавказе, изучавших и изучающих его историю и прочие…, ими многие из этих *локализмов* осознаются уже по-иному. Далее мы будем называть такие слова *регионализмами,* этот термин, как нам представляется, наиболее верно, отражает их сущность». Отмечая вместе с тем, что «термин «регионализм» с несколько иным наполнением введен в научный оборот» целым рядом таких известных исследователей, как М.М. Маковский, Ф.П. Филин и В.В. Виноградов, И.Е. Гальченко полагал, что «...северокавказский регионализм, став достоянием русского языка через язык художественного произведения, не включается тем самым немедленно в состав литературного языка, как и не включается сюда, скажем, то или иное слово какого-либо диалекта русского национального языка. Регионализмы в русском языке *не являются ни экзотизмами, ни варваризмами* [выд. наше Г.Г.-Р.]... Все эти слова входят в активный запас русского языка того или иного региона, являясь обычными различителями жизненных понятий» [Гальченко 1976: 32, 33].

В свою очередь, в составе регионализмов И.Е. Гальченко выделяет и локализмы, о которых было сказано в предшествующем изложении, – это единицы, известные только одному из северокавказских языков. По мнению исследователя**,** освоение русским языком регионализмов замедлено из-за употребления в русском языке одного и того же слова в различных грамматических формах, поэтому морфологическая унификация и сведение к одному написанию регионализмов так же необходимы, как и соблюдете единых правил орфографии, норм культуры русской речи вообще [Гальченко 1979 : 20].

Выявленные им регионализмы рассматриваются с точки зрения лексико-семантического освоения, т.е. устанавливаются их тематические группы. Кроме того, в отношении *наличия или отсутствия эквивалентов* в русском языке они подразделяются на денотативные и коннотативные формы [Гальченко 1975 : 35-36].

Однако одни исследователи, как, в частности, И.Г. Добродомов, рассматривают регионализмы в качестве одного из видов экзотической лексики: «Иногда они (иностранные слова) обозначают свойственные чужим странам или другим народам понятия (этнографизмы, регионализмы, экзотизмы). Слова такого рода обычно толкуются в специальных словарях иностранных слов, часть из них включается в общие словари» [Добродомов 1998 : 158-159].

Другие, в частности, Г.А. Гюльмагомедов, считают, что вышеупомянутая мысль И.Е. Гальченко вряд ли реализуема, «потому что почти все восточные заимствования северокавказскими языками усваиваются в соответствии со своими языковыми законами…, и трудно определить, какой из имеющихся вариантов считать нормой для русского языка». Вместе с тем, как он полагал, понятие *регионализм* понимается им широко, и такое понимание единицы анализа, на его взгляд, «не навязывается исследователем, а отражает специфику анализируемого объекта – русскоязычной художественной литературы… Дальнейшее изучение особенностей языка художественной литературы еще больше расширит объем и содержание понятия регионализм» [Гюльмагомедов 1998 : 10,14]**.**

Невозможно, на его взгляд, согласиться со следующим утверждением И.Е. Гальченко, содержащимся в его концептуальной статье: «По отношению же к русскому языку этимологизация северокавказских регионализмов может быть ограничена синхронным срезом, так как все они независимо от предыдущей истории взяты из конкретных языков народов Северного Кавказа» [Гальченко 1979 : 117]. Речь идет о том, что, как полагает Г.А. Гюльмагомедов «такое утверждение приводит к отрицанию того очевидного факта, что еще в памятниках XI-XII вв. зафиксированы многие единицы, характеризуемые как северокавказские регионализмы. Поэтому правильнее было бы говорить — все они взяты авторами анализируемых произведений из языков народов Северного Кавказа. Другими словами: для данных произведений источником регионализмов служат языки народов Северного Кавказа» [Гюльмагомедов 1998 : 9, 10, 14].

Кроме того, в последние годы одним из современных исследователей было высказано мнение о необходимости введения в научный оборот термина *кавказизмы*, под которыми подразумеваются «слова, которые вошли в русский язык или функционируют в русской речи жителей Кавказа» [Шхалахо 2007]. Они имеют ограниченную сферу употребления и ограничиваются лексикой народов Северного Кавказа. Эти слова, в свою очередь, классифицируются им по степени их освоенности русским языком на *кавказизмы-русифицированные слова, кавказизмы-экзотизмы* и *кавказизмы-иноязычные вкрапления.*

Точнее, их можно именовать в этом случае просто северокавказскими регионализмами, как это уже имело место в истории вопроса (см. выше), но использование термина «северокавказизм» встречает ощутимое стилистическое сопротивление. Кроме того, следует иметь в виду, что в число кавказских традиционно включаются и картвельские языки.

В последнем отношении следует придерживаться, как представляется, мнения выдающегося кавказоведа Г.А. Климова, который понимал под кавказскими языками «совокупность…неиндоевропейских, нетюркских и несемитских языков Кавказа» [Климов 2001 : 10] Поэтому более адекватным содержанию термина кавказизм следует признать его определение, содержащее адъективный компонент «северокавказский» по отношению к уже упоминавшимся (см. выше) терминам *экзотизм* и *вкрапление*. При этом рассмотрение прочих системных и иных характеристик данного понятия не входит в число задач настоящего исследования и может составить предмет дальнейшего изучения.

Литература

1. *Гальченко И.Е.* Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, Изд-во Сев.- Осет. ун-та, 1975. 199с.

2. *Гальченко И.Е.* Лексика языков народов Северного Кавказа в русском языке (Учеб. пособие). Орджоникидзе, Изд-во Сев.- Осет. ун-та, 1976. 99с.

3. *Гальченко И.Е.* О статусе слов северокавказского происхождения в русском языке // Вопросы языкознания. 1979. № 4. С. 16-20.

4. *Гальченко И.Е.* Северокавказские регионализмы в лексике современного русского языка: автореф. дисс…докт. филол. наук. М., 1980. 30 с.

5. *Гюльмагомедов Г.А.* Дагестанская лексика в русскоязычной художественной литературе. Махачкала, 1998. 112с.

6. *Добродомов И.Г.* Заимствование // Большой энциклопедический словарь: Языкознание/ Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая российская энциклопедия. 1998. С. 158-159.

7. *Климов Г.А.* Кавказские языки // Языки мира. Кавказские языки. М.: Academia, 2001. С. 10-13.

8. *Шхалахо С.Ш.* Кавказизмы в лексической системе русского языка // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2007. №2. С. 46-52.

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ГОВОРЯТ ЖИТЕЛИ РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (ГОВОРЫ ХИСЛАВИЧСКОГО РАЙОНА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)?

А.И. РЫКО
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
aryko@mail.ru

Ключевые слова: *русские говоры, белорусские говоры, лингвистическая самоидентификация, русско-белорусское пограничье, пограничные говоры.*

Статья посвящена лингвистической самоидентификации жителей русско-белорусского пограничья, носителей говоров, которые прежде относили к диалектам белорусского языка, а последние десятилетия – к южнорусским говорам. Приводятся высказывания самих носителей диалекта о своем языке, о языке соседей, о соотношении белорусского и русского языков. Кроме того, речь идет об изменении лингвистической самоидентификации с течением времени.

ANASTASIIA RYKO – What language speak inhabitants of the Russian-Belarusian border zone (dialects of Hislavichi district Smolensk oblast)?

Key words: *Russian dialects, Belarusian dialects, linguistic identity, Russian-Belarusian border zone, border dialects.*

The article is devoted to the linguistic identity of the inhabitants of the Russian-Belarusian border zone, who speaks such dialects, which formerly were classified as Belarusian and now are considered to be South Russian. The article contains speakers' statements on their dialect, on their neighbours' language, on the relationship between Belarusian and the Russian languages. In addition, it touches such question as change of linguistic identity.

Говоры западной части Хиславичского района Смоленской области, согласно классификации 1915 года, относятся к северо-восточным говорам белорусского языка (восточно-могилевская группа). После перемещения административной границы в 1924 году Хиславичская волость была выделена из Мстиславского уезда Могилевской губернии и вошла в состав Смоленской области. Соответственно, при составлении новой карты диалектного членения русского языка в 1965 году говоры западной части Хиславичского района были описаны как часть западной группы южнорусского наречия. Такое решение было обосновано перспективами существования диалектных черт, прежде определявшихся как белорусские, в рамках русского литературного языка [Захарова, Орлова 2004: 33-35]. Поэтому спустя почти 100 лет после перемещения границы возникают вопросы: носителями какого языка считают себя жители этой территории? Сохраняются ли в говорах нынешних сельских жителей белорусские черты?

По записям 2018 года, в Хиславичском районе белорусские (или диалектные по отношению к русскому литературному языку) черты неплохо сохраняются не только в языке старшего поколения (информанты 1930-х гг. рождения), но у более молодых представителей говора (1950–1960-х гг. рождения), причем как у женщин, так и у мужчин (у последних в меньшей степени). Устойчивыми оказываются не только те черты, которые объединяют северо-восточные белорусские говоры и большую часть южнорусских говоров (лабиализация предударных /о/ и /а/ (*пумагал*); замена [*л*] на [*ў*] в формах прошедшего времени (*быў*); «комплекс употребления губных спирантов юго-западного типа» (*кароў, траўка, унук, ўсё*); личные местоимения 3 л. с начальным [*j*], твердые губные на конце слов), но и те черты, которые характерны в первую очередь для белорусского языка, а для русских говоров считаются узкодиалектным явлением русско-белорусского пограничья: диссимилятивное аканье и яканье белорусского типа; окончания прил. И.-В. пад. муж. р. *-ый/-эй* и *-ы* в основе наст. вр. глаголов типа *крыть, мыть*; мягкие долгие согласные в соответствии с сочетаниями согласных с *[j]* (*свиння*); *[о]* в форме 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола *быть* согласно белорусской литературной норме (*ёсьць*); особый тип чередования *е~о* в формах глагола наст. вр. I спр. с ударением на тематическом гласном: *несеш, несеть, несём, несете*; употребление союза *як* и производных от него и др.

На территории с аналогичной судьбой – в Невельском районе Псковской области (до 1924 г. входил в Витебскую губернию) – большая часть белорусских черт сохраняется в языке старшего поколения – у информантов 1920-1930-х гг. рождения, т. е. родившихся сразу после переноса административной границы, в то время как следующие поколения вообще не говорят на диалекте, используя русский литературный язык. О степени сохранности диалектных черт в невельском говоре см. [Рыко 2018].

Особый интерес представляет вопрос о лингвистической самоидентификации жителей территорий, которые прежде были белорусскими.

Согласно переписи населения, проводившейся в конце XIX в. (когда интересующая нас территория входила в Мстиславский уезд Могилевской губернии), подавляющее большинство местных жителей (81,46% по Мстиславскому уезду) указывало в качестве родного языка белорусский, причем в целом по губернии 96,14% белорусов относились к крестьянскому сословию, т. е. с уверенностью можно считать, что практически всё сельское население было носителем местного диалекта [Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1903: IX-X]

Практически все информанты, записанные нами в Хиславичском районе (как и в Невельском) в 2018 г., не сомневаются в том, что они говорят по-русски, но при этом не умеют говорить «чисто» – так, как это предписывает русская литературная норма. Многие отмечают, что за пределами родных районов их часто принимают за белорусов, и объясняют это тем, что белорусская граница совсем рядом, поэтому в их языке «много белорусских слов» (о лингвистической самоидентификации жителей Невельского района см. [Рыко 2016]). Заметим, что язык ближайших деревень по ту сторону границы (Мстиславского района Могилевской области) они не считают «настоящим» белорусским, утверждая, что на «настоящем» белорусском языке говорят «там дальше, ближе к Украине», т. е. имеется в виду или литературная норма, или юго-западные белорусские говоры, которые характеризуются бóльшим числом черт, противопоставляющих русскому языку.

Для иллюстрации оценки жителями Хиславичского района своего идиома приведем их высказывания о своем говоре.

1. Все опрошенные нами сельские жители западной части Хиславичского района считают себя русскими, язык, на котором говорят, соответственно, русским, хотя и отличающимся от стандартного литературного. При этом свой язык они определяют как «деревенский», иногда приводят примеры отдельных слов, которые отличают его от «культурного» языка – *куды, як, откуля, колú, былó, говóрим, ёсть, нема,* – или утверждают, что литературные слова «чистые», а их произносятся «с протягом»:

[Но ваш деревенский разговор – он русский?]

дá / рýский канéшна //

[Не белорусский?]

дá // (АВ)

[А ваш деревенский язык отличается от культурного? Как вы слышите?]

ну канéшна ътличáица / вы́ ш чы́стъ ръзгъвáривъити / а мы́ лéпим пъ-дирявéнски //

[А чем отличается? Может, слова какие-нибудь?]

нý / слъвá / вáшы ш чы́стыя слъвá / а нáшы […] с прътя́гъм ръзгъвáриим //

[А что такое «с протягом»?]

нý / нихърашó / ня чы́стый ръзгавóр нáш // (АВ)

[Ваш говор отличается от русского языка? Ну вот то, как вы говорите? По-русски же говорите?]

ну па-рýски //

[Отличается от русского нормального?]

ну́ / я́к... я́к не... ну я́к жъ культу́рней γаво́ритя / па... па кни́γи дък ни γаво́рют / ка.. ко... куды́ / ка́к / куда́ / во та́г жъ / ну я́ .../ про́стъ мы́ пъ-дирявéнски γаво́рим / ради́лися такéй / расьли́ / у дярéуўни так / ну и ўсё ...// (КВ)

[Скажите, а ваш деревенский язык, старый, чем от городского отличается?]

ну / та́м жъ куда́ / чиво́ / аткýда / а мы́ / куды́ / я́к / аткýля // (ФР)

вы γувари́тя / да́ / а мы́ γаво́рим [смех] *// та́к штъ / ужэ́ ътлича́ица / или γувари́ти / или γаво́рим //* (БВ)

2. Говор восточных соседей – на тех территориях, которые не относились к Белоруссии до 1924 г., – оценивается как более «культурный», близкий к литературной норме:

[А туда вот, к Хиславичам, там как-то более культурно говорят или нет?]

ну та́мъ ужэ́ культу́рний / канéшна / асóбинна тяпéрь жъ ужэ́ мъладёш пъ-друγóму [...] васпи́тъна / э́тъ ж мы́ ешчэ́ / ды́к / а мъладёж жъ ужэ́ пъ-друγóму // (ПЗ)

3. Отличительные черты своего диалекта (см. примеры выше) далеко не всегда осознаются как белорусские, тем не менее, идея о том, что свой диалект близок к белорусскому языку, присутствует. Объясняется это тем, что белорусская граница совсем близко. Сходство своего языка с белорусским приводит к тому, что жителей этого района часто принимают за белорусов, а некоторые информанты (отчасти в шутку) утверждают, что они говорят «по-бульбашски».

да́ / пъ ръзγаво́ру у на́с ни пайме́ш / у на́с уся́къя уся́чына / у на́с и биларýскъγъ мно́γа чаγо́ // (ПЗ)

[А чего у вас такого белорусского?]

ну́ / тако́я што́-нибудь / ёсьть / и ска́жыш па-биларýски / ска́жыш / на́дъ γувари́ть ръзγува́ривъть / а мы / ска́жыш / ну́ // (ПЗ)

[Язык похож на белорусский?]

да́ / ну каг бýттъ пахóш / я́ ни зна́ю / э́тъ хто́ γаво́рит / а́й / вът аны́ биларýсцы / биларýсцы / во́ як / да́к / куды́ / кали́ // (КВ)

ръзγаво́р-тъ у на́с биларýский бóльшы //

[Вы считаете, что белорусский больше, да?]

та́ .../ та́ .../ и шча́с мы ужэ́ тро́шку я́к-то [...] прила́дились / а то́ буа́ла / не карто́шка / бýльба / яшчэ́ / ўсё тако́я биларýскъя у на́с // (БВ)

[А у вас так всегда и говорили «картошка» или раньше «бульба» назвали?]

ну бýльба э́тъ Биларýсия / ина́ и сича́з бýльба / тамý штъ у на́з жъ ужý [...] во́сим кило́митръў Биларýсия / ужэ́ Ряза́нцы жъ ужý Биларýсия // (ПВ)

[Но при этом вас за белорусов принимают?]

да́ //

[А почему? У вас какие-то белорусские слова есть?]

ну бýльба / э́тъ жъ у Биларýсии завýт та́к / бýльба //

[Ну, да.]

мы́ ш карто́шка завё́м / а къда́ и бýльба пръγаво́римся // (АВ)

стари́к памё́р / павё́з мяне́ сы́н у насьле́цтвъ уступа́ть / э́тъй / э... я́ то́жъ та́к / у э́тъй / у нъта́риусу сяджý / ужэ́ уре́мя пътхо́дить / аны́ дамо́й [...] ити́ть // я́ мурло́ у дьве́ри усади́ла / я́ γъўрю́ / де́тъчки / лю́бинькия / прими́тя мяне́ / я́ γъўрю́ сюда́ е́хъўшы цэ́лый нъвърца́ла то́рбу / я γъўрю́ / и атйе́туля я́к я вы́йду // яны́ γаво́руть / ба́.. тады́ шчэ я была́ ня дýжъ ста́рья // жэ́ншчына / ты што́ / з Биларýсии ?// я́ γъварю́ / я́ съма́ ни з Биларýсии / но́ / γъвърю́ / мно́γъ чаγо́ биларýскъγа // а ина́ γъвъри́ть / ну́ / зъ ръзγаво́р мы́ ужý тябé при́мим // и приня́ли !//

[Вас так за белорусов принимают?]

дъ да́ / я́ γъварю́ / ни пайме́ш / ни то́ рýския / ни то́ биларýсы //

[Но вы себя русскими считаете?]

да́ / ну́ / ну мы ру́ския / кане́шня / иате́ц ру́ский / ма́ть ру́скъя / ўсе́ ру́ския // (ПЗ)

[А вот здесь, в деревнях, и там, в Белоруссии, по-разному разговаривают или одинаково?]

па-ра́знъму / я́ къда́ лижа́ла с нау́ю у Хисла́… у Смале́нски у жылезнъдаро́жнъм / тък та́м адна́ жэ́ншышына уъўри́ть / вы́ наве́рнъ зь Билару́сии / ръзуъва́ривъити пъ-билару́ски / бу́льба уъво́ритя / та билару́сы та́к ръзуава́риють // я́ уъварю́ / ну́ / мы́ ни билару́сы / блиска кълъ билару́съў жыве́м // (АВ)

а мы́ / мы́ биларусы / мы яке́й / таке́й / сяке́й / я́ и са́м пъ-бульба́шски уъварю́ (КН)

4. Сходство родного диалекта с белорусским языком и в то же время осознание себя как русских приводит к неопределенности в этнической самоидентификации, т. е. к признанию себя «мешанцами»:

мы ме́шънцы / мы́ ни билару́сы / и не́ / ну нае́нъ бо́льшъю ча́сьть к ру́ским атно́симси // (КН)

5. Во всех соседних деревнях, по мнению местных жителей, говорят одинаково, что касается ближайших деревень по ту сторону российско-белорусской границы, то их говоры оцениваются по-разному – то как точно такие же, как свои, то как имеющие отличия:

[А тут вокруг по деревням одинаково разговаривали? Или были какие-то...]

ну мо́жа хто́ и […] лаўчэ́й уъвари́л / ну а мы́ як ...// (ФР)

[А в соседних деревнях так же говорили? Везде одинаково говорили?]

ъдина́къва //

[То есть не отличили бы там?]

не́ не́ не́ не́ !// как... як я́ уъварю́ / та́к и аны́ уъвари́ли // (КВ)

[А так по деревням все одинаково говорили или кто-то отличался?]

ну кане́шна / е́сли з го́ръда прие́хъў у дяре́ўню жы́дь дык у яго́ …//

[Если с города, а по разным деревням одинаково?]

адина́къва / да́ // (АВ)

[А белорусский?]

а та́м вапшэ́ / аны́ ръзуъва́ривають пачти́ как мы́ // (ФР)

[А тут у вас во всех деревнях одинаково разговаривали или кто-то отличался по языку?]

не́ / у на́с уси́ ъдина́къва / то́ка Билару́сия ужо́ ка́к-тъ та́м / я ду́жъ ни зна́ю / но ка́к-тъ та́м тро́ху …/ э́тъ […] на́шы тут уси́ ъдина́къва // ну у нас ади́н / кали́ / было́ / ёсь / нима́ / во та́к !// а ужо́ […] да́льшы ужо́ ъръда́ / ужо́ […] ръзуаво́р кане́шня ни таке́й як мы́ / ну ўся́кия ёсь //

[А в Белоруссии по-другому всё-таки говорят?]

ну та́м ка́к-тъ да́ / та́м тро́ху пъ-друго́му ъвъря́ть // хто́ ей зна́ить / я́ ни была́ ду́жъ в ёй / я да́льшы Мстисла́ўля ни была́ // та́к што я е́тъ и ня бу́ду уъвари́ть / ну́ / ёсь като́рыя прийижджа́ли / дык я́к-тъ / како́й-тъ ёсь ръзуаво́р // ну́ / а сича́с ужо́ хто́ ей зна́ить та́м // (БК)

6. При этом соседние белорусские говоры часто оцениваются как «ненастоящие белорусские», к «настоящим», по-видимому, относят идиомы, в меньшей степени похожие на родной диалект, т. е. литературный белорусский язык или юго-западные белорусские говоры:

я́к-то мы́ .../ билару́ский язы́к саўсе́м жъ ни таке́й / чы́стакро́ўный // а каке́и мы билару́сы / у на́с если взя́ть приме́рнъ дъ Мстисла́ўля / што мы́ што ани́ / то́я са́мъя // (КН)

билару́ский саўсе́м ни тако́й / пъ тиляви́зъру вот ка́к ани́ уъваря́т там (КН)

[А в белорусских деревнях там по-другому как-то говорят?]

да́ / ну та́м пъ-другу́му / къда́ ста́нуть ръзгъва́риють // у мяне́ [...] систра́ двайо́рнъя та́м жыла́ / пъ-билару́ски пе́сьни / там у и́х ра́дива / вапшэ́ ни пайме́ш / што́ этъ зъ слъва́ инны́ [...] ръзгъва́ривъють // (АВ)

Итак, языковое самосознание носителей переходных русско-белорусских говоров и его смена напрямую зависит от проведенной государственной границы: когда сто и более лет назад территория западной части Хиславичского района относилась к Могилевской губернии, практически все сельские жители считали себя белорусами, теперь (после того как граница была перенесена в 1924 году) все они считают себя русскими и утверждают, что их язык – русский, который, правда, довольно сильно отличается от стандартного литературного языка и имеет ряд черт, которые можно считать белорусскими. Эти отличия от стандартного литературного языка приводят к тому, что носители других русских диалектов воспринимают их идиом скорее как белорусский (или сильно похожий на белорусский).

При этом нет однозначного ответа на вопрос, на том же диалекте говорят по другую сторону российско-белорусской границы или нет. Если часть информантов утверждает, что эти говоры одинаковы, то другие настаивают на отличиях своего языка от белорусского. Правда, как правило, под белорусским подразумеваются не соседние белорусские говоры, а некоторый «настоящий» белорусский язык – литературный белорусский или юго-западные говоры.

Список информантов:

АВ – Антоненкова Валентина Ивановна, род. в д. Николаево Хиславичского района Смоленской обл. в 1941 г., живет в д. Заречье того же района; зап. Рыко А.И., 2018 г.

БВ – Бурнацкая Валентина Васильевна, род. в д. Максимовка Хиславичского района Смоленской в 1936 г., живет в д. Стайки того же района; зап. Рыко А.И., 2018 г.

БК – Бурнацкая Ксения Федоровна, род. в д. Малые Хутора Хиславичского района Смоленской обл. в 1929 г., живет в д. Стайки того же района; зап. Рыко А.И., 2018 г.

КВ – Королькова Валентина Платоновна, род. в д. Писляковщина Хиславичского района Смоленской обл. в 1928 г., живет в д. Большие Хутора того же района; зап. Рыко Т.С., 2018 г.

КН – Карасев Николай Аркадьевич, род. в д. Мазыки Хиславичского Смоленской в 1955 г., живет там же; зап. Калинкина М.В., Рыко А.И., 2018 г.

ПЗ – Поваренкова Зоя Васильевна, род. в д. Николаево Хиславичского района Смоленской обл. в 1934 г., живет в д. Малые Хутора того же района; зап. Рыко А.И., 2018 г.

ФР – Фоминых Раиса Трофимовна, род. в Донецке в 1940 г., родители из д. Городок Хиславичского района Смоленской обл., в 1947 г. вернулась на родину; с 1960 по 1969 г. жила в Донецке, с 1960 г. по сей день - в д. Клюкино Хиславичского района; зап. Рыко А.И., 2018 г.

Литература

1. *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 2004. С. 33-35.

2. *Рыко А.И.* О лингвистической самоидентификации жителей русско-белорусского пограничья // Севернорусские говоры, 2016. Вып. 15. С. 71-88.

3. *Рыко А.И.* Между русским и белорусским: говоры Невельского района Псковской области // Slověne, 2018. Vol. 7, № 2. С. 303-320

4. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. 1887 г. XXIII. Могилевская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. 1903.

АРМЯНСКАЯ СЕМЬЯ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ (ПО ДАННЫМ ОПРОСА АРМЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ)

Л.Л. ФЕДОРОВА
РГГУ, Россия
lfvoux@yandex.ru

Ключевые слова: *этнолингвистика, армянская семья, ценностный концепт, анкетирование.*

В статье представлены результаты анкетного исследования ценностного концепта семья среди армянской молодежи. Анализ позволил выявить особенности современного взгляда на суть семьи, отражающую идеальные представления, в основном положительную оценку традиционной семьи, новые тенденции свободы во взаимоотношениях супругов, отцов и детей. В языковом отношении отмечается характерное совмещение понятий семья–дом–очаг, поддерживаемое этимологическим родством армянских слов ‘дом’ и ‘семья’: *տուն* > *ընտանիք*.

LIUDMILA FEDOROVA – Armenian family in ethnolinguistic representation (according to the survey of Armenian youth)

Key words: *ethnolinguistics, Armenian family, value concept, questionnaire.*

The article presents the results of a questionnaire study of the value concept of family among Armenian youth. The analysis revealed the features of the modern view of the essence of the family, reflecting the ideal representation, mainly a positive assessment of the traditional family, new trends in freedom in the relationship of spouses, fathers and children. In terms of language, we can note the characteristic overlapping of the concepts of family–home–hearth, supported by the etymological kinship of the Armenian words *տուն* > *ընտանիք* (‘home’ > ‘family’).

Введение

Целью исследования является этнолингвистическое описание образа армянской семьи в представлениях современной молодежи. Исследование строится по методике анализа ценностных концептов, разработанной в польской этнолингвистической школе (см., например [Бартминьский 2005-а, Leksykon 2015]), и может представлять один из аспектов разработки когнитивной дефиниции СЕМЬИ в армянской лингвокультуре. Методика когнитивного описания ценностей предполагает использование материалов трех типов: системных лингвистических данных, прежде всего лексикографических и семантических, данных опросов молодежи о сущности понятия и текстовых материалов – в основном современных СМИ, а также и культурных текстов. В данном фрагменте анализа мы сосредоточимся на материалах анкетирования армянской молодежи по вопросу о сущности семьи, что, возможно, позволит выявить некоторые языковые и мировоззренческие стереотипы, связанные с этим понятием, и наметить области сопоставления с русским материалом.

1. Анкетирование: описание эксперимента

В анкетировании приняли участие 96 человек в возрасте 16–27 лет, в основном студенты; наиболее представительная группа – это девушки 18–20 лет, но были и ответы мужчин. Большая часть анкет распространялась через интернет, так что респонденты давали достаточно полные ответы, отражавшие их заинтересованное участие. Меньшая часть (примерно треть) анкет получена от студентов на занятиях в режиме ограниченного времени; их ответы более лаконичны и, возможно, более формальны.

Анкета предлагалась на двух языках: русском и армянском, так что отвечавшие имели возможность выбирать язык. Для этнолингвистического исследования современных стереотипов в условиях культурного армяно-русского двуязычия этот подход представляется оправданным, поскольку более полно отражает компетенцию студентов, формируемую отчасти и на русских культурных текстах. В то же время для исследования традиционных представлений армянский язык дает более глубокие данные. В исследуемых материалах было 10 анкет на армянском языке, остальные на русском.

Во вводной части анкеты респонденты указывали возраст, пол и (будущую) профессию. Около половины опрошенных – филологи, лингвисты, значительная часть экономисты и юристы, были и представители технических специальностей. Поскольку не удалось получить равномерного распределения в соотношении гуманитарных и технических специалистов, мужчин и женщин, полученные результаты не претендуют на статистически четкое отражение взглядов армянской молодежи; они могут скорее характеризовать мнения преимущественно девушек гуманитарных профессий, однако именно женщины традиционно более заинтересованы обсуждать вопросы семьи. При этом мнения мужчин, участвовавших в опросе, приобретают значительный вес именно в силу их немногочисленности.

В основной части анкеты было предложено всего четыре вопроса:

1. В чем, по вашему мнению, заключается суть понятия «семья»?

Ըստ ձեզ ինչո՞ւմ է կայանում «ընտանիք» հասկցողության իմաստը:

2. В чем отличие современной семьи от традиционной?

Ինչո՞ւմ է ժամանակակից ընտանիքի տարբերությունը ավանդականից:

3. Кого ты считаешь членом своей семьи? / Кто входит в состав твоей семьи?

Ո՞ւմ եք համարում ձեր ընտանիքի անդամ: / Ովքե՞ր են ձեր ընտանիքի անդամները:

4. Напиши, какие пословицы, поговорки, устойчивые выражения о семье и о членах семьи ты знаешь.

Գրե՛ք, թե ինչ ասացվածքներ, ասույցներ, կայուն արտահայտություններ է ընտանիքի եւ ընտանիքի անդամների մասին գիտեք:

2. Результаты анализа

Остановимся подробнее на ответах на первые два вопроса.

2.1. В чем, по твоему мнению, заключается суть понятия «семья»?

В ответах о сути понятия Семья студенты использовали разные стратегии. Нередко респонденты давали развернутые ответы, в которых сочетались разные мотивы; мы иногда приводим не полные ответы, а фрагменты, иллюстрирующие стратегии (в скобках – пол и возраст респондента).

Суть могли определять конкретными и собирательными понятиями – люди, группа людей или дом, очаг:

(1) *Семья это круг родных людей, любящих и заботящихся друг о друге.* (М, 20)

(2) *Семья – это твои родные люди, которые живут под одной крышей*. (М., 22)

(3) *Семья, это очаг, который ты создаешь с любовью, и я считаю, что у всех должен быть такой очаг.* (Ж, 18.)

(4) *Семья – это твой дом и опора, то место, где тебя всегда поймут, поддержат и помогут*. (Ж, 27)

(5) *Семья – это мама, папа, дети. Когда родители слушают своих детей, а дети уважают, почитают <их> и не боятся разговаривать со своими родителями о чем угодно*. (Ж., 15)

(6) *Ընտանիքը ջերմության, սիրո, փոխըմբռնման օջախ է* [Семья – это очаг тепла, любви, взаимопонимания.] (Ж, 20)

Суть понятия могли выражать абстрактными понятиями, характеризующими принципы взаимоотношений и атмосферу в семье: любовь и уважение, доверие и взаимопонимание, гармонию и счастье:

(7) *Семья для меня означает любовь и уважение, взаимопонимание и помощь! Это объединение людей, которые несут ответственность не только за себя, но и за других людей!* (Ж, 21)

(8) *Семья, прежде всего, это гармония, любовь, взаимоуважение и взаимодоверие двух состоявшихся личностей, которые решили связать себя узами брака. Это касается и большой семьи, где охватываются все стороны родства*. (Ж, 21)

(9) *Понятие семьи заключается во взаимопонимании между всеми членами семьи, уважении к главе семейства и всем остальным членам, и взаимной любви*. (М, 25)

(10) *համերաշխության եւ սիրո մեջ* [в согласии и любви] (Ж, 20)

(11) *երջանկություն* [счастье] (Ж, 20)

Выделяются и сущностные связи – кровное родство и брак, а также духовное родство, причем иногда пишут, что кровное родство не обязательно:

(12) *Не только в кровной, но и в духовной близости*. (М, 18)

(13) *Для меня семьей являются люди не только кровные родные, но и люди, близкие мне по духу, к которым есть доверие, взаимопонимание, забота и уважение*. (М, 24)

(14) *Семья – это группа людей, которые соединены между собой кровным родством, а также духовно привязаны друг к другу*. (Ж, 25)

В ответах отмечаются и функциональные характеристики семьи – опора, поддержка, забота – а также, что важно, ответственность, задача продолжения рода и воспитания детей, т.е. высказывается позиция не только ребенка, но и родителя.

(15) *Семья является воспитательной колыбелью человечества. В семье главным образом воспитываются дети.* (Ж, 19)

(16) *... совместная работа над будущим детей* (Ж, 22)

(17) *…Безусловно, одной из основных функций семьи является репродуктивная, то есть продолжение рода. А ребёнок – это плод любви*. (Ж, 19)

Кроме определения сути семьи через конкретные понятия, через ее содержательные и функциональные характеристики, нередко встречаются и гиперонимические ценностные определения: семья – это что-то святое, самое святое, святой союз, священный союз, главнейший дар Бога, главная ценность, счастье, богатство, цель жизни:

(18) *Самое ценное в жизни каждого человека. Это то, ради чего можно отдать жизнь.* (Ж, 18)

(19) *Ընտանիքը հարստություն է, որը ոչ բոլորը կարող են ունենալ, եւ ունենալու դեպքում (եթե նրանք ունեն), ոչ բոլորը կարող են պահպանել:* [Семья – это богатство, которым не все обладают, а если обладают – не все могут сохранить] (Ж, 22)

(20) *Семья – основа основ. Для меня семья это святое. Люди, которые помогают и поддерживают друг друга во всем.* (М, 22)

(21) *Семья – главнейший дар Бога!* (Ж, 20)

(22) *Семья – цель жизни.* (Ж, 19)

(23) *Հստ ինձ «ընտանիքը» դա մի արժեք է, որը չես կարող համեմատել ոչ մի թանկարժեք քարի հետ: Սակայն այն քարի պես ամուր է ու անկոտրուն:* [Помоему, «семья» – это ценность, которую нельзя сравнить ни с одним драгоценным камнем. Но она, как камень, крепка и несокрушима.] (Ж, 16)

Вопрос о сущности семьи вызывает идеальные представления, которые отражены в ответах.

Можно сравнить ответы армянской молодежи с ответами российских, мексиканских, финских студентов (исследования концепта СЕМЬИ по этим лингвокультурам проводятся автором в рамках Проекта EUROJOS, посвященного методам описания языковой картины мира, рук. проф. Е. Бартминьский). Про любовь и заботу, в общем, пишут все, и это главное, в чем все единодушны. Также разделяется мнение о необ-

ходимости не только кровного, но и духовного родства в семье. Что отличает армянский взгляд – это оценка сакральной сущности семьи, развернутая метафора очага, а также подчеркивание функции рождения и воспитания детей, передачи семейных традиций и навыков наследникам. И то, что кроме любви и уважения говорят и об ответственности и терпении:

(24) *Семья как крепость; семья как институт взаимопонимания, терпения, ответственности и любви* (Ж, 23)

Ценностные понятия, по Е. Бартминьскому [Барминьский 2005-б], как раз предполагают идеальную оценку сущности, их определения направлены на высокий образец, в то время как понятия повседневные, обиходные могут ориентироваться на типичный, а не идеальный образ. В трактовке понятия семьи могут сочетаться оба подхода. Вопрос о различии традиционной и современной семьи мог бы дать более полное представление о типичных чертах традиционной и современной семьи.

2.2. В чем отличие современной семьи от традиционной?

Здесь интересна статистика: 8 человек не дали ответа на этот вопрос, 12 человек не увидели различия или посчитали вопрос неправомерным. В целом это более 20% респондентов – это существенно отличается от анкет российских (а также и мексиканских, и финских) студентов, которые редко затруднялись в ответе. Возможно, в этом проявляется определенная позиция, характерная для армянского видения семьи.

(25) *Не поддерживаю эти термины в отношении понятия «семья»* (Ж, 23)

(26) *Думаю, отличия может и не быть, семья может быть традиционной, но вполне современной. Можно сохранить древние традиции в семье, но при этом смотреть на жизнь по-новому, и наоборот)* (Ж, 19)

(27) *Традиционная семья или современная, на самом деле, разницы нет. Семья это и есть семья, цель ее создания всегда одна*. (Ж, 18)

(28) *Не думаю, что есть понятие современная семья, есть разные люди, которые по-разному ценят свои семьи, люди, конечно, могут иметь более современные взгляды и методы воспитания детей, но суть самого понятия – семья – от этого не меняется.* (Ж, 23)

Для других различия очевидны:

(29) *Во многом. Хотя бы в том, что у нас испокон веков женились в юношеском возрасте. Сейчас все несколько по-другому.* (М, 18)

(30). *Современные семьи не такие крепкие*. (М, 20)

(31) *Ժամանակակից ընտանիքը ավանդականից տարբերվում է մտածելակերպով եվ հայացքներով։* [Современная семья отличается от традиционной образом мыслей и взглядами] (Ж, 16)

(32) *Современные семьи не совсем стабильные (уж ооооочень много разводов). Много пар, которые живут в гражданском браке. В современном обществе распространяются семьи, где двое людей с нетрадиционной ориентацией берут себе детей. (Ни в коем случае не хочу).* (Ж, 18)

(33) *Традиционная семья от современной отличается во многом. Отец является главой. Как мужчина скажет, так и будет, а жена должна слушаться. В традиционной семье жена должна работать только дома, то есть заниматься воспитанием детей и следить за домашним очагом. Раньше в армянских семьях было принято жениться и выходить замуж в раннем возрасте, а сейчас ситуация уже другая. Как в традиционной, так и в современной семье обряд сватовства все равно остался: семья жениха должна прийти в дом к невесте и официально попросить ее руки.* (Ж, 21)

(34) *Еда невкусная*. (Ж, 18)

Характерен ответ молодого человека:

(35) *Я затрудняюсь ответить на этот вопрос, так как меня окружают традиционные семьи! Но наверное то, что живут в гражданском браке и разводов очень много.* (М, 24)

Для современной семьи отмечают равноправие женщины и мужчины в семье, большую свободу женщины в выборе рода занятий (заниматься домом или работать), меньшую подконтрольность детей, минимум ограничений, отдельное от родителей проживание молодой семьи и более узкий состав, ориентацию на развитие личности, на саморазвитие.

Прогрессивные изменения выделяются при сравнении позиций мужа и жены, детей и родителей в традиционных и современных семьях:

(36) *Сравнивая папу с мамой (традиционная, исконно армянская семья) и меня с мужем (армянская, но современная), однозначно могу сказать, что женщины стали более раскрепощёнными, муж в жене уже видит женщину, друга, опору, а не женщину, чья суть только рожать детей и держать очаг.* (Ж, 25)

(37) *В общем, мне кажется (говоря об армянской семье), что раньше взрослых уважали больше и в некой степени боялись. По рассказам наших родителей (моей мамы, например) даже когда отец входил в дом, все должно было быть опрятно, уютно, но главное, что даже моя мама не осмеливалась сказать что-то, возразить, к примеру. А сейчас я вот могу со своим папой вести какие-либо дискуссии, выражать своё мнение. Думаю, это касается всего нашего поколения в целом, мы стали рисковее и смелее в этом плане. Взрослым, может, это не нравится, но они как-то мирятся.* (Ж, 19)

(38) *... в традиционной семье много запретов, что очень плохо влияет на общение! Например, буквально вчера друг семьи рассказывал, что стеснялся перед людьми обнимать и целовать своих детей. Таких примеров мнооого, т.е. эмоции были взаперти! В современной семье такого нету. Современная семья более веселая, лёгкая.* (Ж, 21)

(39) *Ժամանակակից ընտանիքը ավանդականից առաջին հերթին տարբերվում է խոսքի, որոշումներ ընդունելու եւ քայլեր ձեռնարկելու ազատությամբ, քանի որ ավանդական ընտանիքներում որպես կանոն որոշումները ընդունվում են միայն ընտանիքի Մեծի կողմից, ընտանիքի անդամները իրենց բոլոր քայլերը ձեռնարկում են միայն ընտանիքի մեծի թույլտվությամբ: Ավանդական ընտանիքներում երիտասարդների ինքնուրույնությունը սահմանափակված է, սակայն մյուս կողմից ավանդական ընտանիքները ավելի ամուր էին եւ կայուն:* [Современная семья отличается от традиционной в первую очередь свободой слова, принятия решений и совершения поступков, поскольку в традиционных семьях решения, как правило, принимаются только старшим в семье, члены семьи предпринимают все свои шаги только с разрешения старшего в семье. В традиционных семьях самостоятельность молодежи ограничена, но, с другой стороны, традиционные семьи были более прочны и стабильны.] (Ж, 26)

Чаще рассуждение ведется от традиционной семьи, где «обязанностями жены, в основном, являлось духовное воспитание детей и ведение домашнего хозяйства, а мужчина отвечает за материальную стабильность в семье, одновременно занимаясь “закалкой”, т. е. передачей собственных навыков своим наследникам» (Ж, 21). Традиционная семья консервативна, она стремится к сохранению привычного жизненного порядка, домашнего очага. В этом усматривается залог стабильности и прочности семьи. Однако в этом же видятся и сложности, объективно ограничивающие свободу женщины.

(40) *Традиционная семья придерживается традиционных стереотипов, например, если девушка вышла замуж, то она должна сидеть дома и не работать. А со-*

временная семья придерживается более свободных взглядов, например, не называть свою свекровь «мамой». (Ж, 23)

(41) *Традиционная семья – то, как жили наши дедушки и бабушки, я думаю, что в традиционной семье все в разы сложнее; в наше время не каждый будет себя комфортно ощущать в такой семье.* (Ж, 17)

(42) *В традиционной присутствует чёткое разделение обязанностей: гвоздь должен забить муж, а жена приготовить покушать, работает муж, а жена следит за домом. А в современной семье может быть все наоборот, каждый делает то, что хочет, супруги помогают друг другу, работают также оба.* (Ж, 22)

Но чаще отмечают положительные черты традиционной семьи в сравнении с современной:

(43) *Առաջներում մեր տատի, պապիներն, ծնողներն միշտ պայքարել են, որ ընտանիքն ամուր լինի, չքանդվի, իսկ հիմա, ժամանակից ընտանիքներում՝ մի բան սրտներով չի լինում՝ բաժանվում են, քանդվում են, չեն պայքարում։* [Раньше наши бабушки, дедушки, родители всегда боролись за то, чтобы семья была крепкой, не разваливалась, а сейчас в современных семьях чуть что не так – разводятся, разрушаются, не борются] (Ж, 22)

(44) *В современной семье много свободы, и люди при малейшей ссоре могут развестись, уйти. В традиционной же есть определенные правила поведения и детей, и мужа, и жены. И при любых ситуациях стараются сохранить свой очаг.* (Ж, 20)

Высказываются пожелания бережного отношения к национальным обычаям, тревога за их сохранность, приветствуется сохранение добрых национальных традиций:

(45) *Современная семья в моем понятии – это люди, которые шагают в ногу со временем и, к сожалению, забывают традиции народа, представителем которого они являются. Традиционная же, в свою очередь, семья, которая соблюдает традиции, пусть даже не все, но соблюдает их, а для нас, армян, традиции являются частью жизни всего народа, мне кажется, что именно наши традиции, а их так много и все они по-своему необычны, отличают <нас> от других.* (Ж, 19)

(46) *Много изменилось сегодня, но можно сказать, что современные семьи тоже сохраняют традиции!* (Ж, 19)

(47) *Можно взять … армянскую семью с традициями! К примеру, гостеприимство. По любому случаю радости и счастья обязательно надо накрыть стол там, где у тебя есть близкие люди: в доме, на работе и т.д. Обязательно нужно выпить и покушать – если ты не сделаешь этого, то ты не желаешь счастья.* (Ж, 16)

(48) *Отличие современной семьи от традиционной заключается в том, что традиции народа уходят на второй план … В пример можно привести армянскую семью, которая выдала свою дочь замуж за человека другой национальности … Лично я ничего против этого не имею, так как есть в этом мире любовь и возможно именно у этой пары она разгорелась. Это, может, малость, но когда нормы, традиции, праздники своего народа уходят на второй план – это уже ненормально. В первую очередь мы не должны забывать кто мы, как мы произошли, потому что мы – это будущее, то, чем будут «питаться» наши дети …* (Ж, 16)

(49) *Мне кажется, традиционная семья – та, что передает из поколения в поколения наши традиции, обычаи, обряды, язык и т.д. А современные семьи отрекаются от этого и живут по традициям, обрядам в той стране, в которой находятся, говорят на их языке, празднуют их праздники.* (Ж, 25)

Анализ ответов на этот вопрос анкеты затрагивает в значительной мере социологический аспект изучения семьи, однако и в этноязыковом плане можно выделить ключевые понятия: домашний очаг, крепкая семья, традиции, ответственность, гостеприимство.

3. Заключительные замечания: семья – дом – очаг

Объем работы не позволяет остановиться на анализе вопроса о пословицах, которые цитирует молодежь. Это может стать предметом отдельного рассмотрения. Однако можно заметить, что в традиционных армянских пословицах практически не встречается слово *«ընտանիք»* ‘семья’ – вместо него чаще используется слово *տուն* ‘дом’, или же *օջախ* ‘очаг’, или *հարազատներ* ‘родня’.

Выделенные в ответах на первые вопросы анкеты ключевые слова *дом* и *очаг* (в русском и армянском вариантах) также поддерживают это наблюдение. Связь армянских *ընտանիք* ‘семья’ и *տուն* ‘дом’ не только оправдана семантической близостью понятий (ср. в русском ‘семья, домочадцы’ – одно из значений современного слова *дом*), она вполне ощущается во внутренней форме армянского обозначения семьи *ընտանիք*, производного от *տուն* ‘дом’ [Աճառյան 1979: 427]. Для сравнения: в русском языке происхождение лексемы ‘семья’ показывает иное развитие значения. По этимологическим данным, др.-русск. сѣмия ‘челядь, домочадцы, семья; муж, жена’ связывается с русск.-цслав. сѣмь ‘persona’; сѣмья – собирательное от сѣмь (ср. братия). Само слово родственно лит., лтш., др-прус., а также гот. Haims «селение», д-в-н heim «родина». Славянское sĕmьja также восходит к индоевропейскому обозначению территориальной общности [Фасмер 1971: 600]. Исходным значением лексемы *семья* по данным «Историко-этимологического словаря» П. Черных было ‘живущие в одном селении’ и только затем – ‘домочадцы’[Черных 1999: 154]. Об утрате внутренней формы русского слова может говорить и обыгрывание в народной этимологии формулы «семья – семь “я”».

Армянское слово *օջախ* ‘очаг’, как и соответствующее русское, является заимствованием из тюркских языков.

Итак, в данном кратком описании ответов армянской молодежи на вопрос о сущности семьи мы попытались выделить ключевые моменты особого этнолингвистического представления, демонстрирующего своеобразие позиции народа, сохраняющего свою культурную идентичность на фоне революционных преобразований современности.

Автор благодарит коллег П. Балаяна и М. Оганисян за помощь в сборе материала.

Литература

1. *Бартминьский Е.* Принципы лингвистических исследований стереотипов на примере стереотипа «мать» // Е. Бартминьский Языковой образ мира. Очерки по этнолингвистике. Москва: Индрик, 2005-а. С. 179–213.

2. *Бартминьский Е.* Проект и общие принципы аксиологического словаря // Там же. 2005-б. С. 115–130.

3. *Աճառյան Հր.* Հայերեն արմատական բառարան. Հ.4. Երևան, 1979. – 676 с.

4. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. Т.3. Москва: Прогресс, 1971. – 828 с.

5. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. В 2-х томах. Т. 2. Москва, 1999. – 560 с.

6. Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów. Pod red. *J. Bartmińskiego*. Tom 1. DOM. Lublin, 2015. – 504 с.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ В АСПЕКТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

С.П. ХИЖНЯК

Саратовская государственная юридическая академия, Россия

khizhnyaksp@inbox.ru

Ключевые слова: *правовая картина мира, юридическая терминология, экстралингвистические факторы, лингвистические факторы.*

В статье рассматриваются лингвистические и экстралингвистическое особенности юридических картин мира и их репрезентантов – терминологических единиц в русском и английском языках, а также воз-

можности использования контрастивного анализа при изучении специфики правовой действительности как культурно маркированного явления и ее терминологии с использованием структурного подхода к анализу языковых и неязыковых явлений. Предложены процедуры такого анализа.

SERGEY KHIZHNYAK – Russian and English legal terminology in the aspect of contrastive analysis
Key words: *legal picture of the world, legal terminology, extra-linguistic factors, linguistic factors.*
The article deals with the linguistic and extra-linguistic features of legal world pictures and their representations – terminological units in the Russian and the English languages, as well as with the possibility of using contrastive analysis in the study of the specifics of legal reality as a culturally marked phenomenon and its terminology, using a structural approach to the analysis of linguistic and non-linguistic phenomena. The procedures of such analysis are proposed.

Каждое государство имеет собственную историю развития права и правовых отношений. В результате эволюции человеческих обществ возникло большое разнообразие правовых систем, которые характеризуются как сходными (универсальными) чертами, так и специфическими, обусловленными культурно-историческими, социальными и экономическими условиями развития государств. Правовая культура объединяет в себе два понятия «право» и «культура». Она развивалась с древнейших времен [Пронина 2012 : 222], и ее определяют как «как систему исторически сложившихся правовых традиций, убеждений, ценностей, идей, установок практического правомерного поведения, обеспечивающего воспроизводство правовой жизни общества на основе преемственности. Наиболее яркие выражения правовая культура как одна из составляющих различных локальных цивилизаций находит в традиционно устойчивой совокупности правовых источников, принципов, норм, процедур, традиционном правосознании, сложившихся в процессе длительного взаимодействия правовых, моральных, религиозных стандартов» [Крашенинникова 2010].

Юристы различают два типа юридического подъязыка – языки юридической экзегетики и юридической герменевтики. «Язык юридической экзегетики – это язык правовых норм, формальных правил, совмещающих в своей форме и содержании нормативные, логические и грамматические определения, это предмет классической, формально-догматической юриспруденции. Язык юридической герменевтики – язык представлений о праве, язык правовых концептов и символов, совмещающих метафизические и культурно-исторические основания нормативно-должного порядка социальных отношений…» [Веденеев 2016 : 11].

В связи с тем, что право – универсальное общественное явление, правовые картины мира и их языковые аналоги – языковые картины мира – могут обнаруживать определенное сходство, которое может предопределяться различными факторами: 1) совпадениями, обусловленными характером права как особого общественного явления (например, противопоставление правомерных и противоправных действий, играющее значимую классификационную роль; необходимость создания и именования органов власти); 2) сходными социально-экономическими факторами (например, наличие терминов, обозначающих сословные группы, на определенных этапах развития общества); 3) языковыми, экономическими и профессиональными контактами народов разных стран и обусловленной такими контактами рецепцией норм права, а с ними – определенных фрагментов сформировавшейся в другой культуре правовой картины мира и ее репрезентантов – номинативных единиц.

Различия обусловлены спецификой правовых норм, складывающихся в разных государствах, особенностями юридических классификаций, наличием легализации или наложения запретов на определенные проявления объективной реальности (например, разрешение или запрет на активную эвтаназию, заключение однополых браков, смертную казнь и т.д.), особенностями функций, выполняемых национальными органами исполнительной, законодательной и судебной власти и др.

Все перечисленные факторы, обусловливающие сходство и различие правовых картин мира, относятся к экстралингвистическим, которые неизбежно реализуются в формировании юридического подъязыка и языковой юридической картины мира, основой которых являются терминологические системы, включающие в себя словесные образы – как универбы, так и словосочетания. Понимание словесных образов основано на знании, которое как психическое явление существует в виде языковых репрезентативных систем, и нет четких границ между языковыми значениями и человеческим опытом [Kertész 2004 : 22-23]. Лингвисты считают, что значения, выражаемые языковыми единицами, образуют систему понятий, единое мировоззрение, своего рода коллективную философию, которая навязывается как обязательная всем носителям языка [Маслова 2001 : 65]. То есть языковая картина мира участвует в когнитивном процессе и в интерпретации реальности через призму языка и опыта носителей, приобретенного при овладении языком, что включает в себя не только изучение большого количества языковых единиц, но и правил их формирования и функционирования [Кубрякова 2004 : 64-65].

Изучение юридических терминосистем в сопоставительном плане – важная предпосылка успешности реализации межкультурной коммуникации в профессиональной юридической сфере. Возникновение контрастивной лингвистики вообще часто связывают с именем Р. Ладо и изданием работы «Language across cultures: Applied linguistics for language teachers», основанной на идеях структурализма, в которой были разработаны принципы анализа единиц языка и культуры с учетом формы, значения и дистрибуции единиц анализа [Lado 1999].

Контрастивный анализ в отношении юридических терминосистем возможен на уровнях экстралингвистических и лингвистических факторов, а также на уровнях выявления структурно-семантических свойств единиц терминосистемы (терминов и терминоэлементов), причем такой анализ может быть частным (в отношении определенных экстралингвистических факторов или отдельных структурно-семантических категорий единиц), а может быть более общим, направленным на выявление основных проявлений общего и особенного между концептуальными и языковыми картинами правовой действительности. Очевидно, что второй подход – основа для первого.

Для эстралингвистического контрастивного анализа важно установить общность и различие в воздействии неязыковых факторов на формирование правовой картины мира и терминосистемы. Правовая терминология как основа правовой картины мира в русском и в английском языках прошла многовековой путь развития. Общность воздействия внешних факторов предопределяется тем, что эта терминология двух языков в процессе своего становления и развития отражала сходные экономические и социально-политические явления классовых обществ. Общность обнаруживается в возникновении идентичных тематических групп номинативных единиц (наименований органов власти, правомерных и неправомерных действия, а также субъектов, осуществляющих такие действия); в изменении значений терминов, в пополнении национальных терминосистем заимствованиями и интернационализмами в результате культурно-исторических контактов народов, влияния и рецепции чужих правовых идей. Вместе с тем при такой общности внешних факторов их частное проявление различается, что обусловлено национально-культурными особенностями организации общества (например, различия в наименовании органов власти), разнообразием конкретных исторических контактов народов, которые обусловливают заимствования из различных языков в разных национальных терминоситемах. Так, для русской терминологии в ее историческом развитии большое значение имели заимствования из греческого (*ересь, игумен, грамота, епископ, архимандрит*), немецкого (*мыто*), скандинавских (*гридь, тиун*), тюркских (боярин, *кабала*) – XI-XIII вв. В средневеко-

вой Руси постепенно вошел в «моду» латинский язык, который в кругах высшей знати считался языком «единоначальствия», что подчеркивало его функциональную престижность. Особенно многочисленными были заимствования из немецкого языка (*комендант, полицмейстер, ратман*) в Петровскую эпоху. Заимствованы были и многие латинизмы через посредство немецкого, польского, французского и английского языков (*артикул, аудитор, асессор, адвокат, арбитр, дуэль, юстиция, нотарий*), а также французские термины (*акция, арбитраж, контрабанда*). К латинизмам, появившимся в этот период в терминологии права, относятся такие, как *апелляция, капитулы, фамилия, инструкция* и др. В XX веке заметно проникновение заимствований из английского языка (*лизинг, холдинг*). История развития английской юридической терминологии показывает, что наибольшее число номинативных единиц было заимствовано в периоды завоевания Англии скандинавами и нормандцами. В период нормандского завоевания языком права и судов был латинский, в связи с чем в английской терминологии права имеется значительный корпус латинизмов, в том числе неассимилированных (*corpus delicti, ius gentium, habeas corpus, subpoena, alibi* и др.).

Важным экстралингвистическим фактором, обусловливающим различия в правовой картине мира и терминосистемах двух языков, является отношение систем права к разным правовым семьям. Англосаксонская правовая система известна как система общего права, возникшего в Великобритании в XI-XII вв. В ней не различаются публичное и частное, процессуальное и материальное право, а также структурно не оформлены отрасли права, а отраслевые правоотношения регулируются в рамках правовых документов. Основной источник права – судебный прецедент [Давид 1988 : 258-270]. Российское право относят к континентальной (романо-германской правовой семье), в которой имеется единая иерархия - система источников права, формирование права осуществляется законодателем, значительная роль отводится подзаконным актам, существует деление на отрасли права и т.д.

Согласно Р. Ладо каждая культура имеет форму, значение и дистрибуцию, при этом форма выявляется на функциональном уровне при анализе множества проявлений конкретного экстралингвистического феномена и его отличия от других, сходных с ним, например, сопоставление категорий «offence» и «crime», «правонарушение» и «преступление». При таком сопоставлении можно выявить, что некоторые деяния в одной правовой культуре относятся к разным категориям или вообще не соотносятся с ними, как например, деяние, связанное с активной эвтаназией, которая в ряде стран является актом, разрешенным законом.

Сопоставление правовых культур можно проводить на основе декларативного фрейма, в том числе для дифференциации внутренних инокультурных явлений, сложных для понимания, например разграничения преступлений на фелонии и мисдиминоры, существовавшего ранее в английском праве. Для уяснения различий между этими терминами можно построить фрейм, состоящий из десяти слотов [см.: Garcia 1957 : 2-4].

Felony	**Misdemeanour**
Наличие сообщников	Отсутствие сообщников
Арест без ордера	Арест по ордеру
Гражданский процесс не может быть возбужден против обвиняемого до уголовного разбирательства	Указанный принцип не применим
Дело не может рассматриваться на основе информации из официальных источников	Дело может рассматриваться на основе информации из официальных источников
Отказ по корыстным или другим личным мотивам, либо по сговору с преступником от судебного преследования фелонии – преступление	Как правило, нет

Недонесение о совершении преступления – преступление	Не является преступлением
Обвиняемый должен присутствовать на процессе	Присутствие необязательно
Перед приговором обвиняемого спрашивают, есть ли у него возражения по поводу приговора суда	Принцип не применяется
Суд может присудить фелону заплатить компенсацию за причинение ущерба	Принцип не применяется
Осуждение влечет за собой дисквалификацию в военной, военно-морской, гражданской сферах; лишение пенсии	Не влечет дисквалификации

Сопоставление структурных особенностей номинативных единиц – менее сложный процесс. Например, в английском языке адресат действия чаще всего обозначается при помощи суффиксальных номинаций (*alienee, obligee, nominee, detainee, transferee, donee*), и реже при помощи субстантивации причастий прошедшего времени (*the accused*). В русском языке для обозначения адресата действия чаще используется субстантивация причастий (*пострадавший, обвиняемый, осужденный, потерпевший*) и словосложение (*взяткополучатель, отказополучатель, грузополучатель*), чем суффиксация (*индоссат*). Имеется и определенная специфика в образовании составных английских терминов по сравнению с русскими, что обусловлено законами общеязыковой синтагматики, например, наличием в английской терминологии номинативных единиц с определением, выраженным существительным (*marriage certificate, court decision*).

С семантической точки зрения общими для двух терминосистем являются наличие в них переосмысленных общелитературных слов и значительного количества метонимических переносов, лежащих в основе терминологической полисемии.

Можно выявить три категории общелитературных слов, подвергающихся переосмыслению в юридической терминологии двух языков, имеющие в общем употреблении: 1) положительную коннотацию (*защита, innocence*), 2) нейтральную окраску (*спор, domain*), 2) отрицательную коннотацию (*преступление, cruelty*).

В терминосистемах двух языков заметна регулярность и известная однотипность метонимических переносов (*суд* – орган государства и *суд* – судьи; *Crown* –монарх и *Crown* – государство). Вместе с тем имеются различия в использовании метафорических переносов в связи с тем, что жаргонизмы не проникают в кодифицированную русскую терминологию, а в английском языке сленг – один из источников пополнения юридической терминосистемы (*fence* – забор и скупщик краденого или место, где можно купить украденные товары).

Любой из рассмотренных аспектов сопоставления терминосистем также можно рассматривать в единстве трех видов контрастивного двуязычного анализа, предложенного Р. Ладо: 1) формы, 2) значения, 3) дистрибуции терминологических элементов в структуре языковой единицы [Lado 1999: 76]. Для терминологических единиц следует добавить четвертый компонент – правовую классификацию, поскольку известно, что признаки, положенные в основу научных классификаций в общественных науках, могут различаться в разных культурах.

Вот лишь несколько примеров такого анализа английских и русских терминов.

1. Та же форма, та же дистрибуция, то же значение и та же классификация: а) форма (*constitutionalism – конституционализм*), б) дистрибуция (основа существительного + интернациональный суффикс -ISM, -ИЗМ), в) значение (политическая система, опирающаяся на конституцию и конституционные методы управления), г) классификация (принцип права).

2. Различная форма, та же дистрибуция, то же значение и та же классификация: а) форма (owner – владелец), б) дистрибуция (основа глагола + суффикс), в) значение (лицо, владеющее собственностью), г) классификация (юридическое или физическое лицо).

3. Различная форма, различная дистрибуция, то же значение, та же классификация: а) форма (*offeree – адресат оферты*), б) дистрибуция (суффиксация *vs*. словосочетание), в) значение (человек или организация, которым сделано предложение), г) классификация (юридическое или физическое лицо).

4. Различная форма, различная дистрибуция, различное значение, та же классификация: а) форма (*infanticide – убийство матерью новорожденного ребенка*), б) дистрибуция (суффиксация *vs*. словосочетание), в) значение (пол преступника не указан *vs*. пол преступника указан), г) классификация (юридический факт).

Таким образом, правовая картина мира, отражаемая в терминосистемах права, формируется в результате воздействия разнообразных экстралингвистических факторов социально-экономического характера, которые обусловливают специфику данного варианта языковой картины мира и модифицируют те фрагменты обыденной картины мира, которые подлежат восприятию правом и правоведением. Это обусловливает сложность овладения инокультурной правовой картиной мира, чему может способствовать контрастивный анализ при изучении терминосистем разных языков и их экстралингвистического фона. Такой анализ может быть как более общего характера, так и охватывающим частное проявление правовой действительности, т.е. его можно признать универсальным как в плане изучения иностранного языка, так и освоения чужой правовой культуры, в том числе для целей межкультурной коммуникации.

Литература

1. *Веденеев Ю.А.* Интерпретации права как культурно-исторический феномен // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. С. 5-15.

2. *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., Прогресс, 1988. 496 с.

3. *Крашенинникова Н.А.* Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Международные Лихачевские научные чтения, 13-14 мая 2010 г. Доклады. [Электронный ресурс] URL: http:// www.lihachev.ru (дата обращения: 27.04.2019).

4. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., Языки русской культуры, 2004. 560 с.

5. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М., Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.

6. *Пронина М.А.* Правовая культура в России, Китае и Великобритании: понятие, содержание, взаимодействие // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2012. № 1 (16). С. 222-226.

7. *Garcia M.* Criminal Law and Procedure in a Nutshell. London: Sweet & Maxwell, 1957. 127 p.

8. *Kertész A.* Cognitive Semantics & Scientific Knowledge. Case Studies in the Cognitive Science of Science. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins Publishing Co, 2004. 261 p.

9. *Lado R.* Linguistics across Culture: Applied Linguistics for Language Teachers. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1999. 141 p. (Original work published in 1957).

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ И ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ В РУССКОМ, ПОЛЬСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ АКТОВ ОДОБРЕНИЯ И ПОРИЦАНИЯ)

А. ЧАПИГА

Жешувский университет, Польша

artur.czapiga@wp.pl

Ключевые слова: *речевые акты, одобрение, порицание, Интернет-дискурс.*

Предметом описания в настоящей работе является сравнение актов порицания и одобрения – их прагматических значений, социокультурного аспекта и способов вербализации. Исследование ведется в сопоставительном плане – материал почерпнут из русских, польских и английских Интернет-форумов для учителей. Анализ антонимичных актов речи позволяет обратить внимание на тонкости их прагматических значений, трудные для обнаружения при отдельной трактовке каждого из них.

ARTUR CZAPIGA – Speech Acts of Positive and Negative Evaluation in the Internet Discourse in Russian, Polish and English (on the Example of the Speech Acts of Approval and Disapproval)

Key words: *speech acts, approval, disapproval, Internet discourse*

The article is devoted to the study of the speech acts of approval and disapproval – their pragmatic meanings, sociocultural aspects and the ways of expressing. It is a comparative study, the material has been excerpted from Russian, Polish and English Internet forums for teachers. The analysis of two antonymous speech acts reveals some of their aspects not easily distinguished in separate studies.

Теория речевых актов в трактовке Джона Остина [Austin 1962] и Джона Серля [Searle 1975] и ее последующие модификации дают надежную основу для исследования диалогических реплик в прагмалингвистическом контексте. Анализ перформативности высказывания [Апресян 1986 : 208-223] раскрывает целесообразность данной реплики, помогает восстановить ее иллокутивную силу. Реализация основной цели разговора проводится согласно коммуникативной стратегии [Иссерс 2008 : 54-92; Awdiejew 2005 : 127-150], а конкретные задачи, появившиеся во время диалога, согласно коммуникативной тактике [Иссерс 2008 : 139-192].

Одобрение понимается как ‘признание хорошим, правильным; положительный отзыв, похвала’; ‘отзыв, выражающий похвалу, признание успеха’, а также ‘похвала, одобрительный отзыв’ [Шведова 1998; Евгеньева 1981-1984]. Когда говорящий одобряет слушателя, его действия, предложения и т.п., то он (говорящий) предполагает, что собеседник ждет поддержки [Wierzbicka 1987 : 120-122].

Значение *порицания* словари толкуют следующим образом: ‘осуждающий отзыв о ком-, чем-л., выражение неодобрения’, ‘неодобрение, осуждение чьих-н. действий, поступков’ или как ‘выговор’ [Шведова 1998, Евгеньева 1981-1984]. Когда говорящий порицает слушателя за то, что тот сделал, то он (говорящий) предполагает, что собеседник понимает, что совершенное им действие неправильное [Wierzbicka 1987 : 122-123].

Анализ лексикографического материала подтверждает, что в польском и английском языках имеются эквиваленты описываемых терминов – *aprobata*, *approval* для *одобрения* и *dezaprobata*, *disapproval* для *порицания* [Bańko 2000, Grove 2008]. Вышеприведенные значения позволяют понимать исследуемые акты речи как реакцию на некую деятельность/поступок, как речевое действие сложного характера в социокультурном плане. Оба акта имеют реактивный характер, представляют противоположные способы реагирования на объект оценки. Как при одобрении, так и при порицании важным является социальный контекст высказывания – говорящий должен занимать более высокую позицию, чем слушающий. Только тогда сможет он оказать влияние на действие собеседника: в случае одобрения побудить к дальнейшим действиям, оказать поддержку слушателю; а в случае порицания – заставить собеседника менять поведение. Описываемые акты речи служат реализации совсем других коммуникативных стратегий.

Материал для настоящего исследования почерпнут из Интернет-форумов на русском, польском и английском языках. Они (тексты форумов) вписываются в рамки дискурса. Феномен этот разработан современными лингвистами для формального, ситуативного и функционального подхода [Макаров 1998 : 68-75], касается речевых и письменных текстов, сознательно воспринимаемых участниками диалога [van Dijk 1990], и понимается как совокупность текстов, образованных и существующих в определенных условиях как в лингвистическом, так и во внеязыковом контексте. Дискурс воспринимается адресатом с учетом его когнитивной и коммуникативной деятельности [Горина 2015 : 70-73].

Согласно лингвистическим исследованиям, Интернету свойственны признаки дискурса [Патрушева 2013 : 12], сформированного в электронной, глобальной, интерактивной сфере [Ахренова 2009]. Ему приписываются такие признаки, как когнитивность, интеракивность, вариативность, социологичность и психологичность [Го-

рина 2015 : 88-100]. Дискурс Всемирной сети – это обширная, сложная и быстро изменяющаяся действительность, что делает из него очень требовательный и интересный объект исследований.

Интернет-форум составляет особый вид сетевого дискурса. Это либо самостоятельный сайт, либо раздел сайта, объединяющий клуб пользователей с общим интересом общения. Как правило, состав участников достаточно устойчивый. Форум является асинхронным видом общения, язык пользователей проявляет черты устного и письменного текстов. Этому виртуальному полилогу свойственны, между прочим, иерархичность (наблюдаем, напр., роли администратора, модератора, участника, гостя), монотематичность макротемы и политематичность общения, а язык, как и в самом Интернете, часто является ненормативным [Патрушева 2013 : 128-134].

Отобранный из Интернет-форумов для учителей иллюстративный материал в общих чертах определяет характеристику участников коммуникативной ситуации и их социальную позицию (небольшая разница статуса: одобряющее/порицающее лицо приобретает в данном контексте высший статус – благодаря знаниям, функции модератора и т.п.). Источником русскоязычного материала является форум http://pedsovet.su/forum/, польского – http://www.45minut.pl/forum/, а английского – http://www.teacherstalk.co.uk/forum/.

Первое наблюдение при отборе реплик с одобрением и порицанием касается частотности употребления таких фраз. Оказывается, что в англоязычном материале их почти в два раза меньше, чем в русско- и польскоязычном. Хотя тематика разговоров на исследуемых сайтах похожа, а язык свободен, но на teacherstalk стремление отклоняться от непосредственной оценки значительно более заметное. Ср.:

1 (одобрение):

А: *Как устроиться на работу в школу, не имея опыта?*

Б: *Похвально. Обратитесь в районный отдел народного образования РОНО в вашем районе к инспектору школ. Вам подскажут в каких школах какие специалисты требуются. Успехов!*

2 (порицание):

А: *Дорогие коллеги! Хотелось бы узнать Ваше мнение по вопросу возвращения к школьной форме. Какие аргументы Вы можете привести "ЗА" и "ПРОТИВ"? Если "ЗА", то как Вы убеждаете в необходимости её введения детей и их родителей?*

Б: *а еще надо регламентировать О ЧЕМ и КАК думать! Вон, Надежда-Вера в соседней ветке возмущается: такие-сякие, кто дал им право так думать о школе! Отправить на форматирование мозга!.*

3 (одобрение):

А: *Witajcie, chciałem zapytać co sądzicie na temat wykorzystania gier decyzyjnych/symulacji biznesowych na lekcjach z przedsiębiorczości, ekonomii w praktyce oraz zakładanie i prowadzenie działalności gospodarczej w technikach?*

Б: *Moim zdaniem to dobry sposób i chyba trzeba by coraz więcej praktycznej ekonomii w szkołach, żeby dzieci więcej rozumiały. To się przydaje nie tylko w szkole, tylko najbardziej w życiu dorosłym.*

4 (порицание):

А: *Poszukuję scenariusza lekcji 3.4. Masa cząsteczkowa pierwiastka i związku chemicznego z wydawnictwa WSIP czy ktoś z Państwa korzysta i może mi udostępnić ten materiał?*

Б: *Nie dubluj, proszę, postów w różnych wątkach.*

5 (одобрение):

А: *I would talk for 5 minutes using visual or audio aids and then I would spend the following 5 minutes directing them to do something interactive*

Б: *Tina your idea sounds brilliant, is there any chance you could email me your info. Ta x*

6 (порицание):

А: *On the off chance that this message doesn't get censored here is my hotmail address:*
(...)@hotmail.co.uk would be really nice to chat to someone who is also doing a PGCE.

Б: *Matt, you are free to post your email in any topic if you wish, however this is not recommended as spam robots can (and will) read this forum.*

Одобрение вписывается в общепринятые максимы вежливости [Grice 1975: 41-58]. Отправитель не повредит хорошим отношениям с собеседником, если прямо скажет, что объект высказывания ему нравится, и он разрешает это сделать. Поэтому стратегии этого акта речи чаще всего однозначные, непосредственные: *похвально*; *особых минусов я не вижу*; *moim zdaniem to dobry sposób*; *świetna sprawa!*; *Tina your idea sounds brilliant*; *your idea is a fantastic one*. В отобранном из форума pedsovet материале одобрение чаще всего лишено эмотивной окраски, оно передается нейтрально. В польско- и английскоязычном материалах этот акт речи преимущественно усиливается.

Для того, чтобы умело выразить порицание, требуется коммуникативная компетенция на довольно высоком уровне [Rudyk 2016 : 55-56]. Данный акт речи выступает против правил языковой вежливости и поэтому требует других коммуникативных тактик. В исследуемом материале чаще всего встречаются: 1) отправитель ссылается на правила пользования сайтом (*если можно, делитесь сразу положительным конкретным опытом*; *nie dubluj, proszę, postów w różnych wątkach*; *you are free to post your email* (...)*, however this is not recommended*) – это тактика переноса на третье лицо ответственности за неприятное содержание, 2) отправитель использует переносное значение, шутку либо упрек, чтобы передать порицание (*а еще надо регламентировать О ЧЕМ и КАК думать!; współczuję, że nie zdołałaś znaleźć normalnej pracy*; *only Teachers here, who have a fruit-logo on their smartphone?*) – это тактика передачи непопулярного содержания непрямым способом. Восприятие такой реплики требует больше времени, может вызвать смех, а в редких случаях получатель может оскорбиться.

Проведенный анализ высказываний со значением одобрения и порицания подтвердил, что оба акта речи универсальны для описываемых культур. Их основные конститутивные признаки очень похожи, что позволяет считать оба явления переводческими эквивалентами в русской, польской и английской культурах. Основные различия касаются, прежде всего, частотности употребления непосредственной оценки в репликах (их гораздо меньше в англоязычном материале), а также подбора конкретных коммуникативных тактик и средств выражения.

Литература

1. *Апресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и словаре // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1986. т. 45, № 3, С. 208-223.

2. *Ахренова Н.А.* Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, на правах рукописи, М., МГОУ, 2009.

3. *Горина Е.В.* Конституирующие признаки дискурса Интернета: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, на правах рукописи, Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2015.

4. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи, Москва. УРСС, 2008.

5. *Макаров М.Л.* Интерпретативный анализ дискурса в малой группе, Тверь: ТвГУ, 1988.

6. *Патрушева Л.С.* Функционально-стилистические особенности форума как жанра Интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского Университета, 2013. Вып. 4. История и Филология. С. 128-134.

7. Русский семантический словарь / Под ред. Н.Ю. Шведовой, Москва 1988 [Электронный ресурс.] Дата последнего обращения www.slovari.ru 02.03.2019.

8. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой, т. I−IV, Москва: Русский язык, 1981-1984.
9. *Austin J.L.* How to Do Things with Words, Oxford: Oxford University Press, 1962.
10. *Awdiejew A.* Strategie konwersacyjne // Acta Universitas Lodziensis. Folia Litararia Polonica, 7, 2005. S. 127-150.
11. *van Dijk T.* Issues in Functional Discourse Analysis // Liber Amicorum for Simon Dik / Edited by H. Pinkster, Dordrecht: Foris, 1990. P. 27-46.
12. *Grice P.H.* Logic and Conversation // Syntax and Semantics 3: Pragmatics / Edited by P. Cole, J. Morgan, New York: Academic Press, 1975. P. 41-58.
13. Inny słownik języka polskiego / Pod red. *M. Bańko*, t. I-II, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000.
14. *Rudyk A.* Перформатив dziękuję в речевом акте отказа (по сравнению с русским языком) // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego". Seria Filologiczna. Glottodydaktyka 8, Zeszyt 92, 2016. C. 55-56.
15. *Searle J.* A Taxonomy of Speech Acts // Minnesota Studies in the Philosophy of Science 9 / Edited by K. Gunderson, Minnesota: Minnesota University Press, 1975. P. 344–369.
16. Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged 2008 / Edited by P.B. Grove, [Электронный ресурс.] Merriam-Webster, Дата последнего обращения http://www.merriam-webster.com 02.03.2019.
17. *Wierzbicka A.* English Speech Act Verbs, Sydney: Academic Press, 1987.

Интернет-ресурсы

18. http://pedsovet.su/forum/ Дата последнего обращения 26.03.2019.
19. http://www.45minut.pl/forum/ Дата последнего обращения 28.03.2019.
20. http://www.teacherstalk.co.uk/forum/ Дата последнего обращения 22.03.2019.

РАННИЕ ВЕНКИ СОНЕТОВ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Л.Г. АКОПЯН
Ереванский государственный университет, Армения
levon.hakobyan@ysu.am

Ключевые слова: *венок сонетов, история жанра, магистрал, Сиенская академия, Л. Бехштейн, Ф. Прешерн.*

В статье уточняется время возникновения венка сонетов как жанровой формы. Вопреки устоявшейся точке зрения, утверждается, что эта жанровая форма не могла зародиться ранее XVI века. Ранние неканонические венковые формы итальянских и английских поэтов XVI-XVII веков характеризуются отсутствием магистрала и нерегламентированным количеством текстов. Распространенное мнение о создании канонического венка сонетов «Сиенскими академиками» не подтверждается соответствующим поэтическим материалом. Исходя из этого, делается вывод о том, что канонический венок сонетов возникает лишь в эпоху романтизма (Л. Бехштейн, Ф. Прешерн).

LEVON HAKOBYAN – Early Crowns of Sonnets: Mysteries of History

Key words: *crown of sonnets, genre history, master sonnet, Siena Academy, L. Bechstein, F. Prešeren.*

The article specifies the time of occurrence of the crown of sonnets as a genre form. Contrary to the established point of view, it is argued that this genre form could not have originated before the 16th century. The early non-canonical crown forms of the 16th -17th centuries Italian and English poets are characterized both by the absence of the master sonnet and an unregulated number of texts. The widespread opinion on the establishment of the canonical crowns of sonnets by the “Siena Academicians” is not supported by the appropriate poetic material. Thereby, it is concluded that the canonical crowns of sonnets occur only in the Romanticism period (L. Bechstein, F. Prešeren).

В своем современном виде венок сонетов состоит из 14 поэтических текстов, связанных между собой таким образом, что последний стих каждого предыдущего сонета повторяется в первом стихе последующего. Последний стих завершающего – четырнадцатого – сонета повторяет начальный стих первого сонета. В результате получается замкнутый круг поэтических текстов, связанных друг с другом первыми и последними стихами сопредельных сонетов. Но это еще не все: в венке сонетов есть еще и пятнадцатый сонет, именуемый *магистралом*, который составлен из первых стихов всех четырнадцати сонетов.

Однако еще задолго до того как венок сонетов обрел каноническую форму, европейские поэты создавали упорядоченные комплексы сонетов, которые в той или иной степени приближались к современному представлению об этой жанровой форме.

История становления и развития венка сонетов в европейской литературе еще не написана, и потому представленные в разных исследованиях краткие исторические экскурсы содержат существенные противоречия, а порой и явные неточности.

Большинство ученых склоняются к тому, что венок сонетов был изобретен в XIII веке, вскоре после возникновения поэтической формы сонета. Эта точка зрения представлена в таких исследованиях как [Шульговский 1914: 490], [Квятковский 1966: 73], [Тимофеев 1985: 98], [Мелентьев 1988: 5] и др. Позицию этой группы исследователей обобщил О.И. Федотов: «Венок сонетов, как и сам сонет, появился в Италии на переходе от средневековья к эпохе Возрождения, в XIII веке. Среди его зачинателей называют итальянских поэтов Фольгоре да сан Джеминьяно и Винченцо Монти, хотя сонеты в их венках не соответствовали строгим канонам. Видимо, знал эту форму и Франческо Петрарка, применявший в магистрале акростих» – пишет Федотов, ссылаясь на Мелентьева [Федотов 2011: 468].

Судя по всему, источником информации для обоих авторов была книга Н.Н. Шульговского, о чем косвенно свидетельствует опечатка в имени Фольгоре да сан Джиминьяно, перекочевавшая в тексты Мелентьева и Федотова. Впрочем, не это главное. Вызывает удивление сам факт появления имени Винченцо Монти, поэта

рубежа XVIII- XIX веков, в контексте итальянской литературы XIII века. У Шульговского, кстати, этот автор не упоминается вовсе, и непонятно, откуда вкралось это имя в текст Мелентьева. Но любопытно другое: дело в том, что ни Фольгоре да сан Джиминьяно, ни Винченцо Монти венков сонетов не создавали вообще. В работах Мелентьева и Федотова настораживает также глухой намек на Ф. Петрарку, «применявшего в магистрале акростих». Но сонет (с акростихом или без – все равно) может быть магистралом только тогда, когда он входит в состав венка сонетов, а Петрарка, как известно, венков сонетов также не создавал.

Другие исследователи полагают, что венок сонетов представляет собой более позднее образование, возникшее в XV веке [Шишкин 1995: 188] или же в эпоху барокко [Гаспаров 1987: 63]. Последняя точка зрения нам представляется более обоснованной, исходя из следующих соображений. Во-первых, сонет как твердая поэтическая форма, созданная, как принято считать, поэтом Джакомо да Лентини (1210-1260), должна была пройти некоторый временной путь утверждения в художественном сознании и признания новой поэтической формы итальянскими стихотворцами XIII века. С этой точки зрения, зарождение венка сонетов непосредственно после возникновения сонета нам представляется маловероятным. Во-вторых, – и это главное, – самые ранние образцы венка сонетов обнаруживаются лишь в эпоху барокко.

Наши наблюдения над ранними формами венка сонетов мы ограничили произведениями итальянских и английских поэтов XVI-XVII веков: Аннибале Каро (1507-1566), Сальваторе Массонио (1559-1629), Джорджа Чапмена (1559-1634), Джона Донна (1572-1631) и леди Мери Рот (1587-1651).

Две особенности характеризуют эти ранние венки сонетов эпохи барокко. Первая – это отсутствие магистрала. Здесь связность сонетов венка обеспечивается лишь повторением последнего стиха предыдущего сонета в первом стихе последующего, а последний стих завершающего текста повторяет первый стих начального сонета.

Вторая особенность этих ранних венков – произвольное количество поэтических текстов, составляющих венок сонетов. Так, знаменитый венок сонетов Джона Донна *La Corona /Венок/*, созданный в 1609 году, состоит из семи текстов [Donne 1990: 171-173], *Corona /Венок/* Аннибале Каро /середина XVI в./ – из девяти [Caro, I, 1912: URL], *A Coronet for His Mistress Philosophy /Венец для его возлюбленной Философии/* Джорджа Чапмена, созданный в 1595 г., состоит из десяти сонетов [Chapman 1875: 38-39.], *Corona di dodici sonetti fatta in morte di don Filippo il Secondo d'Austria rè di Spagna /Венок из двенадцати сонетов на смерть дона Филиппа Второго Австрийского, короля Испании/* Сальваторе Массонио (1601) [Massonio 1601: 1-12], как видно из заглавия, состоит из 12 текстов. На этом фоне выделяется близкий к канонической форме *A Crown of Sonnets dedicated to Love /Венок сонетов, посвященный любви/* (1621) леди Мери Рот [Wroth 1621: URL], состоящий из 14 сонетов.

Пожалуй, самым известным из названных венков является *La Corona* Джона Донна. В литературном сознании англоязычного читателя он отодвинул на второй план все остальные произведения, созданные в этой жанровой форме, так что даже авторитетный американский литературовед Барри Шерр, сравнивая английские и русские венки, писал: «"Венок сонетов" в английском варианте представляет собой череду семи сонетов» [Шерр 1996: 316], явно имея в виду произведение Джона Донна; странно, что при этом он не вспомнил ни о венке Дж. Чапмена, ни о венке леди Мери Рот.

Указанные две особенности ранних венков сонетов – отсутствие магистрала и нерегламентированное число составляющих их текстов – на деле взаимосвязаны. В каноническом венке сонетов жестко заданное количество текстов (14) основной части определяется самим фактом присутствия магистрального сонета, естественно, состоящего из 14 стихов. Отсутствие магистрала предопределяет количественную ва-

риативность свехтекстового целого венка сонетов эпохи барокко. Если принять за отправную «нулевую» точку 14-текстовый венок (по количеству стихов сонета), то вариативность эта может быть направлена как в сторону меньшего, так и в сторону большего количества текстов безмагистрального венка. Последний случай, впрочем, таит в себе существенную опасность, связанную с проблемами психологии восприятия и оперативной памяти реципиента: экстенсивное увеличение количества текстов делает проблематичным восприятие единства венка, особенно в аспекте актуализации связей концовки последнего текста венка с началом первого. Поэтому не случайно, что перечисленные выше произведения итальянских и английских поэтов в основном включают в себя меньшее количество текстов, чем это предполагает канонический, то есть, «магистральный» венок сонетов.

С другой стороны, меньшее количество сонетов делает принципиально невозможным само наличие магистрала. Так, например, в случае венка сонетов Джона Донна не хватает доброй половины текстов для того чтобы хотя бы затевать разговор о магистрале. Что касается произведения Мери Рот, то здесь, несмотря на наличие необходимого количества текстов (возможно, случайное), первые стихи их не складываются в связный текст и, следовательно, даже гипотетически не могут образовать магистрала.

Рассмотренные примеры показывают, что ранние формы венка сонетов вовсе не предполагали наличия магистрала, а «сплетенность» венка обеспечивалась лишь повторением последней строки каждого сонета в первом стихе последующего.

Однако здесь возникает парадоксальная ситуация. Дело в том, что еще задолго до появления перечисленных выше произведений А. Каро, Дж. Донна и других, знаменитая Сиенская академия, учрежденная в середине XV века, установила канон венков сонетов, предусматривающий не только сцепленность четырнадцати сонетов, но и обязательное наличие магистрала. Об этом свидетельствует итальянский поэт и историк литературы Джованни Марио Крешимбени в своем трактате «L'Istoria della volgar poesia» («История поэзии на народном языке»), вышедшем третьим изданием в 1731 году. Именно в этом расширенном издании Крешимбени впервые обращается к описанию структуры венка сонетов. Здесь мы не будем приводить пространную цитату из его трактата. Отметим лишь, что его описание канона венка сонетов вполне соответствует современному представлению о каноническом венке, изложенному в самом начале нашей статьи [см.: Crescimbeni 1731: 214].

Но интересно другое: при весьма обстоятельном описании структурных особенностей венка сонетов, Крешимбени не называет ни одного конкретного произведения и ни одного создателя канонического венка, глухо ссылаясь на «сиенских поэтов … обнаруживших верный способ плетения венков» [Crescimbeni 1731: 214].

Не называет конкретных венков и другой автор, Джованбатиста Биссо, который в своем исследовании «Introduzione alla volgar poesia» («Введение в поэзию на народном языке»), написанном спустя более полувека после трактата Крешимбени, говорит не только о канонической венковой форме, но и о различных модификациях магистрального венка сонетов. Дж. Биссо, как нам представляется, впервые описывает структуру «обратного» венка сонетов, первый текст которого начинается с последнего стиха магистрала и далее по аналогии. Несколько туманно говорит он о другой модификации, состоящей из 40 сонетов, в которой некоторые стихи магистрала трижды повторяются в трех первых и в трех последних текстах венка [Bisso 1777: 179-185].

Поразительно, что сложнейшая поэтическая форма, требующая исключительного поэтического мастерства и технического совершенства, оказалась вытесненной даже не на периферию, а вообще за пределы формально-поэтических исканий последующих культурных эпох, и была предана забвению целыми поколениями европейских

поэтов вплоть до эпохи романтизма. Сказанное, впрочем, никак не объясняет, почему до сей поры не обнаружено ни одного образца магистрального венка сонетов, созданного сиенскими академиками по их собственным предписаниям. Трудно поверить, что изысканная и изощренная поэтическая форма, требующая кропотливого труда и предъявляющая к поэту требование владения не только «секретами ремесла», но и «тайнами творчества» (как сказала по другому поводу А. Ахматова), могла так внезапно исчезнуть, не оставив ни имен авторов, ни заглавий венков, не говоря уже о самих текстах.

Эта запутанная, почти детективная ситуация порождает крамольный вопрос: а на самом ли деле сиенские академики создавали магистральные венки, или же они просто теоретизировали, что называется, «по поводу»? И еще вопрос: а может, все это было лишь игрой воображения последующих историков литературы, таких как Дж. М. Крешимбени, а затем и Дж. Биссо?

До недавнего времени принято было считать – по крайней мере, в славянском мире, – что венок сонетов в своем каноническом виде был возрожден фактически из небытия классиком словенской литературы поэтом-романтиком Франце Прешерном (1800-1849), который в 1832 году создал свой знаменитый *Sonétni vénec /Сонетный венок/*. Лишь позже литературоведы [Сугай 2013: 105] обратили внимание на интересующий нас аспект поэтического творчества немецкого писателя и фольклориста Людвига Бехштейна (1801-1860), который за несколько лет до Ф. Прешерна создавал канонические венки сонетов, а в 1828 году издал книгу «Sonettenkränze» («Венки сонетов»), включающую целых 14 (!) магистральных венков сонетов [Bechstein 1828]. Удивляет тематическая многоплановость включенных в сборник Бехштейна венков – от метафизических размышлений (венки сонетов *Gott /Бог/, Die Sterne /Звезды/*) до лирических признаний (*Freundschaft und Liebe /Дружба и любовь/, An die einstige Geliebte /Бывшей возлюбленной/*), от нордических сказаний (*Ragnarokur /Рагнарек* – день гибели богов и конца мира в скандинавской мифологии – Л.А./) к библейским темам и образам (*Moses /Моисей/, Jesus /Иисус/, Vater unser /Отче наш/*). К сказанному добавим, что позже Л. Бехштейн создал еще несколько венков сонетов, тексты которых, однако, нам были недоступны, поэтому здесь мы приведем лишь заглавия этих произведений: *Amor /Амур/, An den Mond /К луне/, Liebe /Любовь/* [Sonett-Archiv (Ludwig Bechstein 1801-1860)]. Перечисленных заглавий вполне достаточно, чтобы, во-первых, представить себе широту тематики венков сонетов Людвига Бехштейна, а во-вторых, осознать, что эти венки сонетов заслуживали гораздо большего внимания, чем то, которого удостоились они в литературной памяти последующих поколений носителей немецкой культурной традиции.

Сегодня трудно сказать, ориентировался ли Л. Бехштейн на какой-то неизвестный нам образец магистрального венка, или же воссоздал его по схематическому описанию его архитектоники, представленному у Крешимбени и Биссо или в иных аналогичных трактатах. Как бы то ни было, в предисловии к своей книге он пишет: «Я не знаю, существуют ли еще венки сонетов, созданные другими поэтами…к сожалению, я не имел удовольствия их читать, и у меня не было ни одного немецкого образца для подражания» [Bechstein 1828: XXII], но при этом он почему-то отказывается дать читателю необходимые в данном случае пояснения о сущности и структуре венка сонетов, ограничиваясь расплывчатыми отсылками к дополнительным источникам: «… я не намерен излагать существующие правила (построения венков сонетов – Л.А.), которые каждый интересующийся может найти в учебниках итальянского языка и просодии» [Bechstein 1828: XXI].

В связи с тем, что нам также не удалось обнаружить более ранние магистральные венки сонетов, мы полагаем, что именно Людвиг Бехштейн стоит у истоков этой жанровой формы, по меньшей мере, в поэзии нового времени. Кроме того, нам пред-

ставляется, что венки сонетов Л. Бехштейна и послужили образцом для Франце Прешерна, который своим «Сонетным венком» положил начало не прерывающейся вплоть до сегодняшнего дня традиции венков сонетов во всех славянских литературах и, в частности, в русской поэзии.

В отличие от своего немецкого предшественника, не пожелавшего, как было уже сказано, дать какие-либо комментарии относительно структуры венка сонетов, Ф. Прешерн, сознавая трудности, с которыми неизбежно столкнется читатель при восприятии этой непривычной поэтической организации, в первом сонете объясняет читателю суть сложной формы магистрального венка [Прешерн 1987: 198-199].

Однако Ф. Прешерн не просто заимствовал форму венка сонетов, но и ввел в нее новшество, о котором ничего не было сказано в трактатах Крешимбени и Биссо, и которого не было в венках Л. Бехштейна. Речь идет об осложнении магистрала акростихом. «Сонетный венок» Прешерн посвятил своей возлюбленной Юлии Примиц, имя которой и было зашифровано в акростихе магистрального сонета (в оригинале – Primicovi Julji). Впрочем, последующие создатели венков сонетов надолго отказались от магистрального акростиха, дабы не усложнять и без того сложную сверхтекстовую организацию. Дело даже не в том, что акростих сам по себе достаточно трудный в техническом отношении прием, а в том, что для реализации акростиха в магистрале необходимо, чтобы первый стих каждого из четырнадцати сонетов основного корпуса начинался со слова на вполне определенную букву.

* * *

Размышляя о судьбах жанровой формы венка сонетов, в очередной раз убеждаешься в справедливости латинского изречения «Habent sua fata libelli». Иначе как объяснить, что поэтическая форма, не только возрожденная, но и реализованная Л. Бехштейном в многочисленных магистральных венках, натолкнулась на столь холодное равнодушие европейских поэтов, что в западной литературе венок сонетов так и остался изощренно-замысловатой поэтической формой, «изысканной забавой» неведомых старых мастеров. С другой стороны, чем обусловлена завидная литературная участь одного-единственного венка сонетов словенского поэта, породившего мощную поэтическую волну в славянских литературах? Как бы то ни было, следует констатировать, что в славянском литературном мире, не столь избалованном утонченными поэтическими изысками, как западноевропейская поэзия, новая жанровая форма обрела не только признание, но и небывалый расцвет. И первым в длинном ряду последующих венков сонетов, вторично возрожденных (теперь уже на славянской почве), является «Сонетный венок» Франце Прешерна, впервые переведенный на русский язык выдающимся филологом Ф.Е. Коршем.

Дальнейшая история венка сонетов выходит за рамки обозначенной в заглавии темы нашей статьи, поэтому здесь мы поставим точку.

Литература

1. Гаспаров М.Л. Венок сонетов // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 63.

2. Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 73.

3. Мелентьев Г.В. Венок сонетов. Библиографический указатель. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1988.

4. Прешерн Ф. Лирика. – М.: Художественная литература, 1987.

5. Сугай Л.А. Венки сонетов. // Традиционные строфические формы и их жанрово-строфические единства в русской поэзии: Монография – Ставрополь: Альфа Принт, 2013. – С. 105.

6. Тимофеев Л.И. Венок сонетов. // Литературная учеба, 1985, № 1. – С. 98.

7. Федотов О.И. Сонет. – М.: РГГУ, 2011. – С. 468.

8. Шерр Б. Русский сонет. //Русский стих: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика: В честь 60-летия М.Л. Гаспарова. – М.: РГГУ, 1996. – С. 316.

9. Шишкин А.Б. Русский венок сонетов: истоки, форма и смысл. // Russica romana. Volume II. Roma: La Fenice,1995. – С. 188

10. Шульговский Н.Н. Теория и практика поэтического творчества. Технические начала стихосложения. – СПб-М.: Издание т-ва М.О. Вольф, 1914. – С. 490.
11. Bechstein L. Sonettenkränze. – Arnstadt: K. Mirus'sche Hofbuchhandlung, 1828.
12. Bisso G. Introduzione alla volgar poesia. – Roma: Stamperia Zempel, 1777. – URL: https://archive.org/details/introduzioneall00bissgoog. Дата последнего обращения 25.05.2019.
13. Caro A. Opere. Vol. I. – Bari: G. Laterza & Figli, 1912. – URL: http://gutenberg.beic.-it/view/action/nmets.do? DOCCHOICE=1781382.xml. Дата последнего обращения 25.05.2019.
14. Chapman G. A Coronet for His Mistress Philosophy // The Works of George Chapman: Poems and Minor Translations. With an introduction by Algerton Charles Swinburne. – L.: Chatto and Windus, Piccadilly, 1875. – P. 38-39. – URL: https://archive.org/stream/ worksofgeorgecha00chapuoft/worksofgeorgecha00chapuoft_djvu.txt. Дата последнего обращения 25.05.2019.
15. Crescimbeni G.M. L'Istoria della volgar poesia. – Venezia: L. Basegio, 1731. – P. 214. – URL: https://books.googleusercontent.com/books/content?req=AKW5Qadofhpy... Дата последнего обращения 25.05.2019.
16. Donne J. La Corona. // John Donne. A critical edition of the major works. Ed. by John Carey. – Oxford-N.Y.: Oxford University Press, 1990. – P. 171-173.
17. Massonio S. Corona di dodici sonetti fatta in morte di don Filippo il Secondo d'Austria, rè di Spagna. – Chieti: Appresso Isidoro Facij, 1601. – P. 1-12. – URL: https://archive.org/details/coronadidodiciso00mass/-page/n3. Дата последнего обращения 25.05.2019.
18. Sonett-Archiv (Ludwig Bechstein 1801-1860) – URL: http://www.sonett-archiv.com/index2.html. Дата последнего обращения 25.05.2019.
19. Wroth M. A Crown of Sonnets dedicated to Love – URL: http://allpoetry.com/poem/8602399-A_Crown_of_Sonnets_Dedicated_to_Love-by-Mary_Wroth. Дата последнего обращения 25.05.2019.

ЧИСЛОВОЙ КОД В ПОЭЗИИ М. КУЗМИНА

А.В. ГИК
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия
annagik@yandex.ru

«Глаза протри: лесенка, / – раз, два, три…»
М. Кузмин

Ключевые слова: *лингвистическая поэтика, корпусная поэтика, «серебряный» век, идиостиль М. Кузмина, числовой код поэтического текста.*

В статье рассматривается функция имен числительных в поэтических текстах М.Кузмина. Счетные слова могут насыщаться символическим значением, связанным с различными философскими и религиозными традициями, а также «работать» в рамках личной мифологии автора.

Anna Gik – Numeric code in the poetry by Mikhail Kuzmin

Key words: *linguistic poetics, corpus poetics, "Silver" age, idiostyle by Mikhail Kuzmin, numeric code of poetic text.*

The article discusses the function of the names of numerals and words that call the number at the level of text organization, the role of the number in the storylines, the role of the number as a philosophical generalized concept. The use of numerals in headings is considering separately.

Активное использование счетных слов в поэтических произведениях М. Кузмина позволяет говорить о глубоко продуманной системе осмысления абстрактных единиц счета. Количественная характеристика событий, порядок следования предметов и явлений, банальный счет дней, прожитых лет, месяцев в году – может стать объектом изображения и одновременно являться композиционным приемом, создающим культурологическую перспективу текста. Числовой код «прописывает» дни творения мира и человека (ср. цикл «Пальцы дней», состоящий из 7 стихотворений), в других случаях служит намеренному запутыванию смысла: *Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было, / а может быть, нас было не четыре, а пять?* ("Александрийские песни", книга «Сети»).

Числительные у поэта используются в сильных позициях: в заголовках «Пять», 1920 (в цикле «Стихи об Италии»); «Три Марии», 1926, «Первый удар», «Второй удар» … «Двенадцатый удар», 1927 (в поэме «Форель разбивает лед»); в первой строке текста без заглавия – «Двенадцать – вещее число…», 1925; в рифмах. Счетные

слова могут насыщаться символическим значением, связанным с различными философскими и религиозными традициями, а также «работать» в рамках личной мифологии автора.

Тексты Кузмина содержат достаточно большой пласт счетных слов – 65 единиц, который состоит из названий цифр первого десятка, наименований десятков, сотен и достаточно обширного круга производных слов: *один* 255[13], *два* 79, *три* 43, *четыре* 24, *пять* 1, *шесть* 3, *семь* 5, *восемь* 1, *девять* 2, *десять* 4, *двенадцать* 6, *тринадцать* 1, *четырнадцать* 1, *пятнадцать* 1, *двадцать* 10 (в том числе в составных числительных – 23), *тридцать* 4, *сорок* 4, *пятьдесят* 1, *шестьдесят* 1, *сто* 5, *мильон* 1; *первый* (в том числе субстантивированное прилагательное) 47, *первейший* 1, *первенец* 2, *первобытный* 1, *первозданный* 2, *первоначально* 1, *перворожденный* 2, *един* 1, *единить* 3, *единородный* 1, *единственный* 3, *единый* 8, *единящий* 1, *двадцатый* 3, *дважды* 1, *двенадцатый* 2, *втретие* 1, *втроем* 2, *трое* 14, *третий* 20, *тридцатый* 3, *трижды* 7, *четырехдневный* 1, *четверть* 2, *четверо* 4, *четвертый* 8, *сорокалетний* 1, *четверть* 2, *пятеро* 1, *пятерня* 1, *пяток* 2, *шестнадцатый* 3, *семерка* 1, *семеро 1*, *семидесятилетний* 1, *семистолбный* 1, *семихолмный* 1, *семнадцать* 3, *семинебесный* 1, *восьмой* 2, *восьмнадцатый* 2, *девятый* 3, *десяток* 1, *десятый* 4. Обращают на себя внимание грамматические формы слов: *втретие* (устар.), *восьмнадцатый* (ср. восемнадцатый), *мильон* (вар. к миллион), *пятерня* (прост.), *пяток* (разг.). Все написания слов в тексте – буквенные, в заголовках циклов находим как буквенные записи счетных слов, так и цифры.

Часть контекстов, в которых употребляются счетные слова, можно отнести к тривиальным употреблениям. К последним мы причисляем случаи использования общеязыкового значения счетных слов. Например, слово «один» как определительное местоимение в значении «только» (*Что и любовь – один обман?,* 1913 и др.), неопределенное местоимение (“*Один другому говорит”*, 1923). Однако высокая частотность и таких контекстов может становиться важной характеристикой идиостиля.

Семиотически выделены цифры первого десятка, так как они являются основанием последующего счета. Особенно часто встречаются слова: *один, два, три, четыре; двадцать*, *первый, трое, третий*. Многие производные слова связаны с христианской культурной традицией: *Троица, Троицын день, Престол семистолбный*.

Первые три числа, точнее понятие первых трех чисел, хорошо вписывается в концепцию поэтического мира Кузмина.

В нем высоко ценится развитие внутреннего мира, которое, по мнению автора, может происходить только в состоянии влюбленности, творчества. Соответственно, человек должен быть в вечном пути, в вечном поиске своей второй половинки, чтобы не остаться одиноким, нелюбимым: *О, быть покинутым — такое счастье! / Быть нелюбимым — вот горчайший рок.,* 1907.

Жизненный путь лучше и просто необходимо пройти вдвоем. И если он один, то занимается тем, что ищет друга, чтобы стать с ним единым целым:

Мы два крыла — одна душа,
Мы две души — один творец,
Мы два творца — один венец… ,1927

Один – самое частотное счетное слово – 255 раз!!!: Один не в силах пройти свой узкий путь, 1907.С.57 ||7[14]; Один лишь смелый мимо страха любит, 1908-1909.Ос.116 ||33; “Один лишь путь – то путь к себе, я знаю”, 1908.Ос.230 ||172; В один

[13] Цифра после слова обозначает количество употреблений: один 255 – слово «один» встречается в произведениях М.Кузмина 255 раз. Данные приводятся по изданию Конкорданс к стихам М.Кузмина. Т. 1-4. М., 2004-2016.

[14] Шифр включает информацию о годе написания текста, название книги, номер стихотворения, после || номер строки.

сосуд грядущее и прошлое стекло". 1908.С.66 ||12; С тех пор всегда я не один, 1908.С.67 ||1; Еще полет, один, другой...1914.НВ.410 ||6; Раздробленное – один лишь Бог цел! 1922.П.447 ||32; Мы две души – один творец, 1927.Ф.506 ||19/

Собирательное числительное вдвоем также частотно: вдвоем 24: *Вдвоем с тобой перед судьбой безокой*. <1908-1909>К+15 ||14; *Вдвоем по переулкам снежным блуждания,* 1906-1907.С.20 ||11; *Мы сядем на террасе, сядем вдвоем…* 1908.Ос.210 ||11; *Весь мир другой, когда вдвоем.* 1913.ГГ.245 ||16;

Числительное *три* (36) также частотно, и это связано также с метафизикой любви Кузмина.

Третий – это не только «третий лишний» в любовном треугольнике, а третий член группы – это любовь. Мы еще подробно вернемся к этому вопросу.

Порядковые и количественные числительные (в Грамматике-80, говорится не о порядковых числительных, а, согласно грамматической характеристике слов, о порядковых прилагательных) выполняют различные функции. Порядковые – устанавливают порядок следования, они располагают предметы в разные временные отрезки, служат для выстраивания в ряд, а не стяжения, скопления нескольких предметов или объектов.

Количественные помещают предметы в одно пространство и указывают границы, в которых они могут находиться.

У слова «*первый*» возникают смыслы, казалось бы, вписывающиеся в узуальные значения слова: первоначальный, самый ранний; лучший из всех в каком-нибудь отношении, отличный, но в контексте творчества Кузмина эти смыслы обрастают новыми обертонами. Часто в стихах Кузмина «*первый*» характеризует первоначальное зрительное восприятие: встретил, увидел, засмотрелся и часто помещаются в конструкцию сравнительного оборота: *как в первый раз*. Повторяющиеся действия в особом состоянии человека становятся также четко и ярко воспринимаемыми, как в первый раз!

Как будто в первый, в первый раз. <1923>К+90 ||28; Снова чист передо мною первый лист, 1907.С.47 ||1; *Пройдя шагов несмелых первый лепет?* 1908.Ос.193 ||14; *Казалось, в лес вступил он в первый раз,* 1908.Ос.230 ||23; *Но первый цвет всего милее.* 1911.НС.616 ||2; *Я вижу в первый раз, горит впервые рана.* 1911.Ос.147 ||23; (*О, первый и блаженный миг!).* 1913.ГГ.298 ||144; *Опять, опять, как в первый раз,* 1915.В.340 ||33; *Я словно вижу в первый раз* 1923.НС.651 ||5; *Как будто видели их в первый раз...* 1928.Ф.548 ||5; *О, первых почек клейкий дух,* 1925.Ф.531 ||15

Целый ряд чисел употребляется в связанных сочетаниях. Например, в таких, где семантика числа имеет дополнительное гиперболизирующее значение: *Раз двадцать в день к швейцару вниз спускаться, / Смотреть, пришла ль столь жданная записка*., 1908; *Сто раз известную «Manon» кончаю*, 1908. Связанное сочетание *девятый вал*: *Но еще далек / Девятый вал.* 1922.

В произведении «Божественная комедия» Данте строит строгую систему загробного мира, представляя его в виде девяти кругов, окружающих вмороженного в лёд Люцифера. Выстраивая модель Ада [Ад, XI, 16-66], Данте следует за Аристотелем. Первый по счёту вал примыкает к круговой стене. В центре зияет глубина широкого и тёмного колодца, на дне которого лежит последний, девятый, круг Ада.

Как считали древнегреческие философы, числа сообщают миру упорядоченность и делают его космосом. Кузмин упорядочивает свои тексты, свой мир.

У Кузмина в стихотворениях важен порядок их следования, последовательность, которая предопределяется чаще всего волей автора, но подстраивается под последовательность времен года, семиотики дней недели.

Среди 774 стихотворений поэта только треть озаглавлена. И даже среди заглавий встречаются «уточняющие», наводящие порядок следования ремарки: н-р, «Пейзаж

Гогена (второй)». Объективно реальное время написания стиха (т.е., дата, которая обычно ставится под произведением) становится для поэта необязательным. Если надо поместить по тематическим и иным соображением стихотворение в цикл, то автор изменяет год написания, а иногда преднамеренно пропускает время его создания.

Заголовок является сильной позицией в стихотворении. У Кузмина в 55 случаях в заглавиях встречаются счетные слова, если, как мы сказали ранее, считать и специально не озаглавленные стихотворения, но индексируемые по первой стихотворной строке – 71 случай. Например, в «Александрийские песни» входят стихотворения: «Когда я тебя в первый раз встретил…»; «Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было…»; «Их было четверо в этот месяц…»; «Три раза я его видел лицом к лицу…»; название цикла «Трое» в книге «Осенние озера»; «Двум» – название сборника из двух стихов, 1917; в книгу «Параболы» включено стихотворение «Первый Адам». Все части стихотворного цикла/поэмы «Форель разбивает лед» названы сочетанием с порядковым числительным: Первое вступление…, первый удар и т.д. В цикле «Панорама с выносками» также стихи озаглавлены: «Выноска первая», «Выноска вторая», «Выноска третья».

В поэме «Лазарь» интерпретируется евангельская история воскрешения Лазаря – покойника, после четырехдневного пребывания в гробу, призванного Христом к жизни (Евангелие от Иоанна, 11, 1-44). Также часть текстов в заголовке имеет порядковое числительное: «Первый свидетель / Слепорожденный»; «Второй свидетель / Хозяйка»; «Третий свидетель / Шкет»; «Четвертый свидетель / Сыщик».

Названия стихотворений имитируют канцелярскую речь в процессе судопроизводства. Однако этот порядок следования не случаен. Он заключает в себе также загадку, которую теперь можно отгадать. Четыре свидетеля: слепорожденный, хозяйка, шкет, сыщик – представляют различные чувства человека: осязание, зрение, слух, обоняние, которые влагаются в тело умершего и ожившего Лазаря.

Там, где время идет вспять – воскрешение – возможен и обратный отсчет времени. Но есть неумолимое время: 9 месяцев созревает ребенок в утробе матери:

Девятый месяц семенем богата,

Прорыв кровавый крика не исторг., 1924.

Творчество М.Кузмина складывается в единый текст, упорядоченный не временем написания, а матрицей развития чувств.

Словесные определения заголовков заменяются у Кузмина числами. Возможность наделения семантически «пустых» наименований счета различными смысловыми составляющими используется Кузминым по максимуму. Так в поэме «Форель разбивает лед», 1927, которая состоит из пятнадцати стихотворений – двенадцать названо порядковыми числительными (+ сущ.): Первый удар, … Двенадцатый удар. А три остальных стихотворения: Первое вступление, Второе вступление, и – Заключение. Ключ к разгадке поэт помещает в последнем стихотворении цикла: *Ведь я хотел сначала двенадцать месяцев изобразить…*

Это и двенадцать месяцев, и движение стрелки часов – двенадцатый удар – последний удар старого года, и удары сердца, и удары форели, пробивающей себе путь сквозь лед. Такое многозначное толкование заглавия подготовлено текстами более ранними, например, датированный 1916 годом, т.е. более, чем десятилетней давности.

«Двенадцатая петля круга» (1916) – апокалиптическое описание движения стрелки часов.

Двенадцать раз скорей ударь!

Не знаем, сможем ли дождаться,

Когда откроется фонарь

Со стройной цифрою семнадцать. (декабрь 1916).

Это раннее стихотворение, написанное на случай – к Новому, 1917 году, подготавливает цикл произведений 1927-1928 гг.

Временная, числовая, пространственная и чувственные перспективы текста смещены к полюсу индивидуального интерпретирования времени. Время, порядок следования наполняется событиями жизни, в которых весна и зима могут поменяться местами, т.к., если в сердце любовь, то: *Для нас и в январе наступит март*.

Числовое обозначение фиксирует момент создания мира. Количество прожитых лет не важно – «Сколько лет, скажи, тебе Психея…», 1930 г.:

Сколько лет тебе, скажи, Психея?
Псюхэ милая, зачем считать?
Все равно ты будешь, молодея,
В золотые рощи прилетать.
Если только тебе не двадцать:
Значимый возраст человека – 20:
«Уж прожил года двадцать три я…», 1912
Возраст? — Двадцать. Холост. Крещен. 1928.
Как, двадцать лет! и так же молод, (Возможно ль: скоро четверть века?…»
Иль двадцать лет всего лишь было,
Как появился ты на свет?
Все счеты сердце позабыло:
Ведь и всегда тому, что мило,
Все тот же возраст — двадцать лет.
(На 20-летний юбилей Ю. Юрьева)

О порядке создания мира хорошо говорит образ лестницы, которую должна пройти душа, чтобы встретиться со своей второй половинкой.

Числовой код в стихотворениях Кузмина может служить для создания неопределенности смысла. Так, в книгу «Сети» в цикл «Александрийские песни» помещено стихотворение: («Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было…»), заключительные строчки которого вводят читателя в заблуждение: *Четыре сестры нас было, а, может, нас было пять?*

В некоторых случаях введение в текст числового ряда обусловлены житейскими обстоятельствами: *Двенадцать – вещее число, а тридцать – рубикон* (о дне рождения друга).

Таким образом, числовой код поэзии Кузмина скрепляет внутренний мир человека, служа вехами интерпретации текстов, внутреннее время которых (например, стилизаций) синкретично и не упорядоченно.

Идея восхождения в познании от частного к общему, от единичного и индивидуального к единственно возможному эмоциональному переживанию жизни разрабатывается и в теоретических текстах поэта (см. «Декларация эмоционализма»).

Поэма «Лесенка», 1922 г., перегружена образными рядами, в которых как в вихре танца сплавляются различные философские и культурные символы, связанные с любовью, творчеством и жизнью. Выстраивается иерархия отношений:

Гелиос, Эрос, Дионис, Пан!
Близнецы! близнецы!
Где двое связаны — третье рождается.
Но не всегда бывает тленно.
Одно, знай, — неизменно:
Где двое связаны, третье рождается.

Идея «лестницы» любви у Кузмина соотносится к текстом Платона «Пир»: «Вот каким путем нужно идти в любви – самому или под чьим-либо руководством: начав с

отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх – от одного прекрасного тела к двум, от двух – ко всем, а затем от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь наконец, что же это – прекрасное. И в созерцании прекрасного самого по себе, дорогой Сократ, – продолжала мантинеянка, – только и может жить человек» (http://lib.ru – обращение 27.04.2019).

Образ лестницы соотносится и с лестницей Платона, и с масонской символикой посвящения.

Любовь, любящий и любимый – это основа движения и жизни. Прямо-таки изложение «Декларации эмоционализма» в поэтическом виде.

Лестница говорит об идее шага, последовательного продвижения по лестнице познания: вот такое единственно индивидуальное к единому эмоциональному.

В более ранней книге – есть цикл – «Трое». Там речь идет о любовном треугольнике.

Цель жизни – творчество, и порядок восприятия и интерпретации жизни задана законом числовой последовательности. Так что числа в заголовках – это мнимое, условное время, которое служит фоном воспоминаний и путешествий во времени и пространстве героя. Единицей измерения времени становятся музыкальные интервалы, числовое значение которого известно посвященным: *Но мне обидно, когда вы меня называете Майкель, эта секунда через терцию пропадает.*

Порядок следования важен, когда создается новый мир, новые отношений, тогда используются порядковые числительные. Как в поэме «Лесенка», где рождение любви должно быть воспроизведено с маниакальной точностью – это восхождение (нисхождение) по ступеням лестницы.

Одиночество и двойничество – также важные темы для творчества М. Кузмина. Так, в поэме «Лесенка» Кузмин настаивает на необходимости соблюдения определенной последовательности «восхождения» от одного до трех, где «раз» и «два» – влюбленные, а «три» – любовь:

Глаза протри:
Лесенка, – раз, два, три.
Только: раз, два, три,
А не три, два, раз, -
Иначе ничего не выйдет у нас. <…>
— Девы Бросельянские,
Умеете считать до трех?
Не спросит Бог четырех.
Глаза протри:
Лесенка, — раз, два, три.
Только: раз, два, три,
А не три, два, раз, —
Иначе ничего не выйдет у нас.
Я говорю о любви,
О том же думаете и вы.
Где раз и два,
Там и три.
Три — одно не живет.
Раз и три,
Два и три,
Опять не живет.
Скакать и выкидывать нельзя.

Таким образом, числовой код поэзии Кузмина скрепляет внутренний мир человека, служа вехами интерпретации текстов, внутреннее время которых (например, стилизаций) синкретично и не упорядоченно.

Число действительно упорядочивает мир и задает направление движения: вверх, но к смерти.

Литература

1. Конкорданс к стихам М. Кузмина / Сост. А. В. Гик. В 4-х т. М., 2004 – 2016.
2. *Кузмин М.А.* Избранное. М., 1996.

КОНЦЕПЦИЯ ОТРАЖЕНИЯ АВТОРА ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ОБРАЗЕ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ В. НЕКРАСОВА «В ОКОПАХ СТАЛИНГРАДА»

А.С. ЗУРАБЯН

Ереванский государственный университет, Армения

anahitzurabyan@mail.ru

Ключевые слова: *автор, герой, повествователь, военная литература, автор-повествователь, герой-повествовтель*.

В данной статье анализируется образ автора и героя. Образ автора раскрывается на примере повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда». В лирическом образе героя Керженцева - военного инженера, участника Сталинградской битвы, просматриваются черты самого автора. Перед нами два образа автора-повествователя и героя-повествователя – сливаются в единый образ «я».

ANAHIT ZURABYAN – Autopsy of the cheek by author and lyricist. Nekrasova's «In the Stalingrad»

Key words: *the author, the hero, the narrator, military literature, the author-narrator, the hero-narrator.*

This article analyzes the image of the author and the hero. The author's image is revealed with the example of V. Nekrasov's story "In the trenches of Stalingrad". In the lyrical image of the hero Kerzhentsev - a military engineer, a participant in the Battle of Stalingrad, features of the author himself can be seen. Before us, the two images of the author, the narrator and the hero narrator are merged into a single image of "I."

Начиная с 50-60гг. 20-го векав русской литературе появляется так называемая литература фронтового поколения, или, как её ещё называли «лейтенантская литература».

Одним из ярких представителей, незаслуженно забытых писателей этого периода, (которые эмигрировали из СССР), является Виктор Некрасов.

Повесть В.Некрасова «В окопах Сталинграда» можно по праву считать первой, стоящей у истоков так называемой «лейтенантской литературы». Как справедливо отмечал известный литературный критик Л. Лазарев, «В окопах Сталинграда» была книгой, определившей целое направление нашей военной литературы (и не только военной, воздействие её на литературный процесс было куда более широким, литература не делится на автономные, непроницаемые тематические отсеки, завоеванный писателем уровень правды общезначим).

Многие прозаики, такие, как Василь Быков, Григорий Бакланов, Вячеслав Кондратьев, Григорий Поженян, Булат Окуджава, Василий Гроссман, также засвидетельствовали исключительное значение этой книги.(«Воспоминания о Викторе Платоновиче Некрасове» Лазарь Лазарев»).

Другой современник Виктора Некрасова, известный литературный критик В. Лакшин заметил: «Из «Окопов» Некрасова, как из «Шинели» Н. Гоголя, вышла вся наша честная военная проза». (Воспоминания о Викторе Платоновиче Некрасове, Михаил Пархомов). Повесть, на наш взгляд,является подтверждением того, что книга была одной из первых, передавших «честно и без прикрас» правду о войне.

"Еще до войны Некрасов прошел в институте вневойсковую подготовку, получил звание младшего лейтенанта саперных войск. О саперах на войне говорили, что они ошибаются только раз. Этим самым подчеркивалась опасность профессии, требовавшей от человека отваги, хладнокровия и мужества. Так вот, Виктор Некрасов был

сапером не только на войне, но и в жизни, и в литературе. А быть мужественным в мирной жизни, как известно, порой бывает труднее, чем на войне. А в литературе быть первооткрывателем - тем более. Некрасов первым честно, без прикрас, рассказал о человеке на войне (повесть «В окопах Сталинграда»)". (Михаил Пархомов, www.nekrassov-viktor.com). Именно этот факт, в какой-то мере заставил нас обратить внимание на двойственный образ автора и героя в произведении в«Окопах Сталинграда».

Первоначальноповесть была озаглавлена «На краю земли».Впоследствии Виктор Некрасов закончил работу над книгой о войне в начале 1946 года, переименовав её «В окопах Сталинграда»,которая была опубликована в журнале Знамя (1946 №8-10).

Особое внимание заслуживает и история появления пролога: боевой капитан-сапер, Виктор Некрасов находясь в киевском госпитале после тяжелого ранения руки в ходе уличных боев при освобождении Люблина летом 1944 года, в формальном смысле получил ранение. Лечение шло медленно, и чтобы улучшить его результаты, лечащий врач посоветовал будущему писателю разрабатывать письмом пальцы правой руки. Так, в сущности, и возник пролог великой повести «В окопах Сталинграда».

Стояла погожая киевская осень. Май победы, пусть он был еще далеко, неуклонно приближался, война входила в эпос. И вот каждодневно после полудня среди трав древней Черепановой горы, вплотную примкнувшей к территории госпиталя на Печерске, на облюбованном пригорке умащивался один из находящихся здесь недавних солдат, в старенькой пижаме, с фанерной дощечкой и листками бумаги. Это был Некрасов. До появления рукописи с ее первоначальным точным названием «На краю земли» еще оставался срок.» («Герой, которого не было, но который был».,Газета «Еврейский обозреватель», № 07/271, 2015 г., Юрий Виленский).

Повесть В. Некрасова «В окопах Сталинграда» начинается без подготовки и лирического пролога, так же внезапно и неожиданно, как началась сама война: «Приказ об отступлении приходит совершенно неожиданно» (В.Некрасов. В окопах Сталинграда. Изд-во «Советский писатель», М., 1948, с. 5). И далее, на протяжении всего текста «мы следуем за единым образом и героя «я», который подобно кинокамере фиксирует события, очевидцем которых он стал». Автор представляет увиденные им факты, «даёт оценку тем или иным событиям, делится своими ощущениями и мыслями, оставляя нам возможность добавить красок, дорисовать, и додумать в пределах возможностей собственного воображения». Но, когда это «я» спотыкается, падает, скатывается в окоп, с нами происходит то же самое. Повесть была написана практически по горячим следам, охватывающий, события с июля 1942-го по февраль 1943-го год, но на протяжении все своей повести прибегает к приёму поэтическая память. Известный, литературовед, критикЕфим Добин в своей статье«Голос памяти» писал: «Поэтическая память- разнолика, и лики её полярны: рассвет и сумерки, день и ночь. В памяти «я» слито с другими человеческими существованиями. И отторжение пережитого, тонущего в океанических глубинах времени – трагедийно. Отходя и стушёвываясь, частицы пережитого уступают место новым. Но память, соединяющая былое и думы, не может быть равнодушной к потерям. Следы прошлого остаются, как рубцы от ран». (Е.Добин. Сюжет и действительность. Искусство детали. Изд-во «Советский Писатель», Ленинградское отделение, 1981, с.123).

Если говорить о поэтической памяти автора-героя, то в повести «В окопах Сталинграда» она двойственна: описывая достаточно жуткие события, он воздерживается от комментирования степени восприятия увиденного, охватившего ужаса, страха, злости. А если и комментирует, то делает этосдержанно, пытаясь объединить традиции классического литературного драматизма и трагизма.

Прежде, чем перейти к раскрытию понятия автор, определимся с понятием двойственный образ автора и героя.Существует несколько понятий определения слова автор.

«Слово «автор» употребляется в литературоведении в нескольких значениях. Прежде всего оно означает писателя – реально существовавшего человека. В других случаях оно обозначает некую концепцию, некий взгляд на действительность, выражением которого является всё произведение. Наконец, это слово употребляется для обозначения некоторых явлений, характерных для отдельных жанров и родов» (Корман Б.О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Страницы истории русской литературы. М., 1971.с.199.).

В контексте повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда» в лирическом образе героя Керженцева- военного инженера, участника Сталинградской битвы, просматриваются черты самого автора. В свою очередь, перед нами эти два образа автора-повествователя и героя-повествователя – сливаются в единый образ «я», лирическое.

Вполне очевидно, что здесь получается своеобразная формула: автор-повествователь + герой-повествователь = «я» в литературном произведении. Будучи очевидцем всех изложенных в произведении событий, В Некрасов выбрал возможность повествования от первого лица, что, вероятно, для того времени, было явлением обычным «в каждой квартире, на каждой скамейке городского парка, можно было услышать от её участников». Интересно, что сегодня такой рассказ от первого лица, любое повествование о Великой Отечественной войне – это возможность для современного поколения увидеть реальные картины войны без прикрас.

В центре внимания представляется крупный, буквально кинематографический план: мёртвый солдат, в зубах которого ещё дымится сигарета. И этот кадр для повествования – одно из ужаснейших, холодящих разум сердце ощущений, которое через секунду из настоящего момента уходит в прошлое, становясь воспоминанием, которое, по словам же повествователя, он будет помнить до конца своей жизни. А вот другая картина реалий войны: сослуживец принёс весть о попадании бомбы в кинотеатр, ему сказали, что женщине оторвало голову. Вероятно, в современном кинематографе, эпизод с оторванной головой стал бы ключевым: крупным планом в замедленном темпе она катилась бы по ступеням кинотеатра. Но Некрасов не окружает это обстоятельство ужасающим описанием деталей, он его не видел сам, но запомнил, как рассказанный случай и просто включил в повесть.

Любое литературное произведение – это своеобразный переход автора в свою память, как в некий архив, пережитых реалий, сохранившихся в ментальной и зрительной памяти, всего того, что есть у каждого человека-мечты, переживания, ощущения, мысли. «Уход в воображение, в воспоминания утратил в искусстве былую отдалённость. В новейшей психологии установлено, что в человеческом сознании реакция на происходящее кругом, не прекращающаяся ни на один миг, постоянно «прослоена» обрывками прошлых впечатлений. Согласно Е.Добину, «куски» прошедшего мелькают непрерывной чредой на экране сознания». (Е.Добин. Сюжет и действительность. Искусство детали. Изд-во «Советский Писатель» Ленинградское отделение, 1981, с.123.).

В голове Керженцева на протяжении всего его повествования мелькают именно «куски» его прошлой мирной жизни в Киеве с мамой, мелькают образы его друзей, чувство голода на фронте переносит его в Киев, где он в последний раз ел свиную отбивную с нарезанной ломтиками картошкой. А всё увиденное на войне начинает мелькать в его сознании, в памяти как только переходит из настоящего времени в прошедщее, и будущая жизнь повествователя будет прослоена обрывками его прошлых военных впечатлений,результатом чего и является повесть «В окопах Сталин-

града», где военная хроника чередуется цветущими акциями и вишнёвым вареньем без косточек.

Правомерно отметить новаторство повести Некрасова «В окопах Сталинграда». Первым делом обращает не собственно тот факт, что во всём своём творчестве писатель продолжает традиции русской литературы, создавая образы литературных героев, подобно Тургеневу, Толстому. В своей повести Некрасов развивает тургеневскую мысль: «что все люди живут сознательно или бессознательно - в силу своего принципа, своего идеала, то есть в силу того, что они почитают правдой, красотою, добром. Многие получают свой идеал уже совершенно готовым, определённых, исторически сложившхся формах; они живут, соображая жизнь свою с идеалом, иногда отступая от него под влиянием страстей и случайностей, - но они не рассуждают о нём, не сомневаются в нём; другие, напротив, подвергают его анализу собственной мысли. И мы, не слишком ошибёмся, если отметим, что для всех людей этот идеал, эта основа и цель их существования находится либо собственное «я» становится на первом месте, либо нечто другое, признанное им за высшее». (Русская критика. Лениздат. 1973. И.С. Тургенев. Гамлет и Дон-Кихот. Речь, произнесённая 10 января,1860 года на публичном чтении в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и учёным).

Параллели эти стали пророческими и стали приемлемым для той действительности и именно мысль Тургенева даёт возможность нам раскрыть образ Керженцева с необычной для того времени стороны: произведение, написанное в период буйства пафоса советской пропаганды и идеологии, когда идеалы личностные и идеологические подразумевались сами собой, когда тело главного идеала было мумифицированно, лежало в самом центре страны и представляло собой «живой» укор тем, у кого могла промелькнуть мысль о возможности другого идеала, лишено громких фраз и лозунгов типа «За Сталина», «За коммунизм». Действия героев можно охарактеризовать фразой «делай, что должен делать и будь, что будет», между тем своё дело он хорошо делает, грамотно и профессионально; в отличие от Дон-Кихота, он не сражается с ветряными мельницами, но в образе Керженцева наблюдается некоторое гамлетовское одиночество и тоска. Восприятие героем фашистов как врагов у героя не в том, что они напали на советские идеалы, ценности и мечты о светлом будущем. Он ненавидит их за то, что разрушили его родной город, страну, сгубили миллионы жизней, не дали доесть борщ с мясом и сметаной, бросив снаряд прямо на стол, за которым он обедал с товарищем.

Если говорить об образе Керженцева, то он выходит за рамки классических образов русской литературы, таких как «лишний человек», «маленький человек». Отличается он и от традиционного образа бесстрашного русского солдата, возникшего на основе литературных произведений и военного кинематографа. В процессе отступления, он плывёт по течению, предпринимая усилия, лишь для того, чтобы влиться в определённый поток, пытаясь найти свой полк, от которого отбился. Повесть начинается одним приказом и завершается выполнением другого приказа, она - это «одиссея» Георгия Керженцева от приказа до приказа.

Таким образом, наша формула автор-повествователь + герой-повествователь = «я», в литературном произведении, данное «я» - это именно тот образ, главный герой, субъект в субъект-объектных отношениях между главным героем и другими персонажами, и между автором и читателем, который одновременно является и автором и героем повести.

Так же как его герой Некрасов был призван на войну, служил на фронте полковым инженером и заместителем командира сапёрного батальона, воевал в на Сталинградском фронте, награждён медалью «За оборону Сталинграда», - всё это помогло доподлинно передать военную тему, фронтовую жизнь в своём произведении, с дру-

гой стороны, создать образ реального героя Некрасов полностью не отождествляет свои амбиции с главным героем, и по свидетельству друзей Некрасова, своего персонажа наделяет чертами своих сослуживцев, создавая некий собирательный образ очевидца событий, вложив в него также черты своих друзей .

В случае героя повести «В окопах Сталинграда» автор обозначает некую концепцию, некий взгляд на действительность, выражением которого является всё произведение, и повествование которого переходит к читателю от имени героя повествователя. Наконец, если понятие «автор» употребляется для обозначения некоторых явлений, характерных для отдельных жанров и родов, то здесь авторская новизна жанра В. Некрасова в краткости и лаконичности повествования.

Эта особенность, которую приписывают некрасовскому тексту, даёт нам право провести параллель с повестью Некрасова «В окопах Сталинграда» и романом Л.Толстого «Война и мир», где прослеживается определённое слияние образа автора с героем, тогда как толстовская манера повествования выделяется наличием автора в третьем лице.

«Она (повесть «В окопах Сталинграда») дала, пожалуй, название всей лейтенантской прозе. (Быков Д. Л. Время потрясений. 1900—1950 гг. М. : Эксмо, 2018. — 544 с. — (100 лекций о русской литературе XX века, «Лекция: «В окопах Сталинграда.).

Многие исследователи творчества В. Некрасова считают, что автор писал не от своего собственногоимени, а от имени вымышленных персонажей, мы с уверенностью можем сказать, что в образе автора-повествователя и героя-субъекта сюжета изображён сам автор Виктор Некрасов, так и все лейтенанты, солдаты, которых история пропустила«через мясорубку войны». Повесть «В окопах Сталинграда», положила начало реалистической литературе о войне.

Литература

1. www.nekrassov-viktor.com
2. «Воспоминания о Викторе Платоновиче Некрасове» Лазарь Лазарев.
3. Воспоминания о Викторе Платоновиче Некрасове, Михаил Пархомов.
4. Повесть «В окопах Сталинграда»". (Михаил Пархомов, www.nekrassov-viktor.com).
5. Корман Б.О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Страницы истории русской литературы. М., 1971. с.199.
6. В.Некрасов. В окопах Сталинграда. Изд-во «Советский писатель», М., 1948, с. 5).
7. Е.Добин. Сюжет и действительность. Искусство детали. Изд-во «Советский Писатель», Ленинградское отделение, 1981, с.123.
8. Русская критика. Лениздат. 1973. И.С. Тургенев. Гамлет и Дон-Кихот. Речь, произнесённая 10 января, 1860 года на публичном чтении в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и учёным.
9. «Герой, которого не было, но который был».Газета «Еврейский обозреватель», № 07/271, 2015 г., Юрий Виленский.
10. Д. Л.Быков Время потрясений. 1900-1950 гг. М. : Эксмо, 2018. — 544 с. — (100 лекций о русской литературе XX века, «Лекция: «В окопах Сталинграда.)

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ДИАЛОГ В ЛИРИЧЕСКОЙ НОВЕЛЛЕ Э. РАДЗИНСКОГО «КОНЕЦ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ»

Л.С. КИСЛОВА

Тюменский государственный университет, Россия

lorkis05@mail.ru

Ключевые слова: *постмодернистская игра, сюжет, рецепция, автоцитирование, синтез, поливариативность, автодеконструкция, симулякр, аллюзия.*

Лирическая новелла Эдварда Радзинского «Конец одного стихотворения» становится образцом постмодернистской игры с классическими и неклассическими текстами. Но классический сюжет, связанный со стихотворением Н.А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда», выступает скорее как аллюзия, отсылка к традиционному источнику, причем отсылка скорее ироническая. «Конец одного стихотворения» рассматривается как своеобразное обра-

щение к предшествующим произведениям драматурга и других авторов и соответственно может восприниматься в контексте рецептивного мышления.

LARISA KISLOVA – Postmodern Dialogue in E. Radzinsky's Lyrical Novella "The End of One Poem"

Key words: *postmodern game, plot, reception, authorial citation, synthesis, polivarietiveness, authorial deconstruction, simulacrum, allusion*.

Edward Radzinsky's lyrical novella "The End of One Poem" is an example of postmodern play with classical and non–classical texts. But the classical story associated with N. A. Nekrasov's poem "Reflections at the Front Door" functions more as an allusion, a reference to the traditional source, and the reference is rather ironic. "The End of One Poem" can be regarded as a kind of appeal to the previous works of the playwright and other authors and perceived in the context of receptive thinking.

Лирическая новелла Эдварда Радзинского «Конец одного стихотворения» (1983), основанная на явном и скрытом цитировании, предстает как определенная система кодов и предлагает множество вариантов их дешифровки. Героиня новеллы Э. Радзинского – сквозной персонаж его «театрального» цикла с подчеркнутой автором степенью условности. Ее условное имя – Зина Пряхина. Связав свое имя с именем легендарной звезды, Зина Пряхина пытается сыграть два основных этюда, воплотить два образа кинодивы: Мэрилин – лицо любви и Мэрилин – лицо смерти.

«Я – Мэрлин» – читай это с юмором.
Какая ты, к черту, Мэрлин?
Читай, как бы извиняясь, –
дескать, я ваша Мэрлин,
ибо других у вас нет…
[Радзинский 1998: 415] *

Создавая свой собственный миф и выбирая для этого различные роли (Маргариты, хиппи, студентки театрального, ночной медсестры, Ассоль), она продолжает творить и миф о Мэрилин, поскольку в ее сценарии это Мэрилин была когда–то Маргаритой, хиппи, студенткой театрального, ночной медсестрой и Ассоль, а она (Зина) на самом деле и есть Мэрилин. Судьбы роковой звезды и провинциалки из Кокчетава (или другого провинциального города) с телом Венеры и точеными чертами Натальи Гончаровой, словно две параллельные Вселенные вдруг соединяются в единой точке. Мэрилин продолжается в Зине, и только со смертью Зины наконец уходит и Мэрилин.

Героиня Э. Радзинского, пережив тяжелейший стресс (свидание с режиссером), узнает и бесконечный успех (импровизированный концерт на феодосийском бульваре, дебют на ночной сцене), и самое горькое в своей жизни разочарование (ее третье и последнее поражение). Идентифицируя собственную личность с личностью Мэрилин, она ищет в себе ее черты и постоянно демонстрирует окружающим эту абсолютную идентичность. Она любит, как Мэрилин («она любила, пока не любили ее…» [Радзинский 1998:419]), потрясает, как Мэрилин («Ты неровная, от тебя не знаешь, что ждать…» [Радзинский 1998:425]), и в конце концов она умирает, как Мэрилин, стихи о которой с маниакальным упорством повторяет каждый раз все три года во время своих неудачных попыток попасть в настоящий театр. Финальный спектакль своей жизни она отыгрывает до конца:

Она вошла в ванную.
Съела таблетки перед зеркалом.
Запила водой из–под крана.
Потом вернулась в комнату,
легла ***на*** ковер у кровати
и стала ждать.
[Радзинский 1998: 409].

Покончив с театром, героиня Э. Радзинского лишается всего, *что составляло* смысл ее жизни: нет больше выступлений на ночной сцене, *репетиций в домашнем* театре, концертов в Крыму на бульваре, нет *даже* самодеятельного кружка «отвергнутых театром» в доме инвалидов и *престарелых. Зин*а Пряхина возвращается к своей прежней жизни, той жизни, от которой *она* когда–то пыталась бежать. Не стало игры, театра вне *театра, а потому* дальнейшее существование в этом мире больше не имеет для *нее* смысла. Театр как учреждение и театральное училище, как место, где *готовят* кадры для этого учреждения, – всего лишь официальное укрытие, *временный* пропуск в мечту. Главная же задача Актрисы, превращающей *в бенефис* каждое мгновение своей жизни, – выдержать постоянную, непрекращающуюся игру. Зина Пряхина ее не выдерживает, как не *выдерживает* и мисс Монро. Таким образом, другое общество, другая страна, *другая* система подталкивают другую Мэрилин к суициду:

...невыносимо, когда бездарен,
когда талантлив – невыносимей...
[Вознесенский 1996:49].

Актриса «несуществующего театра» «умирает» в первый раз, отказавшись от театра, и воскресает только на мгновение для того, чтобы *сыграть* свою последнюю роль – Мэрилин – и уйти из жизни уже навсегда. Будучи Мэрилин в прошлой жизни, Зина Пряхина перед смертью вновь становится ею, настоящей мисс Монро, ушедшей в небытие в расцвете своей «губительной красоты».

Сюжет лирического монолога Э. Радзинского основан на игре несколькими закодированными *текстами. Собственно,* это произведение являет собой продолжение существующего стихотворения Евгения Евтушенко «Размышления у черного хода» (1983), которое в свою очередь номинативно пародирует другой лирический текст – «Размышления у парадного подъезда» (1858) Н.А. Некрасова:

Зина Пряхина из Кокчетава,
словно Муромец, в ГИТИС войдя,
так Некрасова басом читала,
что слетел Станиславский с гвоздя.

Созерцали, застыв, режиссёры
богатырский веснушчатый лик,
босоножки её номер сорок
и подобный тайфуну парик.

А за нею была – пилорама,
да ещё заводской драмкружок,
да из тамошних стрелочниц мама
и заштопанный мамин флажок.

Зину словом никто не обидел,
но при атомном взрыве строки:
«Назови мне такую обитель...» –
ухватился декан за виски.

И пошла она, солнцем палима,
поревела в пельменной в углу,
но от жажды подмостков и грима
ухватилась в Москве за метлу.

Стала дворником Пряхина Зина,
лёд арбатский долбает сплеча,
то Радзинского, то Расина
с обречённой надеждой шепча.
[Евтушенко 1985:73].

Лирический герой Э. Радзинского вступает в прямой диалог с автором стихотворения «Размышления у черного хода», предлагая иную трактовку дальнейшей жизни неудачницы ***Зины*** Пряхиной, причем рефреном в тексте Э. Радзинского служит прямое утрированно дружеское обращение к Е. Евтушенко – «Женя». Таким образом, новелла Э. Радзинского не просто продолжает *стихотворение* Е. Евтушенко, а буквально оспаривает уже существующий финал и демонстрирует два других – реальный и фантастический (идеальный), что позволяет рассматривать данный текст как вариативную систему: «Постмодернизм отвергает наивные и субъективистские стратегии, рассчитанные на проявление творческой оригинальности, на самовыражение авторского ”я”, и открывает эпоху ”смерти автора”, когда искусство становится игрой цитат, откровенных подражаний, заимствований и вариаций на чужие темы» [Эпштейн 2005:85].

Автор лирического монолога «Конец одного стихотворения» срав*нивает* уже существующий и вновь созданный сюжеты, поскольку основу *сюжета* в произведении Э. Радзинского составляет не событийный ряд как *таковой,* а некий «анализ событий», явленный в результате сопоставления их с другими событиями (возможными или имевшими место в действи*тельности).* При этом в данном произведении предлагается определенная *ценностная* шкала, некий экспертный аппарат, предназначенный для оценивания поступков героев. Диалог двух художественных систем нарушается появлением третьей: героиня Э. Радзинского читает на вступительных экзаменах в театральное училище стихотворение А. Вознесенского «Монолог Мерлин Монро» (1963), и таким образом обычная, ничем не примечательная история провинциалки, не поступившей в театральное училище, прочитывается в контексте великой трагедии легендарной актрисы:

...ах мамы, мамы, зачем рождают?
Ведь знала мама – меня раздавят...
[Вознесенский 1996:50].

В тексте Э. Радзинского каждый самостоятельный закодированный сюжет является одновременно и вполне подвижной структурной единицей. Такого рода кодирование, которое сокращает дистанцию *между* объектом и субъектом и оформляет некое культурное пространство, способствует созданию в произведении многоуровневой системы смыслов. Подобными кодами служат ассоциативные ряды, связанные *с восп*риятием героиней романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Мы познакомились с ней на Патриарших прудах – / на бульваре Мастера и Маргариты...» [Радзинский 1998:418]; «Дом смотрел слепыми окнами днем, / а по ночам в нем зажигались свечи / (опять «Мастер и Маргарита*» [Радзинский 1998:418]*); «Потом пошла на Патриаршие – / на свою любимую скамейку, / где в Москве впервые появился *Воланд»* [Радзинский 1998:*420*]).

Определенным кодом становится встреча героев в романе Л.Н. Толстого, тр*ансфор*мированная в сознании героини: «Она сидела на скамейке и смотрела на пруд, / где Левин <...> на катке увидел Китти...» [Радзинский 1998:420] (причем романы «Анна Каренина» и «Война и мир» синтезируются в тексте). Своеобразным кодом является и некий виртуальный мир поэзии М. Цветаевой: «Она молча взяла гитару у остолбеневшего массовика / ***и*** запела стихи Цветаевой...» [Радзинский 1998:416], «Наш вечер Цветаевой, / который должен был стать началом ***славы, / кончился*** тем, что уволили несчастного массовика...» [Радзинский 1998:417]. Кодированным эле-

ментом текста служит финал романтической повести А. Грина «Алые паруса»: ***«Кстати, в*** эту концовку / можно ***вписать гринов***ский корабль, / стоявший на набережной Коктебеля / (о, как она его любила!)» [Радзинский 1998:427].

Финал лирического монолога «Конец одного стихотворения», позволяющий рассматривать это произведение как многовариантный текст, также проецируется на уже существующую классическую основу. Реальный финал воссоздает картину смерти Зины (и смерти Мэрилин Монро), а идеальный – моделирует окончание повести А. Грина «Алые паруса»:

Вот этот ее любимый корабль
однажды подплыл к Коктебельскому пляжу.
С корабля сошел юный капитан
с медальным латиноамериканским профилем.
Он обнял нашу прекрасную героиню,
выходившую из пены вод,
и увез основывать театр имени Станиславского
в непроходимые джунгли Мексики,
или Никарагуа,
или...
[Радзинский 1998:428].

Обретя бессмертие, легендарная Зина Пряхина наконец становится знаменитой. Ее мечты сбываются, о ней слагаются легенды, и спектакли замечательного мифического театра, основанного ею в непроходимых джунглях Мексики или Никарагуа, ждет неизменный аншлаг. Таким образом, лирический субъект в какой-то мере сам претендует на известную миссию и мыслит себя последним свидетелем гибели, воскрешения и триумфа героини.

В произведении Э. Радзинского синтезируются воспоминания о героине когда–то знавших ее людей. Совершенно разные воспоминания (как и воспоминания о Мэрилин) вновь объединяют героиню новеллы Э. Радзинского и кинодиву.

Персонажи «театрального» цикла Э. Радзинского стремятся на сцену, уверовав в возможность иной жизни в выдуманном мире, но, увлекшись идеей грядущего счастья, они забывают о том, что в игровом контексте оно, как правило, оказывается призрачным, ненастоящим. О. Богданова отмечает, что «реальность постмодернистов алогична и хаотична. В ней уравнено высокое и низкое, истинное и ложное, совершенное и безобразное. Реальность фантасмагорична. Она не имеет устойчивых *очертаний, лишена точки опоры» [*Богданова 2004:32*]*.

*Ограничен*ного сценического пространства героине Э. Радзинского – актрисе, лицедейке, – явно *недостаточно,* и она продолжает свою игру вне театра, работа в котором *представляется* ей только одним действием вечного спектакля жизни. Но именно *игра,* приводит героиню Э. Радзинского («Конец одного стихотворения», «Наш Декамерон») к смерти (трагический финал в игровом контексте *является,* как ни странно, гармоничным). И потому ключевой для «театрального» цикла Э. Радзинского является идея гибельности лицедейства, *смертельно*сти игры. Превратившаяся в знаковую фигуру для целого *поколения,* Мэрилин остается одной из самых значительных *загадок* века, а героиня Э. Радзинского становится загадкой для лирического *героя За*гадкой, которую он так и не сумел разгадать («...потому что я *такой* как все. / Как все мы, Женя...» [Радзинский 1998:427]).

Воспроизведение известных сюжетных ситуаций в тексте Эдварда *Радзинского* дополняется автоцитированием. Повторяющиеся в лирической новелле «Конец одного стихотворения» темы, образы *и* мотивы, связанные *с* центральным *персонажем*, позволяют рассматривать судьбу Зины Пряхиной как одну из форм жизни «нашей»

Мэрилин, что придает особый драматизм ситуации выбора жизн*енного* пути, поскольку любой избранный героиней путь ведет к гибели.

Литература

1. *Богданова О.В.* Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90–е годы XX века – начало XXI века). СПб.: Филол. ф–т С.–Петерб. гос. ун–та, 2004. 716 с.
2. *Вознесенский А.А.* Монолог Мерлин Монро // Не отрекусь. Избранная лирика. / Сост. *В.Г. Жак, Е.К. Знак.* Минск: БелАДИ, 1996. С 48–52.
3. *Евтушенко Е.А.* Размышления у черного хода // Почти напоследок: Стихотворения и поэмы. / Под ред. *Зайцева Г.И.* М.: Молодая гвардия, 1985. С.73–76.
4. *Радзинский Э.С.* Конец одного стихотворения // Загадки любви. Соч. в 7т. Т.3./ *Радзинский Э.С.* М.: Вагриус, 1998. С. 409–428.
5. *Эпштейн М.Н.* Цитатность // Постмодерн в русской литературе. Учебное пособие для вузов. / *Эпштейн М.Н.* М.: Высшая школа, 2005. С.85–86.

* В цитируемых текстах написание имени Мэрилин варьируется: «Мэрлин» (Э. Радзинский) – «Мерлин» (А. Вознесенский).

РУССКИЙ ТРАВЕЛОГ В ПРИЗМЕ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Э. КОЛЛИН

Пятигорский государственный университет, Россия

elo.collin@gmail.com

Ключевые слова: *автофикшн, травелог, автобиографический жанр, литература путешествия, повествователь.*

Статья посвящена книге В. Голованова «Остров», рассмотренной в аналитической парадигматике автобиографической литературы, разработанной такими современными французскими учёными, как Ф. Лежен, С. Дубровский. Доказано, что данная модель анализа вполне приемлема для глубокого проникновения в структуру и смысл настоящего произведения, помогая выявлению его коммуникативного и художественного своеобразия.

ELODIE COLLIN – Russian travelogue through the perspective of French modern literary studies

Key words: *autofiction, travelogue, autobiographical genre, travel literature, narrator.*

This article analyses the book “The Island” by Vassily Golovanov from the perspective of autobiographical genre developed by French modern scientists as P. Lejeune and S. Doubrovsky. This interpretative device has been proved suitable to understand deeper the structure and meaning of this text, as well as to discern its specific communicative and artistic features.

Будет логичным, если мы начнём с небольшой биографической справки об объекте нашего исследования. Это Голованов Василий Ярославович – потомственный житель российской столицы, родившийся в 1960 году в семье известного советского и российского журналиста «Комсомольской правды», писателя и путешественника Ярослава Кирилловича Голованова. Василий Голованов – выпускник факультета журналистики МГУ, но он мало похож на типичного журналиста. Для нас он – автор повествований, склонный к эссеистическим формам письма, напоминающим на первый взгляд литературу о путешествиях, в жанре которой он создал к сегодняшнему дню немало произведений. Однозначно настаивать на этом жанре мы всё-таки не спешили бы, ибо написанное Голованoвым плохо поддаётся устоявшимся в литературоведении критериям. Главное, что определяет его писательскую манеру, заключается в художественных принципах создания наиболее полного изображения, открывающейся перед ним в его странствиях действительности. В 90-ые годы они вместе с Рустамом Рахматуллиным основали эссе-клуб в журнале «Новая Юность», который стал, по словам Голованова, «площадкой для размышления над какой-то новой литературой» [Чанцев 2015]. Попозже к ним присоединились другие московские литераторы – Андрей Балдин и Дмитрий Замятин, с которыми был осуществлен новый проект – литературно-исследовательская группа «Путевой журнал», имевшая одноименную рубрику в журнале «Октябрь». Группа стала своеобразным отечественным вари-

антом входившей тогда в широкий научный обиход геопоэтики К. Уайта, французского поэта, имеющего шотландское происхождение [Костырко 2016]. Но российскому читателю Голованов стал известен не только необычными травелогами. Увлечение геопоэтикой Великой степи обернулось интересом к одному из её порождений – легендарной фигуре русского анархизма батьке Махно, книга о котором (вышедшая в престижной серии ЖЗЛ) вызвала огромный читательский резонанс.

Жюри многих литературных премий книги Голованова не раз привлекали внимание. Автор получил премии за публикации в журналах «Дружбе народов» и «Новом мире», а в 2009 г. стал лауреатом премии «Ясная Поляна. XXI век» за «Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий». Вопреки распространённому мнению о том, что в Европе плохо знают современную русскую литературу, Элен Шателайн в 2008 г. выпустила французский перевод «Острова» (немаловажен факт, что она является руководителем посвященной русской литературе издательской серии «Slovo», принадлежащей французскому издательству Verdier). За этот перевод она получила в том же году французскую премию «Prix Laure-Bataillon», присуждающуюся автору и его переводчику за лучший художественный перевод на французский [Парижская книжная ярмарка: https://www.livreparis.com/], а в следующем году – значимую французскую премию «Prix russophonie», присуждающуюся за лучший художественный перевод с русского языка на французский. К тому же Голованов участвовал в парижской книжной ярмарке в 2018 г., на которой Россия была почетным гостем, и вновь принял участие в ней в текущем году. Творчество писателя-путешественника высоко ценят русские и французские литературоведы, однако его имя можно не столь часто встретить в серьёзных научных исследованиях, хотя, повторим, им разрабатывается, как мы это покажем ниже, совершенно новая стратегия современного русского травелога.

Автобиография и фикциональность

Российская наука сегодня проявляет немалый интерес к жанру травелога. Наш научный руководитель, профессор В. И. Шульженко, в своей книге «Кавказский феномен русской прозы» уделил специальную главу литературе путешествия, в том числе и связанной с Арменией. Вот что он пишет о восприятии Армении известным русским писателем Андреем Битовом: «Битов достигает в своей книге едва ли не толстовского умения слить место действия с сутью действия. Армения у него выступает в роле мудрого учителя, благодаря которому ученик получает массу впечатлений, складывающуюся в его сознании в причудливую мозаику смыслов и символов. Благодарность к Армении переполняет душу автора ещё и за то, что она настойчиво обучала его любви к своей родине, представила пример настоящего национального существования, помогла проникнуться понятиями рода, традиции и наследства» [Шульженко 2001: 314].

Известно, что любая классификация в сфере художественного творчества не может избежать некоторой условности. Но нам для более осмысленной навигации в весьма неоднородных по своей жанровой природе произведениях Голованова крайне важно уточнить такие литературные понятия, как фикшн и нон-фикшн, противопоставление которых в текущем литературном процессе во многом предопределяет его, процесса, современное своеобразие. Путевые книги Голованова обычно классифицируются по категории «нон-фикшн», в которую по традиции включаются документальная литература, биография, автобиография, эссе и «путешествующая литература» – травелог, путевые заметки, путевой дневник, которая является противоположной жанрам, составляющим собственно «фикшн» – литературу вымысла. Англосаксонский термин «нон-фикшн» был найден и введен в России 30 лет назад [Чупринин 2007: 367]. Под этим термином понимаются произведения, построенные на реальных фактах и объективно описывающие всё то, что имело место в действительно-

сти, иначе говоря, в них подразумевается референциальность событий. «Фикшн» же означает художественную литературу, то есть текст, в основе которого, несмотря на кажущуюся типичность и даже стереотипность, лежит никем не подвергаемый сомнению чистый вымысел. Или несколько иначе занятый созданием поэтического высказывания художник стремится изобразить такую картину мира, которая с наибольшей полнотой могла бы представить то, что мы, читатели, должны по правилам игры – а литература вид игры – принять за реальность. Автор в своём тексте даёт не ту реальность (попробуем назвать её «журналистской»), которая как бы есть на самом деле – это роль нон-фикшн, а ту, которую он себе представил и вообразил. Естественно, каждый автор выбирает что-то важное именно для себя, возможно, абсолютно безразличное массе других людей, но это именно его «реальность», созданная его настроениями, воспоминаниями, желаниями, взглядами, ценностями, комплексами и т.д. Следовательно, настоящий писатель утверждает: «так я вижу, я так это и создаю; это есть, вы просто плохо видите».

Исходя из сказанного надо поставить под сомнение включение в категорию «нон-фикшн» автобиографических жанров. Действительно, когда человек говорит о себе, он может быть необъективным, а может и сочинять, и прибавлять, и преувеличивать, создавать метафоры, параболы, парафразы и т.п. Автобиография может считаться литературной обработкой реальности или происходящих событий. Факты пересекаются с ощущениями, субъективностью описаний, переделыванием воспоминаний. Другими словами, реальность неизбежно подлежит толкованию и не является полностью застрахованной от неизбежности вымысла.

Явление «автофикшн» во французской литературе

Именно по поводу использования фикциональности в жанре автобиографии во Франции в конце 70-х годов возникла полемика: признанный французский специалист по автобиографии Филипп Лежен написал «Автобиографический пакт», согласно которому автор любой автобиографии должен гарантировать, что рассказывает всю правду и ничего, кроме правды. В этой теории Лежен исключает возможность романа, в котором главный герой носит имя его автора, и наоборот, существование автобиографии, главное действующее лицо в которой никак не связано с автором по имени [Lejeune 1975].

Тогда же Серж Дубровский публикует основанную на личном жизненном опыте книгу «Сын» [Doubrovsky 1977], в которой повествование ведётся от первого лица, но в которую автор включает немало вымышленных эпизодов. Своё детище Дубровский нарекает неологизмом «autofiction», подразумевая под этим «вымысел абсолютно правдоподобных событий и фактов; если угодно, автофикшн, доверивший язык авантюры авантюре языка, за пределами синтаксиса романа, не важно – традиционного или нового» [Левина-Паркер 2010]. Поступая так, он настаивает на существовании гибридного жанра, не принимаемого Леженом.

С тех пор в рамках французской литературы учёные-литературоведы рассматривают автофикшн в качестве полноправного художественного жанра, занимающего место между автобиографией и романом, а мы, следуя французскому теоретическому мышлению, будем пользоваться понятием autofiction/автофикшн/самосочинение, которое не является абсолютно релевантным синонимом английского non fiction/нонфикшн.

Изобретя неологизм в 1977 г., Дубровский, тем не менее, не стал ни первым, ни единственным автором текстов автофикшн. Однако введение в обиход самого термина способствовало более точной дифференциации текущей литературной продукции, помогло более чётко очертить границы явления, придав последнему статус действительно научного объекта с сопутствующим ему предметом исследования. Благодаря этому изучение автофикшн со временем получило более широкое распространение

во французских университетах. Однако теоретический приоритет французов вовсе не означает отсутствия адекватного художественного опыта в других национальных литературах, что, в принципе, является одной из закономерностей историко-литературного развития. Вот что говорит Хивел Дикс в предисловии к сборнику статей «Автофикшн на английском»: «Autofiction is far from being restricted to a beacon of French literature, as witnessed by the existence of theoretical books in numerous languages» [Dix 2018: VI]. Он также подчеркнул, что из года в год растёт количество конференций и семинаров об автофикшн в англоязычном научном сообществе, да и сам, собственно, упомянутый сборник является неплохим аргументом в дискуссиях, посвященных легитимации термина и признанию художественной практики как важнейшего критерия реального бытия литературного жанра в английской литературе.

Автофикшн явственно переосмысляет границы между реальностью и вымыслом, между биографией и жизненно достоверным рассказом, внося тем самым серьезную коррекцию в существовавшие прежде представления о принципах повествования, в том числе о месте и роли рассказчика и читателя. Сейчас всё труднее зафиксировать устойчивость позиций адресанта, читателя, писателя, автора и рассказчика, строившихся в прежние времена на конвенциональной основе, ныне художественной литературой сознательно нарушаемой. Например, в конце нулевых годов и в начале десятых годов нового века спор между французскими писательницами Мари Даррьёсек и Камил Лоренс впечатляюще продемонстрировал проницаемость границ между реальностью и вымыслом [Collin 2011]. В ходе разгоревшегося спора в 2007 г. во французском литературном журнале «La Revue littéraire» Лоренс изобрела выражение «психический плагиат», чтобы им обозначить безнравственный, по её мнению, поступок Даррьёсек, приравненный Лоренс к преступлению. Прежде плагиат воспринимался недостойным явлением в сфере искусства, художественного творчества, чаще всего проявляемый в литературной деятельности, но в том споре понимание плагиата перешло в совершенно другую сферу – в личную душевно-нравственную жизнь, в которой присутствие плагиата как-то не предусматривалось: Лоренс обвинила Даррьёсек в воровстве личного опыта и личных эмоций, связанных с пережитой трагедией, причиненной смертью ребенка. Лоренс потеряла сына через несколько часов после его рождения, что и описала в автобиографической книге «Филипп». В романе Даррьёсек «Том – мёртв» Лоренс увидела не компиляцию своего текста, ни перипетии пережитой ею трагедии, а собственное душевное потрясение, свои чувства и эмоции, свою боль. Спустя чуть более двух лет, каждая из писательниц познакомила читателей со своим видением произошедшего: Даррьёсек опубликовала эссе по проблеме плагиата, а Лоренс издала роман автофикшн, в котором рассказывала о том, как отразился этот творческий конфликт на её личной жизни. Яростный спор как-то незаметно перетёк в дискуссию, которая сместилась с вопроса о плагиате на вопрос о вымысле: могут ли вымышленные тексты затрагивать любую тему? Может ли вымысел быть на равных с автофикшн, с самосочинением, в котором используется реальный опыт жизни? Возможен ли вымысел в рассказах о таких серьёзных событиях, как смерть, потеря близких и любимых людей, глубокое эмоциональное переживание по этому поводу? Другими словами, какой опыт мира можно выражать и как его выражать адекватно?

Писатели автофикшн или самосочинения раскрывают, среди прочего, свой авторский труд. Художественное творчество заключается не только в рассказывании истории, но и в подборе слов: писатель выбирает лексику, создаёт фигуры речи, планирует порядок предложений, выражает определенные идеи, определяет последовательность глав (когда они существуют), чередует типы рассказчиков, может недосказывать мысль, управляет временной шкалой и т.п. В автофикшн писатель является протагонистом романа (главным или нет), и тем самым писательский труд выставля-

ется напоказ. Автофикшн отличается от автобиографии, потому что авторы признают, что невозможно рассказывать чистую референтную реальность, объективная реальность не существует. Они ищут и пишут свою субъективную реальность. Автофикшн нарушил «Автобиографический пакт» Лежена [Lejeune 1975], согласно которому «излагаемые в тексте события являются достоверными» [Левина-Паркер 2010]. Автофикшн – интимное пространство, в котором автор высказывает свои сомнения, неопределенности о том, что такое реальность? Возможно её выражать и как? Лингвисты, художники, учёные показали и опробовали недостаточность и границы языка, определили расстояние между реальностью и знаками языка. Автофикшн является новым пространством для занятий подобными художественными вопросами, то есть больше не надо их рассматривать только в определенных текстах нон-фикшн – эссе, манифест, теоретические статьи – их возможно включать в повествование романа.

Природа травелога в парадигме «автофикшн/самосочинения»

В тексте писателя-путешественника и журналиста Голованова «Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий» звучат все эти вопросы о литературном творчестве. Разумеется, травелог близок к автобиографии, ибо он есть повествование о конкретной человеческой жизни, её этапах и периодах. При этом «Остров» можно считать автобиографическим текстом, сочинением «про себя». Помимо этого, Голованов постоянно говорит о трудностях, с которыми он сталкивается, рассказывая о своей поездке на остров: он нигде не скрывает своего авторского присутствия, но не выражает его только от первого лица, от лица протагониста-автора-повествователя, присущего автобиографическому тексту. Наоборот, он создаёт дополнительные повествовательные стратегии с помощью разных адресантов, выступающих под местоимениями «я», «он», «ты». Таким образом, повествователь «я», идентифицированный как Голованов, выступает в нескольких местоименных ипостасях. Из-за этого в первую очередь нарушается линейный характер времени, приобретающего некий циклический вид, что во многом предопределяет голововский поиск языка, а само повествование превращается в постоянное уточнение собственной идентификации. Эти творческие и сугубо человеческие «путешествия души» напоминают нам вопросы, поставленные уже упоминавшимися выше французскими писателями автофикшн. Им вторит Голованов, предельно чётко декларирующий мысль о незримой связи между жизнью и творчеством: «Искусство и личная жизнь одно; твоя жизнь и есть твоё искусство. Или – искусство – способ достигнуть наивысшего напряжения жизни» [Голованов 2009: 57].

Равно как и Х. Дикс, редактор «Автофикшн на английском» считает, что автофикшн не является достоянием французской литературы. Нам думается, что и книгу современного русского писателя Голованова следует рассматривать сквозь призму автофикшн. По этому вопросу интересно обратить внимание на название второго издания книги «Острова». Первое название «Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий» заменяется на «Остров. Документальный роман». Безусловно, «роман» связан с беллетристикой, «литературностью», по Р. Якобсону, а «документальный» жанр связан с референциальностью, но название «документальный роман» мешает классической оппозиции.

Подводя итоги, мы можем с уверенностью утверждать, что выбранный нами материал вполне релевантно реагирует на возможность его анализа с точки зрения современного французского литературоведения. Это, с одной стороны, является ещё одним фактом эффективности нового научного подхода, а, с другой, благодаря этому сделать нам вывод о художественной состоятельности «Острова» Василия Голованова.

Литература

1. *Голованов В.* Остров. Документальный роман. // М., ООО «Ад Маргинем» Пресс, 2009. (первое издание: Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий. М.: Вагриус, 2002).

2. *Голованов В.* Геопоэтика Кеннета Уайта: вклад в рубрику под руководством Балдина Андрея «Геопоэтика и географика». [Электронный ресурс] // Октябрь, 2002. № 4. Журнальный зал. URL: http://magazines.russ.ru/october/2002/4/publ.html Дата последнего обращения: 10.06.2019.

3. *Костырко С.* Странствуя в поисках России. Андрей Балдин. Новый Буквоскоп, или Запредельное странствие Николая Карамзина [Электронный ресурс] // Новый Мир, 2016. № 10. Журнальный зал. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/10/stranstvuya-v-poiskah-rossii.html Дата последнего обращения: 10.06.2019.

4. *Левина-Паркер М.* Введение в самосочинение: autofiction. [Электронный ресурс] // НЛО, 2010. № 103. Журнальный зал. URL: http://www.zh-zal.ru/nlo/2010/103/le2.html Дата последнего обращения: 10.06.2019.

5. *Чанцев А.* Василий Голованов: «Путешествие начинается с готовности сердца отозваться» [Электронный ресурс] // Частный Корреспондент, 2015. URL: http://www.chaskor.ru/article/vasilij_golovanov_-puteshestvie_nachinaetsya_s_gotovnosti_serdtsa_otozvatsya_38602 Дата последнего обращения: 10.06.2019.

6. *Чупринин С.* Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям // М., Время, 2007. 920 с.

7. *Шульженко В.* Кавказский феномен русской прозы (вторая половина XX века): Монография. / Пятигорск: ПятГФА, 2001. 368 с.

8. *Collin E.* La dynamique d'une accusation de plagiat en littérature francophone contemporaine. Étude de la querelle entre Marie Darrieussecq et Camille Laurens. // Mémoire. Liège: Université de Liège, Maîtrise en langues et littératures françaises et romanes, 2011.

9. *Dix H.* (Под ред.) Autofiction in English. London: Palgrave Macmillan (Palgrave Studies in Life Writing), 2018.

10. *Doubrovsky S.* Fils. Paris: Galilée, 1977.

11. *Golovanov V.* Éloge des voyages insensés ou L'île. Paris: Éditions Verdier, 2008.

12. *Lejeune P.* Le pacte autobiographique. Paris: Éditions du Seuil, 1975.

13. *White K.* «L'écriture géopoétique. De la littérature à la littoralité» [Электронный ресурс] // Le nouveau territoire : l'exploration géopoétique de l'espace (article d'un cahier Figura), Observatoire de l'imaginaire contemporain, 2008. URL: http://oic.uqam.ca/fr/articles/lecriture-geopoetique-de-la-litterature-a-la-littoralite Дата последнего обращения: 04.06.2019.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ЛЕСКОВА

Ю.Н. КОЛЬЦОВА

Высшая школа перевода, МГУ имени М.В. Ломоносова

e-mail: koltsova-73@mail.ru

Ключевые слова: *Н.С. Лесков, проблема, путь, метафорический, символизация.*

В статье рассматривается проблема пространственных представлений писателя Н.С. Лескова. Творчество Н. С. Лескова представляет безграничные возможности для исследования, так как он в огромной степени обладал «чувством пути», постоянно размышлял над этой категорией, вкладывал в нее свое, достаточно неординарное представление. Пути постижения истины многочисленны и разнообразны. Путь Н. Лескова был не только достаточно сложным, но и удивительно изменчивым. В своем творчестве Лесков обращается к поиску праведных людей, путь которых метафорически представлен в определенных пространственных категориях.Лесковский «странник» не может завершить свой жизненный путь вне следования Помыслу Божию, но он не ищет церковной обители. Странничество героя повести есть и отражение, символизация внутреннего странничества самого автора.

YULIYA KOLCOVA – Concepts of space in the works of N. Leskov

Key words: *N. Leskov, problem, way, metaphor, symbolization.*

The article deals with the problem of space perception of the writer N. Leskov. Works of N. Leskov represent endless fields for research, since he possessed the "sense of the path". He constantly reflected on this category and put his own rather extraordinary perception into it.His ways of comprehending the truth are numerous and varied. The path of N. Leskov was not only rather complicated, but also surprisingly changeable. In his work Leskov refers to the search for a just man, whose path is presented in the categories of space. Leskov's "wanderer" cannot complete his life's journey without following the Thought of God, but he is not looking for a church monastery. The wanderings of the character are also a reflection to the author's inner wanderings.

А. Блок в статье «Душа писателя» утверждал, что «первым и главным признаком того, что данный писатель не есть величина случайная и временная, является чувство пути» [1, С.369-370]. Естественно Блок не называл это словом концепт, а обращался к привычному для поэтического сознания слову чувство, но с точи зрения современного определения термина концепт, включающего в себя чувственное субъективное, «сублогическое» восприятие, это определение может быть названо концептом пути.

Здесь творчество Н. С. Лескова представляет безграничные возможности для исследования, так как он как раз в огромной степени обладал этим «чувством пути», постоянно размышлял над этой категорией, вкладывал в нее свое, достаточно неординарное представление.

Н. С. Лесков был глубоко религиозным человеком. Его душа, как и душа каждого религиозного человека, стремилась найти Правду Божию, отыскать свою дорогу к небу . Человек «призван встать и идти по тому пути, который указан ему Богочеловеком, сказавшим о Себе Самом: «Я есмь Путь и Истина и Жизнь» (Иоанн, 14, 6)[1]. Но Пути постижения истины многочисленны и разнообразны. Путь Н. Лескова был не только достаточно сложным, но и удивительно изменчивым. Недаром внутреннее странничество писателя вызывало изумление у сына писателя - А. Н. Лескова, оставившего капитальный труд «Жизнь Николая Лескова»: «Какой путь! Какая смена умозрений!» — восклицал он [4, С.303].

С целью уяснения религиозно-философских основ концепта пути Н. С. Лескова следует начать с некоторых общих заметок о характере религиозности Лескова.

Прежде всего, следует остановиться на некоторых фактах биографии писателя, связанных с его восприятием христианской веры. С раннего детства Лесков воспитывался в духе Христианства. В рассказе «Мелочи архиерейской жизни» автор, говоря от первого лица, признается: «Христа ... меня научили любить с детства» [5, Т 6, С.400]. А в «Автобиографической заметке» 1885 года он проясняет, какое именно чувство возникло в его сознании: «Религиозность во мне была с детства, и притом довольно счастливая, то есть такая, какая рано начала во мне мирить веру с рассудком. (курсив мой – Ю.К.)- Я думаю, что и тут многим обязан отцу» [5, Т. 11., С. 11]. Род Лесковых принадлежал духовному сословию. Преемственность прервалась именно на отце писателя. Тот «был непреклонен в своих намерениях и ни за что не захотел надеть рясы, к которой всегда чувствовал неодолимое отвращение. Хотя был человек очень хорошо богословски образованный и истинно религиозный» [5, Т.3., С.554]. Чего он не принял? Православия вообще или церковных канонов? Именно этот вопрос, так и оставшийся не до конца разрешенным отцом, становится основополагающим в философии Лескова: соотношение веры и рассудка. Вслед за отцом, который нес в себе скорее протестантский тип религиозного мышления [3,Ч. 4., С. 383]., Лесков стремился к рассудочному восприятию христианских истин, отрицая многие внешние атрибуты церковной жизни. В одном из писем сыну уже в 90-е годы, когда его религиозные взгляды окончательно сложились, он напишет: «Бог есть, но не такой которого выдумала корысть и глупость. В этакого Бога если верить, то, конечно, лучше (умнее и благочестивее) - совсем не верить, но Бог Сократа, Диогена, Христа и Павла - «Он с нами и в нас», и Он близок и понятен, как автор актеру» [4, С. 306].

В отличие от многих русских писателей, он не сразу осознал себя литератором и «в отличие от большинства русских беллетристов... чуть не полжизни и не помышлял о писательстве» [5,Т.11, С.122], то есть начал писать уже достаточно зрелым человеком. При этом важно заметить, что Лесков «вырос в народе», а также изъездил по долгу службы всю Россию. Это дало ему возможность обрести богатый опыт и огромное знание русской жизни.

Эволюция идейных взглядов Лескова 60-х гг. многоаспектна и сама по себе составляет предмет особого научного исследования. Для нас первостепенное значение имеет то, что в этот период, представленный наиболее содержательными текстами, отражены надежды Лескова на судьбы России, позитивная авторская программа общественного служения. Произведения Лескова 60-х годов сейчас считают пророче-

[1] Евангелие от Иоанна 14,6.

скими, предсказавшими ужасные последствия нигилистического мышления. Именно они и привели Россию к революционным кровопролитиям. Неслучайно поэтому сейчас Лескова считают «прозеванным гением» [2, С. 9], ставят в один ряд с Ф. М. Достоевским, написавшим пророческий роман «Бесы». Но Лесков осознал сущность этого общественного явления на 10 лет раньше Достоевского. Следует заметить, что произведения 60-х годов направлены на утверждение Православия как единственного пути спасения от нигилистского безверия. Здесь автор не касается вопросов церковного быта. Церковь же пока является символом веры. Так же важно отметить, что в произведениях этого периода Христианскую мудрость и авторскую позицию выражают именно люди церковного звания: попы, игуменьи.

В начале 70-х годов отношение к церкви, к вопросам веры у Лескова меняется. Этот период оказался кризисным для писателя. Склонный к сомнениям и постоянному анализу, Лесков пристально вглядывается уже не только в общественное и государственное устройство России, но и в жизнь церкви как определенного института. Каждый шаг Лескова по пути к истине, каждый этап становления его религиозно-философской мысли находят свое отражение в художественном творчестве. Персонажи Лескова – это люди, мучимые теми же сомнениями, стремящиеся к тем же идеалам.

Значимым этапом пути Лескова становится поиск идеальных духовных пастырей для народа, в существование которых Лесков пока свято верит. В 1872 году выходит в свет роман «Соборяне». Автор романа обращает пристальное внимание на тему, ранее не особенно волновавшую русскую литературу, а именно на жизнь за церковной оградой. И то, что он увидел, навело его на грустные размышления, заставило сделать мрачные выводы, позднее приведшие его к полному пессимизму и отвержению Церкви как необходимого условия спасения». Подтверждение этому мы можем найти так же в письмах Лескова того периода. В июне 1871 года в письме к П. Г. Щебальскому он напишет: « Я не враг Церкви, а ее друг, или более: я покорный преданный ее сын и уверенный православный – я не хочу ее опорочить; я ей желаю честного прогресса от коснения, в которое она впала, задавленная государственностью, но в новом колене слуг алтаря я не вижу «попов великих», а знаю в лучших из них только рационалистов, то есть нигилистов духовного сана» [5, Т.10. С.329]. Поэтому в финале романа смерть основных героев, тех самых «великих попов» приобретает значение символа.

Отсюда начинается новый этап пути-поиска. Писатель обращает более пристальное внимание на нравственные стороны Христианства. Цель Христианства Лесков видел в оздоровлении и возвышении нравственных норм, на которых должна основываться жизнь всего человечества. Но первыми же нарушителями этих норм становятся сами церковнослужители. И он сделал достаточно смелый вывод: без Церкви можно обойтись, а искать спасения души можно и вне ее, ибо там лишь застой. Поэтому Лесков обращает свое внимание на то, что рядом, близко к Церкви, тем не менее не является официальным, – к староверам. Лесков с детства относился с особой симпатией к раскольникам. В воспоминаниях об отце А. Лесков упоминает статью, не вошедшую в Собрание сочинений, под названием «С людьми древлего благочестия», в которой писатель признается, что: « полюбил раскольников что называется всем сердцем и сочувствовал им безгранично. С этого времени (речь идет о его детстве, прошедшем на Гостомельских хуторах, которые были со всех сторон окружены раскольничьими селениями) началось мое сближение с людьми древлего благочестия, не прерывавшееся во все последующие годы…» В другой статье (также не вошедшей в собрание сочинений) «О сводных браках и других немощах», написанной гораздо позже, звучит та же мысль: « Я сам, будучи ребенком, не раз тайком бегал на маслобойню нашего старосты Дементия смотреть, как там заезжий поп, раскинув

свою «шатровую церковь», служил в ней обедню… Мне очень нравилось, как мужики молились со своим попом, и я не только хранил их тайну от своих родителей, но даже имел сильное желание с ними молиться» [4, Т.3. С.304-305.]В 1873 году Лесков пишет рассказ «Запечатленный ангел», где исследует психологию раскольников. По-человечески сочувствуя этим людям, Лесков, тем не менее, отвергает саму идею раскола, видя не только ее бессодержательность, но и некоторую опасность (недаром в романе «Некуда» нигилисты говорят о раскольниках как о своих). Главным смыслом рассказа является наоборот мысль об необходимости обретения единства в вере «… Всяк как верит так и да судит, а для нас все равно, какими путями Господь человека взыщет и из какого сосуда напоит, лишь бы взыскал и жажду единодушия его с отечеством утолил» [4, Т.3. С.384.]. (подчеркнуто мной – Ю.К.). Здесь Лесков обращается к поиску праведных людей. Идея праведничества открывается повестью «Очарованный странник» (1873). Повесть построена в форме путевого рассказа. Главный герой - Иван Северьяныч - рассказывает своим попутчикам, плывущим вместе с ним по Ладожскому озеру, историю своей жизни. Интересно, что история жизненного пути героя рассказывается на фоне пространственного перемещения: этапы жизненного пути как бы накладываются на этапы пути реального. Такой параллелизм – основной прием повествования. Следует заметить, что, предворяя свой рассказ, Иван Северьяныч сразу определяет свою жизнь как путь, предназначенный ему свыше: «… но, верно, своего пути не обежишь, и надо было другому призванию следовать» [4, Т.4. С.395.].. Именно здесь зарождается конфликт в душе героя, который потом, на протяжении всей жизни пытался противостоять своему предназначению. Интересно, что приход в монастырь выглядит в рассказе как нечто непродуманное, как поступок, совершенный от безвыходности. Поэтому странник и там надолго не задерживается и отправляется снова в путь. Таким образом, концепт пути в «Очарованном Страннике» – это неизбежное следование от плотского, земного, грешного к духовному, возвышенному, небесному, но не церковному.

Лесковский странник не может завершить свой жизненный путь вне следования Помыслу Божию, но он не ищет церковной обители. Странничество героя повести есть и отражение, символизация внутреннего странничества самого автора. В его творчестве появляется устойчивый тип «странного» праведника, не связанного с церковью и не отвечающего канонам религиозной праведности. Эти сомнения начинали усиливаются у писателя в середине 70 –х годов. В июле 1875 года он признается П. К. Щебальскому: « Более всего разладил с церковностью, по вопросам которой всласть начитался вещей, в Россию не допускаемых. …Более чем когда-либо верю в великое значение Церкви, но не вижу нигде того духа, который приличествует обществу, носящему Христово имя. « Соединение », о котором молится наша Церковь, если произойдет, то никак не на почве согласования «артикулов веры», а совсем иначе. Но я с этим так усердно возился, что это меня уже утомило. Скажу лишь одно, что прочитай я все, что теперь много по этому предмету прочитал, и выслушай то, что услышал, - я не написал бы «Соборян» так, как они написаны, а это было бы мне неприятно. Зато меня подергивает теперь написать русского еретика – умного, начитанного и свободомысленного духовного христианина, прошедшего все колебания ради искания истины Христовой и нашедшего его только в душе своей» [4, Т.10. С.411-412.].

В 1875 году он пишет один из самых важных своих рассказов «На краю света».

Писатель еще более четко, чем прежде, хотя и не окончательно, обозначил своего рода разделение между православным вероучением и конкретной повседневной практикой Церкви. В центре повествования рассказ некоего престарелого архиепископа, повествующего о временах своей молодости (в основе произведения лежит подлинный случай из миссионерской деятельности в Сибири ярославского архиепи-

скопа Нила. На связь рассказа и именем этого архиерея Лесков указывает в предисловии к рассказу «Владычный суд. Быль.»), о своем пути постижения Христианской веры. Само название содержит этот концепт пути. Название рассказа получает двойной смысл. Не случайно, оно было шестым по счету. Ему предшествовало в рукописи «Темняк» и четыре зачеркнутых: «Дикарь», «Три чуда», «Бог в пустыне», «Два проповедника». С одной стороны, речь в рассказе идет о дальних сибирских поселениях, в которые отправился еще молодой тогда архиерей проповедовать Христианские истины. С другой стороны, название получает некий символический смысл, где свет является символом веры, а край, оставаясь в своем первом значении, определяет «предельную линию» в этом познании. Именно этот второй смысл является наиболее значимым для автора. Действительно, герой приходит в своем пути познания веры к крайней точке: признанию истинности всех религий. В образе архиерея, безусловно, отразились метания и поиски самого автора. Сюжет повести достаточно прост. Архиерей отправляется в дальние дикие земли для обращения в христианскую веру туземцев. Отправляется он в сопровождении отца Кириака, иеромонаха, который прежде занимался миссионерской деятельностью достаточно успешно, но в силу полученного им убеждения, переставший крестить. Молодой архиерей ведет постоянные споры с иеромонахом о методах и смысле крещения. Кириак предостерегает «владыку» от поспешных крещений Герой же словам Кириака поверить не хочет. Но жизнь подтверждает правоту мудрого иеромонаха. Отец Кириак выбирает себе в проводники крещеного туземца, уступая архиерею некрещеного. Архиерей этим обстоятельством был опечален и обеспокоен: он полагал, что крещеный несравненно надежнее, тогда как некрещеный язычник при удобном случае может покинуть своего ездока и обречь тем на гибель в необозримой снежной пустыне. На деле вышло иначе: некрещеный спас архиерея от гибели во время бури, крещеный бросил монаха на произвол судьбы, да предварительно съел Святые дары, сказав: «Попа встречу – он меня простит» [4, Т.5. С.511.]. . Смерть отца Кириака раскрыла глаза архиерею: он узрел дурной формализм в безмерности совершаемых крещений, которые творились лишь ради количества, столь необходимого только чиновникам, начальствующим в Церкви. Погоня же за цифрою пагубно сказалась на деле обращения дикарей в Православие.

В конце рассказа архиерей горько сетует на чуждое, а порою даже враждебное Православию бюрократическое управление Церковью, прямо называя по именам некоторых обер-прокуроров Синода:

«…И стричь-то и брить-то нас хотели, и в аббатиков переделать желали. Один благодетель, Голицын, нам свое юродское богословие указывал проповедовать; другой, Протасов, нам своим пальцем перед самым носом грозил; а третий, Чебышев, уже всех превзошел и на гостином дворе, как и в Синоде, открыто «гнилые слова» изрыгал, уверяя, что «Бога нет и говорить о Нем глупо»…» [4, Т.5. С.516.].

В несвойственное сану и тягостное положение поставлены и архипастыри, главная обязанность которых – направлять духовную жизнь вверенных их окормлению душ.

«…Что их до этого довело? Не то ли именно, что они, ваши епархиальные архиереи, обращены в администраторов и ничего живого не могут теперь делать? …Сегодняшний архиерей даже со своим соседом архиереем не волен о делах посовещаться; ему словно ни о чем не надо думать: за него есть кому думать, а он обязан только все принять «к сведению». Чего же вы от него хотите, если ему ныне самому за себя уже негде печаловаться?..» [4, Т.5. С.515.].

И все же: архиепископ повторяет свою убежденность в высоте и истинности Православия и Церкви: «Поцените же вы, господа, хоть святую скромность Православия и поймите, что верно оно дух Христов содержит, если терпит все, что Богу

терпеть угодно. Право, одно его смирение похвалы стоит; а живучести его надо подивиться и за нее Бога прославить» [4, Т.5. С.517].

Важные выводы, к которым очень скоро придет окончательно Лесков, здесь еще не проговариваются, но до них рукой подать: в его сознании начинается своего рода «разделение» Церкви на ее духовно-мистическое тело и реальную видимость конкретной церковной повседневности. В этой последней – всевластие чиновничества и формализм. Сам владыка перечисляет многие беды, с какими пришлось ему столкнуться при вступлении в управление епархией: невежество и грубость клириков, простейшая неграмотность, распущенность, пьянство, бесчинства – и одолеть это где силы взять?

Но что важнее всего: архиерей оказался готовым признать своего проводника-туземца, несмотря на его «формальную» некрещеность, принадлежащим духовной полноте христианства ибо не только прочны и истинны его нравственные устои, но и само религиозное мышление его на поверку оказывается монотеистичным: объясняя свое поведение, он ссылается на «хозяина», «который сверху смотрит»:

« – Да, бачка, как же: ведь он, бачка, все видит.

- Видит, братец, видит.

- Как же, бачка? Он, бачка, не любит, кто худо сделал» [4, Т.5. С.507].

Так, согласимся, может рассудить и любой православный христианин.

И Лескову остается сделать всего самый малый шаг, чтобы и крещение отрицать как необязательное. Ведь парадокс выходит: крещение отвращает этих полудикарей от «хозяина», поскольку священник берет по отношению к крещеным, по их понятиям, на себя роль и обязанности «хозяина». Но Бог требует поступать по справедливости, а священник прощает любой проступок и тем как бы позволяет совершать что угодно.

Размышляя над духовною жизнью своего спасителя-якута, владыка приходит к определенному выводу:

«Ну, брат, - подумал я, - однако и ты от Царства Небесного недалеко ходишь». Архиерей отказывается крестить этого человека.

Здесь шаг до признания всех религий истинными. Заметим: такое рассуждение (не рассказчика – самого автора) идет от искреннего стремления ко всеобщему воссоединению (religio) с Творцом, который всем открывает Себя. Крещение в этой системе рассуждений единство разрушает.

Встает вопрос о совершительной силе таинства. Отец Кириак говорит о необходимости подкрепления таинства просвещением «-… Итак, во Христа-то мы крестимся, да во Христа не облекаемся. Тщетно это так крестить, владыко!» [4, Т.5. С.467].

Понимание Высокой Христианской мысли затрудняется среди полудиких народов, которые способны воспринимать лишь определенные примитивные истины. Крещение таких народов без длительного просвещения может привести только к плачевному результату.

Для автора важна идея воссоединения с Творцом: «Что за загадочное странствие совершает этот чистый высокий дух в этом неуклюжем теле и в этой ужасной пустыне? (речь идет о некрещеном туземце, спасшем героя) Зачем он воплощен здесь, а не в странах, благословенных природою? Для чего ум его так скуден, что не может открыть тайну Творца в более пространном и ясном понятии? Для чего, о Боже, лишен он возможности благодарить Тебя за просвещение его светом Твоего Евангелия? Для чего в руке моей нет средств, чтобы возродить его новым торжественным рождением с усыновлением Тебе Христом Твоим? Должна же быть на все это воля Твоя; если Ты, в сем печальном его состоянии, вразумляешь его каким-то дивным светом свыше, то я верю, чтосей свет ума его есть дар Твой! Владыко мой, како уразумею: что сотворю, да не прогневаю Тебя и не оскорблю сего моего искреннего?» [4, Т.5. С.507-

508] – заключает автор (подчеркнуто мной – Ю.К.). Рассуждение монаха и конечный отказ владыки крестить дикарей явно несет в себе идею возможности единения с Богом вне таинства и вне Церкви – через ощущение и сознание Бога в себе самом.

В 1877 году Лесков пишет рассказ-быль «Владычный суд». Этот рассказ, по утверждению автора, сделанному в первой главе, является неким продолжением рассказа «На краю света». Здесь повествование ведется уже от первого лица. Рассказ написан в форме воспоминаний автора о времени его молодости, когда он служил чиновником в Киеве. Фабула «Владычного суда» достаточно проста: речь идет о том, как киевский митрополит Филарет отказал одному еврею («наемщику» в рекруты) в крещении «из материальных расчетов» и тем самым спас другого еврея (мальчика-рекрута) от принудительного крещения; в финале рассказывается о добровольном крещении отца мальчика, пришедшего к вере действительно путем страдания и веры в силы Всевышнего. Смысл рассказа вытекает не из прочтения фабулы, а из расшифровки метафорического строя произведения, возводящего сюжет до уровня библейских притчей. Дело в том, что текст не только пронизан ссылками на евангельские тексты: эпиграфы, прямые и скрытые цитаты из Нового Завета, но и сама фабула может быть расшифрована как евангельская притча.

Н. С. Лесков понял и близко принял к своему сердцу болезнь, которой была поражена Православная Церковь – подмену истинной, живой веры верою формальной, мертвой. Он не издевался над пороками «церковников», он бил в набат, призывал к покаянию, к очищению и, стало быть, к спасению Церкви, и через Церковь и всей России.

Литературы

1.Блок А. Собр. Соч.: В 8т. М. Л. 1962
2. Дмитренко С. Прозеванный гений // Н. Лесков. Повести и рассказы. М.1998.
3. Дунаев М. М, Православие и русская литература. М. 1998.
4. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова. Тула, 1981
5. Лесков Н. С. Собр. Соч. В 11 т. М., 1956 – 1958.

РУССКАЯ АФОРИСТИКА. СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

А.В. КОРОЛЬКОВА
Смоленский государственный университет, РФ
lika.korolkova@bk.ru

Ключевые слова: *русская афористика, афоризм, афористика Серебряного века.*

Афоризмы сохраняют коллективный опыт человечества и отдельных народов, отражают историческое развитие общества через осмысление действительности выдающимися людьми эпохи. Афористика на протяжении столетий практически не меняет своих целей и задач, используясь как для подтверждения собственных мыслей и наблюдений отдельных людей, так и для подчеркивания оригинальности суждений. Особый этап в развитии русской афористики – Серебряный век.

ANGELIKA KOROLKOVA - Russian aphoristics. Silver Age

Key words: *Russian aphoristics, aphorism, aphoristics of the Silver Age.*

Aphorisms preserve the collective experience of mankind and individual nations, reflect the historical development of society through the understanding of reality by outstanding people of the era. For centuries, aphoristics practically does not change its goals and objectives, being used both to confirm one's own thoughts and observations of individual people and to emphasize originality of judgments. A special stage in the development of Russian aphoristics is the Silver Age.

Афоризмы – удивительный феномен культуры, известный человечеству с древнейших времен. Изречения великих философов, писателей, ученых составляют сокровищницу мировой культуры также, как и цитаты из священных книг.

«Афоризм как уникальное вербальное средство и продукт познания действительности <…> с давних времен широко используется во многих сферах духовной и социальной жизни человека» [Иванов 2016: 3].

В русской культуре, в русском языковом сознании присутствует масса прецедентных текстов. Среди них помимо афоризмов, крылатые слова и выражения, принадлежащие различным этнокультурам.

Афористика народов мира является неотъемлемой частью русского культурного пространства. Даже у классиков русской литературы можно обнаружить массу аллюзий на известные изречения древности.

Афористика необходима русской культуре. Она является частью языковой и концептуальной картины мира любого носителя русского языка. В русском языковом сознании большое количество афористики, крылатых слов и выражений, которые выполняют различные функции [Королькова 2018: 4].

Отличительной русского менталитета является желание присоединиться к авторитетному мнению, поддержать собственную точку зрения таким способом.

Поэтому в народе становятся популярными изречения современных политиков, различных медийных персонажей, которые в свою очередь также используют яркие высказывания политических деятелей прошлого, писателей и поэтов.

Данная особенность русской ментальности связана и с прагматической функцией манипулятивного воздействия на адресата высказывания. Большинству людей не захочется спорить с А.С. Пушкины, Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, Леонардо да Винчи, Ларошфуко и пр.

Афористика наряду с пословицами, поговорками выполняет и кумулятивную функцию обобщения жизненного опыта всего человечества.

Афоризмы также выполняют коммуникативную функцию, служат для передачи определенной информации. Кроме того, употребление афоризмов позволяет говорящему продемонстрировать свой уровень образованности, изысканность речи, что для человека с русским менталитетом немаловажно.

Афоризмы несомненно являются источником речевой экспрессии, при этом также выполняя стилистическую функцию.

Афоризмы в языке и речи могут также выполнять симптоматическую функцию. При этом потребление изречения, а в настоящее время часто «народного афоризма», направлено на получение эмоционального ответа от адресата. В разговорной речи это, прежде всего, смех. Шутливые современные афоризмы необычайно популярны и в сети Интернет, и в живом общении. Эти афоризмы придают речи определенную динамику, напряженность и даже драматизм, заставляют задуматься над сказанным.

Особый этап в развитии русской афористики – это Серебряный век.

Авторы Серебряного века имеют свои собственные творческие концепции. Афоризмы из некоторых текстов вступают в противоречие с целостным мировоззрением автора. Тем не менее при известной осторожности обращения с текстами возможно вычленение вводной афористики из произведений поэтов Серебряного века. [Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н. 2007].

В этом отношении показательной является афористика Максимилиана Волошина. У него есть и поэтические и прозаические афоризмы, есть собственно афоризмы (краткие, не более трех предложений), есть и афористические высказывания (не более пяти предложений). Нужно отметить, что афористика не накладывает никаких ограничительных рамок на использование разнообразных синтаксических конструкций. Поэтому в русском афористическом материале можно найти самые разнообразные типы предложений. Это наблюдается и в афористике Волошина.

Например:

В жизни человека есть *незыблемые моменты*, неизменные жесты и слова, которые повторяются в каждой жизни с ненарушимым постоянством: *смерть, любовь, самопожертвование*.

* * *

И в мире нет истории страшней,
Безумней, чем история *России*.

Афористические высказывания:

Современность мешает человеку видеть *сны*. Но стоит ему остаться наедине с собой, и его дневная жизнь пополняется жизнью сна: разноцветная бахрома сновидений волочится за каждым его душевным жестом.

Земля, как и человек, способна видеть сны. Не растревоженная суетой современности, она неторопливо грезит о минувшем, о несбывшемся и о возможном, и сновидения ее достигают зрительной реальности миража.

* * *

Чувство родины неизбежно связано с пейзажем. Если мы и упоминаем о «дыме отечества» или о тоске родных песен, то только потому, что они более властно, чем зрительные ощущения, раскрывают перед нами душу пейзажа… *Пейзаж* – это лик родной земли, лицо матери. От созерцания этого лица в душе подымается та тоска, жалость, нежность, та надрывающая и безысходная любовь, с которой связано обычно чувство родины.

Тематика афористики Максимилиана Волошина является отражением его душевных исканий и переживаний, иллюстрирует все, что волновало поэта, все, что становилось объектом его творческого переосмысления. Начало XX века – трагическая страница истории России. Большая часть афористики Волошина – это как раз размышление над судьбами Родины. В его афоризмах звучит ужас, испытанный и прочувствованный поэтом во времена «красного террора».

Например:

Из крови, пролитой в боях,
Из праха, обращенных в прах,
Из мук, казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений –
Возникнет праведная *Русь*.

* * *

Революция губит лучших,
Самых чистых и самых святых,
Чтоб, зажав в тенетах паучьих,
Надругаться, высосать их.

* * *

Россия должна идти к религиозной революции, а не социальной, к преображению личности.

Разумеется, афористика Волошина не ограничивается исключительно темой Родины, России: в корпусе его афористики встречаются изречения о любви, о силе человеческого духа. Как любой поэт и прозаик Серебряного века, Волошин не мог обойти вниманием тему смерти, вечности, тему духовного созидания. Важны для Волошина и размышления о предназначении поэта, о сущности творчества, об искусстве как таковом.

Например:

Искусство должно быть «для каждого», но отнюдь не для всех. Только тогда оно сохранит отношение индивидуальности к индивидуальности, которое и составляет смысл искусства, в отличие от других ремесел, обслуживающих вкусы и потребности множеств.

* * *

Из глубины молчания родится
Слово,
В себе несущее
Всю полноту сознанья, воли, чувства,
Все трепеты и все сиянья жизни.

* * *

В самые патетические моменты *любви*, когда *человек* чувствует, что он переживает моменты, единственные в мире, на самом деле он повторяет те же слова и те же жесты, что миллионы раз повторялись до него и повторяются ежеминутно. Это свойство всех стихийных и органических проявлений духа.

Творчество Александра Блока еще сложнее для вычленения и анализа афористического материала. Символика его творчества зачастую теряется в извлеченных из контекста афоризмах. В таком случае изречения не стоит включать в корпус афористики этого поэта. Однако чаще афоризмы вполне адекватно отражают взгляды поэта на историю страны, на творческую лабораторию, его размышления о поэзии и пр. У него много афоризмов посвящено теме Родины, России.

Например:

Все будет хорошо. *Россия* будет великой. Но как долго ждать и как трудно дождаться.

* * *

Родина – это огромное, родное, дышащее существо, подобное человеку, но бесконечно более уютное, ласковое, беспомощное, чем отдельный человек.

* * *

Родине суждено быть некогда покинутой, как матери, когда ее сын, человек, вырастет до звезд и найдет себе невесту. Эту обреченность на покинутость мы всегда видим в больших материнских глазах родины, всегда печальных, даже тогда, когда она отдыхает и тихо радуется.

* * *

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые –
Как слезы первые любви!

* * *

Россия-мать, как птица, тужит
О детях; но – ее судьба,
Чтоб их терзали ястреба.

Собрание афористики поэта позволяет по-новому взглянуть на тематику его творчества в целом, на его взгляды на общество, искусство, время, жизнь…

Некоторые афоризмы из творческого наследия Блока стали крылатыми выражениями: их помнят, с удовольствием цитируют, не всегда, впрочем, осознавая, кто автор данного изречения.

Например:

Сотри случайные черты –
И ты увидишь – *мир* прекрасен.

Малоизвестные афоризмы Блока приоткрывают тайну его ощущений, даже нюансов переживаний, позволяют увидеть страдания поэта. Блок ощущает свое бессилие перед горнилом революции, перед беснующейся толпой, невозможность что-либо изменить тяготит его, он ощущает горечь беспомощности и в то же время думает о долге поэта, долге гражданина, об ответственности поэта перед народом.

Например:

Такой горечью полыни пропитана *русская жизнь*…

* * *

На непроглядный *ужас жизни*
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Все не смела в твоей *отчизне*…

* * *

Не забывай *долга* – это единственная музыка. *Жизни* и *страсти* без долга нет.

* * *

Но *жизнь* – проезжая дорога,
Неладно, жутко на душе:
Здесь всякой праздной голи много
Остаться хочет в барыше…

* * *

Писатель – обреченный; он поставлен в мире для того, чтобы обнажать свою душу перед теми, кто голоден духовно. Народ собирает по капле жизненные соки для того, чтобы произвести из своей среды всякого, даже некрупного, писателя. И писатель становится добычей толпы; обнищавшие души молят, просят, требуют, берут у него обратно эти жизненные соки сторицею.

Помимо корпуса афоризмов Блока и Волошина нами были проанализированы афоризмы Гиппиус и Мережковского, Маяковского, Северянина, Анненского, Бальмонта, Брюсова.

В целом в афористике Серебряного века преобладают семантические поля: *трагическое восприятие действительности, любовь, дружба, Россия, родина, революция, слава, вера, знание, воспитание, человек / люди, честь, радость, печаль, горе, время, книги, ум (умный), истина, правда, ложь, война, мир, стихи, поэт, поэзия, художник, юность, язык, земля, душа, дети, народ, природа, разум, жизнь, смерть, борьба, труд, талант, сердце, слово, наука, деньги, мысль, красота, молодость, мир, мужчина, женщина* и др.

История развития нашего общества как в капле воды отражается в мудрых изречениях известных прозаиков и поэтов. Становится очевидно, что катаклизмы нашего государства, мировые войны существенным образом изменили и мироощущение. Таким образом можно утверждать, что афористика демонстрирует широчайшие возможности взаимодействия языка и культуры.

Литература

1. *Иванов Е.Е.* Лингвистика афоризма. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. 154 с.

2. *Королькова А.В.* Афористика в контексте русской культуры. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. 226 с.

3. *Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н.* Словарь афоризмов русских писателей. /Под ред. А.Н. Тихонова. М.: Русский язык Медиа, 2007. 685 с.

ИНТЕРТЕКСТ И КИНОТЕКСТ В ПРОЗЕ А.В. ИВАНОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «КОМЬЮНИТИ» И «ПСОГЛАВЦЫ»)

Д.Л. КУЛИКОВА
МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия
dasha0kulikova@yandex.ru

Ключевые слова: *А.В. Иванов; литература ужасов; готическая литература; интертекст; кинематографичность; беллетристика.*

Элементы литературы ужасов в творчестве А. В. Иванова рассматриваются с точки зрения принадлежности к беллетристике, “срединному полю литературы”. Проза Иванова демонстрирует активное использование интертекстуального кода, как литературных аллюзий, так и отсылок к кинематографическим прецедентам. Кинематографичность у Иванова проявляется как за счет использования кинотехники монтажа, так и привлечения аллюзий на кино. В роман “Комьюнити” вводится образ гоголевского Вия, но в

сознании героев это произведение живет как экранизация, а не литературный текст. Отсылки на Стивена Кинга также двойственны и одновременно обращены к литературе и киноадаптациям. Привлечение кинематографического кода способствует визуализации образа без дополнительного описания за счет обращения к культурному запасу читателя, с большой долей вероятности знакомого с источником отсылки.

DARIA KULIKOVA – Intertext and cinematic text in the prose of A. V. Ivanov (based on the novels "Community" and "Psogolavtsy")

Key words: *A.V. Ivanov; horror fiction; Gothic literature; intertextuality; cinematography; a work of fiction.*

Features of horror literature in the works of A.V. Ivanov are considered in terms of belonging to fiction, “the middle field of literature”. Ivanov's prose demonstrates the active use of intertextual code, both literary allusions and references to cinematic precedents. Cinematic techniques in Ivanov’s novels are manifested both through the use of film editing techniques and attracting allusions to cinema. The novel “Community” introduces the image of Gogol's Viy, but in the minds of the characters this work exists as a screen version, not a literary text. References to Stephen King are also twofold and simultaneously addressing to literature and film adaptations. The involvement of the cinematic code contributes to the visualization of the image without additional description by referring to the cultural reserve of the reader apparently familiar with the source of reference.

В настоящей работе мы будем рассматривать творчество современного писателя Алексея Викторовича Иванова в контексте литературы беллетристики - срединного поля литературы, которое нельзя отнести к массовой популярной литературе и которая в то же время не вписывается в представления о “высокой” литературе. Именно к этому срединному полю культуры можно отнести и многие произведения литературы ужасов. Говоря об этом поле литературы, исследователь неизбежно столкнется с необходимостью анализа кинематографических техник, мотивов и образов, так как взлет популярности литературы ужасов, который произошел в XX веке, непосредственно связан с развитием индустрии кино.

Поэтика ужасного у Иванова связана с активным использованием интертекстуальных отсылок, которые задействуют полный спектр культурного опыта читателей, как в сфере литературы, так и в сфере кинематографа. Мы можем выделить основные черты поэтики ужасного в прозе Иванова:

- интертекстуальная связь с литературной традицией;
- кинотекст, ассоциативно формирующий визуальную образность.

Далее мы рассмотрим романы Иванова, которые относят к литературе “фэнтези” и входят в так называемый цикл о “дэнжерологах”, - “Комьюнити” и “Псоглавцы”.

Дифференциация источников, которые Иванов использует как ресурс для творческого переосмысления, в первую очередь обращает внимание на равное задействование как отечественной, так и зарубежной литературной традиции. Значительное влияние на манеру повествования и насыщенность аллюзиями оказывает личность главного героя “Комьюнити”, Глеба Тяженко: за счет того, что он имеет образование филолога и мир “читает” в соответствии со своим читательским кругозором, читатель, воспринимающий информацию по большей части через призму его сознания, сталкивается с богатым набором отсылок. Жанр романа определяется как “интеллектуальный триллер”, и его интеллектуальность, как можно предположить, во многом подкрепляется именно интертекстуальной плотностью. Большой объем сторонней информации, подчас достаточно искусственно втянутой в сюжет, расширяет кругозор читателя, соответственно, беллетристическая литература принимает на себя не только развлекательную, но и в определенном смысле образовательную роль, что наводит на мысли о дополнительных функциях, которые берет на себя беллетристика того типа, к которому можно отнести книги А. Иванова. Говоря о том, к какой традиции обращается Иванов, необходимо отметить, что книга, в которой большую роль играют элементы романа ужасов, неизбежно опирается в этом именно на западную традицию.

Готическая литература положила начало “ужасному” в литературе, а спад интереса к готике привел к вытеснению этого жанра в низовую литературу. Можно пред-

положить, что современная литература ужасов, которая в жанровом отношении тесно связана с готической традицией, может в будущем вернуть такого рода произведения в эшелон “серьезной” литературы. Примечательно, что именно литературная готика стала предметом осмысления в кинохоррорах, достаточно вспомнить сюжет о Дракуле и успех фильма 1931 года с Бела Лугоши в главной роли, сюжет этот не утрачивает актуальности до настоящего времени и все еще провоцирует новые интерпретации. Литература ужасов в принципе начала свое завоевание рынков благодаря киноиндустрии, о чем пишет философ Ноэль Кэрролл в своей книге “Философия ужаса”: в 1973 году Уильям Фридкин снял экранизацию “Экзорциста” и это сделало ужасы более привлекательными для издателей. Также при изучении взаимодействия ужасов на экране и в книгах представляет интерес книга Вадима Эрлихмана о Стивене Кинге - эта биография скрывает в себе еще весьма любопытные свидетельства о том, как еще недавние граждане Советского Союза начали знакомиться с хоррором различного качества, и какой эффект это на них произвело. Как замечает Эрлихман, который сам был переводчиком Кинга, авторы ужастиков перестроечного периода и 90-х во многом строили свою образность на клише из кино ужасов.

Рассмотрим проявления кинематографичности у Иванова. Зачастую под самим понятием “кинематографичность” понимается использование монтажных техник, вторичными признаками литературной кинематографичности выступают слова лексико-семантической группы: кино, киноцитаты, фреймы киновосприятия, образы и аллюзии кинематографа, функционирующие в произведении.

Гоголевская традиция просматривается в “Комьюнити”, однако это скорее восприятие литературных сюжетов через призму киноадаптации, которое представлено специально для подчеркивания характера общения в описанном интернет-”комьюнити”: “D-r_Pippez: Оййопт! Это как в Вии у Гоголя! Там ведьмища ездила на шеях у Куравлева!” Одной из задач Иванова является иллюстрирование культурных процессов, которые Интернет повлек: замена знания на способность искать информацию в Сети, смешение большого количества информации в недиффиренцируемую массу. В результате в сознании автора сообщения в чате сообщества литературный источник соединяется с кино. Важно, что Иванов в данном случае создает зрительный образ не используя описания, а при помощи отсылки к культурному запасу читателя, с очень большой вероятностью знакомого с источником отсылки.

Другая книга А. Иванова, созданная в цикле произведений о “дэнжерологах” и также в жанре триллера, – роман “Псоглавцы” (2011). “Европа боялась своего Средневековья и родился готический роман с Дракулой”. В романе представлен сюжет, когда трое молодых реставраторов приезжают в далекую деревушку, чтобы забрать с собой фреску с Псоглавцами из заброшенного староверческого храма. В сюжете на себя обращает внимание морфологическая соотнесенность с любым сюжетом кинематографического триллера, который широко представлен, в частности, в американском кино. Связь цикла Иванова о “дэнжерологах” и американского кино ужасов могла бы стать отдельной темой, так как мотивы попадания группы людей (связи между которыми редко настолько сильны, чтобы не превратиться в конфликт) в незнакомое и потенциально опасное место, мотив “заповедных” территорий (в данном случае мифология места в романе опирается на представления секты староверов, однако это могло бы быть язычество или магия коренных народов, как это часто бывает в американской литературе – в “Кладбище домашних животных” Стивена Кинга и его экранизации в качестве источника мистических сил выступают места, связанные с индейцами, к примеру), мотив нарушения границ – мотивы, которые представлены в триллере по всему миру. Сюжетная наднациональность триллера – еще одно основание для соотнесения этого жанра с прецедентами в мировой литературе.

За счет жанровой принадлежности Иванов не раз ссылается на главного современного автора литературы ужасов, который, к тому же, пользуется в России чуть ли

не большей популярностью, чем у себя на родине, – Стивена Кинга. “Всё происходило в точности по Стивену Кингу, только у Кинга предысторию своего кошмара герои устанавливали в местных библиотеках по кипам старых газет”, – констатирует герой. Эту ссылку можно воспринимать как “обнажение приёма”, авторский жест уважения к коллеге, но подчеркивание иного пути выстраивания текста. Дым на торфяниках герой сравнивает с туманом у Кинга: “Однако этот чертов торфяной дым… Он мог прятать что угодно. Как тот туман из романа Стивена Кинга, что тянул маленький американский городок и прятал в своей толще жутких чудовищ” . В данном случае, скорее всего, имеется в виду роман Кинга “Мгла”. Другой кинговской реминисценцией можно считать сцену, в которой Кирилл встречается с псоглавцами на заброшенных торфяных буртах. “Кирилл стоял и смотрел на бульдозер. А бульдозер смотрел на него. Машины ведь умеют смотреть на людей. У них есть если не душа, то какой-то дух, который требует ухода за машиной, горючего, работы… Когда человек покинет машину, забудет о ней, машина примет в себя любого демона, лишь бы он вернул жизнь”. Данный эпизод и рассуждение о демоне, охватившем машину, почти совпадает с сюжетной основой известного романа Кинга “Кристина” о машине-убийце.

Аллюзии на творчество Кинга у Иванова можно воспринимать как намеренный авторский ход, который рассчитан на то, что аудитория, которую может заинтересовать данный цикл, хорошо знакома с книгами Кинга, поэтому это тот образный язык, который будет наиболее понятен и хорошо воспринят читателем.

Другим адресатом интертекстуального диалога выступает “Пикник на обочине” братьев Стругацких. Аллюзии на роман о Зоне возникают на основании аналогичного конфликта между “своим” и “чужим”, о пересечении запретной границы, которое и приводит героя к страшным последствиям. В “Комьюнити” есть упоминание “Сталкера” А. Тарковского, этот материал совершенно точно знаком автору, и когда в “Псоглавцах” единственным путем от деревни до торфяных раскопов оказывается железная дорога с дрезиной, это не может вызвать необходимых ассоциаций, по крайней мере визуальных. Подводя промежуточный итог, можно сказать, что проза Алексея Иванова демонстрирует активное использование интертекстуальных связей, а также активизирует знания кинотекстов различного характера, которые служат для создания визуального оформления романов.

Литература

1. *Иванов А.* Комьюнити. СПб. Азбука, 2013.
2. *Иванов А.* Псоглавцы. СПб. Азбука, 2011.
3. *Эрлихман В.* Король темной стороны: Стивен Кинг в Америке и России. СПб., 2006.
4. *Carroll N.* The philosophy of horror: Or, paradoxes of the heart. - Routledge, 2003.

ИЗ РАССУЖДЕНИЙ НАД СИМВОЛИКОЙ ДУБА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ – ИЗБРАННЫЕ ПРИМЕРЫ

КУР-КОНОНОВИЧ ИОЛАНТА

Жешувский университет, Польша

jolanta_malgorzata@wp.pl

Ключевые слова: *символика дуба, семантика, поэзия, Кольцов, Клюев, Есенин.*

Целью статьи является анализ символики дуба в творчестве Алексея Кольцова, Николая Клюева и Сергея Есенина. Использованный семантико-культурный ***метод*** анализа поэтического материала сочетается со сравнительным. В статье сопоставляется символика дуба у Есенина и других русских поэтов – его современников и предшественников. Указываются объекты сравнения дуба, как например: конь, забор, трава, царствие небесное. ***Предмет*** исследования – своеобразие символики дуба в художественной картине мира поэтов.

JOLANTA KUR-KONONOWICZ – From the reflections on the symbolism of the oak in russian poetry – selected examples

Key words: *oak symbolism, semantics, poetry, Kolcow, Klujew, Jesienin.*

The aim of the article is to analyze the symbolism of oak in the works of Aleksy Kolcow, Mikołaj Klujew and Sergiusz Jesienin. The semantic-cultural method of material analysis was used, which is combined with the comparative method. The article presents the symbolism of the oak tree of Jesienin and other Russian poets - his

contemporaries and those who precede him. The comparison objects of the oak are indicated, for example to a horse, fence, grass, and the kingdom of heaven. The subject of the description – the specifics of the symbolism of the oak in the language image of the world of poets.

Символ – многозначное понятие. Под понятием *символ* понимаем предметы, понятия, восприятия, переживания, ассоциирующиеся с другим понятием, предметом [Kopaliński 1990:7; Ricoeur 1985:58].

Известно несколько методов лингвистического анализа символики. В статье придерживаемся анализа семантических соотвествий с точки зрения соответствия прямого и метафорического значений символа (дополненного филологической интерпретацией, которая помогает понять смысл анализируемого текста) [Шелестюк 1997:127].

Символика природы в творчестве Есенина и других крестьянских поэтов имеет важное значение; однако, до сих пор в научных исследованиях она не получила должного внимания.

Дуб в славянской культуре

Дуб вполне заслуживает, чтобы назвать его королем деревьев и лесов. Он издревле являлся символом крепости, могущества из-за прочности и устойчивости к гниению древесины (Kop 64). Поскольку дубовая древесина славилась достаточной прочностью, дуб ассоциировался с бессмертием. Благодаря величию и свойству притягивать молнии, считался также священным деревом. С XVIII века стал символом язычества, а с XIX века дубовые листья ассоциируются с лавровым венком (LS 30; Kop 63; СД 2:145).

В фольклорных песнях дуб часто символизировал мальчика, а в средневековых апокрифах – ассоциировался с Деревом мира, который был посажен в начале его сотворения (Szcz 157; СД 2:144). Ему приписывались положительные качества. Русские называли его Царь Дуб, поляки – gospodarz lasu (хозяин леса). В болгарской легенде рассказывалось о том, как дубовая роща спрятала Бога, убегавшего от Чумы. Дубовые ветки использовались и в качестве оберега. Поляки и белорусы втыкали их в окна перед купальской ночью, чтобы защитить дома и скот от ведьм (СД 2:144). Дуб, как и всякое дерево, считался орудием коммуникации между небом и землей, а также – самым старинным деревом. Был свидетелем самых важных событий, как например, коронация, суды, демаркация границы (Kop 63).

Дуб ассоциировался также с гробом, потому что умерших хоронили в дубовом гробу (Kop 65). Широкое применение дуба в похоронных обрядах стало причиной появления фольклорных метафор смерти с упоминанием дуба (ср. *глядеть в дуб*, *дать дуба*, *одубеть* и т.п.) (СД 2:144).

Этимология слова дуб

Несомненно, дуб – это древнее славянское слово, происхождение которого неясно. По мнению польских языковедов, лексема *дуб* имела первоначальное значение – ‘дерево вообще’; ср. полабское *jabłkodąb*, *Apfelbaum* ‘яблоня’ (Br 85; Ф 1:547). С этой точкой зрения соглашается большинство языковедов. Некоторые ученые соотносят лексему *дуб* с греческим *demo* ‘строю’ и утверждают, что это слово обозначало ‘строительное дерево’. Другие не исключают происхождение слова *дуб* от и.-е. **dhumbho*, **dhumbhro* ‘темный’ – от сердцевины, отличающейся темным цветом, и тогда дуб – ‘дерево темного цвета’ (Ф 1:547; Ц 137-138; Ш 134; Пр 1:200). Известно предположение, что лексема *дѫб* возникла под влиянием слова *дѫбрава* (Пр 1:201). По-нашему мнению, менее убедительным кажется сравнение этого слова с литовским *dumblas* ‘болото’, *daubà* ‘долина, низина’ и предположение развития значения ‘болото’> ‘лес’> ‘дерево’ (Ф 1:547).

Под нонятием дубрава (дуброва) мы понимаем ‘лиственный лес с преобладанием дуба’. Лексема *дубрава* (польское *dąbrowa*) первоначально обозначала ‘заросшую

яму (канаву), заросли’ или ‘рощу’ (Br 86). Это древнее славянское слово. Образовано с помощью суффиксов *–ав*-а или *–ов*-а, указывающих на место, которое характеризуется названным в основе предметом, от праславянского **dǫbrъ* ‘дубовый лес’ (Ц 138). Существительное *джбръ* представляет собой производное с суффиксом *–р*- от *джбъ>дуб* (Ш 134; Пр 1:201).

Символика дуба в творчестве Алексея Кольцова

Наш анализ мы начнем с описания символики дуба в поэтическом творчестве предшествующего Есенину поэта, Алексеея Кольцова. Для анализа мы отобрали фрагменты следующих стихотворений поэта: *Горькая доля*, *Ночь*, *Разлука*, *Сельская пирушка*, *Терем*.

В поэтических текстах Кольцова лексема дуб использована 2 раза (зеленый, большой), лексема дуброва – 1 раз (мать зеленая) и относительное прилагательное дубовый – 2 раза (*дубовые* столы, терем).

[1] Без любви, без счастья/ По миру скитаюсь:/ Разойдусь с бедою –/ С горем повстречаюсь!/ **На крутой горе/ Рос зеленый дуб,/ Под горой теперь/ Он лежит гниет...** (4 августа 1837) *Горькая доля*

Стихотворение стилизовано под народную песню (романс), ср. характерные для русского фольклора эпитеты: на *крутой* горе, рос *зеленый* дуб (сказочный сюжет); персонификация: дуб – человек; простые предложения (подлежащее, сказуемое, постоянный эпитет).

Сюжет строится на противопоставлении. Сначала оппозиционно представлено душевное состояние лирического героя, у которого нет любви, счастья, и он испытывает беду, горе, а по миру он только скитается, ведет бродячий образ жизни – у него нет постоянного места жительства.

В последующей части представлен поэтический образ ландшафта. Вместо зеленого дуба, который символизирует молодость, надежду, жизнь, силу, свежесть, здоровье благодаря зеленому цвету (Kop 492), а также образу крутой горы, обозначающей свободу, небесный путь (Kop 100), появляется одна из основных семантических оппозициий в славянской картине мира: верх-низ, напоминающая контрастные значения добро-зло, жизнь-смерть; ср. рос – лежит, зеленый – гниет, на горе – под горой (СД 1:345). Дуб изображен как гниющее дерево, т.е. как символ слабости, бессилия, болезни, а даже смерти, а точнее – умирания; хотя общеизвестно, что дубовая древесина не гниет. Поэт таким образом усиливает мрачное настроение лирического героя. Активизируется также символика большой скорби из-за драматических жизненных изменений.

Дуб символизирует:

– период жизни человека: молодость;

– физическое состояние: жизнь;

– чувство: надежда, свежесть; слабость, бессилие, скорбь; болезнь, грусть, жалость, печаль;

– восприятие (перцепцию) мира: свобода; небесный путь;

– физическую меру: сила;

– удары судьбы: умирание, смерть;

– человека: мужчина.

[2] Не смотря в лицо,/ Она пела мне,/ Как ревнивый муж/ Бил жену свою./ (…) Улыбаясь, он/ Зуб о зуб стучал;/ Жгучей искрою/ Его глаз сверкал./ Вот он к нам идет,/ **Словно дуб большой**.../ И тот призрак был/ – **Ее муж лихой**[1]... (…) (11 декабря 1840, Москва) *Ночь*

1. Эпитет *лихой* ‘злой’ характерен для народной поэзии.

Дерево дуб благодаря постоянному эпитету *большой* раскрывается как символ могущества, силы, крепости, мощи (Kop 64). Появляется символ-сравнение мужа с

дубом. Из-за того, что у мужчины язвительная, коварный взгляд, и доброе выражение лица, активизируется значение насилия, агрессии, угрозы.. Муж и дуб в этом случае являются символом страха. Муж и одновременно ночь можно считать виновниками трагического события – физического издевательства мужа над женой.

Дуб символизирует:

– человека: ревнивый муж;

– чувство: страх;

– восприятие мира: насилие; могущество, крепость;

– физическую меру: сила.

[3] На заре туманной юности/ Всей душой любил я милую:/ Был у ней в глазах небесный свет,/ На лице горел любви огонь./ Что пред ней ты, утро майское,/ **Ты, дуброва-мать зеленая**,/ Степь-трава – парча шелковая,/ Заря-вечер, ночь-волшебница!/ Хороши вы – когда нет ее,/ Когда с вами делишь грусть свою,/ А при ней вас – хоть бы не было;/ С ней зима – весна, ночь – ясный день! (21 мая 1840) *Разлука*

Стихотворение написано в жанре романса. Это певучее лирическое стихотворение с любовной тематикой (о глубокой любовной драме поэта). За счет того, что здесь появляется не одно дерево, а весь дубовый лес, усиливается гиперболизация символики могущества, огромной силы, устойчивости чувства любви (Кор 64). Благодаря дополнительному сравнению с матерью, обнаруживается чувство огромной эмоциональной связи (наподобие связи матери с ребенком) с объектом любви (СД 3:203). Зеленый цвет пополняет „дубовую" символику значением радости, прочности, свежести, надежды (Кор 492).

Дуб символизирует:

– чувства: любовь; радость, счастье, надежда, свежесть;

– физическую меру: сила, прочность;

– период жизни человека: молодость;

– человека: мать;

– восприятие мира: могущество, крепость, устойчивость;

– эмоции: глубокая эмоциональная связь.

[4] Ворота тесовы/ Растворилися,/ На конях, на санях/ Гости въехали;/ Им хозяин с женой/ Низко кланялись,/ Со двора повели/ В светлу горенку./ Перед Спасом святым/ Гости молятся;/ **За дубовы столы,/ За набраные**[2],/ На сосновых скамьях/ **Сели званые**. (21 сентября 1830) *Сельская пирушка*[3]

2. Лексема *набранный* и *набраный* (стол) 'приготовлен к пиру (стол)' или также 'с украшениями, орнаментами' принадлежит к диалектизмам: пермский (СРНГ 19:132).

3. Определение *пирушка* 'небольшой пир, выпивка, кутеж' считается разговорным.

Прилагательное *дубовы* (столы) подчеркивает потребительскую стоимость дубовой древесины (твердость, тяжесть, устойчивость перед гниением, стойкость, водоустойчивость дубовой деревесины) и активизирует символику уверенности, безопасности, прочности, силы (Кор 64). Молитва должна предшествовать застолью, что можно считать контекстуальной гиперболизацией мощности, надежности. Можно заметить косвенную символику дарителя пищи, земных благ, т.е. и жизни.

Дуб символизирует:

– восприятие мира: надежность, уверенность, безопасность, прочность, сила.

[5] Там, где терем тот стоит,/ Я люблю всегда ходить/ Ночью тихой, ночью ясной,/ В благовонный май прекрасный!/ **Чем же терем этот мил?/** Чем меня он так пленил?/ **Он не пышный, он не новый,/ Он бревенчатый - дубовый!/** Ах, в том

тереме простом/ Есть с раскрашенным окном/ Разубранная светлица[4]!/ В ней живет душа-девица. (16 ноября 1829) *Терем*

4. Лексема *светлица* ‘горница’ принадлежит к устарелым. В старину – светлая, парадная комната в доме, обычно в верхней его части (БАС 13:336).

Поэт опять обращает внимание на дубовую древесину, из которой вытесан терем, в котором живет его любимая. В Древней Руси упомянутое строение считалось жилым помещением в верхней части дома или домом в виде башни. Терем мил потому, что он надежно охраняет самое дорогое, самое ценное – любимую девушку, невесту. Сила, крепость дубовой древесины благодаря переносному значению ассоциируется с надежной охраной-оградой (забором). Здесь дуб добавочно выступает как символ мужчины (парня), влюбленного в девушку, а также ассоциируется со значением силы, крепости (СД 2:141).

Этот пример восходит к первоначальному значению лексемы *дуб* ‘строительное дерево’ (от греческого *demo* ‘строю’), подчеркивая потребительское применение древесины (Ц 137-138; Ш 134). Следует обратить внимание на песенное фольклорное начало стихотворения.

Дуб символизирует:

– восприятие мира: надежность, уверенность, безопасность, прочность, сила;

– вещи: ограда (забор);

– человека: мужчина (сильный, влюбленный).

Символика дуба (дубравы) у Кольцова связана с некоторыми феноменами: физическая мера (сила (5)), период жизни человека (молодость (2), старость), восприятие мира (могущество (2), надежность (2), прочность (2), свобода, безопасность, насилие, небесный путь), чувство (надежда (2), свежесть (2), любовь, радость, счастье, слабость, бессилие, скорбь, страх), вещи (забор, ограда), человек (мужчина, ревнивый муж, парень, влюбленный в девушку, мать – дубрава), физическое состояние (жизнь), удары судьбы (умирание, смерть), эмоции (глубокая эмоциональная связь).

Для Кольцова важна история, фольклорное начало, поэтому поэт обращается к исходной символике дуба, ссылается на первоначальное потребительское значение дерева (для столов, для терема). Кольцов смотрит на дерево глазами сельского уроженца и видит в этом величественном растении прежде всего воплощение огромной (даже величественной) силы. Поэт описывает дуб простыми словами; здесь отсутствуют многословное описание и изящные метафоры. Дуб помогает в психологическом постижении душевного мира человека, как в народных песнях. Дерево изображено как соучастник крестьянской жизни, горькой доли сельчан, поэтому оно представлено гнилым, умирающим. Дуб изображен оппозиционно, хотя преобладает негативная семантика. В описании он представлен прочным и ассоциируется с насилием в лице злого мужа. Поэт обращается к образу дуба, описывая свою глубокую любовную драму после разлуки с любимой. Благодаря собирательному значению дубрава получает противоположную мужскому началу – женскую семантику ‘матери’.

Символика дуба в творчестве Николая Клюева

В целях сопоставления проанализируем символику дуба в поэтическом творчестве современника Есенина, Николая Клюева. Для анализа мы отобрали фрагменты следующих стихотворений Николая Клюева: *На припеке цветик алый…*, *Прохожу ночной деревней*. Поэт использовал по одному разу лексему *дуброва* (мать дуброва) и притяжательное прилагательное *дубровный* (зверь).

[6] На припеке цветик алый/ Обезлиствел[5] и поблек –/ Свет-детина разудалый[6]/ От зазнобушки[7] далек./ За окованным окошком –/ Колокольная игла./ (…) Захолонула[8] утроба,/ Кровь, как цепи, тяжела.../ Помяни, душа-зазноба,/ Друга – сизого орла!/ Без ножа ему неволя/ Кольца срезала кудрей,/ Чтоб раздольней стало поле/, Песня-

вихорь удалей./ Чтоб напева ветровова/ Не забыл крещеный край.../ **Не шуми ты, мать-дуброва,/ Думу думать не мешай!** (1913) *На припеке цветик алый…*

5. Лексема *обезлистветь* считается окказионализмом, т.е. индивидуально-авторским неологизмом.

6. Лексема *разудалый* ‘бравый, проворный’ принадлежит к разговорным (БАС 12:527).

7. Лексема *зазнобушка* ‘любимая девушка, возлюбленная, любимая’ характерна для народной поэзии (его можно считать также просторечной, грубой) (БАС 4:466).

8. Лексема *захолонуть* ‘остынуть, простыть’ принадлежит к диалектным: каргопольский, архангельский (СРНГ 11:159).

Узник выглядывает через окно тюремной камеры и видит иглу церковной колокольни. Здесь острота иглы напоминает о значении ‘проникать вглубь’, например, человеческой души, потому что такими становятся мысли человека, заключенного в тюрьму (СД 2:370). Мысли становятся глубокими, продуманными, позволяют увидеть мир по-другому, оценить должным образом свободу, красоту природы, задуматься над смыслом жизни.

В символе-метафоре. *Чтоб напева ветровова Не забыл крещеный край* ветер обозначает, прежде всего, душу, свободу, а потом – ход времени, посредничество между землей и небом (Кор 453). Ветер веет в крещеном краю, т.е. он не забывает говорить на религиозном языке о самом важном в жизни человека.

Дубовый лес, по нашему мнению, можно связывать с символикой матери, т.е, подразумевается, прежде всего, глубокая родственная связь с многочисленностью дубов. Мать соотносится с эмоциональными связями. Поэт подчеркивает огромную роль матери в духовном мире человека, не забывая, что мать для человека – первая святыня на земле после Бога. Мать, таким образом, ассоциируется с любовью, лаской. Подразумевается также нерасторжимость матери и ребенка (СД 3:203).

Дуб, благодаря ассоциации с матерью, символизирует защиту от внешнего мира, нечистой силы, врагов (СД 3:204). Дерево является символом огромной силы, такой, которая в состоянии задержать самые важные, самые сокровенные душевные помыслы. Сила, не допускающая в голову мысли о самом существенном в жизни людей, большущая – дубовая. Благодаря такому поэтическому образу появляется добавочное значение естественности, натуральности такого явления.

Появившиеся в начале колокольная игла и в конце дубовый лес иллюстрируют прием гиперболизации храма. Поэт сопоставляет два храма, настоящий – церковь и метафорический – дуброва (СД 2:142).

Дуб (дуброва) символизирует:

– человека: мать; защитница от зла (нечистой силы, врагов);

– чувства: любовь, ласка;

– физическую величину: сила, мощь;

– вещи (строение): храм;

– восприятие мира: естественность, натуральность.

[7] Прохожу ночной деревней,/ В темных избах нет огня,/ Явью сказочною, древней/ Потянуло на меня./ (…) Свистнул, хлопнул у дороги/ В удалецкую[9] ладонь,/ И, как вихорь, звонконогий[10]/ Подо мною взвился конь. Прискакал. **Дубровным зверем/ Конь храпит, копытом бьет**, –/ Предо мной узорный терем,/ Нет дозора у ворот. (1912) *Прохожу ночной деревней*

9. Лексема *удалецкий* ‘удалой, храбрый’ принадлежит к индивидуально-авторским неологизмам, тнз. окказионализмам.

10. Лексема *звонконогий* принадлежит к окказионализмам.

Везде присутствует мотив неизвестности, характерной для фольклорного народного начала. Наблюдается сказочный, фольклорный мотив перехода, замены, пре-

вращения вихря в таинственного, сказочного зверя, а наконец, – в коня. Вихрь в народной метеорологии – нечистый, опасный для людей ветер, результат действия и воплощение различных демонов (СД 1:379). Эпитет *дубровный* прибавляет значение таинственности, чрезвычайности, неожиданности, боязни, а с другой стороны, здесь подразумевается и физическая величина – сила, могущество (от дубового дерева).

Конь здесь сравнивается с вихрем звонконогим и зверем, причем дубровным, т.е. сильным, таинственным. Дуб посредством образа коня становится символом времени, свободы, рыцарства, здоровья, силы, физической и умственной энергии, движения, смелости. Как эмблема воздуха и вихря считается также посредником между небом и землей (Кор 157). Мотив сказочности, таинственности усиливается за счет копыта, которому народ приписывает особые магические свойства (СД 2:594). Конь воплощал связи с миром сверхъестественного, потустороннего, был атрибутом мифологических (эпических) персонажей (СД 2:590).

Дуб символизирует также значение свидетеля таинственных, многозначительных событий (благодаря семантике долговечности дерева), здесь – любовь к девушке.

На фольклорное начало намекают эпитеты *звонконогий*, сравнение коня с вихрем (учитывая быстроту движения), глаголы движения *свистнул*, *хлопнул*, *взвился*, *прискакал*. Символ-сравнение коня с дубровным зверем придает семантический оттенок таинственности, мощности, силы, царственности, сказочности. Ассоциируется с сопереживанием самых важных событий, происходящих благодаря небесным силам. Человек становится свидетелем этих таинственных, значимых явлений (Кор 63).

Дуб символизирует:

– животных: копытный зверь; конь;

– восприятие мира: таинственность, чрезвычайность, неожиданность, царственность; здоровье; энергия (физическая и умственная); свобода;

– человека: посредник между небом и землей; свидетель важных, таинственных событий;

– физическую величину: сила.

Символика дуба (дубравы) у Клюева связана с некоторыми феноменами: физическая мера (сила (2), мощь), люди (мать, защитница от зла, посредник между небом и землей, свидетель важных таинственных событий), чувства (любовь, ласка), животные (копытный зверь, конь), восприятие мира (естественность, натуральность, таинственность, чрезвычайность, царственность, свобода, здоровье, энергия).

Клюев локализирует дуброву (дубовый лес) в религиозном деревенском пространстве и потому дуброва изображена как святыня, храм. Поэт смотрит на дубовую рощу как крестьянин. Для поэта не без значения остается сказочный, фольклорный мотив – фоном для поэтического образа дубовой рощи становится темнота ночи, способствующая таинственности событий; животные из дубровы наделены необыкновенными свойствами.

Символика дуба в творчестве Сергея Есенина

Есенин обращается к символике дуба в начальный и зрелый период творчества. Предметом анализа станут фрагменты следующих стихотворений Сергея Есенина: *Сыплет черемуха снегом*, *Чую радуницу божью*, *Шел Господь пытать людей в любови*, *Я пастух, мои палаты*, *Несказанное, синее, нежное…* Лексемы *дуб* и *дубравы* появились у поэта по одному разу, а троекратно появилось существительное *дубровы*.

[8] Сыплет черемуха снегом, Зелень в цвету и росе. В поле, склоняясь к побегам, Ходят грачи в полосе. Никнут шелковые травы, Пахнет смолистой сосной. **Ой вы, луга и дубравы[11], –/ Я одурманен весной.** (1910) *Сыплет черемуха снегом*

11. Лексема *дубравы* появилась в языке в XVI-XIV веке, а лексема *дуброва* считается первичной по происхождению – она появилась в языке в XI веке (17СРЯ 4:371).

Под понятием *дубрава* понимается дубовый лес, дубовая роща (БАС 3:1149). Здесь дубравы символизируют весну, красоту, свежесть (свежий запах).

Дуб (дубравы) символизирует:

– пору времени: весна;

– восприятие мира: красота, свежесть (свежий запах).

[9] Чую[12] радуницу[13] божью –/ Не напрасно я живу,/ Поклоняюсь придорожью[14],/ Припадаю на траву./ (…) **Он (Иисус) зовет меня в дубровы,/ Как во царствие небес**,/ И горит в парче лиловой/ Облаками крытый лес. (1914) *Чую радуницу божью*

12. Лексема *чуять* ‘предчувствовать, предугадывать’ считается разговорной (БАС 17:1221).

13. Лексема *радуница* обозначает ‘Фомину неделю, первую после пасхальной’; а радунец – это религиозный обряд поминовения умерших на могилах после пасхальной недели, сохранившийся у православных (СРНГ 33: 250; СД 4:389).

14. Лексема *придорожье* ‘тропинка, примыкающая к дороге’ принадлежит к диалектным: иркутский, якутский (СРНГ 31:194).

В этом фрагменте дубровы выступают в значении деревьев – свидетелей важных происшествий, событий, здесь: явления Иисуса на земле (Kop 63). Дубовый лес соответствует царствию небесному, понимаемому как место проживания людей после смерти, место вечной жизни. Наблюдается умелый переход от радостного православного праздника, во время которого поминают ушедших из жизни. Фиолетовый цвет также намекает на размышления о вечной жизни. В *Библии* известен фиолетовый или красный пурпур как символ царственного достоинства (LS 87). Парча лиловая Христа сопоставляется с облаками, символизирующими одежду, а также славу Христа (Kop 43). Лес добавляет значение укрытия, убежища, приюта (Kop 189).

Радостное настроение сопровождается осознанием глубокой веры. Вначале появляется назвние православного праздника и одновременно – определение радостного, преисполненного верой настроения. Упоминаются: царь среди деревьев и Царь-Бог: наблюдается гиперболизация царской власти (СД 2:141). Само название *Радуница* связывали с глаголом *радоваться*, потому что в этот праздник на кладбище и в доме устраивали игры и веселились по поводу возвращения душ умерших в родной дом (СД 4:389).

Дуб (дуброва) символизирует:

– место: царствие небесное; укрытие (прибежище);

– человека: свидетель важных происшествий; царь.

[10] **Шел Господь пытать людей в любови**,/ Выходил он нищим на кулижку[15]./ Старый дед **на пне сухом в дуброве**,/ Жамкал[16] деснами зачерствелую пышку. (1914) Шел Господь пытать людей в любови

15. Лексема кулижка ‘луг, небольшая поляна в лесу’ принадлежит к диалектным: рязанский, тульский, архангельский, уральский (СРНГ 16:64).

16. Лексема жамкать ‘грызть, кусать’ принадлежит к диалектным: тульский, олонецкий (СРНГ 9:70).

Христос является людям после воскресения. У Есенина нищий старик делится с Иисусом, которого он не узнал, зачерствелой пышкой. Христос путешествует странником, чтобы узнать, как живут простые люди. Дуброва снова остается свидетелем важного происшествия – явления Иисуса в образе нищего. В фольклорной традиции дуброва воспринималась как место, где появляется Господь (СД 2:144).

Есенин с детства был погружен в православную веру и тогда чувствовал себя счастливым, учился в православной школе, пел на клиросе, навещал священника в

его доме, прислуживал в алтаре. Окна его родного дома в Константинове (комнаты, в которой писал стихи) выходили на церковь [Есенин 2015:6]. Не удивляет, что в ранний период творчества поэта дуб наделен прежде всего религиозной символикой.

Дуб (дуброва) символизирует:

– человека: свидетель важных происшествий.

[11] Я пастух, мои палаты –/ Межи зыбистых[17] полей,/ По горам зеленым – скаты/ С гарком[18] гулких дупелей./ (…) Говорят со мной коровы/ На кивливом[19] языке./ **Духовитые[20] дубровы/ Кличут[21] ветками к реке.** (1914) *Я пастух, мои палаты*

17. Прилагательное *зыбистый*, вероятно, принадлежит к диалектным, образованным от глагола *зыбиться* ‘трястись, дрожать, изгибаться’ (диалектное слово: калужское, рязанское) (СРНГ 12:30).

18. Лексема *гарк* ‘крик’ принадлежит к диалектным: вологодский (СРНГ 6:140).

19. Прилагательное *кивливый*, вероятно, образовано от глагола *кивнуть* ‘качнуть’ и принадлежит к окказионализмам.

20. Лексема *духовитый* принадлежит к диалектизмам: костромский, пермский; возможно, что слово образовано от диалектного эпитета духоватый ‘знающий разные секреты, тайны, всеведущий’ (СРНГ 8:276).

21. Лексема *кликать* ‘в свадебном обряде: приглашать, вызывать кого-л., провозглашая в честь его здравицу’ принадлежит к диалектным: тульский, тверской (СРНГ 13:295).

Символ-метафора *духовитые дубровы* активизирует значение таинственности. Дубовые рощи из-за своей долговечности скрывают тайну самых сокровенных, самых важных дум. Река здесь напоминает о благосостоянии (Кор 366). Дубы, благодаря персоинфикации, символизируют также человека. Из следующего далее контекста видно, что появляется и символика дубовой рощи как храма, святыни (СД 2:143).

Если учесть корень лексемы *духовитый* – *дух* ‘воздух, запах’, тогда наблюдается перевращение смысла: запах напоминает образ-символ чего-то (Пр 1:204).

Дубы (дубровы) символизируют:

– восприятие мира: таинственность;

– вещи (строение): храм, святыня;

– человека: разумный человек, мыслящий; свидетель важных происшествий;

– физическое свойство: запах.

[12] Несказанное, синее, нежное.../ Тих мой край после бурь, после гроз,/ И душа моя – поле безбрежное –/ Дышит запахом меда и роз./ (…) Принимаю, что было и не было,/ Только жаль на тридцатом году –/ Слишком мало я в юности требовал,/ Забываясь в кабацком чаду./ Но ведь **дуб молодой, не разжелудясь[22],/ Так же гнется, как в поле трава.../** Эх ты, молодость, буйная молодость,/ Золотая сорвиголова[23]! (1925) *Несказанное, синее, нежное…*

22. Глагол *разжелудиться* принадлежит к окказионализмам.

23. Лексема *сорвиголова* ‘забияка, сумасброд, отчаянный, смелый человек, смельчак, удалец’ принадлежит к разговорным (БАС 14:317).

Стихотворение написано в последний период жизни поэта. Оно построено как разговор лирического героя с душой. Появляется образ молодого дуба, который пока не подрастет, не возмужает, склоняется как низкая, слабая трава. Молодой дуб символизирует незащищенность, неустойчивость, беспомощность. В образе молодого, еще не окрепшего дуба, представляется поэт, юность которого была спонтанной, непроизвольной, сумасшедшей, сумасбродной, задорной. Хорошо подобранные сравнения-символы активизируют символику естественности, натуральности.

Метафора-сравнение *дуб молодой, не разжелудясь, Так же гнется, как в поле трава...* позволяет предполагать, что дуб семантически сближается с травой (шаткость, неустойчивость и, одновременно, стойкость, неутомимость).

Дуб символизирует:

– восприятие мира: ненадежность, беспомощность; спонтанность; неустойчивость, неутомимость;

– этап жизни: юность;

– растения: трава.

Символика дуба (дубравы) у Есенина связана с феноменами: человек (свидетель важных событий (3), царь, мыслящий, разумный человек), место (царствие небесное), строения, здания (храм, святыня), этап жизни (зрелость, юность), растения (трава), пора времени (весна), восприятие мира (красота, свежесть, таинственность, спонтанность, ненадежность, беспомощность).

Есенин обращается к дубравам, прежде всего в ранний, светлый период творчества. В это время поэт воспринимает дуб не как дерево, растущее в одиночестве, только в соседстве иных деревьев; символизирующее не отшельника, а общительного человека, который не сторонится людей. Поэт наслаждается и восхищается запахом весенней дубовой рощи.

Есенин не мог остаться равнодушным к религиозным вопросам, касающимся жизни. Дуб в народной традиции считался самым старинным деревом, которое было свидетелем важных религиозных событий. У Есенина дубрава всегда находится вблизи Иисуса (Царь Бог и царь среди деревьев). Анализ показал, что дубравы имели большое влияние на формирование поэтической картины мира Есенина. Это было влияние волшебное, которое сопутствовало поэту всю жизнь.

В последний период жизни появляется образ дуба отшельника как результат откровенного разговора лирического героя с душой. Молодой дуб в этот период представляет юность лирического героя.

Подводя итоги, следует сказать, что Кольцов сочувствует крестьянам в их тяжелой судьбе, в их беде, а дуб помогает поэту глубже раскрыть духовный мир крестьянской души. Клюев смотрит на мир с христианской любовью, в дуброве замечает храм. Есенину дуб сопутствует в самые радостные минуты жизни, ассоциируется с любовью и счастьем. В последний год жизни дуб заставляет задуматься над цикличностью, естественностью жизни.

У всех поэтов дуб изображен амбивалентно, т.е. он символизирует одновременно силу и насилие, слабость, молодость и старость, прочность и ненадежность, ревнивого мужа и влюбленного парня.

Литература

1. БАС – *Чернышев В.И.*, Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.-Ленинград: Наука, 1950-1965.

2. *Есенин С.А.*, Эта жизнь мне только снится. Москва: Издательство АСТ, 2015. 288 с.

3. Пр – *Преображенский А.Г.*, Этимологический словарь русского языка. Т. I-III. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1910-1914.

4. СД – *Толстой Н.И.*, Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 1995-2012.

5. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. I -. Москва: Наука, 1965-.

6. 17СРЯ – Словарь русского языка XI – XVII вв. Т. I-. Москва: Наука, 1975 - ...

7. Ф – *Фасмер М.*, Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. Москва: Прогресс, 1986-1987.

8. Ц – *Цыганенко Г.П.*, Этимологический словарь русского языка. Киев: Радянська школа, 1970. 600 с.

9. Ш – *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1975. 544 с.

10. *Шелестюк Е.В.*, О лингвистическом исследовании символа.//„Вопросы языкознания”. 1997. Ч. 4. С. 125-143.

11. *Brückner A.*, Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wiedza Powszechna, 1927. 807 s.

12. Kop – *Kopaliński W.*, Słownik symboli. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1990. 512 s.

13. LS – *Lurker M.*, Słownik obrazów i symboli biblijnych./ Tłum. bp. Romaniuk K. Poznań: Pallottinum, 1989. 286 s.

14. *Ricoeur P.*, Egzystencja i hermeneutyka. Rozprawy o metodzie. Warszawa: PIW, 1985. 383 s.

15. Szcz – *Szcześniak K.*, Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008. 410 s.

ЖИТИЕ КАЗАНСКИХ СВЯТЫХ ГУРИЯ И ВАРСОНОФИЯ КАК ПАМЯТНИК ПОЗДНЕЙ АГИОГРАФИИ

Т.А. ЛИТВИНА
Казанский Федеральный университет, Россия
litvina_ta@mail.ru

Ключевые слова: *Агиография, рукопись, список, текст.*

Статья посвящена памятнику поздней русской агиографии, Житию казанских святых Гурия и Варсонофия, созданному казанским митрополитом Гермогеном в конце XVI века. В статье описываются известные списки полной и краткой редакций Жития, дается аннотирование рукописного сборника, содержащего казанский список, ставится вопрос о его датировке, кроме того описываются публикации данного жития и последующие жизнеописания Гурия и Варсонофия, созданные другими авторами.

TATIANA LITVINA – Life of guryi and varsonofyi, kazan saints, as a monument to the late agiography

Key words: *Agiography, manuscript, copy, text.*

The article is devoted to the late agiography monument - Life of kazan saints Guryi and Varsonofyi, created by Kazan Metropolitan Germogen at the end of the XVI th century. The description of known copies, the full and the short versions of this text and the annotation of the manuscript with the kazan copy of the Life are given. The date of the manuscript is the point of discussion. The published variants of the Life and the following biographies of Guryi and Varsonofyi written by other authors are described in the article.

Житие казанских святых Гурия и Варсонофия (далее – ЖГВ) – памятник поздней агиографии, созданный казанским митрополитом, а впоследствии патриархом всероссийским Гермогеном в конце XVI века.

Исторической основой Жития стали известные события. В 1552 году Иван IV (Грозный) взял штурмом Казань и присоединил Казанское ханство к России. В 1555 году в Казани создается архиепископия (епархия), которой Иван Грозный придавал большое значение: в иерархии православных епархий церковный собор 1555 года отвел ей второе место, вслед за Новгородско-Псковской архиепископией [Полное собрание 1965: 250]. На этом же соборе первым архиепископом Казани был избран Гурий, настоятель Селижаров-Троицкого монастыря (Тверской епархии). С ним в Казань отправились два архимандрита - Герман (из Старицкого монастыря около Твери) и Варсонофий (из подмосковного Песношского монастыря).

Непосредственным поводом к написанию жития явились события 4 октября 1595 года, когда при строительстве в Казанском Кремле большого Спасо-Преображенского собора были вскрыты захоронения Гурия и Варсонофия и обретены их святые мощи [Житие: 217-232]. Свидетелем этого события был казанский митрополит Гермоген, который и написал «Житие Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев» по горячим следам.

Житие дошло до нас в ряде списков. В рукописных хранилищах Казани имеется два списка. Десять списков хранятся в Российской Государственной Библиотеке. По описанию Н. Барсукова в его труде «Источники русской агиографии» были известны восемнадцать списков Жития Гурия и Варсонофия, основная часть из которых относится к XVII веку и два списка датируются XVIII веком [Барсуков 1882: столб. 141-142], при этом среди источников, указанных Н. Барсуковым, не содержатся сведения о казанских рукописях. Таким образом, нам известно, что существовало, как минимум, двадцать списков Жития Гурия и Варсонофия, что свидетельствует о достаточной распространенности данного памятника. Вопрос о сохранности всех этих рукописей в настоящее время остается открытым.

Некоторые из известных списков Жития Гурия и Варсонофия являются краткой редакцией этого Жития. Краткая редакция помещалась в Четьях Минеях под четвертым октября (Минеи Четьи Милютинские, Сергиевой Лавры, Германа Тулупова, хранящиеся в фондах Российской Государственной Библиотеки, в книге «Жития Святых» Дмитрия Ростовского [Ростовский 1689 : I, 224] и др.), а также краткая ре-

дакция содержится в различных рукописных сборниках (например, в сборниках из собрания рукописей графа Ф.А. Толстого, собрания Пискарева Д. В., собрания Общества Истории и Древностей Российских, в настоящее время также хранящихся в фондах Российской Государственной библиотеки - рукописи Ф. 299 427, Ф. 304 667, Ф. 218 1018).

Обычно краткая редакция жития возникала раньше полной и в дальнейшем искусными редакторами она подвергалась литературной обработке с целью придать житию канонический облик [Буслаев 1861: II, 97]. Такова история житий Варлаама Хутынского, Михаила Клопского, Зосимы и Савватия и мн. др. Краткая редакция Жития Гурия и Варсонофия создана на основе полной авторской редакции Жития, и в некоторых рукописях есть указание на то, что житие дается «вкратце». Сокращение, по-видимому, преследовало утилитарные цели, а именно, возможность помещения данного Жития в различные сборники, что нельзя было сделать при полном объеме этого произведения.

Как уже было сказано, в Казани имеются два списка Жития Гурия и Варсонофия. Один из этих списков, являющийся объектом нашего рассмотрения, содержится в сборнике «Служба Святителю Гурию», хранящемся в рукописном отделе научной библиотеки Казанского университета (№ 3655), и имеет название «Житіе и жизнь иже во святыхъ отець нашихъ, Гѹріа, перваго архіепископа новопросвѣщеннаго града Казани, и Варсонофіа, епископа Тверьскаго, казанскихъ чюдотворцовъ»». В другом сборнике «Службы Гурию архиепископу Казанскому чудотворцу и Житие Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев», хранящемся в рукописном отделе Государственного объединенного музея Республики Татарстан (№ 8784), этот заголовок дополнен указанием на автора текста: «списано Ермогеномъ митрополитомъ казанскимъ» (л.86), в музейном сборнике содержится только житие Гурия, и отсутствует житие Варсонофия. Там же помещено еще одно не менее важное для истории русской канонической литературы произведение «Служба иже во святыхъ отцу нашему Гурію», написанное известным церковным деятелем и писателем Дмитрием Ростовским в 1702 году и представляющее один из ранних списков этого произведения. «Служба», написанная Дмитрием Ростовским, имеет датировочный характер: она вместе с сообщением в тексте одной из статей сборника о том, что очередное перенесение мощей святых состоялось «в 21-е лето благочестивыя державы» Петра Алексеевича (т.е. в 1703 году), устанавливает нижнюю границу написания сборника. Другая граница - 1710 год: в этом году казанский митрополит Тихон подарил Благовещенскому собору Казанского кремля готовую книгу, о чем говорится в записи (лл.1-23). Время создания музейного сборника косвенно датирует и университетскую рукопись, написанную на той же бумаге, изображающей на водяном знаке герб Амстердама. Бумага с этим водяным знаком выделывалась во Франции по заказу Голландии и указывает на последнюю четверть XVII - первую четверть XVIII века. Последние листы рукописи, хранящейся в библиотеке Казанского университета, написаны на бумаге с водяным знаком «Шут» [Щепкин 1967: 101], датируемой началом XVIII века. Таким образом, рукописный сборник «Служба святителю Гурию», в составе которого находится список Жития Гурия и Варсонофия, относится к началу XVIII века.

Содержание рукописного сборника «Служба святителю Гурию» очень традиционно. Обычно сборники подобного рода составляли служба угоднику, само житие, похвала, обыкновенно по случаю открытия мощей, затем чудеса, заключаемые тоже похвалою [Буслаев 1861: 98]. Данный сборник состоит из следующих частей:

1. Служба святителю Гурию, казанскому чудотворцу [с. 3-110].
2. Житие Гурия и Варсонофия [с. 113-216].
3. Обретение мощей казанских святых [с. 217-231].

4. Чудеса святых Гурия и Варсонофия [с. 232-464].
5. Слово похвальное на святого Гурия, первого архиепископа казанского [с. 465].
6. Запись о поставлении Гурия архиепископом в Казань [с. II-VI].

Житие и сказание об обретении мощей объединены общей нумерацией глав, что позволяет их рассматривать как одно произведение. Далее, при описании чудес, нумерация глав продолжена (каждое чудо описано в отдельной главе), список чудес очень обширен - всего 69. Очевидно, что не все записи о чудесах принадлежат автору Жития Гермогену, со временем чудеса дописывались, о чем свидетельствуют их даты. Так, например, чудеса 63-66 относятся к 7115 году (время создания Жития Гурия и Варсонофия определяется приблизительно 7104 годом), чудеса 67, 68 датируются соответственно 7172, 7173 годами, запись о чуде 69 содержит указание на 7164 год.

Полное житие казанских святителей было опубликовано по списку библиотеки Казанского университета Платоном Любарским в «Сборнике древностей Казанской Епархии» в 1868 году [Любарский 1868: 5-34]. Публикация не научная, в ней отмечено немало языковых ошибок и не указан ее источник. То, что публикация П. Любарского основана на исследуемом нами списке, доказывают пометки, исправления, текстовые дополнения, сделанные прямо в рукописи и отраженные в печатном тексте. Издатель внес существенные морфологические и орфографические изменения, которые в результате исказили языковую картину текста. На основании этой публикации Житие Гурия и Варсонофия было также опубликовано в сборнике «Творения святейшего Гермогена, патриарха московского и всея России» в 1912 году [Гермоген 1912: 17-42].

Составляя Житие Гурия и Варсонофия, его автор митрополит Гермоген ориентировался на образцовые тексты этого жанра. В свою очередь Житие Гурия и Варсонофия, написанное Гермогеном, само стало образцом и источником для составления других житий об этих святых и таким образом оказалось встроено в контекст житийной литературы.

Житие Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев, написанное приблизительно в 1596 году, явилось первым житием этих святых. Последующие жития, посвященные Гурию и Варсонофию, были созданы на основе первого гермогеновского Жития. Все писатели опирались на Гермогена как на единственный авторитет. Первое повествование так и осталось самым полным, самым художественным из всех, написанных по этому поводу.

Краткое Житие Гурия и Варсонофия, содержащееся в Прологе и Четьих Минеях под четвертым октября, по сути является сокращенной редакцией текста, принадлежащего Гермогену. То же можно сказать и о житии, содержащемся в сборнике «Жития Святых» Дмитрия Ростовского [Ростовский 1689: 224].

Следующим жизнеописанием казанских святых явилось житие, составленное бакалавром казанской академии Елисеевым в 1847 году. На это житие, как на второстепенный после жития, написанного митрополитом Гермогеном, источник, указывает в предисловии к еще одному Житию Гурия и Варсонофия его автор, бывший архиепископ Казанский, а позже митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Григорий [Григорий 1871: 2-32]. На основе рукописи Гермогена Григорий пишет новое житие, в котором содержится много назидательных и теоретических рассуждений, связанных с христианским учением. Григорий объясняет или комментирует многие ситуации из жизни Гурия и Варсонофия, описанные еще Гермогеном. Например, исходя из положения о том, что «воля Божия по отношению к человеку не может быть иной, как только спасительной» [Григорий 1871: 9], Григорий объясняет, почему Гурий был заточен в темницу, а Варсонофий попал в плен. Однако фактов из жизни казанских святых, которые не были бы описаны Гермогеном, в житии, написанном Григорием, не содержится. Григорий лишь распространяет повествование Гермогена,

снабжая его замечаниями и подробностями, например, приводит монашеские правила в Иосифове монастыре, действующие во время пребывания там Гурия, а при описании жизни Варсонофия излагаются правила, которые были у «древних и богоносных отцов» в Тверском монастыре [Григорий 1871: 32] и др. Кроме того, Григорий систематизирует сведения о чудесах и приводит их кратко, «в удобном для памяти порядке».

Жизнеописание казанских святителей Гурия, Варсонофия, а вместе с ними и третьего казанского святителя Германа было создано казанским архиепископом Никанором Каменским и опубликовано в его сборнике статей в разделе «Казанские первосвятители» в 1909 году [Каменский 1909 а: 65]. Н. Каменский также использует ЖГВ Гермогена, часто цитирует этот текст, цитаты всегда взяты в кавычки, но не всегда указан их источник. Повествуя об обретении мощей «святых святителей и чудотворцев казанских Гурия и Варсонофия», Н.Каменский приводит обширные отрывки из гермогеновского Жития и некоторые чудеса, записанные первым митрополитом. Характерно, что в своем «Очерке истории распространения христианства в казанском крае в XVI и XVII веках» Н.Каменский также неоднократно ссылается на текст Гермогена как на важный источник исторических (документальных) сведений [Каменский 1909 б: 92-104].

Таким образом, Житие, написанное митрополитом Гермогеном, послужило основой и образцом для ряда житий, посвященных казанским святым, на него ссылались и его цитировали все агиобиографы Гурия и Варсонофия. Произведение Гермогена бралось за основу в качестве документального источника и образца художественного слова. Гермоген выступил как очевидец-историк, а также как талантливый писатель, и ценность его произведения с точки зрения этих двух аспектов признавалась всеми, кто после него брался за описание жизни Гурия и Варсонофия, казанских первосвятителей.

Литература

1. *Барсуков Н.* Источники русской агиографии. СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1882. -329 с.
2. *Буслаев Ф.* И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова: Типогр. товарищества «Общественная польза», 1861. Т.II. 765 с.
3. Гермоген. Житие святых Гурия и Варсонофия // Творения святейшего Гермогена, патриарха московского и всея России. Москва: 1912.1 С. 17-42.
4. Житие Гурия и Варсонофия / Служба святителю Гурию. Рукопись ОРРК НБ КГУ № 3655.
5. Григорий. Житие святых святителей Христовых Гурия, Варсонофия и Германа, казанских чудотворцев. Казань: Типография Унив. Тип. 1871. 156 с.
6. *Ростовский Д.* Жития Святых. Киев: Типография Печерской лавры, 1689. Т. I.
7. *Каменский Н.* Казанские первосвятители // Казанский сборник статей архиепископа Никанора (Каменского). Казань: Типография Императорского университета, 1909. С. 65-92.
8. *Каменский Н.* Краткий очерк истории распространения христианства в Казанском крае в XVI - XVII веках // Казанский сборник статей архиепископа Никанора (Каменского). Казань: Типография Императорского университета, 1909. С. 92-104.
9. *Князевская О.А.* О лингвистическом аннотировании древнерусских рукописей // Исследования по лингвистическому источниковедению. М.: АН СССР, 1963. С. 5-19.
10. *Любарский П.* Сборник древностей казанской епархии. Казань, 1868. 230 с.
11. Полное собрание русских летописей: Патриаршая или Никоновская летопись. М: Тип. Эдуарда Праца, 1965. Т. XIII 532 с.
12. *Соболевский А.И.* Славяно-русская палеография. СПб.: Синодальная типография, 1908. 120 с.
13. *Щепкин В.Н.* Русская палеография. М.: Наука, 1967. 224 с.

ХРИСТИАНСКИЙ РЕАЛИЗМ НАРОДНЫХ РАССКАЗОВ ТОЛСТОГО

Е.А. МАСОЛОВА

Новосибирский государственный технический университет, Россия

masolova@list.ru

Ключевые слова: *Толстой, христианский дискурс, эпиграфы, христианский календарь, библейская нумерология, евангельский текст, антропонимы, колоративы.*

В статье доказывается целесообразность применения к народным рассказам Толстого термина «христианский реализм». Заглавия народных рассказов Толстого коррелируют с заповедями Бога; евангельские

эпиграфы этих произведений становятся средоточием их религиозно-нравственной проблематики. Аллюзии, христианский календарь и библейская нумерология придают изображаемому религиозно-философский смысл. Антропонимы и колоративы базируются на христианской семантике. Герой Толстого, строящий свою жизнь по Слову Бога, воспринимается в контексте притчи о блудном сыне.

ELENA A.MASOLOVA – Christian Realism of Tolstoy's national stories

Key words: *Tolstoy, Christian realism, epigraphs, Christian calendar, Biblical numerology, Evangelic verses, anthroponyms, coloratives.*

The article proves the validity of applying the term "Christian realism" to Tolstoy's national stories. The titles of Tolstoy's national stories correlate with God's commandments. The Gospel's epigraphs of this works become the focus of their religious and moral issues. Allusions, the Christian calendar and the Biblical numerology give all depicting religious and philosophical meaning. Anthroponyms and coloratives are based on Christian semantics. Tolstoy's character who builds his life according to God's Word is perceived in the context of the parable of the Prodigal Son.

Народным рассказам Толстого присущи черты христианского реализма. Христианский реализм – термин, используемый В.Н. Захаровым применительно к художественному творчеству Достоевского [Захаров 2001: 16] – приложим и к позднему творчеству Толстого, в том числе к его народным рассказам. Под *христианским реализмом* мы понимаем такое воссоздание художником социально-исторической действительности, когда под влиянием внешних социально-исторических факторов герой, оказавшийся в жизненном тупике и страдающий от бессмысленности происходящего, приходит к осознанию повсеместного присутствия Бога и начинает строить свою жизнь согласно заповедям Бога, превращаясь из «профанного героя» в сакрального, что приводит к моделированию в произведении фикциональной реальности, отражающей религиозные воззрения писателя и проявляющейся на релевантных уровнях поэтики, в том числе на уровне 1) заглавий произведений, 2) эпиграфов, 3) христианского календаря, 4) библейской нумерологии, 5) евангельского текста (цитат из Писания, воссоздания процесса чтения и осмысления героем Писания), 6) изменения жизненных ценностей человека и преображения его в сподвижника Бога, 7) семантики антропонимов и колоративов и др. Проиллюстрируем выдвинутый тезис на материале народных рассказов Толстого.

Заглавия ряда народных рассказов Толстого коррелируют с заповедями Евангелия. В рассказе «Чем люди живы» Ангел осознал Слово Божие и повлиял на преображение людей, дав ответ на вынесенный в заглавие рассказа вопрос о сакральных основах жизни. Заглавие рассказа «Где любовь, там и Бог» возникло под влиянием одного из высказываний крестьянского мыслителя В.К. Сютаева, оказавшего огромное влияние на Толстого: «Истинное христианство в любви – где любовь, там и Бог». В заглавии рассказа «Где любовь, там и Бог» – парафраз заповедей Евангелия, где говорится, что Бог есть любовь и что любящие друг друга пребывают в Боге. Заглавие «Много ли человеку земли нужно» служит предостережением тем, кто стремится к богатству любой ценой; рассказ становится притчей о человеке, который, забыв о душе и думая только о материальном, погиб.

Большую роль в христианском дискурсе народных рассказов Толстого играют евангельские эпиграфы. Рассказам «Свечка», «Три старца», «Кающийся грешник» предпослано по 1 эпиграфу из Писания; 2 эпиграфа в «Крестнике»; 5 – в «Двух стариках»; 15 – в рассказе «Упустишь огонь – не потушишь». В рассказе «Чем люди живы» 8 эпиграфов из Первого послания Иоанна, призывающих любить Бога и всех людей. В первых двух эпиграфах этого рассказа говорится, что человек, затворяющий сердце от любви, пребывает в смерти, – на лице Семена, проявившего жестокосердие, Ангел увидел печать смерти; когда Матрена хотела выгнать странника, тот почувствовал, что мертвый дух шел из ее рта, и не мог продохнуть от смрада смерти. Семен и Матрена устыдились своей черствости и корысти, и в их лицах Ангел узнал Бога. Евангельские эпиграфы в народных рассказах Толстого, предопределяя разви-

тие сюжета, задают христианский реестр ценностей, с позиций которых оценивается все события в повествовании, и представляют протосюжет, план-конспект, средоточие религиозно-философской проблематики вторичного, детерминированного Евангелием сюжета художественного произведения.

Толстой формирует в текстовом фрагменте отнесение содержательно-фактуальной информации к последующему изложению повествования, а потому ряд компонентов художественного текста выполняет проспективную (предуведомительную) функцию, связывая воедино «информационное» представление об изображаемом мире и сюжетно-композиционный план произведения. Проспективную функцию в народных рассказах Толстого выполняют христианские хронометрические координаты, евангельская числовая символика, аллюзии, антропонимы и колоративы.

Начиная с Крещения Руси православные соотносят свою жизнь с вехами христианского календаря и библейской числовой символикой; в художественной литературе христианские хронометрические координаты и связанная с ними символика чисел зачастую выражают идею «восстановления» героя, отказывающегося от безбожного существования и приобщающегося к Слову Божьему. Заявив в «Исповеди» о неприятии всех двунадесятых праздников, кроме Рождества, в художественной прозе Толстой привлекает даты христианского календаря и библейскую символику чисел, рисуя преображение человека. В рассказе «Много ли человеку земли нужно» отсутствие дат христианского календаря свидетельствует о том, как далеко человек отошел от Бога: Пахом не читал Евангелие, не любил людей и погиб в погоне за наживой. Христианский календарь помогает героям народных рассказов Толстого обрести смысл жизни. В рассказе «Где любовь, там и Бог» Мартын после смерти родных стал пить и плохо говорить о людях. Возрождение Мартына началось на Троицу, с которой в христианстве связана спасительная миссия обращения людей к Богу. В рассказе «Свечка» события происходят накануне Святой недели, повлиявшей и на мудрое решение барина, и на урок, усвоенный персонажами: после смерти жестокого приказчика барин не наказал мужиков, а отпустил их на оброк, и те поняли, что сила Божия в добре. В рассказе «Девчонки умнее стариков» родители детей, повздоривших из-за пустяка, стали ругаться и подрались; девчонки, забывшие о размолвке, и слова старухи о том, что грех ругаться, особенно на Святой неделе, устыдили взрослых. В рассказе «Два старика» Ефим и Елисей отправились поклониться Гробу Господню. Ефим, не простивший страннику долг, радел лишь о спасении своей души. Елисей, чье имя означает *спасение*, увидев в одной избе умиравших от голода людей, наладил их быт, не пошел на Святую землю и вернулся домой вскоре после Успения. Согласно Евангелию, на Успение Апостолы чудесным образом собрались в Иерусалиме. Елисей «очутился» раньше Ефима в Иерусалиме: Ефиму, который у Гроба Господня проверял, не своровали ли у него кошелек, показалось, что возле под самыми лампадами впереди всех возле благодатного огня молился Елисей. Вернувшись домой и увидев Елисея за работой, Ефим понял, что Бог велел жить любовью и заботой о людях. Елисей – толстовский праведник, рассказ о его деяниях соотнесен с одним из двунадесятых праздников. В рассказе «Сон молодого царя» герою приснились драки, всеобщее пьянство, убийства, взяточничество полицейских, разврат в воспитательных домах, воровство в церквях; невидимый спутник сказал, что человек должен служить Богу и спасать свою душу. Автор обещает рассказать через 50 лет, выполнил ли царь этот наказ. Сон, посланный в рождественский сочельник, переводит повествование в религиозно-философскую плоскость и становится притчей о выборе жизненного пути.

В поздней художественной прозе Толстого числа 4, 6, 8, 12, чья семантика совпадает с евангельской, «направляют» действующих лиц к постижению Слова Божьего и «укрупняют» религиозно-философский план его произведений. Число 4 связано

с 4 реками в Раю, 4 евангелистами, 4 концами креста [Неаполитанский 2006: 78-86], – в рассказе «Где любовь, там и Бог» 4 внесценических евангельских персонажа (сотник, вдова, грешница и простивший долг хозяин) и 4 действующих лица (Авдеич, Степан и старуха с мальчиком) внимают Богу; количественное «равенство» этих двух групп персонажей усиливает их типологическую общность; число 4 выступает «гарантом» духовного преображения людей. В Библии 6 – число творения, символ силы, мудрости, любви, милости и справедливости, Бог сотворил человека на шестой день [Неаполитанский 2006: 89-94], – в рассказе «Чем люди живы» Ангел провел в доме Семена 6 лет, прежде чем усвоил наказ Бога: людям надо любить друг друга. Число 8 символизирует новое время в Царствии Божием, приобщение к воскресшей жизни [Неаполитанский 2006: 110-114], – в рассказе «Где любовь, там и Бог» восьмой год странствовавший земляк-старичок сказал Мартыну, что грех отчаиваться и что надо жить для Бога. В Евангелии число 12 соотнесено с Небесным Иерусалимом и Апостолами [Неаполитанский 2006: 14], – в заключительной XII главе рассказе «Чем люди живы» слова Ангела о том, что надо любить друг друга, – парафраз 8 эпиграфов этого рассказа; XII глава, в которой Семен, его жена и дети, став свидетелями вознесения Ангела, благоговейно пали ниц, сродни созданию нового человека.

Толстой использует символику, аллюзии, евангельскую образность, которые способствуют возникновению в сознании читателей культурологических отсылок для воссоздания фона сопоставляемых (имплицитно или эксплицитно) в народных рассказах событий в жизни людей конца XIX в. и эпохи первохристианства, «подготавливая» читательское восприятие к дальнейшему развитию действия и придавая воссоздаваемой социально-исторической действительности религиозно-философский смысл. В «Чем люди живы» Семен встречает незнакомца в сумерках у часовни на развилке дорог. Само освещение и локус этой встречи символичны: сумерки – метафора непросветленного сознания человека; часовня «призывает» человека служить Богу; развилка – воплощение двух путей: праведного, полного сострадания и деятельной любви, и неправедного, чреватого корыстолюбием и отпадением от Бога. Приемной матери сироток Толстой дает имя *Марья*, вызывающее ассоциации с Богоматерью, к которой православные обращаются с молитвой о спасении детей. Описание вознесения Ангела соотносится с евангельским рассказом о том, как в огненном столпе Господь явился людям. В «Сколько человеку земли нужно» Пахом, желавший как можно больше «земли в вечность купить» [Толстой 1937: 71], во сне увидел Диавола с рогами и копытами, смеявшегося над лежавшим перед ним мертвым человеком, в котором мужик узнал себя; Пахом не внял этому вещему сну, – стремление всех обмануть и неуемная жажда обогащения предопределили гибель этого человека.

Огромную роль в преображении толстовских героев играет Евангелие. Авдеич читает 6 главу Евангелия от Луки, где Иисус говорит, что слушающий и исполняющий Слова Бога подобен человеку, строящему дом с основанием на камне, и дому этого человека не страшно наводнение; слышащий, но не исполняющий Слова Бога подобен человеку, чей дом, построенный без основания, будет разрушен наводнением. Толстой дословно воспроизводит эту евангельскую притчу и приводит внутренний монолог Авдеича, который размышляет о том, построен ли его дом на камне или на песке, и просит Бога о помощи. Ежедневное чтение Евангелия стало для Авдеича духовной потребностью; в его жизни сбылось то, что Господь обещал Своим ученикам: Дух Истины наставил Авдеича на путь служения Богу и людям. Все помыслы героя были о том, как он вечером откроет Писание, – рассказчик совмещает в одном предложении глаголы будущего времени в значении настоящего времени, воспроизводящие радостное предвкушение человека от чтения Писания, и глаголы настоящего времени, которые описывают осмысление Авдеичем евангельских притч и придают процессу чтения торжественный сакральный характер: «С утра садится за работу,

отработает свое время, снимет лампочку с крючка, поставит на стол, достанет с полки книгу, разложит и сядет читать» [Толстой 1937: 36-37]. Усваивая идеи Евангелия, Авдеич сверяет свою жизнь с заповедями Бога и живет по ним. Толстой дословно цитирует прочитанную Авдеичем притчу о том, как фарисей пригласил Господа к себе в гости, но только женщина-грешница оказала Ему достойный прием, и воспроизводит внутренний монолог человека, задумавшегося о том, сможет ли он достойно принять Господа в своем доме. Евангельские притчи периодически звучат в душе Авдеича и руководят им в принятии решений. Представляя себя в ситуациях, аналогичных евангельским, Авдеич вспоминал слова Христа, сверял свои поступки с Его заповедями, нес людям Слово истины, делился с ними едой и деньгами. Когда Авдеич говорил со Степанычем о нищих и кротких [Толстой 1937: 40], он соединил в своей речи соответствующие стихи из всех Евангелий [См.: Мф. 5:5; Мф. 5:7; Мф. 23:12; Мк. 9:35; Лк. 6:20; Ин. 8:7; Ин. 13:14]. Слова Авдеича о необходимости простить мальчика за ворованное яблоко [Толстой 1937: 43] – парафраз евангельской заповеди [Мф. 6:15]. В конце рассказа Авдеич читает Писание, которое само открылось на словах Иисуса, обращенных к тем, кто достойно принял Его; по отношению к Авдеичу эти слова звучат как одобрение человеку, помогающему другим.

В народных рассказах при выборе антропонимов Толстой, воспроизводя ономастические нормы, усиливает экспрессию имени собственного за счет его аллюзивности, углубляющей образный и концептуальный планы произведения. Завязка рассказа «Чем люди живы» – в конце I главы, когда в сумерках сапожник увидел неподвижно сидевшего голого человека. Испугавшись, что незнакомец может его ограбить, сапожник хотел было пройти мимо, но, устыдившись своего жестокосердия, с укором обратился к себе, используя местоимение 2-го лица: «”Ты что же это, – говорит на себя, – Семен, делаешь? Человек в беде помирает, а ты заробел, мимо идешь. <…> боишься, ограбят богатство твое? Ай, Сема, неладно!” Повернулся Семен и пошел к человеку» [Толстой 1937: 9]. Сапожник проявил милосердие к незнакомцу, – и рассказчик стал именовать его *Семеном.* Семантика имени Семен – *услышанный Богом в молитве, слышащий Бога*. В рассказе говорится не о том, что Семен молился, а о том, что он помогал людям, никому не желал зла. В ответ на отказ жены приютить бездомного Семен призвал ее вспомнить о Боге, и та, устыдившись, дала незнакомцу одежду и последнюю краюшку хлеба. Семен «реализовал» благодатную семантику, заложенную в его имени. Во II главе рассказчик 10 раз называет незнакомца *человек*; в конце II главы Семен мысленно говорит про него *странник*; в IV главе именование *странник* встречается 11 раз. Смена антропонимической формулы называния переводит восприятие незнакомца в бытийную и одновременно религиозно-философскую плоскости: странник сообщает, что его зовут Михаил. Имя *Михаил* означает *подобный Богу, равный Богу*; в православии Михаил – глава святого воинства Ангелов и Архангелов и покровитель умерших. В рассказе Толстого Михаил выступил Ангелом смерти: он должен был забрать душу роженицы, но сделал это не сразу; проявив сострадание к новорожденным, он пожалел их мать, решив, что без нее дети погибнут. В наказание Бог отправил Михаила к людям, чтобы тот узнал три Слова Бога. Михаил наделен даром предвидения: барину, заказавшему сапоги, он шьет босовики, предчувствуя скоропостижную смерть этого заносчивого и жестокого человека. В конце рассказчик называет Михаила *Ангелом,* что знаменует искупление его вины перед Господом.

В рассказе «Где любовь, там и Бог» Толстой 4 раза называет главного героя по двухчастному антропониму – *Мартын Авдеич,* 9 раз – по ониму и 71 раз – по патрониму. *Авдей // Авдий, от которого образован патроним толстовского героя, – имя* одного из двенадцати Ветхозаветных пророков, означающее *слуга Бога.* Оним *Мартын* генетически восходит к древнеримскому *Martinus, что означает принадлежа-*

щий богу войны Марсу. Со временем латинское значение когнонима *Martinus* было утрачено; христианская форма этого имени – *Мартин;* в христианском именослове *Мартин* соотносится с Мартином Турским, папой римским Мартином Исповедником и др.; к святому Мартину обращаются с молитвой о сохранении целомудрия. В антропониме *Мартын Авдеич* соединяются изначальный протест, воинственность – и смирение, верность Господу. В рассказе «Где любовь, там и Бог» рассказчик называл человека только по имени, когда тот был не прав: овдовев, Мартын хотел отдать сына сестре в деревню, Мартын судил Божьи дела, укорял Бога за смерть своего малолетнего сына и просил у Него смерти; «торопя» события, Мартын похвастался, что Господь обещал прийти к нему. Последний раз рассказчик назвал героя *Мартыном,* когда тот, проводив Степаныча, стал ожидать в гости Христа-Батюшку. Патроним *Авдеич* становится немым укором христианину, временно отступившему от многовековых религиозных традиций: «Перестал Авдеич и в церковь ходить» [Толстой 1937: 35-36]. Уважительно, по имени-отчеству, обратился к нему Степаныч, поблагодарив за гостеприимство и рассказанную евангельскую притчу. У Мартына появились иные жизненные ценности, и его называние по ониму уступает место величанию по патрониму, что соответствует традиционному в народной среде именованию уважаемого человека, продолжающего дело отца; патроним с его благостной и «обязывающей» семантикой «диктует» христианину необходимость поступать по заповедям Бога. Рассказчик называет героя *Авдеичем,* когда тот читает Евангелие и совершает добрые дела. В сцене, когда Авдеич напоил замерзшего дворника чаем, тот 12 раз назван по патрониму – *Степаныч, что* подчеркивает его богоизбранность. В конце рассказа Степаныч (имя *Степан,* от которого образован патроним толстовского героя, означает *венок, венец;* в христианском именослове *Стефан* соотносится со многими святыми, в первую очередь – со святым Стефаном Первомучеником) выступил из темного угла горенки Авдеича и, улыбнувшись, как облачко растаял; Авдеич осознал, что удостоился принять Спасителя в образах Степаныча, женщины с ребенком и старухи с мальчиком. Господа, которого ожидал Авдеич в гости, в рассказе 10 раз называют *Христос,* 2 раза – *Христос-Батюшка,* 3 раза – *Батюшка,* в конце рассказа – *Спаситель.* Пиитетное именование *Спаситель* (вместо просторечного *Батюшка)* и эпифания, в которую уверовала семья Авдеича, придают повествованию особый религиозно-философский смысл.

В народных рассказах Толстого семантика колоративов совпадает с евангельской и играет свою роль в превращении героя в сподвижника Бога. В представлении людей *темнота* — символ невежества, греха, отдаленности от Бога, смерти; порой темнота // тьма воплощает зарождающуюся жизнь [Жюльен 1999: 267; Трессидер 2001: 361]. В начале рассказа «Где любовь, там и Бог» Авдеич отрывался от работы, когда темнело в окне: он ожидал, что приснившийся ему Господь выполнит Свое обещание и придет в гости. За день Авдеич совершил много добрых дел, бескорыстно помогая людям. В конце рассказа из темного угла горенки Авдеича выступили приходившие к нему в тот день Степаныч и женщина с ребенком и растаяли, как облачко, сопроводив свое появление словами о том, что в их образе Господь посетил мужика. Колоратив с корнем *темн-*, трижды входящий в словосочетание «темный угол», обретает метафорическое значение и выполняет проспективную функцию. Темный угол горенки Авдеича таит сакральную информацию, открывающуюся человеку, который начинает жить по евангельским заповедям. У христиан *белый* цвет олицетворяет добро, жертвенность, жизнь, любовь, божественность, очищенную душу; это цвет Пасхи, Рождества и Крещения; воплощение трансцендентного совершенства, прозрения и спасения нравственно возрожденных людей; белые одежды означают триумф духа над плотью; негативные аспекты белого цвета связаны со смертельной бледностью, – белый цвет порой выступает как символ увядания, смерти [Жюльен 1999: 452-453;

Трессидер 2001: 401]. В рассказе «Чем люди живы» колоративы с корнем *бел-* обретают символическое значение. Семен встретил Ангела в сумерках, когда контуры внешнего мира были слабо различимы, и подумал: «С головы похоже на человека, да бело что-то» [Толстой 1937: 7]. Белый свет, исходивший от Ангела, 1) указывает на эфемерность жизни и царящую в ней жестокость: при виде раздетого человека Семен испугался, решив, что перед ним ограбленный или убитый, и хотел пройти мимо, 2) свидетельствует о Небесной природе Ангела, скрытой от глаз людей: Ангел поведал о себе лишь на седьмом году жизни в доме Семена, когда люди отказались от корыстолюбия. *Свет* знаменует добро и правду, высшую просветленность, божественность, Рай, радость; Христос уподобляется свету, а исходящий от Него свет — христианству [Адрианова-Перетц 1947: 122; Трессидер 2001: 323-324]. В «Чем люди живы» колоративы с корнем *свет-* символичны и выполняют проспективную функцию, рисуя преображение героя, идущего к восприятию Слова Божия. Видя, что люди отказывались от злобы, Ангел радовался, и его лик наполнялся светом. Когда Семен дал приют страннику, лицо Ангела стало светлее. Бог простил Ангела за непослушание, – от Ангела начал исходить свет, воплощавший Божественную благодать. Когда простонародные герои Толстого преодолели эгоизм и корысть, они обрели способность видеть этот свет.

Вышесказанное позволяет утверждать, что народные рассказы Толстого, в которых герой идет по пути богопознания и преображения, – произведения христианского реализма.

Литература

1. *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 188 с.

2. *Жюльен Н.* Словарь символов. Челябинск: Урал LTD, 1999. 498 с.

3. *Захаров В.Н.* Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 5-20.

4. *Неаполитанский С.М.* Библейская нумерология. СПб.: Изд-во Института метафизики, 2006. 352 с.

5. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 25. Произведения1880-х годов. М., Художественная литература, 1937. 914 с.

6. *Тресиддер Дж.* Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 448 с.

КОМИЧЕСКОЕ И ТРАГИЧЕСКОЕ В РАССКАЗАХ Н.А. ТЭФФИ

В.Э. МАТВЕЕНКО
МОБУ СОШ № 7, Сочи, Россия
veronikabelle@mail.ru

Ключевые слова: *творчество Н.А. Тэффи, сатира, рассказы для взрослых и детей.*

В статье предпринята попытка выявить комическую и трагическую составляющую рассказов Н.А. Тэффи, способы достижения автором сатирического эффекта. Проанализированы темы, которые наиболее часто освещала в своем творчестве Н.А. Тэффи. В качестве примера освещены комизм и трагизм рассказов «О нежности», «Когда рак свистнул», «К теории флирта».

VERONIKA MATVEENKO – THE comic and the tragic content in the stories of N.A. Teffy

Key words: *literary creativity of N.A. Teffy, satire, stories for adults and children.*

The article attempts to identify the comic and tragic component N.A. Teffy's stories, ways of reaching of the satirical effect by the author. There are analyzed the topics that are most often covered in his work N.A. Teffy. As an example, the comic and tragic stories "About tenderness", "When cancer whistled", "To the theory of flirt" are highlighted.

Н.А. Тэффи (настоящее имя – Надежда Александровна Лохвицкая, в замужестве – Бучинская) – русская писательница, поэтесса, переводчица, автор многочисленных сатирических рассказов и пьес. Творческое наследие Н.А. Тэффи мало исследовано в филологии, однако оно занимает по праву значительно место. Н.А. Лохвицкая (Тэффи) родилась в мае 1872 г. в Санкт-Петербурге в семье Александра Владимировича Лохвицкого и его жены Варвары Александровны. Отец Тэффи был юристом, крими-

налистом, публицистом, редактором журнала «Юридический вестник», автором книги «Обзор современных конституций», сестры Надежды – Мирра, Варвара и Елена – писали стихи. С детства Н.А. Тэффи любила писать сатирические стихи и рисовать карикатуры.

В 1890 г. Н.А. Тэффи окончила Литейную женскую гимназию. Весной 1905 года было напечатано стихотворение Н.А. Тэффи «Пчелки», которое получило одобрение В.И. Ленина и было многократно перепечатано. С 1906 года ее сатирические стихи, фельетоны, пародии, эпиграммы начали печатать в журналах «Сатирикон», «Новая жизнь», «Нива», «Зарница», «Сигнал», «Красный смех», «Русское слово» и др., она вошла в клуб символистов – салон Ф. Сологуба. В 1906 одновременно с А. Блоком ее приняли в кружок поэтов «Вечера К.К. Случебского», входила в Союз драматических и музыкальных писателей. В 1908 году Н.А. Тэффи стала одной из участниц нового петербургского театра «Кривое зеркало». Осенью 1919 г. она мигрировала во Францию, где продолжала публиковать свои литературные работы в парижском журнале, организовывала творческие встречи. Именно драматические произведения Тэффи (пьесы, скетчи) составили значительную часть репертуара Русского театра в Париже, который был открыт в 1936 году. В Советской России долгое время ее книги были неизвестны. Как пишет О.В. Бондаренко: «После 1928 г. о Тэффи в СССР надолго забыли. Небольшие сборники юмористических рассказов появились в 1965, 1966 и 1972 гг. Затем до 1990-х годов имя Тэффи оставалось неизвестным массовому читателю» [Бондаренко 2015: 47].

Творческое наследие Тэффи огромно (многочисленные рассказы, пьесы, фельетоны, стихи), однако мало изучено, так как проза писателей-эмигрантов начала привлекать внимание ученых сравнительно недавно. Отдельное место в литературном наследии Н.А. Тэффи занимают рассказы о детях, которые составляют объемную часть творчества писательницы («О нежности», «Кишмиш», «Неживой зверь», «Приготовишка», «Лиза» и др.). В рассказах о детях автор подчеркивает чистое, наивное, доброе детское восприятие всего происходящего вокруг, сопоставляет с грубостью, злостью, душевной испорченностью и окостенелостью, раздражительностью взрослых. Как пишет Е.В. Бочкарева, «основным объектом изображения в рассказах о детях становится трагическая судьба ребенка во взрослом мире. Комический эффект основан на противопоставлении крылатой детской фантазии и приземленной, бытовой рассудительности» [Бочкарева 2009: 6].

Особого внимания из цикла произведений о детях заслуживает рассказ «О нежности»: «Нежность встречается редко и все реже… Современная жизнь трудна и сложна. Современный человек и в любви стремится прежде всего утвердить свою личность» [4]. Далее автор рассказывает историю о том, что, когда ей было 7 лет, ей и ее младшей сестре Лене подарили слоников из картона и ткани. Сама автор решила своего слоника передарить, а ее сестра отнеслась к картонному животному с нежностью и заботой, спеленала его, уложила спать: «Положив голову на подушечку, лежал спеленутый слоник, безобразный, жалкий, носатый. Вылезающий из сложенной чепчиком тряпки хобот и часть отвислого уха – все было так беззащитно, покорно и кротко. И еще увидела я под хоботом у слоника огрызок пряника и два ореха» [4]. Старшая сестра сдернула одеяло с игрушки, начала смеяться над безобразным слоником и глупостью младшей сестры. «И Лена бежит, красная, испуганная, с таким отчаянием в глазах, толкает меня, прячет своего слоника. И Лена бьет меня крошечным своим кулаком и прерывающимся шепотом говорит: «Не смей над ним смеяться!» [4]. Н.А. Тэффи ярко описывает детское желание защитить слабого, которое с годами часто исчезает или искажается в зависимости от ситуации. Жалостливое отношение ребенка к некрасивому, но нуждающемуся в заботе существу (даже не живому – игрушке) доказывает изначально заложенную природой от рождения доброту в каждом

человеке, которая под действием социума в дальнейшем либо укрепляется, развивается, либо гибнет и заменяется на жестокость, которую взрослые называют просто - реальностью.

В рассказе «О нежности» автор описывает и другую историю, живо подтверждающую наличие у детей ввиду их возраста еще имеющиеся чувства сострадания, милосердия, жалости: четырехлетнему мальчику Мише в комнату поставили большой, старый медный подсвечник, так как больше в доме места не было для этой уже отслужившей свое вещи. Но Миша отнесся к этому старому подсвечнику как к живому старому человеку: уложил подсвечник в кровать, укрыл его одеялом, «а сам Миша свернулся комком в уголочке и ноги поджал, чтобы не мешать подсвечнику» [4]. На следующий день Миша отнес старому подсвечнику шоколадку: «Он угостил, отдал все, что было в его жизни самого лучшего, и, отдав, плясал и пел от радости» [4]. В понимании ребенка, старый подсвечник – это не ненужная вещь, которую пришла пора выбросить, а вещь, которая служила долго, помогала людям, и она, равно как и старый человек, нуждается в бережном отношении.

Сатирические рассказы для взрослых отличаются тонкостью юмора, высмеивают человеческую жадность, глупость, человеконенавистничество. Например, рассказ «Когда рак свистнул» отличается ярким содержанием: после новогоднего приема гостей мать и отец мальчика Пети Жаботыкина убирали елку. Мать пожаловалась отцу, что свекор даже не прислал к празднику подарок, на что отец ответил: «Когда рак свистнет». Мальчик Петя поинтересовался, почему именно рак должен свистнуть, отец объяснил, что если рак свистнет, тогда точно желание исполнится. После этого разговора свистящий рак стал навязчивой идеей Пети: «Мысль эта так засела у него в голове, что вся остальная жизнь утратила всякий интерес. Стал Петя расти, стал больше задумываться. Неужели же не может наука воздействовать на рачий организм? Всю свою жизнь посвятил он этому вопросу» [Тэффи 2011: 309].

Уже взрослый, Петя пытался найти связь между рачьим свистом и человеческим счастьем, изучал строение рака, его жизнь, нравы, происхождение, возможности. Петр женился, но счастлив не был. «Он ненавидел свою жену за то, что та дышала легкими, которых у рака не было. Развелся с женой и всю остальную жизнь служил идее» [Тэффи 2011: 309]. Умирая, он сказал сыну, чтобы тот изучал строение рака, Жаботыкины должны из поколения в поколение работать над этим вопросом, потому что все желания сбудутся, когда рак свистнет. Сын, внук, правнук продолжали исследовательское дело отца – раскрыть секрет рачьего свиста. «А праправнук, находя, что в России трудно заниматься серьезной научной работой, переехал в Америку» [Тэффи 2011: 310], где его переименовали из Жаботыкина в мистера Джеба.

Через некоторое время в газетах было опубликовано объявление: «Люди! Готовьтесь! Труды многих поколений движутся к концу! Акционерное общество «Мистер Джеб энд компани» объявляет, что 25 декабря сего года в первый раз свистнет рак, и исполнится самое горячее желание каждого из ста человек (1%). Готовьтесь!» [Тэффи 2011: 310]. В газетах были размещены фото изобретателя, его лаборатории в разных ракурсах, а также изображение самого рака. Начались массовые продажи акций компании «Мистер Джеб энд компани», граммофонные фирмы всего мира приготовились записывать впервые в истории звук рачьего свиста. 25 декабря все люди планеты вышли на улицы в ожидании рачьего свиста, который должны были передавать в 2 часа, и ровно в 2 часа желания людей начались сбываться, но какие это были желания? «Какой-то высокий толстый полковник вдруг стал как-то странно надуваться, весь разбух, звонко лопнул и разлетелся брызгами во все стороны. Бледный солдатик махнул рукой: «Мой грех! Это я ему пожелал – чтоб те лопнуть!» [Тэффи 2011: 312]. «Все в ужасе смотрели на дико визжавшую длинную старуху; она вдруг закружилась и на глазах у всех словно юркнула в землю. – Провались, подлая! –

прошамкали чьи-то губы» [Тэффи 2011: 312]. Людей всей планеты охватила паника: они поняли, что не только они сами, а все желают друг друга только зла и ничего больше. «Люди гибли как мухи. В целом свете только одна какая-то девчонка в Северной Гвинее выиграла от рачьего свиста: у нее пропал насморк по желанию тетки» [Тэффи 2011: 312]. Человечество спасла смерть рака, который очень быстро переутомился от свиста. Рассказ «Когда рак свистнул» показывает читателю, что нужно быть не только аккуратными со своими желаниями, но и добрее в отношении других людей.

Другой рассказ Н.А. Тэффи – «К теории флирта» - повествует о женской глупости, лживости, жеманности и искусственности. Автор произведения дает советы женщинам, как вести себя с противоположным полом, но при этом удивительно тонко высмеивает женскую неестественность, игру чувствами, желание обмануть, а не найти судьбу. В этом рассказе разоблачается человеческая пошлость и глупость.

« - А я уже хотела уходить…

- Боже мой! Отчего же?

- Я ждала вас почти полчаса.

- Но ведь вы назначили в три, а теперь еще без пяти минут…

- Конечно, вы всегда окажетесь правы…

- Но ведь часы…

- Часы здесь ни при чем» [Тэффи 2011: 150].

В этом рассказе Н.А. Тэффи дает советы, как вести себя на свидании: «Сцены ревности всегда устраиваются в Таврическом саду. Там и печальные дорожки, и тихие пруды («я желаю только покоя!...»), и вид на Государственную Думу («… и я еще мог надеяться!...»). Если вам удастся зевнуть совершенно незаметно, то вы можете поднять на «него» или «нее» свои «изумленные глаза, полные слез», и посмотреть с упреком» [Тэффи 2011: 151].

Творчество Н.А. Тэффи – это огромный, малоизученный литературный пласт, включающий многочисленные рассказы для детей и взрослых, пьесы, фельетоны. Комизм достигается не происходящей ситуацией, а именно посредством языка, которым они описаны, точным выбором слов.

Литература

1. *Бондаренко О.В.* Издательская судьба рассказов Н.А. Тэффи в СССР в 1920-е гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (54). 2015. С. 46-50.

2. *Бочкарева Е.В.* Комическое в художественном мире Н.А. Тэффи. Автореф. … к.филол.н. Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, 2009. 22 с.

3. *Денисова Е.А.* Детское восприятие «прекрасного» и «безобразного» в рассказах Тэффи // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 141-147.

4. *Тэффи Н.А.* О нежности. [Электронный ресурс] http://ocr.krossw.ru/html/teffi/teffi-nejnost-ls_1.htm Дата последнего обращения 10.05.2019.

5. *Тэффи Н.А.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Юмористические рассказы. М.: Книжный клуб Книговек, 2011. 480 с.

6. *Тэффи Н.А.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5: Юмористические рассказы. М.: Книжный клуб Книговек, 2011. 400 с.

ТРАДИЦИЯ А. С. ПУШКИНА В ЦИКЛЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ТЕМА С ВАРИАЦИЕЙ»

Т.А. МЕЛИКЯН

Ширакский государственный университет им. М. Налбандяна, Армения

tamara.melikyan@mail.ru

Ключевые слова: *Пастернак, Пушкин, творчество, море, метафора, пророк.*

В статье рассматривается влияние А. С. Пушкина на творчество Б. Л. Пастернака. В частности тема «поэт и море» послужила основой для создания цикла Б. Л. Пастернака «Тема с вариациями».

Проанализированы «морские» стихи А. Блока, Н. Гумилева и установлено влияние Пушкина на поэтов «серебряного века». Рассмотрены причины обращения Пастернака к пушкинским стихам, указывает-

ся, что Пушкин для Пастернака – нравственный и творческий ориентир, по нему поэт сверяет свое отношение к проблемам творчества, взаимоотношения искусства и жизни, искусства и художника, художника и народа.

T. Melikyan – A. Pushkin's tradition in the cycle of B. L. Pasternak «Theme with variation»
Key words: *Pasternak, Pushkin, creation, sea, metaphor, prophet.*
The influence of A. S. Pushkin to the creation of B. L. Pasternak has been considered in the article. In particular, the theme «poet and the sea» served as a base for creating a cycle B. L. Pasternak «Theme with variation».

A. Blok's and N. Gumilyov's «Sea» poems has been analysed and has been set the Pushkin's influence on the poets of «silver century». The reasons for applying Pasternak to Pushkin's poems has been considered, pointed out that Pushkin for Pasternak is a moral and creative landmark, according to which the poet compares his attitude to the problems of creativity, the relationship between art and life, art and artist, artist and people.

Пастернак еще в ранний период своего творчества отлично знал и любил Пушкина. Так, Н.Н. Вильям-Вильмонт вспоминала: «Молодой Пастернак часто и увлеченно читал вслух поэмы «Граф Нулин», «Медный всадник» и другие стихи Пушкина. Уже студенческие тетради Пастернака включают первые намеки на его отрицательное отношение к романтическому началу, что вполне перекликается с пушкинской критикой романтизма и его замечанием об отсутствии подлинно романтической литературы в России». Близка Пастернаку и пушкинская концепция поэтов как «избранных счастливцев праздных», характерная для «Моцарта и Сальери»: «Нас мало. / Нас, может быть, трое» [2; 167]. Словом, цитаты из Пушкина, текстологические намеки, ссылки — всё это заметно в стихотворениях Пастернака 1920-х гг.

В короткой заметке «О классиках», опубликованной в 1927г., Пастернак открыто заявлял, что в своей работе чувствует влияние Пушкина. Для Пастернака середины 1920-х годов такое замечание несколько неожиданно (хотя оно оказалось вполне оправданным впоследствии). Собственно говоря, влияние Пушкина на Пастернака обнаруживается в двух разных плоскостях. Прежде всего - ощущаемое на протяжении почти всей литературной карьеры Пастернака, и особенно усиливающееся к ее концу, — моральное влияние. Пушкин здесь - своеобразная эмблема художественной искренности, символ «свободы искусства», олицетворение отказа повиноваться идеологическому вмешательству. Всё это Пастернак и имел в виду, когда в 1927 г. писал, что его восприятие Пушкина недавно «расширилось ... Мне кажется, что в настоящее время менее, чем когда-либо, есть основание удаляться от пушкинской эстетики. Под эстетикой же художника я понимаю его представление о природе искусства, о роли искусства в истории и о его собственной *ответственности* перед нею» [4; 187].

В 1927 г. Пастернак писал о своем изменяющемся восприятии Пушкина: «Порывистая изобретательность Пушкина позволяет понимать его и импрессионистически, как я и понимал его лет 15 назад, в соответствии с собственными вкусами и царившими тогда течениями в литературе» [4; 187]. Наиболее яркий пример «импрессионистического» Пушкина можно найти в пушкинском цикле книги “Темы и вариации”.

Пушкинский цикл был написан в том же 1918 г., в котором Пастернак почти отмежевался от романтического и драматического начала, характерного для творчества Маяковского, отмежевывается в статье «Несколько положений» и в рассказе «Письма из Тулы». В подтексте поэтического цикла эта полемика продолжается. Сам выбор Пушкина как наставника и учителя полемичен на фоне кубо-футуристичесого стремления освободиться от груза культурной традиции. В этом сказывалось явно «антифутуристическое» чувство традиции и культурной преемственности, которое бережно соблюдали в семье Пастернака.

Морской теме у Пастернака, кроме цикла «Темы с вариациями», посвящены цикл стихотворений 1931 г. «Второе рождение» и поэма «Лейтенант Шмидт». Эти произведения, в отличие от «Тем с вариациями», написаны десять лет спустя, но, по

сути, являются продолжением тех тем, которые были подняты Б.Л. Пастернаком в «Темах с вариациями». Аллюзии к Пушкину, особенно к его «морским произведениям» присутствуют в каждом поэтическом произведении Пастернака, связанном с морем или морской тематикой.

На связь творчества Пушкина и Пастернака указывали К. Поливанов, К. Барнс, О. Сенеко, Шатин Ю.В., Синявский А.Д. К. Поливанов писал: «Пушкин для Пастернака - в первую очередь - нравственный и творческий ориентир, по нему поэт сверяет свое отношение к проблемам творчества, взаимоотношения искусства и жизни, искусства и художника, художника и народа. Таким образом, обращение к пушкинской теме в цикле «Тема с вариациями» связано с возросшим в тот период интересом Пастернака к данным проблемам» [7; 233].

Ученый подтверждает свою мысль, анализируя эпиграф из Аполлона Григорьева к «Темам с вариациями». Этот эпиграф, по словам К. Поливанова, указывает, что «выбранные в качестве эпиграфа строки поэта середины XIX в. свидетельствуют об обращении Пастернака к образу великого предшественника, чтобы напомнить своим современникам, занятым литературной борьбой и бесплодными спорами, о необходимости жертвенного служения искусству и истине, лучшим примером которого был А. С. Пушкин» [7; 127].

Причиной обращения Пастернака к пушкинским стихам была смысловая и биографическая параллель, связанная с началом нового этапа в жизни, отчасти вынужденного, отчасти выстраданного, а также - с переосмыслением жизненных ценностей. К. Поливанов писал: «Темой цикла стал переломный момент пушкинской биографии - окончание «южной» ссылки и прощание с романтизмом, время, когда были написаны «Цыганы», «К морю», первая глава «Евгения Онегина».Центральное положение в образной системе цикла занимает образ Пушкина, явно или скрыто присутствующий во всех стихотворениях цикла, кроме последнего» [7; 127].

Многие исследователи, в частности М.Л. Гаспаров, К. М. Поливанов, считают, что пастернаковский образ Пушкина в «Темах с вариациями» окружен множеством «двойников», то есть героев его произведений, создающих особое «пушкинское пространство». Такими «двойниками» Пушкина, по мнению К. Поливанова, в пастернаковском цикле могут считаться пророк (из одноименного стихотворения Пушкина), Петр I (персонаж поэмы «Медный всадник»), Алеко (герой поэмы «Цыганы») и, наконец, море, которое является собеседником лирического героя стихотворения «К морю».

Обширное поле для анализа предоставляет нам пастернаковская «Вариация 3» из «Тем с вариациями». Процитируем ее:

«Мчались звезды. В море мылись мысы.
Слепла соль. И слезы высыхали.
Были темны спальни. Мчались мысли,
И прислушивался сфинкс к Сахаре.

Плыли свечи. И, казалось, стынет
Кровь колосса. Заплывали губы
Голубой улыбкою пустыни.
В час отлива ночь пошла на убыль.

Море тронул ветерок с Марокко.
Шел самум. Храпел в снегах Архангельск.
Плыли свечи. Черновик «пророка»
Просыхал, и брезжил день на Ганге» [5; 187].

Стихотворение начинается с ряда метафор - нераспространенных двусоставных предложений, скупо, телеграфически констатирующих действия звезд, мысов, соли. И звезды, и мысы, и морская соль выполняют несвойственные им функции: звезды не светят, не стоят, а мчатся. Кроме того, данная метафора - аллюзия к блоковской драме «Роза и крест», в которой поэт Гаэтан, стоящий на берегу океана, в ряде метафор, заимствованных из поэтических преданий родной Бретани, раскрывает свое романтическое одушевление явлений природы. Представитель обыденной жизни, рыцарь Бертран, разоблачает его прозрения с точки зрения практического, прозаического мышления. Процитируем фрагмент из драмы Блока «Роза и крест», в котором мы усматриваем параллели с «Темами с вариациями» Пастернака:

«*Гаэтан*
Теперь — подводный город недалеко,
Ты слышишь звон колоколов?
Бертран
Я слышу,
Как море шумное поет.
Гаэтан
А видишь,
Седая риза Гвеннолэ несется
Над морем?
Бертран
Вижу, как седой туман
Расходится.
Гаэтан
Теперь ты видишь,
Как розы заиграли на волнах?
Бертран
Да. Это солнце всходит за туманом.
Гаэтан
Нет! То сирены злобной чешуя!..
Моргана мчится по волнам… Смотри:
Над нею крест заносит Гвеннолэ!» [11; 233].

В третьей «Вариации» Пастернака диалог лишь предполагается, мы не слышим романтических вопросов, но слышим короткие ответы скептика и циника. Исходя из ответов, подобный спор могли вести и пушкинские Фауст с Мефистофелем на берегу моря.

«В море мылись мысы» [5; 187] – красивый зрительный образ морского берега, навеянный маринами И.К. Айвазовского. Фоника этих строк наполнена звуком «м» - тавтограмма создает ощущение присутствия на берегу бушующего моря.

«Слепла соль» - метафора и одновременно тавтограмма, передающая свист ветра, шум моря, и одновременно - отсылка к библейской притче о Лотовой жене, превратившейся в соляной столб именно за использованное ею право оглянуться назад (вспомнить).

Звуковой фон «Вариации 3» - бушующее, бунтующее, яростное море, а ярость слепит. Надо иметь большую смелость - оглянуться назад вопреки всему, даже жизни. Поэтому следующая метафора «и слезы высыхали» [5; 187] вполне оправдана. «Были темны спальни» - отсылка к блоковским «Шагам Командора»:

«Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха.

Что изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены» [11; 243].

Аллюзия к этому произведению А. Блока создает ощущение конца света, конца жизни. Но в этот наивысший миг напряжения в стихотворении Б.Л. Пастернака появляется некий «второй», тот, с кем спорит «первый»: «И прислушивался сфинкс к сахаре» [5; 188]. Ответ сфинкса не слышен, но от его ответа «стынет кровь»:

«Плыли свечи. И, казалось, стынет
Кровь колосса. Заплывали губы
Голубой улыбкою пустыни [5; 187].

Вода в индоевропейской мифологической системе ассоциируется с идеями рождения и физической плодовитости. Жгучая засуха пустыни – это климат чистой, аскетической духовности – умерщвления тела для спасения души. В христианской, иудейской и исламской культурах пустыня – место Откровения (беседы с Богом). Это подтверждается специфическим символизмом пустыни как самого благоприятного места для божественного откровения: монотеизм является религией пустыни [3; 421].

Образ Губ, «заплывающих голубой улыбкою пустыни» [5; 187], содержательно близок хлебниковским строкам:

«Бобэоби пелись губы
Воэоми пелись взоры
Пиээо пелись брови
Лиээй - пелся облик
Гзи-гзи-зэо пелась цепь
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо» [10; 142].

Поэзия абсурда фабульна, несмотря на всю ее кажущуюся абсурдность. Хлебников, в сущности, всегда шел от смысла, все его игры со звуком были направлены на возможность ярче, выпуклее выразить смысл. Пастернаковская голубая улыбка, равно как и хлебниковские «бобэоби пелись губы», заполнены звуком «б», который при многократном повторении напоминает барабанную дробь. Однако звук «у» здесь приобретает иной смысл – смысл молитвенного послания, тайного заклинания, растворившегося в вечной улыбке сфинкса, портрет которого можно составить из звуков, как у Хлебникова «на холсте каких-то соответствий / Вне протяжения жило лицо» [10; 142].

Лицо сфинкса двоится, это многократно повторяющиеся «с» и «б» - «у», - звуки, соответствующих словам «Суд», «Судьба». Фоника «Вариации» завораживает и вызывает ужас. При этом картина вселенной и моря дается через призму философии Г. Когена, утверждавшего, что «взятая в объективности своего собственного содержания, и взятая в объективности своего логического содержания, мысль тем самым есть познание» [9].

Наиболее сложны для анализа строки «Море тронул ветерок с марокко. / Шел самум. / Храпел в снегах архангельск. / Плыли свечи. Черновик «пророка» просыхал, / и брезжил день на ганге» [5; 187]. Аллюзии к пушкинскому «Пророку» здесь очевидны, они присутствуют как в «Подражательной», так и в «Вариации 3». Интересная география ветерка, переходящего в песчаную бурю – самум. Заметим, что самум действительно наблюдается в пустынях Северной Африки и Аравийского полуострова и чаще всего имеет западное и юго-западное направление. Однако пастернаковский самум идет на восток, причем, на восток сначала с Юга на Север, а затем - с Севера на Юг: Марокко – Архангельск – Ганг (Индия). Появление священной индийской реки Ганг, связанной с образом-символом священной Индии, Индии духа, здесь не случайно. Мы можем усмотреть в упоминании священной реки Ганг отсылку к «Заблудившемуся трамваю» Н. Гумилева:

«И, промелькнув у оконной рамы,
Бросил нам вслед пытливый взгляд
Нищий старик, — конечно, тот самый,
Что умер в Бейруте год назад.

Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет?» [12; 156].

Тема Индии для Гумилева необыкновенно важна. В стихотворении «Прапамять» поэт писал:

«И вот вся жизнь! Круженье, пенье,
Моря, пустыни, города,
Мелькающее отраженье
Потерянного навсегда…

Когда же, наконец, восставши
От сна, я буду снова я, —
Простой индиец, задремавший
В священный вечер у ручья?» [12; 124].

Метафора «Индия духа» была осмыслена деятелями русской литературы и культуры «серебряного века» как одновременное присутствие в литературном тексте образов, символов и мифологем, относящихся к различным культурам и эпохам. Образ-символ священной реки Ганг связан мотивом поиска земного рая, что отражено в индоевропейской мифологической системе.

Рай расположен на юге видимого мира, а самая южная страна является, соответственно, самой чудесной. В основе такой трактовки лежит представление об особом, символическом значении сторон света, когда одно из направлений признается священным [6; 100-110]. В пьесе Н.С. Гумилева «Дерево превращений» таким священным направлением признается юг, а Индия «названа самой чудесной и, одновременно, самой *южной* из стран».

Для некоторых других мифологических систем характерна «нордическая традиция», в которой священной стороной признается *север*, а самой чудесной является загадочная страна «на севере мира» (Крайняя Туле, о которой сообщал древнегреческий путешественник Пифей, совершивший туда плаванье). Так, в поэме Н.С. Гумилева *«Северный раджа»* сакральной оказывается далекая северная страна, в которой герой поэмы намеревается создать «иную Индию, виденье». В индоевропейской мифологической системе север символизировал истоки индоевропейской культуры, нордический рай, центр, неподвижный полюс.

После открытия «Нового Света» к разделяющему символу-границе относили противопоставление восточного полушария Земли и западного, по аналогии с более древними символическими определениями Востока как иконы земного Рая и Запада - как символа ада. Тем не менее, у Пастернака «черновик пророка просыхал и брезжил день на Ганге» [5; 187]. Странно, что предначертания пророка названы поэтом черновиком. Однако, история создания пушкинского «Пророка» объясняет появление у Пастернака образа «черновика пророка».

Обретение нового языка, согласно пушкинскому «Пророку», - это обретение новой божественной мудрости. Дары Всевышнего в этом стихотворении Пушкина: всевидение, всеслышание и умение донести высказанное до душ слышащих - обретаются пророком ценой огромных мучений. Страдания поэта-пророка восходят по нарастающей: от лёгкого безболезненного прикосновения к «зеницам» до рассечения гру-

ди мечом: «И он мне грудь рассёк мечом, / И сердце трепетное вынул, / И угль, пылающий огнём, / Во грудь отверстую водвинул» [8; 87].

Далее мы видим поразительный образ, говорящий о смирении: «Как труп в пустыне я лежал». Бог возвещал пушкинскому пророку только одну волю: «Глаголом жги сердца людей» [8; 87].

Это стихотворение было найдено в папке с неизданными произведениями А.С. Пушкина. Удивительно, что был найден только чистовой вариант работы. Пушкин хранил все свои черновики, но, несмотря на это, черновик стихотворения так и не был найден. Однако, у Пастернака во фразе «черновик пророка» в кавычки взято именно слово «пророк», следовательно, речь идет о лжепророчестве, поиске ложных истин, подмене ценностей, что обусловлено временем и появлением на исторической арене огромного числа лжепророков от революции.

Итак, в цикле «Тема с вариациями» происходит демифологизация поэта как «исключительного» человека (поэт незауряден только благодаря силе вдохновения). Если кратко сформулировать содержательный итог цикла «Темы с вариациями», то можно предложить, что за пастернаковским обращением к творчеству Айвазовского, Пушкина и Блока стоит прежде всего стремление определить назначение поэта в мире.

Для Пастернака очень важны мотивы выбора, отказа от внешней свободы («побега» или «преступления») ради внутренней свободы поэта «тайной свободы». Судьба поэта определяется способностью соединения в себе самых разных начал, как это делает море: «Стихия свободной стихии / С свободной стихией стиха» [5; 171].

Для самого Пастернака этот цикл мог связываться и с собственным выбором между Россией и эмиграцией, который в начале 1920-х гг. встал перед поэтом, когда Россию покинули его родители и сестры. В поэме «Лейтенант Шмидт» море – мерило нравственности, во многом определившее выбор и судьбу П.П. Шмидта. В образе Шмидта многое от самого Пастернака, нравственным выбором которого станет написание романа «Доктор Живаго».

Литература

1. *Барнс К.* Пушкин и Пастернак // Континент, 1999. № 102.
2. *Вильмонт Н.Н.* О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли. М.: Энциклопедия «Отечество», 1987. С. 167.
3. *Керлот Х.Э.* Словарь символов. М.: Refl-book, 1994. С. 421.
4. *Пастернак Б.Л.* О классиках //Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в пяти томах. М.: Художественная литература, 1989. Т.5. С. 187.
5. *Пастернак Б.Л.* Темы с вариациями. Вариация 3 //Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в пяти томах. М. : Художественная литература, 1989. Т.1. С. 187.
6. *Подосинов А.В.* О месте Иерусалима на средневековых картах. М.: АСТ, Астрель, 2009. С. 100-110.
7. *Поливанов К.* Канонические тексты Пушкина в лирике и романе Б. Пастернака. М.: Издательство РГГУ, 2006.
8. *Пушкин А.С.* Пророк // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Художественная литература, 1977. Т.2. С. 87.
9. *Рубинштейн С.Л.* О философской системе Германа Когена. [Электрон. ресурс]: Web. URL: http://anastasiya
10. *Хлебников В.* Творения. М., 1986. С. 142.
11. Цит. по: *Блок А.А.* Шаги Командора // Блок А.А. Лирика. Роза и крест. М.: Художественная литература, 1974. С. 243.
12. Цит. по: *Гумилев Н.С.* Прапамять. //Гумилёв Н.С. Избранное. М.: Сов. Россия, 1989. С. 124.

ЕЕ ДРУЗЕЙ ПРЕКРАСНЫЕ ЧЕРТЫ (ПО ПОЭЗИИ А. АХМАТОВОЙ)

М.И. МЕЛКУМЯН
Ереванский государственный университет, Армения
marika.melkumyan@ysu.am

Ключевые слова: *«Серебряный век», поэзия Ахматовой, особенности эпохи, посвящения современникам.*

В статье рассматривается творчество А.А.Ахматовой, в частности отражение в ее поэзии образов ее современников-поэтов, представляющих замечательную эпоху "Серебряного века" в истории русской культуры. Долгая жизнь поэтессы включила в себя все тяжелейшие события первой половины XX века, что и нашло отражение в ее творчестве. Она пережила всех своих современников и считала долгом сохранить память о них в своей поэзии.

Статья посвящается 130-летнему юбилею Анны Ахматовой.

MARIKA MELKUMYAN – The splendid features of her friends (on A. Achmatova's poetry)

Key words*: «Silver Century», Achmatova's poetry, features of the era, dedication to contemporaries.*

In thisarticle A.A.Achmatova's works are reviewed, particularly the reflections of the contemporary poets' figures in her poetry, representing the wonderful epoch of "Silver Century" in the history of Russian culture. The long life of the poetess has involved all the harsh events of the first half of XX century, which found their reflections in her works. She overlived all her contemporaries and took a debt to keep the memory of them in her poetry.

The article is dedicated to Anna Achmatova's 130-th anniversary.

Когда я называю по привычке
Моих друзей заветных имена,
Всегда на этой странной перекличке
Мне отвечает только тишина.

А. Ахматова

Имя Анны Андреевны Ахматовой неразрывно связано с периодом в истории русской литературы, известным под названием "Серебряный век". Время это – конец одного века и начало другого, время кардинальных перемен, с ломкой старых, давно устоявшихся взглядов и традиций и только формирующимися, еще не совсем ясными тенденциями и претензиями на новое: обязательно необычное, обязательно крайне индивидуальное, обязательно ломающее прежние нравственные нормы, этические рамки, любые ограничения.

Время это выдвигало и свои строгие критерии оценки личности, возможности ее причастности и пригодности к новым условиям строящейся действительности. "Высокие качества личности практически выводились из ее способности к профессиональным занятиям искусством. Это давало "право на исключительные страсти", и только при этом удостаивалось всеобщей оценки проявления обязательно ярких признаков оригинальной и богатой личности" [Коржавин 1989:251]. В сфере искусства и, в частности, в поэзии появился культ художника-небожителя, которому было дозволено все, прежде совершенно недопустимое: "поэтам вообще не пристали грехи" – писала Ахматова в "Поэме без героя".

Ахматовой всегда удавалось с блеском выдерживать экзамен времени на исключительность. Уже самые первые ее выступления в "Цехе поэтов" и даже в "Бродячей собаке" (клуб, известный неприкрытой остротой и вольностью самых колких оценок) пользовались неизменным успехом и даже удостаивались восхищения строгих современников. Новизна ее поэзии, представляющей с необыкновенной глубиной и совершенно открытой искренностью чисто женские душевные переживания, ее манера подачи своих стихов не могли не выделить для нее (современной Сафо) особого места в богатейшем потоке поэзии "Серебряного века". Александра Коллонтай писала о поэзии Ахматовой: "В ее стихах трепещет и бьется живая, близкая, знакомая нам душа женщины современной переходной эпохи, эпохи ломки человеческой психоло-

гии, эпохи мертвой схватки двух культур” [Файнштейн 2007: 148]. Тот факт, что и сегодня стихи Ахматовой остаются востребованными: постоянные переиздания, своя страничка в интернете, пишутся как и писались при ее жизни исследования ее творчества на богатых архивных материалах, лучшие актеры считают делом чести представлять ее поэзию со сцены на ежегодных поэтических вечерах, устраиваемых в день ее рождения, - все это свидетельствует о непреходящей ценности ее творчества. “Долговечность – не суетная забота тщеславия или даже честолюбия, она критерий добротности произведения” [Коржавин 1989: 242].

Своим учителем в искусстве поэзии Ахматова считала Иннокентия Федоровича Анненского. Именно под влиянием его “Кипарисового ларца” она начала писать свои первые стихотворения. “Я веду свое “начало” от стихов Анненского. Он нес в себе столько нового, что все новаторы оказывались ему сродни”, – писала Ахматова в своих “Размышлениях о поэтах” [Ахматова 1986: 203]. Именно памяти И.Анненского посвятила она первое из стихотворений цикла “Венок мертвым”, посвященного ушедшим, но оставившим свой след, свою память в поэтическом мире всей эпохи “Серебряного века”, озаглавив его “Учитель”:

А тот, кого учителем считаю, /Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь выпил, /И славы ждал, и славы не дождался
Кто был предвестьем, предзнаменованьем, / Всех пожалел,
Во всех вдохнул томленье – и задохнулся…[Ахматова 1989: 287]

Не мене значимое воздействие на поэтическую судьбу Ахматовой оказал и первый исследователь творчества начинающей поэтессы Николай Владимирович Недоброво, который опубликовал в “Русской мысли” (1915 г.) критическую статью на ее первые нашумевшие сборники “Вечер” 1912 г. (переиздавался 9 раз) и “Четки” 1914 г. Ахматова высоко ценила исключительную роль Николая Владимировича в становлении своих поэтических, творческих позиций. Спустя годы она говорила А.Найману: “А он (Недоброво) может быть и сделал Ахматову” [Найман 1989: 160]. Ему посвятила поэтесса ряд своих стихотворений: “Павловск”, “Царскосельская статуя” с прекрасными картинами осенней природы.

С необыкновенной теплотой и глубокой искренностью писала Ахматова о Михаиле Леонидовиче Лозинском, известном переводчике Данте, Шекспира. Мастерству перевода она училась именно у Лозинского в своей многоохватной переводческой работе (в том числе и из армянской поэзии). Ему посвящены изумительные стихи о поэтическом творчестве, когда “слова освобожденья и любви еще летят”, а поэт уже “в предпесенной тревоге… но скоро голоса незримых прозвучат, а дальше – свет…”. Свой сборник “Тростник” (1940) она предварила дарственной надписью любимому наставнику:

… В тот час, как рушатся миры, / Примите этот дар весенний
В ответ на лучшие дары… / Чтоб та души высокая свобода,
Что дружбою наречена, - / Мне улыбнулась так же кротко,
Как тридцать лет тому назад…[Ахматова 1989: 195]

В бурных столкновениях литературных взглядов, создающих новые течения, противоположные направления, многочисленные –измы начала века, вместе с М.Лозинским Ахматова, Гумилев, Городецкий, Мандельштам и др. заявляют о себе как о представителях нового течения – акмеизма, который должен был прийти на смену переживающему кризис символизму, связанному прежде всего с именем Александра Блока. Первая встреча Ахматовой с Блоком состоялась на чествовании приехавшего в Россию Верхарна. В последний раз она видела его 21 января 1921 г., когда он “выглядел как на том свете”. Смерть Блока потрясла все литературные круги того времени. Ахматова написала цикл стихов на смерть поэта, Артур Лурье положил их на музыку. По “Снежной маске” Лурье создал балет, Ахматова писала либретто для

этого балета. В 1946 году на вечере памяти А.Блока она выступила со стихами, навеянными строками Блока “Пушкинскому дому”, где есть такие слова: “… в часы заката, / Уходя в ночную тьму, / С белой площади Сената / Тихо кланяюсь ему”.

Он прав – опять фонарь, аптека, / Нева, безмолвие, гранит…
Как памятник началу века, / Там этот человек стоит –
Когда он Пушкинскому Дому, / Прощаясь помахал рукой
И принял смертную истому / Как незаслуженный покой.

“Блока я считаю не только величайшим европейским поэтом первой четверти XX века (горько оплакивала его преждевременную смерть), но и человеком-эпохой, т.е. самым характерным представителем своего времени”, – писала она. [Ахматова 1986: 373]. Много преждевременных смертей пришлось оплакивать Ахматовой в течение ее долгой жизни. В посвящении М.А Булгакову она пишет:

Лишь голос мой, как флейта прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.
И кто поверить смел, что полоумной мне,
Мне плакальщице дней погибших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех потерявшей, все забывшей,
Придется поминать всех тех, кто полны сил
Как будто бы вчера со мною говорили…[Ахматова 1989:288]

Ахматова “всегда ощущала себя во многом человеком 10-х годов, мысленно и творчески, если не корнями, то человеческими связями тяготела к этой эпохе и всегда возвращалась к ней, даже в итоговой своей “Поэме без героя” [Коржавин 1989: 249]. И когда в последующие периоды при ней называли 10-е годы “бесцветным временем”, Ахматова отвечала: “Может быть сейчас принято так говорить, но кроме всего прочего это время Стравинского и Блока, Анны Павловой и Скрябина, Шаляпина, Мейерхольда, Дягилева, Нежинского” [Ахматова1986:247] и всех ее друзей по “Цеху поэтов” – всех, кого ей пришлось пережить.(“Только как же могло случиться, / Что одна я из них жива…”). И поэтому она считала своим долгом сохранить и передать их образы грядущим поколениям. В дневнике она писала: “И кто бы поверил, что я задумана так надолго… Милые тени отдаленного прошлого обступают меня, почти говорят со мной и требуют чего-то. Чего? Может быть это для них последний случай, когда забвенье может миновать их” [Ахматова 1986:252]. Последний – потому что кроме нее никого не осталось, кто бы мог выполнить эту миссию. “Весь цвет русской культуры сгинул, а она жила, словно была облечена великой миссией донести до следующих поколений лица своего времени… С ее смертью уйдет целая эпоха, закончится навсегда “Серебряный век” русской культуры” [Семашко 2002:384]. Именно поэзии Ахматовой мы обязаны в значительной мере тем, что имеем возможность видеть живые образы ее ярких современников.

Изумительно яркий портрет поэта – борца, новатора в его трагическом обличье передает Ахматова в стихотворении “Маяковский в 1913 году”. Стихи написаны в 1940 году, годы спустя после смерти поэта, но его “бурный” образ предстает необыкновенно живо:

Как в стихах твоих крепчали звуки, / Новые роились голоса…
Не ленились молодые руки, / Грозные ты возводил леса.
Все, чего касался ты, казалось / Не таким, как было до тех пор,
То, что разрушал ты, - разрушалось, / В каждом слове бился приговор.
Одинок и часто недоволен, / С нетерпеньем торопил судьбу,
Знал, что скоро выйдешь весел, волен / На свою великую борьбу.
[Ахматова 1989: 211]

Хотя они были в разных станах, в разных –измах, но поэтическое братство всегда роднило настоящих поэтов. Так, в мае 1926 года, когда Ахматова буквально бедствовала, Маяковский и Пастернак устроили публичное чтение своих стихов, чтобы собрать для нее хоть какие-то средства. И это был далеко не единичный случай во взаимоотношениях этих людей, о которых благодарная память поэтессы сохранила самые теплые, не стираемые временем воспоминания.

В цикле стихотворений "Венок мертвым", где "только память о мертвых поет", 8-ая глава с подзаголовком "Комаровские наброски" называется "Нас четверо" – это, кроме автора, Мандельштам, Пастернак и Цветаева. 1961 год, пожилая, больная, одинокая поэтесса в шелесте комаровских деревьев слышит "перекличку дух голосов" – это Осип и Борис, а в ветке бузины видится ей письмо от Марины. Их уже нет, но они четверо – вместе. Всем им,и не только им, она посвящала свои стихи, где горестная память поэтессы с ответственностью оставшейся в живых провожала ушедших друзей в бессмертие, чтобы сохранить их образы в вечности. После ухода Пастернака она ощутила совершенную пустоту вокруг – он был последним из их общего времени:

Умолк вчера неповторимый голос, / И нас покинул собеседник рощ…
И все цветы, что только есть на свете, / Навстречу этой смерти расцвели,
Но сразу стало тихо на планете, / Носящей имя скромное… Земли.
[Ахматова 1989: 291]

В ее записях последних лет читаем: "Я совершенно одна. Город пуст для меня. Здесь никого нет… Все мои друзья и современники умерли. Жизнь моя темна и одинока" [Файнштейн 2007:302]. Правда, вокруг нее всегда были люди, забота, к ней тянулись, ею интересовались, писали о ней исследования, она получала приглашения, но это все было другое – не из ее времени. Ведь у нее на глазах произошел целый ряд эволюций, менялись вкусы, эстетика, слова употреблялись в других значениях, перестраивался язык, родные места меняли свое обличье. Как пел тогда А.Вертинский: "Мы жили на другой планете".

Несколько исторических эпох вместились в ее жизнь, и она выразила своей поэзией все, что пережила."Словно какой-то ангел-хранитель задался целью пронести сквозь опаленные годы России эту "реликвию" потерянной навсегда прежней, уже почти легендарной культуры" [Семашко 2002:383]. Именно благодаря поэзии А.Ахматовой сохранен облик ее эпохи, образы ее современников, представленные с изумительной точностью и с душевной теплотой.

Литература

1. *Ахматова А.А.* Лирика. Москва."Художественнаялитература" 1989. 415 с.
2. *Ахматова А.А.* Сочинения в 2-х томах. Москва. "Худ. лит" 1986.
3. *Коржавин Н.М.* Анна Ахматова и "Серебряный век". Новый мир. 1989.№ 7. С. 240-261.
4. *Найман А.Г.* Рассказы об Анне Ахматовой. Новый мир. 1989. №№ 1-3
5. *Сейранян Н.П.* История русской литературы XX века. Ереван. "Тигран Мец". 2015. С. 314-340.
6. *Семашко И.И.*Сто великих женщин. Москва. "Вече". 2002. С. 383-388.
7. *Файнштейн Элен*. Анна Ахматова. Москва. "Эксмо". 2007. 386с.

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОМАНЕ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Т.В. МИДЖИФЕРДЖЯН

Ереванский государственный университет, Армения

terezamid@ysu.am

Ключевые слова: *нравственная ответственность, Достоевский, вина явная и тайная, Зосима, отцеубийство.*

В статье рассматривается проблема нравственной ответственности в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Чем выше духовная организация человека, тем более он может испытывать муки совести не столько за то, что он совершил, сколько за то, о чем помыслил. В статье рассматривается ряд

эпизодов с участием различных персонажей романа и фиксируется осознание и неосознание ими своей вины. И, конечно, в этом же аспекте рассматривается главное событие романа – отцеубийство.

Tereza Mijiferjyan – The problem of moral responsibility in the novel «The Brothers Karamazov» by Dostoevsky

Key words: *moral responsibility, Dostoevsky, secret and obvious fault, Zosima, patricide.*

The article deals with the problem of moral responsibility in the novel «The Brothers Karamazov» by Dostoevsky. The higher the spiritual organization of a person is, the more he may suffer the torments of conscience, not so much for what he thought. The article discusses a number of episodes involving various characters of the novel and unawareness of their guilt. The main event of the novel – patricide is also considered in the same aspect.

Последний роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» является самым совершенным с композиционной точки зрения произведением. Г.М. Фридлендер во вступительной заметке к роману «Братья Карамазовы» в ПСС писал: «Роман «Братья Карамазовы» - итог творчества Достоевского. Его сложное построение и жанр явились результатом длительных размышлений автора над проблемами современной литературы и искусства, а многие идеи, характеры, эпизоды романа либо подготовлены предшествующими произведениями писателя, либо возникли в его творческом воображении задолго до начала писания «Братьев Карамазовых», в процессе обдумывания и разработки предшествующих романов» [Достоевский 1976: 15, 399].

Мы привели эту цитату в начале статьи с тем, чтобы предельно локализовать аспект нашего исследования и сосредоточиться на некоторых эпизодах романа, проявляющих в героях романа именно чувство личной нравственной ответственности за свои деяния и мысли. Во главу угла нравственной ответственности, очевидно, можно поставить чувство вины за реально совершенный поступок и, как высшее проявление, чувство вины за высказанную идею и за дурные помыслы. Таким образом, мы можем дифференцировать понятие вины на вину явную и тайную: чем выше духовная организация человека, тем более он способен испытывать муки совести не столько за то, что он совершил, сколько за то, о чем подумал.

К главному событию романа – отцеубийству – мы обратимся позже, а пока рассмотрим ряд эпизодов с участием различных персонажей романа и зафиксируем осознание и неосознание ими своей вины. Проанализируем причины возникновения болезни Илюши Снегирева, сына штабс-капитана Снегирева, прилюдно униженного Дмитрием Карамазовым. Сам Дмитрий комментирует это так: «Я свои поступки не оправдываю; да, всенародно признаюсь: я поступил как зверь с этим капитаном и теперь сожалею и собой гнушаюсь за зверский гнев…» [Достоевский 1976:67]. Илюша Снегирев заступился за честь отца, подрался с гимназистами, получил камнем по груди и заболел. Вина Дмитрия Карамазова очевидна, однако Илюща страдает и по другой причине. У него была собака Жучка, Смердяков предложил дать ей мякиш хлеба с булавкой и посмотреть, что будет. Жучка завизжала, завертелась и исчезла. Илюша очень переживает и причину своей болезни видит в том, что он Жучку убил. Илюше и в голову не приходит винить Смердякова, как подавшего идею, что свидетельствует о глубоком чувстве нравственной ответственности, свойственном ему. Все это излагает Алеше Карамазову Коля Красоткин, мальчик, несомненно умеющий мыслить, но отравленный ложными рассуждениями “семинариста-карьериста” и вульгарного социалиста Ракитина. Коля рассказывает Алеше о случае на площади, когда на нее пригнали гусей. Коля Красоткин, произнося социалистическую галиматью про отношение к народу, предлагает одному парню подать телегу вперед, предварительно указав на гуся, который, протянув шею под колесо телеги, клюет овес из прохудившегося мешка. Парень подает, гусю перерезает шею, а Коля важно говорит, что он только “мысль основную” подал и, стало быть, не виноват.

Когда Дмитрий Карамазов избил отца до полусмерти в присутствии братьев и Григория, которому тоже досталось, логицист Иван Карамазов, оказав отцу необходимую помощь, говорит Алеше: «Один гад съест другую гадину, обоим туда и дорога» [Достоевский 1976: 14, 129]. И чуть позже в этом же разговоре поясняет: «Знай, что я его всегда защищу. Но в желаниях моих я оставляю за собой полный простор» [Достоевский 1976: 14, 132]. Эти слова логически следуют из его тезиса: «Если бога нет – все дозволено» и подтверждают его нравственную отстраненность от человечества и личный бунт против бога, что объясняется полным отсутствием чувства ответственности за все происходящее в мире.

Ключевым событием в романе, выявляющим истинную меру нравственной ответственности героев, является отцеубийство. В этом эпизоде сходятся все братья Карамазовы и незаконорожденный сын Федора Павловича Смердяков. По сути, Смердяков является двойником Ивана Карамазова. Однако если Иван следует тезису «винить себя», то Смердяков живет по принципу «винить всех». Угрюмость Ивана происходит от мучительной невозможности выбора между верой и безверием, а самоотчуждение Смердякова зиждится на всепоглощающей ненависти. Ненависти ко всем и всему и, прежде всего, к себе. «Как это глубоко у Достоевского, что Смердяков есть другая половина Ивана Карамазова, обратное его подобие. Иван Карамазов и Смердяков – два явления русского нигилизма, две стороны одной и той же сущности. Иван Карамазов – высокое, философское явление нигилизма; Смердяков – низкое, лакейское его явление. Иван Карамазов на вершине умственной жизни должен породить Смердякова в низинах жизни. Смердяков и осуществляет всю атеистическую диалектику Ивана Карамазова. Смердяков – внутренняя кора Ивана» [Бердяев 1990: 133].

Иван оставляет за собой свободу желать смерти отцу, Дмитрий периодически поколачивает отца и всенародно грозится убить его. Вновь Дмитрий явно потенциально виновен, ибо все ждут, когда же он совершит то, что провозглашает. Смердяков остается в тени, но при этом устанавливает странную связь с Иваном. Иван невзлюбил Смердякова сразу же, но исподволь постоянно втягивается в разговоры с ним. Перед отъездом Ивана в Москву Смердяков советует ему поехать в Чермашню, чтобы легче было возвращаться в случае убийства отца и практически описывает будущую сцену преступления. Перед отъездом Иван как бы дает добро на убийство: “Когда он уже уселся в тарантас, Смердяков подскочил поправить ковер. – Видишь… в Чермашню еду… - как-то вдруг вырвалось у Ивана Федоровича, опять как вчера, так само собою слетело, да еще с каким-то нервным смешком. Долго он вспоминал потом. – Значит, правду говорят люди, что с умным человеком и поговорить любопытно, - твердо ответил Смердяков, проникновенно глянув на Ивана” [Достоевский 1976: 14, 254]. Похожая сцена описана в романе «Бесы», когда Ставрогин, смеясь, бросает деньги Федьке Каторжному, фактически заказывая убийство Хромоножки.

Уже после убийства отца Иван трижды приходит к Смердякову в надежде получить ответ, кто же все-таки убил отца. Идя в третий раз к Смердякову в горячечном состоянии, Иван встречает на пути пьяного мужичонку, который периодически бранился или запевал песню. «Иван Федорович давно уже чувствовал страшную к нему ненависть, об нем еще совсем не думая, и вдруг его осмыслил. Тотчас же ему неотразимо захотелось пришибить сверху кулаком мужичонку. Как раз в это мгновение они поверстались рядом, и мужичонко, сильно качнувшись, вдруг ударился изо всей силы об Ивана. Тот бешено оттолкнул его. Мужичонко отлетел и шлепнулся, как колода, об мерзлую землю, болезненно простонав только один раз: о-о! и замолк. Иван шагнул к нему. Тот лежал навзничь, совсем неподвижно, без чувств. «Замерзнет!» - подумал Иван и зашагал опять к Смердякову» [Достоевский 1976: 15, 57]. Смердяков признается Ивану в убийстве отца, однако главным виновником называет самого

Ивана. Не найдя бога, воспаленный мозг Ивана порождает черта; и Смердяков видит некоего третьего и говорит об этом Ивану: “Третий этот – бог-с, самое это провидение-с, тут оно теперь подле нас-с, только вы не ищите его, не найдете” [Достоевский 1976: 15, 60]. Признание Смердякова звучит для Ивана как приговор. Мы уже отмечали, что человек высокой духовной организации винит прежде всего самого себя. А человек низменной душевной организации, доминантой характера которого является ненависть, всегда винит другого, того, кто подал идею и вывел, как оказалось, ложный постулат: «Если бога нет – все дозволено». Поняв, что произнесенное слово отозвалось убийством, Иван неожиданно ощущает чувство нравственной ответственности за свои поступки и мысли: «Какая-то словно радость сошла теперь в его душу. Он почувствовал в себе какую-то бесконечную твердость: конец колебаниям его, столь ужасно мучившим все последнее время! … В это мгновение он вдруг на что-то споткнулся и чуть не упал. Остановясь, он различил в ногах своих поверженного им мужичонку, все так же лежавшего на том же самом месте, без чувств и движения. Метель уже засыпала ему почти все лицо. Иван вдруг схватил его и потащил на себе. Увидав направо в домишке свет, подошел, постучался в ставни и откликнувшегося мещанина, которому принадлежал домишко, попросил помочь ему дотащить мужика в частный дом, обещая тут же дать за то три рубля» [Достоевский 1976: 15, 68-69].

Идеологическим оппонентом Ивана в романе является старец Зосима, прототипом которого был старец Амвросий, современник Достоевского, высоко почитаемый им, проживавший в Оптиной пустыни. Еще в начале романа, когда вся «семейка» Карамазовых просит у старца аудиенции с просьбой разрешить их спор, старец заявляет Алеше с улыбкой: «Кто меня поставил делить между ними?» [Достоевский 1976: 14, 31]. И перед смертью Зосима высказывает свои мысли о том, “можно ли быть судиею себе подобных”. Зосима является глашатаем истины в романе, носителем “pro”, противостоящем “contra” Ивана Карамазова. Зосима говорит: «Помни особенно, что не можешь ничьим судиею быти. Ибо не может быть на земле преступника, прежде чем сам сей судья не познает, что и он такой же преступник, как и стоящий перед ним и что он-то за преступление стоящего перед ним, может, прежде всех и виноват» [Достоевский 1976: 14, 291].

Старец провозглашает это с высших позиций нравственности и всеобщей ответственности за все происходящее на земле. Иван постоянно балансирует между верой и безверием и завершает собой ряд равнодушных, «теплых», а не «горячих» или «холодных» героев Достоевского (эта классификация заимствована из послания Ангелу Лаодикийской церкви из Апокалипсиса, которое было использовано в романе «Бесы» в разговоре Ставрогина с Тихоном). Иван жонглирует нравственными категориями, говорит о любви ко всему человечеству при невозможности любви к ближнему, о том, что нельзя построить царство вечной гармонии, если в его основании лежит слезинка одного ребенка, в силу этого отстраняется от бога: «Бога я принимаю, но мира божьего не принимаю», - и от нравственной ответственности. Очень сильным контраргументом служит утверждение Зосимы, что «всякий человек за всех и за вся виноват, помимо грехов своих» [Достоевский 1976: 14, 275].

Эти слова как нельзя лучше олицетворяет Дмитрий Карамазов. Дмитрий арестован и должен предстать перед судом за убийство, которого не совершал. Роман построен так, что читателю, в отличие от массового зрителя и обывателя в романе, уже известно, что в отцеубийстве повинен Смердяков, а не Дмитрий Карамазов. Однако здесь вступает в силу закон незыблемости вины явной, потому что сам Дмитрий неоднократно публично говорил, что убьет отца, и отца убили. И тут объясняется земной поклон Зосимы будущим страданиям Дмитрия. Оказывается, что Дмитрию присуще глубокое чувство нравственной ответственности, в связи с чем он становится способен и готов к покаянию. «Удивительно, но признание собственной вины делает

вновь проходимыми, освобождает воздухоносные артерии от человечества к человеку, намертво стягиваемые отстаиванием собственной правоты» [Касаткина 1996: 307].

Дмитрий готов покаяться не в убийстве отца своего, которого не совершал, а в греховности мыслей и побуждений своих. Он готов принять наказание и пострадать “за дите”, которое привиделось ему во сне, пойти на каторгу, чтобы не плакало “дите”, только потому, что грешил многажды и совмещал в сердце своем образ Мадонны и Содома. Дмитрий не убивает отца, но он проливает кровь слуги Григория, и это мучает его. Григорий остается жив, но именно этот факт проявляет несостоятельность защитника Фетюковича, нанятого Иваном. Фетюкович строит свою речь, формулируя понятия “отца породившего” и “отца воспитавшего”. Он говорит о том, что “отец породивший” еще не есть отец, и что отцом является прежде всего “отец воспитавший”. В этом случае речь из защитительной переходит в обвинительную, ведь Дмитрий виновен как раз в том, что поднял руку на “отца воспитавшего”. А Федора Павловича убивает Смердяков, для которого Федор Павлович и “отец породивший”, и “отец воспитавший”.

Вообще, каждый из участников судебного разбирательства начисто лишен чувства нравственной ответственности и преследует исключительно личные цели. Для прокурора это дело стало последней возможностью реализоваться, и речь свою он почитал за “лебединую песнь свою”. К громкому процессу было приковано внимание всей России, и провинциальному заштатному прокурору хотелось показать всем свою образованность, гражданское чувство “и воскресить увядшее поприще”. При этом он был “слишком горяч и болезненно восприимчив”.

Адвокатов Достоевский считал “прелюбодеями мысли”, людьми, которые защищают преступника, зачастую будучи уверенными в его вине. Но еще безнравственнее то, что они жонглируют нравственными понятиями, не утруждая себя поисками истины. Таков Фетюкович, юридическое светило, приглашенное из Петербурга,

Главная цель жизни председателя суда заключалась в том, чтобы прослыть передовым человеком. В деле Карамазовых его интересовала общая классификация явления. “К личному же характеру дела, к трагедии его, равно как и к личностям участвующих лиц, начиная с подсудимого, он относился довольно безразлично и отвлеченно…” [Достоевский 1976: 15, 92].

Неудивительно, что с такими вершителями судеб нравственное поле романа находится вне юрисдикции суда. «У того, кто отделил себя ото всех, поверил в свою отдельность – 2 пути: во-первых, дальнейшее расслоение (Иван и черт); во-вторых, исчезновение в ничтожестве, истребление без воскресения, «чтобы никого не винить» - ибо жизнь есть ад и сжигающая злоба, когда винишь всех, кроме себя» [Касаткина 1996: 303]. Убийца, живший и питавшийся ненавистью, уходит без раскаяния, чему свидетельством его записка. Он кончает жизнь самоубийством, не в силах нести бремя ненависти, разрушающей прежде всего ее носителя. Уходя, он лакейски перекладывает вину на Ивана, мятущегося между верой и безверием, не желающего принимать на себя ответственность за несовершенство мира, созданного богом, и, как следствие, теряющего самое ценное, что у него есть – ум, интеллект.

Явный виновник - Дмитрий Карамазов - оказывается на скамье подсудимых и получает официальное наказание: двадцать лет каторжных работ. Но не зря ему кланяется старец Зосима, и не зря сам Дмитрий восклицает: «Слава Высшему на свете, Слава Высшему во мне!» В душе его среди карамазовского безудержа есть уголок веры, способный вывести его на праведный путь. И он готов понести наказание, «лишь бы не плакало дите»! Нравственным подспорьем для него становится Алеша, который чувствует себя за всё и всех в ответе и реализует тезис о всеобщей любви не

ходульно, отвлеченно, а истинно, достоверно, преодолевая муки сомнения и проходя через горнило жизненных испытаний.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах / Ленинград: Изд-во «Наука» ЛО, тт.14, 15, 1976. В библиографических ссылках в тексте первая цифра обозначает том, вторая – страницу.

2. *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Литературная учеба, 1990. Книга вторая, март-апрель. С. 123-141.

3. *Касаткина Т.А.* Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций / Москва: «Наследие», 1996. 334 с.

М. БУЛГАКОВ В ГРУЗИИ

М.В. МИКАДЗЕ

Тбилисский государственный университет Ильи Чавчавадзе, Грузия

mzia.07@mail.ru

Ключевые слова: *грузинская булгаковиана, судьбоносная встреча, восприятие, гипотезы, грузинская интерпретация.*

В статье речь идет о грузинском булгаковедении, состоящем из грузинской театральной и литературно-критической булгаковианы, о восприятии творчества Булгакова грузинской общественностью. Уделено внимание судьбоносной батумской встрече с Мандельштамом. Выдвигается гипотеза о пребывании Булгакова в Грузии в 1927 году, подтвержденная газетой «Коммунист», гипотеза о втором пребывании Булгакова в Грузии с целью постановки пьесы «Бег» в театре имени Руставели. Была представлена ее грузинская интерпретация.

MZIA MIKADZE – M. Bulgakov and Georgia

Key words: *Georgian Bulgakovian, Fateful Meeting, Perception, hypotheses, Georgian interpretation.*

Georgian Bulgakov Studies includes Georgian theatrical, critical and Bulgakovian translation. Despite Russian researchers' opinion on the purpose of Bulgakov's visit in Georgia in 1921, we consider the main goal was emigration, which failed. The play "Zoyka's Apartment" staged in Russian Theatre, Georgian interpretation of play the "Race" and hypothesis of the Bulgakov's travel in Georgia in 1927 too is discussed herein.

М. Булгаков в Грузии – одна из страниц жизненной и творческой истории писателя. В русском булгаковедении известны факты о связи Булгакова с Грузией. Но существующая в русском булгаковедении «грузинская страница» жизни писателя еще недостаточно исследована и оценена. В ней все еще есть неизвестные детали грузинских взаимоотношений. Ведь известно, что географический ареал путешествий Булгакова неширок. А Грузия – одна из тех немногих стран, которая в небогатой событиями биографии Булгакова сыграла определенную роль на определенном этапе его жизни. В указанной связи «грузинская булгаковиана» сможет внести в булгаковедение еще неизвестный ему «грузинский спектр». «Грузинская булгаковиана», возникшая в 20-х годах XX века (почти одновременно с русской), кроме более или менее уже известной в русском булгаковедении «грузинской страницы» (первое пребывание Булгакова в Грузии в 1921 году), включает в себя также неизвестные страницы: грузинскую театральную булгаковиану, грузинскую литературно-критическую булгаковиану, грузинскую переводческую булгаковиану и другие проблемы, касающиеся восприятия Булгакова грузинской общественностью. Все это не только восполнит «белые пятна», но, главное, поможет исследователям глубже постичь его творчество в целом, влиться в русское булгаковедение и обогатить его.

Первый шаг в грузинской булгаковиане в прямом и переносном смысле «проделал» сам М. Булгаков, приехав в конце мая 1921 года в Грузию. Исповедальная, почти документальная «малая проза» Булгакова помогает вникнуть в мироощущение писателя, владевшее им до приезда в Грузию. «Пропасть без вести», «сгинуть», «верхом на пьесе попасть в Тифлис» и «бежать! Бежать! …» Так думают булгаковские персонажи его рассказов («Необыкновенные приключения доктора», «Богема», «Записки на манжетах»), так думает и сам Булгаков, поскольку содержание указанных произведений почти буквально совпадает с перипетиями жизни самого писателя. Ре-

шение покинуть «красный Владикавказ» и ехать в Грузию было связано с опасностью разоблачения его недавнего белогвардейского прошлого, и Булгаков, настроенный тем же намерением (как и его персонажи), для достижения цели свой путь начинает с Грузии. Почему Грузия и «почему именно Тифлис»? Потому что, как говорят персонажи его рассказов, в Тифлисе «открыты все магазины», «есть вино», «очень жарко … и дешевые фрукты, … много газет … и т.д. и т.д.» и в общем «очень хочется в Тифлис» … потому, что «в Тифлисе лучше».

В булгаковедении пишут о некоторых причинах приезда самого Булгакова в Грузию: поставить на тифлисской сцене одну из своих владикавказских пьес (революционная пьеса «Сыновья муллы»), публиковаться в газетах (ведь там много газет), также высказывалась мысль об эмигрантских намерениях писателя. По словам жены, намерение «разведать в Тифлисе почву – авось, получится», – не получилось. Ни одно из намерений Булгакова не было осуществлено, что можно объяснить объективными и субъективными причинами. Сбежав из большевизированного Владикавказа в Грузию, Булгаков попадает «из огня да в полымя», потеряв самостоятельность. Грузия тоже становится большевистской.

К моменту пребывания Булгакова общественно-политическая и культурологическая жизнь страны была сложной. Намерение персонажа из «Богемы», мчавшегося» в Тифлис «верхом на пьесе», надеявшегося произвести фурор, Булгакову не удалось. Ведь отличающийся самокритичностью Булгаков драматургию владикавказского периода считал «вымученной». Так что, Булгаков вряд ли мог надеяться, в отличие от своего персонажа, на театральный фурор в Тифлисе, известным уже давно устоявшимися традициями грузинского и русского театров. Новых пьес Булгаков в Тифлис не привез, а до написания «Дней Турбиных» было еще далеко. Булгаков, откровенно оценив свою раннюю драматургию, сам же объяснил причину своих неудач на драматургическом поприще в Тифлисе. Несостоятельность Булгакова и как публициста тоже была связана с общественно-политической ситуацией в Грузии того периода. Кроме того, в 1921 году Булгаков - драматург «владикавказского значения» и автор нескольких фельетонов в Грузии никому не был известен. Единственной и значительной, написанной в то время Булгаковым, была статья «Грядущие перспективы», в которой с врачебной точностью был поставлен диагноз, предупреждающий будущие поколения о катастрофических перспективах страны, совершив «великую социальную революцию».

Несмотря на неудачные попытки Булгакова реализоваться в Тифлисе на драматургической и публицистической ниве, делать акцент на этом, по нашему мнению, не стоит. Основной целью прибытия Булгакова в Грузию была именно эмиграция, о чем в завуалированном виде от его имени говорили литературные персонажи его рассказов. Об этом же говорит и Булгаков в письме, посланном из Владикавказа в феврале 1921 г., в котором сообщается о том, что его скитания далеко не кончены» … и что весной он должен ехать или в Москву, или на Черное море, или куда-нибудь (как и его персонажи, стремившиеся «куда-нибудь», чтоб «сгинуть») (1. 391). Об этом же свидетельствует высказанное через несколько лет желание Булгакова «посетить памятные места» …, где он «начинал литературную деятельность, и где он «пытался эмигрировать…», а этими местами, по словам Булгакова, были «Владикавказ, Тифлис и Батуми» (2. 92).

Приехав после Тифлиса в Батуми вместе с женой в конце июня 1921 года, мысль об эмиграции у Булгакова окончательно формируется, толчком которой являлось то бедственное положение, в котором он оказался в Батуми. По мнению некоторых исследователей, «от безысходности и могла возникнуть мысль об отъезде в Константинополь» (8.21). Но ведь мироощущение Булгакова (как и его героев – «пропасть без вести») возникло у него гораздо раньше, о чем свидетельствует письмо февраля 1921

года, также другие высказывания его. Так, что весьма достаточны аргументы, доказывающие о его давнишних эмигрантских намерениях, по нашему мнению, основных в то время. Вообще «батумская страница» жизни Булгакова – одна из тяжелых, о чем он не любил вспоминать и потому свидетельств о Батуми того периода он не оставил.

В отличие от него, Мандельштам – уже известный в Грузии поэт (которому после путешествия по Грузии «Тифлис горбатый снился» долго), оставил документально-художественные очерки о Батуми того периода, являющегося «перевалочным пунктом», «сомнительным окном в Европу». Он увидел «Батуми, как на ладони, в котором чуть нагретое нежно-голубое море ласково полощется вокруг многоэтажного корпуса «Франца-Фердинанда», приплывшего «только что из Константинополя», … из города, «о прелестях» которого судили в Батуми» (9. 317, 318, 319).

Как вспоминала жена Булгакова, «очень много теплоходов шло в Константинополь…, он вел переговоры с кем-то, хотел, чтобы его спрятали в трюме» (12. 114). Наверное, мандельштамовским «видением» проникся и Булгаков, который, как и многие прибывшие в Батуми, тоже мечтал «о прелестях Константинополя». Кто знает, может быть в трюме описанного Мандельштамом корабля, стоявшего в Батумском порту, и хотел спрятаться Булгаков, чтобы отплыть из Батуми. Но и эта попытка не была осуществлена.

Свидетельств о том, как пережил Булгаков крах плана эмиграции, нет. Но, вспомнив великое отчаянье персонажа из рассказа «Записки на манжетах» после неудачной попытки эмигрировать, можно представить и отчаяние самого Булгакова. Писатель вместе со своим персонажем мог лить «соленые, как морская вода, слезы».

В чем причина того, что произошло, вернее, не произошло? Причин много: и отсутствие денег, и боязнь быть пойманным при нелегальном отплытии из Батуми, страх перед неизвестностью. Но знаменательная встреча с Мандельштамом, состоявшаяся летом 1921 года в Батуми, повернула судьбу Булгакова вспять. По воспоминаниям жены Мандельштама, разговор «с незнакомым юношей» … «с видом, внушающим доверие, … интересовавшегося литературой …», «велся на практическую тему». На вопрос Булгакова «стоит ли писать роман, чтобы послать его в Москву на конкурс» (12.121), О. Мандельштам, сердцем поэта почуяв в нем будущего Мастера, дает ему мудрый совет – «ехать в Москву» и заняться литературной деятельностью. Ведь на данном этапе его жизни, более того, во всей его литературной деятельности, перед Булгаковым стоял важнейший вопрос: ехать ли в Москву, или продолжить путь в неизвестность. Как пишет Л. Чудакова, «кажется знаменательным в решительный момент определение Булгаковым своей дальнейшей судьбы, разговоры с Мандельштамом – одно из многочисленных, в основном, неизвестных нам слагаемых, приведших к решению – ехать в Москву (12.121). По нашему мнению, в действительности разговоры, которые велись в Батуми, являются «знаменательными и основными», а не кажущимися.

Встреча в Батуми на переломном биографическом периоде его жизни явилась судьбоносной. Ведь решался вопрос – остаться ли в России, стать русским писателем, или, как это случилось со многими, эмигрировать и стать, пусть даже знаменитым, но не русским писателем, служить другой культуре (как случилось, например, с В. Набоковым). И он остался. Поэтому батумская встреча, «столь значительная и знаменательная» и сыграла судьбоносную роль в жизни Булгакова. В то лето 1921 года, судьбоносной оказалась и вторая батумская встреча Булгакова с первой в своей жизни «Маргаритой» - Маргаритой Архангельской-Смирновой, которую некоторые исследователи (как, впрочем, и сама Маргарита Смирнова) сочли именно той «первой Маргаритой». Возможно, Маргарита Смирнова тоже является одной из тех женщин (жен Булгакова и может быть других женщин), созданного Булгаковым обобщенного образа Маргариты из романа «Мастер и Маргарита».

Несмотря на нужду, невзгоды, разочарования, в Грузии Булгаковым не овладела творческая апатия. О том, что «Турбиных», поставленных во Владикавказе, он «переделывает в большую драму», писатель сообщал в письме из Тифлиса в июне 1921 года. Видимо, Булгаков в Тифлисе и Батуми продолжал работу и над тем романом, о котором сообщал кузену еще в феврале 1921 г. «Пишу роман, единственную за все это время продуманную вещь» (1.393). Может быть, эту продуманную вещь и имел в виду Булгаков, когда в Батуми советовался с Мандельштамом. Живое свидетельство жизни Булгакова того периода – «Записки на манжетах», по свидетельству Т. Лаппы, была начата в Батуми.

Пребывание Булгакова в Грузии не отмечено широким литературным знакомством (в отличие от О. Мандельштама, имевшего много друзей-поэтов в Грузии), но, как указывает М. Чудакова, «слабый след его тифлисских литературных встреч» все же остался (12.113) и связан он с именем Александра Порошина, подарившего Булгакову книгу «Корабли уходящие» с дарственной надписью, с указанием времени и места. Кроме этого факта никаких сведений о нем нет. Заинтересовавшись личностью А. Порошина, удалось выяснить, что он был одним из тех русских писателей, которые после революции эмигрировали из России в меньшевистскую Грузию, в частности, в Тифлис. Здесь он стал членом Союза русских писателей в Грузии, начав сотрудничать в литературной группировке «Кольчуга», членом которой вместе с Порошиным был и известный грузинский писатель Гр. Робакидзе. Посещали «Кольчугу» и известные грузинские поэты Тициан Табидзе и Паоло Яшвили. Книга А. Порошина «Корабли уходящие», отразившие «упадочнические настроения русской интеллигенции», являлась как бы откликом настроения самого Булгакова, ибо название книги напоминало о днях, проведенных писателем в Батуми, когда на рейде стоял «манящий в Константинополь» корабль, на котором, по воле судьбы, М. Булгаков так и не смог отплыть.

Говоря «о слабом следе тифлисских литературных встреч» по отношению к А. Порошину, возникает мысль о возможности и других встреч. В этом отношении вызывает интерес дневниковая запись Елены Булгаковой за 1938 год, сообщающая о встрече Булгакова в московском писательском клубе с давнишним «знакомым по Батуми» - поэтом А. Чачиковым (3. 223).

Как удалось выяснить, поэт А. Чачиков был членом Союза русских писателей в Грузии, сотрудничал в журнале «Фигаро» вместе с Порошиным, Ладо Гудиашвили,Т. Табидзе, Ильей и Кириллом Зданевичами, О. Шарлеманом и др. Ему также принадлежат книги, посвященные известному грузинскому режиссеру немого кино Ивану Перестиани и замечательному грузинскому актеру Спартаку Багашвили.

В начале 20-х годов грузинская печатная булгаковиана была очень скудна, как, впрочем, скудна и русская. Начинается она только лишь в 1924 году с публикации отрывка из романа «Белая гвардия» - «Конец Петлюры» (4) и последующей за ней публикацией одного из рассказов Булгакова «Таракан» (5). Но самым важным аспектом проблемы Булгаков и грузинская общественность является драматургия Булгакова.

Самым главным аспектом проблемы Булгаков и грузинская общественность является драматургия Булгакова, сценическое воплощение которой началось в 1926 году, когда известный театральный деятель Вл. Швейцер в Тифлисе основал Новый театр русской драмы (впоследствии по конъюнктурным соображениям названный Тифлисским рабочим театром русской драмы, сокращенно Т.Р.Т.), отличающийся от послереволюционных театров профессионализмом, репертуаром и художественным уровнем. Грузинская булгаковиана была начата с постановки острой сатирической пьесы М. Булгакова «Зойкина квартира», с нее началось и восприятие грузинской общественностью творчества М. Булгакова. Основным в восприятии булгаковской

драматургии стало единодушное признание «идеологической несовместимости Булгакова с современной действительностью, «в игнорировании современных типических идей, в концентрировании внимания на нетипических явлениях (11). Сохранились также сведения и о художественной стороне спектакля, критиковавшие постановщиков из-за игнорирования трагических элементов произведения, и «в чрезмерном уклоне в сторону комического» (11). Несмотря на критику пьесы из-за идеологической неприемлемости, зрительский интерес к ней, по свидетельству прессы, был большой, что объяснялось актуальностью проблемы. Была проведена также параллель между пьесой «Зойкина квартира» и пьесой грузинского драматурга «Дезертирка». Отмечая схожесть между ними, писали: «Комедия «Зойкина квартира» вот уже 10-й раз идет на сцене Т.Р.Т. и интерес к ней не убавляется, а растет. Эту пьесу постигнет та же участь, что и нашу «Дезертирку» … она (т.е. «Зойкина квартира»), как и «Дезертирка», является сатирой на нашу «злободневную повседневность» (10).

Именно «повседневная деятельность», описанная в обеих пьесах, и явилась причиной их популярности. «Зойкина квартира» приобрела настолько «скандальную славу», что над ней устроили литературный суд. Чем он кончился, неизвестно, но под давлением «официальной критической мысли», осуждая Булгакова за показ «запретной действительности». Она была снята с репертуара Т.Р.Т. в 1928 году. За ней была снята с репертуара и вторая пьеса Булгакова «Белая гвардия», уже отрепетированная и готовая к постановке.

Грузинская булгаковиана продолжение получает в 1928 году и связана она с именем главного режиссера театра имени Ш. Руставели А. Ахметели, которому во время пребывания в Москве и Ленинграде, было обещано «в ближайшем будущем для постановки в театре Руставели получить пьесу Булгакова «Бег» (7). В то тяжелое для Булгакова время, когда в Москве Главреперткомом решалась судьба его пьесы «Бег», Булгаков находился в Тифлисе. Но, ни о пребывании Булгакова в Грузии, ни о цели его пребывания в русском булгаковедении нет никаких сведений и даже гипотез (даже в булгаковской энциклопедии). Об этом только вскользь упомянула М. Чудакова (12).

По нашему же мнению, целью внезапного второго осеннего приезда Булгакова в Тифлис (он и весной приезжал в Грузию со второй женой Л. Белозерской) была встреча с А. Ахметели, связанная с постановкой пьесы «Бег». По приезде в Тифлис А. Ахметели высказывает мнение о ее постановке в театре имени Ш. Руставели, но замысел А. Ахметели не был осуществлен. Пьеса была запрещена. В ответ на предложение Ахметели написать на булгаковскую тему ее грузинский вариант, была представлена пьеса грузинского драматурга В. Берадзе «Скачки тараканов». Пьеса В. Берадзе, повествовавшая о жизни грузинских эмигрантов в Берлине, считалась политической сатирой на «бывших», «проигравших и сбежавших на чужбину». Проблематика пьесы трактовалась в комическом плане, хотя жизнь «бывших» давала более трагического материала, чем комического. Подобную трактовку в спектакле хотел увидеть А. Ахметели, но художественная ткань произведения, видимо, не давала возможности соблюдать справедливые требования режиссера. Грузинская пресса, указав на «некоторые литературные погрешности», в то же время отмечала актуальность тематики (6), что и явилось причиной успеха. Так что, несбыточная мечта А. Ахметели о постановке «Бега» на грузинской сцене отчасти была восполнена постановкой грузинской интерпретации булгаковской пьесы «Бег», вписавшей в историю грузинской театральной булгаковианы еще одну интересную страницу.

Пребывание Булгакова в Грузии, грузинская театральная булгаковиана и ее восприятие грузинской общественностью, осуществленные замыслы (постановка «Зойкиной квартиры» и грузинской интерпретации пьесы «Бег») и неосуществленные («Дни Турбиных» и «Бег») и др. аспекты – все это является грузинской булгаковиа-

ной, которая не только восполнит «белые пятна», но и поможет исследователю глубже постичь творчество Булгакова в целом, влиться в русское булгаковедение.

Литература

1. *Булгаков М.* Полное собрание сочинений в 5-ти томах. М., изд. Художественная литература, 1990, т. 5. 480 с.
2. *Булгаков Михаил*. Дневник. Письма. 1914-1940. М., изд. «Современный писатель», 1997, 684 с.
3. *Елена Булгакова*. Дневник Елены Булгаковой. М., «Книжная палата», 1990, 399 с.
4. Заря Востока. 1924 г., 2 ноября
5. Заря Востока, 1925 г. 23 августа
6. Искусство. Театр Руставели// Коммунист, 1928, 22 ноября.
7. Искусство. Перспективы грузинского театра (беседа с режиссером А. Ахметели)// Заря Востока, 1928, 28 июня
8. *Лосев В.И.* Дневник. Письма. 1914-1940. «Современный писатель», 1997, 638 с.
9. *Мандельштам О.* Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тб., «Мерани», 1900, 416 с.
10. Русская драма. Зойкина квартира//Коммунист. 1926 г., 10 декабря.
11. Тифлисский рабочий театр. Зойкина квартира// Заря Востока, 1926 г. 9 ноября
12. *Чудакова М.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., «Книга», 1988, 672 с.

ГРУЗИЯ – РОССИЯ: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ 21 ВЕКА

И.И. МОДЕБАДЗЕ

Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили,
Институт грузинской литературы им. Шота Руставели, Грузия.
irinamodeb@gmail.com

Ключевые слова: *межкультурный диалог, интертекстуальность, постмодернизм, русскоязычная литература Грузии, А.С. Пушкин, Миндия Арабули, аллюзивность, реминисценции.*

Интердискурс позволяет оценить реальный след, который оставляет контакт с инонациональной культурой и определить параметры усвоения «иного». Это особенно актуально при исследовании грузино-русских литературных связей нашего времени. Статья представляет собой взгляд на современную грузинскую литературу в ракурсе грузино-русского межкультурного диалога. В качестве примера приводится анализ стихотворения Миндия Арабули «Пьедестал» и стихотворений А.С. Пушкина, исследуются художественная функция и актуальность претекстов для современной грузинской культуры.

IRINE MODEBADZE – Russia: Intertextuality as an Intercultural Dialogue of 21 Centuries

Key words: *intercultural dialogue, intertextuality, postmodernism, Russian-language literature of Georgia, A.S. Pushkin, Mindia Arabuli, allusions, reminiscences.*

Interdiscourse allows you to evaluate the real footprint that leaves contact with a foreign culture and determine the parameters for the assimilation of the “other”. This is especially true in the study of Georgian-Russian literary contacts of our time. The article offers an insight into modern Georgian literature from the perspective of the Georgian-Russian intercultural dialogue. As an example, an analysis of the poem of Mindia Arabuli “Pedestal” and poems by A.S. Pushkin, explores the artistic function and relevance of pretexts for modern Georgian culture.

В условиях ускорения интеграции национальных культур в единое культурное пространство обострилась необходимость межкультурного диалога. Соответственно возросла значимость изучения интертекстуальности как показателя интенсивности обмена культурными ценностямии и взаимообогащения культур. Интертекст - пространство схождения различных дискурсов, из которых складывается культура и в атмосферу которых, независимо от своего желания, погружен автор. Понимаемая как диалог культур в пределах одного текста, интертекстуальность является не только характерным показателем определенного художественного стиля (а в искусстве постмодернизма она стала одним из основных художественных приемов и обязательной частью художественного дискурса), но и соответствующим современной культурной ситуации типом художественного мышления. Поэтому проблема сопряжения разных культур и культурных традиций, т. е. собственно интердискурс, понимаемый как «дискурсная почва», «начало другости, присутствующее в любом дискурсе» [Пьеге-Гро 2008: 71] и различных форм его проявления, позволяют оценить тот ре-

альный след, который оставляет контакт с инонациональной культурой и определить параметры усвоения «иного». Мы считаем интертекстуальный анализ одной из универсальных методологий, позволяющей объективно судить о рецепции базовых ценностей той или иной культуры и основных принципах их оценки инонациональной культурой. Однако относительно грузинской и русской культур эти общие положения, несомненно, нуждаются в определенной коррекции. Прежде всего следует отметить, что история взаимодействия грузинской и русской культур насчитывает уже много веков, однако на протяжении прошлых двух веков ситуация кардинально меняется: в начале XIX века Грузия входит в состав Российской империи, а в XX веке, после недолгого существования независимой Грузинской Демократической Республики (1918-1921) – в состав Советского Союза, что означает функционирование грузинской культуры в общем поле российской культуры. После распада Советского Союза и обретения Грузией национальной независимости ситуация вновь кардинально меняется: в силу формирования новых государственных границ и осложнения политических взаимоотношений процесс культурного обмена резко замедляется. Изменяется его характер – значимо уменьшается количество личных контактов (соответсвенно, сужается спектр исследований контактологии), уменьшается количество общих тем (что отражается на тематологических исследованиях); меняется статус русского языка – он теряет статус государственного языка и становится иностранным языком. Это приводит к снижению уровня знания русского языка у молодого поколения, соответственно, возрастает значимость переводов, а также исследований по переводоведению и рецепции переводной литературы. На этом общем фоне возрастает и обретает особую значимость исследование интертекстуальных связей современной грузинской и русской литератур. Разговор о специфике процесса культурного взаимообогащения на современном этапе увел бы нас слишком далеко от избранного ракурса, поэтому отметим только, что проведенные нами исследования наличия интертекстуальных отсылок к русской литературе и их функциональности в современной грузинской литературе позволили прийти к выводу, что позитивное наследие русской классической литературы давно стало органической частью поля грузинской культуры [см.: Modebadze 2014: 126-136; Модебадзе 2013: 134-147; Модебадзе 2011: 40-53; Модебадзе 2008: 161-164; Модебадзе 2007(а): 508-516 и др.]. Сегодня мне хотелось бы обратить внимание на еще один аспект присутствия русской литературы в поле грузинской культуры. Это русскоязычная литература Грузии – обладающее собственной спецификой сложное социо-культурное явление, создаваемое творчеством представителей различных национальностей, проживающих на территории Грузии и пишущих на русском языке. Большинство авторов русскоязычных текстов являются би- или полилингвами, творчество некоторых из них принадлежит одновременно нескольким языковым культурам, что делает невозможным идентификацию их творчества в рамках какой-либо одной культурной традиции [см.: Модебадзе, Мегрелишвили 2015: 166-185]. Определенный пласт этой литературы составляют произведения авторов, основное творчество которых реализуется на грузинском языке, что позволяет отнести их тексты к современной грузинской литературе. К числу таких авторов принадлежит и молодой грузинский писатель, поэт и переводчик Миндия Арабули. Писать стихи на русском языке он начал намного позднее, чем на грузинском. Его дебют на этом поприще оказался чрезвычайно успешным – в 2012 году молодой поэт стал победителем «Первого конкурса молодых русскоязычных литераторов Закавказья», проведенного международным культурно-просветительским союзом «Русский Клуб» совместно с Союзом писателей Грузии (победителями этого конкурса также стали представители русскоязычной литературы Армении – Рубен Ишханян и Азербайджана – Саида Субхи), и получил рекомендацию для вступления в Международную Федерацию Русскоязычных писателей. В данном по этому поводу интервью,

Миндия Арабули признал**ся**, что он «даже не надеялся на победу»: «У меня было мало русских стихов, это были мои первые стихи. Грузинские стихи я пишу с четырех лет, а русские стихи впервые я стал писать в прошлом году» [В Тбилиси состоялся... - Электронный ресурс]. По материалам конкурса был издан сборник «Плеяда Южного Кавказа» (2012). В ракурсе беседы о присутствии русской классической культуры в современной литературе Грузии особого внимания, на наш взгляд, заслуживает одно из опубликованных в нем «первых русских» стихотворений Миндия Арабули - «Пьедестал», создание которого, судя по словам поэта, должно быть датировано 2011 годом.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что это стихотворение совсем еще молодого поэта, т.е. представителя уже постсоветского поколения, личность которого сформировалась вне непосредственного влияния русской культуры, характерного для культурной ситуации прошлых веков. Сама художественная система, по которой выстроено стихотворение, свидетельствует о его несомненной принадлежности к постмодернистскому дискурсу современной грузинской поэзии. Тем не менее, даже поверхностное прочтение этого текста не оставляет сомнений в его принадлежности к интердискурсу, в частности в диалогичности с наследием русской классической литературы.

Заглавие любого произведения – это «авторский концепт», «доминанта смысла» всего текста [см.: Веселова, Овчаренко 2011: 205], и ключевым словом к прочтению стихотворения является его заглавие. Как известно, возведение пьедесталов не является самоцелью – пьедестал это всего лишь основание, на которое устанавливаются памятники. Пьедестал не должен оставаться пустым: на нем или *будет установлен* памятник, или *стоял* памятник, после демонтажа которого пьедестал почему-либо еще не успели снести. В любом случае, *пьедестал* подразумевает наличие (возможно, прошлое или будущее) некоего *памятника*. И название стихотворения рождает в читательском воображении ассоциию с другим, давно знакомым стихотворением – «Памятник». Так возникает аллюзия диалогичности с известным созданием пушкинского гения: «*Я памятник себе воздвиг нерукотворный*». Обратимся непосредственно к тексту грузинского автора:

О, Боже если бы я мог,
Поймать простой, прекрасный миг,
Но пленник я других дорог,
И жизнь проносится как крик.

О, Боже в этой суете
Так трудно цели отыскать,
И вот, стоишь на высоте,
И под тобою облака.

И таешь ты в лучах, как воск,
Но ты один в своей среде
Не видно выше ничего,
Да и внизу не разглядеть.

И как-то холодно уже
От беспредельной высоты,
И плакать хочется душе,
Но почему-то терпишь ты.

Лишь слышен гул, да ветра свист,
Стоишь, от гордости устав,
И так бессмысленно стоит
Твой одинокий пьедестал.

И прыгнуть хочется, хоть вой,
Чтоб облака разорвались,
И ты летишь, о, Боже мой,
Но как же больно падать вниз.

Миндия Арабули. *Пьедестал* [Арабули 2012: 107-108]

Как видим, ошибкой было бы полагать, что стихотворение молодого грузинского поэта апеллирует только к «Памятнику» А.С.Пушкина – претекстом (здесь и в дальнейшем мы пользуемся классификацией Ж. Женетта – *И. М.*) выступает также и стихотворение «Кавказ», к которому нас адресуют такие характерные для постмодернистской художественности приемы текстовой игры как многочисленные аллюзии и реминисценции (уточнение термина см.: [Минц 1973: 387-417]). Сравним, например, следующие строки: *«стоишь на высоте, / И под тобою облака»* (М.Арабули) *и «Стою над снегами у края стремнины / <…> Здесь тучи смиренно идут подо мной»* (А.С.Пушкин «Кавказ»); «*но ты один в своей среде»* (М.Арабули) и *«Один в вышине»* (А.С.Пушкин «Кавказ») и др. Таким образом, метатекстуальность реализуется благодаря ассоциативной связи с двумя знаковыми для грузинского читателя пушкинскими текстами (стихотворениями «Памятник» и «Кавказ»), которые одновременно присутствуют в тексте грузинского автора. Объединение этих текстов в одном смысловом ряду создает неожиданный эффект: рецепция пушкинского «Кавказа» происходит в нетрадиционном ракурсе – вознесенность поэта над Кавказом («*Кавказ подо мною*») оказывается уже не просто элементом пейзажной лирики, но иносказанием, подчеркивающем дистанциированность великого поэта от повседневной реальности. И уже почти неуловимым образом, но достаточно явно ощущается присутствие еще одного пушкинского текста – стихотворения «Монастырь на Казбеке»: «вольная вышина» «заоблачной кельи», куда из «мрачного ущелья» стремился вырваться поэт, выступает символом возвышения, вознесения, устремленности к великому, высшему, вечному, что полностью вписывается в динамику движения по вертикали (снизу→вверх), характерному для всех этих пушкинских текстов. Объединенные интертекстуальными ассоциациями, все три текста образуют единый гипертекст, к которому и апеллирует грузинский поэт.

Аллюзии переносят читательское воображение во времени и пространстве; возникает ощущение сопричастности к чему-то потаенному, чрезвычайно сокровенному – к тому не поддающемуся рациональному объяснению моменту, когда преодолевая пространственно-временной континуум, поэтическое воображение переходит в некое иное измерение, туда, где становится возможным соприкосновение душ. Грузинский поэт начала XXI века стремится излить душу «солнцу русской поэзии» и поделиться своими переживаниями по поводу изменения статуса поэта и поэзии в нашем мире. Однако «дискурсная почва» не оставляет ощущения наличия «другости», обусловленного инокультурной традицией. В интердискурсе, несомненно, наличествует сопряжение различных культурных традиций, но это не диалог разнонациональных культур, а как бы диалог двух парадигм – романтической, первой половины XIX века («*Парят поэты над землею,//И сыплют на нее цветы,//И водят граций за собою, -//Кругом их носятся мечты//Эфирной, легкою толпою*» - В. Кюхельбекер «Поэты») и суетливой эпохи периода постмодерна: «*Но пленник я других дорог, / И жизнь проносится как крик. <…> О, Боже в этой суете / Так трудно цели отыскать*». А когда отсутствует великая цель, то все утрачивает смысл, искажается сама картина мироздания. Если в «Кавказе» А.С.Пушкина дистанция между миром и поэтом сравнима лишь с дистанцией между Творцом и твореньем («*Отселе я вижу потоков рожденье / И первое грозных обвалов движенье*» - [Пушкин 1975-1979: II, 198]), что полностью соответствует романтическим представвлениям о сущности поэзии и значимости поэта-творца [см.: Модебадзе 2007(б): 268-273; Модебадзе 2017: 39-53], то поэту XXI

века «*Не видно выше ничего, /Да и внизу не разглядеть. / И как-то холодно уже / От беспредельной высоты, / И плакать хочется душе».* Поэты уже не властители дум, время *нерукотворных памятников* ушло, и вот *«одинокий пьедестал»* «*бессмысленно стоит <…> И прыгнуть хочется, хоть вой*».

Вопрос об утрате литературным словом власти над умами особенно актуален именно для Грузии XXI века, где литература всегда была приоритетной, и все еще остается значимой силой, влияющей на формирование общественного мнения. «Благодаря значимости коммуникативной функции грузинской литературы грузинская культура издавна была включена в международный культурный контекст, и современный литературный процесс Грузии не менее существенное звено в развитии мировой литературы, чем это было в прежние эпохи» [Ратиани 2015: 353]. Тем не менее власть поэзии уже несравнима с той функцией, которую она имела раньше. И вот в тексте возникает аллюзия на Икара – символа несовместимости человеческих устремлений и реальных возможностей: «*И таешь ты в лучах, как воск*, / *<…> И ты летишь, о, Боже мой, / Но как же больно падать вниз».* Следует особо оговорить, что апелляция к античной мифологии характерна для грузинской литературной традиции - античные мифологемы, образы и символы (особенно греческой мифологии) давно уже вписаны в поле грузинской культуры и являются органической частью художественной образности грузинской литературы. Благодаря аллюзии на падение Икара пушкинской динамике движения по вертикали снизу→вверх противопоставляется обратный вектор движения сверху→вниз.

Межтекстовой диалог реализуется на уровне имплицитной интертекстуальности. В тексте М. Арабули не слышно ответного голоса А.С. Пушкина, но иллюзия его постоянного «присутствия» искусно поддерживается поэтом - на интердискурс намекает как псевдоцитатность (иллюзия цитатности), так и другие формы кодирования. Аллюзивность (в данном случае мы пользуемся дефиницией «аллюзивность» в определении Н. А. Фатеевой: «Аллюзия - заимствование определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-рецепиенте, где и осуществляется их предикация» [Фатеева 2011: 339]) возникает на уровне игры слов (во всем тексте нет ни одной прямой цитаты). Благодаря подобной текстовой игре читателю постоянно слышится голос великого русского поэта. Будучи «подразумеваемым субтекстом», пушкинский текст выполняет определенную смыслообразующую функцию, или, в определенной степени, говоря словами Ю. М. Лотмана, являет собой «генератор смыслов» стихотворения грузинского автора [Лотман 1986: 106]: благодаря пушкинским претекстам становится понятен читателю глубиный смысл текста молодого грузинского поэта.

Основной функцией интертекстуальных практик является обогащение смыслового богатства текста за счет апелляции к смыслам претекста. Спектр смыслов, к которому они апеллируют, является немаловажным показателем сферы интересов, как самого писателя, так и его читательской аудитории. Сам факт обращения к пушкинскому авторитету, объединение в одном ассотиативно-смысловом ряду таких стихотворений как «Кавказ» и «Памятник» и аллюзия значимого для грузинских читателей текста – «Монастырь на Казбеке», говорит сам за себя и еще раз подтверждает сделанное нами раннее наблюдение: *русская классическая литература, ее позитивное наследие давно уже вписаны в общий контекст грузинской культуры, стали ее органичной частью.* Анализ присутствия русской классической литературы в интертексте современной грузинской прозы позволил определить круг проблем, ставя которые грузинские писатели эпохи постмодерна апеллируют к авторитету русской литературы. В частности, апелляция к пушкинскому авторитету фиксируется когда речь заходит об общечеловеческих нравственных ценностях [см.: Модебадзе 2013: 134-147]. Очевидно, что в аналогичном ракурсе апеллирует к имени великого русского поэта и современная русскоязычная поэзия Грузии.

Литература

1. *Арабули Миндия.* Пьедестал // Плеяда южного Кавказа. Тбилиси, 2012. С.107-108.

2. *Веселова Наталья, Овчаренко Ольга*. Заглавие. // Теория литературы: В 4 т. Т. 2. Произведение. Ред. Юрий Борев и др. М.: ИМЛИ РАН, 2011, С.199-230.

3. В Тбилиси состоялся первый конкурс молодых русскоязычных литераторов Закавказья. [Электронный ресурс] URL: https://sputnik-georgia.ru/culture/20120222/214743543.html

Дата последнего обращения 20.05.2019.

4. *Лотман Ю.М.* К современному понятию текста // Ученые записки Тартуского госуд. ун-та. Вып. 736: Исследования по общему и сопоставительному языкознанию. Тарту: ТГУ, 1986, С. 104-108.

5. *Минц З.Г.* Функция реминисценций в поэтике А. Блока // Ученые записки Тартуского ун-та, Вып. 308: Труды по знаковым системам. Тарту, ТГУ, 1973. С.387-417.

6. *Модебадзе Ирине.* Русская классическая литература в интертексте современной грузинской прозы // TSQ (Toronto Slavic Quarterly), № 44 - Spring 2013, Canada, Toronto, С. 134-147.

7. *Модебадзе Иринэ.* «'Кавказ подо мною…' (у истоков романтического мифа)» // 11-th International Symposium Romanticism in Literature, т. II. Tbilisi, TSU Press, 2017. С. 39-53.

8. *Модебадзе Ирина.* Русско-грузинские литературные взаимосвязи: методологические меридианы XXI века // Русская литература XI-XXI веков: проблемы типологии, поэтики, интерпретации, перевода. Fatih Üniversiresi, Ìstambul, 2011. С. 40-53.

9. *Модебадзе И. И.* Формы грузино-русского межкультурного диалога в интертексте современной грузинской прозы // Литература в диалоге культур. Ростов-на-Дону: DSM, 2008, С. 161-164.

10. *Модебадзе Ирина*. Русскоязычные включения в текстах грузинской прозы: история и современность // Русский язык в странах СНГ и Балтии. Международная научная конференция. Москва, 22-23 октября, 2007. Москва: Наука, 2007(а). С. 508-516.

11. *Модебадзе И.И.* Кавказ (Грузия) и художественно-романтическая картина мироустройства в русской поэзии XIX века. *IV Сургучевские чтения: Локальная литература и мировой литературный процесс.* Сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. (14-16 сент. 2007). Ставрополь, 2007(б), С. 268-273;

12. *Модебадзе Иринэ, Мегрелишвили Татьяна*. Русскоязычная литература Грузии: проблемы дифференциации и методология исследования // Journal of Comparative Studies / Komparatovistikas Almanahs, 2015, Vol. 37 Issue 8, С.166-185.

13. *Пушкин* А. С. Полное собрание сочинений в *10 томах*, т. II. М., Художественная литература, 1975.

14. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности. М., ЛКИ, 2008. 240 с.

15. *Ратиани Ирма.* Современный грузинский литературный процесс // Вопросы литературы 2015, №2. С. 353-374.

16. *Фатеева Н. А.* Типология интертекстуальных элементов и межтекстовых связей в художественном тексте // Теория литературы, т. II. Произведение. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 376 с.

17. *Modebadze Irine.* Russian Literary Canon in the Intertext of Contemporary Georgian Fiction // Russian Classical Literature Today: The Challenges/Trials of Messianism and Mass Culture. Edited by Yordan Lyutskanov, Hristo Manolakev, Radostin Rusev. Cambridge Scholars Publishing, 2014, PP. 126-136.

РУССКИЙ И АРМЯНСКИЙ ВОЛЬНЫЙ СТИХ

В.С. НАВАСАРДЯН

Ереванский государственный университет, Армения

vgnnvsur122@yandex.ru

Ключевые слова: *вольный стих, армянский, русский, басня, лирика, поэма, драма*

Темой и материалом статьи является русский и армянский вольный стих с периода его зарождения по начало XX в. Рассматриваются общие и особенные черты в развитии этой метрической формы в обеих национальных системах стиха.

VAHAN NAVASARDYAN - Russian and Armenian free verse

Key words: *free verse, Armenian, Russian, fable, lyrics, poem, drama*

The subject and material of the article is Russian and Armenian free verse from the period of its inception to the beginning of the twentieth century**.** The general and specific features in the development of this metric form in both national verse systems are considered.

Под вольным стихом обычно понимается разновидность классического – силлабического или силлабо-тонического - стиха с чередованием строк непредсказуемой сложности или стопности.

В европейской поэзии формирование этого стиха началось в музыкально-поэтических жанрах эпохи Возрождения, затем в XVII в. «вольный стих перешел в жанры,

уже не связанные с музыкой: из мадригала – в эпиграмму и послание, из идиллии и дифирамба – в «сказку» (стихотворную новеллу) и басню», <…> «из музыкальногй драмы в комедию» [Гаспаров - 1989, с.152]. «Под французским влиянием вольный стих распространяется в XVIII в. в этих жанрах по всей Европе <…>. В XIX в., когда эти жанры выходят из употребления или переходят в прозу, вольный стих теряет свои позиции», на рубеже XX в. сыграв свою роль в формировании свободного стиха [Гаспаров -1989, там же]. Такова общая картина распространения вольного стиха в европейской поэзии.

Русский и армянский вольный стих формировался хотя и в разное время (русский в середине XVIII в., армянский в середине XIX в.), но в типологически сходный период: это классицизм, а для армянской литературы также и ранний романтизм, который довершил процесс перехода от позднего средневековья в новому времени. Дальнейшая история использования вольного стиха в XIX – нач. XX вв. также связана со сходными этапами развития русской и армянской поэзии. При известном сходстве условий формирования и развития русского и армянского вольного стиха, естественно, наблюдаются и существенные различия в характере и форме использования этого стиха в данных поэтических культурах, на что и предстоит нам обратить особое внимание.

Обратимся сначала к истории русского вольного стиха, а точнее вольного ямба, который появляется впервые в начале 50-х годов XVIII в. в баснях («притчах») А. П. Сумарокова под влиянием басенного стиха Ж. Лафонтена. Надо отметить, что необходимость некой «вольности» в ритмике стиха басни чувствовали, видимо, и предшественники Сумарокова (так, в баснях В.К.Тредиаковского, написанных силлабическим 13-сложником наблюдается вольное чередование цезурных форм 7-6 и 6-7). Сумароков увидел в басне жанр, способный передать дух дурашливо-скоморошьего балагурства (Гаспаров-1984, 60). Этому прекрасно способствовал вольный ямб, который в баснях сумароковской школы строился на контрасте вольно чередующихся опорных 6- и 3-стопных строк (Гаспаров-1984, 62).

Период с середины XVIII в. по 30-е гг. XIX в. считается золотым веком русской стихотворной басни: редко кто из поэтов той поры не обращался к басенному жанру. Разработанный Сумароковым вольноямбический стих становится неотъемлемым признаком басни, хотя не без некоторых коррективов: на смену «резкому» басенному стиху Сумарокова и его последователей приходит более «мягкий», основанный на чередовании опорных 6- и 4-стопных строк, который характерен, с некоторыми оговорками, для басни И.И. Хемницера, И. И. Дмитриева, И.А. Крылова и позднейших их последователей в XX веке.

С 50-х годов XVIII в. начинается распространение вольного ямба на другие жанры. Однако распространение его ограничивает устойчивая ассоциация с басенным жанром. Поэтому прежде всего вольный ямб начинает использоваться в близких к басне низких жанрах (сказке, или стихотворной новелле), а затем появляется опыт его использования в поэме (или стихотворной повести). Речь идет о «Душеньке» И.Ф.Богдановича, которая является единственным в своем роде примером использования вольного ямба в большом эпическом жанре. О стихе этой стихотворной повести М. Л. Гаспаров пишет: «Значение «Душеньки» было в том, что здесь среди вольного ямба выделялись целые эпизоды в равностопных стихах (6-стопных в описании дворца Амура, 4-стопных – для поезда Венеры, 3-стопных – для грота любви), и это позволяло вовлечь в него самые разнообразные жанрово-семантические ассоциации» (Гаспаров -1984, с. 61). Однако нельзя не заметить, что дело не только в такой авторской преднамеренности: наличие больших монометрических кусков свидетельствует об известном конфликте между вольным стихом и повествовательностью достаточно пространного эпического произведения: этим во многом и объясняется многочис-

ленность переходов от вольнометрии к довольно большим монометрическим блокам (от 8 строчных и более) , которые занимают до 20% от общего количества всех монометрических кусков в тексте. Этим, как нам кажется, и объясняется уникальность самого опыта «древней повести в вольных стихах». Вольный ямб в XVIII веке достаточно широко используется в малых жанрах – эпитафии и эпиграмме, где та или иная «отклоняющаяся» строка , обычно в конце текста, выполняет роль семантического курсива. Что касается высоких жанров, то использование вольного стиха «строгому классицизму <…> казался опасной уступкой вкусам барокко» (Гаспаров-1984, с.61). Лишь в конце века, с ослаблением всевластия классицизма, появляются отдельные опыты в философских жанрах.

В эпоху романтизма жанровый репертуар вольного ямба становится шире: он проникает в стихотворные послания, элегии, комедию и драму, где обретает в каждом из жанров характерные ритмические особенности, связанные в основном с частотностью использования 3-стопных и 5- стопных строк, оттеняющих ритмическую основу вольноямбического стиха – 6-стопные строки (см. об этом: Гаспаров – 1984, с.108 -111). Постепенно, как правило в элегиях, доминирующим видом строки, наряду с 6-стопной, становится 5-стопная: разница между длинами чередующихся строк сводится к минимуму.

Середина и почти вся вторая половина XIX века - период господства прозаических жанров - представляет собой резкий спад в использовании вольного стиха.

Последний, представляемый нами вслед за М. Гаспаровым, этап развития русского вольного стиха – начало века. Доминирующим принципом в этот период, как известно, является экспериментаторство. Наряду с использованием классических форм вольного ямба (Д.Бедный в баснях, С.Есенин в лирике), появляются вольный хорей, вольные трехсложники, с нагнетанием параллелизмов («изосинтаксические» стихи) или, наоборот – с нагнетанием стиховых переносов («антисинтаксические» стихи).

Армянский вольнометрический стих также сложился под влиянием басен Лафонтена.

Первый шаг в его создании сделал родоначальник восточноармянской литературы Х.Абовян (1805 -1848) своим стихотворным сборником занимательных историй и басен "Развлечения на досуге" (книга готовилась в конце 1830- нач.1840 гг, опубликована в 1863г.). Вошедшие в книгу басни представляют собой переводы и переложения басен Эзопа, В.Айгекци, И.И. Хемницера, И.И.Дмитриева, И.А.Крылова. Стих этих басен написан 10-сложниками с редкими отклонениями в 5-сложные строчки. В полном смысле назвать этот стих вольнометрическим нельзя, но факт отдельных спонтанных отклонений от размера говорит в пользу некоторой намеренности, тем более, что подобные отклонения до Абовяна не практиковались.

В полном смысле родоначальником вольного армянского стиха следует считать поэта-классициста Эд. Юрмюзяна. В 1855 году в его переводе с латинского на древнеармянский литературный язык (грабар) выходит полный сборник басен Федра, положивший начало вольнометрической традиции армянской стихотворной басни. Стих его переводов основан на вольном чередовании 11- и 15-сложников, имеющих структуру 4-4-3, 4-4-4-3. Десять лет спустя он закрепит эту традицию, выпустив свою книжку басен, написанных тем же размером.

В XIX в. в армянском литературе развивался преимущественно жанр переводной басни. Это в основном переводы басен Крылова и Лафонтена. Лафонтена переводили преимущественно западноармянские поэты-переводчики: это, в первую очередь, А. Гарагашян (1818 -1903), издавший в самом конце позапрошлого века полный сборник басен Лафонтена в своем переводе на древнеармянский, и М.Нубарян (1842 -

1929), переводы которого были сделаны буквально вслед за Гарагашяном на западноармянском литературном языке.

Желая сохранить принцип четносложности стиха оригинала, Гарагашян переводит басни Лафонтена почти исключительно "чистыми" 4-сложниками (лишь несколько басен переданы им вольным чередованием 12- и 6-сложных стихов, которые в армянском разлагаются на 3-сложные сегменты). Теоретически вольные четырехсложники могут быть представлены 16-, 12-, 8- и 4-сложными стихами, но переводчик крайне редко использует весь потенциал этого вольнометрического стиха (быть может, причиной тому более "сдержанная" вольнометрия оригинала, если ее сравнить, например, с крыловской). Наиболее частотны в гарагашяновских переводах 8-сложники 4-4 и 12-сложники 4-4-4 (примерно по 45%%), третье место занимает 16-сложник 4-4-4-4 (около 6-7%%) и менее того 4-сложник.

Если Гарагашян отталкивается от вольного стиха Э. Юрмюзяна с его 3-сложниками в конце стихоряда (4-4-3, 4-4-4-3), то Нубарян не только продолжает активно их разрабатывать, но включает и другие формы. Так, в его переводах встречаются наряду с указанными и "чистые" четырехсложники, и 5-сложники, а также равнометрические (например, 7сложник 4-3). Причем вольнометрия нубаряновских переводов проявляется отнюдь не "автоматически", то есть во всех текстах одинаково: в одних она довольно сдержанна (часто в 5-сложниках мы видим вольное чередование лишь 5- и 10-сложных стихов; амплитуда колебаний его "чистых" 4-сложников у́же гарагашяновских: переводчик откровенно избегает использовать тяжеловесные 16-сложники, остальные же употребляются равномернее), в других, как правило в "нечистых" 4-сложниках, он по необходимости может достичь максимального разнообразия чередующихся стихов. Стих нубаряновских переводов, как это не раз отмечалось в критике, органично связан с содержательной стороной басенных текстов, он изящен, легок и разнообразен, а вкупе с другими их достоинствами сообщает переводам высокое качество французского оригинала.

Ключевой фигурой в истории переводов крыловских басен является Г. К.Айвазян (1812-1880), известный церковный и общественный деятель, один из основателей журнала «Базмавеп», где с 1840-х годов начинают появляться басни Крылова в его переводах. Айвазян разработал для своих переводов уникальный вольнометрический стих, в котором использовались как стихи с 4-сложными членами, так и с 5-сложными. Более того, он допускал в них так называемые «стяжки», то есть замены четырехсложий трехсложиями. Стих этот по существу совмещал в себе принципы квалитативности и псевдоквантитативности в ритмической организации, а также вольнометрии и полиметрии, и был весьма тяжел для чтения. Желая благодаря своему супервольному стиху передать гибкость и изящество крыловского стиха, переводчик, трудившийся над своими переводами более 20 лет, добился обратного эффекта. Это уникальный опыт армянского вольнометрического стиха, который не поддается краткому описанию, требует отдельного анализа, а посему мы данными характеристиками здесь и ограничимся.

Крылову стало «везти» лишь к началу XX века, сначала в переводах классика восточноармянской литературы и детского писателя Г. С.Агаяна (1840-1911), затем и в переводах и переложениях А. Хнкояна (Хнко-Апера). Г.Агаян перевел всего три крыловские басни: ранний перевод басни "Осел и Соловей" написан 8-сложником 4-4, а два более поздних перевода басен "Волк и Ягненок" и "Соловьи" развитым и гибким вольным стихом на 5-сложной основе.

Стих басен Хнко-Апера строится не на установке механического использования свойств вольнометрического стиха: он подчиняется стилистическому заданию, интонации, сжатости и емкости образной речи. Вольнометрия басен Хнко-Апера основана на несложных вариациях какого-либо среднего размера (как правило 7-, 8-, реже 10-

сложников) и их "полустрочий", на совмещении 4-х и 5-сложных метрических единиц для создания "тактовиковых" ходов и смысловых курсивов. Традиционное вольное чередование строк амплитудой от одного до трех, а то и четырех членов в строке вытесняется стихами, состоящими из относительно больших монометрических кусков, сменяемых такими же кусками иного размера. Находясь как бы между вольнометрией и полиметрией, стих басен Хнко-Апера освободился от диктата лафонтеновского вольнометрического стиха и приблизился к собственным, народным истокам. Здесь необходимо сделать одно важное замечание: в басенном творчестве традиционная вольнометрия не совсем вытесняется. Она так или иначе сохраняется в тех текстах басен, которые могут быть названы не столько переложениями, сколько собственно переводами. Так, например, у Хнко-Апера традиционная вольнометрия начинает маркировать больше переводную басню, нежели оригинальную. Дальнейшая история переводов басен Крылова на армянский язык своеобразно подчеркивает эту тенденцию. Так, в советский период Крылова стараются уже больше переводить, а не перелагать, и это получает выражение в еще более пестрой картине вольнометрического стиха: наряду с традиционными формами на основе 5 - и 4-сложных метров широко используются вольные 2-сложники, имитирующие русский вольноямбический стих.

В отличие русского вольнометрического стиха, армянский вольнометрический стих в начальный период своего развития - в XIX веке - держится узких границ бытования - жанра басни: в комедии его не применяли вовсе (она писалась в прозе), в лирике же он проявлялся в середине позапрошлого века лишь единичными образцами (М.Налбандян и Р.Патканян по одному случаю). К концу XIX века картина несколько оживляется, что отчасти обусловлено ростом разнометрических форм. Правда, далеко не всегда при росте последних мы видим появление вольнометрии. Например, у Г.Бархударяна (1835-1913), знаменитого переводчика лермонтовской поэмы "Демон", при наличии почти 20-процентной разнометрии совсем нет вольнометрических образцов в лирике; та же картина у достаточно известных в свое время поэтов II пол. - конца XIX века Дж.Балугяна, Н.Тер-Аветикяна, Т.Тарланяна, Леренца, А.Гарибяна.

Единичные случаи использования вольнометрического стиха наблюдаются как у ведущих восточноармянских (И.Иоаннисиан, А. Цатурян, О.Туманян), так и у западноармянских поэтов (Т.Терзян, Р.Перперян, Р.Ворберян, Т.Сетян, О Сетян и др.). Однако есть и исключения: у А.Исаакяна целых 6 случаев обращения и все на 5-сложной основе, а у Сипил 5, правда два из них – это переводы басен.

В начале XX века картина круто меняется, и это следует объяснить общими - расширительными - тенденциями поисков новых стихотворных форм. Поэты в целом чаще используют вольнометрические формы, но картина при сопоставлении контрастная: если у одних мы видим отдельные примеры, то у других вольнометрия проявляется целенаправленнее и ярче, становясь подчас характерной чертой стихотворной техники данного поэта. Так, у восточноармянских поэтов Д.Демирчяна, Г.Африкяна, О.Костаняна, Л.Атабекяна, Ш.Кургинян, Лейли, Хента в их лирическом творчестве указанного периода это всего лишь несколько обращений (при еще большем по сравнению с XIX веком ростом разнометрических форм), а у оригинального в отношении стихотворной техники А. Амбарцумяна в его трех стихотворных сборниках начала прошлого века около 20 (примерно 15 %). У западноармянских поэтов тоже контрастная картина: если у Р.Севака (1885-1915) вольнометрии вовсе нет, у В.Текеяна (1878-1945) всего один случай, а у М.Мецарена (1884-1908) уже 7 вольнометрических образцов (что можно считать более или менее выраженной тенденцией), то у Д. Варужана (1884-1915) его вольнометрический белый стих на 4-сложной основе становится определяющей чертой всей его стихотворной метрики. Отличительной особенностью его вольного стиха становятся "сверчастотные" enjambements, чрезвычайно увеличивающие энергию ритмической организации.

Отдельной характеристики заслуживают два крупнейших представителя восточной ветви армянской поэзии - В.Терян (1885 -1920) и Е.Чаренц (1897-1937). В отличие от большинства представленных выше поэтов начала XX века оба поэта обладают подчеркнуто новаторским характером: в их стихотворном "хозяйстве" сосуществуют силлабические, силлабо-тонические и тонические формы, а стало быть оба, в отличие от других поэтов, имели возможность разрабатывать вольнометрический стих "вширь" - выходя за рамки привычной метрики. Количественные показатели теряновского вольнометрического стиха довольно скромные -всего 8 случаев (включая два неоднозначных примера), и в этом отношении это вполне сопоставимо, например, с Мецаренцем. Однако если у западноармянского поэта его вольнометрические стихи следуют установленной еще Юрмюзяном традиции, то у Терьяна вольнометрические стихи строятся как на традиционной для восточноармянской поэзии ритмической основе - 5-сложнике, так и на 3-сложной основе.

Еще шире вольнометрия у Чаренца. Наряду с силлабическим вольным стихом (на 4- и на 5-сложной основе), у него имеются и силлабо-тонические образцы (вольный амфибрахий). Особенно частотно у Чаренца применение вольнометрии в тоническом стихе, к каковой мы относили все вольные неравноударные формы.

Дальнейшая судьба вольнометрии в армянской лирике такова: средние количественные показатели по сравнению с началом XX века в среднем повышаются, но засчет некоторых поэтов, у которых использование вольного стиха доходит до 25 и выше процентов.

В драматических и эпических стихотворных жанрах армянская вольнометрия себя особо не проявила. Укажем лишь на маргинальный случай - перевод "Горя от ума" А.С.Грибоедова, сделанный в сороковых годах прошлого века Г.Абовом (1897-1965) на 2-сложной -"ямбической" - основе.

Если сравнить армянский вольнометрический стих с русским или европейским, то можно определенно сказать: сфера его применения была значительно у́же (не использовался, например, в стихотворной комедии, в элегии); если же охарактеризовать его с точки зрения метрических форм, то с той же определенностью можно сказать, что эти формы были гораздо более многообразными. Хотя, быть может, это как-то связано с фактором более слабой традиции его использования в армянской поэзии.

Литература

1. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М., Наука, 1984, 320 с.
2. Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М., Наука, 1989, 304 с.
3. Папаян Р.А. Сравнительная типология национального стиха (русский и армянский стих). Ереван, изд.ЕГУ, 1980, 228 с.
4. Абаджян Л.А., Навасардян В.С. Метрические и жанрово-тематические характеристики армянского вольнометрического стиха //Համատեքստ-2012, Երևան, ԵՊՀ հրատ., 2012, 364 է., (է. 111-119)
5. Աբեղյան Մ. Հայոց լեզվի տաղաչափություն // Աբեղյան Մ. Երկեր, հ.Ե, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1971, 512 է., (է.7-382)
6. Ջրբաշյան Ա. Հայկական կլասիցիզմի ժանրային համակարգը, Երևան, ԵՊՀ հրատ., 2009, 84 է.

«С НЕБА УПАЛИ ТРИ ЯБЛОКА» Н. АБГАРЯН КАК МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ РОМАН

И.Б. НИЧИПОРОВ

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Il-boris@yandex.ru

Ключевые слова: *Армения, современный русский роман, мифопоэтика, художественное время, категория памяти.*

В статье предложен комплексный анализ проблематики и художественного своеобразия романа Н.Ю.Абгарян «С неба упали три яблока» (2015). Особое внимание уделено тому, как региональный аспект изображения обогащается в произведении элементами индивидуальной и коллективной мифологии, кото-

рыми обусловлены нелинейный характер романного времени, тайновидение многих персонажей, символизация предметно-бытового мира.

I.B. Nichiporov – "Three apples fell from the sky" by N.Abgaryan as a mythopoetic novel
Key words: *Armenia, modern Russian novel, mythopoetics, artistic time, category of memory.*
The article offers a comprehensive analysis of the problems and artistic originality of the novel by N. Abgaryan "Three apples fell From the sky" (2015). Particular attention is paid to how the regional aspect of the image is enriched in the work of the elements of individual and collective mythology, which are due to the nonlinear nature of the novel, the mystery of many characters, the symbolization of the subject-everyday world.

Сфера семейной памяти составляет важный предмет художественного осмысления в прозе Наринэ Абгарян. Если в автобиографической трилогии о Манюне (2010 – 2012) эта тема освещается в призме детского мышления, то в романе «С неба упали три яблока» (2015) она разрастается до масштабного эпического полотна, которое становится, по признанию автора, «подражанием и посвящением» Маркесу [Н.Абгарян «Я вспоминаю…»], где «зашифрованные реальные исторические события, война» [Н.Абгарян «Я вспоминаю…»] погружаются в стихию родовой мифологии и сказочных сюжетов.

Композиция романа Абгарян подчинена неторопливому эпическому повествованию об армянской деревне Маран, драматичных судьбах нескольких поколений ее жителей в прошлом веке, их мистических чувствованиях, о проступающих в коллизиях национальной истории законах памяти и родовой преемственности. Локальная геопоэтика насыщается «элементами магического реализма» и выводит к «живому, трепетному рассказу о людях вообще» [Алавердова], где «дом и природа, семейные истории и шутки, кухонная утварь и деревенские животные – все перемалывается жерновами художественной фантазии автора и предстает перед нами либо с наводкой на резкость, либо подернутым дымкой воспоминаний» [Алавердова].

Одним из сюжетных и смысловых центров произведения выступает то объективное, то основанное на несобственно прямой речи героини повествование о судьбе 58-летней Анатолии Севоянц, которым композиционно обрамлена романная структура. В начале романа, подозревая у себя смертельный недуг, Анатолия, «перед тем, как отойти в мир иной» [Абгарян «С неба упали…»], предается прощальному созерцанию домашнего мира, разглядыванию «семейного альбома, лиц канувших в Лету родных». Личные воспоминания, пребывающие в согласии с ритмами природного бытия, с тем, как «солнце, перейдя купол неба, чинно покатилось к западному краю долины», воскрешают образ родительской семьи младшей из трех дочерей Капитона Севоянц. Ограниченный круг собственных впечатлений Анатолии, которая смутно помнила свою погибшую в молодости мать Воске, размыкается в *надличное пространство родового предания, где история переплетается с коллективной мифологией*, которая от поколения к поколению прирастает новыми сюжетами и коннотациями. Это и парадоксальная, являющая примат рода над личностью история замужества Воске, «занявшей» место внезапно умершей сестры Татевик, и трогательно-первозданная чистота юных супругов Капитона и Воске, и зловещие предсказания цыганки, забравшей у Воске «бабушкино кольцо, которое по праву наследования должно было перейти старшей ее внучке, Татевик», и несущая роковой отсвет гибель Воске от печного угара, когда «часть высыпавшихся углей… спалила ее дивные медовые кудри»…

Потеря матери и умерших в пору голода старших сестер образно ассоциируется в судьбе Анатолии с природными катаклизмами, с апокалиптически воспринятым в Маране землетрясением, когда стихия «расколола плечо Маниш-кара» и увлекла в пропасть целые дома с их обитателями, живностью и хозяйством… Но *причиненные эмпирической действительностью травмы в романе Абгарян реинтерпретируются и уврачевываются восстанавливающей единство бытия родовой мифологией*. Невы-

носимые для индивидуального и коллективного сознания разрывы и зияющие лакуны в «текстах» человеческих судеб постепенно заполняются спонтанно возникшими и подхваченными маранцами цыганскими сказаниями о якобы уцелевших жителях деревни, которых лишь унесло «селем далеко на запад», которым «пережитый страх отбил… память», но чье существование благополучно продолжилось на незримых рубежах эпически целостной картины мира: «Цыган выслушивали с благодарностью, одаривали всяким скарбом и тряпьем – и отпускали с миром, каждый в душе надеялся, что они рассказывают правду и что несчастные обитатели западного крыла Маниш-кара живы. И даже то, что они теперь говорили на других языках и носили другую одежду, не имело никакого значения, в конце концов, небо везде одинаково синее, и ветер дует ровно так, как в краю, где тебе посчастливилось родиться».

Ретроспекция биографии Анатолии, склонной преждевременно угадывать собственное приближение к закату, сопровождается лейтмотивными, пропущенными через мифопоэтическое восприятие зарисовками южной ночи, которая «разлилась за окном» и была причастна потаенной жизни вселенной, «рассказывала нежным сверчковым стрекотом о сновидениях, что грезились миру», напоминала о предстоянии краткого земного бытия перед лицом вечности, когда «казалось, только что горизонт переливался закатными лучами, а через секунду все уже затоплено дремотой, небо совсем низкое, в щедрой россыпи звезд, и сверчки поют так, словно в последний раз».

Таинственными чередованиями апокалиптически-«ночных» и «рассветных» периодов обусловлены жизненные циклы центральной героини и всего Марана как единого природно-человеческого организма. Вынужденное семилетнее пребывание Анатолии у дальней родни в долине увенчивается возвращением в родной Маран и восстановлением прервавшейся было родовой преемственности – тем, как она в своем облике и душевном складе «словно соединила несчастные… души» рано ушедших родителей. Значительные временн*ы*е отрезки, сопряженные с переживанием трагического разлада – как и в случае с мучительным, в одночасье оборвавшимся 18-летним замужеством Анатолии, – художественно «спрессовываются» в романе до тонущего в памяти мгновения и уступают место открытию новых горизонтов бытия.

Показательна *пунктирная, как будто выпадающая из реального исторического контекста сюжетная линия войны*, которая обнаружила себя в «смутных известиях о перестрелках на восточных границах», опалила жизненные пути персонажей и отложилась в предании Марана в образе персонифицированной мифологической силы, которая «развернулась огромным клыкастым вертуном, загребая в свой чудовищный водоворот строения и людей… Война, восемь невыносимо долгих лет собиравшая по миру урожай неприкаянных душ, однажды захлебнулась – и отступила, подвывая и прихрамывая, зализывая кровящие лапы». Впрочем, и эти долгие, наполненные страданиями годы, оседая в народной памяти, исподволь растворяются в незыблемых, являющих торжество жизни над смертью бытийных и бытовых циклах: «Весна настала чуть позже, чем обычно, только к середине марта измученный холодом и темнотой Маран, наконец, с облегчением выдохнул, заскрипел дверями и калитками, распахнул окна – впуская в дома солнечный свет. Радость от того, что наконец-то миновала беспросветная ледяная зима, была так велика, что затмила страх перед смертью. Маранцы давно уже привыкли к обстрелу, поэтому, не обращая на него внимания, занялись бытовыми делами, коих оказалось огромное количество». *В аксиологических координатах романа Абгарян энтропийным силам истории противостоит питаемый ощущением непреложного Божественного присутствия мир народных поверий* – в частности, о том, что «горячую воду в четверг и пятницу лить на землю было нельзя – чтобы не ошпарить ног Христу». Заряженной неуничтожимым нравственным чувством видится в произведении веками сохраняемая семейная па-

мять, с ее неотъемлемыми оценочными коннотациями: «Каждый род Марана имел свое прозвище. Чаще всего оно было смешным и забавным, иногда – ироничным, но изредка – очень обидным. Зависело название рода от того, какими делами – добрыми или недостойными – отличился человек, прозвище которого впоследствии переходило и на его потомков».

«Сжимающейся» до небытия и обреченной на самоисчерпание стихии войны противодействуют и личные нравственные усилия персонажей. Достойными подробной прорисовки оказались в романе повседневные, но таящие потенциал символических обобщений эпизоды спасения Анатолией поврежденных в войну библиотечных книг, что становится актом превозмогания грозящего Марану беспамятства; ее вдохновенного, тайно пророчащего собственное нежданное материнство общения с чужими детьми, которое было проникнуто верой в то, что «любовь детей не что иное, как утешение небес за ее бездетность».

Еще одним смысловым центром истории и мифологии Марана выступает в романе семья кузнеца Василия – простосердечного, скромного труженика, «почти полвека» прожившего со своей женой Магтахинэ и потерявшего на войне младшего брата и сыновей. Его бесхитростная натура ужасается попыткам жены обрести мистическую связь с загробным миром посредством стояния «перед зеркалом с фотокарточками сыновей в руках» («Вот когда умрем и встретимся с ними, тогда и наговоримся»), при этом судьбы ушедших близких людей все же находят продолжение в «жизни» предметного мира и давних фотоснимков, которые теперь «терпеливо ждали часа своего возвращения под отцовское крыло… После смерти Магтахинэ Сатеник собиралась вернуть брату фотокарточки сыновей…» Далекий от метафизических озарений Василий становится вдумчивым и сострадающим свидетелем зарождения и драматичного развития тайновидческого дарования младшего брата Акопа. Лицезрение юным Акопом «ангелов смерти», препровождающих в иной мир человеческие души, его в точности сбывающиеся предсказания о схождении селя приоткрывают маранцам онтологическую перспективу хрупкого земного существования, когда «голод стер отличия между богатыми и бедными, выстроил всех, словно в день Страшного суда, в одну унизительную шеренгу к краю могилы…» Буквализацией метафорической характеристики голода, который «словно играл» с маранцами «в кошки-мышки», оказывается устойчивое местное предание о массовом исходе крыс и мышей накануне надвигавшегося испытания.

В системе мифопоэтических мотивов романа особенно выразительна сцена отречения Акопа от пророческого дара, запечатлевшая соприкосновение души с Высшими силами: «Душа Акопа повисла над холодной бездной жалким ветошным клочком, а потом полетела вниз, в ее вечную мерзлоту, в бескрайний ее мертвяной морок. Но в самый крайний миг, когда обрушились все небесные своды и рухнули последние опоры, когда от бездушного дыхания вертунов заиндевело время, она извернулась и вырвалась на этот ничтожно краткий миг, чтобы выдохнуть, обжегшись: Я НЕ ХОЧУ БОЛЬШЕ ТАК. Ее оглушило, опрокинуло, поволокло в бездну, ударило о чертополоховы берега, засосало в смрадную тьму, пронзило такой чудовищной болью, что она растеклась ртутными каплями по пространству, выжигая в его сумрачном теле светящиеся огненные лабиринты. И внезапно, на самом краю, когда не осталось ничего, кроме безысходной обреченности, когда страдание стерло черту между жизнью и смертью и погасило последний свет, – наступило абсолютное безмолвие».

Косвенным основанием позднего сближения и семейного союза Василия и Анатолии становится их укорененность в сфере памяти. У Анатолии эти сокровенные движения души в сочетании с напряженной рефлексией проступают сквозь сновидческие – а «снам маранцы придавали особое значение» , – подчас болезненные состояния; ее раздумья о родителях, старшей сестре усиливают пронзительность вос-

приятия природной жизни, когда «голова закружилась от острого запаха ранних яблок… дождь шел так, словно смывал все горести», а переживание майского вечера приобщало к сердцевине вселенского бытия: «Майским вечером небо низкое и вязкое, в черничный перелив. Если поводить по нему пальцем, испуганно расступится волнами, обнажая мягко-бархатное, живое нутро». У Василия воспоминания непроизвольно «всплывали из водоворота прошлого», контрастировали с «черным провалом» страшных лет голода и потерь, сопрягались с подробностями чувственных впечатлений и своей избирательностью настраивали на изживание страданий, поскольку «когда Василию хотелось ощутить давно забытое чувство счастья, он бережно, не дыша обходил стороной все, что ранило его до нескончаемой боли в сердце: смерть отца, смерть матери, смерть брата, смерть Магтахинэ, смерть троих сыновей-погодков, – и заглядывал далеко назад, туда, где лето было бескрайним, а деревья росли так высоко, что подпирали макушками небо. Он вспоминал себя маленьким, пятилетним, сидящим на коленях у бабушки Арусяк – она гладила его по волосам сухонькой ладонью и рассказывала сказки; вспоминал мать – молодую, красивую, идущую с родника с медным кувшином на плече…»

Кульминацией мифопоэтического сюжета оказываются в романе беременность 58-летней Анатолии, рождение в браке с Василием названной в честь бабушки дочери Воске, во время крещения которой «стены маранской часовни дрогнули от детского крика и закряхтели, поводя затекшими плечами». Символичное возвращение закопанного под яблоней материнского перстня, чудесный перелом в судьбе Анатолии, которая «легла помирать… не ведая того, как много прекрасного у нее впереди», – воплощают *мифологический поворот времени вспять, разнонаправленные траектории его протекания, взаимопереходы и неустанное обновление далеких эпох в личной и общей истории*: «Ночь будет колдовать… и перекатывать на своих прохладных ладонях три яблока, которые потом, как это испокон веку было заведено в маранских сказаниях, уронит с неба на землю – одно тому, кто видел, другое тому, кто рассказал, а третье тому, кто слушал и верил в добро».

Соотнесение маранского уклада с внешним взглядом на него происходит в семейной истории Вано Меликанц, чей дом «стоял на самом краю схлынувшего в пропасть плеча Маниш-кара» и навевал на его обитателей интуиции о счастливом «недосмотре» Провидения, допущенном, «когда оно прочерчивало смертоносной рукой линию, которая должна была отделить живую часть деревни от мертвой, по какой-то причине отвлеклось и обошло их двор стороной». С судьбой ветшающего дома Меликанц, неумолимым разрастанием появившейся при землетрясении трещины в стене окажется сопряженным и тихий уход главы семьи в послеобеденном зените летнего дня.

В памяти Вано и его жены Валинки семейное предание обретает эпический масштаб и дарит новую жизнь «канувшим в небытие родным», ассоциируясь с движением природного мира: вишня «осыпалась летом в скорбную пропасть кровавыми ягодами, а осенью – багряными листьями». Живой эмблемой семейной мифологии и свыше дарованной этому роду охранительной силы стала у Меликанц фигура белого павлина, который «впервые вышел к кромке пропасти» и таинственно предвозвестил рождение внука Тиграна; впоследствии выказывал ему особое расположение, хотя «остального мира для него просто не существовало», а позднее до последнего дожидался его возвращения с войны, укрепляя надежду в домочадцах, «был на удивление бодр и здоров, и это придавало Вано сил – несомненно, внук жив, по-другому и быть не должно… Павлин умер… на руках Тиграна, под его рассказ о том, как он попал в окружение, как чудом бежал из плена и все это время партизанил в лесах… Посреди рассказа внука Вано явственно ощутил легкое дыхание небес, они спустились ниже гор, распахнули окна, проникли в дом, сплели ладони в колыбель,

уложили туда искрящуюся душу царь-птицы и взмыли ввысь, оставив за собой легкий аромат корицы и миндаля и чего-то еще – неуловимого и непостижимого, но бесконечно прекрасного».

Чуждый мистической экзальтации и порой скептически настроенный Вано Меликанц имел, однако, свой опыт тайновидения, прозревал загадочное измерение в событиях семейной истории, возводящей – через вглядывание в «зыбкое свечение» на могиле павлина, в «одинокий серебряный силуэт» – к ощущению родства с «безответными безмолвными небесами». У хозяйственной Валинки тщательно сберегаемая память врастала в череду бытовых забот, характерных для вековых маранских традиций домашней культуры: «Раз в два-три года Валинка перестирывала шерстяные одеяла и прошивала неизменный солнечный круг в сердцевине – в память о матери, о сестре, о братьях и о детях, ушедших, словно песок сквозь пальцы, в небытие, на тот край вселенной, который заперт от смертных семью огромными печатями…»

Примечателен изначально сторонний, но вскоре ставший родственным и любовным взгляд на Маран впервые оказавшейся здесь жены Тиграна Настасьи. Постепенно проникаясь царящим в природе и людях Марана «ощущением размеренности бытия», Настасья в своих рисунках и творческих наблюдениях прикасается к мифологии этого края, порой ускользающей от поглощенных повседневностью местных жителей, постигает «тайнопись» его пейзажей и сооружений, сросшихся с человеческими судьбами и даже с портретными чертами старожилов: «Вся деревня на ее рисунках выходила такой, какой давно не была. Словно Настасья намеренно обходила следы старения и унылого разрушения, оставляя Марану тишину и счастливую умиротворенность… Вано каждый вечер наблюдал эту ограду сквозь закатные лучи, а Валинка ухаживала за горными лилиями, посаженными Тиграном на могильном холмике, и никто из них не подозревал, что по углам… кованый узор складывается в буквы «К» и «В». Разглядела их Настасья, перерисовала, показала мужу… Настасья поймала тот ракурс, где обваленные и давно уже проросшие мхом прогнившие балки складывались в старческий профиль. Приглядеться – лицо отца Магтахинэ – нос с характерной горбинкой, насупленные брови, тонкие губы. Валинка специально сходила, посмотрела. Так и есть, лежит Якуличанц Петрос, ровно такой, как в день своих похорон. Ушел, но остался в развалинах своего дома…».

Итак, в романе Н.Абгарян «С неба упали три яблока» искусно воссозданный местный колорит, а также детализированный в речи автора и персонажей региональный дискурс достигают уровня мифопоэтических обобщений. Судьба армянской деревни Маран складывается из разнообразных проекций памяти, на пересечении многих индивидуальных, семейных, народных мифологем, которые – наперекор смертности земного естества, разрушительным силам истории – являют единство человека с природно-космическими циклами и органичное претворение времени в вечность.

Литература

1. *Абгарян Н.* С неба упали три яблока [Электронный ресурс.] // URL: https://e-libra.ru/read/379804-s-neba-upali-tri-yabloka.html. Дата последнего обращения 11.07.2019. Текст романа приводится по данному источнику.

2. Наринэ Абгарян: «Я вспоминаю туманы родного города» [Интервью, октябрь 2016 г.] [Электронный ресурс.] // URL: https://etazhi-lit.ru/publishing/literary-kitchen/467-narine-abgaryan-ya-vspominayu-tumany-rodnogo-goroda.html Дата последнего обращения 11.07.2019.

3. Лиана Алавердова Наринэ Абгарян. Зулали; Наринэ Абгарян. С неба упали три яблока [Электронный ресурс.] // Знамя. 2017. №4. URL: http://znamlit.ru/publication.php?id=6583 Дата последнего обращения 11.07.2019.

К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В ПОЭТИКЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Э.Х. САГОЯН
Ереванской государственный университет, Армения
Emma.sagoyan@ysu.am

Ключевые слова: *поэтика, Достоевский, Пушкин, литературная традиция, реминисценция.*

В статье поднимается вопрос о рецепции литературной традиции Гоголя и Пушкина в творчестве Ф.М. Достоевского. Обращение к гоголевской традиции раннего Достоевского носит прямой характер, где писатель больше обращает внимание на внешнюю формальную сторону и стилистические приемы, в то время как обращение к Пушкинской традиции носит более глубинный характер. В статье проводится сравнительный анализ на примере цитат, аналогий из произведений Пушкина и Достоевского.

EMMA SAGOYAN –A study on literary traditions in Dostoyevsky's poetics

Key words: *poetics, Dostoevsky, Pushkin, literary tradition, reminiscence*

The article studies the influence of literary traditions of Gogol and Pushkin on the writings of F.M. Dostoevsky. Dostoevsky's appeal to Gogol traditions is linear, where the writer pays more attention to external formal aspect and stylistic techniques, while appeal to Pushkin tradition has deeper dimension. The article provides comparative analysis on the example of quotations, analogies from the works of Pushkin and Dostoevsky.

Восприятие художественного произведения многогранно. Оно зависит не только от времени создания художественного произведения, но и той, диктующей свои условия литературной традиции, которой оно подвержено в конкретный историический период. Зависит оно не только от творческих исканий и писательского искусства его создателя, но и от восприятия и меняющегося сознания многих поколений его читателей.

При рассмотрении творческого пути раннего Достоевского сложилась устоявшаяся точка зрения о влиянии гоголевской традиции на творчество писателя [ср. В.Виноградов, Ю.Тынянов, Б Эйхенбаум, М.Бахтин и др]. Не только современники усмотрели в Достоевском прямого преемника Гоголя, но и сама ориентированность на Гоголя ранних произведений Достоевского носит подчеркнуто декларативный характер. Вместе с тем, в значительной мере заслуживает особого внимания связь раннего творчества Достоевского с пушкинской традицией.

И в этой связи возникает вполне естественный вопрос, каким образом происходит освоение тем или иным писателем этих традиций, каким путем реализуются они, и какое развитие и значимость получают в его творчестве?

Говоря о литературной традиции, уместно подчеркнуть ее многослойный, многоуровневый характер, охватывающий не только чисто формальный, содержательный, структурный, стилистический, но и исторический, культурный и другие уровни. И подчас в поэтически бессознательной или осознанной ориентированности на ту или иную традицию, в усвоении ее или отрицании, в сложном художественном синтезе происходит становление и развитие поэтики художественного произведения того или иного автора.

В этом смысле ориентированность раннего Достоевского на традиции натуральной школы была продиктована не только бытовым, социологическим материалом, а также осмелимся утверждать, своеобразной данью моде (изображение жизни маленького человека, чиновника), и поиском своих жанровых методов и стилистических приемов. В своем исследовании "Гоголь и натуральная школа" В. В. Виноградов пишет: "До конца 50-ых годов Гоголь был вождем. На его произведения смотрели как на объект подражания или преодоления. Новые стилистические узоры чертились по Гоголевской канве. Те, кто отходил от Гоголевской поэтики, уносили частичку ее с собой (Тургенев, Сологуб и др.), те, кто хотел выступить в роли вождя, заслонив Гоголя, развивали дальше его художественные тенденции (Достоевский)." [Виноградов 1925:73] Однако в отличие от подражателей, эпигонов натуральной школы процесс

освоения гоголевской традиции уже с образа Макара Девушкина носит творческий характер. Это не слепое следование традициям натуральной школы, гоголевской манере, а поиск новых форм, новых стилистических решений. В “Бедных людях”, “Двойнике”, “Хозяйке“ и др. Достоевский не просто примеряет на себя различные приемы Гоголя, входя с ними в диалогическую связь, порою пародируя и комбинируя их, а интенсивно и творчески ищет свой путь. Хотя сюжет его произведений развивается на фоне одного и того же материала, – жизнибедного чиновника –Достоевский идетпо пути своеобразного стилистического новаторства, основной упор делая на оттачивании стилистической формы. Процессосвоения традиций натуральной школы носит не просто линейный, скорее спиралевидный характер, нацеленный на поиск новой формы и жанровое объединение (сентиментально-романтический стиль), что он блистательно демонстрирует в речи персонажей “Бедных людей”. В.Виноградов отмечает: “Достоевский берет на себя труднейшую задачу - выработку слога “очеловеченного” чиновника. Мелкий чиновник впервые у Достоевского говорит так много и с такими тональными вибрациями”[Виноградов 1924:78]. В этом смысле ставший своеобразным шаблоном, однако представленныйсамобытно, образ чиновника, маленького человека тесно соотносится с собственной эволюцией Достоевского –художника.

Совсем иначе складывается история восприятия Достоевским пушкинской традиции. В противоположность гоголевской, она прямо не называется и присутствует в текстах Достоевского часто в зашифрованном виде, дается определенными «сгустками», «мазками», без прямых ссылок на то или иное произведение, скорее всего, выполняя сюжетообразующую функцию. В этой связи особый интерес приобретают, как правило, многочисленные, прямые, порою и резко переосмысленные реминисценции[ср.Образцова 1977].

В этом отношении определенный интерес представляет анализ повести Ф.М.Достоевского «НеточкаНезванова», в которой сложным образом переплетаются намеки, отсылки и скрытые цитаты к «Моцарту и Сальери», «Пиковой даме», «Египетским ночам» А.С. Пушкина. При этом отсылки, скрытые цитаты, реминисценции, а порою намеки определяются не столько впечатлением, которое они производят на читателя, вводя его в определенную литературную атмосферу, сколько становятся своеобразным аппаратом для продвижения своей авторской позиции, для создания своих авторских приемов, мотивов в структурной организации текста. Эти сложные переплетения, аллюзии, обращения предполагают не аналогию частного характера, а обращение к пушкинскому началу как таковому.

Так в рассуждении Ефимова о том, что “он не уличный скрипач, и не будет так подл, ‹…› чтоб унижать благородное искусство, играя перед подлыми ремесленниками, которые ничего не поймут в его игре и таланте” [Достоевский 1981:116], с одной стороны, кроется прямой “намек” на зависимость от публики заезжего импровизатора – “фигляра” из «Египетских ночей» и даже на его продажность, с другой стороны, является отсылкой к сцене с уличным скрипачом в “Моцарте и Сальери”. Для Пушкина, по всей вероятности, повесть “Египетские ночи” имела программное значение. Основная тема повести развивается в диалоге Чарского с импровизатором, но предваряется авторской установкой: “Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его звание и прозвище, которым он заклеймен и которое никогда от него не отпадет. Публика смотрит на него как на свою собственность; по ее мнению, он рожден для ее пользы и удовольствия” [Пушкин 1981:438]. Эта установка распадается как бы на две части: во-первых, художник рожден для пользы и удовольствия публики, следовательно, он не свободен и зависит от мнения и вкуса публики; во-вторых, он должен заслужить свое звание, иначе обречен носить прозвище, которое “никогда от него не отпадет”. Скрытый смысл авторской установки, очевидно, может

быть расшифрован следующим образом: истинная любовь к искусству предполагает полную отдачу художника ему – это тот единственный путь в отношениях между публикой и художником, где нет места материальным отношениям.

Истина проступает в предлагаемых итальянцу темах. Чарский явно провоцирует последнего. На первую тему: “Поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением,” импровизатор отвечает своими стихами и утверждает явно пушкинскую позицию, что настоящий поэт всегда свободен и «никто, кроме самого импровизатора, не может понять ‹…› эту тесную связь между собственным вдохновением и чужой внешнею волею”.

Интерпретация основной сюжетной линии повести «Египетские ночи» позволяет выделить в ней две основные темы: для настоящего художника самым важным является свобода творчества; вторая тема в притче о Клеопатре развивает очень важную, концептуальную для творчества Достоевского идею о продажности любви и красоты, а также проблему свободы художника в меркантильных условиях 19-го века.

Отсылка к сцене с уличным скрипачом в “Моцарте и Сальери” усилена тем, что она включена в противопоставление гения и ремесленника, кроме того, она соотнесена с не менее важной проблемой, проблемой зависти. В трактовке Достоевского акценты резко смещаются: “гений” Ефимов завидует менее талантливому скрипачу Б., считая его ремесленником от искусства. Ефимов, по собственному мнению, живущий вдохновением гениальный скрипач, презирающий “уличного фигляра”, на самом деле самолюбивый гордец, который живет по канонам, провозглашенным им самим, где нет места ни публике (“все равно ничего не поймут в его игре и таланте”), ни “гениям” его масштаба. Апатия и бездействие Ефимова становятся причиной несчастья окружающих его людей, которых он обвиняет в собственных неудачах. Примечательно, что именно ремесленник от искусства пытается указать противоречащий самой логике поведения Ефимова выход из того состояния, в котором он пребывает. “Ты дерзок на словах и трусишь, когда придется взять в руки смычок. Ты самолюбив, и в тебе мало смелости. Смелее же, подожди, поучись, и если не надеешься на силы свои, так иди на авось; ‹…›. Авось дойдешь до цели, а если нет, все-таки иди на авось: не потеряешь ни в коем случае, потому что выигрыш слишком велик. Тут, брат, наше **авось** дело великое!” [Достоевский 1984:163]

Путь, указанный скрипачом Б., явно противоречит логике гения в искусстве, но тут есть три весьма знаменательных ключевых элемента “выигрыш”, “расчет” и “авось”(везение, судьба). Такого рода отсылка разбивает прямое сопоставление с Сальери, расширяет его характеристику и приобретает новый смысл в поиске художественного пути в искусстве. Он открывает для Ефимова новую дорогу, последовательно ведущую к цели, - “вдруг, каким-то чудом, за один раз стать знаменитейшим человеком в мире” [Достоевский 1984:186]

В этой связи напрашивается параллель со следующим пушкинским героем из “Пиковой дамы” – Германном. И другая отсылка также не может не ассоциироваться с образом Германна – носителем “неподвижной идеи”. “Уверьте его[Ефимова- Э.С], что он не артист, и я вам говорю, что он умрет на месте как пораженный громом, потому что страшно расставаться с неподвижной идеей, которой отдал на жертву всю жизнь”. [Достоевский 1984:189]. Выражение Пушкина “неподвижная идея” применительно к Ефимову употребляется в тексте “Неточки Незвановой” неоднократно. “Неподвижная идея” как “неотразимый внутренний призыв” сближает Германна и Ефимова и в плане безумия. Эти оба героя лишены внутренней динамики. Они статичны, бездушны, без нравственного стержня, хотя определенную динамику этим образам придает другая деталь, объединяющая их, - азарт. Пушкинский герой Германн – “игрок в душе”, до поры не участвующий в игре. Герой Достоевского Ефимов тоже “игрок в душе”, потому что почти не берет в руки скрипку, ведь игра на скрипке сродни

азартной игре и здесь она приобретает добавочную семантику, позволяющую сопоставить ее с игрой в карты.

Если рассуждение скрипача Б. о пути в искусстве, первоначально соотносясь с “Египетскими ночами” и “Моцартом и Сальери”, воспринималось как рассказ о месте художника и его пути в искусстве, то по отношению к “Пиковой даме” оно подвергается явной трансформации и приобретает другой смысл, как путь, ведущий к цели, где цель для Ефимова – “вдруг каким-то чудом за один раз стать знаменитейшим человеком в мире”, а для Германна – вдруг чудом, благодаря разгадке карт, разбогатеть.

Ставка на “выигрыш” и у одного, и у другого героя слишком велика, и на пути к выигрышу нисколько не смущают героев, ни “три преступления”, лежащие на совести Ефимова ни “три злодейства”, совершенные Германном.

Как видим, одному и тому же тексту соответствует несколько содержательных интерпретаций. “Для того, чтобы стать сюжетной единицей, встречающийся в тексте элемент должен обладать ”свободой действия”, т.е. способностью входить с другими элементами в автоматически непредсказуемые комбинации. Естественно, это чаще всего происходит с персонажами, которые становятся в произведении основными сюжетными единицами” [Лотман 1987:104].

В этом смысле“Пиковая дама” для Достоевского становится одним из важнейших произведений. Материал “Пиковой дамы” дает возможность соотнести его сразу с несколькими персонажами Достоевского. В этом отношении в одном ряду оказываются Раскольников – Германн. И тот, и другой одержимы идеей. И тем, и другим движет расчет, сухой математический расчет, “простая арифметика”.

- Игра занимает меня, - сказал Германн, - но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее. [Пушкин 1981:406]

Сын обрусевшего немца, ярый “игрок в душе”, внешне расчетливый, умеренно трудолюбивый, с установкой на медленное обогащение,Германн становится заложни-ком “случая”. Уверовав в судьбу, он буквально заражается идеей немедленного обогащения. Путь к этому лежит через тайну трех карт. На пути претворения идеи стоит старая графиня, фактически являющаяся орудием достижения цели; промежуточным звеном, фактически “способом”для разгадки тайны является Лизавета Ивановна. Однако при таком способе включения героев в сюжетную линию их поведение подвергается перекодировке и определенной детализации, образуя, тем самым, новую сюжетную канву. Особое значение получает формула “прежде всего немец”. “Пьяный крикнул ему [Раскольникову –Э.С.] вдруг, проезжая: “Эй ты, немецкий шляпник!” – и заорал во все горло, указывая на него рукой,- молодой человек вдруг остановился и судорожно схватился за свою шляпу. Шляпа эта была высокая, круглая циммермановская, но вся изношенная ‹…›Никто таких не носит, за версту запомнят, главное потом запомнят, ан и улика” [Достоевский 1983:5]. В данном эпизоде причастность Раскольникова к “немецкому фактору” сводится к тому, что циммермановская шляпа может стать уликой в разгадке, разоблачении его “идеи”.

“Германн немец: он расчётлив, вот и все!-заметил Томский” [Пушкин 1981:407]. Нутром, рассудком немец, Германн понимает, “что покой и независимость” ему принесут его верные карты: “расчёт, умеренность и трудолюбие”, однако душой Германна овладела идея сверхчеловека, для которого возможность чуда затмевает игру рока, судьбы, и Германн выбирает свою дорогу, свой путь, который неодолимо влечет его к “освещенному подъезду дома старинной архитектуры”, выбирая, тем самым, неведомо для себя вместо туза пиковую даму.

Не о собственном обогащении думает Родион Раскольников, находясь в плену своей бредовой идеи. Среди безысходного горя и страдания, погибающий сам, при виде готовящихся погибнуть, он из альтруистических побуждений решается “пере-

ступить черту”. Сухому, рациональному расчёту Германна противопоставлено иррациональное поведение Раскольникова: “не старушонку я убил, себя я убил”. Смерть графини рождает в душе Германна всего лишь досаду, доходящую до исступления, но отнюдь не раскаяние или веру в возмездие.Однако суеверное убеждение в существовании каких-то непостижимых сил, управляющих жизнью, упорно толкает пушкинского героя к достижению своей цели – личному обогащению здесь и сейчас. Достоевский же своего героя приводит к столкновению с нравственным законом в себе.Социальная тема у Достоевского, скорее ориентированная на традиции Гоголя, в пушкинской традиции оказывается резко переосмысленной.

В чем заключается разгадка трагедии Ефимова? “Учитель твой умер слишком рано. Он оставил тебя только с одними неясными стремлениями и, главное, не объяснил **тебе** тебя же самого”[Достоевский 1984:162]. Трагедия Ефимова заключена в нем самом, в его бездушной, “неподвижной идее”, которая не предполагает Никакого развития, обрекая его, впрочем, как и Германна, на механическое существование, то есть на путь в никуда.

Претворив свою “живую” идею в жизнь – преступление – Раскольников хорошо понимает и истинную цену своей “идеи”, и тяжесть наказания. Через страшные муки раскаяния, через нравственный поиск “самого себя” Достоевский-художник определяет место своего героя в художественной поэтике своего творчества.

Как мы уже отмечали, ориентированность Достоевского на гоголевскую традицию носит явно декларативный характер, основной упор делается на внешнюю, формальную структуру и стилистические функции художественного произведения. Отсылки к Гоголю обычно резко выделяются прямыми реминисценциями, аналогиями.

Обращение Достоевского к пушкинской традиции носит более глубинный характер, вбирая в себя темы, слова, мотивы, стилистические приемы, которые автор заставляет работать в конкретном сюжете таким образом, что они получают способность коррелировать с другими, обретая новые функции, новые значения, подчиняясь скрытой внутренней логике произведения. Это очень метко отметила О.М Фрейденберг: "Композиция сюжета даже у великих писателей является не плодом их свободной фантазии, орудием, не всегда сознательным тех форм, которые создаются природой сюжета. Я говорю именно о тех случаях, когда нельзя дать удовлетворительного объяснения ни заимствованием, ни общностью источника, ни самозарождением, ни мифологизмом, ни фольклорно-антропологическим началом: а иного объяснения не существует»[Фрейденберг 1987:121].

Литература

1. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. [Электронный ресурс]URL:https://imwerden.de-/pdf/bachtin_poetika_dostoevsky.pdf. Дата последнего обращения 13.04.2019

2. Бедные люди. Повести/*Достоевский Ф.М.* Ленинград: Художественная литература, 1984. 328с.

3. *ВиноградовВ.В.* Гоголь и натуральная школа. Ленинград: Образование, 1925. 76с.

4. *Виноградов В.В.* Сюжет и архитектоника романа Достоевского "Бедные люди" в связи с вопросом о поэтике натуральной школы [Электронный ресурс]URL:*http://books.e-heritage.ru/book/10092878.*Дата последнего обращения 29.05.2019

5. Драматургия.Проза /*Пушкин А.С.* Москва: Изд-во “Правда”, 1981. 624с.

6. *Лотман Ю.М.*О сюжетном пространстве русского романа XIX столетия //Актуальные проблемы семиотики культуры.Труды по знаковым системам N20/Под ред. Ю.М.Лотмана. Тарту: ТГУ, 1987. С.102-114.

7. *Образцова Н.* К вопросу о традиции Пушкина в раннем творчестве Достоевского// Сборник трудов СНО филологического факультета./Под ред. И.Чернов. Тарту:ТГУ, 1977.С.32-39.

8. Преступление и наказание/*Достоевский Ф.М.* Москва: Художественная литература, 1983. 527с.

9. *Тынянов Ю.Н.* Достоевский и Гоголь (к теории пародии)//Сборники по теории поэтического языка. Петроград: Изд-во “ОПОЯЗ”.[Электронныйресурс]URL:file:///C:/Users/user/Downloads/tynyanov_dostoevsky_i_gogol_1921__ocr.pdf.Датапоследнего обращения:24.05.2019.

10. *Фрейденберг О.М.* Методология одного мотива// Актуальные проблемы семиотики культуры.Труды по знаковым системам N22/ Под ред. Ю.М.Лотмана. Тарту: ТГУ, 1987. С.120-130.

11. *Эйхенбаум Б.М.* Как сделана “Шинель” Гоголя. [Электронный ресурс]. URL:http://www.opojaz.ru/manifests/kaksdelana.htmlДата последнего обращения: 30.03.2019

ДЕТСТВО КАК ЧАСТЬ ОСОБОЙ ДУХОВНОЙ ПАМЯТИ В РОМАНЕ ЛЕОНИДА ГУРУНЦА «КАРАБАХСКАЯ ПОЭМА»

К.Т. СУКИАСЯН
Ширакский государственный университет им. М. Налбандяна, Армения
k.a.anahit@mail.ru

Ключевые слова: *Леонид Гурунц, Карабах, изображение детей, мечта, дедушка, отец, труд.*

В художественном мире Леонида Гурунца отчетливо выделяются детские образы. Гурунц постоянно возвращается к этим годам, обозревает мир сквозь призму детства, юности. Детство – тот жизненный материал, который лежит в основе многих его произведений, но в романе «Карабахская поэма» детская тема – это основная, значимая. Сложнейшие исторические события начала 20 века (первая мировая война, революция, установление Советской власти) преломляются, получают особую ценность и значительность в свежем и непосредственном восприятии наблюдательного, тонко чувствующего мир ребенка. Образ ребенка с его психологией врожденного доверия миру как нельзя более отвечал духу наступившего времени. Гурунцевские детские образы зеркально отразили противоречия эпохи 20-х годов.

K.T. Suqiasyan - Childhood as a part of special spiritual memory in the Leonid Gurunts' novel «The Karabakh Poem»

Key words: Leonid Gurunts, Karabakh, image of children, dream, grandfather, father, work.

In poetical world of Leonid Gurunts children's images stand out clearly. Gurunts constantly returns to these years, surveys the world through the prism of childhood, youth. Childhood - that vital material which underlies many of his works, but in the novel “The Karabakh Poem” the children's theme is the main, significant one. The most complex historical events of the beginning of the 20th century (the First World War, the revolution, the establishment of Soviet Union) are refracted, gaining special value and significance in the fresh and direct perception of the observant, the child delicately feeling the world. The image of the child with his world trust psychology as nobody else could answer to the spirit of the coming time. Gurunts’ children's images reflected the contradictions of the 20th century.

Детство – одно из ведущих и ключевых тем русской литературы. Отражение мира детства, анализ внутреннего мира ребенка, всегда привлекал писателей. Русская литература имеет богатейший опыт познания и философско-художественного осмысления особого мира ребенка, в недрах которого зарождаются начала всякой «взрослой» жизни. Мир ребенка увлекает и Леонида Гурунца – армянского писателя, пишущего на русском языке.

К своему детству Л.Гурунц обращался очень часто. Он и «сам, - по словам Федора Абрамова, - заражал молодостью… даже мальчишеством… Мальчишка, поседелый юноша с пылающими глазами, навсегда влюбленного в жизнь» [Абрамов 1983]. Детство – тот жизненный материал, который лежит в основе многих его произведений. В «Карабахской поэме», в «Нашем милом Шушикенде» мы видим мир глазами мальчишек, мир во всем многообразии звуков и красок. По этим произведениям можно, очевидно, судить и о детстве самого писателя. Вазген Дарбни вспоминает высказывание Л.Гурунца: «Вся моя биография в моих произведениях» [Дарбни 1983: 75].

Человеческая память ярче всего запечатлевает ранние годы жизни, у этой поры особо глубокая эмоциональная основа. Писатель постоянно возвращается к этим годам, обозревает мир глазами детства, юности, так как считает, что «ранние впечатления человека всегда самые дорогие и самые незабываемые» [Гурунц 1968].

Мир в романе «Карабахская поэма» увиден глазами подростка и этот мир богат и разнообразен. В романе множество судеб, портретов, эпизодов. И все это на крошечном пятачке – в небольшом горном селе Нгер, история которого восходит к временам Адама. И каким бы маленькое ни было село, затерянное в горах, «Карабах – он на самом краю государства лежит» [Гурунц 1981: 174] и до Нгера доносится эхо революционных потрясений из жизни центров страны. Все жители села связаны в один узел с событиями, общими для всей страны, – война, революционные перемены.

Все эти события преломляются, получают особую ценность и значимость в свежем и непосредственном восприятии наблюдательного, тонко чувствующего мир

ребенка – Арсена. Мы вместе с ним совершаем путешествие в далекую страну детства, в которой, несмотря ни на какие невзгоды и тревоги времени, «всегда два месяца светят, два солнца греют» [Гурунц 1981: 154].

Гурунц использует ретроспективный способ изложения материала. Взрослый человек вспоминает свои детские годы: ту атмосферу, в которой он рос, тех людей, которые его окружали. Повествование ведется от первого лица, что позволяет показать героя изнутри, не прибегая к пространным авторским комментариям, легко сочетать наблюдения и размышления подростка с изображением героя в действии. Переживания героя раскрываются также с помощью эмоционального лирического подтекста, создающего отчетливую лирическую струю. Истоки лиризма – воспоминания о прекрасной поре детства, о множестве милых и дорогих сердцу вещей, грусть и печаль по невозвратимо ушедшим годам.

Перед читателем романа «Карабахская поэма» проходит целая галерея ярких образов детей. Образы деревенских мальчишек написаны с тонким проникновением в детскую психологию, с подлинным поэтическим вдохновением и любовью. Прекрасный знаток детской души, Гурунц наделяет своих маленьких героев индивидуальными чертами характера. Дети – герои гурунцевского романа – разные: серьезные, веселые, рассудительные, смелые. Но всех их роднит одна общая черта: живой интерес ко всему, что их окружает, желание быть в гуще жизни.

Внутренний мир главного героя развивается в сложной исторической обстановке, и мироощущение Арсена складывается не только из светлых и чистых чувств, но из всей совокупности восприятий значительных событий эпохи. Все, чем жила тогда страна, получает моментальный отзвук в думах и сердцах Арсена и его друзей, чье детство совпало с годами первой мировой войны и установлением Советской власти. В России свергли царя, и тут же нгерские мальчишки «казнят» его своим судом, помогают партизанам изгонять врагов.

Своих маленьких героев писатель описывает с особой любовью и вниманием. Арсен и его друзья представлены более чем положительно. Это смелые, добрые, трудолюбивые дети, рано осознавшие, что в мире не все справедливо, в этом взрослом мире хозяйничают Вартазары со своими отпрысками. Герой в свои тринадцать лет, обладая смелым характером, не мог спокойно отнестись к злу и как мог, боролся, помогал старшим. Образ Арсена раскрыт в действии, в движении. Арсен и его друзья становятся участниками сложных, зачастую трагических событий, переживают суровые испытания, из которых выходят внутренне выросшими, возмужавшими.

Ребята учатся жить и бороться у своих односельчан. Драматические коллизии классовой борьбы даются через призму восприятия подростков, приобретая особую эмоциональную выразительность. Эти эпизоды потрясают своей жизненной достоверностью. Такова сцена казни двух нгерцев-партизан. Трагические и минорные ноты звучат, как реквием погибшим. «Яростный трезвон церковных колоколов» [Гурунц 1981: 309] собрал всех односельчан на площадь. Страшное известие потрясает детей. Больно смотреть на Айказа – сына казненного, который устремил на отца «безумный взгляд». Невыносимо было слышать «глухие причитания женщин». На первый взгляд кажется – кроме отчаяния в этой сцене уже не осталось места другим чувствам. Но Гурунц знает психологию горцев – горе сплачивает людей, в трагических ситуациях острее проявляется дружба и единство между людьми. Узнав о казни, «тесным кольцом окружили Айказа ребята нашего тага / двор /» [Гурунц 1981: 310]. Подростки поняли, на что способен человек, если его поступками движет чувство справедливости и достоинства. С гордостью они смотрели на дядю Сако, у которого сейчас, перед смертью, «лицо спокойно и гордо». Он сделал свой выбор и не будет больше жить, «согнувшись в три погибели» [Гурунц 1981: 311].

Трагедией для Арсена был арест отца. Когда отца в кандалах увели в далекую Сибирь, подростку открывается страшная, дотоле неведомая ему правда: дорога в Сибирь проходит через затерянное в горах село. Арсен и его брат Аво убиты горем, но они понимают, что должны заботиться о бабушке, матери. С нежной любовью рисует автор образ матери. На всю жизнь Арсен запомнит глаза матери, «устремленные в окно». Он знал, что она «видела далекую, непонятную Россию. И отца, моего отца. Он шагал по ней, по всей России, высокий, красивый, такой, каким мать увидела его однажды на вардаваре (Вардавар – армянский народный праздник. Известен своим обычаем взаимного обливания водой) и полюбила» [Гурунц 1981: 247]. Эта большая, молчаливая любовь матери наполняла мальчика гордостью и силой, помогала преодолевать жизненные невзгоды.

Арсен – свидетель почти нищенского существования семьи. Война ухудшает положение семьи. Она вторгается в жизнь горцев и видится глазами ребенка. Ее приметы – это горе, нищета, разорение: «Приходит известие о смерти какого-то нгерца, ушедшего в солдаты, - война. В доме нет хлеба – война. Не стало керосина, спичек, одежды – тоже война…», [Гурунц 1981: 270] - вспоминает герой. Познав голодное детство, ребята мечтают о хорошей жизни.

Дети обычно мечтают о том, чего им недостает. Так, мальчик Гошка / герой повести В. Астафьева "Кража"/ жил на Севере в детдоме и всегда мерз. Поэтому его мечта связана с «огромным белым солнцем», с жаркой страной: «В санатории тихо и много солнца. В нем никогда не бывает зимы, в санатории-то… тебя греет солнце со всех сторон. Так греет, так греет!» [Астафьев 1968: 165]. Встреча с отцом – мечта айтматовского мальчика: «Здравствуй, папа, я твой сын. Я пришел к тебе. – «Какой же ты сын? Ты полурыба, получеловек! – «А ты возьми меня к себе на пароход, и я стану твоим обыкновенным сыном». – «Вот здорово! А ну, попробуем». Отец бросит сеть, выловит его из воды, поднимет на палубу. Тут он превратится в самого себя» [Айтматов 1971: 215].

Гурунцевские подростки, жившие впроголодь, мечтают о сытой жизни: «Кому-кому, - говорит Арсен, – а мне известно, что за чудесная еда – пшеничный хлеб!» [Гурунц 1981: 275] Счастливая жизнь – мешки с зерном, корова в хлеву, это высокий каменный дом, это гимнастерка с золотыми пуговицами. А самая его заветная мечта – это проскакать хоть один раз на лихом коне. В реальности же из дома уводят коровушку Марал – последнюю кормилицу. «Не помогли ей ни талисманы бабушки, ни молитвы матери, которые она нашептывала каждый раз, начиная доить» [Гурунц 1981: 137]. В поисках заработка бродят по карабахским селам Арсен и его друзья. Но «голод и нищета царили всюду, куда бы ни попадали ребята» [Гурунц 1981: 340]. Тщетно пытаются они найти журавлиное перо, которое, по народному поверью, должно принести им счастье.

Огромную роль в формировании детей играют добрые старики, люди замечательные, олицетворяющие практичность, мудрость. Это и Оан, и Апет, и Аракел. В мастерской деда Оана Арсен полюбил труд. Для Оана жизнь исчисляется не прожитыми годами, а содеянными на благо делами. Вместе с дедом Арсен учится обжигать кувшины. От деда он ждет ответа на свои вопросы, терзающие его детское сердце. Так, внуку не понятно, зачем дед делает так много кувшинов, если нет покупателей. И дедушка, как всегда, спокойно и мудро объясняет: «Разве думает садовник, посадивший дерево, о том, кто будет пользоваться его плодами? Все пройдет, а то, на что положен труд, куда пропадет?» [Гурунц 1981: 260].

В гончарной деда Арсен научился прекрасному ремеслу. Оана радует намерение внука работать в гончарной и помогать ему. Этой гордостью он делится с невесткой: «Да, сноха, не пройдет и месяца, как из него будет хороший подмастерье, а там… сама понимаешь… как-никак помощник. Заживем как люди» [Гурунц 1981: 224]. Но

вот его возмутило равнодушие внука, и тут дед выговаривает ему: «А ну, скажи, красиво живет кукушка? Бездельница, она даже не вьет себе гнезда, а свои яйца кладет в чужие гнезда» [Гурунц 1981: 399]. Достойная жизнь Оана наполнена не столько заботой о хлебе насущном, сколько заботой о формировании «доброго сердца»: «Дети мои, - сказал он, и голос его дрогнул, - дети мои, я не строил вам дом под кровельным железом, я не нажил вам богатство, но я сохранил вам душу. Душа цела. За нее я ручаюсь» [Гурунц 1981: 420].

А добрый старик Апет органически не переносил насилие и зло. Он проповедует добро и любовь. Апет говорит Оану: "Я хочу, чтобы на свете не было зла" [Гурунц 1981: 306]. Волшебные герои сказок для него – символы добра, милосердия и любви. Все его рассказы имели счастливый конец: Прометей освободился от оков, а отчаявшаяся девушка не бросилась со скалы, а вышла замуж за любимого. "Добрый, чудесный старик! – думает о деде Апете Арсен. – Сам не раз хлебнувший горя и нужды, он пестрыми нитями слов ткал сказочный, неведомый мир, известный только ему. Он стыдился людской подлости и несправедливости и старательно скрывал их, как скрывал и свои обиды под маской веселого добродушия" [Гурунц 1981: 252]. В романе Гурунца, как в самой жизни, сходятся старики и дети, те, кто входит в мир, и те, кто с ним прощается.

Благодарен гурунцевский герой учителю Михаилу. Русская литература имеет богатейший опыт осмысления отношений учителя и ученика. Лучшие представители учительства всегда помнили об ответственности своего служения. Таковы, например, герои рассказа Н. С. Лескова "Кадетский монастырь" [Лесков 2002: 112]. Лесковский учитель всегда помнил, что, работая с учениками, ты отражаешься в их душах. А учитель словесности из книги А. Яроша "До университета" Чернов, называл изучение своего предмета "совместной дружеской работой" [Ярош: elib.gnpbu.ru].

Леонид Гурунц в романе "Карабахская поэма" продолжает лучшие традиции русской литературы и создает удивительный образ учителя Михаила. В армянской дореволюционной деревне царские власти запретили все формы народного просвещения. Школа существовала тайно. Учитель Михаил взял на себя огромную ответственность – подпольно организовал школу в селе. Во имя будущего своих учеников он готов был рисковать – и рисковал собственной жизнью. "Старшие товарищи по школе, - вспоминает Арсен, - помнили налеты стражников, которые, к счастью, всегда кончались провалом. Когда дозорный – один из учеников, который менялся через каждый час, - поднимал тревогу, школьники разбегались, а учитель прятался в заранее приготовленное место"[Гурунц 1981: 133]. В эти сложные годы жизнь учителя маленьких нгерцев исполнена подлинного героизма. По натуре это мягкий, добрый человек. Огромная любовь к детям придает ему силу и решимость, быть до конца верным своим убеждениям, нести свет знаний и разума крестьянским детям. "Только у него одного хватило сил прийти к тридцатилетней годовщине учительства", [Гурунц 1981: 134] - вспоминает Арсен. Способность любить своих учеников и свой труд во все времена могла преодолеть все. Маленькие нгерцы любили своего учителя за его заботу, мягкость, доброту. Никакая сила не помешала ему смотреть на своих учеников радостно и ласково. Благодаря ему Арсен полюбил книги. Огромной удивительной радостью книги вторглись в мир подростка. Знакомство с книгами преображает впечатлительную детскую душу. В доме учителя были только книги: "сколько незабываемых часов провел я здесь! – вспоминает герой, - со стен поверх книг смотрят строго, задумчиво точно решают трудную задачу" [Гурунц 1981: 138]. Он особенно полюбил книгу Н. В. Гоголя "Тарас Бульба". И когда на площади перед всем селом казнили партизана-нгерца, и он в последнюю минуту крикнул сыну: "Видишь меня, сын мой. Мальчишки были горды тем, что и среди их односельчан есть "как Тарас Бульба"

[Гурунц 1981: 310]. Через всю свою жизнь нгерские мальчишки пронесут светлый образ своего первого учителя.

В романе «Карабахская поэма» тонко использован народный фольклор, раскрывающий мировидение и миропонимание подростков. Герои часто поют песни-оровелы. Оровелы – это жемчужины армянского устного народного творчества. Эти удивительные песни - то веселые, то печальные, но вторых, конечно, больше. Оровелы пели крестьяне, вспахивая каменистую армянскую землю. Тяжко крестьянину и он понимает, что если не получится ему вспахать эту землю, если вдруг его вол не выдержит палящего солнца и падет – то и он сам, и дети его умрут от голода. Оровелы всегда пели взрослые. Гурунц нарушает эту вековую традицию и его оровелы поет маленький мальчик Аво. Тем самым писатель добивается невероятной, щемящей выразительности.

В веселых оровелах герой подшучивает над гордым характером своего деда: «Гончар Оан – гордец и туз», а в обличительных выражает отношение бедняков и к их неудавшейся жизни, и к господам-хозяевам:

Жнут на ниве хлеб густой,
А у тебя амбар пустой.
Что пользы в том?
Кто грома ждет? Кто грому рад?
За громом вслед нагрянет град.
Ага пришел – знай наперед:
Ага не даст, но отберет. [Гурунц 1981: 297]

Аво осмелился один из таких оровелов спеть богачу Вартазару. «С этого дня с тела Аво не сходили синяки» [Гурунц 1981: 298]. Через песню бедняки всегда выражали свою ненависть к своим хозяевам и выражали надежду на лучшее будущее. Оан знает, и это его воодушевляет, что подобные песни «в России тоже поют» [Гурунц 1981: 300].

В данной статье мы попытались показать, что для Леонида Гурунца дети – не случайные персонажи. Автор демонстрирует тонкое понимание психологии ребенка, проявляет глубокое сострадание к своим, лишенным детства, маленьким героям. Огромный талант автора, как мастера психологического портрета, дает возможность читателю в полной мере почувствовать внутренний мир героев через сильные, настоящие переживания.

Тема детства красной нитью проходит через все творчество Леонида Гурунца, хотя и не является центральной. Обращаясь к ней, Гурунц, с одной стороны, раскрывает наиболее существенные стороны жизни героев, выявляет зависимость их характеров от обстоятельств взросления. С другой, он неоднократно возвращается к детству как к символу чистоты, нежности и бескорыстия. Писатель создает особый образ детства, реалистический и трагический, с одной стороны, высокий, романтический, жизнеутверждающий – с другой.

Гурунца всегда привлекало детство, которое он понимал как счастливую пору открытий, пробуждения сознания, ощущения себя малой частицей прекрасного мира. Писатель видел в детях продолжение жизни, чистоту, расцвет и вечность мира. Детство – это фундамент, на котором строится здание будущей «взрослой» жизни. От того, насколько прочным он окажется, от того, какие нормы и правила поведения будут заложены в человеке с младенчества, во многом зависит его дальнейшая жизнь и судьба. Леонид Гурунц хорошо понимал это. Вероятно, поэтому произведения писателя о детях и сейчас находят своего читателя.

Литература

1. *Абрамов Ф. А*. Слово о писателе. – Коммунист (Ереван) , 1983, 7 янв.
2. *Айтматов Ч.* Повести и рассказы. – Фрунзе: Кыргызстан, 1971. – 620 с.
3. *Астафьев В. П.* Кража. – М.: Молодая гвардия, 1968. 368 с.

4. *Алексанян Е. А.* Спеши делать добро. – Литературная Армения, 1978, №9 с. 95-98.
5. *Баруздин С.* Облака его юности. – Литературная Армения, 1983, №7, с. 64 - 65.
6. *Гурунц Л. К.* Карабахская поэма. – М.: Советский писатель, 1973. – 244 с.
7. *Гурунц Л. К.* Наш милый Шушикенд. – М.: Молодая гвардия, 1969. – 304 с.
8. *Гурунц Л. К.* Мой второй родной язык. – Дружба народов, 1982, №11, с. 214-216.
9. *Гурунц Л. К.* О нашей детской литературе. – Коммунист (Ереван), 1954. 11 июня.
10. *Дарбни В. Н.* Впереди мечты. – Литературная Армения, 1983, №7, с. 75-76
11. *Лесков Н. С.* Кадетский монастырь. Повести и рассказы. М.: Детская литература, 2002, 192 с.
12. *Ярош А.* До университета.-1905-Электронная библиотека ГНПБУ. elib.gnpbu.ru.

О СВЯЗИ МЕЖДУ СТИХОТВОРЕНИЯМИ «СЛЫШУ, СЛЫШУ РАННИЙ ЛЁД…» О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА И «ДЕКАБРЬ ВО ФЛОРЕНЦИИ» И.А. БРОДСКОГО

А.А. ТАТЕВОСЯН
Российско-Армянский университет, Армения
flamma@list.ru

Ключевые слова: *О.Э. Мандельштам, И.А.Бродский, Данте Алигьери, Овидий, Флоренция, Петербург.*

Стихотворение «Декабрь во Флоренции» И.А.Бродского продолжает и развивает мотивы, заданные в стихотворении «Слышу, слышу ранний лёд…» О.Э.Мандельштама. В обоих текстах собственная биография поэта-изгнанника накладывается на биографию Данте, за которой обнаруживается и третий поэт, каковым у Мандельштама оказывается Овидий, а у Бродского – Мандельштам.

ANAHIT TATEVOSYAN – About the connection between the poems "I hear, I hear the early ice..." by O.Mandelshtam and "December in Florence" by I. Brodsky.

Key words: *O. Mandelstam, I. Brodsky, Dante Alighieri, Ovid, Florence, St. Petersburg*

I.Brodsky's poem "December in Florence" continues and develops the motives, set in the poem "I hear, I hear the early ice..." by O.Mandelshtam. In both texts own biography of the poet-exile is imposed on a biography of Dante, behind which the third poet can be found, in Mandelstam's poem it turned out to be Ovid and in Brodsky's text it is Mandelstam.

О.Э. Мандельштам занимает особое место среди поэтов, на которых в той или иной степени ориентировался И. Бродский. Помимо непосредственного влияния произведений О. Мандельштама на творчество И.Бродского, два этих поэта находились в одной системе координат, точкой отсчета в которой являлся А.С.Пушкин. Как пишет по этому поводу о Бродском Д. Абаева-Майерс: «И что бы он сам и другие ни говорили о его поэтических пристрастиях, ни одно имя он не произносил с таким трепетом, как «Александр Сергеевич». Разве что иногда «Осип Эмильевич». Он мог восхищаться кем угодно, но эти поэты были частью его плоти…» [1. с. 101]. Роднил их и способ отождествления с ключевыми для их мировосприятия поэтами, вживания в них.

Бродский не отождествлял себя с Пушкиным напрямую: «В свое время в Ленинграде возникла группа, по многим признакам похожая на пушкинскую «плеяду». То есть примерно то же число лиц, есть признанный глава, признанный ленивец, признанный остроумец. Каждый из нас повторял какую-то роль. Рейн был Пушкиным. Дельвигом, я думаю, скорее всего был Бобышев. Найман, с его редким остроумием, был Вяземским. «Я, со своей меланхолией, видимо, играл роль Баратынского» [5. с. 227]», – говорил он Соломону Волкову. Протягивая эту параллель и в Серебряный век, Бродский видел в роли Пушкина Блока, в роли Баратынского – Мандельштама. То есть – опосредованно – из поэтов Серебряного века себя Бродский отождествлял именно с Мандельштамом.

При этом оба они, не отождествляясь Пушкиным непосредственно, делали это через образ Овидия, с которым – напрямую и неоднократно, и в первую очередь в связи со ссылкой в Бессарабию – ассоциировал себя Пушкин. Бродскому эта роль была предложена А. Кушнером и И. Ефимовым написавшими ему в Норенскую ссылку:

Заснешь с прикушенной губой
Средь мелких жуликов и пьяниц.
Заплачет ночью над тобой
Овидий, первый тунеядец... [9. с. 10]

Отсылка к «первому тунеядцу» возводила положение (и роль) Бродского к Пушкину тем отчетливей, что в тексте он не был назван. И, не примерив на себя роли Пушкина, роль Овидия Бродский принял (См. «Полевая эклога», «Отрывок» («Назо к смерти не готов…»), «Ex ponto») [17. с. 150–152].

Обращения к образу Овидия у Мандельштама также связаны с Пушкиным [8] и настолько многочисленны и разнообразны [11], что соответствующие ассоциации у исследователей возникают и по поводу текстов, где прямых отсылок такого рода нет, в частности, М. Гаспаров пишет по поводу мандельштамовской «Оды» Сталину: «Трудно не заметить, что отношение между поэтом и правителем строится Мандельштамом по хорошо известному историческому образцу – отношению между Овидием и Августом» [6. с. 95].

Пересечение с Данте возникает у Мандельштама в «Разговоре о Данте» в 1933 г. и Гаспаров видит его так: «Избранная им роль отщепенца – не уникальна: такими же изгоями были разночинцы середины прошлого века, начиная со "старейшего комсомольца, Акакия Акакиевича" (и таким же разночинцем в своем веке был Данте, утверждает Мандельштам). Он чувствует себя их наследником и говорит с ними "мы": "Чур, не просить, не жаловаться! Цыц! Не хныкать – для того ли разночинцы рассохлые топтали сапоги, чтоб я теперь их предал? Мы умрем, как пехотинцы, но не прославим ни хищи, ни поденщины, ни лжи" (в подтексте здесь – свое собственное "Прославим, братья, сумерки свободы...")» [7. с. 355].

Но в рамках нашей темы важным оказывается другое пересечение, которое актуализируется всего через год, когда сам Мандельштам окажется в ссылке. В «Разговоре о Данте» Мандельштам пишет: «Городолюбие, городострастие, городоненавистничество – вот материя inferno. Кольца ада не что иное, как сатурновы круги эмиграции. Для изгнанника свой единственный, запрещенный и безвозвратно утраченный город развеян всюду – он им окружен. Мне хочется сказать, что inferno окружен Флоренцией» [14. с. 141]. Тип ссылки, в силу которой Мандельштам оказался в выбранном им самим городе, в условиях относительной свободы, ограниченной прежде всего невозможностью вернуться в свой город, способствовал развитию этой темы, возникновению пересечений Флоренция-Петербург и Равенна-Воронеж в стихотворениях «Воронежской тетради». Равенна у Мандельштама не упоминается непосредственно, однако в своей статье о стихотворении «Не сравнивай: живущий несравним...» А. Жолковский указывает на анаграмматичность словосочетания «равенство равнин», относя его одновременно к Равенне и Воронежу, причем включает в качестве промежуточного звена «Ворона» Э.По: английское название ворона (raven) созвучно Равенне, на русском же он упоминается в цикле («Воронеж блажь, Воронеж – ворон, нож!») [8].

Стихотворение «Слышу, слышу ранний лёд…» написано 21–22 января 1937г., от упомянутого «Не сравнивай: живущий несравним...» (18 января) его отделяет три-четыре дня и в нем естественно продолжается дантовская тема:

С чёрствых лестниц, с площадей
С угловатыми дворцами
Круг Флоренции своей
Алигьери пел мощней

Утомлёнными губами [Здесь и далее стихотворение «Слышу, слышу ранний лёд…» цитируется по: 12. сс. 220–221.].

Стихотворение это подробно и с разных точек зрения рассмотрено множеством исследователей [См. обзор: 18. сс. 237–243.]. Нас же интересует прежде всего то, что в нем Мандельштам объединяет названного Данте с неназванным Овидием и непосредственно: «В качестве прототипического текста для темы стихотворения – мысленного посещения родного города поэтом-изгнанником – Д. М. Сегал указывает на первую элегию третьей книги «Тристий» Овидия» [18. с. 238], и через перекличку с рассказом старого цыгана об Овидии в «Цыганах» Пушкина. На пересечении этого стихотворения уже с биографией Бродского нам видится еще один любопытный выход к образу Овидия. Д. Сегал так комментирует один из мотивов стихотворения: «эта *тень* занимается, казалось бы, посторонними для творчества делами: *видит*, даже *бьет баклуши* и позевывает или *шумит среди людей, / Греясь их вином и небом*. <…> Но вглядимся пристальнее в случайные занятия тени: ведь все они так или иначе связаны с представлением о свободе. Разве кто-нибудь, кроме поэта, лишенного свободы, может оценить, что значит простое безмятежное безделье (*бьет баклуши, позевывает*) – эта недоступная изгнаннику роскошь – для творчества? Или что значит для него прелесть простого, свободного общения с людьми?» [16. с. 427]. Эта бьющая баклуши тень – воспроизводящая воображаемое возвращение Овидия в родной город – пересекается с образом Овидия-тунеядца из стихотворения Кушнера и Ефимова. Речь, разумеется, идет не о том, что, создавая упомянутый образ, Кушнер и Ефимов опирались на это стихотворение, а о том, что включенные в него овидиевские мотивы были понятны Бродскому и затрагивали поле его собственного отождествления с этим поэтом.

Нам представляется, что мандельштамовское восприятие «Божественной комедии» в целом и упомянутое стихотворение в частности не просто послужили для Бродского толчком к созданию стихотворения «Декабрь во Флоренции», но и предопределили ряд его содержательных и композиционных составляющих. Стихотворение датировано 1976 г. К 1977 г. относятся два эссе Бродского, указывающих на круг его размышлений в этот период: «В тени Данте (поэзия Эудженио Монтале)» и «Сын цивилизации» – о Мандельштаме. В последнем рассматриваются как «воронежский период» в творчестве Мандельштама, так и «Разговор о Данте».

Само стихотворение «Декабрь во Флоренции», описывающее Флоренцию «по следам» Данте и в контексте биографии Бродского подробно рассмотрено нами в отдельной статье [20]. Заметим лишь, что стихотворению предпослан эпиграф из стихотворения Ахматовой «Данте» (1936): «Этот, уходя, не оглянулся», – относительно которого, в частности, Д. Бетеа полагает, что «этот» в равной степени относится к Данте и неназванному Мандельштаму, находившемуся в этот период в воронежской ссылке [21. с. 67]. При этом в «Слове о Данте», последнем публичном выступлении А. Ахматовой (19 октября 1965), приведенный выше фрагмент из стихотворения «Слышу, слышу ранний лёд…» был последней цитатой перед декламацией ею собственного стихотворения «Данте», что должно было связывать эти тексты в восприятии Бродского, независимо от того, подразумевается ли Мандельштам в действительности в тексте «Данте».

При противоположности направления – у Мандельштама Петербург оборачивается Флоренцией Данте (через сравнение), у Бродского Флоренция Данте оборачивается Петербургом (без отчетливой границы между ними) – два эти стихотворения накладывают собственное изгнанничество авторов на изгнанничество Данте через неоднозначный образ города. Помимо уже упомянутой цитаты об окружающей inferno Флоренции, Алигьери у Мандельштама пел «круг Флоренции» («круг Флоренции имплицирует не только круглость, но и круг ада» [16. с. 425]), т.е. ад Флоренции, и именно адом – всеми девятью его кругами – оказывается Флоренция в стихотворении Бродского (что отражено и в построении стихотворения, состоящего из де-

вяти строф по девять строк с рифмовкой aaabbbccc, обеспечивающей непрерывность звучания, но при этом каждая строфа сконструирована на основе иного приема, что в полной мере соответствует соображению Мандельштама: «Вникая по мере сил в структуру «Divina Commedia», я прихожу к выводу, что вся поэма представляет собой одну, единственную, единую и недробимую строфу. Вернее, — не строфу, а кристаллографическую фигуру, то есть тело. Поэму насквозь пронзает безостановочная, формообразующая тяга. Она есть строжайшее стереометрическое тело, одно сплошное развитие кристаллографической темы» [14. с. 119]). И далее у Мандельштама «так» – как Алигьери пел – «гранит зернистый тот / Тень моя грызёт очами». Образ грызущих очей очевидно восходит к самому Данте, в «Разговоре о Данте» Мандельштам пишет: «Дант, когда ему нужно, называет веки глазными губами. Это когда на ресницах виснут ледяные кристаллы мерзлых слез и образуют корку, мешающую плакать. <…> Итак, страданье скрещивает органы чувств, создает гибриды, приводит к губастому глазу» [14. с. 118] (Е.Сошкин указывает, что эта связь отмечается в работе Г. Амелина и В. Мордерера [2], однако в самой работе упоминания о «губастом глазе» нам найти не удалось; так или иначе сам Сошкин эту связь отмечает). И эта метафора развивается у Бродского: «Глаз, мигая, заглатывает, погружаясь в сырые / сумерки, как таблетки от памяти, фонари» [Здесь и далее стихотворение «Декабрь во Флоренции» цитируется по: 3.]. Однако прообраз глотающего фонари глаза есть и в другом стихотворении Мандельштама. Д. Бетеа в своей книге «Иосиф Бродский и сотворение изгнания» указывает на связь стихотворения «Декабрь во Флоренции» со стихотворением Мандельштама «Ленинград» [21. с 68] (написанным в декабре 1930-го и содержащим упоминание об этом месяце: «Узнавай же скорее декабрьский денек»). Очевидно рыбий жир из: «Ты вернулся сюда, так глотай же скорей / Рыбий жир ленинградских речных фонарей» [13], – превратился у Бродского в таблетки от памяти.

В упомянутой работе Г. Амелина и В. Мордерера в связи с «черствыми лестницами» и тенью, которая «грызет очами» («потому что Дант и есть “Зуб”» [2. с. 237]) важное значение приобретает фрагмент «Разговора о Данте»: «Великолепен стихотворный голод итальянских стариков, их зверский юношеский аппетит к гармонии, их чувственное вожделение к рифме <…> Уста работают, улыбка движет стих, умно и весело алеют губы, язык доверчиво прижимается к нёбу. <…> Когда я начал учиться итальянскому языку и чуть-чуть познакомился с его фонетикой и просодией, я вдруг понял, что центр тяжести речевой работы переместился: ближе к губам, к наружным устам. Кончик языка внезапно оказался в почете. Звук ринулся к затвору зубов» [14. с. 109]. Как указывает П. Нерлер [Нерлер П. Комментарии // 14. с. 292], в первоначальной редакции этим фрагментом открывался «Разговор о Данте», что придает ему дополнительной значение. У Бродского же, как нам кажется, соединение «черствых лестниц» и приведенного фрагмента, оборачивается следующим описанием дома-музея Данте: «ныряя в сырую полость / рта подворотни, по ломаным, обветшалым / плоским зубам поднимается мелким шагом / к воспаленному небу», где дряхлость антропоморфного дома противостоит юношеской живости «итальянских стариков» Мандельштама, акцентированные зубы подверглись наибольшему разрушению, а небо, к которому больше не прижимается язык, – здесь существенно его отсутствие, даже звонок в доме «пугает безголосьем» – оказывается воспаленным.

Если в приведенных примерах заметно общее влияние стихотворения и «Разговора о Данте» на текст Бродского, то в последующих речь идет только о Пересечениях с «Разговором о Данте».

«Начнем с письма. Перо рисует каллиграфические буквы, выводит имена собственные и нарицательные» [14. с. 146], пишет Мандельштам и эта фраза воспроизводится и развивается у Бродского: «Человек превращается в шорох пера на бумаге, в

кольца, / петли, клинышки букв и, потому что скользко, / в запятые и точки» (человек превращается в текст. Напомним, что в указанной элегии Овидий в качестве книги возвращается в родной город).

Говоря о Данте как о дирижере: «он самый большой и неоспоримый хозяин обратимой и обращающейся поэтической материи, самый ранний и в то же время самый сильный химический дирижер существующей только в наплывах и волнах, только в подъемах и лавированьях поэтической композиции» [14. с. 136], Мандельштам описывает символическую дирижерскую палочку: «И эта палочка далеко не внешний, административный придаток или своеобразная симфоническая полиция, могущая быть устраненной в идеальном государстве. <…> В некотором смысле эта неуязвимая палочка содержит в себе качественно все элементы оркестра» [14. с. 136]. У Бродского, как уже было сказано, каждая строфа имеет свой принцип организации. Восьмая, звучащая, изображает не столько симфонию, сколько какофонию: «Каменное гнездо оглашаемо громким визгом / тормозов <…> репродукторы лают о дороговизне», организуемую отнюдь не символической симфонической полицией: «Полицейский на перекрестке / машет руками, как буква "ж", ни вниз, ни /вверх».

Оформление этой строфы в полной мере соответствует соображениям Манндельштама относительно звучания тридцать второй песни «Inferno» как в звуковом отношении: «Мне кажется, Дант внимательно изучал все дефекты речи, прислушивался к заикам, шепелявящим, гнусящим, не выговаривающим букв и многому от них научился. <…> Губы то ребячески выпячиваются, то вытягиваются в хоботок. <…> Лабиальные образуют как бы «цифрованный бас» <…> К ним пристраиваются чмокающие, сосущие, свистящие, а также цокающие и дзекающие зубные. <…> Щипки, причмокиванья и губные взрывы не прекращаются ни на одну секунду» [14. с. 139], так и в содержательном: «В песнь вкраплен словарик, который бы я назвал ассортиментом бурсацкой травли или кровожадной школьной дразнилки: «cuticagna» — загривок; «dischiomi» — выщипываешь волосья, патлы; «sonar con eì mascelle» — драть глотку, лаять; «pigliare a gabbo» — бахвалиться, брать спрохвала. При помощи этой нарочито бесстыжей, намеренно инфантильной оркестровки Дант выращивает кристаллы для звукового ландшафта Джудекки (круг Иуды) и Каины (круг Каина)» [14. с. 140]. Накопление неблагозвучных звуков, и их акцентация: «быть за{п/к}леванным насмерть», «как буква "ж"», «неизбежность "ы" в правописаньи "жизни"», стилистически сниженный текст: «громада яйца, снесенного Брунеллески», – о куполе собора Санта Мария дель Фьоре, и даже дословные совпадения – «репродукторы лают», все это создает полноценную картину девятого круга ада, с которым у Бродского Флоренция – проходящая через все круги – ассоциируется в наибольшей степени, поскольку по отношению к Данте это город предателей (и именно поэтому декабрь вынесен в название, но на этой теме мы здесь останавливаться не будем).

Наконец, Мандельштам присутствует в стихотворении «Декабрь во Флоренции» непосредственно, в строке «дряхлый щегол выводит свои коленца» (Д. Бетеа указывает на двойную связь образа щегла в этой строке: с Мандельштамом через стихотворение «Мой щегол, я голову закину» [21. с. 68-70] и с Данте через нехватку терцин и проволочную Равенну, упоминая о пояснении Бродского переводчику этого стихотворения относительно решетки вокруг памятника Данте в Равенне [21. с. 266]). Образ щегла у Мандельштама является ключевым в основном цикле второй «Воронежской тетради» [См. 14], Н.Я. Мандельштам в воспоминаниях называет его «щеглиным» [10. с. 194], а щегла – «подобьем» Мандельштама [10. с. 194]. И.Сурат, говоря о том, что «образ щегла имел глубокую мотивацию, связанную не только с творчеством вообще, но и с природой и характером поэтической речи» [19], связывает его не столько с подмеченным Ахматовой внешним сходством с этой птицей, сколько с «птичкой Божией» из пушкинских «Цыган». Воронеж в стихотворении Мандельшта-

ма обозначается как «родина щегла» и, вместе с тем, в воспоминаниях Н.Я.Мандельштам, в противопоставление свободе щегла из стихотворения «Когда щегол в воздушной сдобе» (не из этой ли сдобы возникла кофейня в «Декабре во Флоренции»?), говорит о воронежской ссылке «щегла запрятали в клетку» [10. с. 194]. Именно поэтому, как нам кажется, «проволочная Равенна» оказывается внутри Флоренции, а не вне ее. Наконец, с щеглом Мандельштама сравнивает и сам Бродский в эссе «Сын цивилизации»: «Его величественное, задумчивое цезурированное течение сменилось быстрым, резким, бормочущим движением. Мандельштаму сделалась свойственна поэзия высокой скорости и оголенных нервов, иногда загадочная, с многочисленными перепрыгиваниями через самоочевидное, поэзия как бы с усеченным синтаксисом. И все же на этом пути она стала подобной песне не барда, а птицы с пронзительными непредсказуемыми переливами и тонами, чем-то наподобие тремоло щегла» [4. с. 99].

Таким образом, два этих стихотворения симметричны не только в отношении совпадения Флоренции с Петербургом и биографии Данте с биографией автора. Как за названным Данте у Мандельштама скрыт неназванный Овидий, так и в стихотворении Бродского за Данте, неназванным («Данте» – название стихотворения Ахматовой, из которого взят эпиграф, но в самом эпиграфе название отсутствует), но очевидным, скрыт, по нашему мнению, Мандельштам.

Литература

1. *Абаева-Майерс Д. М*ы гуляли с ним по небесам… (Беседа с Исайей Берлином) // Иосиф Бродский: труды и дни / Сост.: Л. Лосев, П. Вайль. М.: Независимая газета, 1998.

2. *Амелин Г.Г., Мордерер В.Я.* Миры и столкновенья Осипа Мандельштама. – М.: Языки русской культуры, 2001.

3. *Бродский И.* Декабрь во Флоренции // Сочинения Иосифа Бродского в 7 т. Т. 3. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 111-113.

4. *Бродский И.* Сын цивилизации // Сочинения Иосифа Бродского в 7 т. Т. 5. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001.

5. *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Независимая Газета, 1998.

6. *Гаспаров М.Л.* «Ода» Сталину и ее метрическое сопровождение // О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года / Российский государственный гуманитарный ун-т. – М., 1996.

7. *Гаспаров М.Л.* Поэт и культура (Три поэтики Осипа Мандельштама) // Избранные статьи. – М., НЛО, 1995.

8. *Жолковский А.* О неясной ясности. Логоцентрические заметки на полях стихотворения Мандельштама «Не сравнивай: живущий несравним...» // Звезда № 2 за 1999 г. [Электронный ресурс] URL: http://jgreenlamp.narod.ru/toskana.htm (дата последнего обращения 15.11.2016).

9. *Кушнер А.* В новом веке: стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2006.

10. *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. М.: Книга, 1989.

11. Мандельштам и античность. Сборник статей под ред. О. А. Лекманова. – М. "Радикс". 1995.

12. *Мандельштам. О.* Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс-Плеяда, 2009.

13. *Мандельштам. О.* Ленинград // Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 152-153.

14. *Мандельштам О. Э.* Разговор о Данте // Слово и культура: Статьи. – М.: Советский писатель, 1987.

15. *Минц Б.* Стихи о щегле и их место во «Второй воронежской тетради» Мандельштама // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика № 3, Т. 16, 2016. Сс. 294–301.

16. *Сегал Д. М.* Литература как охранная грамота. – М.: Водолей Publishers, 2006.

17. *Семенов В.* Иосиф Бродский в северной ссылке: Поэтика автобиографизма. Тарту: Tartu Ülikooli kirjastus. 2004.

18. *Сошкин Е.* Гипограмматика: Книга о Мандельштаме. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. [Электронный ресурс] Доступ при покупке на сайте Литрес. Систем. требования: Adobe Reader. Страницы указаны по файлу в формате PDF A4. – URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11956523 (дата последнего обращения 15.11.2016).

19. *Сурат И.* Этюды о Мандельштаме // Знамя № 7, 2005. [Электронный ресурс] URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2007/5/su15.html (дата последнего обращения 15.11.2016).

20. *Татевосян А.* По «следам» Данте. Комментарий к стихотворению И. Бродского «Декабрь во Флоренции». Вестник Ереванского университета. Русская филология. 2017, № 1 (7). С. 28-40.

21. *David M.* Bethea. Joseph Brodsky and the Creation of Exile. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994.

ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С.Т. АКСАКОВА: «ВОСПОМИНАНИЯ»

В.Е. УГРЮМОВ
Новосибирский государственный технический университет, Россия
v.u7@mail.ru

Ключевые слова: *«Семейная хроника», «Воспоминания», поэтика, стиль, деталь, теснота, болезнь, освобождение.*

В статье исследуется поэтика «Воспоминаний» С.Т. Аксакова. Указывается на характерный прием стиля автора: освобождение героя из тесноты к новой жизни. Рассматривается, как писатель применяет повтор детали, делая ее семантически значимой.

V. UGRYUMOV – Poetics of S.T. Aksakov's works of art: "Memories"

Key words: *"Family Chronicle", "Memories", poetics, style, detail, distress, illness, liberation, Universe.*

The article testes the poetics of S.T. Aksakov's "Memories". I point to the characteristic reception of the author's style: the character's liberation from the narrowness to a new life. I analyze how the writer applies the repetition of detail, making it semantically meaningful.

«Тесно стало моему дедушке жить <...> в родовой отчизне своей <...>» [Аксаков 1955а: 73], – так начинает Сергей Тимофеевич Аксаков «Семейную хронику», представляя эпическую картину переезда помещика с семьей, со всеми его крестьянами и вселение в новые обетованные земли. Тема освобождения из тесноты приобретает особый знаковый смысл духовного взросления героев, является ключевым событием в их жизни и проходит через все творчество писателя.

В «Детских годах Багрова-внука» в главе «Первая весна в деревне» мы вновь встречаем образ заточения в тесноту, на этот раз Сережи Багрова. Укрытый по материнскому наказу от мокрой погоды в родном доме, он стремится к освобождению навстречу весеннему, буйному воскрешению природы, навстречу прилетающим птицам и празднику Пасхи. С художественной точки зрения автора теснота воспринимается как крайняя форма болезни, освобождение (выздоровление) из которой приводит к обретению нового видения – новой земли и неба над ней. И если старик Багров находит и обживает пространство, то Сережа Багров духовно вселяется в это пространство, познает его как живое, прислушивается к именам птиц, которые произносит его отец, словно приводя в порядок весенний хаос. «Отец и Евсеич <...> указывали друг другу на птицу, называли ее по имени, отгадывая часто по голосу <...> Я держал за руку отца, пристально смотрел ему в глаза и с ним только мог говорить, и только о том, что мы сейчас видели» [Аксаков 1955а: 493-494]. Обозначенные мифопоэтические «миры» обоих аксаковских произведений взаимосогласуются и как бы «перетекают» друг в друга. С.Т. Аксаков индивидуален в своем художественном видении, его стиль – яркий показатель того преображения, которое претерпевает действительность в писательском сознании.

«Воспоминания» являются, прежде всего, автобиографическим документом. Все участники описываемых событий носят подлинные имена. Высокое художественное достоинство «Воспоминаний» позволяет читателю окунуться в богатый внутренний мир Сережи Аксакова и в яркую жизнь первых студентов Казанского университета. Автор показывает, как мальчик, воспитанный в самобытном крестьянском «космосе» мелкопоместного дворянства, в традиционном для русского человека мировоззрении, вступает в другой цивилизационный тип общества, основанный на либеральных идеях и ценностях. Жизнь в Казани, новые впечатления, друзья, увлечения, детали быта менее поэтичны и выпуклы, чем деревенская жизнь, в которой время идет по определенному, испокон веков, кругу, выверенному крестьянскими работами и христианскими праздниками. Объем новых познаний, событий и людей в «Воспоминаниях» своеобразно заставляют автора выступать в качестве летописца. Аксаков не только фиксирует события, но и образно передает переживание героем действительности,

что доказывает первая глава. Поступление в гимназию для ребенка есть прощание с матерью, с родовым гнездом и воспринимается им как заточение, стесняет его. То, что он чувствует, ярко изображено Аксаковым: «Огромное белое здание гимназии <...> показалось мне страшным очарованным замком, тюрьмою, где я буду колодником. Как все показалось мне противно! <...> Но всего более приводили меня в отчаянье товарищи <...>. Все были здоровы, довольны и нестерпимо веселы» [Аксаков 1955b: 24–25]. Слова «нестерпимо веселы» точно передают детское переживание. На пятидесяти страницах первой главы двадцать семь раз встречается слово «сердце»: «мысль <...> болезненно сжала мое сердце»; «сердце у меня оторвалось»; «материнское сердце»; «преисполнено мое сердце»; «страшное биение сердца» и так далее. Повтор детали делает ее семантически значимой, создает предпосылки для образного «сгущения мысли». Иногда автор ведет повествование не от первого лица, а от третьего, будто пробует оставить героя одного: «Дохнуло ее (весны. – В.У.) дыхание и потрясло нервы мальчика» [Аксаков 1955b: 30]. Болезненное, стесненное состояние героя вызывает ощущение сна как естественной защиты сознания. Сон встречается везде в первой главе: «во сне»; «сладкие сны»; «вижу сон»; «чтоб грезить наяву сладкими снами». Сны и воспоминания спасают мальчика. «Воспоминания из прошедшей моей жизни, которая вдруг представлялась моему воображению с живостью и яркостью ночных сновидений» [Аксаков 1955b: 33]. Эмоциональные переживания заканчиваются подробным описанием болезни, возникшей от нервного срыва. Мать приезжает к своему ребенку, чтобы забрать его обратно в деревню: «*Освобождение* (курсив мой. – В.У.) из каменного острога, как я называл гимназию, и возвращение в семейство, в деревню – казалось мне блаженством» [Аксаков 1955b: 48]. Поэтически описана картина отъезда из гимназии. Победный, великолепный шестерик лошадей, запряженный в тяжелую деревенскую карету, готов был увезти Сережу. Подчеркивая важность события, звучит точное число отъезда – 19 мая, указывается, словно для придания большей уверенности герою, что лошади могли делать по 90 верст в день – «крупные, четырехвершковые, сильные до невероятности, рысистые, не задушливые на бегу и не знавшие усталости» [Аксаков 1955b: 53]. День отъезда автор величает «настоящим днем». И «освобожденный» Сережа «радостными восклицаниями приветствовал все, что попадалось на дороге»[Аксаков 1955b: 53]. Не менее ярко Аксаков передает впечатление от приезда в родной сельский дом: «Когда мы подъехали, она (сестренка. – *В. У*) всплеснула ручками и закричала: "Братец Сереженька на козлах!.." Выбежала тетка и вывела брата, кормилица вынесла маленькую мою сестру! Сколько объятий, поцелуев радости, вопросов и ответов! Отец мой очень обрадовался; он не верил, чтоб удалось *высвободить меня* (курсив мой. – В.У.) из гимназии» [Аксаков 1955b: 56]. Мы понимаем, что слишком преждевременным был разрыв с родным домом.

Язык, которым Аксаков описывает детские переживания, сам по себе – поэзия. Автор рядом с героем, он сопереживает, волнуется и понимает, что новая жизнь ждет впереди. Автор сам начинает говорить с читателем, сравнивает чувства героя и свои, когда он, после двенадцатилетнего отсутствия, той же дорогой приезжал в Аксаково. «Я вызвал милое прошедшее, и рой воспоминаний окружил меня, но не весело, а болезненно, мучительно подействовали они на мою душу. <...> Старые меха не выдерживают молодого вина, и старое сердце не выносит молодых чувств <...>» [Аксаков 1955b: 56]. В этом образе виден не только старый писатель, посетивший места своего детства, но и молодой Сережа, вернувшийся в дом родителей, еще не догадывающийся, что приехал проститься. Его настигает неосознанная тоска, и он чувствует неожиданно ту тесноту, которую ощутил когда-то его дедушка, и переселился на новую землю. Такой «новой землей» станет для Сережи учение.

Вернувшись в родные места, Сережа «навещает» или пытается вновь пережить все то, что раньше было так дорого: и голуби, и два перезимовавших ястреба, и грачевая роща, и остров, – места, ставшие уже прошлым. Автор постоянно появляется в тексте и соединяет чувства своего героя и свои сегодняшние чувства взрослого человека. Во время пребывания Сережи в деревне попробовали установить новую мельницу (символ круговорота времени в крестьянском мировоззрении), но вода не пошла как надо. Новая мельница – новая жизнь героя в родовом доме – не состоялась. Осталась старая мельница, а повзрослевший Сережа уехал в новые пространства, в Казань.

Изображая болезнь героя в деревне (мы помним, что болезнь – стесненная жизнь), Аксаков использует бред Сережи, чтобы показать его духовное становление, ещё неосознанное стремление к освобождению из прошлой жизни для чего-то пока необъяснимого: «Иногда я вдруг вскакивал на ноги с пронзительным криком, дико глядел во все глаза и, беспрестанно повторяя: “Пустите меня, *дальше* (курсив мой – В. У.), прочь, мне нельзя, не могу, где он, куда идти!” – и тому подобные отрывистые, ничего не объясняющие слова, я бросался к двери, к окну или в углы комнаты, стараясь пробиться куда-то, стуча руками и ногами в стену» [Аксаков 1955b: 60]. Полное выздоровление завершается описанием деревенских гуляний, плясок и хороводов, которые будто сопровождают отъезд мальчика из родного дома. Герой словно заранее увлекается миром звуков человеческих отношений, чтобы было легче вступить в шумную семью учеников. И неожиданно меняется мировосприятие героя: «Я уже не находил в себе прежней беззаботности <...> и с большим вниманием стал вглядываться во все меня окружающее, стал понимать кое-что, до сих пор не замечаемое мною <...> и не так светлы и радостны показались мне некоторые предметы. Чувство, не испытанное мною до тех пор, особенного рода грусти стало примешиваться ко всем моим любимым занятиям, ко всем забавам <...>» [Аксаков 1955b: 73]. Родовое поместье уже не казалось Сереже идеальным миром, он перерос его. Аксаков через природные особенности передает ощущение героя, нетерпеливо ждущего весну: «Зима стояла долгая и упорная. Весна медленно вступала в свои права» [Аксаков 1955b: 73].

Отъезд Сережи из родового поместья победен или почти зеркален его предыдущему отъезду из Казани. Год, необходимый для взросления, подошел к концу, и торопливо исчезли «в короткое время <...> все признаки зимы». Снова, подчеркивая значимость момента, проявляется строгая точность – число отъезда. «Наконец, 26 июля *та же просторная карета, запряженная тем же шестериком* (курсив мой. – В.У.), с тем же кучером и форейтором – стояла у крыльца; такая же толпа дворовых и крестьян собралась провожать господ» [Аксаков 1955b: 78].

«Гимназия» и последующие главы имеют эмоционально-стилевую окраску, совершенно отличную от текста первой главы. Перед нами непосредственно воспоминания, рассказываемые писателем о своих школьных годах. Серьезность изложения, точность и строгая последовательность в описании событий и их участников становится основой стиля. Сережа внимательно анализирует свое состояние взросления: «Вторичная разлука наша с матерью далеко не сопровождалась такою мучительною горестью, как первая» [Аксаков 1955b: 81]. Новые впечатления при возвращении в гимназию удивляют героя: «Наконец, я опять увидел некогда страшную и противную мне гимназию, и увидел ее без страха и без неприятного чувства. Я очень этому обрадовался» [Аксаков 1955b: 81]. Сережа внимательно присматривается к ученикам и учителям: «Я учился, ездил или ходил в гимназию весьма охотно. Товарищи ли мои были совсем другие мальчики, чем прежде, или я сделался другим<...> нашлись общие интересы, родились желания сообщаться друг с другом» [Аксаков 1955b: 84] и спокойно замечает, что «время потекло правильно и приятно» [Аксаков 1955b: 114].

С целью показать со всех сторон, как изменилось психологическое состояние героя в период его взросления, Аксаков пользуется еще одной художественной деталью – описывает разницу в восприятии героем действительности: после первого года гимназии он уезжал из ненавистного «острога» на «славном шестерике» лошадей крупных, в тяжелой карете, а позднее, полюбив гимназию, уезжал на вакацию совсем по-другому. «За мной давно уже приехала *простая кибитка и тройка лошадей* (курсив мой. – *В.У.*)» [Аксаков 1955b: 84]. Временное наречие «давно» показывает нам, что на этот раз герой не торопится уезжать из Казани, и «простая кибитка» не обрадовала его. Тесно жить в мире, где царит хаос, и таким непонятным, пугающим хаосом казалась гимназия для маленького Сережи. Но происходит нравственное становление героя, другие ценности пополняют его мировоззрение, и хаос собирается в порядок, обращается в новый космос, семьей героя становится гимназия и подтверждение этому его слова: «По приезде моем я нашел всех учеников в сборе<...>» [Аксаков 1955b: 85].

Аксаков не упускает ни одной мельчайшей детали жизни гимназии, на первый план выходит типизация бытовых отношений, изображение быта. Автор постоянно вводит в текст отдельные новеллы как образцы растущего внимания героя к окружающей жизни. Например, рассказ – примечание к тексту об одном из наставников, Гурье Ивличе Ласточкине [Аксаков 1955b: 94-95]; подробная история жизни Григория Ивановича – другого наставника Сережи [Аксаков 1955b: 105]. Очень увлекательна история выхода замуж сорокалетней Евгении Степановны, которой «захотелось, хоть под старость, зажить своим домком, иметь свой уголок и быть в нем полной хозяйкой» [Аксаков 1955b: 109]. Красноречива судьба ее избранника – полковника Василья Васильевича Угличинина, «старого, кривого», служившего с четырнадцати лет, вывезшего со службы «небольшую сумму денег <...> мундир без эполет, горского, побелевшего от старости, коня, ревматизм во всем теле и катаракт на правом глазу» [Аксаков 1955b: 109]. Аксаков со вниманием описывает их семейное счастье, их отношения и как бы сам, пугаясь такой детализации, дает неожиданное размышление над подобным наблюдением: «Скажу только, что впоследствии, заезжая иногда в этот уединенный уголок и посмотря несколько часов на эту бесцветную, скромную жизнь, я всегда поддавался ее впечатлению и спрашивал себя: не здесь ли живет истинное счастие человеческое, чуждое неразрешимых вопросов, неудовлетворяемых требований, чуждое страстей и волнений? <...> Но когда задавал я себе вопрос, не хочешь ли быть Васильем Васильичем?.. – я пугался этого вопроса, и умилительное впечатление мгновенно исчезало» [Аксаков 1955b: 112]. Вслед за автором его герой, свидетель перечисленных историй, все чаще начинает задумываться над отношениями между людьми, над понятием счастья. И, вместе с этим, Сережа продолжает быть страстным любителем природы, которую уже не наблюдает восторженно, а по-взрослому переживает как свою радость, свой дом, в котором отдыхает. Особенность вставных новелл в тексте в том, что они одновременно являются и самоценными обособленными рассказами, и расширяют горизонты повествования.

Жизнь для героя кипит в стенах гимназии. Расширяется круг интересов и круг общения. Усиливается «событийность»: ход мысли автора движется быстрее, вселенная героя стремительно растет, появляются новые персонажи, завязываются новые отношения – друзья, театр, открытие университета в Казани, назначение в студенты. Появляется друг – своекоштный ученик Александр Панаев. «Он также был охотник до театра и русской словесности» [Аксаков 1955b: 121].

Глава «Университет» завершает «Воспоминания». Многочисленные новые персонажи не имеют ярко выраженных черт характеров, что соответствует реальной студенческой среде. Зато ярко и детально описан образ жизни студентов. На первом плане «содержится разнообразный и интересный материал, рисующий юность Акса-

кова, процесс его духовного вызревания, быт казанской гимназии и университета <...>» [Машинский 1973: 489]. Текст больше похож на дневниковые записи для себя или именно на воспоминания. Автор умело вселил своего впечатлительного героя в «армию студентов». И Сережа шумно и самозабвенно переживает свое студенчество. Он уже не говорит, что его привозят в родные места, а выражается совсем по-другому, немного отстраненно, часто употребляя гордо звучащее местоимение «я» или говорит уже совсем по хозяйски «мое». Аксаков передает возраст героя одним характерным словом «храпеть», и вот перед нами взрослый юноша: «Проснувшись поутру довольно поздно, я услышал, что родители мои тихо разговаривают между собою о каких-то делах, мне неизвестных. Наконец, заметив, что я перестал храпеть, мать тихо сказала моему отцу: "Надобно рассказать обо всем Сереже; ведь он ничего не знает"» [Аксаков 1955b: 155]. Аксаков показывает, как тускнеют для Сережи родные места, становятся дружнее, откровеннее и тише родители. О своих литературных опытах Аксаков замечает вскользь; грустно, как-то с эхом, повествует о чувстве первой любви; гордо о своем таланте чтеца; с уважением о дружбе с Александром Панаевым и почти что скороговоркой о театре; настороженно, с ревностью о приезде актера Плавильщикова и особенно живо рассказывает о своем увлечении – собирании бабочек. Думается, что рождение (освобождение) бабочки из хризалиды, золотистого цвета куколки, для Аксакова символизирует освобождение героя из тесноты родового поместья и его взросление в университете. Все эти тончайшие стилевые интонации придают многоголосие и неповторимый художественный колорит тексту, выказывают новые жизненные цели и идеалы героя.

«Воспоминания» заканчиваются на той же интонационной ноте, что и «Семейная хроника» – прощанием автора–героя с персонажами. «Прощай, шумная, молодая, учебная жизнь! Прощайте, первые, невозвратные годы юности пылкой, ошибочной, неразумной, но чистой и благородной. <...>Стены гимназии и университета, товарищи – вот что составляло полный мир для меня» [Аксаков 1955b: 162]. Получение аттестата, проводы товарищей, медленное схождение Сережи Аксакова с университетского крыльца, как когда-то с дедушкиного крыльца родового дома, – словно выход в новую неизведанную жизнь.

Особое видение, порождающее ход художественных ассоциаций Аксакова, основано на подлинном осознании героем окружающего мира и себя в нем как личность. Процесс упорядочивания увиденного воздвигает реальные берега в сознании героя, создает границы, которые воплощаются, со временем, в образ «тесноты». Герой Аксакова всегда стремится к освобождению, к вселению в новую вселенную, еще безымянную для него, чтобы вновь различать небывалое, создавать порядок, понимать и запоминать понятое, потому что память есть основная составляющая человеческой культуры.

Литература

1. *Аксаков С.Т.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М., Художественная литература, 1955a. 640 с.
2. *Аксаков С.Т.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М., Художественная литература, 1955b. 580 с.
3. *Машинский С.И. С.*Т. Аксаков: Жизнь и творчество. М., Художественная литература, 1973. 575 с.

ЖАНРОВЫЙ СИНТЕЗ В ПОВЕСТИ А.КРОНА «КАПИТАН ДАЛЬНЕГО ПЛАВАНИЯ»

Ю.М. ХОДЖОЯН
Ереванский государственный университет, Армения
khojoyan@ysu.am

Ключевые слова: *публицистические и художественные элементы, психологическая характеристика, расследование, документы, флот.*

Художественно-документальная повесть А.Крона “Капитан дальнего плавания”, в центре которой подробное описание героических морских “атак века” под командованием капитана III ранга, Героя Советского Союза А.Маринеско, вовлекает в себя множество судеб, дает возможность воссоздать картину об-

щенародного подвига, массового героизма. В статье показано, что повесть представляет собой яркий образец межжанрового синтеза, в котором органично сочетаются публицистические и художественные элементы.

YULIA KHOJOYAN – Genre synthesis in the Story «Captain of Far Seagoing» by A.Kron.
Key words: *publicistic and artistic elements, psychological characteristics, investigation, documents, fleet.*
Documentary-fiction story «Captain of Far Seagoing» by A.Kron, the centre of which is the detailed description of the heroic sea « attacks of the century» under the detachment of the captain of III range, the hero of Soviet Union A. Marinesko, involves many fates, gives the opportunity to restore the scene of the whole nation act of bravery, mass-heroism. In the article it is shown that the story is a bright model of intra-genre synthesis, where organically are combined publicist and artistic elements.

Повесть А.Крона “Капитан дальнего плавания” – яркий образец межжанрового синтеза, в котором органично сочетаются публицистические и художественные элементы (в произведении находят отражение признаки художественной, социально-психологической, ораторской прозы и журналистики). Исследуя события Великой Отечественной войны, автор одновременно дает возможность с предельной глубиной постичь неповторимую индивидуальность “подводника N1”, Героя Советского Союза А.Маринеско. Художественно-документальная повесть А.Крона, в центре которой подробное описание морских “атак XX века”, вовлекает в себя множество судеб, отражает картину общенародного подвига и массового героизма. Подобный подход становится возможным благодаря совмещению различных “ракурсов видения”, точек зрения, сопряжению фактического, документального материала с его художественной и психологической интерпретацией. Активное обращение автора к приемам ораторского искусства (использование большого количества риторических фигур, восклицаний, вопросов и т.д.) придает повествованию особую экспрессивность и позволяет вовлечь читателя в живой, интереснейший диалог с целью восстановить историческую правду, определив ту роль, которую сыграла подводная лодка “С-13” под командованием капитана III ранга А.И.Маринеско “для ускорения морального и физического разгрома гитлеризма”.[2] Г.Евсеева подчеркивает, что “привлечение значительного обúема архивных материалов писателями-документалистами второй половины XX века, новизна их подходов в освещении исторической тематики, – все это дало очередной толчок к изучению самых разных аспектов войны, установлению не только точности фактов, но и причинно-следственных связей между событиями для извлечения уроков истории”. [1]

Согласно первоначальному замыслу, в произведении должно было органично соединиться два повествовательных пласта: “аналитический обзор” (анализ документов о боевой деятельности командира “С-13”), выполненный прославленным флотоводцем, ученым-историком адмиралом И.Исаковым, и “психологический портрет”, созданный самим мемуаристом А.Кроном, дающий исчерпывающее представление о неповторимо-индивидуальных чертах характера отважного командира. Повесть, написанная уже после смерти И.Исакова, ярко отражает тяготение автора к использованию обширного арсенала средств, приемов документально-публицистических и художественных жанров.

Отметим, что в критической литературе мемуаристика относится к наименее исследованным литературным пластам. В сфере жанровых определений мемуаристики существуетвует множество обозначений; при этом нет единой теоретической концепции представления мемуаристики как метажанра. Мемуарист А.Крон, стремясь к всестороннему исследованию интересующих его проблем, в то же самое время пытается осмыслить исторический контекст собственной жизни. Именно память является тем необходимым “инструментом”, благодаря которому по крупицам воссоздается правда о минувшем времени. За счет избирательности памяти в большей степени и создается неповторимое своеобразие мемуарного произведения. Автор обращается

как к индивидуальным воспоминаниям, так и коллективным. А.Крон не просто констатирует факты, повествует о событиях прошлого, он разúясняет, убеждает, полемизирует, обличает, призывает к переосмыслению событий, уже получивших определенный резонанс в общественном сознании.

Относясь к особой модификации мемуаристики, литературный портрет синтетически обобщает сведения об описываемом человеке, отношение к нему современников и самого автора. Рисуя портрет А.Маринеско, А.Крон сплетает в единый комплекс биографические сведения, моральные, мировоззренческие качества командира "С-13". Рассматривая портрет персонажа как важный жанровый элемент в мемуарно-художественной и биографической прозе, исследователями и сегодня создаются разнообразные, многоаспектные классификации литературного портрета (И.Быкова, М.Альбрузи и др.). У А.Крона портрет предстает как составляющая биографии героя; как способ воплощения визуального впечатления о человеке, передающий особенности созданного в произведении характера; как одна из форм психологического анализа; как особая функция повествования и, наконец, как тип особого конструирования отношений "автор-повествователь-герой" и т.д. Портрет в повести А.Крона уточняет параметры характера героя, расширяет поле его значения, направляя в нужное русло процесс "чтения" образа персонажа.

М.Уртминцева отмечает: "Важная роль в создании образа в мемуарно-биографической литературе играет обобщение эмоциональной реакции от увиденного, поэтому портретной характеристике и визуальному впечатлению принадлежит значительная роль в обнаружении доминанты личности героя воспоминаний".[3] Примечательно описание внешности героя: "Круглое лицо. Нос картошкой, ни глубокомысленной складки между бровями, ни изобличающего железную волю квадратного подбородка. А в итоге – ощущение силы. Силы, которая себя прячет, а не демонстрирует. Прячет до поры…"[2] Автор пытается с точностью восстановить и зафиксировать реакции героя (его мимику, жесты, интонации) как в драматичные пероиды жизни, так и в мирные послевоенные дни. "…Изучение портрета как функции повествования в мемуарно-биографическом жанре, – пишет М.Уртминцева, – дает основание рассматривать его не только как элемент характеристики персонажа, как способ выражения авторской оценки изображаемого, но и как мотив, из которого вырастает сюжетная ситуация воспоминания".[3] Отметим, что и в произведении А.Крона функция визуального впечатления, с одной стороны, являясь способом воплощения образа, характера, с другой, является мотивом для развертывания повествования.

В повести находит отражение комплексная психологическая характеристика А.Маринеско, включающая как описание его внутреннего склада, так и анализ совершенных им поступков. А.Кроном выявляются индивидуальные привычки А.Маринеско, специфика его мышления и восприятия окружающего мира. Автор с максимальной скрупулезностью раскрывает базовые личностные качества героя, выявляет его эмоциональный настрой в целом. Повествование построено таким образом, что с первых же страниц повести А.Крон знакомит читателя с актуальными для А.Маринеско ценностями, показывает его "рабочие эмоциональные состояния", реакции в экстремальных условиях, способы самомотивации; говорит о наиболее повторяющихся переживаниях и мыслях героя. Так что к моменту описания "героических атак века" читателем уже со всей точностью может прогнозироваться поведение командира "С-13" в один из наиболее драматичных периодов его жизни.

С самого начала произведения внешняя сюжетная занимательность уступает место изображению сложных и интересных душевных состояний героя. "Живой" образ А.Маринеско показан сквозь призму его биографии (одесское детство, школьные пристрастия, одесский яхт-клуб, школа юнг, одесское мореходное училище, служба в торговом флоте, подводная служба, боевой путь, жизнь вне флота, драматичный ко-

нец). На каждом этапе жизни героя автор пытается выявить отношение меняющейся личности к действительности и самому себе. Описывая детство и юношеские годы А.Маринеско, А.Крон чутко фиксирует то, что сформировано в его герое социальной средой, семейной, культурной традицией. Все это, по убеждению автора, позволит глубже постичь яркую индивидуальность будущего "подводника N1", понять все его человеческие порывы, от героических до необъяснимых, эмоциональных, взрывных. В повествовании создается полнокровный психологический портрет человека, "с детства заряженного на подвиг". А.Крон убежден: "…Героем не делаются в пять минут. Самый подвиг может длиться секунды, но он всгда подготовлен всей предшествующей жизнью…"[2]

А.Крон скрупулезно исследует психологический и эмоциональный склад А.Маринеско, его темперамент, стиль мышления; пытается понять заключенные в его характере противоречия, присущие "многим незаурядным людям". В анализе личности "подводника N1" для автора важно проследить "путь от поступка к побуждению, от побуждения к характеру". Описание переломных моментов жизни А.Маринеско с наибольшей красноречивостью свидетельствуют о его непоколебимой воле и силе духа. На самых крутых виражах биографии цельность характера, понимание высшего долга перед Родиной заставляли героя "перешагнуть через себя, через свои желания и мечты, но не сломиться". Особое внимание автор уделяет первому – переломному этапу в жизни Маринеско, когда "из мира детских мечтаний о дальних неизведанных материках и океанских просторах", он "погружается в холодные глубины Балтики". А.Крон показывает непреклонную решимость молодого подвоника – "вложить всего себя в новую профессию, сделать ее призванием". Боевые атаки Маринеско 1945 года, описанные А.Кроном, ярко демонстрируют, какого высочайшего напряжения воли и ума они требовали от героя. По мере своего многостороннего анализа автор все более утверждался во мнении: "Январский рейд А.Маринеско 1945 года не был яркой вспышкой, на короткое время осветившей фигуру человека незаурядного, а предопределен всей его предшествующей жизнью". "Я увидел в Маринеско один из тех характеров, – писал Крон, – которые привлекали меня всегда. И в жизни, и в искусстве".[2]

В произведении А.Крон обращается к своеобразному эксперименту: свое устойчивое представление о характере героя автор пытается соотнести с профессиональным мнением известного ученого-биолога, члена-корреспондента АМН СССР Г.Н.Крыжановского. В беседах с ученым затрагивались вопросы, связанные с особенностями саморегуляции, самооценки, эмоциональных проявлений и коммуникативных способностей А.Маринеско. Отмечая высокий уровень волевой саморегуляции, ученый обнаружил в характере Маринеско соединение двух психологических типов. Г.Крыжановский определял это так: "Он был экстравертом (открытым, общительным) для тех, с кем был близок по духу и кому полностью доверял. Поэтому его так любили сверстники и команды кораблей. Для всех остальных он был интровертом. Вспомним его упрямое молчание о своих боевых заслугах в течение ряда лет. Соединение этих качеств в одном лице – свидетельство незаурядности их обладателя, нелегкое прежде всего для него самого…"[2] Интервью с Крыжановским полностью приводится Кроном в повести.

Воссоздавая реальные картины минувшвго, А.Кроном используются возможности как информацоинных жанров публицистики (заметка, интервью, отчет, репортаж), оперирующих первичной информацией, собранной автором что называется "по горячим следам", так и аналитических (статья, журналистское расследование, обзор печати, обозрение и т.д.). При этом повествованию свойственна яркая образность, эмоциональная выразительность и насыщенность литературно-художественными изобразительными средствами.

В поисках истины, связанной с жизнью, судьбой и подвигами А.Маринеско, автор, по сути, прибегает к своеобразному журналистскому расследованию (в годы ВОВ офицер на Балтийском флоте, участник обороны Ленинграда, Крон работал военным корреспондентом). За всесторонним рассмотрением вопроса стоит долговременное исследование предмета публикации. К своему "расследованию" Крон привлекает целый ряд документов: постановления, распоряжения властных органов; конфиденциальные документы, документы служебного характера; заявления официальных лиц и т.д. В произведении с точностью фиксируется весь ход работы автора: от составления плана, сбора и обработки первичной информации, работы с источниками – до систематизации собранной информации, формирования доказательной базы с целью утверждения непредвзятых, справедливых взглядов на важные факты войны.

В своих сжатых обзорах западноевропейских публикаций о Маринеско (романов, очерков, исторических исследований К.Беккера и Г.Шена, Ю.Ровера, И.Брока, Д.Миллера и Р.Пейна), А.Крон предельно жесток и однозначен: он исключает всякую двусмысленность в трактовке морских атак Маринеско 1945 года. Небрежностью в исследовании вопроса, грубой подтасовкой фактов, в некоторых случаях – "необузданной, дурно пахнущей фантазией", обúясняет А.Крон тяготение западноевропейских авторов к дискредитации образа советского подводника и подвига "С-13". Прямой вражеский выпад, элементы "информационной войны" со страной-победительницей находит А.Крон в подобного рода сфабрикованных и фальшивых статьях. Данные обзоры художественных и публицистических произведений, с одной стороны, информировали читающую публику об оценках и трактовках зарубежными авторами важных эпизодов ВОВ, с другой, несомненно, высвечивали сложные общественно-политические перепитии времени. В этой связи "авторское слово" – размышления А.Крона над прочитанным, услышанным, увиденным по поводу героя приобретали особую значимость, живо воздействовали на общественное сознание.

"Полную, не оставляющую почвы для лукавых домыслов правду" о январском рейде Маринеско 1945 года, автор черпает из живых рассказов, записей и писем самого Александра Ивановича, многочисленных свидетельств соратников капитана "С-13", материалов, опубликованных в советской печати (Н.Кузнецов, В.Полещук). Автором также используются фрагменты из разных интервью с адмиралом И.С.Исаковым, его записи, наброски, материалы, исследования, посвященные атакам подводной лодки "С-13". Так, шаг за шагом в произведении вырисовывается историческая правда об атаках Маринеско – как блестящих военных операциях, благодаря которым инициатива господства в морской войне на Балтике была прочно перехвачена советскими моряками. Примечательно, что потопленный А.Маринеско лайнер "Густлов" – был самой большой плавучей базой школы подводного плавания, готовившей тысячи подводников для новых лодок. Половину пассажиров лайнера составляли высококвалифицированные специалисты – цвет фашистского подводного флота. И.Исаков с уверенностью утверждал: "Подвиг "С-13" сам по себе настолько значителен, что не нуждается в преувеличениях и украшательстве… На исходе войны фашистскую Германию постигла катастрофа, перед которой бледнеют все сохранившиеся в памяти человечества морские катастрофы…"[2]

Образ Маринеско подается на фоне окружающей героя действительности. Автор воспоминаний постоянно переключает повествование с военных лет на мирные годы жизни страны, рисуя широкую панораму подлинной истории советского флота. В произведении упоминаются известные деятели военно–морского флота СССР (С.Богорад, Н.Лунин, А.Матиясевич, Г.Щедрин и др.), приводятся фрагменты из их воспоминаний о Маринеско. Автором емко намечены действия Балтийского флота в годы ВОВ; приводится краткий анализ действий советских подводных лодок, уточ-

няются боевые задачи, раскрывается суть военных действий подводных сил и морской авиации, называются потери.

Ярко чувствуется стремление автора “идти внутрь фактов”, к подчеркнутой точности описаний за счет чего и возрастает полнота фактической и психологической правды о войне. В частности, А.Крон обращается к деталям, связанным с устройством и характеристиками подводных лодок 40-х годов (внимание уделяется “Малюткам” и “Эскам” – подлодкам, на которых служил Маринеско). Автор нередко обращается к специальной терминологии (“узлы”, “обороты двигателя”, “боеспособность”, “торпедные установки”, “топливные системы”, “цистерны главного балласта”, “автономность” и т.д.) В произведении приводятся точные сведения (в цифрах) о возможностях субмарин. Так, вырастая из “факта”, повествование разрабатывается в сторону его детализации.

Рассуждения, раздумья автора публицистического характера касаются политико-идеологических, общественных, культурных отношений. В повести А.Крона “Капитан дальнего плавания” мы встречаемся с открытым авторским словом, почти автокомментарием к описываемым событиям, к рассматриваемым жизненным явле-ниям. Очевидно: автор повествования четко прогнозирует картину, которая должна возникнуть в общественном сознании; при этом Крон стремится воздействовать не только на разум, но и на чувства адресата. Образную, яркую трактовку получают понятия “интуиция”, “храбрость”, “дерзость”, “талант и героизм”, непосредственно связанные с личностью, сущностью героя.

Письма И.Исакова к А.Маринеско, также включенные А.Кроном в повесть, несут на себе черты интимной, задушевной беседы. “Не устаю восхищаться, – пишет Крон, – связавшей их заочной, недолгой, но истинной дружбой. Истинной – значит равной. В дружбе у моряков есть свой особый счет, не всегда совпадающий со служебной иерархией”.[2] Включение подобного рода писем в произведение, несомненно, создает определенный лирический подтекст и шире – лирический план, в котором главным является вечное: общезначимое, нравственное содержание.

Литература

1. *Евсеева Г.И.* Отражение событий и оценок Великой Отечественной войны в художественно-исторической литературе 90-х гг. XX века. Омск, 2002. [Электронный ресурс]

URL:http://www.dissercat.com/otraghenie/sobutij/i/ocenok/WELIKOJ/otechestwennoj/wojnu(Автореферат диссертации на соискание уч.ст.канд.ист.наук). Дата последнего обращения 22.04.2019.

2. *Крон А.А.* Капитан дальнего плавания. [Электронный ресурс] URL: http://www militera.lib.ru/bio/Kron/index.html. (Текст повести А.Крона цитируется по полной интернет-версии). Дата последнего обращения 2.03.2019.

3. *Уртминцева М.Г.* Жанр литературного портрета в русской литературе втор.пол.XIX в.: генезис, поэтика, типология. Нижний Новгород, 2005. [Электронный ресурс] URL: http://www. dissercat.com/conten/ghanr-literatutnogo-portreta-v-russ-lit-re.(Автореферат диссертации на соискание уч.ст.доктора фил.наук). Дата последнего обращения 20.04.2019.

СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ

О.В. ХРИПУНКОВА

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия

khripunkova.oxana@yandex.ru

Ключевые слова: *русская культура, русская литература, русский символизм, Русское Зарубежье, литературно-философская проза, неохристианство, историософия*

Статья посвящена художественному и культурфилософскому творчеству одного из выдающихся представителей культуры Русского Зарубежья Д.С. Мережковского. В статье проанализирована эволюция эмигрантского творчества Д.С. Мережковского. Автор статьи приходит к выводу, что творчество писателя в эмиграции стало выражением единой культурфилософской и художественной концепции, основы которой формировались еще в период его работы на родине.

OKSANA KHRIPUNKOVA – The originality of D.S. Merezhkovsky's work in emigration

Key words: *Russian culture, Russian literature, Russian symbolism, Russian Diaspora, literary and philosophical prose, neo-Christianity, historiosophy*

The article describes the artistic and cultural-philosophical work of the outstanding representative of the culture of the Russian Diaspora D.S. Merezhkovsky. The article analyzes the evolution of the emigrant work of D.S. Merezhkovsky. The author believes that the writer's work in emigration has become an expression of a single cultural, philosophical and artistic concept.

Многосторонняя личность Д.С. Мережковского стала знаковой в культуре Серебряного века и Русского Зарубежья. Художественное творчество и культурфилософские идеи писателя и мыслителя в полной мере отразили, с одной стороны, противоречия эпохи конца XIX – первой половины XX веков, а с другой - стремление русских художников и мыслителей того времени к культурному синтезу, связанному с переоценкой ценностей культуры и с новой интерпретацией искусства, философии, религии, политики и любой культурной деятельности.

Даже с переходом на положение эмигранта Д.С. Мережковский продолжал оставаться рупором духовных запросов, идей, характерных черт, настроений, и интересов представителей русской культуры.

Как и для многих других русских интеллигентов, эмиграция для Д.С. Мережковского носила идеологический характер. Она была связана с последствиями Октябрьской революции 1917 года. В результате социальных изменений Россия «потеряла свою национальную физиономию» [Пио-Ульский 1939], что не давало возможности этим людям принять новый государственный строй.

М.В. Вишняк выделил три основных направления деятельности Д.С. Мережковского во время эмиграции, определив их как «водительство литературно-художественное, религиозно-философское, общественно-политическое» [Вишняк 1957 : 333].

Представление Д.С. Мережковского о своей культурно-просветительской миссии определялось тем, что он принял зарубежье как часть родины. Поэтому духовное предназначение эмиграции трактуется им как сохранение и развитие традиций культуры России.

В беседе с Ю. Сумороком, издателем и редактором газеты «Наш край», Мережковский-эмигрант на вопрос о ближайших планах отвечает, что главной своей задачей считает содействие возрождению и воскресению России [Суморок 1920 : 3].

В эмиграции Д.С. Мережковский развивает следующие ключевые положения своего творчества: продолжение традиций единства философии и русской литературы, христианское мировоззрение и антипозитивизм, мистический аспект христианства, мессианское предназначение России в консолидации христианских церквей ради спасения человечества, решение социально-политических проблем путем создания религиозных концепций будущего. Следует отметить, что Д.С. Мережковский остался в числе немногих отечественных мыслителей, которые продолжили развитие идеи «нового религиозного сознания» в условиях новой социальной реальности. Это свидетельствует о цельности его религиозно-философской концепции.

Стараясь разобраться в том, что случилось в России и спрогнозировать будущее человечества, мыслитель занимается поиском истоков христианской религии, стремится отыскать ее предвестие в восточной мистике и античных культах. Творчество эмигрантского периода Д.С. Мережковского начинается с романов «Тутанкамон на Крите» и «Мессия», раскрывающих тему древних цивилизаций. Интересна история их создания, потому что она помогает понять, как у автора формируется новый взгляд на христианство и его роль в современном обществе. По сути это была последняя «идейная метаморфоза» [Зобнин 2008: 88] Мережковского-«богоискателя», которая определила специфику его последующего творческого этапа.

Рубеж XIX-XX веков ознаменовался величайшими археологическими открытиями. Г. Шлиман ведет раскопки в Средиземноморье, доказывая существование древ-

них цивилизаций, описанных Гомером. Английский археолог А.Эванс исследует открытые им на острове Крит города, царские дворцы, храмы и мастерские. Величайшим событием, потрясшим воображение всего мирового сообщества, стали раскопки гробницы фараона Тутанхамона в Долине Мертвых в Луксоре, произведенные английским египтологом Г. Картером. Мир с изумлением знакомился с богатым культурным наследием древнейших цивилизаций.

Д.С. Мережковский также с интересом следил за успехами археологической науки. Он с удивлением приходил к выводу, что по открывающимся артефактам древних цивилизаций можно судить о непредсказуемой близости религиозных верований Древнего мира с определенными положениями христианства. Изучая культурное наследие Крита, Вавилона, Древнего Египта, мыслитель всюду находил совпадения древнейших культов с христианским учением, его символикой и обрядами. Тема «вневременной», непреходящей сущности христианства с точки зрения Д.С. Мережковского приобретала «глобальный» характер.

Рассуждая об этих совпадениях, мыслитель приходит к выводу, что человечество всегда и во все времена верило в одно и то же. Разнообразные же вероисповедования означают лишь приближение личности или любого общества к Истине, которая, по мнению мыслителя, во всей полноте проявилась в Иисусе Христе: «Очень хорошо говорит об этом бл‹аженный› Августин: „То, что мы называем христианством, было от начала мира, пока не пришел Христос во плоти и бывшая от начала истинная религия не получила названия: Христианство“. Лучше, точнее нельзя сказать. Это и значит: тени к Телу ведут; боги всех погибших миров, заходящие солнца всех Атлантид ведут к незакатному Солнцу – Христу» [Мережковский 2007:219].

Исследуя открывшиеся миру документальные свидетельства древнейших культур, Д.С. Мережковский делает вывод о том, что кроме борьбы христианства с «антихристианством» в истории человечества по сути ничего нет и не было.

«Египетская дилогия» отличалась от предшествующих романов Д.С. Мережковского. Если раньше центральной идеей его произведений была «метафизика личности», то здесь писатель обратился к «общекультурной» концепции. Это привело к тому, что «романическая» основа повествований (личностные взаимоотношения, характеры героев и т.п.) ушли на второй план. На первом же плане оказался мир архаических цивилизаций. Этот мир в образе Крита и Египта и стал главным действующим лицом в романах. Он был изображен Д.С. Мережковским необычайно выразительно. Эта выразительность деталей, в которых, по мнению писателя, претворяется «тайна прахристианства», завораживает читателей настолько, что, как отмечают некоторые исследователи, сюжет сложно воспринимается и служит, скорее, связкой между описаниями.

Автор и сам понимал, что «культурологическая» тема, к которой он обратился, начиная с 1919 года, плохо вписывается в рамки существующих художественных жанров. Поэтому романы «Тутанкамон на Крите» и «Мессия» стали его последними «художественными» произведениями.

В своей книге «Русская литература в изгнании» Г.П. Струве говорит о том, что после «Мессии» Д.С. Мережковский к беллетристике больше не обращался и отказался от формы «исторического романа». Все, что он написал после 1926 года, трудно отнести к какому-либо определенному жанру. Однако Г.П. Струве отмечает, что произведения писателя данного периода можно назвать «художественно-философской прозой» и подчеркивает: «Правильнее же сказать, что это единственный в своем роде Мережковский» [Струве 1996: 173].

Поздняя проза Д.С. Мережковского отражает мир, который, «охватывая все минувшие эпохи, запечатлел в себе единый образ, Того, Кем был создан, спасен и к Кому придет в “конце времен”» [Зобнин 2008:91].

Г.В. Адамович писал, что Д.С. Мережковский всю свою жизнь размышлял о Евангелии. И через все эти рассуждения и построения он стремился к «Иисусу Неизвестному», воспринимая его как цель, как завершение своей мировоззренческой и творческой эволюции. На этом пути были повороты и отклонения, но, согласно мнению Г.В. Адамовича, Д.С. Мережковский вряд ли воспринимал их как отклонения от главной цели. Напротив, отмечает исследователь, все это «должно было внести ясность в единственно важную тему и подготовить рассказ и размышление о том, что произошло в Палестине девятнадцать столетий назад» [Адамович 2001: 394].

А Б.П. Вышеславцев дал следующий комментарий к этой книге Д.С. Мережковского: «Главное достоинство книги Мережковского, – писал он, – в абсолютной оригинальности его метода: это не „литература“ …, не догматическое богословие…; это и не религиозно-философское рассуждение – нет, это интуитивное постижение скрытого смысла, разгадывание таинственного „Символа“ веры, чтение метафизического шифра, разгадывание евангельских притч, каковыми в конце концов являются все слова и деяния Христа» [Вышеславцев 2001: 370].

Если обратиться к статье «Две реформы», написанной Д.С. Мережковским в начале Второй мировой войны, то это даст нам возможность увидеть ключевые религиозно-общественные идеи, выраженные им в «Иисусе Неизвестном», «Реформаторах» и «Франциске Ассизском». В ней автор пишет о том, что сегодняшний мир погибает, потому что «нет полного спасения, полного христианства, полного Христа, а есть только полу-спасение, полу-христианство, полу-Христос, или какие-то их бесконечно малые дроби». Д.С. Мережковский утверждает, что «всякой душе нужен экстаз для жизни» и « люди благочестивые … знают имена восходящих ступеней экстаза: честь, долг, знание, красота, любовь; христиане же знают имя и высшей ступени, самое забытое и неизвестное: Христос». Мыслитель уверен, что «Вечный Мир - начало Царства Божия» может наступить только в результате соединения всех религий в единую вселенскую Церковь [Мережковский 1984].

Другое программное с точки зрения культурфилософских воззрений Д.С. Мережковского произведение – «Лица святых от Иисуса к нам». В нем отразилась эволюция взглядов мыслителя на христианство.

Американский филолог Т. Пахмусс, исследуя духовное наследие Д.С. Мережковского на основе частных архивов, отмечает, что в поздний период творчества он делает мировоззренческое заключение: необходимо преображение Церкви. Нужна новая, жизненная, единая Невидимая Церковь, которая придет на смену Церкви Видимой. Нужно найти к ней путь. Для этого «необходимо вечное Пришествие – Присутствие Христа на земле» [Пахмусс 1990].

С 1930-х годов Д.С. Мережковский высказывался в поддержку христианского экуменического движения. Возможно, он надеялся, что слияние более «духовных» протестантских конфессий с «материализмом» католической церкви приведет к желаемому церковному синтезу. Мыслитель с радостью и надеждой приветствовал Эдинбургскую экуменическую конференцию, на которую в 1937 году собрались представители 120 христианских (в основном протестантских) конфессий.

По словам Т. Пахмусс, «The Conference on Faith and Order» 1937 года в Эдинбурге для Д.С. Мережковского была подтверждением того, «что собравшиеся там участники сорока племен и ста двадцати христианских вероисповеданий положили начало Вселенскому Собору, Будущей Церкви Трех – Отца, Сына и Св. Духа» [Пахмусс 1990].

Литературно-философская проза Д.С. Мережковского в 1930-х годах отражает и его эсхатологические настроения. Революционные и постреволюционные события в России он расценивает как предвестие грозящей катастрофы и предрекает вероятный крах цивилизации Запада. В то же время, Д.С. Мережковский указывает на возмож-

ность духовного спасения человечества. Его рассуждения обретают глубокий экзистенциальный характер, переносятся в сферу художественно-религиозного представления о будущем.

В этой связи мыслитель прибегает к античной и средневековой традиции, тщательно исследует классическую и постклассическую философскую мысль Запада. Наиболее интересными для него являются труды Демокрита, Аристотеля, Платона, Августина Блаженного, Франциска Ассизского и Иоахима Флорского. Наибольшее воздействие на мировоззрение Д.С. Мережковского в данный период оказали идеи Вейнингера, Бергсона, Паскаля, Унамуно. Все это в определенной степени способствовало движению мыслителя к созданию собственной оригинальной культурфилософской концепции.

В качестве господствующей идеи концепции Д.С. Мережковского в период эмиграции может быть взят культурный миф, базирующийся на историософском векторе его творчества. Основой мифа является история христианского вероучения, воспринятая через призму «истинного смысла» религиозной мистерии «Трёх», воплощенного в сочинении мыслителя «Тайна Трёх». Этот миф проявляется также в «Атлантиде-Европе» и наиболее ярко воплощается в «Лицах Святых от Иисуса к нам». Он охватывает восточный топос истории, который воспринимается Д.С. Мережковским историософским хронотопом, имеющим священное значение.

Значимый компонент этой культурфилософской концепции – перенесение принципа троичности на метафизическое понимание Эроса. Оно складывается еще в период русского религиозно-философского Ренессанса рубежа XIX-XX веков, когда русскими мыслителями озвучивается мысль о существовании глубинной связи пола с идеей Воскресения.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что творчество Д.С. Мережковского в эмиграции стало выражением единой культурфилософской концепции, основы которой формировались еще в период его работы на родине.

Период эмиграции в творческом процессе Д.С. Мережковского можно считать качественно новым этапом и, в некотором смысле, кульминацией развития его художественного творчества и культурфилософских воззрений.

Литература

1. Адамович Г.В. Мережковский / Мережковский Д.С.: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. А. Н. Николюкина. СПб.: РХГИ, 2001. - 568 с.

2. Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington: Indiana University Press, 1957. - 333 с.

3. Вышеславцев Б.П. Иисус неизвестный / Мережковский Д.С.: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. А. Н. Николюкина. СПб.: РХГИ, 2001. - 568 с.

4. Зобнин Ю.В. Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. Москва: Молодая гвардия, 2008. – 435 с.

5. Мережковский Д.С. Две реформы. [Электронный ресурс.] URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1839_dve_reformy.shtml Дата последнего обращения 20.05.2019.

6. Мережковский Д.С. Тайна Запада: Атлантида-Европа/ Под. ред. М. Яновской. М.: Эксмо, 2007. – 672 с.

7. Пахмусс Т. Вступительная статья / Мережковский Д.С. Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль. [Электронный ресурс.] URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1942_reformatory.shtml Дата последнего обращения 20.05.2019.

8. Пио-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и ее роль в культурной жизни других людей. (Белград, 1939). [Электронный ресурс.] URL: http://ricolor.org/rz/statii/rzr/2/ Дата последнего обращения 20.05.2019.

9. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Издание третье, исправл. и дополн. - Париж – Москва: YMCA-Press - Русский путь, 1996. – 466 с.

10. Суморок Ю. Беседа с Д.С. Мережковским // Виленский курьер. 1920. № 244, 28 февраля.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ. ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

СЛЕД РОМАНА Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?» В ТВОРЧЕСТВЕ РАФФИ И М. НАЛБАНДЯНА

М.М. АДУЛЯН
Ереванский государственный университет, Армения
m.adulyan@ysu.am

Ключевые слова: *Чернышевский, «Что делать?», Раффи, Налбандян, «Хент».*

Целый ряд армянских писателей проявляли живой интерес к Николаю Гавриловичу Чернышевскому и к его роману «Что делать?». Это самое значительное произведение Чернышевского оставило свой след в армянской литературе и стало источником вдохновения и идей для ряда армянских писателей XIX века. В данной статье предпринята попытка показать след, который оставил роман «Что делать?» в творчестве Раффи и М. Налбандяна.

MARINE ADULYAN – The trace of Chernyshevsky's "What to do" in the works of Raffi and M. Nalbandyan

Key words: *Chernyshevsky, "What to do?", Raffi, Nalbandyan, "Mad"*

A number of Armenian writers showed a keen interest in Nikolai Gavrilovich Chernyshevsky and in his novel "What to do?". This most significant work of Chernyshevsky left its mark on Armenian literature and became a source of inspiration and ideas for a number of 19th century Armenian writers. This article attempts to show the trace that left the novel "What to do?" In the works of Raffi and M. Nalbandyan.

Н.Г. Чернышевский оказал большое влияние на общественную жизнь России второй половины XIX века, однако популярность его личности и заинтересованность его творчеством распространились и в более широкой среде.

Известно, что некрасовский «Современник», ведущим сотрудником которого являлся Чернышевский, журнал, в котором печатались литературно-критические и публицистические статьи Чернышевского, а затем и его роман «Что делать?», имел своих подписчиков в Эривани, Караклисе, Дилижане, Александраполе и других армянских городах.

Связи Чернышевского с молодежью Закавказья были настолько крепкими, что царское правительство опасалось бегства писателя, с ее помощью, за границу - через Эривань в Турцию или Иран. «Совершенно секретный» документ, свидетельствующий об этом, приводится Г. Н. Овнаном в его книге «Армяно-русские литературные связи…»[1].

Наиболее важно, однако, то, что и голос Чернышевского - литературного критика и публициста, и его роман «Что делать?» оставили свой след в армянской литературе.

В первую очередь здесь следует выделить и осветить ту связь с Чернышевским, которая проявилась в творчестве классика армянской литературы, писателя, известного своими историческими романами, публициста и общественного деятеля Раффи (Акопа Мелик-Акопяна).

Как известно, большая часть армян в 70-80-х годах XIX века подвергалась угнетению со стороны ханов, пашей и беков, что определяет идейную направленность произведений армянского писателя, их проникнутость идеями национально-освободительной борьбы.

В романе «Хент» («Безумец», 1880) Раффи показал ту роль, которую играла Россия на Востоке, в том числе и в Армении, в деле освобождения угнетенных народов. Первым, кто обратил внимание на схожесть высказанных в «Хенте» идей с мыслями Чернышевского, был западноармянский писатель А. Айкуни, который сотрудничал также с издававшейся в Тифлисе армянской газетой «Мегу Айастани».

Армянский литературовед Г. Овнан был первым в истории армянского литературоведения и критики, кто рассмотрел роман «Хент» с точки зрения отражения в нем

революционных идей романа «Что делать?», подробно останавливаясь при этом на отличиях в изображении утопического будущего у Чернышевского и Раффи. Приходится сказать, однако, что сегодня, со сменой идейных приоритетов и установок после распада СССР, эти наблюдения и мысли Г. Овнана потеряли свою актуальность.

Идеи Чернышевского Раффи развил применительно к армянской действительности. Мы находим сходства не только в идейно-политических взглядах писателей, но и в художественно-композиционной структуре их романов, что сказывается, в частности, в хронологической последовательности действия романов: «Что делать?» и «Хент» начинаются с тех событий, причины которых раскрываются далее: у Чернышевского – с псевдосамоубийства главного героя, а у Раффи – с осады крепости турками, что вызвано конкретными задачами, которые ставил перед собой каждый из писателей.

Другая художественная особенность обоих романов состоит в том, что авторы сознательно рисуют картины будущего (где царит равенство, свобода, любовь, красота) в снах главных героев: Чернышевский - в сне Веры Павловны, а Раффи – в сне Вардана.

Сравним два этих сна. Сон Веры Павловны у Чернышевского:

« Здание, громадное, громадное здание, каких теперь лишь по нескольку в самых больших столицах, - или нет, теперь ни одного такого! Оно стоит среди нив и лугов, садов и рощ… Неужели это пшеница? Кто ж видел такие колосья? Кто ж видел такие зерна? Только в оранжерее можно бы теперь вырастить такие колосья с такими зернами. Поля, это наши поля; но такие цветы теперь только в цветниках у нас. Сады, лимонные и апельсинные деревья, персики и абрикосы, - как же они растут на открытом воздухе?... «И все так будут жить?» - «Все…для всех вечная весна и лето, вечная радость» (I, 375)[2].

А вот сон Вардана у Раффи:

«Казалось, время ушло далеко вперед, и он видел Армению, разрушенную, опустошенную Армению совершенно обновленной. Что это за чудесное превращение! Неужели потерянный рай возвратился на землю?.. Это не был тот рай, в котором человек жил не работая, не производя, питаясь плодами со щедрого стола чудесной природы. Это был другой рай, созданный человеком, его усилиями и честным трудом; вместо неведения в нем господствовало мудрое знание, а вместо патриархальной жизни — разумная цивилизация… …Вот видит Вардан деревню. Разве это не село О..., провинции Алашкерт? Знакомые окрестности; те же горы и холмы, та же река и зеленая долина, все — старое, знакомое. Течение веков ничего здесь не уничтожило, ничего не унесло, а только видоизменило. Но как неузнаваемо стало село! Не видно больше жалких землянок, которые походили больше на звериные берлоги, чем на жилища людей. Вместо них каменные, белые как снег дома, окруженные роскошными садами. Ровные, широкие улицы осенены тенью вечнозеленых деревьев, а подле них струятся прозрачные, как хрусталь, ручьи»[3].

У Раффи устремленность в светлое будущее осложняется национально-историческими реалиями. Это борьба армян за свободу от гнета турок, боль за поруганную честь армянского народа и культуры, и потому в мечтах его героя - обретшая свободу и независимость страна, где говорят только на чистом армянском языке: «Везде царил дух просвещения. Неизменным остался только армянский язык. Но как развился этот язык! Какими красивыми оборотами звучал он теперь в устах армянина!»(301).

Интересно, что и у Чернышевского упомянут язык будущего – русский. «Неужели ж это мы? неужели это наша земля? Я слышала нашу песню, они говорят по-русски», - произносит Вера Павловна в своем утопическом сне.

В главных образах своего романа Раффи также следует Чернышевскому, создавая новый тип героев. Заслуживает внимания, что в начале повествования армянский

писатель дает следующее примечание к имени своего главного героя: «Настоящее имя молодого человека Сампсон, но я из героя моего создал новый отдельный тип» (33). В обоих романах - люди нового типа, которые способны изменить настоящее и представить, каким будет будущее.

Если у Чернышевского светлое будущее представлено в сне Веры Павловны, находящейся у себя дома и в своей постели, то у Раффи утопический сон снится измученному в борьбе за освобождение родины молодому человеку на могиле любимой девушки. Личная трагедия Вардана переплетается во сне с идеей освобождения армян. Как отмечает сам Раффи, сердце героя «удручили две любви»(47), которые по существу неотделимы одна от другой; это — любовь к родине и любовь к девушке, которую хотели подвергнуть нравственному угнетению, насильно жениться на ней. Вардан мучается вопросом: «Зачем же заботиться только о Лала? Зачем оставлять общее дело и идти за личным?..»(177).

Единение людей возможно, по Чернышевскому, при наличии общего дела, при равенстве материального состояния. Эта идея раскрывается через образ открывающей швейную мастерскую Веры Павловны, что, по замыслу Чернышевского, является первым шагом к изменению психологии людей.

Эту мысль в романе «Хент» подхватывает и продолжает старик Хачо: «А у нас?... Всякий тянет свою лямку и думает только о себе, до другого ему дела нет; пусть будет что будет, ему нет времени заботиться о нем. Какое ему дело до других, если сам он спокоен, если никто не трогает его? Глупцы! Они не понимают, что каждый существует для всех, а все для каждого» (71). Вардан же, как представитель нового типа людей, понимает, что нужна общность, именно поэтому оставляет свои личные переживания и бросается освобождать страну от турок. И как носителю этой идеи ему снится приведенный выше сон.

Другой герой романа Раффи, выразитель идей, схожих с идеями Чернышевского, Дудукджян, который видит смысл своей жизни в работе на благо нации: он собирается открывать школу в деревне и готов учить не только юношей, как тогда было принято в Армении, но и девушек. Однако общество не приняло его возвышенных порывов, и это начинание не увенчалось успехом. Зато в своем сне уже Вардан видит такую картину: «Утро. Из домов выходят группами деревенские ребята, здоровые, веселые и чистенькие. Мальчики и девочки – все вместе, с книгами в руках спешат в школу» (300).

После Берлинского конгресса армянскую общественность особенно остро волновал только один вопрос: «Что делать?». Раффи романом «Хент» попытался по-своему ответить на него, черпая идеи у Чернышевского.

С Чернышевским, с его революционно-демократическими идеями и деятельностью тесно связано имя выдающегося армянского литературно-общественного деятеля, поэта, публициста и философа-материалиста Микаэла Налбандяна (1829-1866). К вопросу об их личном знакомстве мы обратимся в последней главе нашей работы, в этой же обратимся к отражению идей Чернышевского в творчестве Налбандяна.

Как известно, идейное и литературное становление Налбандяна происходило в эпоху общероссийского движения середины 19-го века, что и определило направление, идеи и темы его творчества. Именно по этой причине, как бы нам ни хотелось избежать революционной и материалистической тематики, придется обратиться и к ней. В годы учения в Московском университете (1854-1858) и, в особенности, в период активного сотрудничества в журнале «Юсисапайл» («Северное сияние»), который издавался в Москве, Налбандян ориентировался на «Современник». Но с самого начала стоит отметить, что в случае Налбандяна это было не просто механическое заимствование и восприятие чужих идей. Поэт вбирал, впитывал их, а затем вырабатывал, выдвигал свои, носившие творческий характер идеи. Т.е., воспринимая, ос-

мысляя явления русской жизни, действительности, настроения и взгляды русских авторов и деятелей, Налбандян применял их в отношении действительности армянской.

В начале октября 1853 г. Налбандян получает в Москве должность младшего учителя армянского языка в Лазаревском институте восточных языков.

Один из крупнейших очагов просвещения, способствовавший сближению армянской и русской культур, был основан в Москве в 1815 г. и просуществовал до 1918 г. Здесь слушали лекции о Востоке Грибоедов и Пушкин, в гимназических классах института учился И. С. Тургенев. Позже здесь учились Ю. Веселовский, К. Станиславский и другие деятели русской культуры.

Институт сделал очень многое для пропаганды русской литературы среди армян. В 1843 г. Ованнес Амазаспян выпустил в Москве сборник армянских переводов стихотворений Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Баратынского и Гнедича, что положило начало систематической публикации произведений русской литературы в армянской печати.

В Лазаревском институте преподавал и видный общественный деятель и писатель Арутюн Аламдарян, автор изданного в Москве «Краткого российско-армянского словаря» (1821). Ему принадлежит и учебное пособие «Законы русской грамматики», где приводятся отрывки из сочинений Хемницера, Дмитриева, Крылова, Карамзина и других русских писателей.

В 50-х годах в институте армянскую литературу читал профессор Мкртич Эмин (1815-1890), который еще при жизни Пушкина перевел на армянский язык его поэмы «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан». Он же переводил Крылова, Гоголя и Тургенева.

С Лазаревским институтом связана деятельность выдающегося армянского просветителя Степаноса Назаряна (1814-1879) – издателя прогрессивного армянского журнала «Юсисапайл» («Северное сияние»). Микаэл Налбандян познакомился с ним вскоре по приезде в Москву, и с этих пор между ними установилась искренняя дружба.

Степанос Назарян окончил философский факультет Дерптского университета, где он учился одновременно с Хачатуром Абовяном. В Петербургском университете Назарян слушал лекции известных востоковедов – академиков Броссе и Френа, основательно изучил классическую немецкую философию – Канта, Шеллинга, Гегеля, творчество Шиллера и Гете.

В 40-х годах, будучи профессором Казанского университета, он защитил докторскую диссертацию по творчеству великого персидско-таджикского поэта Фирдоуси, изданную на русском языке в Москве и Казани.

Армянский исследователь С. Даронян в своей книге «Микаэл Налбандян. Проблемы творчества и литературных связей» отмечает, что в 12-ом номере журнала «Современник» за 1851 г. на стр. 48-51 в статье «Новые книги (ноябрь 1851)» им обнаружена никогда не привлекавшая внимание специалистов рецензия на диссертацию Назаряна. В ней отмечалось, что анализ, данный Назаряном поэзии Фирдоуси, глубок и всесторонен, что работа армянского ученого «написана очень хорошим языком, показывает в авторе образованного, хорошо знакомого и с европейской литературою»[4].

Стоит отметить, что Фирдоуси и его поэма «Шахнаме» вызывали интерес и у Чернышевского, серьезно занимавшегося изучением восточных языков и литератур. В романе «Повести в повести» (1863), написанном в Петропавловской крепости, Чернышевский с восторгом говорил о Фирдоуси, ставя его в ряд с Мильтоном, Шекспиром, Боккаччо и Данте (ПСС, XII, 132, 137, 694). Возможно, он был знаком и с

двухтомным трудом Назаряна, о выходе которого мог узнать как раз из рецензии «Современника».

Время пребывания Налбандяна (начало 1860-го) в Петербурге совпало с этапом нарастающего освободительного движения, в первых рядах которого, как известно, стоял и Чернышевский. В 1860 г. в «Юсисапайле» публикуется одно из самых известных стихотворений М. Налбандяна «Дни детства»:

Не лира нежная теперь нужная –
В руке бойца неотвратимый меч.
Огонь и кровь на голову врага!
Вот жизни смысл, вот боевая речь! [5]

(Пер. В. Звягинцевой)

Еще в начале 50-х Чернышевский писал: «…У нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем… А чем кончится это? Каторгою или виселицею» (I, 418-419).

С этими словами перекликается стихотворение «Свобода» Налбандяна, написанное за год до «Дней детства»:

«Свобода!» - восклицаю я.
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь.
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!» (I, 18)

(Пер. В. Звягинцевой)

Заметно влияние русского критика на литературно-критическую деятельность и на эстетические взгляды армянского поэта. Так, в посвященной армянской литературе большой статье «Критика «Сос и Вардитер» (1864), написанной во время заключения в Петропавловской крепости, Налбандян сравнивает опубликованный в «Юсисапайле» роман Г. Тер-Ованнисяна «Тер-Саркис» (1861) с «Мертвыми душами» Гоголя, а его автора называет «армянским Гоголем».

В этой статье армянский критик развивает мысли Чернышевского, высказанные в «Очерках гоголевского периода русской литературы», и призывает армянских писателей идти в «гоголевском направлении» по пути критического реализма, о чем писал и Чернышевский: «…За Гоголем остается заслуга, что он первый дал русской литературе решительное стремление к содержанию, и притом стремление в столь плодотворном направлении, как критическое». (III, с. 19) Стоит отметить, что если Чернышевский в «Очерках…» выделил новый, послегоголевский этап и назвал его «критическое направление», то в армянской литературе «гоголевский этап» только-только начинался.

Интересно, что «Критика «Сос и Вардитер» была не только запрещена к публикации, но и включена в дело против Налбандяна. На прошении об издании статьи руководитель III Отделения кн. В. Долгоруков написал: «Как поступают с произведениями Чернышевского?»[6]. То есть был поставлен вопрос о строжайшей цензурной проверке, которой подвергалось и все, что писал в крепости Чернышевский, особенно после выхода романа «Что делать?».

В статье Налбандян рассуждает по поводу недовольства крестьян существующими порядками, показанными в романе П. Прошяна «Сос и Вардитер». Героем, способным вызвать перемены в установленных порядках, Налбандян считает Аршама. «Устами Аршама говорит представитель нового времени…. Аршам представитель нового поколения: он не только не признает горькую истину этих слов, но и

осуждает лицемерие своих братьев. Жаль, повторяем, что в «Сос и Вардитер» мало проявляется то направление, которое мы видим в высказываниях Аршама, но и того, что есть, достаточно, чтобы видеть животворное влияние скептицизма» (II, 203).

В «Сосе и Вардитере» Налбандян выражает те же идеи, что и Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?» («Современник», 1861, № 11), говоря о рассказах Н. Успенского, который изобразил деревню, ее ужасающий быт, инертность крестьян.

В годы сотрудничества в «Юсисапайле» Налбандян становится убежденным сторонником женской эмансипации в социальной и семейной сферах. Одну из глав своего остросатирического произведения «Дневник» (1858-1860) Налбандян посвятил семейному и общественному положению армянской женщины: «...прошли времена, когда на женщину смотрели как на рабыню. Прошли времена, когда женщина считалась товаром, вещью, предметом обстановки, объектом купли-продажи. Прошли и уже не вернутся те времена, когда законодатели смотрели на женщину, как на некую родильную фабрику, производящую солдат для отечества. Прошли времена, когда женщина считалась то нечистой силой, то ангелом. Теперь, в наш гуманный век, просвещенный мир смотрит на женщину как на человека» (I, 422-423).

В своей повести «Одному - слово, другому – невесту» (1858) Налбандян впервые делает попытку создать в лице Манушак образ новой, передовой женщины. Но если здесь вопрос об эмансипации женщин решается лишь с чисто просветительских позиций, то уже в романе «Вопрошение мертвых» (1859) все иначе. В главной героине этого произведения, помимо гордости и независимости характера, появляются внешнее обаяние, ум, образованность, воспитанность. Мариам прекрасно владеет иностранными языками и много читает, любит музыку и прекрасно поет, играет на фортепьяно и интересуется общественной жизнью.

В образ Мариам Налбандян вложил такие черты, которые роднят ее с Верой Павловной. К сожалению, роман «Вопрошение мертвых» остался незавершенным и не был известен в широких читательских кругах, ведь образ Мариам был фактически новым явлением в армянской литературе.

Целый ряд армянских писателей проявляли живой интерес к Николаю Гавриловичу Чернышевскому и к его роману «Что делать?». Это самое значительное произведение Чернышевского оставило свой след в армянской литературе и стало источником вдохновения и идей для ряда армянских писателей XIX века.

Литература

1. Овнан Г. Русско-армянские литературные связи в XIX-XX в., кн. I. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1960, с. 204 (на арм. языке).

2. Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений в 5 томах. – М.: Правда, 1974. Далее все ссылки приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках.

3. Раффи. Хент. - Ереван: Арм. гос. изд., 1957. с. 300. Далее все цитаты по Раффи приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.

4. Даронян С. К. Микаэл Налбандян. Проблемы творчества и литературных связей. - Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1975, с. 28.

5. Налбандян М. Собр. соч. в 2 томах. Т. 1. – Ереван: АН Арм. ССР, 1968, с. 50. Далее ссылки в тексте по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках.

6. Налбандян М. С. Полное собр. соч. в 6 томах. Т. 4. – Ереван: изд-во АН СССР, 1983, с. 474.

О ВОСПРОИЗВЕДЕНИИ ПРИЕМА ИРОНИИ В АРМЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ ЦИКЛА М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ПОМПАДУРЫ И ПОМПАДУРШИ»

А.С. АТАНЕСЯН

Ереванский государственный университет, Армения

ashkhen.atanesyan@ysu.am

Ключевые слова: *перевод, ирония, художественные особенности, имена собственные.*

Статья посвящена некоторым вопросам перевода произведения М.Е.Салтыкова-Щедрина «Помпаду-

ры и помпадурши» на армянский язык. Рассмотрены некоторые способы употребления приема иронии в интонационных, лексико-семантических оттенках как авторской речи, так и речи героев произведения, и проанализирована адекватность их воспроизведения в армянском переводе.

ATANESYAN ASHKHEN – Reproduction of the irony method in the Armenian translation of the Saltykov-Shchedrin's series "Pompadours and Pompads".
Key words: *translation, irony, singularity, peculiarity, proper nouns.*
The article deals with some issues concerning the Armenian translation of the M. Saltykov-Shchedrin's series "Pompadours and Pompads". A review of the ways of the irony method usage in the intonational, lexical and semantical nuances of both author's language and the language of his characters is made. Also, the article makes an analysis of the adequacy of the Armenian reproduction of these nuances.

Одно из лучших произведений в русской и мировой сатирической литературе – «Помпадуры и помпадурши» М.Е. Салтыкова-Щедрина – не утратило своей актуальности по сей день. Величайшее значение Щедрина в том, что он был и остается крупнейшим писателем социальной критики и обличения. Щедрин утверждал: «Писатель, которого сердце не переболело всеми болями того общества, в котором он действует, едва ли может претендовать в литературе на значение выше посредственного и очень скоропреходящего» [Макашин 1991 : 112].

Творчество гениального сатирика всегда находилось в центре внимания прогрессивно мыслящего армянского читателя. Уже при жизни писателя в 80-е годы XIX века появляются первые армянские переводы его произведений, выполненные знаменитыми армянскими писателями А. Ширванзаде и А. Цатуряном.

В 1951-1952 годах в свет вышел трехтомник произведений М. Салтыкова-Щедрина на армянском языке, куда вошел и перевод знаменитого сатирического цикла «Помпадуры и помпадурши».

Переводы для этого издания были осуществлены А. Тер-Овнаняном. Аршалуйс Тер-Овнанян (1890-1958) – поэт, драматург. Ему принадлежат переводы на армянский язык произведений русских советских писателей, а также сказок М. Горького, романа А. Толстого "Петр Первый", некоторых рассказов А.П. Чехова.

Перевод прозы Щедрина ставит перед переводчиком ряд проблем, требующих вдумчивого, неординарного подхода к их решению, что является залогом достижения переводческого успеха. Анализируя и оценивая переводы А. Тер-Овнаняна, следует помнить о том, что в период его переводческой деятельности теория перевода как наука еще не оформилась. Опираясь на свою интуицию, переводческий опыт и талант, А. Тер-Овнанян проделал огромную работу. Достаточно сказать, что его переводы щедринских произведений (за исключением нескольких сказок) по сей день остаются единственными. А. Тер-Овнанян хорошо понимал специфику перевода на армянский язык щедринской прозы и придерживался определенных переводческих принципов. Об этом он коротко написал в небольшой заметке, предпосланной первому тому трехтомника своих переводов. В ряде переводческих трудностей он отметил особый эзоповский язык Щедрина, а также тот факт, что произведения писателя не имеют одного общего стиля, а представляют собой слияние многих стилей, начиная с религиозно-церковного до стиля бюрократических канцелярских документов и законов и сказочного стиля.

Рассмотрим одну из художественных особенностей цикла «Помпадуры и помпадурши» и ее воспроизведение в армянском переводе.

Цикл «Помпадуры и помпадурши» насквозь ироничен. Приемы иронии у сатирика разнообразны, они богато проявляются в интонационных, лексико-семантических оттенках как авторской речи, так и речи действующих лиц произведения. Верное воспроизведение этих оттенков в переводе позволяет создать в нем иронично обрисованные образы, идейно и художественно адекватные образам оригинала. А. Тер-Овнаняну удается верно интерпретировать оттенки иронии в повествовании и

найти им соответствующее выражение в своем переводе. Как отмечает В.П. Вомперский, «Важную роль в сатирическом повествовании Щедрина играет прием мнимой серьезности, в котором внутреннее логическое противоречие словесных сцеплений выступает как средство разоблачения действительности. Абсурдные и нелепые суждения и поступки героев излагаются как логичные и мотивированные, но за прямым смыслом возникает второй план понимания, сатирический, который раскрывает истинный смысл повествования» [Вомперский 1976 : 21-22].

Так, с мнимой серьезностью сатирик сообщает о деятельности быстро сменяющих друг друга губернаторов. Эта деятельность, призванная исполнять «благие начинания» [Салтыков-Щедрин 1984 : 6], заключалась в последовательной ломке пола в кабинете, гостиной, столовой губернаторского дома. В следующем отрывке, абсурдном по содержанию, автор не только также сохраняет серьезность, но и употребляет возвышенную лексику и патетические интонации, тем самым еще более оттеняя абсурдность происходящего. Ушедший в отставку помпадур получает известие о том, что новый помпадур мостит базарную площадь: «Известие это поражает изумлением. Старик многое предвидел, многое предсказал; но этого ни предвидеть, ни предсказать не мог.

– Признаюсь! – произносит он не без смущения, – признаюсь! Не то чтобы идея о замощении базарной площади была для старика новостью; нет, и его воображение когда-то пленялось ею, но он оставил эту затею (и не без сожаления оставил!), потому что из устных и письменных преданий убедился, что до него уже семь губернаторов погибло жертвою этой ужасной идеи.

– Но предвидел ли он, этот безрассудный молодой человек, те непреоборимые трудности, даже опасности, с которыми связано подобное предприятие?» [Салтыков-Щедрин 1984 : 29].

А. Тер-Овнаняну удалось верно воспроизвести интонацию отрывка:

«Շուկայի հրապարակը սալահատակելու գաղափարը նորություն չէր ծերուկի համար, ոչ, նրա երևակայությունը ևս մի ժամանակ տարվել էր դրանով, բայց նա թողել էր այդ մտադրությունը (և առանց ափսոսանքի չէր, որ թողել էր), որովհետև բանավոր և գրավոր ավանդություններից համոզվել էր, որ իրենից առաջ արդեն յոթը նահանգապետ զոհ էին գնացել այդ սոսկալի գաղափարին:

– Բայց նախատեսե՞լ է արդյոք նա, այդ անխոհեմ երիտասարդն այն անհաղթահարելի դժվարությունները, նույնիսկ վտանգները, որոնց հետ կապված է նման ձեռնարկությունը» [Սալտիկով-Շչեդրին 1951 : 436].

Рассказывая о смерти бывшего помпадура, автор одновременно издевается над косностью чиновничества, считавшего сокращение переписки опасным потрясением бюрократических основ государства: «Так потух этот административный светоч, столь долго удивлявший мир своею распорядительностью! Так закатилось это светило, не успевшее совершить и половину предначертанного ему круга! Склонился долу спелый гроздий! склонился под бременем собственных доблестных подвигов и деяний! Пал старый бесстрашный боец!.. пал... жертвою сокращения переписки!» [Салтыков-Щедрин 1984 : 42].

В переводе и этого отрывка А. Тер-Овнанян сохраняет нужные интонации, однако неверный перевод фразы «склонился под бременем собственных доблестных подвигов и деяний» существенным образом сглаживает ироничность, уменьшает резкость фразы:

«Այդպես հանգավ այդ վարչական ջահը, որ այդչափ երկար ժամանակ զարմացնում էր աշխարհն իր կարգադրողականությամբ: Այդպես մայր մտավ այդ լուսատուն, չկարողանալով կատարել իր համար նախագծած շրջանի կեսն անգամ:

Ցած խոնարհվեց հասուն ողկույզն այդպես, խոնարհվեց իր վրա կախված աղետների ծանրության տակ: Ընկավ հին, անվախ մարտիկը... ընկավ... զոհ գնալով գրագրության կրճատման» [Սալտիկով-Շչեդրին 1951 : 452].

Характеризуя помпадура Митеньку Козелкова, автор представляет читателю типичный образ пустоголового, никчемного, но при этом невероятно болтливого административного деятеля. Созданию яркого образа способствует искусное сочетание иронии с элементами гиперболизации. Митенька постоянно произносит речи. Об одной из них, издеваясь не только над умственными возможностями помпадуров, но и над многими сторонами русской действительности, автор говорит: «Правитель канцелярии сейчас же определил ее достоинство, сказав, что это речь без подлежащего, без сказуемого и без связки... С своей стороны, хотя я и согласен с мнением правителя канцелярии, но нахожу, что такого рода красноречие составляет истинное благополучие и положительный ресурс при нашей бедности. С помощью его можно администрировать, можно издавать журналы, можно даже написать целый трактат о бессмертии души. И будет хорошо» [Салтыков-Щедрин 1984 : 123].

Ложась спать, Митенька «старался дать себе отчет в том, что он делал и говорил в течение дня, – и не мог. Во сне тоже ничего не видал. Тем не менее дал себе слово и впредь поступать точно таким же образом» [Салтыков-Щедрин 1984 : 125].

Образы помпадуров удачно дополняют определения и сравнения, которые выполняют важную смысловую и эмоциональную роль. Устами одного из героев автор называет Козелкова «государственной слякотью» [Салтыков-Щедрин 1984 : 121].

Эта метафора прекрасно определяет умственную и душевную расхлябанность помпадура, его безволие и никчемность. Не вполне точный перевод, к сожалению, несколько меняет значение выражения. В нем Митенька определяется, как «պետական ոչնչություն» [Սալտիկով-Շչեդրին 1951 : 586]:

Один из помпадуров сравнивается с жеребчиком: «Феденька имеет все свойства молодого жеребчика, вырвавшегося на волю из стойла. Он гогочет и роет землю, сам не зная зачем» [Салтыков-Щедрин 1984 : 201].

В армянском переводе сравнение передано удачно и сохраняет свою экспрессию: «Ֆեդենկան ... ունի ախոռից ազատություն ստացած մատղաշ հովատակի բոլոր հատկությունները: Նա խրխնջում է և հողն է դոփում, ինքն էլ չիմանալով ինչու» [Սալտիկով-Շչեդրին 1951 : 697]:

Разоблачая либеральную демагогию помпадуров, являющуюся в действиительности пустопорожней болтовней, сатирик прибегает к яркому сравнению: Козелков «...словно даже и не говорил, а гудел; гудел изобильно, плавно и мерно, точно муха, не повышающая и не понижающая тона, гудел неустанно и час и два, смотря по тому, сколько требовалось времени, чтобы очаровать, – гудел самоуверенно и, так сказать, резонно, как человек, который до тонкости понимает, о чем он гудит» [Салтыков-Щедрин 1984 : 137].

Благодаря верному переводу нужные ироничные интонации сохраняются и в армянском варианте:

«...նա կարծես չէր էլ խոսում, այլ տզզում էր. Տզզում էր հորդառատ, սահուն, առանց շտապելու, ինչպես ճանճը, որը ոչ բարձրացնում է, ոչ էլ իջեցնում է տոնը, տզզում էր առանց հոգնության և մեկ ժամ, և երկու ժամ, նայած թե ինչքան ժամանակ էր պահանջվում զմայլեցնելու համար, – տզզում էր ինքնավստահ և, այսպես ասած, խելացի, ինչպես մի մարդ, որն ամենայն նրբությամբ հասկանում է, թե ինչի մասին է տզզում» [Սալտիկով-Շչեդրին 1951 : 558].

Своеобразное употребление собственных имен вносит в текст дополнительный иронично-презрительный оттенок. О герое сказано: «Кому из петербургских обыва-

телей не известен Дмитрий Павлыч Козелков? Товарищи и сверстники звали его Митей, Митенькой, Козликом и Козленком» [Салтыков-Щедрин 1984 : 66].

В дальнейшем автор еще несколько раз называет Митеньку Козликом и Козленком. Переводчик ограничился транскрипцией в переводе, не прибегая к объяснениям ни в тексте перевода, ни в комментариях. Значение суффиксов субъективной оценки также может быть не понято армянским читателем. С. Влахов и С. Флорин так комментируют подобные случаи: «Выйти из этого положения без потерь почти невозможно. Видимо, придется ограничиться несколькими наиболее популярными из суффиксов, понятных читателю перевода из его прежнего Читательского опыта, и отбросить все остальные или контекстуальными средствами дать понять, каков характер эмоциональной оценки, вносимой тем или иным суффиксом» [Влахов, Флорин 1980 : 223].

В целом, однако, перевод А. Тер-Овнаняна, как мы видим, во многом способствует тому, чтобы читатель мог стать участником сатирического анализа, чтобы ему были понятны богатые оттенки сатирической иронии М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Литература

1. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М., Межд. отн., 1980. 352 с.

2. *Вомперский В.П.* Язык Салтыкова-Щедрина и его значение в истории русского литературного языка // Русская речь, 1976. № 1. С. 15-25.

3. *Макашин С.А.* Сатиры смелый властелин// Салтыков-Щедрин и русская литература. Л., Наука, 1991.

4. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Помпадуры и помпадурши. М., Правда, 1984. 448 с.

5. *Սալտիկով-Շչեդրին Մ.Ե.* Ընտիր երկեր 3 հատորով, հ.2, Եր., Հայպետհրատ, 1952:

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX-XX вв. АНГЛОЯЗЫЧНЫМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕМ СТРАН ЗАПАДА

Т.Н. БЕЛОВА

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

tnbelova@yandex.ru

Ключевые слова: *русская литература, англо-американская русистика, современные тенденции, направления развития.*

В статье анализируются основные тенденции современных исследований англо-американской русистики: стремление к объективности изложения, интерес к малоизученным проблемам, введение в научный оборот новых для западной академической русистики имен, опора на достижения российских ученых-филологов. Современные англо-американские исследователи успешно доносят до западного читателя не только художественное совершенство русской литературы, но и морально-этические и эстетические взгляды великих русских писателей XIX-XX вв.

TATIANA BELOVA – Modern Trends of Russian Literature Study in the English-speaking Countries of the West

Key words: *Russian literature, English literary studies, modern trends, reception.*

The paper comprises the main trends of modern Russian literature studies in the English-speaking countries of the West, i. e. the impartial reasoning and fair assessment, keen interest to little-known problems and taking into consideration the achievements of famous Russian scholars. Their modern works demonstrate the artistic perfection of Russian literature as well as moral, ethical and aesthetic views of famous Russian writers.

Современные исследования русской литературы в англоязычных странах Запада продолжают и развивают некоторые тенденции, характерные для 1980–90-х годов: это стремление к глубине и объективности изложения, интерес к малоизученным проблемам, введение в научный оборот новых для западной академической аудитории имен, а также опора на достижения известных российских ученых-филологов.

Безусловно, внимание англоязычных исследователей в наши дни по-прежнему приковано к творческому наследию широко известных и высоко ценимых на Западе корифеев русской литературы: Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова. Блестящие переводы произведений этих авторов, осуществленные в конце XIX – начале XX вв., а также усилия русской эмигрантской мысли, научные труды, открыв-

шие миру творчество этих и других русских писателей и поэтов XIX-XX вв. (С. Д. Святополка-Мирского в Англии, Г. П. Струве и В. В. Набокова в США и др.), привели к тому, что произведения Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского вошли в обязательную учебную программу многих университетов США, а также к «культу Чехова», царящему в наши дни в США и особенно в Англии, где его драматургическое творчество занимает по значимости почетное второе место после У. Шекспира и где Чехов воспринимается как наиболее близкий по духу англичанам русский драматург.

Благодаря популяризаторской деятельности В. В. Набокова в Европе и США и в особенности его аутентичному переводу «Евгения Онегина» А. С. Пушкина на английский язык в настоящее время там не угасает интерес к творчеству великого русского поэта, несмотря на большие трудности перевода его произведений на английский язык. Этот аспект привлекает внимание англо-американских русистов. Так, анализ последних переводов произведений Пушкина в 2002–2008 гг. содержится в рецензии английского исследователя творчества поэта Р. Чандлера [Chandler 2009: 645-650]. Он также является автором современной монографии о его жизни и творчестве. Продолжает свою исследовательскую работу в русле поэтики произведений А. С. Пушкина канадский русист Дж. Д. Клейтон: в 2004 г. он издал труд о художественных особенностях его трагедии «Борис Годунов» [Clayton 2004]. С. Ким анализирует плодотворность формалистского и структуралистского подходов в исследовании «Повестей Белкина» [Kim 2008].

Канадский исследователь К. Хокансон обратился в своей монографии [Hokanson 2008] к творчеству русских писателей, чьи произведения поднимали и разрабатывали тему Кавказа в XIX в., в том числе и к творчеству М. Ю. Лермонтова – поэта и писателя пока недооцененного на Западе. О причинах этого повествует Э. Ч. Аллен в книге о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова [Allen 2007]. По его мнению, восприятию творчества Лермонтова в инонациональной среде препятствуют трудности культурного и языкового характера – своеобразного барьера, не дающего во всей полноте оценить его произведения.

Творчество Н. В. Гоголя для западных исследователей всегда было привлекательным, поскольку таило в себе элемент загадки. Самым загадочным русским писателем, как и явлением русской литературы, называли его Р. Пис и другие англо-американские литературоведы XX в. Пытаясь решить «загадку Гоголя», они применяли разнообразные литературно-критические подходы, начиная со сравнительного, культурно-исторического и заканчивая формальным подходом «новой критики», психоаналитическим, смыкающимся с юнгианством и фрейдизмом, а также постмодернистским подходом к изучению его творчества, что ярко продемонстрировал В. В. Набоков в своем объемном эссе «Николай Гоголь». В наши дни в свете новых идеологических тенденций поднимается проблема национальной идентичности писателя, как, например, в книге Е. М. Бояновской [Bojanowska 2007].

О влиянии произведений Гоголя на творчество Достоевского пишет американская исследовательница О. Меерсон, сравнивая повесть Гоголя «Вий» и повесть Достоевского «Кроткая», однако рассматривая эту связь в пародийном ключе [Meerson 2011]. В сравнительном аспекте исследует творчество Гоголя и американского писателя Н. Готорна английский русист А. Лоунсбери, рассматривая проблему писательского мастерства в XIX в.

Творчество столь популярного в 1860–1870-х гг. в США И. С. Тургенева, открывшего американцам и европейцам русскую литературу и оказавшего влияние на создание американского национального реалистического романа в конце XIX – начале XX вв., к сожалению, уже не столь привлекает внимание англо-американских исследователей. Однако сборник статей «Тургенев и русская культура», посвященный

памяти известного английского русиста Р. Писа, изданный в Амстердаме в 2008 г., существенно восполняет этот пробел.

Тенденция стремления к документализму и фактографии в современных работах англо-американских русистов просматривается в монографии Г. С. Панофски «Н. М. Карамзин в Германии», где его «Письма русского путешественника» анализируются как документальный источник его биографии [Panofsky 2010].

Среди ряда новых имен русских писателей и общественных деятелей, которые англо-американские русисты вводят в свой научный оборот, – имя К. Кавелина в монографии американца С. Ричардсона [Richardson 2010], в которой рассматривается роль западников в борьбе за создание гражданского общества в Российской империи, и в частности, дружеские отношения К. Кавелина и А. Герцена.

Поддерживается интерес и к произведениям Н. С. Лескова: в монографии норвежского исследователя К. А. Гримстада художественная проза Н. С. Лескова подвергается пристальному анализу с целью выявления в ней в духе современных веяний слоев мультикультурализма.

По-прежнему бóльшая часть изданий англоязычной литературоведческой русистики – это исследование творчества трех великих русских писателей XIX в.: Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова. Так, в 2010 г. переизданы в новом переводе С. Портер «Дневники С. А. Толстой», в том же году А. Попофф издал в английском переводе ее биографию. Среди наиболее насущных проблем изучения жизни и творчества Л. Н. Толстого рассматриваются морально-этические проблемы, его религиозные искания; психология женской любви и дружбы; зачастую научный интерес привлекает последний период его жизни и творчества и причины его ухода из Ясной Поляны.

Пристальное внимание англоязычных русистов по-прежнему приковано к творчеству Ф. М. Достоевского, который в XX в. воспринимался ими не столько как художник слова, а как пророк, предсказавший в своих произведениях будущие катаклизмы этого бурного века, а также как психолог, философ или человек с болезненной психикой. В наши дни основной исследовательский акцент падает на своеобразие его художественно-философского осмысления мира; есть работы, интерпретирующие творчество Достоевского в религиозном ключе. В целом ряде работ поднимаются глобальные проблемы, как-то: Достоевский и русский народ, вклад Достоевского в возрождение национальной идентичности российского общества на примере его «Дневника писателя» [Vassena 2007], его отношение к демократии, эстетика Достоевского, его взгляды на искусство, отношение к смерти и бессмертию. В новом ракурсе рассмотрел и оценил замечательные образы, созданные писателем в романах «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», а также в его «Записках из подполья» американский исследователь Б. Дж. Парис [Paris 2008].

Вместе с тем для англо-американского литературоведения наших дней характерна тенденция, как правило, принимать во внимание достижения современных отечественных ученых, в данном случае – специалистов по творчеству Ф. М. Достоевского. Так, в 2010 г. в США под ред. Аполлонио был издан сборник статей «The New Russian Dostoevsky», в котором представлено восприятие его творчества в российском литературоведении постсоветского периода .

О прочной двусторонней связи традиций изучения творчества А. П. Чехова в нашей стране и за рубежом свидетельствуют следующие факты. В 2010 г. в Нью-Йорке в переводе на английский язык вышли воспоминания о Чехове его брата Михаила, и практически одновременно в Москве в переводе на русский язык – исследование известного английского чеховеда Д. Рейфилда «Жизнь Антона Чехова» (М., 2010). В Великобритании, Канаде и США выходят издания, предназначенные для студентов и аспирантов, только начинающих изучать его творчество.

Также в наши дни издаются общие работы по истории русской литературы, охватывающие значительные хронологические периоды. Поднимаются проблемы, связанные с историей русской литературы XVIII в. и даже средневековой – например, в монографии М. Исоахо, изданной в Бостоне в 2006, рассмотрен образ Александра Невского как воина и святого. Продолжают выходить издания типа учебных пособий, представляющие собой введение в русскую литературу, а также написанные в доступной для читателя популярной форме с целью познакомить его с произведениями русской литературы XIX–XX вв. Не ослабевает интерес к проблемам жанра исторического романа в русской литературе XIX–XX вв., прозе русских писателей, путешествовавших по Европе в XIX в., и к их восприятию увиденного в инонациональном аспекте. Русский роман XIX в. теперь зачастую рассматривается как зеркало общественно-политической обстановки в стране. Изучается роль русской интеллигенции в культуре и литературе России в XIX–XX вв. Не угасает интерес к роли религии в истории российского общества XIX в.

Есть исследования, находящиеся в русле сравнительного изучения литератур. Так, в монографии П. Мейера [Meyer 2008] проводится сопоставительный анализ романов М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», Л. Н. Толстого «Анна Каренина», Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и ряда произведений французских писателей с целью обнаружения в них французских «подтекстов». Той же проблематике отвечает двухтомный сборник статей в честь известного американского исследователя Д. М. Бетеа «Русская литература и ее связи с Западом» (2008). Так, Дж. Розеншильд исследует особенности трансформации пушкинских мотивов и образов в творчестве Ф. М. Достоевского, Н. Корнуэлл пишет об истоках жанра фантастики в произведениях Одоевского и Достоевского на материале английской литературы. Та же тенденция сохраняется в отношении к писателям XX в. Например, просматривается влияние Достоевского в изображении уродливых сторон жизни на творчество современных русских писателей: Ю. Мамлеева, А. Петрушевской и Т. Толстой. В 2007 г. в Стэнфорде (США) вышел сборник статей в русле компаративистики в честь известного петербургского исследователя А. Долинина – «The real life of Pierre Delalande: studies in Russian and comparative literature to honor Alexander Dolinin», Stanford, 2007. Так, Унгуряну пишет об аллюзии на роман Б. Стокера «Дракула» в романе Д. Мережковского «Петр и Алексей», В. Шмид – о теории «остранения» в русской прозе 1920–1930-х гг. (в творчестве Ю. К. Олеши и В. Набокова). О теории «остранения» в эстетике В. Б. Шкловского и Х. Арендт пишет и С. Бойм в книге сравнительного характера [Boym 2010].

Исследователи русской литературы XX в. затрагивают многие важные проблемы и тенденции этого периода, начиная от наследия литературы «серебряного века» и специфики становления литературы и искусства после революции 1917 г. , рассматривая эстетику документализма и роль документальных жанров в советской литературе и искусстве 1920–1930-х гг. [Papazian 2009], анализируя литературу о блокадном Ленинграде и сталинском ГУЛАГе, сосредоточивая внимание на литературном поколении эпохи «оттепели» (1953–1975 гг.) и научных подходах к изучению современной постсоветской литературы. Изучаются такие темы, как образы двух столиц – Москвы и Петербурга – в русской литературе и культуре, образ Сталина как объект сатиры в русской литературе 1917–1991 гг. и т.д.

Разнообразные проблемы возникают при обращении исследователей к наследию представителей «серебряного века» и «задержанной» литературы. По-прежнему большой интерес вызывает творчество А. Белого, поэтика его романа «Петербург», тема и образ Петербурга в этом произведении; творческое наследие Вяч. Иванова и его художественные особенности; произведения А. Блока и З. Гиппиус рассматриваются Дж. Престо [Presto 2008] с точки зрения отказа этих представителей символизма

от своей человеческой природы с целью утверждения возвышенного и духовного. Целый ряд работ англо-американских исследователей связан с анализом различных аспектов творческого наследия Б. Пастернака. Это солидная монография постоянно проживающего в США А. К. Жолковского «Поэтика Пастернака: инварианты, структуры, интертексты», изданная в Москве в 2011 г., сборник статей под ред. Л. Флейшмана о романе Б. Пастернака «Доктор Живаго», его литературной истории и судьбе, вышедший в США и Англии в 2009 г.; также в Стэнфорде в 2010 г. М. Слейтером была опубликована семейная переписка Б. Пастернака (1921–1960 гг.) в английском переводе, что свидетельствует о неизменном интересе к жизни и творчеству писателя на Западе. Проблему взаимоотношения Б. Пастернака, а также двух других русских писателей и власти, литературы и общества поднял в своей монографии «Дети доктора Живаго: последние представители русской интеллигенции», вышедшей в США в 2009 г., В. Зубок.

По-прежнему привлекает внимание исследователей трагическая фигура О. Манндельштама, большого поэта, погибшего в сталинском лагере. О роли метафоры и аллегории как средстве раскрытия эстетической проблематики в автобиографии О. Э. Мандельштама «Шум времен» пишет А. Спектор [Spector 2012].

Жизни и творчеству поэта посвящена монография известного русского эмигранта Н. А. Струве «Осип Мандельштам», вышедшая в Москве в 2011 г. Также в Москве в 2009 г. в переводе на русский язык вышла монография шведского русиста Б. Янгфельдта о жизни и творчестве В. Маяковского «Ставка – жизнь: Владимир Маяковский и его круг». Поддерживается интерес к творческому наследию В. Розанова, определяется его роль и место в развитии русской литературы; есть отдельные монографические исследования о творческих достижениях Д. Хармса [Jakovljevic 2010], о своеобразии нагилистической направленности романа Арцыбашева «Санин» [Boele 2009], а также сборник статей о многогранной личности М. Кузмина и его творчестве, изданный в США в 2011 – «The many facets of Mikhail Kuzmin: a miscellany» (Bloomington, Indiana, 2011). Из современных авторов особое внимание привлекает В. Маканин: там же в 2007 г. вышел сборник статей под ред. Б. Линдси и Т. Спектора (Bloomington, Indiana, 2007) о его творческих достижениях и социальных прорывах .

Таким образом, продолжая традиции изучения русской литературы конца XX в., современные англоязычные исследователи в своем большинстве по-прежнему стремятся донести до западного читателя художественное совершенство русской литературы XIX–XX вв., а также морально-этические и эстетические взгляды великих русских писателей.

Литература

1. *Allen E. Ch.* A fallen idol is still a God: Lermontov and the quandaries of cultural transition. Stanford, CA, 2007. XII, 286 p.

2. *Boele O.* Nihilism in late imperial Russia: The case of Artsybashev's "Sanin". Madison (WI); London, 2009. XIII, 255 p.

3. *Bojanowska E. M.* Nikolai Gogol: Between Ukrainian and Russian nationalism. Cambridge; London, 2007. 233 p.

4. *Boym S.* The poetics and politics of estrangement: Victor Shklovsky and Hannah Arendt // Critical theory in Russia and the West. London, N.Y., 2010. P. 581-612.

5. *Chandler R.* Some recent translations of Pushkin // Slavic and East European journal. Tucson, 2009. Vol. 53, № 4. P. 645–650.

6. *Clayton J. D.* "Dimitry's shade": a reading of Alexander Pushkin's "Boris Godunov". Evanston; Illinois, 2004. XIV, 220 p.

7. *Hokanson K.* Writing at Russia's border. Toronto, 2008. 301 p.

8. *Jakovljevic B.* Daniil Kharms: Writing and the event. Evanston, IL., 2010. XIII, 298 p.

9. *Kim S. H.* Alexander Pushkin's "The tales of Belkin": formalist and structuralist readings and beyond the literary theories. Lanham, 2008. XXVI, 187 p.

10. *Meerson O. A.* Gogol's "Viy" and Dostoevsky's "Krotkaya": Dead souls vs poor (women) folk. More on the theory of parody // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов. СПб., 2011. С. 115–132.

11. *Meyer P.* How the Russians read the French: Lermontov, Dostoevsky, Tolstoy. Madison, 2008. XIV, 277 p.

12. *Papazian E. A.* Manufacturing truth: the documentary moment in early Soviet culture. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 2009. XIII, 282 p.

13. *Panofsky G. S.* Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany: Fiction as facts. Wiesbaden, 2010. 181 p.

14. *Paris B. J.* Dostoevsky's greatest characters: A new approach to "Notes from the Underground", "Crime and Punishment", and "The Brothers Karamazov". N.Y., 2008. XVI, 237 p.

15. *Presto J.* Beyond the flesh: Alexander Blok, Zinaida Gippius, and the symbolist sublimation of sex. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 2008. XVIII, 334 p.

16. *Richardson C.* Konstantin Kavelin and the struggle for emancipation: A case study of the Westerners' role in the foundation of civil society in Imperial Russia. Pittsburgh, 2010. 53 p.

17. Routes of Passage: Essays on the Fiction of Vladimir Makanin / ed. by B. Lindsey and T. Spektor. Slavica Publishers Indiana Un. 2007. 206 pp.

18. *Spector A.* Family romances in "The noise of time". Mandelstam's autobiography as an allegory for literary activity // Russian review. Syracuse (N.Y.), 2012. Vol. 71, № 1. P. 79-99.

19. Turgenev and Russian culture: Essays to honour Richard Peace / Ed. by Andrew J., Offord D., Reid R. Amsterdam, 2008. VI, 372 p.

20. *Vassena R.* Reawaking national identity: Dostoevskii's "Diary of a Writer" and its impact on Russian society. Bern, 2007. 594 p.

ЦИТАТНЫЕ АССОЦИАЦИИ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

М. БИЛЧИКОВА

Университет Константина Философа в Нитре, Словакия

mbilcikova@ukf.sk

Ключевые слова: *психолингвистика, свободный ассоциативный эксперимент, цитатные ассоциации, прецедентный феномен.*

Теоретико-методологической основой нашего исследования является функционирование ассоциативно-вербальной сети в человеческом сознании, для исследования которой используем свободный ассоциативный эксперимент. Для анализа нами выбрана та часть лексики, которую образуют прецедентные феномены. Важно подчеркнуть, что именно прецедентные феномены тесносвязаны с культурой определенного народа (внашемслучаев сопоставительноманализе словацкого и русского языкового сознания).

MIRIAMA BILCIKOVA – Citationassociations as a proof of literary and culturalties

Key words: *psycholinguistics, free association experiment, citationassociations, precedentphenomena*

The theoretical and methodologicalstarting point of our research is the functioning of the associative-verbal network in human consciousness, which can be followed through the results of a free association experiment. We will focus on the part of the lexicon that is created by precedent phenomena. It is important to underline that precedent phenomena are closely related to the culture of a particularnation (in this case it will be a comparative analysis of Slovak and Russian language consciousness).

Человек свои мысли и эмоции выражает прежде всего вербально, поэтому именно в языке находят свое отражение результаты человеческого познания. Это значит, что лингвистика как наука о языке не может быть абсолютно изолированной от других научных дисциплин. Этот факт лежит в основе возникновения довольно молодой науки – психолингвистики (1953). Она ориентируется на описание и объяснение своеобразия языка как психического явления, поэтомупсихолингвисты, в центре внимания которых находится исследование вербализации когнитивных процессов, разработали одну из самых популярных методик психолингвистического анализа в настоящее время – ассоциативный эксперимент. Этотметод работает эффективно на практике, о чем свидетельствуют результаты исследований, зафиксированные в ассоциативных словарях. Ассоциативные словари содержат не только образ о национально-культурнойспецификетогоилииногонарода, нотакжемогутиспользоваться в качествеэффективногопособия на уроках иностранных языков [Тарасов – Дронов – Ощенова 2017: 15].

Языковая практика доказывает, что в процессе пользования языком конкретным народом у его носителейформируется много стереотипных, регулярно возобновляемых(повторяемых)ассоциаций, которые являются типичными для данной лингвокультуры [Караулов 1993: 54]. Стереотипные ассоциациипередаютсяпосредствомязыка из поколения в поколение, что подчеркивает их значение для представителей данного народа и сегодня. Благодаря стереотипным ассоциациям мы можем узнать о культурном наследии или менталитете конкретного народа.

Вербальные ассоциации являются предметом многих дисциплин, однако их свойства, как и сами механизмы ассоциативногомышления, остаются неисследованными. «Попытки систематизировать и объединить все эти взаимосвязи привели к формированию различных таксономий, позволяющих класифицировать вербальные ассоциации по разным параметрам» [Корина – Билчикова 2017: 35]. В нашем исследований будем придерживаться класификации Б. Ю. Нормана, который выделил несколько групп реакций: тематические, чисто парадигматические, словообразовательные, комбинаторные, цитатные, формальные, индивидуальные [Норман 2014: 75]. Цельнашейстатьи– проанализироватьрольтекстов художественной литературы в словацкой и русской лингвокультуре в целом, а также в языковом сознании носителей данныхкультур, поэтому наше внимание будет сосредоточено только на **цитатных ассоциациях**. В ихосновележатготовые вербальные тексты различных художественных жанров с литературным фоном, безучетаформыих реализации (печатная или аудиовизуальная): главные герои, само произведение, название, автор, сценарий фильмов и др.

Ассоциации, отсылающие к художественным произведениям, бывают понятны такому реципиенту, который обладает достаточными фоновыми знаниями. Мы согласны с мнением большинства авторов, что подобные отсылки к фоновым знаниям понятны среднестатистическому носителю языка и являются реализациями прецедентных феноменов. О.А. Ворожцова под этим термином понимает определенную группу вербальных или вербализуемых феноменов, которые «известны любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества и входят в когнитивную базу этого сообщества» [Ворожцова 2006: 222]. Фундамент, на которомстроится прецедентный феномен (имя, текст, ситуация и др.), многие ученые называют прецедентной базой [Красных 2003:124]. Не всегда можно легко определить прецедентную базу данного феномена. Речь идет о синтетических видах исскуства, где сложно установить, который компонент был первичным (например, что является прецедентной базой – текст литературного произведения, по которому снят фильм, или его экранизация).

Если мы принимаем во внимание тот факт, что когнитивные процессы универсальны и характеризуют человека как биологический вид, и в основе ассоциаций лежит конкретный опыт,обусловленный культурой,то тем интереснее будет сопоставлятьассоциациипредставителей разных культур. Поэтому мы выбрали метод свободного ассоциативного эксперимента, в результате которого нами был составлен список вербальных ассоциаций. Таким образом наше исследование состоит из двух частей – словацкой и русской, которые затем сопоставляются. Нашей задачей былоиз всех полученных словацких и русских ассоциаций выбрать только цитатные, провести их анализ,сравнить в рамках каждой лингвокультуры и определитькультурныеособенности. Собственное анкетирование мы провели в 2016-2017 г. в словацкой языковой среде и его итоги сравнили с результатами подобных экспериментов в русской языковой среде (прежде всего в «Русском ассоциативном тезауре» РАТ, который доступный онлайн).

Для илюстрации мы выбрали самые яркие примеры цитатных ассоциаций словацких и русских студентов в возрасте 18-28 лет. Максимальное количество цитат-

ных ассоциаций на один стимул в словацкой среде –8, причем индивидуальные ассоциации встречались редко и присутствие двух и более одинаковых реакций уже говорит о какой-то закономерности. Все цитатные ассоциации мы распределили нанесколькотематических групп, но в соответствии с целью нашей статьи приведем примеры только тематической группы «Литература». Приведем примеры наиболее частотных цитатных ассоциаций у словацких студентов (слова-реакции следуют в порядке убывания от наиболее частотных к менее частотным с указанием количества повторений):

Hamlet (Гамлет)– 101; *Harry Potter a kameň mudrcov* (Гарри потер и философский камень)– 64; *Kocúr v čižmách* (Кот в сапогах) – 63; *Aladin a čarovná lampa* (Волшебная лампа Аладдина), *Traja mušketieri* (Три мушкетера) – 59; *Višňový sad* (Вишневый сад)– 48; *Čakanie na Godota* (В ожидании Годо)– 42; *Dievčatko so zápalkami*(Девочка со спичками) – 34; *Biblia* (Библия), *Mŕtve duše*(Мертвые души)– 30; *Traja kamaráti* (Три товарища) – 25; *Búrlivé výšiny*(Грозовой перевал)– 24; *Dlhý, Široký, Bystrozraký*(Длинный, Широкий и Быстроглазый)– 19; *Meno ruže* (Имя розы), *Starec a more*(Старик и море)– 18; *Hlava XXII.* (Голова XXII.), *Malý princ*(Маленький принц)– 17; *Utrpenie mladého Werthera*(Страдания юного Вертера) – 15; *Dom v stráni* (Дом в откосе) – 10;*Otec Goriot* (Отец Горио),*Mohamed*(Магомет) – 8; *Božská komédia* (Божественная комедия), *Červená čiapočka (Karkulka)* (Красная Шапочка), *Smrť Jánošíkova* (Смерть Яношика) – 7; *Kapitánova dcéra* (Капитанская дочка), *Traja pátrači*(Три Сыщика) – 6; *Discworld, Horký chlieb* (Горький шоколад), *Jeden deň I. Denisoviča* (Один день Ивана Денисовича), *O troch prasiatkach* (Три поросенка), *Sen noci svätojánskej* (Сон в летнюю ночь), *Tisícročná včela* (Тысячелетняя пчела)– 5; *Hľadanie strateného času*(В поисках утраченного времени) – 4; *Osudy dobrého vojáka Švejka* (Судьба солдата Швейка), *Traja bohatieri*(Три богатыря) – 3; *Čas žitia a čas umierania* (Время житья и умирания), *Nox et solitudo*, *Slávy dcera* (Дочь славы), *Traja bratia*(Три брата) – 2;

В исследовании цитатных ассоциаций русских студентов четко прослеживается другая тенденция – большое количество цитатных ассоциаций на один стимул. Например, зафиксировано 17 ассоциаций на один стимул. Частотность русских цитатных ассоциаций по тематической группе «Литература» выглядит следующим образом:

Волшебные сказки + Старик Хоттабыч (ковёр-самолёт) – 175; *Что такое хорошо и что такое плохо* – 106; *Гамлет* – 65; *Вишнёвый сад* – 53; *Баранкин, будь человеком!* – 47; *Магомет* – 39; *Старик и море* – 34; *На смерть Поэта* – 21; *Маленький человек* – 20; *Маленький Мук* – 18;*Голова профессора Доуэля, Маленький принц* – 16; *Горе от ума, Лев Толстой* – 15; *Библия, Судьба человека* – 12; *Ночь перед Рождеством; Опять, как в годы золотые...; Смерть героя* – 9; *Страдания юного Вертера* – 8; *Голова на плечах, Девочка на шаре, Русь изначальная* – 7; *Голова дракона, Мухацокотуха, Смерть под парусом* – 6; *Мастер и Маргарита, Один, совсем один!* – 5; *Имя твоё – птица в руке..., Капитанская дочка, Лев и собачка; Хорошо, да худо; Три толстяка* – 4; *Двенадцать стульев, Имя розы, Кот в сапогах, Отец Сергий, Отцы и дети, Солнце, Сонет № 121, Три поросёнка, Три сестры, Честный вор* – 3; *Заяц во хмелю, Лев Кассиль, Ночь в степи, Смерть Тарелкина, Сон в летнюю ночь, Стрекоза и муравей, Три товарища* – 2;

Остановимся нанесколькихпримерах, представленных в этихтематических группах.Самое высокое количество цитатных ассоциаций в словацком и русском языках можно наблюдать втематическойгруппе «Литература». В данном случае прецедентность реализируется благодаря названиям произведений, их авторам, главным персонажам и др., которые для среднего представителя данной лингвокультуры хорошо известны (*Гамлет, Мертвые души, Старик и море* и т.п.).Прежде всего это можно объяснить популярностьюданных литературных произведений в целом. В рассматриваемой нами тематической группе цитатныеассоциации можно разделить в зависи-

мости от меры прецедентности на: универсально-прецедентные, национально-прецедентные и индивидуально-прецедентные, но не в каждом языке они представлены в одинаковой степени.

К универсально-прецедентным феноменам можно отнести, например,*Быть, или не быть*В.Шекспира, которое появляется при стимуле *быть* как у словаков (101 реакция), так и у русских (65 реакций). Этот прецедентный феномен имеет глобальный характер, поскольку можно ожидать схожие реакции в подобном исследовании иу представителей других культур. К универсально-прецедентным феноменам мы относим следующие цитатные ассоциации: *Капитанская дочка, Страдания юного Вертера, Старик и море* и др. Отличительной чертой универсально-прецедентных феноменов является то, что они могут функционировать даже без контекста. Они перешли границу той культуры, в которой возникли, и активно употребляются представителями других культур. Использование в речи универсально-прецедентных феноменов, с одной стороны, свидетельствует об уровне индивидуальной культуры личности, с другой стороны, говорит о своеобразии формирования языковой личности в целом. Результаты нашего исследования подтверждают, что у словацких респондентов цитатные ассоциации ориентируются прежде всего на произведения мировойлитературы (70% цитатных реакций), которыевходят в обязательную школьную программу.В ходе нашего эксперимента было зафиксировано ассоциаций на только 13 литературных произведений словацких писателей (приблизительно 30%), которыесчитаются словацкими классиками (*Гвиездослав, Ярош, Кукучин* и др.).

Если мы рассматриваем национально-прецедентные феномены как составляющие сферы культуры и искусства, в которой отражается творческая деятельность всего народа, то к национально-прецедентным феноменам можем отнести все цитатные ассоциации, отсылающие к художественным произведениям отечественных писателей. В рамках словацкой лингвокультуры – произведения словацких авторов (13) и в рамках русской лингвокультуры – произведения русских писателей (58). Здесь мы можем заметить очевидную диспропорцию. У словацкихстудентовассоциаций на классические словацкие произведения мало: самое большое количество цитатных ассоциаций на один стимул – 10. Но в ассоциациях русских респондентов можно наблюдать совсем другуютенденцию: преобладание национально-прецедентных феноменов по сравнению с универсально-прецедентными феноменами.У русскихстудентов зафиксированыассоциации прежде всего на произведения русских писателей (*Булгаков, Пушкин, Лермонтов, Чехов* и др.). Это было 58 разных произведений русской литературы, что составляет около 70% всех цитатных ассоциаций. По нашему мнению, школьная программа средней и старшейшколы в значительной мере ориентируется на отечественную литературу. В настоящее время учеными высказывается мысль о том, русская литература является богатым источником прецедентных феноменов в целом. С известной долей вероятности можно утверждать, что литературные источники имеют огромное значение для возникновения прецедентных феноменов, о чем свидетельствуют и сами реакции русских респондентов.

Специалисты по русской культуре постоянно делают акцент на литературоцентризм, подчеркивают авторитет русских писателей и регулярные отсылки к текстам художественной литературы в различных сферах коммуникации. Литературоцентризм – типичное явление русской культуры и заключается в том, что именно литература была центром духовной жизни и колыбелью русской интеллигенции [Sipko2011: 96].Благодаря сопоставительному анализу ассоциативных связей словацкого и русского языков можно констатировать, что для представителей русского лингвокультурного сообщества сфера литературы имеет особое значение. В ходе нашего эксперимента это было подтверждено несколькими способами. Помимо того, что внашемисследовании наблюдалась апелляция русского человека к отечественной

литературе, мытакже идентифицировали несколько цитат из текста художественной литературы, что не было зафиксировано ни разу у словаков. У русских респондентов появилась на стимул *судьба* реакция *проказница*. Этими словами начинается известная комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» и звучит следующим образом: *Судьба проказница, шалунья / Определила так сама...* То же произведение появилось и у стимула *сон* и реакцией респондентов было *в руку*. Это ассоциация связанная с фрагментом текста той же комедии: *Ах, батюшка, сон в руку...*Этот факт свидетельствует о том, что представители русской лингвокультуры в рамках обязательной школьной программы читают много русских произведений и у них сформировано общее представление об отечественных писателях и их творчестве, и затем они демонстрируют эти знания в разных сферах коммуникации.

В русских цитатных ассоциациях можно проследить еще одноинтересноеявление – проникновение чужих культур в языковое сознание носителей русского языка. При стимуле *голова* мы получили реакцию *дракона* (6 реакций). Это отсылка к произведению, автором которого является МинэтароМотидзуки. Это специальный жанр литературы, который называется манга и в настоящее время пользуется большой популярностью у русских.Можно предполагать, что это связанно с тем, что сейчас наблюдается бум интереса к японской культуре, прежде всего к жанру аниме, скоторым манга имеет много общего.

Наш эксперимент показал, что русские цитатные ассоциации имеют более развитую структуру: если количество реакций у словацких студентов колеблется между 1-8, то русскихассоциаций на аналогические стимулы насчитывается от1 до 17 реакций. Можно предположить, но собранные нами данные позволяют говорить о неких тенденциях и закономерностях, типичных для рассматриваемых нами лингвокультур.

Каждый человек принадлежит к определенной национальной культуре, которая впитывает в себя национальные традиции. В этих сферах взначительной степени проявляются культурные особенности, которые формируют уникальную культуру каждого народа. Их отражение можно найти в разных областях жизни человека, в том числе и в языке. Поэтому язык как основной инструмент коммуникации является хорошим объектом для исследования содержания культурного сознания, в котором играет очень важную роль и ассоциативный эксперимент.

Цитатные ассоциации как выражение прецедентности являются хорошим материалом для изучения, поскольку для них характерны культурные коннотации. Эти коннотации возникаюттогда, когда человек к первичному значению слова присоединяет дополнительную информацию на основе ассоциативных связей с фоновыми знаниями. Прецедентные феномены играют важную роль в каждой лингвокультуре, потому что они отражают синтез языка и культуры и предлагают дополнительные возможности для исследования этой связи между ними. Прецедентные феномены мы должны воспринимать на трех уровнях: а) на уровне языка, потому что мы их выражаем вербально; б) на уровне сознания, потому что они являются результатом когнитивных процессов; в) на уровне культуры, потому что они являются определенным культурным знаком каждого народа.

Литература

1. *Ворожцова, О. А.*Прецедентные имена в российской и американской печати // Известия Уральского государственного университета, 2006. № 45. С. 222-229.

2. *Караулов, Ю. Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. Москва: Русский язык, 1993. 330 с.

3. *Корина, Н. – Билчикова, М.*Цитатные ассоциации как вид интертекстуальной связи // SLAVICA NITRIENSIA, 2017. № 2. С. 34-55.

4. *Красных, В. В.*‹‹Свой›› среди ‹‹чужих››: миф или реальность? Москва: Гнозис, 2003. 375 с.

5. *Норман, Б. Ю.*Лексические ассоциации как составная часть языковой картины мира (на русском и белорусском материале). In Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка. Нитра: УКФ, 2014. С. 69-103.

6. *Тарасов, Е. Ф. – Дронов, В. В. – Ощепкова, Е. С.*Учебный ассоциативный словарь русского языка. Санкт-Петербург: Златоуст, 2017. 356 с.

7. *Sipko, J.*Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturológie. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2011. 320 s.

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ШВЕДСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ XIX ВЕКА

С.А. ГРИЦЕНКО
Российский технологический университет – МИРЭА, Россия
svjatoslav11@bk.ru

Ключевые слова: *русская литература, шведское литературоведение, А.С. Пушкин, А. Йенсен, литературные связи, скандинавские страны*

В статье исследуются первые попытки литературоведческого изучения произведений русской литературы, предпринятые шведскими учеными на протяжении XIX столетия, а также их роль в развитии русско-шведских культурных взаимосвязей. Автором делается ряд выводов о стратегиях выбора шведами произведений для литературоведческого анализа, о влиянии политической обстановки и стереотипов взаимного восприятия двух народов на литературоведческие труды шведских специалистов.

SVYATOSLAV GRITSENKO – Classic Works of Russian Literature in Swedish Literature Studies of the 19th Century

Key words: *Russian literature, Swedish literature studies, A. Pushkin, A. Jensen, literary connections, Nordic countries*

The article explores the first attempts to study some classic works of Russian literature made by Swedish literature scholars during the XIXth century as well as their role in Russian-Swedish intercultural collaboration's development. Some conclusions have been made of the Swedes' strategies by choosing literal works for study, of the political situation's and the two nation images' impact on the literature studies works of Swedish researchers of that time.

Контакты «периферийных» национальных литератур Швеции и России (а также зарождавшейся первоначально на шведском языке литературы Финляндии) в первой половине XIX века были, конечно, достаточно эпизодическими. Тем не менее, складывавшаяся с конца XVIII века традиция переводов русской литературы в Швеции, равно как и рецепция образов Швеции и шведов в русской литературе, заложили достаточно основательный фундамент общего культурного взаимодействия России и Северной Европы в указанную историческую эпоху. Учитывая «литературоцентричность» тогдашнего шведского и рссийского общества в то время, да и вплоть до сегодняшнего дня [Улофсон 2007: 7-8], данная гипотеза о роли литературного взаимодействия в контексте межнациональных отношений имеет, надо полагать, полное право на существование.

Одним из следствий установления межкультурных шведо-российских отношений на постоянной основе стало появление первых литературоведческих работ шведских филологов, переводчиков и общественных деятелей, посвященных русской литературе рубежа XVIII-XIX вв. и первых десятилетий XIX столетия. Закономерно при этом, что данные работы хранят на себе отпечаток тогдашнего мировоззрения и миропонимания образованной части шведского общества, а также дают отечественным исследователям зачастую свежий, непривычный взгляд на сущность и значение произведений «Золотого века» русской литературы.

Первые попытки литературоведческого анализа произведений русской литературы хронологически совпали с выходом значимых переводов произведений российских авторов. Закономерно, что первыми их комментаторами стали сами шведские переводчики. Так, бывший пленный офицер, а затем русский студент и сотрудник Министерства иностранных дел фон Платен, осуществивший перевод «Кавказского пленника» на шведский язык еще в 1825 году, утверждал, что его цель – поднять литературный уровень и развить вкусы шведоговорящего финляндского населения.

Перевод Платена должен был прямо способствовать достижению указанной цели, поскольку в Финляндии 1820-х гг. еще не было фигур, сомасштабных национальным поэтам России (Пушкину) и Швеции (Э. Тегнеру) [Шарыпкин 1975: 99-100].

Открывается переводное издание «Кавказского пленника» стихотворным посвящением «к Пушкину» (*Till A. Pusjkin*) за авторством самого фон Платена, которое, по мнению советского исследователя Шарыпкина, имеет сейчас не столько художественный, сколько исторический интерес [Шарыпкин 1974: 252]. В своем посвящении Платен восхищается поэтом, который «на легких крылах» (*på lätta vingar*) объял в своем творчестве весь мир – от Балтики до Кавказа, от утренней зари до вечернего сияния звезд… Также переводчик подспудно сравнивает поэта Востока с «гением Запада» (Тегнером) и просит у него прощения за свой «земной», приземленный перевод его возвышенных строк [Pusjkin 1825: I].

В послесловии же к изданию фон Платен, как уже говорилось, критикует некоторые недостатки пушкинской поэмы (а также своего собственного перевода) и приводит краткие биографические сведения о русском поэте со ссылкой на рецензию в газете *Åbo Underrätelser* от 17 января 1824 года, принадлежавшей, вероятно, самому Платену. К сожалению, часть сведений явно ошибочна – так, указывается, что Пушкин родился в Петербурге, а генерал Инзов, начальник Пушкина по южной ссылке начала 1820-х гг., назван Низовым (*Nisoff*) При этом Платен призывает отличать А.С. Пушкина от другого поэта с той же фамилией – Василия Львовича Пушкина, автора лирических и «дидактических» произведений конца XVIII века [Pusjkin 1825: 28-29].

В остальном же, как правильно указывал Д.М. Шарыпкин, примечания и комментарии Платена повторяют соответствующий отрывок из «Учебной книги русской словесности» Н.И. Греча (1819–1822) [Шарыпкин 1974: 251-252]. Как и Греч, Платен считает Пушкина молодым и подающим большие надежды поэтом, хвалит его за «романтическую поэму» «Руслан и Людмила» и т.д. Одним словом, литературоведческая работа самого Платена оказалась не такой значительной, но все же это была хронологически первая попытка дать оценку произведению русской литературы первых десятилетий XIX века, исходившая от шведского современника.

Следующим значительным моментом в истории шведского литературоведческого изучения русской литературы указанного времени стала первая в мире докторская диссертация, посвященная А.С. Пушкину, защищенная 8 декабря 1841 г. магистром Карлом Юлиусом Ленстрёмом в Упсальском университете [Кан 1999: 292]. Диссертант был к моменту защиты довольно известным деятелем в литературных кругах Шведского королевства и Великого княжества Финляндского – издателем газеты *Eos*, другом писателя-радикала Альмквиста, одним из идейных вождей студенческого либерального движения.

Тем не менее, сама работа оценивается всеми рецензентами как очень слабая [Улофсон 2007: 4] – автор и его помощники (Карл Густав Сантессон и Улоф Магнус Сундбум) не знали русского языка, Ленстрём пользовался немногочисленными датскими и немецкими источниками (в частности, статьей о Пушкине в энциклопедическом словаре А.А. Плюшара), Пушкина он переводил с немецкого, притом использованные им переводы Р. Липперта следует считать весьма посредственными.

Само издание диссертации Ленстрёма приобрело вид небольшой брошюрки, что закономерно, учитывая смехотворный объем исследования – всего лишь 32 страницы [Lénström 1841]. Кроме того, работа грешила курьезными и загадочными ошибками. Так, пушкинская «Черная шаль» стала у Ленстрёма «Черной душой». Этот ребус разгадал в свое время Шарыпкин: в процессе перевода произошла (возможно, ввиду невнимательности диссертанта) банальная путаница двух шведских слов: «шаль» (*sjal*) и душа (*själ*), различающихся одним диакритическим знаком [Шарыпкин 1974: 253].

С самых первых своих строк исследование Ленстрёма напоминает не собственно научный труд, а, скорее, литературный и даже политический манифест. Начав с громкого заявления «Будущее принадлежит славянам!», автор далее в красках описывает застой в культурной и общественной жизни Европы и уповает на «звезду Надежды», взошедшую над европейским Востоком, к которой вскоре потянутся и остальные народы континента [Lénström 1841: 1-2].

С другой стороны, Ленстрём не вполне разделяет эти панславистские иллюзии, полагает, что Европа «еще не сыграла свою роль до конца» и скоро пойдет на новый виток развития, однако создавший себе «памятник нерукотворный» русский поэт может ей в этом помочь, поскольку он поднял знамя вольной мысли и борьбы за свободу вместе с прославленным Байроном [Lénström 1841: 2-3]. Также диссертант указал, что Пушкин отталкивался от длительной поэтической традиции в России – среди его предшественников упоминаются «отцы поэзии в России» М.В. Ломоносов, А.Д. Кантемир, «русский Анакреон» И.Ф. Богданович, Г.Р. Державин и И.И. Дмитриев – провозвестники «новой школы», старейший ее поэт В.А. Жуковский, а также «Батюшев» (*Batjuskew*, то есть К.Н. Батюшков), П.А. Вяземский, М.А. Демидов, Е.А. Баратынский, Н.М. Языков, Д.В. Веневитинов, В.Г. Бенедиктов и др. Однако Ленстрём считает Пушкина самым выдающимся деятелем из этой плеяды, создателем лирических повествований «во вкусе Байрона» [Lénström 1841: 4].

Таким образом, именно близость к Байрону, его произведениям и творческому методу становится для Ленстрёма критерием гениальности Пушкина [Шарыпкин 1974: 254]. Соответственно, к творческим успехам поэта швед отнес его романтические произведения: «Кавказский пленник», «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан», «Братья-разбойники», «Полтава», «Граф Нулин», а также баллады, но при этом счел «Бориса Годунова» «произведением вовсе не первого ранга» [Lénström 1841: 6].

При этом диссертант сознавал, что историческая драма Пушкина все же является значимой для русской литературы, «бедной» на подобные национально-окрашенные произведения. Что же до «Капитанской дочки», то она напомнила шведу произведения Ф. Булгарина, а также «гениальные описания» экзотических российских ландшафтов и нравов, выходившие из-под пера Бестужева-Марлинского («Мулла Нур», «Аммалат-Бек»). Наконец, значение и суть «Евгения Онегина» Ленстрём сводил всего лишь к своеобразному подражанию байроновскому «Дон Жуану» [Lénström 1841: 6]. Разгадка подобного отношения к творчеству Пушкина, надо полагать, в том, что в Швеции начала 1840-х гг. продолжал свое существование поздний, «эпигонский» романтизм, к которому тяготел также сам Ленстрём и деятели его круга [Шарыпкин 1974: 255].

Это обстоятельство, а равно описанные выше значительные недостатки диссертации позволили, например, Я.К. Гроту резко отрицательно высказаться о труде шведа: Ленстрём «вообще не изучал ни Пушкина, ни русского народа, а говорит только с голоса других и наугад» [Шарыпкин 1974: 253]. Впрочем, Грот не мог не понимать благотворного влияния самого факта обсуждения творчества Пушкина в стенах старейшего университета Скандинавии на развитие шведо-русских литературных и, шире, культурных и общественных связей.

Во второй половине XIX в. шведский литературный мир усилиями писателя А. Стриндберга, датского критика Г. Брандеса заинтересовался русской реалистической прозой – «факел споров» в Швеции зажгло творчество Гоголя, Тургенева, Достоевского, Льва Толстого, Чехова [Кан 1999: 295] … Брандес, как и многие скандинавы, не мог простить Пушкину «примирения с царизмом», потому предпочитал ему Лермонтова, «революционного романтика» [Шарыпкин 1974: 257]. Однако в значительно большей степени вниманием критика владел Гоголь: Брандес отмечал достоинства и «украинских», и «петербургских» произведений писателя, а вершиной вос-

хвалявшегося им реализма датский литератор считал «Мертвые души» [Håkanson 2012: 169-170].

Пушкина в круг общественных дискуссий вернул замечательный шведский литературный и общественный деятель Альфред Йенсен. Первый перевод крупного произведения Пушкина с русского языка (а не с немецкого, как это было ранее) этническим шведом, гражданином самой Швеции, вышел только в 1889 г., и этим значительным переводом стал «Евгений Онегин» Йенсена. Известный славист, Альфред Йенсен был русофилом, творившим в обстановке дефицита достоверных знаний о России – увы, в этом плане ситуация за столетия почти не изменилась. Пушкин в переводе Йенсена был благосклонно встречен критикой, а в 1918 г. вышло и второе издание этого текста [Улофсон 2007: 5].

Йенсен считал, что «Евгений Онегин» – вполне русский роман, который был бы написан так или иначе и без байроновского влияния, поскольку отражал особенности именно русского национального быта и характера. Еще в большей степени, чем главный герой произведения, их носителем являлась Татьяна Ларина – совершенно «очаровательное существо», по словам шведского филолога [Jensen 1908].

Однако Йенсен также остро критиковал Пушкина за примирение с самодержавием, нашедшее свое отражение на страницах «Медного всадника» и «Полтавы», отказ от байроновской вечной борьбы за свободу. Однако в конечном счете Йенсен выразил мнение, что Россия стряхнет с себя «славянскую леность» и встанет на путь борьбы за высокие общественные идеалы. Поскольку сам А. Йенсен на рубеже XIX – XX вв. стал тяготеть к социализму, то и критику пушкинского наследия он разворачивал уже с социал-демократических позиций, в отличие от своих предшественников. Тем не менее, Пушкин, наряду с Тургеневым, был в числе любимейших писателей шведского ученого [Nakoff 2012: 81 - 83].

В целом, начало «демократического прорыва» в Швеции в конце XIX – начале XX вв. вновь обострило дискуссии о сущности шведо-российского культурного взаимодействия: теперь в нем пытались разглядеть народный характер русских, а через него – намерения России по отношению к Северной Европе в тревожной обстановке в преддверии большой европейской войны. В шведском общественном мнении в то время «страх перед русскими» постепенно сменился симпатией и определенным пониманием русского народного характера и идейного мира, хотя мессианизм русского мировоззрения по-прежнему несколько настораживал скандинавов [Gustavson 1916: 322]. Так, литературовед и критик Джон Густавсон в ряде своих публикаций в журнале «Слово и картина» (*Ord och bild*) восторгавшийся произведениями Ф.М. Достоевского, не без оснований связывал миропонимание великого писателя с описанием им русской национальной универсалистской идеи как отчетливо шовинистской, и источник этого шовинизма прослеживается в предшествующей литературной эпохе – в частности, в мотивах «Памятника» Пушкина и некоторого числа других произведений первой половины XIX века. Впрочем, шведский литературовед сразу же оговорился, что в «Детстве» М. Горького и ряде других современных ему произведений молодых русских писателей начала XX века мотив национальной исключительности уже не просматривался [Gustavson 1916: 324-325]. Очевидно, указание на Горького здесь также является следствием симпатий Густавсона к левым кругам.

Находил Густавсон и то общее, объединявшее русских и шведов во все века чувство – сопротивление всякому угнетению и насильственному объединению. Шведский филолог указывал, что и русские, и германцы многие столетия сопротивлялись католической, западной «насильственной унификации» – от Арминия и вплоть до франко-прусской войны [Gustavson 1916: 323]. Так русский народ с его историей и традициями сопротивления захватчикам встал в сознании автора этих строк в один

ряд со шведами как друг и союзник, а вовсе не как «исторический враг» [Гриценко 2017: 238-240].

Наконец, на самом изломе «долгого XIX века» в Швеции стали появляться первые обобщающие работы по истории русской литературы. Так, известный нам уже А. Йенсен издал свою «Историю русской литературы» в 1912 г. [Jensen 1912], в которой предложил стилистическое деление произведений и авторов (на романтиков и реалистов), а также применил компаративистский подход, сравнивая русскую литературу с национальными литературами сопредельных стран – например, с польской [Шарыпкин 1974: 259] (в рамках классических параллелей Пушкин – Мицкевич и др.).

Таким образом, исследование ряда значимых литературоведческих трудов шведских авторов XIX столетия позволяет сделать ряд выводов о знаниях шведов о русской литературе, а также их оценках российских литературных произведений.

Во-первых, совершенно явным лидером по количеству работ о нем из всех русских авторов первой трети XIX века является А.С. Пушкин – очевидно, во многом из-за его статуса национального поэта, «солнца русской поэзии» на родине. Шведские критики зачастую относились к этому положению Пушкина скептически, зачастую критиковали те или иные творения поэта, но все же признавали в итоге их несомненные литературные достоинства.

Во-вторых, особая роль в процессе познания русской литературы научными литературоведческими методами принадлежала одиночкам – энтузиастам и политическим активистам вроде К.Ю. Ленстрёма, русофилам круга А. Йенсена, а также собственно переводчикам с русского (фон Платен, тот же Йенсен). К сожалению, значительной научной школы, внятных общепринятых подходов к изучению русской литературы в Швеции так не сложилось вплоть до конца Первой мировой войны, во многом ввиду вышеуказанного малого количества исследователей данной проблематики и отсутствия возможности проведения масштабных научных дискуссий.

В-третьих, на взгляды, оценки, отношение шведских литературоведов к русским авторам и их произведениям влияла, с одной стороны, политическая позиция русских писателей и поэтов, с другой – политические пристрастия шведских филологов. Если Ленстрём критиковал Пушкина с «байронических», либеральных позиций, то Йенсен – уже с социалистических (как и Густавсон Достоевского). Следовательно, чтобы в полной мере прояснить механизмы литературного взаимодействия Швеции и шведов с русской литературой, необходимо поставить выявленные в данном исследовании факты в широкий контекст взаимосвязей двух стран – общекультурный, а также политический, что, в свою очередь, может стать целью дальнейших литературоведческих разысканий в данном направлении.

Литература

1. *Гриценко С.А.* «Прогерманизм» в общественно-политической жизни Швеции (1905 – 1916). Дисс. … канд..ист.наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017. 280 с.

2. *Кан А.С.* Швеция и Россия: в прошлом и настоящем. М.: Издательский центр Российского гос. гуманитарного университета (РГГУ), 1999 . 358 с.

3. *Улофсон Ч.* Пушкин и Швеция // Болдинские чтения-2007. Нижний Новгород, 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:656189/FULLTEXT01.pdf Дата последнего обращения: 05.01.18.

4. *Шарыпкин Д.М.* Русская литература в Скандинавских странах. Л.: Наука, 1975. 218 с.

5. *Шарыпкин Д.М.* Пушкин в шведской литературе // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1974. Т. 7. Пушкин и мировая литература. С. 251 – 262.

6. *Gustavson J.* Från det moderna Ryssland (F.M. Dostojevskij, En skriftställares dagbok) // Ord och bild, 1916. № 19. S. 322 – 327.

7. *Håkanson N.* Fönstret mot öster. Rysk skönlitteratur i svensk översättning 1797-2010: med en fallstudie av Nikolaj Gogols svenska mottagande. Stockholm: Ruin, 2012. 347 s.

8. *Jensen A.* Puškin in der schwedischen Literatur // Zbornik u slavu Vatroslava Jagicá. Berlin: Weidmansche Buchhandlung, 1908. S. 71-80.

9. *Jensen A.* Rysk litteratur. Stockholm: Norstedt, 1912. 199 s.

10. *Lénström C.J.* Alexander Puschkin, Rysslands Byron. Upsala: Leffler och Sebell, 1841. 32 s.

11. *Nakoff A*. Alfred Jensen // Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures, 2012. №. 53. S. 75-100.
12. *Pusjkin A*. Minne af Kaukasien. / öfvers. ifrån ryskan Fredrik A. von Platen. Åbo: J.C. Frencell & Son, 1825. 32 s.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА ДОДИ СМИТ «СТО ОДИН ДАЛМАТИН»

М.М. ГРОМОВА
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия
marija.gromova@list.ru

Ключевые слова: *художественный перевод, детская литература, гендерные стереотипы.*
В данной работе сопоставляются переводческие решения при репрезентации женских персонажей и передача гендерных стереотипов оригинала в четырех русских переводах романа английской писательницы Доди Смит «Сто один далматин» (1956).

MARIYA GROMOVA – Representation of female characters in Russian translations of the Dodie Smith's novel «The Hundred and One Dalmatians»
Key words: *literary translation, children's literature, gender stereotypes*.
This paper compares translation choices for the representation of female characters and the attempts at conveying original book's gender stereotypes in four Russian translations of the novel «The Hundred and One Dalmatians» (1956) by the English novelist Dodie Smith.

Роман английской писательницы Доди Смит «Сто один далматин» («The Hundred and One Dalmatians / The Great Dog Robbery») вышел в 1956 году и выдержал несколько изданий в Великобритании и США. Сюжет романа – кража щенков далматина Круэллой де Вил с целью сшить манто из их шкурок и их спасение родителями, Понго и Миссис – стал основой для многочисленных экранизаций и мюзикла.

Существует четыре русских перевода романа.

Первым появился **перевод Ольги Мяэотс** «Сто один далматский дог» [Смит 1992] – в 1992 году, в издательстве «Олимп», тиражом 50000 экземпляров. На сайте «Лаборатория фантастики» указано, что он переиздавался в 2004 году [Корф], но, по словам самой переводчицы, переизданий не было. Это добротный перевод, в котором, тем не менее, почти нигде не сохранена игра слов и неточны некоторые реалии.

Через год вышел **перевод издательства «Алкиной Лимитед»** (без указания имени переводчика) «Сто один далматин» [Смит 1993] (по этому изданию в данной работе приводится также оригинальный текст романа). Перевод полон досадных оплошностей и в целом не производит впечатления текста, прошедшего редакторскую правку. Сведений о переизданиях данного перевода найти не удалось.

В 1997 году вышел **перевод Н. Чупеева** «Сто один далматин» [Смит 1997], который переиздавался четырежды вплоть до 2006 года (переиздания 1999, 2002, 2003, 2006). В этом переводе текст романа сокращен примерно на треть за счет последовательного пропуска целых сцен. Пять изданий свидетельствуют о постоянном спросе. Таким образом, на протяжении восьми лет (с 1997 по 2005 год) читателям был доступен сильно сокращенный перевод романа – причем нигде в книге не указано, что он сокращенный.

В 2005 году в издательстве «Амфора» выходит **перевод Т. Чернышевой** «Сто один далматинец» [Смит 2016]. В последние пятнадцать лет переиздается только он, переходя от издательства к издательству (2012, 2016, 2017, 2018). Текст пестрит пунктуационными ошибками и не вычитан; встречаются сомнительные переводческие решения в лексике и синтаксисе. Как и в предыдущих переводах, в переводе Чернышевой есть небольшие сокращения (как правило, пропускаются одно-два предложения); однако изредка в нем присутствуют те фрагменты, которые были пропущены в остальных переводах.

Главная героиня, мать похищенных щенят Миссис в оригинале воплощает расхожие стереотипы о женщинах – она не особо умна, весьма эмоциональна; когда не-

обходимо изваляться в саже, чтобы скрыться от преследователей, она медлит, не желая портить шубку. Она не различает право и лево и недоумевает, почему, стоит ей развернуться, то, что было слева, оказывается справа? Когда Спаниель объясняет ей дорогу, Миссис уточняет, где окажутся трубы поместья:

"Right or left?" asked Missis, brightly [Смит 1993: 290]

В переводе Мяэотс авторская оценка, акцентирующая внимание читателей на бестолковости Миссис, убрана – Миссис встревожена и боится не отыскать снова дорогу в поместье:

Слева или справа? – озабоченно спросила Миссис [Смит 1992: 86]

В переводах «Алкиноя» и Чернышевой наречие *brightly* трактуется как ироничная оценка умственных способностей Миссис, в соответствии со значением 'живо, понятливо, сметливо':

– Справа или слева? – спросила смышленая Дамка [Смит 1993: 89];

– Они будут справа или слева? – спросила у Спаниеля его блестящая ученица [Смит 2016: 59]

В переводе Чупеева тревоги Миссис как не бывало. Она внезапно подхватывает игривый тон галантного Спаниеля:

– Справа или слева? – лукаво спросила Миссис [Смит 1997: 73]

Хозяйка Миссис в оригинале вовсе не так резко противопоставлена эмансипированной Круэлле, как в экранизации 1961 года, где она представлена тихой патриархальной домохозяйкой: она водит машину, на ночь глядя отправляется одна в полицейский участок за собакой-кормилицей. В романе не сказано, работала ли она до замужества и если да, то кем, но школьное образование она получила неплохое, судя по тому, что она дает найденной собаке имя одной из героинь «Зимней сказки» Шекспира – *Пердита* – и попутно дает прислуге краткую справку о его латинской этимологии:

– We'll call her Perdita, said Mrs Dearly, and explained to the Nannies that this was after a character in Shakespeare. "She was lost. And the latin word for lost is 'perditus'." [Смит 1993: 240]

В переводе Мяэотс Пердита – видимо, в целях благозвучия – заменена на *Периту*. Отсылки к Шекспиру и этимологические выкладки, в которых более нет нужды, пропущены (для этого перевода в принципе характерны небольшие купюры):

– Мы назовем ее Перита, – сказала миссис Милни [Смит 1992: 32]

В переводе «Алкиноя» право имянаречения присваивает себе *мистер* Милоу, хозяин Понго. Имя «Пердита» также не появляется – в этом переводе собаку зовут *Пэдди*. Правда, в сочетании со стремлением переводчика избежать какой бы то ни было конкретики объяснения «главы семьи» звучат несколько водянисто:

– Мы назовем ее Пэдди, – сказал мистер Милоу. Служанкам он объяснил, что имя собаке он дал в честь одного из персонажей Шекспира, который тоже потерялся. После этого он еще долго говорил о том, что это имя является сокращением от латинского слова, означающего пропажу. Он долго разглагольствовал на эту тему… [Смит 1993: 34]

В переводе Чупеева Шекспир у хозяйки собак – «горячо любимый», а латыни она не знает:

– Мы назовем ее «Пэдита», – заявила миссис Дорогуша и объяснила, что хочет дать ей это имя в честь одного из персонажей горячо любимого ею Шекспира [Смит 1997: 28]

Только перевод Чернышевой здесь более-менее следует оригиналу, хоть и содержит неточности («Зимняя сказка» – не сказка, и лат. *perdita* не означает «найденыш»):

– Назовем ее Пердита, а коротко – Пэдди, – сказала миссис Душечка и объяснила обеим Нанни, что так звали девочку в сказке Шекспира. – Та девочка потерялась, а потом ее нашли. И назвали так, потому что по-латыни это слово означает «найденыш» [Смит 2016: 22-23]

Двое щенят Понго и Миссис – слабенькая девочка *Cadpig* и крупный мальчик *Patch* – дружат с первых дней жизни:

Patch, the pup born with a black ear, was still the biggest and strongest puppy. He always seemed to be next to the Cadpig, as if these two already knew they were going to be special friends [Смит 1993: 247-248].

Чупеев считает необходимым подсветить гендерные роли в этой дружбе:

А вы не забыли щенка, который родился с черными «заплатками» на ушах? Так вот, он вырос самым большим и сильным щенком. Из-за этих пятен на ушах его прозвали «Клочок». Он повсюду ходил за Пусей, оберегая ее. Они стали самыми настоящими неразлучными друзьями [Смит 1997: 34]

Чернышева убирает упоминание о дружбе и идет еще дальше в распределении гендерных ролей – у нее Клякса *берет Хвостика под свою защиту*:

Самым крупным и сильным так и остался щенок с черным пятном на ухе, за которое того прозвали Кляксой. Клякса старался не отходить от Хвостика, будто взял ее под свою защиту [Смит 2016: 27]

В переводе Мяэотс щенята поменяли пол – теперь это слабенький мальчик Последыш и сильная девочка Клякса:

Самым милым мальчиком оказался тот, которого спас мистер Милни. Он был такой маленький и беспомощный. Мистер Милни стал любовно называть его Последышем, как самого слабенького. <…>

Клякса – девочка, родившаяся с черным ушком, по-прежнему оставалась самой крупной и сильной. Ее часто можно было видеть вместе с Последышем, как будто они предвидели, что станут неразлучными друзьями [Смит 1992: 39]

В оригинале щенята-девочки из помета Миссис не так сильны и выносливы, как щенята-мальчики. На первом перегоне на пути из поместья в Лондон именно девочки тяжело дышат, спотыкаются и делают передышки, в то время как мальчики «смело» идут вперед:

Lucky, Patch, Roly Poly, and the other boys struggled along bravely, but the girls stumbled and panted and had to have many rests [Смит 1993: 334]

Физиологически это ничем не обусловлено: и у собак, и у людей мышечная масса и выносливость неполовозрелых особей не коррелируют с полом (разумеется, если искусственно не ограничивать самок в перемещениях).

В этом фрагменте только перевод «Алкиноя» строго следует оригиналу:

Счастливчик, Черноух, Ролли-Полли и другие мальчики упрямо продвигались вперед, но девочки спотыкались, тяжело дышали и часто останавливались отдохнуть [Там же: 139]

Перевод Чернышевой идет еще дальше – в нем девочки *сразу выдыхаются*:

Счастливчик, Клякса, Пудинг и остальные их пятеро братьев, выбиваясь из сил, все-таки держались, а вот девочки выдохлись сразу и больше отдыхали, чем продвигались вперед [Смит 2016: 92]

В переводе Мяэотс вместо мальчиков – «щенки покрепче» (среди которых и Клякса, которая у Мяэотс, как мы помним, девочка), а «девочки» заменены на «тех, кто послабее»:

Счастливчик, Клякса, Ролли-Полли и другие щенки покрепче, – с ними все было в порядке, но те, что послабее, то и дело спотыкались и останавливались передохнуть [Смит 1992: 138]

Еще последовательнее Чупеев – в его переводе «позади всех плетутся» все щенята четы Понго (самые младшие из сотни далматинов), независимо от пола:

Клочок, Коротышка и другие их братья и сестры плелись позади всех и часто останавливались [Смит 1997: 109]

В трех переводах из четырех эпизодическая помощница – юная сука ирландского сеттера – становится кобельком и только в переводе Чернышевой остается сукой в соответствии с оригиналом:

Soon a graceful red Setter came dashing towards them [Смит 1993: 359]

Вскоре показалась изящная рыжая красавица Сеттер, стремглав летевшая к ним по выпавшему снегу [Смит 2016: 111]

Сеттер – единственная «говорящая» сука, помогающая Понго и Миссис в спасении щенят. Все остальные помощники, вступающие с ними в диалог, – кобели: Датский Дог, Золотистый Ретривер с маленьким сыном, Спаниель, бобтейл Полковник, Колли и Стаффордширский Терьер. И если маленький читатель русских переводов, особенно при первом прочтении, вряд ли заметит, что собачий мир Англии в книге представлен исключительно самцами, то подросший читатель уже может недоумевать.

Сеттер в оригинале наделена стереотипными «женскими» чертами: она очень эмоциональна, легко поддается панике; Понго с неодобрением отзывается об ее умственных способностях. Она – единственная собака из встретившихся далматинам, чье изящество и грациозность автор считает необходимым подчеркнуть. В оригинале она заняла первое место на выставке собак:

"There's no dog in the bakery, so I was chosen to arrange everything – because I took first prize in a Dog Show." [Смит 1993: 359]

В переводе Чернышевой выставка стала конкурсом красоты, что поддерживает стереотип «красивые женщины глупы»:

Булочник живет без собаки, и для подготовки встречи выбрали меня, потому что я заняла первое место на конкурсе красоты [Смит 2016: 111]

Сеттер единственная из всех помощников, хоть и не по своей вине, проваливает свою миссию: в булочной, где собаки ее деревни собрали провизию для далматинов, из-за неисправного дымохода начался пожар, и еда сгорела. Сеттер в отчаянии – она тревожится об уставших и голодных далматинах:

"There's nothing for you to eat and nowhere for you to sleep", moaned the poor Setter – she was hysterical [Смит 1993: 359]

Двое из трех переводчиков, сделавших Сеттер кобельком (Мяэотс и переводчик «Алкиноя»), трактуют прилагательное *hysterical* как сиюминутное психологическое состояние:

– Мне нечем вас накормить и негде разместить на ночлег, – проскулил Сеттер почти в истерике [Смит 1992: 165];

– Вам нечего будет есть и негде спать, – рыдал несчастный Сеттер, который был на грани истерики [Смит 1993: 166]

В переводе Чупеева кобелек Сеттер не столь эмоционален:

– Боже мой! Что же делать?! Вам теперь нечего есть, негде спать! – сокрушался Сеттер [Смит 1997: 125]

Перевод Чернышевой приписывает суке *истеричность* как постоянное качество и вновь делает акцент на ее внешности с помощью контекстуального синонима *красотка* (использование которого в данной драматической ситуации сложно признать уместным):

– Есть нечего, спать негде, – проскулила несчастная красотка (как оказалось, она была несколько истерична) [Смит 2016: 111]

Сеттер – не единственная помощница далматинов, чья половая принадлежность была изменена в переводах. Так, *Corgi from the Post Office* (сука вельш-корги), доставившая Понго и Миссис свежую газету, становится кобельком в переводах Мяэотс и «Алкиноя» – это *пес-почтальон* и просто *пес* соответственно. *Pomeranian* – сука померанского шпица – во всех переводах становится кобельком *Шпицом*.

Cairn (сука керн-терьера) в переводе Мяэотс также меняет пол – там это «чуткий *пес*» (правда, в качестве компенсации кобелек *Collie* у Мяэотс становится *красавицей Колли*). В остальных переводах этой маленькой жесткошерстной собаке не повезло с переводом породы: у «Алкиноя» и Чупеева она становится *борзой*, у Чернышевой – *цепной овчаркой*.

По пути в Лондон далматины делают стоянку в хлеву. Две старшие коровы (*head cows, Blossom and Clover*) любезно объясняют голодным щенятам, как добыть из коров молоко. У «Алкиноя» коровы становятся быками – *вожаками стада по имени Клевер и Цветок* (возможно, в силу родовой принадлежности выбранных переводчиком имен).

На основании вышеприведенных примеров можно сделать следующие выводы.

В переводе Ольги Мяэотс регулярно устраняются гендерные стереотипы оригинала (в том числе, изменена половая принадлежность двух щенят – сильного мальчика и слабенькой девочки). Женские персонажи в этом переводе сильнее и умнее, чем в оригинале. Тем не менее, эпизодические помощницы, как правило, становятся кобельками.

Безымянный перевод издательства «Алкиной Лимитед» последовательно сохраняет и приумножает гендерные стереотипы, представленные в оригинале.

Перевод Н. Чупеева не имеет единой переводческой стратегии – то щенкам искусственно навязываются традиционные гендерные роли (Клочок и Пуся), то устраняется стереотип, согласно которому девочки не так выносливы и сильны, как мальчики. Огромные лакуны, разумеется, нельзя счесть достоинством перевода, но в нем пропущены, в том числе, сцены оригинала, в которых Миссис выглядит недалекой и чрезмерно эмоциональной.

Видимость эпизодических женских персонажей в переводе Т. Чернышевой выше, чем в трех других переводах, но их репрезентация оставляет желать лучшего – они объективируются (Сеттер), им навязываются гендерные роли (Клякса и Хвостик) и стереотипы (*выдохшиеся* девочки-щенята).

Таким образом, все имеющиеся русские переводы романа отклоняются от оригинала при передаче личностных свойств, умственных способностей и особенностей поведения женских персонажей. Несмотря на то, что эти изменения носят эпизодический характер, они существенно влияют на восприятие книги и ее отдельных персонажей.

Литература

1. *Корф О.* Ольга Мяэотс. [Электронный ресурс.] URL: https://fantlab.ru/translator3336. Дата последнего обращения 29.05.2019.

2. *Смит Д.* Сто один далматский дог / Пер. с англ. О. Н. Мяэотс. М.: Олимп. ППП. Рудомино, 1992. 208 с.

3. *Смит Д.* Сто один Далматин / Пер. с англ. М.: «Алкиной Лимитед», 1993. 400 с.

4. *Смит Д.* Сто один далматин / Пер. с англ. Н. Чупеева. Тула: «Сантакс-Пресс», 1997. 160 с.

5. *Смит Д.* 101 Далматинец : Повесть / Пер. с англ. Т. Чернышевой. СПб.: ООО «Книжная лаборатория», 2016. 144 с.

АРМЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕЛЕНЫ НИКОЛАЕВСКОЙ

М.Г. ДЖАНПОЛАДЯН

Ереванский государственный университет, Армения

m-poladyan@mail.ru

Ключевые слова: *Николаевская, Армения, стихи, переводы, древность, природа, культура, дух народа.*

В статье раскрыты основные мотивы стихотворений Е.Николаевской об Армении. Показано, что через реалии армянской страны поэт выражает свое видение и восприятие древности Армении, ее памятных мест, культуры, искусства, характера и обычаев народа.Отмечается высокий вклад Николаевской как переводчицы классической армянской поэзии и поэтов – ее современников. Творчество Е. Николаевской – одна из ярких страниц в истории армяно-русских литературных связей.

MAGDA JANPOLADYAN – Armenia in the creative works of Yelena Nikolayevskaya
Key words: *Nikolayevskaya, Armenia, poem, translation, nature, culture, national character.*
The article unscovers the main motifs of the poems about Armenia by Yelena Nikolayevskaya. It shows how the poet expressed her perception of the anciency, historic sites, culture and art of Armenia and its national character and traditions through culture-specific elements. The article also highlights the significant contribution of Nikolayevskaya the translator, as she translated many Armenian poems by her contemptoraries. Creative works of Yelena Nikolayevskaya are among the most impressive pages in the history of Armenian-Russian literary ties.

Среди русских поэтов прошлого столетия, чья творческая жизнь была тесно связана с Арменией, свое особое место занимает имя Елены Николаевской (1923-2006). Она посвятила Армении немало стихотворений, она переводила армянских поэтов. В Ереване стараниями Левона Мкртчяна дважды выходили в свет сборники ее стихов и переводов с армянского – «Край света» (1969) и «Лети, журавль» (1983). Николаевская была Заслуженным деятелем культуры Армении, она удостаивалась и специальных премий за свои переводы. В 1979 г на Празднике переводчика ей была вручена премия журнала «Литературная Армения»; в 1982 г. – премия Союза писателей Армении имени Ованеса Туманяна. Эстафету горячей любви к Армении и вдохновенного служения ее культуре Е. Николаевская приняла от своих старших соратниц по перу – Веры Звягинцевой и Марии Петровых. И она трепетно пронесла эту эстафету через всю свою жизнь.

Впервые Елена Матвеевна побывала в Армении в 1954 году. С тех пор и вошел в ее лирику образ нашей страны. Как каждый истинный поэт, она по-своему прочувствовала и воссоздала этот образ. Но чтобы понять характерные черты ее видения, ее восприятия Армении, надо, очевидно, войти и проникнуть в общий, целостный мир ее лирики. А если попытаться выделить главную особенность мироощущения Елены Николаевской, отражающегося в стихотворениях на самые разные темы, то это – ее жизнелюбие. Вот одно из таких стихотворений:

Нужно радоваться уметь –
Детям, что рождены шуметь,
Щедрым ливням, скупым лучам,
Трудным дням и немым ночам.
Нужно радоваться уметь –
Раньше старости не стареть,
Жизнь живую не усмирять,
Раньше смерти не умирать!.. [Николаевская 2006: 205]

Именно жизнелюбием поэта можно объяснить так часто встречающийся в ее стихотворениях образ света. Как заметил Левон Мкртчян, «Свет в ее лирике – мотив (и образ) постоянный. ...Елена Николаевская внутренне опирается на образ света, категорию эстетическую, этическую, нравственную». Еще одно точное наблюдение Левона Мкртчяна: «Она очень похожа на свои стихи» [Мкртчян 1983: 7-8] – буквально дословно совпадает с заголовком предисловия Евгения Солоновича к сборнику поэзии Е. Николаевской, изданном уже посмертно – в 2013 году: «Поэт, похожий на свои стихи». «Не секрет, – пишет Солонович, – что поэты далеко не всегда похожи в жизни на свои стихи. Художественное воображение может подсказать автору чувства, не органичные для него... Да не усомнятся читатели Елены Николаевской, не знавшие ее лично, в том, что с первого и до последнего своего стихотворения она была честна перед собой, а значит – и перед ними. Исключительная отзывчивость, доброта, которую она излучала, талант дружбы были тем капиталом, которым она щедро делилась с людьми и который не давал усомниться в искренности таких, например, ее строк:

С годами мы становимся щедрей –
Своей души для ближних не жалеем.
С годами мы становимся мудрей –

Добро от зла мы отличать умеем.
Добро от зла умеем отличать,
Добром на зло порою отвечать,
И радость находить в чужой удаче...
Привыкнув, не копить, а расточать...
С годами мы становимся богаче...» [Солонович 2013: 26]

Отмеченные в критике характерные черты всей поэзии Елены Николаевской нагляднейшим образом проявились и в ее стихотворениях об Армении. Эти стихи, как и вся ее поэзия, не поражают изысканностью и необычностью выразительных средств, но заражают и заряжают своим жизнелюбием, искренностью, душевным теплом, добрым взглядом на мир. Она открыто делится с читателем своим прочувствованным и пережитым с помощью самых обычных слов. Но каждое слово в ее строках продумано, оно – на месте, и минимальными художественными средствами создается емкий, обобщенный образ страны. Вот начальные строки стихотворения «Армения»:

Синее небо. Желтые скалы.
Яркого много. Тусклого мало.
Лед родников и горячие камни.
Как далека ты, как ты близка мне!
В вихре столетий
Всё здесь смешалось:
Солнце и ветер,
Жесткость и жалость.
В трапезе –
Сладость,
Горечь и соль,
На сердце –
Тяжесть,
Радость и боль...[Николаевская 1983: 17-18]

Эти строки отличаются контрастностью слов-образов, но именно их сочетание создает целостное художественное впечатление, и потому эта контрастность у Николаевской гармонична. Контраст подчеркнут и в самом выражении ее чувства к Армении: «Как далека ты, как ты близка мне!» Но слова «далека» и «близка» не противопоставлены друг другу в прямом смысле, ибо далека Армения географиически, а близка – духовно. Одно из ее стихотворений об Армении так и называется – «Край света». И здесь, искусно обыгрывая разные значения слов «край» и «свет», поэт раскрывает свое восприятие нашей страны, свое отношение к ней:

Когда вдруг говорят:
– А если на край света? –
Я вижу Арарат
И не ищу ответа,
Где он, тот самый край...
Для Елены Николаевской Армения – это
Край воды –
Магической, сладчайшей,
Край каменной гряды,
Поднявшей к небу чашу
Севана... Край души,
Парящей, словно птица...
Край песен... Торжество
Пылающего лета.

А более всего –
Край света – света – света!
Свет с четырех сторон,
Не гаснущий веками,
Свет, льющийся, как звон,
На лозы, снег и камень,
Не знающий измен,
Не терпящий запрета...
...О будь благословен,
Край – и начало – света! [Николаевская 1983: 10-11]

И совсем не случайно в сборнике Е. Николаевской «Я дней не тороплю», вышедшем в 2006 году, ее цикл стихов об Армении озаглавлен строкой из данного стихотворения: «Свет с четырех сторон». А через весь цикл проходит еще мотив о том, что невозможно, раз побывав в этой стране, забыть ее:

Но – берегись, увидавший однажды
Снег Арагаца, взор ослепивший!
Но – берегись, погибавший от жажды
Путник, воды ереванской испивший!
Где бы ты не был, что бы ты не пил, -
Будешь ты видеть синее небо,
Небо, что пахнет терпко и пряно,
Синее небо кисти Сарьяна. [Николаевская 1983: 18]

Мартиросу Сарьяну, конечно же, посвящено отдельное стихотворение, ибо нет русского поэта, узнавшего Сарьяна и его искусство и не воспевшего его. Николаевская пишет:

Когда ты застынешь в его мастерской,
Неиствовством красок охвачен,
И жизнь целиком принимаешь такой –
Ликующей, щедрой, горячей,
И сердце твое в преклоненье замрет,
Полотнам дивясь, словно чуду,
Готов ты воскликнуть:
– Откуда берет
Он краски такие?
Откуда?..

А ответ на вопрос таков: источник вдохновения для художника – стоящая на окне в его мастерской стеклянная банка с землей Араратской долины...

Все соки и краски
Земли и небес
Впитались в ту горсть без остатка,
И в ней ты найдешь объясненье чудес,
Сарьяновской тайны разгадку. [Николаевская 1983: 16-17]

Тема армянского искусства – вообще одна из характерных в поэзии Е. Николаевской: эта тема прослеживается на протяжении нескольких десятилетий ее творчества – от 50-х до 90-х. В стихотворении «Мастер» воспеты и архитектор XIII века Галдзак, среди работ которого – знаменитая высеченная в скале церковь в Гегарде; и выдающийся художник прошлого столетия Минас... А в стихотворении «Неповторение», написанном в начале 80-х гг., автор противопоставляет жизненным штампам и трафаретам армянское древнее искусство, высокую культуру армянского народа, ее богатство, многогранность:

Как соблюдался он в древней Армении –

Принцип священный – неповторения!
Видно, в характере и темпераменте:
Неповторение стен на фундаменте,
Неповторение букв на пергаменте,
Неповторенье узоров в орнаменте...
...Есть одинаковость свечек и спичек...
Но сколь прекрасно ваше терпение,
Резчик по камню и переписчик,
В вашем стремлении к неповторению!
... Я повторяюсь: снова в парении
Над облаками рвусь сквозь пространство...
Снова я мчусь в парадоксы Армении –
Неповторение и постоянство... [Николаевская 1983: 36-37]

В стихах Елены Николаевской можно встретить немалое число названий местностей, гор, рек, городов, всякий раз по-новому открывающих ей Армению: Арарат, Арагац, Зангу, Канакерские высоты, Ереван, Севан, Бюракан, Гегамские горы, Звартноц, Норк... Краски Севана, снега Арагаца, свет Арарата – все увиденное и прочувствованное ею воплотилось в поэтические строки. С одной стороны, в них отразился внутренний мир лирической героини, различные состояния ее души: через реалии армянской природы она острее чувствует жизнь, выражая себя, свою индивидуальность. И совсем не случайно такое армянское по тематике стихотворение, как «Арарат из окна гостиницы», где описан впервые представший перед взором поэта Арарат – «Как высший дар, \\ Как божья милость,\\ Как чудо, явленное мне...», завершается такими истинно «николаевскими», жизнелюбивыми строками:

Как щедро, празднично и мудро!
Какое счастье нам дано:
Дождаться завтрашнего утра
И просто – выглянуть в окно... [Николаевская 1983: 14]

С другой стороны, в этих стихах нам параллельно открывается восприятие и понимание поэтом страны армянской – ее древности, культуры; характера народа, его вековых традиций и обычаев... Понять характер и дух армянского народа Николаевской помогло еще одно присущее ее натуре качество: интерес к фольклору. Левон Мкртчян в своем предисловии к книге «Лети, журавль» замечает: «В лирике Николаевской можно выделить цикл стихов, органически близких к фольклору – интонация, синтаксис, а также слова, присловья, образы». [Мкртчян 1983: 14]

Знакомство же с армянским песенным фольклором произошло у Николаевской еще до приезда в Армению: ее друзья-армяне, учившиеся с ней в Литературном институте, пели народные песни... «Еще в Москве, – отмечала она, – впервые услышала я неповторимо прекрасную, щемящую мелодию армянских песен – «Крунк», «Келе, келе» и других. Их пели мои друзья, тогда еще совсем молодые Геворг Эмин, Сильва Капутикян, Гурген Борян, Акоп Салахян, Рачик Ованесян... Сколько раз я слушала их позже и в Араратской долине, и в Зангинском ущелье, и около Аракса, и ...под сводами Гехарда и на берегу Севана» [Николаевская 2003: 6].

И в стихах Николаевской об Армении заметны фольклорные «следы». Так, в стихотворении «Ереван» отражены отголоски предания о праотце Ное, увидевшем во время потопа землю и вскрикнувшем: «Еревум э!» (с. 11); а эпиграфом к стихотворению «У зимней Зангу» стали строки известной народной армянской песни: «Стою – идти не могу.\\ Полна слез – плакать не могу. \\ Имени твоего произнести не могу» [Николаевская 1983: 20].

Значителен вклад Елены Николаевской и в дело перевода на русский язык армянской поэзии. Эта тема – предмет отдельного исследования. Начинала она с пере-

водов своих друзей-армян, с которыми училась в Литинституте им. М. Горького. Она писала: «Тогда я впервые узнала их стихи, слушала их музыку, звучание на родном языке, дословный перевод-пересказ. Наверно, тогда впервые возникло у меня желание «исполнить» их по-русски, я ощутила потребность передать свое впечатление, воссоздать свое сопереживание, стараясь по возможности передать внутреннюю мелодию стиха, его гармонию – интонацию, дыхание, сердцебиение...» [Николаевская 2003: 6].. Среди переведенных Е. Николаевской поэтов-современников назовем имена Геворга Эмина, Гургена Боряна, Ваагна Давтяна, Маро Маркарян, Сильвы Капутикян, Рачья Ованесяна и других. О переводах поэзии Сильвы Капутикян хотелось бы сказать особо. Елена Николаевская переводила ее стихи до самых последних недель жизни, переводила по зову сердца, по долгу дружбы... Но ей принадлежат и переводы армянской классической поэзии: в ленинградских изданиях Большой серии «Библиотеки поэта», где отдельными томами выходили в свет Егише Чаренц (1973), Ваан Терьян (1980), Саят-Нова (1982), помещены ее переводы. Избранные переводы Е. Николаевской армянской поэзии – классической и современной – вошли, помимо ереванских изданий, в ее сборники «Сорок родников» (М., 1977) и «Голоса» (М., 1983). Говоря о вкладе Е. Николаевской в этой области, нельзя не отметить, что она была и редактором поэтических переводов вышедшей в той же Большой серии «Библиотеки поэта» в 1983 году первой на русском языке антологии западноармянской поэзии – «Армянские поэты нового времени».

В своем эссе «Встреча наша продолжается», написанном уже на склоне лет, после распада Советского Союза, Николаевская писала, что ее любовь к Армении не делится на приезды и отъезды. Вот ее искреннее признание, обращенное к армянам: «Видимся мы или нет – встреча наша продолжается... Армения за эти полвека стала частью моей жизни, я как бы присвоила ее звуки, краски, запахи, воздух... Полюбила я Армению сразу – раз и навсегда – и землю, и камни, и травы, и хлеб и воду... И друзья, которых мне подарила армянская земля, стали друзьями всей моей жизни». И впоследствии, как отмечает поэтесса, продолжалось ее «узнавание трудной и прекрасной армянской земли – магической, суровой, неповторимой». Вот еще характерное признание: «Каждая встреча с Арменией всегда была для меня радостью встречи с таинственным Алагязом Варпета, с небом Сарьяна, с песнями Комитаса, вкусом воды из памятника-родника, где на стеле написано: «Воду – младшему, слово – старшему»... [Николаевская 2003: 7]. Эта надпись известной армянской поговорки на каменной плите у памятника-родника настолько глубоко вошла в душу Е. Николаевской, что вдохновила на стихотворение:

«Воду – младшему, слово – старшему...»
Опыт, выношенный в веках.
Облегченье дарит уставшему
Эта надпись на родниках.

А заканчивается стихотворение словами признания вечной любви к армянской земле и благодарности этой земле:

В пояс кланяюсь я, Армения.
Если что не так – не взыщи ты...
Воду младшему – вот спасение,
Слово старшему – вот защита!
...Воду – младшему, мне же – Слово...
Только я к нему не готова.
Слова вымолвить не могу я:
Пред тобою всегда в долгу я –
За любовь твою, за заботу,
За твой свет, за твой хлеб, за воду... [Николаевская 2003: 15-16].

«Пред тобою всегда в долгу я», – говорит Елена Николаевская, обращаясь к Армении. Но и мы, армяне, должны всегда чувствовать себя в долгу перед памятью тех русских писателей и поэтов, в чьем творчестве отразилась тема Армении, кто своим талантом, вдохновением и мастерством подарил новую «русскую» жизнь многим образцам армянской художественной прозы и поэзии. Их имена, их творчество не должны быть нами забыты.

Литература

1. *Мкртчян Л.М.* Свет с четырех сторон. В кн.: Е.Николаевская. Лети, журавль. Ереван, «Советакан грох», 1983. С. 3-8.
2. *Николаевская Е.М.* Лети, журавль. Ереван, «Советакан грох», 1983. 127 с.
3. *Николаевская Е.М.* Я дней не тороплю. М., «Вагриус», 2006. 221 с.
4. *Николаевская Е.М.* Встреча наша продолжается. Эссе, стихи. Изд. Союза армян России. Рязань, «Узорочье». 16 с.
5. *Солонович Е.М.* Поэт, похожий на свои стихи. В кн.: Николаевская Е. Тайна старых фотографий. М., «Бослен»,2013. С. 26-28.

СЦЕНЫ РУССКОЙ ТРАПЕЗЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ НА ФРАНЦУЗСКИЙ И ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫКИ ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» И РОМАНА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)

М.Н. ЕСАКОВА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

maria_esakova@mail.ru

Э.К. ХАРАЦИДИС

Фракийский университет имени Демокрита, Комотини, Греция

romangr2008@mail.ru

Ключевые слова*: художественный перевод, М.А. Булгаков, французский язык, греческий язык, сцены застолий.*

При переводе художественных произведений с одного языка на другой нередко перед переводчиком возникает ряд трудностей. Это связано, прежде всего, с различиями менталитета наций. Особая область национального менталитета – это представления о застольях, составляющих одну из центральных сфер жизни человека. Понимание своеобразия этих процессов является непростой задачей для переводчиков, носителей иной культуры. Сравнивая русскую, греческую и французскую традиции застолья, мы обнаруживаем множество несовпадающих элементов как в последовательности поступления блюд на стол, так и в составе блюд, в наборах посуды и сервировке стола и т.п. В данной статье мы хотели бы сосредоточить наше внимание на переводе глагола «закусить», достаточно часто возникающего в сценах застолий у М. Булгакова и вызывающего порой вопросы у переводчиков.

ESAKOVA MARIA, CHARATSIDIS ELEFTHERIOS – Scenes Of russian meal in european interpretation (based on french and greek translations of M. Bulgakov's novels “Heart Of A Dog” and “The Master And Margarita”)

Key words: *Literary translation, M. Bulgakov, French language, Greek language, scenes of meal*

When translating works of art from one language to another, a translator often has a number of difficulties. This is related primarily to differences in the national mentality. Concept of meals, which constitutes one of the central spheres of human life, is a special area of the national mentality. Understanding the originality of these processes is a difficult task for translators, carriers of a different culture. While comparing the Russian, Greek and French traditions of the meal, we find a lot of mismatching elements in the sequence of dishes on the table, in the composition of dishes, in sets of dishes and tableware, etc. In this article, we would like to focus our attention on the translation of the verb “to eat a bite”, which occurs quite often in the scenes of M. Bulgakov's meals and sometimes causes questions for translators.

Художественный перевод всегда считался наиболее сложным среди всех видов перевода, так как при переводе художественных тестов на первом месте стоит смысл сказанного, «душа» произведения, эмоции, вложенные автором, и чувства, которые должен испытывать читатель, «погрузившийся» в книгу. От переводчика литературных произведений требуется в большей степени не дословная четкость в словах, а смысловая четкость и полнота. Главной задачей в переводе оригинального художест-

венного произведения является передача не только информативной, но и эстетической функции художественного стиля [Тасенко 2016 : 128].

Переводчик художественной литературы отчасти сам является автором, ведь он должен изложить на своем родном языке произведение, написанное на другом, сделать его понятным и воспринимаемым для носителя другой культуры. Говоря о художественном переводе, Н.К. Гарбовский отмечает необходимость уделять особое внимание тому, какое впечатление оказывает на самих переводчиков выполненный ими перевод, «создает ли он то же настроение, вызывает ли те же эмоции» [Гарбовский 2007 : 177].

Главная задача переводчика – преобразовать текст оригинала в эквивалентный текст на иностранном языке. При переводе художественных произведений переводчик часто сталкивается с трудностями в донесении до читателя той или иной информации. Говоря о трудностях, с которыми сталкивается переводчик, Н.К. Гарбовский верно отмечает то, что даже художник не способен в точности воспроизвести написанное им ранее полотно. Как же может переводчик воспроизвести то, что создал другой человек, в другой жизненной ситуации, в другом эмоциональном состоянии, да еще и средствами другого языка? [Гарбовский 2007 : 178].

Таким образом, проблемы, с которыми сталкивается переводчик при переводе художественного текста, связаны прежде всего с тем, насколько точно и грамотно он может выразить понятия одной культуры средствами другого языка и адекватно представить их через понятия родной культуры. Это в большинстве случаев оказывается возможным в том случае, если, помимо лингвистических знаний, у переводчика присутствуют и экстралингвистические знания, столь необходимые для порождения адекватного текста.

Известный русский писатель Ф.М. Достоевский, размышляя о проблемах художественного перевода, в частности, о проблемах, связанных с переводом произведений русских писателей писал, что они, по его мнению, принципиально не переводимы, и если из всех русских писателей «взять хотя бы Тургенева», которого он считал самым западным из всех писателей второй половины XIX века, а из всех произведений Тургенева роман «Рудин» – самое европеизированное, то и оно вряд ли будет понятно европейскому читателю [Русские писатели о переводе: XVIII-XX вв. 1960].

Можно ли всецело согласиться с мнением Ф.М. Достоевского? Ведь русская литература очень активно переводилась и до сих переводится на разные языки мира. Попробуем разобраться в этом вопросе и проанализировать, насколько один из самых известных и популярных писателей на Западе – М.А. Булгаков – может быть понятен европейскому читателю. Существует множество различных мнений по этому вопросу. Например, один из исследователей переводов произведений М. Булгакова на английский язык Дзида Наталья Николаевна утверждает, что английский читатель не может усмотреть за текстом перевода такую же мозаику смыслов, как читатель, владеющий русским языком [Дзида 2009 : 33].

Попробуем выяснить, так ли это, или только английский перевод романа был выполнен неудачно. С этой целью мы решили проанализировать несколько фрагментов текста, которые представляются универсальными и на первый взгляд не составляют каких бы то ни было сложностей для переводчика, но на самом деле могут оказаться для него теми препятствиями, которые создают «понятийные лакуны» для читателя. Для анализа мы выбрали несколько эпизодов из романа «Мастер и Маргарита» и повести «Собачье сердце», описывающие ситуации застолий, где возникает хорошо понятный русскому читателю глагол «закусить»,и их переводы на французский и греческий языки.

Следует отметить, что глагол «закусить» и производное от него существительное «закуска» достаточно часто появляются в текстах произведений М.А. Булгакова.

Вспомним, например, сцену трапезы, где профессор Преображенский, после того как он и его ассистент выпили по рюмке «простой русской водки», обращается к своему собеседнику со следующими словами:

«Заметьте, Иван Арнольдович: холодными закусками и супом ***закусывают*** *только недорезанные большевиками помещики. Мало-мальски уважающий себя человек оперирует с закусками горячими»* [«Собачье сердце» 1998 : 369].

Обратимся к переводу этого фрагмента текста на французский и греческий языки. Сразу же отметим, что во французском тексте очень сложно передать глагол «закусить» без искажения смысла или, во всяком случае, без значительных потерь смысла. В греческом переводе ситуациянеоднозначная.Итак, к чему же приводят эти потери и неточности смысла?

Во французском переводе вместо конкретного русского глагола ***«закусывать»*** появляется широкозначный глагол ***«manger»*** *(«есть»).* На первый взгляд, трансформация представляется обоснованной: известно, что французская речь отличается от русской именно тем, что в ней чаще используются абстрактные, общие глаголы. Но в данном случае налицо изменение актантовой модели глагола. Русский глагол ***«закусывать»*** предполагает три актанта: 1) кто закусывает (Субъект), 2) что закусывает (водку, т.е. актант причины действия), 3) чем закусывает (закуска – Объект).

Французский же глагол предполагает только два актанта: 1) кто ест (субъект) и 2) что ест (объект). Поэтому генерализирующая замена здесь не совсем адекватна.

Глагол ***«закусить»,*** так же как и глаголы *«запить», «заесть»* и т.п., обозначает действие, следующее за каким-либо другим действием, то есть во временной шкале он оказывается на втором месте. Сема вторичности заключена в приставке «за-». Из двух составляющих целое процесса, который часто идет за вторым, чтобы нейтрализовать или ослабить негативное ощущение от первого процесса. Есть у этого глагола и еще одна особенность, отличающая его от глагола той же парадигмы «заесть», «запить», «зажевать». В отличие от этих глаголов, глагол ***«закусить»*** связан с употреблением крепких спиртных напитков (в частности, водки). Иначе говоря, он имеет дополнительное значение: устранить некоторое жжение во рту после употребления водки и уменьшить ее опьяняющее воздействие.

Но эта функция глагола ***«закусить»*** никак не покрывается значением более широкого французского глагола ***«manger»,*** обозначающего всякое потребление пищи, независимо от употребления спиртных напитков. Хорошо известно, что во время еды французы, в отличие от русских, не пьют крепких напитков, они едят, запивая еду вином. Русское же застолье, наоборот, представляется как «заедание» (то есть «закусывание») того, что было выпито. Иначе говоря, последовательность двух составляющих частей единого процесса в русской и французской культурах застолья представляется как прямо противоположная. Временной аспект несоответствия дополняется причинно-следственным: русские водку закусывают, чтобы нейтрализовать ее эффект (жжение во рту, опьянение), а французы запивают вином, чтобы акцентировать вкус пищи.

Именно в силу этих причин картина, нарисованная во французском тексте, кажется разорванной, как бы состоящей из двух, независимых действий, не соединенных между собой причинно-следственными отношениями: отдельно выпить водки и отдельно поесть. Необходимая логическая связь между этими действиями, характерными для русской культуры, совершенно утрачивается.

Обратимся теперь к греческому переводу этой сцены.

Вместо конкретного русского глагола «закусывать» в греческой версии также появляется широкозначный глагол ***«παίρνω»*** *(брать)* в сочетании с существительным «***ο μεζές***». Греческий глагол, так же как и французский глагол ***«manger»*** (в отличие от русского глагола ***«закусить»***), предполагает два актанта: 1) кто берёт (субъект) и

2) что берёт (объект). Поэтому генерализизация будет не совсем адекватна и в греческом переводе.

Функция глагола ***«закусить»*** никак не покрывается значением более широкого греческого глагола ***«παίρνω»***, обозначающего всякое действие, связанное с тем, что приближаешь к себе, присваиваешь. Знаменательна в этом плане повседневная бытовая фраза *«θα σε πάρω»,* буквально *«я тебя возьму»*, и все, кому это говорят, ждут от автора этих слов телефонного звонка. А в сочетании со словами ***«πρωινό»*** (завтрак), «***μεζέ» (закуска)***и т.д. глагол ***«παίρνω»*** эквивалентен русским глаголам «***позавтракать», «закусить»***. Что касается греческого застолья, то оно мало чем отличается от русского (см. описание русского застолья в этом фрагменте текста).

Вероятно, это связано с появлением на востоке крепкого спиртного напитка с добавлением аниса, который получил название «узо», и, чтобы устранить «жжение во рту», сделать более приятным его употребление и «уменьшить его опьяняющее воздействие», его закусывали. Впоследствии узо служило в качестве возбуждающего аппетит спиртного напитка, который предполагал последующее «заедание» (т.е. «закусывание»). Часто в начале застолья, перед тем как выпить первую рюмку, желают всем за столом здоровья и приятного аппетита. Сегодня в Греции из огромного числа различных ресторанов большей популярностью пользуются так называемые «Узери», где к «узо» можно заказать различного вида горячие и холодные закуски: мясные, морепродукты, пикантные, постные и т.д.

Говоря о разности в «последовательности составляющих частей единого процесса» в русской и греческой культурах, можно сказать, что греки закусывают, потому что у них разыгрывается аппетит после выпитого узо.

В греческом тексте, несмотря на некоторые неточности в переводе, логическая связь между действиями все же сохранена.

Рассмотрим еще одну сцену, где фигурирует глагол ***«закусить»,*** но уже из романа «Мастер и Маргарита». Здесь уже неверный перевод глагола «закусить» не только не дает представление об определенной культурной традиции, но и меняет представление о герое. Это сцена появления Воланда у Лиходеева.

«Прыгающей рукой поднес Степа стопку к устам, а незнакомец одним духом проглотил содержимое своей стопки. Прожевывая кусок икры, Степа выдавил из себя слова:

*– А вы что же… **закусить**?*

*– Благодарствуйте, **я не закусываю никогда**, – ответил незнакомец и налил по второй»* [«Мастер и Маргарита» 1988 : 345].

«D'une main tremblante, Stepanporta son verre à sa bouche, tandisquel'inconnuvidait le sien d'un trait. Après avoirmastiquéunpeu de caviar, Stepanaccoucha de ces mots:

*– Et vous, que… **mangez pas?***

*– Mille grâces, **je ne mange jamais,** réponditl'inconnu, etil versa à chacunun second verre»* [«Le Maitre et Marguerite» 1997 : 122].

Глагол ***«закусить»*** традиционно во французском переводе представлен глаголом ***«manger»*** (перевод осуществлен другим переводчиком), хотя и здесь этот глагол имеет несколько иное значение: в нем также отчетливо проявляется сема последовательности действий. Французский глагол, не имеющий этой семы, передает весь процесс трапезы в упрощенном виде. Но эта утрата в той или иной мере компенсируется всем контекстом: персонажи пьют водку и едят. Учитывая известную «абстрактность», свойственную французам в отражении действительности, можно допустить, что последовательность шагов и логическую связь между ними читатели домыслят сами. Но использование широкозначного глагола ***«manger»*** существенным образом изменяет психологический портрет центрального персонажа – Воланда. У Булгакова на вопрос Степы: «*А вы что же закусить?*» – он отвечает: *«Я никогда не закусы-*

ваю». Во французской же версии получается, что он вообще никогда не ест: *«А вы как же… поесть? – Я никогда не ем»,* – заявляет французский Воланд. У Булгакова Воланд, не закусывающий после выпитого, предстает как определенный стереотип русской культуры: **человек** выносливый, способный много выпить (ср. русское выражение «после первой не закусывают», а также портрет А.Соколова в рассказе Шолохова «Судьба человека»). В этом фрагменте очевидна ирония автора по отношению и к данному стереотипу, и к неумеренному потреблению алкогольных напитков, часто сопровождаемому бравадой. Во французской же версии Воланд принимает иные очертания. Это уже не человек, это сверхъестественное существо, которое никогда не ест. Булгаковская ирония в отношении некоторых русских традиций, связанных с употреблением спиртных напитков, оказывается стертой, а также представление об одном из главных героев романа – Воланде – становится у французского читателя иным.

Таким образом, описанная межъязыковая и межкультурная асимметрия – «**закусывать** =\= **manger» -** ставит под сомнение возможность использования этих глаголов в качестве эквивалентов друг друга. В данном случае мы оказываемся в ситуации, когда генерализация, как основной прием переводческой замены, позволяющий обозначить с помощью родового имени несуществующее в иной культуре понятие, оказывается несостоятельным.

Французские переводчики, ощущая эту несостоятельность, иногда пытаются найти иные соответствия для обозначения этого сложного в силу описанной выше национально-культурной специфики, явления. Глагол ***«закусить»*** вызывает у них затруднения практически во всех случаях его появления в тексте.

– «…кое-кто уже вернулся к своему столику и - сперва украдкой, а потом и в открытую – выпил водочки и ***закусил»*** [«Мастер и Маргарита» 1988 : 328].

– «Охота была эту баланду хлебать. Поехал домой, выпил как следует, ***закусил,*** *хорошо!»* [«Мастер и Маргарита» 1988 : 438].

В данных фрагментах текста, переводя глагол ***«закусить»,*** переводчик уходит от генерализации и использует выражение ***«casserlacroûte»***, устойчивое словосочетание, которое обозначает *«есть, как правило, наспех, на бегу»* (ср. «casse-croute» – «легкая еда, потребленная обычно быстро, на бегу, иногда даже стоя» («surlepouce»)).

Данное выражение также не передает особенности русского глагола ***«закусить»,*** так как этот русский глагол не предполагает ни поспешности в еде, ни легкости блюда (см. о глаголе *«закусить»).*

В греческом переводе ситуация отличная от французского перевода.

Переводя глагол ***«закусить»,*** который, как мы отметили, важен не только для понимания самого действия, но и для определенной характеристики персонажей, переводчик использует вполне подходящий для данной ситуации существительное «***μεζεδάκι;»*** *с вопросительной интонацией («;» в греческом – это вопросительный знак «?», т.е ;=?, см. ниже),* что вполне естественно в диалогической речи для подобных ситуаций. Кстати, переводчик в данном случае использует производное от ***«μεζε» «μεζεδάκι»,*** что в высказывании с вопросительной интонацией дословно означает:«возьми / возьмите что-то на закуску, закусите чем-то или а! закусить?!». Ответ также звучит чётко и понятно на греческом языке. Переводчик переводит: «***δενπαίρνωποτέμεζέ***» (см. ниже). Словосочетание ***«ποτέμεζέ»*** в обратном переводе звучит, как «***не беру никогда закуску***» и вполне понятно греку, читающему «Мастера и Маргариту». Вот перевод этого отрывка:

«Με χέρι που έτρεμε ο Στιόπα έφερε το ποτήρι στα χείλη του και ο άγνωστος με μια ρουφηξιά άδειασε το δικό του ποτηράκι. Μασουλώντας το χαβιάριτου, ο Στιόπα κατάφερε να προφέρει:

– Κεεσείς… ***μεζεδάκι****;*

– Ευχαριστώ, ***δεν παίρνω ποτέ μεζέ****, απάντησε ο άγνωστος και γέμισε για δεύτερη φορά τα ποτήρια.»* [«Ο Μαιτρ και η Μαργαρίτα» 1991 : 86].

То есть в этих фразах отчётливо появляется сема последовательности действий (выпили, а потом закусили). В переводе подобных сцен, где фигурирует глагол «закусить», в романе «Мастер и Маргарита» переводчик точен. Ему удаётся точно следовать авторскому тексту и передать мысли автора.

Это подтверждается и другими эпизодами (которые мы приводили выше), где встречается глагол «закусить».

«…кое-кто уже вернулся к своему столику и - сперва украдкой, а потом и в открытую - выпил водочки и ***закусил****»*[«Мастер и Маргарита» 1988 : 328]**.**

«…και κάποιοι είχαν επιστρέψει κιόλας στα τραπεζάκια τους και, στην αρχή στα κρυφά και μετά ανοιχτά, κατέβασαν τη βότκα τους και ***πήραν μεζέ****»* [«Ο Μαιτρ και η ΜΑργαρίτα» 1991 : 68]

В данном примере глагол «***παίρνω»*** в сочетании «***παίρνωμεζέ»****(= закусывать*) использован переводчиком в совершенном виде прошедшего времени «***πήραν»,*** что является вполне обоснованным.

Проведенный анализ описаний застолий, где возникает глагол «закусить» в текстах произведений Булгакова и их переводов на греческий и французский языки показал, что читатели переводных произведений, будь то греки или французы, видят русское застолье исключительно сквозь призму собственных представлений о том, как едят люди. Закономерно возникает вопрос о том, возможно ли передать в переводе описание застолий таким образом, чтобы у читателя переводного текста, так же как у читателя оригинала, «слюнки потекли» при прочтении этих фрагментов текста, когда автор оригинала хотел вызвать у читателя именно эти ощущения.

Сопутствующий вопрос: располагают ли языки средствами, способными передать без многословных объяснений, подобных тем, что мы встречаем в туристических описаниях, прелесть национальной кухни и при этом не грешить против художественности?

Трапеза, застолье, еда – это то универсальное, свойственное каждому человеческому существу, которое получает уникальную реализацию в разных обществах, разных климатических условиях, в разных обстоятельствах общественной жизни.

Это «разное» в «универсальном» еще раз заставляет нас задуматься о главной задаче переводчика – позволить людям как можно более полно понять друг друга.

Литература

1. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

2. *Дзида Н.Н.* Концептуальное пространство романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на английский язык // Естественный и виртуальный дискурс: когнитивный, категориальный и семиолингвистический аспекты. Тюмень: Вектор Бук, 2009. С. 36-41.

3. Литературное наследство. Т. 31-32. Электронный ресурс: http://litnasledstvo.ru

4. *Тасенко П.С.* Использование приема адаптации при переводе текстов художественной литературы. / Тасенко П.С, Нелюбова Н.Ю., Ершов В.И. //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 128-141.

Словари и источники

1. Словарь русского языка в 4-ех томах. М.: Русский язык, 1981 – 1984

2. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка. М.: «Дом Славянской книги», 2008.

3. *PetitRobert*. Dictionnairealphabétiqueetanalogiquedelalanguefrancaise. – P.: LeRobert, 1991. – 2174 p.

4. ΣυγχρόνονΡωσοελληνικόνΛεξικόν. Из-во «ΔΙΑΓΟΡΑΣ» (MADESON). Переизданный «Русско-новогреческий словарь». Составитель А.А. Иоаннидис. Под редакцией Т. Пападопулоса и Д. Спатиса. М: «Советская Энциклопедия», 1966.

5. *Хориков И.П., Малев М.Г.* Новогреческо-русский словарь. Под редакцией П. Пердикиса и Т. Пападопулоса. М.: «Культура и Традиции», 1993.

6. Σύγχρονον ορθογραφικόν-ερμηνευτικόν Λεξικόν της Ελληνικής Γλώσσης (Καθαρεύουσης-Δημοτικής), Επιμελητής της ύλης: ο φιλόλογος Θεοκρ. Γούλας, из-во Ο.Ε.Ε. «ΑΤΛΑΣ», Αθήνα, 1961. [Современный орфографический и толковый словарь греческого языка].

6. *Μπαμπινιώτη Γ.Δ.* Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας με Σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων. Αθήνα: из-во ΚΕΝΤΡΟ ΛΕΞΙΛΟΓΙΑΣ Ε.Π.Ε.2008.
7. Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής. Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης. Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών Θεσσαλονίκη: Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη,1998, [Общий словарь новогреческого языка].
8. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. Минск: «Юнацтва», 1988.
9. *Булгаков М.А.* Собачье сердце. СПб: «Кристалл», 1998.
10. *Boulgakov M.* LeMaitreetMarguerite. TraduitduRusseparClaudeLigny, P., 1997.
11. *Boulgakov M.* Coeurdechien. TraduitduRusseparMichelPétris, P., 1996.
12. *Mikhail Bulgakov*, The Heart of a Dog. Complete text of the novel in English. Translated by Michael Glenny. From the archive section ofThe Master and Margarita. Webmaster: Jan Vanhellemont, Klein Begijnhof 6, B-3000 Leuven.
13. http://www.masterandmargarita.eu
14. *ΜιχαήλΜπουλγκάκοφ*. Ο Μαιτρ κα η Μαργαρίτα. Μυθιστόρημα. Μετάφραση από τα ρωσικά Τίνα Καραγεώργη, Γιούρι Γιαννακοπούλος. Αθήνα: Εκδόσεις Θεμέλιο, 1991.
15. *Μιχαήλ Μπουλγκάκοφ*. Η καρδιά ενός σκύλου. Εισαγωγή- Μετάφραση Θάνος Σακκέτας, Αθήνα: Εκδόσεις Στοχαστής, 1983.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ОДНОГО ПИСЬМА МОЦАРТА К КУЗИНЕ

Е.М. КАКЗАНОВА
ВИНИТИ РАН, Россия
em@kakzanova.ru

Ключевые слова: *Моцарт, письмо, перевод, кузина, Bäsle, словесные игры, рифма.*

В статье подробно анализируются два разных перевода одного письма Моцарта к кузине. На примере словесных игр, перевёртышей, абсурдных рифм и зеркальных перестановок показывается сложность художественного перевода с немецкого языка на русский. Делается вывод, что несмотря на некоторые недостатки перевода русскоязычные люди, интересующиеся творчеством композитора и не владеющие немецким языком, по достоинству оценят желание переводчиков донести до них смысл эпистолярных произведений Моцарта.

EVGENIYA KAKZANOVA – Translation problems of one letter by Mozart to cousin

Key words: *Mozart, letter, translation, cousin, Bäsle, wordplays, rime.*

The paper gives a detailed analysis of two different translations of one letter by Mozart to his cousin. By wordplays, spoonerisms, absurd rimes and reflecting interchanges the complication of the literary translation from German into Russian is shown. A conclusion is drawn that in spite of some translation weaknesses the Russian-speaking people who are interested in creative work of the composer and having no German will duly appreciate the wish of translators to make a point of Mozart's epistolary works to them.

Впервые письма Моцарта фрагментарно были опубликованы в первом подлинно научном исследовании жизни и творчества композитора на немецком языке – в монографии о В.А. Моцарте известного немецкого филолога, музыковеда XIX века Отто Яна в труде «Моцарт» [Бояркина 2006: 7].

Многие биографы Моцарта, говоря о его любви к словесным играм, отмечают юмор и иронию, отражающиеся в его письмах [Аберт 1983: 15]. Примерами этих словесных игр были вариации на тему одного и того же глагола, зеркальные перестановки, бесконечные рифмы, перевёртыши и ротации букв в словах и цифр в числах [Луцкер и др. 2008: 49].Он любил играть словами, особенно именами, представляя их в виде шарад, заменяя в таких именах одну значащую составную другой с противоположным значением [Розинкина 2000: 10].Личные имена Моцарт делает говорящими, обыгрывая их внутреннюю форму. Смешные анаграммы, подпись-перевёртыш «Трацом» и анаграмма «Роматц» вместо «Моцарт» – всё это примеры моцартовской словесной игры. Гюнтер Георг Бауэр, посвятивший роли игры в жизни Моцарта специальное исследование, считает, что всевозможные игры со словом – в вопросы и ответы, в рифмы и буриме, а также поговорки, пословицы и скороговорки, разнообразные загадки, шарады, считалки, «учебные» стишки на немецком и иностранном языках – были в моцартовское время излюбленным развлечением в семье, в компании друзей, на светских вечерах. Он обратил внимание на многие характерные места из писем Моцарта, которые несут отпечаток этой традиции. Словесные игры входили

в тот богатейший арсенал разнообразных развлечений, которым Моцарт с огромным удовольствием и даже страстью предавался на протяжении всей жизни [Луцкер и др. 2008: 431].

Иногда в письмах встречаются намеренные искажения слов, обыгрывание сразу нескольких созвучных слов и создание единого двусмысленного контекста, перестановка слов, которые получат при этом функции других членов предложения, создавая абсурдный текст, комические чередования цифр [Алексеева 2006: 15].

Пожалуй, щедрее всего словесные шалости представлены в его письме к «двоюродной сестричке» Bäsle (Марии Анне Текле Моцарт), где всё пестрит забавными рифмами, которые так трудно переводить на другие языки. В его отношении к Bäsle при всей задушевности и сердечности господствовала резко бросающаяся в глаза склонность к примитивизму [Аберт 1983: 22], что постарались отразить и переводчики, например, «сеструха-страшнуха», «здоровы-коровы», «прелата-салата», «привет-штиблет». Слово-эхо, создавая рифму, контрастирует по значению с первым, основным словом и создаёт атмосферу игрового абсурда [Алексеева 2006: 16].

Известно, что писем к кузине было около десяти. Мария Анна Текла Моцарт, дочь младшего брата Леопольда Моцарта – Франца, была моложе Вольфганга на два с половиной года. Первый раз они встретились, когда Моцарту было семь лет. Следующая встреча состоялась через три года. Уже взрослыми людьми (Марии Анне шёл девятнадцатый год) они встретились и по-настоящему познакомились, проведя вместе две недели. С этого момента между ними завязывается переписка [Розинкина 2000: 385, 386]. В связи с наличием разного рода непристойностей эти письма вплоть до середины XX века не были доступны читателю. Лучше других зная склонность Моцарта к проказам и понимая безобидность содержания этих писем, вдова Моцарта Констанца в 1799 году в письме к издателям «Брайткопф и Хертель», готовившим к публикации биографию Моцарта, так выражает свои сомнения: «…конечно, безвкусные, но тем не менее смешные письма к его двоюродной сестре несомненно заслуживают упоминания, однако, не полной публикации» [Розинкина 2000: 381-382].

На сегодняшний день известны два перевода писем Моцарта, сделанные разными переводчиками. Мы проанализируем разные переводы письма Моцарта к кузине в Аугсбург от 5-го ноября 1777 года, написанного им в Мангейме, когда Вольфгангу был 21 год, а Марии Анне Текле – 19.

Письмо начинается с обращения *Allerliebstesbäslehäsle!* В переводах обращение звучит как *Наидражайшая сеструха-страшнуха!* [Розинкина 2000: 191] и *Драгоценная кузинушка-образинушка!* [Моцарт 2006: 276]. Хотя словари переводят прилагательное *allerliebst* как «любимейший», «любимый», «прелестный», переводчики предлагают свои варианты перевода прилагательного, справедливо утрируя значение лексемы. С подачи Вольфганга Марию Анну Теклу стали называть *Bäsle*. Моцарт использовал уменьшительно-ласкательную форму от существительного *dieBase – кузина*. Получилось что-то вроде «моя маленькая кузина». Это несущее прямой смысл слово рифмуется посредством того же уменьшительно-ласкательного суффикса с прилагательным *häßlich– безобразный*. Вряд ли целью Моцарта было обидеть его любимую кузину, тем более, что в литературе о Марии Анне Текле Моцарт написано, что она была красива, активна и жизнерадостна. Вольфганг обращается к ней с любовью, и эту любовь более точно передаёт перевод *Драгоценная кузинушка-образинушка!,* который благодаря использованию суффикса *-ушк-* придаёт обращению эмоционально-экспрессивную окраску.

Текст письма начинается с такого предложения: *lch habe dero mir so werthes schreiben richtig erhalten falten, und daraus ersehen drehen, daß der H: vetterretter, die fr: baaßhas, und sie wie, recht wohl auf sind hind; wir sind auch gott lob und danck recht gesund hund.*В первой части этого предложения Моцарт сообщает, что он получил

предыдущее письмо кузины (*lch habe dero mir so werthes schreiben richtig erhalten)*, и можно было бы согласиться с переводом *Я исправно получил Ваше дорогое для меня послание*, если бы не странное наречие «исправно», значения которого согласно толковым словарям русского языка «с превеликим усердием», «прилежно», «бесперебойно», «безотказно», «старательно», «ревностно», «годно», «тщательно», «не щадя/не жалея сил», «до посинения», «точно», «ретиво», «надежно», «рьяно», «усердно», «аккуратно», «засучив рукава», «истово» предполагают его употребление с глаголами активного действия, но никак не с глаголом *получать*.Кроме того, глагол *erhalten* (*получать*) снабжен рифмованной бессмыслицей, глаголом с таким же суффиксом falten, что в данном переводе совершенно не отражено. Второй перевод отражает стиль Моцарта: *Ваше столь ценное для меня послание я благополучно получил-размочил*. Во-первых, удачно переводится наречие *richtig – благополучно*. Во-вторых, глагол *получил* снабжён рифмованной парой – *размочил*. В данном случае неважно, что глагол *falten*, употреблённый Моцартом для рифмы, переводится как «складывать», «сгибать», «сминать в складки». Для перевода важно, чтобы парный глагол рифмовался, подходил по форме, а не по смыслу. И второй переводчик с этой задачей прекрасно справился. Во второй части предложения Моцарт констатирует, что у брата его кузины, её матери и у неё самой всё хорошо: *... из него заключил-закрутил, что г-н Браток-молоток, г-жа Сестрица-крольчицаи Вы в отменном расположении духа-муха*. Пара *заключил-закрутил* совпадает не только по форме, но и по смыслу, потому что сам Моцарт использует пару *ersehendrehen*.Во втором переводе используется менее удачная пара *заключил-решил*. Оба переводчика вслед за Моцартом сокращают речевые обращения «господин» и «госпожа». *Брат-пират* (в одном переводе) или *Браток-молоток* (в другом переводе) на самом деле не брат Моцарта, а его кузен, брат самой Марии Анны Теклы, потому что Вольфганг употребляет слово *Vetter* – «кузен». Конечно, использовать это слово в переводе, да ещё с рифмованной парой гораздо сложнее, чем существительное «брат». По поводу «госпожи» у переводчиков наблюдаются разночтения. В одном переводе это *Сестрица-крольчица*, в другом – *г-жа мать кузины образины*. На самом деле, сестёр у Марии Анны Теклы не было, потому что из пяти родившихся девочек выжила только она. Её мать звали Мария Виктория. Моцарт использует пару *baaß has*. Это очень похоже на *bäslehäsle*, только без уменьшительно-ласкательного суффикса, поэтому второй перевод более точный. В концовке второй части предложения Моцарт использует две рифмованные пары – *siewie* и *sindhind*. В первом переводе, как видим, только одна рифмованная концовка – *Вы в отменном расположении духа-муха.* А второй перевод использует две рифмованные пары – *а также вы сами-с-усами хорошо поживаете-бываете*. Заканчивается первое предложение письма тем, что у Моцартов тоже всё хорошо. Здесь Моцарт использует одну рифмованную пару, что нашло отражение в обоих переводах, правда, в оригинале Вольфганг заканчивает этой информацией первое предложение, а переводчики превратили конец фразы в самостоятельное предложение: *Мы также, слава Богу, отменно здоровы-коровы* и *Мы тоже слава богу очень хорошо живем-собаку-жуем*. Попробуем понять логику переводчиков. У Моцарта прилагательное *gesund* (*здоровы*) рифмуется с существительным *Hund*(*собака*). Первый переводчик совершенно корректно использовал пару краткое прилагательное-существительное: *здоровы-коровы*. Перевод *хорошо живём-собаку жуём* спорный, хотя объяснимый. Скорее всего, переводчик хотел, чтобы в переводе обязательно присутствовало слово *собака*, как у Моцарта. Но поскольку лексема *собака* (*Hund*) нужна была Моцарту исключительно для рифмы, мы считаем, что первый перевод более удачный.

Практически в каждом предложении письма Моцарт использует рифмованные пары. Даже в том случае, когда он пишет о серьёзных вещах, его предложения изо-

билуют конечной рифмой. Вотчтоонпишетоболезнигосподинапрелата: *mir ist sehr leid, daß der H: Praelat Salat schon wieder vom schlag getrofen worden ist fist, doch hoffe ich, mit der hülfe Gottes spottes, wird es von keinen folgen seynschwein*. Переводы этого предложения выглядят так: 1) *Мне очень жаль, что г-на Прелата-салата опять хватил удар-кошмар. Однако, я надеюсь, что с Божьей помощью всё обойдется без последствий бедствий*; 2) *Мне очень жаль, что г-на Прелата-Салата опять хватил-посетил удар. Но все же надеюсь, что господь поможет-не-сгложет, и все обойдется без последствий-бедствий*.Во-первых, в обоих переводах одно предложение разбито на два. Во-вторых, прелат-салат рифмуется как в немецком языке, так и в русском, поэтому здесь перевод полностью совпадает с оригиналом. Прелат – это титул должностного лица в Римско-католической церкви. В письме Моцарта речь идет о прелате монастыря Святого Креста в Аугсбурге Бартоломее Кристе (1714-1778). В первой части предложения глагол (*ist*) рифмуется с существительным (*fist*). В переводах же в первом случае рифмуются существительные (*удар-кошмар*), во втором – глаголы (*хватил-посетил*).Во второй части своего предложения Моцарт использует две параллельные рифмы: *Gottes-spottes*и *seyn-schwein*. В первом переводе присутствует только одна рифмованная пара (*последствий-бедствий*), во втором – две (*поможет-не-сгложет* и *последствий-бедствий*). Рифма *последствий-бедствий* предсказуема, тем более, что Моцарт употребляет существительное *Folgen– последствия*. Рифма *поможет-не-сгложет* по отношению к Божьей помощи не может не удивлять, прежде всего, своей отрицательной частицей и разговорно-сниженной коннотацией. Конечно, разговорно-сниженная коннотация характерна для писем Моцарта кузине, но не в данном конкретном случае.

В следующем предложении письма Моцарт наряду с абсурдными рифмами намеренно использует слово с ошибкой, в результате чего появляется новое слово с совсем другим значением: *sie schreiben mir stier, daß sie ihr verbrechen, welches sie mir von meiner abreise von ogspurg voran haben, halten werden, und das bald kalt*. Речь идёт о существительном *Verbrechen* (*преступление*), вместо которого должно было быть употреблено существительное *Versprechen* (*обещание*). Именно к этому существительному отсылает и глагол *halten*в выражении *Versprechenhalten – сдержать обещание*. Существительное *Verbrechen*с глаголом *halten* не употребляется. В переводах не получилось обыграть эту умышленную ошибку, поэтому переводы предложения выглядят так: 1) *Вы пишете мне-извне, что сдержите Ваше преступление, которое дали мне перед моим отъездом из Аугсбурга, и причем скоро-умора*; 2) *Вы мне пишете-слышите, что сдержите свое преступление, которое дали мне в Огсбурге, и что это скоро будет-застудит*.Если бы в текстах отсутствовал комментарий, то понять перевод предложений было бы совершенно невозможно. Если бы я переводила это предложение, я бы отказалась от слова *преступление*, заменив его рифмой к слову *обещание*, например, *сдержите своё обещание-наказание*. Также странно выглядит транслитерированный перевод названия города *Огсбург*. Вообще Аугсбург считается наиболее древним городом Германии после Трира. Его название – Аугсбург – происходитот первого названия города*AugustaVindelicorum*, который был основан как военный лагерьпо приказу императора Августа в 15 году до н.э.

В следующем коротком предложении Моцарт в одном слове объединил два с противоположными значениями: *Nu, daß wirdmichgewiß reüen*. В последнем глаголе заключены два – *freuen* (*радовать*) и *reuen/bereuen*(*огорчать, печалить*). Один переводчик переводит фразу так: *Это меня непременно обрапечалит*. Вслед за Моцартом переводчик тоже придумывает несуществующий глагол, состоящий из двух – *обрадовать* и *опечалить*. Второй перевод звучит так: *Что ж, для меня это будет большая гадость*. Комментария ко второму переводу нет и понять, что под *гадостью* может подразумеваться *радость*, практически невозможно.

Следующее предложение письма изобилует синонимами: *sie schreiben noch ferners, ja, sie lassen sich heraus, sie geben sich blos, sie lassen sich verlauten, sie machen mir zu wissen, sie erklären sich, sie deüten mir an, sie benachrichtigen mir, sie machen mir kund, sie geben deütlich am tage, sie verlangen, sie begehren, sie wünschen, sie wollen, sie mögen, sie befehlen, daß ich ihnen auch mein Portrait schicken soll schroll*. Моцарт употребляет 16 неполных глагольных синонимов подряд. Переводы этого предложения выглядят так: 1) *Кроме того, Вы пишете, да, Вы высказываетесь, Вы открываетесь, Вы оглашаете, Вы сообщаете мне, Вы заявляете, Вы мне намекаете, Вы уведомляете меня, Вы доводите до моего сведения, Вы со всею ясностью провозглашаете, Вы требуете, Вы жаждете, Вы желаете, Вы хотите, Вы вожделееете, Вы приказываете мне тоже послать Вам мой портрет-кларнет*;2) *Далее вы еще пишете, вы, можно сказать, распространяетесь, подаете знак, подаете голос, даете мне знать, объявляете, намекаете мне, уведомляете меня, провозглашаете мне, отчетливо формулируете, требуете, вожделееете, желаете, хотите, выражаете пожелание, вы приказываете, чтобы я тоже прислал вам свой портрет-мортрет*. В переводах тоже по 16 синонимов, некоторые из которых совпадают. Заканчивается предложение рифмованной парой, состоящей из глагола и существительного – *soll-schroll*. Для переводчиков, судя по всему, было важно, чтобы последнее слово предложения получило рифмованную пару. Таким последним словом оказалось существительное *портрет*. При этом в первом случае оно рифмуется со значимым словом *кларнет*, а во втором – с созвучным ему и отсутствующим в лексиконе *мортрет*.

Одним из любимых приемов Моцарта являются перевёртыши, причем как перевёртыши букв в словах и цифр в числах, так и перевёртыши словосочетаний. Их ещё называют зеркальными перестановками. Так, после вопроса *obsiem ich noch immer lieb haben?* (*любите ли Вы меня ещё?*) Моцарт сам же и отвечает: *das glaub ich! desto besser, besser desto!*(*надеюсь, да.Тем лучше, лучше тем!*). Выражение *destobesser* (*тем лучше*) является устойчивым словосочетанием с жестким порядком слов. Моцарт меняет порядок слов в этом словосочетании. Перевести новое словосочетание несложно (*лучше тем*), но смысла в нем нет.

Заканчивает Моцарт письмо опять перевёртышами: *Miehnnam ned net5 rebotco 7771*. Правильная концовка должна быть такой: *Mannheim, den 5tenOktober 1777*. Оба переводчика следуют стилю Моцарта и заканчивают письмо тоже перевёртышами: *Мйегнам ог-5 ярбятко 7771*. Переставляя буквы в названии месяца, Моцарт ошибочно написал *ярбятко* (*октября*) вместо *ярбяон* (*ноября*), поскольку известно, что письмо кузине он писал 5-го ноября 1777 года.

Подписывая письмо, Моцарт использует оксюморон: *ich küsse si e 10000mahl und bin wie allzeit der alte junge Sauschwanz Wolfgang Amadé Rosenkranz*. Переводы разнятся даже здесь: 1) *10000 раз целую Вас и остаюсь во все времена старый-молодой Свинёша Вольфганг Амадей Святоша*; 2) *целую Вас 1000 раз и во всякое время остаюсь Ваш старый юный свинтус Вольфганг Амадей Молитвус*. Не очень понятно, почему во втором переводе цифра 10000 превращается в 1000. Но оксюморон *старый юный* звучит на русском языке благозвучнее, чем *старый молодой*. Существительное *Sauschwanz* мало распространено в немецком языке. Вообще-то это термин из области альпинизма. При разложении слова на компоненты получаем значение «свиной хвост». Понятна логика переводчиков, отталкивающихся от значения «свинья». Но в русском языке мы никого *свинёшей* не называем, нам привычнее слово *свинтус*. Существительное *Rosenkranz* имеет религиозное значение «чётки». Согласимся с переводчиками, что такой перевод был бы неуместен. Оба переводчика прекрасно вышли из положения, придумав Моцарту фамилии *Святоша* и *Молитвус*.

Переводчики взялись за чрезвычайно трудное дело – перевестидля русскоязычного читателя письмо такой неординарной личности как Моцарт, наполненное сло-

весными играми и абсурдом. Что-то лучше удалось одному переводчику, что-то – другому. Люди, интересующиеся творчеством композитора и не владеющие немецким языком, безусловно, по достоинству оценят желание переводчиков донести до них смысл эпистолярных произведений Моцарта. Мы всегда должны быть благодарны тем, кто берётся за такое благородное и нелегкое дело – перевод художественной литературы, которой присущи авторский стиль и словотворчество, так трудно передающиеся на другом языке.

Литература

1. *Аберт Г.В.* А. Моцарт. Часть вторая, книга первая. Перев.с нем. М.: Издательство «Музыка», 1983. 518 с.

2. *Алексеева И.С.* Предисловие. Чужие письма?//Моцарт В.А. Полное собрание писем. Пер. на русский. М.: Международные отношения, 2006. С. 11-22

3. *Бояркина А.В.* Вступительная статья. Источники, переводы на русский язык//Моцарт В.А. Полное собрание писем. Пер. на русский. М.: Международные отношения, 2006. С. 7-10

4. *Луцкер П., Сусидко И.* Моцарт и его время. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2008. 624 с.

5. *Моцарт В.А.* Полное собрание писем. Пер. на русский. / Научный руководитель издания И.С. Алексеева. М.: Международные отношения, 2006. 536 с.

6. *Розинкина А.* (сост.). Вольфганг Амадей Моцарт. Письма. М.: АГРАФ, 2000. 448 с.

7. *Schiedemair L.* Die Briefe W.A. Mozarts und seiner Familie. [Электронный ресурс]URL: http://www.zeno.org/Musik/M/Schiedermair,+Ludwig/Die+Briefe+W.A.+Mozarts+und+seiner+Familie/Erster+Band Дата последнего обращения 25.05.2019.

ПАМЯТЬ И ГИМНОГРАФИЯ СВ. СТРСТ. ГЛЕБА (5 СЕНТЯБРЯ)

В. ЛЕГКИХ

Institut für Slawistik, Universität Wien

victoria.legkikh@univie. ac.at

Ключевые слова: *гимнография, Устав, свв. Борис и Глеб.*

В современной православной церкви памяти свв. страстотерпцев Бориса и Глеба посвящены три даты: 24 июля – день Убиения свв. Бориса и Глеба, 2 мая – Перенесение мощей свв. Бориса и Глеба и 5 сентября – день убиения св. Глеба. Древнейший корпус литургических песнопений, посвященных святым страстотерпцам Борису и Глебу, складывался в XI-начале XII в., причем службы были составлены только на 24 июля и 2 мая. В статье рассматривается упоминание памяти 5 сентября и существующей гимнографии на этот праздник по Уставам и Святцам.

VICTORIA LEGKIKH – Commeration and Hymnography for St. Gleb (the 5th of September)

Key words: *hymnography, Typikon, Boris and Gleb.*

In the modern Orthodox Church the commemoration of Sts. passion-bearers Boris are dedicated to three dates: 24th of July – the day of the Murdering of Sts. Boris and Gleb, the 2nd of May – the transfer of the relics of Sts. Boris and Gleb and the 5th of September – the day of the murdering of St. Gleb. The oldest corpus of liturgical hymns dedicated to the Sts. Boris and Gleb are dated by the end of th 11th-the beginning of the 12th century., but the services were composed only for the 24th of July and the 2nd of May. The article deals with the mention of the commemoration of St. Gleb on the 5th of September and the existing hymnography for this feast in the manuscripts.

В современной православной церкви памяти свв. страстотерпцев Бориса и Глеба посвящены три даты: 24 июля – день Убиения свв. Бориса и Глеба, 2 мая – Перенесение мощей свв. Бориса и Глеба и 5 сентября – день убиения св. Глеба. При этом на Убиение свв. Бориса и Глеба полагается торжественная служба, чаще всего полиелейная или бденная (в современных наиболее полных так называемых «Зеленых минеях» представлена бденная служба [Минея, июль, 2002: 50-71], на Перенесение мощей – славословная или полиелейная (в «Зеленых минеях» – полиелейная [Минея, май, 2002: 96-111], а память св. Глеба 5 мая в рукописных Минеях практически не упоминается, а в Уставах встречается редко и только в XVI-XVII вв. (в «Зеленых минеях» указываются тропарь и кондак [Минея, сентябрь, 2002: 172]). Вопросу о том, как функционировал этот праздник, и полагалась ли ему своя гимнография, посвящена данная статья.

Древнейший корпус литургических песнопений, посвященных свв. стрст. Борису и Глебу, складывался в XI-нач. XII в. Наиболее ранние списки службы свв. Борису и Глебу находятся в июльской Минее кон. XI-нач. XII в. новгородского происхождения[15] и Кондакаре при Студийском уставе того же времени (Типографском уставе)[16]. Стихиры свв. Борису и Глебу известны также по нотированным Стихирарям XII в. [Серегина 1994: 77] Самый ранний список службы свв. мчч. Борису и Глебу находится в Минее перв. пол. XII в.[17] и имеет надписание «творение Иоанна митрополита Русьскаго»[18]. Все названные песнопения выписывались под 24 июля – памятью убиения свв. мчч. Бориса и Глеба, при этом 24 июля – это дата убиения св. Бориса, хотя, возможно, и недостоверная (по свидетельству Н. П. Барсукова, в одном Месяцеслове Троицко-Сергиевой лавры день убиение св. Бориса указан под 22 августа [Барсуков 1882: 71], в то время как св. Глеб был убит на реке Смядыне под Смоленком 5 сентября.

Вопрос, почему для установления памяти святым братьям был выбран именно день убиения св. Бориса, до сих пор остается открытым. А. А. Шахматов предполагал, что первоначально 24 июля праздновали победу Ярослава над Святополком в 1019 г. Первая церковь на Альте была построена в память победы Ярослава, и ее постепенно стали связывать с местом гибели Бориса. Окончательно эта дата стала посвящена свв. братьям только после освящения церкви свв. Бориса и Глеба 24 июля в Вышгороде [Шахматов 1908: 58, 84, 475-476]. Эту гипотезу поддерживает Н. И. Милютенко, основываясь на том, что во втором паремийном чтении говорится о мести Ярослава, а не о мученичестве братьев. Исследовательница создание «сначала повести о мести Ярослава, а затем «исторических» паремий» [Милютенко 2006: 141]. Гипотеза о праздновании 24 июля победы Ярослава могла бы также объяснить повсеместное распространение торжественного празднования убиения свв. братьев 24 июля, а не 5 сентября, хотя, возможно, здесь сыграло роль старшинство св. Бориса. Однако день убиения святого Глеба не был забыт окончательно.

Возможно, празднование Убиения св. Глеба появилось раньше общей памяти свв. братьев 24 июля, однако почитание было местным и службы ему, скорее всего, не полагалось. Св. Глеб был Черниговским князем. Исследования В. И. Лесючевского и Х. М. Алешковского показали, что первоначально установилось почитание Глеба, связанное с Черниговом, а потом, уже в Киеве – Бориса [Лесючевский 1946: 225-247; Алешковский 1971: 87-93; Алешковский 1972: 122-124]. После 1072 г. в Чернигове появляются кресты-мощевики (энколпионы), на лицевой стороне которых помещалось изображение Глеба. Возникновение почитания Глеба связано как с местом его гибели – Смоленском, так и с Черниговом, столицей княжества. Св. Глеб стал покровителем Черниговских земель и черниговских князей. В честь св. Глеба были названы первые дети Святослава Ярославовича – Глеб и Давид [Поппэ 1973: 6 – 20], св. Глеб изображен на каменой иконке вт. пол. XI в., найденной в Тмутаракани (Рыбаков 1964: 19). На особую значимость младшего брата указывает как именование Глеба в «Чтении» Нестора «святым», в то время как Борис именуется «блаженным» [Биленкин 1993: 54 – 64], так и эпизод из «Сказания о Борисе и Глебе»: когда при перенесении мощей в новую церковь, рака не прошла в дверь, митр. Георгий благословляет Ярославовичей рукой Глеба: «И моляхуся Господеви и святыима, и абие повезоша и. И целоваша святааго Бориса главу. А святааго Глеба руку възьмъ же Георгий митрополитъ благословяше князе Изяслава и Всеволода. И пакы Святославъ,

[15] РГАДА. Ф. 381. № 121. Л. 28 об.- 31

[16] ГТГ. № К-5349. Л. 78

[17] РГАДА, ф. 381 № 122

[18] Л. 111 об.

имъ руку митрополичю и дрьжащю святааго руку, прилагааше къ вреду, имьже боляше на шии, и къ очима, и къ темени. И по семь положи руку въ гроб. Начаша же пети святую литургию. Святославъ же рече къ Бьрнови: "Нечьто мя на голове бодеть". И съня Бьрнъ клобукъ съ князя, и виде нъгъть святааго, и съня съ главы и въдасти и Святославу. Онъ же прослави Бога о благодарении святою» (Абрамович 1910: 56; Успенский сборник 1971: 62 – 63)[19]. В Сазавском монастыре в приделе церкви, куда перенесли частицы мощей святых братьев, надпись «sancti Glebii et socii eius» также указывает на старшинство Глеба. В. Биленков даже предположил, что при Ярославе Мудром к лику святых был причислен только Глеб[20], что могло сопровождаться написанием ему жития, а св. Борис был канонизирован позже, в 1072 г. [Биленкин 1993: 61 – 63]. Скорее всего, святые все-таки были канонизированы вместе, а раннее почитание Глеба было местным[21] и не подкрепленным официальной канонизацией.

После официальной канонизации святые братья стали праздноваться вместе 24 июля, а после Перенесения мощей в 1072 г. появилась и вторая память святых мучеников – 2 мая. День мученической гибели св. Глеба 5 сентября был вытеснен установившимися праздниками. Однако память Убиения св. Глеба не исчезла окончательно. Она отсутствует в Минеях, но встречается в Месяцесловах, Уставах и Святцах.

Память благоверного князя Глеба 5 сентября является более поздней по сравнению с памятями 24 июля и 2 мая. В Месяцесловах и Прологах этот праздник появляется только с конца XII-нач. XIII в.: в Синайском Апостоле[22], Холмском Евангелии[23] и Лобковском Прологе[24]. В Успенском сборнике этот праздник не упоминается. Южнославянским месяцесловам этот праздник также не известен [Лосева 2001: 94]. Первое его упоминание в летописи находится в статье под 1177 г., рассказывающей о чудесном прозрении Мстислава и Ярополка в церкви свв. Бориса и Глеба на Смядыни 5 сентября[25]. О. В. Лосева датирует праздник не ранее 1115 г., вероятно, во второй половине XII в. «Чудесное исцеление на Смядыни в 1177 г. и события 1191 г. (т. е. великое освящение церкви на Смядыни и перенесение из Вышгорода «ветхих рак» Бориса и Глебы – *В. Л.*), инициатором которых был Давид Ростиславович, отражают активизацию интереса к культу князя Глеба и являются наиболее удобным временем для учреждения нового праздника» [Лосева 2001: 95].

В Уставах и Святцах этот праздник появляется только в конце XV в. Он редко встречается, и последование практически не выписывается[26]. Мне удалось найти только 21 список, включающие эту память.

1) РГБ, ф. 304, № 363 Святцы, кон. XV в. Л. 10 (только упоминается);

2) РНБ, Тит. 671, Устав, перв. пол. XVI в. Л. 30 об. (только упоминается)

3) РГБ, ф. 304 № 321 Псалтирь с возследованием, XVI в. Л. 994 (только упоминание);

4) РНБ, Q. I. 594, Устав, XVI в. Л. 2 об.

---

[19] На основании этого эпизода, а также упоминания в «Сказании» присутствия при перенесении мощей митр. Неофита, А. М. Ужанков говорит о прочерниговской ориентации «Сказания» [Ужанков 2000: 39]

[20] В качестве доказательств приводится то, что во время перенесения мощей тело Бориса было все еще в деревянном гробу, в то время как тело Глеба находилось в каменной раке, а молва в Смоленске и Вышгороде связывала чудесные исцеления с Глебом.

[21] В. Биленкин, предполагая раннюю канонизацию св. Глеба в то же время оговаривает, что она не была общецерковной [Биленкин 1993: 63].

[22] Sinait, Slav. 39. Л. 1.

[23] РГБ, Рум. 106. Л. 154.

[24] ГИМ, Хлуд. 187. Л. 2.

[25] Уточнение даты (на убиение Глебово) находится только в Софийской I летописи. (ПСРЛ: 65).

[26] В Месяцесловах Евангелия этот праздник встречается чаще (Лосева 2001: 147).

5) РГБ, ф. 304 № 364, Святцы, 1547 – 1553 гг. Л. 6 об. – 8;

6) РНБ, Титовское собрание, № 2607, Месяцеслов, XVI в. Л. 7 (только упоминается)

7) РГБ, ф. 304, № 244, Устав церковный, втор. пол. XVI в. Л. 77 об. (только упоминается);

8) РНБ, Сол.-Анз. 85 /1450, Устав, 1579 г. Л. 6 об. – 7 (только упоминается)

9) РНБ, Пог. 285, Устав «Око церковное», третья четв. XVI в. Л. 54 – 54 об.

10) РНБ, F. I. 96, Устав, кон. XVI в. Л. 77 об. (только упоминается)

11) РНБ, Пог. 273, Устав, кон. XVI в. Л. 210 – 210 об.

12) РНБ, Пог. 274, Устав, кон. XVI в. Л. 71 об. (только упоминается)

13) РГБ, F. I. 904, Устав, нач. XVII в. Л. 162 об. – 163.

14) РГБ, ф. 304 № 366 Святцы, нач. XVII в. Л. 4 об. – 5;

15) РГБ, ф. 304 № 367 Святцы, нач. XVII в. Л. 13 об., 16;

16) РНБ, Соф. 1141, Устав, нач. XVII в. Л 54 об. (только упоминается)

17) РНБ, Q. I. 50, Устав, 1624 г. Л. 140 (только упоминается)

18) РНБ, Сол.- Анз. 87 /452, Устав, перв. пол. XVII в. Л. 2 об. (только упоминается)

19) РНБ, Соф. 1145, Устав, перв. пол. XVII в. Л. 157

20) РГБ, ф. 173 I., № 73, Псалтирь с восследованием и Устав, XVII в., Лл. 308 – 308 об. (только упоминается);

21) РНБ, Титовское собрание, № 373, Святцы с лунником, XVII – XVIII вв. Л. 14 об. (только упоминается)

5 сентября – день памяти св. пр. Захарии, этот праздник отмечен в уставах знаком полукружия, поэтому последование пр. Захарии выписывалось достаточно подробно. Службы св. мч. Глебу, скорее всего, не полагалось, так как память св. мч. Глеба праздновалась 24 июля и 2 мая вместе с братом – св. мч. Борисом. Поэтому указания на песнопения св. мч. Глебу практически не встречаются, хотя начиная с XVI в. иногда выписываются тропарь и кондак по 3-й песни канона. Кондак по 6-й песни канона указывается редко, так как по 6-й песни канона полагалось два кондака св. пр. Захарии. Однако возможно, что в некоторых местностях все-таки исполнялось последование св. Глебу. Так как одно из первых упоминаний памяти св. Глеба 5 сентября (Апракос Холмского Евангелия конца XIII в.) отсылает к июльской службе, возможно, последование если и не существовало, то подразумевалось. В этом случае следует ожидать полной тождественности последования со службой на Убиение св. братьев 24 июля или сокращение известного последования, так как статус праздника Убиения св. Глеба был ниже, чем память Убиения святых братьев 24 июля. Возможно, служба на Убиение св. Глеба подразумевалась в Черниговской местности, где установилось почитание Глеба, хотя и там она, скорее всего, была факультативной.

Несмотря на довольно редкие упоминания в уставах памяти св. мч. Глеба, к концу XVI в. на Убиение св. Глеба формируются два новых песнопения, не использующиеся в других службах свв. мчч. Борису и Глебу. Это тропарь 2-го гласа и кондак 3-го гласа. Приведу их по списку кон. XVI в. из Погодинского собрания РНБ:

«Тропарь мученику князю Глѣбу, глас 2:

Пречестная и цѣломудреная и безлобиваа страстотрьпца, Романе славныи и Давыдѣ чюдныи, иго бо Господня Еуагельскии на рамо вземше и последовасте Христу. И крестъ, яко скипетръ, в руку имущи, врагу-брату, злому властолюбцу, одолесте, и (он) нынѣ в гѣене мучится, вы же, радующееся, с лики аггльскими предстояще Святѣи Троици о державе сродник ваших благоугоднѣ бытии и сыновом руским спастися.

Та же на утреннии, на "Богъ Господь" обычна стихология. И чтемъ от Златоустаго 1, и оставшее житие святаго Семиона, на двое, канон в Октоихѣ, два, на 6, и святому в Минеи, на 6, по 3 пѣсни кондак мученику, глас 3:

Приидете вси Рустии собори, чюдотворцу и мученику Бориса и Глѣба восхвалимъ, законно бо пострадавшего, побѣдисте супротивнаго врага. Тѣми святыми молитвами, заступлением их князи рустии враги побѣждаются. Тѣм память их весело празднуем, и любовию похвалим, вопиюще: "За ны молите святую Троицу, умирити мира и спасти душа наша»[27].

И тропарь и кондак построены по модели общеизвестных песнопений свв. мчч. Борису и Глебу, однако и в том и в другом случае это не простое заимствование, а создание нового песнопения «по модели».

Тропарь св. благоверн. Глебу составлен на основе самого известного тропаря святым братьям – тропаря 2-го гласа «Правдивая страстотерпца, истиннаа Еуагелию послушателя...»

Тропарь 2-го гласа на Убиение св. Глеба 5 сентября[28]	Тропарь 6-го гласа из службы на Убиение свв. стрвст. Бориса и Глеба 24 июля[29]
Пречестная и цѣломудреная и безлобиваа страстотрьпца,	Правдивая страстотерпца, истиннаа Еуагелию послушателя
Романе славныи и Давыдѣ чюдныи,	цѣломудреныи Романе с незлобивымъ Давыдомъ,
иго бо Господня Еуагельскии на рамо вземше	не противустасте врагу и брату,
и (он) нынѣ в гѣене мучится,	
вы же, радующееся	вы же, радующеся
с лики аггльскими	с ликы аггельскыми
предстояще Святѣи Троици	предстояше Святѣи Троици,
(и моляся) о державе сродник ваших	молитеся о державѣ сродникъ ваших
благоугоднѣ бытии	Богоугоднѣ быти
и сыновом руским спастися.	и сыновомъ руськимъ спастися.

Тропарь составлен путем небольшого изменения эпитетов: «Правдивая страстотерпца, истиннаа Еуагелию послушателя,/ цѣломудреныи Романе с незлобивымъ Давыдомъ,» – «Пречестная и цѣломудреная и безлобиваа страстотрьпца,/ Романе славныи и Давыдѣ чюдны», а также добавлением двух строк: «иго бо Господня Еуагельскии на рамо вземше/ и (он) нынѣ в гѣене мучится», первая из которых, скорее всего, заимствована из кондака 3-го гласа мч. Никифору: : «и сего славный Крест на рамо взем/ посрамил еси диаволи козни» или из заупокойного канона 4-го гласа «и воздвигоша иго Твое на рамо, яко един владыка живота и смерти» (2-й тропарь 3-й песни)

Кондак на Убиение св. Глеба составлен на основе стихир Борису и Глебу: начало взято из славника 8-го гласа «Придѣте новокрещении русьтии собори и видите, како без вины судъ приемлетъ мученикъ Борисъ, копием ребра его прободоша...», продолжение опирается на славник 8-го гласа «Придѣте, восхвалимъ чюдотворцу и мученику, вы бо законно пострадавшее побѣдиста съпротивнаго врага...».

Кондак 3-го гласа на убиение св. Глеба 5 сентября[30]	Славник 6-го гласа из службы на Убиение свв. стрвст. Бориса и Глеба 24 июля[31]

[27] Цит. по: РНБ, Пог. 273. Лл. 210–210 об.
[28] Цит. по: Пог. 273. Л. 210
[29] Цит. по: РНБ, Соф. 363. Л. 253 об.
[30] Цит. по: РНБ, Пог. 273. Л. 210.
[31] Цит. по: РНБ, Соф. 363. Л. 253 об.

Приидете вси Рустии собори, чюдотворцу и мученику Бориса и Глѣба восхвалимъ, законно бо пострадавшего, побѣдисте супротивнаго врага.	Приидѣте въсхвалимъ чюдотворцу мученику вы бо законно пострадавше побѣдисте супротивнаго врага. и нынѣ свѣтло украшена предстоиста Христу, радующеся.
Тѣми святыми молитвами заступлением их князи рустии враги побѣждаются. Тѣм память их весело празднуем, и любовию похвалим, вопиюще:	Тѣмь и мы пѣсми память его весело любовию похвалимъ вопиюще: "Радуитася вселенѣи заступника и поборника врагы, радуитася, врача болящимъ и бѣсомъ прогонителя, радуитася, о любезная верста, брата прекраснаа, Романе славныи и Давыде чюдныи, любимаа Христови,
"За ны молите святую Троицу умирити мира и спасти душа наша".	за ны молящу Святую Троицю умирити миръ и спасти душа наша".

Как тропарь, так и кондак, несмотря на их близость к модели, все-таки не заимствованы, а переработаны, что указывает, скорее всего, на желание составителя разграничить песнопения, исполняемые под 24 июля и под 5 сентября. Так как кондак переделан из стихиры, составитель ее сильно сократил.

Обращает внимание, что и том и в другом случае составитель переделывает начало песнопения. Видимо, это связано со стремлением избежать путаницы при выписывании только инципитов. В обоих случаях подчеркивается факт заступничества святых братьев за русских князей и русскую землю, что косвенно указывает на позднее происхождение обоих песнопений (изначально братья прославлялись как приимшие дар исцеления, и только к XV в. их целительство было окончательно вытеснено из гимнографии покровительством Руси и русским князьям). Интересно также, что, несмотря на то, что 5 сентября – день убиения св. Глеба, песнопения посвящены обоим братьям, причем в тропаре вначале упоминается св. Борис, а потом св. Глеб. Это объясняется как старшинством и хронологией (вначале был убит св. Борис, а потом св. Глеб), так и тем, что эти песнопения складывались тогда, когда окончательно оформилась служба на 24 июля, прославляющая обоих братьев. Несмотря на то, что первоначально, скорее всего, установилось почитание Глеба, а потом – Бориса [Лесючевский 1946: 225 – 247; Алешковский 1971: 87 – 93], гимнографическая традиция с самого начала ставит на первое место св. Бориса, на что указывает даже день праздника: 24 июля – день смерти св. Бориса. Песнопения, посвященные памяти св. Глеба, также не разделяют святых братьев, хотя и указываются только под 5 сентября.

В современной Минее эти тропарь и кондак не используются, хотя они известны. В «Зеленых Минеях» [Минеи, 2002. Сентябрь: 172] в качестве тропаря указан общий мученический тропарь 4-го гласа, встречающийся и в некоторых списках службы на убиение свв. мчч. Бориса и Глеба «Мучениче Господень, прославляемь веры твоея ради...», а в качестве кондака - кондак свв. Борису и Глебу «Днесь земля ублажается, напившись крови твоея...». Видимо, новые песнопения так и не получили распространения, а стремление составителя разграничить память 24 июля и 5 сентября было

вытеснено общей практикой заимствования недостающих песнопений из уже известной службы тому же святому.

Литература

1. *Абрамович Д.И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба // Памятники Древней Руси. Петроград, 1910.
2. *Алешковский М.Х.* Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. Москва: Наука, 1971.
3. *Алешковский М.Х.* Глебоборисовские энколпионы 1072-1150 годов // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. Москва: Наука, 1972. С. 104 – 125.
4. *Барсуков Н.П.* Источники русской агиографии. С.-Петербург: ОЛДП. Издания , 1882.
5. *Биленкин В.* «Чтение» преп. Нестора как памятник «глеборисовского культа» // ТОДРЛ. С.-Петербург: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 46. С. 54– 64.
6. *Лесючевский В.И.* Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // Советская археология, № 08, 1946. С. 225 – 247.
7. *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI-XIV веков. Москва: Памятники исторической мысли, 2001.
8. *Милютенко Н.И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. С.-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2006.
9. Минея. Сентябрь. Т. 1. Москва: Издательский совет русской православной церкви, 2002.
10. *Поппэ А.* О времени зарождения культа бориса и Глеба // Russia Medievalis 1 (1973). С. 6 – 20.
11. ПСРЛ. Т. 39.: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского / Ред. *Буганов В.И., Клосс Б.М.* Москва: Наука, 1994.
12. *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи. Москва: Наука, 1964.
13. *Серегина Н. С.* Песнопения русским святым. С.-Петербург:Российский институт истории искусств, 1994.
14. *Ужанков А.Н.* Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий// Древняя Русь: Проблемы медиевистики 2000, № 2. С. 28 – 50.
15. Успенский сборник XII-XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. Москва: Наука, 1971.

Принятые сокращения:
ГИМ – Государственный исторический музей
ОЛДП – Общество любителей древней письменности.
РГБ – Российская государственная библиотека
РНБ – Российская национальная библиотека
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы

ТРАНСФОРМАЦИЯ ШЕКСПИРОВСКОГО СЮЖЕТА В КОМЕДИИ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ШЕКСПИРОВЫ ДУХИ»

К.Н. МЕШКОВА
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
кафедра истории русской литературы филологического факультета,
Российская Федерация
kasumi_shogo@mail.ru

Ключевые слова: *Кюхельбекер, Шекспир, трансформация сюжета, романтизм, поэтика, шекспиризм.*

В данной статье приведён сопоставительный анализ произведений У. Шекспира и классической русской литературы. Для русских писателей XIX века фигура английского драматурга имела особенное значение: процесс освоения его богатого и разнообразного наследия шел на протяжении всего столетия. В центре исследования находятся образы произведений В. К. Кюхельбекера, создававшихся в творческом диалоге с драматургией У. Шекспира.

MESHKOVA KRISTINA – The transformation of Shakespeare's plot in the Comedy Play "Shekspirovy dukhi" by Wilhelm Kuchelbecker

Key words: *Küchelbecker, Shakespeare, the transformation of the plot, romanticism, poetics, Shakespearism.*

This paper presents a comparative analysis of Shakespeare's plays and classical Russian literature. For Russian writers of the XIX century, the figure of the English playwright was of particular importance: the process of mastering his rich and diverse heritage went on throughout the century. Current research focuses on images of works by W. Kuchelbecker as they were created in a poetic dialogue with the plays of W. Shakespeare.

В России на протяжении многих столетий складывалось свое особенное отношение к У. Шекспиру. Романтическая эпоха русской литературы оказалась особенно плодотворна на переводы и вольные интерпретации творчества У. Шекспира. Одной

из ключевых фигур здесь можно считать крупного поэта, прозаика, литературного критика и переводчика Вильгельма Карловича Кюхельбекера. Помимо множества переводов, он создал несколько значительных пьес, ориентируясь на произведения английского драматурга. В частности – комедию «Шекспировы духи», которая знаменует начало активного усвоения Кюхельбекером шекспировской поэтики. Так, большинство образов в пьесе перенесено из знаменитых шекспировских драм: Оберон, Титания и Пак – из комедии «Сон в летнюю ночь» (A Midsummer Night's Dream, 1595-96), Ариэль и Калибан – из поздней трагикомедии «Буря» (The Tempest, 1611).

Кюхельбекер обращался к творчеству Шекспира начиная с первой половины 1820-х годов. Однако начало активного освоения Шекспира происходит в 1825 году, когда была написана «драматическая шутка» в двух действиях «Шекспировы духи». Оригинальное по своему замыслу произведение пропагандировало «романтического» Шекспира и на этой основе утверждало романтические же идеалы поэзии и понимание личности поэта [Гордин: 240]. Так, Кюхельбекер предпосылает своему произведению обширное предисловие. Здесь обозначены некоторые принципы поэтического творчества, из которых наиболее значима эстетическая позиция писателя: «Но мир поэзии не есть мир существенный: поэту даны во власть одни призраки» [Кюхельбекер 1967 : 141]. Представления о сущности искусства, о мифотворчестве, о значении реального/ирреального для писателя рассмотрены через призму двух явлений – шекспиризма и романтизма. Следует отметить, что в 1825 году Кюхельбекером, только начавшим познавать «великого британца», Шекспир мыслится ключевым автором-романтиком [Левин 1963 : 287].

В предисловии автор наметил черты сходства и различия между своими героями и их шекспировскими прототипами, привел свою классификацию и описание сказочных духов, а также перевел фрагмент из «Сна в летнюю ночь» –начало 2-го действия, где рассказывается о том, «каковы заботы и занятия духов». Все это должно навести читателя на мысль о том, что шекспировские персонажи взяты как некие идеальные модели, литературные маски. Предисловие вводит нас в определенный культурный контекст, который используется автором для создания литературного фона в произведении: в данном случае это «романтическая мифология». Стоит учесть, что предания и легенды –культурный код, апеллирующий к бессознательному и коллективной (народной) душе. В этом случае было бы закономерно предположить, что Кюхельбекер, обращаясь к фольклору, стремится создать народное произведение. При этом понимание народности Шекспира у некоторых русских писателей было специфическим: «Напомним, что и позже – для Гнедича, Андрея Тургенева, Галинковского, а также и Кюхельбекера – народность была неразрывно связана с фантазией. Самыми народными произведениями Шекспира все названные выше авторы считали «Сон в летнюю ночь» и «Бурю»» [Лотман 1962 : 363]. Это очень важно учитывать при анализе кюхельбекеровского сюжета.

Итак, «Шекспировы духи» представляют собой первый этап творческого диалога Кюхельбекера и Шекспира. Образы, темы и мотивы пьес английского драматурга воспринимаются здесь во многом ограниченно – через призму раннего русского романтизма и классической драмы. Кюхельбекер значительно упрощает шекспировские сюжет и форму. В его пьесе два коротких действия вместо значительных по размеру шекспировских пьес в 2000-4000 стихов, разбитых редакторами XVIII века на классические пять действий. Соблюдены единства места и действия; лаконичен список персонажей – их семеро, тогда как их двадцать четыре в «Сне в летнюю ночь» и девятнадцать в «Буре». Сюжет изложен предельно компактно: Кюхельбекеру пока чужды хитросплетения любовных коллизий раннего «Сна в летнюю ночь». Его драматическая шутка своей почти классицистической простотой скорее напоминает итоговую «Бурю».

Сюжет комедии строится вокруг некоего Поэта и его родственников: сестер Алины и Юлии, племянниц Лизы, Аннушки и Кати (дочерей Алины) и их дядюшки Фрола Карпыча. Это весьма примечательно и позволяет говорить о биографичности произведения, так как у самого Кюхельбекера также было две сестры – Устинья Карловна Глинка и Ульяна (Юлия) Карловна Кюхельбекер – и племянницы – Александра Григорьевна Глинка, Наталья Григорьевна Глинка. К тому же, сам главный герой по роду деятельности занимается литературой.

Центральный персонаж находится в особой романтической атмосфере, грезит о духах и волшебных существах: «Из области духов, из области мечтанья, / Куда несусь душой, где зреют дарованья, / Не увлекай меня в пределы суеты!» [Кюхельбекер: 150]. Кюхельбекер делает Поэта графоманом, настолько преданным сочинению стихов, что он доходит до язычества, уверовав в существование духов и в свою жреческую природу. Герой нарекает себя возвышенным творцом и отрекается от серой и убогой земной жизни, провозглашая высокие идеалы. Творчество для него чудесное таинство, а всякая попытка контролировать или рационализовать этот процесс – умаление значимости искусства. Кюхельбекер вскользь касается здесь пушкинской темы коммерциализации поэзии, поднятой в «Разговоре книгопродавца с поэтом» (вышел из печати в 1824 году как предисловие к первой главе «Евгения Онегина» и был известен автору «Шекспировых духов»). Однако Поэт доводит до абсурда и пушкинскую мысль, презирая не только журналистов, но и своих родных. Он отказывается написать поздравление по случаю именин старшей сестры Алины. Отсюда и проистекают главные мотивы комедии – мотивы возвышенного творчества, отрешенности художника от земной жизни. Наблюдая за странным поведением брата, Юлия, младшая сестра Поэта, восклицает: «Тобою стал он полным сумасбродом, / Грех на твоей душе, божественный Шекспир!» [Кюхельбекер 1967 : 151]. Она решает излечить главного героя от чрезмерной мечтательности: ей задумано представление, в котором примут участие она, ее племянницы и дядя в образах «шекспировых духов», так почитаемых Поэтом. Встреча с Паком, Ариэлем и Калибаном, которые уверят его в том, что они подчиняются воле его сестры Алины, приводит наивного графомана в восторг, и он все-таки пишет стихи на ее именины. Однако даже когда все раскрывается, Поэт не отрекается от своего заблуждения и разражается патетическим монологом в защиту поэзии, который прерывает автор произведения, ставя финальную точку.

При сопоставлении «Шекспировых духов» с произведениями английской литературы можно заметить, что трансформации сюжетов двух шекспировских пьес в комедии Кюхельбекера затрагивают как отдельные мотивы, так и целые их комплексы. Перенесение отдельных образов, прежде всего мифических существ, вместе со связанными с ними мотивами приводит к некоторым изменениям исходных сюжетов и их художественных функций. Примечательно, что все же шекспировская трактовка мифологических образов, в сущности, осталась прежней. Кюхельбекер составляет гремучую смесь из сказочных героев, помещает их в русскую культурную среду, благодаря чему достигается комический эффект в его пьесе.

Наиболее очевидной является перестройка сюжета с участием сказочных существ: шекспировская фантастика становится у Кюхельбекера маскарадом. У всех пяти персонажей, переодетых в действующих лиц «Сна в летнюю ночь» и «Бури», одна задача – проучить мечтательного Поэта. Перевоплощения членов семьи в шекспировских героев призваны вызволить Поэта из чертогов фантазии, из «воздушного» плена. В кюхельбекеровской комедии мотивы сна, эфемерности и раздвоения реальности перекликаются с шекспировскими: «We are such stuff / As dreams are made on, and our little life / Is rounded with a sleep» [Shakespeare 1999 : 254].

Обратимся к сюжетным функциям шекспировских персонажей у Кюхельбекера, а также к мотивам, которые с ними связаны. В распределении ролей прослеживается особенная комическая логика. Так, дети (племянницы Поэта Аннушка и Катя) играют роль духов-шутников (Пака и Ариэля). Пак предстает в комедии тем же проказником, каким он является в комедии «Сон в летнюю ночь». Он грозит Поэту парой заколдованных ушей, если тот не выполнит просьбу Титании – написать поздравление Алине. В пьесе упоминается шекспировский сюжет о том, как Пак превратил голову афинского ремесленника в ослиную. Ариэль, в свою очередь, тоже угрожает Поэту – обещает превратить в зверя. В шекспировской трагикомедии Ариэль также выполняет воспитательную функцию, он помогает волшебнику Просперо наказать своих обидчиков.

Интересно отметить, что Кюхельбекер стирает различия между свободным и своенравным духом воздуха Ариэлем, которого Просперо удерживает в повиновении силою магического искусства, и мирным домовым Паком из английских народных преданий (известным как Robin Goodfellow – Робин Добрый Малый). Это еще один случай сведения двух совершенно различных по своим художественным особенностям шекспировских сюжетов у Кюхельбекера, который в середине 1820-х только начинает постигать Шекспира.

Фрол Карпыч, дядя Поэта, который с детства не любит «ученье» и рифмует его с «мученьем», получил роль невежды Калибана. Кроме того, он верит в существование «нечистых» и «лукавых», хотя и страшится их, подобно Калибану, приходившему в ужас от одного упоминания о небесных духах. Этот образ больше всего приглянулся А.С. Пушкину, которому, однако, драматическая шутка совершенно не пришлась по нраву: «Характерно, что Пушкину понравился лишь образ дядюшки Фрола Карпыча, наряженного Калибаном («Зато Калибан –прелесть», «чудо как мил»), которому была дана реалистическая, бытовая характеристика» [Левин 1988: 29].

Сюжет о воспитании заблудших людей, пребывающих вдали от света любви, знания и истины, в трагикомедии «Буря» также присутствует в «Шекспировых духах». Образ Юлии, умной и шаловливой девушки, которая хочет избавить от иллюзий своего брата Поэта, связан с образом шекспировского Просперо, избавляющего своего брата от жажды власти и поселяющего мир в его душе. Юлия управляет и мирными духами –сильфами, ундинами и Паком (роли которых исполняют ее племянницы), поэтому она получает имя Титании –супруги владыки эльфов Оберона из «Сна в летнюю ночь». Однако если Просперо удается пробудить совесть тирана Алонзо, то планы Юлии вернуть Поэта к реальности идут прахом.

Также довольно явной сюжетной трансформацией в пьесе Кюхельбекера становится использование знаменитого шекспировского приема «пьеса в пьесе» (a play within the play). Он заключается во включении в один сюжет другого, в котором персонажи первого сюжета выступают одновременно в двух ролях. Это один из излюбленных сценических приемов Шекспира, представленный в четверти его пьес. В комедии «Сон в летнюю ночь» «пьесой в пьесе» является «весьма трагичное увеселение» («a very tragical mirth») о трагической любви Пирама и Фисбы, которую разыгрывают афинские ремесленники по случаю бракосочетания царя Тезея и Ипполиты. Представление призвано оттенить эффект всеобщего счастья, усилить впечатление от удачно разрешившегося конфликта: «Гений Шекспира-комедиографа и «ренессансный» колорит его комедийных ситуаций сказывается в покоряющей правде изображения мужских и женских натур, их чувств и желаний, представленных на фоне «воображаемых», сказочных, довольно условных –более или менее «пасторальных» –обстоятельств» [Пинский 1989 : 57]. В пьесе этот прием переосмыслен Кюхельбекером: он преобразован в розыгрыш и выполняет совершенно другую роль –

домочадцы желают проучить Поэта, введя его в заблуждение. Главный герой, таким образом, начинает принимать за действительность то, что является пьесой.

Как можно заметить, одной из основных целей Кюхельбекера было перенесение Шекспира не гражданственного, а волшебного на русскую почву и открытие его для широкой читательской публики. Выбор героев для представления пал не столько на наиболее типичные и характерные образы шекспировского мира, но и на ярких сказочных персонажей. Кюхельбекер попытался вписать их в русский культурный контекст так, чтобы они лучше усвоились на русской почве: Пак приравнен автором к кикиморе, Калибан –к лешему, а Титания представляется колдуньей.

Таким образом, Кюхельбекер заимствовал у Шекспира ряд мотивов и некоторые сюжеты для решения собственных творческих задач: «Так, опираясь на Шекспира, Кюхельбекер намечал введение в драму фантастики, что получило в дальнейшем развитие в его собственном творчестве» [Шекспир и русская культура: 134]. Он обращается к наиболее красочным и волшебным пьесам Шекспира, чтобы создать произведение, пронизанное фантастикой, однако не отдаленное от реальности. Кюхельбекер переносит шекспировские образы из мифологической сферы в сферу бытовую и игровую, делая их более приближенными к действительности. Автор пьесы улавливает наиболее значительные мотивы и сюжеты из Сна в летнюю ночь» и «Бури» и переносит их в своем произведении в трансформированном виде.

Литература

1. *Гордин А.М.* Заметка Пушкина о замысле «Графа Нулина» // Пушкин и его время. Исследования и материалы. Л., 1962. Вып. 1. С.232-245.

2. *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М.; Л.: Советский писатель, 1967. 787 с.

3. *Левин Ю.Д.* Шекспир в русской литературе XIX века. Л.: Наука, 1988. 328 с.

4. *Левин Ю.Д.* Рассуждение В. К. Кюхельбекера об исторических драмах Шекспира // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 286-320.

5. *Лотман Ю.М.* «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII-начала XIX в. // Слово о полку Игореве – памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 330-405.

6. *Пинский Л.Е.* Магистральный сюжет: Ф. Вийон, В. Шекспир, Б. Грасиан, В. Скотт. М.: Советский писатель, 1989. 417 с.

7. Шекспир и русская культура. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 823 с.

8. *Shakespeare W.* The Tempest \ Ed. by Virginia Mason Vaughan. – London: Bloomsbery, 1999. –396 p. – (Arden Shakespeare: Third Series).

К ИСТОРИИ РУССКО-ПОЛЬСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ КОНТАКТОВ МЕЖВОЕННОГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ В ПОЛЬШЕ

О.В. РОЗИНСКАЯ

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Россия
o.rozinskaya@mail.ru

Ключевые слова: *русская творческая эмиграция, Польша, межвоенный период, литературные контакты.*

Статья посвящена деятельности русских литераторов-эмигрантов, оказавшихся в Польше в межвоенный период. Эта страна была выбрана ими не случайно. Многие имели польские корни, хорошо владели польским языком, принимали живое участие во всех наиболее значительных событиях польской культурной жизни. «Польские русские» имели многолетние связи с творческой интеллигенцией этой страны. Они сыграли важную роль в развитии русско-польских литературных связей в 1920-е–30-е годы.

OLGA ROZINSKAYA – To the history of Russian-Polish literary contacts in 1920–30ies in Poland

Key words: *Russian Emigree, Poland, the period between two World Wars, literary contacts.*

The article reveales the Russian Emigree activity in Poland during the period between two World Wars (1920–30ies). They happened to come to Poland not occasionally because many of them were of the Polish origin, were experts in the Polish language and took part in the main events of Polish cultural life. “Polish Russians” had long and multi-aspects ties with intelligencia of this country. They played an important part in the rise and development of Russian-Polish literary connections in the 1920–30ies.

Диалог двух великих культур (России и Польши) во многом объясняется тесными многолетними контактами, существовавшими между русскими и польскими литераторами в разные исторические периоды. Важный аспект этих связей – история судеб многих русских деятелей культуры, оказавшихся после Революции и гражданской войны в Польше. Литературные отношения для русских писателей стали частью диалога культур, воплощенного в художественном тексте. Здесь в разные годы жили и продолжали свою писательскую и публицистическую деятельность Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов, Б. Савинков, М. Арцыбашев, А. Кондратьев и другие, менее известные писатели. Литературная слава многих из них опередила их приезд в Польшу. Хотя русская диаспора в Польше была не столь многочисленной, как в эмигрантских центрах Парижа, Берлина и Праги, деятели русской культуры интенсивно взаимодействовали с литературной средой этой страны, чем во многом определяется специфика жизни русской литературной эмиграции в Польше. Не могла не отразиться на творчестве русских в этой стране и родственность двух славянских культур.

Как историко-культурное явление «русская эмигрантская Польша» просуществовала два неполных десятилетия: с начала 1920-х гг. до фашистской оккупации страны в 1939 году. Большинство русских направлялось в Польшу не случайно: у них еще с дореволюционных времен сохранились связи с этой страной, поэтому именно здесь, по соседству с Россией, они хотели переждать лихие времена.

Положение русских в Польше было весьма сложным. Эмигранты не получали поддержки от официальных властей, проблема статуса русских эмигрантов намеренно замалчивалась, отчетливо сказывалась и тенденция польской общественности игнорировать все русское. Груз исторически сложных связей между двумя странами определял на первых порах общее настороженное отношение к русской эмиграции. Однако уже в январе 1919 г. польские власти официально разрешили открыть Русский политический комитет, в задачи которого входили политическая агитация и вербовка эмигрантов для участия в борьбе с большевиками, а также правовая защита и помощь в их трудоустройстве в Польше.

Именно представители творческой интеллигенции во многом определили духовную жизнь русского зарубежья. Важнейшим явлением этой жизни стало празднование дня рождения А. С. Пушкина: начиная с 1925 г. эта дата отмечалась в Польше как «День русской культуры», широкий по масштабу и формам празднования. «Организация и проведение празднования, – пишет польский исследователь Б. Кодзис, – объединяло эмигрантов, активизировало их творческие силы, инспирируя разнообразные культурные мероприятия» [Кодзис 2002: 15]. Пушкинские «дни» привлекали внимание и польской общественности: они отмечались в крупнейших университетах научными чтениями, по результатам которых публиковались научные труды польских ученых, а также новые переводы произведений поэта на польский язык.

Главная причина более тесных, чем в других странах рассеяния, контактов русской эмиграции с местной литературной средой очевидна: это достаточно длительное сосуществование русских и поляков в пределах единого государства. У некоторых русских эмигрантов были польские корни, с дореволюционных времен сохранились дружеские связи с этой страной. Многие русские хорошо владели польским языком, а потому для них не существовало серьезных препятствий в общении с коренным населением. Такие «польские русские», как С. Кулаковский, В. Фишер, Д. Бохан, Е. Вебер-Хирьякова сыграли важную роль в развитии русско-польских литературных связей в 20–30-е гг. Они активно печатались в польской прессе, помещая в солидных журналах статьи, посвященные русской литературе, рецепции этой литературы в Польше, творчеству писателей-эмигрантов в других странах.

В 1939 г. в Варшаве была опубликована на польском языке монография известного ученого С. Кулаковского «Пятьдесят лет русской литературы. 1884–1934». Выход книги в свет свидетельствовал об интересе поляков к русской культуре, главными пропагандистами которой являлись литераторы-эмигранты. Сам Сергей Кулаковский (1892–1949), по матери русский, изучал русскую филологию в университетах Москвы и Петербурга, а затем читал лекции в Московском университете, сочетая преподавательскую деятельность с работой журналиста. Печатался под псевдонимом Капитан Немо. В 1925 году приехал в Польшу и начал преподавать русскую литературу и русский язык в Варшавском университете.

С. Кулаковскому принадлежит заметная роль в развитии польско-русских культурных связей. Ученый активно сотрудничал с польской прессой, помещая в таких влиятельных варшавских журналах, как «Вядомости Литерацке», «Камена», «Паментник Варшавски» свои статьи и рецензии по вопросам рецепции русской литературы в Польше. Например, в 1927 году в журнале «Паментник Литерацки» печатается цикл статей Кулаковского «Александр Блок и Польша», «Николай Лесков и Польша». Серьезно изучал и творчество русских писателей-эмигрантов И. А. Бунина и В. В. Набокова. Интересовался проблемами советской литературы и культуры, писал о советском театре, о творчестве К. С. Станиславского, обращался к поэзии С. А. Есенина.

С. Кулаковский сумел, говоря о достижениях советской литературы, театра, кино, сохранить объективную позицию. В этом его отличие от большей части русской эмигрантской критики, как правило, отказывавшей советской культуре в возможности создания художественных ценностей. В 1934 и 1935 годах им издаются учебники по русскому языку для поляков. Перед войной Кулаковским была подготовлена книга о жизни и творчестве А. К. Толстого. Эта монография на польском языке, посвященная изучению русской литературы, свидетельствовала об интересе в Польше к русской культуре.

Подобный интерес был оправдан историческими причинами. С одной стороны, национальный гнет, насильственная политика русификации, проводимая царским правительством, не могли не отразиться на негативном отношении польского общества ко всему русскому, в том числе и к русской культуре. С другой, – вместе с русским языком в Польшу пришла и великая русская литература, которую представители старшего поколения польской интеллигенции читали в оригинале. Многие из них получали образование в университетах России, поддерживали контакты с деятелями русской культуры и искусства. Эти связи сохранились и после революции.

Заметную роль в пропаганде русской культуры сыграл литературный публицист, эмигрант из России, Владимир Фишер (1885–1941), автор исследований о творчестве М. Ю. Лермонтова и И. С. Тургенева, учебника по истории русской литературы XIX века, изданного в Москве в 1918 году. В 1920-м году он приехал в Польшу. Являлся членом Союза русских писателей и журналистов. Свои многочисленные статьи, написанные по-польски, он публиковал в польских журналах «Пшеглонд Варшавски», «Ведза и жиче», «Тыгодник Илюстрованы», «Пшеглонд Вспулчесны». Интересы В. Фишера были сосредоточены на изучении русской литературы, творчества А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького. Обращался он в своих статьях и к новым явлениям в литературе метрополии. Фишер был в числе тех, кто объективно освещал в польской периодике состояние советской литературы. Внимательно изучал творчество писателей русского зарубежья, пропагандируя среди польских читателей произведения своих великих современников. Первое место он отдавал И. А. Бунину, называя его «современным классиком» русской литературы.

Статьи Фишера отличались «высоким научным уровнем, информативностью, способствовали популяризации в нашем обществе русской классической литературы и обогащали польскую русистику» [Sielicki 1996: 243].

К числу русских публицистов, пишущих по-польски и сотрудничающих с польскими журналами, можно отнести и Евгению Вебер-Хирьякову (1895–1939), приехавшую в Польшу в 1919 году. Е. Вебер-Хирьякова работала и в эмигрантских изданиях, под псевдонимом Андрей Пуганов писала небольшие новеллы, переводила произведения польских писателей. Через Д. Философова она познакомилась с М. Домбровской, которая в своих дневниках характеризовала ее как «необыкновенно интеллигентную женщину» [Dąbrowska 1988: 319].

С большой заинтересованностью относилась русская диаспора в Польше и к современной литературе метрополии. В разговоре о достижениях советской литературы русским литераторам удалось сохранить объективную позицию, и в этом их отличие от большей части эмигрантской критики зарубежья, как правило, неприязненно относившейся к советской культуре.

Немалый вклад в популяризацию русской литературной классики внесли такие видные польские ученые, как В. Ледницкий, М. Здзеховский, А. Брюкнер. Так, многие видные деятели польской культуры были воспитаны на польско-русском интеллектуальном пограничье. Они учились в университетах Москвы и Петербурга, превосходно владели русским языком. Личные связи со многими представителями русской интеллигенции, в том числе находившимися в эмиграции, повлияли на их взгляды и убеждения о художественном и духовном значении русской литературы. Польские литераторы своей творческой деятельностью определяли интерес к русской культуре и литературе в межвоенное двадцатилетие. Многие работы видных польских исследователей: Т. Парницкого, А. Брюкнера, В. Ледницкого, Е. Стемповского, М. Здзеховского и других, написанные в эти годы, посвящены русской литературе, польско-русским литературным связям.

В свою очередь, и русские литераторы интересовались польской культурой, становились переводчиками польской литературы, знакомили русского читателя-эмигранта с произведениями выдающихся польских писателей. Так, еще до приезда в Польшу серьезно занимался польской литературой русский поэт, литературный критик и публицист Дорофей Бохан. В газете «Русское слово» за 1939 год печатался цикл литературных заметок Бохана «Среди польских писателей и публицистов». В эти годы он занимался поэзией Ю. Словацкого и А. Асныка, писал о творчестве Г. Сенкевича и Б. Пруса, переводил С. Норвида, Ю. Словацкого, А. Мицкевича (переводы этих поэтов остались ненапечатанными, сохранились лишь рукописные варианты – см. об этом [Zienkiewich 1994]).

Занимался Д. Бохан и современной польской поэзией. Периодически на страницах Виленского «Русского слова» появлялись его статьи о творчестве польских поэтов (Теодора Буйницкого, Ванды Недзялковской-Добачевской, Ядвиги Вокульской). Многие годы он поддерживал тесные связи с М. Здзеховским. После его смерти в 1938 году в газете «Наше время» была напечатана статья Бохана «Памяти великого ученого и великого человека».

Д. Бохан был также постоянным участником различных литературных вечеров польской интеллигенции. На одном из них, как свидетельствует эмигрантская пресса, он делал доклад, посвященный литературе русской эмиграции. Творчество Д. Бохана, безусловно, способствовало, как писал Станислав Цивинский, «культурному сближению между Польшей и Россией». Он называл Бохана «настоящим другом, знатоком и пропагандистом» [Cywiński 1936: 13] польской литературы.

Именно стремление русских писателей включиться в польскую культурную жизнь – одна из специфических черт жизни русской литературной эмиграции в

Польше. Так, М. Арцыбашев участвовал в полемике, развернувшейся в варшавской печати в связи с выходом в свет романа знаменитого польского писателя Стефана Жеромского «Канун весны» («Przedwiośnie»). Это произведение, опубликованное в Варшаве в 1925 г., в котором главный герой Цезарий Барыка мучительно ищет жизненную правду, пытается понять свое отношение к революции. В феврале 1925 г. в газете «За свободу» Арцыбашев публикует открытое письмо С. Жеромскому. Ответ писателя был помещен в польской газете «Эхо Варшавске». Опкликнулся на этот роман и Д. Философов: свое отношение к нему он выразил в статье «В замке», опубликованной в той же газете в октябре 1925 г.

Опубликовал Д. Философов и серию статей, посвященных проблемам польской литературы и искусства, польско-русским связям (этому способствовало прекрасное знание им польского языка). Наиболее значительны его статьи о жизни и творчестве А. Мицкевича, причем особенно интересовали Д.Философова годы пребывания поэта в России (эта тема освещена им в статьях, напечатанных в газете «Молва» за 1932 г.). Одна из публикаций «Мицкевич в Одессе и в Крыму» была написана как отклик на монографию профессора Ю. Клейнера о Мицкевиче и послужило поводом для дискуссии в польской прессе.

Как и в других центрах русского рассеяния, «персональный состав» деятелей русской культуры в Польше в 20–30-е гг. был текучим, постоянно менялся. Для одних (Д. Мережковский, З. Гиппиус) Польша была короткой остановкой в их эмигрантском пути – остановкой, связанной с надеждой на скорый крах «Царства Антихриста». Другие, как Б. Савинков, выбрали территориально близкую России Польшу для того, чтобы вести активную общественную и политическую деятельность, направленную на свержение Советской власти. Такие русские литераторы, как Д. Философов и М. Арцыбашев, оставались в Польше до конца жизни.

Эмиграция самым решительным образом изменила не только их жизнь, но и их отношениение к литературе. Прежде рафинированные эстеты и сторонники «нового религиозного сознания», видевшие смысл своего творчества в духовном преображении человечества, они с головой окунаются в политику. Их творчество развивается в русле политической публицистики, а многие публикации носят характер прямых откликов на события в России, актуальных комментариев или политических воззваний.

Многие русские литераторы находят здесь теплый прием и живое участие в их судьбе со стороны поляков. Они устраивают встречи с видными политическими деятелями Польши, помогают в организации публичных выступлений, участвуют во всех культурных начинаниях русской диаспоры. Так, встреча Д. Мережковского с Ю. Пилсудским была организована при помощи Ю. Чапского.

С первых дней пребывания в Варшаве был вовлечен в политическую деятельность и Д. Философов. Свою работу на посту редактора газет «За свободу», а несколько позже «Меч» и «Молва» он совмещает с яркой публицистической деятельностью. Осенью 1920 г., после отъезда четы Мережковских в Париж, он стал одним из лидеров русской эмиграции в Варшаве. Философов поддерживал отношения со многими представителями польской литературы и искусства Активными участниками его литературных собраний, носивших название «Домик в Коломне» и проводимых им в Варшаве в 1934–1936 гг., были такие видные деятели творческой интеллигенции, как Тадеуш Бреза, Мария и Юзеф Чапские, Юзеф Чехович, Юлиан Тувим, Станислав и Ежи Стемповские. Дружеские отношения связывали его с Зофьей Налковской и Марией Домбровской. Кстати, именно М. Домбровская позднее увековечила Д. Философова, сделав его прототипом героя своего романа «Приключения мыслящего человека» Сергея Демидова (издан в Варшаве в 1970 г.) [Kulzycka-Saloni 1993: 7].

Сразу же по приезде в Варшаву в 1923 г. начинает сотрудничать с газетой «Свобода» и М. Арцыбашев. Он помещает на ее страницах отрывки из своей книги «Записки писателя», составленной как из публицистических статей, относящихся ко времени его пребывания в России, так и из материалов о жизни российской эмиграции за рубежом. О «Записках писателя» высоко отзывались многие польские критики, определяя их как главное политическое завещание М. Арцыбашева.

Острой политической направленностью отмечена и изданная М. Арцыбашевым в Варшаве в 1925 г. пьеса в стихах «Дьявол», в которой осуждается сама идея революции. Автор использует легенду о Фаусте, продавшем душу дьяволу, но включает эту легенду в контекст современной эпохи: трагедия Фауста в наши дни превращается в трагический фарс.

Важным фактором культурной жизни русской диаспоры в Польше стали и произведения В. Ропшина (Б. Санинкова), руководителя русского политического комитета в Польше. В 1920-е гг. он печатался на страницах эмигрантских газет, опубликовал в 1921 г. в Варшаве сборники статей «Накануне новой революции», «На пути к третьей России», «За Родину и свободу», политическую брошюру «Борьба с большевиками». В 1924 г. в Варшаве вышла в свет его психологическая повесть «Конь вороной», основная тема которой – братоубийственная гражданская война.

Молодая эмигрантская литература в Польше была представлена прежде всего поэтами. Это было характерной чертой русской зарубежной литературы в целом. Хотя среди них практически не было громких имен, показательно само стремление литературной молодежи к творческой самореализации. Наиболее известными варшавскими литературными объединениями, собиравшими вокруг себя молодых литераторов, стали «Таверна поэтов» (1921–1925) и «Литературное содружество» (1929–1935). Членами этих представительных творческих групп стали такие подающие надежды поэты, как В. Байкин В. Бранд, О. Воинов, С. Войцеховский, Л. Гомолицкий, С. Жарин, К. Оленин, Г. Соргонин и др. Частыми гостями литературных четвергов виленского «Содружества поэтов» были Т. Буйницкий и М. Здзеховский. В собраниях «Таверны» участвовал польский поэт Л. Подгорский. При участии поляков Ю. Тувима, Ю. Чапского, В. Слободника проходили поэтические встречи в варшавском «Литературном содружестве».

В своих эстетических поисках они опирались на традиции русской поэзии «серебряного века». В творчестве большинства их них отчетливо сказалась преемственность по отношению к символизму 1900-х годов. Другим эстетическим ориентиром молодой поэзии стал русский акмеизм. Сознательная ориентация молодой эмигрантской поэзии на традиции русской классики проявилась, в частности, в том, что приоритетной для них стала тема России и ее исторических судеб.

Как самый яркий поэт молодого поколения проявил себя Лев Гомолицкий, поляк по происхождению, писавший по-русски и считавший себя в 30-е годы принадлежащим русской культуре. Гомолицкий был одним из организаторов и идейных вдохновителей «Литературного содружества», являлся секретарем Союза русских писателей и журналистов, принимал активное участие в культурной жизни русской диаспоры. Его поэзия органично вобрала в себя традиции русской и польской классики. Самое известное произведение Гомолицкого – поэма «Варшава» (1934) – построена на переосмыслении мотивов «Медного всадника» А. С. Пушкина и «Дзядов» А. Мицкевича и одновременно представляет собой диалог с «Возмездием» А. Блока. Мотивы исторической судьбы России переплетаются с темой судьбы эмигранта, порождая отсылки к поэтическим образам Польши и России, созданным Пушкиным и Мицкевичем. Варшава для поэта – место пересечения исторических судеб двух стран, а также город, судьбоносный для самого поэта.

После войны Гомолицкий становится польским прозаиком, он изменил имя, стал Леоном. Вероятно, условия, в которых он оказался в социалистической Польше, вынудили его не вспоминать о своем довоенном «русском творчестве».

Таким образом, можно утверждать, что в межвоенные годы в Польше сформировалось русское культурное сообщество, обладавшее значительным творческим потенциалом и имевшее тесные связи с польской интеллигенцией, что дает основание ввести в научный обиход терминологическое определение «русская эмигрантская Варшава».

В сентябре 1939 года Польша была оккупирована фашистской Германией. Культурная жизнь руской литературной диаспоры прекратилась и после войны уже не возобновилась.

Литература

1. *Кодзис Б.* Литературные центры русского зарубежья 1918–1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание. Мюнхен, 2002.

2. *Cywiński St*. O przekładach D. D. Bochana poezji polskiej na język rosyjski // Środy literackie. № 3. Wilno, 1936. S. 18–28.

3. *Dąbrowska M*. Dzienniki (1914–1932). Warszawa, 1988.

4. *Kulzycka-Saloni J*. Z dzielów literackiej emigracji rosyjskiej w Warszawie dwudziestolecia // Przegląd Humanistyczny. 1993, № 37.1 (316). S. 7–8.

5. *Sielicki Fr*. Pisarze rosyjscy początku XX wieku w Polsce międzywojennej. Wrocław, 1996.

6. *Zienkiewich T*. Dorofiej Bochan – tłumacz literatury polskiej na język rosyjski i krytyk // Polsko-wschodniosłowiańskie powiązania kulturowe, literackie i językowe. 1. Literatura i kultura. Olsztyn, 1994. S. 17-29.

ПОЭТИКА ЗАПАХА В РОМАНЕ ЭМИЛИ БРОНТЕ «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА В.ВОЛЬПИНА /1956/)

Ю.Г. СМИРНОВА

Алматинский университет энергетики и связи, Казахстан,
aues@tut.by

Ключевые слова: *запахи, литература, русский язык, Эмилия Бронте, «Грозовой Перевал».*

В статье впервые представлен текстовый материал Эмилии Бронте на русском языке, посвященный ольфакторным эпизодам романа «Грозовой Перевал». В качестве основы исследования использовался перевод Вольпина 1956 года. Впервые показаны фрагменты романа с описанием запахов, погружающих читателя в атмосферу викторианской эпохи. Эмили Бронте показала многомерное художественное пространство английских реалий в духе романтизма при помощи запахов: это запахи эля, жаркого, ванильной сдобы, это запахи чистоты, свежего воздуха, травы, вересковых пустошей, запахи цветов (левкоя и желтофиоля), деревьев из сада. Писательница умело вплела описание запахов в текст романа, оттенив стилистику этого классического литературного произведения. Это интересный прием, который впервые получил освещение в представленной нами статье.

YULIA SMIRNOVA – The poetics of the smell in Emily Brontë's novel "Wuthering heights" (in the translation of V. Volpin /1956/)

Key words: *odors, literature, Russian, Emily Brontë, "Wuthering Heights".*

The article firstly presents the text material of Emily Brontë in Russian, dedicated to the olfactory episodes of the novel "Wuthering Heights". Volpin's translation (1956) was used as the basis of the study. For the first time fragments of the novel with the description of the smells immersing the reader in the atmosphere of the Victorian era are shown. Emily Bronte showed the multidimensional artistic space of English realities in the spirit of romanticism with the help of smells: the smells of ale, roast meet, vanilla muffin, the smells of cleanliness, fresh air, grass, heather's wastelands, the smells of flowers (gillyflower and wallflower), trees from the garden. The writer skillfully had woven a description of the smells in the text of the novel, underlining the style of this classic literary work. This is an interesting technique, which was first covered in our article.

— Обоняние? — говорил он. — Да я никогда и не думал о нем. Никто ведь не думает. Но стоит его потерять — и будто слеппешь. Вкус жизни уходит. Мы редко задумываемся, как много во «вкусе» запаха. Человек чует других людей, чует книги, город, весну... Этот фон большей частью не осознается, но он совершенно необходим.

Оливер Сакс

«Грозовой Перевал» – это единственный роман писательницы Эмили Бронте. Он вошел в историю английской классической литературы и имеет множество экранизаций и кавер-версий.

«Грозовой Перевал» был создан в XIX веке в духе романтизма в сочетании с элементами готики и викторианства. «Важнейший пласт викторианского сознания – пуританское видение мира», − отмечает в своем исследовании Н.В. Шамина [Шамина 2006: 10]. Пуританство предполагает строгость нравов, патриархальный взгляд на роль семьи в обществе, аскетизм как отказ от какой бы то ни было роскоши и удобств. Однако в романе мы встречаем ряд эпизодов, которые уводят читателя от пуританской картины мира, показывая нам и английскую парковую культуру, и гастрономические традиции, и сады викторианской эпохи, и многие другие элементы английской luxury life, погружающие нас в атмосферу той эпохи. Одним из таких элементов является одорическая лексика, с помощью которой Бронте описывает запахи в своем романе. Именно описание запахов стало предметом нашего исследования.

Эстетика «Грозового Перевала», его стиль реализованы не только через систему образов, но и с помощью изображения запахов, погружающих читателя в атмосферу ранней викторианской эпохи.

Запахи в литературе – это своего рода метаязык, отсылающий нас к определенных культурным и концептуальным пластам. Об этом неоднократно говорили и писали многие исследователи [Костян 2011; Зыховская 2011; Корбен 2003; Молодкина 2010]. К настоящему времени есть научные работы, посвященные запахам в произведениях И.Бунина [Житков 1999; Одинцова 2008], М.Шолохова [Дроботун 2007; Каменская 2013; Кривенкова 2006], А.Чехова [Куликова 2010], Н.Гоголя [Савинова 2010], в русской лирике рубежа XIX-XX вв. [Рогачева 2011].

Единственное исследование, частично касающееся одорической лексики «Грозового Перевала», − это статья иранских филологов Oroskhan M.H. и Zohdi E. «The Aesthetic Concept of the Beauty in Emily Bronte's Wuthering Heights» [Oroskhan 2015], опубликованная в журнале «International Letters of Social and Humanistic Sciences Online» в октябре 2015 года. В этой статье рассмотрен оригинальный английский текст «Грозового Перевала». В главе 6 «Sound, Taste and Smell» авторы пишут: «In Wuthering Heights, there are sweet sounds, tastes and smells which arouse the sense of pleasure» [Oroskhan 2015], а также цитируют один эпизод романа с описанием ароматов весны. В нашем исследовании мы использовали русский текст-перевод В.Вольпина [Бронте 1956] и значительно увеличили количество эпизодов с одорической лексикой.

В романе читатель встречает описания привлекательных гастрономических запахов в английском стиле: «Я вдыхала ванильный запах пекущейся сдобы и любовалась сверкающей кухонной утварью и полированными часами на стене, убранными остролистом, да серебряными кружками, расставленными на подносе, чтобы к ужину наполнить их подогретым с пряностями элем; а больше всего безупречной чистотою пола, тщательно мною подметенного и вымытого до блеска [Бронте 1956]; «Запах вкусной еды быстро привел гостей и хозяев в более приятное расположение духа. Все проголодались с дороги, и утешиться было нетрудно, раз никому не было причинено настоящего вреда. Мистер Эрншо нарезал жаркое и накладывал всем полные тарелки, а его жена старалась развеселить гостей своей живой болтовней» [Бронте 1956]. Отметим, что в «Грозовом Перевале» читатель видит довольно много сцен, связанных с домашним очагом. На это обстоятельство обращает внимание исследователь А.А. Подкопаева в работе «Вербализация художественного концепта "home / house" в произведениях английских писателей XIX-XX вв.» [Подкопаева 2010]. В данном случае мы видим описание, связанное с реализацией концепта 'home' (а не

просто ‘house’ как здание) и связанными с ним концептами «любовь», «забота», «уют/комфорт» и т.д.

Образ английской парковой культуры передан Эмилией Бронте через запахи сада: «Утро было свежее и холодное; я распахнула окно, и в комнату хлынули сладкие запахи из сада; но Кэтрин крикнула в раздражении: "Эллен, закрой окно. Я и так закоченела!"» [Бронте 1956]; «И я отметил еще одну, о которой мне поведали ноздри: под приветливыми плодовыми деревьями носился в воздухе сладкий запах левкоя и желтофиоля. И двери, и окна были распахнуты; а все же, как это обычно можно видеть в краю каменноугольных рудников, приятный красный отсвет огня стоял над дымоходом; радость, которую пламя доставляет глазу, позволяет мириться с излишним жаром. Впрочем, дом на Грозовом Перевале так велик, что его обитателям хватает места, чтобы держаться подальше от жара, и все, кто был в доме, расположились у окон» [Бронте 1956]; «Это было в апреле: погода держалась мягкая и теплая, трава такая была зеленая, какой только может она вырасти под ливнями и солнцем, и две карликовые яблоньки под южными окнами стояли в полном цвету. После завтрака Кэтрин уговорила меня вынести кресло и сесть со своей работой под елками возле дома, и она подластилась к Гэртону, который уже совсем оправился после того несчастного случая, чтоб он вскопал и разделал ее маленький цветник, перенесенный по жалобе Джозефа в дальний конец сада. Я мирно радовалась весенним запахам вокруг и чудесной мягкой синеве над головой, когда моя молодая госпожа, убежавшая было к воротам надергать первоцвета для бордюра, вернулась лишь с небольшою охапкой и объявила нам, что идет мистер Хитклиф» [Бронте 1956]. Пейзаж занимает особое место в «Грозовом Перевале», этот факт отмечает исследователь Р.С. Луценко в работе «Концепт «пейзаж» в структуре англоязычного прозаического текста» [Луценко 2007]. Читатель видит в этом романе картины живой природы в разнообразных временных, сезонных и погодных состояниях. Пейзаж у Эмили Бронте выполняет анропоцентрическую функцию. Она проявляет себя как авторское и персонажное восприятие природы и характеризуется их тесным переплетением, лежащим в основе всех текстопостроительных приемов. В антропоцентрической функции пейзажа ведущим следует признать личностно-авторский компонент, проявляющий себя как в насыщении текста пейзажами, так и в их согласовании с содержанием текста художественного произведения. Именно личностный интерес (как автора, так и персонажа) к природе, реализующийся в её соединении с выполняемыми человеком действиями, и составляет суть антропоцентрической функции пейзажа в художественном тексте [Луценко 2007: 8].

В романе читатель встречает изображение сугубо английских реалий – это прогулка верхом в вересковой пустоши, разговоры о доме и прекрасном свежем воздухе Грозового Перевала: «Чистый воздух и запах вереска, яркое солнце и резвый бег Минни вскоре развеселили его. Он стал расспрашивать о своем новом доме и его обитателях все с большим любопытством и живостью. – Грозовой Перевал такое же приятное место, как Скворцы,—спросил он и оглянулся в последний раз на долину, откуда поднимался легкий туман и кудрявым облаком стелился по синему краю неба. – Дом не утопает в зелени, как наш, — ответила я, — и не такой большой, но оттуда открывается прекрасный вид на всю округу, и воздух там здоровее для вас — чище и суше». [Бронте 1956]

Таким образом в романе Эмилии Бронте (как в оригинальном тексте, так и в непревзойденном высокохудожественном переводе Вольпина, фрагменты которого представлены в этой работе) мы видим многомерное художественное пространство английских реалий в духе романтизма, органически выведенное писательницей при помощи описания запахов: это запахи эля, жаркого, ванильной сдобы, это запахи чистоты, свежего воздуха, травы, вересковых пустошей, запахи цветов – левкоя и

желтофиоля – и деревьев из сада. Писательница умело вплела описание запахов в текст романа, оттенив стилистику этого классического литературного произведения. Английская парковая культура, гастрономические традиции, сады викторианской эпохи послужили великолепным фоном романа, в котором запахи оказались органической частью. Это интересный прием, который до сих пор оставался за пределами внимания исследователей творчества Бронте и который впервые получил освещение в представленной нами статье.

Литература

1 *Oroskhan M.H., Zohdi E.* The Aesthetic Concept of the Beauty in Emily Bronte's Wuthering Heights // International Letters of Social and Humanistic Sciences Online. – Vol. 62, pp. 109-115. [Электронный ресурс] URL: https://www.learntechlib.org/p/176676/article_176676.pdf (дата обращения 19.05.2010).

2 *Бронте Э.* Грозовой Перевал. Пер. В.Вольпина. Онлайн-библиотека lib.ru http://lib.ru/INOOLD/BRONTE_E/wutherng.txt_with-big-pictures.html [Электронный ресурс] (дата обращения: 19.11.2018).

3 *Дроботун А.В.* Лексика обоняния в языке художественной прозы М.А.Шолохова. Автореф. … канд. филол. наук. – М., 2007. – 24 с.

4 *Житков А.В.* Функционально-семантическое поле восприятия запаха и синестезия одорической лексики в произведениях И.А. Бунина. Диссертация … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1999. – 190 с.

5 Запахи литературы: Материалы Всероссийской научной конференции, Москва, ноябрь 2010 г. // Совр. гуманит. акад. Ред. Т.С.Костян. – М.: СГУ, 2011. – 112 с.

6 *Зыховская Н.Л.* Ольфакторная поэтика: Запахи в художественных текстах. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. – 150 с.

7 *Каменская Е.В.* Колоративная и одорическая лексика в пейзажном описании в языке романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», в кн: Композитные структуры в языке романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Автореф. … канд. филол. наук. – М., 2013. – 28 с.

8 *Корбен А.* Ароматы частной жизни // Ароматы и запахи в культуре. – М.: Нов. лит. обозрение, 2003. – Кн. 1. – С. 362-407.

9 *Кривенкова И.А.* Синестезия в языке художественной прозы М.А. Шолохова. Автореф. … канд. филол. наук. – М., 2006. – 20 с.

10 *Куликова Н.А.* Одорический код в художественном тексте: линвоэвокационное исследование (на материале художественной прозы А.П. Чехова). Автореф. … канд. филол. наук. – Барнаул, 2010. – 18 с.

11 *Луценко Р.С.* Сенсорная структура пейзажного концепта, в кн.: Концепт «пейзаж» в структуре англоязычного прозаического текста. Автореф. … канд. филол. наук. – Иваново, 2007. – 23 с.

12 *Молодкина Ю.Н.* Синестетическая метафора запаха (корпусное исследование). Автореф. … канд. филол. наук. – Курс, 2010. – 21 с.

13 *Одинцова М.В.* Художественно-стилевая роль слов лексико-семантического поля «запах» в произведениях И.А.Бунина (аспекты номинации и предикации). Автореф. … канд. филол. наук. – М., 2008. – 28 с.

14 *Подкопаева А.А.* Вербализация художественного концепта "home / house" в произведениях английских писателей XIX-XX вв. Автореф. … канд. филол. наук. – Ставрополь, 2010. – 28 с.

15 *Рогачева Н.А.* Русская лирика рубежа XIX-XX веков: поэтика запаха. Автореф. … докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2011. – 53 с.

16 *Савинова А.Г.* Синестезия как своеобразие миромоделирования и особенность стиля прозы Н.В. Гоголя. Автореф. … канд. филол. наук. – Томск, 2010. – 31 с.

17 *Сироштан С.В.* Творчество Эмили Бронте и его место в истории романтизма, в кн.: Романтические традиции в американской лирике 1850-80 гг. (Эмили Дикинсон и Эмили Бронте). Автореф. … канд. филол. наук. – СПб., 2004. – 20 с.

18 *Шамина Н.В.* Женская проблематика в викторианском романе 1840-1870-х гг. (Джейн Остен, Шарлотта и Эмили Бронте, Джордж Элиот). Автореф. … канд. филол. наук. – Казань, 2006. – 24 с.

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДАРОМАНА М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» НА СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Н.Н. СТАРИКОВА

Институт славяноведения РАН,
филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия
nstarikova@mail.ru

Ключевые слова: *перевод на родственные языки, советские реалии, историко-литературный контекст, безэквивалентная лексика, комментарий.*

В статье рассматриваются некоторые способы передачи слов и словосочетаний, называющих предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта и культуры москвичей первых десятилетий советской власти, при переводе романа «Мастер и Маргарита» на славянские (болгарский, сербский, хорватский,

словенский) языки. Сложность художественной структуры романа, соединение в нем нескольких культурных и историко-религиозных традиций, стилистических и языковых пластов ставит перед переводчиками весьма трудную задачу. Одним из необходимых условий ее решения является наличие в переводном издании справочного аппарата, разъясняющего трудные для понимания пассажи.

NADEZHDA STARIKOVA – About translation difficulties of M. Bulgakov's novel "Master and Margarita" into Slavic languages

Key words: *translation into related languages, Soviet realities, historical and literary context, culture-specific vocabulary, comment.*

The article deals with some ways of transferring words and phrases naming things, phenomena, and objects typical for life, daily routine and culture of the Muscovites during the first decades of Soviet power, used for translation of the novel "The Master and Margarita" into Slavic (Bulgarian, Serbian, Croatian, Slovenian) languages. The complexity of the novel's artistic structure, the combination of several cultural, historical and religious traditions, stylistic and linguistic layers, possess a very difficult task for translators. One of the necessary conditions for its solution is the presence in the translated edition a reference device (reference comments) explaining difficult passages.

Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» вот ужеболее полувека привлекает внимание мировой читательской аудитории, подтверждая известную мысль Г. Тури отом, что «культура прибегает к переводу как к основному способу заполнения лакун, где бы и когда бы подобные лакуны не обнаруживали себя – либо сами по себе, либо (чаще всего) с компаративной точки зрения, т. е. с учетом соответствующего явления в другой культуре, на которое у принимающей культуры есть повод равняться и которое есть смысл использовать» [Toury 1995:27]. Устойчивый интерес к этому произведению сохраняется и в славянских странах, где регулярно переиздаются его классические переводные версии и выходят новые, например, в Болгарии (2012) и Польше (2016). Большинство первых переводов романа на славянские языки появлялось «по горячим следам» — после советской публикации 1967 г. и франкфуртской 1969 г.: в 1968 г. – на болгарский, сербский и словацкий языки, в 1969 г. – на чешский, польский и хорватский, в 1970 г. – на македонский и в1971 г. – на словенский язык. Текстологическим материалом для данной статьи послужили четыре перевода на славянские языки (болгарский, сербский, хорватский, словенский), каждый из которых представляет национальный переводческий канон своего времени. Во всех изданиях присутствуют ошибки, текстуальные искажения, смещения смысловых акцентов, в первую очередь связанные с недостаточным владением переводчиками и редакторами историческим, литературным, социокультурным и «писательским» контекстом произведения, в том числе знанием специфики быта и «предметов материальной и духовной культуры, отражающих образ жизни и образ мышления» [Мороз 2015:53] жителей советской Москвы. Недостатки, обнаруженныеприанализе переводов, ни в коем случае не умаляют той роли, которую роман «Мастер и Маргарита» продолжает играть как «катализатор» интереса к русской литературе, они лишь доказывают, сколь непростая задача встает перед каждым переводчиком булгаковского текста.

Первыми переводчиками «Мастера и Маргариты» на сербский, хорватский и словенский языки были профессиональные филологи Милан Чолич (1934–2016), Вида Флакер (1935–2007) и Янез Градишник (1917–2009). Чолич, входивший вАссоциацию сербских литературных переводчиков (UKPS), работал с чешским и русским языком (произведения Б. Грабала и М. Булгакова), много переводил для театра. Флакер – хорватский историк литературы, в 1964-1999 гг. работала в Институте истории хорватской литературы, театра и музыки ХАНИ, переводила с русского и немецкого. Градишник – писатель, публицист, член Международной федерации переводчиков (FIT),за перевод «Улисса» Дж. Джойса был в 1967 г.удостоен высшей национальной переводческой премии имени А. Совре. Нет сомнений, что опыт и уровень их мастерства в целом соответствовал грандиозности поставленной задачи: дать вторую-

жизнь произведению писателя, творчество которого восходит к «генетическим корням европейской культуры»[Смирнов 1993:145]. До настоящего времени все трипереводасчитаютсяв Сербии, Хорватии, Черногории,Боснии и Герцеговине и Словении каноническими и регулярно переиздаются. В Болгарии первый перевод «Мастера и Маргариты» сделала в 1968 г.Лиляна Минкова (1932–2016), выдающаяся болгарская переводчица с русского, украинского и французского языков. В 2012 г. вышел второй перевод, выполненный Татьяной Баловой (род. 1953);в ее послужном списке И. Ильф и Е. Петров, Б. Акунин, Д. Рубина, В. Пелевин др., за перевод «Двенадцати стульев» Балова была удостоена премии Союза переводчиков Болгарии. При сравнительном анализе текстовых примеров используется новый болгарский перевод, цитаты хорватского и сербского переводов приводятся по переизданиям 1993 и 2009 гг. соответственно.

Сложность художественной структуры романа, соединение в нем нескольких культурных и историко-религиозных традиций, стилистических и языковых пластов, пропущенных через сатирический, гротескный быт московский жизни 1930-х гг. ставит перед переводчиками весьма трудную задачу. Для носителей языка восприятие художественного произведения подкрепляется в целом естественным знанием своей культуры и феноменов, с ней связанных; у представителя иной культуры возникают определенные трудности с пониманием этого же художественного произведения при прочтении его на родном языке. Так возникает проблема точности, но не дословности перенесения всех нюансов текста оригинала на иностранный язык, которая, на наш взгляд, для романа «Мастер и Маргарита» не может быть преодолена в полной мере. С учетом того, что роман изобилует так называемыми лакунами – «ситуациями, обычными для культуры одного народа, но не наблюдаемыми в другой культуре»[Ревзин, Розенцвейг 1964: 184], его восприятие абсолютно невозможно без соответствующих пояснений. Отсутствие примечаний переводчика и разъясняющих комментариев часто может свести на нет всю «архетипическую», ассоциативную, подтекстовую и даже эмоциональную нюансировку мысли Булгакова, исказить, а иногда полностью нивелировать смысл фразы оригинала. К сожалению, далеко не все рассматриваемые переводы снабжены необходимым справочным аппаратом, что в итоге сказывается на качестве восприятия булгаковского текста.

Язык	**Переводчик**	**Перевод**	**Справочный аппарат**
сербский	М. Чолич	Bulgakov M. A. Majstor i Margarita. Beograd–Subotica: Minerva, 1968. – 352 s.	Послесловие переводчика «Заметка о писателе».
хорватский	В. Флакер	Bulgakov M. A. Majstori Margarita Zagreb: Naprijed, 1969. – 394 s.	Предисловие Константина Симонова.
словенский	Я. Градишник	Bulgakov M. A. Mojster in Margareta. Ljubljana:Cankarjevazaložba, 1971. – 468 s.	Предисловие Веры Брнчич.
болгарский	Т. Балова	Булгаков М. А. Майстора и Маргарита. С бележки и коментари. София: «Дамян Яков», 2012. – 496 с.	Примечания и комментарии редакционной коллегии и переводчика.

Начнем с того, что в романе есть несколько «заколдованных» мест,с которыми не справился ни один из авторовперевода. Например, с «абрикосовой» из известной сцены у киоска «Пиво и воды»:

– Дайте нарзану, – попросил Берлиоз.

– Нарзану нету, – ответила женщина в будочке и почему-то обиделась.

– Пиво есть? – сиплым голосом осведомился Бездомный.
– Пиво привезут к вечеру, – ответила женщина.
– А что есть? – спросил Берлиоз.
– Абрикосовая, только теплая,– сказала женщина.
– Ну, давайте, давайте, давайте!..
Абрикосовая дала обильную желтую пену, и в воздухе запахло парикмахерской [Булгаков 2007: 8].

Во всех переводах газированная вода с сиропом превращаетсяв сок: абрикосовый (marelčnisok – *словен.*,**sokodmarelica – *хорв.*,**кайсиев сок – *болг.*) и даже персиковый (**sokodkajsija – *серб.***), что само по себе – натуральный сок из южных фруктов в розливдля Москвы того времени – немыслимо. А «обильную желтую пену»он дает, видимо, скисая на жаре, однако неприхотливыесоветские граждане Берлиоз и Бездомный с жадностью утоляют таким сомнительным напитком жажду. Другим уязвимым местом оказался головной уборпредседателя правления МАССОЛИТа Берлиоза, который, беседуя с Бездомным на Патриарших, «свою приличную **шляпу пирожком** нес в руке» [Булгаков 2007:7]. То есть его головной убор имел особенность формы — глубокую продолговатую впадину на тулье, напоминающую след от пирожка. В словенском и сербском переводах особенность фасона шляпы подменяется способом ее держать:«svoj čedni **klobuk** je **nosil v roki kakor pogačo**» [Bulgakov 1971: 37] (свою приличную шляпу нес в руке, как пирожок); «**držaše šešir kao lepinju**» [Bulgakov 2009: 31] (держа шляпу как булку); в хорватском и болгарском эта булгаковская деталь вообще опускается: «lagano savijen elegantni šešir» [Bulgakov 1993: 9] (слегка изогнутая элегантная шляпа), «държеше хубавата си мека шапка в ръка» [Булгаков 2012: 9] (держал в руке свою красивую мягкую шляпу).

При переводе некоторых фразеологизмов встречается замена словарного соответствия на контекстуальное. Доктору Стравинскому, пришедшему осмотреть поэта Бездомного, коллега подает записанный на листе бумаги анамнез. «”**Целое дело сшили**!” – подумал Иван» [Булгаков 2007:107]. Это выражение, имеющее значение «возводить напраслину, обвинять без оснований», безусловно, восходит к уголовному жаргону,однако при переводе часто теряет свой арго-компонент. Так словенский вариант «“**Koliko se tega načečkali**” je pomislil Ivan»[Bulgakov 1971: 127] буквально означает: «Сколько они тут всего понаписали». В хорватском «“**Napravili su cijeli dosije**!” — pomislio je Ivan»[Bulgakov 1993: 96]/«”Сделали целое досье” — подумал Иван» и сербском «“**Čitav su dosije uspeli dasklepaju**!” — pomisli Ivan» [Bulgakov 2009: 130]/ «Целое досье смогли/успели собрать» утрачено стилистически окрашенное «сшили». Лишь в болгарском переводе «“**Цяло дело са ми наскалъпили!**“ — помисли си Иван» [Булгаков 2012: 101] жаргонизм сохранен (*болг.* «скалъпвам» разг., пренебр. — 1) делать быстро, без старания; стряпать, лепить, шить; 2) выдумывать, фабриковать).

Важнейший пласт московской жизни 1920-1930-х гг., где отдельная квартира была роскошью, — коммуналки и их быт. Булгаков представляет в романе целую галерею образов обитателей коммуналок, помещает действие одной из сюжетных линий в коммунальную квартиру номер 50, мастер гордится двумя своими отдельными комнатками, нанятыми у застройщика, Маргарита вдвоем с мужем живет в «очаровательном месте» на верхнем этаже особняка, расположенного в арбатских переулках, воплощая мечту миллионов граждан об отдельной жилплощади, Никанор Иванович Босой получает тридцать два заявления, авторы которых претендовали на площадь покойного Берлиоза, дядю Берлиоза, Поплавского, несмотря на сомнительную телеграмму, гонит в Москву желание «хотя бы временно прописаться в трех комнатах покойного племянника» [Булгаков 2007: 239]. Донести подтекст этих об-

стоятельств московского житья до любого иностранного читателя без комментария довольно затруднительно.

Коммунальная организация жизни (одна кухня на всех и использование прихожей как места общего пользования) не только была неизбежной в условиях послереволюционного дефицита жилья, но и полностью отвечала требованиям новой социально-политической системы. Вынужденное соседство чужих людей на одной территории стало частью коммунального быта. Проживание в коммунальной квартире порождало массовое соглядатайство и доносительство, к середине 1930-х гг. в коммуналках сложились система бытового поведения, закрепленная в «Правилах внутреннего распорядка», и своя властная иерархия. Все эти особенности, даже детально изученные и понятые переводчиком, при перенесении в иное культурное пространство требуют дополнительных разъяснений. Например, перебранка двух соседок по коммуналке, свидетельницей которой становится путешествующая на щетке Маргарита:

Два примуса ревели на плите, возле них стояли две женщины с ложками в руках и переругивались.

– Свет надо тушить за собой в уборной, вот что я вам скажу, Пелагея

Петровна, – говорила та женщина, перед которой была кастрюля с какой-то снедью, от которой валил пар, – **а то мы на выселение на вас подадим!**[Булгаков 2007: 286].

Словен.:

Na plošči sta šumela dva špiritna gorilnika, zraven njuju sta stali dve ženski z žlicama v rokah in se zmerjali.

– Na stranišču mora človek ugasiti luč za seboj, tako vam povem, Pelageja Petrovna», je govorila ženska, pred katero je stala kozica z neko jedjo, iz katere se je kadila para. – **Sicer vas bomo tožili, da se boste morali izseliti!**[Bulgakov 1971: 286] (пододимнавасвсуд, чтобывампришлосьсъехать).

Хорв.:

Dva primusa su utnjila na štednjaku, kraj njih su stajale dvije žene sa žlicama u rukama i svađale se.

– Svjetlo u zahodu treba za sobom ugasiti, kažem vam, Pelageja Petrovna– govorila je žena pred kojom je stajao lonac s nekakvim jelom s kojeg se dizala para – **inače ćemo vas tužiti pa neka vas isele.**[Bulgakov 1993: 254](иначе мы на вас нажалуемся и пусть вас выселят).

Серб.:

Dva su plinska gorionika hučala na štednjaku, a krak njih su stajale dve žene sa varjačama u rikama i međusobno se prepucavale.

– Svetlost treba gasiti za sobom u nužniku, moliću lepo, eto šta ću vam reći, Pelagija Petrovna, – govorila je žena, pred kojom se nalazila šerpa sa nekakvim jelom iz kojeg se dizala para – **jer ćemo inače zatražiti da vas isele.** [Bulgakov 2009: 310] (иначе мы потребуем, чтобы вас выселили).

Болг.:

Върху печката бучаха два примуса, до тях с лъжици в ръцете стояха две жени и се дърлеха.

– Като излизате от клозета, ще гасите лампата, това искам да ви кажа, Пелагея Петровна – говореше жената пред вдигналата пара тенджера с някаква манджа, – **инак ще подадем молба да ви преместят другаде!** [Булгаков 2012: 268] (иначе мы попросим переселить вас в другое место).

Для носителя другой культуры, не знакомого с особенностями жилищной политики советской власти и коммунальным укладом, скрытая подоплека склоки остается непонятной: почему одна соседка по квартире может предъявлять другой столько

претензий, да еще и грозить выселением. Чтобы происходящее на коммунальной кухне не осталось для иностранного читателя загадкой, здесьнужен комментарий.

Не менее сложны при перенесении на иностранный язык сцены, где в контексте московских культурных реалий присутствуют отсылки к прошлому и настоящему русской и советской литературы. Такова встреча «Сашки-бездарности» Рюхина с «металлическим человеком», то есть с памятником А.С. Пушкину на Тверском бульваре, что понятно русскому читателю, но отнюдь не столь очевидно для тех, кто читает перевод.

Рюхин поднял голову и увидел, что они уже в Москве … и что близехонько от него **стоит на постаменте металлический человек,** чуть наклонив голову, и безразлично смотрит на бульвар.

Какие-то странные мысли хлынули в голову заболевшему поэту. «Вот пример настоящей удачливости… – тут Рюхин встал во весь рост на платформе грузовика и руку поднял, нападая зачем-то на никого не трогающего **чугунного человека**, – какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не понимаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: **"Буря мглою..."**? Не понимаю!… Повезло, повезло! …» [Булгаков 2007: 88].

Словен.:

Rjuhin je vzdignil glavo in opozoril, daso že davno v Moskvi … in da čisto blizu njega **stoji na podstavku kovinski človek** z rahlo sklonjeno glavo in ravno dušno gleda na bulvar.

Obolelemu pesniku so šinile v glavo neke čudne misli.» Tu je zgled resnične uspešnosti…. – in Rjuhin se je zravnal na podu tovornjaka in vzdignil roko, kdo ve zakaj napadajoč **železnega moža**, ki ni nikomur nič hotel, – kar koli je storil v življenju, kar koli se je zgodilo z njim, vse mu je bilo v korist, vse pripomoglo k njegovi slavi! Kaj pa je naredil? Ne gre mi v glavo… Je mar kaj posebnega v besedah **"Burja z meglo**.."? Ne razumem!… Srečo je imel, srečo!... » [Bulgakov 1971: 108].

Хорв.:

Rjuhin je podigao glavu i vidio da je već odavno u Moskvi … i da nedaleko odnjega **stoji na postolju čovjek od metala** malo naklonjene glave i ravnodušno gleda na bulevar.

Nekakve čudne misli navrle su u glavu oboljela pjesnika. «Evo primjera pravog uspjeha… – Rjuhin je ustao u svoj svojoj visini na platformi kamiona i digao ruku napadajući mirnog **čovjeka od livenog željeza** – bilo kakav korak što ga je taj učinio u životu, sve se pretvaralo u njegovu slavu! A što on je to učinio? Ja ne mogu shvatiti... Zar je nešto naročito u tim riječima: „**Bura maglom…**"? Ne razumijem!.. Njemu je uspjelo, uspjelo! …» [Bulgakov 1993: 79].

Серб.:

Rjuhin podiže glavu i zapazi da se već odavno nalazi u Moskvi … i da u njegovoj blizini **na postolju stoji čovek od metala**, jedva malo nakrenute glave i ravnodušno posmatra bulevar.

Nekakve čudnovate misli pohrliše u glavu pesnika, koji oseti da mu nije dobro. »Eto primera pravog uspeha…" I tu Rjuhin stade na platformu kamiona i poduže ruku, preteći zbog nečega **tučanom čoveku**, koji nikada i nikoga nije dirao. – Ma šta da je uradio u životu, ma šta da mu se desilo, sve je išlo njemu u korist, sve je išlo u prilog njegovoj slavi! A šta je on pa uradio? Ne shvatam... Zar ima nečeg posebnog u rečima: **„Bura je maglom…**" Ne shvatam… Imao je sreće, imao!"…«[Bulgakov 2009: 111].

Болг.:

Рюхин вдигна глава и видя, че вече са пристигнали … и че съвсем близо, **на постамента** до него **стои един метален човек**, леко свел глава и вперил безразличен поглед към булеварда.

Странни мисли нахлуха в съзнанието на заболелия поет. «Ето това се казва галеник на съдбата… – Рюхин се изправи в цял ръст в каросерията на камиона и жлъчно вдигна ръка към **чугунения човек**, който не закачаше никого, – как вото и да е предприемел в живота си, каквото и да му се е случвало, всичко се е обръщало в неговаполза и му е носело слава! А какво е направил? Не разбирам…Каквотолкова има в думите: "**Буря криенебесата…**"? Не разбирам…Галеник, галеник! …»[Булгаков 2012: 85].

В комментариях к роману, составленных Е.А. Яблоковым для Собрания сочинений, этот пассаж расшифровывается по нескольким позициям, начиная с сопоставления со стихотворением В.В. Маяковского «Юбилейное», где лирический герой гуляет с памятником Пушкину по Москве (версия Б.М. Гаспарова), и заканчивая «классовым» подходом к великому предшественнику со стороны советских поэтов [Яблоков2007: 622-624]. Не каждый иностранный читатель сразу поймет, что Рюхин в порыве злобной зависти вспоминает начало пушкинского стихотворения «Зимний вечер», до сих пор входящее вшкольную программу. Лишь в хорватскоми болгарском переводахесть сноски (постраничнаяи концевая, соответственно), объясняющие, что речь идет о знаменитом московском памятнике А. С. Пушкину, в болгарском также есть пояснение к пушкинской цитате: «"Буря мглою [небо кроет]" - началото на стихотворението"Зимна вечер" на А. С. Пушкин»[Булгаков 2012: 467] – («Буря мглою [небо кроет]» — начало стихотворения «Зимний вечер» А. С. Пушкина).

Представленные выше наблюдения показывают лишь малую толику тех трудностей, с которыми сталкиваются переводчики романа «Мастер и Маргарита» при работесмосковскими историко-культурными и бытовыми реалиями. Для их успешного перенесения на иную культурную почву от переводчика требуется глубокое, практически профессиональное погружение в контекст воссоздаваемой эпохи (эпох), владение обширной внелитературной – страноведческой, социокультурной, этнографической – информацией о СССР и Москве времени создания романа, умение свободно ориентироваться в пространстве русской литературы, а также знание человеческой и литературной биографии русского писателя.Еслипредмет, факт или явление, присутствующее в романе, не имеет аналогов в иной культуре и слова или выражения, их называющие, относятся к сегменту безэквивалентной лексики, перевод необходимо дополнить внутритекстовымпояснением или «переводческим» комментарием, объясняющим или уточняющим эти реалии или разъясняющим значение непонятных слов, это касается изданий,ориентированных как на массового, так и на «продвинутого» читателя,вне зависимости от поставленной эдикционной задачи. С учетом особенностей поэтики Булгакова особую трудность представляет передача внеязыкового фона – аллюзий, намеков, реминисценций, подтекста. Здесь, на наш взгляд, в идеале требуется полноценный справочный аппарат (биобиблиографическая информация, постраничные примечания, профессиональный затекстовый комментарий специалистов). Лишь в этом случае художественный мир булгаковского романа будет максимально приближен иноязычной читательской аудитории.

Литература

1. *Булгаков М. А*. Майстора и Маргарита. София: «Дамян Яков», 2012.
2. *Булгаков М. А*.Собр. соч.: В 8 т. М.: АСТ,2007. Т.7.
3. *Мороз Н. А. Адекватная передача реалий русской культуры в художественном переводе* //
4. Молодой ученый,2015. № 15.2 С.53-54. [Электронный ресурс] URL: https://moluch.ru/archive/95/20766/Датапоследнего обращения: 18.04.2019.
5. *Ревзин И. И. , Розенцвейг В. Ю*. Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа,1964.
6. *Смирнов Ю. М*. Театр и театральное пространство в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Михаил Булгаков: «Этот мир мой…». Т.1, СПб.: РИИИ, 1993. С.139 - 146.
7. *Яблоков Е. А*. Комментарии [к роману «Мастер и Маргарита»] //Булгаков М. А. Собр. соч.Т.7.С. 622–624.
8. *BulgakovM. A*. MojsterinMargareta.Ljubljana:Cankarjevazaložba, 1971.

9. *BulgakovM. A*. MajstoriMargarita.Rijeka:Andromeda, 1993.
10. *Bulgakov M .A*. Majstor i Margarita. Beograd:IP Book, 2009.
11. *Toury G*. Descriptive Translation Stadies – and beyond //Benjamins Translation Library.Amsterdam/Philadelphia:John Benjamins Publishing Company.Vol. 4,1995.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. БУЛГАКОВА: ОРИГИНАЛЫ И ПЕРЕВОДЫ НА ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК

Т.А. СТОЙКОВА
Вентспилсский университет (Латвия)
tatjana.stoikova@venta.lv

Ключевые слова: *художественный перевод, реалии, безэквивалентная лексика, язык М. Булгакова, русский и латышский языки.*

В статье рассматриваются проблемы эквивалентности ряда эстетически значимых лексических единиц в переводах произведений М.Булгакова на латышский язык – романа «Мастер и Маргарита» и повести «Собачье сердце», а также разные подходы переводчиков к их решению. Основные проблемы связаны с выбором способа передачи реалий – топонимов и антропонимов, обращений, сложносокращённых названий советских учреждений и должностей. Эквивалентная подача реалий в тексте перевода обеспечивает сохранение культурно-исторического контекста и соотносимой с ним концептуальной и эстетической информации оригинала.

TATJANA STOIKOVA – Cultural and Historical Realities in Works by M. Bulgakov: Originals and Translations into Latvian

Key words: *literary translation, realities, non-equivalent lexicon, M. Bulgakov's language, Russian and Latvian.*

In article problems of equivalence of lexical units in translations of works of M. Bulgakov into Latvian – the novel "Master and Margarita" and the story "Heart of a Dog" and also different approaches of translators to their decision are considered. The main problems are connected with the choice of a way of transfer of realities – toponyms and antroponim, addresses, the reduced names of the Soviet institutions and positions. Equivalent giving of realities in the target text provides preservation of a cultural and historical context and the conceptual and esthetic information of the original correlated to it.

Эквивалентный художественный перевод ориентирован на передачу глубинного содержания оригинала, т.е. не только фактуальной, но и концептуальной и эстетической информации оригинального художественного произведения, которую нередко содержат реалии – слова и словосочетания, «называющие предметы и понятия быта, культуры, исторической эпохи, социального строя, государственного устройства и фольклора, т.е. специфические особенности народа, отличающие его от других народов» [Влахов, Флорин 2009: 10].Общеизвестно, что ряд существенных проблем художественного перевода связан именно с переводом реалий. К знаковым историко-культурным реалиям относятся имена собственные – топонимы и антропонимы, названия учреждений, характеризующих социально-общественную структуру, номинации культурно-исторических артефактов и т.д. К реалиям примыкают принятые в той или иной культуре формы обращений, нередко окрашенных культурной спецификой.

Рассмотрим, насколько эффективно с точки зрения задач художественного перевода решали проблемы, возникающие в связи с передачей реалий, относящихся к названным группам, переводчики произведений М.Булгакова на латышский язык – романа «Мастер и Маргарита» и повести «Собачье сердце». «Собачье сердце» на латышский язык перевела писательница и журналист Майя Кудапа, а «закатный» роман – известный латышский поэт Оярс Вациетис. Латышский язык, образующий вместе с литовским группу балтийских языков, является государственным языком Латвийской Республики (с 1991 г. независимого европейского государства), а русский язык – языком самого многочисленного меньшинства Латвии. Непосредственное и длительное взаимодействие на территории Латвии латышской и русской культур, взаимный интерес культур обусловили актуальность переводов русской классической литературы на латышский язык.

Надо отметить, что принципы передачи реалий – имён собственных, как топонимов, так и антропонимов, – у переводчиков указанных произведений разные. Имена собственные, топонимы, маркируют реальное географическое пространство, где протекает художественное действие, но вместе с тем передают культурно-исторический колорит страны и эпохи. Действие романа «Мастер и Маргарита» (московских глав) и повести «Собачье сердце» разворачивается в Москве. Московские урбонимы вписаны в булгаковские сюжеты: они показывают, например, изоглоссу погони Ивана за лжепрофессором или отмечают путь бродячего пса Шарика к дому профессора Преображенского и т.д. Все герои булгаковских произведений имеют «прописку». Таким образом, московская география составляет неотъемлемую часть повествования.

В романе «Мастер и Маргарита» при передаче топонимов переводчик сочетает два принципа – перевода и транслитерации. Безэквивалентные имена, названия улиц, транслитерируются: *Остоженка – Ostoženka*, *Спиридоновка – Spiridonovka* и т.д. Если топоним можно перевести, он переводится. Так, переводится название знаменитой *Садовой* улицы, где находится дом триста два-бис с «нехорошей» квартирой номер пятьдесят, в которой и расположился Воланд со своей свитой: *Стёпа Лиходеев <...> очнулся утром у себя в той самой квартире <...> в большом шестиэтажном доме, покоем, расположенном* ***на Садовой улице*** (75) / *Stjopa Ļihodejevs atjēdzās* ***Dārza ielā*** *savās mājās tajā pašā lielās sešstāvu ēkas dzīvoklī* (81); ***Садовая****!* ***Садовая****, триста два-бис!* (336) / ***Dārza iela****!* ***Dārza iela****, trīssimt divibis!* (378). [Здесь и далее текст романа М. Булгакова цитируется по изданию: М.Булгаков. *Мастер и Маргарита* // *Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 5.* Москва, 1990. Перевод романа на латышский язык цитируется по изданию: M. Bulgakovs. *Meistars un Margarita*. Rīga, 2000. В круглых скобках указываются страницы изданий.] В латышском языке в функции относительного прилагательного выступает генетив имени существительного в препозиции: *dārzs* ‘сад’ – *dārza* (форма ед.ч. генетива)‘садовый’, *Dārza iela* ‘Садовая улица’. Ср. также: *Никитские ворота – Ņikitas vārti* (*Ņikitas*– форма ед.ч. генетивасущ. *Ņikita*), *Патриаршие пруды – Patriarhu dīķi* (*patriarhs* ‘патриарх’, *patriarhu* – форма мн.ч. генитива), то же *Патриарший переулок – Patriarhušķērsiela*, *Арбатская площадь – Arbata laukums* (*Arbata* форма ед.ч. генитива сущ. *Arbats*). Качественные прилагательные в составе урбонима обычно переводятся: *Большая Никитская улица – Lielā Ņikitasiela* (*lielā* ‘большая’); *Малая Бронная – Mazā Bronnaja* (*mazā* ‘малая’). Таким образом, в составном топониме одно имя, имеющее латышский эквивалент, переводится, второе, относящееся к безэквивалентной лексике, транслитерируется. Однако этот принцип, являясь ведущим, не является абсолютным. Так, название *Скатертный* (переулок) не переводится, а транслитерируется, хотя есть латышский эквивалент, образованный от слова *скатерть ‘galdauts*’, следовательно, перевод топонима возможен – *Galdautušķērsiela*;ср.из рассказа Бездомного о его злоключениях: *Дважды хотели задержать,* ***в Скатертном*** *и здесь,* ***на Бронной****, да я махнул через забор* (63) / *Divas reizes gribēja aiztūrēt –* ***uz Skatertnajas****un tepat,* ***uz Bronnajas ielas****, bet es – pāri sētai* (68). Название жилого района*Замоскворечье* (379) также переводится, при этом переводится отдельно каждая структурная часть слова – *aiz Maskavas upes* (462) (букв. ‘за Москвой рекой’), хотя в латышском языке, как и в русском, есть словообразовательная модель, по которой создаются названия городских районов, расположенных за рекой, ср.: *За****дви****нье* – жилой район в Риге за Даугавой (Даугава – река, на берегах которой стоит город Рига, старое название – Двина), латышский эквивалент *Pār****daugav****a* (*pār* ‘через’, букв. ‘через Даугаву’); жилой район в городе Вентспилсе за Вентой (Вентспилс стоит на реке Венте) – *Pār****vent****a* (‘через Венту’). Ср. возможный эквивалент: *За****москв****оречье – Pār****maskav****a* (‘через (реку) Москву’; *Москва / Maskava*).

В повести «Собачье сердце» при передаче топонимики выдерживается принцип транслитерации,даже в том случае, если урбоним образован отимени нарицательно-

го, у которого есть латышский эквивалент: *Мёртвый переулок– Mjortvaja iela*[*Мертвая– Mirusi*]: *у* ***Мертвого*** *переулка* (124) / *pie Mjortvajasielas* (13).[Здесь и далее текст повести М. Булгакова цитируется по изданию: М. Булгаков. *Собачье сердце* //*Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 2.* Москва, 1990. Перевод романа на латышский язык цитируется по изданию: M. Bulgakovs. *Suņa sirds. Liktenīgās olas*. Rīga, 2015. В круглых скобках указываются страницы изданий.]. Транслитерируемые названия урбонимов (*Пречистенка – Prečistenka, Неглинный – Ņeginnaja, Сокольники – Sokoļniki, Мясницкая – Mjasnicka, Моховая – Mohovaja*и др.) оформляются в соответствии с грамматическими нормами латышского языка, т.е. получают соответствующую падежно-предложную форму: *Знакомые псы* ***с Пречистенки****, впрочем, рассказывали, будто бы* ***на Неглинном*** *в ресторане «Бар» жрут дежурное блюдо* (119) / *Pazīstami suņi* ***no Prečistenkas*** *man ir stāstījuši it kā* ***Ņegļinnajā*** *restorānā „Bārs" sukājot iekšā dežūrēdienu* (7); *Летом можно смотаться* ***в Сокольники*** (119) /*Vasarā varētu aizšaut* ***uz Sokoļņikiem*** (8).

Разные принципы избирают переводчики и для передачи названий различных советских учреждений. Особенно очевидна разность подходов в случае сложносокращённых слов. Надо сказать, что для латышского языка, в отличие от русского, совершенно нехарактерно образование новых слов путем сложения основ или части слова (слога) и слова [LVG 2013: 203], что относится не только к названиям учреждений, но и должностей и профессий (например, *завмаг* 'заведующий магазином', *главбух* 'главный бухгалтер', *медсестра* 'медицинская сестра' и т.д.), и других номинаций, однако именно такие сложносокращенные образования активно создавались в советскую эпоху и являются приметой языка эпохи. Во времена, когда Латвия входила в состав СССР и существовало единое культурное пространство, латышский язык (под влиянием непосредственных контактов с русским) допускал подобные сложносокращённые слова. Вероятно, поэтому О. Вациетис, выполнивший перевод романа «Мастер и Маргарита» в советское время (умер в 1983 г.), русские аббревиатуры, образованные путём сложения не только звуков и букв, но и частей слов, калькировал. Если аббревиатура в тексте оригинале «расшифровывается», она становится понятной латышскому читателю, как, например, *Массолит /MASLITASS*; ср.: *председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой* ***Массолит*** (7) / *priekšsēdētājs vienā no lielākajāmMaskavas literātu asociacijām, saīsināti –* ***MASLITASS*** (7). Сложносокращённое слово *Массолит* образовано сложением начального звука ***м-***первого слова (*московская*) и слогов двух следующих слов: ***-ассо-*** (два слога слова *ассоциация*), ***-лит*** (первый слог слова *литераторов)*; латышский эквивалент *MASLITASS* образован сложением слога (***Mas****kavas*), части слова (***lit****erātu*) и слога (***as****ociacija*). Однако далеко не всегда в тексте раскрывается содержание сложносокращённого слова, и в таком случае оно может быть непонятно современному читателю – носителю латышского языка, хотя в исходном культурном пространстве оно общеизвестно, например: *умрёт он*[буфетчик Соков]<...>*в клинике* ***Первого МГУ****, в четвёртой палате* (203) / *viņš mirs*<...> ***Pirmās MVU*** *klīnikas ceturtajā palātā* (227). *Первый МГУ* встречается в тексте дважды (203, 380) и без пояснений, что речь идет о Первом Московском государственном медицинском университете (так как это очень известный вуз в СССР и значение аббревиатуры понятно русскому читателю), тогда как значение латышского эквивалента *Pirmais MVU* (227, 428) без комментария едва ли распознается (MVU 'Maskavas Valsts Universitāte' – «расшифрованная» аббревиатура не отражает реалию).

Знаковая аббревиатура советского времени *Торгсин* 'торговая сеть для иностранцев' в переводе вообще опускается: *у зеркальных дверей* ***Торгсина*** *на* ***Смоленском рынке*** *появился длинный гражданин в клетчатом костюме* (336) / *pie* ***ārzemņiekiem iekārtotā veikala*** *spoguļainajām durvīm* ***Smoļenskas tirgū*** *parādījās gara auguma pilsonis*

rūtainā uzvalkā (379). Перевод слова *Торгсин* заменяется описательным оборотом (и это правильное решение), характеризующим магазин данной торговой сети, – *ārzemņiekiem iekārtots veikals* букв.‘учреждённый для иностранцев магазин’.

Повесть «Собачье сердце» переводилась уже в новое для Латвии время, когда укреплялись нормы латышского языка, возможно, поэтому переводчица М. Кудапа сложносокращённые названия советских учреждений – имена собственные – последовательно транслитерирует, заключая их в кавычки;в оригинале, как правило, нет кавычек и не раскрывается значение сложносокращённого слова, служащего знаком культурно-исторической реалии, например: *Моссельпром* (124) (‘московская сельскохозяйственная промышленность’) – *„Mosseļprom”* (13);*кооператив центрхоза* (122) (‘центральное хозяйство’) – *„Centrhoz” kooperatīvs* (11) *«Главрыба»* (126) (‘главная рыба’) –*„Glavriba”* (17). Транслитерация не снимает проблему понимания значения данных сложносокращённых слов латышским читателем без необходимых разъяснений. В некоторых случаях переводчик, отступая от текста оригинала, вводит комментарий, например: *«А»* [букву] *он* [пёс] *выучил в* ***«Главрыбе»*** *на углу Моховой* (126) / *„A” viņš iemācījās* ***no zivju tirgotavas nosaukuma „Glavriba”****uz Mohovajas stūra* (17), где *no zivju tirgotavas nosaukuma* означает букв.‘из названия места торговли рыбой’.

Однако оба переводчика, вероятно, имея в виду «сопротивление» латышского языка, имена нарицательные – сложносокращённые названия учреждений, а также должностей – передают словосочетаниями, которые нередко оказываются составными терминами: каждая часть сложносокращённого слова «восстанавливается» и переводится. Такое решение обеспечивает адекватность понимания контекстов; ср. примеры из повести: *председатель* ***домкома*** (139) / ***nama komitejas*** *priekšsēdētājs* (34), где *домком*‘домовой комитет’/*nama komitejas*;*заведующий* ***культотделом*** *дома* (139) / *nama* ***kultūras nodaļas*** *vadītājs* (35), где *культотдел* ‘отдел культуры’/ *kultūras nodaļa*.Ср. соответствующие контексты из романа: *наш председатель* ***жилтоварищества*** (99) / *mūsu <...>****mājasdzīvokļu komitejas*** *priekšsēdētājs* (109), где *жилтоварищество* ‘жилищное товарищество’ */mājasdzīvokļu komiteja; Варенуха прятался сейчас в кабинете у* ***финдиректора*** (102) / ***Finansu direktora****kabinetā Varenuha patlaban slēpās* (112), где *финдиректор*‘финансовый директор’/ *finansu direktors*.

В научной литературе прослеживается устойчивый интерес к антропонимам – именам персонажей последнего романа М. Булгакова – Воланд, Понырев, Бегемот, Фагот, Берлиоз и др., с историко-культурной и лингвистической точек зрения [Яновская 1983, Сапрыгина 1995, Соколов 1996 и др.]. Антропонимы – имена, отчества и фамилии – в романе и повести транслитерируются, что особенно значимо в отношении отчеств, так как в латышской культурной традиция отчества отсутствуют, как и во всех неславянских культурах. Финаль имени оформляется в соответствии с нормами латышского языка: к мужским именам, оканчивающимся на согласный, прибавляется аффикс *-s*, например: *Иван Николаевич Понырев – Ivan****s*** *Nikolajevič****s*** *Ponirev****s***, *Михаил Александрович Берлиоз – Mihail****s*** *Aleksandrovič****s*** *Berlioz****s,*** *Ivan****s*** *Arnoļdovič****s*** *Bormental****s***и т.д. Имена и отчества в функции обращения (латышская звательная форма) финального аффикса-*s* не имеют: *Ivan Nikolajevič*, *Filip Filipovič* и т.д. В случае, если фамилия оканчивается на *-ий* (*Римский*), в латышском языке она оформляется с помощью финального аффикса *-is: Римский* (финдиректор Варьете)– *Rimsk****is***,*профессор Стравинский* (главный врач психиатрической клиники, куда попал Бездомный) – *profesorsStravinsk****is***, *профессор Преображенский* («превративший» пса Шарика в человека) – *profesors Preobražensk****is***. Уменьшительные формы имени также транслитерируются, например, имя хорошо известного персонажа романа – *Аннушка* (разлившая подсолнечное масло) – *Annuška*, однако без специального комментария латышскому читателю, не изучающему русский язык, вряд ли понятна

уменьшительно-ласкательная семантика этой формы имени, которая, впрочем, вступает в противоречие с негативной функцией данного персонажа в романе, что усложняет экспрессивную окраску контекстов, где появляется этот персонаж и упоминается это имя. В латышском языке тоже есть уменьшительные формы имени собственного, в частности, имени *Анна / Anna* соответствует уменьшительное *Anniņa* (продуктивный суффикс со значением уменьшительности и ласкательности *-iņ-*), поэтому целесообразней было бы привести в переводе латышский эквивалент.

В целом, при передаче антропонимов в переводе романа не выдерживается единый принцип, так как помимо транслитерации применяется калькирование и, на наш взгляд, не всегда удачно. Так, калькируется псевдоним *Бездомный,* под которым «творит» пролетарский поэт Иван Николаевич Понырев, – *Bezpajumtnieks*. Номинация *Бездомный* нагружена значимыми в контексте целого смыслами. Она связана с первым этапом жизни Ивана и отражает основные особенности его языковой картины мира. На первой странице романа героя представляет автор: *поэт Иван Николаевич Понырёв, пишущий под псевдонимом* ***Бездомный*** (7) / *dzejnieks Ivans Nikolajevičs Ponirevs, pazīstams ar pseidonīmu* ***Bezpajumtnieks*** (7). Так его воспринимают другие персонажи – завсегдатаи Грибоедова: *Тут все увидели, что это <...> Иван Николаевич* ***Бездомный — известнейший поэт*** (63). И главное, так себя представляет сам герой. На вопрос Мастера: – *А как ваша* ***фамилия****?* – поэт отвечает: ***Бездомный*** (130). Фамилия связывает человека с его родом, верой предков, говорит о его духовных корнях. Акт замены фамилии на псевдоним несёт в себе добровольный отказ от рода, потерю исторической памяти, даже если в силу невежества ума это не осознаётся носителем псевдонима, как в случае с Иваном. Губительность отречения подчёркивается прозрачной внутренней формой псевдонима: в словообразовательной структуре слова приставка *без-* реализует значение ‘отсутствие’, семантика корня – *дом* – указывает на то, что отсутствует, утрачено, отрицается. Тема *Дома* составляет глубочайшую литературно-мифологическую традицию, и в контексте этой традиции М. Булгаков, «используя пространственный язык для выражения непространственных понятий, <...> делает Дом средоточием духовности, находящей выражение в богатстве внутренней культуры, творчестве и любви» [Лотман 1992:461]. Н.В. Сапрыгина, анализируя внутреннюю форму имени *Бездомный* ‘не имеющий дома’, подчёркивает в семантике псевдонима не только отказ от фамильного имени, но и утрату связи с прошлым, приводя ассоциацию «с поговоркой об Иванах, не помнящих родства»: в основе ассоциации смысловая близость слов *безродный* и *бездомный* [Сапрыгина 1995: 189-190]. Обрыв связи с прошлым, с Домом означает и отказ от культурной традиции, от духовного наследия. Итак, внутренняя форма имени *Бездомный* содержит важную концептуальную информацию, которая отражает состояние убогого внутреннего мира Ивана-поэта, а также сущность его мировоззрения – новую идеологию пролетарского государства, основанную на разрыве всех связей с прошлым – культурных, общественных, нравственных, религиозных, человеческих.

При калькировании псевдонима изменяется внутренняя форма имени, утрачивается пространственная метафора *Дом*и концептуальные смыслы, традиционно с ней связанные и столь значимые в авторском замысле. Латышский эквивалент *Bezpajumtnieks,* имея сходную с именем *Бездомный* словообразовательную структуру, содержит иной образ, иную внутреннюю форму, хотя и с близкой семантикой: суффикс *-niek-* указывает на физическое лицо, приставка *bez* реализует значение ‘отсутствие’, семантика корня *-pajumt(e)*‘кров, приют, навес’ – указывает на то, что отсутствует – кров: *кров* – 1. крыша (устар.); 2. прикрытие, защита, покров; 3. дом, жилище, приют (поэт. и ритор.) [ТСУ 1: 1519]. Словарные значения показывают, что поверхностная семантика при калькировании передается, но утрачиваются глубинные смыслы, связанные именно со звуко-буквенным комплексом *Дом*.

Отдельную проблему представляют некоторые обращения – не имена собственные, а родовые понятия, отражающие национальную специфику. В латышском языке есть эквиваленты к русским словам *товарищ* (*товарищи*) – *biedrs* (*biedri*), *господин*(*господа) – kungs (kungi)*; ср.соответствующие контексты из «закатного» романа: ***Товарищ*** *Бездомный, помилуйте* (64) / ***Biedri*** *Bezpajumtniek, apžēlojieties* (69); контексты из повести «Собачье сердце»:(Обращение к представителям пролетарского домового комитета) *Вы,* ***господа****, напрасно ходите без калош в такую погоду* (135) / *Jūs,* ***kungi****, velti staigājat bez galošām tādā laikā* (29). Рус. *товарищ* / латыш. *biedrs* (звательная форма в функции обращения *biedri*) – основная форма обращения в советское время, рус. *господин* / латыш. *kungs* – дореволюционная устаревшая форма обращения. Выбор обращения в пользу *господин /господа* в речи профессора Преображенского характеризует его принадлежность к побеждённым пролетариатом сословиям, так же как и безэквивалентные, отражающие русскую национальную специфику и неоднократно встречающиеся в его речи обращение *сударыня* по отношению к лицам женского пола и *милостивый государь* по отношению к лицам мужского пола: ***Сударыня****! Сколько вам лет?* (133) / ***Kundze****! Cik jums gadu?* (26); *Вас,* ***милостивый государь****, попрошу снять ваш головной убор* (135) / *Jūs,* ***godātais kungs*** *palūkšu noņemt galvassegu* (30). Обращение *сударыня* передается словом *kundze* ‘госпожа’,обращение *милостивый государь* словосочетанием *godātais kungs* ‘уважаемый господин’; *сударыня* «употребляется как вежливое, учтивое, иногда ироничное обращение», имеет словарную помету *устар*. [ТСУ 4: 581]; *милостивый государь* является «формулой вежливого обращения» и имеет помету *дореволюц*. [ТСУ 1: 609], оба обращения характеризуют речевой этикет и высокую речевую культуру дореволюционной интеллигенции, к которой и принадлежал профессор Преображенский, т.е. выполняют характерологическую функцию в отношении этого персонажа.

Обобщая проведенный анализ, хотелось бы подчеркнуть особую эстетическую значимость в произведениях М. Булгакова рассмотренных реалий – имен собственных, а именно топонимов, антропонимов и примыкающих к ним обращений, а также сложносокращённых названий советских учреждений и должностей. С эквивалентной передачей семантики и прагматики этих лексических единиц связано сохранение в тексте перевода культурно-исторического контекста и соотносимой с ним концептуальной и эстетической информации оригинала.Знание и понимание культурно-исторического контекста должно входить в профессиональную компетенцию переводчика и определять выбор способа передачи реалий (калькирование, транслитерация, перевод описательным оборотом и т.д.), так как реалии в значительной мере формируют этот контекст.

Сокращения

букв. – буквально
ед.ч. – единственное число
латыш. – латыш.
мн.ч. – множественное число
рус. – русский
ср. – сравни
сущ. – существительное

Источники

1. *Булгаков М.А*. Мастер и Маргарита. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1990.
2. *Булгаков М.А*. Собачье сердце. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 2. Москва: Художественная литература, 1990.
3. *Bulgakovs M*. Meistars un Margarita. Rīga: «Jumava», 2000.
4. *Bulgakovs M*. Suņa sirds. Liktenīgās olas. Rīga: Ad verbum, 2015.

Литература

1. *Влахов С.И., Флорин С.П*. Непереводимое в переводе. 4-е. изд. Москва: «Р. Валент», 2009. 361 с.

2. *Лотман Ю.М.* Заметки о художественном пространстве // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х томах. Т. I. Таллинн: Александра, 1992. С.448-463.
3. *Сапрыгина Н.В.* Авторская семантизация в художественном тексте. Одесса: [б.и.] 1995. 232 с.
4. *Соколов Б.В.* Булгаковская энциклопедия. Москва: Локид, Миф, 1996.
5. ТСУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. *Д.Н. Ушакова*. В 4-х т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1935-1940.
6. *Яновская Л.М.* Творческий путь Михаила Булгакова. Москва: Советский писатель, 1983. 320 с.
7. LVG – Latviešu valodas gramatika. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2013, 1024 lpp.

КАРАБАХ-АРЦАХ В РУССКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Л.Р. ФАРАМАЗЯН
Ереванский государственный университет, Армения
faramazyan.larisa@ysu.am

Ключевые слова: *Арцах-Карабах, публицистика, особенности и значение Карабаха.*
В данной статье рассматриваются три публицистических текста, объединенных общей темой: статья Сергея Городецкого «Карабах»(1919), очерк Мариэтты Шагинян «Нагорный Карабах» (1927) и книга Кима Бакши «Духовные сокровища Арцаха»(2012).

LARISA FARAMAZYAN – Karabakh-Artsakh in Russian publicistic texts
Key words: *Artsakh-Karabakh, publicism, features and importance of Karabakh.*
This article discusses three publicistic texts, united by a common theme: the article by Sergey Gorodetsky «Karabakh» (1919), the essay by Marietta Shahinyan «NagornoKarabakh» (1927) and the book by Kim Bakshi «Artsakh's spiritual treasures» (2012).

Предлагаемая статья не претендует на полный охват заявленной темы. Нами будут рассмотрены лишь три произведения, но очень ярких и принадлежащих перу талантливых писателей.

Хронологически первой является очерк Сергея Городецкого «Карабах», опубликованный в тифлисской газете «Кавказское слово» за 23 марта 1919 г. Сергей Городецкий, известный русский поэт, переводчик, один из зачинателей акмеизма, был большим другом армянского народа. Он не только создал произведения на армянскую тему, перевел армянских авторов, пропагандировал армянское искусство, но также оказал действенную и неоценимую помощь в спасении армян, жертв геноцида в Западной Армении.

Очерк Городецкого – небольшая по объему статья, предназначенная для публикации в газете, но по глубине мыслей и точности сделанных выводов может претендовать на роль энциклопедической. Русский писатель так определяет роль Карабаха для Армении: «У каждой страны, у каждой нации есть свои заветные твердыни. Когда история народа складывается счастливо, он становится центром культурной и политической жизни. Когда судьба преследует нацию, она бывает оплотом национальной жизни, островом надежд, залогом возрождения. Именно последнюю роль играла и играет для армянского народа горная область Карабах…» Сергей Городецкий считает, что этот край был и останется «цитаделью Армении», «ибо сердце Армении, долину Арарата, нельзя защищать, не владея Карабахом».

Русский писатель уверен, что, уйдя в горы, народ Карабаха не только обеспечил себе относительную безопасность, но и сохранил национальные устои, т.к. «предохранил себя от заражений, постигающих жителей долин». Городецкий пишет, что история и природа создали яркий тип карабахца, характерными чертами которого являются: бесстрашие, склонность к риску, упрямство, настойчивость, уверенность в себе, патриархальность в семейном быту. Далее он перечисляет имена знаменитых карабахцев, добившихся больших успехов в общественной деятельности, на военном поприще, в литературе и искусстве.

Карабах, по мысли Городецкого, «не теряет своего значения, как неприкосновенного и проверенного веками фонда культуры», и выступает в роли «дрожжей своей национальной культуры».

Мариэтта Сергеевна Шагинян, написавшая более 70 книг романов, повестей, рассказов, мемуаров и стихов, обращалась и к жанру очерка. Будучи профессиональной писательницей, она на протяжении всей своей жизни сотрудничала с ведущими периодическими изданиями Советского Союза. В 1922 году Мариэтта Шагинян получает один из первых мандатов от редакции газеты «Правда», которая командирует писательницу в длительную поездку с заданием проинформировать читателей о жизни, нуждах и достижениях трех закавказских республик.

Очерк «Нагорный Карабах» впервые был опубликован в шестом номере журнала «Звезда» за 1926 год, а отдельной книжкой был издан в Москве и Ленинграде в 1927 году.Композиционно очерк состоит из шести глав. «Нагорный Карабах» – это совмещение проблемного и путевого очерка, где акценты смещены в сторону публицистического освещения проблем. В первой главе («Страна, которую не открыли») Мариэтта Шагинян описывает свое первое впечатление от этого живописного края: «Вы попадаете в страну, чье очарование напоминает сон или сказку, рассказанную в детстве. Пройдут годы, и весь этот край сделается, подобно Крыму, «всесоюзной здравницей», туристы понаедут сюда из отдаленных концов мира, кодаки защелкают, как пулеметы, их мирная стрельба вытеснит память о пулях и лужах крови…» [Шагинян 1927 : 3]. Мариэтта Шагинян, отличавшаяся своими энциклопедическими знаниями и способностью с лету схватывать суть вещей и явлений, верно усмотрела возможность превращения Нагорного Карабаха во «всесоюзную здравницу». Но, как потом сокрушался автор «Карабахской поэмы» Леонид Гурунц, лишь мусульманскому Шуши была уготована эта роль. Далее очеркист констатирует неоспоримый факт, основанный на статистике (ведь для публицистического очерка характерно привлечение статистических данных, других фактографических материалов): «Нагорный Карабах-страна армянская, с преобладающим армянским населением, крайне характерным для понимания недалекого от нее и схожего Зангезура» [Шагинян 1927 : 3]. В очерке Шагинян почти не дает портретных зарисовок, но, обобщая, заявляет, что в Карабахе «живет и работает какая-то «улучшенная» порода людей» [Шагинян 1927 : 4].

Мариэтта Шагинян замечает, что горы, леса и быстрые реки Карабаха, словно сохраняя отголоски языческого прошлого, населены «духами» и овеяны легендами и преданиями.В общую ткань повествования вкраплены экскурсы в историческое прошлое края. Так, Шагинян, описывая живописные развалины крепостей, замечает, что Нагорный Карабах, будучи феодальной областью и дворянским кусочком Армении, сохранил эти княжеские роды, меликства, которые поставляли для государственной службы в царской России полковников и генералов.А о недалеком прошлом, зверском истреблении коренного армянского населения города Шуши, рассказывает потрясенная Мариэтта Шагинян в шестой главе своей книги «Призрак Шуши». Подчеркнув, что Шуши до его разрушения был одним из красивейших городов («Шуша вставала перед путниками, словно сплошной дворец» [Шагинян 1927:36]), очеркист с горечью замечает, что если для расцвета города понадобились десятилетия, то для его гибели хватило и трех дней.

Шагинян была ошеломлена встречей с этим некогда прекрасным городом: «Подъем, в полной тишине и одиночестве, длился около часу, когда внезапно, вступив в прогалину, я увидела остов Шуши. Два холма стояли передо мною, уставленные скелетами домов» [Шагинян 1927 : 38]. Автор, описав ужасы, сопровождавшие ее во время пребывания вШуши (ощущение давящей тишины, переходящей, словно в сюрреалистическом фильме, в бормотание погибших, шушуканье и движение надгробных камней), сравнивает трагедию Шуши с трагедией Помпей и Геркуланума. Правда, она добавляет, что если эти древнеримские города были разрушены слепой природной стихией, то виновником трагедии Шуши явилась «слепая стихия зверя, разбуженная в человеческой массе при помощи человеческого слова» [Шагинян

1927:36]. Те же чувства обуревали Осипа Мандельштама, посетившего Шуши через пару лет после Мариэтты Шагинян, в 1930 году, и написавшего страшное по силе воздействия на читателя стихотворение «Фаэтонщик», в котором есть, в частности, такие строки:

Так в Нагорном Карабахе,
В хищном городе Шуше,
Я изведал эти страхи,
Соприродные душе [Мандельштам 1989 : 26].

Вторая глава – «Главные промыслы» – посвящена экономической слагаемой жизни Карабаха. Зоркий глаз аналитика, незаурядная наблюдательность автора дали возможность оценить имеющиеся промыслы изучаемого края и предвидеть дальнейшие пути их развития. Начинает она свой анализ с неприхотливого тутового дерева, которому дает афористическое определение: «Тутовое дерево – это своего рода коза растительного царства» [Шагинян 1927 : 10]. Далее очеркист перечисляет, какие промыслы связаны с этим деревом.Говоря о ковровом промысле карабахцев, отмечает: «Карабахские ковры бросают вызов кричащей жизнерадостностью красок, наивным лубком, первобытной прелестью детских,почти футуристических концепций: это ковры-варвары, ковры-гротески» [Шагинян 1927 : 14]. Шагинян выражает уверенность в том, что они могут покорить утомленную Европу.

Проблемам главного богатства Карабахапосвящена третья глава- «Лесное богатство», снабженное эпиграфом- тирольской песенкой про лесничего. Автор очерка, говоря о важности леса («лес-это жизнь страны, ее легкие» [Шагинян 1927 : 16],с уверенностью констатирует, что карабахские лиственные леса по своей красоте и промышленному значению вовсе не уступают воспетым в стихах и прозе европейским лесам.

Эпиграфом к четвертой главе послужили поэтические строки Лермонтова, содержащие призыв к молодцу – не жениться, а купить коня. Эта глава, «Золотая масть», повествует о «жемчужине Карабаха» – золотистой лошади. Кстати, в главе самыми частотными являются слова с корнем **золот**. Отметив, что коневодство было любимым делом карабахцев, Шагинян напоминает, что слово «Карабах» в России ассоциировалось не с географическим названием, а с породистым скакуном необыкновенной красоты.Говоря о замечательной масти карабахского коня, Мариэтта Шагинян выделяет основные особенности этой породы: «Если вы ее выкупаете, она засияет, как золотое кольцо, брошенное в воду. Золотом отливает не шерсть, а цвет ее кожи, и потому она кажется не поверхностью, а изнутри окрашенной блеском, она светится золотом, наливается им; и благодаря изумительной тонкости этой кожи, обтягивающей ее мускулы, как лайковая перчатка, карабахская лошадь брыжжет золотом, бегает в золоте, словно в чешуе» [Шагинян 1927 : 27]. Далее она сокрушается, что в итоге войны и революции эта масть исчезла, но добавляет, что делается все, чтобы восстановить ее.

Очерк «Нагорный Карабах», написанный Мариэттой Шагинян девяносто лет назад, продолжает волновать читателя, прежде всего тем, что написан сочным красочным языком большого мастера слова, а также умением одушевлять факты, манерой постановки и решения проблем.

Замечательный друг армянского народа, прекрасный знаток древних армянских рукописей, автор не только книг, но и сценариев научно-популярных фильмов (в том числе двадцатисерийного телевизионного фильма «Матенадаран»), Ким Бакши свою седьмую «армянскую» книгу посвятил Арцаху. Трудно определить жанр книги Кима Бакши «Духовные сокровища Арцаха». Тут и путевые записки с описаниями живописной местности, храмов, различных культурно-исторических памятников, и научные изыскания в результате долгих поисков и открытий, и философские размышле-

ния и обобщения. Сам Ким Бакши, говоря о замысле книги «Духовные сокровища Арцаха», отмечает, что все началось с сопереживания революционным событиям в Армении 1988 года, когда он, преодолевая ежедневно девяносто восемь ступеней, ведущих в Матенадаран, работал над очередными сериями фильма.Определяя тему своего произведения, Ким Бакши, почти полвека отдавший изучению армянских рукописей, заявил: «Арцах, Карабах на протяжении столетий был в истории армянской культуры ее Матенадараном, то есть хранилищем и сохранил для народа Армении самое ценное – святую книгу, манускрипт…

Итак, моя книга – о земле-хранительнице народного Духа – об Арцахе» [Бакши 2012 : 30].

Еще в 1988 году Ким Бакши узнал в Матенадаране, что арцахскиемелики во время военных походов вызволяли из плена не только людей, но и древние армянские рукописи, чтобы спасти их от варваров, «вылечить» пострадавшиеманускипты и сохранить в безопасных монастырях Арцахадля будущих поколений, как это было сделано с такими всемирно известными манускриптами, как Ахпатское Евангелие, Таргманчац, Евангелие Католикоса ВазгенаI и Евангелие Вехамайр, на котором присягают вступающие во власть президенты Армении. И в период сбора материала для книги «Духовные сокровища Арцаха» Ким Бакши совершает своего рода паломничество как к известным, так и к малоизвестным арцахским монастырям и храмам. Заметим в скобках, что замечательный арменист, будучи уже в преклонном возрасте, к тому же больным, стоически перенес все испытания, все невзгоды, встающие перед тем, кто желает исследовать недоступные, затерянные высоко в горах церкви и монастыри. И блестяще выполнил свою миссию, миссию пропагандиста армянской культуры.

Книга написана очень живо, увлекательно и захватывающе. Настоящее перекликается с прошлым, в частности, автор приводит цитаты из старинных армянских манускриптов, а также выдержки из своего личного дневника 1988 года. В книге много мудрых мыслей об армянской многовековой культуре. Одна из них о том, что в Армении расцвет искусства не обязательно выпадал на мирные периоды ее истории, а наоборот: золотым веком армянской архитектуры считается VII век, период арабских завоеваний, а серебряным – XIII век. Хотя XIII век прошел под игом турок-сельджуков и монголов, в Армении было построено много храмов, в их числе и Гандзасар. Тут невольно вспоминаются строки из стихотворения Бориса Чичибабина «Второй псалом Армении»:

Ты храмы рубила в горах без дорог
И, радуясь вышним дарам,
Соседям лихим не в укор, а в урок
Воздвигла Матенадаран [Чичибабин2002:307].

Заслуживает интереса и другое наблюдение Кима Бакши: в Арцахе разнообразнее названия церквей. Известный арменист отмечает, что тут и церковь святого Григора Нарекаци, и Кармир Екехеци, и Спитак Хач, и Кармир Аветаран, и даже Бари Бжишк. Автор книги, естественно, описал храмы Арцаха . Целая глава посвящена кафедральному собору Гандзасар, истории его сооружения, его роли в духовной жизни Арцаха. Ким Бакши привел авторитетное мнение прекрасного знатока-археолога Анатолия Якобсона о том, что Гандзасар, являясь прекрасным архитектурным творением, воплощает в себе лучшие достижения армянских зодчих XIII века и может быть назван энциклопедией армянского зодчества этого века. Писатель не преминул заметить, что ныне этот храм признан жемчужиной мирового зодчества. Ким Бакши знакомит своего читателя с церковным преданием, согласно которому в основании Гандзасара положена одна из самых почитаемых христианских реликвий – голова Иоанна Крестителя, отрубленная царем Иродом.

Много познавательного читатель узнает и о Дадиванке, связанном с именем Дади, ученика Фаддея, апостола Христа. Проповедник христианства в Армении, Дади, согласно преданию, был на этом месте казнен, а по другой легенде – похоронен. Ученики и последователи Дади воздвигли в его честь стелу. Спутник Кима Бакши в поездке в Дадиванк, «глубокий и оригинальный армянский философ» [Бакши 2012 : 126] Алекс Канонян, определив по архаической форме этого камня его дату (I век), сделал следующее заключение: «…можно с большой степенью вероятности считать его первым христианским памятником на армянской земле, предшествующим эпохе Григория Просветителя и крещения Армении в 301 году» [Бакши 2012:146]. Позже в течениенескольких столетий вокруг этой стелы был возведен монастырский комплекс. Тут, в соборе комплекса Дадиванк, многоуникальных фресок, одна из которых с изображением Николая Чудотворца. Прекрасный знаток иконографии Лидия Дурново первая обратила внимание на это, а гораздо позже специалист по армянским архитектурным памятникам Самвел Карапетян обнаружил надпись «СурбНикогайос» («Святой Николай»). Поскольку этот святой не почитается у армян, возникает вопрос, почему в Дадиванке посвящена ему фреска, ответ на который находим в книге Бакши. Дело в том, что Иванэ и Закарэ, правившие в Армении, желали сближения с Грузией, особенно сближения двух церквей. И культ Святого Николая нужно воспринимать как дружественный жест армянской церкви по отношению к церкви грузинской. В книге Кима Бакши читатель находит ответ и на другие вопросы, в частности, почему в храмах Арцаха, в отличие от храмов других областей Армении, много фресок. Ответ прост: так как в Арцахе мало вулканических пород, типа туфа, то строительным материалом храмов служили трудно поддающиеся оттесыванию твердые камни, требующие штукатурки. И фрески, следовательно, скрашивали стены арцахских храмов. Продолжая рассказ про Дадиванк, Ким Бакши пишет: «Мы стоим перед двухэтажной колокольней, на высоте ее стоят два изумительных хачкара, о которых кто-то сказал, что не хочет утверждать, что они самые лучшие, но лучших он не знает» [Бакши 2012:149].

В «Духовных сокровищах Арцаха» Ким Бакши можно найти не только «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», но и рассказы о настоящем Арцаха, в частности, о развитии народного хозяйства НКР. Героями книги являются не только знаменитые полководцы, мелики и священнослужители прошлого, но и арцахцы- современники писателя: меценат Левон Айрапетян, писатель Зорий Балаян, академик Самвел Григорян и другие. Читатель книги может почерпнуть много интересных сведений об армянских рукописях, о том, как и кем они были созданы, иллюстрированы и украшены. «Да и что такое, в сущности, книги, древние манускрипты?.. В чем их заветный смысл? Это же великий ковчег памяти! Вот почему эти мудрые рукописи так нужны нам сегодня» [Бакши 2012:187]. Ким Бакши также подчеркнул неоценимую роль Евангелия в судьбе армян. Ведь именно благодаря ему армянский народ, веками лишенный государственности, сумел сберечь религию, родной язык и, следовательно, себя как нацию. «Евангелия разговаривали по-армянски, не давали забыть родную речь, когда все вокруг звучало на персидском, на турецком…» [Бакши 2012 : 197] В книге Кима Бакши говорится, что миниатюристы Арцаха иначе, по-своему изображали «Тайную вечерю», расположив Христа и апостолов вокруг не прямоугольного, а круглого стола, создавая тем самым впечатление, что зритель видит эту сцены с высоты, сверху. Благодаря книге «Духовные сокровища Арцаха» была разгадана еще одна загадка, связанная с историей Киликийского армянского государства. Российский арменист говорит, что неизвестно было, где корни правящей в Киликии династии Гетумидов. У армянского историка 12-го века Самуэла Анеци было записано, что семейство князей Ошинов было переселено с Востока, а их владения – Майреацджурк, «напротив Гандзака.» У Кима Бакши было предположе-

ние, что это место находится в Азербайджане, но, как сказал Александр Блок, «нас всех подстерегает случай». Этим счастливым случаем для исследователя «белых пятен» армянской истории стала поездка по Кашатахскому району НКР.Кима Бакши привели на фамильное кладбище династии Гетумидов, которое находится у Майреджурского монастыря. И теперь как в восприятии писателя, так и его читателей вся великая культура Киликийского армянского царства, достигшая в XIII веке высочайшего уровня в тогдашнем цивилизованном мире, начала ассоциироваться также и с Арцахом.

Хотя Ким Бакши завершает свою книгу словами: «Что сказать в заключение? Ничего не сказать! Как писали древние гричи, завершая историческое повествование, или говорили комментаторы священных книг: – Для понимающего и этого довольно!» [Бакши 2012:311], тем не менее посчитал, видимо, целесообразным добавить «Несколько слов о новой книге», являющихся эпилогом, квинтэссенцией его произведения. И основной вывод этого произведения, этого труда Кима Бакши – ввести в научный оборот значение роли Арцаха, сохранившего относительную на зависимость на протяжении долгих веков, роли Матенадарана, хранилища ценных армянских манускриптов.

Литература

1. *Бакши К.Н.* Духовные сокровища Арцаха. Москва, «Книжный мир», 2012. 320с.
2. *Городецкий С.М.* Карабах. http://nashasreda.ru/sergej-gorodeckij-karabax/.
3. *Мандельштам О.Э.* Стихотворения, проза, записные книжки. – Ереван, «Хорурдаин грох», 1989. 384 с.
4. *Борис Чичибабин* В стихах и прозе. Харьков, «Фолио», 2002.
5. *Шагинян М.С.* Нагорный Карабах. (Путевые очерки). М.-Л., Государственное издательство, 1927.

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА ОБУЧЕНИЯ В АРМЯНСКОЙ ВУЗОВСКОЙ АУДИТОРИИ

М.Ц. АЙВАЗЯН, А.Р. БАГДАСАРЯН, М.Р. ДПИРЯН
Ереванский государственный университет, Армения
marina.ajvazyan@ysu.am, alla.bagdasaryan@ysu.am, margarita.dpiryan@ysu.am

Ключевые слова: *учебный текст, единица обучения, языковая компетенция, коммуникативно-прагматическая компетенция, диалог культур.*

В данной статье рассматривается учебный текст в качестве основной единицы обучения. Учебный текст понимается авторами как единство самого текста, заданий к нему и иллюстративного материала (грамматические таблицы, схемы, рисунки). Учебный текст способствует формированию у обучающегося языковой, предметной и коммуникативно-прагматической компетенций.

MARINA AYVAZYAN, ALLA BAGHDASARYAN, MARGARITA DPIRYAN - Educational text as unit of teaching for Armenian student auditorium.

Key words: *educational text, unit of teaching, lingual competence,communicative-pragmatic competence, culture dialogue.*

In this article we will observe educational text as a basic unit of teaching. Educational text is considered by authors as unity of text itself, related exercises and illustrative materials (grammatical 592tables, schemes, pictures). Educational text helps to foster student's lingual, subject and communicative-pragmatic competences.

В 2018 г. в издательстве ЕГУ вышел в свет учебник «Русский язык» под общей редакцией Лалаян С.А.(авторы Лалаян С.А., Айвазян М.Ц., Багдасарян А.Р., Дпирян М.Р., Мкртычян-Лалаян С.А.) Потребность в современном учебнике нового поколения была обусловлена следующими факторами:

- разный уровень владения русским языком у студентов одной языковой группы;
- необходимость учета индивидуальности, круга интересов, культурного уровня не усредненного студента, а как можно большего их числа;
- необходимость в большем объеме самостоятельной внеаудиторной работы при общей тенденции к сокращению аудиторных часов.

В основу концепции учебника положен принцип коммуникативной направленности обучения, который предполагает формирование у обучающегося языковой, предметной и коммуникативно-прагматической компетенций. Языковая компетенция основана на формировании у обучающегося умения строить грамматически правильное высказывание, предметная компетенция обеспечивает содержание высказывания, а прагматическая компетенция формирует коммуникативные навыки говорящего, способность использовать высказывания в определенных речевых ситуациях.

В целях развития коммуникативной компетенции студентов в каждом уроке учебника предложена определенная разговорная тема, разрабатываемая в учебных текстах, диалогах, а также в системе заданий. В десяти уроках представлены следующие разговорные темы: Как тебя зовут; В ритме повседневной жизни; Советы, просьбы, пожелания; Что мы покупаем, что мы носим, что мы едим; Мои увлечения; Праздники и традиции; Мы идем в поход, мы едем на экскурсию; Мы в пространстве и во времени; Наши способности, возможности, перспективы; Какие мы...Внешность и характер.

Основная тема каждого урока, заявленная в заголовке, определяет систему учебных текстов и грамматику данного урока. Например, разговорная тема Урока 2 – В ритме повседневной жизни – представлена следующими учебными текстами: «Обычный день студента Сергея», «Обычный день работника банка Андрея», «Один день Сергея», «Вот и наступил новый учебный год. Завтра я ...», «По вечерам я часто засиживался за компьютером...», «День императрицы», «Распорядок дня предпринимателя Руслана», «Распорядок дня художницы Оксаны», отрывок из интервью В. Евту-

шенкова, рассказ А.Азимова «Как весело им было…».Грамматическая тема урока – время и вид глагола.Целью заданий является отработка правильного употребления временных и видовых форм глаголов, а также умение изменять лицо и число глагола, определять по контексту нужный вид глагола, представлять временные и видовые трансформации текста. Задания и упражнения выполняются на основе не только предложений и мини-диалогов, но и связных текстов, что расширяет возможности развития коммуникативной компетенции.В основном блоке каждого урока есть притекстовые и послетекстовые задания, направленные на коммуникацию с правильным использованием полученных языковых компетенций, а также творческие задания и проекты.

Основной единицей данного учебника является учебный текст как формальная и содержательная единица передачи знаний.В настоящее время имеется большое количество работ, в которых текст рассматривается в качестве основного объекта лингвистики. Особенности учебного текста изучаются как с собственно лингвистической, так и с прагматической точек зрения. Возникает вопрос: что такое учебный текст, какие требования предъявляются к нему и какие задачи он решает?

Исследователи по-разному определяют понятие «учебный текст». По А.Э. Бабайловой, «учебный текст – это единица обучения текстовой деятельности, учебной текстовой коммуникации. Этотекст, организованный в дидактических целях в смыслосодержательном, языковом и композиционном отношениях в единую систему, часть совокупной информации учебника, предназначенной для управляемого становления текстовой деятельности, на основе которой дается система знаний по определенной дисциплине, прививаются умения и навыки людям определенной группы (возрастной, национальной и т.д.) на определенном этапе обучения» [Бабайлова 1987:130].

Учебный текст, согласно А.А.Сабининой, «выполняет информативную, когнитивную и креативную функции» [Сабинина 2009:223].

Учебный текст создается в соответствии с учебным процессом – от простого к сложному, от известного к новому, сопровождается вопросами для усвоения и закрепления полученных при чтении знаний. Следует различать специально составленные тексты, которые призваны решать задачи презентации нового грамматического материала, отработку грамматических форм, контроль за усвоением учебного материала, и учебные тексты, используемые в процессе обучения независимо от того, является ли он аутентичным, методически обработанным или специально составленным, художественным, научным или публицистическим.

Главное назначение учебного текста – обучать. Т.М. Дризде подчеркивает обучающую роль текстов: «Через текст обучаемый приобщается к знаниям, социальным ценностям и нормам, к разнообразным сведениям, накопленным людьми в ходе практической и теоретической деятельности, что важно ему для участия в социальной жизни, для совместной с другими людьми социальной деятельности; поэтому столь значимым является то, войдут ли полученные знания в картину мира, сформированную в сознании индивида, и какое место отвел человек каждому конкретному тексту в общей системе своих знаний и представлений об окружающем мире» [Дризде 1984:240].

Таким образом, если в традиционном понимании учебный текст – это зафиксированный в письменной или устной форме отрезок речи, представляющий собой некое смысловое единство, то в широком понимании учебным текстом может считаться вся доступная пониманию информация, представленная в учебнике.

Учебный текст понимается авторами учебника не только как текст и задания к тексту, но и иллюстративный материал: грамматические таблицы, схемы, рисунки. Учебный текст рассматривается как вторичный текст, который содержит объективную ценную информацию для всех студентов. Однако главное в учебном тексте то, что он, прежде всего, носит обучающий характер. Текст включает информацию, бла-

годаря которой учащийся достигает цели, стоящей перед учебным процессом. Каждый текст ограничен определенным «учебным» языком, т.е. языком, отобранным и определенным образом «очищенным» от второстепенных для целей обучения элементов.

Каждый урок открывается небольшими текстами, объединенными общей разговорной и грамматической темой. Так, Урок 7 – Мы идем в поход, мы едем на экскурсию– начинается с текста «С давних времен люди не только ходили пешком, но и ездили...», где употребляются разнонаправленные глаголы *ходить, ездить, плавать, летать*. Второй текст составлен от имени человека, наблюдающего из окна, кто куда спешит. В нем использованы однонаправленные глаголы *идти, ехать, бежать, лететь*. Тексты предъявляются через чтение и составлены так, чтобы без комментариев и грамматических упражнений были восприняты студентами. Если же студент встретит незнакомое слово, это не помешает ему понять общий смысл текста. Ознакомившись с текстом, студент должен рассказать, как можно передвигаться в городах, употребляя глаголы движения. Прочитав второй текст, он должен сказать, кто куда спешит и какие глаголы движения при этом следует употреблять. После данных двух текстов в рубрике ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ даются два глагола: *ИДТИ* пешком, *ЕХАТЬ* на транспорте, а также таблица глаголов движения однонаправленного и разнонаправленного действия с парадигмой спряжения и формами прошедшего времени (где это необходимо). Далее приводятся значения глаголов однонаправленного и разнонаправленного действия, проиллюстрированные рисунками. В Задании 2 студентам предлагаются мини-диалоги с пропущенными глаголами движения на различение однонаправленности – разнонаправленности. В Задании 3 отрабатывается оппозиция глаголов *идти – ехать*. Таким образом, два параллельных текста на сопоставление разных ситуаций, разных способов передвижения с рисунками, грамматическим материалом и коммуникативными заданиями формируют единство, которое можно определить термином «учебный текст».

Все тексты удобны для трансформации(замена лица, замена времени глагола, замена вида глагола). Понимание учебного текста обеспечивается уровнем знаний студентов и тем новым знанием, которое предусматривается текстом. Как правило, увеличение объема знаний происходит на всех уровнях: морфологическом, синтаксическом, лексическом.

Текст – это точка соединения двух направлений в изучении языка: изучение системы языка и овладение речевыми нормами. В учебном тексте происходит синтез языковой и коммуникативной компетенций. При сравнении учебных текстов Уроков 4 и 10 можно заметить развитие навыков и умений студентов, что отражено в требованиях к предложенным текстам.

Урок 4. Что мы покупаем, что мы носим, что мы едим	Урок 10.Какие мы… Внешность и характер
Прочитайте текст. Перечислите, что купила хозяйка, и скажите, что она еще могла бы купить. Вечером у меня будут гости. Я решила приготовить на ужин курицу с овощами и испечь свой фирменный яблочный пирог. После работы я пошла в соседний супермаркет. В отделе « Мясо. Птица» я купила курицу, в овощном отделе купила помидоры, огурцы, перец и зелень. Чуть не забыла фрукты …	*1.1 Прочитайте текст и скажите, чем, на ваш взгляд, может привлечь внимание Анна.* К нам на курс недавно перевелась новая девушка. Она сразу привлекла наше внимание своей внешностью. Красавица! Высокая, стройная! У нее большие темно-карие глаза миндалевидной формы и светлые пышные волосы. Именно это сочетание делает ее такой интересной. У Анны (так зовут новую девушку) тонкий нос с небольшой горбинкой, высокий чистый лоб и яркие губы. …

В Уроке 10 после текстов «К.И. Чуковский о Чехове» и «Из письма А.П. Чехова к брату Николаю» предлагаются следующие задания и вопросы:

• *Прочитайте следующие тексты и скажите, какие черты внутреннего облика Чехова раскрываются в них.*

• *Что значит слово «дрессировать» в употреблении Чехова?*

• *Каким, по мнению Чехова, должен быть воспитанный человек?*

• *Каким человеком был Чехов ? Что ему пришлось менять в себе?*

• *Выразите свое мнение.*

Кого можно считать уступчивым человеком? Опишите такого человека в какой-нибудь жизненной ситуации.

Как вы понимаете выражение «суетный» человек? В чем проявляется суетность?

Как вы считаете, надо ли заниматься самовоспитанием?

Текст выполняет ряд функций. Он является источником информации, материалом для обучения чтению, говорению, слушанию и письму, а также средством для введения новой грамматической темы. Первое задание к каждому тексту концентрирует внимание студента, ориентирует его на поиск нужной информации. Студент должен прочитать текст и ответить на поставленный вопрос. Послетекстовые задания позволяют выявить уровень понимания текста, провести тренинг новых речевых образцов.

При отборе материала авторы обращали внимание на познавательную ценность текстов, стремились к тому, чтобы обучение языку приводило к пониманию иной культуры, расширяло общую эрудицию. Культурологическому аспекту обучения в учебнике уделено особое внимание. Здесь много текстов об истории, культуре России, традициях русского народа. Например, в Уроке 1 – Как тебя зовут – представлен текст о распространенных в России именах славянского, греческого, латинского, древнееврейского происхождения,о русской традиции называть старших по возрасту, по статусу, малознакомых людей по имени и отчеству.

Ряд текстов посвящен истории России. Авторы учебника исходили из того, что тексты должны не только знакомить с теми или иными фактами, событиями или людьми, сыгравшими определенную роль в истории России, но и быть интересными и увлекательными. В частности, текст «День императрицы» рассказывает об обычном распорядке дня Екатерины II. В Урок 6 – Праздники и традиции – включены тексты о первом праздновании Нового года по европейскому обычаю при Петре I, о традициях празднования Пасхи, Дня славянской письменности и культуры, о деятельности Грибоедова. В Уроке 8 – Мы в пространстве и во времени – представлен текст «Экскурсия по Невскому проспекту» об истории и сегодняшнем облике Невского проспекта.

«Принципиально важно для учащегося, что процесс иноязычного образования осуществляется в двух сопряженных плоскостях, точнее, в диалоге двух миров – мира иностранной и мира родной культуры. Это важно, потому что формирование человека культуры, человека духовного всегда проходит благодаря диалогу культур – родной и иностранной» [Пассов 2010:31]. Поэтому в учебнике большое место уделено диалогу русской и армянской культур. Учебные тексты про Ш.Азнавура, А.Грибоедова, С.Джобса, Л.Енгибарова, в чьих судьбах армянская история, культура сыграли значительную роль, задания на сравнение российских и армянских реалий, традиций, мировоззрения позволяют формировать у студентов навыки межкультурной коммуникации.

Учебные тексты являются важным компонентом учебного дискурса: студент - учебный текст – преподаватель. Таким образом, текст становится связующим звеном между участниками коммуникации.

Литература

1. *Бабайлова А.Э.* Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку. Саратов:Изд-во Саратовского университета. 1987. 130 с.

2. *Дризде Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. М.:Наука. 1984. 233с.

3. *Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е.* Основы коммуникативной теории и технологиииноязычного образования. М.:Курсы. 2010.276 с.

4. *СабининаА.А.* Учебный текст: структура и прагматика. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 97. С.222-225

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В АРМЯНСКОЙ АУДИТОРИИ

Л.С. АРУТЮНЯН, Т.А. АРУШАНОВА, А.В. ГАСПАРЯН

Ереванский государственный университет, Армения

lusine.harutyunyan@ysu.am; tamara.arushanova@ysu.am; armine.gasparyan@ysu.am

Ключевые слова: *РКИ, работа над текстом, комментированное чтение, фантастика, фэнтези.*

Коммуникативный подход при обучении иностранному языку рассматривает текст как единицу обучения. В разработанном преподавателями ЕГУ пособии представлены художественные тексты с заданиями, направленными на развитие речевых навыков и умений. В статье рассматривается опыт работы с художественным текстом на примере произведений фантастического жанра («Портрет» Н.В. Гоголя, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, рассказ Кира Булычева «Можно попросить Нину?»).

LUSINE HARUTYUNYAN, TAMARA ARUSHANOVA, ARMINE GASPARYAN – From the experience of working with literary text at the lessons of Russian language in the Armenian audience

Key words: *Russian as foreign language, working with the text, commented reading, fantastic story, fantasy.*

Communicative approach in teaching a foreign language considers the text as a unit of learning. The manual developed by YSU teachers presents literary texts with tasks aimed at the development of speech skills and abilities. The article deals with the experience of working with literary text on the example of works of fantastic genre ("Portrait" by N.V. Gogol, "The Master and Margarita" by M.A. Bulgakov, one of the fantastic stories of Kir Bulychev).

На практических занятиях по русскому языку как иностранному преподавателю необходимо решать различные учебные задачи. В первую очередь, это развитие речи студентов, а также умения читать и понимать текст на неродном для них языке. Использование художественного текста является одним из способов достижения определенных результатов в этом направлении. Именно текст – показатель того, как функционирует язык. При коммуникативном подходе, используемом при обучении иностранному языку, текст является исходной и конечной единицей обучения. При чтении художественного текста можно изучить функционирование грамматических категорий, лексических единиц, реализующих в нем свои возможности, обучить студентов различным видам анализа произведения: лингвистическому, страноведческому, лингвокультурологическому. Немаловажен также коммуникативный аспект: можно вызвать учащихся на разговор о проблемах, поставленных в произведении, научить выражать свое отношение к прочитанному, формулировать и обосновывать свое мнение.

На начальном этапе обучения русскому языку как иностранному используются учебные тексты, а на продвинутом этапе необходимо вводить художественные тексты (адаптированные и аутентичные), рассчитанные на соответствующий уровень владения языком. Целью таких текстов является знакомство с лексическим и культурологическим материалом, актуализация страноведческой информации. Все это создаст благоприятную основу для развития речевых и коммуникативных навыков и умений у студентов.

Преподаватели кафедры русского языка для гуманитарных факультетов ЕГУ Арутюнян Л.С., Арушанова Т.А. и Гаспарян А.В. разработали «Пособие по русскому языку (книга для чтения)», дополнившее практический курс русского языка и содержащее художественные тексты, которые сопровождаются предтекстовыми, притекстовыми и послетекстовыми заданиями [Арутюнян и др. 2018]. Студенты знакомятся

с русской литературой, совершенствуют навыки чтения и интерпретации художественных текстов, учатся формулировать мысли на неродном для них языке, выражать свое мнение по поводу прочитанного произведения.

В пособии представлены произведения русских писателей XIX-XXI вв. Это в основном тексты с динамично развивающимся сюжетом, способные заинтересовать современных читателей и относящиеся к различным литературным жанрам и направлениям: повести «Метель» А.С. Пушкина и «Тамань» М.Ю. Лермонтова, «Портрет» Н.В. Гоголя, стихотворение в прозе «Как хороши, как свежи были розы» и отрывок из повести «Вешние воды» И.С. Тургенева, рассказ Ф.М. Достоевского «Елка и свадьба», отрывок из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», рассказ А.П. Чехова «Мальчики», «Холодная осень» И.А. Бунина, рассказы А.С. Грина «Гнев отца» и «Акварель», первые две главы из романа М.С. Булгакова «Мастер и Маргарита», два рассказа В.М. Шукшина «Чудик» и «Солнце, старик и девушка», отрывок из сборника рассказов С. Довлатова «Чемодан», рассказ Т. Толстой «Соня» и первая глава из книги Н. Абгарян «Манюня».

У преподавателя есть возможность выбрать текст, соответствующий уровню владения русским языком в данной группе. Можно задать его для прочтения на дом или провести комментированное чтение в аудитории. На таком уроке преподаватель рассказывает об историческом контексте, различных культурных событиях и феноменах, в эпоху которых создавался изучаемый текст, рассматривая произведение в культурологическом аспекте. Литературовед и текстолог С.А. Рейсер в своем исследовании «Палеография и текстология нового времени» говорит о том, что комментарий должен помочь читателю понять текст, сделать его доступным, ясным: «Комментарий – сателлит текста» [Рейсер 1970: 293].

Ю.М. Лотман в своей работе «Роман А.С Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий» наряду с историческим комментарием подчеркивает важность текстуальных пояснений: «...такое объяснение является необходимым условием любого читательского понимания произведения». Это поможет студентам глубже и точнее понять текст, расширит кругозор, вызовет интерес к определенному автору. «Никто – не только исследователь или преподаватель, но и простой читатель – не имеет права претендовать на сколь-либо полное понимание произведения, если ограничился той степенью проникновения в текст, которое обеспечивается знанием русского языка и здравым смыслом, и пренебрег расшифровкой намеков, обнаружением скрытых цитат и реминисценций, если не знает реалий быта, не чувствует стилистической игры автора» [Лотман 1995: 474].

Наиболее популярными, востребованными в 21-ом веке стали произведения фантастического жанра, воплощенные в большом количестве фильмов, телесериалов, графических романов (комиксов). Произведения этого жанра часто относят к массовой литературе и редко включают в учебные пособия по языку или литературе.

В «Литературной энциклопедии» фантастика определяется как «особый характер художественных произведений, прямо противоположных реализму». Прошлый век называл фантастической литературой «произведения, в которых изображаются силы природы, еще не исследованные наукой» (произведения Жюля Верна, Герберта Уэллса и других). Однако составители словаря выделяют и произведения «подлинно фантастические, т.е. созданные как свободная и своевольная игра фантазии и нисколько не опирающаяся на науку. Эти произведения – как бы вещие сны, которые, впрочем, могут оказаться пророческими» [Лит. энциклопедия 1925].

Здесь можно усмотреть попытку дать определение такой разновидности фантастики, как фэнтези, которая сформировалась и получила свое название к середине 20-го века, после выхода в свет эпопеи Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец». Сейчас фэнтези определяют как «произведения, изображающие вымышленные события, в

которых главную роль играет иррациональное, мистическое начало, и миры, существование которых нельзя объяснить логически. Фэнтези – своеобразное соединение сказки, фантастики и приключенческого рыцарского романа» [Белокурова 2006].

В рассматриваемом пособии жанр фантастики представлен классическими произведениями XIX-XX вв. («Портрет» Н.В. Гоголя, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова), а также рассказом признанного советского фантаста Кира Булычева «Можно попросить Нину?».

Общеизвестно, что Н.В. Гоголь широко использовал элементы фантастического жанра во многих своих произведениях («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Петербургские повести» и др.). Фантастические силы часто вмешивались в развитие сюжета, определяя судьбу героев. Известный исследователь творчества Н.В. Гоголя Юрий Манн отмечал, что Гоголь произвел реформу фантастического: его фантастика была подчинена моменту времени. В прошедшем времени выступали персонифицированные сверхъестественные силы (черти, ведьмы) или люди, вступившие с ними в связь (например, ростовщик Петромихали из первой редакции «Портрета»), а в настоящем фантастика завуалирована: цепь совпадений, форма слухов и предположений, сны персонажей – «словом, не столько само «сверхъестественное явление», сколько его восприятие и переживание, открывающее читателю глубокую перспективу самостоятельных толкований и разночтений. Сфера фантастического, таким образом, максимально сближалась со сферой реальности, открывалась возможность параллелизма версий – как фантастической, так и вполне реальной, даже «естественнонаучной» [Манн 1978:76].

Именно такой прием использует Гоголь в повести «Портрет», включенной в пособие. В процессе комментированного чтения преподаватель знакомит студентов с Гоголем не только как с писателем-классиком, но и писателем-новатором, уже в начале 19-ого века «окунувшим» нас в мир потустороннего, ирреального, мистического.

Продолжателем гоголевских традиций в русской литературе является М.А. Булгаков. Писатель широко использовал приемы фантастического в своих произведениях [Чудакова 1979, Вахтин 1988]. Исследователи называют роман «Мастер и Маргарита» «самым фантастическим из фантастических». Современные читатели же склонны относить булгаковские произведения, в частности, культовый роман «Мастер и Маргарита», к жанру фэнтези. Как уже упоминалось, фэнтези – это своеобразное сочетание сказки, фантастики и приключенческого романа, где «неожиданный остросюжетный поворот сродни маленькому чуду, определяет связь с трансцендентным. <...> Трансцендентное является здесь главным законом; даже если сами герои забывают о могущественных иррациональных силах, эти силы не забывают о них.» [Лебедев 2014:19].

Как нам кажется, прочтение этих произведений именно с такого ракурса привлечет внимание студентов, сделает классику вековой и даже почти двухвековой давности ближе и понятнее.

С помощью небольшой вводной лекции, устных комментариев к тексту и наводящих вопросов преподаватель готовит почву для правильного восприятия фантастики у Гоголя и Булгакова, актуализирует ее «знаки» на текстовом уровне. Необходимо, чтобы читатель смог «расшифровать» текст одновременно на нескольких уровнях: на уровне названия, структуры, системы образов, лексики. Также важно научить студента воспринимать текст с точки зрения интертекстуальности, т.е. в системе уже существующих в культуре текстов. Например, в послетекстовых заданиях к повести «Портрет» Н.В. Гоголя предлагается соотнести ее с романом Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». А по прочтении отрывка из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» студентам рекомендуется посмотреть какую-нибудь из экрениза-

ций романа (фильмы режиссеров Ю. Кары, В. Бортко, А. Вайды) и обратиться к курсам лекций на образовательных порталах «Arzamas», «ПостНаука», «Полка».

Значительное место в пособии занимают иллюстрации, которые являются своего рода визуальным комментарием к тексту. В частности, в иллюстрациях к рассказу К. Булычева визуализируются бытовые реалии военной эпохи и мирного времени (настенный телефон, хлебная карточка времен Великой Отечественной войны). Отрывок из романа М. Булгакова предваряется изображением обложки работы Е. Еськовой, на котором мы видим «W» (инициал Воланда) как зеркальное отображение заглавной буквы «М», что фокусирует наше внимание на теме зеркальности, двойственности, актуальной для этого романа.

В качестве примера работы над художественным текстом фантастического жанра в армянской студенческой аудитории продемонстрируем рассказ К. Булычева «Можно попросить Нину?» с заданиями.

В произведении сталкиваются два разных временных отрезка: девочка Нина живет в Москве в дни Великой Отечественной войны, а герой, от имени которого ведется повествование, живет в Москве 1972 года. В рассказе ретроспективно затрагивается тема Великой Отечественной войны как эпохального исторического события. Война рассматривается с двух точек зрения: ребенка, живущего в период войны, и человека, дождавшегося победы и живущего в послевоенное время.

В качестве предтекстовой работы над этим произведением студентам дается небольшая биографическая справка о писателе-фантасте Кире Булычеве, информация о произведениях фантастического жанра. Также необходимо ввести учащихся в исторический контекст: рассказать о Великой Отечественной войне, подтолкнуть к самостоятельному поиску информации (например, сформулировав такое задание: «Найдите информацию и расскажите о гражданской жизни во время Великой Отечественной войны»).

В ходе чтения студентам предлагаются текстуальные пояснения к некоторым словам и явлениям, например:

затемнение – по вечерам окна плотно занавешивали, чтобы не давать световых ориентиров вражеской авиации и артиллерии;

хлебная карточка – во время продуктового дефицита населению выдавались карточки на продукты (хлеб, масло, спички и др.);

эсэсовцы - члены фашистской организации СС.

Также предлагаются следующие вопросы:

1. Почему Вадим и Нина не понимают друг друга?
2. В какие годы живет Вадим?
3. В какую эпоху переносит его телефонный звонок?
4. Какие воспоминания возникли у Вадима после разговора с девочкой Ниной?
5. Удалось ли Вадиму убедить Нину в благополучном исходе войны?
6. Как закончился рассказ?

После внимательного чтения и работы над текстом студенты могут реализовать полученные знания в монологе (выразить собственное мнение о прочитанном) или диалоге (начать обсуждение, формулируя и задавая друг другу вопросы по тексту). После прочтения рассказа К. Булычева «Можно попросить Нину?» предлагаются следующие вопросы:

7. Что вы думаете о следующем высказывании Аристотеля: «историк и поэт различаются тем, что один говорит о том, что было, а другой о том, что могло бы быть»? Можно ли отнести эту фразу к данному рассказу?
8. Знакомы ли вы с произведениями фантастического жанра?
9. Какие книги в этом жанре вы читали?
10. Какие фантастические фильмы вы смотрели?

Эти вопросы стимулируют самостоятельный поиск информации о произведениях, относящихся к жанру фантастики из разных областей искусства (литература и кино), заставляют задуматься о природе художественного вымысла, выходя, таким образом, далеко за рамки просто фантастического повествования.

Наш современник, английский писатель-фантаст Нил Гейман в своей лекции о пользе чтения говорил о том, что люди, которые работают в крупнейших компаниях в области инновационных технологий (Apple, Microsoft, Google) и изобретают будущее, в детстве увлекались научной фантастикой. Фантастика, по Гейману, развивает воображение, вызывает чувство неудовлетворенности современной реальностью и мотивирует на создание новых реальностей и совершенного мира [Gaiman 2013].

Литература

1. *Арутюнян Л.С., Арушанова Т.А., Гаспарян А.В.* Пособие по русскому языку. Книга для чтения. Ереван: ЕГУ, 2018. 260 с.
2. *Белокурова С.П.* Словарь литературоведческих терминов. СПб: Паритет, 2006, 314 с..
3. *Вахтин Б.* Булгаков и Гоголь: материалы к теме // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: Сб. статей. М., 1988.
4. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х тт. М.,Л.: Изд-во Л.Д. Френкель. *Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого и др.* 1925.
5. *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: пособие для учителя // Ю.М. Лотман. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960-1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб: Искусство-СПб, 1995, С.472-762.
6. *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. М.: Художественная литература, 1978, С. 59-132.
7. *Рейсер С.А.* Палеография и текстология нового времени. М.: Просвещение, 1970, 352 с.
8. *Чудакова М.О.* Булгаков и Гоголь // Русская речь. 1979, N2.
9. Лебедев И.В. Жанр фэнтези и авантюрно-приключенческая литература: https://www.zhanr-fentezi-i-avantyurno-priklyuchencheskaya-literatura%20(3).pdf
10. Neil Gaiman: Why our future depends on libraries, reading and daydreaming: https://www.theguardian.com/books/2013/oct/15/neil-gaiman-future-libraries-reading-daydreaming

БЛОЧНО-МОДУЛЬНАЯ СИСТЕМА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ (ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УРОВЕНЬ)

М.Г. БАБАХАНЯН
Н.С. АЙВАЗЯН
Ереванский государственный университет, Армения
marbabakhanyan@mail.ru
nune.ayvazyan@ysu.am

Ключевые слова: *методика преподавания РКИ, коммуникативная направленность, синтез подходов, тематические блоки, понятие модуля, система оценок.*

В статье описаны основные положения, связанные с преподаванием русского языка как иностранного, а также делается попытка представить элементарный уровень РКИ посредством блочно-модульной системы. Цель модульного подхода – обеспечение академической мобильности. Модульное обучение отличается от классической формы преподавания структурой учебного материала, организационными формами обучения, равномерным распределением учебной нагрузки, оценкой знаний.

Marina Babakhanyan, NuneAyvazyan – Section-modul system issues on teaching Russian as a foreign language

Key words: *methodsof teaching Russian as a foreign language, communicative direction, synthesis of approaches, thematic sections, conception of moduls, system of valuation.*

In the article is representing not only the main thesis of teaching Russian as a foreign language, but also is trying to represent the elementary level(Russian as foreign) by section-modul system.The goal of midul approach is the ensuring of academic mobilness.The modul teaching is differing from the classic forms of teaching by the structure of lessons, organization styles, even distribution of educational loading, evaluation of knowledge.

В современном информационном пространстве освоение классических законов эффективного общения необходимо для формирования простых дискурсивных связей, для повышения общей коммуникативной культуры членов общества, их медиаграмотности.“Под медиаграмотностью понимается определенный запас знаний о коммуникативной деятельности в новых условиях современной коммуникации, где соседствуют и традиционные, книжно-письменные, и электронные, аудиовизуальные

источники получения информации, что отвечает потребностям человека, живущего в условиях научно-технического и социально-культурного прогресса”[Антонова 2009:56].

Эффективность обучения русскому языку, как и любому иностранному, возможна при высокой мотивации. Обучение неродному языку – это процесс, в котором должно быть два активных участника – преподаватель и обучающийся, при этом успех обучения во многом зависит от их отношения к предмету. Одним из главных факторов в формировании положительной мотивации к изучению русского языка как неродного является подбор значимогодля обучающихся учебного материала. Таким образом, надо творчески подходить к отбору приемов, чтобы организовать обучение, основанное на прямом взаимодействии преподавателя и обучающегося, т.е. использовать интерактивные приемы обучения.

На современном этапе развития дидактики и методики преподавания русского языка, а такжес переходом отечественного образования на Болонскую системуперспективным считается способ введения речевых и языковых явлений с помощью тематических блоков (модулей), которые формируют у иностранных граждан навыки коммуникативной и межкультурной компетенции.

На важность данной модели организации обучения студентов-иностранцев указывают и современные исследователи. Так, о значимости модульного построения процесса обучения иностранных студентов РКИ с учетом профильной и уровневой дифференциации, а также национально-культурных особенностей пишет И.А. Пугачев [Пугачев 2016: 453], Л.А. Константинова, А.Н. Богомолов и др. [Богомолов 2008:46]

Эффективность использования блочно-модульной системы в процессе обучения РКИ подтверждают новейшие исследования и методические разработки Е.В. Толмачевой, А.Г. Жиндаевой,С.А.Асановой и др. [Асанова 2015:22].

На наш взгляд, подача дидактического материала в информационных блоках представляется более эффективной. В блоке формулируется дидактическая цель, которая содержит в себе не только указание на объем изучаемого содержания, но и на уровень его усвоения. Кроме того, меняется форма общения “студент-преподаватель”. Она осуществляется через модули и плюс личное индивидуальное общение - каждый студент получает от преподавателя советы в письменной форме, как рациональнее действовать, где найти нужный учебный материал и т.д. Наличие модулей позволяет преподавателю индивидуализировать работу с отдельными учащимися.

В педагогике нет единой точки зрения в определении понятия “модуль”. Общим для представления данного понятия является его рассмотрение как важной части, необходимой для функционирования дидактической системы. Вот как описывает понятие модуля Ковтун Е.Н.: “Модуль — целостныйнабор подлежащих освоению умений, знаний, отношений и опыта (компетенций), описанных в форме требований, которым должен соответствовать обучающийся по завершении модуля, и представляющий составную часть более общей функции. Каждый модуль оценивается и обычно сертифицируется. Сами модули формируются как структурная единица учебного плана по специальности:

- как организационно-методическая междисциплинарная структура,
- в виде набора разделов из разных дисциплин, объединяемых по тематическому признаку базой;
- или как организационно-методическая структурная единица в рамках одной учебной дисциплины“ [Ковтун эл.рес.].

Учитывая тот факт, что модульное обучение - это создание в пределах одного отдельного учебного предмета методических блоков, содержание и объём которых могут зависеть от дидактических целей, профильной и уровневой дифференциации студентов, мы предлагаем новую систему обучения элементарному (начальному)

уровню РКИ. Предлагаемая нами блочно-модульная система подачи материала базируется на синтезе ряда подходов: коммуникативного, личностно-ориентированного, культурологического и компетентностного (языковая, речевая и коммуникативная компетенции).

Отметим также, что особенностью начального этапа обучения является то, что в этот период закладываются основы правильной речи, создается как бы фундамент. Таким образом, начальный этап, с одной стороны, характеризуется “завершенностью”, а с другой – “открытостью”, т.е. способностью к развитию, что определяет известную преемственность приемов и методов работы на последующих этапах по отношению к начальному.В конце начального этапа учащийся должен уметь строить диалоги, отвечать на вопросы, описывать окружающую его обстановку, рассказывать о себе, о своих родных и друзьях, опираясь на языковой материал, соответствующий данному этапу обучения.[Дергачева1983 : 47]

В методике преподавания русского языка как иностранного мы придерживаемся комплексности обучения аспектам языка и видам речевой деятельности. Комплексное обучение означает, что курс русского языка не делится на отдельные курсы обучения фонетике, лексике и грамматике, аудированию, говорению, чтению и письму, а в рамках единого практического курса русского языка осуществляется комплексное, взаимосвязанное обучение всем этим аспектам языка и речевой деятельности, что находит отражение в модулях [Фарисенкова 2000:78].

Цель модульного подхода – обеспечение академической мобильности. Модульное обучение отличается от классической формы преподавания:

- структурой учебного материала (информация подается в виде методических блоков, после изучения которых достигается определенная педагогическая цель);
- организационными формами обучения (совмещение аудиторного и дистанционного обучения, основанного на использовании современных информационных технологий, позволяющих осуществлять обучение на расстоянии без личного контакта между преподавателем и студентом);
- формой общения между педагогом и учащимся (педагог выступает и как инициатор общения, и как скрытый инициатор деятельности, причем в этом случае у студентов создается впечатление, что инициаторами этой деятельности являются они сами. Важной задачей является удержание инициативы в общении, придание ей необходимых ситуативных форм);
- равномерным распределением учебной нагрузки (разделение модулей на несколько временных промежутков – блоков. Учебный блок предполагает предъявление обучающимся конкретных целей, усвоение определенной дозы учебного материала и контроль. Предлагаемый материал делится нами на 5 блоков, каждый из которых включает 6 модулей);
- оценкойзнаний.

В настоящее время в РА не разработаны единые методические подходы к оценке качества обучения русскому языку в иностранной аудитории. Нами были взяты за основу требования типовых программ советского периода, а также современные рекомендации по контролю уровня коммуникативной компетенции[Типовые программыпо рус.яз.1981:8].

Контроль может обеспечиваться различными формами: тестирование, тематические зачеты, устные опросы, письменные задания. Содержание текста (монологическая и диалогическая речь, пересказ текста) оценивается по параметрам: соответствие текста теме и основной мысли, раскрытие темы, логичность высказывания и т.д. Язык текста (высказывания) оценивается с точки зрения соблюдения учащимися норм русского языка (лексических, фонетических, морфологических, синтаксических). Перечисленные параметры относятся к числу содержательных компонентов, которые оцениваются при контроле уровня сформированности коммуникативной компетенции[Яковлева 2006: 63].

Таким образом, блочно-модульное обучение русскому языку на начальном этапе заключается в изучении языкового материала в рамках учебного блока, содержащего специально разработанные модульные программы, способствующие формированию мотивационного компонента у учащихся.

Предлагаемая нами система обучения русскому языку как иностранному (элементарный уровень) была успешно апробирована на подготовительном отделении для иностранных граждан ЕГУ.

На наш взгляд, в основе подходов к образованию в XXI в. должны лежать новые методологические разработки, инновационные технологии, эффективные учебно-методические комплексы, направленные на повышение качества обучения русскому языку.

2 БЛОКИ

I	II	III	IV	V
3 4 5 6 7 8 Знакомство с фонетической и грамматической системой русского языка.	9 10 11 12 13 14 15 Формирование речевых навыков и умений (именительный падеж).	16 17 18 19 20 21 22 Значение и употребление падежей (родительный, винительный, предложный, ед.ч.	23 24 25 26 27 Глаголы движения. Совершенный вид глагола.	28 29 30 31 32 33 34 35 Значение и употребление падежей (дательный и творительный, ед.ч.

36 МОДУЛИ

37 1. Вводно-фонетический курс. 38 Алфавит. 39 Ударение.	40 41 1. Множественное число существительных	42 43 1. Винительный падеж(сущ.,мест.,прил.)	44 45 46 47 48 1. Глаголы движения. Прошедшее время гл.	49 1. Прямая и косвенная речь
50 51 52 2. Имя существительное (род, ед.ч.)	53 54 2. Множественное число местоимений	55 56 2. Родительный падеж (сущ.,мест.,прил.)	57 58 59 60 2. Винительный падеж при обозначении движения	61 62 63 2. Дательный падеж (сущ.,мест.,прил.)
64 3. Местоимение (личные,прит.)	65 66 3. Множественное число прилагательных	67 68 3. Предложныйпадеж (сущ.,мест.,прил.)	69 70 71 72 3. Родительный падеж при обозначении движения	73 74 75 3. Творительный падеж (сущ.,мест.,прил.)
76 77 4. Имя прилагательное(род, ед.ч.)	78 4.Глагол(парадигма Iи II спр., несов.в.)	79 80 81 4. Количественные числительные	82 83 4. Совершенный вид глагола	84 85 4. Обобщающий урок
86 87 5. Простые предложения Понятие ИК.	88 5. Наречие	89 90 5. Сложные предложения	91 92 5. Порядковые числительные	93 5.Лингвострановедение
94 6. Тест.	95 6. Тест	96 6. Тест	97 6. Тест	98 6. Тест

Литература

1. *Асанова С.А.* Лингвометодический тренажер в системе электронных средств обучения РКИ (этнометодический аспект). М., 2015.С. 22.
2. *Антонова Л.Г.* Классические законы коммуникации и современное информационное пространство.//Русский язык в школе. ООО “Наш язык”, М., 2009.С. 56-430.
3. *Богомолов А.Н.* Научно-методическая разработка виртуальной языковой среды дистанционного обучения иностранному (русскому) языку. М., 2008. С. 46.
4. *Дергачева Г.И.*Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе обучения. М.,1983.С. 47-168.
5. *Ковтун Е.Н., Родионова С.Е.* (электронный ресурс) https://www.e-xecutive.ru
6. *Пугачев И.А.* Интегративная модель профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных бакалавров технического и естественнонаучного профилей. М., 2016. С. 453.
7. Типовые программыпо русскому языку для национальных средних школ. Л., 1981.С.8.
8. *Фарисенкова Л.В.* Уровни коммуникативной компетенции в теории и на практике. М., 2000.С.78-370.
9. *Яковлева С.И.* К вопросу о контроле уровня сформированности коммуникативной компетенции. // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного:достижения, проблемы и перспективы развития. Минск, 2006.С.63-127.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЯЗЫЧИЯ

Ж.Б. БЕКТУРОВА
Инновационный Евразийский университет
Павлодар, Казахстан
bekturova.z@mail.ru
М.И. КАДЕЕВА
Южно-Казахстанский государственный педагогический университет
Шымкент, Казахстан
kadmi_ru@mail.ru
М.Б. НУРТАЗИНА
Евразийский национальный университет
Нур-Султан, Казахстан
maral0204@mail.ru

Ключевые слова: *профессиональная профилизация, инновационные технологии, политический текст, юридический текст, экологический текст.*

Исследование посвящено описанию методики изучения политического, юридического, экологического языка, методов анализа научных текстов, а также текстов казахстанских СМИ для мониторинга различных тенденций в сфере общественного сознания; выявлению проблем современной прагмалингвистики; анализу вопросов взаимодействия между языком, человеком как языковой личностью и его окружающей средой.

Key words: *professional profilization, innovative technologies, political text, legal text, environmental text.*

The study is devoted to the description of the methodology of studying the political, legal, environmental language, methods of analyzing scientific texts, as well as texts of the Kazakh media to monitor various trends in the sphere of public consciousness; identifying the problems of modern pragmalinguistics; analysis of the issues of interaction between a language, a person as a language personality and his environment.

Процесс смены образовательной парадигмы в Республике Казахстан, ориентированный, прежде всего, на свободное развитие человека, самостоятельность, конкурентоспособность, творческую инициативу, мобильность будущего поколения, обусловлен стоящими перед нашей страной вызовами времени: развитие демократического общества, мультилингвизм, мультикультура, новые требования рынка труда, значительные экономические преобразования. В этом контексте важными ключевыми компетенциями выступают *межличностная*, *межкультурная* и *социальная* компетенции, в том числе, согласно Конвенции Болонского процесса, *гражданская* компетенция [1: 174; 2: 125; 3: 156]. Наряду с этим дополняющим фактором поддержания профессионально-квалификационного, культурно-ценностного единого образовательного пространства в полиэтническом и мультикультурном образовательном

социуме Казахстана является осуществление *компетентностного подхода*, что связано с процессами глобализации, выражающимися в будущем не только в процессах интеграции к меняющимся условиям, но и расширения информационного пространства, развития новых компьютерных информационных технологий, расширения деловых и личных контактов. Вместе с тем обучение и образование нового формата требует пересмотра с позиции интеграции процесса формирования в вузе профессиональной *коммуникативной* компетентности будущих специалистов в соответствии с требованиями времени, предполагающими значительное обновление содержания коммуникативной подготовки студентов и способов организации их коммуникативного знания. Так, компетентностный подход «должен вносить в содержание высшего образования компонент, предполагающий формирование определенных умений, навыков решения различных профессиональных проблем, а не только обогащение будущих филологов специализированными знаниями» [4: 428-429].

При *компетентностном* подходе основной акцент направлен не только на получение обучающимися суммы знаний и умений, но и на формирование определенного набора компетенций, которые помогают будущему филологу успешно решать специфические профессиональные задачи в реальных ситуациях профессиональной и педагогической деятельности. Компетентностный подход придает процессу подготовки специалиста практико-ориентированный характер, позитивно влияет на развитие инновационных процессов в сфере профессионального образования, позволяет разработать более точную систему измерения уровня профессиональной компетентности специалиста, о чем неоднократно указывалось в научных изысканиях отечественных и зарубежных ученых.

В связи с этим актуальность предпринятого нами исследования обусловлена глобальной информатизацией общества, которая ставит перед системой Казахстанского образования как одну из первостепенных задачу подготовки специалиста-профессионала, готового к созидательной качественной деятельности в условиях современной информационной среды. В качестве базы для формирования профессиональных компетенций выпускника-филолога послужили разработанные авторами теоретико-методологические основы дисциплин «Политическая лингвистика» / «Қазақ саяси лингвистикасы», «Юридическая лингвистика» / «Қазақ заң лингвистикасы», «Экологическая лингвистика» / «Қазақ экологиялық лингвистикасы». Ведь современному филологу недостаточно обладать только знаниями, умениями и навыками, полученными в рамках высшего образования, он должен обладать способностью к проблемно-ориентированному критическому анализу, находить пути и средства решения проблем, уметь работать в команде, брать на себя ответственность за свои действия и решения, уметь мыслить ситуативно и перспективно, прогнозировать результат, т.е. обладать высоким уровнем профессиональных компетенций, связанной, в частности, с сферой политической коммуникации, юрислингвистики, лингвоэкологии.

Общей методологической базой нашего исследования послужили достижения в области лингвистики, лингводидактики и лингвоэкологии: идеи структурной и антропологической лингвистики, философско-эстетическая рефлексия культуры и диалога культур, социокультурный, лингвокультурный, лингвострановедческий подходы к обучению языкам. Так, например, по мнению ученых, использование современных концепций социологической теории позволяет корректно описать взаимодействие экологических и социокультурных факторов, когда происходит превращение чисто природных условий в регуляторы поведения людей общении [5: 46]. Это создает возможности для выделения своеобразной творческой сферы, закрепляемой за лингвоэкологией. Лингвоэкология имеет своей целью представить объективную картину развития языка, оценить все ее стороны, предупредить об опасности искажения языка, уберечь язык как важнейшее средство человеческого общения от засилья инвек-

тивной лексики посредством «коррекции языкового поведения» (нет ссылки). Исходя из этого, функция лингвоэкологии сводится, в конечном счете, к совершенствованию качества современного языка в полиэтническом обществе. В исследовании мы опирались на определение метода обучения, характеризующего его как «упорядоченную деятельность преподавателя и студента, направленную на реализацию заданной цели обучения» [6: 61], при этом считаем правильным не изменять сами методы (глобальный контент), а изменять их наполнение, технологии реализации.

Наиболее эффективным средством профилизации филологов выступают проектная деятельность и учебные деловые игры, основу которых составляют методические и технологические приемы, направленные на развитие познавательных навыков обучающихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в современном информационном пространстве глобализованного мира. Студенты приобретают когнитивный, метакогнитивный опыт, умение проявлять открытую познавательную позицию (готовность использовать различные способы описания и анализа одного и того же текста для юрислингвистической экспертизы); вырабатывают свой критический стиль [4: 428-429; 6: 61; 7: 48; 8: 53]. Вместе с тем, работая над юрислингвистическими текстами, обучающиеся вырабатывают умение находить многовариантные решения и в будущей профессиональной деятельности, требующей прогностической оценки их последствий.

В основу нашего исследования положены те принципы анализа, которые являются основополагающими при проведении юрислингвистической экспертизы текста. На основе изученной литературы по данной проблематике [9: 230; 10: 17-21; 11: 45-48; 12: 49; 13: 54; 14: 186] нами были сформулированы семь базовых принципов: принцип определенного объекта экспертизы; принцип комплексного анализа текста; принцип персональной ответственности эксперта за результат экспертизы; принцип научной обоснованности и аргументированности экспертизы; принцип компетентности самого лингвиста-эксперта; принцип одно-однозначного понятия для формулирования определенного вывода; принцип качества и доступности изложения экспертного заключения. Основной акцент был сделан на вопросах реализации методологических основ выявления принципиальных концептуальных линий изучения юрислингвистической экспертизы текста.

Юридическая лингвистика, как известно, представляет собой такую отрасль прикладной лингвистики, предметом изучения которой является область пересечения языка и права, в связи с этим юридическая лингвистика организуется тремя видами отношений языка и права: 1) язык как объект правового регулирования; 2) язык как средство регулирования; 3) язык как предмет исследования (лингвистическая экспертология) [12: 49; 13: 54].

Почему возникла юридическая лингвистика? Какие актуальные вопросы этой области знания встают перед лингвистами нашей страны? Прежде всего, это социальная, политическая и коммуникативно-языковая актуальность теоретического и практического характера. Вместе с тем, актуализация и расширение сфер изучения юридической лингвистики в зарубежных странах способствовали выдвижению данной проблематики на передний план в Казахстане. Кроме того, развитие самой дисциплины «Юриспруденция», провозгласившей в качестве основного постулата сегодняшней правовой доктрины – «право есть язык», отсутствие новых познавательных подходов к самому понятию права, способствовало актуализации исследования лингвистических аспектов права [14: 181-183; 15: 175].

Основы изучения юрислингвистики были заложены в нашей стране еще в XVI веке. Уже тогда многие мыслители задумывались над вопросами создания рекомендаций по разработке текстов законов и иных нормативно-правовых актов для того, чтобы сделать юридический текст точным по своему содержанию и в то же

время понятным. В последующие века основной акцент был направлен на изучение теории функционального стиля, когда были исследованы общие правила, связанные с созданием нормативного правового текста: изучались правила о порядке слов в нормативном тексте, синтаксическая глубина предложения, а также вопросы количества определений после определяемого слова и т.д.

На рубеже XX – начала XXI веков, когда особенно актуальным для нашего государства стал вопрос о расширении многих методологических и теоретических основ лингвистической экспертизы законопроектов как прикладной области языкознания, данная проблема перешла в плоскость междисциплинарных научных исследований, что в настоящее время является основой для юрислингвистической экспертизы нормативных актов. Вместе с тем, происходит расширение теоретических сведений с применением логических и нормативно-стилистических критериев оценки текста, положения общего языкознания о референции, данные психолингвистики и теории коммуникации о закономерностях смыслового восприятия текстов.

Важным, например, в зарубежной юрислингвистике [9: 17-19] является вопрос о роли юрислингвистической экспертизы в судебном процессе, проблемы коммуникации на стадии дознания в полиции, когда часто используются противоположные коммуникативные стратегии, роль юридического переводчика на судебной и ДОСудебной стадиях в процессе, проблемы понимания речи судей и инструкций судьи присяжными. Особое внимание уделяется также роли переводчика, на которого ложится ответственность одновременно знания двух культур и двух социальных сфер.

На современном этапе основное внимание в Казахстане уделяется описанию высоких лингвистических стандартов в сфере языка законодательства с целью создания «понятного» текста закона, корректной его интерпретации, для чего используются коммуникативный и функционально-деятельностный подходы. В связи с этим юрислингвистика становится особым видом лингвистического исследования в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках арбитражного, гражданского или уголовного процесса. Отметим, что все исследователи единодушны во мнении, что объект экспертизы – это продукты речевой деятельности, которые могут быть зафиксированы в прямых и косвенных источниках информации. Источниками информации для проведения юрислингвистической экспертизы могут быть как прямые (*первичные*) – печатные, рукописные, видео-, аудиоисточники, в которых с различной степенью полноты зафиксирован / отражен спорный текст (высказывание, слово), порожденный конкретным автором, так и косвенные (*вторичные*) – сведения, которые сообщают информацию о спорном тексте (высказывании, слове). Это свидетельские показания, материалы допросов подозреваемых (обвиняемых) и потерпевших, протоколы судебных заседаний и т.п. Все вышесказанное говорит о том, что состояние юрислингвистики как науки находится на стадии активных научных исследований языка права во всем мире.

Были выявлены важные принципы, необходимые при проведении юрислингвистической экспертизы, которые помогут развитию профессиональных компетенций студентов в плане понимания допустимого объекта экспертизы; комплексного анализа текста; знанию принципов персональной ответственности за результат экспертизы; научной обоснованности выполненной экспертизы; компетентность; однозначность выводов и отсутствия размывания понятий; доступности изложения экспертного заключения.

Таким образом, разработанные авторами научно-образовательные курсы «Политическая лингвистика» / «Қазақ саяси лингвистикасы», «Юридическая лингвистика» / «Қазақ заң лингвистикасы», составленные с учетом казахстанской действительности для создания образовательных программ по основным модулям филологических специальностей для студентов казахстанских вузов, создают предпосылки для техноло-

гических решений по внедрению новых казахстанских лингвистических дисциплин с учетом национально-ментальных особенностей.

Литература

1. Bejenaru L., Нуртазина М., Кадеева М., Бектурова Ж. Глоттодидактические особенности реализации межкультурной компетенции при обучении языку // Наука и жизнь Казахстана. Астана, 2016. № 5 (41). С. 173-176.

2. Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования // Журнал социологии и социальной антропологии. – Т. X. – 2007. № 1. С. 125-139.

3. Жаркынбекова Ш.К., Нуртазина М.Б. Полилингвальное образование в Казахстане как отражение межкультурного взаимодействия // Dialogul Slavistilo la Inceputul Secolului al XXI-lea: Lucrarile Simpozionului International Cluj-Napoca, 8-9 aprelie 2011. – Universitatea Babes-Bolyai: Casa Cartii de Stiinta, Cluj-Napoca, 2012. С. 152-158.

4. Нуртазина М.Б., Кадеева М.И. Инновационный потенциал различных методов и моделей формирования межкультурной компетенции студентов // Социокультурные и филологические аспекты в образовательном и научном контексте: I-й междунар. виртуальный форум в Японии. Киото: Ун-т Киото Сангё, 2014. С. 427-433.

5. Иванова Е.В. Цели, задачи и проблемы эколингвистики // Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики. – Челябинск: Образование, 2007. С. 41-47.

6. Кадеева М.И., Бектурова Ж.Б. Стратегические образовательные технологии в сфере высшего образования // Новые цели и ценности образования: опыт, проблемы, перспективы развития: сб. мат. IV междунар. науч.-практ. конф. – М.: Издат. дом «Инновации и эксперимент в образовании», 2015. Т. 1. С. 60-62.

7. Нуртазина М.Б. Intercultural Education in Multicultural and Multilingual Environment of Kazakhstan: Scope and Challenges // Central Asia: Regionalization vs. Globalization: – Almaty: KIMEP, 2012. P. 47-57.

8. Бектурова Ж.Б., Кадеева М.И. Технологии развития языковых и коммуникативных компетенций будущих специалистов // Творческое наследие просветителей тюркского мира: материалы междунар. науч.-практ. конф.. – Казань: Отечество, 2015. С. 52-54.

9. Language in the Legal Process / Ed. By J. Cotterill. – N.Y.: Palgrave Macmillian Ltd., 2002. 276 p.

10. Бурков И.В. Заключение и показания эксперта в уголовном процессе. – М.: Юрлитинформ, 2010. 144 с.

11. Галяшина Е.И. Назначение, производство и оценка заключения судебной лингвистической экспертизы (Методические рекомендации) // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ. М.: Галерея, 2002. 424 с.

12. Голев Н.Д. На стыке языка и права (юрислингвистика) // Актуальные проблемы филологии: тез. докл. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. С. 48-51.

13. Кузнецов А.М., Бурдин Л.С., Солнцева Н.В. Юрислингвистика: Язык и право: научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 2006. 70 с.

14. Бринев К.И. Лингвистические теории и лингвистические экспертные исследования: проблема взаимосвязи юридической и теоретической лингвистики // Юрислингвистика-10: сб. науч. тр. – Кемерово: Изд-во Алтайский гос. ун-та, 2010. С. 181-190.

15. Кадеева М.И., Сыздыкова Г.О., Бектурова Ж.Б. Правовая терминология как важнейшая составляющая профессиональной юридической коммуникации // Наука и жизнь Казахстана. Астана, 2017. № 3/2 (47). С. 173-178.

ЭЛЕКТРОННЫЕ СЕРВИСЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Е.П. БУТОРИНА

Российский государственный гуманитарный университет, Россия

butorinaelena@gmail.com

Ключевые слова: *русский как иностранный, электронное обучение, инструменты, сервисы.*

Преподаватель (тьютор, консультант) может разместить нужные материалы в электронной среде. С этой точки зрения представляются перспективными Google Класс как LMS и сервисы Barabook и eТреники. Первый из этих сервисов, как правило, используется для работы с лексикой, второй – для работы с категориями и классами.

ELENA BUTORINA – Electronic services and tools for teaching Russian as a foreign language

Key words: *Russian as a foreign language, e-learning, tools, services.*

The teacher (tutor, consultant) can place the necessary materials in an electronic environment. From this point of view, Google Class as LMS and Barabook and eTreniki as services seem promising. The first of these services, as a rule, is used to work with vocabulary, the second – for working with categories and classes.

Технологии никогда не заменят учителя, но учитель, эффективно применяющий технологии для развития своих учеников, заменит того, кто ими не владеет.

Ш. Нуссбаум-Бич

В современных условиях обучение русскому языку при помощи электронных средств становится всё более актуальным. Не у всех людей достаточно времени, чтобы работать в аудитории или с учебником: они предпочитают интерактивные электронные инструменты и сервисы, чтобы использовать для обучения любое удобное время. Но эффективно работать с уже подготовленными обучающими программами и приложениями такие люди не всегда могут, потому что нередко оказывается, что те не вполне соответствуют их актуальным целям.

В этом случае можно применить для постановки целей обучения пирамиду Б. Блума [Bloom 1956], в которой когнитивные операции упорядочены в соответствии с категориями: знание, понимание, применение, анализ, синтез, оценка. Это позволяет сформулировать цели в соответствии с известной сейчас уже многим системой SMART: Specific, Measurable, Achievable, Relevant, Time-bound. Например, цель может выглядеть так: за день запомнить произношение, написание и значение десяти предложенных лексем, узнавать их в тексте, на слух и воспроизводить с опорой на изображение. Возможно обсуждение этих целей с обучаемым и совместного составления плана работы, после чего преподаватель (тьютор, консультант) может разместить нужные учебные материалы в электронной среде. В этом случае для совместной работы эффективно использовать модель смешанного обучения.

Смешанное обучение сегодня является самой популярной моделью. «Её преимущество заключается в том, что обучающиеся получают и отрабатывают первичные (базовые) знания и навыки на электронных курсах; на аудиторных занятиях они имеют возможность получить дополнительные, более глубокие знания, а также научиться применять полученные знания под руководством преподавателя. Применение данной модели предполагает серьёзную подготовку преподавателем материалов для самостоятельного изучения, тщательное продумывание системы контроля, эффективное сочетание аудиторного и сетевого взаимодействия и т.д.» [Вайндорф-Сысоева 2017: 21].

Для реализации модели смешанного обучения иностранному языку (в том числе русскому как иностранному) можно использовать технологию «перевёрнутого класса». «Перевёрнутый класс» – это «технология, чаще применяемая при дистанционном обучении (а также других формах смешанного обучения), которая подразумевает перераспределение времени между классной и внеклассной работой. При использовании данной технологии обучающимся предлагается самостоятельно освоить теоретический материал, а затем организуется активное обсуждение проблем учебной темы, уточняются ключевые вопросы, проводится практическая отработка навыков применения изученного материала или разрабатывается проект» [Там же: 70].

При помощи электронных сервисов и инструментов обучаемый может самостоятельно изучать лексику и грамматические модели, выполнять языковые упражнения, возможно, какую-то часть условно-речевых заданий, а с речевыми упражнениями работать уже при личном взаимодействии с преподавателем. Такая технология смешанного обучения может быть реализована при помощи Google Класс, который доступен практически повсеместно и всем и способен заменить LMS – Learning Management System, требующую времени, усилий, а иногда и средств для её освоения. В материалы этого сервиса Google можно загружать не только текстовые файлы, но аудио- и видео для самостоятельной работы. Таким образом, преподаватель может размещать презентации и небольшие задания на аудирование, чтение, печатание, отработку элементов говорения, использовать практически неограниченное число упражнений и проводить тесты в Google Формах.

Удобно, что с Google Класс можно совместить и другие инструменты электронного обучения. Остановимся на двух доступных и простых инструментах, которые позволят работать с единицами и классами.

Barabook – это инструмент, который обеспечивает сочетание звука, текста и изображения [Barabook]. Его удобно использовать прежде всего для работы с лексикой, хотя его возможности гораздо шире. На Рис. 1 представлен скриншот: можно видеть, что известный принцип работы с двусторонними карточками дополнен озвучиванием для довольно большого числа языков, в том числе и русского. На обратной стороне карточки можно разместить эквивалент на известном обучаемому языке, если визуального представления окажется недостаточно для семантизации понятия или концепта. Набор таких карточек можно отправить в мобильное приложение iOS или Android, в которых он может быть организован в систему упражнений.

Рис. 1. Лексическая единица в Barabook.

Очевидно, что такие карточки можно сделать не только для нарицательных слов. При помощи этого инструмента удобно готовить материалы для формирования и развития социокультурной компетенции, например, представив в нём имена государственных лиц, деятелей науки и культуры, названия достопримечательностей и т.п. (см. Рис. 2)

Рис. 2. Персоналии в Barabook.

В качестве второго простого и доступного инструмента, который удобно как инкорпорировать в Google Класс для дополнения Barabook, так и использовать самостоятельно, можно назвать Е-Треники [Е-Треники].

Прежде всего его можно использовать для отработки знания грамматических категорий и формирования соответствующих навыков. На Рис. 3 представлен скриншот: это динамичная игра, в ходе которой обучаемый классифицирует изученные в ходе работы с Barabook слова по грамматическому роду. В зависимости от подготовки обучаемого делать это можно с разной скоростью: она легко настраивается. Предусмотрены также различные варианты дизайна. В качестве некоторого недостатка актуальной версии этого инструмента можно назвать отсутствие совместимости с мобильными приложениями. Следует отметить, что возможности использования в обучении языку такой игры-классификатора гораздо шире, чем отработка грамматических навыков, но в первую очередь инструмент формирует, развивает и корректирует, конечно же, их. Преподаватель может быстро и легко разработать целую систему интерактивных практических заданий по языку любой степени сложности: инструмент имеет гибкую систему настроек.

Рис. 3. Классификация слов в еТреники

В том случае, если учащийся допускает ошибку, он получает мгновенную обратную связь (см. рис. 4).

Рис. 4. Оперативное сообщение об ошибке в выполнении задания

еТреники имеет несколько форматов заданий, среди которых особенно хотелось бы отметить работу с картами – незаменимый инструмент для занятий по социокультурной компетенции (см. Рис. 5).

Рис. 5. Работа с картами в еТреники

Кроме того, достаточно функционально можно использовать инструмент разбора слов по составу, что необходимо для работы, например, с многочисленными аффиксами русского языка и однокоренными и одноструктурными словами (см. Рис. 6).

Рис. 6. Разбор слова по составу

Итак, даже используя такой доступный сервис, как Google Класс и два очень простых инструмента, преподаватель (консультант) может самостоятельно организовать полноценное смешанное индивидуальное или групповое обучение русскому языку как иностранному.

Кроме того, можно привлекать и другие сервисы и приложения, опираясь на инструмент учебного планирования «ПАДагогическое колесо» [Колесо Аллана Каррингтона], в котором доступные и несложные для освоения и применения средства электронного обучения классифицированы в соответствии с таксономией Б. Блума.

Литература

1. *Вайндорф-Сысоева М.Е.* Методика дистанционного обучения: учеб. пособие для вузов/ М.Е. Вайндорф-Сысоева, Т.С. Грязнова, В.А. Шитова; под общ. Ред. М.Е. Вайндорф-Сысоевой. М.: Издательство Юрайт, 2017. 194 с.
2. *Bloom, B.S.,* (Ed.). 1956. Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals: Handbook I, cognitive domain. New York: Longman.

Сервисы и инструменты

3. eТреники https://etreniki.ru/ (дата последнего обращения 27.05.2019)
4. Колесо Аллана Каррингтона https://designingoutcomes.com/assets/Padagogy_Wheel_Translations/-Padagogy_Whl_V4_RUS.pdf (дата последнего обращения 27.05.2019)
5. Barabook https://www.barabook.ru/start (дата последнего обращения 27.05.2019)
6. GoogleКласс https://classroom.google.com (дата последнего обращения 27.05.2019)

СМЕХОВАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В ЖУРНАЛИСТИКЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

Исследование проводится при финансовой поддержке РНФ (проект 19-18-000530)

В.В.ВАСИЛЬЕВА
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
v.v.vasilieva@spbu.ru
Л.Ю.ИВАНОВА
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
l.y.ivanova@spbu.ru

Ключевые слова: *русский язык в медиа, смеховая речевая культура, комическое, медиалингвистика, лингвопраксиология, магистратура.*

Смеховая культура российских медиа отражает специфику современной коммуникации. Медиадискурс эксплуатирует смеховые ресурсы языка далеко за пределами исторически сформировавшихся сатирических журналистских жанров, и изучение комических эффектов сегодня не ограничивается традиционными оценками нормативности и этичности. Лингвопраксиологический подход к комическому имедиалингвистический инструментарий его анализа применяется в учебной дисциплине «Смеховая речевая культура в журналистике» для магистрантов программы «Профессиональная речевая деятельность в массмедиа» (СПбГУ).

ViktoriiaVasileva, LiubovIvanova – HUMOROUS SPEECH CULTURE IN JOURNALISM: THE RELEVANCE OF THE DISCIPLINE AND METHODICAL TASKS

The study was carried out with the financial support of the RSF (grant 19-18-00530).

Key words: *Russian language in media, humorous speech culture, comic, media linguistics, linguo-praxeology, masters degree.*

Russian media humorous speech reflects the specific of modern communication. Media discourse exploits comic linguistic resources breaking the limits of historically formed satirical genres of journalism, and today's studying of comic effects do not restricted by the traditional assessments of normativity and ethical correctness. Linguo-praxeological approach to the comic and media linguistic tools for analysis of the comic are used in the discipline «Humorous speech culture in journalism» taught to the master students of «Professional speech activity in mass media» program (SPbSU).

Задачи профессионально ориентированного обучения русскому языку выходят сегодня за рамки традиционных представлений: навыки коммуникации в тех или иных областях профессиональной деятельности– это не только владение стилистическими и стилевыми регистрами общения, но и специфические коммуникативно-речевые компетенции, требующиеся в конкретной профессиональной деятельности.В отношении подготовки будущих медиадеятелей (журналистов, редакторов СМИ, рекламистов и PR-деятелей) речевую коммуникацию можно без преувеличения считать важнейшей учебной дисциплиной. При этом на ступени магистратуры существует возможность существенно углубить представления о коммуникативных принципах профессии. На этом убеждении построено введение в учебный план магистратуры «Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа» (Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра медиалингвистики) такого новаторского учебного курса, как «Смеховая культура в журналистике».

Смеховая культура российских медиа – реализуемая, в частности, речевыми средствами – явление, отражающее специфику современной коммуникации в различных сферах общения – в повседневном бытовом, политическом, академическом дискурсе и арт-дискурсе (в том числе в музыке, живописи, фотографии,дизайне, архитектуре) [Шилихина 2014, Wang 2002].

Комические личные нарративы бытовогодискурса, публикуемые в медиапространстве, в Интернете, структурируются «противоречием между двумя линиями интерпретации, первая из которых отражает реальное, обиходное и конкретное положение дел, а вторая допускает фантастическую, либо патетическую, либо трафаретную версию описываемого события» [Карасик 2017: 208]. В политическом дискурсе, опосредованном медиа, исследователи видят элементы «клоунады и карнавальности речи», реализуемые средствами иронии, черного юмора, обсценной лексики [Горностаева 2018: 63] и особенно отмечают роль иронии, которая «представляет собой модель современного мировосприятия политических реалий как семантически неоднозначных, интертекстуальных, культурно-обусловленных компонентов постмодернистской мультимедийной картины мира» [Веселова 2003: 5]. Даже в академическом дискурсе ученые «используют модус коммуникации nonbonafide, в том числе иронию» [Шилихина 2014: 271]. Арт-дискурс дает примеры комического в различных семиотических системах, например, в музыке, где «создание системы ценностей и последующее её отражение в музыкальных произведениях невозможно без комической рефлексии» [Горячева 2009: 152].

Медиадискурс, отражая указанные общекультурные тенденции комических преобразований, сегодня эксплуатирует смеховые ресурсы далеко за пределами традиционных сатирических журналистских жанров. Так, в «международной журналистике для выражения отношения к чужим позициям «третьих лиц» активизировалась комическая модальность, часто принимающая форму троллинга» [Дускаева 2018а: 57]. По наблюдениям Соболевой И.А., в телевизионном медиа дискурсе используется ряд коммуникативных стратегий, основу реализации которых составляет ирония как способ «личностного отстранения, дистанцированияот реальности»: оценочно-аксиологическая, манипулятивно-воздействующая, экспрессивно-апеллятивная [Соболева 2018: 45-47]. Иронию как важнейшую составляющую интенциональности, как постмодернистскую манеру письма исследователи считают определяющей в репортажах А. Колесникова в газете «Коммерсантъ» [Малышева 2019: 236]. Активная развлекательность и юмор присущи такой части массовой коммуникации, как видеоблогинг: «видеоблогер в подавляющем количестве случаев является шутом, смотря и слушая его, зритель должен смеяться» [Боровенков 2017: 125].

Практикуемый в медиалингвистикепраскиологический подход, интегрируя различные методики, процедуры и приемы исследования медиаречи, с позиций эффективности исследует средства, формы, способы, закономерности протекания речевой деятельности в медиа и использует для этого принципы, устоявшиеся в праксиологии – «теоретически осмысленной практике, выстраивающей деятельностные структуры через модельно-интеллектуализированные поля» [Семченко 2016: 6]. В медиалингвистике процесс решения исследовательских речеведческих задач с опорой на задачи праксиологические –«1) разработка типологии средств действий; 2) установление эффективных нормативных систем действия; 3) выявление процедур деятельности; 4) критика человеческих действий с точки зрения их достоинств и критика методов, применяющихся в этих действиях» [Дускаева 2018б: 79] –стал основой для формирования четырех аналитических векторов в рамках медиалингвистической теории – грамматикимедиаречи, стилистики текстов СМИ, медиадискурсологии, критического анализа языка печати. Таким образом, медиалингвистика использует праксиологические подходы при анализе целесообразности и нормативности использования языка в процессе профессиональной речевой деятельности [Дускаева 2017: 50].

Лингвопраксиологический подход плодотворен и в образовательной практике, его применение открывает перспективы для выработки практических принципов изучения такого сложного и неоднозначного явления в современной медиаречи, как комическое.Выявление элементов и форм «смехового» инструментария, которым пользуется медиадеятель, стало одной из ключевых задач дисциплины «Смеховая культура в журналистике». Медиалингвистическийпраксиологическийанализ комического в текстах современных СМИ, сосредоточенный на выявлении авторской целеориентированности при осуществлении речевых действий, помогает вскрыть специфику комическогокак в российских, так и в иностранных медиатекстах, что особенно важно для учебных групп с международным составом, включающимстудентов из КНР. Таким образом, наполнение дисциплины модифицируется в зависимости от состава учебной группы и может включать в себя изучение смехового феномена в иностранной медиаречи.

Профессиональная деятельность в области массмедиа предполагает понимание массмедийного дискурса как составной части единого культурного пространства. Изучение дисциплины направлено на развитие у обучающихся способностей применения социологических, искусствоведческих, лингвистических, психологических теорий и, в целом, теории комического к анализу журналистских текстов. Магистранты знакомятся с историческими формами комического и ролью смеха в мировой культуре.

Задача курса – дать обучающимся представление об актуальном состоянии смеховой культуры в российской журналистской практике с опорой на этико-эстетические обоснования феномена «смешного» и в контексте истории отечественной журналистики.

Для выполнения этой задачи магистранты знакомятся с метаязыком дисциплины и основными этико-эстетическими концепциями смеха.

В ходе изучения базовых понятий теории комического в приложении к журналистике решается задача развития у обучающихся навыков самостоятельной оценки функции комических приемов в массмедийных произведениях (в прессе, радио- и телеэфире). В результате освоения программы курса магистранты получают профессиональные знания в области смеховых жанров в массмедиа; осваивают приемы анализа жанровых особенностей массмедийных продуктов в аспекте функций, реализуемых с помощью приемов комического. Магистранты вырабатывают навык критической рациональной оценки использования комического в журналистском произведении (осознанность, уместность, смысловая нагрузка и пр.) и овладевают практическими навыками работы по редактированию текстов с целью гармонизации комической формы и содержания.

Структура дисциплины включает три тематических модуля: 1. Этико-эстетические обоснования смеховой культуры. Смех как феномен культуры (6 лекционных часов); 2. «Смешное» в истории журналистики. Юмор и сатира в печатных СМИ (4 лекционных часа); 3. Реализация функций смешного в современных СМИ. Юмористические телепередачи на национальном телевидении (4 лекционных часа). В каждом модуле предусмотрены семинарские занятия (всего 14 аудиторных часов), основная цель которых не закрепить содержание лекций, а выйти за пределы лекционной проблематики. Программой предусмотрено 26 часов самостоятельной работы студентов с использованием методических материалов, предоставляемых преподавателем. Так, студентам предлагаются материалы специального словаря [Васильева 2015], где собраны примеры комических номинаций; студенты получают конкретные задания с целью определения собственно журналистской составляющей в содержании обсуждаемыхмедийныхпродуктов, анализируюттексты с точки зрения качества юмора с использованием методов анализа, разработанных автором настоящей дисци-

плины [Бегун 2009].Студенты делают сообщенияпо теоретическим исследованиям: в частности, им предлагается реферировать новейшие исследования юмора в специализированных изданиях (например: EuropeanJournalofHumourResearch). Подготовленные в малых группах презентации «Комическая речь в онлайн-коммуникации» призваны инициировать дискуссию вокруг того факта, что «the principles of humour production remain the same in online places, but the technologies we use shape the ways we joke» – [«принципы продуцирования юмора сохраняются и для онлайн-ресурсов, но технологии, которые мы используем, формируют способы создания шуток». - Перевод наш – *В.В., Л.И.*] [Weitz 2016]. Программой предусмотрена контрольная работа «Интерпретация прецедентности в комических жанрах политического медиадискурса», которая нацеленана понимание механизмов комического переосмысления действительности в современных медиа.

Дисциплина «Смеховая речевая культура в журналистике» представляется особенно полезной в аспекте межкультурного взаимодействия для групп, в которых обучаются иностранные студенты. Так, опыт работы с обучающимися из КНР показывает, что осмысление фактов чужого языка в непривычном аспекте комического содержания позволяет существенно углубить представлениястудентово феномене языковой картины мира, что, в свою очередь, мировоззренчески влияет на будущих медиадеятелей. Занятия по сопоставлению комического инструментария в медиа двух стран, по сути – двух культур, вырабатывают, на наш взгляд, навыки анализа, необходимого для профессиональной журналистской толерантности.

Литература

1. Боровенков А. Е. Смеховая культура видеоблогинга // Человек. Культура. Образование. 2017. № 1(23). С.122-128.
2. Бегун (Васильева) В.В.Пошлость и «наивный цинизм» как деструктивные качества журналистского текста // Этика речевого поведения российского журналиста: коллективная монография / ред.-сост. Л.Р.Дускаева. – СПб.: Астерион, 2009. С.167-192. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_13945-22965_4478.pdf; https://elibrary.ru/item.asp?id=20061219 (дата обращения 18.05.2019)
3. Васильева В.В. О проекте Словаря российского политического массмедийного жаргона (2004–2014) // Век информации. 2015. № 3. С. 71-73. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=25449000.
4. Горностаева А.А. Границы дозволенного в политическом дискурсе: ироничность, черный юмор, деструктивность, сквернословие // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 57–66.
5. Горячева Т. А. Комическое в музыке: история понимания//Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2009. Том 1. №4. С. 144-153.
6. Дускаева Л. Р. Медиадискурс // Медиалингвистика в терминах и понятиях: Словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. Члены редколлегии: В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. М.: Флинта, 2018. С. 55-61.
7. Дускаева Л. Р. Метод (общий) праксиологии в медиалингвистике// Медиалингвистика в терминах и понятиях: Словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. Члены редколлегии: В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. М.: Флинта, 2018. С. 79-83.
8. Дускаева Л. Р. Праксиологическое нормирование в журналистской речевой деятельности // Русский язык за рубежом. 2017. № 5. С. 49-56.
9. Малышева Е.Г. Иронический журналистский дискурс сквозь призму авторской интенции (Андрей Колесников, газета «Коммерсантъ») // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения. Сб. мат.Междунар. научн. форума. В 2-х томах. Отв. ред. В.В. Васильева. СПбГУ. СПб.,2019. Т.2. С. 235-237.
10. Карасик В. И. Аксиогенные комические личные нарративы // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 203-209. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-203-209.
11. Семченко Е. Е. Философия образования: от альтернативных подходов к праксиологии и академизации // KANT . № 4 (21). Декабрь. 2016. С. 63-66.
12. Соболева И.А. Функциональный потенциал иронии в современноммедиадискурсе // Дискурс-Пи. 2018.Т. 15. № 3-4 (32–33). С. 44-49.
13. Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Воронеж, 2014.
14. WangJinlin (Ван Цзиньлин). Характеристики и средства выразительности юмористической речи в СМИ России (на китайском языке). 2002. DOI: 10.16263/j.cnki.23-1071/h.2002.03.010 // China National Knowledge Infrastructure. URL: http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=-CJFD2002&filename=OUTL200203009&v=MjI3NDhIdFBNckk5RmJZUjhlWDFMdXhZUzdEaDFUM3FUcldNMUZyQ1VSTE9mWStSc0ZpcmhVNy9KS2pqZllyRzQ= (датаобращения 20.04.2019).
15. Weitz E. Humour and social media // European Journal of Humour Research. 2016. 4 (4) 1–4. URL: http://dx.doi.org/10.7592/EJHR2016.4.4.weitz

УДК 378Е70

ТАНДЕМ-МЕТОД КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ МОЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ УЧЕБНЫМ ПРОЦЕССОМ ПРИ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

И.В. ГАВРИЛОВА
Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого, Россия
ir.gavrilova@yandex.ru
А.В. РУБЦОВА
Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого, Россия
annarub2011@yandex.ru

Ключевые слова*: тандем-метод, русский язык как иностранный (РКИ), профессионально ориентированное обучение, продуктивный подход, профтандем, профессиональные и коммуникативные компетенции.*

Статья посвящена проблеме обучения иностранных студентов-магистрантов в качестве преподавателей русского языка как иностранного в смешанных группах. Авторами представлена профессионально-ориентированная модель управления учебным процессом, в основе которой лежит тандем-метод, позволяющий создавать тандем-пары между русскими и иностранными студентами для взаимовыгодного овладенияпрофессиональными и коммуникативными компетенциями. Данная модельоснована на продуктивном подходе, имеет практический характер и базируется на осознанном, мотивированном изучении русского языка как иностранного.

I.V. GAVRILOVA, A.V.RUBTSOVA – Tandem-method as professional model of education management of the future Russian language teachers

Key words: *tandem-method, Russian as a foreign language (RFL), professional education, productiveapproach, tandemmethod, professional andcommunicativecompetences.*

The article is devoted to the problem of training foreign undergraduate students as teachers of the Russian language in mixed groups. The authors present professionalmodel of educational management which is based on the tandem method with creating pairs of students of different nationalities (Russian and foreign students)to form professional and communicative competences. This model is based on the productive approach. It has practical orientation and is based on conscious and motivated study of Russian as a foreign language.

Условия жизни современного человека за последние десятилетия сильно изменились. С развитием техники и электроники скорость обмена информацией увеличилась в геометрической прогрессии. Общество предъявляет новые требования и к образовательному процессу, одним из них является «…требование ускорения процесса обучения вместе с повышением его качества» [Кулишова 2014: 64].

Однако, всё чаще преподаватели в университетах сталкиваются с проблемой сокращения аудиторных часов, что напрямую влияет на качество знаний студентов по предмету. Особенно трудно удержать качество знаний при обучении иностранных студентов, которые должны усваивать одновременно и специальные предметы, и учить русский язык – инструмент к пониманию языка специальности.

В связи со сложившейся ситуацией в образовании возникла необходимость в новых интенсивных методах обучения иностранному языку (русскому в том числе), таких как метод проектов, сотрудничество, «языковой портфель», коммуникативный метод, тандем-метод и др.

При работе в смешанных группах, где иностранные студенты изучают специальные предметы наравне с русскими, целесообразно и эффективно использовать тандем-метод. На применении этого метода в преподавании в высшей школе мы остановимся более подробно.

Впервые тандем-метод появился в 60-е годы XX века в Германии для совместного изучения студентами французского и немецкого языков. В дальнейшем получил своё развитие как один из эффективных, приближенный к естественным условиям

способ изучения иностранного языка с носителем языка: были созданы тандем-сети в Интернете, тандем-центры в вузах и т.д. [Сысоев, Амерханова2016: 156]

В методике преподавания иностранных языков тандем-метод определяют как «…способ самоуправляемого изучения иностранного языка носителями различных культур, работающих в паре или группе». [Мкртычева2012: 91] Тандемы бывают индивидуальные и коллективные, чаще всего организуется тандем-пара.

Тандем-метод имеет четкие принципы организации: обоюдности (получение равноценной пользы для обеих сторон), автономности (предполагает свободу в выборе учебных материалов и способов обучения) и взаимной ответственности (каждый несет ответственность за результат обучения). [Кулишова 2014: 66]

Как показывает практика, тандем-метод в методике преподавания неродного языка зарекомендовал себя как эффективный интенсивный способ изучения языка. Но тандем-метод в последнее время стали применять и при профессионально-ориентированном обучении иностранных студентов в смешанных группах. В данном случае мы рассматриваем слово «тандем» в значении «…совместная с кем-либо деятельность» [Сысоев, Амерханова2016: 156], т.е. при создании профессионального тандема (профтандема) ведущим является не обоюдное изучение языка, а формирование профессиональных и коммуникативных компетенций у русских и иностранных студентов посредством русского языка как иностранного.

Данный опыт обучения профессии мы представили в виде профессионально-ориентированной модели управления учебным процессом на основе тандем-метода.

Итак, обучая магистрантов методике преподавания русского языка как иностранного в смешанной группе, мы столкнулись с проблемой: с одной стороны, иностранные студенты не имеют достаточного уровеня русского языка для его преподавания, с другой стороны, у русских студентов отсутствует опыт работы с иностранцами.

Поэтому мы создали профтандем-пары, где к русскому студенту-куратору был закреплён иностранный студент. Данный вид тандема относится к традиционному: **«ученик-ученик»**. Обучаясь в тандеме, иностранный студент имеет возможность не только изучать русский язык, общаясь с русским студентом, но и осваивать в полной мере профессионально-ориентированную лексику, получить профессиональные навыки преподавания в совместно разработанных фрагментах уроков по РКИ, изучать социокультурный аспект языка. Российский же студент получает обширный практический опыт преподавания: ввод и закрепление лексики, создание урока по РКИ с последующим его проведением в иностранной аудитории, анализ ошибок как преподавательских, так и ученических, рефлексия и развитие профессиональных качеств.

В данной модели управления учебным процессом присутствует и такой вид тандема, как **«ученик-преподаватель»**. Преподаватель занимает центральное место в данной модели, но он всегда находится на теневой стороне процесса обучения, т.к. дает свободу в принятии преподавательского решения своим кураторам, с одной стороны, а, с другой стороны, позволяет самостоятельно накапливать базовую профессионально-ориентированную лексику, навыки и опыт преподавания РКИ. В данной модели организации учебного процесса преподаватель осуществляет следующие важные функции: мониторинг, контроль, оценка образовательного продукта (См. Схема 1). Поэтому процесс обучения не становится стихийным. Он управляем и целенаправлен, несёт практический характери основывается на продуктивном подходе, т.к. ориентирован на конкретный образовательный продукт: урок, реферат, статья, профессионально-ориентированный лексический словарь и т. д.[Рубцова 2018]

Кроме традиционных двух видов тандема («ученик-ученик» и «ученик-преподаватель»), в данной модели функционирует и третий вид – **«преподаватель-преподаватель»**. Но как может существовать данный вид модели, если в учебном процессе задействован только один преподаватель?

При обучении студентов-лингвистов, будущих преподавателей РКИ это не только возможно, но и целесообразно и эффективно. Преподаватель, делегируя свои полномочия, а именно: проведение фрагмента урока по РКИ, анализ устных и письменных работ, оценивание образовательных продуктов иностранных и русских студентов, создает тем самым тандем-группу преподавателей в лице сначала русских студентов-кураторов, а впоследствии и иностранных студентов.

Схема 1 «Тандем-метод как профессионально-ориентированная модель управления учебным процессом»

Создание профтандемов при работе со студентами в смешанных группах просто необходимо, особенно в тех случаях, когда выход в практику затруднён по объективным обстоятельствам. Целямитакого обучения являются: повышение уровня языковой (профессиональной) компетенции, развитие межкультурной компетенции, повышение мотивации и осознанного изучения иностранного (русского) языка, развитие самостоятельности, автономности и ответственности за общий результат и преодоление страха перед ошибками как преподавателя (для русских студентов), так и языкового барьера (для иностранных студентов).[Орловская, Соколова 2016: 32]

Хотя обучение проходит на одном (русском) языке, но российские студенты в роли преподавателей имеют возможность познакомиться с особенностями других языков и их влиянием на усвоение русского языка. Иностранные студенты, имея постоянное общение с русскими студентами, повышают свой уровень языка в различных сферах общения: от бытового до научного дискурса.

При организации процесса обучения в рамках тандем-модели становится возможным обмен информацией и опытом в профессиональной сфере, проектная деятельность, развитие способности управлять учебной ситуацией, вести коммуникацию в профессиональной сфере, презентация собственных образовательных продуктов с

дальнейшим внешним и внутренним оцениванием. [Кудрявцева, Тимофеева 2014: 15, 18]

К достоинствам данного метода обучения относится также: взаимное обучение в реальной ситуации общения с носителем языка; индивидуальный и продуктивный подход; самостоятельностьи ответственность тандем-партнеров;оценка не процесса обучения, а результата; проецирование теоретических знаний на практику, приобретение профессионального опыта и т.д.

Литература

1. Кудрявцева Е.Л., Тимофеева А.А. Тандем-метод в обучении как основа взаимной профподготовки в рамках образования длиною в жизнь //Межкультурная коммуникация: аспекты дидактики. - Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2014. – С. 13-20

2. Кулишова М.О. Изучение иностранного языка по тандем-методу на примере учебной программы «тандем-пара» // Лингвистика и межкультурная коммуникация в современном мире. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2014. – С. 64-71

3. Мкртычева Н. С. Современные методы обучения иностранным языкам в вузе (на примере билингвального обучения и тандем-метода) //Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2012. - № 3 (58). – С. 91-92

4. Орловская А.А., Соколова М.Л. Изучение иностранных языков в вузе: тандем-метод // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. – Казань: ООО Научно-образовательный центр «Знание», 2016. - № 1 (3). – С. 31-35

5. Рубцова А.В. Продуктивный подход к обучению русскому языку аспирантов-иностранцев. // Письма в Эмиссия. Оффлайн: электронный научный журнал. – 2018. – № 1.

6. Сысоев П.В., Амерханова О.О. Обучение письменному научному дискурсу аспирантов на основе тандем-метода // Язык и культура. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. - № 4 (36). – С. 149-169

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СРАВНЕНИЯ КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ ЦЕННОСТНОГО ОСВОЕНИЯ МИРА

Г.Ю. ДЗЮБКО

Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище, Россия

dg108@mail.ru

Ключевые слова: *сравнение, образность речи, ценности, травелог, эмотивно-оценочная функция.*

В статье рассматривается сравнение как одна из форм ценностного освоения мира. Наглядность и эвристичность сравнений позволяет использовать их как эффективное средство в процессе формирования образности речи. Методические особенности использования сравнений рассматриваются на языковых примерах текстов русских писателей об Армении.

GALINA YU. DZYUBKO – Methodological features of the study of comparison as a form of value development of the world

Key words: *compare the imagery of speech, values, traveloh, emotive-evaluative function.*

The article considers the comparison as one of the forms of value development of the world. Visibility and heuristic comparisons can be used as an effective tool in the formation of speech imagery. The methodological features of the use of comparisons are considered on the basis of language examples of Russian writers ' texts about Armenia.

Речь человека является своеобразным зеркалом его культуры. А сформированность образного мышления и речи многие исследователи рассматривают как показатель развития интеллектуальных способностей. Если вербальная логика характеризуется сменой одних суждений другими, то логика образная (в том числе и словесная) имеет другую специфику. Решение задачи в образах происходит с опорой на наглядный материал, поиск и нахождение стратегии решения ведутся одновременно в разных направлениях, иногда мало связанных между собой. Эвристичность образов, их яркость и наглядность помогают лучше усвоить новое знание. Поэтому для продуктивной интеллектуальной деятельности, в том числе и учебной, необходима способность воссоздавать в сознании образы предметов или явлений, которые в данный мо-

мент не воспринимаются, и умение регулировать свои действия этими образами. Образ достаточно часто отражает такие стороны реальности, которые не могут быть выражены понятием в силу своей абстрактности. По выражению А.А. Потебни, различие между поэтическим образом и научным доказательством состоит в том, что «поэтический образ, представляя явление в общем и конкретном виде, открывает такие возможности восприятия жизни, каких не заменишь самыми точными и глубокими выкладками» [Потебня 1976: 503].

Для коммуникации важна такая особенность образного мышления, как стремление принимать тот или иной образ вместе с содержащимися в нем оценками. Более того, эмоциональность в восприятии делает образы значительными и в социальном плане. При этом высшими ориентирами поведения являются ценности, которые возникают на основе жизненного опыта индивида и представляют собой личностно окрашенное отношение к миру. Подчеркнем, что ценности – это фундаментальные характеристики культуры. На основе ценностных представлений образуется система ценностных ориентаций личности, а уже каждый индивид упорядочивает их по-своему, в зависимости от потребностей, мировоззрения, воспитания. Система ценностей, особенности миропонимания отражаются в языке. Более того, по мнению лингвистов, «язык – важнейший источник знаний о человеке… Человек выступает как мера всех вещей… Язык обеспечивает определенную, общую для всех носителей организацию пространства и времени. Каждая культура создает свое пространство и время, в котором протекает история народа» [Маслова 2011: 11].

В основе сравнения лежит эталонный образ, который не только передает идею похожести сопоставляемых предметов, явлений, признаков, но и – прямо или косвенно – дает ценностные характеристики обозначаемому. Поэтому особое место в процессах пользования языком занимает сравнение как один из основных приемов познания мира и в то же время средство выражения рациональных и эмоциональных оценок. В языковых сравнениях познавательная и эмотивно-оценочная функции реализуются одновременно. А через образное содержание в этих конструкциях воплощаются менталитет народа и его духовная культура. У каждого народа наряду с универсальными языковыми знаками непременно существует набор уникальных образных единиц, отражающих его собственное представление о соизмеримости свойств и черт человека со всевозможными признаками, свойствами и чертами окружающих предметов. Эти языковые единицы ориентированы на конкретные реалии, для них типичной является задача сделать объект наглядным. Такие сравнения усиливают образность, насыщают ее дополнительными символическими смыслами и делают текст национально и культурно маркированным, причем принадлежность сравниваемых объектов к далеким сферам создает неожиданные ассоциативные связи между предметами, что не только увеличивает информацию, но и усиливает экспрессивный эффект: чем дальше друг от друга в реальности сравниваемые объекты, тем ярче их экспрессия. В этом проявляется также эвристическая функция сравнений: они позволяют глубже и шире познать реалии мира, осмыслить их с самых различных, часто, неожиданных сторон.

Следовательно, изучая сравнение как один из фактов языка, мы одновременно вовлекаем ученика в процесс выработки новых смыслов, согласованных с «вечными», традиционными для национальной культуры ценностями. Иными словами, формируем языковую картину мира, адекватную современному состоянию общества [Архипова 2019: 34].

Отметим, что мышление и речь, которыми ребенок овладевает с самого раннего возраста, изначально никак не связаны с художественно-словесным образом. Только при интеллектуально-эстетическом развитии учащийся проходит путь от ассоциативного установления связей между словом и конкретным предметом к слову обоб-

щающему и только при условии речевого развития – к слову образному. Поэтому при изучении языка необходимо не только изучать слово, но и учить чувствовать, переживать эмоционально.

Пик готовности к восприятию и реализации эмоциональной выразительности текста, по мнению проф. Е.П. Суворовой, приходится на 7–8 классы. Если для учащихся 5–6 классов характерны эмоциональная наполненность, отзывчивость, не получающие реализации из-за неумения выразить свои чувства в слове, ограниченности языковых средств, которыми владеют дети, то у старшеклассников снижение эмоциональности связано с усилением рационалистического подхода к выполнению учебных заданий. А это, в свою очередь, ведет к обеднению восприятия и реализации содержания высказывания. Поэтому систематическая работа по формированию образности речи учащихся с учетом их возрастных особенностей будет способствовать интеллектуальному развитию детей [Суворова 2000: 56].

Методически целесообразно начинать работу над образными средствами языка со сравнения, потому что сравнение в онтогенезе ребенка чрезвычайно частотно и занимает в общем континууме речи значительно большее место, чем в речи взрослых носителей языка. Сравнение дети начинают употреблять рано, в возрасте около двух лет, а к четырем годам осваивают собственно сравнительные конструкции, причем ребенок выражает собственное видение мира при помощи безграничной фантазии, создавая образы эмоционально-яркие, выразительные, высокоинформативные, подчас поэтические. В речи школьников (да и студентов–первокурсников зачастую тоже) сравнения нередко выполняют разъяснительную функцию. Подростки часто используют сравнения как средство оценки, чтобы утвердить себя в глазах сверстников и родителей. По словам К. Д. Ушинского, «сравнение есть основа всякого понимания и всякого мышления. Все в мире мы узнаем не иначе как через сравнение, и если бы нам представился какой-нибудь новый предмет, который мы не могли бы ни к чему приравнять и ни от чего отличить … то мы не смогли бы сказать о нем ни одного слова. Такое основное положение сравнения во всем процессе человеческого понимания указывает на то, что в дидактике сравнение должно быть основным приемом» [Ушинский 1950: 332].

Важнейшим средством обучения языку является дидактический материал, который должен соответствовать таким лингводидактическим критериям, как доступность, дидактическая ценность, информативность и познавательная ценность, прагматическая направленность и творческий потенциал, личностно-ориентированная направленность, согласованность с системой изучаемого материала. В основу критериев отбора материала должны быть положены принципы речевого развития (по Е.В. Архиповой), как то: принцип градуальности, принцип опоры на алгоритмы речи, принцип единства языка и обучения речи. Немаловажно, что при составлении заданий необходимо сочетать, на наш взгляд, те из принципов, которые обеспечат «возможность выработки знаний, умений и навыков вместе с возможностью приобретения опыта речевой деятельности и опыта эмоционально-ценностного отношения к тому, о чем говорится в тексте» [Архипова 2019: 12]. Из имеющихся в арсенале методики нужно отбирать те, которые оптимально решают задачи развития языковой способности, с одной стороны, и приобщают учащихся к культуре нации – с другой. По мнению ученых-методистов, в процессе преподавания родного языка центральной единицей обучения должен стать текст как речевое произведение. Особенное значение приобретает это утверждение в аспекте исследуемой нами проблемы: во-первых, метафорическое, образное значение возникает у обучающихся, только если слово находится в условиях контекста; во-вторых, сравнение как преимущественно семантико-синтаксическое явление осуществляется в таком минимальном тексте, как предложение или сложное синтаксическое целое.

Такой подход к работе позволяет создать языковую ситуацию, приближенную к естественной, повышает мотивацию ученика, способствует разнообразной мыслительной деятельности, развитию его речевых умений. А работа с текстами, отражающими реалии культуры «обуславливает формирование национального (и интернационального) сознания и менталитета у подрастающей личности» [Архипова 2019: 35].

На наш взгляд, при выборе языковых образцов в качестве дидактического материала принципиально важной является точка зрения проф. Е.В. Архиповой: «Именно смысл является той интегративной категорией, которая объединяет все категории в речевом развитии ребенка. От смысла высказывания – к смыслу слова в контексте, а затем к значению слова и наоборот – вот направление движения в развитии речи…» [Архипова 2019: 62]. Поэтому основными единицами обучения являются слово и словосочетание (как номинативные единицы языка и речи), предложение и текст (как коммуникативные единицы), реализующие соответственно номинативную и коммуникативную функции языка. Данные единицы необходимо изучать во взаимосвязи, а каждую - в единстве значения, функции и формы. Сравнение в этом отношении универсальное явление: это и грамматическая категория, и образное средство языка. Следовательно, изучение сравнительных конструкций позволит осуществить функционально-системный подход к обучению русскому языку и одновременно формированию образности речи, и в целом – к интеллектуальному развитию подростков. Так, при усвоении лексических и грамматических значений сравнения учащиеся осознают, как отражается в языке окружающая действительность, а при осознании способов создания образности речи они чувствуют, как отражается в языке внутренний мир человека.

В качестве языкового материала, на наш взгляд, целесообразно использовать тексты, относящиеся к жанру литературного путешествия (травелога). Основная задача такого произведения прежде всего познавательная, но автор может ставить философские, публицистические, психологические и другие задачи. Вот фрагмент из повести К. Г. Паустовского «Бросок на юг»: «Я метнулся от одного окна к другому, к третьему, потом изо всей силы схватился за ремень, рванул раму и опустил ее. Вместе с холодным воздухом ворвалась в вагон резкость очертаний и чистота красок, – там, снаружи, в древнейшем и девственном небе вздымалась к самому зениту, закрывая весь край земли и половину неба, двугорбая снеговая гора. Это был Арарат. Снега его казались поднятыми вплотную к солнцу. Блеск их наполнял воздух светящейся мглой.

Арарат! Все мифы древности, все сказки далеких веков были воплощены в этой исполинской горе. Земли, что простирались у ее могучего подножия, не были даже видны: их закрывала толща воздуха. Вершина горы стояла над миром, проступая сквозь мглу…

Тысячелетия прикасались к моим глазам. Я дышал воздухом, нагретым камнями, в изобилии усыпавшими Армению. Камни получали этот жар от огромного солнца, резавшего здесь небесную синеву с уверенностью и силой.

Ему, этому солнцу, молились наши предки, чтобы оно не испепелило их землю, их кожу, их волосы. Реки света лились на землю, и сквозь их блеск доносилось гневное ржание коней и оскорбленный плач ослов.

Здесь был узел религий, преданий, легенд, истории, не отделимой от поэзии, и поэзии, закаленной в пламени истории» [Паустовский 1968: 132–133]. В данном отрывке яркость описания, насыщенного изобразительно-выразительными средствами, соединяется с восхищением автора, отсюда – сложная образность. Сравнения здесь усиливают общую гиперболизацию, поэтому используются либо в форме превосходной степени (*древнейшем*), либо как сложное слово (*двухгорбая*), либо конструкцией (*казались поднятыми*…). Писатель видит не просто красивый пейзаж, он обобщает:

то, что он видит, – одно из начал истории человечества. Использование такого текста в качестве дидактического материала даст возможность рассмотреть широкий круг языковых явлений и выполнить «сверхзадачу» – учиться видеть большое в малом, понимать не только различие культур, но и факторы, объединяющие народы. Этому способствует также использование местоимения «наши» (*наши предки*) и абстрактных существительных.

Характерной чертой травелога является свободное повествование. Самые разные элементы композиции (истории, сценки из жизни, описания, размышления автора и т.п.) организуются в целом однотипно: внешние впечатления – чувство, оценка увиденного – общечеловеческий (философский) вывод. Так построен текст К.Г. Паустовского, тот же принцип в поэтическом эссе С. Липкина «Армянский храм»: «Здесь шахиншах охотился с гепардом / И агарянин угрожал горам. / Не раз вставало горе над Гегардом, / Мы войско собирать не успевали / И в камне прорубили крепость-храм. / И кочевали мы, и торговали, / И создавали, каясь и греша, / Уже самих себя мы забывали / И только потому не каменели, / Что в камне зрела и росла душа» [Армянский музей культуры наций]. Отличительная особенность приведенного отрывка в том, что он рассчитан на читателя, знающего историю Армении: в тексте только упомянуты собственные наименования. Сравнение тоже использовано: крепость – это храм, или храм как крепость (понятия совмещены, поэтому появляется многозначность, мысль углубляется). Такой фрагмент значим и с методической точки зрения, потому что способствует стремлению узнать историко-географические реалии, провести культурные параллели (автор использует интертекстовые элементы). Тот же прием использован и в стихотворении В. Брюсова «К Арарату»: «И предо мной свой белый конус / Ты высишь, старый Арарат, / В огромной шапке Мономаха». Употребление метафоры (*в шапке Мономаха*) помогает сблизить культуры, по-новому ощутить особенности описываемого.

Использование универсальных сравнений сближает культуры. Авторская оценка в травелоге открыта (что характерно для публицистики), поэтому читатель легко ее понимает, что, безусловно, важно для формирования собственной мировоззренческой позиции: ученики знакомятся с точкой зрения человека не только заинтересованного, но и увлеченного, уважающего чужую культуру и обычаи и при этом не забывающего о своей. Жанр путешествия универсален, богат возможностями формы и непосредственного выражения мыслей и чувств. Как, например, текст М. Шагинян «К Армении»: «С какой отрадой неустанной, / Молясь, припоминаю я / Твоих церквей напев гортанный, / Отчизна дальняя моя! Припоминаю в боли жгучей, / Как очерк милого лица, / Твои поля, ручьи, и кручи, / И сладкий запах чабреца… / Веленью тайному послушный, / Мой слух доныне не отвык / Любить твой грустно-простодушный, / Всегда торжественный язык. / Я знаю, мудрый зверь лесной / Ползет домой, когда он ранен, – / Ту боль, что дал мне северянин, / О, залечи мне, край родной!» [Армянский музей культуры наций]. Мариэтта Сергеевна использует свойственные национальной культуре образы («зверь лесной»), пытается не только лексически, но и ритмически, интонационно, средствами фоники передать особенности мелодики армянского языка.

Очень интересно, на наш взгляд, использование в качестве дидактического материала фрагментов из книги Андрея Битова «Уроки Армении» (Путешествие из России: Империя в четырех измерениях. Измерение III: повести-путешествия). В книге пространство Армении усваивается автором через слова, истории, услышанные от людей, пейзажи, ароматы зелени, вкус деревенского сыра, лаваша. Писатель метафоричен: в стопке лаваша он видит «древнюю-древнюю рукопись». Битов строит повествование «как храм, – мгновенным взглядом назад, с перевала», эта «цельная, семиглавная конструкция, вполне подобная объекту описания… не развалилась, устояла»

[Битов 2013: 483]. Он рассказывает о стране, истории, людях, судьбах, мастерски показывая величие и скорбь Армении. Позднее Битов заявит, что «книга была написана не об Армении, а о России. О другой, чем Россия, стране» [Битов 2013: 501]. Как видим, писатель очень точно определяет основной принцип травелога: противопоставление «своего» «чужому», но так, чтобы и понять, и принять это чужое. По сути, это своеобразное познание себя, своей страны через призму пространства и времени другой, другого народа, другой культуры и истории: «Всем известно — путешествие расширяет кругозор. Это верно. Но заключается это расширение в том, что шире видишь родину. Смысл путешествия в том, что вернешься домой…». В тексте множество сравнений, как простых, очевидных (и в грамматическом, и в смысловом отношении), так и сложных, метафоричных. Автор идет путем от простого – к сложному, от простых ассоциаций – к интертекстуальным и реминисцентным, на которые способен только вдумчивый читатель, собеседник. Вот, например, отрывок об алфавите: «А так я не обращал внимания на наш алфавит, не замечал его, более вслушиваясь в слово, чем всматриваясь в него. Задумался я об этом, лишь присмотревшись к армянскому алфавиту и наслушавшись чужого звучания речи. Это великий алфавит по точности соответствия звука графическому изображению. Тут все цельно и образует круги. Цепкость армянской речи («дикая кошка – армянская речь») так соответствует кованости армянских букв, что слово – начертанное – звякнет, как цепь. И так ясно представляются мне эти буквы выкованными в кузнице: плавный изгиб металла под ударами молота, слетает окалина, и остается та радужная синеватость, которая мерещится мне теперь в каждой армянской букве. Этими буквами можно подковывать живых коней… Или буквы эти стоило бы вытесывать из камня, потому что камень в Армении столь же естествен, как и алфавит, и плавность и твердость армянской буквы не противоречат камню. (Стоит вспомнить очертания армянских крестов, чтобы опять восхититься этим соответствием.) И так же точно подобна армянская буква своим верхним изгибом плечу древней армянской церкви или ее своду, как есть эта линия и в очертаниях ее гор, настолько всеобще для Армении это удивительное сочетание твердости и мягкости, жесткости и плавности, мужественности и женственности – и в пейзаже и в воздухе, и в строениях и в людях, и в алфавите и в речи. Я попрежнему не знаю армянского языка, но именно поэтому ручаюсь за правду своего ощущения: передо мной был только звук и его изображение, а смысл речи был за моими пределами. Этот алфавит был создан гениальным человеком с поразительным чувством родины – был создан однажды и навсегда, – он совершенен. …Стоит вспомнить кириллицу, насколько она ближе по своей графике русскому пейзажу, русской архитектуре, русскому характеру…» [Битов 2013: 12–13] Мы неслучайно привели столь объемный фрагмент. В нем есть все признаки жанра путешествия (точность описания, а отсюда – использование в первую очередь сравнений; попытка сопоставления реалий и – словно новое «узнавание», «открытие» родных явлений; открытость авторской позиции и т.п.).

Организованная таким образом учебная работа по формированию образности речи при изучении конструкций со значением сравнения будет способствовать развитию следующих умений и навыков: умения видеть объект под новым углом зрения, обнаруживать возможности его нового использования и расширять функциональное применение на практике (семантическая гибкость); изменить восприятие объекта таким образом, чтобы видеть его скрытые от наблюдения стороны (образная адаптивная гибкость); редуцировать разнообразные идеи в неопределенной ситуации, в частности, такой, которая не содержит ориентиров для этих идей (семантическая спонтанная гибкость), и ряда других.

Литература

1. *Архипова Е.В.* Основы методики развития речи учащихся: учебник и практикум для вузов / М.: 2019. Сер. Университеты России (2-е издание, исправленное и дополненное). С. 202.

2. Армянский музей культуры наций [Электронный ресурс.] URL: https://www.armmuseum.ru/news-blog/armenian-church-in-armavir Дата последнего обращения 1.06.2019.
3. *Битов. А.Г.* Путешествие из России: Империя в четырех измерениях. Измерение III: повести-путешествия. М.: Астрель, 2013. С. 505.
4. *Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте. СПб: СОЮЗ, 1997. С. 96.
5. *Маслова В.А.* Национальный характер сквозь призму языка: монография. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2011. С. 68.
6. Паустовский К.Г. Собр соч.. Т.5: Бросок на юг. М.: Художественная литература, 1968. С. 347.
7. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М.: Просвещение, 1976. С. 514 с.
8. *Суворова Е.П.* Периоды речевого развития школьников (5-9 классы). СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. С. 104.
9. *Ушинский К.Д.* Собр. Соч. Т.7. М.: издательство АПН РСФСР, 1950. С. 740.

ДИСТАНЦИОННЫЙ КУРС СИСТЕМЫ MOODLE КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ

Г.А. ЖУКОВСКАЯ
И.В. СТОЛЯРОВА
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия
galinazhuk@mail.ru stolirina@gmail.com

Ключевые слова: *речевая культура, дистанционный курс, компьютерные технологии, самостоятельная работа, система moodle, преподаватель, студент.*

В связи с широким распространением интернет-технологий в современной жизни общества возникла необходимость, наряду с традиционными методами, частично перейти на обучение с помощью дистанционных курсов. Эффективность работы преподавателя высшей школы по повышению уровня речевой культуры студентов определяется умением разработать такой дистанционный курс, который способен заинтересовать студента в получении качественного всестороннего образования в рамках аудиторной и внеаудиторной работы.

GALINA ZHUKOVSKAJA, IRINA STOLIAROVA. Moodle System Distance Learning Course as Improving Means for Students Speech Culture

Key words: *speech culture, distance learning, computer technologies, independent work, moodle system, teacher, student.*

Due to the widespread use of Internet technologies in modern society, along with traditional teaching methods it has become necessary to switch partially to distance learning courses. The effectiveness of the University teacher's work to improve the level of students' speech culture is determined by the ability to develop such a distance course, which is able to grow students interest in obtaining high-quality comprehensive education in the classroom and extracurricular work.

Стремительное развитие различных сфер деятельности человека во всем мире выдвигает в качестве первостепенной задачи умение налаживать контакт. Самым важным средством осуществления взаимодействия является язык. В основе языковой политики государства лежит пропаганда речевой культуры, языковых норм, складывавшихся на протяжении многих лет. Существенную роль в распространении и развитии речевой культуры играют как лингвисты-педагоги, так и писатели прошлого и современности. Речевая культура является неотъемлемой частью культуры всего народа. В Энциклопедии «Русский язык» это понятие представлено следующим образом: «Речевая культура - часть культуры народа, связанная с использованием языка. В нее включается сам язык, его этническая специфика, функциональные и социальные разновидности, воплощенные в устной или письменной форме. Кроме того, в нее входят и этнические особенности языковой картины мира, и сформировавшиеся обычаи и правила поведения (в том числе использование невербальных средств), совокупность текстов на данном языке» [Русский язык 1997**:** 413]. Конкретная языковая личность является носителем речевой культуры и культурной грамотности определенного уровня. В целом способностью осуществлять речевую коммуникацию на высоком уровне (близком к идеальному) обладают далеко не все носители языка. Во многих речевых ситуациях общение может оказаться малоэффективным, поскольку

говорящие не всегда способны сформулировать свою мысль, т.е. вывести ее во внешнюю речь. В этом случае неизбежна коммуникативная неудача. Такого рода ситуаций более чем достаточно как в обыденном, так и в официальном, научном и международном общении. Д.С.Лихачев советовал, обращаясь к молодежи в девятнадцатом письме под названием «Как говорить?»: «Учиться хорошей, спокойной, интеллигентной речи надо долго и внимательно — прислушиваясь, запоминая, читая, изучая. Но хоть и трудно — это надо, надо. Наша речь — важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, нашей души, ума, нашей способности не поддаваться влияниям среды, если она затягивает» [Лихачев 2018**:** 57].

Дисциплина «Русский язык и культура речи», являющаяся обязательной в программах высших учебных заведений России, ставит своей задачей повысить уровень речевой культуры представителей молодого поколения, а именно студентов. Естественно, что каждый из студентов отличается личным своеобразием, но ему следует знать, где, когда и в каких речевых ситуациях необходимо использовать те или иные единицы языка. Данный курс помогает носителю языка расширить представление о системе языка и его возможностях на разных уровнях, сформировать свой стиль общения, свой взгляд на окружающую действительность. Анализируя современное состояние речевой ситуации, М. Кронгауз отмечает, что язык – это часть нас всех, и то, что происходит в нем и с ним, задевает нас лично. Наши молодые современники «не всегда могут различить сленг и литературный язык и, например, не понимают языковой игры, основанной на смешении стилей, которая так характерна для русской литературы» [Кронгауз 2007: 8, 15].

Немалую роль в расширении представлений о возможностях языка в решении задач педагогического, политического, делового бизнес-общения сегодня могут сыграть различные электронные образовательные программы или курсы. Одним из таких является курс в системе Moodle (англ. Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment), широко используемый в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена уже в течение нескольких лет. Студент может найти этот курс на сайте http://moodle.herzen.spb.ru и зарегистрироваться. Предложенный там материал носит теоретический и практический характер. Этот дистанционный курс выстраивается таким образом, чтобы 1) пополнить теоретические знания студента по тем темам, которые были заявлены на аудиторных лекционных и практических занятиях, 2) проверить полученные теоретические знания и практические умения и навыки, связанные с употреблением единиц языка в процессе коммуникации в современном обществе. Кроме того, внутри курса, посвященного изучению вопросов культуры речи, имеются ссылки на сайты Грамота.ru, gramma.ru, Русские словари, видео и аудиосюжеты для самостоятельной работы и дальнейшего анализа на практическом занятии. У студента есть возможность обратиться к словарям и справочникам, чтобы узнать, как используется та или иная единица языка в современной русской речи [Четырина 2014: 215].

В описываемом дистанционном курсе большое внимание уделяется разделу «Лексические нормы», поскольку, как оказалось, студенты не всегда владеют достаточным словарным запасом даже единиц активного словаря современного русского языка. Так, в результате работы на практических занятиях обнаружено непонимание/незнание лексического значения следующих слов: *пани, фрау, вернисаж, индифферентный, шарада, цитадель, очечник, гравер, вояж, галифе, контральто, декада* и многих других.

Помимо этого, новые и уже ставшие модными среди молодежи иноязычные слова (чаще англо-американизмы), появившиеся в течение последних 20 – 30 лет, также не всегда понятны, несмотря на то что эти лексические единицы присутствуют практически во всех стилях и регистрах речи и во всех российских государственных и

негосударственных средствах массовой информации, особенно в тех, которые предназначены для представителей молодого поколения. Поэтому задача преподавателя состоит в том, чтобы ликвидировать некоторые пробелы, связанные с агнонимией. В качестве предварительной работы по подготовке тестовых заданий для дистанционного курса на тему «Лексическая норма» периодически проводятся опросы студентов гуманитарных и негуманитарных факультетов на знание иноязычных слов и ряда наиболее распространенных фразеологических единиц.

Так, например, студентам (в опросе участвовало 60 человек) было предложено десять англицизмов с целью проверки восприятия этих единиц современного русского языка. Среди них были следующие слова: *рейтинг, бренд, трафик, импичмент, дедлайн, дистрибьютер* и др. Данные слова имеют разную степень частотности при употреблении как в устной, так и в письменной речи. При подведении итогов эксперимента было установлено, что частотность употребления в речи таких слов, как *рейтинг, бренд, трафик* вовсе не свидетельствует о том, что носители языка имеют представление об их значении. Популярная сегодня лексема *трафик* трактуется поразному: *пробка на дорогах, дорожное движение, высокая загруженность дороги.* При этом 8% участников опроса не смогли указать значение этого слова. Слова *стартап и промоутер* также оказались в числе тех, которые с трудом воспринимаются студентами: *стартап – место, где проводят спортивные конкурсы; интернет – кошелек; промоутер – рекламщик, человек, занимающийся раздачей листовок.* Не указали значения лексических единиц *стартап и промоутер* 22% и 5% соответственно участников эксперимента. Что такое *дедлайн*, не знают 22% студентов. Самым сложным оказалось слово *импичмент*, т.к. 62% участников эксперимента вообще не предлагали никаких версий.

Таким образом, несмотря на достаточную частотность иностранных слов, молодежь очень часто сталкивается с агнонимами, а значит, нечетко представляет, о чем идет речь в процессе коммуникации. Такого типа эксперимент дает возможность составить ряд тестовых заданий для проверки знаний студента, а также для расширения его речевой и культурной грамотности. Например, в дистанционном курсе предлагается тестовое задание указать значение иноязычного слова.

Рейтинг: 1. Место в каком-либо занятии; 2. Список успеваемости; 3. Показатель популярности, авторитета кого-либо/чего-либо; 4. Система оценивания в хронологическом порядке.

Бренд: 1.То, что в моде; 2. Торговая марка производителя; 3. Знаменитая продукция; 4. Востребованный обществом предмет.

Импичмент: 1. Недоверие какому-либо продукту; 2. Выдвижение на пост; 3. Выговор, замечание; 4. Лишение полномочий должностных лиц государства.

Практически таким же способом осуществляется работа со студентами по подготовке тестовых заданий на повышение уровня речевой культуры и выявление знаний, связанных с устойчивыми единицами языка – фразеологизмами. По результатам опроса, проведенного среди 56 студентов гуманитарных и негуманитарных факультетов (иностранных языков, математического, биологического), выяснилось, что из 32 фразеологизмов, предложенных для анализа, в абсолютном большинстве случаев незнакомыми студентам оказались фразеологические единицы, источником которых является Библия (*Мечи на орала перековать; Акридами питаться; Курить фимиам; Глас вопиющего в пустыне; Метать бисер перед свиньями; Умывать руки*) и мифы Древней Греции (*Разрубать Гордиев узел; Колосс на глиняных ногах; Авгиевы конюшни; Дамоклов меч; Ахиллесова пята*). Большинство из них не получило никаких толкований; некоторые имели трактовки, очень далекие от общепринятых: *Мечи на орала перековать – изменить точку зрения, бесполезное дело; Курить фимиам – расслабиться, кайфовать; Разрубать Гордиев узел – мириться, переступать*

через гордость, заканчивать ссору; Авгиевы конюшни – что-то очень трудное, непосильная задача, что-то глобальное; Дамоклов меч – неоконченное дело, являющееся обузой; важная проблема, которую нужно решить; Удивительно, что даже широко известное выражение *Ахиллесова пята* в нескольких работах понималось противоположным образом: *сильное, неуязвимое место.* В задании требовалось обозначить фразеологизмы, источником которых являются Библия и мифы Древней Греции. Далеко не все студенты выделили такие фразеологические единицы. Помимо немногих правильных ответов, к этой группе были отнесены: *Подводить под монастырь; Куда Макар телят не гонял; Рассыпаться мелким бесом; Авгиевы конюшни; Тянуть канитель; За семь верст киселя хлебать* (Библия). *За семь верст киселя хлебать; Развесистая клюква* (мифы). Тем не менее можно сделать вывод, что фразеологизмы, имеющие мифологическое происхождение, хоть в какой-то степени известны небольшой части студентов, чего нельзя сказать о библейских фразеологизмах.

Фразеологизмы фольклорного происхождения, имеющие национальный характер, также в разной степени известны студентам. Почти все участники опроса правильно указали значения фразеологизмов *Молоко на губах не обсохло, Стричь под одну гребенку, Ворон считать, Как об стенку горох.* Удивительно, что фразеологизмы *Красного петуха пустить, Ходить под мухой, Развесистая клюква, Рассыпаться мелким бесом, Дать березовой каши, Шишка на ровном месте* – получили только по 2-3 правильных ответа у общего количества 56 испытуемых. Указанные фразеологизмы явились полными агнонимами для примерно 80% участников опроса, около 20% остальных дали неверные толкования. Например: *Красного петуха пустить – начать, рискнуть, пустить слух, козырь, испугаться; Ходить под мухой – находиться под присмотром, находиться в опасности, мучения, быть под слежкой, быть начеку, быть под присмотром, повторять; Развесистая клюква – перемена погоды (наступление осени); Рассыпаться мелким бесом – злиться, саморазрушаться, ругаться; Дать березовой каши – нет ответа; Шишка на ровном месте – неуклюжесть, проблема без особой на то причины, проблема из-за пустяков, неожиданная неприятность, недоразумение, неаккуратный, проблема из ничего, травма из-за неуклюжести.*

Очень слабое знание фразеологизмов – результат довольно низкого уровня общей культуры, недостаточного знания художественной литературы, национальных традиций. Из 32 предложенных фразеологических единиц средний студент давал верное толкование в 8 случаях, в 16 случаях не было ответа, в 8 случаях – неверный ответ. Таким образом, в половине случаев можно говорить о полной агнонимии, в четверти случаев о частичной агнонимии и только в четверти – о знании значения фразеологизмов.

В рамках дистанционного курса для проверки знаний и выявления приобретенных студентом навыков, связанных с темой «Фразеологизмы», предлагаются следующие задания в составе тестов по теме «Лексическая норма».

Указать значение фразеологизма.

Держать камень за пазухой: 1. Быть осторожным, готовым к чему-либо; 2. Сохранять секрет, чью-то тайну; 3. Оберегать что-либо; 4. Таить злобу против кого-либо.

Держать хвост трубой: 1. Держаться молодцевато, самоуверенно; 2. Быть осторожным, настороженным; 3. Быть внимательным; 4. Быть начеку, готовым к чему-либо.

Положить зубы на полку: 1. Замолчать; 2. Состариться; 3. Испытывать нужду, голодать; 4. Внимательно слушать.

Преподаватель, создавая дистанционный курс «Русский язык и культура речи» в системе moodle, ставит перед собой задачу, которая заключается в том, чтобы сту-

дент был нацелен на получение знаний, на расширение своего лингвистического кругозора. Именно поэтому пополнение банка заданий, вопросов, создание корректных тестов осуществляется на основе наблюдения за современной речевой ситуацией. Одним из способов пополнения базы вопросов может стать и вовлечение самих студентов в данную работу, что способствует проявлению заинтересованности обучаемых курсом, а также внимательному отношению к языковой ситуации и повышению уровня речевой культуры. Совместная работа молодежи и ее наставников – залог успешного обучения на основе поиска правильных ответов на возникающие вопросы в области языка и речи.

Литература

1. Губернская Т.В. *Использование комплексных заданий по анализу текста в дистанционных курса в системе MOODLE. // Слова и словари. – Сборник научных статей, посвященный профессору Валентине Даниловне Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. С. 332-337.*
2. *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. С.8-15.
3. *Левшин Е. О.* Речь и культура общения // Молодой ученый. 2016. №13.2. С. 50-52. — URL https://moluch.ru/archive/117/32402/ (дата обращения: 12.05.2019).
4. *Лихачев Д.С.* Письма о добром и прекрасном. – М.: АСТ, 2018. С.57.
5. Русский язык : энциклопедия */ гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая рос. энцикл. : Дрофа, 1997. С.413.*
6. *Четырина А.М.* Дистанционный курс «Культура речи» в системе Moodle : организация самостоятельной работы студентов при изучении темы «Словари русского языка» // «Слово. Словарь. Словесность: Русский язык в научном, культурном и образовательном пространстве (к 190-летию со дня рождения К.Д. Ушинского)». – Материалы Всероссийской научной конференции. СПб, РГПУ им. А.И. Герцена, 12-13 ноября 2014 года / Отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб: Изд-во САГА, 2015. С.215-219.

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ПОДБОРУ ТЕКСТОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ПОСОБИЙ

Л.Р. ЗОЛЯН

ЕГУ, Республика Армения

lilit.zolyan@ysu.am

Ключевые слова: *текст по специальности, терминология, языковая компетенция, навыки и умения.*

Основной целью преподавания русского языка студентам с армянским языком обучения является формирование у них профессиональной ориентированности, что предполагает овладение специальной лексикой, выработку навыков понимания и воспроизведения научных текстов по специальности, активизацию свободного речевого поведения на специальные темы. Главным инструментом в достижении этой цели являются специальные пособия по русскому языку. Однако разный стартовый уровень владения языком у студентов вызывает необходимость дифференцированного подхода к текстам по специальности, соблюдения принципа «от простого к сложному» как от урока к уроку, так и в рамках одного урока.

LILIT ZOLYAN – Differentiated approach to the selection of texts by specialty in the drawing up of educational books

Key words: *text on specialty, terminology, language competence, skills and abilities.*

The main purpose of teaching Russian to students with the Armenian language of instruction is the formation of their professional orientation, which involves mastering the special vocabulary, developing skills in understanding and reproducing scientific texts in the speciality, activating free speech behavior on special topics, and developing a creative approach to the topic under discussion. Specialized manuals on the Russian language are the main tool in achieving this goal. The article is devoted to the examination of the main issues, arising when compiling such manuals, which are an important part of the integrated teaching of the Russian language.

Профессионально ориентированное обучение русскому языку студентов неязыковых факультетов с армянским языком обучения является одним из приоритетных направлений преподавания русского языка как иностранного. Основной целью такого обучения является формирование у студентов профессиональной ориентированности, что предполагает овладение специальной лексикой, выработку навыков понимания и воспроизведения научных текстов по специальности, активизацию свободного речевого поведения на специальные темы, формирование творческого подхода к об-

суждаемой теме. Главным инструментом в достижении этой цели являются специальные пособия по русскому языку, а основной единицей обучения является текст по специальности.

Сегодня достижение указанной цели значительно осложняется разным стартовым уровнем владения русским языком у студентов. На начальном этапе обучение должно быть направлено на формирование у студентов языковой компетенции в том объеме, который позволит им осуществлять учебно-профессиональную деятельность, не выходя за рамки предложенного им пособия. Иными словами, учащиеся должны уметь читать, понимать и воспроизводить предлагаемый им материал, но они еще не в состоянии самостоятельно работать со специальной литературой.

На среднем этапе студенты должны овладеть специальной лексикой, навыками и умениями читать специальную литературу. Причем, обучение чтению специальной литературы на данном этапе предполагает, главным образом, обучение пониманию прочитанного. Студент также должен уметь говорить и писать на заданную тему: уметь составлять план, писать аннотации, сообщения, рефераты, конспекты и др.

На продвинутом этапе целью обучения языку специальности является достижение уровня, достаточного для использования своих навыков и умений в будущей профессиональной деятельности. Иначе говоря, будущий специалист должен уметь понимать услышанное или прочитанное, должен быть в состоянии поддерживать диалог на профессиональную тему, а также самостоятельно продуцировать научную речь. Как отмечает Кучерявая Т.Л.: «Современному выпускнику уже не достаточно уметь читать и переводить профессиональные тексты, но необходимо уметь использовать иностранный язык в различных сферах общения» [Кучерявая 2012: 336]. Конечная цель уроков русского языка – это формирование у студентов всех четырех видов языковой компетенции: аудирования, говорения, чтения и письма. Преподаватель-русист сталкивается с довольно сложной задачей: построить курс таким образом, чтобы в работу были вовлечены все студенты, независимо от их исходной языковой подготовки.

Как уже было отмечено выше, главным инструментом в профессионально ориентированном обучении является специальное пособие. Коммуникативная направленность обучения языку предопределяет цели и задачи того или иного пособия. Более того, содержание пособия, его структура во многом зависят от стартового уровня владения языком и от ожидаемых результатов. Поэтому пособия по языку специальности должны быть нацелены на выработку и закрепление у студентов соответствующих навыков и умений.

Конечно, в идеале, для каждого этапа обучения должны быть разработаны свои специальные пособия, в соответствии с целями и задачами конкретного этапа. Более того, в пособиях должен учитываться уровень языковой компетенции студентов. Однако в нашей действительности языковые группы, как правило, формируются без проведения предварительного тестирования, поэтому в одной группе могут оказаться студенты с очень разным стартовым уровнем. Последнее обстоятельство особенно затрудняет создание пособия, соответствующего какому-то определенному этапу. Традиционные пособия по языку специальности решают эту проблему следующим образом. Как правило, студентам предлагается специальный текст средней степени сложности с системой специально разработанных лексических и грамматических заданий и упражнений. Однако, как показывает опыт, в сложившейся языковой ситуации эти тесты оказываются достаточно сложными для студентов, находящихся на начальном уровне изучения языка. С другой стороны, у студентов с продвинутым уровнем владения языком подобные тексты не всегда вызывают интерес, поскольку представляются им простыми. Таким образом, традиционный подход к этой проблеме не всегда дает желаемые результаты.

Решение указанной проблемы мы видим в том, что пособия должны содержать тексты, задания, упражнения разной степени сложности. С учетом сложившейся языковой ситуации необходимо соблюдать принцип «от простого к сложному». Причем этот принцип должен, на наш взгляд, соблюдаться не только от урока к уроку, но и в рамках одного урока. Такой подход позволяет вовлечь в работу не только студентов продвинутого уровня, но и тех, кто находится на начальном этапе изучения русского языка.

На наш взгляд, необходим дифференцированный подход к подбору текстового материала. На сегодняшний день текст по специальности признается главной единицей профессионально ориентированного обучения. Именно поэтому работе с текстом уделяется большое внимание. Более того, вся система заданий, упражнений, вопросов, творческих заданий ориентирована на текст. Тематика специальных текстов, несомненно, важна. Необходимо учитывать специфику той или иной отрасли знания, основные объекты, исследуемые в рамках данной науки. Тематическая последовательность текстов должна быть согласована с программой того или иного специального курса. Однако это не означает, что пособие по русскому языку должно полностью дублировать тематику текстов специального учебника. В пособии могут быть отражены только ключевые темы, основное же внимание при отборе текстов следует уделять подаче языкового материала, стилистическим особенностям, терминологическому наполнению текстов. Следует учитывать те языковые особенности, которые могут представлять наибольшую трудность для студентов. Однако сказанное вовсе не означает, что урок русского языка должен сводиться к чтению текста по специальности и выполнению заданий к нему. Как справедливо отмечают Багдасарян А.Р., Дпирян М.Р.: «В современных условиях необходимо расширять кругозор обучающихся, учить их ориентироваться в актуальных общественных проблемах, анализировать ситуации и события, производить поиск необходимых материалов, выражать свое мнение» [Багдасарян, Дпирян 2016: 35]. Каким же образом возможно добиться решения этих задач и при этом вовлечь в работу всех студентов?

Думается, что в рамках одной темы можно предлагать не один, а два и даже несколько текстов, единых по тематике, но разных по лексическому, терминологическому и синтаксическому наполнению. Первый текст должен быть адаптирован, он готовит студентов к изучению второго, более сложного. На усмотрение преподавателя некоторые студенты могут ограничиться только первым текстом, и наоборот, некоторым студентам можно сразу рекомендовать второй. Соответственно, лексические, грамматические и синтаксические, а также речевые задания и упражнения тоже усложняются по мере усложнения текста. Цель этих заданий и упражнений – овладение специальной лексикой, выработка и автоматизация лексико-грамматических и словообразовательных навыков, активизация свободного речевого поведения на специальные темы.

Именно такой подход мы попытались применить в пособии для студентов-психологов (Золян Л.Р. «Руский язык. Пособие для студентов-психологов» (находится в печати)).

Пособие состоит из 16 уроков, разработанных по принципу коммуникативного метода обучения и расположенных в соответствии с учебной программой курса психологии. Каждый урок представляет собой комплекс объединенных общей тематикой легких и более сложных текстов, рассчитанных на разные уровни владения языком, и специально разработанной системы предтекстовых, притекстовых, послетекстовых заданий, лексических и грамматических заданий разной степени сложности. Каждый урок имеет следующую структуру: раздел I содержит упрощенный текст с предтекстовыми, притекстовыми заданиями и словником; раздел II имеет аналогичное построение, однако с более сложным по лексическому, терминологическому и синтак-

сическому наполнению текстом. Предтекстовые задания готовят учащихся к прочтению и пониманию текста. Притекстовые задания способствуют развитию умений анализировать формально-смысловую устроенность и коммуникативную направленность прочитанных или прослушанных текстов.

Далее следуют лексические и грамматические задания (раздел III), учитывающие языковое наполнение обоих текстов. Послетекстовые задания формируют и развивают у учащихся навыки репродуктивных (пересказ текста), репродуктивно-продуктивных (пересказ и комментарии) и продуктивных (рассуждение на тему) видов речи.

Более того, в уроках последовательно формируются навыки и умения работы именно с научным текстом (рубрика «О научном стиле речи»). Студентам предлагаются специально разработанные задания, вырабатывающие навыки употребления синтаксических конструкций, характерных для научного стиля. Важной составляющей работы со специальным текстом является составление разных типов планов, написание аннотаций, сообщений, рефератов, докладов и др. С целью развития этих умений в предлагаемом пособии также разработан целый ряд заданий. Более того, мы предлагаем широко обсуждаемые, актуальные и даже спорные вопросы, потому что такие темы выводят студентов с привычного уровня монологической или диалогической речи на уровень полилога.

Большое внимание в пособии уделяется терминологическому наполнению текстов (рубрика «Работаем с терминами»). В современном терминоведении все больше исследователей склоняется к тому, что термин – это не особое слово, а обычное слово в особой, терминологической функции. Такое понимание значительно расширяет возможности работы над терминами, поскольку за ними признается право на все те языковые особенности, какими обладают слова общелитературного языка. Такой подход дает основание для выделения терминов-синонимов, терминов-антонимов, многозначных терминов, терминов-омонимов и т.п. Причем термины гуманитарных наук дают обильный материал для работы со всеми лексико-семантическими категориями. Более того, помимо словников, которые даются в конце каждого текста, к пособию также прилагается краткий терминологический словарь, призванный помочь студентам не только в усвоении материала, представленного в пособии, но и в их самостоятельной работе: написании рефератов, тезисов, докладов и т.д.

Каждый урок завершается рубрикой «Работаем над переводом». В этой рубрике мы также учитываем принцип «от простого к сложному». Сначала обучающимся предлагается перевод словосочетаний с русского языка на армянский. Этот тип заданий выполняется студентами довольно легко. Далее задача усложняется, и студентам предлагается перевести с армянского языка на русский другие словосочетания, также взятые из пройденных текстов. Для выполнения этого задания необходимо учитывать особенности синтаксических связей слов в русском языке. И только после того, как студенты справились с этими относительно легкими заданиями, им предлагается тематически подобранный текст небольшого объема на армянском языке. Текст содержит лексические и терминологические единицы, которые обучающиеся должны были усвоить в процессе изучения того или иного урока.

Как показывает опыт, не только сугубо научные тексты, но и тексты научно-популярного и занимательного характера, тематически соотносимые с основной проблематикой урока, вызывают у студентов живой интерес и желание высказать свое мнение, что значительно повышает мотивацию изучения русского языка. С учетом этого в пособии в рубрике «Это интересно!» представлены тексты познавательно-занимательного характера, которые предполагают дальнейшее обсуждение или самостоятельную работу в рамках заданной темы.

И наконец, к числу заданий повышенной сложности относятся предлагаемые к прочтению произведения художественной литературы, обсуждение которых поможет охарактеризовать героев произведений в том или ином психологическом ракурсе.

Описанная структура урока позволяет, на наш взгляд, вовлечь в работу не только студентов продвинутого уровня, но и тех, кто находится на начальном этапе изучения русского языка.

И в заключение следует отметить, что наука развивается стремительными темпами, меняется сфера интересов, вследствие чего пособия быстро устаревают. Поэтому «в настоящее время эффективным может считаться такой учебник, в котором заложена возможность развития, т.е. привлечения новых тем, проблем, приемов и форм работы в ходе учебного процесса без необходимости переиздания учебника» [Федорова 2014: 8].

Литература

1. *Багдасарян А.Р., Дпирян М.Р.* Полилог при обучении языку специальности/ Сборник научных трудов X Международной научной конференции "Актуальные научные исследования в современном мире " Вып.10, ч.4, Переяслав-Хмельницкий, февраль 2016. с. 34-37.

2. Кучерявая Т.Л. Проблемы профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей/ Теория и практика образования в современном мире: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. с. 336-337.

3.Федорова Н.Ю. Технология разработки профессионально ориентированного учебного пособия по иностранному языку для студентов гуманитарных специальностей. Дисс. на соиск уч. степени. к.п.н. (на правах рукописи) с. 8 [Электронный ресурс] https://disser.spbu.ru/disser2/disser/Fedorova.dissert.pdf, Дата последнего обращения 11.09.1918.

ДЕТСКИЕ ДУХОВНЫЕ СТИХИ КАК СРЕДСТВО ПРИОБЩЕНИЯ К ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЦЕННОСТЯМ

Г.И. КАНАКИНА

Пензенский государственный университет, Россия

kanakina-kafedra@mail.ru

Ключевые слова: *духовные стихи, памятники славянской культуры, язык детских духовных стихов.*

В статье представлен анализ языка духовных стихов, написанных учениками воскресной школы при одном из храмов. Главная составляющая этих лиро-эпических произведений – трепетное и целомудренное отношение к Спасителю, Богородице, Ангелам. Это основные образы детских духовных стихов. С ними связаны общечеловеческие ценности: любовь, милосердие, сострадание. Ценностный мир детских духовных стихов во многом противоположен миру реальной действительности: духовное богатство – материальному богатству, праведность – греху, добро – злу. Детские духовные стихи имеют большую воспитательную ценность и могут помочь подросткам и юношам войти в культуру русской православной духовности.

Galina Kanakina – Children's spiritual verse as a means of acquisition to general values.

Key words: *spiritual verse, records of Slavic culture, language of children spiritual verse.*

The article presents an analysis of the language of spiritual verse written by Sunday school students at one of the temples. The main component of these lyric-epic works is a reverent and chaste attitude towards the Savior, Holy Mary, and the Angels. These are the main images of children's spiritual verse. They are associated with universal human values: love, mercy, compassion. The value world of children's spiritual verse is in many ways opposed to the world of reality: spiritual wealth to material wealth, righteousness to sin, good to evil. Children's spiritual verse have a great educational value and can help adolescents and young men enter the culture of Russian Orthodox spirituality.

Большое место в народном сознании издревле занимали представления о душе, совести, грехе, добре, справедливости, правде. На Руси считались грехом нравственные преступления: ложь, клевета, зависть, гнев, немилосердие и т. п. Об этом можно судить по тому огромному количеству пословиц, поговорок, сказок, которые образуют своего рода кодекс народной мудрости и нравственности, служивший нашим предкам идеалом в жизни.

Духовные стихи возникли как особый жанр устного народного творчества. В «Литературоведческой энциклопедии» им дается следующее определение: «Духов-

ные стихи – эпические, лирико-эпические или чисто лирические песни религиозного содержания» [Соколов 1930: 610]. Это формальное деление в значительной степени является хронологическим: эпические стихи более древние по времени, лирические – более новые. В старину духовные стихи слагали и исполняли «калики перехожие», путешествующие по святым местам. Наибольшее распространение духовные стихи получили в 17 веке. Стихи исполнялись за пределами церковного богослужения и позволяли в доступной для народа форме передать важную информацию об устройстве нематериального мира, духовных подвигах, церковных праздниках.

Основы изучения духовных стихов были заложены Ф. И. Буслаевым, И. И. Срезневским, П. А. Бессоновым и др. Эти учёные уделяли большое внимание вопросам бытования духовных стихов, их классификации, рассматривали духовные стихи как свидетельство глубокой народной культуры, оценивали их как своеобразный мостик между письменной христианской литературой и устным народным творчеством. Особенная роль в изучении духовных стихов принадлежит нашему земляку Ф. И. Буслаеву (см. его труды «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», «Русские духовные стихи»). Ученый отмечал: «Что касается до духовного стиха, то в нём наши предки нашли примирение просвещённой христианской мысли с народным поэтическим творчеством» [Буслаев 1990: 216].

Интерес к исследованию духовных стихов возродился в 70-х годах 20 века в связи с поиском духовных ценностей в отечественной культуре (работы фольклористов и этнологов А. Белоусова, Ю. А. Новикова, В. М. Хачатуряна, В. Н. Топорова, С. Е. Никитиной и др.). Однако языковая организация духовных стихов специальному анализу фактически не подвергалась. Позже к этому уникальному памятнику словесной культуры обратились и лингвисты.

Наш первый опыт исследования языковой организации духовных стихов опубликован в статье «Духовные стихи как лингвокультурологический феномен» [Канакина 2011].

В связи с тем, что в последнее время наблюдается массовый возврат людей к вере, в лоно церкви, верующие люди чувствуют потребность в самовыражении. В своих самодеятельных духовных стихах они видят дополнение к церковной молитве и душеполезному чтению.

В данной статье мы предлагаем результаты анализа духовных стихов, написанных воспитанниками воскресной школы при одном из храмов г. Кузнецка. Нас интересовали языковые средства и приёмы создания образности в детских стихах христианской тематики. Как и в традиционных духовных стихах, в них чувствуется влияние книжности. Основными книжными источниками являются Евангелие, Библия, Жития святых. Безусловно, современные духовные стихи, и детские в частности, далеко отстоят от духовных стихов и песнопений в их традиционном понимании, от духовных стихов «калик перехожих» 17 века, а тем более от духовных стихов старообрядцев, раскольников и сектантов. В них нет народной мудрости, они не передаются из поколения в поколение, да и форма их бытования – письменная. Детские духовные стихи не могут служить показателем духовной зрелости их создателей. Главная составляющая этих лиро-эпических произведений – трепетное и целомудренное отношение к Спасителю, Богородице, Ангелам. Это основные образы детских духовных стихов. С ними связаны общечеловеческие ценности: любовь, милосердие, сострадание. Особая ценность детских духовных стихов, их главное достоинство – истинная вера и нравственная чистота. Ключевые слова в анализируемых текстах являются отражением христианской картины мира: *храм, молитва, вера, крест, свеча, смирение, спасение*. На них приходится основная смысловая и эмоциональная нагрузка стихов. Ценностный мир детских духовных стихов во многом противоположен миру реальной действительности: духовное богатство – материальному богатству, праведность

– греху, добро – злу.

Лексика высокого стиля (*рамена, светильники веры, очи, покаянье, глаголет, славословить)* и книжные формы глаголов (*зри, веруем, пришед, благословен)* позволяют почувствовать ощущение торжественности общения с Господом. А с помощью метафоры в тексте стиха удается выразить всю сокровенность этого общения :

Душа живёт, когда молитвой дышит…
Тогда земное всё так далеко!
Тогда она глас Божий ясно слышит,
И ей светло, отрадно и легко.
Тогда в уме и помыслах всё ясно,
А в сердце – мир, покой и теплота…
Тогда и жить так кажется прекрасно,
И умереть готов ты за Христа!

(Елена Р.)

Преобладание повествовательных предложений, полных двусоставных синтаксических конструкций даёт возможность юным авторам раскрыть душу, выразить в слове своё душевное состояние:

Напиталась елеем моя душа,
Не дерзаю просить креста.
Все желанья навстречу Тебе спешат,
Утешеньем моим Ты стал.

(Людмила Л.)

Побудительные предложения в текстах детских духовных стихов не только призывают к вере :

Храните Господа в себе, когда выходите из храма,
Как огонёк свечи, душа должна гореть!
Когда несёшь огонь, не позволяй смотреть
На торжество врага, на низость мести хама.

(Елена К.)

Они наполняют душу светом и радостью жизни:

Живи и радуйся и, радуясь, живи!
И помни: каждый день безмерно дорог.
Из рук Господних ты его бери,
В нём каждый миг – жемчужины осколок!
Живи и радуйся и, радуясь, живи!
И помни: каждый день – подарок Божий!

(Юлия Л.)

Наивность детским стихам придают лексические повторы, анафора. С помощью этих средств авторы актуализируют наиболее значимые образы и факты в контексте повествования:

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.

(Игорь О.)

Этической и эстетической оценке авторы духовных стихов подвергают прежде всего собственные деяния:

Господь и Бог, любви творец!
Прошли года, уж долго расставанье.
Не заслужил при жизни я венец,

И не хватило сил на покаянье.

(Владимир Ц.)

В отдельных случаях стихи строятся как молитва, обращённая к Господу:

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест, тяжёлый и кровавый,
С твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги.
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста твоих рабов
Нечеловеческие силы
Прощать и ближних, и врагов!

(Олег И.)

На сегодняшний день одной из актуальнейших проблем общества, требующих теоретической и практической разработки, является проблема духовного воспитания личности, нравственное её становление. В своём поведении человек должен руководствоваться высшими ценностями жизни, следовать идеалам истины, добра, красоты. Детские духовные стихи имеют большую воспитательную ценность и могут помочь подросткам и юношам войти в культуру русской духовности:

Рождество Пресвятой Богородицы!
Вдалеке колокольный звон.
Это небо и звёзды молятся
У одной из Твоих икон.
Лес осенний на службу просится,
А за ним и следы зимы.
Рождество Пресвятой Богородицы
Снова встретили вместе мы.

(Валерия Г.)

Духовно-нравственное воспитание, обращённое к отечественному культурному, прежде всего православному, наследию, обеспечивает условия для становления человека, готового в любых обстоятельствах следовать нравственному закону, стремящегося улучшить мир, природу, самого себя.

Литература

1. *Буслаев Ф. И.* О литературе: Исследования. Статьи / Сост., вст. ст., примеч. Э. А. Афанасьева. М., 1990. С. 216.

2. *Канакина Г. И.* Духовные стихи как лингвокультурологический феномен // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Пенза, 2011. № 23. С. 154-157.

3. *Соколов Б. М.* Духовные стихи // Литературная энциклопедия. Т.3. М., 1930. С. 610 [Электронный ресурс]. URL: http://www.xn--80aacc4bir7b.xn-- Дата последнего обращения 27.05.2019.

РОЛЬ ТВОРЧЕСКОГО ПРОЕКТА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМНО-АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ РКИ

М.А. КОЧАРЯН
Российско-Армянский (Славянский) университет,
«Международный научно-образовательный комплекс
«Лицей Ширакаци», Армения
marina.kocharyan80@gmail.com

Ключевые слова: *метод проектов, проблемное обучение, аксиологический подход.*

Данная статья посвящена вопросам организации творческого проекта в контексте проблемно-аксиологического подхода к обучению РКИ. Рассмотрены основные особенности проектной деятельности, а также методов проблемного обучения. В статье обоснована необходимость развития не только предметных знаний, коммуникативных компетенций, но и формирования духовно-нравственных ценностей. Приведены конкретные примеры заданий, которые обеспечивают возможность комбинирования различных методов обучения.

MARINA KOCHARYAN - The role of the creative project in the context of the problem-axiological approach to learning

Key words: *project methods, problem-based teaching, axiological approach.*

This article is devoted to the organization of a creative project in the context of the problem-axiological approach to the teaching of Russian as foreign language. The main features of project activities, as well as methods of problem-based learning, are considered. The article confirmed the need for development not only subject knowledge, communicative competences, but also the formation of spiritual and moral values. Concrete examples of tasks are given that provide the possibility of combining different teaching methods.

В условиях различных общественных преобразований, обусловленных влиянием глобальных проблем, современных технологий цифрового общества, возникает необходимость изучения наиболее эффективных методов как для развития коммуникативной компетенции при обучении РКИ, так и воспитания творческой личности, исследующей, умеющей находить нужную информацию, приобретать необходимые навыки применения полученных знаний на практике. Особую актуальность приобретают методы, строящиеся на личностно-ориентированном подходе к субъекту образования, который дает широкие возможности для активизации коммуникативных навыков. При этом обеспечивается успешная реализация не только речевой практики, но и учебно-познавательной деятельности. Как известно, основным ориентиром современной методики является нацеленность на развитие лингвистической, коммуникативной, а также социокультурной компетенций.

Выбор различных приемов и методов при обучении РКИ обусловлен стремлением развивать такие базовые компетентности, как умение сравнивать, сопоставлять различные факты, делать выводы, вести поисковую деятельность, исследовать, высказывать свою точку зрения, искать решение той или иной проблемы, при этом уважать чужое мнение, быть способным к взаимосотрудничеству. Обращение к проблемным методам обучения, в основе которых находится принцип проблемности, позволяет обеспечивать развитие таких жизненно необходимых личностных качеств учащихся, как мобильность, активность, креативность, самостоятельность, способность творчески подходить к решению проблемной ситуации, являющейся центральным компонентом в структуре проблемного урока. Как писал еще А.М.Матюшкин об особенностях проблемного обучения, «процесс усвоения перестает быть только интеллектуальным процессом, он становится процессом личностным», что связано с тем, что проблемная ситуация содержит в себе «мотивы и потребности» учащихся [Матюшкин 1972: 95].

Однако, помимо формирования вышеназванных навыков и личностных качеств, крайне важно в условиях современных реалий и переоценки ценностей обращать внимание учащихся на вопросы нравственности. Важным является развитие у уча-

щихся духовного потенциала, что позволяет осуществить организация творческих проектов в контексте проблемно-аксиологического обучения РКИ.

Акиология является философской дисциплиной. Согласно «Философскому словарю» И.Т. Фролова, аксиология – «(греч. – axia - ценность и logos – учение, слово) – философское исследование природы ценностей» [Фролов 1987: 11]. Аксиологический подход к обучению включает в себя широкий спектр факторов, необходимых для воспитания и развития личности учащегося. С одной стороны, речь идет о воспитательной роли уроков РКИ, о развитии умения вести диалоги в различных ситуациях общения, уважать друг друга, о воспитании чувства толерантности; взаимоотношения преподавателя и учащихся должны основываться на понятиях уважительности, поддержки, при этом учащиеся являются активными и полноправными участниками учебного процесса, а со стороны преподавателя не должно быть никакого навязывания ценностей, способов решения проблем. Так, О.Л.Добрынина отмечает важность обращения к духовно-познавательным ситуациям, которые дают возможность формировать нравственное отношение к принятию решений [Добрынина 2007: 55].

С другой стороны, например, В.С. Боголюбская акцентирует внимание на аксиологической ценности иностранного языка, то есть иностранный язык воспринимается учащимися как социальная ценность [Боголюбская 2016: 9].

Кроме этого, различными исследователями подчеркивается, что аксиологический подход к обучению является мало изученным и требует дальнейшего исследования. Об этом заявляет и О.Л.Добрынина: «Духовно-познавательные задачи касаются проблем нравственного развития студентов и это направление является наименее разработанным» [Добрынина 2007: 55]. Один из известных исследователей проблемного обучения Е.В.Ковалевская справедливо указывает на недостаточное количество исследований по проблемно-аксиологическому подходу к обучению и предполагает, что в ближайшем будущем возникнет новый этап «развития и распространения проблемного обучения в контексте проблемно-аксиологического обучения и подхода, центрированного на развитии не только интеллектуального, но и духовного потенциала детей [Ковалевская 2000: 151]. Ковалевская считает, что только соединение этих двух начал (проблемного и аксиологического) позволит добиться высоких результатов, что связано наряду с развитием интеллектуальных способностей с «развитием души» [Ковалевская 2000: 151-152]. Вместе с тем Ковалевская объясняет причину недостаточного обращения к проблемно-аксиологическому подходу тем, что несмотря на существование «духовной модели проблемной ситуации, использовался только «информационный тип проблемных ситуаций», суть которых заключается в создании проблемной ситуации «за счет недостатка информации при формулировке задач» [Ковалевская 2000: 212].

В рамках данной статьи нами рассматривается возможность реализации проблемно-аксиологического подхода через организацию творческого проекта, учитывая целесообразность комбинирования различных методов в контексте современного образования.

Прежде всего отметим, что проблемное обучение находится в тесной взаимосвязи с методом проектов, что объясняется прежде всего общностью компонентов в структуре занятий. Проектная деятельность учащихся подразумевает наряду с другими приемами применение методов проблемного обучения. В данном случае обратим внимание на такие особенности метода проектов, как этап по решению определенной проблемы и возможность интегрирования знаний из различных предметных блоков, то есть реализации межпредметности. Деятельность учащихся при методе проектов заключается фактически в решении проблемы, что сближает данную технологию с особенностями проблемного обучения, которое «предполагает создание под

руководством учителя проблемных ситуаций и активную самостоятельную деятельность учащихся по их разрешению...» [Селевко 1998: 61].

Как метод проектов, так и методы проблемного обучения, являясь современными технологиями обучения, предполагают организацию познавательной деятельности учащихся, которые принимают активное участие в решении той или иной проблемы. Каждый из указанных методов имеет свои этапы. Так, этапами работы над проектом являются: разработка проектного задания, планирование работы, реализация проекта, презентация проекта, подведение итогов. В свою очередь проблемное обучение состоит из следующих ступеней: ощущение затруднения, осознание проблемы, критическое осмысление проблемы, выдвижение гипотезы, проверка гипотезы [Даутова 2015: 45]. Учитывая специфические черты, присущие обеим технологиям, позволим себе говорить об общности данных методов и развивать тему проблемного обучения через пояснение метода проектов.

При всей актуальности внедрения данных методов в современную методику преподавания, следует отметить давнюю историю их изучения. Так, теоретические положения проблемного обучения связаны с идеями Дж. Дьюи, который основал в 1894 г. в Чикаго так называемую «опытную школу» и своей концепцией оказал влияяние на систему образовния [Селевко 1998: 60].

Идеи активного участия учащихся в решении проблем через взаимосотрудничество и самостоятельную поисковую деятельность отразились в исследованиях многих авторов, например, таких, как Дж. Брунер, А.В. Брушлинский, М.И. Махмутов, А.М. Матюшкин, Т.В. Кудрявцев, Д.В. Вилькеев, И.Я. Лернер, В. Оконь и мн. др.

Если обратиться к методу проектов, то также можно отметить давнюю историю его зарождения и развития. Например, В.С.Зайцев отмечает: «Идея проектирования зародилась в Италии в XVI веке в архитектурных мастерских... Полное описание метода проектов дали Дж.Дьюи и У.Х. Килпатрик» [Зайцев 2017: 53-54]. Известно, что в 1919 г. в городе Дальтон (США) Е.Паркхарст впервые попытался применить систему индивидуальной работы с учащимися. Опыт данной работы стал именоваться “Дальтон-план”. В России же он известен, как “метод проектов” [Селевко 1998: 92]. Вопросам активного метода обучения посвящали свои труды Н.В. Федоров, С.Т. Шацкий, П.П. Блонский, Е.С. Полат. В.С. Зайцев подчеркивает возрастающее влияние метода проектов, который претерпел некоторые трансформации «во времени и пространстве от «отцов-прародителей» Дж. Дьюи и У.Х. Килпатрика до нашего времени», на подготовку студентов» [Зайцев 2017: 59]. Методическая литература свидетельствует о наличии большого количества работ, посвященных изучению метода проектов, в результате чего известно о большом количестве авторских типов проектов и их классификаций. В данной статье мы будем рассматривать творческий проект (выделенный Е.С. Полат в соответствии с доминирующей деятельностью). Как отмечает А.Я. Багрова, творческий проект требует соответствующего оформления результатов в соответствии с четко продуманной структурой [Багрова 2015: 13]. В результате организация творческого проекта в рамках проблемного обучения может привести к высоким результатам, полученным в ходе совмещения, с одной стороны, четко продуманной системы заданий с намеченным конечным результатом (как того требует структура проектной деятельности), с другой стороны, «открытости» методов проблемного обучения вкупе с аксиологическим подходом, когда решение возникшей проблемной ситуации не диктуется преподавателем. Учащиеся могут высказывать свои гипотезы решения проблемы, выдвигать свои идеи по поводу конечного продукта, защиту которого они планируют. При этом одним из сложных вопросов реализации аксиологического подхода считаем конкретные действия и шаги, способствующие развитию духовно-нравственных ценностей. Вечные истины о необходимости воспитывать уважительность, терпимость, обеспечивать доброжелательную

атмосферу на уроках, необходимость осознания равноправных позиций как преподавателя, так и учащихся, неоспоримы и известны всем. Возникает другой вопрос, связанный с возможными путями интеграции вышеназванных подходов, с формами и приемами, с помощью которых можно решать те или иные познавательные задачи в контексте духовного развития. Крайне важно, чтобы учебный процесс включал в себя конкретные и реальные действия, способствующие развитию духовного начала в практическом плане, а не отсылал к отвлеченным и общеизвестным постулатам в теории.

Данный вопрос требует детального рассмотрения, особенно с точки зрения практической стороны его реализации в процессе обучения иностранному языку. Еще И.А. Зимняя, определяя иностранный язык как специфический предмет, одной из его характерных особенностей выделяла «беспредметность», объясняя это тем, что иностранный язык, в отличие от таких предметов, как математика, история, география и др., «не дает человеку непосредственных знаний о реальной действиительности» [Зимняя 1991: 33]. Вместе с тем именно обучение иностранному языку в большей степени позволяет обращаться к эмоциональным сферам, чувствам и ценностным категориям.

Примером реализации проблемно-аксиологического подхода может служить организация творческого проекта, связанного с темой об искусстве. На сегодняшний день молодое поколение (как представители «клипового мышления»), находящееся под влиянием цифровых устройств, не столь активно интересуется темой искусства. Но позволим себе утверждать, что при грамотной и четко продуманной организации творческого проекта возможно добиться активной познавательной деятельности учащихся в учебном процессе.

Так, при работе над творческим проектом, посвященным теме «Искусство», предлагаем обратить внимание на такой вид, как архитектура, учитывая, что учащиеся не всегда хорошо знакомы с ней. Различные материалы учебников, тексты, иллюстрации чаще всего связаны с информацией о живописи, музыке. В связи с этим можно более подробно остановиться на теме «Архитектура», обогащая знания учащихся и развивая необходимые навыки в зависимости от целей проекта.

В качестве примера приведем организацию творческого проекта под названием «Интересная архитектура». Занятия, построенные по принципу методов проблемного обучения, могут включать в себя следующие проблемные ситуации: как воссоздать облик древнего города своей страны, если в реальности мы видим всего лишь руины и раскопки; как сохранить исторический облик родного города, если на дворе XXI век и появляется все больше современных зданий и т.д. Избегая навязывания возможных конечных результатов деятельности, на выбор могут быть предложены различные продукты: макеты, видеоролики, рекламные постеры, буклеты, открытки для туристов. При организации данного проекта в рамках проблемно-аксиологического подхода учитываются такие цели обучения, как мотивация учащихся, воспитание творческих личностей, умеющих осознавать связи между изучаемыми предметами и реальным миром, развитие коммуникативных компетенций, умения выступать перед аудиторией, защищать свою позицию, выслушивать, помогать своим товарищам, работать в команде. Следует подчеркнуть, что уже в конце проекта учащимся может быть предложено заполнение анкеты с последующим обсуждением. Вопросы данной анкеты связаны с духовно-нравственной сферой обучения, они составлены в тесной связи с ценностными категориями. Например:

- какое решение, важное для нашего города, я предложил;
- кому я мог бы помочь своей работой и конечным продуктом;
- поймут ли меня будущие поколения;
- смог ли я работать в команде, почему;

• удалось ли нам решить проблему, почему и т.д.

Отметим, что информация о роли творческих проектов в контексте проблемно-аксиологического подхода и об эффективности подобных занятий может быть подтверждена конкретными результатами, полученными в ходе апробированного билингвального (предметы: РКИ и английский язык) проекта, посвященного архитектуре древнего города Двин. Учащимися «Международного научно-образовательного комплекса «лицей Ширакаци» было проведено исследование, в процессе которого они самостоятельно подготовили и представили полученные результаты как на английском, так и на русском языках. Данный билингвальный проект – это результат объединения двух тематических разделов на английском и русском языках. Результаты данного проекта имели статус формирующего оценивания. Реализация билингвального творческого проекта была осуществлена посредством применения различных интерактивных приемов и методов, методов критичексого мышления, ролевых игр, диалогов, полилогов, способствующих активному участию учащихся в учебном процессе. Кроме этого, организация творческого проекта позволила также обеспечить развитие межпредметных связей, включающих знания по географии и истории.

Таким образом, творческие проекты в рамках проблемного обучения в тесной взаимосвязи с ценностными ориентирами способствуют повышению мотивации учащихся, обеспечивают развитие необходимых навыков и личностных качеств учащихся, демонстрируют более эффективное усвоение материала, а также формируют духовно-нравственное отношение к проблемным ситуациям и способам их решения.

Литература

1. Багрова А.Я. Проектный метод в обучении иностранным языкам. [Электронный ресурс.] URL: https://cyberleninka.ru/article/v/proektnyy-metod-v-obuchenii-inostrannym-yazykam Дата последнего обращения 28.05.2019.

2. Боголюбская В.С. Аксиологические основы изучения иностранного языка как социальной ценности // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. LXIX междунар. науч.-практ. конф. № 10(67). Новосибирск: СибАК, 2016. С. 5-10.

3. Даутова О.Б., Иваньшина Е.В., Ивашедкина О.А., Казачкова Т.Б., Крылова О.Н., Муштавинская И.В. Современные педагогические технологии. Санкт-Петербург: КАРО, 2015. 176 с.

4. Добрынина О.Л. Проблемно-аксиологический подход к преподаванию иностранного языка в вузе. [Электронный ресурс.] URL: https://www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/25.html Дата последнего обращения 28.05.2019.

5. Зайцев В.С. Метод проектов как современная технология обучения: историко-педагогический анализ // Вестник Челябинского государственного педагогического университета, 2017. №6. С. 52-62. [Электронный ресурс.] https://cyberleninka.ru/article/v/metod-proektov-kak-sovremennaya-tehnologiya-obucheniya-istoriko-pedagogicheskiy-analiz Дата последнего обращения 28.05.2019.

6. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам. Москва: «Просвещение», 1991. 222 с.

7. Ковалевская Е.В. Генезис и современное состояние проблемного обучения: Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Москва 2000. 417 с.

8. Матюшкин А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. Москва: Издательство «Педагогика», 1972. 168 с.

9. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. Москва: Народное образование, 1998. 256 с.

10. Философский словарь / под. ред. И.Т. Фролова. Москва: Издательство «Политиздат», 1987. С. 11.

КРОСС-ПЛАТФОРМЕННАЯ МОДЕЛЬ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

А.А. КУЗНЕЦОВ

ФИЯР МГУ им. М.В.Ломоносова (Российская Федерация)

andrey-kuznecov-1992@mail.ru

Ключевые слова: *кросс-платформенная модель, РКИ, дистанционное обучение, Langteach-onlin.*

В данной статье обобщаются результаты первого практического применения дистанционного курса на основе кросс-платформенной модели. В работе автор рассматривает эффективность применения данной модели дистанционного курса. Исследователь сравнивает свою модель уже с существующими ранее моделями и методами интеграции информационно-коммуникационных технологий для организации самостоятельной работы студентов при изучении иностранного языка в дистанционном и очном формате на приме-

ре РКИ. Практическое применение данной модели проводилось в очном формате на студентах-иностранцах международного факультета Тульского Государственного Педагогического Университета имени Л.Н. Толстого и в дистанционном на пользователях проекта Langteach-online.

ANDREY KUZNETSOV – Cross-Platform Model In The Teaching Of Rfl: First Results
Key words: *Cross-platform model, RFL, distance learning, Langteach-online.*
This article summarizes the results of the first practical application of the distance course on the basis of cross-platform model. The author considers the effectiveness of the application of this model on the distance course. The researcher compares his model with the existing models and methods of integration of information and communication technologies for the organization of independent work of students in the study of a foreign language in remote and face-to-face format on the example of RFL. The practical application of this model was carried out in full-time on foreign students of the international faculty of Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoi and in remote on Langteach-online users.

В настоящее время мы с трудом можем представить современнуюм школу, не оборудованную компьютерами и без Интернета. В сети Интернет можно найти огромное количество средств и технологий, которые существенно повысят интерес студентов к изучаемому предмету, если их преподаватели будут использовать современные технологии при проведении занятий. Преподаватели должны постоянно повышать уровень своей ИКТ-компетенции, согласно профессиональному стандарту педагога, который был принят к исполнению с 1 января 2015 года [1]. Веб-технологии в последнее время затрагивают практически все сферы деятельности человека. Особенное влияние информационные технологии оказали на сферу образования.

Теоретическое ооснование кросс-пблатформенной модели

В условиях глобализации современного образования в связи с реализацией целевых программ федерального значения в сфере образования, начиная с 2002 года, возникла необходимость внедрения ИК-технологий в преподавание иностранных языков в том числе, и в обучение иностранных студентов русскому языку (РКИ).

Существует множество факторов, обуславливающих ориентацию современной системы образования на построение учебного процесса на базе ИКТ. Один из них – это стремительно возросшее количество пользователей Интернета как в целом в мире, так и в России. По данным исследовательской компании Comscore, Россия занимает первое место в Европе и шестое место в мире по количеству пользователей сети Интернет, достигшего в 2012 году отметки в 59 миллионов человек [Нужа, Смирнова: 2012].

Необходимо упомянуть о мотивационном факторе интенсификации процесса информатизации образования как введение образовательных стандартов третьего поколения, в которых информационно-коммуникационная компетенция или медиа компетенция, в формулировке некоторых исследователей, включена в число как профессиональных, так и универсальных инструментальных и системных компетенций обучаемых [3].

Для начала нашего обзора обратимся к определению ИКТ, с точки зрения педагогических технологий.

Согласно словарю педагогического обихода (под ред. Л. М. Лузиной), информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) — это совокупность средств и методов преобразования информационных данных для получения информации нового качества (информационного продукта) [4].

В современных источниках информационно-коммуникационные технологии представляют собой широкий спектр цифровых технологий, применяемых для создания, передачи и распространения информации и оказания услуг (компьютерное оборудование, программное обеспечение, сотовая связь, электронная почта, сотовые и спутниковые технологии, сети беспроводной и кабельной связи, мультимедийные средства, а также Интернет). Все указанные цифровые технологии формируют элек-

тронную информационную образовательную среду обучения, которая утверждена различными документами Министерства Образования Российской Федерации.

Согласно данным документам, информационная образовательная среда (ИОС) образовательного учреждения (в контексте ФГОС ООО) включает:

1. комплекс информационных образовательных ресурсов, в том числе цифровые образовательные ресурсы;

2. совокупность технологических средств информационных и коммуникационных технологий: компьютеры, иное ИКТ оборудование, коммуникационные каналы;

3. систему современных педагогических технологий, обеспечивающих обучение в современной ИОС.

Согласно положениям ФГОС 44.03.01 «Педагогическое образование» [5], в качестве общесистемных требований к освоению программы бакалавриата по данному направлению уже принято использование электронной информационной системы для доступа к основным компонентам программы:

1. Доступ к учебным планам, рабочим программам, модулям дисциплин, программам практик, электронным учебным изданиям и ЭОР указанным в модулях рабочих программ направления;

2. Формирование электронного портфолио обучающегося в том числе, сохранение его работ и оценок обучаемого за эти работы

Дополнительным компонентам (при условии организации дистанционного обучения по направлению), что наиболее актуально в рамках нашего исследования являются:

1. проведение всех видов занятий, процедур оценки результатов обучения, реализация которых предусмотрена с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий;

2. формирование электронного портфолио обучающегося, в том числе сохранение работ обучающегося, рецензий и оценок на эти работы со стороны любых участников образовательного процесса;

3. взаимодействие между участниками образовательного процесса, в том числе синхронное и (или) асинхронное взаимодействия посредством сети «Интернет»;

4. функционирование электронной информационно-образовательной среды обеспечивается соответствующими средствами информационно-коммуникационных технологий и квалификацией работников, ее использующих и поддерживающих;

5. функционирование электронной информационно-образовательной среды должно соответствовать законодательству Российской Федерации.

В рамках авторского диссертационного исследования Кузнецовым А.А. была разработана новая модель организации ИОС, посредством проекта Langteach-online [6] и интегрированных в него ряда бесплатных онлайн-сервисов.

Он определил название данной модели как «кросс-платформенная модель обучения». Термин был впервые употреблен в ходе авторского доклада в рамках научно-методической международной конференции «Эффективные методы преподавания иностранных языков: теория и практика», 6 апреля 2017 года в Институте стран Азии и Африки [Кузнецов: 2017]. Автор, вместе со своим научным руководителем, профессором МГУ С.В. Титовой определил, что:

Кросс-платформенная модель обучения – основана на единой системе управления обучением (LMS), объединяющей интегрированные в нее различные социальные сервисы Веб 2.0, обладающие определенными дидактическими свойствами и выполняющими определенные дидактические функции [Кузнецов: 2017].

Практическое применение

На основе проекта Langteach-online был разработан ряд грамматических тестов по русскому языку для иностранных студентов на отработку грамматических тем:

1. Падежи имён существительных
2. Падежи имен прилагательных

Теория по данным темам была дана преподавателями-репетиторами (для тестируемых в дистанционном формате) и преподавателем Международного факультета Тульского Государственного Педагогического Университета имени Л.Н. Толстого и, по совместительству, аспиранткой 2-го курса ФИЯР МГУ В. И. Сальниковой в соответствии с программой подготовки иностранных студентов в данном вузе.

Запуск дистанционного тестирования на базе проекта Langteach-online с интегрированным в него онлайн-сервисом для создания различных типов заданий Onlinetestpad [9] состоялся в мае 2017 года. Данный сервис позволяет создавать задания с возможностью регистрации тестируемыхпо критериям:

1. Фамилия, Имя;
2. Возраст;
3. Уровень владения русским языком;
4. Национальность.

Данные критерии были отобраны после длительных консультаций с преподавателями ряда вузов России: МГУ, РУДН, ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

Все данные вводились самими тестируемыми перед выполнением заданий на платформе Langteach-online и впоследствии эти данные сохранялись в личном кабинете автора проекта вместе с результатами по каждому отдельному обучаемому и заданию.

Испытуемыми при данном тестировании были иностранные граждане из Испании, Китая, Сербии, Черногории, Киргизии, США, Франции, Албании, Словакии и других стран. Темой данного тестирования была грамматическая тема «Глаголы движения», ориентированная на отработку спряжений глаголов русского языка.

Проверка проводилась в автоматическом режиме онлайн-сервисом Onlinetestpad по заранее введенным правильным ответам и результат выдавался прямо на странице теста в проекте Langteach-online. С помощью интеграции онлайн-сервиса Onlinetestpad в страницы проекта Langteach-online позволило решить ряд технических и методических учебных задач обучения, которые выделены во ФГОС:

1. Формирование электронного портфолио обучающегося;
2. Сохранение работ обучающегося, рецензий и оценок на эти работы;
3. Получение результата тестирования без подтверждения преподавателем;
4. Не нужна регистрация в онлайн-сервисе Onlinetestpad;
5. Моментальная видимость ошибок как тестируемым, так и преподавателем;
6. Возможность распечатки результатов как отдельного студента, так и группы студентов (тестируемых) для прикрепления в журнал или личное дело обучаемого;

В ходе данного тестирования также был выявлен ряд ошибок, свойственных представителям определенных стран:

✓ У сербов есть определенные проблемы со спряжением глагола «Идти» в прошедшем времени единственного и множественного числа (8 студентов). На наш взгляд, это связано со структурой образования прошедшего времени в сербском языке. Прошедшее время в сербском языке образуется с помощью вспомогательного глагола «быти» и действительного залога настоящего времени.

✓ У граждан Таджикистана были выявлены ошибки с управлением глаголов и использованием предлогов (4 из 6). Данная проблема возникает из-за разницы в структуре предложений в русском и таджикском языках. В таджикском языке глагол-сказуемое занимает последнее место в предложении. Рассмотрим это на примере из статьи Х.Э. Исмаиловой, И.И. Гадалиной «Сопоставительный анализ категории падежа имен существительных в русском и таджикском языкахи формирование грамматических навыков у студентов-таджиков»: Мы говорили о погоде в Москве (мы —

мо, говорить — гап задан, о — дар бораи, погода — обу — хаво, в — дар, Москва — Москав) — Мо дар бораи обу-хаво дар Москав гап задем. В данном предложении глагол «Задем» (Говорить) стоит на последнем месте[Исмаилова, Гадалина: 2014].

✓ У граждан Киргизии была выявлена ошибка в образовании 3 лица множественного числа от глагола «Идти» (4 из 5). Данная проблема возникла в связи что глагол «Идти» (киргиз. «Баруу») в киргизском языке является неспрягаемым и может быть любым членом предложения в отличие от глагола в русском языке[Биялиев: 2013].

В феврале-марте 2018 года аспирантом 2-го курса факультета иностранных языков и регионоведения МГУ А. А.Кузнецовым (проверка работ и анализ ошибок) и преподавателем Международного факультета Тульского Государственного Педагогического Университета имени Л.Н. Толстого и, по совместительству, аспиранткой 2-го курса ФИЯР МГУ В. И. Сальниковой (проведение тестирования в группе) было проведено очное тестирование на базе ТГПУ имени Л.Н. Толстого по указанным выше темам. В тестировании принимали участие 11 студентов-иностранцев подготовительного отделения. Они представляли следующие страны:Туркмения, Китай, Сербия, Бенин, Мексика.

В ходе очного тестирования данной группы студентов-иностранцев также был выявлен ряд грамматических ошибок, свойственных представителям определенных стран:

1. Образование множественного числа от слов: «Поселок», «Дерево» .
2. У бенинцев проблемы с образованием прилагательных и дательным падежом существительных.
3. Огромную сложность вызвало склонение слово «Гости».
4. Китайские студенты путают использование форм винительного и именительного падежей имён существительных.

Выводы:

1. Кросс-платформенная модель обучения является одним из способов организации ЭОС.
2. На основе очного и дистанционного тестирований был выявлен ряд системных ошибок, свойственных представителям иностранных государств, изучающих грамматику русского языка.
3. Определены причины данных ошибок.
4. Разработана теоретическая и практическая модель регистрации результатов иностранных студентов средствами онлайн-сервиса Onlinetestpad.

Литература

1. Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)». Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 г. № 544н г. Москва. URL: http://www.rg.ru/gazeta/rg/ 2013/12/18.html.

2. Нужа И. В., Смирнова Н. В. ИКТ в обучении иностранному языку: от традиционного учебника у виртуальной обучающей среде // Современные информационные технологии и ИТ-образование. Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции Т. 2.// С. 230-239 М.: Издательство МГУ, 2012.

3. ИТАР-ТАСС Служба информационных проектов. «Количество пользователей интернета в России достигло отметки в 59 млн Андрей Колесников», http://tasstelecom.ru/news/one/12748#ixzz28RiAumDH

4. Словарь педагогического обихода / под ред. Л. М. Лузиной. — Псков, 2003

5. ФГОС 44.03.01 «Педагогическое образование» Электронный ресурс: http://www.garant.ru/products/-ipo/prime/doc/71200970/

6. Электронный ресурс: http://www.langteach-online.ru/

7. Кузнецов А. А. Кросс-платформенная модель обучения // Сборник статей МНПК "Эффективные методики преподавания иностранных языков: теория и практика". Издательский дом (Типография) МГУ Издательство МГУ, 2017. С. 113–121.

8. Кузнецов А. А. КРОСС-ПЛАТФОРМЕННАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ: КОМПОНЕНТЫ И СТРУКТУРА // Инженерное образование и вызовы культуры в XXI веке: Материалы II-ой Международной научно-методической конференции Наука, образование, молодежь в современном мире (Москва, 19 мая 2017 г.). Ч. 1 / Под ред. Л.В. Волковой, О.М. Смирновой, М.Н. Филатовой. Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина Москва, 2017. С. 54–58.

9. Электронный ресурс: https://onlinetestpad.com/ru

10. Исмаилова Х Э, Гадалина И ИСопоставительный анализ категории падежа имен существительных в русском и таджикском языках и формирование грамматических навыков у студентов-таджиков // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2014. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-kategorii-padezha-imen-suschestvitelnyh-v-russkom-i-tadzhikskom-yazykah-i-formirovanie-grammaticheskih-navykov-u (дата обращения: 19.04.2018).

11. Биялиев К.А. Справочник по грамматике кыргызского языка. /Кыргызско-Российский Славянский университет. Бишкек, 2013. С. 128.

МЕЖМОДЕЛЬНАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА В УЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ

С.А. ЛАЛАЯН

Ереванский государственный университет, РА

susanna.lalayan@ysu.am

Ключевые слова: *синтаксическая парадигма, межмодельная парадигма, прикладная лингвистика, пропозиция, безличное предложение.*

В статье рассматривается возможность использования межмодельной синтаксической парадигмы в учебных целях, в частности, при обучении безличным предложениям со стихийным каузатором. Исследование парадигматического ряда личной, безличной и пассивной конструкций позволяет выявить грамматические и семантические особенности каждой из них и обосновать выбор той или иной конструкции при решении определенных коммуникативных задач.

LALAYAN SUSANNA – INTER-MODEL SYNTACTIC PARADIGM AS A WAY OF ORGANIZING LANGUAGE MATERIAL FOR EDUCATIONAL PURPOSES.

Key words: *syntactic paradigm, inter-model paradigm, applied linguistics, proposition, impersonal sentences.*

The article considers the possibility of using the inter-model syntactic paradigm in teaching impersonal sentences with a spontaneous causator. The study of the paradigmatic series of personal, impersonal and passive constructions allows to reveal the grammatical and semantic features of each of them and to prove the choice of a particular construction in solving certain communicative tasks.

Прикладное описание языка должно соответсвовать определенным лингводидактическим принципам, важнейшим из которых является системность организации учебного материала.

Синтаксическая парадигма, несмотря на значительные расхождения в ее определении и представлении, является одним из способов упорядочивания системных связей между предложениями и может быть применена в методике преподавания русского языка как иностранного.

При всем многообразии существующих концепций синтаксической парадигмы сложилось в основном два способа ее представления – в виде системы внутримодельных преобразований предложения и системы межмодельных преобразований. К внутримодельной парадигме относится парадигма в понимании Н.Ю. Шведовой [Шведова 1967], которая представляет собой систему видоизменений предложения по грамматическим категориям времени и модальности. Фактически, она ничем не отличается от словоизменительной, морфологической парадигмы.

В методическом плане интересны межмодельные парадигмы, которые устанавливают связи между разными конструкциями, объединенными типовым значением, ситуацией или пропозицией, представленной разными поверхностными структурами. В связи с этим надо отметить, что одной из особенностей прикладного описания является систематизация грамматических единиц, в данном случае предложений, на основе общности их содержания, а не формы.

Межмодельная парадигма, основанная на единой пропозиции, может быть применена при обучении безличным предложениям, в частности, предложениям с творительным «стихийного каузатора» (термин предложен Г.А. Золотовой) типа *Лодку унесло ветром*. Предложения сообщают о непреднамеренном, нецеленаправленном действии, каузированном определенным стихийным явлением. Они являются маркированной формой выражения данного значения.

Безличные предложения представляют определенную трудность для иностранных учащихся, так как отражают особенности русского мировидения, они представляют собой национально-языковую специфику русского языка. Учащиеся избегают употребления таких конструкций и часто заменяют их более привычными для них соотносительными двусоставными предложениями. В.Н. Вагнер считает неупотребление безличных конструкций проявлением скрытой интерференции, когда происходит невосприятие языковых явлений в силу наличия у носителей исходного языка «белых пятен» [Вагнер 2002: 62].

Безличные предложения лучше предъявлять в соотносительности с пассивными и личными двусоставными предложениями.

В парадигматическом ряду

Лодку унесло ветром.
Лодку унес ветер. (Ветер унес лодку).
Лодка унесена ветром.

исходной моделью принято считать личные конструкции с “именами деятеля” (ветер, снег, метель) в именительном падеже, что доказывается соотносительностью безличных предложений с личными. Безличная конструкция представляется как результат преобразования личной, которое заключается в замене глагольной формы сказуемого и в замене подлежащего дополнением в творительном падеже. Производность безличных предложений подтверждается фактом увеличения их количества в русском языке. Так, А.М. Пешковский, отмечая продуктивность этой конструкции, связывает ее с тем, что безличные предложения представляют собой позднейшее образование [Пешковский 1956 : 344-345].

Высказывалось также предположение о табуистическом происхождении безличных предложений типа *Его убило молнией.* Исходной моделью было: «что-то» (некая непознанная, сверхъестественная сила) убило его молнией [Мразек 1964 : 171].

Заметим, однако, что вопрос генезиса безличных предложений и вопрос их исходности/производности представляют два различных аспекта проблемы. А.А. Шахматов четко разделял их, отмечая, что если безличная конструкция может расширяться за счет личной, то отсюда еще далеко до заключения о производности конструкции вообще [Шахматов 1941 : 89].

Производность безличных предложений принимается и трансформационной теорией, которая считает безличные предложения демиактивными трансформами ядерных предложений[см., например, Ружичка 1977].

Реальной представляется другая точка зрения, согласно которой для сообщения о стихийном характере события первичной, «изосемической» является безличная конструкция, в составе компонентов которой «в наиболее чистом, однозначном виде отображен стихийный характер события» [Золотова 1982: 212]. Желание представить какое-либо явление вне зависимости от его источника, подчеркнуть его непроизвольность может привести и к окказиональному образованию безличных предложений.

В. В. Богданов определяет творительный падеж в рассматриваемых предложениях как «элементив» – активный неодушевленный (обычно природный, стихийный) производитель действия, он иллюстрируется примером: *Скривились домики, другие совсем обрушились, иные <u>волнами</u> сдвинуты* [Богданов 1977 : 54]. Однако термин

«стихийный каузатор» предпочтительнее, он адекватно передает данное значение творительного падежа, не требуя развернутого определения.

Компонент в творительном падеже является облигаторным, который, однако, не всегда бывает эксплицирован в силу ограниченного круга лексем – «стихийных каузаторов», за которыми в нашем представлении закреплены определенные действия, точнее, возможности проявления этих каузаторов, что и приводит к избыточности их экспликации. Ср.: *Лодку унесло; Дерево сломало; Крышу снесло; Зверя ранило.*

В форме творительного падежа могут выступать имена конкретной предметной семантики – технические средства, приводимые в действие человеком: *поезд, машина, корабль, пуля.* Это так называемые «потенциальные» имена, которые, по У. Чейфу, имеют внутреннюю силу, собственную внутреннюю энергию, в силу чего обладают потенцией совершать определенные действия [Чейф 1975: 128-129]. Ср.: *У него в Красной Армии два сына погибли, а месяц назад жену поездом зарезало* (В. Катаев). При невозможности (или необычности) предложения *Жену его ножом зарезало.* Можно утверждать, что безличное употребление глагола связано с семантикой творительного падежа – стихийный каузатор или потенциальное имя.

Семантико-синтаксический анализ безличных предложений (см. Лалаян 2014) позволяет выделить релевантные признаки, которые могут служить ориентирами при продуцировании безличных предложений для выражения определенного значения, а именно – непроизвольное, нецеленаправленное действие стихийной силы.

Одним из принципов лингводидактики является также «принцип сознательности изучения языковых явлений» (Вагнер 2002: 67). Необходимо обучать осознанному продуцированию речи, в частности при обучении безличным предложениям обращать внимание учащихся на наличие специальных средств языка для выражения определенных смыслов.

Для рассматриваемых безличных предложений релевантной оказывается семантика глагола и творительного падежа. Имеются определенные ограничения на семантику творительного компонента, а именно:

1. запрет на семантический признак «одушевленность», ср. *Солдата убило пулей - *Солдата убило врагом; Его раздавило машиной – *Его раздавило слоном.* Именно поэтому невозможно безличное употребление глагола *расстрелять,* семантика которого ограничивает его сочетаемость только с личными именами, в отличие от глаголов *убить, ранить* и т.д.

2. запрет на семантический признак «орудийность». Орудие всегда предполагает производителя действия, а так как безличная конструкция исключает агентивное начало, тем самым исключается и орудийная функция творительного падежа. Собственно орудие, как правило, не встречается в безличной конструкции, поскольку есть запрет на семантическую функцию «агенс», тем самым исключается возможность появления орудийной функции. Эти два понятия предполагают друг друга: если есть орудие, то обязательно имеется агенс, ср. **Его убило ножом; *Дверь открыло ключом. – Его убило пулей; Дверь открыло ветром.*

Имеется еще одно ограничение при продуцировании безличных предложений: невозможность сочетания творительного стихийного каузатора и творительного средства в одном предложении. Ср. **Дорогу занесло снегом метелью.*

Семантика винительного падежа не релевантна для данного типа конструкций: *Ее унесло толпой – Лодку унесло течением*.

Рассмотриваемые безличные предложения могут трансформироваться в личные (имеется в виду возможность замены творительного падежа именительным), однако если эта трансформация естественна для предложений со стихийным каузатором, то она менее привычна для предложений с именами предметной семантики.

Ср.: *Лодку унесло в море наводнением. – Наводнение унесло лодку в море.*

В личном предложении стихийному каузатору приписывается агентивное значение: *Молния ударила в дерево; Студеный ветер отбросил ее волосы, облепил ноги* (Ю. Бондарев).

Ср.: еще *Его убило пулей (гранатой). – Пуля (граната) убила его.*

но *Осколком сорвало фуражку. –*Осколок сорвал фуражку.*

Пассивные конструкции со стихийным каузатором идентичны с безличными по пропозиционной структуре. Если пассивными считать только конструкции с агенсом, эксплицитным или имплицитным, то рассматриваемый тип (*Лодка унесена ветром*) исключается из числа пассивных. Но «деятельное» начало стихийных каузаторов, их «способ существования» сближает их с агенсом, позволяет пренебречь семантическим различием и, таким образом, отнести к пассивным. Пассивная конструкция организует сообщение с иным значением – субъект и его состояние. В безличном предложении возможное значение состояния обусловлено только перфектным значением глагола, его трудно усмотреть в предложениях с глаголом в настоящем времени (ср.: *Лодку уносит ветром*).

Можно привести еще один пример использования межмодельной парадигмы при обучении синтаксическим конструкция русского языка:

Мне радостно.
Я радуюсь.
У меня радость.

Все предложения парадигматического ряда сообщают о состоянии субъекта. Семантика морфологической формы предиката (глагол, имя, предикативное наречие) в сочетании с семантикой предиката придает каждой конструкции дополнительное значение, тем самым представляя сообщение в определенном ракурсе.

Исходной, первичной конструкцией парадигмы является безличное предложение (*Мне радостно*), так как изосемической формой выражения состояния является предикативное наречие. Глагольная конструкция представляет состояние как бы через действие. А. Вежбицкая отмечает, что русский язык, в отличие от английского, исключительно богат «активными» эмоциональными глаголами (*радоваться, грустить, тосковать* и т.д.). Эмоции же, «обозначаемые эмоциональными глаголами ... проявляются в действиях, причем, как правило, таких, которые доступны внешнему наблюдению» [Вежбицкая 2011 : 339].

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что представление синтаксического материала в виде межмодельных парадигм выявляет многообразие форм выражения субъекта и предиката и тем самым – возможности русского синтаксиса для выражения тех или иных оттенков смысла. Для носителей языка практически нет проблемы в выборе конструкции из парадигматического ряда. При обучении языку при наличии нескольких возможных форм выбор следует обосновать определенными коммуникативными намерениями говорящего.

Литература

1. *Богданов В.В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1977, 204 с.

2. *Вагнер В.Н.* Лингвоориентированная методика преподавания русского языка как иностранного. // Традиции и новации профессиональной деятельности преподавателей русского языка как иностранного. – М.: Российский университет дружбы народов, 2002, с. 60-74.

3. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011, 568 с.

4. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М; 1982, 368 с.

5. *Лалаян С.А.* Компонентный анализ безличных предложений с творительным стихийного каузатора. // Русский язык – гарант диалога культур, научного сотрудничества, межнационального и межличностного общения в XXI веке: Материалы V международной научно-практчиеской конференции для преподавателей русского языка и литературы. – Ереван, 2014, с. 59-65

6. *Мразек Р.* Синтаксис русского творительного. Praha: Státni pedagogické nakladatelstvi, 1964, 285 с.

7. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е издание. – М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956, 512 с.

8. *Ружичка Р.* О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном русском языке// ВЯ; 1977; N 3.
9. *Чейф У.* Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975, 431 с.
10. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. 2-е издание. – М.: Эдиториал УРСС, 2001, 624 с.
11. *Шведова Н.Ю.* Парадигматика простого предложения в современном русском языке. // Русский язык. Грамматические исследования. – М.: Наука, 1967, с. 146-154.

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ ПОСОБИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ

Н.И. МАРТИРЯН, М.П. ШАТВОРЯН
Ереванский государственный университет,РА
naira.martiryan@ysu.am
marina.shatvoryan@ysu.am

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, профессионально-ориентированное обучение, профессиональная подготовка, профессиональные компетенции,учебное пособие, текст*

В статье поставлена проблема необходимости формирования профессиональных компетенций при изучении русского языка как иностранного у студентов-журналистов. Подчеркиваются принципы отбора учебных материалов при профессионально ориентированном обучении русскому языку как иностранному; отмечается целесообразность учета специфики предоставляемых материалов, требований, запросов вуза и социального заказа, а также четкого формулирования задач и выбора средств реализации языковой и профессиональной подготовки студентов.

NAIRA MARTIRYAN, MARINA SHATVORYAN – Principles Of Compiling A Manual Of The Russian Language For Journalist Students

Key words: *Russian as a foreign language, profession-oriented teaching, professional training, professional competences, teaching guides, text*

The article deals with the problem of necessity to form among students-journalists a professional competences in Russian as a foreign language. The principles of selection of the instruction materials in a professionally-oriented teaching of Russian as a foreign language, namely, the specifics of the teaching materials, requirements and requests ofthe university and social order, the objectives and ways of implementation of language teaching of students are emphasized.

В рамках модернизации высшего образования особое внимание уделяется обеспечению высокого качества профессионального обучения и развития личности.

Реализация профессионального общения невозможна без наличия у обучаемых определенных общеобразовательных, стратегических, информационно-компьютерных умений, а также специальных (профессиональных) знаний и умений общения. Такой расширенный состав компонентов позволяет говорить не столько о содержании, сколько о так называемой «лингвопрофессиональной обучающей среде» [см. Шаклеин 1997], которая представляет собой комплекс условий, неотъемлемых для формирования профессиональной коммуникативной компетенции специалиста.

Особую актуальность в настоящее время приобретает профессионально-ориентированный подход к обучению русскому языку как иностранному на гуманитарных факультетах вузов, который предусматривает формирование у студентов способности коммуникации в конкретных профессиональных, деловых, научных сферах и ситуациях с учетом особенностей профессии. Профессионально-ориентированный подход, вслед за И.В. Алещановой [см. Алещанова 2012], принимается нами в качестве системы дидактических средств организации учебного процесса по обучению русскому языку как иностранному, включающей изменение цели, содержания, процесса и ориентирующей данный курс на приобретаемую студентами профессию и возможные сферы его реального использования в профессиональной деятельности. Уточняя понятие «профессионально-ориентированное обучение», авторы [см. Образцов, Иванова 2005]конкретизируют, что это обучение, основанное на учете потребностей студентов в изучении иностранного (русского) языка, диктуемого особенностями будущей профессии или специальности. А термин «профессионально-ориентированное обучение» употребляется для обозначения процесса преподавания ино-

странного языка в вузе, ориентированного на чтение литературы по специальности, изучение профессиональной лексики и терминологии, а в настоящее время и на общение в сфере профессиональной коммуникации.

Профессионально-ориентированное обучение русскому языку как иностранному основывается на новом подходе в отборе содержательных элементов. Данный подход должен содержать последние достижения той или иной сферы деятельности, представлять научные достижения в областях, напрямую затрагивающих профессиональные интересы иностранных учащихся, обеспечивать возможности профессионального роста. Традиционно профессионально-ориентированное обучение языку происходит на материале текстов по профилю, который учащиеся выбрали в качестве будущей специальности. Во время работы над текстом происходит многоаспектное обучение языку специальности: изучение терминологической лексики, развитие техники чтения, овладение грамматическими конструкциями научного стиля речи, навыками понимания и воспроизведения прочитанного, применение полученной информации в речевой деятельности.

Конечной целью обучения любому иностранному языку, в частности РКИ, является обучение свободному ориентированию в иноязычной среде и умению адекватно реагировать в различных ситуациях общения с носителями языка. В практике преподавания русского языка студентам-армянам ключевым аспектом учебного процесса является язык специальности, от уровня владения которым зависит совершенствование профессиональной подготовки будущих специалистов.

Выпускники гуманитарных факультетов вузов РА должны обладать как общекультурными, так и профессиональными компетенциями. Однако реализовать данные компетенции можно только в условиях активного взаимодействия профильных дисциплин и русского языка. Обучение студентов национальных факультетов традиционно начинается с изучения русского языка как иностранного, а затем изучение русского языка в специальных целях представляет собой организованный процесс реализации образовательного курса с целью формирования у студентов-армян иноязычной коммуникативно-прагматической компетенции в профессиональной сфере.

Наше учебное пособие (Мартирян Н.И., Шатворян М.П. «Русский язык (пособие для студентов факультета журналистики)», Ереван, изд-во ЕГУ, 2018) предназначается для студентов факультета журналистики. Цель пособия – развитие профессиональной русской речи студентов на материале спецтекстов, ибо текст является основной и высшей единицей обучения языку.

В основу составления пособия положен принцип глубокой профессиональной ориентированности содержания, то есть его соотнесенность со специальностью обучающихся, строгое соответствие тематической направленности текстового содержания Программам по специальным предметам, учет профессионально-психологических характеристик обучающихся при построении заданий, подчиненность структуры пособия его тематической направленности. Функциональный принцип, т.е. функциональная подача учебного материала: отбор лексико-терминологического и грамматического материала, - дополняет и конкретизирует первый принцип.

Пособие рассчитано на 2 учебных семестра аудиторной работы и состоит из 12 уроков и текстов для дополнительного чтения. Все 12 уроков построены по единой схеме, состоящей из текста, послетекстовых заданий, дополнительного текста и текста для перевода. Настоящее методическое пособие включает в себя оригинальные, частично адаптированные тексты по специальности «Теория и история журналистики», как-то: «Факультет журналистики ЕГУ», «Пражурналистика», «Что такое журналистика?», «Возникновение журналистики»,«Функции журналистики», «Газета»,

«Становление армянской периодики», «Пресса Советской Армении», «Репортаж», «Очерк», «Интервью», «Профессиональная этика журналиста».

После каждого текста дан небольшой словарик, так как толкование слова через эквивалент в родном языке лучше воспринимается и запоминается студентами и облегчает дальнейшую работу со словарями.

Во всех уроках в текстах выделены ключевые слова, или смысловые вехи: они структурируют текст и, следовательно, помогают при его пересказе. Это позволит студентам в дальнейшем самим структурировать текст, выделяя основные положения и ключевые слова в текстах для дополнительного чтения.

Задания к текстам помогут освоить и усвоить лексику текстов, облегчат их запоминание и воспроизведение. Для формирования навыков и умений устной речи предлагаются задания на основе прочитанного текста.

Первые два задания (1.Прочитайте предложения с правильной и ложной информацией. Согласитесь или возразите; дайте развернутый ответ; и 2. Ответьте на вопросы) нацелены на проверку понимания содержания прочитанного и воспроизведения отдельных фрагментов текста. Следующие задания (3. Выберите из приведенных ниже словосочетаний нужный вариант и впишите в предложения; и 4. Составьте предложения из данных слов и словосочетаний) можно использовать как устно (для закрепления лексики и грамматики), так и письменно (для контроля знаний).

Задания пятое и шестое (5. Разбейте текст на смысловые части и озаглавьте их; и 6. Перескажите текст, используя ключевые слова) способствуют выработке навыка говорения. Эти виды заданий преподаватель может варьировать в зависимости от уровня подготовленности группы, т.е. студентам можно предложить не просто пересказ (монологическая речь), но и беседу с преподавателем и группой (полилоги) или составлению диалога с соседом (парная работа).

Таким образом, несколько раз возвращаясь к тексту и отрабатывая его основные положения на разных моделях, студент запоминает текст, вычленяет ключевые слова и правильную информацию, «сжимает» и вновь «развертывает» текст, полностью усваивая его. С той же целью студент учится выделять в прочитанном тексте основную информацию, переформулировать, свертывать и развертывать её, заимствовать слова и словоблоки из печатного текста, находить компонент микротекста, в котором заключается главная информация (с опорой на вербальные маркеры), давать заглавия микротекстам и т.д. Послетекстовые задания настоящего пособия направлены на понимание и осмысление содержания текстов, развитие оперативной памяти, развитие монологической речи.

В разделе «Дополнительные тексты» каждый текст соответствует основному и расширяет границы приобретенных знаний. Например, текст «Факультет Журналистики МГУ» дополняет Урок 1 «Факультет журналистики ЕГУ», урок «Пресса Советской Армении» не был бы полным без текста «Самиздат» и т.д. А три основных жанра современной журналистики: репортаж, очерк, интервью – представлены в разделе интересными, актуальными образцами, и студентам предлагается на этой основе написать собственный материал. Эти же тексты, кроме дополнительных знаний, предоставляют студентам возможность самостоятельнойработы.

С той же целью усвоения и закрепления слов и словосочетаний текста, логико-смысловых конструкций, а также их дальнейшего использования в пособие включены тексты для профессионально-ориентированного перевода с армянского языка на русский. При переводе учащийся может наглядно ощутить результаты овладения им иностранным языком. Перевод – это также путь перехода к эквивалентным смысловым заменам на родном языке.

В ходе работы по нашему учебному пособию у учащихся формируются следующие умения на продуктивном уровне: умение использовать усвоенные на уроке зна-

ния в новых ситуациях (перенос навыков); умение осуществлять лингвистический и смысловой анализ текста (выявление правильной и ложной информации); умение осуществлять синтез полученных знаний (написание репортажа, очерка, интервью); умение давать оценку действиям и высказываниям, изложенным в изучаемом тексте.Эффективным средством формирования компетенций студентов-журналистов в освоении русского языка является «погружение» в сферу будущей профессии: задания написать репортаж или очерк, взять и обработать интервью.

Пособие не заменяет собой учебник, но дополняет его, для развития и совершенствования умений и навыков чтения, перевода и говорения у студентов-журналистов.

Для создания соответствующего пособия его разработчики ставили перед собой точные цели и задачи, зная, на какие главные вопросы им необходимо обратить внимание, чтобы обеспечить создание качественного средства обучения. Таковыми являются: цели обучения на определенном этапе или конечные, содержание обучения, методическая концепция пособия как средства достижения целей, отбор учебного материала и выбор структурной единицы его методической организации, содержание и структура типового урока, система заданий (методический аппарат).

Следует отметить, что изучение языка для особых целей или профессионально-ориентированная направленность обучения является одним из путей интенсификации обучения русскому языку как иностранному в гуманитарном вузе и предполагает знакомство с будущей специальностью в процессе профессионального становления языковой билингвальной личности. Эта направленность проявляется в использовании тематики специальности, отборе лексических единиц и грамматических структур, конкретных типов высказываний и ориентирована на овладение основными видами коммуникативной деятельности. При решении задач, непосредственно связанных с будущей профессией, студенты приходят к осознанию перспективы в изучении и практическом овладении русским языком как иностранным. Таким образом, профессионально-ориентированный подход в обучении русскому языку как иностранному способствует профессиональному интересу и создает мотив иноязычной коммуникативной деятельности.

Литература

1. Алещанова, И. В. Профессионально-ориентированный подход в обучении иностранным языкам в техническом вузе // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6.

2. Мартирян Н.И., Шатворян М.П. «Русский язык (пособие для студентов факультета журналистики)», Ереван: Издательство ЕГУ, 2018.

3. Образцов П.И., Иванова О.Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: учеб . пособие / под ред. П.И. Образцова. – Орел: Издательство ОГУ, 2005.

4. Шаклеин В.М. Лингвокультурология ситуации и исследование текста. — М.: Издательство РУДН, 1997.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ РКИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ В РАКУРСЕ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

К.А. ОГАНЕСЯН

Ереванский государственный университет, Армения

karina.hovhannisyan@ysu.am

Ключевые слова: *инновационный ресурс, программное обеспечение, многомодульное актуальное содержание, РКИ.*

В статье рассматривается проблема использования инновационных ресурсов, которые могут помочь студентам не только при изучении русского языка, но и в закреплении навыков выступлений перед аудиторией, что на сегодняшний день представляется весьма актуальным. Умелое и грамотное программное обеспечение даст реальную возможность облегчить быструю и своевременную доставку многомодульного актуального содержания и отследить прогресс студентов в процессе изучения языка.

KARINA HOVHANNISYAN – Modernization of the process of training RAF in the Republic of Armenia in the perspective of the application of new technologies

Key words: *innovative resource, software, multi-module current content, RAF.*

The article deals with the problem of using innovative resources that can help students not only to learn Russian, but also to master the skills of performing in front of an audience, which today is highly relevant. Skillful and competent software will provide a real opportunity to facilitate the fast and timely delivery of multi-module up-to-date content and track students' progress in the process of language learning.

Современные социальные требования образовательного пространства Республики Армения к системе вузовского обучения РКИ нуждаются в радикальных переменах: "Развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя возможные последствия, способные к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, обладают развитым чувством ответственности за судьбу страны" [Гостин 2012: 15].

Рассматривая задачи высшей школы Армении в аспекте методики преподавания иностранных языков, мы имеем в виду прежде всего определенные учебные мероприятия, направленные на формирование полноценных граждан Республики Армения. Это насущная проблема, стоящая перед современным обществом, от решения которой во многом зависит будущее Армении в целом. Данный вопрос рассматривается в свете идей радикальной и рациональной реконструкции процесса обучения иностранным языкам, которые, в первую очередь, напрямую связаны с активной модернизацией содержания образования, что на данном этапе развития общества напрямую зависит от инновационных процессов в организации обучения иностранным языкам и представляется вполне естественным и обоснованным. На сегодняшний день это неоспоримый факт.

В настоящее время и с методической, и с прагматической точек зрения целесообразным является четкая ориентация обучения будущих специалистов иностранному языку (РКИ) с учетом специфики их специальности, то есть ориентированная подготовка к реальному профессиональному общению. Ведь именно языковая специализация в системе будущей специальности студентов является мотивационной базой, а также реальным стимулом и основным «детерминантом прагматической ценности» изучения любого иностранного языка студентами вузов Республики Армения.

Основываясь на результатах практической деятельности, можно с уверенностью констатировать, что интерес к изучению иностранного языка (РКИ) в Армении возрастает именно тогда, когда студенты реально осознают его значимость, когда они с определенной долей вероятности очерчивают перед собой актуальные перспективы использования полученных языковых знаний в будущей работе по специальности, когда реальной целью обучения РКИ могут стать необходимые для осуществления профессиональной коммуникации умения и навыки, ценность которых будет ощущаться в будущем. Таким образом, совершенно очевидно, что студенты, владеющие иностранными языками, заметно повышают уровень своего IQ, личную конкурентоспособность на рынке труда, а также обретают реальные шансы на успех в будущей профессиональной деятельности.

На практике, начиная с конца прошлого столетия ведущим методом современных теоретических и эмпирических исследований в сфере обновления, модернизации и рациональной реконструкции содержания языкового образования студентов является личностно-ориентированный подход, получивший четкую научно-концептуальную разработку в исследованиях многих методистов-практиков, лингвистов и психологов, в том числе и в Армении.

Актуальность обозначенной проблемы создания личностной парадигмы образования в Республике Армения несомненна. Однако следует оговорить, что в реальной

практике обучения русскому языку как иностранному, имеющей место в настоящее время в вузах Армении, ситуация очень далека от идеальной, далека от реализации целостного личностного роста в процессе языковой подготовки студентов. Этот очевидный негативный факт реально стимулирует методистов-русистов Республики Армения на активный поиск новых инновационных образовательных технологий.

РКИ как учебный предмет в вузе обладает неограниченными интересными и востребованными возможностями в создании различных реальных условий для культурного и личностного роста студентов на основе обучения иностранному языку. Социальный заказ нашего общества в области обучения иностранным языкам на современном этапе развития армянского образовательного пространства выдвигает на первый план наиболее актуальную задачу развития личности студента, усиления «гуманистического содержания» в процессе обучения, с более четкой и обширной реализацией единства воспитательного, образовательного и развивающего потенциала применительно к индивидуальности каждого студента. В этом аспекте необходимо оговорить возможности и условия полноценной самореализации личности в психолого-педагогическом ракурсе, а именно: процесс развития личности в системе вузовского обучения должен носить динамичный и плодотворный характер. С этой точки зрения, современные условия полноценной самореализации личности в процессе обучения РКИ должны рассматриваться методистами как целевые и ценностные измерения всей системы образования и воспитания.

В начале XXI века среди методистов РА стал активно обсуждаться правомерный и актуальный для сегодняшнего дня вопрос о применении новых информационных технологий в процессе обучения иностранным языкам в вузах, что подразумевает не только новые технические средства обучения, но и новые формы и методы преподавания, отвечающие реалиям современной действительности, а также радикально новый подход к процессу обучения, что представляется совершенно естественным и оправданным. Сейчас основной целью обучения иностранным языкам в вузах РА является формирование и развитие профессиональной коммуникативной культуры студентов, обучение практическому овладению иностранным языком как языком специальности, что заметно повышает мотивационный фактор обучения любому иностранному языку.

Здесь следует оговорить современные педагогические технологии обучения. В настоящее время имеет место четкое разграничение основных составляющих содержание данного термина:

- технологии обучения (Technology of Teaching);
- технологии <u>в</u> обучении (Technology <u>in</u> Teaching).

С помощью термина *технологии обучения* в методической и педагогической литературе обычно обозначают методы и приемы научной и практической организации работы преподавателя, на основе которых быстро и эффективно достигаются намеченные цели обучения. А с помощью термина *технологии <u>в</u> обучении* обозначаются процессы использования в учебном процессе современных технических средств обучения.

Основными особенностями технологий обучения иностранным языкам принято считать:

- результативность обучения иностранному языку (высокий уровень достижения поставленной учебной цели);
- экономичность (за единицу времени усваивается большой объем учебного материала при наименьшей затрате усилий на овладение языковым материалом);
- эргономичность (обучение происходит в обстановке сотрудничества, позитивного эмоционального микроклимата в аудитории, при отсутствии умственной и физической перегрузки и переутомления);

• высокая мотивированность в изучении предмета (РКИ), что реально способствует заметному повышению интереса к получаемым языковым занятиям, а также позволяет совершенствовать лучшие личностные качества обучаемого, раскрывая его резервные возможности [Ботвенко 2005: 94].

В настоящее время большинство исследователей-практиков (в том числе и методистов-русистов) рассматривают новейшие технологи обучения как один из действенных способов реализации на занятиях личностно-деятельностного подхода к обучению, благодаря которому студенты выступают как активные творческие субъекты учебной деятельности [Владимирова 2002: 19].

Сегодня, на наш взгляд, в процессе обучения русскому языку как иностранному наиболее активными являются следующие технологии обучения:

• проектная методика,

• обучение в сотрудничестве,

• использование новых информационных технологий, интернет-ресурсов и др.

Указанные педагогические технологии дают возможность реализовать личностно-ориентированный подход в обучении, реально способствуют быстрой индивидуализации и дифференциации обучения.

Возможные формы работы с современными мультимедийными обучающими программами на уроках русского языка в вузе в аспекте профессионализации учебного процесса включают в себя:

• изучение специальной лексики и специальной терминологии;

• отработку навыков грамотного произношения;

• обучение стойким навыкам профессиональной диалогической и монологической речи;

• обучение навыкам профессионального письма (конспекты, рефераты, курсовые работы и пр.) на русском языке;

• отработку навыков научного стиля речи;

• отработку навыков грамматических явлений.

Следует отметить, что при наличии полноценного технического оснащения вузовских аудиторий возможности использования на уроках русского языка интернет-ресурсов неограниченны. Глобальная сеть Интернет предоставляет практически все условия для получения любой необходимой студентам (в данном случае - профессиональной) информации на русском языке. Так, на профессионально-ориентированных уроках русского языка при правильной/грамотной лингвистической и методической организации занятий возможно решение целого комплекса дидактических задач, а именно:

• формирование умений и навыков чтения специальной литературы, с использованием материалов глобальной информационной сети;

• совершенствование умений и навыков профессиональной письменной речи студентов;

• пополнение профессионального вокабуляра студентов специальной лексикой и специальной терминологией;

• формирование у будущих специалистов четкой мотивации к изучению РКИ как языка будущей специальности.

Студенты, обучающиеся на основе новых технологий, имеют реальную возможность проходить on-line тестирование, принимать участие в различных учебно-научных вебинарах, учебных викторинах, всевозможных международных конкурсах, олимпиадах. Все это реально доступно и постоянно проводится в Интернет-сети. Студенты могут переписываться с российскими “коллегами”, участвовать в различных чатах, туториумах, видеоконференциях и т.д. Более того, они имеют все возможности получать информацию по проблеме, над которой работают в данный момент в

рамках проекта (курсовая работа, реферат, дипломное или магистерское исследование и пр.).

Содержательная основа последовательной компьютеризации учебного процесса связана с тем, что современное мультимедийное пространство при умелом и грамотном использовании являет собой качественное средство оптимизации условий умственного обучения, в целом и в любом его направлении. Следует отметить еще одну существенную особенность инструментов мультимедиа, проявляющуюся при их использовании в обучении студентов, – это *неодушевленность* компьютерных устройств.

Современный компьютер всегда “дружелюбно” и позитивно общается с пользователями (студентами), может “поддерживать” их и, что на наш взгляд является самым главным, - компьютер практически никогда не проявляет признаков раздражительности и не дает почувствовать, что ему стало скучно и неинтересно, что он устал. В этом смысле применение в учебном процессе мультимедиа является, вероятно, самым актуальным при индивидуализации определенных аспектов учебного процесса.

Еще одним важным требованием к системе работы вузовского преподавателя по обеспечению эффективных результатов обучения любому иностранному языку, по мнению методиста Е.Н. Вороновой, является включение в образовательный процесс и использование следующих технологий:

- технологию понимания коммуникативного смысла текста;
- технологию коммуникативного обучения;
- игровые технологии;
- технологии обучения в сотрудничестве;
- проектные технологии и др. [Воронова 2014: 189].

Одним из современных средств профессионально-ориентированного обучения русскому языку может стать использование «подкастинга» в учебном процессе. Так называемые «подкасты» начали применять в учебном процессе уже в 2004 г. для передачи звуковых и видео передач в Интернете. Термин «подкаст» происходит от английского *iPod* и *broadcast* и обозначает либо звуковой, либо видеофайл, который широко “распространяется бесплатно через Интернет для массового прослушивания или просмотра” [Рыбалко 2008: 109].

По мнению исследователя-практика Б.С. Салина, образовательные подкасты, посвященные изучению иностранных языков, предоставляют реальную возможность решить целый ряд конкретных методических задач, среди которых:

- формирование навыков и умений понимания иноязычной речи на слух;
- формирование и совершенствование слухо-произносительных навыков;
- расширение и обогащение профессионального лексического вокабуляра;
- формирование и совершенствование конкретных грамматических навыков, развитие умений говорения и письма в научном стиле речи [Салин 2010: 92].

Актуальными современными инновационными образовательными технологиями в аспекте профессиональной ориентации процесса обучения РКИ можно считать и TED видео-конференции, вебинары и видео-блоги, успешно оказывающие эффективную помощь учащимся в активизации, закреплении и совершенствовании умений и навыков беглой,грамотной и насыщенной специальной лексикой и специальной терминологией профессиональной устной речи.

Содержание интеллектуальных TED конференций и выступлений весьма разнообразно и включает различные актуальные темы, которые могут быть эффективно реализованы в процессе обучения РКИ, поскольку преподаватель-русист имеет реальную возможность отобрать в потоке информации необходимый и интересный материал (в том числе и с лингвистической точки зрения) в ракурсе будущей специальности студентов.

Рассматриваемый инновационный ресурс может реально помочь не только в обучении студентов РКИ, но и в освоении ими навыков публичных выступлений перед аудиторией, навыков современного риторического искусства, что на сегодняшний день представляется нам весьма актуальным, ибо от умения грамотно и красиво говорить во многом может зависеть успех в будущей профессиональной деятельности.

Очевидно, что умелое и грамотное использование программного обеспечения (подразумевается совместная работа методистов, лингвистов, программистов, преподавателей) даст реальную возможность облегчить быструю и своевременную доставку многомодульного актуального содержания, обеспечить эффективную обратную связь и четко отследить прогресс, достигнутый в процессе изучения РКИ [Warschauer 2019: 45].

Таким образом, не вызывает сомнений, что использование современных образовательных технологий, в том числе и информационных, не только обеспечивает высокое качество организации образовательного процесса, но и создает реальные условия для личностного развития будущего специалиста.

Литература

1. *Ботвенко М.А.* Компьютерная лингводидактика: учебное пособие. М., 2005. 112с.

2. *Владимирова Л.П.* «Интернет на уроках иностранного языка. «Иностранные языки в школе», 2002, № 3, с. 33-41.

3. *Воронова Е.Н.* Современные технологии и методы обучения иностранному языку в вузе // Перспективы науки и образования. 2014. № 1, с. 189–194.

4. *Гостин А.М., Чернышев А.С.* Организация обучающей деятельности в открытой гипермедийной среде. // Современные информационные технологии в образовании. Рязань, 2012.

5. *Рыбалко Т.Г.* Подкастинг как средство формирования информационной компетентности студентов при обучении иностранному языку // Интеграция образования. 2008. № 3, с. 108–111.

6. *Салин Б.С.* Некоторые аспекты использования подкастов в обучении английскому языку // Современные проблемы науки и образования. 2010. № 4, с. 91–93.

7. *Mark Warschauer, Carla Meskill* Technology and Second Language Teaching. [Электронный ресурс] URL: http://www.education.uci.edu/person/warschauer_m/tslt.html. Дата последнего обращения: 07.03.2019.

ГРУППОВЫЕ ФАКТОРЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭЛЕКТРОННОГО ТЕСТИРОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ, ЗНАНИЮ ИСТОРИИ РОССИИ И ОСНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И.Ю. ПАВЛОВСКАЯ
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
pavlovskayairina2@gmail.com
Т.Е. НЕСТЕРОВА
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва
tane.spb@gmail.com
А.В. КЛЕЧИКОВ
Санкт-Петербургский национальный исследовательскийуниверситет информационных технологий, механики и оптики, Санкт-Петербург
a.klechikov@gmail.com

Ключевые слова: *тесты, русский язык как иностранный, электронное тестирование, мигранты, статистический анализ.*

Цель исследования - проанализировать результаты тестирования иностранных граждан по русскому языку, знанию истории России и основ законодательства Российской Федерации для получения: а) разрешения на временное проживание; б) вида на жительство; в) патента для работы; г) гражданства. Результаты рассматриваются с точки зрения языковой принадлежности тестируемых, гендерного фактора и возрастного фактора.

IRINA PAWLOWSKAYA, TATYANA NESTEROWA, ALEXANDER KLECHIKOW – Group Statistics Of E-Testing Of Migrants In The Russian As A Foreign Language, History Of Russia And Basics Of Russian Federation Legislation Examinations

Key words: *tests, Russian as a Foreign Language, electronic testing, migrants, statistical analysis.*

The purpose of the study is to analyze the results of testing foreigners in the Russian language, knowledge of the history of Russia and the basics of the legislation of the Russian Federation in order to obtain: a) a temporary residence permit; b) a residence permit; c) a patent for work; d) citizenship. The results are considered in terms of the language of the test subjects, gender and age.

Экзамен по русскому языку, знанию истории России и основ законодательства РФ (Комплексный экзамен, состоящий из трех модулей) был введен в России 1 января 2015 года как обязательный для иностранных граждан при обращении за получением разрешений на временное проживание (РВП), вида на жительство (ВЖ), патента для работы. Реализация Статьи 15.1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ является механизмом развития, защиты и поддержки русского языка, необходимым условием проведения языковой политики России в сфере лингвокультурной адаптации мигрантов и их интеграции в российское общество.

Экзамен состоит из трёх модулей: «Русский язык», «История России» и «Основы законодательства Российской Федерации».

Следует отметить, что на сегодняшний день предъявляются различные Требования к содержанию Комплексного экзамена в зависимости от правового статуса, срока пребывания и проживания в стране иностранного гражданина, а также степени его включенности (интеграции) в социокультурное пространство российского общества [1,2,3,4,5,6].

Комплексный экзамен по русскому языку, истории России и основам законнодательства РФ для трудящихся мигрантов состоит из 7 частей: говорение, аудирование, чтение, грамматика, письмо, история, законодательство. Каждая часть комплексного экзамена позволяет оценить знания испытуемого в соответствии с требованиями.

Все части, входящие в состав Комплексного экзамена, кроме компонентов «Письмо» и «Говорение», представляют собой задания, предъявляемые в форме множественного выбора. Субтесты «Говорение» и «Письмо» проверяются членами комиссии по проведению тестирования, результаты заносятся в соответствующие рейтерские таблицы/ контрольные листы экспертной оценки.

Начиная с 2012 года в Санкт-Петербурге, а затем в Московской области и в 70 регионах Российской Федерации используется программный комплекс ЭЛТЕРУС, позволяющий проводить комплексные экзамены в электронном виде.За время работы программного комплекса была получена большая репрезентативная статистическая база. Были протестированы 892006 человек. Анализируемая выборка составляет 496177 человек из 9 наиболее репрезентативных стран (Узбекистана, Таджикистан, Украины, Молдовы, Азербайджана, Кыргызстана, Армении, Казахстана, Грузии). Нами были проведены наблюдения за успешностью сдачи комплексного экзамена на всех уровнях в зависимости от родного языка тестируемого, цели тестирования, модуля экзамена, возрастного фактора, гендерного фактора.Распределение кандидатов по национальностям из общего числа выборки представлено в диаграмме на рис. 1.

Рис.1 Национальный состав выборки кандидатов.

Так, в Таблице 1 показана успешность сдачи экзамена в зависимости от национальной принадлежности/родного языка тестируемого.

Таблица 1. Зависимость успешности прохождения экзамена от национальности/родного языка тестируемых

национальность	**Общее число кандидатов**	**Успешно сдавших с первого раза**	**% от числа кандидатов**
Узбеки	240 771	178 323	74
Таджики	109 870	83 673	76
Украинцы	73 593	71 358	97
Молдоване	33 464	31 172	93
Азербайджанцы	5 995	4 752	79
Киргизы	3 076	2 617	85
Армяне	1 022	986	96
Казахи	994	833	84
Грузины	392	332	85
Итого:	469177	374046	80

Таблица показывает, что в целом выборка тестируемых показала неплохой, в среднем, результат сдачи – 80%. Успешнее всего экзамен сдают украинцы, армяне и молдаване.

В Таблице 2. Представлены общие данные по тестируемым в зависимости от выбранного подуровня теста.

Таблица 2. Результаты сдачи комплексного экзамена по подуровням.

Итого	489 996	80	12 883	95	15 376	84	2 076	88

Нацио-нальность	**Патент**		**РВП**		**ВЖ**		**Гражданство***	
	Кол-во канди-датов	**Из них тест пройден %**	**Кол-во канди-датов**	**Из них тест пройден %**	**Коли-чество кандидатов**	**Из них тест пройден %**	**Коли-чество кандидатов**	**Из них тест пройден %**
узбеки	264 347	75	1 610	93	1 804	82	261	90
таджики	120 697	77	1 211	79	1 132	64	170	74
украинцы	64 587	97	6 010	99	7 082	90	849	95
молдоване	31 840	94	2 303	95	2 808	78	419	85
азербайджанцы	5 672	79	454	89	566	80	109	79
киргизы	2 839	86	312	93	380	76	32	75
армяне	7	71	428	91	650	78	129	81
казахи	4	100	396	100	701	93	66	92
грузины	3	100	159	93	253	81	41	80

*Соискатели российского гражданства должны успешно сдать Тест по Русскому языку как Иностранному (ТРКИ), подтверждающий их уровень владения русским языком как иностранным не ниже Базового.

Таблица показывает, что наиболее успешно кандидаты сдают тест на РВП (95%), несколько слабее на гражданство (88%) и наименее удачно на вид на жительство (84%) и патент (80%).

Рисунок 2. Успешность прохождения тестирования кандидатами из разных стран (по уровням теста)

Среди соискателей разрешения на работу или патента самые высокие результаты наблюдаются у граждан Украины и Молдовы, самые низкие – у граждан Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана. В группе соискателей разрешения на временное проживание (РВП) самые высокие показатели - у граждан Казахстана, Украины, Молдовы, самые низкие – у граждан Таджикистана и Азербайджана. В группе соискателей вида на жительство (ВЖ) наиболее успешно экзамен сдают граждане Казахстана и Украины, наименее успешно - граждане Таджикистана и Кыргызстана.

В следующем блоке данных представлены результаты прохождения экзамена в зависимости от возрастной группы. Все кандидаты разделены на 6 возрастных групп (см. Таб. 3).

Количественные показатели по возрастной принадлежности кандидатов показывают, что кандидаты в возрасте от 21 года до 30 лет составляют самую большую группу – около 43%, второе место занимает возрастная группа от 31 года до 40 лет - около 34%, третье место занимает возрастная группа от 41 года до 50 лет – около 13%.

Таблица 3. Зависимость успешной сдачи экзамена от возраста кандидатов

национальность	**До 20**		**21-30**		**31-40**		**41-50**		**51-60**		**Больше 60**	
	Всего	**Из них сдали %**	**Всего**	**Из них сдали %**	**Всего**	**Из них сдали %**	**Всего**	**Из них сдали %**	**Всего**	**Из них сдал%**	**Всего**	**Из них сдали %**
узбеки	20 000	47	116 636	70	89 043	83	33 871	84	7 899	85	309	87
таджики	12 720	58	54 643	74	40 278	84	12 511	86	2 851	84	156	85

украинцы	2 735	94	30 373	96	28 179	97	11 213	97	5 254	96	515	94
молдоване	1 366	89	13 947	92	12 996	93	5 870	93	2 909	92	234	88
айзербайд-жанцы	204	59	2 527	76	2 239	85	1 146	82	598	83	67	84
киргизы	273	79	1 708	84	1 031	85	439	90	102	87	6	83
армяне	8	88	427	83	544	83	120	87	90	79	13	69
Казахи	36	94	548	95	405	97	106	98	51	92	4	100
грузины	0	0	119	84	166	86	99	89	62	81	8	88
Итого	37 342	56	220 928	76	174 881	86	65 375	88	19 816	89	1312	89

Таблица показывает, что несмотря на тот факт, что наибольшее число кандидатов принадлежит к самым молодым возрастным группам (до 20 лет – 34 % сдающих, от 21 до 30 лет – 43%), наиболее успешно тесты сдают люди старшего возраста (51 год и старше – 89% успешных сдач, от 41 года до 50 – 88%), люди среднего возраста набирают до 86% удачных сдачь. Чемпионами по успешным сдачам оказались казахи старше 60 лет (100%). Наихудший результат у молодых узбеков младше 20 лет. Вероятно, такие показатели связаны с качеством изучения русского языка в школах и вузах бывших советских республик в прошлые годы.

Количественные показатели по гендерной принадлежности кандидатов показывают, что общее количество кандидатов мужчин значительно превышает количество кандидатов женщин, количество кандидатов мужчин составляет около 81%, кандидатов женщин – около 19%.

В следующем блоке данных результаты представлены в зависимости от гендерного фактора (Таб. 4)

Таблица 4. Зависимость успешности сдачи экзамена от гендерного фактора

Национальность	**Мужчины**		**Женщины**	
	Всего	**Из них сдали (%)**	**Всего**	**Из них сдали (%)**
Узбеки	218 693	160 341 (73%)	48 687	39 933 (82%)
Таджики	109 931	83 793 (76%)	13 118	10 653 (81%)
Украинцы	56 264	54 299 (97%)	21 887	21 255 (97%)
Молдоване	24 901	22 837 (92%)	12 399	11 652 (94%)
Азербайджанцы	5 381	4 301 (80%)	1 391	1 130 (81%)
Киргизы	2 174	1 816(84%)	1 385	1 210 (87%)
Армяне	600	496 (83%)	599	501 (84%)
Казахи	536	502 (94%)	610	592 (97%)
Грузины	285	242 (85%)	170	147 (86%)
Итого	418765	328627 (78%)	100246	87073 (87%)

Статистика показывает, что несмотря на тот факт, что подавляющее число сдающих тесты – мужчины, женщины почти по всем национальным группам опережают мужчин по успешным сдачам, в среднем на 9%, только украинцы сдают экзамен одинаково хорошо, независимо от пола. Можно предположить, что хотя женщины реже решаются на прохождение экзаменов (и, скорее всего, реже эмигрируют), они более тщательно готовятся к экзаменам и получают лучшие результаты.

Анализ результатов прохождения Комплексного экзамена (Рис. 3) даёт основание для следующих выводов: самым сложным практически для всех соискателей яв-

ляется модуль «Русский язык». Для соискателей разрешения на работу или патента особенную сложность представляют части «Аудирование» и «Лексика. Грамматика» (входят в модуль «Русский язык»). Соискатели разрешения на временное проживание (РВП) самые низкие результаты показывают по «Аудированию» и «Письму», соискателям вида на жительство (ВЖ) особое внимание при прохождении Комплексного экзамена следует уделять не только «Аудированию» и «Письму», а также модулям «История России» и «Основы законодательства Российской Федерации».

Рисунок 3. Результаты по отдельным модулям и частям Комплексного экзамена

Полученные статистические данные позволяют определить проблемные зоны в подготовке разных категорий тестируемых к разным модулям Комплексного экзамена. В перспективе на основе обработки имеющегося массива данных можно составить адаптированную под конкретные целевые группы методику обучения русскому языку с применением современных информационных технологий. Косвенно можно предусмотреть особые трудности у групп сдающих, сформированных по возрастному и гендерному принципам.

Литература

1. Типовые тесты к Комплексному экзамену по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации (для иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент)/ Л.П. Клобукова и др.– М.; СПб., Златоуст, 2015. С. 48.

2. Требования к содержанию к Комплексному экзамену по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации (для иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент)/)/ Л.П. Клобукова и др.– М.; СПб., Златоуст, 2015. С. 52.

3. Типовые тесты к Комплексному экзамену по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации (для иностранных граждан, оформляющих разрешение на временное проживание)/ А.В. Должикова и др.– М., РУДН, 2017. С. 60.

4. Требования к содержанию к Комплексному экзамену по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации (для иностранных граждан, оформляющих разрешение на временное проживание)/ А.В. Должикова и др.– СПб., Златоуст; М., РУДН, 2015. С. 56.

5. Типовые тесты к Комплексному экзамену по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации (для иностранных граждан, оформляющих вид на жительство)/ А.В. Должикова и др.– М., РУДН, 2017. С. 80.

6. Требования к содержанию к Комплексному экзамену по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации (для иностранных граждан, оформляющих вид на жительство)/ А.В. Должикова и др.– СПб.,Златоуст; М., РУДН, 2016. С. 58.

7. Language tests for access, integration and citizenship: An outline for policy makers, produced by ALTE on behalf of Language policy Unit, Council of Europe, January 2016. C.54.

РУССКО-АРМЯНСКОЕ БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РА

И.Р. САРКИСЯН
Российско-Армянский Университет;
АГПУ им. Хачатура Абовяна, Армения
innasargsyan@gmail.com
В.А. ГРИГОРЯН
Российско-Армянский Университет, Армения
grigoryan.violetta@rambler.ru

Ключевые слова: *поликультурное обучение, реформирование системы образования, билингвальное обучение, двуязычие, поликультурное пространство.*

В статье проанализированы основные подходы к определению целей и концептуальных положений поликультурного образования, рассмотрены проблемы языкового поликультурного образования, разработки и внедрения новых технологий обучения, предполагающих создание дидактических условий для перехода от репродуктивной модели организации образовательного процесса к проблемно-ориентированноймодели.

На основе проведенного анализа сформировано собственное видение сущности поликультурного образования и воспитания учащихся Республики Армения.

INNA SARGSYAN, VIOLETTA GRIGORYAN – Russian-Armenian bilingual training as a factor of realization multicultural education idea in repablic of Armenia

Key words: *multicultural education, reform of the education system, bilingual education, bilingualism, multicultural space*.

The article analyzes the main approaches to the definition of goals and conceptual provisions of multicultural education, addresses the problems of linguistic multicultural education, develops and implements new teaching technologies that create didactic conditions for the transition from the reproductive model of the organization of the educational process to the problem-oriented model.

Based on the analysis of scientific and methodological literature, our own vision of the essence of the multicultural education of pupils of the Republic of Armenia is formed and presented in the article.

90-ые годы прошлого столетия ознаменовались в нашей республике всплеском активного реформирования всейсистемы вузовского и школьного образования.Это сталореальной попыткой преодоления возникших как перед мировым сообществом, так и отдельно взятыми странами глобальных проблем, имеющих как мировое, так и региональное значение. Одной из таких очевидных проблем, особо актуальных для мононационального государства, коим является Армения,представляется реалиизациянасущных для сегодняшнего дня идей поликультурного обучения и воспитания. В этом ракурсев нашей республике были сделаны серьезные попытки разработатьмодернизированные методы и приемы обучения,позволяющиечетко и гармонично вписаться в актуальный активный процесс формирования поликультурного пространства, а также интеграции различных социокультурных общностей в результате их активного взаимодействия, что совершенно необходимо для эпохи глобализации.

Возникает правомерный вопрос: необходимая реальность или очевидная утопиясоздание так называемого объединенного поликультурного общества? С одной стороны, можно говорить об активнойглобализации и открытости государственных, равно как и культурных границ, а с другой стороны явно можно наблюдатьдисгармонию, реальное отчуждение, распространенные негативные стереотипы, устоявшиеся-предрассудки иоткрытую вражду между народами. Вполне очевидно, что насильственное “насаждение”так называемой толерантности не привело к ощутимомупозитивному сдвигу. А, собственно говоря, почему именно “терпимость”, а не просто принятие и уважение культуры другого народа.В настоящее время в РА постоянно ощущаетсянеобходимость и актуальность современного культурного сознания, заключающегося непосредственно в способности при контактах с иной/чужой культурой адекватно понять и принять иной/чужой образ жизни, иную аксиологическую иерархию и отказаться от негативныхи устаревших предубеждений.

Актуальная проблема самоопределения личности заключается в***осознания своего места в системе существующихнациональных культур.***Она может быть решена (частично) в процессе обучения, а именно–непосредственно в реализации концепции лингвистического поликультурного образования.

Мы подробно проанализировали основные современные подходы к определению задач и актуальных концептуальных идей поликультурного образования.Выделенные интересные подходы в какой-то мере содержательно дополняют друг друга, а обозначенные проблемы, цели и задачи в рамках сложившихсятеорий и концепций поликультурного образованиявозможно рассматривать как четкую установкудля деятельности учебных заведений.

На основе проведенного анализа научно-методической литературы сформировалось наше собственное видение сущности поликультурного образования и воспитания учащихся Республики Армения, рассматриваемого намив ракурсе целенаправленной социализации учащихся, чтообеспечивает:**на когнитивном уровне** - освоение (естественно, через призму национальной/армянской культуры и истории Армении) культурно-исторического,социального и аксиологического наследия различных стран и народов;**на ценностно-мотивационном уровне** - формирование социально-установочных и аксиологических расположенностей учащихся-армян к осуществлению межкультурной/кросскультурной коммуникации;обязательное развитие толерантности по отношению к другим странам, народам, культурам, социальным группам, религиям;**на деятельно-поведенческом уровне** - активное социальное взаимодействие с конкретными представителями различных культур (в т.ч. конфессий, социальных групп и пр.).Оговорим, что все вышесказанное предусматривает обязательноесохранениесвоей национальной идентичности.

Непосредственной составляющей поликультурного образования,на наш взгляд, является ***обучение любому иностранному языку*** (в данном случае в ракурсе рассмотрения проблемы поликультурности применительно к Республике Армения – русскому), владение которым в РА реально увеличивает возможность пользования очевидными преимуществами открытого общества.Концепция формирования поликультурной личности предполагает обязательное овладение“языковой картиной мира” носителей изучаемого языка, то есть овладение непосредственно фоновыми знаниями.Этого можно достичь путемизучения как вербально-семантического кодаизучаемого языка, так и языковой картины мира, в целом, которая дает возможность индивиду адекватно осознать новую социальную реальность.

Использование русского языка в образовательном пространстве РА как быстрого и эффективного способа постижения окружающего поликультурного мира и грамотного восприятия культуры другого народадает возможность учащимися-армянамосознать свою принадлежностькак к определенной этнической группе, так и к мировому культурному сообществу в целом. Таким образом, можно констатировать, что любойизучаемый иностранный язык являет собой, в первую очередь, конкретную образовательную ценность, которая может расширить возможности непосредственно образовательных и профессиональных перспектив выпускника школы/вуза. Так, в результате лингвистического поликультурного образования у учащихсяв конечном итоге должны быть сформированы определенные представленияокультурном разнообразии современного общества, об очевидных сходствах и существенных различиях между представителями различных социальных, этнических, территориальных, лингвистических, гендерных, религиозных и прочих культурных формирований.

Поликультурное обучение и воспитаниепризвано привить индивидуумения и навыки позитивнойкоммуникации с представителями других культурных сообществ в атмосфере мира и в актуальном на сегодняшний день контексте диалога/полилога культур.

Формирование и развитие поликультурной среды в концеXX –началеXXIвековв мировом пространстве (в том числе и в Армении) осуществлялось (и продолжает осуществляться) под воздействием конкретных факторов (объективных и субъективных), определяющих на сегодняшний день актуальность поликультурного образования.

Одним из наиболее значимых факторов, на наш взгляд, является значительное увеличение роста числа субъектов международных отношений и, как следствие, увеличение непосредственно участников межкультурного диалога/полилога как на международном уровне, так и на региональном. Ранее зависимые народы сформировали суверенную государственностьс особыми, специфическими для данного этноса социокультурными идеалами, определенными верованиями, национальными традициями, устоявшимися обычаями и уникальным и неповторимым мировоззрением, а также четким стремлением быть обязательно равноправным партнером во всем многообразии международных/межгосударственных отношений. Примером такого государства является Армения.

Необходимость поликультурного образования на современном этапе обусловлена не только конкретными историческими и социокультурными предпосылками.Она опирается непосредственно на ряд сложившихся традиций современной педагогики, психологии, психолингвистики, философии.

Лингвистическое поликультурное образование должно осуществляться на основе методически грамотно продуманной модели обучения, при этомдолжны приниматься во внимание общеевропейские и российские требования к уровню владения иностранными языками (русским языком). Вполне естественно, что необходим учет социокультурных особенностей соизучаемых языков (русский-армянский) и культур, а также непременный когнитивный ракурс овладения культурой страны изучаемого иностранного языка средствами родного и изучаемого языков.

На сегодняшний день в РА ощущается необходимость разработкисоответствующей нашей культуре эффективной модернизированной модели лингвистического поликультурного обучения и воспитания. Для этого следуетопределиться счеткими концептуальными положениями культурного самоопределения в ракурсе теоретического конструкта.Таким образом будут созданы благоприятныеграмотные методические условия для успешного поликультурного развития учащихся средствами иностранного (русского) языка.

Совершенно очевидно, что дальнейшее улучшение как школьного, так и вузовскогообучения русскому языку, егораспространение и популяризация в РАсоздаст реальные предпосылки для более активного включения молодого поколения (школьников, студенчества) в современное информационное пространство, что на сегодняшний день представляется весьма актуальным. В условиях, когдаиндивид должен иметь навыки сосуществования в современном поликультурном пространстве, любой иностранный язык является, вероятно, единственным инструментом, с помощью которого становится реальным полное взаимопонимание и взаимодействие между представителями различных лингвосообществ. Отсюда вытекает необходимость уделять особое внимание проблеме формирования у учащихся способности активно участвовать в межкультурной коммуникации.

Следует отметить, что в Армении после приобретения независимости была успешно разработана и апробирована в течение ряда лет концепция формирования армянско-русского двуязычия. Для монолингвального государства, коим является Армения, одним из наиболее целесообразных путей решения насущной проблемы формирования поликультурной личности является ориентация на билингвальное лингвистическое образование, предполагающее взаимосвязанное и равнозначное овладение учащимися двумя языками (родным и неродным), освоение родной и нерод-

ной/иноязычной культурой, развитие учащегося как двуязычной и биокультурной (поликультурной) личности и осознание им своей двуязычной/полиязычной и биокультурной/поликультурной принадлежности. Вышесказанное, естественно, предполагает грамотно разработанную билингвальную (армянско-русскую) школьную базу (в идеале – трилингвальную/полилингвальную) как подготовительный этап для вузовского билингвального/полилингвального профессионального образования. При наличии у выпускников армянских школ хотя бы субординативного билингвизма и правильной постановке аудиторной, внеаудиторной, а также самостоятельной работы студентов в условиях вузовской подготовки специалистов высокой квалификации необходимо и возможно ориентировать студентов на достижение равного использования родного и русского языков в специально-научной деятельности, что приблизит их к координативному владению двумя языковыми системами. При этом, естественно, межличностные отношения получат дальнейшее развитие и углубление, что даст реальную возможность кардинально изменить социальный статус учащихся. Это, естественно, повлечет за собой заметное активное позитивное изменение мотива обучения русскому языку.

Практические цели билингвального русско-армянского образования могут быть определены как: овладение навыками использования двух языков (родного – армянского и изучаемого – русского);формирование и совершенствование межкультурной/кросскультурной компетенции учащихся-армян;развитие коммуникативной компетенции учащихся в родном (армянском) и изучаемом (русском) языке;развитие у учащихся способности получать дополнительную (внеязыковую) информацию из разных сфер функционирования на территории Республики Армения изучаемого русского языка.

На сегодняшний день для РА это очень актуально, ибо информация, поступающая, в- первую очередь, через Интернет, для армян реально более доступна именно на русском языке. А реализация вышеотмеченных целейозначаетформирование вторичной языковой личности учащегося, то есть такой личности, которая способнаграмотно порождать и адекватно понимать речевые высказывания на иностранном/русском языке, а также уметь извлекать нужную информацию из общего потока все возрастающей информации.

Таким образом, лингводидактическая категория “вторичная языковая личность” может быть представлена как совокупность способностей индивида к адекватному взаимодействию с представителями других культур (в нашем случае – к взаимодействию армян с представителями русской культуры).

Концепт “вторичная языковая личность” на сегодняшний день в РА весьма актуален и логично предполагаетспособность пользоваться изучаемым (вторым/русским) языком в реальной коммуникативной деятельности, а также навыкисаморазвития и обеспечения креативной коммуникациина иностранном (русском) языке.

Поликультурное образование предполагает создание модернизированных дидактических условий для перехода от существующей ныне репродуктивной модели образовательного процесса ксовременной и актуальной проблемно-ориентированной-модели, где главной методической доминантой являются различные виды так называемых коммуникативно-ориентированных проблемных ситуаций, отражающихся в определенных коммуникативных актах:локутивных, иллокутивных и перлокутивных [Остин 1999: 237].

Коммуникативные актыможно представитькак репрезентативы (высказывания, описывающие положение дел), директивы (высказывания, побуждающие слушателя непосредственно к выполнению конкретного действия, а именно: команды, просьбы, указания, мольба и пр.), комиссивы (высказывания, направляющие говорящего сделать что-то: обещания, клятвы и т.д.), экспрессивы (высказывания, выражающие кон-

кретное психологическое состояние индивида: благодарность, извинения, соболезнования и пр.) и декларативы (высказывания, производящие радикальные изменения, такие как присвоение имени, звания,объявление войны и пр.) [Сёрл 1986: 154].

В ходе формирования межкультурной/кросскультурной компетенции учащихся-армян, изучающих русский язык как иностранный, непременно должно иметь место реальное овладение вышеперечисленными коммуникативными актами, вследствие чего учащиеся получат реальную возможность выстраивать дискурс непосредственно в соответствии с традициямиизучаемого языка, адекватно конкретной ситуации общения с его носителями.

Продуктивная речемыслительная деятельность как на родном (армянском), так и на изучаемом (русском) языке зависит от многих объективных и субъективных факторов, среди которых в настоящее время важное место занимают разнообразные модернизированные методические системы инновационного характера, учитывающие реалии современной действительности и актуальные веяния времени и тем самым определяющие эффективность билингвального обучения. Среди них хотелось быособо оговорить непременное осознание учащимися, а также преподавателем мотивации армян к изучению иностранного и, главное, конкретно именно русского языка.

Актуальный на сегодняшний день личностно-ориентированный подход обучения, лежащий в основе концепции формирования армянско-русского двуязычия,ставит перед методистами-русистами как практические задачи организации уроков русского языка (в школе, в вузе), так и теоретические вопросы, возникающие при определении содержания обучения и, соответственно, выборе дидактического материала, инновационных методов и средств обучения.

Переход учебного процесса (школьного, вузовского) на рельсы билингвального обучениянастоятельно требует реальной перестройки всей системы учебно-методической, педагогической и психолингвистической деятельности преподавателя-русиста, которая должна быть направлена, в первую очередь, на то, чтобы учащиеся-армяне осознали тот очевидный факт, что речемыслительная деятельность на иностранном (русском) языке призвана служить для осуществления грамотной коммуникации и восприятия говорящего в социуме, без чего она теряет свою значимость.

Билингвальное армянско-русское обучение ни в коей мере не должно препятствовать совершенному овладению родным языком. Напротив, при разработке методических приемов стимулирования непосредственно спонтанно-корпоративных структур родного (армянского) и изучаемого (русского) языков постоянно осуществляется четкая выработка новой языковой установки (установки речи на русском языке), поскольку эти приемы должны непременно опираться на учет закономреностей выработки установки, дифференцированно в зависимости от сфер и участников речевого общения. Более того, при обучении русскому языку в армянской аудитории необходим обязательный учет фактов сопоставительной типологии армянского и русского языков для предотвращения интерференции и активного использования транспозиции навыков. То есть опора на родной язык представляется нам необходимым условием поликультурного обучения и воспитания.

Литература

1. *Остин Дж.* Как производить действия при помощи слов? // Избранное. Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. В.П. Руднева. М., 1999. 332с.

2. *Сёрл Дж.Р.* Что такое речевой акт?; Косвенные речевые акты; Классификация речевых актов/Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 151-169.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБЩЕЙ И НЕОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ – «ЛЕКСИЧЕСКИЙ МИНИМУМ» НОВОГО ТИПА

М.Ю. СИДОРОВА, А.С. ШМАТКО
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия
sidorovadoma@mail.ru
artem_shmatko@protonmail.com

Ключевые слова: *русский язык, лексический минимум, язык специальности, химия, компьютерный анализ текста.*

В докладе излагаются принципы составления профессионального «лексического минимума» нового типа, основанного на компьютерной обработке текста и расширенного путем включения сочетаемости и грамматических сведений. Обосновываются принципы минимизации, систематизации, грамматического и сочетаемостного расширения словаря, обеспечивающие методическую значимость и покрытие соответствующих типов текста на уровне англоязычных стандартов. Лингвистический продукт нового типа предлагается называть «лексико-грамматической основой дисциплины (предметной области)». Такая лексико-грамматическая основа, разработанная авторами доклада для дисциплины «общая и неорганическая химия», может быть использован как в исследовательских целях, так и в практике преподавания РКИ.

MARINA SIDOROVA, ARTEM SHMATKO – Russian lexico-grammatic base for general and non-organic chemistry – a new type of «lexical minimum»

Key words: *Russian language, lexical mininum, professional language, chemistry, computer text processing*

We report on the methods used to develop a new type of “lexical minimum” for special purposes based on computer text processing and enriched by collocations and grammatical information. Proposed principles of minimization and systematization of the word list, introduction of collocations and grammatical “amplification” ensure efficiency for Russian language teaching purposes and coverage of special texts on the level of similar English language word lists. The new type of linguistic product may be labelled “lexico-grammatical base of a discipline (special area)”. This lexico-grammatical base for general and non-organic chemistry developed by the authors may be used both for research and Russian as foreign language teaching.

Формирование лексических минимумов специальностей и предметных областей – актуальный тренд мировой лингводидактики. Известно, что «одна из общих закономерностей статистической структуры текста состоит в том, что независимо от характера текста и языка сравнительно небольшая группа более частых слов покрывает очень значительное число словоупотреблений. Так, 1000 наиболее частых слов в среднем соответствует 65—70% всех словоупотреблений, 2500 наиболее частых слов — 70—80% всех словоупотреблений» [Фрумкина 1967: 15]. Однако, по данным мировых исследований, этого количества недостаточно для адекватного понимания даже неспециальных текстов, которое требует от реципиента знания слов, покрывающих 98% словоупотреблений («неизвестными» остаются два слова из ста на каждой странице) [Nation 2006]. Список Веста (General Service List) [West 1953], включающий 2000 самых частотных слов английского языка, покрывает только 90% словоупотреблений в текстах художественной литературы [Hirsh 1993] и до 76% словоупотреблений в учебно-научных текстах [Coxhead 1998]. Для английского языка предполагается, что обеспечить 98%-ное покрытие большинства текстов может знание первых 9000 слов по частотности [Nation 2006] [Schmitt, Schmitt 2012], что, разумеется, недостижимо ни на начальном, ни на среднем уровне обучения.

Поэтому проблема целенаправленной минимизации лексики при изучении языка выходит на первый план. Для английского языка как иностранного проблема решается путем составления **словников общеакадемической лексики** (University Word List (UWL) [Xue, Nation 1984]; Academic Word List (AWL) [Coxhead 2000]; Academic Vocabulary List (AVL) [Gardner, Davies 2013]) и **специальных словников предметных областей и учебных дисциплин** (Students Engineering English Corpus [Mudraya 2006]; Medical Academic Word List [Wang, Liang, Ge 2008] [Lei, Liu 2016]; Agricultural Academic Word List [Martínez, Beck, Panza 2009]; Environmental Academic Word List [Liu, Han 2015] и др.), использующих в качестве стоп-листов список Веста и/или об-

щеакадемические словари. Для русского языка в силу ряда причин специальные минимумы в настоящий момент должны составляться в отсутствие общеакадемических. Впрочем, сама целесообразность общеакадемических минимумов по сравнению со специальными проблематична [Hyland, Tse 2007].

Помимо отсутствия словаря общеакадемической лексики есть еще по крайней мере два фактора, обуславливающих специфичность методики разработки специальных лексических минимумов для русского языка по сравнению с английским.

Первый фактор – экстралингвистический. Поскольку такие минимумы имеют два применения – исследовательское и лингводидактическое, то естественно положить в основу корпуса, в результате компьютерного и ручного анализа которого формируется минимум, прежде всего учебные тексты. В англоязычных специальных лексических минимумах в качестве материала для анализа могут использоваться научные статьи [Wang, Liang, Ge 2008] [Valipouri, Nassaji 2013], поскольку авторы видят важнейшую цель их «пользователей» в том, чтобы научиться читать и писать на английском языке такие же статьи. Можно предположить, что в силу лингвополитических причин китайский или арабский студент, обучающийся по направлению «Биология», «Химия» или «Физика» в российском университете, рано или поздно будет вынужден (если он решит заниматься наукой) публиковаться в основном тоже на английском языке. Таким образом, русский язык обучения играет для него некоторую промежуточную роль: это язык, на котором он овладевает новыми знаниями по той или иной дисциплине. Соответственно, лексические минимумы для преподавания русского языка специальности целесообразно строить на материале учебников, используемых в российском высшем образовании.

Второй фактор связан с собственно лингвистическими отличиями русского языка от английского. В связи с синтетическим характером русского языка и общей сложностью его грамматики, нам представляется, что лексический минимум специальности, представляющий собой просто список слов с некоторыми грамматическими пометами, не является оптимальным с лингводидактической точки зрения способом представления материала. Традицией отечественной учебной лексикографии является комплексный (интегральный) характер словарей и лексических минимумов, включающих не только словники, как это делается обычно в англоязычных аналогах, но и систематизацию лексики, информацию о сочетаемости и грамматических свойствах слов [Морковкин 1984] [Тихонов 2001]. Современные компьютерные технологии обработки текста позволяют помимо списка отдельных лексем получать частотные списки форм, в которых встречаются эти лексемы, и оценивать их сравнительную частотность, а также генерировать списки частотных биграмм, триграмм и тетраграмм (как дистантных, так и контактных, включающих как знаменательные, так и служебные слова). Соответственно, возникает возможность расширить лексический минимум за счет представления сочетаемости входящих в него слов, составных терминов и номенклатурных наименований и свободных сочетаний важнейших структурных типов (например, «прилагательное + существительное» и «существительное + Родит. пад. существительного»), наиболее частотных сочетаний глаголов с предлогами, (предложно-)падежных синтаксем и т.п. Получаемый в результате продукт мы предлагаем называть «лексико-грамматической основой» той или иной предметной области. Первая попытка определить структуру и состав такой «основы» была реализована авторами для дисциплины «общая и неорганическая химия», преподающейся на первом курсе химических, геологических и ряда других факультетов российских вузов. Далее мы кратко представляем методические принципы ее формирования и полученный результат.

Лексико-грамматическая основа курса общей и неорганической химии составлена на основе компьютерного и ручного анализа корпуса текстов, включающего сле-

дующие учебники по общей и неорганической химии разного уровня сложности, используемые в вузах России, в том числе в МГУ имени М.В. Ломоносова:

1) Третьяков Ю.Д. «Неорганическая химия», в 3-х томах (М., 2004);

2) Некрасов Б.В. «Основы общей химии» (М., 1973);

3) Ахметов Н.С. «Общая и неорганическая химия» (М., 2001);

4) Коренев Ю.М., Овчаренко В.П. «Общая и неорганическая химия. Курс лекций» (М., 2000)[32].

Общий объем корпуса – более 700 000 словоупотреблений.

Использование корпусного метода и компьютерной обработки при создании и тестировании минимума обеспечивает его валидность и оригинальность на фоне ранее составлявшихся для русского языка специальных минимумов по естественным наукам.

Лексико-грамматическая основа дисциплины включает три раздела: 1) лексический минимум; 2) сочетаемость; 3) лексико-грамматический раздел. В основе подхода лежат два принципа: минимизация лексики плюс расширение полученного минимума путем включения сведений о сочетаемости и грамматической информации.

На первой стадии исследования содержание учебников было переведено в текстовый формат, графическая информация (иллюстрации, диаграммы и пр.) была удалена. Затем полученный материал был объединён в единый корпус и была реализована процедура токенизации корпуса (разбиения текста на отдельные слова, каждое из которых было приведено в начальную форму). На основе этой информации были получены данные о частоте употребления лексем, составляющих корпус, и отдельных форм этих лексем. С помощью аналогичной процедуры были также получены данные о частотности биграмм и триграмм. Не учитывались «слова», содержащие латинские символы, цифры, математические и другие не буквенные символы; сокращения типа *рис*., *табл*.; сокращенные обозначения единиц измерения; имена собственные.

Определение не только максимально частотных лексем, биграмм и триграмм, но и наиболее релевантных для исследуемого корпуса грамматических форм этих единиц имеет принципиальный характер, т.к. помогает преподавателю РКИ для специальных целей и учащемуся понять, в какой форме имя, глагол, словосочетание встречаются в корпусе максимально часто, а значит ее сугубо важно освоить. Ни в одном из известных нам русскоязычных минимумов такая информация не предлагается. Например, биграмма *комнатная температура* 122 раза из 133 встречается в форме *комнатной температуре*, из них 97 раз в составе неразрывной триграммы *при комнатной температуре* (***При + Предл. пад***.). Во множественном числе эта биграмма, естественно, не употребляется. Биграмма *высокая температура*, напротив, из 251 вхождения 153 раза употребляется во множественном числе, из них 106 – в форме ***При + Предл. пад***.: *при высоких температурах* (данные приводятся только с учетом контактного расположения членов биграммы, т.е. без учета сочетаний типа *при более высоких температурах*). Форма ***При + Предл.*** является преобладающей и для существительных – обозначений процессов – *нагревание, охлаждение, кипячение* и под. Так, существительное *нагревание* употребляется в ней 1055 раз из 1433 вхождений в корпусе (для сравнения следующая по частотности форма – *нагреванием* – используется всего 166 раз).

Показательно также сравнение частотности форм, в которых наиболее часто встречаются глаголы *образовать* (общая частотность – 1193) и *использовать* (общая

[32] Данное издание, согласно аннотации, представляет собой «методическое пособие, составленное в соответствии с программой курса неорганической химии, и читаемого учащимся химико-биологического отделения Школы имени А.Н.Колмогорова Специализированного учебно-научного центра МГУ».

частотность - 658). Как и следует ожидать от текстов данного функционального стиля, наблюдается почти полное отсутствие форм прошедшего времени, активное употребление страдательных причастий, преобладание форм третьего лица. При этом прогнозируемо для глагола *образовать* в силу его семантики формы 3 лица определенно-личные (в данном случае точнее было бы назвать их определенно-предметными), а для глагола *использовать* – обобщенно-личные.

Кроме того, наша методика позволила выявить специфичные для исследуемого корпуса биграммы и триграммы, такие, как например, *вниз по группе* (73 вхождения), *в высоких/высших/низких/низших степенях окисления* и т.п. Никто не будет отрицать, что для преподавателя РКИ, получившего филологическое образование, такая информация не является тривиальной и представляет значительную методическую ценность.

Компьютерный анализ текста позволил учесть при составлении словника распределение лексем, биграмм и триграмм по учебникам, входящим в исследуемый корпус. Были обнаружены единицы более-менее равномерно встречающиеся в четырех учебниках корпуса, как например *температура плавления* (общее число употреблений – 331, доля от общего числа употреблений по учебникам, нормализованная по объему текста: Третьяков – 0,293; Коренев - 0,216; Некрасов – 0,149; Ахметов - 0,342), и единицы, явно «предпочитаемые» одним или двумя авторами и реже употребляемые другими. Это касается как терминологических лексем, биграмм и триграмм, так и общелитературных. Так, например, наречие *медленно* (всего – 285 вхождений) употребляется в учебнике Третьякова (доля от всех вхождений – 0,304) и в учебнике Некрасова (0,536), тогда как у Коренева и Ахметова оно встречается редко (0,065 и 0,095 соответственно). Словом *приблизительно* (122 вхождения в корпусе) пользуется почти исключительно Некрасов (доля по учебникам: Третьяков – 0,05; Коренев – 0,052; Некрасов – 0, 881; Ахметов - 0,016).

Поскольку лексический минимум должен представлять современное состояние языка общей и неорганической химии, из него были исключены отдельные слова и терминологические биграммы, встречающиеся исключительно (или почти исключительно) в одном учебнике (доля 0,99 и более от общего количества употреблений в корпусе). Прежде всего, это слова и биграммы, уникальные для более старого учебника Некрасова (1973 г.) и отсутствующие в трех других учебниках: *окись* (197 вхождений!), *окисел* (194), *двуокись* (147), *галоид* (108), *галид* (62) и ряд других.

Предметный лексический минимум является дополнительным к общеязыковому, поэтому для отделения общенаучной и специальной химической лексики от общеупотребительной из полученного набора лексических единиц были исключены все слова, входящие в список 2000 самых частотных слов русского языка по [Ляшевская, Шаров 2009]. Также были исключены все слова, входящие в лексический минимум Первого сертификационного уровня по русскому языку [Андрюшина, Битехтина et al. 2001].

Следующая минимизация словника была проведена по границе – 20 вхождений в корпусе: все слова, встречавшиеся меньшее количество раз, были удалены. Оставшиеся лексические единицы были объединены в лексические семьи (кластеры однокоренных слов). В качестве заголовочного использовалось самое частотное слово, вне зависимости от его словообразовательного и морфологического статуса. Слова со встречаемостью в корпусе 40 и более раз включались в минимум, даже если не были членами лексических семей, слова со встречаемостью 30 и более раз включались как заголовочные, если объединялись в семью с по крайней мере одним другим словом, слова со встречаемостью от 20 до 29 раз могли претендовать на включение только если они были членами лексических семей более частотных слов.

Указанные принципы количественной минимизации в сочетании с определенной процедурой принятия качественных решений специалистами филологами и химиками, описать которую не позволяют рамки статьи, позволили сформировать словник, содержащий количество слов, необходимое для покрытия более чем 85 % корпуса при совместном учете с 2000 самых частотных слов русского языка. В него входит 494 самых частотных в корпусе лексических семьи, разделенных на два списка (в отдельный список вынесены названия элементов и другая химическая номенклатура по IUPAC). Всего с учетом всех членов лексических семей словник включает 1079 слов. Первая двадцатка заголовочных слов самых частотных лексических семей выглядит следующим образом: *раствор* (5043 вхождения в корпусе), *атом* (4388), *соединение* (4026), *молекула* (3534), *вещество* (3373), *реакция* (3212), *элемент* (2798), *образоваться* (2126), *электрон* (1958), *ион* (1920), *химический* (1802), *окисление* (1770), *нагревание* (1432), *устойчивый* (1247), *строение* (1206), *орбиталь* (1200), *кристалл* (1076), *смесь* (883), *водный* (877), *концентрация* (844).

Для каждой из лексических семей был также сформирован список примеров употребления на основе выделенных их корпуса частотных биграмм и триграмм. Списки слов, лексических семей и сочетаний разделены на две части: в отдельный словник выделены названия элементов и другие номенклатурные наименования. Словники представлены по алфавиту и по частотности. Также по алфавиту и по частотности представлена типовая сочетаемость членов лексических семей, определенная по результатам компьютерного анализа.

Сочетаемостный раздел лексико-грамматической основы включает также списки наиболее частотных составных наименований и словосочетаний структуры «прилагательное + существительное» и «существительное + существительное в Родит. пад.», состоящие как из слов, которые включены в лексический минимум, так и из слов, не включенных в него (слова, входящие в 2000 самых частотных слов русского языка и/или лексический минимум первого сертификационного уровня ТРКИ, а также слова, встречающиеся только в определенных сочетаниях и составных наименованиях, как например *царская водка*).

В лексико-грамматическом разделе представлены списки

- употребительных вводных слов и сочетаний;
- употребительных сочетаний с (предложно-)падежными формами;
- употребительных предложно-падежных синтаксем и составных предлогов;
- употребительных неполнознаменательных глаголов;
- употребительных интенсификаторов и деинтенсификаторов.

Эта часть лексико-грамматической основы призвана отразить грамматические особенности, характерные для корпуса учебных текстов, на базе которого она создана. Она включает информацию, которая позволяет учащемуся понимать и строить связную речь научного стиля в рамках данной предметной области.

Лексический минимум может быть использован в различных целях: учащимися – для самостоятельной работы и изучения под руководством преподавателя; преподавателями – для отбора текстов, составления упражнений и т.п.

Литература

1. *Андрюшина Н.П. (ред.), Битехтина Г.А. и др.* Лексический минимум по русскому языку как иностранному. I сертификационный уровень. М. – СПб., 2001.

2. Комплексный словарь русского языка / Под ред. *А. Н. Тихонова.* М., 2001. 1229с.

3. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / Под ред. *В. В. Морковкина.* М., 1984.

4. *Ляшевская О.Н. , Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009.

5. *Фрумкина Р.М.* Словарь-минимум и понимание текста // Русский язык за рубежом. 1967, № 2. С. 15 – 21.

6. *Campion M., Elley W.* An academic vocabulary list. Wellington: New Zealand Council for Educational Research, 1971.

7. *Chung T.,* Nation I.S.P. Identifying technical vocabulary // System. 2004. Vol. 32. Pp. 251 – 263.
8. *Coxhead A.* An Academic Word List. English Language Institute Occasional Publication. № 18. Victoria University of New Zealand, 1998.
9. *Coxhead A.* A new academic word list. TESOL Quarterly. 2000. Vol. 34(2). Pp. 213-238.
10. *Gardner D., Davies M.* A new academic vocabulary list // Applied Linguistics. 2014. Vol. 35(3). Pp. 305-327.
11. *Hyland K., Tse P.* Is There an "Academic Vocabulary"? // Tesol Quaterly. Vol. 41(2). Pp. 235 – 253.
12. *Lei L., Liu D.* A new medical academic word list: A corpus-based study with enhanced methodology // Journal of English for Academic Purposes. 2016. Vol. 22. Pp. 42 – 53.
13. *Li Y. Y., Qian D. D.* Profiling the Academic Word List (AWL) in a financial corpus // System. 2010. Vol. 38. Pp. 402-411.
14. *Liu J., Han L.* A corpus-based environmental academic word list building and its validity test // English for Specific Purposes. 2015. Vol. 39. Pp. 1–11.
15. *Martínez I.A., Beck S.C., Panza C.B.* Academic vocabulary in agriculture research articles: A corpus-based study // English for Specific Purposes. 2009. Vol. 28. Pp. 183-198.
16. *Mudraya O.* Engineering English: A lexical frequency instructional model // English for Specific Purposes. 2006. Vol. 25. Pp. 235-256.
17. Nation I.S.P. How large a vocabulary is needed for reading and listening? // Canadian Modern Language Review. 2006. Vol. 63. Pp. 59–82.
18. *Schmitt N., Schmitt D.* A reassessment of frequency and vocabulary size in L2 vocabulary teaching // Language Teaching. 2012. Pp. 1–20.
19. *Valipouri L., Nassaji H.* A corpus-based study of academic vocabulary in chemistry research articles // Journal of English for Academic Purposes. 2013. Vol. 12. Pp. 248–263.
20. *Wang J., Liang S.,* Ge G.C. Establishment of a medical academic word list // English for Specific Purposes. 2008. Vol. 27. Pp. 442-458.
21. *West M.* A general service list of English words. London: Longman, Green & Co, 1953.
22. *Xue G.,* Nation I.S.P. A university word list. Language Learning and Communication. 1984. Vol. 3(2). Pp. 215-229.

ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СТУДЕНТОВ- ГЕОЛОГОВ

А.А. СИРАКАНЯН
Ереванский государственный университет, Армения
anaida54@yahoo.co.uk

Ключевые слова: *язык специальности, методы обучения, научный стиль, терминология, речевая деятельность, аудирование, говорение, чтение, письмо, воспроизведение, лексико-грамматические задания, диалог, текст, информационные технологии.*

Статья посвящена некоторым вопросам преподавания русского языка в армяноязычной аудитории. В частности, представлены система и методы обучения языку специальности на практических занятиях по русскому языку. Описываемая система построения пособий по специальности основана на четырех видах речевой деятельности: аудировании, говорении, чтении и письме. Важное значение в процессе обучения языку специальности придается использованию современных информационных технологий.

ANAIDA SIRAKANYAN – Teaching the language of the specialty on the Russian language lessons based on the Russian language textbook for geology students.

Key words: *language of specialty, teaching methods, scientific style, terminology, speech activity, listening, speaking, reading, writing, reproduction, vocabulary and grammar tasks, dialogue, text, information technologies.*

The article is devoted to some issues of teaching Russian in the Armenian-speaking audience. In particular, there presented the system and methods of teaching the language of specialty on the Russian practical lessons. The described system of constructing aids in the specialty is based on four types of speech activity: listening, speaking, reading and writing. The use of modern information technologies is important in the process of teaching the language of the specialty.

Преподавание русского языка в вузе предполагает решение множества задач: углубление знаний о системе и структуре русского языка и его стилистическом расслоении; знакомство с основными законами построения эффективной речевой коммуникации, в том числе и общение на профессиональные темы, в профессиональной среде; совершенствование навыков работы с текстами разных стилей и жанров; расширение активного словарного запаса студентов и т.д.

Главнейшей целью в этом процессе является овладение языком специальности в его письменной и устной формах. Термин “язык специальности” по-разному определяется разными исследователями .Обобщая эти определения, можно сказать, что язык специальности — это практическая реализация научного и официально-делового стиля речи в системе потребностей определенного профиля знаний и конкретной специальности. Эта подсистема языка характеризуется рядом особенностей: «… широким использованием терминологии, преимущественным употреблением слов в их прямых, конкретных значениях, тенденцией к специфическим синтаксическим построениям» (Азимов и др. 1999: 54). Овладение языком специальности не предполагает только знание соответствующих терминов, а использование полученных языковых знаний, навыков и умений разного типа в процессе речевой деятельности.

В идеале обучение русскому языку должно охватывать все стороны речевой деятельности студентов. «Речевая деятельность — это активный, целенаправленный опосредованный языковой системой и обусловливаемой ситуацией общения процесс передачи или приема сообщения» (Азимов и др. 1999: 99). Это система умений, направленная на решение различных коммуникативных задач. Традиционно речевая деятельность разделяется на 4 вида: аудирование, говорение, чтение, письмо. В совокупности они обеспечивают решение всех коммуникативных задач по восприятию и порождению речи в устной и письменной формах.

Аудирование, говорение, чтение и письмо являются и целью, и средством обучения (см. Зимняя 2001. При коммуникативно-деятельностном подходе, который стал ведущим в последнее время, наиболее распространена такая методическая единица организации языкового материала, как тема, которая понимается как «фрагмент реальной действительности, отраженной в нашем сознании и зафиксированной с помощью языка» (Глухов и др. 1993:142). В рамках темы определенный лексико-грамматический материал должен быть представлен во всех видах речевой деятельности, что обеспечивает лучшее усвоение языкового материала посредством активизации слуховых, зрительных и моторных анализаторов. Формирование необходимых для осуществления любого акта коммуникации умений и навыков осуществляется в процессе выполнения специально разработанных упражнений, в которых представлен изучаемый лексико-грамматический материал по той или иной теме. Разные типы упражнений (имитативные, подстановочные, трансформационные, репродуктивные) и речевые задания (перескажите…, составьте диалог…, продолжите расссказ… и т.д.) направлены на формирование у студента языковой, речевой и коммуникативной компетенций в их профессиональной сфере.

В условиях нехватки учебного времени особое значение придается овладению таким видом речевой деятельности, как чтение. Основной единицей организации языкового материала становится текст по специальности, на базе лексико-грамматического наполнения которого строятся все упражнения и задания данного урока. Так построены практически все специальные пособия по русскому языку для разных факультетов. Наряду с общим для всех факультетов учебником русского языка, где представлены лексико-грамматические материалы общего профиля, предназначенные для расширения и закрепления знаний, полученных в школе, создаются и внедряются в учебный процесс пособия по специальности. В качестве примера в данной статье мы используем материалы такого пособия для геологов (Учебное пособие по русскому языку для студентов-геологов. Ер., Изд-во ЕГУ, 2014).

Каждый урок этого (и всех других) пособия начинается с большого текста по специальности, рассчитанного на чтение и восприятие . Согласно определению одного из исследователей психологической природы понимания З. И. Клычниковой, понимание любого текста «…есть уяснение: а) связей и отношений объектов и явлений,

о которых говорится в сообщении, к объектам и явлениям реальной действительности; б) связей и отношений, которые существуют между объектами и явлениями, о которых говорится в сообщении…» (Клычникова 1993:35). Для художественного текста важно также уяснение тех отношений, которые испытывает к описываемому говорящее лицо, а также той побудительно волевой информации, которая содержится в сообщении» (там же). Пониманию содержания текста (а впоследствии и его воспроизведению) должно способствовать выполнение последующих разнообразных лексико-грамматических упражнений, направленных на отработку и закрепления языковых навыков определенного типа.

Все упражнения и задания делятся на три блока, каждый из которых охватывает определенный аспект работы: 1) работа над словами и словосочетаниями; 2) работа над законченными синтаксическими конструкциями, предложениями; 3) работа над единицами текста.

Более подробно представим каждый из них.

1. В этих упражнениях закрепляются отдельные слова, словоформы, грамматически правильные словосочетания, по смыслу синонимичные, но по структуре разные, то есть в тексте взаимозаменимые, словосочетания. Приведем в пример формулировки некоторых заданий этого блока:

- подберите синонимы (антонимы);
- подберите к данным паронимам подходящие существительные;

1) согласуйте указательное местоимение с данными существительными в роде и числе;

2) измените данные словосочетания, поставив их в форме множественного числа;

3) следующие прилагательные согласуйте со словами из скобок;

4) замените там, где возможно, согласованные определения на несогласованные.

2. В этот блок входят упражнения, в которых лексико-грамматический материал данного текста закрепляется на уровне простых и сложных предложений, типичных для научного текста синтаксических конструкций. В качестве примеров приведем формулировки некоторых заданий этого блока:

- переделайте предложения, заменяя активные конструкции на пассивные (или наоборот);
- переделайте сложные предложения в простые с причастным оборотом (или наоборот);
- выпишите из текста предложения, построенные по модели что *называют чем*;
- выведите модели, по которым построены данные предложения;
- постройте предложения по следующим схемам (моделям): *что расположено где; что является чем; что состоит из чего; что отличается от чего.*

3. Этот блок составляют упражнения и задания, которые касаются всего текста, одной из его смысловых частей, одного абзаца. Приведем примеры формулировок заданий этого блока:

- расположите данные предложения в том порядке, в каком они изложены в тексте;
- ответьте на вопросы, используя информацию текста;
- перескажите текст, используя следующие слова;
- дополните текст известной вам информацией
- переведите текст (абзац).

Упражнения расположены именно в этом порядке, то есть до этапа воспроизведения информации на русском языке учащийся проходит определенный путь усвоения его лексико-грамматического (от слова до текста) наполнения. По ходу выполнения заданий и упражнений активизируются навыки и других видов речевой деятель-

ности (письма, говорения и аудирования). Так, например, абсолютное большинство заданий 1-го и 2-го блоков выполняются письменно, что способствует развитию письма как вида речевой деятельности; некоторые упражнения первого блока дополняются устно представляемыми предложениями или диалогами, что способствует развитию говорения как вида речевой деятельности; весь урок протекает таким образом, что все происходящее обязательно воспринимается на слух (аудирование), иначе невозможны такие действия, как дополнение, продолжение, исправления, повторение и т.д.

При использовании учебного пособия по специальности на уроках русского языка в вузах следует учесть и тот факт, что оно рассчитано на среднего учащегося, то есть на студента со средним уровнем языковых знаний, хотя практика преподавания показывает, что в одной группе могут оказаться и учащиеся с более низким уровнем знания русского языка, и учащиеся с более высоким уровнем знания русского языка. Для слабых студентов учебный материал должен минимизироваться, то есть они должны запоминать не все термины, а лишь основные, выполнять не все упражнения, а лишь доступные, не пересказывать текст, а передавать с помощью заученных моделей его основное содержание и т.д. Сильных студентов, рекомендуется, загружать самостоятельной работой. Для этого следует активнее применять информационные технологии. Их использование позволяет намного повысить интерес обучаемых к языку, индивидуализировать работу студентов, сделать доступным более сложный материал, выбрать свой путь получения информации и т.д. (см.Касьянова 2011).

На занятиях по языку возможны следующие формы использования информационных технологий :

1. создание сильным студентом (студентами) компьютерных презентаций того урока, который проходит вся группа;
2. работа с сайтами, ориентированными на обучение русскому языку по специальности;
3. использование электронных словарей и энциклопедий;
4. контакт с сайтами аналогичных образовательных учреждений.

Преподаватель должен контролировать и корректировать такую самостоятельную деятельность студента (студентов). Задания, которые даются сильному студенту, могут быть сформулированы следующим образом:

- дополните текст урока новой информацией;
- расскажите о сайтах, содержащих информацию по вашей специальности;
- представьте электронные словари по специальности;
- в рамках темы урока расскажите об Армении (другой стране)

Литература

1. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). – СПб.: Златоуст, 1999.

2. *Глухов Б.А., Щукин А.Н.* Термины методики преподавания русского языка как иностранного. – М.: Русский язык,1993.

3. *Зимняя И.А.* Лингвопсихология речевой деятельности. – М.: Изд-во МПСИ, 2001.

4. *Касьянова В.П.* Использование новых технологий при обучении иностранному языку на начальном этапе. Уфа, 2011.

5. *Клычникова З.И.* Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. – М.: Просвещение, 1993

6. *Сираканян А.А., Мурадян А.Г., Степанян И.И.* Учебное пособие по русскому языку для студентов-геологов. Ер., Изд-во ЕГУ, 2014

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА. (ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА КАФЕДРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ ЕГУ)

Л.А. ТЕР-САРКИСЯН
Ереванский государственный университет, Армения
ter-sargsyan.luiza@ysu.am
Б.С. ХОДЖУМЯН
Ереванский государственный университет, Армения
khojumyan. bella@ysu.am

Ключевые слова: *неязыковые факультеты, будущий специалист, словарный запас, грамматические конструкции, стилистика, культура речи, специализация, специальная лексика, тестирование, диалог, реферат, доклад.*

Одной из основных задач занятий по русскому языку на неязыковых факультетах является образование и воспитание будущего специалиста.

Преподавание русского языка должно преследовать цель обучения студентов необходимому словарному запасу и усвоения ими основных грамматических конструкций, а также привития им определенных языковых и стилистических навыков и умений. Эти знания будут применяться ими в дальнейшей профессиональной деятельности.

Достижению указанных целей способствует составленный на кафедре русского языка (для естественных факультетах) и уже успешно применяемый в учебном процессеучебно-методический комплекс по организации обучения русскому языку. Подобный УМК делает возможной подготовку конкурентоспособного и компетентного в соответствующей области специалиста.

ТЕР-САРКИСЯНЛ.А., ХОДЖУМЯНБ.С. - Teaching of the Russian language to Bachelor Students

(On the organization of teaching the Russian language by the Chair of the Russian Language for Faculties of Natural Sciencesof the YSU)

Key words: *non-linguistic faculties, a future specialist, glossary, grammatical structure, a culture of speech, stylistics, a professional field, specialization, testing, special terminology, a dialogue, a paper, a report.*

At present, one of the main goals of teaching the Russian language at non-linguistic faculties is educating of a future specialist. Teaching of the Russian language should be targeted at communicating to the student of the necessary glossary and some knowledge of important grammatical structures, some linguistic and stylistic skills, which he/she will be able to use in his profession in future. The program developed at the Faculty of the Russian Language (for faculties of natural sciences) which is already in use, as well as the organization of the teaching process, serves its purpose. As a result of such a teaching, it will be possible to prepare a skilled and competitive specialist of the relevant field.

В условиях возрастающего интенсивного сотрудничества Армении с Россией в экономической, культурной и торговой сферах русский язык для студентов многих специальностей становится средством общения в их будущей профессиональной деятельности, в связи с чем основной стратегической целью обучения русскому языку в неязыковых вузах является формирование “вторичной языковой личности”, воспитание и образование специалиста, готового к профессиональной межкультурной коммуникации.

Однако в силу разных факторов, препятствующих полноценному обучению русскому языку в высшей школе (наличие крайне малого количества часов, выделяемых учебным планом на изучение русского языка, очевидная конкуренция с английским языком, являющимся приоритетным в студенческой среде,неоднородный по уровню владения русским языком контингент студентов – первокурсников в языковых группах и т.п.), подготовка квалифицированного специалиста соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного, компетентного, способного к эффективной работе на уровне мировых стандартов представляет собой весьма сложный процесс.

Организация учебного процесса по обучению русскому языку должна быть направлена на привитие студенту необходимого лексического запаса и знания грамматических конструкций, которые создадут определенный слой речевого материала по конкретным темам (как культурно-бытовым, так и профессионально-ориентирован-

ным) и дадут возможность найти правильную манеру разговора и поведения, овладеть необходимыми речевыми навыками, которые в дальнейшем могут быть применены в беседе на профессиональную, культурно-историческую и другие темы.

Поскольку занятия в неоднородной по владению языком группе представляют собой весьма сложный процесс, в начале года проводится тестирование с целью определения уровня знания русского языка, с которыми выпускники школ пришли в вуз.Результаты тестирования служат отправной точкой и основой для формирования более или менее однородных языковых групп и создания для каждой из них программы и учебного плана занятий.

Тестирование проводится в соответствии с Российской системой сертификационных уровней общего владения русским языком как иностранным, включенной в европейскую структуру языкового тестирования ALTE. Уровни владения русским языком как иностранным соотносятся с уровнями владения другими европейскими языками следующим образом:

Европейская система					
A 1	A 2	B 1	B 2	C 1	C 2
Российская система					
Элементарный уровень (ТЭУ)	Базовый уровень (ТБУ)	Первый уровень (основной) (ТРКИ-1)	Второй уровень (продвинутый) (ТРКИ-2)	Третий уровень (высокий) (ТРКИ-3)	Четвертый уровень (свободного владения) (ТРКИ-4)

Последовательно проводимое тестирование позволяет выявить реальный уровень владения языком как элементарный (А1), в редких случаях – как основной (А2).

Владение языком на уровне А1 предполагает следующие навыки и умения: понимание и употребление в речи фраз и выражений, необходимых для представления себя или других, для участия в несложном разговоре о месте жительства, знакомых, имуществе и т.д., задают вопросы, отвечают на них, если собеседник говорит медленно и отчетливо, т.е. в речи употребляются знакомые и несложные фразы и выражения, необходимые для выполнения конкретных повседневных задач.

Не вызывает сомнений, что первостепенной задачей обучения студента в вузе является подготовка специалиста в определенной области, и весь учебный процесс по обучению русскому языку в вузе направлен именно на подготовку студента к будущей профессиональной деятельности: студент знакомится со специальной лексикой, учится понимать специализированную учебную литературу или научный текст, применять полученные знания в учебном процессе, писать рефераты и доклады на русском языке и владеть необходимыми навыками общения на профессиональном уровне, принимать участие в научных дискуссиях и обсуждениях.

Вполне очевидно, что в общем процессе обучения языку элементарный уровень является одной из его ступеней и ограничение обучения этой ступенью не может привести к результативному овладению профессиональной речью с самостоятельным ее применением в дальнейшей практической деятельности.

Следует отметить, что обучать только профессиональному языку в бакалавриате не представляется целесообразным по той простой причине, что элементарный уровень знаний общеупотребительного языка недостаточен как для повседневной жизни и работы – молодые специалисты поступают на работу в учреждения и организации в обслуживающей, торговой и прочих сферах (гостиницы, больницы, магазины, почтовые отделения и т.д.), в правительственные и государственные организации (банки, министерства и т.д.) и, не владея русским языком в достаточной степени, они не в состоянии грамотно выполнять свои профессиональные обязанности (переписка с русскоязычным клиентом, объяснение определенных правил и положений и т.д.); с

другой стороны, помочь незнакомцу в передвижении по городу, рассказать о своей стране, ее культуре, истории и т.д. Неграмотное владение разговорной речью, отсутствие культуры общения, непонимание речи собеседника и неумение выразить свои мысли приводят к провалам и срывам как в работе, так и в повседневной жизни.

Таким образом, с одной стороны, полноценное грамотное владение русским языком, культурой речи имеет большое значение и для научных работников и специалистов, и для всех выпускников вузов, воспринимаемых как представителей творческой интеллигенции и носителей бытовой и языковой культуры в целом, как лиц, получивших знания профессионального русского языка при обучении в высшей школе.

С другой стороны, только после изучения сложных синтаксических конструкций и оборотов речи студент может приступить к изучению профессиональной лексики и научного языка, характеризующихся специфическими оборотами и выражениями.

С учетом всего этого перед нами ставится задача наиболее правильной и эффективной организации процесса дальнейшего обучения студентов русскому языку.

Для повышения эффективности организации процесса обучения русскому языку как иностранному на кафедре русского языка (для естественных факультетов) ЕГУ разработан учебно-методический комплекс (УМК), состоящий из программы, учебного плана занятий, учебников, пособий по специальности, преследующий следующие цели: обучение практической грамматике и общеупотребительной лексике и речи; обучение профессиональной лексике и речи.

Остановимся подробнее на каждой из составляющих УМК.

С одной стороны, общая языковая подготовка студента, привитие навыков и умений для полноценной языковой коммуникации и, с другой стороны, соответствующая стартовая и обязательная ступень в дальнейшем изучении профессиональной лексики и речи -обучение практической грамматике и общеупотребительной лексике и речи осуществляется на естественных факультетах ЕГУ по *“Учебнику по русскому языку. Грамматика. Коммуникация. Речь.”*

Учебник представляет собой практический курс русского языка, рассчитанный на 160-180 академических часов. Практические цели учебника обусловили его содержание и структуру. Учебник состоит из вводного (10 уроков) и основного (21 урок) курсов.

Вводный курс состоит из заданий и упражнений, обеспечивающих практическое усвоение грамматического материала и основных синтаксических конструкций.С учетом контингента обучаемых поурочные грамматические пояснения специально излагаются на родном, армянском языке, что способствует лучшему восприятию и усвоению темы.

Основной курс, рассчитанный на разработку разговорных тем, построен по принципу употребительности в разговорной речи. Весь учебный материал изучается в диалогах и заданиях, содержащих наиболее частотные для данной ситуации фразы, и распределен по урокам, охватывающим ряд смежных тем.

Учебник адресован как студентам вузов Армении с армянским языком обучения, так и лицам, изучающим русский язык самостоятельно.

По завершении изучения курса русского языка по данному учебнику обучаемый в состоянии понимать отдельные предложения и частотные выражения, связанные с основными сферами жизни, такими как основные сведения о себе и членах своей семьи, покупках, трудоустройстве и т.п., может выполнять задачи, связанные с простым обменом информацией на знакомые или бытовые темы, в простых выражениях он в состоянии рассказать о себе, своих родных и близких, описать основные аспекты повседневной жизни.

Таким образом, приобретаются навыки представления, рассказа о себе, своих интересах, ведения разговоров на различные темы, иначе говоря - общения на бытовом

и деловом уровнях. По Стандарту РКИ, «...достижение данного (базового) уровня владения русским языком позволяет иностранцу удовлетворять самые необходимые коммуникативные потребности при общении с носителями языка в ограниченном числе предсказуемых ситуаций, …которые связаны с бытовой, социально-культурной и учебной сферами».

После прохождения базового курса русского языка (А2) начинается обучение профессиональной речи,поскольку студент уже в состоянии перейти к изучению и усвоению специальной лексики и литературы.

Однако ограничение прохождения курса русского языка по *Учебнику,* который по охвату грамматического материала и разговорных тем рассчитан на достижение базового уровня (А2), не может являться конечной целью обучения общеупотребительному языку.

Далее продолжается обучение общему владению языком, а именно переход к изучению основного (первого) уровня РКИ,поскольку только при достижении первого (основного) уровня общего владения русским языком как иностранным (В1) возможно полноценное овладение языковым, речевым и собственно коммуникативным материалом, что делает адекватным общение на бытовом, культурном, деловом и т.п. уровнях, а также восприятие и усвоение как узкоспециальной литературы, так и литературы на языке оригинала.

Кроме того, по *Требованиям Госстандарта по РКИ,* «достижение указанного уровня знаний «является достаточным для получения российского сертификата первого уровня общего владения русским языком как иностранным».

Отметим, что достижение I уровня является обязательным для поступления в высшие учебные заведения РФ, дополнительным условием для которого является прохождение тестирования по русскому языку с учетом профессиональной ориентации учащегося (профессиональный модуль). Этот сертификат свидетельствует о возможности осуществления некоторых видов профессиональной деятельности в коллективах, где рабочим языком является русский.

В связи с этим хотелось бы отметить, что в условиях постоянно меняющегося мира, образования новых геополитических, экономических и культурных ситуаций в определенных случаях также возникает необходимость проверки уровня знаний языка и письменного подтверждения. Процесс обучения языку должен соответствовать требованиям времени и давать возможность изучающему язык лицу на каком-то этапе зафиксировать определенный уровень владения языком, что, кстати, уже достаточно долгое время применяется для проверки уровня знаний по другим иностранным языкам, в частности, по английскому.

С учетом всего вышеизложенного нами предлагается поэтапное изучение русского языка с обязательным тестированием. В процессе изучения языка проходится курс языка, соответствующий базовому уровню знаний (А2), что проверяется тестом. На втором этапе проходится курс, соответствующий основному уровню (В1), по завершении которого выполняется тест на знание русского языка,основанный на требованиях к первому (основному) уровню (В1). На наш взгляд, подобная система обучения и контроля обладает высокой мотивационной силой, и каждое заинтересованное лицо будет иметь возможность сдачи экзамена и получения сертификата об уровне владения русским языком на данном этапе.

Принимая во внимание все вышеперечисленные особенности, для обновления работы кафедры нами разработаны:

а.составленная в соответствии с *Требованиями* Госстандарта по русскому языку как иностранному *Программа* обучения;

б. составленный в соответствии с учебными часами *Календарный план занятий* по грамматике и социокультурным темам, общим для студентов разных специальностей;

в. *пособие по грамматике русского языка*, в котором охвачены базовый уровень (А2), первый (основной) уровень (В1).

г.*пособие по устной речи*. *(Разговорные темы. Речевая практика.)*

Для выделения грамматических и разговорных тем, подлежащих прохождению для достижения базового уровня (А2) в первом семестре, преподавателям рекомендуется обращаться к *Программе* и, руководствуясь ею, проходить их по *Пособию по грамматике и Пособию по разговорным темам*. Руководствоваться только *Учебником* не рекомендуется, поскольку учебник рассчитан на 160-180 академических часов, а *Пособие*–на меньшее количество часов первого семестра учебного года, в связи с чем в *Пособии* материал конкретизирован и изложен сжато.

Соответственно, грамматические и разговорные темы для преодоления первого (основного) уровня (В1) во втором семестре опять же отбираются в соответствии с *Программой*.

Следующая важная составляющая УМК - обучение профессиональной лексике и речи. Разработан тематический план практических занятий в учебно-профессиональной сфере общения с материалом по научному стилю речи, специфическому для каждого факультета, и лексическим минимумом, необходимым для изучения данной сферы общения.

На кафедре русского языка для естественных факультетов ЕГУ последовательно и планомерно проводится работа по обучению профессиональной лексике и речи, в основном во втором семестре учебного года, поскольку во втором семестре студент уже владеет базовым уровнем языка и в состоянии понять формообразование специальной лексики, выполнять различные грамматические задания, основанные на пройденной в первом семестре грамматике, а также читать тексты по специальности и разбираться в грамматических конструкциях, встречающихся в них, пересказывать эти тексты, самостоятельно образуя фразы и предложения, навыки чего заложены при прохождении базового курса языка в первом семестре.

Студенты занимаются по пособиям по русскому языку для различных специальностей, разработанным именно с целью обучения пониманию и изложению специальной литературы, заучивают необходимую узкоспециальную лексику, читают и переводят тексты, взятые в основном из учебников по конкретным специальностям, учатся писать рефераты по заданной тематике.

По окончании обучения студент уже может понимать специальную литературу, делать сообщения и доклады по специальности, участвовать в дискуссиях и высказывать свое мнение, придерживаясь принятых норм общения и соблюдая культуру речи.

Предлагаемая и уже апробированная нами подобная целенаправленная организация учебного процесса по русскому языку соответствует современным требованиям к обучению русскому языку как иностранному и, на наш взгляд, может привести к желаемым результатам.

Литература

1. *Балаян П.Б., Тер-Саркисян Л.А., Ходжумян Б.С.* “Учебник по русскому языку. Грамматика. Коммуникация. Речь.”. Ереван. Изд-во ЕГУ. 2015

2. Требования Государственного стандарта по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Москва-Санкт-Петербург. Изд-во “Златоуст”, 2001. Разработчики - *авторские коллективы, созданные на базе МГУ, Санкт-Петербургского госуниверситета, РУДН и Санкт-Петербургского государственного технического университета.*

3. Требования Государственного стандарта по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. Второй вариант / *Н.П. Андрюшина и др*. 2-е изд. — М. — СПб.: Златоуст, 2009. — 32 с.

Главный редактор: А.В. Голубева

ПРИНЦИПЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В КОММУНИКАТИВНО ОРИЕНТИРОВАННОМ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ПО РКИ

О.В. ХОРОХОРДИНА
Санкт-Петербургский государственный университет
o.khorohordina@spbu.ru

Ключевые слова: *грамматический материал, коммуникативно ориентированное лингводидактическое описание, русский язык как иностранный.*

Автор доказывает, что традиционное описание грамматического материала, релевантного для каждого из уровней владения русским языком как иностранным, должно быть дополнено перечнями моделей предложения в типовым лексическим наполнении, которые служат вербализации а) ситуаций действительности, б) каждого из фунционально-смысловых типов речи, в) соответствующих уровню жанрово-стилевых разновидностей. Автор приводит собственные примеры такого представления грамматического материала.

OLGA KHOROKHORDINA – The priciples of communicative description of grammar for teaching purposes russianas a foreign language

Key words: *grammatical material, communicative linguistic and didactic description, Russian as a foreign language.*

The author argues that the traditional description of grammar relating to each of the levels of competence in the Russian language as a foreign language should be supplemented by lists of sentence patterns in the model of lexical content, which serve as a verbalization of a) situations of reality, b) each functional and semantic type of speech, c) corresponding to the level of genre and stylistic varieties. The author gives his own examples of such representation of grammatical material.

Обозначенную в названии статьи лингводидактическую проблему рассмотрим на материале ТРКИ 2 (В 2). Владение русским языком как иностранным на этом уровне, как указывает стандарт, «свидетельствует о достаточно высоком уровне коммуникативной компетенции во всех сферах общения. Этот уровень позволяет кандидату вести профессиональную деятельность на русском языке в качестве специалиста гуманитарного, инженерно-технического, естественно-научного профилей» [Государственный образовательный стандарт… 1999: 4]. В том же стандарте под указанные требования на основании обобщения опыта преподавания РКИ отобраны морфологические и синтаксические явления русского языка, систематизированные в грамматическом минимуме преимущественно на основе формального критерия, дополненного опорой на выражение определённых логических отношений так, как это принято в традиционной русской грамматике при представлении второстепенных членов предложения (определений, дополнений, обстоятельств) и придаточных предложений. Такое описание компактно и в целом может успешно выполнять роль кодификатора, определяющего круг необходимых знаний.

Однако уровень владения языком определяется **не** наличием **знаний** о его грамматике, **а умением** оперировать ими в процессе речевой коммуникации, где грамматика имеет ряд принципиальных особенностей: она существует в нерасторжимом единстве с лексикой в составе синтаксических конструкций, выступающих формой воплощения высказывания, служащего номинацией ситуации действительности и отражающего своими жанром и стилем специфику ситуации общения. Именно с этим связаны и лингводидактический принцип обучения языку на синтаксической основе, и признанная современной лингвистикой необходимость характеризовать языковые единицы в трёх аспектах: формальном, семантическом, коммуникативном (функциональном).

Такой интегральный подход позволяет создать **описание языкового материала в его предречевой готовности** [Караулов 1993: 7]. Следовательно, в лингводидактическом описании должно присутствовать представление языкового материала, соединяющего лексику с грамматикой на синтаксической основе. (Ср.: «Синтаксис пронизан лексикой. В образовании словосочетаний, в элементарном <…> строении

предложения и при его распространении грамматические правила неотделимы от условий лексико-семантической организации соответствующих конструкций» [Русская грамматика 1982: 11]).

В отечественной лингвистике реализована попытка такого описания для русских глагольных предложений [Русские глагольные предложения 2002], и она может и должна быть перенесена на предложения с другими типами предикатов и детализирована при вербализация фреймов ситуаций действительности, актуальных для уровня ТРКИ 2. Приведем (фрагментарно) наше лингводидактическое описание вербализации фрейма «Природный катаклизм»:

1. Природный катаклизм и его проявление

1.1. Двухкомпонентные глагольные предложения (где N_1 – номинация катаклизма)

	минимальная схема предложения – N_1V_f	
определение	N_1	V_f
спящий	***вулкан***	*проснулся/ ожил/ активизировался/ извергается*
мощное *сильное*	***извержение вулкана***	*произошло/ наблюдается/ ожидается*
разрушительное *масштабное*	***землетрясение***	*произошло/ наблюдается/ ожидается*
сильное *аномальное* *резкое*	***похолодание***	*надвигается/ пришло/ наблюдается/ ожидается*
обильная *затяжная* *мощная* *сильная*	***метель***	*прошла/ обрушилась/ ожидается*

<…>

2. Природный катаклизм и его воздействие на окружающую среду и человека

2.1. Двухкомпонентные глагольные предложения (где $\mathbf{N_1}$ – номинация катаклизма)

минимальная схема предложения – $\mathbf{N_1V_f}$		
$\mathbf{N_1}$	$\mathbf{V_f}$	**дополнение**
вулкан	*выбросил* *засыпал*	*столб/облако пепла* *пеплом окрестности*
шторм	*унёс* *разрушил* *оборвал* *повредил /сорвал* *повалил* *накрыл* *затопил* *смыл*	*жизни людей* *постройки* *провода электропередач* *крышу домов* *деревья* *полуостров* *набережную* *прибрежный ресторан*
лесной пожар	*уничтожил* *унёс* *охватил*	*деревья* *жизни людей* *огромную территорию*
жара	*унесла* *уничтожила* *накрыла*	*жизни людей* *урожай* *полуостров*
молния	*ударила / попала*	*в дерево / в человека*
снегопад	*нарушил/ парализовал* *занёс/ завалил*	*движение транспорта* *дороги*

<…>

2.2. Двухкомпонентное распространённое глагольное предложение

(обстоятельство причины = предложно-падежная форма от номинации катаклизма)

Обстоятельство причины	минимальная схема предложения – $\mathbf{N_1V_f}$ в варианте $\mathbf{V_f\ N_1}$	
Из-за **+ $\mathbf{N_2}$**	$\mathbf{V_f}$	$\mathbf{N_1}$
Из-за извержения вулкана/ землетрясения / гололёда/ оползня/ снежной лавины/ урагана/ шторма/ лесного пожара/ грозы/ молний/ ливня/ паводка/ таяния снега/ наводнения/ похолодания/ морозов/ снегопада/ метели	*прекратилось*	*движение транспорта*
От **+ $\mathbf{N_2}$**	$\mathbf{V_f}$	$\mathbf{N_1}$
От извержения вулкана/ землетрясения / оползня/ снежной лавины/ урагана/ ветра/ шторма/ лесного пожара/ жары/ засухи/ грозы/ молний/ ливня/ паводка/ наводнения/ таяния снега/ похолодания/ морозов/ снегопада/ метели/ гололёда	*пострадали*	*люди*

<…>

2.3. Однокомпонентные распространённые безличные предложения (распространитель: дополнение со значением инструмента действия = $\mathbf{N_5}$ номинации катаклизма)

дополнение со значением инструмента действия	минимальная схема предложения – $\mathbf{V_{s3/n}}$	прямое дополнение – объект воздействия
$\mathbf{N_5}$	$\mathbf{V_{s3/n}}$	$\mathbf{N_4}$
Ветром/ Ураганом/ Штормом	*сорвало/ снесло/унесло* *повалило*	*крышу дома* *рекламные щиты*
Паводком/ Наводнением/ Снежной лавиной	*снесло/унесло*	*постройки*
Паводком/ Наводнением/ Ливнем/ Дождём	*смыло* *размыло* *подтопило/ затопило* *разрушило*	*посадки* *дороги* *поля* *мосты*
Снегом	*занесло / засыпало*	*дороги*

<…>

3. Изменение окружающей среды в результате воздействия природного катаклизма

3.1. Двухкомпонентное распространённое предложение с составным именным сказуемым с именной частью – кратким страдательным причастием совершенного вида прошедшего времени (пассивная трёхчленная конструкция, где дополнение со значением инструмента действия = $\mathbf{N_5}$ номинации катаклизма)

дополнение со значением инструмента действия	минимальная схема предложения – $\mathbf{N_1Cop_fAdj_f}$ в варианте $\mathbf{Cop_fAdj_f\ N_1}$	
$\mathbf{N_5}$	$\mathbf{Cop_fAdj_f}$	подлежащее со значением объекта воздействия $\mathbf{N_1}$
Ветром/ Ураганом/ Штормом	*(была) сорвана* *(были) повалены* *(были) оборваны/ повреждены*	*крыша дома* *рекламные щиты* *линии электропередач*
Паводком/ Наводнением/ Снежной лавиной	*(были) унесены*	*постройки*
Паводком/ Наводнением/ Ливнем/ Дождём	*(были) смыты* *(были) размыты* *(были) подтоплены/ затоплены* *(были) разрушены*	*посадки* *дороги* *поля* *мосты*
Снегом	*(были) занесены / засыпаны*	*дороги*

<…>

Лексико-грамматический материал должен быть представлен и в систематизации по отношению к функционально-смысловым типам речи (или, в другой терминологии – к типам начальных текстовых структур), при этом целесообразно ориентироваться на 5 их типов, выделенных Э. Верлихом: описание, повествование, объяснение, аргументация, инструкция [Werlich 1975]. В отечественной лингвистике имеется опыт и такого описания [см.: Функционально-смысловые единицы речи… 2017], причём он осмыслен и в отношении уровней владения РКИ. Приведем собственный пример такого описания реализаций инструктивных высказываний, релевантных для

уровня ТРКИ 2, в совокупности интенциональной, композиционной и собственно языковой составляющих:

Инструктивные интенции: привлекать внимание, просить повторить, напоминать; выражать: желание, пожелание, предложение, приглашение, просьбу, требование, указание, приказ, совет, рекомендацию; замечание, указание на ошибку, разрешение, запрещение, предупреждение, а также побуждать к действию, соединяя прескрипцию с оценкой: предпочтение, потребность.

Вариативность композиции инструктивных текстов: 1. Элементарный инструктирующий компонент: *Купи билеты в кино*; **2.** Соединение двух и более инструктирующих компонентов: *Читай текст, переводи новые слова и отвечай на вопросы*; **3.** Инструктивный компонент (-ы), которому предшествует констатирующий проблемную ситуацию компонент: *У тебя нет учебника. Ты должен взять его в библиотеке.* **4.** Констатирующий проблемную ситуацию компонент + инструктивный компонент (-ы), + мотивирующий аргументативный компонент: *У тебя нет учебника. Ты должен его взять в библиотеке, потому что скоро экзамен.* **5.** Констатирующий проблемную ситуацию компонент + инструктивный компонент (-ы), + мотивирующий (аргументативный) компонент + комментирующий (объяснительный) компонент: *У тебя нет учебника. Ты должен его взять в библиотеке, потому что скоро экзамен. В учебнике ты можешь найти все правила и новые слова.* **6.** Констатирующий проблемную ситуацию компонент + <u>имплицитный</u> инструктивный компонент (-ы) в элементарных ситуациях: **А)** *200 рублей, пожалуйста* (→ <u>имплицитный</u> инструктивный компонент: **Заплатите**); **Б)** *Я на экзамене. Приеду прямо в театр в 18.30. Твой билет на столе.* (→ <u>имплицитный</u> инструктивный компонент: **Меня не жди. Бери билет и поезжай в театр**); **В)** *20 марта в 14.00. Тест «Грамматика». Аудитория 302.* (→ <u>имплицитный</u> инструктивный компонент: **Приходите сдавать**). **7.** Инструкция по использованию какого-либо материального объекта (например, комплекс физических упражнений со спортивным инвентарём) или по созданию сложного материального объекта из набора исходных элементов предполагает наличие *перечня исходных элементов и инвентаря (например, в кулинарном рецепте)* + порядка (сценария) действий. **8.** Руководства по написанию / составлению каких-либо текстов / проведению каких-либо опытов и т.п. обычно содержит оглавление и делится на параграфы / пункты, отражающие этапы работы, при этом в каждом из пунктов содержится развёрнутое представление порядка (сценария) действий, используемых источников информации, приборов, материалов и т.п., а также требования к оформлению итоговой работы. **9.** Официально-деловые документы: закон, правила, приказ, распоряжение и т.п. с их типовой композицией. **10.** Устные речевые произведения полуофициального общения: диалоги с чиновниками, работниками госслужб, содержащие просьбы / требования граждан, предписания чиновников.

Способы вербализации собственно инструктивного компонента:

1. Простые однокомпонентные предложения с императивом (императивами как однородными сказуемыми) от известных глаголов СВ/НСВ в соответствии с интенцией высказывания: *Скажи //скажите, пожалуйста, где метро. Пойдём в кино. Давай (давайте) встречать (встретим) Новый год вместе. Не забудь ключи. Читайте текст и отвечайте на вопросы*. **2.** Простые однокомпонентные предложения с инфинитивом: *Не курить!* **3.** Простые однокомпонентные предложения со сказуемым-междометием: *Стоп!* **4.** Простые двухкомпонентные предложения с частицами *Пусть (Пускай): Пусть он выполнит свои обязательства.* **5.** Модальные модификации простых двухкомпонентных предложений со сказуемым-глаголом *мочь* в спрягаемой форме инфинитив (-ы) или сказуемым кратким прилагательным *должен / обязан* + инфинитив (-ы) с предписывающим значением: *На экскурсию ты должен взять карту города. Студент обязан посещать занятия. Водитель не может оста-*

навливать автобус вне специально оборудованных остановок. **6.** Простые двухкомпонентные предложения с предикативными наречиями *(можно, нельзя, нужно, надо/ (не) сто́ит)* с предписывающим значением *разрешения* / *запрета*: *Здесь курить нельзя / не нужно. Курить можно на улице в 15 метрах от входа в здание.* **7.** Простые двухкомпонентные предложения с подлежащим инфинитивом и сказуемым-предикативным наречием *лучше, вредно, полезно*: *Здесь лучше не курить. Полезно погулять перед сном.* **8.** Сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным с союзом *чтобы* после глагола *хотеть, просить, требовать*: *Я хочу /прошу /требую, чтобы мы вместе пошли в деканат.* **9.** Вопросительные предложения с побудительными интенциями: *Ты можешь вместо меня подежурить полчаса?* **10.** Простые двухкомпонентные предложения с подлежащим инфинитивом и со сказуемым-глаголом в пассивной форме как выражение предписания с ориентацией на обычай, на правило: *Здесь курить запрещено (запрещается). Названия народов по-русски не пишутся с большой буквы.* **11.** Простые однокомпонентные неопределённо-личные предложения как выражение совета с ориентацией на обычай, на правило: *У нас старшим не говорят «ты».* **12.** Простые однокомпонентные определённо-личные предложения со сказуемым глаголом в форме 1-2 лица ед. или множ. числа наст. / будущего времени с предписывающим значением: *Отремонтируете очистные сооружения – получите лицензию, не отремонтируете очистных сооружений – не получите лицензии.*

Представляется важным в лингводидактическом описании учесть и существование в современном русском языке противопоставления книжно-письменной разновидности языка (в её стилистической дифференциации) устно-разговорной разновидности с характерными наборами языковых явлений, уделив особое внимание набору единиц, свойственных для разговорного диалога, относящихся к реактивному регистру речи, без владения которыми речь иностранца звучит неестественно [Лаптева 2003: 311]; осмысленное включение этого пласта языковых явлений в лингводидактическое описание русского языка как иностранного тем более значимо, что, как отмечают исследователи, их роль в современной русской речевой коммуникации существенна и продолжает усиливаться [Костомаров 2007: 3].

Приведём пример обыденного эмоционального диалогического репортажа-аффектива (такого типа поликодовые тексты их авторами массово выкладываются в Интернет) и подчеркнём в нём собственно репортажные фрагменты, нередко вводимые указательным наречием *(А) вон* <…> или местоимением *Это (эти)* и передающие наблюдаемое собеседниками; жирным шрифтом выделим собственно аффективы, в данном случае преимущественно со значением удивления, недоумения и испуга как реакции собеседников на наблюдаемый природный катаклизм (в данном случае – шторм в Москве). Аффективный тип диалогического текста с абсолютным доминированием над пропозициями эмоций как реакции на эмоциогенную ситуацию специфичен по набору типовых языковых средств – коммуникем неконтролируемого выражения этих эмоций.

<Съёмка мобильным телефоном происходящего на улице через закрытое окно с невысокого этажа многоэтажного дома. В кадре – фрагмент шторма, за кадром два напуганных женских голоса – молодой [А] и постарше [Б]>:

[А]: – ***Ух ты!*** Смотри… смотри… Да <u>это</u> какой-то смерч // ***Ты посмотри! А-а-ах! А-а-ах! Твою же мать!*** <u>Это</u> что такое?

[Б] (как будто бы обращается к людям на улице): – Ребята! Прячьтесь! Вас щас сдует!

[А]: – ***Господи!***

[Б]: – ***Ого***!

[А]: – ***А-а-ах!*** Слушай, <u>с крыши полетело</u>//

[Б]: –***Ой!*** Это смерч // Это ж смерч//

[А]: – Вон с крыши полетело// ***Ёлки-палки!***

[Б]: – ***Ё-моё!***

[А]: – **Ты смотри**… эти…вообще унесло к чертям//

[Б]: – ***Да не то слово.*** Эти ребята попрятались за … этот самый …за фургон// А вон с крыши слетел этот… кусок жести//

[А]: – Жести?

[Б]: – Да-а-а//

[А]: – Слетел…

(Пауза, наблюдают молча).

[А]: ***Ничего себе!*** Такой единый, разовый порыв?

[Б]: – Вон/ вон/ понесло дальше//

[А]: – Смотри! ***Жесть***… Столько…

[Б]: – ***Ого***! [Ураган в Москве 29 мая 2017 г.]

Выделенные в данном тексте жирным шрифтом единицы представляют собой разговорные, просторечные и жаргонные непредложенческие структуры (коммуникемы). Из данного текста было бы целесообразным включить в лингводидактический перечень единицы, выражающие удивление (в данном случае преимущественно в сочетании с испугом): ***Ух ты! Ах! Ой! Ого! Ничего себе! Ты смотри! Ты посмотри! Господи! –*** и коммуникему: ***Да не то слово,*** выражающую полное согласие с оценочным суждением собеседника.

Представляется целесообразным в лингводидактическое описание РКИ уровня В2 включать список коммуникем, широко используемых в русской разговорной речи: для контакта с собеседником; для выражения согласия / несогласия с мнением собеседника; для ухода от ответа; для подтверждения / опровержения истинности высказываний собеседника; для переспроса / уточнения; для сигнала о понимании чего-то, что было непонятным до объяснения собеседника; для передачи эмоций и чувств: удивления, радости, испуга.

Таким образом, коммуникативно ориентированное лингводидактическое описание требует следующих типов представления языкового материала: 1. От формы к семантике (перечень грамматических явлений, грамматический минимум); 2. От семантики к способам выражения (перечень синтаксических конструкций, проявляющих синонимические отношения); 3. От ситуации действительности к способам её вербализации в речи (перечень моделей предложения в соединении с типовым лексическим наполнением); 4. От функции и смысла (перечень языковых явлений по отношению к ФСТР); 5. От жанрово-стилевой разновидности (перечень жанрообразующих языковых явлений).

Литература

1. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение / Под ред. Л. П. Клобуковой, Е.Е.Юркова. М.–СПб: “Златоуст”, 1999. 40 с.

2. *Караулов Ю. Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993. 330 с.

3. *Костомаров В. Г.* Язык в текстах массовой коммуникации // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития: тезисы докладов XVII Международной научно-практической конференции. Минск: БГМУ, 2007. С. 3-4.

4. *Лаптева О. А.* Теория современного русского литературного языка: Учебник. М.: Высшая школа, 2003. 351 с.

5. Русская грамматика. Т. II / Под ред. Н.Ю. Шведовой и др. М., 1982. 710 с.

6. Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Авт.-сост. Л. Г. Бабенко [и др.]; Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: Флинта: Наука, 2002. 463 с.

7. Ураган в Москве 29 мая 2017 г. ПРОСТО ЖЕСТЬ!! URL: https://www.youtube.com/watch?v=-vttp5vxOAM (дата обращения 29.05.2019)

8. Функционально-смысловые единицы речи: типология, исходные модели и принципы развёртывания / Под общ. ред. К.А.Роговой. СПб.: Златоуст, 2017. 320 с.

9. *Werlich E.* Typologie der Texte: Entwurf eines textlinguistischen Modells zur Grundlegung einer Textgrammatik. Heidelberg: Quelle und Meyer, 1975. 140 S.

РОЛЬ РЕЦЕПТИВНЫХ ВИДОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Т. А. ЧЕИШВИЛИ
И. Б. КАПАНАДЗЕ
Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, Грузия
tatachei61@gmail.com

Ключевые слова: *юридический дискурс, рецептивные виды речевой деятельности, чтение, аудирование, русская юридическая терминология*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности формирования профессиональной дискурсивной компетенции на русском языке у студентов юридического факультета Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили, определяется роль рецептивных видов речевой деятельности в процессе освоения вербально-семантического уровня профессионального иноязычного дискурса.

TATYANA CHEISHVILI, IRINA KAPANADZE – A Role Of Types Of Speech Activity In The Acquisition Of Professional Discourse

Key words: *Legal discourse, receptor types of speech activity, reading, listening, a set of legal Russian terms.*

Abstract: Abstract: The paper deals with the peculiarities of formation of professional competences in Russian for Law students of Ivane Javakhishvili Tbilisi State University. The role of the receptor types of speech activity in the process of acquisition of verbal-semantic level of the professional foreign language competence is determined.

В статье затрагиваются вопросы освоения русского профессионального (юридического) дискурса студентами юридической специальности в условиях отсутствия языковой среды и определяется роль рецептивных видов речевой деятельности (аудирования и чтения) в этом процессе.

Будущим правоведам необходимо овладеть основами профессиональной речи как в ее устном восприятии, так и в письменном варианте (при чтении). В статье были использованы данные, полученные в результате работы в группах, изучающих русский язык на юридическом факультете Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили (уровень B1-B2). Материалом для исследования послужили юридические тексты на русском и грузинском языках, учебные пособия по русскому языку для юристов, изданные в Грузии и России. В процессе накопления материала проводились практические занятия, индивидуальные беседы, тестирование и наблюдение за речевой деятельностью студентов юридического факультета Тбилисского государственного университета.

Исследователи-методисты традиционно предлагают следующую последовательность обучения видам коммуникативной деятельности: 1. Аудирование. 2. Говорение. 3. Чтение. 4. Письмо. Рецептивными видами речевой деятельности являются аудирование и чтение. Излишне говорить о взаимосвязанности и взаимообусловленности всех видов речевой деятельности в процессе обучения иностранному языку, однако в плане получения информации особый интерес представляют именно чтение и аудирование, что актуально в плане овладения иноязычной профессиональной (в нашем случае русской юридической) речью при целенаправленном обучении иноязычному профессиональному дискурсу, хотя некоторые авторы рецептивным видам речевой деятельности отказывают в «деятельностном» характере. Ссылаясь на мнение И.А. Зимней, [Зимняя1989:145, 159] о том, что чтение и аудирование являются внутренними видами речевой деятельности, некоторые авторы делают вывод, что «чтение и аудирование есть не самодвижение, а реакция на внешний раздражитель, отраженное действие. И по данному критерию (саморазвитие - реактивность) чтение и аудирование не могут быть отнесены к категории деятельности» [Ламзин 2011].

Действительно, рецептивные виды речевой деятельности подразумевают прежде всего декодирование разного рода информации, которая воспринимается в устной или письменной (печатной) форме. Но если говорить об овладении специальной юридической терминологией на русском языке, то информативность текста и его адекватное понимание через аудирование или чтение представляется нам первичным этапом и наиболее важной частью процесса обучения профессионально-ориентированному дискурсу на иностранном языке, при этом желательным (если не обязательным) условием является наличие у студента профессиональной компетенции - владение языком права на родном языке, который является главной составляющей юридического дискурса. Другими словами, «эффектом высокой терминологичности юридических текстов является тот факт, что, не прибегнув к помощи специалистов, реципиент, не имеющий соответствующего опыта, может не понять содержания текста и не сформировать никаких интерпретаций» [Медведева 2015: 92].

Особо не углубляясь в определение самого понятия юридического дискура, ибо полное раскрытие его в рамках учебного процесса при изучении иностранного языка весьма проблематично, оговорим, что обучение сводится к рассмотрению лишь институциональных форм общения и «системному описанию различных правовых понятий», которые «могут, таким образом, быть отнесены к юридическому дискурсу» [Косоногова 2015: 64].

Мы на практике убедились в существовании асимметрии при овладении различными речевыми компетенциями. «Она может состоять, например, во владении только рецептивными видами речевой деятельности с акцентом на устной или письменной форме» [Евдокимова 2008: 164]. Студенты-грузины при восприятии устной речи и при чтении сталкиваются с меньшими трудностями, чем при говорении и письме. Даже учитывая значительные фонетические различия, которые осложняют слуховое восприятие, говорить и писать им намного сложнее, чем слушать и читать.

Слуховой канал первичен при восприятии иностранной речи, но аудирование является более сложным в плане получения информации в силу одномоментности устного общения. Кроме того, на это наслаиваются и трудности восприятия, обусловленные семантизацией и вычленением лексических единиц в потоке речи.

И все же именно аудирование – восприятие речи на слух - можно считать фундаментом для говорения, чтения и письма. На уровне B1 и B2 студенты уже должны воспринимать речь в ее естественном темпе, уметь определять тему сообщения, членить текст на смысловые куски, устанавливать логические связи между элементами текста, отделять главное от второстепенного и удерживать в памяти. При аудировании высок коэффициент утомляемости, но интенсивнее задействованы механизмы внутренних ресурсов, активизируется прогнозирование и языковая догадка.

При восприятии текста на слух серьезным и часто непреодолимым препятствием также являются различия в фонетической системе русского и грузинского языков, недостаточная развитость фонематического слуха и других акустико-артикуляционных навыков. Усложняет восприятие устной речи отсутствие четкой границы между звуками в слове и между словами в предложении, наличие фонем, которых нет в родном (грузинском) языке. Студентами-грузинами трудно воспринимаются некоторые фонемы русского языка (например, неразличение и/ы, ш/щ), особенности русского ударения и интонации. Поэтому аудирование по сравнению с чтением можно считать наиболее трудным путем получения информации. На это накладывается и сложный содержательный характер самих текстов по специальности.

Главной задачей чтения также является получение информации, что мотивируется различными коммуникативными задачами. Факторами, осложняющими чтение, являются: объем языкового материала (текста); отсутствие необходимых фоновых знаний; особенности изложения материала; незнакомая лексика, наличие сложных

предложений и большая сложность фраз (в письменной речи они почти в 3 раза длиннее, чем в устной). При чтении вслух также хорошо формируется и совершенствуется механизм логического понимания. Этот механизм позволяет понимать новые тексты даже в тех случаях, когда текст содержит минимум известной информации, а механизм внутреннего речевого слуха основан на том, что читающий как бы слышит внутри себя то, что читает. К этому добавляется и так называемое внутреннее проговаривание. Все это особо действенно при чтении специальных (юридических) текстов.

Чтение также сходно с аудированием в том, что в основе и того и другого лежит перцептивно-мыслительная деятельность, связанная с восприятием, анализом и синтезом. При чтении, так же как и при аудировании, имеет большое значение вероятностное прогнозирование, которое может быть как на вербальном, так и на смысловом уровне [Соловова 2002: 131]. «Только благодаря существованию и использованию уже существующих текстов возможно появление нового юридического текста» [Медведева 2015: 93].

Итак, процессы чтения и аудирования - это внутренние виды речевой деятельности, которые заключаются не в формировании собственной мысли, а в воссоздании, воспроизведении и формулировании заданного извне смыслового содержания, но именно это актуально для обучаемого при ознакомлении с текстами профессионального содержания и созданием терминологического аппарата на иностранном языке.

В нашем случае, поскольку речь идет не о начальном этапе обучения, а о довольно высоком уровне (B1 – B2) владения языком, многие проблемы, связанные с вычленением в устной речи отдельных слов и синтагм, уже сняты. Поэтому уже можно говорить о формировании рецептивной дискурсивной компетенции у студентов-юристов в процессе работы над текстами профессиональной направленности. В условиях отсутствия языковой среды специальный учебный текст является основным источником информации и выполняет функцию предмета изучения. Но учебный текст – это и особое средство обучения. На его основе составляется система упражнений и заданий, направленная на формирование лексических, грамматических и речевых навыков с учетом будущей профессиональной деятельности. Кроме того, «для понимания сути юридического дискурса значительно важна прецедентность его текстов» [Медведева 2015: 93]. И это условие выдерживается во всех учебниках РКИ для юристов.

Ознакомление с текстом начинается с усвоения соответствующей терминологии на русском языке. Путем перевода составляются русско-грузинские пары терминологических эквивалентов. Термины на изучаемом языке переводятся, повторяются вслух, восстанавливается их дефиниция на грузинском языке. Поэтому, как уже отмечалось, предварительным условием усвоения данного термина на иностранном должны быть соответствующие фоновые знания по данной тематике на родном (грузинском) языке. На более высоком уровне знания языка изучение русских юридических терминов уже перерастает в сравнение и сопоставление правовых систем.

Хотя Россия и Грузия и относятся к странам романо-германского права, нельзя говорить о полном совпадении юридических терминосистем, что и определяет одну из основных сложностей обучения русскому юридическому дискурсу, поскольку это несовпадение обусловливает невозможность достижения полной эквивалентности юридических терминов в русском и грузинском (хотя степень эквивалентности довольно высокая) и указывает на ведущую роль интерпретации при переводе юридических терминов. Некоторое несовпадение правовых картин мира в грузинском и русском языках позволило сделать вывод о том, что именно лексика профессионально ориентированного дискурса является наиболее трудной сферой усвоения. Добавим, что часто наблюдается количественная асимметрия терминов, обусловленная

ситуацией, когда одному русскому термину соответствует два грузинских или наоборот, а также лакуны, возникающие вследствие отсутствия понятия, например, в грузинской терминосистеме нет понятий *мировой судья, арбитражный суд*; имеются несовпадения и в классификации отраслей права.

Нельзя не отметить, что формирование вербально-семантического уровня профессиональной иноязычной компетенции связано и с усвоением характерных для юридического дискурса грамматических конструкций, что и достигается прежде всего через чтение (чаще всего изучающее) юридического текста. Только овладев через чтение навыками понимания и анализа специального текста и усвоив термины (в том числе и через внутреннее проговаривание), можно говорить о том, что специальная лексика становится узнаваема и на слух, в результате чего и достигается основная задача чтения – получение информации. Лишь после этого оптимально переходить к соответствующим упражнениям по аудированию, так как только тогда возможно адекватное восприятие на слух сложного специального текста. Следовательно, именно при таком порядке восприятия – сначала визуально-семантическое, а затем слуховое – можно говорить о реализации базовых умений по аудированию.

После ознакомления с терминами (их переводом на грузинский или поиском эквивалента) предлагается использовать их в словосочетаниях с переводом на грузинский язык, а также прочитать микротексты, представляющие их дефиниции. Часто подобные тексты требуют ответа на какой-то один вопрос. После основного текста следуют грамматические упражнения, а затем упражнения на активизацию лексики и развитие навыков речи. Предлагается вставить недостающие слова, выбрать нужное слово из лексической корзины, перевести небольшой текст, заменить конструкции синонимичными и т. д. – все задания основаны на главном тексте урока – прочитанной информации.

Таким образом, напрашивается вывод, что при обучении профессионально-ориентированному иноязычному юридическому дискурсу первично чтение, способствующее формированию у обучающихся должного вербально-семантического уровня и овладению терминологией русскоязычного юридического дискурса с усвоением его характерных грамматических конструкций, а аудирование формируется на его базе, тогда как на начальных этапах обучения аудирование является первичным, т.е последовательность, принятая при обучении видам речевой деятельности, нарушается, но методически является более оправданной и целесообразной.

Литература

1. *Евдокимова Н.* Многоязычная рецептивная компетенция (проблемы преподавания) // Высшее образование в России. №7, 2008, с.164-167.

2. *Зимняя И.А.* Психология обучения неродному языку. М. : Русский язык, 1989. – 223 с.

3. *Косоногова О.Е.* Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. Гуманитарные науки. Том 7. №1, 2015 Historical and social educational idea's, Humanitarian Sciences. Tom 7. №1, 2015, с. 61- 68.

4. *Ламзин С.А.* О видах речевой деятельности в обучении иностранным языкам // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2011, ВАК –Языкознание // КиберЛенинка: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vidah-rechevoy-deyatelnosti-v-obuchenii-inostrannym-yazykam

5. *Медведева М.С.* Юридический текст как объект профессионально-ориентированного дискурса // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4, с. 92-94.

6. *Соловова Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций. Пособие для студентов пед. вузов и учителей. — М.: Просвещение, 2002. – 239 с.

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО И КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Э.А. ШАКАРЯН
Международный научно-образовательный комплекс
“Лицей Ширакаци”, Армения
elinashakaryan@shirakatsy.am

Ключевые слова: *критическое и креативное мышление, Международный бакалавриат, алгоритм учебных действий, визуализация.*

В данной статье раскрывается важность развития критического и креативного мышления на уроках русской литературы, на примерах требований оценочных заданий программы по литературе Международного бакалавриата продемонстрированы способы проверки уровня развития этих двух важнейших видов когнитивного процесса.Автор представляет в статье личный опыт по разработке эффективного алгоритма учебных действий для обучения глубокому литературоведческому анализу художественного текста в условиях РКИ.

ELINA SHAKARYAN – THE DEVELOPMENT OF CRITICAL AND CREATIVE THINKINGAT THE RUSSIAN LITERATURELESSONS

Key words: *critical and creative thinking, International Baccalaureate, algorithm of teaching actions, the visualization*

The article reveals the importance of developing critical and creative thinking at the lessons of Russian literature.The assessment tasks requirements of the International Baccalaureate Russian A:Literatureprogram demonstrate means of verifying the level of development of these two major types of cognitive process. In the article the author presents personal experience of the development of an effective algorithm of educational actions for teaching deep literary analysis of a literary text in conditions of the Russian as a foreign language.

При планировании урока русской литературы, как в планировании любой учебной деятельности, важно учитывать разные уровни когнитивного процесса. В современной методике преподавания все чаще слышатся призывы развивать на уроках критическое мышление учеников, побуждать их, размышляя критически, самостоятельно находить ответы на поставленные вопросы. Что же такое критическое мышление? «Критическое мышление — это система суждений, которая используется для **анализа** вещей и событий с формулированием обоснованных выводов и позволяет выносить обоснованные **оценки**, **интерпретации**, а также корректно применять полученные результаты к ситуациям и проблемам» [Ходос2010:20]. Уже само определение понятия отсылает нас к таксономии Блума, причем к верхним уровням когнитивного процесса– анализу и оценке. Однако втаксономии, усовершенствованной Андерсоном и Кратволем(2001 г.), во главе когнитивного процесса стоит уже творческий аспект – умение создавать, творить (см. таблицу 1).

Bloom, 1958AndersonandKrathwohl, 2001

Таблица 1. Таксономия Блума: до и после

То есть приоритет отдается творческому мышлению, результатом которого является открытие принципиально нового или усовершенствованного решения той или иной задачи. Для эффективного мыслительного процесса указанные два вида мышления могут перемежаться. Так, с одной стороны, во время мозгового штурма для решения поставленной задачи, используя метод свободной ассоциации, включается

творческое мышление: принимаются все возможные, даже кажущиеся абсурдными, идеи. Затем для анализа и отсеивания ненужной информации подключается критическое мышление. С другой стороны, когда анализируется и оценивается полученная информация, но получить решение с помощью критического мышления не удается, подключается интуиция, воображение – мощные инструменты креативного мышления [Линдсей1981:116]. Многие научные открытия были сделаны именно с помощью креативного мышления. Следует отметить, что в этой парадигме когнитивных процессов чистое творчество стоит на самой высокой ступени как апогей мыслительного процесса.

Для организации эффективного учебного процесса на уроках русской литературы важно развивать как критическое, так и креативное мышление. Так, ученик, умеющий мыслить критически, способен:

- наблюдать и быть внимательным к деталям;
- внимательно и сосредоточенно изучать информацию;
- быстро определять самое важное, не рассеивая внимание на второстепенное;
- реагировать на ключевые моменты событий;
- без особых усилий обосновывать свою точку зрения;
- применять аналитические навыки в самых разных ситуациях.

Критическое мышление формирует и ряд вспомогательных навыков, таких умений, как

- грамотноизъясняться,
- бытьубедительным,
- эффективноинтерпретировать,
- выноситьсобственныесуждения,
- анализировать и критиковать,
- приниматьэффективныерешения,
- бытьрассудительным,
- рассуждать логически [Ногалес].

По мнению же американского психолога ДжояГилфорда, при творческом подходе ученики развивают такие особенности мышления, как

- оригинальность, необычность идей;
- семантическую гибкость – способность видеть объект под разными углами зрения;
- образную гибкость – способность изменять восприятие объекта, чтобы увидеть скрытые его стороны;
- способность использовать разные идеи в неопределённой ситуации[Лапшова 2018].

Именно на эти аспекты критического и креативного мышления опираются и требования к оценочным работам в Дипломной программе Международного бакалавриата.

Виды оценочных работ:

Внешнее оценивание - 70%

Работа N 1: Литературоведческий комментарий (2 часа)

Ученикам предлагают 2 отрывка - прозаический и поэтический. Выбрав один из них, ученик представляет литературоведческий анализ текста.

Работа N 2: Эссе (2 часа)

Задание состоит из трех вопросов к каждому литературному жанру: короткий рассказ/роман – поэтическое произведение – пьеса. В ответ на выбранный вопрос ученик пишет эссе, сравнивая по меньшей мере 2 из пройденных литературных произведений одного и того же жанра.

Письменное задание

Ученик сдает:

1.**“Рефлексию на заданную тему”** (300–400 слов) – в данном тексте ученик отвечает на вопрос “Каким образом изменилось его восприятие жизни, мировоззрение после прочтения произведения и изучения культурологического и исторического контекста, отраженного в произведении?”

2.**Литературное эссе** (1.200-1.500слов) по одному из пройденных литературных произведений. Текст пишется с учетом требований структуры эссе-рассуждения, а также с применением творческого подхода. Работа проводится не в экзаменационных условиях.

Внутреннее оценивание 30%

Индивидуальный устный литературный комментарий и дискуссия (20 минут)

После предварительной подготовки (20 минут) ученик представляет анализ и устное комментирование поэтического текста (8 минут), отвечает на вопросы учителя по тексту (2 минуты), участвует в дискуссии о другом изученном литературном произведении (10 минут).

Индивидуальная устная презентация (10-15 минут)

Ученик представляет презентацию (с домашней подготовкой) по выбранной теме на основе одного из изученных произведений [DiplomaProgramme 2013: 26].

Как видно из требований вышеперечисленных оценочных работ, все они проверяют способность учеников критически мыслить, анализировать и оценивать полученную с помощью литературных произведений информацию, однако при создании текстов по такому предмету, как литература, конечно же, особенно важно использовать творческий подход и креативно подходить к написанию литературного эссе.

При изучении курса литературы важно учитывать особенности обучаемой аудитории. В рамках курса РКИ литература изучается на продвинутом уровне, причем есть своя специфика обучения: рассматривается идея произведения, образы героев, сюжет – все это проводится сквозь личный жизненный опыт ученика. Глубокий литературоведческий же анализ, литературоведческая терминология, попытка объяснить замысел автора с помощью использованных художественных средств и лексики – это прерогатива изучения литературы на уровне русского как родного.

Так как вышеизложенному курсу литературы обучались ученики продвинутого уровня РКИ, не имеющие соответствующей базы глубокого изучения литературных произведений и знания терминологии, для эффективного обучения нами был разработан свой алгоритм учебных действий.

1. Запусктемы:

а. Информация об авторе: биография, творчество. – Ученики готовят презентации об авторе, возможны групповые работы, учитель добавляет в рассказ учеников интересные факты из жизни и творчества автора, “одушевляет”, “оживляет” его, при необходимости раскрывает связь данного автора с народом и страной-родиной учеников (например, очень важно отметить связь с Арменией таких авторов, как Брюсов, Горький, Мандельштам и др.)

б. Исторический контекст. – Для понимания литературного произведения важно понимать исторический период, в котором создавалось произведение. Ученики проводят самостоятельные изыскания и представляют материал в классе, роль учителя выстроить в голове ученика логическую временную цепочку событий и их влияние на творчество автора, а также при возможности предоставить информацию об общности историинародов России и страны-родины ученика (Великая Отечественная война как общее несчастье при изучении рассказа-эпопеи М.Шолохова “Судьба человека”, сталинские репрессии – при изучении “Реквиема” А.Ахматовой).

в. Культурологический контекст – изучение символики русской культуры, используемой автором в произведении; системы ценностей данного автора; описанных в произведении национальных традиций и обычаев, особенностей поведения какой-либо прослойки общества, исторических реалий и т.д. (С.Есенин и образ березы в его стихах; “Станционный смотритель” А.С.Пушкина и объяснение исторической реалии, в которой необходима была эта должность).

2. **Совместное чтение произведения на начальном этапе освоения материала**

Современным ученикам (практика показывает, что всем, но особенно ученикам курса РКИ) сложно самостоятельно погрузиться в литературный материал, начав его чтение. Особенно сложно дается для восприятия формат драматического произведения, где повествование постоянно прерывается авторскими ремарками и именами героев, произносящих реплики. Для них чтение литературного произведения, особенно классического, сродни просмотру черно-белого кино, которое им трудно воспринимать после просмотра современных фильмов со спецэффектами. Именно совместное чтение в классе, когда учитель вводит их в курс дела, помогает понять ход сюжета, объясняет сложные, устаревшие слова, способствует тому, что ученикам удается погрузиться в реалии, описанные в произведении, представить в красках образы героев и их взаимоотношения, именно совместное чтение помогает ученикам увидеть яркие краскив, казалось бы, черно-беломдля них формате произведения.

3. **Домашнее чтение с анализом текста**

После успешногоначального этапа освоения произведения следующий этап работы учеников самостоятельный. Они должны прочитать дома часть текста (главу, одно стихотворение и т.д.) и выделить значимые, по их мнению, ключевые слова, выражения, фразы, которые помогают выявить характер героев, их взаимоотношения, являются опорными для сюжета, раскрывают позицию автора (например, ремарки в пьесе).Затем выделенные ключевые выражения представляются в классе, обсуждаются, ученики аргументированно обосновываютважность выделенных ими элементов текста и высказывают свои гипотезы. На данном этапе работы очень эффективна совместная работа на документе, расположенном в облачном хранилище GoogleDrive. Литературный текст размещается в качестве Googleдокумента, каждому ученику, а также учителю присваивается особый цвет для выделения текста, можно попросить, чтобы ученики добавляли комментарии к выделенному тексту, поясняющие выбор ученика. Данный метод работы очень эффективен, так как ученики уже дома могут ознакомиться с выбором одноклассников, их мнением, могут заранее подготовиться к дискуссии, они работают в знакомой для себя виртуальной среде, хорошо запоминают выделенные отрывки, так как происходит цветовое выделение черно-белого текста. Работа в таком случае становится коллективной, командной, причем учитель тоже является членом рабочей группы и может своими комментариями и выделенным текстом влиять на ход мыслей учеников,к тому же ему сразу видно, кто и как подготовился к уроку. Однако следует отметить, что такого рода работа эффективна в малочисленной группе.

4. **Детальный анализ текста в классе**

Ученики после предварительного домашнего чтения заданного отрывка текста проводят детальный литературоведческий анализ текста в классе. В помощь ученикам предоставляется бланк с наводящими вопросами об используемых автором в заданном отрывке художественных средствах, стилистических приемах, оборотах и т.д., о значении в данном контексте определенных слов, а также предоставляется краткая справка об упоминаемых в бланке терминах, что делает такую работу не проверкой знаний, а обучением.Этот вид работы заставляет учеников вчитываться в текст, критически рассматривать и анализировать его элементы, обогащает их арсе-

нал литературоведческих терминов, подготавливает к дальнейшему самостоятельному анализу текста по аналогу уже проведенного. Примеры заданий и вопросов к поэме М.Ю. Лермонтова “Демон”:

Задание 1. Выделите 8-10 ключевых строк, выражений, слов, которые раскрывают идею текста.

Задание 2. Озаглавьте текст.

Задание 3. Проведите анализ текста:

а) Прочитайте подчеркнутый текст. Что имел в виду Демон под выражением “гордое познанье”? Как называется этот троп?

б) Найдите в начале XI строфы выражения, наталкивающие читателя на мысль о приближающейся трагедии.

в) Сколько смыслов задействовано в выражении “неотразимый, как кинжал”? Что это за троп?

г) Какие выражения использует автор для описания появившегося Демона? Как называются эти тропы? Какие еще слова были использованы автором для придания образу Демонадинамичности и мощи? Выделите их.

д) Найдите 4 эпитета, описывающих ярость Демона.

5. Осмысление материала и создание текста - анализа литературного произведения

В результате указанной работы учеников дома и в классе они получают умение понимать, анализировать изучаемый текст, выделять наиболее важные его элементы, могут оценивать их значение, делать суждения о ценности идеи или материала, т.е. ученики развивают навыки критического мышления. На следующем этапе, после того как ученикинаучились вдумчиво читать текст и находить в нем ключевые для понимания всего текста элементы, они используют полученную в результате анализа информацию для создания своего текста – эссе. На данном этапе важно подключение креативного мышления, так как, несмотря на то,что анализ литературного произведения учениками уже проведен и они владеют достаточной информацией для создания текста, для качественного текста по такому предмету, как литература, необходимо искать оригинальные пути преподнесения результатов своего исследования. Как можно побуждать учеников к творчеству и творческому подходу? Устные/письменные комментарии учителя, подчеркивающие наиболее удавшиеся части текста учеников, выделение им наиболее оригинальных и глубоких мыслей, удавшихся оборотов действуют как поощрение и способствуют постоянному росту знаний и умений учеников.К процессу формирующего оценивания необходимо подключать и одноклассников, это учит их внимательно прослушивать текст, готовиться к представлению своей точки зрения и, конечно же, уметь принимать критику и деликатно представлять ее другим.

Некоторые способы развития креативного мышления

1.Визуализация поэтического текста

Представление строчек стихотворения в виде слайдов презентации в формате PowerPoint. При данном виде работы ученики внимательно вчитываются в текст, пытаются найти в нем образы, которые потом появятся уже в виде изображений на слайдах. Учащиеся лучше понимают литературоведческую терминологию, раскрывая через данные образы метафоры, сравнения и эпитеты. Опосредованно проводится также словарная работа, так как часто они находят изображения непонятных для них, устаревших слов, и эта визуальная информация говорит им больше, чем лексическая (см. иллюстр. 2).

Иллюстрация 2. Слайды из презентаций с проиллюстрированным стихотворением С. Есенина

Часто ученики по своей инициативе добавляют музыкальное сопровождение в презентацию, увеличивая воздействие на свою аудиторию. Обязательными в этом виде работы могут стать следующие условия:

- при представлении прочитать вначале текст целиком,
- затем размещать на слайде строки с их визуальным дубликатом,
- при их представлении обосновывать свой выбор изображения и комментировать представленную на слайде идею.

2. Письмо автору

После процесса восприятия учениками информации, заложенной в художественных произведениях, можно предложить им написать письмо автору. Поводом для написания учениками личного письма автору может стать как восхищение его талантом, желание прокомментировать наиболее понравившуюся идею, мысль, так и, наоборот, непонимание стиля автора, его творчества, его жизненной позиции, идей из какого-либо произведения. Формат личного письма заставляет учеников еще раз пересмотреть свою позицию, ведь адресатом в данном случае становится определенное лицо, живой человек, к которому они обращаются в настоящем времени, как к знаменитому, известному автору, но их современнику. Обязательное условие такой работы – определить, описать, что именно не по душе ученику и аргументированно обосновать, почему то или иное произведение ему не нравится.

3. Представление литературной информации в текстах разного формата

При необходимости закрепить полученную информацию, побудить учеников запомнить наиболее важные пункты изученной темы можно попросить их представить материал в текстах разного формата. Основные этапы работы:

1.**Установка учителя**: внимательно слушать одноклассников и учителя на первой половине урока, так как во время второй половины вся прорабатываемая информация ляжет в основу письменной работы.

2.**Первая половина урока**: обсуждение жизни и творчества автора (с домашней подготовкой), чтение стихотворения или другого маленького произведения, комментирование. Нами был проведен такого типа урок во время изучения творчества В. Брюсова в классе неуглубленного изучения русского языка. Основной целью урока было привлечение внимания учеников к творчеству В. Брюсова, связанному с Арменией и армянской культурой.

3.**Вторая половина урока**: ученики получают задания написать текст определенного формата, в основе которого будет заложена информация, полученная на уроке. Каждый ученик получает свой определенный формат текста, в рамках которого он должен излагать свои мысли. Это может быть:а)короткое эссе; б)статья в школьном журнале; в)интервью с В.Брюсовым; г) предисловие к официальной речи во вре-

мя конференции, посвященной творчеству В.Брюсова; д)письмо другу; е)официальное письмо директору с предложением провести мероприятие, посвященное В.Брюсову; ё)запись в дневнике или в блоге о прошедшем уроке русской литературы.При написании текстов определенного формата учащиеся вспоминают и учитывают в тексте требования к данному формату, такие как стиль речи, подходящая лексика, синтаксические конструкции, графическое оформление текста.

Заключая все вышеизложенное, можно прийти к выводу, что для достижения хороших результатов на уроках литературы необходимо планировать урок так, чтобы у учеников развивались оба основных типа мышления – критическое и креативное. Важно научить учащихся не только критически мыслить, анализируя художественные произведения, оценивая их содержание и проводя через себя и свое я, не только уметь корректно критиковать и спокойно выслушивать чужую критику, но и уметь творчески представлять накопленную информацию, самому выступая в роли автора.

Литература

1. *Ходос Е.А.,Бутенко А.В.* Критическое мышление: метод, теория, практика. Красноярск: Мирос, 2010. 176 с.

2. *Лапшова О.В.* Презентация -развитие творческого мышления. Дата публикации: 19.01.2018, https://multiurok.ru/files/priezientatsiia-razvitiie-tvorchieskogho-myshlieni.html Дата последнего обращения 20.10. 2018

3. *Линдсей Г., Халл К.С., Томпсон Р.Ф.* Творческое и критическое мышление// Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М.: Изд-во Московского университета, 1981 г. С. 115-121

4. *Ногалес, К.* “Критическое мышление”. 4 BRAIN. https://4brain.ru/critical/#1Дата последнего обращения 20.10. 2018

5. *Diploma Programme Language A: literature guide*. International Baccalaureate. Aug.2013. 80 с.

СВЕТСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

А.К. ШАПОШНИКОВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, РФ

etymol@mail.ru

Ключевые слова: *традиция, инновация, учебно-методический комплекс, русский язык, русская словесность, светское образование, грамматика, риторика, поэтика.*

В статье обозревается традиция светского преподавания русского языка, наметившиеся тенденции и разнообразные инновации, как уже вошедшие в учебно-методический комплекс, так и желательные в будущем.

ALEXANDER SHAPOSHNIKOV – The secular tradition and innovations in the teaching of the Russian language

Key words: *tradition, innovation, educational complex, Russian language, Russian literature, secular education, grammar, rhetoric, poetics.*

The article reviews the secular tradition of teaching of the Russian language, emerging trends and a variety of innovations, both already included in the educational and methodological complex, and desirable in the future.

В эпоху возрождения светского образования в России XVIII в. и его приведения в соответствие с европейской (Нового Времени) и греко-римской (Античной) традицией сформировалась отечественная система преподавания русского языка. Теоретические и практические аспекты этой системы рассматривались уже в трудах по филологии М. В. Ломоносова 1739–1758 гг. В частности, в трудах «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» (1744), «Краткое руководство к красноречию» (1748) и «Российская грамматика» (1755) описаны основы дисциплин грамматики, риторики и поэтики. Кроме того, очерчен круг смежных словесных наук, тесно связанных с грамматикой: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики» [Ломоносов 7: 392].

К концу XVIII в. в немногочисленных светских учебных заведениях Российской Империи, например, в Санкт-Петербургском и Московском университетах, в Царскосельском Лицее, в новороссийском учебном заведении для юношей в г. Кременчуг [Миранда 2001: 78–79, 168–169], устоялось преподавание российской грамматики, оратории (риторики) и поэзии (поэтики). Эти же дисциплины стали традиционными и в системе домашнего образования аристократического сословия.

В XIX в. гимназическое и университетское обучение российской словесности также состояло традиционно из грамматики, риторики и поэтики, две последние имели тенденцию к слиянию в одну дисциплину.

С течением времени три первичных дисциплины (грамматика, риторика, поэтика) окончательно преобразовались в советской школе (1917–1991) в две (язык и литература), их разделы перераспределились, часть разделов редуцировалась до минимума, что отразилось на качестве общего образования.

Нетрудно заметить, что в самом глубинном основании российской системы обучения языку (и литературе) поныне залегает пифагорейская триада, известная также под именем классического тривиума. Сопоставление современного состояния учебных программ по языку и литературе с первично заданной системой языкового образования в пифагорейском сообществе выявляет как произошедшие изменения, так и возможности преодоления нежелательных тенденций.

Напомню, что тривиум гуманитарных дисциплин, введенный Пифагором в 520–500 гг. до н. э. в полисах Кротоне и Метапонте (юг Италии), состоял из грамматики, риторики и поэтики. Вместе с тетрактидой физико-математических дисциплин (арифметика, геометрия, астрономия и музыка) триада составляла семь вольных наук (искусств). Это не только базовый учебно-методический комплекс всей античной цивилизации, но и цивилизации Возрождения, Нового и Новейшего времени в Европе (через Византию и Кордову).

Грамматика, традиционно обучающая словообразованию, словоизменению, словосложению, словосочетанию и предложению (т. е. фонология, морфология, малый и большой синтаксис), пережила все преобразования прошедших 2500 лет. В деле доходчивого и наиболее эффективного обучения грамматике сделано очень много, для этого применяются самые передовые методики и разнообразные инновации.

К сожалению, к концу XX в. были сведены до минимума учебные часы, посвященные лексическому составу языка, семантике и этимологии – важным разделам традиционной грамматики. Это сильно ограничивает умственные возможности учащихся, так как современный «образованный» человек, не имеющий сведений о происхождении и образовании слов языка, знающий мало слов и нетвердый в понимании словарных значений, оказывается беспомощным перед любым серьёзным вызовом, не в состоянии полноценно использовать родной или иностранный язык.

Несмотря на блестящее развитие исторической и этимологической лексикографии и лексикологии XX в., их достижения так и не стали достоянием широких кругов «образованного» населения. В этой области прикладного языкознания современное гуманитарное образование необыкновенно отстало. В плане лексико-семантическом и историко-этимологическом современный «образованный» пользователь родного или иностранного языка столь же беспомощен, как человек прошлого, не ведавший подлинных возбудителей инфекционных заболеваний, причин зачатия плода или последствий вырубки лесов. Более того, современный физик или химик оказываются столь же невежественны (если не более) в лексико-семантической и историко-этимологической области родного языка, сколь современный гуманитарий в естественнонаучных дисциплинах. Да и во многих гуманитарных вузах данным разделам традиционной грамматики не уделяется должного внимания.

Повышение уровня преподавания лексико-семантического и историко-этимологического разделов грамматики повлечет за собой повышение интеллектуального и общеобразовательного уровня учащихся, скажется на ясности и четкости мышления.

Так как человеку практически необходимо овладеть наиболее употребительной лексикой родного или иностранного языка в результате регулярного обучения, то можно предложить увеличение учебного времени и повышение методической эффективности преподавания лексико-семантической и историко-этимологической дисциплин. Для этого ныне имеются все предпосылки – изданы разнообразные толковые, семантические, ассоциативные словари, словари лексических минимумов, исторические и этимологические словари и лексикологические компендиумы, делаются попытки дидактического обобщения.

Я полагаю, что уже в результате обучения родному или иностранному языку в начальной школе, учащийся должен вполне овладеть лексико-семантической и историко-этимологической информацией об одной-двух тысячах наиболее употребительных слов родного или иностранного языка (существуют списки частотных словарей русского, английского, немецкого, французского языков, пресловутая «тысяча»). Разумеется, для этой возрастной группы учащихся нужны особые методики преподавания данных дисциплин и переподготовка учителей начальных классов.

В результате обучения родному и иностранному языку в средней школе, учащийся должен мастерски овладеть лексико-семантической и историко-этимологической информацией о 5–7 тысячах наиболее употребительных слов.

К моменту завершения своего высшего образования студент любой специальности должен свободно ориентироваться в лексико-семантическом и историко-этимологическом уровнях родного языка в объеме 10–12 тысяч наиболее употребительных слов (помимо своей специальной терминологии). Иными словами, преподавание традиционной грамматики языка обучения, включая лексико-семантическую и историко-этимологическую составляющие, следует продолжать даже в негуманитарных вузах.

Пифагорейская эпидейктическая риторика – обучение составлению и произнесению речей различного назначения (судебных, политических, торжественных, научно-доказательных, философско-дискуссионных и т. п.) – превратилась в XX веке в практику изложений и сочинений. Этот традиционный раздел обучения языку и словесности сейчас требует преобразования с учетом опыта прошлого. Вновь появилась настоятельная необходимость красиво и правильно говорить в разных ситуациях. Этого настоятельно требует ведение деловых переговоров и деловой переписки, составление экскурсионного рассказа, судебных адвокатских речей, предвыборных агитационных выступлений, интервью на радио и телевидении, написание газетных статей, пресс-релизов, частных писем и т. п.

Современные стилистика, теория и практика перевода более представлены в программах обучения иностранному языку, нежели родному, что нельзя признать правомерным.

Обучать современной риторике следует сообразно практическим видам речевой деятельности человека.

Уже в начальной школе ученики должны свободно выступать с устными речами и даже писать изложения на 3 десятка таких простейших тем:

Виды деятельности и профессии;

Время, времена года;

Глаголы;

Город и село;

Государство и право;

Дом и его части;

Досуг и развлечения;
Еда и питьё;
Животные;
Жизнь;
Имя, возраст, адрес;
Мебель;
Меры длины, веса, объема, деньги;
Мир вокруг нас;
Наречия;
Одежда, ткани, обувь;
Орудия труда и инструменты;
Посуда и приборы;
Почта и средства связи;
Приветствия;
Прилагательные;
Путешествие;
Растения;
Семья;
Средства передвижения, транспорт;
Тело и его части;
Цветообозначения;
Человек: пол, возраст, социальный статус;
Числа и цифры, числительные;
Чувства, ощущения, самочувствие человека;
Школа;

Напомню, что желательный лексический минимум для ученика начальной школы 1–2 тысячи наиболее употребительных слов родного языка. Ср. Cambridge List of Word Currency.

Совершенно необходим пересмотр тем школьных сочинений и изложений. Выпускник средней школы должен, по моему мнению, уметь выступить с устной речью или написать развернутый текст по следующим темам:

Жизнь, периоды жизни человека;
Организм человека;
Движения (двигательные действия) и положения человека;
Личная гигиена и косметика;
Здоровье, болезнь, лечение;
Питание, курение;
Сон;
Внешний вид;
Одежда, обувь;
Жилище, дом;
Чувства и эмоции человека;
Воля человека;
Темперамент и характер человека;
Человек как мыслящее существо;
Человек как говорящее существо;
Человек и наука;
Человек и религия;
Моральные категории и состояния человека;
Отношение человека к окружающему, отношения между людьми;
Поведение человека;

Формулы речевого поведения;
Каналы связи между людьми;
Человек и собственность;
Человек в семье;
Человек в населенном пункте;
Воспитание и обучение человека;
Человек в деятельности, работе;
Человек на отдыхе;
Человек и культура, искусство;
Человек в общественной жизни;
Страна и государство;
Формы государственного устройства;
Государственная власть, государственные органы;
Документы;
Межгосударственные отношения;
Вооруженные силы и вооружение;
Материя, её физические и химические свойства;
Космос, небесные тела;
Атмосфера, климат, погода, природные явления;
Земля, земная поверхность;
Водная поверхность;
Растения;
Животные;
(общие категории):
Существование, бытие;
Время;
Пространство;
Форма;
Изменение;
Движение, перемещение;
Отношение;
Порядок;
Количество;
Величина, размер;
Качество;
Причинность;

Вышеперечисленные темы извлечены из тематического словаря-минимума на 5 тыс. наиболее употребительных слов современного русского языка [Система лексических минимумов современного русского языка 2003: 606–744].

Как следует из перечня, предлагаемые ныне темы школьных сочинений, включая экзаменационные, значительно отличаются от желательных тем для составления устных и письменных речей школьниками.

Само собой разумеется, что выпускник вуза должен быть способным составлять речи и письменные тексты на большее количество как общеизвестных, так и специальных тем.

Поэтика, некогда состоявшая в заучивании и разборе орфических гимнов, поэм и вдохновенных песен эллинских поэтов, превратилась ныне в курс истории литературы с заучиванием стихотворных и прозаических отрывков и сопутствующим сюжетно-персонажным анализом произведений словесности, считающихся в данную эпоху наиболее значимыми.

В этом разделе языкового образования многое направлено на развитие способности понимать и анализировать литературный текст, связно излагать результаты такого осмысления. Эта методика действительно прививает навыки самостоятельного мышления и отстаивания своего мнения. Остается проблема отбора литературных образцов для подобного обучения.

Присмотревшись к первоисточнику этой составной части пифагорейского тривиума, обнаруживаем примечательные явления. Дидактическим материалом символических или акусматических наук от Пифагора служили пословицы и поговорки эллинского народа, изречения семи мудрецов и три вида акусм (символов) от самого Пифагора, традиционные мифы, эпические поэмы Гомера, теологические и дидактические поэмы Гесиода.

Эта традиция была поновлена в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносовым: «... выбирание из книг хороших речений, пословий и пословиц...» [Ломоносов 7: 236–237]. В современной практике всему этому уделяется мало внимания. Некоторый возврат к опыту прошлого был бы полезен. Нельзя считать себя вполне владеющим родным или иностранным языком без знания пословиц и поговорок, крылатых высказываний, народной мифологии и эпосов. Они составляют основу народной языковой картины мира.

Упомяну еще один пифагорейский принцип: при обучении поэтике предпочтительно пользоваться текстами, совершенными в языковом, стилистическом и содержательном плане. Только так можно привить добрый литературный вкус. Уже в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносов полагал, что украшение (речей) есть изображение изобретенных идей пристойными и избранными речениями и «зависит от основательного знания языка, *от частого чтения хороших книг* и от обхождения с людьми, которые говорят часто» [Ломоносов 7: 236].

Наконец, в современных гуманитарных образовательных комплексах, практически позабыта основная цель обучения литературе. В пифагорейской традиции цель обучения поэтике состояла в привитии навыков создания совершенных литературных произведений. Т. е. поэтика была сродни риторике, только обучала она составлению речей высшей категории (литературных текстов) на нереальные сюжеты.

Завершая сопоставление первичного традиционного и современного учебно-методического комплекса по родной или иностранной словесности, отмечу назревшую необходимость коррекции некоторых порочных тенденций (первичный тривиум в них не повинен), могущих стать в дальнейшем серьёзными препятствиями для человеческого мышления, говорения и действия. Для этого следует опереться на многовековой опыт обучения словесности и на достижения современных компьютерных технологий в области языка.

Литература

1. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Том 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 996 с.

2. Миранда Франсиско де. Путешествие по Российской Империи / Пер. с исп. – М.: МАИК «Наука / Интерпериодика», 2001. – 364 с.

3. Система лексических минимумов современного русского языка: 10 лексических списков: от 500 до 5000 самых важных рус. слов. / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; Отд. учеб. лексикографии; Г. Ф. Рогачева, Н. М. Луцкая, В. В. Морковкин, З. П. Попова; Под. ред. *В. В. Морковкина*. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 768 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
АБДУРАХМАНОВ Ф.И. Элективность приставок в аспекте дистрибутивно-трансформационной грамматики 5
АБРАМЯН К.Ш., ВЕЛЯН К.А. Лексические повторы как проявление синтаксических «аварий» в спонтанной разговорной речи 9
АКОПЯН А.В. Функциональные кластеры языковых уровней 13
АРУТЮНЯН В.Н. О функциональной значимости некоторых словообразовательных моделей для поэтического стиля С. Есенина 17
БОГДАНОВА-БЕГЛАРЯН Н.В. Прагматика невербального в русской устной речи 21
БУГАЕВА И.В., СИДОРЧЕНКО К.М. Пресуппозиция и фоновая лексика как компоненты заглавий СМИ 27
ВАЛЕЕВА Л.В., ДЕРЕЗА А.А. Метафорические модели немаркированных собирательных имен в русском языке 30
ГАЗАРОВА Д.Ю. Пассивная ложь vs активное молчание в повестях Сергея Довлатова 34
ГАРАНИНА С.Н., ГАРАНИН В.М. Современные особенности состояния лексического оформления устной деловой речи как основного аспекта делового языка 39
ГРДЗЕЛЯН Р.Р. Смысловые ассоциации как механизм смыслопорождения 42
ГУСЕВА Е.И. Контент-анализ в поисках «мира» и «согласия» 46
ЕЛИНА Е.А. Поэтический текст как способ вербализации живописного изображения 50
ЕРМАЧКОВА О.Е. Англицизмы как источник сленгизации русского языка 55
ИЛЮХИНА Н.А. Связь метонимии и когнитивной метафоры в свете разных принципов категоризации знания 59
КАРТАШЁВА А.Н., КЕНЖЕГАЛИЕВА С.К. Полилингвальность социокультурной системы Казахстана 64
КОШКИН И.С. Отражение исторических контактов русского языка в лексикографии Латвии 69
ЛАМБАРДЖЯН С.П. Дискурсивный аспект персуазивности 74
ЛЕВОНТИНА И.Б., ШМЕЛЕВ А.Д. Русский либеральный лексикон: слово *гражданин* в ряду смежных понятий 80
ЛИТВИНОВА Г.М. Языковой вкус или безвкусица? 85
ЛОШАНИНА М.Н. Вставные конструкции как маркер «чужой» речи в повести Б. Акунина «Пиковый валет» 91
ЛУННОВА М.Г. Аббревиатуры в сми (на материале пензенских печатных изданий) 93
ЛЯПОН М.В., БЕЛОУСОВА А.С. Класс русских имен прилагательных и его словарное представление 99
НЕЧАЕВА И.В. Иноязычные заимствования в русском письме 104
ПЕРМЯКОВА Т.Н. Внутренние факторы, влияющие на интерпретацию служебного слова (на примере подчинительных союзов) 109
ПОТЕМКИН С.Б. Выравнивание параллельных текстов на уровне предложений 113
РОДИОНОВА И.Г. Об одном аналитическом способе выражения отрицания (частица *так и* + глагол) 116
РУДЕНКО А.А. О сопоставлении текста и дискурса в структуре речевой деятельности 120
РУЖЕНЦЕВА Н.Б. Прямая и косвенная оценка политика в массовых печатных СМИ 124
САДОВА Т.С. Метаязыковая рефлексия современных российских СМИ: *по–русски говоря* 128
САРКИСЯН А.Г. О вариантности в русской фразеологии (на материале библейских крылатых слов) 132
СЕВЕРСКАЯ О.И. Цифровизация бизнес-коммуникации и ее влияние на деловой стиль 137
СМИРНОВА Е.А. Субстантивированные прилагательные со значением «мастерская» vs существительные на *-н(я)* / *-льн*(*я*) 141
ТЯНЬЦЗЯО ВАН Модели концептуальной метафоризации в категоризации этического концепта «добро» на материале русской паремиологии 145
ШЕСТАКОВА Л.Л. «Словарь языка русской поэзии XX века»: особенности жанра и структуры 150

ШМЕЛЕВА Е.Я., ШМЕЛЕВ А.Д. Русский анекдот к концу второго десятилетия XXI в.: трансформация речевого жанра 156

РУССКИЙ ЯЗЫК В ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

АБГАРЯН А.Б. Польский популяризатор русского языка 161
БАКЛАНОВА И.И. Универбаты XXI века как объект современной русистики 166
БОРИСОВА Е.Г. Русский язык сегодня: изменения в пространстве и времени 171
ВАСИЛЬЕВ А.И. Свойства фразеологических единиц в древнерусском языке 175
ВАСИЛЬЕВА О.В. Исторический словарь как источник сведений о времени появления новых слов и значений в лексической системе языка 180
ГЕНЕРАЛОВА Е.В. Семантическая адаптация западноевропейских заимствований русским языком XVI–XVII вв. 185
КАРИМУЛЛИНА Г.Н. Заимствованная лексика русского языка в лексикографических источниках XVIII-XIX веков 191
МАНУЧАРЯН И.К. Категория определенности в славянских языкахв синхронии и диахронии 194
ОГАНИСЯН А.Г. Категория совместности в древнерусском и современном русском языках 199
ПЕНЬКОВА Я.А. Редкая лексика легенды об Авгаре в толстовском сборнике XIII в. 204
ПУРИЦКАЯ Е.В. Толковые академические словари русского языка XX-начала XXI вв. и проблемы интегрального описания лексики 209
СУРОВЦЕВА Е.В. Русская агиография XVIII-начала XXI веков: проблемы и перспективы изучения 214
УЛИТОВА А.С. Повтор предлогов при однородных членах в книжных и некнижных текстах XVII в. 220
УРУНОВА Р.Д. К вопросу о динамике функциональной семантики русских местоимений 223
ЧАЩИНА Е.А. К вопросу о долговых обязательствах в истории русского права и их отражении в источниках X-XIV вв. 228
ՔՈՒՄՈՒՆՑ Մ.Ս. Ռուսերենից անցած փոխառությունների բառաիմաստային զարգացումները Սյունիք-Արցախ բարբառախմբի բառապաշարում 234

РУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

АВЕТИСЯН А.Ф. Лексико-семантическое поле метафорического концепта *любовь* в романе «Плаха» Ч. Айтматова 241
БОБРОВНИК Л.А. Номинация *интеллигентка* как социальный образ в современных русскоязычных газетных текстах 246
БРУТЯН Л.Г. Время в русской лингвокультуре: сопоставительный анализ 252
ВЕПРЕВА И.Т. Реализация концептуальной метафоры «политика – это кухня» в российских СМИ 257
ДУБРОВСКАЯ Е.М. От богемы к тусовке: трансформация «человека богемы» в русской лингвокультуре 262
ДУСКАЕВА Л.Р., ЩЕГЛОВА Е.А. Комическое в речевой архитектуре новостного гипермедиатекста 268
ЕЛЬКИН Д.Ю. Стилистические и лингвокультурологические особенности романа Тимура Пулатова «Страсти бухарского дома» 273
ЕРЗИНКЯН А.Ю. Проблема переводимости в искусстве. Литература. Кино. Телевидение 279
ИВАНИЩЕВА О.Н. Русский язык в контексте исторической межкультурной коммуникации (на примере Баренц арктического региона) 283
ИЗЮМСКАЯ С.С. Газетный дискурс: иноязычные вкрапления как коммуникативный феномен (на материале оппозиционной прессы) 288
ИЦКОВИЧ Т.В. Семейные ценности в текстах православных брачных объявлений 293
КОНДРАТЬЕВА О.Н. Региональные стереотипы сквозь призму юмора (на примере анекдотов о Сибири) 298
КОНОНЧЕНКО Ю.А. Концепт «родина» в поэтической картине мира писателей Донбасса: региональный аспект 302

ЛЬВОВА И.С., АГАРАНЯН А.А. Имена собственные в «зеркале культуры» 307
МАРФИНА Ж.В. Вербализация социокультурной семантики в русских паремиях с микроконцептами *отец, мать* 313
МЕЛЬНИК Н.В., ЯЗЕВА Е.Е. Лингвоперсонологическое описание образа кемеровской области: экспериментальный подход 318
МИХАЙЛОВА О.А., ЛИ ВЭНЬЛУ Русские паремии о нормах коммуникативного Поведения 322
МЯЧИНСКАЯ Э.И. Внутрикультурная коммуникация и ее проявление в виде отношения к языковым вариантам русского языка 326
РОМАНОВА Т.В. Толерантность как социальный регулятив и манипуляция сознанием: оценка российским обществом..... 330

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

АБДУЛЛАЕВ С.Н., КАДЫРОВА Н. Сопоставительно-типологическое описание моделей простого предложения в русском и киргизском языках 335
БОБКОВА О.И. Способы описания свойств в русском и английском языках..... 338
ИВАНОВА Л.И. Возможны ли варианты русского языка на постсоветском пространстве? 343
КАРИМУЛЛИНА Р.Н. Русско-национальные словари: структура и состав словника..... 348
КЕСАЯН М.Д. О некоторых аспектах фразеологической омонимии в русском и армянском языках..... 352
ЛАПШИНА О.Г., ШАХНАЗАРЯН А., МИКАЕЛЯН Р., ДАВТЯН С. Комплименты в армянском языке..... 355
МУГУМОВА А.Л. Еще раз о лексике языков народов Северного Кавказа в истории языка русской художественной литературы: от регионализма к кавказизму 358
РЫКО А.И. На каком языке говорят жители русско-белорусского пограничья (говоры хиславичского района смоленской области)?..... 362
ФЕДОРОВА Л.Л. Армянская семья в этнолингвистическом представлении (по данным опроса армянской молодежи) 367
ХИЖНЯК С.П. Юридическая терминология русского и английского языков в аспекте сопоставительного анализа..... 373
ЧАПИГА А. Речевые акты положительной и отрицательной оценки в интернет-дискурсе в русском, польском и английском языках (на примере актов одобрения и порицания)..... 378

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ПОЭТИКА

АКОПЯН Л.Г. Ранние венки сонетов: вопросы истории 383
ГИК А.В. Числовой код в поэзии М. Кузмина 388
ЗУРАБЯН А.С. Концепция отражения автора произведения в образе лирического героя в повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда»..... 394
КИСЛОВА Л.С. Постмодернистский диалог в лирической новелле Э. Радзинского «Конец одного стихотворения»..... 398
КОЛЛИН Э. Русский травелог в призме современного французского литературоведения... 403
КОЛЬЦОВА Ю.Н. Пространственные концепты в творчестве Н.С. Лескова..... 408
КОРОЛЬКОВА А.В. Русская афористика. Серебряный век..... 414
КУЛИКОВА Д.Л. Интертекст и кинотекст в прозе А.В. Иванова (на материале романов «комьюнити» и «псоглавцы»)..... 418
КУР-КОНОНОВИЧ И. Из рассуждений над символикой дуба в русской поэзии – избранные примеры 421
ЛИТВИНА Т.А. Житие казанских святых Гурия и Варсонофия как памятник поздней агиографии 431
МАСОЛОВА Е.А. Христианский реализм народных рассказов Толстого 434
МАТВЕЕНКО В.Э. Комическое и трагическое в рассказах Н.А. Тэффи..... 440
МЕЛИКЯН Т.А. Традиция А. С. Пушкина в цикле Б.Л. Пастернака «Тема с вариацией».... 443
МЕЛКУМЯН М.И. Ее друзей прекрасные черты (по поэзии А.Ахматовой) 450
МИДЖИФЕРДЖЯН Т.В. Проблема нравственной ответственности в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» 453
МИКАДЗЕ М.В. М. Булгаков в Грузии..... 458

МОДЕБАДЗЕ И.И. Грузия – Россия: интертекстуальность как межкультурный диалог XXI века 463
НАВАСАРДЯН В.С. Русский и армянский вольный стих 468
НИЧИПОРОВ И.Б. «С неба упали три яблока» Н. Абгарян как мифопоэтический роман ... 473
САГОЯН Э.Х. К вопросу о литературной традиции в поэтике Ф.М. Достоевского 479
СУКИАСЯН К.Т. Детство как часть особой духовной памяти в романе Леонида Гурунца «Карабахская поэма» 484
ТАТЕВОСЯН А.А. О связи между стихотворениями «Слышу, слышу ранний лёд…» О.Э. Мандельштама и «Декабрь во Флоренции» И.А. Бродского 489
УГРЮМОВ В.Е. Поэтика художественных произведений С.Т. Аксакова: «Воспоминания» 495
ХОДЖОЯН Ю.М. Жанровый синтез в повести А. Крона «Капитан дальнего плавания» 499
ХРИПУНКОВА О.В. Своеобразие творческого наследия Д.С. Мережковского периода эмиграции 504

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ. ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

АДУЛЯН М.М. След романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» в творчестве Раффи и М. Налбандяна 509
АТАНЕСЯН А.С. О воспроизведении приема иронии в армянском переводе цикла М.Е. Салтыкова-Щедрина «Помпадуры и помпадурши» 514
БЕЛОВА Т.Н. Современные тенденции изучения русской литературы XIX-XX вв. англоязычным литературоведением стран запада 518
БИЛЧИКОВА М. Цитатные ассоциации как доказательство литературных и культурных связей 523
ГРИЦЕНКО С.А. Русская классическая литература в шведском литературоведении XIX века 528
ГРОМОВА М.М. Репрезентация женских персонажей в русских переводах романа Доди Смит «Сто один далматин» 533
ДЖАНПОЛАДЯН М.Г. Армения в творчестве Елены Николаевской 537
ЕСАКОВА М.Н., ХАРАЦИДИС Э.К. Сцены русской трапезы в европейской интерпретации (на материале переводов на французский и греческий языки повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и романа «Мастер и Маргарита») 543
КАКЗАНОВА Е.М. Проблемы перевода одного письма Моцарта к кузине 549
ЛЕГКИХ В. Память и гимнография св. Стрст. Глеба (5 сентября) 554
МЕШКОВА К.Н. Трансформация шекспировского сюжета в комедии В. К. Кюхельбекера «Шекспировы духи» 560
РОЗИНСКАЯ О.В. К истории русско-польских литературных контактов межвоенного двадцатилетия в Польше 564
СМИРНОВА Ю.Г. Поэтика запаха в романе Эмили Бронте «Грозовой перевал» (на материале перевода В. Вольпина /1956/) 570
СТАРИКОВА Н.Н. О трудностях перевода романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» на славянские языки 573
СТОЙКОВА Т.А. Культурно-исторические реалии в произведениях М. Булгакова: оригиналы и переводы на латышский язык 580
ФАРАМАЗЯН Л.Р. Карабах-Арцах в русских публицистических текстах 586

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА»

АЙВАЗЯН М.Ц., БАГДАСАРЯН А.Р., ДПИРЯН М.Р. Учебный текст как единица обучения в армянской вузовской аудитории 592
АРУТЮНЯН Л.С., АРУШАНОВА Т.А., ГАСПАРЯН А.В. Из опыта работы с художественным текстом на уроках русского языка в армянской аудитории 596
БАБАХАНЯН М.Г., АЙВАЗЯН Н.С. Блочно-модульная система в процессе обучения РКИ (элементарный уровень) 600
БЕКТУРОВА Ж.Б., КАДЕЕВА М.И., НУРТАЗИНА М.Б. Прикладные аспекты языкового образования в условиях полиязычия 604

БУТОРИНА Е.П. Электронные сервисы и инструменты для обучения русскому языку как иностранному 608
ВАСИЛЬЕВА В.В., ИВАНОВА Л.Ю. Смеховая речевая культура в журналистике: актуальность учебной дисциплины и методические задачи 613
ГАВРИЛОВА И.В., РУБЦОВА А.В. Тандем-метод как профессионально-ориентированная модель управления учебным процессом при подготовке будущих преподавателей русского языка как иностранного 617
ДЗЮБКО Г.Ю. Методические особенности изучения сравнения как одной из форм ценностного освоения мира 620
ЖУКОВСКАЯ Г.А., СТОЛЯРОВА И.В. Дистанционный курс системы MOODLE как средство повышения уровня речевой культуры студентов 626
ЗОЛЯН Л.Р. Дифференцированный подход к подбору текстов по специальности при составлении пособий 630
КАНАКИНА Г.И. Детские духовные стихи как средство приобщения к общечеловеческим ценностям 634
КОЧАРЯН М.А. Роль творческого проекта в контексте проблемно-аксиологического подхода к обучению РКИ 638
КУЗНЕЦОВ А.А. Кросс-платформенная модель в преподавании РКИ: первые результаты 642
ЛАЛАЯН С.А. Межмодельная синтаксическая парадигма как способ организации языкового материала в учебных целях 647
МАРТИРЯН Н.И., ШАТВОРЯН М.П. Принципы составления пособия по русскому языку для студентов–журналистов 651
ОГАНЕСЯН К.А. Модернизация процесса обучения РКИ в Республике Армения в ракурсе применения новых технологий 654
ПАВЛОВСКАЯ И.Ю., НЕСТЕРОВА Т.Е., КЛЕЧИКОВ А.В. Групповые факторы результатов электронного тестирования иностранных граждан по русскому языку, знанию истории России и основ Законодательства Российской Федерации 659
САРКИСЯН И.Р., ГРИГОРЯН В.А. Русско-армянское билингвальное обучение как фактор реализации поликультурного образования в РА 665
СИДОРОВА М.Ю., ШМАТКО А.С. Лексико-грамматическая основа общей и неорганической химии на русском языке – «лексический минимум» нового типа 670
СИРАКАНЯН А.А. Обучение языку специальности на уроках русского языка на основе учебного пособия по русскому языку для студентов-геологов 675
ТЕР-САРКИСЯН Л.А., ХОДЖУМЯН Б.С. Обучение русскому языку студентов бакалавриата (об организации занятий по русскому языку на кафедре русского языка для естественных факультетов ЕГУ) 679
ХОРОХОРДИНА О.В. Принципы представления грамматического материала в коммуникативно ориентированном лингводидактическом описании по РКИ 684
ЧЕИШВИЛИ Т.А., КАПАНАДЗЕ И.Б. Роль рецептивных видов речевой деятельности в формировании профессиональной дискурсивной компетенции 690
ШАКАРЯН Э.А. Развитие критического и креативного мышления на уроках русской литературы 694
ШАПОШНИКОВ А.К. Светская традиция и инновации в преподавании русского языка ... 700

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ

РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ И КУЛЬТУРЫ
В ЕРЕВАНЕ

РУСИСТИКА В XXI ВЕКЕ: ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СБОРНИК СТАТЕЙ
24-25 ОКТЯБРЯ 2019 г.

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆԸ XXI ԴԱՐՈՒՄ. ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՄԻՏՈՒՄՆԵՐԸ ԵՎ ՈՒՂՂՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎ
ՀՈԴՎԱԾՆԵՐԻ ԺՈՂՈՎԱԾՈՒ

Компьютерная верстка К. Чалабян
Редактор А. Хизанцян

Подписано к печати 18.09.2019.
Формат 60x84 1/16. Тип. печ. 44,5.

Издательство ЕГУ
Ереван, 0025, Ал. Манукяна 1
www.publishing.ysu.am